histoire *autre*

theodore zeldin
france
1848–1945



теодор зелдин
франция
1848–1945

другая история

Theodore ZELDIN

FRANCE, 1848–1945
Ambition, Love and Politics

Oxford
Clarendon Press
1973

Теодор ЗЕЛДИН

ФРАНЦИЯ, 1848–1945

Честолюбие, любовь и политика

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2004

ББК 63.3(4Фр)
З 49

Серия «другая история»
Ответственный редактор В. В. Харитонов

Данное издание выпущено в рамках проекта «Translation Project» при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) — Россия и Института «Открытое общество» — Будапешт.

Перевод М. А. Леонович (введение, главы I, IV–VI, X–XIII, XVIII–XXIII, эпилог), Д. В. Голубцов (главы VIII, IX, XIV–XVII), К. В. Жвакин (II, III, VII, общая редакция перевода)
Дизайн В. В. Харитонов

Зелдин Т.
З 49 Франция, 1848–1945: Честолюбие, любовь и политика / Пер. с англ. М. А. Леоновича, Д. В. Голубцова, К. В. Жвакина.— Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004.— 672 с.
ISBN 5-7525-1150-X

Книга известного английского историка Теодора Зелдина посвящена социальной истории Франции XIX–XX веков. Автор предпринимает глубокий анализ социальной и политической структуры французского общества, рисуя яркие и выразительные портреты типичных представителей основных социальных групп и политических течений.

ББК 63.3(4Фр.)

© Clarendon Press, 1973
© М. А. Леонович, Д. В. Голубцов, К. В. Жвакин, 2004
© Издательство Уральского университета, 2004

ISBN 5-7525-1150-X

ВВЕДЕНИЕ

Как свидетельствуют опросы общественного мнения, французы главным своим достоинством считают ум. Нет нации, которая бы не считала себя умной, но Франция — страна, в которой ум ценим превыше всего и вызывает наибольшее восхищение. Некоторые цели этой книги состоят в исследовании этого образа, определении места, которое интеллект, разум или идеи занимают в жизни французов, объяснении, как интеллектуалы добились такого уважения и каковы оказались последствия этого явления. Я надеюсь, что это поможет пролить свет на то, чем французы выделялись среди других наций в этот период. Я уверен, что роль интеллектуалов — тема, на которую необходимо обращать особенное внимание для проникновения в смысл запутанных и бесконечных конфликтов, из которых кажется сотканной история Франции. Ведь интеллектуалы не только играли ведущую роль в этих конфликтах, но и интерпретировали их, навешивали ярлыки, тем самым оказывая воздействие на их будущее осмысление. Именно они сформулировали проблемы, которые, как они утверждали, разделили страну и определили принципы, вокруг которых шла борьба. Их обобщения принимались с таким доверием, что начинали формировать события, так как последующие дискуссии втискивались в придуманные ими категориальные рамки. Они завещали историкам каркас, на котором можно легко разместить любые события прошлого, но мы не обязаны пользоваться этим наследством. Соображения, по которым следует идти предуказанным путем исследования, должны быть рассмотрены с большой тщательностью, кроме того, в любом случае сохраняются открытыми и другие перспективы.

Новая французская история интерпретируется обычно в одном из двух ключей. Более традиционный подход заключается в том, чтобы показать историю как развертывание борьбы революции и реакции. С этой стороны Франция видится коренным образом разъединенной политически, религиозно и идеологически.

Как следствие — нестабильность, жестокость и бесконечная полемика Альтернативный подход заключается в рассмотрении этой борьбы в качестве внешнего проявления разделения общества и в демонстрации того, что власть была сконцентрирована, вопреки победе демократии, в руках буржуазии или даже небольшой ее части, состоящей не более чем из нескольких сот семей. Триумф этого класса кажется следствием Революции и, следовательно, история складывается из попыток буржуазии укрепить свое положение и из попыток масс низвергнуть ее. Обе эти интерпретации акцентируют те факторы, которые разделяли французов. В первом случае исследуют принципы и решающими для объяснения происходившего считают политические идеи, появлявшиеся в стране. Во втором случае для демонстрации незавершенности Революции и того, как далеки ее принципы от их воплощения в жизни, привлекают различия в экономических привилегиях и их социальной значимости. История, которая изучает эти конфликты, может показать прошлое глазами некоторых его представителей. Однако представляется важным выяснить, не могли ли пристрастия и предрассудки исказить видение этих людей; действительно ли социальные группы так расходились во мнениях, как это утверждали их лидеры; не могли ли реформаторы, порицавшие прошлое, скрытно принимать часть его наследства; была ли враждебность общественных классов друг к другу так абсолютна, как это иногда казалось. Общие верования, позиции и ценности французов, часто вклинивавшиеся между идеологическими и классовыми фронтами, с трудом поддаются вычленению, поскольку в сумятохе политической борьбы о них мало говорилось, но невысказанные предположения должны приниматься во внимание, если в перспективе видны расхождения между ними и если их пределы и значимость должны быть оценены. Полезно знать не только то, о чем спорили французы, но и то, какое место занимали эти споры в их жизни среди тех вопросов их бытия, по которым они были согласны. Семья — один из примеров общественных институтов, в отношении которых не было значительных разногласий, так что она, возможно, является источником определенных форм поведения, считавшихся характерными для французов. Вместе с тем напряжения внутри семьи, вероятно, не в меньшей степени способствовали расхождению во взглядах, чем политические разногласия. На эту тему было написано сравнительно немного и потребность пролить на нее новый свет очень велика. Мой собственный вклад в это следует рассматривать как предварительную разведку. Здесь, кажется, открывается поле для изучения наиболее постоянных черт французского общества, для создания противовеса исследованию цепочек событий, перемен, движений и мод, которое до некоторой степени узурпировало внимание*.

* Этот гнет *изменения* заметен по названиям образцовых трудов того периода: *Brogan D.* The Development of Modern France. 1940; *Seignobos Ch.* L'Évolution de la troisième république 1921, *Baumont M.* Gloires et tragédies de la troisième république. 1956.

Я не подразумеваю под этим намерение дать определение неизменной французской душе, сознанию или характеру. Об этом многие вели речь, и я попытался выяснить, почему они поверили, что нечто подобное имеет место. Силы, которые побуждают делать такие определения, заслуживают внимания. Но понимание этого, однако, требует прежде всего отрешения от националистического угла зрения, который до сих пор, вне всякого сомнения, доминирует во многих работах. Нельзя без оговорок принять, что в этот период нация была единой, только на основании того, что это прокламировала Французская революция. История очень часто излагается с точки зрения правителей страны и их заботы о собственной власти. В этот период Франция состояла из большого числа разнообразных групп, живших собственной жизнью. Я попытался описать проблемы, устремления, междоусобицы и разочарования некоторых из них, чему посвящена важная часть этой книги.

Правда, существовало мощное движение для подчинения этого разнообразия и приведения его к единой форме. Этот процесс привел к борьбе, которая во многом имела более существенный характер, чем более известные споры о республике и монархии. Как известно, централизация, равно как и сопротивление этому процессу, пережили Революцию, причем сопротивление централизации было гораздо сильней, чем это часто представляют. Борьба была не только политической, но и интеллектуальной, культурной, общественной. Для ее понимания необходимо изучать не только действия государства, но и пространство мифов вокруг него и изменение отношения к нему. Создатели мифов — интеллектуалы — заслуживают внимания наравне с политиками.

В наше время обычным считается начинать исторический труд апологией его недостатков. Это не простая скромность или условность. Дело письменной фиксации работы историка сейчас пребывает в положении трудном и неопределенном. История всегда занимала высокое место в иерархии наук о духе. Революционное юношество с энтузиазмом стекалось на лекции по истории, которые порой становились вехами национального подъема. Исторические штудии были частью политической жизни. Теперь все иначе. История, хотя и по сию пору культивируемая некоторыми в качестве «либерального образования», вслед за философией превратилась в преимущественно интеллектуальное упражнение или даже — если у автора легкий слог — в развлечение. Социальные науки приняли на себя труд широких обобщений и универсальных истолкований. Историки более не претендуют на то, чтобы сообщать великие истины для всеобщего употребления, не претендуют даже на их разыскание. Энергичные небольшие группы первооткрывателей новых подходов или новых оснований не ожидают от своей работы слишком многого.

Эта ситуация, возможно, возникла в результате постоянно растущих амбиций. Нет такой стороны жизни, которую не попытались бы исследовать. Вольтер, Маколей и Мишле, например, друг за другом выступили против сосредоточения внимания на королях и парламентах. Но движение сегодня напоминает крестовый поход, который показывает, как трудно достичь поставленных целей. Неадекватные источники тормозят прогресс, а новые интересы отодвигают горизонт на еще большее расстояние. Разнообразие человеческой деятельности не может быть сведено в один том, ни один человек не может охватить его полностью. Никто, пишущий всеобщую историю, не может рассчитывать на выполнение этой задачи.

Как бы то ни было, сейчас историков больше, чем когда-либо, но (парадокс!) в наше время стало труднее создать полную картину прошлого. Написано слишком много. Для создания труда по общей истории Франции с 1848 по 1945 год недурно было бы ознакомиться с книгами, опубликованными в этот период. Я подсчитал, что их около миллиона (огрубляя — примерно по десять тысяч за каждый год). Если читать по книге каждый день, то за десять лет можно одолеть 3650, и это будет нелегкое испытание. Но есть также периодические издания и газеты, которых в 1865 году было как минимум две тысячи, около восьми тысяч в 1938 году и пятнадцать тысяч в 50-е годы XX века. Рукописные материалы, распределенные между национальными, провинциальными, церковными, корпоративными и частными архивами, хотя и испытывают разрушительное действие времени и небрежения, еще более объемисты. Дополнительно к тому, что было создано в течение века, необходимо читать то, что нынешние историки написали об этом. Только в 1970 году библиография по истории Франции составила 9246 книг и статей. Подсчет, произведенный в 1969 году, показал, что в университетах Франции было написано 1380 докторских диссертаций по истории времени после 1789 года, 640 из них были посвящены Франции. Это не считая гораздо более многочисленных магистерских диссертаций, а также исследований по истории Франции в университетах других стран. По мере распространения высшего образования выход этих работ растет в пугающих пропорциях. Число докторских степеней, получаемых в США, увеличилось за двадцать лет после 1945 года четырехкратно. Однако ни один историк не может ограничиться чтением литературы, посвященной тому периоду истории страны, который его интересует. Он также не должен пренебрегать новыми идеями, высказываемыми родственными дисциплинами, такими как социология, экономика, психология, литературоведение, с их учетом библиография становится еще более устрашающей. Никто не может считать себя достаточно квалифицированным или подготовленным для написания общего труда*.

* Список французских диссертаций, составленный профессором Ж. Б. Дюроселем (1969, неопубл.), *Shafer B. C.* Historical Study in the West. New York, 1968. P. 204.

Исследование проводится с нарастающей тщательностью, тогда как предмет исследования постоянно сужается. Эта специализация создает барьер непонимания между различными отраслями исторической науки. Новые методы (например, в экономической истории или исторической демографии, в какой-то степени становящихся разделами математики) требуют совершенно другой подготовки. Детальное исследование и новые методы часто дают весьма оригинальные результаты, но обостряется проблема их связи. Неразбериха усиливается тем фактом, что историческое исследование редко придерживается прямых путей, позволяющих достичь кумулятивного эффекта, и ясных целей, подобно тому как в медицине можно поставить задачу излечения пациента от конкретной болезни. Круг интересов каждого поколения меняется и великие проекты сходят на нет и остаются незавершенными. Новые открытия очень медленно попадают в книги и обычно тем или иным образом подгоняются под традиционные рамки, нежели радикально меняют их. Индивидууму очень сложно приобрести независимый взгляд на действительно широкое протяжение истории. Поэтому устаревшие выводы продолжают жить, хотя специалисты показали их ошибочность.

Таковы некоторые причины, по которым историки, как это делаю и я, оправдываются. Но мне кажется, что у этих затруднений есть и другая сторона. Сегодня история энергичней, изобретательней и искусней, чем когда-либо ранее. Обширная масса новых сведений должна не повергать в отчаяние, а побуждать к использованию новых подходов, отличных от тех, что были пригодны тогда, когда историк мог надеяться собрать в своей библиотеке все книги, которые предполагал использовать. Лорд Эктон, читая лекции по истории Французской революции, сказал, что «через несколько лет будет известно все, что только можно узнать». Он ошибался, и история сейчас выглядит предметом, в котором истина никогда не будет достигнута. Попытка придать истории научность была очень плодотворна, но благодетельные следствия ее можно сохранить, если только не превратить этот идеал XIX века в оковы. Естествоиспытатели, во всяком случае, оставили методологические иллюзии, которые этот идеал поддерживал. История и впредь может учиться у естественных и социальных наук, но претензия быть отраслью чего-то сиюминутно модного не повышают ее престиж.

В ней свои прелести и достоинства. Можно с выгодой использовать ее трудности. В век усиливающейся специализации история остается, несмотря на собственные внутренние проблемы, наименее ограниченной дисциплиной. Нет такой стороны жизни, которую она не могла бы изучать. Она не производит окончательного синтеза, но позволяет изучающим ее осуществлять его самостоятельно. Она предоставляет каждому человеку

возможность развиваться в собственном направлении. От сотрудников «Cambridge Modern History» Эктона требовалось, чтобы никто не знал, где один отложил перо и продолжил писать другой. Это было приемлемо, когда все верили, что истина есть и ее следует найти и подытожить, но не сейчас. Историки признают, что при всей их скрупулезности на выбор фактов и их использование влияют их личности. То, что им видится в прошлом, есть отчасти следствие их точки зрения, образования и воспитания, которое они получили, а также их собственных интересов и предрассудков. Исключая некоторые статистические вопросы, маловероятно, что двое людей увидят одно и то же или выразят то, что видят, одинаково. История является предметом, требующим использования всех ресурсов индивидуальности, воображения и симпатии при оценке личности или событий. Принуждать историков к безликости и анонимности, значит делать их задачу невыполнимой. Они легко могут достичь компетентности в специальной области, но, в отличие от тех ученых, которые создают свою лучшую работу в возрасте двадцати лет, историки извлекают пользу из накопления опыта и обогащения человеческих качеств. Для них быть историком означает, помимо прочего, расширение контакта с миром, пусть даже косвенное.

Историческое исследование — это личный опыт, и субъективные элементы в нем должны быть ценимы, когда множество других областей знания становятся преимущественно специальными. Признать, что историки решают свои «проблемы цвета и света», что они создают свои «композиции» по субъективным, в конечном счете, причинам, то есть так, как кажется им последовательно и истинно, не означает признания в ошибочности этого, но является подтверждением того, что каждый отдельный историк может достичь самовыражения через свою работу. Конечно, чем более точны и выверены детали работы, тем более вероятно, что ему удастся убедить читателя, но поскольку он использует литературный стиль как способ изложения материала, у него есть возможность не только доказывать правоту своего мнения, но и воссоздавать атмосферу эпохи, воссоздавать ее с теми смыслами и характерными чертами, которые могли быть незамечены современниками. Я далек от того, чтобы поучать читателя и доказывать, что то или другое направление истории — социальное, идеологическое или статистическое — является верным и по нему должны отправляться молодые люди, желающие идти в ногу со временем. Я верю, что многообразие способов изучения истории является источником силы и будет также залогом ее непреходящей популярности.

Но я не считаю, что предназначение истории только в доставлении удовольствия или удовлетворении любопытства любителей старины. Она может быть чем-то бóльшим, нежели искус-

ством или сплетнями. Это не предмет роскоши, а необходимая составляющая постоянного процесса переоценки ценностей, идущего в любом поколении, часть непрекращающегося спора о том, что из прошлого достойно сохранения, а что нет. Независимость от проблем современности не является, на мой взгляд, необходимым предварительным условием при написании «научной» истории. Напротив, я верю, что историки могут внести вклад в процесс прояснения представлений о современных идеалах, обычаях и институтах.

Поэтому я не писал хронологическую историю событий, немало достойных работ такого рода уже существует. Скорее можно сказать, что мой метод является аналитическим, то есть я пытаюсь по отдельности рассмотреть разные элементы и аспекты жизни Франции и изучить каждый из них независимо и в их взаимоотношениях. Я надеюсь, что на этом пути обобщения, традиционно производимые в отношении Франции, можно разделить и понять то, как и благодаря кому они появились, а также понять, что они представляют и что скрывают. Я уделяю особенное внимание пониманию ценностей, устремлений, человеческих отношений и сил, воздействующих на сознание. Этот специфический подход оставляет многое вне поля зрения, но моя книга и не претендует быть всеобъемлющим исследованием*

* Там, где это не указано, местом публикации книг на английском языке является Лондон, на французском — Париж. Французская валюта до 1914 г. обменивалась на британскую в соотношении 25 франков за фунт (франк стоил чуть меньше одного шиллинга). После 1914 г. обменный курс франка колебался между 40 и 70 за фунт в 1919–1923 гг., в 1925–1926 гг. рухнул до 87–245 франков, стабилизировался в 1927–1931 гг. около уровня 123 франка, вырос до 80–90 франков в 1931–1933 гг. и до 70–75 франков в 1935 г., затем снижался до 70–106 франков в 1936 г., 105–152 франков в 1937 г., 174–177 франков в 1939 г.

Глава I ПРИТЯЗАНИЯ БУРЖУАЗИИ

Буржуа является центральной фигурой при любом взгляде на Новую историю. Во Франции (в большей степени, чем где-либо) буржуазия играла ведущую роль в течение полутора столетий после Великой революции, сокрушившей аристократию и монархию, так что два слова соединились для обозначения одного понятия: *la France bourgeoise*. Существует мнение, что именно в этот период буржуа обрел уверенность в себе, предпочтя замену прежней иерархии своему встраиванию в нее. Он выработал собственную моральную и экономическую доктрины и образовал особый, обладающий духовным единством класс* В то же время он стал объектом несравненно более согласованных, чем когда-либо ранее, нападок, сатирического изображения и враждебности. Эпоха буржуазии — это те декорации, среди которых обычно помещается история этих лет. Понятие это породило множество обобщений. Первым шагом в любом изучении Франции должно быть прояснение его значения и установление его ценности как инструмента объяснения.

Есть две интерпретации выражения *la France bourgeoise*. В одном случае оно может означать господство буржуазного склада ума. При таком определении можно проследить подъем буржуазии с XVI века и даже ранее, принимая во внимание не политическую или экономическую силу, но развитие правил поведения и образа мыслей, постепенно завоевывавших все большее признание и противоположных идеалам, превозносимым монархией, аристократией и церковью. В этом отношении послереволюционную Францию отличало господство буржуазного сознания, разделяемого не только богатыми людьми, но и ремесленниками, лавочниками и даже крестьянами. Долговечность буржуазного господства (иначе говоря — власти тех, кто демонстрировал, использовал в жизни или отстаивал буржуазные добродетели) объясняется тем, что массы одобряли эти добродетели и были верны им. Шла острая борьба за успех, но среди спорящих не было глубинных разногласий, поэтому режимы сменяли друг друга,

* *Morazé Ch.* La France bourgeoise. 1946. P. 65. См. также: *Pernoud R.* Histoire de la bourgeoisie en France. 1960; *Barber E. G.* The Bourgeoisie in 18th Century France. Princeton, 1955; *Groethūysen B.* Les Origines de l'esprit bourgeois en France. 1927.

не приводя к трансформации общества. Только когда очень богатые пытались копировать старую аристократию и пренебрегали идеалом обыкновенного человека, они встречали оппозицию и сопротивление. Попытаемся определить буржуазные ценности, выяснить, в какой степени они формировали основу для согласия, объединявшего Францию, и проанализировать более внимательно понятие согласия в целом.

Второе значение выражения *la France bourgeoise* подразумевает политический анализ и экономическую детерминацию. Считается, что Революция, свергнув монархический и аристократический Старый порядок, дала буржуазии политическую власть. «Декларация прав человека» была только требованием демократии и равенства. Хотя сеньориальные привилегии были отменены, привилегии денег сохранились. Буржуа заняли место аристократов. Они покупали конфискованные земли. Они заседали в законодательных собраниях, даже когда всеобщее избирательное право номинально передало верховную власть массам. Равенство возможностей, которое они проповедовали, оказывалось фальшивым, поскольку только обеспеченные люди могли получить среднее образование, являвшееся ключом к успеху. Они тратили массу энергии на борьбу с церковью, державшую людей, по их мнению, в оковах мистицизма и суеверий, но кое-кто видел в этом лишь способ укрепления собственного превосходства и отвлечения внимания масс от их недовольства своим общественным положением. Эта теория была усовершенствована теми, кто провел различие между группами буржуазии, господствовавшими в различные периоды. Доказывалось, что каждый политический режим находил основу в новом «восходящем классе». Так, Луи-Филипп «управлялся *grands bourgeois** в интересах их класса». Правление Наполеона III шло на пользу крупным предпринимателям. Третья республика поддерживалась средней буржуазией, выпускниками высших научных школ и университетов†. Однако марксисты утверждают, что эта видимая постепенная демократизация является иллюзией, и что Франция в конечном итоге контролировалась не буржуазией в целом, а денежными магнатами, которые финансировали все значительные предприятия и достижения страны. Теми, кто принял этот тезис, Франция изображалась страной, управляемой двумястами семействами. Роялисты, движимые своей ненавистью к орлеанистам, пополнили общественное досье этого феномена, показав, как семьи, выдвинувшиеся во время революции 1789 года, оставались на вершине при каждом последующем режиме, меняя свои партийные ярлыки для соответствия господствующей моде, но постоянно набирая силы благодаря брачным союзам между собой, превращаясь в подлинные династии, успешно предотвращающие развитие реальной демократии‡. Это воззрение получило особенное распространение

* Крупные буржуа (фр.).

† *Morazé Ch.* La France bourgeoise. P. 149.

‡ *Beau de Loménie E.* Les Responsabilités des dinasties bourgeoises. 1943.

в период Народного фронта. Леон Блюм* возложил ответственность за свое поражение на эти слои. Чрезвычайно вольно пользуясь словом «буржуазия», он писал: «Вопреки видимости обратного, именно буржуазия управляла Францией последние полтора столетия». Даже когда воля масс стала ощущаться в парламенте, буржуазия оставалась способной к сопротивлению. Она контролировала местные ассамблеи, высших государственных чиновников, прессу, финансы, деловой мир и (при Третьей республике) сенат. «Французская буржуазия сохраняла власть все это время, отказываясь уступить или разделить ее». В 1940 году проявились разрушительные результаты ее слепоты и консерватизма. При столкновении с кризисом этого года она предстала выродившейся, некомпетентной, устарелой, скованной традициями устоявшейся практики и лишенной каких-либо запасов энергии или воображения[1]

В следующих главах эта интерпретация будет исследована, а факты, сделавшие ее столь сильной, будут внимательно рассмотрены. Но прежде изучения финансовой олигархии желательно понять ее отношения с другими составляющими буржуазии и то, насколько сплочен был этот класс. Будет показано, что причину примирения людей с концентрацией в руках немногих столь большой власти в течение длительного времени следует искать в глубокой фрагментации буржуазии. Именно способность многочисленных мирков сосуществовать, сохраняя значительную независимость друг от друга, делала атмосферу взаимной неприязни приемлемой для всех тех, кого это касалось лишь косвенно.

Дать определение понятию «буржуа» сложнее, чем многим другим, и необходимо сразу согласиться с тем, что оно непременно будет туманным. В 1950 году, когда во Франции и США опрашивали людей о том, к какому классу они принадлежат, 5,4% американцев ответили, что принадлежат к высшему классу, 45,2% — к среднему, 10,6% — к рабочему, 0,8% — к фермерству, 4,0% — к низшему классу, 6,5% дали другой ответ и 27,5% опрошенных затруднились ответить. Во Франции же 7,9% сказали, что принадлежат к буржуазии, 22,5% — к среднему классу, 27,1% — к рабочему классу, 13,7% — к крестьянству, 7,5% — к беднякам, 2,3% дали другой ответ и 19% не ответили. Со своим социальным статусом, как и с политическими партиями, у французов более сложные отношения. К буржуазии причислили себя 32,3% специалистов, предпринимателей и высших административных работников, но 57,6% считают себя принадлежащими к среднему классу, а 5,3% — к рабочему классу. Также 5,0% ремесленников и квалифицированных рабочих сказали, что являются буржуа, 36,4% — представителями среднего класса, 52,9% — рабочими[2] Буржуазия — специфически французское понятие, также как и крестьянство, ведь лишь немногие из аме-

Леон Блюм (1872–1950) — с 1919 г. председатель исполкома Французской социалистической партии и член палаты депутатов. В 1936 г., когда над Францией нависла угроза фашизма, Блюм сформировал коалицию из социалистов, коммунистов и радикалов — Народный фронт, одержавший победу на выборах 1936 г. В сентябре 1940 г арестован правительством Виши и привлечен к суду. С апреля 1943 г. по май 1945 г.— в немецком концлагере.— *Прим. ред.*

[1] *Blum L.* A l'échelle humaine 1945.

[2] *Rogoff N.* Social Stratification in France and in the US // American Journal of Sociology. 1953. 58. P 347–357 См.: *Xydias N* Classes sociales et conscience de classe à Vienne-en-France (Isère) // Trans. Second World Congress of Sociology 1954 2. P. 246–251.

риканских и британских фермеров отделяют себя от большого мира рабочих на том основании, что занимаются сельским хозяйством. Невозможно сказать, сколько человек мы имеем в виду, когда ведем речь о буржуазии. Подразумеваем ли мы под этим двести тысяч мужчин, обладавших правом голоса при «буржуазной монархии» Луи-Филиппа? Но история ее свержения показывает, насколько случайным было это разделение, оставившее за бортом по крайней мере такое же количество людей сходного социального положения. Быть может, имеются в виду те, кто держал прислугу? В 1900 году насчитывался примерно миллион слуг, но разве уменьшение их количества говорит о снижении численности буржуа в XX веке? Следует ли считать буржуа тех, кто унаследовал какой-либо капитал или доход? Это составит около 15% населения, но нужно помнить, что средний размер наследства в Париже был в 1900 году примерно в шестнадцать раз больше, чем в департаменте Арьеж (правда, к 1934 году соотношение уменьшилось до трехкратного), так что значение частного дохода чрезвычайно различалось в разных областях, а его распределение быстро менялось в XX веке. А не включить ли в состав буржуазии всех, кто обладал достаточными средствами для оплаты собственных похорон? В 1840-е годы в Париже таковых было 17%.

Возможно, что наиболее удачную попытку объяснения слова сделал в 1925 году Эдмон Гобло, профессор философии в Лионе. Его анализ согласуется с тем, что для четырех пятых опрошенных в 1950 году французов главным критерием для определения класса был стиль жизни. Гобло настаивает, что человека делает буржуа не богатство, а то, как это богатство приобретается и тратится. Есть богачи, не являющиеся буржуа, и бедные, которых можно причислить к буржуазии. Буржуа должен расходовать свои деньги на поддержание определенного декорума: приличную одежду, жилище и еду. Для этого не требуются большие суммы. Буржуа может тратить на продукты питания меньше, чем рабочий. Отличие состоит в подаче пищи на стол, аккуратно застеленный скатертью в специальной комнате, а не на кухне. У буржуа должен быть *salon*, а в нем пианино, картины, канделябры, часы и безделушки; здесь он принимает гостей, показывая им, что располагает излишком богатства, предназначенным для культурной жизни, для чего-то большего, чем удовлетворение основных потребностей. Остальная часть его дома может отличаться спартанской простотой, как часто и бывало, ведь приходилось нести и другие расходы ради поддержания своего статуса. Надо было платить за обучение детей в школе, чтобы в дальнейшем они могли приобрести профессию, которая позволила бы им остаться буржуа. Если бы дети стали ремесленниками, он утратил бы самоуважение. Буржуа должен выполнять свою работу в буржуазном костюме, так что ручной или грязный физический

груд становились неприемлемы. Вот почему существовало столь отчетливая социальная разница между лавочником, который сам обслуживает покупателей, и оптовым торговцем, который отдает распоряжения и никогда не прикасается сам к товарам, подтверждая тем самым притязание именоваться буржуа. Некоторые из таких крупных торговцев не принимали в своих домах лавочников*. Это свидетельствовало об усилиях буржуа отделить себя от масс. Он культивирует *distinction*†, предполагающее особый род учтивости, уделяя особое внимание произведению хорошего впечатления. Он должен выказывать хороший вкус, что означает знание того, что *правильно*, отсюда происходит склонность к консерватизму и сдержанность в высказываниях. Вот почему буржуа так долго носили черные костюмы, в которых лишь особенности покроя и ткань выдавали их особый статус. Они не стремились обогнать других буржуа, но хотели держаться вместе: умеренность и традиционные добродетели были их ориентирами. «Делай так, как делают другие» — это уровень, которого буржуа стремился достичь. «Не будь вульгарным» — тот барьер, который нельзя перешагнуть.

Образование и семья были двумя главными заботами буржуа, на которые он тратил значительную часть своих денег. Он должен был дать сыновьям возможность стать бакалаврами, а дочерей снабдить приданым. Уделялось большое внимание приобретению *culture générale*‡, которая отличала его от рабочих и ремесленников; к XX веку он мог уже забыть латынь, но, по крайней мере, говорил на классическом французском языке§. По крайней мере до 1914 года он не позволял своей жене работать, но развивал в ней семейные добродетели, поборником которых сам являлся. Он связывал нравственность с понятиями целомудрия, верности и долга. Даже когда он противопоставлял свою независимость притязаниям церкви, эта распря касалась политики, а не этики**.

Подобное определение буржуазии, однако, порождает некоторые сложности. На протяжении двух поколений деньги могли помочь достичь принадлежности к классу или расстаться с ним. Отличие буржуа и человека благородного происхождения не было абсолютно ясным. Те, кто принадлежали к буржуазии в течение достаточно долгого времени и были достаточно богаты, заключали браки с дворянами, которые охотно принимали большое приданое. Богатейшие промышленники и финансисты (подобно Шнайдеру††, каждая из четырех дочерей которого сочеталась браком с аристократом, а внук породнился с Орлеанским домом) быстро растворились в среде знати. Те, кто не хотел ждать, делали себя благородными сами: они присваивали себе титулы, что стало гораздо проще после провозглашения республики. Парадоксально, но численность дворянства возросла после 1789 года. В XX веке людей, похваляющихся вымышленными титулами,

* См.: *Le Roux H.* Nos Fils. 1898. P. 65–82 (о своем дедушке).

† Отличие (фр.).

‡ Общая культура (фр.).

§ *La Grasserie R. de.* Des Parlers des differentes classes sociales. Études de psychologie et de sociologie linguistiques. 1909. В этой работе Грассери поводит различие между *parler familier* (языком буржуа, на котором он мог говорить в домашней обстановке), *parler populaire* (языком масс) и криминальным сленгом.

** *Coblot E.* La Barrière et le niveau. Étude sociologique sur la bourgeoisie française. 1925.

†† *Жозеф Эжен Шнайдер* (†1875) — один из крупнейших промышленников Франции XIX столетия. — *Прим. ред.*

стало в три раза больше, чем настоящих аристократов. Две тысячи человек заявляли, что получили титул от папы, хотя с 1831 по 1906 год было сделано только триста таких пожалований. Следует также помнить, что многие из настоящих дворян законно приобрели титулы еще до Революции, покупая государственные должности*. У буржуазии и аристократии было много общего; со временем движение между классами стало более легким и быстрым. Различия становились менее твердыми, оставляя, таким образом, больше места для проявления снобизма. Исключительность знати была демонстративной. Она вполне походила на буржуазный культ *distinction*. Вместе с тем и буржуа переняли многие идеалы, ассоциировавшиеся с аристократией. Хотя они и превозносили труд, их идеалом также было существовать за счет своего состояния, иметь дом в деревне и жить то в нем, то в городе — в точности, как аристократы. Хотя они начинали как революционеры, многие из них к концу XIX столетия признали католичество признаком респектабельности. Их отношение к коммерции было аристократическим. Они также переняли отношение к социальному положению. Часть аристократии не брезговала буржуазной государственной службой (министерства финансов и юстиции, как, само собой, и армия, пользовались особенной популярностью). Аристократия вместе с буржуазией участвовала в коммерческих и промышленных предприятиях, особенно в банковском деле, страховании, железнодорожных, горных и металлургических компаниях (в этих отраслях в советах директоров часто от четверти до трети мест было занято представителями родовой знати)†. После 1830 года дворяне стали активно заниматься сельским хозяйством, но у многих буржуа также были фермы. Возможно, знатные люди претендовали на обладание особенным качеством и выделяли свой специфический идеал *доблести*, противопоставленный буржуазной сдержанности. Это то, что, по их мнению, невозможно приобрести, можно только унаследовать — но и буржуазия придавала особенное значение семейным качествам. Оба слоя были одержимы заключением подходящих браков, и их обходительность различалась не больше, чем их платье. Таким образом, тезис о том, что буржуазия в XIX веке культивировала идеалы, радикально отличные от аристократических, необходимо смягчить. Знать была прежними буржуа, а буржуазия стремилась наверх. Они могли отличаться, пока не сходились на вершине, пока буржуа еще карабкался, но при всякой возможности он усваивал ценности благородного сословия.

Также и буржуазные ценности разделялись многими, стоящими ниже на общественной лестнице. Переходы здесь тоже виделись не ясно. Предполагалось, что буржуа должен отличаться от рабочего образованием, но на это отличие более определенно указывали представители буржуазии из академической среды —

* *Vicomte de Marsay.* Du temps des privilèges. 1946. Ch. 27; *Bellefond J. de.* La Ménagerie du Vatican. 1906; «Le Crapouillot» (1937) (об «истинном и ложном дворянстве»); *Brumagne W de.* La Noblesse francaise subsistante. 1928.

† *Pitts J. R.* The Bourgeois Family and French Economic Retardation (диссертация, 1957).

многие буржуа в провинции управляли своими хозяйствами и занимали видные места в деловом сообществе, не имея степени бакалавра. Также, особенно в городах, встречались *bacheliers** среди детей рабочих и мелких лавочников, но получение буржуазного, как предполагалось, образования не делало их буржуа; многие из них открывали свое дело или поступали на государственную службу, но супругу находили в своем классе, к которому и продолжали принадлежать. Сын *instituteur*† часто поднимался по общественной лестнице, но связь образования и принадлежности к социальному слою не была прямой и автоматической. Лицей не был исключительно буржуазным заведением, и многие буржуа действительно отказывались помещать туда своих дочерей при мысли о том, что им придется общаться с девушками из низших классов. Массы не так ясно различали начальное и среднее образование, как преподаватели, и среди малограмотных любой признак образованности превращал человека в буржуа. По общему мнению, буржуазия представляла собой торжество заслуг, но ее представители стремились к закреплению привилегий в своих родах с той же решительностью, что и аристократы. Страсть к бережливости и хозяйственность были свойственны крестьянам и ремесленникам. Только фабричный рабочий от безысходности отрекался от этого идеала, и степени этой безысходности можно классифицировать по количеству употребляемого алкоголя‡. Вкус к культуре был свойственен не только буржуазии, напротив, буржуа часто обвиняли за фальшивый интерес к ней и консервативное филистерство. Хотя буржуа посещали театр, то же делали ремесленники, клерки и даже некоторые рабочие, и они же, вероятно, составляли большое число посетителей художественных салонов. Буржуа держал жену дома и предоставлял в ее распоряжение прислугу для выполнения домашней работы, рабочий же называл свою жену *la bourgeoise* именно потому, что зачастую она также не трудилась ради заработка. Давать приданое было всеобщим (исключая лишь беднейший слой) обычаем, пока инфляция и депрессия после Первой мировой войны не уничтожили его, сохранив лишь на верхних ступенях общественной лестницы. После 1900 года женщинам, вступавшим в брак с офицерами, приданое больше не требовалось. В отношении офицеров использовались разнообразные средства для поддержания их элитарности: им запрещалось посещать дешевые кафе и рестораны, покупать недорогие места в театрах и поездах, их супругам нельзя было работать. (Директрисе лицея, вышедшей замуж за капитана, пришлось уволиться.) Но по мере производства в офицеры низших чинов (начиная с 1904 года таких стало больше, чем выпускников Сен-Сира) различия между офицером-буржуа и простым солдатом все более уподоблялись различиям между мастером и рабочим. Многие торговцы с образом жизни рабочих держали

* Бакалавры (фр.).
† Учитель начальной школы (фр.).
‡ *Poulot D.* Le Sublime. 1870.

слуг, хотя, возможно, разница виделась в том, что буржуа никогда не садился за стол вместе с прислугой. Рабочие начали проводить отпуск в деревне, некоторые из них имели дом на родине, хотя морские курорты различались по классовым основаниям. В то время как высший слой буржуазии подражал аристократии, низшему ее слою и некоторым ее кругам были свойственны привычки рабочего класса. Даже до 1914 года некоторые буржуа пользовались третьим классом, тогда как преуспевающие лавочники без каких-либо аристократических замашек (даже не парвеню) путешествовали вторым или первым классом. Студенты из буржуазных семей занимались физическим трудом, когда оказывались не в состоянии оплачивать счета*

Буржуазные ценности были, таким образом, не только буржуазными. Другие классы могли некоторые из этих ценностей считать и своими собственными. Если бы аристократия и рабочий люд исповедовали радикально другие модели жизни, конфликтов между классами было бы гораздо больше. Но буржуазная умеренность означала, что, сознательно или нет, буржуа представляли собой знаменатель притязаний своего времени. Выражение *la France bourgeoise* было, таким образом, тавтологией, поскольку быть буржуа означало находиться в согласии с наиболее общими национальными устремлениями. Рабочий далеко не всегда выступал их противником. Затруднения возникали тогда, когда в ответ на экономические разногласия некоторые представители буржуазии притязали не только служить образцом правильной жизни, но и выступать в качестве правящего класса.

В середине XIX века предположение о разделении Франции на классы встречало громкие возражения†. Революция, парировали, отменила их. Гамбетта‡ не использовал понятие «класс», предпочитая говорить о *couches sociales*§. Все чаще слово «буржуа» становилось ругательным, применяясь различными людьми для характеристики того, к кому испытывается неприязнь: эксплуататора для социалиста, хозяина для слуги, штатского для солдата, обладателя вульгарного вкуса для художника, капиталиста для бедняка**. Внук Анри Жермена из банка Crédit Lyonnais озаглавил свои мемуары «Дискредитированная буржуазия». Морис Буде пишет в 1953 году книгу под названием «Буржуазия защищается», как будто она уже признана виновной††. Реакцией на это было создание лиг и обществ для защиты буржуазии как класса, которому, в частности, угрожала инфляция‡‡. Кое-кто утверждал, что противостоять коммунистической угрозе можно лишь в том случае, если буржуазия оставит свои эгоистические заботы и вернет себе ту лидирующую роль, которую она играла в Революции§§. Епископ Ансель Лионский защищал буржуазию как господствующий класс, стремящийся к власти и обладающий для этого культурой и способностями. Он называл ее наследницей

* Хорошую критику Гобло см.: *Ferré M. L.* Les Classes sociales dans la France contemporaine. 1936.

† *Vavasseur A.* Qu'est-ce que la bourgeoisie? 1897.

‡ *Леон Мишель Гамбетта* (1838–1882) — адвокат, французский политический и государственный деятель, премьер-министр и министр иностранных дел Франции в 1881–1882 гг.— *Прим. ред.*

§ Общественные слои (фр.). О значении, которое он вкладывал в это, см. гл. XX.

** *Sanbert P.* Notre Bourgeoisie. Nancy, 1931; *Altier J. V.* Les Origines de la satire antibourgeoise en France. Geneva, 1966.

†† *Germain A.* La Bourgeoisie qui brûle. 1951; *Boudet M.* Bourgeoisie en appel. 1953; ср.: *Lucius P.* Déchéances des bourgeoisies d'argent. 1936.

‡‡ *Aron R.* Inventaires III: classes moyennes. 1939. P. 287–340.

§§ *Haristoy J.* L'Heure de la bourgeoisie. 1937 P. 229.

побед Революции, равно как и наследницей *noblesse de robe**, выделяющейся своей способностью ставить общее благо выше собственных интересов. «Великолепно,— писал он,— быть истинным буржуа»†. Поднимался голос протеста против обвинений буржуазии в разорении страны, например, такой: «Мы, честные буржуа, рожденные в незыблемых традициях и вскормленные знанием и опытом, мы одни держим в своих сильных руках спасение цивилизации, но мы будем исполнять свое предназначение только силой интеллектуальной мощи и нравственной правоты». Такие люди отвергали определение буржуа как того, кто имеет гостиную, или того, кто обладает капиталом, утверждая, что его более важным качеством было то, что его признавали в качестве такового, и что он проявлял *distinction*. Они приводили в пример данные опроса Гэллапа, согласно которому семидесяти процентам французов была по душе жизнь в *belle époque*‡ Третьей республики, усматривая в этом триумф буржуазного идеала и сохраняющееся среди французов желание быть буржуа§.

Все еще ощущается необходимость в исследованиях, которые проследили бы изменения, происходившие в буржуазной среде, и осветили ее профессиональные и региональные вариации. В некоторых областях буржуа охотно покупали землю, в других — нет. В некоторых сильнее обособлялись от масс, а в каких-то социальное обновление происходило быстрее**. В неразвитых и бедных районах особую роль играло слово. Жюль Симон вспоминает, как в Бретани в 1820-е годы отставной боцман женился на крестьянской девушке. Она и ее дочери одевались по-крестьянски и работали на его ферме, его же считали буржуа, поскольку он всегда носил котелок и сюртук и никогда не надевал башмаков на деревянной подошве. Он читал газету, на что у него уходил целый день. Его называли *мсье* Фрело. Он вел книги мэрии (тогда в Ларморе не было школьного учителя) и каждый день играл в шары с другими местными буржуа. Его сын, как и он сам, был буржуа и должен был стать священником. В полдень мсье Фрело подавался обед, который во время каникул с ним разделял его сын; обед буржуа — мясо (или рыба) с овощами. Господам прислуживали мать и сестры, которые садились за стол только тогда, когда мужчины заканчивали трапезу; женщины ели оладьи, молоко, иногда — свиное сало. Отец семейства был безбожником, хотя все его домашние посещали церковь, а сын учился на священника. Церковь предоставляла в этих краях лучшую возможность избавиться от крестьянского звания, поэтому семинария была полна мальчиками, которые после нескольких лет бросали учебу и становились нотариусами, клерками или учителями, с трудом зарабатывая себе на жизнь, но зато получая возможность ходить в шляпах и поношенных сюртуках и именоваться «мсье». Семья, которой удавалось сделать из сына священника, почита-

* Дворянство мантии (фр.).

† *Ancel A.* La Mentalité bourgeoise. 1950. P. 70.

‡ Прекрасная эпоха (фр.).

§ *Daâge F C.* La Classe bourgeoise. Ses origines, ses lois d'existence, son rôle social. 1959. См.: *Houdrin G.* Pour les valeurs bourgeoises. 1958.

** La Bourgeoisie alsacienne. Strasbourg, 1954; *Chatelian A.* Les Horizons d'une géohistoire de la bourgeoisie lyonnaise. Lyon, 1950.

лась почти что дворянской и становилась знаменитой. В этих отдаленных районах только священники и буржуа говорили по-французски, хотя речь первых зачастую была высокопарной и слишком правильной, как если бы этот язык был для них иностранным*

По причине неопределенности самого понятия превосходство буржуазных идеалов не может служить ключом к пониманию того, какие силы действовали во французском обществе, пока не будет проведен более тщательный анализ этих идеалов. Этому и будет посвящена книга, в которой последовательно будут рассмотрены различные стороны жизни и ценности, проявляющиеся в них. Тем временем вторую обозначенную в начале главы проблему, заключающуюся в ответе на вопрос, насколько буржуазия доминировала во Франции в экономической, политической и общественной деятельности, будет, видимо, лучше всего рассмотреть, детально исследуя некоторые отдельные случаи. Будут рассмотрены шесть видов деятельности, чтобы показать, насколько сложно приписать им какое-либо влияние или единство в простом смысле. Конфликты внутри каждой группы и изоляция каждой группы в обществе означали, что многие отдельные миры могли сосуществовать рядом. Как они взаимодействовали и каковы были их отношения с остальной частью страны, является непростым вопросом.

* *Simon J.* Premières Années. 1901. P. 39, 91, 319.

Глава II ВРАЧИ

Забота, которую проявляет нация о своем здоровье, много говорит нам об отношении к жизни. Особенный интерес вызывает профессия медика во Франции, поскольку здесь ее влияние имеет политическую силу. Ее восхождение к власти в государстве — одна из поразительных черт этих ста лет. В Национальном собрании 1789 года было 15 врачей, в Учредительном собрании 1791 года — 26, в Конвенте — 40. Около дюжины заседало в меньшей Палате депутатов в период Реставрации и 28 — во время Июльской монархии. В 1848 году врачами было 49 членов Учредительного собрания, а в 1849 году — 34 законодателя. В Законодательном корпусе Наполеона III из 251 его членов врачей было 11, в Национальном собрании 1871 года — 33, а к 1898 году их количество возросло до 72* Исходя из этих цифр можно было бы заключить, что врачи постепенно заменили старый землевладельческий класс и, в некоторых случаях, духовенство в качестве лидеров общественного мнения, и что в Третьей республике они достигли вершины своего престижа и влияния. Но такое утверждение слишком поверхностно. Это значило бы допустить, что врачи не были так же и землевладельцами, что их влияние выступало как альтернатива и оппозиция классу старой аристократии, что их профессия 150 лет назад представляла собой то же, что и сейчас, что не изменились открывавшиеся перед ними возможности и что их присутствие в парламенте всегда свидетельствовало о признании их влияния,— вместо утверждения, что врачи искали новые сферы деятельности для компенсации тех трудностей, с которыми они сталкивались при своей профессиональной реализации.

* *Trisca P.* Les Médecins sociologues et hommes d'état. 1923.

Медицина во Франции в этот период фактически была в состоянии раскола и замешательства, столь же глубокого, что и раскол среди политиков. Невозможно изобразить врачей продуктом новой науки, способность и опыт которой постепенно утверждались, признавались и принимались. Не существовало единой медицинской науки, и соперничество между различными те-

ориями в ней было столь же беспощадным и разрушительным, как и конкуренция в коммерции. При всех столичных нововведениях, вяло просачивавшихся в сельскую местность, в 1850 году там все еще в ходу лечение кровопусканием, слабительное и клизмы. Попытки пользовавшего Вольтера доктора Троншена (1709–1781) и его школы заменить эти методы свежим воздухом, физическими упражнениями, вегетарианством, трезвым образом жизни, грудным вскармливанием и вакцинацией медленно завоевывали признание. Образование столкнулось даже с возвратом к доктрине витализма — вере в таинственную жизненную стихию, регулирующую работу организма и борющуюся со смертью. Витализм был подхвачен медицинским факультетом Монпелье и преподавался там вплоть до XX века. Таким образом, Париж и Монпелье учили медицине радикально противоположным образом* Подготовка, которую получали врачи, практиковавшие в период 1850–1900 годов, унаследовала наистраннейшие ошибки авторитетов первой половины века. Возьмем для примера одного из них — Бруссэ (1772–1838), человека большого красноречия, внушительного внешне, и всегда воинственного, который обладал огромной властью в медицинском мире. Он вообразил, что причиной всех болезней является воспаление, в особенности в кишечнике. Он прописывал обильное кровопускание, пиявки и жестокие диеты. Его истощенные голоданием, обескровленные пациенты умирали как мухи, но он, тем не менее, стал профессором медицины в Париже (1831). Когда к концу карьеры звезда Бруссэ потускнела и его студенты разбежались кто куда, он занялся френологией, и популярность его лекций на эту тему придала второе дыхание его профессиональной деятельности. Равно влиятельным, но больше среди обывателей, был Ф. В. Распай (1794–1878), чья «Естественная история здоровья и болезни» (1843) и ежегодные энциклопедии (1846–1864) стали бестселлерами в качестве самоучителей по медицине: он пропагандировал камфару в качестве лекарства от всех болезней.

Возможно, единственным реально добившимся успеха врачом XIX века был Филипп Рикор (1800–1889), личный доктор Наполеона III и первейший во Франции эксперт по сифилису. Родившийся в Балтиморе, сын обанкротившегося французского судовладельца, он стал самым деятельным и, возможно, самым богатым врачом Парижа. В его доме на улице Турнон было пять больших салонов для ожидающих приема пациентов: один для простых людей, всегда полный народа, где каждому давался номер, второй для женщин, входивших по отдельной лестнице, третий для людей с рекомендательными письмами, четвертый — для друзей и врачей. Все приемные были пышно украшены картинами и скульптурами, ибо он был выдающимся коллекционером. В громадной пятой приемной висело две картины Рубенса,

* *Berard F.* Doctrine médicale de Montpellier. 1819.

одна ван Дейка, Жерико и др. Вдоль трех стен его кабинета располагалась большая библиотека, увенчанная галереей бюстов знаменитых врачей всех времен, ниже которой размещалась в стеклянных футлярах лучшая в Париже коллекция хирургических инструментов. На четвертой стене висели портреты его учителей Дюпюитрена и Орфиля, и рядом с ними — его собственный, написанный Кутюром. По количеству наград он был вторым человеком Франции после Александра Дюма: Рикор был награжден семнадцатью орденами. Его популярности способствовали слава светского человека, терпимость к своим пациентам и остроумие*. В «Трактате о венерических болезнях» (1838) Рикор верно определил различие между гонореей и сифилисом, однако настаивал на том, что последний не передается бытовым путем: даже несмотря на открытия менее известного Жозефа Роле из Лиона (1856) он продолжал применять свое неверное учение при лечении европейских богачей.

Посетитель Парижа в 1848 году обнаружил бы в нем около 1550 врачей, 300 из которых были награждены орденом Почетного легиона, предлагавших разнообразнейшие методы лечения. По крайней мере половина из них были авторами книг, пропагандировавших их теории, и многие рекламировали свои идеи любым доступным способом. Доктор Башони предлагал электрофизиохимическое лечение, бесплатное в случае отсутствия результата. Доктор Барра предложил модифицировать учение Бруссэ, заменив в нем гастриты гастралгией в качестве причины всех болезней. Доктор Беккерель предложил лечение заикания, противоречащее методу доктора Журдена, с которым он провел публичный диспут. Именем доктора Бельоля с предложением «нового растительного метода» пестрели стены Парижа и маленькие рекламные колонки в журналах. Доктор Лёрэ, автор «Морального лечения безумия» (1840), хотя и был опровергнут доктором Бланшем, а Академия Медицины проголосовала против его теории, тем не менее привязывал своих сумасшедших пациентов к деревянным настилам и окатывал их холодной водой. Доктор Бриер де Буамон писал, что рост количества сумасшедших связан с прогрессом цивилизации и извлекал из этого прибыль, открыв сумасшедший дом для представителей среднего класса и взимая плату от 8000 до 12000 франков в год†. Доктор Пьори внедрил «плессиметризм», известный так же как «органографизм», использующий выстукивание для обследования внутренних органов, и написал книгу «Медицина здравого смысла» (1864), настаивая на меньшем использовании опасных медикаментов и большем внимании к лечению глубоким дыханием и отхаркиванием‡. Именем доктора Жана Жиродо де Сен-Жервэ не только пестрели парижские стены, но он также платил газетчикам, славословившим его, и нанимал их писать за него книги.

* *Labarthe P.* Nos Médecins contemporains. 1868. P. 44.
† См. его статью в «Annales d'Hygiène» (1839).
‡ *Piorry.* La Médecine du bon sens. 1864.

В нескольких газетах он имел свои постоянные рекламные колонки. Его «Руководство по здоровью» и «Советы по самоизлечению» продавались тысячами в бакалейных лавках* Целители в своем обиходе заимствовали научный жаргон и успешно конкурировали с преподаванием на факультетах, но эта конкуренция не была борьбой неквалифицированных шарлатанов против строгих ученых. Френологию (а также физиогномику и краниоскопию), например, преподавали академики и профессора, внедряя ее в образование, юриспруденцию и медицину. Академия Медицины с уважением относилась к «бабьим сказкам». В 1846 году сообщалось о случае с бретонкой Анжеликой Котэн: всех, кто прикасался к ней, било током. Академия назначила комиссию под руководством Араго для того, чтобы она разобралась с этим случаем. В 1837 году один из членов Академии учредил специальную премию для поддержки исследований в области лечения магнетизмом. «Микроскописты», «фармако-химики» и «нумеристы» (применявшие статистику для изучению болезней) встретились с энергичной оппозицией. Академия не пренебрегала вступать в обсуждение теоретических вопросов. Не игнорируя знахарей и теоретиков, врачи были вовлечены в неослабевающую полемику с ними. Медицинская пресса атаковала и поднимала на смех каждую идею, новую и старую, и каждую персону в той же клеветнической и несдержанной манере, что и политические газеты†. В деревнях врачам пришлось столкнуться с еще более мощным сопротивлением предрассудков и традиционных приемов лечения. Целая армия соперничающих знахарей-практиков предлагала более дешевое и порой более приемлемое лечение: «уриноцелители» (те, кто назначал лечение после исследования мочи пациента), «орвиетские купцы» (странствующие торговцы лекарствами), колдуны, монахини, священники, старухи, повивальные бабки, аптекари. У крестьян, в любом случае, был свой собственный взгляд на болезнь. Они предпочитали вакцинации ежегодное очищение организма с помощью слабительных средств; они твердо верили в наследственную природу нездоровья и считали, что они не могут «подхватить» (они бы не стали использовать это слово во времена, когда микробы еще не были открыты) болезнь, которой не было у их родителей; и они долго упорствовали в убеждении, что к врачу следует обращаться исключительно в крайнем случае — часто слишком поздно — когда все другое было уже испробовано‡.

Описывая народную медицину Вандеи, один врач в 1911 году сообщал, что у теорий Бруссэ до сих пор много пылких последователей. Костоправы продолжали жить хорошо и умирали состоятельными, завещая на смертном одре свои секреты избранным ученикам. Широко использовалось лечение магией и травами, распространявшееся ясновидцами. Специальные поезда

* *Sachaille de la Barre G.* Les Médecins de Paris jugés par leurs œuvres ou statistique scientifique et morale des médecins de Paris. 1845.

† *Peisse L.* La Médecine et les médecins. Philosophie, doctrines, institutions, mœurs et biographies médicales. 1857. 2 vols.

‡ *Munaret.* Du Médecin des villes et du médecin de campagne. Mœurs et science. 1840 (second edition).

организовывались для того, чтобы доставить многочисленные толпы к святым местам, где чудодейственно исцелялась любая болезнь. Маленьким детям давали вино и бренди, чтобы они были сильными. Сумасшедшие считались жертвами проклятий и дьявола* Проведенное в 1953 году исследование показало, что конкуренция со стороны шарлатанов, особенно в деревне, осталась очень мощной†. Несовершенство законов крайне затрудняло пресечение их деятельности. Если, например, врач предписывал лечение, а аптекарь, его изготовивший, решал сделать его собственным фирменным средством, снабдив рекламой «рекомендовано доктором Х.», то ничто не могло помешать ему. Часто эти объявления ссылались на рекомендации фиктивных врачей, но закон и в этом случае защищал их свободу. Так, в 1884 году врач рекламировал искусственное оплодотворение, указывая, что «эта операция, которая на первый взгляд может показаться аморальной, не только была одобрена Академией Медицины, но и была горячо приветствуема и поддержана ее», что было полной неправдой. Другой врач, продававший «маточные вакуумные очистители», объявил о том, что получил медаль за их изобретение, но был осужден за осуществление абортов. На исходе столетия еще оставались врачи, предписывавшие шарлатанское лечение, например, советовавшие излечивать рак, живя в лодке на Роне и слушая музыку во время еды. В «Petit Méridional» в Монпелье размещалась реклама с предложением врачебных консультаций по почте. Довольно широкой практикой было распространение вопросников, заполнив которые и вложив гонорар, клиенты получали взамен предписание врача, зачастую весьма дорогостоящее. Правда, в период Второй империи врач Рэй де Жугла, предлагавший лечение всех неизлечимых болезней за единую плату в 16 франков, был осужден за мошенничество. Однако для того, чтобы ослабить конкуренцию магнетизеров и гипнотизеров, которых только в Париже в 1890 году насчитывалось около 500, потребовалось очень много времени. Медицинский факультет проголосовал за их осуждение, но, несмотря на это, правительство разрешило основать школу для их подготовки. По этому поводу суды разошлись во мнении, некоторые осудили их за незаконную медицинскую деятельность, но некоторые (особенно в Анже) оправдывали. По закону 1805 года монахиням и священникам позволялось оказывать врачебную помощь, при условии, что они не выписывают рецептов и свои рекомендации дают бесплатно, но в действительности многие женские ордена продолжали распространять лекарства, и успех 150 нелегальных аптек в департаменте Морбиан был таким, что за последнюю четверть века количество практикующих врачей, теснимых более дешевыми конкурентами, убавилось на треть.

* *Boismoreau.* Coutumes médicales et superstitions populaires du bocage vendéen. 1911.
† *Éparvier J.* Médecins de campagne: enquête. 1953. P. 23, 49, 64.

Было бы ошибкой считать, что наука постепенно способствовала улучшению здоровья нации. Использование антисептиков во французской армии внедрялось настолько медленно, что в операциях по ампутации произошел настоящий регресс: в наполеоновских войнах после таких операций умерло только около 2% раненных, а в войне 1870 года смертность была намного выше, временами достигая 100%*. Заражение тифом через грязную воду было установлено в 1854 году, но только когда у секретаря Академии наук в 1886 году умерло от тифа трое дочерей, это предположение было признано, и в 1890-х годах число умерших от тифа сократилось наполовину. Как бы то ни было, в разных областях страны наблюдается сопротивление новым лекарствам: оспа продолжала процветать из-за отказа от вакцинации, особенно в Бретани. Часто врачи сами были себе злейшими врагами, и дело даже не в том, что они не были способны защитить себя от шарлатанов. Назначенная в 1895 году министерством юстиции комиссия для поиска средств борьбы с морфинизмом, «поразившем все классы общества», возложила ответственность за распространение этой пагубной привычки на пример, поданный врачами и аптекарями†.

Тогда как в политике в период между двумя мировыми войнами деятельность «Аксьон франсез»‡ была симптомом поворота к традиционализму, в медицинских доктринах происходит сходный возврат к прошлому. Под знамена неогиппократовского учения встали многие известные врачи, профессора и деканы факультетов. Кульминацией стал поддержанный и широко освещенный прессой Национальный конгресс неогиппократовской медицины 1937 года. Это учение подчеркивало, что причины многих болезней остаются неизвестными, что химия ограничена в своих возможностях, что следует вернуться к клиническому подходу и к учету индивидуальных особенностей каждого пациента. В 1945 году биолог Алексис Каррель, нобелевский лауреат, в своей «Официальной и еретической медицине» объяснил различия, разделяющие направления французской медицины, неизбежностью отражения в ней разных представлений о человеке и жизни в целом. С одной стороны, существует официальная медицина, санкционированная факультетами и государством, но ей противостоит независимая медицина, которая часто привлекает начинающих карьеру молодых врачей. И дело не только в неудаче попытки медицинских факультетов реформировать методику образования. (Авторитетнейшему Шарлю Бушару, парижскому профессору с 1879 по 1912 год, работавшему в сотрудничестве со своим другом Луи Лиаром, вице-ректором Сорбонны, консерватизм коллег помешал провести преобразования.) Различие медицинских подходов XIX века кристаллизовалось

* *Laignel-Lavastine P. M. M.* Histoire générale de la médecine. 1949. T. 3. P. 9.

† *Brouardel.* L'Exercice de la médecine et le chalatanisme. 1899. P. 106, 155, 249, 465–482.

‡ «Action Française» — журнал (1899) и ежедневная газета (1908–1944), редактировавшиеся Шарлем Моррасом; также краткое название политического движения, исповедовавшего «интегральный национализм», антидемократизм, антилиберализм, выступавшего за возрождение во Франции традиционалистской, антипарламентарной и децентрализованной монархии и восстановление позиций католицизма. Его жесткость и самостоятельность привели к осуждению движения папой (1926) и претендентом (1937). За связи с Виши было запрещено в 1944 г.

в веке двадцатом в более аргументированных конкурирующих системах, часто метафизически обоснованных и отчасти представляющих собой реакцию против физико-химической науки, что нашло отражение в литературе: известные частнопрактикующие врачи в печати высказывались за возрождение исследований «гуморов». Иглоукалывание было внедрено в 1920-х годах, а книга Сулье де Морана (1934) популяризировала его. Респектабельной стала даже медицинская астрология, окрещенная космобиологией. Первый французский конгресс терапевтов, проведенный в 1933 году, вновь акцентировал внимание на естественных методах лечения. Главным образом подразумевалась гомеопатия, впервые появившаяся во Франции усилиями ее изобретателя Самюэля Ганеманна в 1835-м году и к 1914-му завладевшая умами примерно 150 врачей, имела к 1938-му году в качестве своих приверженцев 567 врачей с традиционным образованием плюс еще более 1500 частнопрактикующих врачевателей без дипломов* Правда, в среде гомеопатов произошел жестокий раскол по поводу правильного применения их учения: модернистская секта Фротье-Берновиля изменила традиционное учение, приспособив его под неогиппократиков. В то время, как Фрейд уже имел несколько новообращенных в деле лечения душевных заболеваний, существовали многочисленные альтернативы психоанализу. Дезуаль и Гийери, независимо друг от друга, разработали свои способы лечения, использующие сновидения, причем первый основывался на воззрениях своего учителя, приверженца оккультизма Каслана. Существовала длительная традиция экспериментов с гипнозом. Всерьез защищалась возможность сверхъестественного исцеления. Если в 1904 и 1912 годах врачи, пытавшиеся написать диссертации о религиозных исцелениях в Лурде, потерпели неудачу, то в 1930 году защита по той же теме доктора Монье прошла успешно. Уже в 1879 году в Лурде было открыто медицинское бюро аутентификации, подтверждения подлинности чудесных исцелений, которое с 1891 по 1917 год успешно возглавлял доктор Буассари, сотрудничая со всеми представителями своей профессии. В период между Первой и Второй мировыми войнами научно необъяснимые явления привлекали особое внимание и отнюдь не подвергались сомнению. В 1936 году доктор Делор призвал к созданию «национального института аутентификации и научных исследований традиционной и эмпирической практик»†.

Таким образом, в течение всего столетия врач оставался противоречивой фигурой и вовсе не извлекал автоматически выгоду из уважения к человеку науки, каким он в первую очередь должен был бы считаться. В 1833 году Бальзак, правда, писал: «Сегодня крестьянин предпочитает слушать врача, назначающего лечение для спасения его тела, а не священника, проповедующего

* *Laignel-Lavastine*. Op. cit. T 3. P. 576.

† *Delore P.* Tendances de la médecine contemporaine. La Médecine a la croisée des chemins. 1936. P. 164–189; Médecine officielle et médicines hérétiques / Éd Alexis Carrel 1945; *Rouot A. L. J.* Essai sur L'information médicale du public. Bordeaux, 1959 (эта книга является кратким введением в предмет, заслуживающий дальнейшего исследования).

спасение его души». Но он вложил в уста врача слова: «Я был буржуа, а для них [крестьян] буржуа — враг»* Сто лет спустя один врач в своих мемуарах заметил, что рабочий предпочитает школьного учителя доктору, потому что первый — «человек ученый и только наполовину буржуа, тогда как врач — законченный буржуа, а часто еще и клерикал»†. Положение медиков оставалось противоречивым. Проблема не сводится к тому, как происходило их восхождение по социальной лестнице, завоевание статуса и уважения, ибо врачи всегда были очень разнородной группой, и отношение к ним менялось в зависимости от региона и обстоятельств почти в той же степени, как и сами они с течением времени. Необходимо понять, что долгое время профессия врача в действительности не была карьерой. Только в очень ограниченной степени она была способом социального продвижения, отчасти потому, что требовала больших денег для получения образования, а так же потому, что редко приносила большие доходы. Шартоновский «Путеводитель по профессиям» 1842 года подчеркивал крупные затраты и нищенское вознаграждение врача: «Кто-то сможет зарабатывать честным путем (занимаясь медициной), но потолок большинства — посредственное положение, на самом деле едва ли обнадеживающее»‡. Он полагал, что самое большее, что может заработать большинство врачей — это 3000 франков в год. За что он рекомендует эту профессию, так это за независимость. Она позволяет человеку быть самому себе господином. В эпоху, когда независимость была широко распространенным идеалом, это привлекало больше всего. Человек, вложивший сопоставимую сумму в открытие своего дела или магазина, тоже хотел быть себе господином, но он очень часто планировал получить как можно больше денег и поскорее, чтобы купить государственных облигаций и получить настоящую независимость, живя на проценты. Врач обычно не мог надеяться «сделать деньги»; он редко уходил от дел; его подготовка до некоторой степени была своего рода свободным образованием, дававшим ему возможность обменять скромное наследство на достоинство и влияние. Доктора бедного происхождения,— такие, как Эмиль Комб§,— обычно вынуждены были заключать брак по расчету, а в идеальном случае жениться на дочери практикующего врача. В середине XIX века врачи не могли существовать за счет оплаты их услуг народом: их практика поддерживалась за счет платы богатых пациентов, которые, таким образом, как бы субсидировали приобретение влияния врачами, бесплатно или почти бесплатно лечившими бедных. Это одна из причин, почему врач так часто является в облике буржуа. Но отнюдь не все обладали соответствующими качествами для того, чтобы привлекать богатых пациентов. Чтобы достичь высших ступеней профессии, требовалось нечто другое, нежели ум:

* *Balzac H. de.* Le Médecin de campagne. 1832.
† *Fiessinger Ch.* Souveniers d'un médecin de campagne. 1933. P. 96.
‡ *Charlon.* Guide to Careers. 1842. P. 394.
§ *Эмиль Комб* (1835–1921) — премьер-министр Франции в 1902–1905 гг., проводил жесткую антиклерикальную политику.— *Прим. ред.*

«семейственность, фаворитизм, дружеские связи ведут к высшему званию»* Это объясняет, почему столь многие врачи были вынуждены рекламировать себя, предлагать заниженные цены и шарлатанское, но привлекательное и гарантированное, лечение. Но реальный путь к успеху стали находить в поиске частичной занятости на официальных должностях, дававших престиж, привлекавший большее количество клиентов, и приносящих небольшой, но фиксированный дополнительный доход (именуемый «fixes»). Хороши были, конечно, должности епископского врача и консультанта в местной больнице, но неплохо было быть и тюремным врачом, полицейским хирургом или директором термальной лечебницы. Менее удачливые становились казенными врачами, лечившими бедноту коммун, для которой они зачастую устанавливали треть или меньше самого низкого уровня своих обычных цен, но все же они были обеспечены постоянной работой. Развитие таких дополнительных видов занятости, увеличение количества государственных и местных органов власти, дававших работу врачам, рост числа обществ взаимопомощи, страховавших на случай болезни, и зарождение системы социального обеспечения постепенно изменили положение многих врачей, сделав их практически государственными служащими или чиновниками — правда, в некоторой степени в значении, придававшемся этому статусу при Старом порядке — худо-бедно оплачиваемых из различных источников.

Трудно определить, сколько зарабатывали врачи в разное время. Было много недовольства недостаточностью вознаграждения, жалоб на то, что слишком многим из них достаются пациенты, которые не оплачивают свои счета, сожалений по поводу того, что у врачей нет специальной формы, подчеркивающей их статус, такой, как у священников и судей, и описаний тех, кто «говорит на греческом и латинском с людьми, с трудом понимавшими французский» и загромождающих свои приемные книгами для создания впечатления мистического характера их ремесла†. Один из врачей в 1889 году написал книгу против нелепой зарплаты за медицинскую службу для бедных в один франк за человека в год, протестуя против вытеснения врачей к самому низу социальной лестницы, в которой он иронично заметил: «Мы не против первого места для чиновников, духовенства и военных. Мы также не надеемся встать на одну ступень с инженерами, актерами, художниками, архитекторами и скульпторами. Мы просим только возможности занять более или менее средний уровень: мы бы были рады, например, расположиться между стряпчими и фотографами». Все это не столько ради уважения и престижа, сколько ради денежного вознаграждения‡. Примечательно его ощущение того, что чиновники и духовенство считают врача соперником, «проникающим в сокровенные семейные секреты»§.

* Ibid. P 387.
† *Munaret*. Op. cit. (любопытная коллекция социальной информации, интересная своим восхвалением мелкой буржуазии).
‡ *Victor Macrobious*. Malades, médecins et pharmaciens. 1889. P 36.
§ *Brouardel P*. Le Secret médical. 1887. P 87. Безусловно, врачей нельзя считать незначительными лицами на брачном рынке. Они беспокоились о том, как их клятва хранить профессиональную тайну должна влиять на их поведение при заключении брака: следует ли им, например, сообщать о том, что их пациент поражен сифилисом? Атмосфера секретности в их среде была такой, что некоторые даже отказывались оформлять врачебные заключения о причине смерти, а некоторые — даже свидетельства о смерти вообще

В 1901 году в поверхностном, но поучительном очерке об «интеллектуальном пролетариате» заработок полудюжины врачей оценивался между двумя и тремя сотнями тысяч франков в год, около сотни врачей зарабатывали более 40 тысяч, но примерно 80% — меньше, чем 8 тысяч франков. Большинство врачей, таким образом, являлись «пролетариями», если не имели личного состояния. Многие врачи в Париже пытались повысить свой доход, подрабатывая «загонщиками» для более известных коллег, помогая фармацевтам продавать дорогие медикаменты, делая аборты и т. д. Что касается провинции, то там половина врачей не могла обеспечить себе достойного заработка, а «инквизиторский деревенский нрав» не позволял чужакам здесь легко утвердиться. Менее удачливые полагались на выгодный брак, становясь, таким образом, фермерами, промышленниками или *рантье*, соответственно размеру обретенного приданого. «Полные неудачники шли в политику»*

Профессиональный журнал «Le Concours Médical» в 1881 году оценивал прожиточный минимум врача для благополучных районов Франции в 12 тысяч франков и признавал, что большинству было далеко до такого заработка. «Они тратят свое наследство. Иногда приданое удачно восстанавливает какой-то [финансовый] баланс и позволяет дать образование детям». Никто не принимал эти жалобы слишком буквально, поскольку один сельский врач из Эльзаса признавшись в своем скромном доходе, добавил, что он примерно таков, как у священника, пастора и раввина вместе взятых†. В одной из газет того времени врач сообщает, что зарабатывал бы 11 тысяч франков в год, но учитывая, что 35—40% его счетов никогда не оплачивались клиентами, он получал всего около 7 тысяч. Такая жалоба была типичной. Расценки на медицинские услуги вызывали многочисленные попытки поторговаться, во что и врачи внесли свою лепту, меняя цены в зависимости от того, сколько, по их представлениям, они могли бы извлечь из своих пациентов. Доктор Рекамье, врач мадам де Буань, говорил в 1828 году, что плата за визит должна составлять три франка, но он понял, что может просить и шесть. Но ради нее он сбросил цену до четырех франков. Тем не менее, в середине 1860-х годов провинциальные врачи еще просили только полтора или два франка, а большинство консультаций в их кабинетах были бесплатны. Всеобщая ассоциация врачей Франции, учрежденная в 1858 году, выступила против единообразия или какого бы то ни было единого контроля [за расценками], заявив, что нельзя требовать от врачей ведения счетов и что они не нуждаются в пособиях. Она утверждала, что врач потеряет престиж, если откажется от «произвола, который позволяет ему, в зависимости от времени, места, характера и уровня услуг и тысячи других обстоятельств, повышать или понижать цены на лечение». Для

* *Bérenger H.* et al. Les Prolétaires intellectuels en France. 1901. P. 7—9.
† *Laffitte G.* Le Médecin. Sa Formation, son rôle dans la société moderne. Bordeaux, 1936. P. XX.

оказания давления в пользу повышения и стандартизации цен в 1879 году была основана более радикальная ассоциация, «Concours Médical»: в 1897-м она разрекламировала тариф доктора Жана в качестве образца для принятия местными ассоциациями. Но даже этот тариф подразделял пациентов на три класса по благосостоянию и рекомендовал гибкую ставку оплаты от одного до десяти франков за визит в зависимости от дохода пациента; более того, он предусматривал многочисленные надбавки в случае экстренной медицинской помощи и ухода за больными, и предлагал десятикратную оплату для «высших знатоков медицины». В том же году врачи департамента Верхняя Сона приняли минимальный тариф — по той же трехклассовой модели,— и эта практика распространилась на другие департаменты. Основной целью, в данном случае, было выжать существенно больше денег из государственных учреждений и страховых компаний*. Заставить частных пациентов оплачивать свои счета, однако, оставалось затруднительным: как этические установки, так и закон делали практически невозможным любое давление на них. В некоторых районах Франции, например, в Алье, врачи получали плату обычно только после смерти пациента как долю в его наследстве, и повсюду было совершенно нормальным явлением длительное ожидание оплаты.

Устранение конкуренции со стороны неквалифицированных медиков и шарлатанов шла медленно и никогда не была до конца успешной. Первые три четверти XIX века главным требованием врачей было упразднение службы «санитарных инспекторов». Вплоть до 1838 года ими были мужчины, обычно скромного происхождения, прославленные военные санитары, которые получили дипломы о праве на врачебную практику в специально учрежденных комитетах департаментов, где требования были крайне низки. Позже выдавать дипломы стали медицинские факультеты, и в 1854 году комиссии департаментов были упразднены, так что образовательный стандарт постепенно рос. В последнее десятилетие Июльской Монархии было выдано практически столько же дипломов санитарных инспекторов (2850), сколько защищено докторских степеней по медицине (3045), но в 1869—1878 годах соотношение изменилось, став 1014 к 5344, а в 1889—1897 — 627 к 6658. Предполагалось, что в бедных районах, где не было квалифицированных врачей, санитарные инспектора обеспечат хоть какое-нибудь медицинское обслуживание. На деле инспектора находили себе более выгодную работу в районах побогаче, а огромные сельские территории оставались обделенными. В 1891 году бедный департамент Лозер располагал 24 врачами и всего одним инспектором, Сомма — 83 врачами и 141 инспектором, Нор — 353 врачами и 201 инспектором. Проблема инспекторов постепенно сошла на нет: если в 1848-м их было 7500,

* *Carriage J. L.* L'Exercice de la médecine en France à la fin du 19e siecle et au debut du 20e siècle. 1965

то в 1900 году осталось только 2 тысячи. Вместо них появилась новая забота — иностранные врачи. Их работало 541 в 1911 году, 750 в 1929, но еще более угрожающим выглядело количество иностранных студентов-медиков, которые были особенно заметны, поскольку концентрировались в нескольких городах. Например, в 1931 году 76% студентов медицинской школы Руана были иностранцами, в Туре — 41%* Шарлатаны покупали диплом врача за границей, особенно в университете Филадельфии, который предлагал их за 500 франков.

В деревнях чаще всего занимались лечением зубов обычные врачи, но в городах появилась конкуренция со стороны растущего числа дантистов. Зубоврачебная практика не требовала какой-либо квалификации: некоторые врачи были бывшими механиками или слесарями. В 1890 году Франция располагала всего лишь двумя тысячами дантистов (600 из них работали в Париже), в то время как в Англии их было 4 тысячи, а в США — 15 тысяч. Признанное превосходство американцев привело к тому, что многие из них приезжали практиковать во Францию: одним из первых и наиболее знаменитым был Эванс, личный дантист Наполеона III. Многие английские юноши также сочли полезным пройти обучение во Франции, где не было экзаменов: огромная зубоврачебная клиника Лувра была полностью укомплектована англичанами. В 1892 году был принят закон об обязательном получении дантистами диплома и о наказании за нелегальную медицинскую практику в целом. До этого времени закон допускал судебное преследование шарлатанов только со стороны частных лиц, которые должны были доказать причиненный им лично ущерб. Теперь же привлекать мошенников к суду было позволено профессиональным союзам, но их усилия, кажется, только добавляли шарлатанам известности. Новый закон пощадил травников (их было 300 в Париже, 50 в Марселе и более 50 в других городах). Наполеон III ввел для них экзамены, аналогичные экзаменам на младшего санитарного инспектора; декрет 1854 года разделил травников на два класса, таким образом подтверждая их статус. В 1892 году нажим со стороны врачей в пользу упразднения этого института остался безрезультатным в связи с чрезвычайной дороговизной их собственности: каждый выставленный на продажу магазин стоил бы более 100 тысяч франков, и выкупить его было нелегко.

В результате всей этой конкуренции и неразберихи в XIX веке не произошло роста числа врачей, как об этом часто говорится. Наоборот, между 1847 и 1896 годами число врачей сократилось примерно на 3500, а санитарных инспекторов — приблизительно на пять тысяч. Хотя если посчитать всех действительно практиковавших медиков, цифры покажут меньшее сокращение. Подъем произошел только в двадцатом веке, уже после

* *Laffitte*. Op. cit. P. 70.

того, как медицина миновала предполагаемый пик своего влияния. Представление о влиянии медицины требует более тщательного анализа. Возможности, открытые перед представителями высшего слоя профессионального сообщества, в самом деле постепенно расширялись. Сначала для представителей самой верхушки, членов Академии Медицины, основанной в 1820 году и с которой считалось правительство. Затем, в период Второй империи и далее, официально учреждались специализированные национальные и местные комитеты по общественной гигиене, больницам, школам и т. д., которые давали некоторым врачам шанс стать чем-то средним между знатью и государственными чиновниками. В конечном итоге, с созданием в 1930 году министерства общественного здоровья, у врачей появилась возможность стать старшими гражданскими служащими и должностными лицами, распоряжающимися общественными деньгами. Одновременно изменения произошли в медицинской среде на массовом уровне. Все труднее становилась жизнь семейных врачей, особенно если они пытались поддерживать ее на уровне буржуазных стандартов, сравнимых с уровнем наиболее преуспевающих представителей своей профессии. Все больше врачей соглашались на частичный или полный рабочий день за жалование и становились работниками государственного здравоохранения, жертвуя профессиональной независимостью. Затем они начали организовывать медицинские профсоюзы, требуя улучшения своего положения подобно другим работникам. Однако объединиться полностью они, естественно, не смогли. Только в 1928 году была создана коалиция Союза медицинских профсоюзов и Федерации медицинских профсоюзов. Режим Виши организовал врачей в корпорацию, управляемую контролируемым государством Орденом врачей, в оппозицию диктату которого встали медицинские организации. Также были основаны Федерация штатных врачей и отдельные союзы для терапевтов и для представителей других медицинских специальностей. Последние представляли собой важное новое явление. В 1958 году было не менее 14680 специалистов, то есть по одному на двух терапевтов: специализация была признана в 1930 году, когда Служба социального страхования приняла решение оплачивать услуги специалистов по более высоким ставкам. Разделение не помешало врачам выступать скорее в качестве лоббистской группы, которая борется за общественные фонды и преследует свои эгоистичные интересы. Необходимо развеять и миф о врачах как сплоченной фаланге антиклерикалов и атеистов. В 1936 году была опубликована книга «Врачи-франкмасоны», однако ее авторы были способны назвать лишь несколько имен в поддержку выдвигаемого ими обвинения. Медики баллотировались в парламент практически от всех партий. Врачей во Франции было, безусловно, не больше, чем где-либо.

	Практикующие врачи	Врачи в целом	Санитарные инспектора
1847		18099	7456
1866	11254	16822	5568
1876		14326	3633
1886	11995		2794
1896	13412	14538	2114
1906	18211		
1911	20113		
1921	20364		
1931	25410		200
1958	30318	47000	

Впечатление о их множестве у приезжающих в столицу Франции складывалось потому, что в Париже (в 1931 году) действительно было больше врачей, чем в любом другом европейском городе. Но Франция в целом занимала в мире семнадцатое место по относительному количеству медиков, имея одного врача на 1578 жителей, в то время как в Великобритании один врач приходился на 1183 жителей, в Германии — на 1280, в США — на 1326 и в Австрии — на 788. В отношении к численности населения в департаменте Майен врачей было в три раза меньше, чем в департаменте Сена*.

Проблемы, стоявшие перед врачами, способы сделать карьеру и природу их влияния на общество можно прояснить на нескольких примерах. У доктора Габриэля Моранжа, родившегося в 1865 году в Бордо, дед был башмачником, отец — железнодорожным служащим, а брат выучился на адвоката, но в результате женитьбы занялся виноторговлей. Экзамен на степень бакалавра философии Моранж не сдал. Тогда вместо философии он попробовал сдать экзамен на бакалавра наук и успешно; он предпочел поступить в медицинскую школу вместо политехнической, отчасти потому, что его мать умерла от отсутствия должной помощи со стороны врача. В медицинском отношении Бордо 1880-х был весьма отсталым городом: стерилизация стала использоваться только благодаря тому, что один профессор случайно познакомился с ее применением во время поездки в Париж на concours *d'agregation*†. Процветала система патронажа профессора над группой отобранных учеников. Когда Моранж попытался написать диссертацию на материале ошибочного диагноза, поставленного его профессором, и предложить новые методы лечения перитонита, профессор пришел в ярость, и Моранж был вынужден уехать в Париж. Получить специальность было достаточно просто, но без протекции встать на ноги — практически невозможно.

* *Pincemin J., Laugier A.* Les Médecins // Revue Française des Sciences Politiques. 1959. Dec. P. 881–900; *Laffitte.* Op. cit. P. 31.

† Конкурс на занятие должности профессора.— *Прим. ред.*

Избранные студенты — *internes* — для начала получали общественные должности, но огромное большинство студентов едва ли знали своих профессоров больше, чем просто в лицо, а поскольку количество студентов росло (между 1900 и 1935 годами оно удвоилось), то они были рады уже и этому. Моранж был без гроша в кармане, но он знал, что для того, чтобы преуспеть, он должен создать себе образ преуспевающего человека. Он занял 500 франков. Приобрел модную буржуазную одежду в кредит у еврейского портного. Снял квартиру на улице Литтрэ за 650 франков и нанял *femme de ménage**. Взял на прокат экипаж за 300 франков в месяц, что было дешево, так как пользовался он им только по утрам, а на день уступал богатым старым дамам. Он проводил вечера, беседуя с молодыми людьми, находящимися в одинаковом с ним положении. Вечной темой было: как стать преуспевающим? Его выручила эпидемия гриппа 1889–1890-х годов,— он помогал врачу и заработал 600 франков. Выручало его также и юго-западное землячество: провинциалы в столице почти всегда держались вместе, и наиболее удачливые среди них брали под свое попечительство начинающих. Моранж попросил своего покровителя добиться для него *palmes académiques*† от ученого совета: получив эту награду, он отпустил бороду, стал выглядеть внушительно и решился одолжить 6000 франков, чтобы открыть приемную. В первый год он заработал 5000 франков, а также сумел познакомиться с несколькими аристократическими семьями. Его имя стало известно, и на третий год его доход вырос до 12000 франков, а на четвертый год эта сумма удвоилась. В среде своих аристократических клиентов он обнаружил невероятное невежество в самых элементарных областях гигиены, безграничное доверие к целителям любого рода, абсолютное отсутствие сомнений в действенности любого снадобья, ярлык которого украшен изображением священника или монахини или просто указанием на то, что оно произведено в женском или мужском монастыре. Вся аристократия имела семейных врачей, но пренебрегала их советами и, скорее, держала в качестве своего рода слуг. Богатые предпочитали получать советы на стороне. В 1890-е годы Моранж начал прием клиентов только по предварительной записи и поступил правильно. Его отец в Бордо, из-за свойственной ему робости противившийся отъезду сына в Париж, сейчас был потрясен его успехом, и они помирились. Доход Моранжа рос по мере повышения социального уровня его клиентов. Он увеличил его, открыв школу медсестер, но совершил ошибку, принимая в нее всех, независимо от вероисповедания. Религиозный вопрос привнес раздор: протестанты заняли господствующее положение, и он оставил школу, будучи уже достаточно богатым для того, чтобы отказаться от приработков. В 1908 году он переехал в более фешенебельное место вблизи Мадлен‡. Война обеспечила ему мно-

* Домработницу (фр.).

† «Академические пальмы», знак отличия (фр.).

‡ Мадлен — парижская церковь св. Марии Магдалины. — *Прим. ред.*

го иностранных пациентов, особенно англичан и американцев, и его доходы значительно увеличились. Благодаря Моне-Сюлли (актеру из «Комеди Франсэз» и другу Клемансо), чьим врачом он был, Моранж получил титул кавалера ордена Почетного легиона. Звание принесло огромный рост спроса на его услуги, и знаменитые специалисты стали называть Моранжа *cher ami**

В провинции успех достигался медленнее; часто требовалось не одно поколение для того, чтобы приобрести репутацию, клиентуру и доход. В Манде, столице департамента Лозер с населением около 6000 человек, большинство практикующих медиков в XVIII не были квалифицированными врачами: в городе работало двадцать пять хирургов, девять аптекарей и семнадцать врачей; хирурги получали образование в частных школах. Правда после Революции хирургов обязали получать университетское образование, открылись фармацевтические факультеты. Таким образом, произошел подъем профессионального уровня и выравнивание различных категорий. Но в маленьком городе для такого большого количества квалифицированных людей, которым полагалось поддерживать довольно высокий стандарт жизни, не было места: число врачей упало до восьми или девяти. Основные средства, расходовавшиеся ради здоровья, шли по немногим каналам, результатом чего и было появление в XIX веке медицинской «элиты». Однако даже тогда от силы двое врачей достигали этого уровня одновременно. История неудачливых и лечивших бедноту врачей не документирована, но их нищета была почти неизбежной, поскольку «элита», совмещая много обязанностей, бесстыдно монополизируя большое количество официальных должностей, доступных для врачей, передавая их в дальнейшем по наследству от отца к сыну, оставляла большинству коллег только объедки. Родоначальником одного из таких привилегированных семейств при Революции был Ж. П. Барбю. Он был сыном крестьянина, но из-за его болезненности и изуродованной руки его отдали учиться в школу. Опекавший его врач помог получить диплом. Барбю стал депутатом, мировым судьей, директором Баньольской водолечебницы, занялся сельским хозяйством, написал книгу о земледелии в Лозере, после чего стал членом Высшего совета по сельскому хозяйству, продолжая служить всем общественным классам. Таким образом, медицина была лишь частью его более обширной общественной деятельности. После смерти Барбю его практика перешла к зятю, Аристиду Барбо, родившемуся в 1800 году, который практиковал с 1827 по 1861 год. Обладая достаточным состоянием, этот человек, сын адвоката, потратил в 1829–1830 годах 6319 франков на обновление своего оборудования. Своим сыновьям он дал образование в Париже. Он жил комфортно, примерно на уровне 2500 франков в год, выписывал «Journal de Médecine», дабы не отстать от времени, внедрил

* Дорогой друг (фр.). *Morange C.* Livre de raizon d'un médecin parisien 1815–1938. 1938.

методы аускультации* Ленека и анестезии Мортона и Джексона и этим упрочил свое положение в городе. Он совмещал посты тюремного врача, члена санитарного совета, хирурга национальной гвардии†, члена комиссии по народному образованию и *école normale*‡ и был избран членом муниципального совета. Он охотился, играл в вист в новом клубе, одним из учредителей которого был, посещал театр, давал обеды, главным образом для своей большой семьи: у него было четверо родных, а также шестнадцать двоюродных братьев и сестер с его стороны и четырнадцать со стороны жены. Он был либералом, поэтому сохранял свои посты во всех революциях. Свою старшую дочь он выдал замуж за нотариуса. Младший сын сам стал нотариусом, а старший продолжил врачебную практику отца (1857–1898). Последний женился на дочери фабриканта, стал мэром города, унаследовал отцовские должности и даже умножил их число, превзойдя отца также и в пышности устраиваемых обедов,— в соревновании, которое было одним из развлечений буржуазии. В свою очередь, его сын тоже стал его преемником. XIX век был также золотым веком и для фармацевтов. В городе Манд их число сократилось до одного-двух, и эта монополия обеспечила им небывалое процветание. Но и при том после пяти поколений фармацевтов следующего сына семья отправляли учиться на врача — неискоренимая тяга к движению вверх по социальной лестнице§.

Успех в медицине для многих был всего лишь средством достижения другой цели. Для них идеал достойной жизни воплощался не только в служении обществу, но и в деятельности в других сферах, в частности, в искусстве. Французские врачи славились своими хобби. На примере ведущих «светил» можно увидеть, какое значительное место занимали в их жизни увлечения. Ипполит Эрар (1819–1913), президент Академии медицины, отдавал игре на фортепиано столько сил, что музыку можно было назвать его второй профессией: «не был ли Эскулап сыном Аполлона?». Альбер Робэн (1847–1928), ставший членом Академии медицины в сорок лет, управлял металлургическим заводом, унаследованным от отца, а также в течение многих лет был обозревателем «New York Herald». Это не помешало ему опубликовать более 400 статей в медицинских журналах и консультировать русского царя. Между прочим, отношения Робэна с отцом были прерваны с тех пор, когда сын первоначально отказался участвовать в семейном бизнесе и решил самостоятельно делать карьеру, начав с медицинской школы. Другим врачом, разорвавшим связь с семьей, был Луи Брок (1856–1928), который не пошел по пути отца и брата, *bâtonniers*** из Ажена, отказавшись стать адвокатом. Когда он стал известным врачом, отец смягчился, они примирились, и с тех пор ежегодный отпуск Луи проводил в родном доме в Ажене. Страстью Брока было коллекцио-

* Аускультация — метод исследования внутренних органов больного путем их выслушивания.— *Прим. ред.*

† Полувоенное образование, формировалось при Луи-Филиппе из граждан от 20 до 60 лет, которые были налогоплательщиками и в силу этого сторонниками порядка и режима. Вторая республика отменила налоговый ценз и номинально увеличила численный состав с 56000 до 190000 человек. В 1852 г. правительство покончило с выборностью ее офицеров.

‡ Педагогическое училище, готовившее учителей начальной школы.— *Прим. ред.*

§ *Barbot M.* Médecins, chirurgiens, et apothicaires mendois des origines au 20e siècle. 1952 (рукопись).

** Председатель коллегии адвокатов (фр.).

нирование: у него были работы Моне, Писсарро, Сислея, Ренуара и Дега. Жан Алле (1868—1951) происходил из древнего рода художников, восходящего к семнадцатому веку, хотя в девятнадцатом некоторые члены его семьи занялись медициной. Он был семейным врачом в предместье Сен-Жермен, где его род жил уже 300 лет. Он занимался живописью, выставлял свои работы, ездил за границу и владел двумя загородными домами* Французские врачи издавна имели процветающее художественное общество, проводившее крупные выставки; врачи были критиками и покровителями искусств†. Необычайно большое число писателей получили медицинское образование, и среди них было немало тех, кто потом использовал это для нападок на профессию, которую он оставил или в которой не смог найти свое место, за ее бессилие и легковерие‡.

В заключении можно сделать два предварительных вывода. Благодаря престижу науки и успехам медицины врачи заняли ключевые позиции в обществе, однако, как и по отношению к духовенству, их знания и методы подвергались сомнению. Их исключительность вызывала враждебность или зависть, аналогичные антиклерикализму, который провоцировало духовенство. И, говоря о доминировании буржуазии, этот фактор следует учитывать. Каждая группа этого класса утверждалась за счет монополии, которая давала ей власть и одновременно порождала врагов. Буржуазное общество было пронизано громадным количеством разнообразных антиклерикализмов. В этих многосторонних конфликтах не каждый отчетливо представлял себе, кто был его злейшим врагом. Кроме того, врачи демонстрируют наравне с другими профессиями, о которых пойдет речь дальше, что сам по себе престиж специальных знаний в любой области редко воспринимался как адекватный признак успеха. Чаяния людей венчал идеал всеобщей культуры. Отсюда и столь широко распространенное увлечение искусством и литературой. Далее мы еще приведем доводы в пользу того, что, возможно, следует говорить не о господстве буржуазии (и даже денег) во Франции, но о непризнанной власти интеллектуалов.

В будущем мы предполагаем детальнее рассмотреть отношения между врачами и интеллектуалами. Врачи, в особенности те, кто занимался психическим здоровьем, предложили свое объяснение поведению человека и мотивации, не обязательно совпадающее с точкой зрения философов, биографов или романистов. Рассмотрение того, как представители различных социальных групп относились к эмоциям, беспокойству, меланхолии и другим подобным проблемам поможет подобрать ключи и к внутреннему делению французского общества, и к общепринятым идеям, существовавшим в нем.

* *Rist É.* Vingt-cinq portraits de médecins français 1900—1950. 1955 (жизнеописания членов Академии медицины).
† *Labarthe P.* Le Carnet du docteur au salon de peinture de 1874. 1874.
‡ *Salières F.* Écrivains contre médecins. 1948; *Cruchet R.* La Médecins et les médecins dans la littérature française. Louisiana, Bordeaux, 1933.

Глава III НОТАРИУСЫ

Еще одним занятием, занимавшим, как считалось, ключевые позиции в общественной, политической и экономической жизни, была профессия нотариуса. Привычному представлению о нотариусе соответствует образ солидного, респектабельного, консервативного и состоятельного человека, пользующегося глубоким и признанным влиянием на массы. Действительно, нотариусы часто были мэрами своих селений. Еще сегодня две сотни из них исполняют эту должность. Нотариусы опубликовали множество книг и статей во славу своей профессии, в которых подчеркивалась ответственность, налагаемая их видным положением* Например, один нотариус из Безансона, писавший во времена Наполеона III, связывал важность их положения с тем, что они были не только государственными должностными лицами, но также независимыми людьми, которые занимали свои должности пожизненно и платили за них. По его словам, обязанности нотариусов ставили их на одну ступень с духовенством, поскольку в их присутствии начинались и заканчивались все события гражданской жизни, подобно тому, как в присутствии священников — все события жизни религиозной. Нотариус — это тот, кто, составляя брачный контракт, закладывает первые основы и соединяет первые звенья семьи; это именно его умирающий призывает к изголовью своего ложа, чтобы поверить свою последнюю волю. Как защитник всякого рода интересов, как наперсник самых тайных намерений, как арбитр в большинстве коммерческих сделок, как фактически неизбежный посредник при перемещении имущества или капитала, нотариус становится другом, судьей, защитником семейств. Польза, приносимая им при исполнении этих обязанностей, очевидна: он может прекратить родственные раздоры, способен умерить требования алчного или неудовлетворенного кредитора, спасти неудачливого должника от полного разорения, защитить несовершеннолетних, женщин и лиц, отсутствующих при описи имущества, подсчете и разделе наследства; словом, повсюду он представляет закон и справедливость†.

* Добротное библиографическое изыскание на эту тему см.: *Amiaud A.* Recherches bibliographiques sur le notariat français. 1881.

† *Clerc E.*, président de la chambre des notaires de Besançon. Théorie du notariat pour servir aux examens de capacité. 3d ed., 1861. P. 22.

В конце XVIII века было примерно 40000 нотариусов, 13900 — в 1803 году, 10300 — в 1834, 9765 — в 1855, 8910 — в 1894, 8164 — в 1912, и 6323 — 1969 году. Эти цифры сразу раскрывают одну из главных и постоянных проблем этой профессии: нотариусов было слишком много, и большая часть их была не в состоянии вести достойное существование. При Старом порядке было колоссальное множество нотариусов, королевских и сеньориальных, так что в каждом городке был один (а часто и более) нотариус, иногда они были даже в деревнях*. Многие вели жизнь беднейших ремесленников; для их жен не было чем-то необычным торговать в лавке. Один автор, писавший в 1891 году, был лично знаком с бретонским нотариусом, жена которого содержала рядом с конторой мужа трактир, куда его клиенты заходили выпить до и после решения деловых вопросов†. До XVIII века контора нотариуса называлась *boutique*‡; первый случай употребления слова *élude*§ относится к 1736 году. В этот период стоимость практики часто была низкой, так как нотариусов все более и более обременяли разнообразные виды налогообложения (даже при том, что от многих других налогов они были освобождены) и их доходы сократились из-за открытия королем множества новых контор. Высшие слои добились того, что бы их профессия сочеталась с благородством, но низшие вели борьбу за существование. В *cahiers* 1789 года** нотариусы требовали прежде всего сокращения численности, предотвращения конкуренции между собой и запрещения соперничавших профессий. Наполеон частично удовлетворил их желания. Он оставил только государственных нотариусов и разделил их на три класса, первый с правом практиковать в границах юрисдикции апелляционного суда (около 4%), второй — в пределах *arrondissement*†† (около 13%), третий — в границах кантона (подавляющее большинство). Они сохранили право собственности на свои конторы и право их продажи. Будучи государственными служащими, они, однако, не получали жалованья, рассчитывая только на гонорары. Благодаря этому они сохранили большую долю независимости, но плутократический способ комплектования‡‡ держал их в постоянном страхе того, что их конторы могут быть национализированы. Часто поднимался вопрос о том, чтобы выкупить их и допускать к профессии посредством сдачи экзаменов, но в 1850-е годы было подсчитано, что на это потребуется по меньшей мере 800 миллионов франков — столько же, сколько стоило построить всю сеть железных дорог§§.

Как правило, для того, чтобы стать нотариусом, не требовалось диплома, и даже теперь большинство нотариусов не имеют свидетельств о среднем образовании (*baccalauréat*)*** Начинали обычно учениками††† — но из 30—40 тысяч нотариальных клерков немногие становились нотариусами, потому что главным

* *Langlois L.* La Communauté des notaires de Tours de 1512 à 1791. 1911. P. 472.

† *Rouxel J.* La Crise notariale. Étude économique et psichologique du notariat moderne. 1891. P. 20.

‡ Лавка, контора (фр.).

§ Канцелярия, бюро, контора (фр.).

** Наказы избирателей Генеральным штатам.

†† Административный округ (фр.).

‡‡ Автор имеет в виду, что нотарнус не был ни назначаемой, ни выборной, но приобретаемой должностью.— *Прим. ред.*

§§ *Jeannest St.Hilaire A.* Du Notariat et des offices. 1857. P. 115.

*** *Lefevre P.* Les Notaires. 1969.

††† *Genty L.* La Basoche notariale. Origines et histoire du XIV^e^ siècle à nos jours de clericature notariale. 1888.

условием этого в XIX веке было обладание по меньшей мере 15–20 тысячами франков для приобретения самой дешевой *étude*, большинству же они обходились на 40 тысяч франков дороже; 100 тысяч франков стоила контора в административном центре департамента, 300 тысяч франков — в предместьях Парижа, свыше 700 тысяч франков — самая доходная в центре Парижа* Кроме того, покупатель должен был внести государственный денежный залог, размер которого, в зависимости от района, варьировался от 1800 до 5200 франков для нотариусов третьего класса, от 3 до 12 тысяч для нотариусов второго класса и от 40 до 50 тысяч франков для нотариусов первого класса. Размеры города в исчислении залоговой суммы не учитывались: в Рубе с населением около 100 тысяч человек в 1890 году все еще требовалось всего 5200 франков, потому что он был только столицей округа, но в Нанте, который был столицей департамента, при таком же населении требовалось 25 тысяч франков†. Нотариальная контора в известной степени являлась помещением капитала. В 1870 году она могла быть приобретена за сумму, равную десятилетнему доходу, но к 1890 году цена снизилась до размера семи- или восьмилетнего дохода‡. Конкуренция и кризисы сделали возврат средств не столь несомненным, как это представлялось на первый взгляд. После этих крупных расходов нотариусы нередко становились банкротами. Поскольку не существовало серьезного контроля их соответствия должности или честности, многие нотариусы скрывались с деньгами клиентов. До 1870 года в среднем ежегодно происходило по дюжине скандалов с исчезновением контор. В 1875 году было 28 таких случаев, в 1882 — 31, в 1883 — 41, в 1884 — 55, в 1886 — 71, и в 1889 — 103. С 1880 по 1886 год нотариусами были присвоены или растрачены 62 миллиона франков. В одном округе департамента Нор в 1888 году бежали вместе все пять нотариусов, в том же году в Нанте четверо нотариусов были отданы под суд. Во второй половине столетия во Франции практически не осталось округа, в котором не было бы нотариуса-банкрота или нотариуса-преступника. В печати появлялись враждебного тона статьи (следуя примеру председателя кассационного суда, поданному в 1854 году), в которых говорилось, что уровень преступности среди нотариусов в три раза выше, чем среди жителей Парижа — довольно криминального города. Но позднее в Париже банкротств с успехом избегали: за последние 50 лет там не произошло ни одного. Наиболее склонны к невыполнению своих обязательств были нотариусы юга. Двумя наихудшими периодами были 1840-е и 1880-е годы, и каждый служил причиной проведения очередной кампании и принятия законодательных мер против нотариусов§.

Кризисы были результатом порочного круга: привлекательность конторы поднимала цену намного выше того, что она сто-

* *Charlon E.* Guide pour le choix d'un état. 1842. P. 464.
† *Rouxel.* Op. cit. P. 52.
‡ Ср.: *Charlon.* Op. cit.; *Jacquemart P.* Professions et métiers. 1892. P. 708–710.
§ *Rouxel.* Op. cit. P. 2–3.

ила на деле, а банкротства дискредитировали профессию как таковую. Многие города, казавшиеся вполне подходящими, не могли, однако, обеспечить нотариуса доходами. Картина легкого и обеспеченного существования была иллюзией, созданной теми немногими, кто обладал значительными унаследованными средствами. В среднем чистый заработок нотариуса в 1850-е годы оценивался в 2—3 тысячи франков* Нотариусы добивались закрытия наименее доходных *études* и, как только предоставлялась возможность, многие из них ликвидировались — не менее 429 между 1855 и 1909 годами. Но в 1913 году (а к этому времени цены и зарплаты значительно возросли) все еще было некоторое количество контор, приносящих доход менее 2 тысяч франков в год, 1572 давали менее 5 тысяч, 2760 — от 5 до 10 тысяч, 2880 — от 10 до 30 тысяч, и только около тысячи приносили более 30 тысяч франков в год. Доходы многих из парижских контор, конечно, достигали намного более высоких значений, часто свыше 100 тысяч франков†. Разница в доходах нотариусов, таким образом, была столь значительна, что некоторые из них получали в пятьдесят раз больше, чем другие, что, несомненно, способствовало искажению образа профессии в массовом сознании. Некоторые нотариусы были почти неотличимы от крестьян — едва способные читать и писать, они не имели никакого образования, кроме начальной школы‡. Проблема дифференциации в среде нотариусов была актуальна даже в 1970 году. При том, что каждый парижский нотариус в среднем держал 25 клерков, все еще было 593 нотариуса, работавших в одиночку, вообще без каких бы то ни было помощников, «как настоящие ремесленники»; несколько сотен контор, выставленных на продажу, не находили покупателей. Хотя в 1934 году из взносов нотариусов был наконец учрежден центральный фонд страхования клиентов от банкротств нотариальных контор, а в 1945 году была создана несколько более совершенная система образования, все же банкротства и растраты не прекратились (в 1968 году их было 14). Нотариусы разработали схему, которая давала возможность тем, кто не имел капитала, получить ссуду в размере половины стоимости их конторы, но эта профессия так и не стала демократичной. Комиссия Армана-Рюфа 1959—1960 годов была последней в длинном ряду парламентских попыток рассмотрения того, какие преобразования могут быть осуществлены. Эта комиссия оказалась несколько более эффективной, чем аналогичная в 1909 году, перед которой нотариусы даже отказались предстать.

Бальзак описывал нотариуса как образец респектабельности и надежности. «Если у нотариуса нет того неподвижного и благородно округлого лица, по которому вы можете его узнать, если он не предлагает обществу абсолютной гарантии своей заурядности, если он не является тем винтиком из полированной стали,

* *Jeannest*. Op. cit. P. 155.
† *Bender É*. La Réforme notariale. 1913. P. 143.
‡ *La Grasserie R. de*. L'État actuel et la réforme du notariat en France. 1898. P. 159—160.

которым он должен быть, если в нем сохранился хотя бы намек на то, что он пусть самую малость художник, чудак, человек, подверженный страстям, или влюбленный,— с ним кончено»* Очень сложно кратко описать такое разнообразное собрание людей сколько-нибудь точно, и в любом случае роль, которую нотариус играл в жизни страны, менялась не только в зависимости от его личных качеств, но также в зависимости от региона, где он практиковал. В разных провинциях его услуги пользовались разным спросом. В судебной провинции Гренобль (область, находящаяся в юрисдикции апелляционного суда Гренобля) в 1850-е годы нотариусы составляли по одному юридическому документу на каждых одиннадцать жителей, а в Ажене — на шестерых. Также и в Кане к услугам нотариусов, пропорционально численности населения, прибегали почти в два раза чаще, чем в Орлеане. Это не было прямо связано с числом судебных тяжб в различных регионах. Гренобль и Кан использовали своих нотариусов примерно с равной интенсивностью, но в первом обращались в суд почти в два раза чаще, чем во втором, в четыре раза чаще, чем в Орлеане, и в пять раз чаще, чем в Анжере. География влияния судов в той же степени заслуживает составления собственной карты, что и влияние церкви†. Это нелегко обосновать, пока не проведено более детальное исследование. Но важным фактором является цена составления нотариального акта. Поначалу в гонорарах, назначаемых нотариусами, вообще не было единообразия; господствовала жесткая конкуренция, сбивавшая цены. Долгое время нотариусы сопротивлялись попыткам ввести единый тариф, но разные провинции постепенно установили минимальные расценки, общенациональный же тариф был установлен только в 1945 году. Но даже после этого способ начисления гонораров оставался очень сложным, так что нотариусу ничто не препятствовало жонглировать номенклатурой оказываемых им услуг в разных своих счетах. Составление нотариального акта, удостоверяющего полномочия поверенного, в 1900 году могло стоить от 9 до 26 франков, в зависимости от того, как это делалось‡. В результате расплодилось огромное множество не имеющих соответствующей квалификации конкурентов, предлагавших альтернативные решения. В каждом городе появились информационные бюро, агенты по продаже недвижимости, агенты по взысканию долгов, конторы юрисконсультов, порой размещавшиеся в гостиничных номерах, снимаемых старшим сержантом в отставке, адвокатом или землемером. Служащие нотариальных контор писали книги, наставляющие публику в том, как составлять юридические документы без привлечения нотариусов. Экономия денег, достигаемая благодаря этому, могла, конечно, быть огромной, хотя нотариусы утверждали, что тяжбы, обусловленные незнанием законов, сводили ее впоследствии на нет, а гонорары

* *Herment R.* Sous la poussière des panonceaux. Nice, 1955. P. 275.
† *Jeannest.* Op. cit. P. 346–347.
‡ *Breton E.* Les Coulisses du notariat. 1904. P. 60.

никем не контролируемых дилетантов часто оказывались платой за обман. Но крестьянин, умирая в 1865 году и оставляя небольшое поле и домик стоимостью в 900 франков, должен был заплатить нотариусу и прочим чиновникам гонорар в размере 458 франков. Он испытывал сильное искушение обратиться к кому-нибудь со стороны (кроме всего прочего еще и потому, что государство претендовало на 208 франков налога, который нотариус был обязан взимать, а непрофессионалы — нет)*

Ввиду того, что нотариусы были как юристами, так и сборщиками налогов, разнообразие их функций было таково, что они оказывали влияние,— как моральное, так и финансовое,— которое вполне могло быть сравнимо с влиянием священников. В сельской местности они работали по воскресеньям, совершая множество деловых операций с крестьянами, приходящими в церковь из близлежащих деревень. Некоторые даже открывали палатки на рынках и были настолько заняты, что давали крестьянам подписывать чистые листы бумаги, которые заполняли позже. Их учебники предписывали им использовать свое искусство в деле исправления нравов и примирения клиентов, поддерживать отцовский авторитет и сыновнюю почтительность, побуждать неженатых к браку, но в этом случае обслуживать свадебные празднества «с внушительной степенностью», долженствующей искоренить непристойности, которые так часто портят эти торжества†. Как мы увидим далее, нотариусы играли ведущую роль в изменении финансовых сторон семейной жизни благодаря тому, что составляли брачные контракты, тем самым способствуя установлению новых отношений между мужьями, женами, детьми и родственниками. Под давлением общественного мнения они приспосабливали закон ко времени, тогда как парламент в подобных случаях обычно ограничивался назначением комиссий, которые так никогда и не представляли отчетов. Странно, что их деятельность в области права изучалась так мало. То, как они модифицировали парламентские законы и находили способы смягчить их или же обойти совсем, имело, вероятно, даже большее значение, чем судебная практика. Все-таки важно было бы понять, что реально происходило во Франции, для сравнения с тем, что, по мнению политиков, должно было происходить. Нотариусы имели бесспорное влияние на экономическое развитие страны благодаря их контролю над вкладами маленьких людей. Именно им традиционно несли свои сбережения, когда отваживались извлечь их из-под матраца, за прибыль от 3,5 до 5%. Нотариусы выполняли роль посредников, когда люди хотели получить ссуду, и находили заимодавцев, обычно под обеспечение закладных. Было подсчитано, что в 1912 году нотариусы договорились о предоставлении ссуд на сумму в 748 миллиона франков, в то время как Credit Foncier de France выдал только 124 миллиона франков кредитов‡.

* *Granveau A.* Analyse philosophique des usages en France. 1865. P. 46.

† *R...*, notaire. Le Notariat considéré dans ses rapports intimes et journaliers avec la morale. 1847. P. 104; *Masse A. J.* Le Parfait Notaire. 1807.

‡ *Dubas F.* Du Rôle actuel économique et social du notariat français. 1918. P. 60.

Здесь их руководящим принципом была не цель организации займа, а надежность предоставляемого в его обеспечение залога. Известно, что большую часть мелких сбережений они направляли в закладные и государственные облигации. Образование и подготовка нотариусов были, как правило, недостаточны, чтобы дать им возможность справиться с проблемами индустриализации. Поскольку компании стремились по возможности избегать обращения к ним из-за высокой стоимости официальных нотариальных действий, нотариусы имели меньше дел с промышленностью, чем это было желательно с точки зрения экономического развития* Тут они, по-видимому, не столь успешно шли в ногу со временем, как в области семейных отношений,— но это та тема, которая ожидает дальнейших исследований.

Теперь каждый акт, составленный нотариусом, предполагал помимо гонорара и уплату государственных налогов. В среднем нотариус собирал налогов в восемь раз больше, чем получал доходов. Он, таким образом, пребывал в двусмысленном положении, будучи сборщиком налогов и в то же время советуя частным лицам, как от уплаты налогов уклониться. Нотариус был обязан вносить налоги с совершаемых им действий независимо от того, заплатил ему клиент или нет, однако персональных комиссионных с этих налогов он не получал. Его выгода состояла скорее в росте числа сделок, нежели налоговых доходов. До 1918 года он беспрепятственно пользовался банковскими депозитными сейфами, лишая казну налогов на наследство. (Закон 1923 года сделал обязательным присутствие представителя министерства финансов при открытии этих сейфов после смерти вкладчиков.) Поскольку он нес фискальные обязанности, нотариус использовал при составлении актов такой язык, который был одобрен управлением гербовых сборов, следствием чего было то, что он неохотно искал новые решения для новых ситуаций: старые формулы защищали его лучше. Лишь совсем недавно он начал использовать более ясный язык, хотя теперь он уже утрачивает прежнюю роль советчика и доверенного лица, становясь в большей степени техническим специалистом†. Для предупреждения его возможного бегства с деньгами, сданными на хранение, или использования их в спекуляциях были приняты законы, требующие депонировать деньги в Банке Франции. Общая сумма депонированных средств составила в 1935 году 1,4 миллиарда франков на всю страну, но нет уверенности в том, что с этими законами всегда считались. Более результативными были добровольные соглашения, согласно которым нотариус оформлял закладные на ссуды, выданные Credit Agricole, взамен за что размещал в банке крупные денежные суммы своих клиентов.

Обычное представление о нотариусе как представителе буржуазного права, порядка и власти, конечно же, является мифом,

* *Desmazières A.* L'Évolution du rôle du notaire dans la constution des sociétés par actions. 1948.

† *Brisse M.* Essai sur le rôle fiscal du notaire. 1937. P. 214–217; *Collet Ch., Oudard A.* L'Évolution du notariat parisien au cours de l'époque contemporaine 1900–1960. 1961.

выдающим желаемое за действительное и созданным самими консерваторами. Без сомнения, нотариус оказывал влияние на жизнь крестьян и, будучи «не столь высокомерным и отчужденным, как судебные чины, более независимым, чем служащие государственного управленческого аппарата», он гораздо легче мог находить общий язык с массами. Округ нотариуса был достаточно небольшим — каждый имел дело примерно с тремя тысячами жителей. Но, по словам одного нотариуса: «Лукавая хитрость крестьянина, искусно скрытая под маской простодушного невежества и обаятельного добродушия, давала ему несомненные преимущества в [его] непрекращающейся борьбе против нотариуса»* Сцены, разыгрывавшиеся в нотариальной конторе, часто более походили на некие ритуальные представления или рыночную торговлю, чем на исповедь; крестьянин лгал, а нотариусу приходилось использовать весь имеющийся опыт, чтобы добраться до правды, которую из гордости или коварства ему отказывались открыть. В экономическом плане каждый часто стремился использовать другого. Городской нотариус, поддерживаемый своими клерками, был весьма грозным должностным лицом. Сельский же нотариус представлял собой силу в местной борьбе, которую крестьяне могли использовать в игре против мэра и гневных чиновников. Не случайно во время Революции нотариусы подвергались преследованиям более ожесточенным, чем другие профессии (некоторые утверждают, что они пострадали даже сильнее, чем аристократы), поскольку были ростовщиками.

Кроме того, нотариусы находились в состоянии войны не только со своими клиентами, но также и с судейскими. Хотя некоторые из них и были бедны, тем не менее они почти всегда были богаче, чем плохо оплачиваемые судьи, и они использовали свои наследства, чтобы делать деньги на законе. Они вели активную деловую жизнь, в то время как судьи, получившие классическое образование и обреченные на жизнь весьма скромную и умеренную, компенсировали свою бедность претензией на общественное превосходство. Теоретически судьи обладали по отношению к нотариусам определенными контролирующими функциями. В спорных случаях они могли устанавливать гонорары нотариусов, и тогда они употребляли свою власть с ехидством, порожденным печально известной черной завистью. Так, например, в случаях принудительной описи или продажи с торгов имущества суды могли распорядиться о проведении официальной распродажи мировым судьей или нотариусом, и последних неизменно обходили. При Реставрации те ответили изобретением следующего приема: в составляемые ими контракты включались статьи, согласно которым в случае принудительной распродажи имущества это должно было производиться частным образом нотариусом. Но суды объявили эти статьи не имеющими законной

* *Jeannest.* Op. cit. P. 168.

силы. Распря возобновлялась под различными личинами. Правительство также вызывало беспокойство нотариусов. Их привилегии находились под постоянной угрозой, а в парламенте вновь и вновь поднимался вопрос о реформе нотариата. Из-за имиджа твердых консерваторов у них была репутация орлеанистов, однако это, по-видимому, еще одно слишком простое обобщение. Кто-то, напротив, говорил, что многие из них были бонапартистами, так как Наполеон восстановил их положение после Революции и повысил их престиж распоряжением хранить в их *études* списки избирателей. В правление Луи-Филиппа они не противостояли правительству, но подвергались постоянным атакам с его стороны. В 1844 году от них потребовали оплачивать *patente** наравне с мелкими лавочниками, хотя ордонанс 1843 года воспрещал им принимать участие в коммерческих или промышленных предприятиях. В 1841 году был введен двухпроцентный налог на переход нотариальной конторы к другому владельцу, твердых гарантий собственности на свои конторы они, однако, не получили; обсуждались планы реформирования нотариата. В 1841 году Кассационный суд сделал в отношении нотариусов исключение и позволил государству преследовать их по суду за налоговые недоимки в течение 30 лет. Он также объявил не имеющим законной силы любой нотариальный акт, который не был составлен в присутствии двух нотариусов (в то время обычно второй нотариус ставил свою подпись позже). Позднее их беспокоило правительство Наполеона III своим вмешательством в установление цен на конторы; Третья республика неоднократно пыталась более строго контролировать их деятельность.

Таким образом, роль нотариусов в обществе существенно различалась в разных областях и в разное время. Сравнительно недавно нотариусы выступили в качестве группы давления, организовавшись в профсоюз. В 1934 году были проведены несколько *conférences générales des notaires*† в качестве «плавильных котлов идей и центров интеллектуальной активности». Они убеждали нотариусов принимать большее участие в социальной, экономической и политической жизни нации‡. Это может означать, что, переживая спад своего влияния, нотариусы стремятся возродить свою силу, превратившись в некую разновидность интеллектуалов. Но, пожалуй, это также демонстрирует, как изменяются со временем источники влияния: возможно, их деятельность занимает сегодня в повседневной жизни менее важное место, или иные формы власти, которые они иногда сочетали со своей профессией нотариуса (например, руководство местными делами), теперь более уязвимы для нападок и критики.

* Торговый налог, уплачивавшийся торговцами и некоторыми профессиональными категориями. Состоял из фиксированной ставки для каждого рода занятий и дополнительной суммы, пропорциональной стоимости имущества, используемого для ведения своего дела.

† Общие конференции нотариусов (фр.).

‡ *Herment*, 333.

Глава IV БОГАТЫЕ

Широко известно мнение, что вся Франция в этот период контролировалась двумя сотнями семейств, которые располагали огромным богатством, управляли большими предприятиями и покупали политиков для достижения своих целей. За фасадом демократии скрывалась олигархия, имена большинства представителей которой даже не были известны общественности. Эта идея стала особенно популярной в 1930-е годы. Даладье* сделал ее своим политическим знаменем. «Две сотни семей,— заявил он на съезде радикальной партии в 1934 году,— являются хозяевами французской экономики и, по сути, французских политиков. Влияние двухсот семей распространяется на финансовую систему, транспорт, кредит. Двести семей направляют своих представителей заниматься политической деятельностью. Они держат в оковах общественное мнение, поскольку контролируют печать». Точное число семей и точное время приобретения ими своего влияния по-разному виделись их обличителям. Даладье называл это «новым феодализмом». Его современник, сенатор Лесашэ, специализировавшийся на разоблачении олигархии, считал, что она выросла только в 1920-е годы, при этом он говорил о 150 или 300 семьях†. Но еще в 1869 году Жорж Дюшен, друг Прудона, выступал против сосредоточения власти в руках «двухсот набобов», добавляя, что «античность не знала примеров столь концентрированной олигархии»‡. Число «200» всегда было скорее гипотетическим. Своим появлением оно, вероятно, обязано ежегодным собраниям акционеров Банка Франции. Хотя банк имел более сорока тысяч акционеров, по наполеоновским законам только двести из них, владевших наибольшими долями, имели право присутствовать на собрании. Им вместе принадлежала лишь меньшая часть капитала банка, однако они полностью контролировали его. На собрании избирали пятнадцать членов правления, обычно из числа присутствующих. Члены одних и тех же немногих семей избирались в правление из поколения в поколение, что подчеркивало олигархическую природу осуществляемого контроля.

* *Эдуард Даладье* (1884—1970) — премьер-министр Франции в 1933, 1934 и 1938—1940 гг., в 1936—1937 гг. — министр национальной обороны, в 1939—1940 гг.— министр иностранных дел. В 1940 г. арестован властями Виши, освобожден в 1945 г., в 1946 г. избран в Законодательное собрание, а затем в сменившее его Национальное собрание. Оставил политику в 1958 г.— *Прим. ред.*

† *Coston H.* Le Retour des 200 families. 1960. P. 10—12.

‡ *Duchêne G.* L'Empire industriel. 1869. P. 299.

Даже глава банка, назначавшийся государством, должен был иметь сто акций. Предлагаемые государством кандидаты в члены правления могли быть забаллотированы промышленниками и финансистами, составлявшими большинство.

Это соглашение, особенно в глазах радикалов и социалистов, копировало то, что происходило в большинстве крупных фирм. Их советы директоров состояли из людей, владевших лишь небольшой частью акций, достаточной, однако, чтобы быть избранными. Огромная масса акционеров либо не имела досуга для посещения собраний компании, либо была исключена на основании законов, либо владела акциями без права голоса. Банки предлагали аккумулировать дивиденды для тех, кто депонировал в них свои акции, и взамен приобретали право голосовать ими, получая возможность продвигать непропорционально большое число своих кандидатов на места директоров, кроме того, они зачастую требовали место в правлении в качестве условия предоставления относительно небольших займов. Директораты крупных предприятий Франции были, таким образом, захвачены представителями довольно узкого круга людей, которые не занимались больше ничем другим и могли себе это позволить, поскольку снижали дивиденды до минимума, выплачивая самим себе огромные гонорары. Уже при Наполеоне III Эмиль Перейр занимал девятнадцать директорских постов, его брат Исаак — двенадцать, а племянник Эжен — девять. Вместе с другими родственниками клан Перейров контролировал пятьдесят компаний с общим капиталом пять миллиардов франков* Дюшен утверждал, что в 1869 году подобным образом 183 физических лица контролировали две трети акционерного капитала. В 1930-х годах Ледерлен был директором в 63 компаниях, Эрнест Кювлет — в 47, Эрнест Мерсье — в 46; всего известно по меньшей мере 144 человека, каждый из которых занимал директорские посты в десяти или более компаниях†. Поскольку многие из них породнились благодаря браку, замкнутость семейного круга возводила еще больший барьер между ними и массами. Барон Жорж Бренкар, президент Crédit Lyonnais, был зятем основателя этого крупнейшего банка Анри Жермена. Он состоял в родстве с семьями Грамон, Ротшильд, Фабр-Люс и Вогэ, каждая из которых была представлена в правлениях многих других компаний. Ротшильды, в свою очередь, были в родственных отношениях с банковскими семьями Фульдов, Гейне и Лазаров. Сталепромышленник Шнайдер был родственником сахарозаводчика Лебоди, католических издателей Мамов, еще одного крупного сталепромышленника Венделя, Коссе-Бриссака и Ситроена. И так далее. Оппозиция этим кланам неизбежно усиливалась, когда они использовали свое богатство для политического подкупа (что было особенно заметно в период между мировыми войнами), покупали газеты и отдава-

* *Duchêne G.* Études sur la féodalité française. 1867. P. 37.

† «Le Crapouillot». 1936. Mar (выпуск, посвященный «Les Deux Cent familles»). P. 21–22.

ли места в советах директоров или акции политикам, на которых рассчитывали приобрести влияние. Три президента республики между войнами — Думер, Думерг и Лебрен* — были директорами крупных компаний†.

Другую атаку на двести семейств предпринял в 1910 году Франсис Делези. По его словам, только четверть национального бюджета расходовалась на государственных служащих. Еще примерно четверть направлялась на выплаты процентов рантье. Остальное доставалось подрядчикам и поставщикам оружия, а также тратилось на общественные работы. Таким образом, три четверти собираемых налогов возвращались богатым. Олигархи, управлявшие Банком Франции, использовали национальное богатство для поддержки еще одной клики — республиканской партии, служившей их политическим инструментом. Банк Crédit Foncier, кредитовавший сельское хозяйство и имевший закладные на пятую часть земель Франции, также управлялся двумя сотнями крупнейших акционеров, выплачивал 2,5% своим мелкобуржуазным инвесторам, но взимал 4,5% с заемщиков. Четыре больших депозитных банка платили 0,5 или 1% своим вкладчикам, взимая со своих привилегированных заемщиков 3 или 4%; они направляли сбережения французов на внешние рынки, получая прибыль, но нанося ущерб экономике Франции. Олигархи не были врагами демократии, поскольку знали, как ею манипулировать. Они щедро тратили деньги на избирательные кампании, поддерживая радикалов и независимых социалистов тогда, когда им было это выгодно. «Lanterne» Бриана, как говорили, субсидировалась Эженом Перейром и Compagnie Transatlantique. Если олигархам не удавалось заручиться признательностью депутата при выборах, ему спешили предложить доходное место «юридического советника» корпорации. Вальдек-Руссо (как утверждал Делези) получал сто тысяч франков в год от американских страховых компаний, взамен чего они получали возможность без лишнего шума выкачивать из Франции ее сбережения. Компания Rente Foncière наняла юридическим советником Мильерана‡, Crédit Foncier и St. Gobain — Пуанкаре; последний, успешно защитив St. Gobain на судебном процессе, грозившем тюрьмой двум директорам компании (маркизу де Вогэ и Тюро-Данжену, постоянному секретарю Французской академии), был избран членом Академии. Самый последний депутат из провинции мог рассчитывать на посты в двух или трех компаниях и зарабатывать сорок тысяч франков в год; бывшие министры могли надеяться на сумму в десять раз большую. Финансовая олигархия обеспечивала свою безопасность, предоставляя посты в советах директоров любому подающему надежды политику, который уже занимал какой-нибудь политический пост или мог когда-нибудь на него вернуться. При таких мерах предосторожности

* *Поль (Жозеф-Атанас) Думер* (1857–1932) — министр финансов в 1921–1922 и 1925–1926 гг., председатель сената (1927–1931), президент Франции в 1931–1932 гг., был убит русским анархистом Павлом Горгуловым. *Пьер Поль Анри Гастон Думерг* (1863–1937) — премьер-министр в 1913–1914 и в 1934 гг., председатель сената в 1917–1924 гг., президент республики в 1924–1931 гг. *Альберт-Франсуа Лебрен* (1871–1950) — министр по делам колоний в 1911–1914 гг., президент Франции в 1932–1940 гг.— *Прим. ред.*

† *Baumier J.* Les Grandes Affaires françaises. Des 200 familles aux managers. 1967.

‡ *Александр Мильеран* (1859–1943) — депутат-социалист, в 1899 г. становится министром торговли (первый в истории случай участия социалиста в буржуазном правительстве), в 1909 г. — министр общественных работ. В августе 1920 г. Мильеран был избран президентом французской республики и оставался на этом посту до августа 1924 г.— *Прим. ред.*

можно было обеспечить то, что *rapporteurs** всех законопроектов, связанных с контрактами, отнесутся к ним благосклонно. Сенатор Юмбер, докладчик по военному бюджету, получал 12000 франков в год от фирмы Даррака, производившей грузовики для армии, а также комиссионные с каждого заказа, обеспеченного им этой фирме. Юмбер признался в этом, чтобы удостоверить свою честность, будучи привлечен к суду по другому делу. Он предъявил свои счета, которые доказывали, как он полагал, что его поведение ничем не отличалось от манеры поведения других политических деятелей; никто ему не возразил. Его расходы достигали 64200 франков в год, тогда как депутатское жалованье составляло 15000 франков. Разница возмещалась за счет службы в качестве *agent général*† автомобильного завода Даррака (12000 франков в год плюс комиссионные), а также дополнительного заработка за руководство газетой «Le Matin», где он мог «бить в барабан патриотизма», способствуя продвижению военных контрактов.

Конечно, олигархи и сами были парламентариями, но они благоразумно образовывали независимую группу, которая хотя и была невелика, но могла оказать при случае решающую поддержку правым или левым. Банкир Эйнар, член правления Банка Франции, состоявший также в правлениях Сталелитейных заводов Сент-Этьена, железных дорог PLM и Compagnie Générale de Navigation, и Жозеф Рейнах, выдвинутый Ротшильдами, назывались в качестве людей, контролировавших эту группу, и будущих министров. Поскольку богачи финансировали как правых, так и левых, это придавало прочность их власти. Crédit Lyonnais и крупные промышленники финансировали католиков, Société Générale, банкиры-евреи и Комитет Маскюро‡ давали деньги масонам. Поскольку политические партии зависели от газет, а газеты не могли выжить без финансовой рекламы (для развития других форм рекламы требовалось длительное время), пресса состояла на жалованье у олигархов. Хотя цензура была отменена законом, существовали темы, затрагивать которые банкирами запрещалось. Жан Дюпюи, владелец весьма популярного издания «Petit Parisien», как говорили, договорился с Вальдеком-Руссо об уменьшении своих нападок на Дрейфуса§ взамен на место в кабинете. Полагали также, что Бюно-Варилла, хозяин «Le Matin», приобрел для своего зятя конфискованную монастырскую собственность по смехотворно низкой цене в обмен на доброжелательный нейтралитет к Комбу. Клемансо лишился места депутата, когда навлек на себя гнев «Petit Journal», пока банкиры-евреи, стоявшие за «L'Aurore», не решили вернуть его в парламент. Демократия во Франции, таким образом, была иллюзией. По утверждению Делези, примерно 55 человек, контролируя крупный бизнес, обладали полной властью над жизнью страны**.

* Докладчики (фр.) — парламентарии, писавшие заключения парламентских комиссий на обсуждаемые законопроекты.

† Генеральный представитель (фр.).

‡ Республиканский комитет промышленности и торговли, объединявший мелких предпринимателей левых убеждений, близких к масонам. Его возглавлял Маскюро, председатель профсоюза ювелиров. Комитет был одним из инициаторов создания партии радикалов.— *Прим. ред.*

§ Капитан генштаба еврей Альфред Дрейфус был в 1894 г. осужден за передачу военных секретов немцам. Его защищали Клемансо, Золя и др., указывавшие на вероятную виновность майора Эстергази. Но армия сопротивлялась отмене приговора. В 1898 г. документы, служившие уликами против Дрейфуса, были признаны фальшивыми, а сотрудник «Интеллидженс сервис» полковник Генри, сфабриковавший их, совершил самоубийство. Однако новым судом в 1899 г. Дрейфус вновь был признан виновным; десять дней спустя его помиловал президент; окончательно оправдан он был в 1906 г.

** *Delaisi F.* La Démocratie et les financier. 1910.

Теория «двухсот семейств» привлекает внимание к отношениям величайшей важности — речь о них пойдет ниже,— но она всегда основывалась на предвзятом рассмотрении истории. Так, число олигархов, вероятно, значительно превышало две сотни. В 1922 году, например, список крупнейших компаний Франции включал 434 фирмы (среди них предприятия горной промышленности, металлургии, транспорта, банки, коммунальные предприятия, страховые компании и земельные собственники), в которых было около четырех тысяч директоров. Из последних примерно 520 были директорами в трех или более компаниях*. К 1953 году было 22753 компаний с ограниченной ответственностью, но даже если отсеять те, чьи активы не превышали трех миллиардов франков, все еще насчитывается почти две тысяч директоров†. Концентрация промышленности была недостаточна для того, чтобы эта группа людей могла доминировать в экономике. В 1906 году насчитывалось 215 промышленных предприятий с численность рабочих более одной тысячи; в 1931 году таковых было 421; в 1936 году — 296. В эти же годы предприятий с численностью рабочих от 500 до 1000 составляло, соответственно, 421, 713 и 615‡. В 1906 году 51% промышленных рабочих был занят на предприятиях с численностью менее пятидесяти человек§. Предстоит еще изучить, за какую долю национального продукта несут ответственность крупные фирмы.

Некоторое представление о том, сколько богатых людей было во Франции, можно получить — очень приблизительно — из статистики наследования. В 1933 году у 53,6% умерших (354147 из 661082) было, что наследовать. Из них 52% (185473 человек) оставили имущество стоимостью менее 10 тысяч франков каждый. От 10 до 50 тысяч франков оставили 119774 умерших, от 50 до 100 тысяч — 25808, от 100 до 250 тысяч франков — 14838. Совокупный размер наследства всех тех, кто оставил от 10 до 250 тысяч франков, был равен 6,606 миллиардам франков. Но 1512 человек оставили свыше миллиона каждый, 4,203 миллиарда франков вместе, то есть 30% общей стоимости наследованного имущества; из этих 1512 человек на 162 пришлось 1,718 миллиарда франков** Таким образом, в 1933 году наследство 162 умерших составило 10% от общей стоимости наследств. Это говорит о существовании крохотного меньшинства очень богатых людей, которое, однако, должно исчисляться несколькими или даже многими тысячами (умножьте 1512 или хотя бы 162 на 20, если принять, что состояние переходит в другие руки каждые двадцать лет)** С другой стороны, можно оценить богатства, оставленные умершими в 1900 году (до того, как налоги на наследство стали стимулом к мошенничествам с декларациями). Тогда всего на 2% тех, кто оставил какие-либо средства, приходилась половина общей суммы оставленных денег. Но в тот год

* *Annuaire Chaix*. Les Principales Sociétés par action. 1932.
† *Delfortrie-Souberouz N.* Les Dirigeants de l'industrie française. 1961 (исследование этих 1964 директоров).
‡ *Jeanneney J. M.* Forces et faiblesses de l'économie française. 1956. P. 259. Статистика не дает информации о владельцах, а потому эти фирмы могли принадлежать меньшему числу владельцев.
§ *Fontaine A.* et all. La Concentration des entreprises. 1913. P. 59.
** *Hamon A.* Les Maîtres de la France. 1936. 1. P. 21.

было, что наследовать, у двух третей умерших, и 2% составило значительно больше десяти тысяч человек[1]. Из общей суммы унаследованных богатств 30% было оставлено 15% тех, кто хоть что-то оставил, так что значительный средний класс действительно существовал. Возможно, что по мере того, как в течение этого периода росла общая стоимость переходящей по наследству собственности,— а она увеличилась с 2,7 миллиардов франков в 1850 году до 7,2 миллиардов в 1901 году,— росла и дистанция между бедными и богатыми. Но здесь усматривается некоторое несоответствие. То, что человек оставляет после смерти, не дает полной картины его благосостояния. Статистика была приведена для демонстрации того, что разрыв между богатыми и бедными уменьшился, поскольку бедные оказались не столь бедны, как это могло казаться, и их стало меньше. Доход Кольбера в пятьсот раз превышал заработок рабочего, но теперь уже нашлось бы не так много людей с подобными доходами. Соотношение доходов *conseiller d'état*[2] и рабочего падало с 55 к 1 в 1800 году до 18 к 1 в 1900 и 7 к 1 в 1960 годах. Более того, если в 1800 году 75% населения находились на уровне рабочего, то в 1960 году — менее 10%. Что касается покупательной способности, то богатые не стали богаче. Реальная покупательная способность рабочего утроилась или даже учетверилась с 1830 года, тогда как покупательная способность среднего государственного служащего изменилась немного. Доходы неквалифицированных рабочих выросли до 80% от доходов специалистов, по сравнению с 50% в 1800 году. Доходы женщин теперь отстают от доходов мужчин только на 20%[3]. За этот период произошло радикальное изменение положения бедных. До начала XIX века они голодали, когда урожай был плохим. Их уровень жизни находился в прямой зависимости от погоды, а цена на хлеб могла меняться год от года троекратно. Но в 1850 году цена центнера пшеницы впервые упала ниже стоимости ста часов труда рабочего, 1856 год был последним, когда она превысила стоимость двухсот часов, последний же раз она превысила стоимость ста часов в 1891 году. К 1935 году она стала эквивалентна 50 часам, к 1955 году — 25, к 1958 году — двадцати[4]. Различия в богатстве, следовательно, имели равные значения в двух крайних точках рассматриваемого периода.

В общей сложности в 1900 году богатых неработающих людей было около полумиллиона. Во всяком случае, именно такое число людей называли себя *rentier*, не имеющими другого занятия, хотя, конечно, значительная часть из них была скорее «неработающими», нежели «богатыми». Необходимо напомнить, что в 1848 году при Луи-Филиппе контингент избирателей (состоятельных граждан) вырос почти до четверти миллиона человек. Но в этом пятидесятилетнем промежутке произошли очень существенные изменения в характере богатства, по крайней мере в том,

[1] *Sorlin P.* La Société française. 1969. 1. P. 131.

[2] Государственный советник (фр.).

[3] *Fourastié J.* Machinisme et bien être. Niveau de vie et genre de vie en France de 1700 à nos jours. 1962. P. 52.

[4] Ibid. P. 65.

что касается его источников. В 1848 году в стоимости наследуемой собственности лишь примерно 5% составляли акции, тогда как 58% — земля и здания. К 1900 году эти показатели составили 31% и 45% соответственно. В начале указанного периода, таким образом, богачи были в первую очередь землевладельцами, получавшими доход от сдачи в аренду домов и сельскохозяйственных земель. Это считалось самой безопасной формой помещения денег, обеспечивавшей наивысший общественный престиж. В результате тяжесть эксплуатации совершенно по-разному ощущалась массами в двух упомянутых временных точках. Инвестор при Луи-Филиппе предпочитал сам точно выяснять, во что он вкладывает свои деньги. Он покупал ферму, которую мог осмотреть, и дом, жильцов которого мог выбирать. Он ссужал значительные суммы наличных лицам, которые представлялись ему полезными. Его деньги умножали его влияние среди определенной группы людей; если он был достаточно богат, то мог создать целый клан нахлебников. В сказанном можно убедиться, рассмотрев структуру состояний людей, именовавших себя «собственниками», в Париже времен Луи-Филиппа. Земли и дома (две трети в Париже, треть в провинциях) составляли 43% богатств, в государственные облигации (второе по надежности помещение капитала после недвижимости) было вложено примерно 18%, наконец, 15% составляли ссуды частным лицам. Лишь 3,7% было вложено в акции компаний и 4,5% — в акции Банка Франции. Ушедшие на покой представители свободных профессий в среднем 25% своих средств ссужали частным лицам и 53% вкладывали в недвижимость. Те, кто был рантье в чистом виде, не обремененным какой-либо недвижимой собственностью, 44% своих средств ссужали частным лицам, 33% вкладывали в государственные облигации, в акции же компаний — только 5%. Когда в третьей четверти XIX века стоимость земли стала падать, покупка домов стала даже более популярна. Арендная плата с 1850 по 1913 год утроилась, вместе с тем строительство в городах достигло огромных масштабов.

Однако по мере роста благосостояния при Наполеоне III богатые стали испытывать затруднения при решении вопроса, что делать со своими деньгами. Это объясняет, почему спекуляции, которыми был знаменит этот режим, приняли столь лихорадочный характер. Не все французы, как это считается, боялись рисковать. Множество людей вкладывали большие деньги в порожденные богатым воображением или даже просто фантастические предприятия, промышленные и финансовые. Появлялись многочисленные финансовые газеты, дававшие советы, как распорядиться деньгами. В 1881 году их было минимум 228 (против 95 политических: кто отважится заключить, что французы больше интересовались политикой, нежели деньгами?). В 1857 году

самый большой тираж деловой газеты составлял 7000 экземпляров; в 1880 году несколько изданий имели около ста тысяч читателей каждое*. Вот почему Прудон мог клеймить плутократов как спекулянтов†. Финансовая пресса, тем не менее, лишь отчасти преуспела в обращении богачей в акционеров, хотя из корыстных побуждений и пыталась продавать какие угодно акции. Перемены произошли, но, как видим, в ограниченных рамках. Самые уважаемые финансовые журналисты рекомендовали крайнюю осторожность действий. Авторитетнейшим из них можно назвать Поля Леруа-Болье: его труд «Искусство помещения капитала и распоряжения состоянием» был распродан в числе 33 тысяч экземпляров в течение первых двух лет, а также печатался из номера в номер в «Économiste Français». Он особенно подчеркивал, что земля с 1880 по 1900 год потеряла четверть своей стоимости, а ее приобретение облагалось налогами в размере до 10% от ее цены. Он также полагал, что покупка домов не в духе времени, советуя оставить это поле деятельности специалистам. Но и от непосредственного вложения средств в промышленность он с жаром отговаривал своих читателей. Акции промышленных предприятий он классифицировал как спекулятивные. «Недавние несчастья,— предостерегал он, приводя в качестве примеров крах Парижской омнибусной компании и других,— доказывают, что промышленные предприятия, чье состояние выглядит превосходным, могут быть в течение нескольких недель или месяцев серьезно скомпрометированы, а иногда даже уничтожены ошибками, чрезмерным оптимизмом или мошенничеством их директоров, которые, казалось, заслуживали всяческого доверия; предвидеть же это нет никакой возможности». Приобретение таких акций хотя и заслуживает одобрения, поскольку зачастую способствует прогрессу, должно быть оставлено крупным капиталистам, которые могут позволить себе рисковать, хотя даже последним следует ограничиваться теми отраслями промышленности, о которых они располагают хоть какими-нибудь специальными знаниями. *Pures de famille*‡ Леруа-Болье рекомендовал государственные и железнодорожные бумаги (французские и иностранные)§. Цифры не позволяют однозначно судить о том, насколько французы следовали этому совету, но к определению к концу столетия они стали гораздо меньше средств вкладывать в дома и землю. Анонимный акционер сменил персонализированного ростовщика. Именно это поощряло гневные протесты социалистов против безличной плутократии.

Тем не менее, в период между мировыми войнами французский инвестор вновь изменился. Высокая инфляция ускорила трансформацию традиционных взглядов. Крах многих государств, в которые французы вложили так много средств, особенно России и Австрии, продемонстрировал, что государственные

* *Palmer M.* The Press in the early Third Republic (диссертация, защищенная в Колледже св. Антония в Оксфорде)

† *Proudhon P. J.* Manuel du spéculateur. 1856.

‡ Отцы семейств (фр.).

§ *Leroy-Beaulieu P.* L'Art de placer et gérer sa fortune. Ed. 1908. P. 83, 86, 203 etc.

обязательства не являются абсолютно надежными. Опять обратились к помещению средств в землю и дома, сначала робко, но со все большей решительностью перед Второй мировой войной. Согласно одному из подсчетов, инвестиции в недвижимость возросли с 37% в 1908 году до 43% в 1934, 54% в 1949 и 60% в 1953 году* Эта перемена не совсем отвечала законам логики, так как контроль за арендной платой, введенный после Первой мировой войны, делал дома менее прибыльными, а сельское хозяйство переживало спад. Но после неоднократных катастроф главной целью стала надежность. Это видно, например, по росту популярности золота в качестве средства накопления, хотя, опять же, с финансовой точки зрения это было не самым доходным вложением денег. Популярность золотых луидоров (более удобных для создания накоплений, чем громоздкие слитки) была такова, что наценка на них достигала 40%. Они были привлекательны также потому, что позволяли легко избегать налогов на наследство. Замешательство, в котором пребывал французский инвестор в середине XX века, заметно по результатам исследования, в 1953 году изучавшего сберегательные предпочтения. Золото считали самым надежным помещением капитала 24% французов (но лишь 3% бельгийцев, которые в целом давали сильно отличавшиеся ответы на аналогичные вопросы). Привычка к накоплению не была полностью уничтожена инфляцией. Среди опрошенных 58% буржуа и 34% рабочих сказали, что они верят в сбережения. Однако они были разочарованы в государственных облигациях, и бельгийцы проявили втрое большую охоту приобретать их, нежели французы. В то, что вложения в землю, дома, золото, драгоценности и картины являются наиболее безопасными, верили 72%, только 16% высказывались в пользу акций. Не более 8% следили за происходящим на фондовом рынке и лишь 11% получили в наследство акции. Это в первом приближении показывает значительность числа людей, включаемых в общую категорию безличной плутократии†. Очевидно, что она стала защищающейся плутократией, возможно, это объясняет ее агрессивность в период между войнами. Стоит ли удивляться тому, что руководство по инвестированию, опубликованное в 1935 году, получило название «Искусство управления состоянием и его защиты»‡.

* *Cornut P.* Répartition de la fortune privée en France. 1963. Ch. 29.
† *Truptil R.* L'Art de gérer sa fortune. 1957. P. 50–93.
‡ *Piron C.* L'Art de gérer et de défendre sa fortune. 1935.

Глава V ПРОМЫШЛЕННИКИ

Действительность, скрывающаяся за мифом о двухстах семействах, не проста для понимания. Она заслуживает того, чтобы быть рассмотренной с особой тщательностью. Было бы полезно исследовать ее в свете еще одного общего обвинения, выдвинутого против французских промышленников, которое во многом противоречит упомянутому мифу. Речь идет о теории семейного предприятия Дэвида Ландса, который утверждает, что средний французский предприниматель был мелким бизнесменом, действовавшим самостоятельно или, самое большее, от лица небольшого числа партнеров, и что таковым положение дел было не только в 1875 году, но и — с некоторыми коррективами — в конце столетия. Эти мелкие предприниматели были, в сущности, консерваторами, они недолюбливали новое и неизвестное, неохотно модернизировали оборудование, упорствовали в финансовой автаркии. За немногими исключениями, они создавали предприятия на семейной основе, обращаясь за финансированием только к родственникам или близким друзьям и крайне редко пытаясь найти его на открытом рынке. Предприятие рассматривалось не как производящая товары система, нацеленная на неограниченное приращение богатства и власти, но как «своего рода феодальное владение, которое поддерживало и укрепляло общественный статус семьи, также как продукция феодального поместья и вооруженные люди, которых оно могло выставить, являлись материальной основой положения в обществе в Средние века». Бизнес, таким образом, рассматривался лишь как средство, а не самоцель, им занимались более ради сохранения, нежели создания богатств. Его девизом, следовательно, была осторожность, и к быстрому росту никогда не стремились. Такие предприятия могли существовать бок о бок с возникающими немногочисленными современными компаниями, поскольку последние отчасти разделяли этот дух, предпочитая повышать свои цены, а не уничтожать неэффективных конкурентов*. Эта картина Франции как страны небольших предприятий, конечно, подкрепляется общей

* *Landes D.* French Entrepreneurship and Industrial Growth in the Nineteenth Century // Journal of Economic History. 1949. 9. P. 45–61. См. также его книгу по общей экономической истории: *Landes D.* The Unbound Prometheus. 1969.

статистикой, хотя статистика скрывает почти столько же, сколько открывает.

Ландс в основном озабочен объяснением слабости французской экономики, низких темпов ее промышленного роста в XIX веке и утраты ею гегемонии, которой она достигла при Наполеоне I. Возникшая дискуссия не принесла каких-либо определенных результатов. Те, кто спорил с Ландсом, не выработали общего альтернативного подхода. Вероятно, не стоит искать простых решений. Есть сомнение даже в существовании самого предмета дискуссии; ныне, когда развитие и рост французской промышленности возобновились, некоторые исследователи утверждают, что отставание было лишь временной передышкой или что никакого отставания не было вовсе. Если рассматривать данные о производстве на душу населения, то отрыв Франции от своих соперников окажется не слишком велик. Для понимания происходящего важно помнить, что население росло неравными темпами в разных странах в разное время*. Да и Германия также являлась страной мелких семейных предприятий, статистические данные о которых почти идентичны французским. В России, как и во Франции, на предпринимательство и промышленное производство также смотрели с некоторым презрением, что не помешало промышленности в 1890-х годах расти примерно на 9% ежегодно†. Другие исследователи громко заявляют, что определяющим фактором экономического развития Франции в значительной степени была отсталость ее сельского хозяйства, нежели промышленности. Нехватка фабричных рабочих и малоподвижный внутренний рынок, полагают они, сдерживал индустриализацию сильнее, чем недостаток капиталов, природных ресурсов или предпринимательской инициативы. Экономисты не в состоянии прийти к единому выводу, пока не закончен грандиозный количественный анализ всей доступной статистики, проводимый группой под руководством Яна Марчевского. По этой причине самым полезным пока может оказаться исследование различных секторов экономики с целью понять, кто ими управлял и каковы были методы и умонастроения этих людей‡.

Лучше всего под описание Дэвида Ландса попадает текстильная промышленность, которая в середине XIX столетия, без сомнения, являлась крупнейшей отраслью французской промышленности и в конце этого периода была четвертой в мире после Британии, США и Индии. Концентрация в ней прогрессировала медленно. В 1950 году только 9,5% ткацких фабрик имели свыше пятисот станков, 35% имели менее ста, 22% — от ста до трехсот. В прядильном производстве пять крупнейших фирм владели только 17% веретен, семнадцать следующих за ними предприятий располагали в совокупности 25% веретен, но 55% было распределено как минимум между 138 фирмами. Семейный контроль

* *Cameron R.* L'Économie française, passé, présent, avenir // Annales. 1970. P. 1418–1433; *Idem.* Profit, croissance et stagnation en France au XIX^e siècle // Économie appliquée. 1957. P. 409–444; *Idem.* Economic Growth and Stagnation in France 1815–1914 // Journal of Modern History. 1958. P. 1–13.

† *Gerschenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge (USA), 1962. P. 62.

‡ *Kindleberger C.* Economic Growth in France and Britain 1851–1950. 1964 (прекрасное введение в проблему).

над мелкими хозяйственными единицами был правилом, но осуществлялся весьма разнообразно. При Второй империи можно выделить несколько различных типов предприятий. Эльзас и Нор были известны самыми громкими именами в промышленности, такими как Дольфюс из Мюлуза или Мотт из Рубе, которые создали сети родственных фирм, остававшихся в течение этого столетия под контролем одних и тех же семей, члены которых играли главную роль в политической жизни или общественной благотворительности в своих городах и даже избирались в парламент. Но в сфере их контроля, безусловно, было значительно менее трети общего производства страны; они не составляли сплоченный фронт и не демонстрировали единства поведения ни в кризисные, ни в благоприятные времена. Крупные фирмы департамента Нор стали образцом консервативного семейного бизнеса. В своей практике они скорее стремились не к увеличению размеров предприятий, но к тому, чтобы обеспечить каждому новому поколению постоянный доход с собственных небольших предприятий. В соответствии с этим младший сын женился на дочери конкурента, и двое отцов объединялись, чтобы создать для них собственную фабрику, которой они присваивали название, составленное из обеих фамилий, написанных через дефис. Идеал состоял в экономической независимости каждого члена семьи, возможно, выступая в качестве бессознательного противовеса тесным семейным связям. Ни один член семьи не должен был обанкротиться, его спасали и давали возможность встать на ноги; тем не менее в производственном отношении они работали независимо друг от друга. Беспощадной конкуренции при таком положении дел, очевидно, не было места. Такие фабриканты сосредотачивали усилия на максимальном увеличении прибыли, а не производства. Занимать средства вне семьи избегали. Реинвестиция прибылей (*autofinance*) была обычным способом развития, хотя необходимость устраивать судьбу младших сыновей и давать приданое за дочерьми ставила этому ограничения. Расширялась, следовательно, семья, а не фирма. Эти ведущие семьи стремились иметь много детей, что было нетипично для Франции. Так, когда в 1940 году мадам Полле-Мотт умерла, у нее было 1257 потомков, племянников и племянниц. Но ее собственная фирма («пишущаяся через дефис») была не особенно велика. Если не хватало средств для того, чтобы поставить на ноги всех детей, некоторые из них принимали духовный сан. Католическое благочестие, активная благотворительность и добросовестное отношение к родительским обязанностям были свойственны этим семьям текстильных фабрикантов.

Мемуары, оставленные некоторыми собственниками северных текстильных мануфактур, значительно больше посвящены делам семьи, нежели фирмы. Они подчеркивают участие женщин

в их бизнесе, которое не исчерпывается внесением части начального капитала и присоединением имени отца супруги к названию фирмы мужа. «Не следует забывать,— писал один из авторов,— важную роль женщин [XIX века] в доме, которую они играли благодаря своему постоянному присутствию. Они, само собой, полностью контролировали домашние дела, но порой, когда предприятие или мастерская составляли с домом единое целое, они разделяли и профессиональные заботы своих мужей, вместе с тем посвящая много времени воспитанию детей. Именно это тесное сотрудничество главы фирмы и его супруги создало изумительный подъем промышленности в регионе Рубе-Туркуэн в начале XIX века». Историк семьи Мотт-Кларисс (в 1952 году из этой ветви здравствовало 1622 человека) находит, что «семейственный дух» заметен уже в самых ранних письмах, сохранившихся в их архивах. Родители ожидали повиновения и получали его. «Верь в мою любовь,— писал отец дочери в 1869 году,— как я верю в твое смирение и прилежание, с которым ты выполняешь свои обязанности». Дети должны были молиться как за умерших, так и за живых членов династии. Все должны были присутствовать на еженедельных семейных обедах, которые стали почти религиозными церемониями или, как назвал их один из Моттов, «принудительными праздниками». Воскресный обед у мадам Мотт-Бредар начинался с чтения молитвы, а перед десертом читались литании Деве Марии. Взаимопомощь среди членов этой семьи была практическим следствием их сплоченности. Именно спаянность, скрытность и замкнутость в своем кругу порождали обвинения в адрес олигархии. Но эти семьи не были совершенно независимы. Хотя они почти всегда занимались бизнесом, недостаток способностей или склонностей порой не давал возможности управлять им самостоятельно. Они часто передавали значительные полномочия управляющим, многие из которых впоследствии вступали в брак с членами семьи. Нередки случаи, когда новые фирмы создавались для молодых людей в сотрудничестве с мастерами, доказавшими свою ценность.

Их экономическую политику характеризовала осторожность. Один из Моттов отправился в 1836 году в паломничество «для обретения просветления от Святого Духа, дабы мы никогда не предпринимали в делах ничего, что выше наших сил, не поддавались соблазну опасных спекуляций». Его жена любила повторять: «Экономия — первая прибыль». Правило, воспрещающее брать кредиты, иногда записывалось в уставе общества. Это переносилось и в частную жизнь, в которой преобладали простота и аскетизм, чувствительность же изгонялась. Уже в XX веке один из магнатов, воспитанный в этом мире текстильных фабрикантов, вспоминал, что спальня его родителей была обставлена «хуже, чем отель для коммивояжеров». Они рано поднимались, работали

не меньше служащих, зачастую очень мало думали о чем-то помимо работы. В целом они пренебрегали высшим образованием и церкви покровительствовали охотнее, чем искусствам*

Впрочем, эти обобщения, сделанные на примере видных текстильных фабрикантов, игнорируют многочисленные исключения. Время от времени в этих семьях появлялись отдельные лица, которые становились новаторами, порывавшими (в пределах возможного) с традициями и приносящими с собой дух перемен и модернизации. Альфред Мотт, родившийся в 1852 году и введенный в дело родственниками, впоследствии создал по меньшей мере четыре других фирмы. Он был самым настоящим промышленным менеджером, но маскировал свою работу традиционным фасадом семейных фирм. Каждая новая его компания создавалась совместно с управляющим, руководившим ее повседневной работой, тогда как сам Мотт осуществлял общий контроль. Мотт порвал с обыкновением ограничиваться только текстильной отраслью, он истово верил в предпринимательскую инициативу, правомерность конкуренции и естественный отбор компаний. Семейные фирмы, надо заметить, могли действовать решительно и наступательно, а не только косно и оборонительно. Знаменитые текстильные фабриканты Эльзаса часто и были такими, в противоположность предпринимателям северной части страны. Протестантское вероисповедание отдаляло их от остального общества. Они были среди немногочисленных сторонников свободы торговли, и не только в силу своего оптимизма, но и потому, что, специализируясь на изготовлении набивных тканей, они работали преимущественно на внешний рынок. Жюль Зигфрид, отец известного писателя, был одним из самых ярких и предприимчивых личностей среди этих эльзасцев. Он стал миллионером в 29 лет, когда из-за гражданской войны в США прекратились поставки хлопка во Францию: он отправился в Индию и стал импортировать сырье оттуда. Его хлопковая торговля приняла международный масштаб. Он много ездил и посылал своих сыновей в путешествия вокруг света. Он восхищался предприимчивостью промышленников США и Великобритании, презирал государственных служащих, довольствующихся твердым жалованьем, инженеров, которых почитал чистыми теоретиками, поскольку книги и культура были для него бесполезны. Своего сына Андре, проявившего склонность к академической карьере, отец всячески побуждал добиваться поста директора Школы политических наук, а не оставаться простым ее сотрудником, поскольку признавал только такой успех, который давал власть. Его девизом (выгравированным даже на запонках) было: «Жить — значит действовать». Почему же он не стал Рокфеллером? Свою жизнь он посвятил хлопку — той отрасли промышленности, где он чувствовал себя уверенно и знал, что делать. Его амбиции имели свои пределы.

* *Motte F.* Souvenirs personnels d'um demi-siècle de vie et de pensée 1886–1942. Lille, 1943; *Motte C.* Les Motte, étude de la descendance Motte-Clarisse 1750–1950. Roubaix, 1952.

В 44 года он отошел от дел, передав фирму младшему брату, и посвятил себя политике и общественным заботам. Он отказался от «выгодной женитьбы», предпочтя дочь протестантского пастора, которая в дальнейшем способствовала его обращению к деятельности на общественном поприще. Детям он предоставил возможность строить жизнь самостоятельно, как некогда и сам выбирал свой путь*.

Однако представители текстильных династий были лишь малой частью работодателей в этой отрасли. В середине XIX века преобладали торговцы-мануфактурщики, все еще использовавшие ремесленный труд и только-только начинавшие устанавливать на своих фабриках ткацкие станки. Такие люди все еще нуждались в укреплении своего положения, ведь многие из них начинали красильщиками или продавцами тканей в небольших городах. Немногие поднимались вверх очень быстро, так что человек, выбившийся из низов, редко попадался среди текстильщиков. Они не рвались вперед, их простое происхождение вынуждало проявлять скромность в проектировании будущего, ограничиваясь региональными или даже местными масштабами. Они сохраняли ментальность лавочников. Хотя, конечно, отдельные фабриканты, особенно в Нормандии, видели в текстильном деле не самоцель или профессию, а только источник дохода и средство продвижения по социальной лестнице. Пуйе-Кертье, ставший при Тьере министром финансов, был одним из них. Родившийся в 1820 году в семье мелкого мануфактурщика и сельского хозяина, он рано увидел возможности, открываемые использованием нового оборудования. Посетив Англию, он вернулся с идеями усовершенствования хозяйства. Купив в 1859 году обанкротившуюся фабрику в пригороде Руана, он превратил ее в крупнейшее хлопкопрядильное предприятие Нормандии. Его доход достигал 1,8 миллиона франков в год. Состояние было использовано им для того, чтобы пройти в парламент и заняться политикой. В династиях текстильщиков, напротив, никогда не ставили политику выше традиционного семейного занятия.

Неоднородность среды фабрикантов-текстильщиков ярко проявилась в 1860-е годы, когда жестокий кризис совпал с потрясением, вызванным заключением договора о свободной торговле с Англией. Крепкие фирмы на востоке, располагавшие достаточным капиталом, оказались вполне способны выдержать конкуренцию. Отдельные растущие и предприимчивые компании в Рубе, Армантьере и Реймсе воспользовались возможностью для механизации своих фабрик и укрупнения. Нормандия же, бывшая самым крупным, но вместе с тем и наиболее отсталым хлопкопрядильным регионом Франции (в основном ремесленная организация производства и небольшие капиталы), пострадала сильнее всего. Кризис 1860-х годов привел к полной трансформации

* *Siegfried A.* Jules Siegfried 1836–1922. 1946.

текстильной промышленности и уничтожению в ней ручного труда. Энергичное развитие сопровождалось катастрофическими банкротствами. Развитие не прекратилось даже после восстановления протекционистских мер. Потребление бумажных тканей увеличилось на 270% с 1869 по 1913 год, а экспорт с 1867 по 1896 год вырос более чем в шесть раз, пусть даже это в значительной степени произошло благодаря колониальным рынкам, закрытым для иностранных конкурентов* В отрасли продолжалась концентрация; так, если в 1861 году в Эльзасе было восемнадцать хлопчатобумажных производств, то в 1910 году — только восемь†. Но все перемены происходили в определенных границах. В XX веке произошла коррекция. С 1900 по 1950 год текстильное производство снизилось на 10%, тогда как в остальных европейских странах выросло в общем на 51%. В 1950-е годы прекратили существование 240 предприятий, но их все еще оставалось около двух тысяч, из которых только 255 имели свыше двухсот работников. Даже магнаты новой формации, вроде Марселя Буссака (род. 1891), который к 1950 году владел 65 предприятиями во всех областях текстильного бизнеса, от импорта хлопка-сырца до розничной торговли собственной продукцией (одна из дочерних фирм — Christian Dior), с общей численностью занятых более десяти тысяч человек,— даже они контролировали только 10% хлопчатобумажного производства Франции‡. Нельзя сказать, что отсталость текстильной промышленности была врожденной. В ходе экономического подъема при Пятой республике отставание текстильной отрасли по сравнению с другими странами Общего рынка было преодолено благодаря росту производительности труда на 50%. Но семейная структура промышленности сохранилась§.

Текстильные фабриканты казались враждебными демократии в основном потому, что семейная организация их отрасли делала известными публике лишь немногие факты об их фирмах. Конфиденциальность бизнеса здесь была максимальной. Но статистика ясно демонстрирует, что этот недоступный взгляду мир был внутренне раздроблен. История организаций работодателей также показывает, что собственники текстильных предприятий не любили заключать союзы. Образуемые ими альянсы не были эффективны, а поддержка движения работодателей в целом была невелика. Единственное исключение составляло незначительное меньшинство суконщиков, корпоративное чувство которых развилось в период между мировыми войнами.

Совершенно иной была ситуация в черной металлургии. Именно эта отрасль промышленности дала больше всего примеров сосредоточения управления в руках двухсот семейств. Концентрация здесь действительно началась очень рано. При Июльской монархии было около тысячи сталелитейных предприятий,

* *See H.* Histoire économique. 1951. 2. P. 302.
† *Kindleberger C.* Op. cit. P. 174.
‡ *Boudet J.* Le Monde des affaires. 1952. P. 644–646.
§ *Sheahan J.* Promotion and Control of Industry in Post-War France. Cambridge (USA), 1963. P. 139. *Fohlen C.* L'Industrie textile au temps du second empire. 1956.

к концу же столетия их число сократилось на три четверти (в 1960 году — до 140). Однако уже в 1829 году на десять крупнейших предприятий приходилось 39% капитала и 22% выпускаемой продукции. К 1869 году они удвоили свою долю в выработке, доведя ее до 55%, причем только на предприятия Венделя приходилось 11,2% от общего производства* Концентрация здесь была такой, как ни в одной другой индустрии Франции. Более того, эти стальные магнаты очень быстро созрели для создания группы давления. После нескольких попыток такого рода при Луи-Филиппе, в 1864 году они создали Comité des Forges, организацию работодателей, остающуюся с тех пор самой стабильной и влиятельной. Тайна, которой она окружала свою деятельность, стала причиной возникновения многочисленных легенд. Никакой серьезной истории этой организации не написано. Не возникает, впрочем, сомнения в том, что она добивалась введения протекционистских таможенных пошлин, а также того, чтобы предоставление кредитов другим странам обуславливалось приобретением французского промышленного оборудования. Она организовала бойкот работодателями мильерановских советов по трудовым вопросам и создала страховой фонд, позволявший сопротивляться забастовщикам. Во время Первой мировой войны ее сила официально получила санкцию и поддержку, когда правительство фактически передало Comité des Forges контроль за распределением военных заказов в металлургии и сделало эту организацию полномочным органом, осуществлявшим закупки железа и стали за рубежом. Это незамедлительно повлекло выдвижение обвинений в спекуляции, фаворитизме при распределении заказов и, сверх того, предположения о договоренности с правительством не подвергать бомбардировкам принадлежащие сталепромышленникам заводы, оставшиеся на оккупированной Германией территории. После восстановления мира была создана парламентская комиссия под председательством Виолетта для проведения соответствующего расследования, но она не представила отчета. Напротив, богатство членов Comité des Forges возросло благодаря распределению между ними новоприобретенных шахт и заводов Лотарингии, вновь присоединенной к Франции. Тогда же торговые соглашения хозяев металлургических заводов, начало которым было положено в 1876 году и которые стали весьма многочислены в последующее время, подверглись осуждению как опасные картели. В 1930-х годах резкий спад спроса на черные металлы на фоне рекордного роста производства во Франции послужил укреплению сплоченности фирм, и их способность удерживать сравнительно высокие (относительно других товарных групп) цены была расценена как доказательство враждебности их деятельности общественным интересам. Открытый союз сталепромышленников с партиями правого толка и их открытое финансо-

* См. шесть статей *B. Gille* (некоторые из них под псевдонимом *J. B. Silly*) по поводу концентрации в «Revue d'Histoire de la Sidérurgie» (1962, 1963 и 1965 гг.).

вое участие в избирательной кампании 1924 года сделали их разорение первоочередной задачей левых. Черная металлургия попала в план национализации, которой помешал только хаос первых лет Четвертой республики и выход коммунистов из правительства в 1947 году. Хозяева отрасли воспользовались последним обстоятельством, чтобы принять горячее участие в реализации плана Моннэ и для объединения в еще бóльшие компании, владеющие огромными новыми заводами. В результате степень концентрации французской металлургии значительно выше, чем английской или немецкой. На четыре лидирующие компании к 1960 году приходилось 57% общего объема производства в отрасли, от 12 до 14% на каждую.

Силу сталепромышленников не следует преувеличивать, как бы важна она ни была. Национализации они избежали по счастливому стечению обстоятельств, а не благодаря оказанному сопротивлению. Хотя они контролировали ключевой сектор экономики, в том, что касается их вклада в производство национального продукта или их капитала, они не занимали доминирующих позиций, как это могло показаться. В 1847 году доля черной металлургии в национальном продукте составила 1,1% (против 17,9% текстильной промышленности), а в 1910 году — 2,2% (текстильная промышленность — 16,5%). Даже вместе с остальной металлургической промышленностью она не превышала трети от производства текстильной отрасли* Капитал Le Creusot в 1881 году был примерно в двенадцать раз меньше капитала железнодорожной компании PLM и меньше, чем у парижских водопроводной или омнибусной компаний. Даже в 1964 году крупнейшая компания черной металлургии занимала лишь восьмое место среди ведущих фирм Франции по размеру капитала†. Да и члены Comité des Forges не были столь единодушны, как это выглядело. Эта ассоциация столкнулась с трудностями сразу после своего создания, когда в противовес ей возник Comité des Forges de Champange‡. Внутренние разногласия тоже были настолько острыми, что в 1877 году было решено прекратить обсуждение вопросов производства, торговли и протекционистских мер, в результате произошло превращение Comité des Forges в обыкновенный светский клуб. Деятельность оживилась после 1890 года, а в 1904 году был назначен энергичный постоянный секретарь, Робер Пино, который сохранял за собой этот пост 22 года. Прежде он писал превосходные статьи о кассах взаимопомощи швейцарских часовщиков, был личным секретарем бонапартистско-роялистского политика барона Мако, а также заместителем директора Musée Social, пока не был уволен основателем музея графом де Шамброном (верившим, что наука может разрешить социальные вопросы) за авторитаризм. Пино добился того, что голос Comité des Forges был хорошо слышен. Он

* *Pinson M.* La Sindérurgie française // Cahiers de l'I. S. E. A. 1965. Feb. P. 11–12.
† *Cille B.* Esquisse d'une histoire du syndicalisme patronal dans l'industrie sidérurgie française // Revue d'Histoire de la Sidérurgie. 1964. 5. P. 209–249.
‡ *Silly J. B.* Les plus grands sociétés métallurgiques en 1881 // Revue d'Histoire de la Sidérurgie. 1965. 6. P. 255–272. См.: Enterprise. 1964. 31 Oct.

выступал перед каждой парламентской комиссией, основал в 1920 году «Общество экономических исследований и информации», формально независимую общественную организацию со штатом из пятнадцати исследователей. Но и он натолкнулся на препятствие в лице диссидентствующей группы работодателей, которые повели атаку на Comité des Forges, что привело к созданию комиссии Виолетта. Отношения между производителями металлоизделий и основными потребителями их продукции (железными дорогами, например) далеко не всегда были сердечными, что в некоторых случаях приводило к созданию раскольнических организаций. Сам Пино без энтузиазма поддерживал Конфедерацию французских работодателей, опасаясь, что если решения будут приниматься большинством, представляемые им предприятия могут быть легко забаллотированы, как он сам говорил, карьерами, кожгалантереей и гостиницами* Картели французских сталепромышленников никогда не были так сильны, как немецких. Их соглашения часто нарушались, не предусматривалось наложение штрафов на их членов, да и численно они уступали картелям немецких коллег. Концентрация черной металлургии, впечатляющая по французским меркам, до 1950-х годов была меньше германской. Так, в 1913 году в главных железоделательных районах, Лотарингии, Норе и Па-де-Кале, на долю девяти компаний в общем производстве приходилось 15%, на долю семи — 38%, еще четыре производили 33% и одна (Wendel) — 9%; таким образом, 80% общего выпуска продукции осуществлялось двенадцатью компаниями. Для сравнения — в Германии семь фирм производили 88% продукции†. Было много споров о том, использовали ли предприниматели-металлурги свою мощь для ограничения производства и поддержания цен в мальтузианском духе. Это далеко не очевидно. Ясно, что крупные производители центральной части страны в XIX веке испытывали растущие затруднения с сырьем. Чтобы импортировать его с минимальными издержками, они стали строить заводы на побережье. Le Creusot, основанный в департаменте Сона и Луара по соображениям близости как к железорудным, так и угольным месторождениям, впоследствии был вынужден переключиться на импорт из Алжира. Однако изобретение томасовского процесса получения стали и открытие огромных месторождений железной руды в Бриэ в 1880-х годах привело к росту производства с 2,5 миллионов тонн в 1873–1877 годах до 4,99 миллионов тонн в 1898–1902 годах и 14,4 миллионов в 1910–1912 годах‡. Между мировыми войнами во Франции отрасль функционировала лучше, чем в остальной Европе. Но были, кажется, и две негативные черты. Во-первых, внутренняя конкуренция была недостаточно жесткой и не способствовала замене неэффективного оборудования и введению технологических новшеств. Французские производители были

* *François-Poncet A.* La Vie et l'œuvre de Robert Pinot. 1927.

† *Pounds N. J. G., Parker W. N.* Coal and Steel in Western Europe. 1957. P. 309.

‡ Comité des Forges. La Sidérurgie française (1864–1914). 1920. P. 64.

значительно меньше немецких. Тогда как США в 1927 году добились значительного прироста производительности, ставшего возможным благодаря строительству станов широкого проката, которых к 1939 году было уже 28, в Англии и Германии таких было 2 и 1 соответственно, во Франции же к их строительству приступили только в конце сороковых годов. Во-вторых, французские металлургические компании распределяли лишь меньшую часть своих прибылей среди акционеров, создавая огромные резервы. Так, в Société de Commentry, Fourchambault et Decazeville за период с 1854 по 1914 год никогда не выплачивалось более 60 франков на акцию, в то время как 24 года из этого периода чистый доход этой компании составлял более двухсот франков на акцию и семь лет — более трехсот франков. В Société des Forges de St. Étienne за период с 1869 по 1914 год дивиденды в среднем составляли 90 франков на акцию, тогда как прибыль — 300 франков. Капитал Aciéries de Longwy в 1914 году составлял 30 миллионов франков, резервы после амортизационных отчислений были сформированы в размере 35 миллионов франков. Предприятия черной металлургии, при связях ее руководителей, могли легко занимать деньги, но предпочитали реинвестировать прибыль. Жалобы на то, что эти предприятия поддерживали неоправданно высокий уровень цен, были рассмотрены только в одном случае и признаны безосновательными*.

Сила сталепромышленников, однако, вытекала также из того факта, что они делали свои ставки и в других секторах экономики. В XVIII веке большинство из них были дворянами. Металлургия была единственной респектабельной индустрией. Буржуа владели литейными производствами (особенно на севере и востоке), но редко сами управляли ими, рассматривая их как средство вложения капиталов. Дворяне были, однако, активнее; Гельвеций, отец Ламартина и многие президенты парламентов были типичными представителями тех, кто управлял своими фабриками†. Обыкновение посвящать некоторое время контролю за делами никогда не исчезало совсем. После Революции неожиданно большое число собственников металлургических заводов занялось политикой. При Июльской монархии в четырнадцати департаментах самые богатые люди были сталепромышленниками, и они располагали соответствующим политическим влиянием. Все крупные фирмы имели своих представителей в парламенте. Эжен Шнайдер, преумножая благосостояние семейной фирмы, с охотой тратил свое время на работу председателем законодательного собрания (1865—1870), что отнимало почти все рабочее время минимум три или четыре месяца в году. Его зять стал министром у Мак-Магона‡, а внуки по его стопам пошли в парламент. Интересно, что некоторые из Венделей, по-видимому, не получали достаточного удовлетворения от своего стального бизнеса,

* *Courthéoux J. P.* Les Pouvoirs économiques et sociaux dans un secteur industriel: la sidérurgie // Revue d'Histoire Économique et Sociale. 1960. P. 339—376.

† *Cille B.* Les Origines de la grande industrie métallurgique en Erance. 1947. P. 161.

‡ *Мари Эдме Патрис Морис Мак-Магон* (1808—1893) — маршал Франции. В 1855 г. принимал участие в Крымской кампании, участвовал в итальянской войне, был губернатором Алжира. С началом франко-прусской войны 1870—1871 гг. назначен командиром 1-го французского корпуса, в сентябре 1870 г. в битве под Седаном вместе со всей армией взят немцами в плен. По возвращении во Францию встал во главе войск, подавивших Коммуну. В 1873 г. выбран президентом республики. В 1879 г. под давлением республиканцев подал в отставку.— *Прим. ред.*

каких бы успехов в нем они не добивались. Так, Игнаций де Вендель (1741—1795), основавший (с Уильямом Уилкинсоном) Le Creusot, покончил жизнь самоубийством, выразив надежду, что его дети не будут так же несчастны, как он. Его сын Франсуа (1778—1825) не интересовался металлургией и хотел стать моряком, но его карьера, равно как и фирма, были разрушены Революцией, поэтому он решил возродить дело, чтобы, как он выразился, «основать свое состояние на крепком фундаменте и передать детям в качестве лучшего наследства доброе имя». Но он также занимался и политикой, страстно желая добиться благодаря этому звания пэра. Свое завещание он начал так: «Я, нижеподписавшийся Франсуа де Вендель, в прошлом воспитанник королевского военного флота, офицер гусарского кавалерийского полка, а ныне, *против своей воли*, стальной фабрикант и владелец нескольких компаний, которые процветают вопреки всему и несмотря ни на что...». Он оставил четыре миллиона франков, но считал себя неудачником, так как не сделался моряком, проявил весьма посредственные способности к парламентской деятельности и не смог решить всех проблем своего бизнеса. Его старший сын предпочел роль сельского хозяина, но младший закончил École polytechnique* и вместе с другим выпускником той же школы, за которого Франсуа де Вендель выдал дочь, обеспечил технологический прогресс фирмы. В следующем поколении его племянник Франсуа де Курель был отдан в École Centrale† вопреки своим литературным пристрастиям. Он занял место в компании, но продолжал сочинять пьесы и романы и стал членом Академии. Другой Франсуа (1874—1949), руководя фирмой, также между мировыми войнами был деятельным парламентарием и вице-президентом Fédération républicaine. Он был среди тех, кто приобрел газету «Le Temps», чтобы использовать ее в качестве политического оружия‡. В некоторых случаях сталепромышленники занимали очень важные посты. Например, Гийен, президент Comité des Forges, был министром в кабинете Дюпюи в 1898 году. В 1957 году было подсчитано, что пятнадцать директоров металлургических компаний являлись на тот момент или были в прошлом министрами, а 44 — парламентариями§.

Таким образом, существовали разительные различия между текстильными мануфактурщиками и сталелитейщиками, притом что ни те ни другие не были однородными группами. Другие отрасли промышленности обнаруживают еще большую разнородность. Скрытность этих людей делает нелегкой задачу понять их, но практически каждое новое исследование выявляет их своеобразие, сложность и (чаще, чем это желали признавать враждебно настроенные в отношении промышленников романисты) исключительное богатство индивидуальных черт.

* Политехническая школа, основана в 1795 г. для подготовки научных и технических кадров военных и гражданских специальностей.

† Высшая центральная школа искусств и мануфактур.

‡ *Sédillot R.* La Maison de Wendel de 1704 à nos jours. 1958. P. 122, 164, 247, 274; *Gille B.* La Psychologie d'un maître de forges // Revue d'Histoire de la Sidérurgie. 1965. 6. P. 61—72.

§ Подробнее см.: *Vial J.* L'Industrialisation de la sidérurgie française 1814—1864. 1967. 1. P. 170—185, 199. Интересную биографию сталепромышленника XIX в. см.: *Thuillier G.* Georges Dufauld et les débuts du grand capitalisme dans la métallurgie en Nivernais au 19e siecle. 1959.

Глава VI БАНКИРЫ

Банкиров больше, чем кого-либо еще, обвиняли в концентрации власти, считали бесспорными представителями олигархии. «Банкиры,— писал Стендаль,— в сердце государства. Буржуазия вернулась в предместье Сен-Жермен и банкиры стали аристократией буржуазного класса». Маркс, называя Июльскую монархию орудием богачей, оговаривался, что страной управляли скорее финансисты, нежели промышленники. С тех пор Власти денег было посвящено бесчисленное множество книг, порой антисемитской направленности, как, например, книга Туссенеля о «евреях, королях нашего времени»*. Представление о значительной роли маленького замкнутого круга людей, держащих под контролем огромные средства, усиливалось понятием *La Haute Banque*†, появившемся в эпоху Реставрации. Ротшильды были самыми знаменитыми из этой группы, но свой вес они приобрели в первой половине столетия, когда быстро оставили позади большую группу соперников. Сообщество *Haute Banque* не было таким уж сплоченным, каким казалось. Оно состояло в первую очередь из протестантских банков, большая часть которых была создана в XVIII веке швейцарскими гугенотами, возвращавшимися на историческую родину. Банк Mallet Frères, основанный примерно в 1713 году, является старейшим парижским банком, сохранившим первоначальное имя. Его представители были регентами (членами генерального совета) Банка Франции, в учреждении которого они участвовали, непрерывно с 1800 по 1936 год. Этот же банк участвовал в капиталах железнодорожной компании PLM (президентом которой был Шарль Мале), Оттоманского банка, Банка Сирии и Ливана, Франко-сербского банка, страховой компании Foenix и Национальной страховой компании, Гаврских доков, Луарских мастерских, Тонкинских вольфрамовых рудников и Lesieur-Afrique. Подобный же размах был у банка Hottinguer, хотя тот специализировался на горной промышленности и металлургии. Банк Mirabaud занимал сильные позиции в горной и пищевой отраслях (вина Nicolas, Парижские ледни-

* *Toussenel A.* Histoire de la féodalité financière. 1847.

† Высшие банковские круги (фр.).

ки); банки Vernes и Neuflize имели разнообразнейшие интересы. Евреи присоединились к этому кругу избранных в XIX веке. Адольф д'Эйшталь первым из евреев стал регентом Банка Франции (1839–1849); Альфонс де Ротшильд последовал за ним в 1855 году; Фульд стал при Наполеоне III министром финансов и основал влиятельную династию политиков и промышленников, его банк слился с другим еврейским банком Heine*. Большая часть браков отпрысков всех этих семей заключалась в своем кругу (притом их члены были желанными мужьями и женами также для старой аристократии), однако общность их интересов не стоит преувеличивать. При Луи-Филиппе существовало отчетливое разграничение между более старыми фирмами, составлявшими консервативный центр (эти семейства жили на улице Фобур в предместье Сент-Оноре), и более молодыми фирмами, склонявшимися влево (представители этих семей селились на Шоссе д'Антен). Их богатство опять-таки было не так велико, как гласила молва. Капитал Mallet Frères в 1823 году составлял только один миллион франков, банков André и Lottier (предшественников Neuflitze) в 1848 году — четыре миллиона. Вероятно, именно феноменально быстрый рост банка Ротшильда, произошедший благодаря огромным прибылям от операций с государственными бумагами сразу после Ватерлоо, послужил появлению новой легенды о Мидасе.

Финансовых воротил, однако, следует рассматривать в более широком контексте. Они не уничтожали более мелких банкиров или ростовщиков, чье влияние на массы часто оказывалось гораздо непосредственнее. В 1866 году банковским делом занималось 8080 человек, из которых 2649 были хозяевами, добавим к ним также 2556 работодателей и 3674 занятых в «кредитных учреждениях». На основе этой неясной статистики невозможно определить точно характер услуг, ими предоставляемых. Но примечателен тот факт, что и здесь, как и во многих других сферах жизни Франции, маленький человек продолжал сосуществовать с лицами государственного значения. В 1896 году было по меньшей мере 7931 *patrons*† и 30484 служащих в банковском деле (четверть в фирмах с численностью занятых более 500 человек и четверть в фирмах с числом служащих от 50 до 500 человек). Число сотрудников росло, составив в 1921 году 120673 и в 1931 году 160139 человек. Но и при растущей концентрации в отрасли, на фоне создания мощных учреждений с сотнями филиалов и даже после отсева простых ростовщиков в 1936 году все еще оставалось по меньшей мере 2100 банков. Подсчитано, что в этом году в стране было, вероятно, не менее 10 тысяч банковских отделений, то есть по одному на каждую тысячу домохозяйств и на каждые двести торговцев или фирм (*patentés*). Согласно другому подсчету, сделанному в 1954 году и более решительно

* Семья Фульд перешла из иудаизма в протестантизм в начале XIX в.
† Хозяева (фр.).

исключавшему мелких банкиров, существовало 268 депозитных банков (шесть больших общенациональных компаний, 82 парижских, 22 региональных и 158 местных банков), 38 инвестиционных банков, 19 специализированных финансовых организаций, 27 иностранных банков и 22 различных иных (смешанных) банковских учреждений*. В 1937 году в четырех крупнейших банках было сосредоточено только 46% банковских депозитов, в пятнадцати же крупнейших — 73%. Таким образом, четверть депозитов находилась в 184 других банках — и эти подсчеты учитывают только те банки, которые обнародовали свои финансовые отчеты.

История этой массы мелких банков еще туманнее, чем история крупных, но они играли важную роль в жизни провинции. Они выживали благодаря предоставлению персонального обслуживания, а также потому, что могли точнее оценивать риски, хорошо зная своих клиентов. Такой банк часто оставался в руках одной семьи на протяжении многих поколений. Банк Tardeaux Frères, основанный в 1809 году в Лиможе, с тех пор переходит от отца к сыну. Он постепенно приобрел преданную клиентуру в местных фарфоровой и обувной индустриях, а также среди земледельцев четырех ближайших департаментов, в которых банк открыл 13 отделений и 65 контор, действующих на непостоянной основе. Во всех крупных провинциальных городах имелось какое-то число солидных банков — в Марселе целых тридцать. Другой областью, в которой было множество крепких местных банков, был Эльзас. Crédit du Nord добился такого успеха в северных департаментах, что превзошел размером два из шести общенациональных банков†. Когда местные банки могли разориться из-за конкуренции с более крупными депозитными банками, их поддержали некоторые инвестиционные парижские банки. Например, Banque de Paris et des Pays Bas, не располагавший филиальной сетью, сотрудничал с Crédit Lyonnais для распространения новых выпусков акций в провинции, но, не желая чрезмерно зависеть от одной компании, стал пользоваться для размещения ценных бумаг услугами региональных банков. Региональные банки также могли оказывать услуги, которыми пренебрегали банки парижские. Так, банк Charpenay, основанный в 1864 году в Гренобле, тесно сотрудничал с местной промышленностью. Сын его основателя закончил Водно-лесную школу, а зять учился на инженера. Эти люди были способны разобраться в новой гидроэнергетической отрасли. Они преумножили свой капитал в начале XX века благодаря кредитованию местных промышленников. В 1931 году у них было 1957 акционеров, 9135 текущих счетов и 17 отделений. В этом году они обанкротились, но за все время своего существования банк ссудил 66 миллионов франков электрическим, 83 миллиона — электрометаллургическим, 180 милли-

* *Wilson J.S.E.* French Banking Structure and Credit. 1957.

† Капитал некоторых банков по балансу 1954 г. (в млрд франков). Crédit Lyonnais — 493, Société Générale — 415, BNCI — 359, Caisse nationale d'escompte — 359.

онов — бумагоделательным компаниям и 63 миллиона — перчаточникам, то есть предприятиям доминирующих отраслей промышленности региона*. Подобный род финансирования промышленности означал, что экономический контроль во многих отношениях продолжал оставаться децентрализованным. Конечно, это положение заключало в себе определенные риски, и в катастрофические годы кризиса (1929–1937) лопнули 670 небольших банков. Как бы то ни было, французские предприниматели не оставили обыкновение пользоваться услугами сразу нескольких банков (что необычно для Англии), благодаря чему численность последних сохранилась.

Эти мелкие банки не следует, подобно ремесленникам, рассматривать в качестве доблестных наследников лучшего мира. Хорошо известные недостатки традиционного банковского сервиса привели к тому, что крупные депозитные банки получили поддержку масс. Хотя в свое время эти большие организации казались угрозой свободе, их заслугой стало освобождение страны от засилья мелких ростовщиков. Луи Рейбо в имевшем успех романе «Жером Патюро в поисках положения в обществе» (1843) описал попытки своего героя получить ссуду у одного из таких людей. Банкир отправил его к своему подчиненному, который принял героя «с презрением, намеренной холодностью, надменностью и недоверием, свойственными человеку, у которого много денег: все ростовщики одинаковы». После некоторого обсуждения просьбы ссуда ему была предоставлена, но на тяжелых условиях: под 5%, комиссионные 0,5%, пролонгация ежеквартально (то есть комиссионные должны составить 2% в год), пошлины и комиссионные за нотариальное оформление документов по залогу — 2%, гербовые сборы — 2%, итого получается 11%. О тирании ростовщиков в XIX веке пишут редко, но она определенно была более суровой, чем правительственные налоги и контроль, притеснения дворянства и церковников. Ставки кредитования были высоки. Известно, что предприятия в некоторых зарождающихся отраслях выплачивали 10–15 и даже более процентов, именно поэтому так широко распространилось самофинансирование.

Многие банкиры были также и торговцами. Банк Seillière (основан в 1800 году), финансировавший Le Creusot и сохранившийся под названием Veuve Demachy et Cie в качестве банка, обслуживавшего семью Венделей, был только фрагментом обширной экономической деятельности своего основателя, который также торговал мануфактурой в Вогезах, производил железо в Арденнах и поставлял военное снаряжение для Алжирской экспедиции 1830 года. Банк Hottinguer также длительное время являлся основным поставщиком хлопка во Францию, Ротшильды обладали фактической монополией на ввоз чая. Прежде чем создать едва ли не крупнейший инвестиционный парижский банк Worms

* Charpenay C. Les Banques régionalistes. 1939.

et Cie, его хозяева долгое время были крупнейшими торговцами углем во Франции. Банковская аристократия склонна была ограничиваться работой с небольшим числом клиентов и жить с доходов от немногих крупных предприятий: банк Seillière, у которого было только 30 клиентов,— за счет Le Creusot и Венделей, банк Périer — за счет копей Anzin. На более скромном уровне видим, что, например, на дюжины банкиров Невера почти все поднялись на местной керамической промышленности. Банкиры Лиона — более многочисленные — торговали шелком, в Нанте — владели судами. На самой низкой ступени среди сельских ростовщиков обнаруживаем нотариусов и *trésoriers généraux** — государственных чиновников, занимавшихся больше частными, чем общественными делами. Эти маленькие люди имели изрядный деловой оборот, поскольку специализировались на закладных на земельные участки, долгое время считавшихся самым надежным помещением капитала и привлекавших в 1840-е годы около 500 миллионов франков ежегодно, тогда как Банк Франции учитывал векселей только примерно на 150 миллионов франков в год. Две эти цифры на самом деле несопоставимы, поскольку Банк Франции отказывался предоставлять кредиты на срок более трех месяцев и требовал трех подписей на векселе, который учитывал.

Огромной проблемой для промышленности было, таким образом, долгосрочное кредитование. Против самого этого понятия существовало стойкое предубеждение. В 1840 году Тьер, выражая мнение, как он это часто делал, заурядных представителей среднего класса, выступил против того, чтобы промышленность могла получать кредиты слишком легко или на длительный срок, поскольку это, дескать, «обеспечит возможность всякого рода некомпетентным людям, лишенным как способностей, так и денег, начать свое дело; они будут прясть хлопок и ткать сукно безрассудно, без всякой меры; они завалят рынки массой изделий и будут конкурировать с почтенными торговыми фирмами, эти выскочки, таким образом, погубят тех, кто ведет свое дело уже 40 или 50 лет»†. Торговая палата Амьена высказалась сходным образом в 1836 году: «Предложение промышленности слишком большого капитала может послужить стимулом для опасной экспансии ее продукции... Для обеспечения наших нужд у нас достаточно собственного капитала»‡. После истории Лоу‡ слово «банк» было почти ругательством — в них видели источник экономических кризисов — и многие банки предпочитали именоваться *caisses*** Банковская структура Франции до 1848 года характеризовалась распылением ресурсов, ограниченностью интересов и невежеством в отношении финансовых приемов и правил кредитования. Эти особенности, как считается, объясняют низкие темпы индустриализации в XIX веке, а бурный экономический рост при Напо-

* Казначеи (фр.).
† Цит. по: *Palmade C.* Capitalisme et capitalistes français au 19e siècle. 1961. P. 71.
‡ *Gille B.* La Banque et le crédit an France de 1815 à 1848. 1959. P. 371.
‡ Имеется в виду история с попыткой введения бумажных денег в период регентства Филиппа Орлеанского, предпринятая генеральным контролером финансов Джоном Лоу и закончившаяся грандиозным финансовым кризисом — *Прим. ред.*
** Кассы (фр.).

леоне III можно отнести на счет открытия новых методов использования накоплений.

Подлинным пионером в этой области был Жак Лаффит, начинавший служащим нотариуса и благодаря собственным способностям достигший положения банкира Луи-Филиппа и премьер-министра. В 1837 году ему удалось убедить крупнейших финансистов, промышленников и торговцев вложить в общей сложности 50 миллионов франков в учреждение огромной компании, целью которой являлось стимулирование промышленности посредством покупки долей в новых и перспективных предприятиях. При Второй империи два еврея из Бордо, Эмиль и Исаак Перейры, двоюродные братья Олинда Родригеса, секретаря Сен-Симона, придали этой идее еще больший масштаб. Их Crédit Mobilier, основанный при поддержке банка Fould и под особым покровительством Наполеона III, сыграл важнейшую роль в финансировании быстрого железнодорожного строительства, ведшегося при этом режиме, в основании Compagnie Générale Transatlantique, Paris Omnibus Co., страховых компаний, а также в слиянии шести конкурирующих газовых заводов Парижа. Этот банк распоряжался средствами шестнадцати предприятий с общим капиталом в миллиард франков, что было равно пятой части стоимости всех акций, обращавшихся на Парижской бирже. Он также открыл весьма активный филиал в Мадриде и договорился о продвижении в некоторые другие страны. Он помог — при правительственных субсидиях — основанию Crédit Foncier. Но в лице Ротшильдов этот банк приобрел непримиримых врагов и соперников, так что, столкнувшись с трудностями в конце 1860-х годов он, был уничтожен.

Перейры были самыми яркими среди множества финансистов, рвавшихся вверх, чтобы потрясти традиционный банковский мир, видевший в них спекулянтов. Общенациональные депозитные банки были еще одним новшеством Второй империи. Crédit Lyonnais был основан в 1863 году Анри Жерменом, сыном лионского шелкового мануфактурщика. Сам он располагал капиталом только в 100 тысяч франков, да еще годовым доходом в 16160 франков, однако женитьба на дочери другого торговца шелком принесла 760 тысяч франков приданого. Он, однако же, подписался только на 2150 из 40000 акций своей компании, остальное выкупили более трехсот банкиров и преуспевающих шелковых и металлургических фабрикантов. За восемнадцать лет он двадцатикратно увеличил капитал банка, открыл 109 отделений и управлял фирмой на протяжении 40 лет. Это действительно был тот случай, когда финансист обладал контролем над многими миллионами сверх собственного состояния. Банк тщательно скрывал тот факт, что первые восемнадцать лет работы ежегодные прибыли достигали 24%. В качестве дивидендов он выплачивал

9,52%, 14,7% направлялось в резервы или директорам, так что последние получали примерно 20% годовой прибыли на вложенные деньги. Вместе с тем Жермен обнаружил, что в Лионе огромные денежные суммы лежат без употребления. Он предложил бесплатные текущие счета предпринимателям и депозиты под 3%. Первоначально он ссудил около трети наличного капитала промышленным предприятиям, но эти инвестиции оказались неудачны и крах 1882 года убедил его в том, что с индустрией связаны слишком большие риски. С этого момента его интересы обратились к страхованию, земельной собственности, муниципальным предприятиям и иностранным государственным займам. «Промышленные предприятия,— говорил Жермен своим акционерам,— даже те, которые исключительно тщательно изучены и управляются самым разумным образом, приносят риски, которые мы считаем несовместимыми с гарантиями, которых требует использование средств депозитного банка»*. Привлекательность государственных займов была огромна, так что лишь с 1871 по 1874 год Crédit Lyonnais получил не менее 25 миллионов франков прибыли, просто продавая французские государственные обязательства†. В процессе своего превращения в самый большой депозитный банк Франции он поглотил только один местный банк, предпочитая учреждать филиалы в систематическом поиске новых возможностей для бизнеса. Самая быстрая экспансия наблюдалась с 1921 по 1931 год, когда по всей стране была открыта примерно тысяча новых контор.

Другие банки вскоре последовали за Crédit Lyonnais, хотя и немного другими путями. Société Générale был создан группой старых банков как ответная мера на неожиданный взлет Crédit Mobilier: девятнадцать французских и тринадцать английских фирм подписались более чем на 80% его акций. Первоначально он действовал как инвестиционный, так и депозитный банк, получая прибыль в несколько раз большую, чем Crédit Lyonnais, но при этом шел на риск, приведший к тяжелым потерям, так что после 1900 года банк сосредоточился исключительно на депозитном банковском бизнесе, открывая местные отделения столь же широко, как и Crédit Lyonnais. Crédit Industriel et Commercial, основанный в 1859 году по модели английских акционерных коммерческих банков, напротив, избегал подобной экспансии в провинцию, в самом начале своего существования решив сотрудничать с местными жителями в учреждении региональных банков, в которые он инвестировал средства. Так он действовал в Лионе в 1865 году, в Бордо в 1880 году и т. д., а также в случае Banque Dupont (основанного еще в 1819 году и имевшего сильные позиции на севере) и в 1930-е годы в отношении небольших банков, испытывавших затруднения. История Comptoir National d'Escompte началась еще в 1848 году, в 1870 году это был веду-

* *Piron C. et Byé M.* Traité d'économie politique. Vol. 4: Le Crédit. P. 131.

† *Bouvier J.* Le Crédit Lyonnais de 1863 à 1882. 1961.

щий банк Франции, но вскоре его обошли Crédit Lyonnais и Société Générale, а позднее он получил тяжелый удар, когда рухнул поддерживаемое им Société Métaux, с которым у него было несколько общих директоров. Крах этого спекулятивного предприятия в 1889 году послужил причиной самоубийства директора банка, после чего Comptoir National d'Escompte стал даже консервативнее, чем Crédit Lyonnais. Banque Nationale pour le Commerce et l'Industrie возник только в 1931 году на месте другого, основанного в 1913 году банка, подвергнутого принудительной ликвидации, однако начатая без промедления экспансия филиальной сети вскоре позволила ему занять место в большой четверке. Хотя банки обычно осторожно подходили к вопросам своих отношений с промышленностью, неправильно было бы считать их в равной степени робкими. Есть, например, мнение, что после эпохи Анри Жермена, когда преобладала сугубая осторожность, в начале XX века появились и новые взгляды, разделяемые Луи Доризоном, который в 1896 году стал генеральным директором Société Générale и уже гораздо больше интересовался развитием промышленности. Он сотрудничал с Нойцлином, возглавлявшим Banque de Paris et des Pays Bas, в реализации программы активного инвестирования. Но в 1913 году он был смещен со своего поста пугливым советом директоров*

Ко времени Народного фронта присутствие этих больших банков с их растущими как грибы филиалами чувствовалось все сильнее. Парадоксально, однако, то, что когда общественное мнение переменилось и стало враждебным к ним, эти банки уже переживали упадок. Государственные и полугосударственные институты расширялись очень быстро задолго до национализации. Caisse des Dépôt была учреждена в 1816 году с ограниченными целями (в основном для хранения денег), вокруг которых велись правовые споры. Затем, однако, ей было доверено управление различными государственными фондами, особенно национальным сберегательным банком, а после 1930 года — национальной страховой программой. В результате в 1939 году она контролировала депозиты, которые превышали сумму депозитов во всех частных банках. Государственный сберегательный банк (Caisse d'Epargne) значительно вырос в период между мировыми войнами, когда было отменено ограничение на суммы, которые можно было положить в банк. Когда он стал начислять на вклады от 2,75 до 3,25% годовых (для сравнения — депозитные банки выплачивали от 0,5 до 0,75%), а сбережения в Париже начали выдавать по первому требованию (в провинции требовалось предупредить банк за несколько дней), в него стали приносить огромные суммы. В 1938 году вклады в нем составили 63 миллиарда франков против 67 миллиардов в 132 основных банках, публиковавших финансовые отчеты. Государство достигло таких результатов

* *Girault R.* Pour un portrait nouveau de l'homme d'affaires français vers 1914 // Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine. 1969. 16. P. 329–349.

отчасти благодаря отказу от перевода жалования государственным служащим (исключая старших) непосредственно в банки, перейдя к использованию *chéques postales** Эти государственные услуги не привлекли новые категории клиентов. В 1937 году половина счетов в Caisse d'Epargne принадлежало «собственникам, рантье и лицам без определенных занятий», 15% приходилось на государственных чиновников и служащих и еще 9% — на солдат и матросов. Лишь 2,77% счетов было открыто промышленными рабочими. Также государство в промежутке между мировыми войнами в огромных масштабах поддерживало инвестиции. Создавались разнообразные национальные организации для кредитования различных секторов экономики: Crédit agricole (1920), Crédit national (1919), Crédit populaire (1917), HBM† (субсидии на строительство жилья, которые стали предоставляться еще в 1894 году, но настоящий размах этот процесс получил только после войны). Огромные ресурсы, поступающие в Caisse des Dépôt, использовались в масштабных программах общественных работ. С 1913 по 1936 год масса банковских депозитов увеличилась только на 26%, тогда как цены выросли пятикратно. Мощный отток денег из банков можно проиллюстрировать цифрами только за один год Великой депрессии: в течение 1931 года они уменьшились на 16 миллиардов франков (тогда как в Caisse d'Epargne они выросли на 10 миллиардов). Национализация банков, таким образом, последовала за резким падением доверия к ним.

Природа отношений богачей, промышленников и банкиров с остальным населением сильно упрощается теориями, полагающими, что это были отношения доминирования и подчинения. Потребуются детальные исследования отдельных фирм и магнатов, прежде чем можно будет попытаться сформулировать какие-то выводы; знания по этому вопросу все еще пребывают в зачаточном состоянии; серьезные исследования по корпоративной истории только начали появляться в печати. Представляется, однако, что современные исследования больше склоняются к взгляду на экономику как на значительно более фрагментированную и автономную сферу, чем это предполагалось предшествующими теориями.

* Почтовые переводы (фр.).
† Сокращение от Habitations à bon marche» («Жилье задешево»).

Глава VII ЧАЯНИЯ ОБЫЧНЫХ ЛЮДЕЙ

Об устремлениях тех людей, которые никогда не становились очень богатыми, которые не основывали династий или долговечных компаний, а обитали в мирах среднего или малого бизнеса, писать сложно, поскольку о них редко оставляют свидетельства. Но характер общества во многом определяется видом амбиций, питаемых такими людьми, и степенью их удовлетворения или разочарования. В дискуссиях об экономическом развитии Франции наблюдалась скорее тенденция игнорировать этот скромный уровень. Крупные отрасли промышленности и семейные фирмы привлекали внимание, их проще идентифицировать и изучать. Фирма, быстро поднявшаяся благодаря изобретательности талантливого человека, впоследствии проданная под другим именем постороннему либо (что, по-видимому, случалось чаще) сотруднику или компаньону, может процветать по-прежнему, но проследить ее судьбу становится значительно сложнее. Развитие семейной фирмы, как считается, подчинялось фамильным интересам. Постоянство в производстве одних и тех же товаров в умеренных масштабах и для традиционного рынка, основание малых фирм для сыновей и других родственников были формами реализации этих семейных интересов. Но, по-видимому, существовал и другой путь, по которому, возможно, следовали чаще. Он состоял в том, чтобы, как только заработана разумная сумма денег (то есть как только достигнуто процветание), продать фирму и обратиться к другим делам, предаться страсти к садоводству или литературным опытам, финансировать жизненный успех своих детей, готовя их к свободным профессиям. Мелкие фирмы, не являвшиеся семейными или акционерными компаниями, были гораздо многочисленнее.

Однако все это касается образа жизни промышленников. Другая проблема состоит в том, почему многие не хотели работать в промышленности. Известно, что во Франции были сильны традиции, побуждавшие посылать детей на государственную службу либо, в качестве альтернативы, давать им свободные

профессии, кроме того, однажды избранное занятие передавалось как бы по наследству от отца к сыну. Почему многие отказывались от карьеры инженера и ученого? Отчасти ответ содержится в том, как люди расценивали честолюбие. Некоторое (разумеется, ограниченное) представление о том, каким видели рынок труда современники в этот период, можно обнаружить в путеводителях по профессиям. Содержащиеся в них советы, конечно, пристрастны, и можно утверждать, что из-за их чрезмерной озабоченности тем, чтобы убедить человека избрать определенную карьеру, их советы страдали всеми слабостями, присущими проповедям моралистов. Невозможно определить, действительно ли люди прислушивались к ним. Однако есть возможность сравнить то, что говорилось в них, с суждениями представителей иных общественных групп, рассуждавших о тех же проблемах с других позиций. Выступления психологов и врачей, которые не были прямо связаны с экономическим миром, особенно поучительны. Возможно, люди более склонны следовать советам, если считают, что это может принести пользу их здоровью, поэтому интересно посмотреть, каким образом врачи способствовали укреплению существующих экономических предрассудков. При всех неизбежных ограничениях история отношения к успеху — самый важный сюжет.

Хорошим примером для понимания существовавшего взгляда на данный предмет служит путеводитель в выборе карьеры Эдуарда Шартона. Шартон был весьма известной личностью, обладал опытом и связями во многих областях профессиональной жизни. Адвокат по образованию, он был одним из самых удачливых издателей века и отличался непостижимой способностью угадывать желания публики. Он основал три самых успешных популяризаторских журнала того времени: «Magasin Pittoresque» (1833), «L'Illustration» (1843), «Le Tour du Monde» (1860). В юности он был сенсимонистом, в 1840–1848 годах служил атташе министерства юстиции (где для сведения Луи-Филиппа писал биографии преступников, осужденных на смертную казнь), в 1848 году — генеральным секретарем министерства образования, в 1870 году — префектом, стал депутатом в 1871 году, а в 1876 году — сенатором и председателем Gauche républicaine* в сенате. Карьера сделала его просвещенным, даже передовым буржуа, исключительно заинтересованным в образовании масс, так что его мнения можно принять в качестве несколько опережающих свое время.

Шартон сравнивает ситуацию Июльской монархии со Старым порядком. Тогда широкий круг занятий оставался недоступен многим из-за случайности рождения, и было нелегко вырваться или выпасть из занимаемого положения. Кроме того, индивидуальные желания и амбиции сталкивались с барьером *esprit de*

* Левые республиканцы (фр.).

*famille** «В то время, не в пример сегодняшнему, сын почитал делом чести поддерживать репутацию, заработанную его предками на том или ином поприще». Происхождение, закон, обычай и отцовский авторитет вместе сужали перспективы человека и оставляли мало неопределенности на его жизненном пути. Но к середине XIX века свобода выбора теоретически уже была безграничной. *Esprit de famille* ослабла. «Родителей и детей часто разделяли различия в образовании, умонастроениях или верованиях, даже пространство, что стало следствием централизации, повлекшей амбициозную молодежь в большие города». Однако даже такой сенсимонист, как Шартон, полагает, что наследование отцовской профессии все еще приносит многие выгоды, так что «никакое негодование нельзя счесть чрезмерным при виде того, сколь часто этого избегают или этим пренебрегают». Сын, следующий этому «самому простому и самому естественному пути», избавлен от тягостных и продолжительных сомнений; он может обучаться занятию у своего отца и унаследовать его клиентов и связи, доверие и уважение. Шартон советует рвать с этой традицией только в особых обстоятельствах: когда профессия требует особенных дарований, которых сын начисто лишен; когда профессия обречена на вымирание; когда в семье слишком много братьев. Таким образом, только негативные основания и непреодолимые препятствия должны побудить человека оставить потомственное занятие. Шартон настойчиво советует решившимся на такой шаг сыновьям делать такой выбор, при котором можно надеяться на помощь родственников или иных покровителей. Несомненно, патронаж все еще был фактором величайшей важности. Но, возможно, самая интересная рекомендация Шартона состоит в том, что людям не следует ставить перед собой слишком высоких целей. Они должны искать занятий, которые «вели бы скорее к *l'aisance*†, благополучию, чем к богатству, более к уважению, чем к восхищению, к нормальному развитию способностей, совершенствованию интеллекта и нравственности, а не к удовлетворению страстей». Профессии, которые могли обогатить, с равным успехом могли оказаться гибельными и привести к бедности; соблазняя, они немногих награждают восхищением и славой, а множеству проигравших приносят позор и осмеяние. Тот, кто тратит чрезмерные усилия, стараясь выдвинуться, скоро выдохнется. «Лучший способ сделать свою жизнь счастливой — быть полезным, скромным, умеренным и не слишком напряженно трудиться. Эту истину мудрецы и поэты повторяют от начала времен». Идеалом молодого человека, располагающего небольшой суммой денег, должно быть не стремление рисковать в попытке ее удвоить, но желание отыскать почетное и спокойное положение в мире, которое займет и разовьет его ум и медленно, но твердо направит к приобретению общественного уважения.

* Честь семьи (фр.).
† Достаток (фр.).

Правда, это необходимо было примирить с практикой большинства родителей, которые подыскивали своим сыновьям «поприща, представляющиеся обладающими несколько большим общественным престижем, чем те, на которых трудятся они сами. В этом они только поддаются чувству, которое побуждает нас дать нашим детям все более и более высокое положение, в соответствии с предположением, что счастье растет пропорционально общественному рангу». Так Шартон признает, что восхождение по социальной лестнице во все большей степени заменяет принятие унаследованного общественного положения, но считает эти устремления чреватыми опасностями и отстаивает умеренность и благоразумие. Напор и честолюбие не казались ему путем к успеху, и деньги не должны быть целью. Он постоянно указывал на «общественное уважение» как наиболее стоящую цель и на то, что не следует обращаться к занятию (какие бы доходы оно не сулило) либо нереспектабельному самому по себе, либо к такому, в котором подвизаются люди, которых не назовешь почтенными. Так, стряпчие обычно зарабатывают больше денег, нежели адвокаты (кроме самого высокого уровня), но их род занятий характеризуется как «менее заманчивый». Дантисты и некоторые аптекари процветали, но «чванство» заставляло людей держаться подальше от этих профессий. Финансовые посредники имели славу настоящих игроков и едва ли не мошенников, опасность быть запачканным их «безнравственностью» удерживала от работы с ними. Чтобы снискать общественное уважение, следует быть благоразумным: уважаемый банкир действует с оглядкой, осмотрительно ссужает деньги. Архитектор может рассчитывать на работу, только если он «заслужил доверие состоятельных людей и бережет его, ведя строго нравственную жизнь». Некоторое послабление, по правде говоря, может быть сделано тому, кто жаждет славы. Слава является благородным устремлением, но родители правы, когда сомневаются, позволять ли своим отпрыскам делать, например, карьеру человека искусства, чьей наградой и была слава. Хотя художники «никогда не пользовались особенным уважением и их работа не так высоко оплачивалась или поощрялась», это занятие требовало совершенно исключительных талантов. Кроме того, восхищение толпы имело как положительные, так и отрицательные стороны. «Уважаемый человек более счастлив, чем тот, кто вызывает восторги, и наиболее желательная и приятная жизнь — самая скромная и простая».

Чтобы отвратиться от амбициозных устремлений, достаточно было послушать врачей. Декуре в труде «Медицина страстей» (1842) объяснял, что чрезмерное стремление к успеху проявляется в непосредственных и опасных клинических симптомах. Честолюбец «делается бледным, его лоб пересекают морщины, глаза проваливаются, взгляд становится бегающим и тревожным,

выступают скулы, западают виски, волосы редеют или со временем седеют. Он почти всегда задыхается, страдает от сердцебиения и мучительной бессонницы, у него постоянно учащенный пульс, горячее дыхание, расстроенное пищеварение при остром или хроническом воспалении кишечника. Он часто становится жертвой рака желудка или печени, апоплексического удара или болезни сердца. Но самым обыкновенным концом таких душевных страстей становится меланхолия и венчает все мономания». Сумасшедшие дома были полны неудачливых честолюбцев, каждый из которых воображал, что он генерал, папа или Господь. Каждый политический переворот приводил к переполнению психиатрических лечебниц, а средний класс там был представлен особенно широко. Болезни, доставляемые честолюбием, происходили от нарушения главного правила ежедневной гигиены — благоразумия. Доктор Декуре, основываясь на своей двадцатитрехлетней врачебной практике в Париже, высказывает мнение, что честолюбие «гораздо более распространено, чем принято думать; оно проникает во все классы, во все общественные слои, поражает даже детей». Особенно амбиции свойственны желчным, желчно-сангвиническим и меланхолическим людям, которые стремятся к должностям, превышающим их способности, переходят границы приемлемого соперничества, естественного стремления выделиться среди равных. Честолюбие следовало лечить жизнью в деревне, продолжительными прогулками, охотой, легкой пищей для восстановления пищеварения, массажем, теплыми ваннами и разнообразным, но не утомляющим чтением. Гордыню пациента следует подвергать уничижению, воздвигая препятствия на пути его вожделений; также пациента следует удалить от больших городов, особенно же от двора и компании парвеню, ему следует подыскать знакомых, которые довольны своим уделом и «не желают, по скромности или из осторожности, занять более высокое положение. В их постоянной компании (для любого человека пример его окружения заразителен) он сможет оставить убеждение, что слава и счастье несоединимы на земле, и постичь, что самые честолюбивые люди — просто несчастные рабы, которые с мучениями поднимаются по трудной жизненной тропе, приходя к смертному часу с большим шумом, но также и с большими бедами, чем другие люди». Доктор Декуре категоричен: «Честолюбец — больной человек». Болезнь наиболее трудна в лечении, если его чувства государственного мужа грубо оскорбляются без какой-либо компенсации, которая могла бы уврачевать его тщеславие. Это часто вызывает смерть или изнурительную лихорадку. В последнем случае врач «мог только утешать и подталкивать пациента к религии в качестве лучшего средства». Доктор Декуре — достойный представитель среднего класса, но его советы напоминают о том, что добрая половина (самое меньшее) этого

класса была консервативна и взирала на проявления социальной мобильности с тревогой. Амбиции, говорил он, сильнее стимулируются конституционной и представительной формой правления, опирающейся на «гордость средних классов», и его беспокоило, что эта «гордость передавалась низшим слоям общества»*. Представление, что врачи обычно были радикалами, конечно же, миф.

Другой врач, Бержере, написавший в 1878 году книгу «Человеческие страсти и связанные с ними опасности и неудобства для индивидуумов, семьи и общества», прежде чем обрушиться на невоздержанность и распущенность, первые 150 страниц посвятил жажде наживы. Эта страсть, говорит он, заставляет людей слишком много трудиться и погибать от «мозгового перенапряжения». Она вынуждает пускаться во всяческие рискованные предприятия и браться за работу любого рода: мало кто преуспевает, большинство же теряет здоровье от переутомления, недоедания или инфекций. Блестящим юношам, несомненно, стоит отправляться в большие города, но тем, кто не обладает выдающимися способностями, было бы безрассудно пытаться подняться над своим положением. «Амбиции — пагуба человека»†. Позднее доктор Кюлер, любопытно сочетавший старые предрассудки с новыми идеями в труде «Нервные дети», говорил, что хотя профессий, которые с неизбежностью приводили бы к нервным заболеваниям, и не существует, но разумно избегать тех, которые требуют особо напряженного труда. Так, следовало сторониться коммерции, политики, журналистики и искусства, поскольку они приносят тревоги и разочарования. Более подходящими были свободные профессии, позволявшие вести размеренную, упорядоченную жизнь, «благоприятствующую равновесию физиологических функций» и отводившую много времени для отдыха. Для тех, кто предрасположен к нервным расстройствам, наилучшей была дисциплинирующая человека военная служба‡.

В 1908 году автор имевших широкую популярность книг о том, как преуспеть в жизни, утверждал, что французы, если они хотят сохранить свое положение в мире, должны изменить свои косные привычки и последовать примеру США, ибо превосходство, которое прежде завоевывалось оружием, теперь достигается благодаря торговле, финансам и промышленности в той же, если не большей, мере, как искусством и литературой. Он цитирует Карнеги и новый журнал «Commerce et Industrie», основанный как адаптированное для Франции издание американского «Selling Magazine». Честолюбие уже не проклинается, действие и энергия — это именно то, что нужно. «В том, чтобы зарабатывать деньги,— убеждают читателя,— нет ничего порочащего, если вы используете честные средства». Однако даже он не считает, что американскому примеру нужно следовать во всем. Миллионер — это не идеал. «Рекомендуя моему читателю делать деньги, я от-

* *Descuret J. B. F.* La Médecine des passions ou les passions considérées dans leurs rapports avec les maladies, les lois et la religion. 1841. P. 9, 572–591.

† *Bergeret L. F. L.* Les Passions, dangers et inconvénients pour les individus, la famille et la société. Hygiène morale et sociale. 1878. P. 25–29.

‡ *Culerre A.* Les Enfants nerveux. 1914. P. 291–292.

нюдь не убеждаю скапливать огромные суммы. Напротив, я стремлюсь указать ему, что в стремлении как можно скорее избавиться от рабства, порожденного бедностью, нелепо оказаться в рабстве у денег, которое столь же тиранично». Целью должны быть абсолютная независимость, благосостояние и комфорт. Человек должен просто освободиться от необходимости заботиться о выживании, чтобы иметь возможность использовать свое время как ему заблагорассудится, отдыхать от работы, окружать себя произведениями изящного искусства, хорошей мебелью и книгами. Другими словами, традиционный французский идеал продолжает существовать, маскируясь новым языком. По мнению автора, во Франции не было необходимости делать деньги с той же неистовой одержимостью, как это было в Америке. «Француз имеет право на некоторые удовольствия, на отпуск, на радость неторопливой беседы, и именно такой уклад, такое поведение более соответствуют нашим традициям, нашим вкусам и нашему образованию, таким я представляю преуспевающего человека». Он ссылается также на врачей, писавших книги против «спешки» и «перенапряжения»*, и заканчивает рекомендацией, что лучше переусердствовать в благоразумии, чем в безрассудстве†.

В свете этих распространенных предрассудков становится понятно, почему даровитые люди не шли в промышленность. Шартон отдает традиционную дань уважения промышленности и даже предсказывает, что в дальнейшем она откроет неплохие перспективы для карьеры, но ясно, что это перспективы недалекого прицела. «Научная карьера,— говорит он,— открыта для немногих, и чтобы она была удачна, требуется сочетание нескольких счастливых обстоятельств». Для этого, считает он, в университетах было мало возможностей, так что он рассматривает науку только из теоретического интереса. Шартон считал себя вправе безусловно советовать эту стезю только сыновьям ученых. Они могли рассчитывать занять места своих отцов «почти по праву, при условии, что они более или менее достойны. Поддержать репутацию легче, чем ее создать». Кроме лиц из этой категории, «молодому человеку без состояния неблагоразумно было бы даже пытаться заработать на жизнь занятиями естественной историей, если только он не обладает исключительными способностями. Ему вряд ли удастся получить место, обеспечивающее хотя бы скромное, но достойное существование, скорее всего, он никогда не выберется из положения на грани бедности». Специалисты в прикладных науках также не идут нарасхват. «Легко указать ужасающие примеры того, насколько следует остерегаться изменений, в достаточной степени не проверенных опытом. Так что своего рода антипатия, питаемая многими промышленниками к людям науки, не вполне безосновательна». В промышленности размеры вознаграждений были невысоки: начинали с 1500 или 2000 франков,

* *Toulouse*. Comment conserver la santé. 1914; *Pierrot*. Travail et surménage. 1911.

† *Rondès S.* L'Homme qui réussit. Sa Mentalité. Ses Méthodes. 1908. P. 70–85, 183–194.

а 6000 франков были потолком. Все отрасли промышленности были связаны с риском. Лучший совет, который можно дать человеку, вбившему себе в голову намерение работать в промышленности, это пожелать ему остерегаться компаний-выскочек, основывающихся на капризе моды или опасной спекуляции. Разумнее искать работы с меньшей оплатой, но с большей уверенностью в будущем. Шартон говорит, что «для семей, располагающих приличным состоянием или хотя бы достатком, было большой редкостью предназначать своих детей к бродячей жизни и ненадежной карьере инженера-строителя». Существовала École centrale, в которую поступали молодые люди, стремящиеся жить скромно; она превосходно готовила образованных фабрикантов и способных техников. «Но для планирования или реализации больших проектов страна располагает достаточным числом инженеров, и в редком случае частное предприятие изберет для руководства работами свежеиспеченного гражданского инженера». Для того, кто хотел руководства крупными инженерными проектами, правильнее было поступить в École polytechnique, послужить несколько лет в Управлении дорог и мостов и перейти оттуда в частное предприятие, где его вознаграждение могло в три или четыре раза превысить размер государственного жалованья. Инженеры, таким образом, представляли собой узкую, регулируемую государством элиту.

Человеку, намеревающемуся быстро сделать деньги, Шартон, вопреки существующим моральным предубеждениям против этого пути, советовал заняться розничной торговлей. «Немного занятий, которые обеспечивают высочайшие прибыли более определенно, стабильно и даже, допускаю, в бóльших размерах. Нередко видишь бакалейщиков, аптекарей и прочих подобных торговцев, лет через пятнадцать работы оставляющих свое дело, обладая если не крупным состоянием, то, по меньшей мере, приличным доходом». Ранний уход от дел был желанной целью, давал человеку возможность вести достойную жизнь, не отравляемую накопительством. Торговлей, говорил Шартон, трудно заниматься с достоинством, но уважение к ней растет, особенно в высших слоях «крупной коммерции», занятие которой требовало экономических и географических познаний. (Уважение вызывала образованность.) Разумеется, чем выше кто-то поднимался, тем больше возрастал риск. Достаточно иметь скромный магазин — советовал Шартон. Итак, мы видим, что этот труд влиятельного публициста, резюмирующий современное общественное мнение, определенно внушал молодежи неприязнь к экономическому росту и вообще к экономической активности; в лучшем случае наиболее целесообразный способ делать деньги он усматривал в мелкой торговле, но был весьма озабочен тем, чтобы не навести когонибудь на ложный путь жажды слишком больших денег*.

* *Charton E.* Guide pour le choix d'un état ou dictionnaire des professions. 1842. В подтверждение распространенности точки зрения Шартона см.: *Donnard J. H.* Balzac, les réalités économiques et sociales dans la comédie humaine. 1961. P. 277, а также прессу времен Июльской монархии.

У Шартона был сын, родившийся в 1840 году, за два года до публикации этой книги. Интересно отметить, что он стал инженером, окончив École Centrale des Artes et Métiers*. Было ли это утверждением независимости от отца? В 1880 году сын Шартона выпустил в свет третье издание отцовского путеводителя по карьерам, и в этом уже содержится ответ. Он полагал, что инженеры пользуются громадным уважением благодаря грандиозности их профессиональных достижений в XIX веке, строительству железных дорог и общественных сооружений, но даже он рекомендовал эту профессию с оговорками. Прежде всего, он считал, что инженером, как и художником, надо родиться. Эта профессия требует исключительных способностей. В его статье о профессии инженера есть длинное отступление о Леонардо да Винчи, в котором демонстрируется, насколько родственны были тогда наука и искусство, а заканчивается она похвалой Джеймсу Уатту как «необычайно эрудированному литератору». Жюль Шартон, очевидно, ощущал близость художникам и писателям: он отстаивал свой выбор профессии не на языке ее собственных норм, а говорил о ней скорее как о ветви на дереве искусств, вызывающих всеобщее восхищение. Кроме того, он предупреждает о том, что если инженером становится питомец École polytechnique, то его будущее гарантировано, но выпускники не столь шикарных технических школ вынуждены начинать с низших руководящих должностей и на получение статуса инженера тратить десять-пятнадцать лет. Будучи инженером, он все же соглашается с отцом в том, что в качестве карьеры коммерция предпочтительнее промышленности. В торговле, говорит он, риски ограничены, торговец может потерять только свои товары; в промышленности же риски выше, поскольку фабрикант может лишиться всего своего капитала. «Всякий прогресс неизбежно приносит риск»: машины могут внезапно устареть, поэтому фабрикант нуждается не только в средствах на то, чтобы открыть завод, но и как минимум в резервном капитале такого же размера. В металлургии, где постоянно происходят кризисы, реальные шансы выжить имеют только крупные компании. Добычу ископаемых делают опасной частые катастрофы. Перспективы в текстильной промышленности он полагает вовсе не заслуживающими обсуждения†.

В 1892 году появился другой объемистый путеводитель по карьерам, подготовленный к печати главным инспектором технического образования Полем Жакмаром. По долгу службы он был почти обязан убеждать людей избегать классических свободных профессий, но весьма примечательно, что при этом он подталкивал их скорее к занятию торговлей, а не производством. Он отдает дань уважения инженерам, «чьим именем наречен этот век», однако никому не советует пытаться основывать крупные промышленные комплексы. Цель только в «устройстве своих

* Центральная школа искусств и ремесел.

† *Charton E.* Dictionnaire des professions / Ed. P. Laffitte, J. Charton. 3me éd. 1880. P. 152, 286, 328–330.

собственных интересов» Он отбивает у своих читателей охоту заняться металлургией, где провозглашаемый им идеал почти недосягаем. Он указывает, что химики, работающие в промышленности, обычно зарабатывают значительно меньше техников, и что инженеру, желающему сделать карьеру на железной дороге, придется начинать с самых низов, то есть водить локомотивы. То, что администрация и технические специалисты были изолированы друг от друга и очень различно вознаграждались, было, несомненно, серьезным препятствием для индустриального развития. Кажется также, что профессию инженера дискредитировали повторяющиеся экономические кризисы, подобно тому, как политиков дискредитировали скандалы и правительственные кризисы. Профессия инженера благородна,— говорил автор,— но только если понята должным образом. «Инженер должен обуздать склонность эпохи к преувеличениям. Он должен оказывать сопротивление безумным маниям, отказываться от участия в рискованных проектах и спекулятивных предприятиях». Инженерному делу Жакмар отводит очень мало места — три с половиной из более чем тысячи страниц. Напротив, в отношении коммерции он полон энтузиазма. Большинство щедро оплачиваемых директоров универсальных магазинов Парижа, как он утверждает, начинали совсем без средств. Стремление попасть в торговлю было таково, что во многих магазинах молодые люди работали без оплаты (так же они начинали на государственной службе, но нигде более). Люди понимали, что ниша свободных профессий переполнена, и что торговля, будучи пока «не столь блестящей внешне», приносила гораздо большее вознаграждение. Поэтому традиционное аристократическое презрение к коммерции исчезало, и она теперь почиталась одним из источников жизненных сил страны. Банковскими служащими жаждали стать столь многие, что получить место можно было лишь благодаря покровительству, и рассчитывать при этом можно было только на очень скромное жалованье. Все переменилось, и теперь Жакмар писал о коммерции так, как раньше писали о традиционно почитаемых занятиях. Он приводит в пример размер сумм, которые люди были готовы теперь платить за то, чтобы открыть пекарню — от 25 до 40 тысяч франков (в Париже — свыше 100 тысяч франков). Еще больше готовы были отдать за то, чтобы стать хозяином кафе или ресторана: некоторые кафе в Париже продавались дороже миллиона франков. Коммивояжеры уже не были теми жалкими существами, которых описывал Бальзак: их моральный уровень значительно поднялся, и они вели себя так, как если бы были хорошо воспитанными людьми. Наследование отцовской профессии сыновьями стало исключением, отмечал Жакмар. «Каждому не терпится покинуть свою среду, и притязания все растут»*.

* *Jacquemart P.* Professions et métiers Guide pratique pour le choix d'une carrière à l'usage des familles et de la jeunesse 1892 P 326, 524–527, 776.

Преимущество коммерции по сравнению с промышленностью подкреплялось закрытостью крупных и семейных фирм. «Так как крупные фирмы вырастают не сразу,— писал еще один путеводитель по карьерам,— молодые люди, даже если они богаты, сильно рискуют, становясь предпринимателями или фабрикантами. Ни одна из средних или малых фабрик или фирм не может преуспеть, кроме тех, которые перешли от отца к сыну или были поддержаны деньгами и старыми клиентами. Поэтому для молодых людей разумнее войти в качестве партнеров в уже крупные предприятия. Даже располагая средствами, не следует начинать своего дела раньше достижения сорока лет, после того, как появится уверенность в опыте и связях, будет заработано доверие, сложится группа клиентов, готовых поддержать новое предприятие. Достичь этого непросто». Таким образом, молодые люди получали ничтожное поощрение намерений быстро сделать состояние в промышленности, поставив все на производство новой продукции*.

К концу столетия, с распространением образования, становилось ясно, что направление честолюбивых устремлений следует изменить, так как массовый выпуск бакалавров принял исключительные размеры. Рекомендации политиков в основном носили отрицательный характер и не отличались убедительностью, поскольку сами они редко следовали даваемым им советам, а также потому, что они апеллировали в равной мере как к патриотизму, так и к личной корысти. Мелин проповедовал возвращение к земле, призывал забросить города и крупную промышленность и возродить сельское хозяйство и ремесла†. Габриэль Аното полагал, что, хотя до пятнадцати лет у каждого должна быть возможность посещать школу, но того, кто не подавал надежд стать вторым Пико делла Мирандола, не следовало задерживать там, но побудить отправиться в колонии, заняться сельским хозяйством, работать в промышленности или коммерции — только не стремиться на государственную службу, и без того переполненную‡. Особенно заметна пропаганда в пользу колоний§. Даже профессора литературы начинали рассуждать о необходимости более интенсивной практической деятельности, но интересно, что один из них, автор книги «Вчерашние предрассудки и сегодняшние карьеры», приветствовал только горизонтальные перемещения (смену одного занятия другим на одном социальном уровне), а не попытки использовать профессии, еще достаточно свободные от внутренней конкуренции или даже совершенно новые, чтобы подняться в более высокие классы общества. Выбор занятия должен обуславливаться семейным и дружеским окружением. «Бедные живут и развиваются с помощью бедных, богатые живут и развиваются в среде богатых». Хотя юноши и могут «подыскивать отличное от отцовского занятие», сыну крестьянина естественна

* *Bastien P.* Les Carrières commerciales, industrielles et agricoles. 1906. P. 203.
† *Méline J.* Le Retour à la terre. 1905.
‡ *Hanotaux G.* Du Choix d'une carrière. 1904.
§ *Péroz.* Hors des chemins battus. 1908.

только попытка стать механиком, для отпрыска родителей из среднего класса — стать руководителем среднего звена в промышленности, тогда как ее высших руководителей должна поставлять аристократия. Реализм этого профессора можно в значительной степени оправдать. Он, конечно, не пытался заменить старые предрассудки совершенно новыми критериями. Он надеялся, что вновь появившиеся профессии приобретут респектабельность, усвоив достоинства старых. По его словам, существует общее представление, что к свободным профессиям стремятся не ради личной выгоды, но заботясь об общественных интересах, и поэтому представители этих профессий получают вознаграждение чаще в виде гонораров, а не заработной платы, в то время как работа в экономической сфере подразумевает только личный интерес. Этому различию, говорил он, должен быть положен конец. Перед индустрией всегда стояли социальные цели, и юноши, которых влечет в эту сторону, должны ограничивать собственное корыстолюбие приобщением к культуре и ведением нравственного образа жизни, что должно сближать их с представителями свободных профессий*. Перемены происходили медленно. Когда был переведен «Мир бизнеса» Эндрю Карнеги, это послужило мостиком через пропасть между старой моралью долга и погоней за богатством†.

Сочинение «Профессии, позволяющие проще заработать состояние в послевоенном мире» — еще одна энергичная атака против поступления на государственную службу или занятия свободными профессиями. Оно рекомендует коммерцию и индустрию в качестве карьер будущего, «даже если пока они выглядят скромнее». Но делаются оговорки. Автор подчеркивает, что большинство из самых соблазнительных должностей достаются благодаря влиятельным лицам и покровителям. Что же касается инженеров, то технические школы подбирают для своих выпускников места в компаниях своих бывших питомцев, но таких вакансий не хватает. «Чтобы получить инженерную должность, необходимы связи, покровительство и удача. Это отличная профессия для тех, кому известен удобный порт на этом берегу». Та же ситуация и с химиками: для получения места необходима протекция. Интересно также отметить, что если промышленность отныне приветствуется (хотя существует барьер — прием на работу по знакомству), то чрезвычайно важные для развития индустрии финансовые профессии порицаются как опасные, их надлежит сторониться. Перспектива появления многочисленных вакансий после войны, «уничтожившей цвет нации», была единственным источником оптимизма для молодого человека, не располагающего знакомствами в высших сферах‡.

Из краткого справочника по профессиям для молодежи «Guide Carus», опубликованного в 1930-х годах, можно соста-

* *Valran C.* Préjugés d'autrefois et carrières d'aujourd'hui. Toulouse, Paris, 1908. P. 135, 356.

† *Berlan A.* Du Choix d'une carrière par Gabriel Hanotaux et l'empire des affaires par Andrew Carnegie. Saint-Quentin, 1904.

‡ *Liévin J.* Les Meilleures Professions pour faire fortune après la guerre. 1916. P. 19, 25.

вить мнение, что начать карьеру в промышленности по-прежнему сложно. Война привела к росту числа технических специалистов, а послевоенный кризис не позволял рассчитывать на высокие заработки. Но дела поправлялись, и работу для инженера уже можно было найти без чрезмерных усилий, хотя в рекламных объявлениях такие вакансии упоминались редко. Выпускнику все еще приходилось начинать с самых низов, машинистом или чертежником, а то и заниматься исключительно ручным трудом; зарплата его могла быть ниже, чем у квалифицированного рабочего. Химики не могут быть уверены, что смогут подняться выше. До недавнего времени,— говорит справочник,— редко можно было встретить человека, который стал бы руководителем, не обладая капиталом, а только дипломом химика. «Говорили прежде, а иногда говорят и сегодня о том, что школы выпускают слишком много химиков. Действительно, эти специалисты только начинают бороться за место под солнцем; конкуренция причинила им значительный ущерб и они должны преодолеть еще многие трудности, не говоря уже о необходимости изжить недоверие и ревность». У них отсутствовала должностная структура: могло быть так, что главному химику на заводе помогали подчиненные с одним только начальным образованием. Рабочие места, представлявшиеся в это время самыми привлекательными и которых, как сообщалось, домогались сильнее других, находились в торговле. Коммерческая карьера лучше согласовывалась с традиционными ценностями, и стиль жизни, которую она позволяла вести, был больше похож на образ жизни государственных чиновников прошлого. Люди стремились в торговлю, потому что она была «чистой профессией, которой занимаешься в изысканном и элегантном окружении. Люди со вкусом ценят безупречный внешний вид, утонченные манеры, работу в компании коллег из хорошего общества, дружеские отношения с избранной клиентурой, приятную атмосферу, труд напряженный, но скрашенный отблеском изящества и изысканности». Требовались хороший вкус, любовь к порядку, чистота речи, то есть качества светского человека, а также благоразумие и некоторый культурный уровень. Взамен предоставлялись уверенность в будущем, фиксированное жалованье плюс премии, а также хорошие перспективы роста вознаграждения. Изменчивость предпринимательского счастья середины XIX века больше не пугала служащих крупных универсальных магазинов. Бухгалтер стал ценным профессионалом. В крупных промышленных компаниях именно работа в коммерческих отделах была востребована более всего. Торговые и административные подразделения этих фирм почти всегда работали только пять дней в неделю, в то время как заводы работали полный день в субботу, а некоторые — еще и в ночные смены. Мало заманчивого в том, чтобы оказаться сосланным в качестве инженера

в какой-нибудь мрачный индустриальный район, изолированный от общества и тех удовольствий, которые можно было найти даже в небольших городах*

Все это убеждает в том, что существовала дополнительная причина (до настоящего времени не изученная, обнаружить которую поможет история честолюбия и престижа), по которой промышленное развитие во Франции приняло специфическую форму. Притягательность государственной службы и свободных профессий упрямо сохранялась. Когда нехватка чиновничьих мест и клиентов стала слишком велика, а вознаграждение слишком скромно по сравнению с другими профессиями, интересы нового поколения обратились если не к индустрии, то к коммерции. В структуре должностей в промышленности существовала пропасть, которая мешала рекрутировать способных людей с большими амбициями, если только они уже не оказались как-то в этой сфере или не набрели на какое-либо изобретение или удачную возможность. Перейти из среднего на высший уровень промышленной иерархии было сложно; на среднем уровне было мало вакансий для выпускников, вместо которых промышленники предпочитали назначать хорошо зарекомендовавших себя рабочих, которые не стремились бы подняться выше. Крупные семейные фирмы приберегали свои вакансии в основном для тех, кого принимали в семью в результате заключения брака. Неверно, что банкиры не желали финансировать новые смелые предприятия: на самом деле люди не осмеливались просить их о ссудах, поскольку сами не верили в идею нового проекта.

Справочники по профессиям довольно правдиво описывали возможности, открывавшиеся перед инженерами†. В 1955 году было подсчитано, что в промышленности пропорция руководящих постов в числе занятых была наименьшей. Только 2,85% ее работников приходилось на эту высшую категорию. В самых старых отраслях промышленности эта цифра была еще ниже: 1% в угледобыче, 2,1% в текстильной промышленности. Только в немногих новых отраслях эта пропорция была заметно выше: 4,7% в химической и 6,8% в нефтяной отраслях. Но торговля все же была привлекательнее. Менеджеров там было 7,5%. В банковом деле и страховании вместе таковых насчитывалось 9,2% (в некоторых видах страхования — до 20%). Примечательно, что одной из самых привлекательных оставалась государственная служба, где руководителей было 14% (в администрации — 16%). Поэтому инженер, который шел на государственную службу, поступал разумно, и не удивительно, что выпускники École polytechnique, уходившие в частный бизнес, в основном были худшими на своих курсах. На примере выпускников этого учебного заведения 1929, 1938 и 1950 годов видно, что только 4% из тех, кто заканчивал курс в числе двадцати лучших (но 80% из

* Guide général pour la jeunesse Carus. 1934. P. 213, 478–481, 503–504, 521–523, 527, 571, 667.

† Истории инженерной профессии нет. См.: *Pelol J.* Histoire des ponts et chausses 1599–1815. 1958.

тех, кто был среди двадцати худших), сразу шли в частные предприятия. Лучшие выпускники обычно некоторое время состояли на государственной службе, после чего использовали двойной престиж своего диплома и связей в государственных органах, чтобы прямо переходить на высшие посты в частном секторе. Мнение, что Франция двигалась по направлению к технократии, является заблуждением. Действительного освобождения от господства государства не происходило: самыми могущественными технократами все же оставались чиновники, разве что они также начинали интересоваться и бизнесом. Самые высокие руководящие посты предназначались для этих людей.

Исследование высших управленцев в металлургии и горной промышленности, предпринятое в 1956 году, показало, что среди представителей этой группы 46% являлись выпускниками École polytechnique и всего 31% — выпускниками École centrale. Питомцам последней, а также выпускникам местных технических школ редко удавалось подняться над низшими уровнями менеджмента почти по тем же самым причинам, по каким рабочим было сложно выбиться в мастера. Итак, будущее инженеров могло быть весьма различным в зависимости от их происхождения. Выходцы из высшего класса стремились переходить из фирмы в фирму, чтобы в итоге оказаться в Париже. Те, кто происходил из низших классов, часто оставались в одной и той же компании всю жизнь, заканчивая карьеру начальником отдела или цеха. Человек без инженерного образования, желавший найти для себя место в промышленности, редко попадал в руководство крупных фирм. Идея о допущении к руководству непрофессионалов была чужда им. Гуманитарии могли руководить продажами, финансами, возглавлять управление делами или отдел кадров, но во Франции эти посты никогда не были главными, с ними было связано намного меньше власти и престижа, чем в США: они были тупиком карьеры, предельным уровнем, до которого мог подняться средний менеджер. Наилучшими шансами на продвижение обладали руководители производства: инженер с дипломом École polytechnique после недолгого пребывания на провинциальных заводах фирмы мог рассчитывать совершить прыжок прямо на руководящий пост в Париже, опередив начальников отделов с солидным сроком службы. Перспективы в семейных фирмах были не столь светлыми. На самом деле они не обладали большой привлекательностью для талантливых инженеров, поскольку в них существовал потолок для продвижения: руководящие посты предназначались только для членов семьи. Лишь иногда выпускник École polytechnique или École centrale шел на повышение в такой фирме благодаря браку, включавшему его в число членов семьи. Гораздо чаще (особенно в XIX веке) давало себя знать предубеждение таких компаний против приема на работу

лиц с систематической и глубокой научной подготовкой. Чем выше была квалификация инженера, тем более теоретический характер носила его подготовка. В École polytechnique три четверти времени отводилось на теоретические занятия. Выпускников этой школы было слишком мало, чтобы руководить более чем незначительным числом крупных фирм в узком кругу отраслей промышленности. В оставшихся было обычно для промышленников, обязанных карьерой самим себе или семейной фирме, относиться с пренебрежением к *esprit ingénieur**, предававшего забвению коммерческую и практическую сторону вещей† Эти фирмы предпочитали набирать работников попроще среди выпускников местных профессиональных школ, в подготовке которых практике отводилось 60% времени и которые были только хорошими механиками без претензий на служебный рост. Но даже выпускники этих училищ должны были прикладывать неимоверные усилия ради того, чтобы завоевать хоть сколько-нибудь приличное положение, потому что полученное ими образование давало им мало преимуществ над самоучками. По оценке, сделанной в 1962 году, половина из тех, кто занимал управленческие посты в промышленности в целом, вообще не имели высшего образования, а в качестве критериев при их назначении выступали опыт, влиятельные знакомства и принадлежность к семье.

Итак, в тот период было бы нереально рассчитывать на то, чтобы, начав с нуля, стать капитаном индустрии. Наилучшие шансы были у питомца École polytechnique, но, как известно, он обычно происходил из хорошего рода, принадлежащего к среднему или высшему классу, и при этом должен был еще угодить финансовым воротилам, управлявшим крупными компаниями. Люди такого сорта редко пытались основать свою собственную империю. Конечно, многие учреждали собственные фирмы, но, по-видимому, лишь небольшое число из них достигали сколько-нибудь значительных размеров. Много пищи для размышлений на эту тему дают некрологи Общества гражданских инженеров. Они демонстрируют, что инженеры, не имевшие особенных семейных связей, часто были вынуждены применять свои таланты одним из двух способов, ни один из которых существенно не способствовал экономическому развитию Франции. Некоторые, по-видимому, заслуживают упреков в непрактичности. Их образование прививало им вкус к чистой науке, и они становились экстраординарными профессорами и авторами книг. Другие уезжали за границу. Поразительно, как много французских инженеров подолгу работали в Южной Америке, Испании, Египте, Индокитае и т. д. Французский талант, подобно французскому капиталу, экспортировался для содействия индустриальному развитию других стран. Награды, которые они получали и списки которых публиковались в ежегодниках Общества, включали награды от ад-

* Инженерный дух (фр.)

† *Le Roux H.* Nos Fils: que feront-ils? 1898. P. 127.

министраций колоний или иностранных правительств, а число инженеров, отмеченных министерством образования, было больше, нежели удостоенных ордена Почетного легиона* Карьера Октава де Рошфора, сына памфлетиста Анри Рошфора, может послужить иллюстрацией. После окончания в 1884 году École centrale он отправился на два года работать в лесном хозяйстве Алжира, с 1887 по 1880 год был инженером в Аргентине, затем в угледобывающей отрасли в США. Там он заинтересовался пишущими машинками и вернулся на родину, чтобы в 1896 году открыть завод по их производству, он также выпускал счетные машины, машинки со шрифтом Брайля и трансформаторы, но, по-видимому, не достиг сколько-нибудь значительного успеха[†]. В XX веке инженеры нашли еще один (третий) путь преодоления своих разочарований: они увидели себя в роли общественных миротворцев, посредников между нанимателями и рабочими. Часть их склонилась к социал-католицизму[‡]

Одно из объяснений стремительного притока в коммерцию, возможно, состоит в том, что до Революции торговля была регулируемой. Принадлежность к купечеству была почти что привилегией, как и принадлежность к аристократии или чиновничеству. Торговцы долго вели решительную борьбу, направленную на то, чтобы держать чужаков на расстоянии от своих владений. Мелкий лавочник XIX века, целью которого было получить как можно больший барыш и который считал свою клиентуру принадлежащей только ему и обязанной ему удовлетворением своих потребностей, был в этом смысле наследником представлений торговцев Старого порядка, которые рассматривали свою монополию как вид ренты, которую публика выплачивает ему. Такое положение поддерживало церковное воззрение, согласно которому цена товара определяется нуждами продавца, так что он может запрашивать столько, сколько необходимо, чтобы дать ему возможность сносно жить. Торговцы на самом деле не пользовались уважением других классов, но и в их собственной среде были такие, которым приходилось завидовать своим более удачливым собратьям.

Обычно в развивающихся странах третичный сектор экономики (коммерческий и административный) начинал расти только тогда, когда первичный (сельскохозяйственный) сектор приходил в упадок, а вторичный (промышленный) усиливался. Во Франции самым быстро развивающимся сектором экономики в XIX веке была сфера обслуживания:

	1856	1876	1896	1906	1926	1931	1936	1946
Первичный сектор	51,7	48,8	44,8	42,7	38,3	35,6	35,5	36,0
Вторичный сектор	26,8	27,3	28,6	29,2	32,8	33,3	30,5	29,5
Третичный сектор	21,4	23,9	26,3	28,1	28,9	31,1	33,9	34,5

* *Jacquin F.* Les Cadres de l'industrie et du commerce. 1955 (особенно интересен обзор, посвященный управленцам завода Renault); *Granick D.* The European Executive. 1962 (интересное сравнительное исследование на материале Великобритании, Франции, Германии, Бельгии и США. Биографии инженеров заслуживают изучения). Статистика труднодоступна, и потому необходимы дальнейшие изыскания. О литературной деятельности инженеров см.: *Divisia F* Exposés d'économique. Vol. 1. 1951.

† *Junger H.* Dictionnaire biographique des grands négociants et industriels. 1895.

‡ *Lamirand G.* Le Rôle social de l'ingénieur. 1923; См. также: *Barbier M* Le Problème français de la formation des ingénieurs, d'après quelques écrits récents. 1955.

Судя по данным таблицы, за сорок лет с 1856 по 1896 год она росла в два раза быстрее, чем индустриальный сектор. Другой подсчет, делящий все население в соответствии с профессией главы семьи, дает следующие, даже более впечатляющие результаты (правда, цифры 1856 года вызывают сомнения):

	1856	1876	1891
Общая численность населения (в млн)	36,18	36,90	38,13
Сельское хозяйство	19,00	18,97	17,44
Промышленность	10,47	9,28	9,53
Торговля и транспорт	1,73	3,89	5,16
Свободные профессии и государственная служба	1,67	1,96	2,53
Собственники и рантье	1,76	2,15	2,17
Без определенных занятий или занятие неизвестно	1,48	0,70	1,30

Возможно, число извлекающих свой доход из торговли удвоилось, в то время как число тех, кто зависел от промышленности, выросло только на 50%. Однако в XX веке число коммерсантов росло очень умеренными темпами (с 1,88 миллиона экономически активного населения до 2,16 миллионов в 1946 году). Рост ускорился только после Второй мировой войны, составив 34% за восемь лет, но это обусловил послевоенный индустриальный бум, тогда как в XIX веке его не было. В XIX веке коммерческие возможности умножались вслед за расцветом всех видов деятельности, в сочетании с небольшим прогрессом процессов концентрации населения, так что сохранилось больше заведений розничной торговли, чем это было характерно для других индустриальных странах. В 1954 году 37% населения Франции все еще жило в поселениях с населением менее 2000 человек (ср. с 18,5% в Германии и 7% в Италии). В Германии в городах с населением свыше 50 тысяч человек жило более 40% населения, в Италии — 30%, во Франции — только 23%* Наилучшим образом рост торговли можно проиллюстрировать в местном масштабе. В Форезе, где расположен промышленный город Сент-Этьен, а также большие земельные угодья используются в сельском хозяйстве, число ярмарок в XIX веке удвоилось (с 307 в 1809 году до 713 в 1919 году), причем основной рост пришелся на период после 1870 года. В добавление к ярмаркам в 1909 году действовало 90 еженедельных рынков (по сравнению с 21 в 1818 году). Количество винных лавок также выросло с 4051 в 1857 году до 8738 в 1908 году† Число розничных торговцев бакалейными товарами в Париже, вероятно, увеличилось почти ровно вдвое за короткий период в 25 лет (с 1856 по1879 год)‡.

Сейчас определенная часть коммерческого развития действительно приобретала форму более современных и крупных пред-

* *Fourastié J.* Migrations professionalles 1900–1955 (Institut Nationale d'Études démographiques, travaux et documents, cahier 31, 1957). P. 157; *Quin C.* Physionomie et perspectives d'évolution de l'appareil commercial français 1950–1970. 1964. P. 47; *Toutain J. C.* La Population de la France de 1700 a 1959. 1963. P. 146.

† *Gras L. J.* Histoire du commerce local et des industries qui s'y rattachent dans la région stéphanoise et forézienne. 1910. P. 398–400, 407, 423.

‡ *Didot F.* Annuaire Almanach du commerce. 1856, 1879.

приятий. К 1940 году кооперативы имели девять тысяч магазинов и 2,75 миллиона членов, на их долю приходилось 13—14% торгового оборота, но 60% из этих кооперативных магазинов было расположено к северу от линии Шербур—Женева. Начало появлению торговых сетей, как считается, было положено в 1866 году, когда четверо оптовиков из Реймса стали продавать товары непосредственно потребителям; в 1880-е годы появились сети магазинов, торгующих обувью, затем — вином, молочными продуктами, одеждой, книгами. К 1940 году было 23 тысячи сетевых магазина, торговавших только продуктами питания, обеспечивающих четверть торгового оборота страны; они поднялись почти всецело благодаря самофинансированию и без какой-либо поддержки со стороны банков. Крупные универсальные магазины возникли при Второй империи также благодаря самофинансированию. Магазины с одной ценой на все товары, очень популярные в США уже задолго до Первой мировой войны, проникли во Францию в 1927 или в 1929 году. Но в 1931 году здесь все еще было только 100 розничных магазинов с числом служащих более пятисот, в то время как мелких магазинчиков было приблизительно полмиллиона: 91% розничных магазинов держали трех или менее работников. Кроме того, были те, кто работал на 200 тысячах рынках и ярмарках страны*

Мелкие торговцы играли во французском обществе особую роль. Габриэль Аното превозносил их как представителей самой демократической профессии Франции, в которой было легче всего сколотить состояние, начав с малого, где царила независимость и каждый обладал шансами преуспеть†. По-видимому, парламент придерживался тех же взглядов, неоднократно облагая тяжелыми дискриминационными налогами торговые сети и универсальные магазины, пытаясь притормозить их развитие. Любой магазин, в котором было более 200 работников, платил налог, равный примерно пятой части зарплаты, выплачиваемой каждому нанятому сверх этого числа‡. Специальными налогами облагались розничные магазины с оборотом, превышающим миллион франков (у 91,9% розничных торговцев оборот составлял менее половины миллиона), а сетевые магазины оплачивали *patente* в двойном размере. В 1935 году была запрещена розничная торговля с фургонов (*comions bazars*); в 1936 году был введен запрет на открытие новых магазинов «одной цены» и обувных магазинов§. Не следует думать, что парламент просто поддавался давлению. Французское общество без этих мелких лавочников могло потерять в мобильности, однако с их исчезновением жизнь могла бы стать дешевле. Лавочники не основывали династий. Один розничный торговец, сделавший состояние, говорил Шартону в 1880 году, что с крайней неохотой и только при отсутствии других возможностей мог бы примириться с тем, чтобы сын продолжил его дело:

* Le Commerce: documents. 1943.
† *Ray V.* Pour faire fortune, par un ancien commerçant. Moulins, 1922. P. 8; *Demonceaux A.* Le Choix d'une carrière commerciale, industrielle ou financière. Guide pratique des parents et de la jeunesse. 1920. 3 ed.
‡ Закон от 28 апреля 1893 г. См.: *Guyot Y.* Le Commerce et les commerçants. 1909. P. 203.
§ *Defossé G.* Le Commerce intérieur. 1944. P. 175.

наилучшую же судьбу для сына он связывал с какой-либо свободной профессией* Посетитель Парижа, отсутствовавший в нем двадцать лет, нашел бы среди знакомых ему магазинов очень мало тех, у кого были бы прежние хозяева. Идеал состоял в том, чтобы сделать деньги быстро,— что отчасти объясняет высокие цены,— а потом удалиться от дел и жить на проценты. Представление, что торговцы зарабатывали огромные деньги, отчасти, конечно, было мифом†. Как правило, примерно 40% мелких фирм в конце XIX века кончали банкротством, однако раздобыть точные данные о финансах лавочников будет, по всей видимости, невозможно. Из банкротов 90% не вели бухгалтерских книг. Именно в этом была одна из привлекательнейших черт розничной торговли — так было легче избегать налогов. Французским правительством в 1955 году было подсчитано, что акционерные компании утаивали 19–25% своей чистой прибыли; мелкие индивидуальные фирмы и товарищества — 42–48%, но ремесленники и лавочники далеко обгоняли их‡. Крупный магазин должен был представлять налоговым инспекторам свои счетные книги, владелец же магазинчика просто подавал декларацию. Принадлежность к лавочникам в определенном смысле была хитрым налоговым маневром, способом обогащаться за счет государства. История мелкой торговли фактически представляет собой историю борьбы за освобождение от контроля со стороны государства. Жесткая регуляция Старого порядка, хотя отчасти и упраздненная с концом цеховой организации, все же сохранялась во множестве других ограничений. Одним из не столь известных достижений Наполеона III было предоставление большей свободы лавочникам, в частности — снятие ограничений в отношении булочных и мясных лавок. Однако в каждом городе имелись свои местные предписания и налоги, поэтому лавочнику приходилось быть экспертом по части обмана закона. Это объясняет симпатии к ним радикалов, которые видели в мелком торговце воплощение сопротивления властям, индивидуализма и права на лучшую долю. Коммерция была столь же важным средством продвижения в обществе, как и образование, хотя политики и историки мало говорили об этом, поскольку это никогда не было закреплено законодательно. Коммерция была как бы черным ходом наверх, поскольку гражданский кодекс охранял коммерческую тайну как зеницу ока. Страсть к тайне делала торговлю все более рискованной. Она мешала возникновению фирм и агентств, проверяющих кредитоспособность и занимающихся предоставлением коммерческой информации§. Коммерческая деятельность имела нечто общее с партизанской войной. Надо заметить, что это была в той же мере война против оптовых торговцев, как и против государства, так что в этой ситуации лавочник был дважды «маленьким» человеком**. Вместо того, чтобы уменьшаться с появлением больших

* *Charlon E.* Op. cit. 3 ed. P. 152.
† *Porte M.* Entrepreneurs et profits industriels. 1901. P. 183.
‡ Les Informations industrielles et commerciales. 1955. 7 oct
§ *Mayer M.* Le Secret des affaires commerciales. 1900. P 276.
** Distribution et consommation, les cahiers du redressement français. 1927 11.

магазинов, количество людей, самостоятельно начинающих небольшое торговое дело, продолжало расти.

Герои торговли были более демократичными фигурами, чем титаны промышленности. В особенности завладели воображением масс — благодаря масштабу деятельности, который вывел на свет тех, кто обычно предпочитал оставаться в тени — основатели крупных универсальных парижских магазинов. Они происходили из низов. Бусико (1810—1877), основатель Bon Marché, был сыном шляпника; прежде чем попасть в Париж, он был разносчиком. Шошар (1821—1909), основатель Louvre, был сыном владельца ресторана; он начал свою карьеру работником в маленьком магазине «Бедный бес». Коньяк (1839—1928), владелец Samaritaine, с двенадцати лет служил в магазине. Все провели юность в бедности. Бусико был настоящим первопроходцем во внедрении новшеств: твердых цен, уменьшения доли прибыли в стоимости товара, выплаты комиссионных от объема продаж персоналу, регулярных дешевых распродаж и тщательно разработанной системы социальной защиты для всех сотрудников. Шошар был в большей степени карьеристом и политиканом: он появляется на сцене, получив от финансиста Перье средства для открытия в 1855 году магазина, который должен был импонировать богатой публике великолепными салонами и роскошным оформлением. Его отношения с политиками из радикальной партии не стали достоянием гласности, за исключением того, что он получил от них исключительно высокий орден Великого командора Почетного легиона в 1906 году и завещал большую сумму Жоржу Легу. Коньяк открыл свой первый магазин на собственные сбережения (5000 франков) и все потерял. После этого он занялся торговлей вразнос на Понт-Нёф, снова скопил 5000 франков и арендовал неподалеку лавочку, где в 1870 году первоначально и расположился Samaritaine. Двумя годами позже он женился на Луизе Жэ, старшей продавщице отдела одежды Bon Marché, у которой имелись 20000 франков сбережений. Это показывает, как быстро мог аккумулироваться капитал в торговле. Супруги никогда в жизни не занимали ни су и расходы на рекламу ограничивали рассылкой каталогов. В их магазине воплотились ценности и методы лавочников. Каждая из 90 секций была, собственно, отдельным магазином, с продавцом, получавшим очень небольшое твердое жалованье (300—1200 франков в год в 1933 году) и рассчитывавшем на свои 3% комиссионных, которые могли обеспечить доход, выигрышный в сравнении с любой профессией. И Бусико, и Коньяк ввели участие сотрудников в прибылях (прогрессирующее в зависимости от должности). Они и Шошар жертвовали огромные суммы на благотворительность и были выдающимися филантропами. В отношении Коньяка говорили, что его щедрость мотивировалась страстной ненавистью

к государству и желанием, чтобы тому не досталось налога на наследство. Все они были бездетны. У Бусико и Коньяка были весьма энергичные жены, благодаря чему их фирмы в большой степени представляли собой семейный бизнес, что было очень типично для розничной торговли. Овдовев, мадам Бусико успешно руководила Bon Marché в одиночку. Сколотив состояния, Коньяк и Шошар увлеклись коллекционированием живописи, свои собрания они завещали соответственно городу Парижу и Лувру. Их коллекции велики и очень ценны, однако по ним трудно составить представление о художественных вкусах их владельцев. Коньяк по-настоящему любил театр, где актерская декламация, возможно, вызывала в его памяти собственные успехи в бытность разносчиком на Понт-Нёф. Луиза Коньяк примирилась с его расходами на прекрасное, сказав, что «ради его здоровья» предпочитает, чтобы деньги доставались торговцам произведениями искусства, нежели любовнице. Как бы то ни было, Коньяк был слишком близорук, чтобы действительно наслаждаться принадлежащими ему картинами*. Он совершенно не интересовался политикой, но дотошно читал все коммерческие рекламные объявления в газетах. Время от времени он путешествовал, потому что находил, что это способствует улучшению аппетита. Иногда отправлялся в «Опера комик», потому что музыка наводила на него особенно покойный сон. И хотя принципы, на которых он основал свое состояние, были чисто коммерческими и он ненавидел государство, в организации своего магазина он руководствовался бюрократическими и иерархическими методами государства с почти аналогичными последнему раздутыми штатами и сложными формами документации. Его Samaritaine не был анархической федерацией коммун. Правила регламентировали каждую деталь поведения, от запрета продавщицам носить шелковые чулки и декольтированные платья до требования, чтобы каждый из восьми тысяч служащих всегда занимал одно и то же место во время бесплатного обеда. «Конформизм был его законом. Любое проявление инициативы пугало: его сила коренилась в его инерции, неизменно противопоставляемой любому смелому нововведению»†.

Мир коммерции отличался бесконечным разнообразием не только из-за огромных различий в богатстве между его высшими и низшими представителями, но также потому (особенно на самых скромных уровнях), что различались обычаи и ментальности, сложившиеся в тех или иных регионах. Образование — по крайней мере, до 1914 года — мало принималось во внимание. École Supérieure de Commerce de Paris‡, основанная в 1820 году несколькими оптовиками с целью повысить престиж «граждан, столь презрительно именуемых торгашами», была в 1830 году куплена Адольфом Бланки, братом революционера,

* *Jourdain F.* Né en '76. 1951. P. 255–269: Франсис Журдэн описывает отношения своего отца-художника с его лучшим клиентом, которым был Коньяк.

† *Laudet F.* La Samaritaine. 1933; *Jourdain F.* Op. cit. P. 267.

‡ Парижская высшая коммерческая школа.

управлявшем ею как доходным предприятием. Перейдя, в конце концов, к Торговой палате, она опекалась состоятельными питомцами, чьи семьи уже занимались торговлей* В период между войнами было открыто небольшое число школ продавцов (одна из которых была создана по образцу заведения мистера Принса в Бостоне, который готовил персонал для магазина Filene и которое впоследствии слилось с Симмонс-колледжем) и несколько курсов, где преподавали выпускники Гарвардской школы бизнеса, но они имели ничтожное влияние. Гораздо популярнее были заочные курсы, дающие минимальную подготовку†.

Трудно сказать, удалось ли торговцам нового образца сделать больше денег, чем торговцам прежних времен. Однако точно известно, что по стране в целом собственность торговых предприятий в первой половине столетия возросла в цене более, чем какие-либо иные капиталовложения, и это была единственная форма инвестиций, которая не понесла убытков от двух мировых войн. Региональные различия доходности, разумеется, были очень велики, но пока они не проанализированы в достаточной степени. Эти различия не кажутся непосредственно связанными с ростом сельского хозяйства и промышленности в той или иной местности, и фантастическое процветание лавочников Ода и Воклюза, чья ситуация несравнима не только с соседними департаментами (например, с Варом и Эро), но даже и с такими богатыми департаментами, как Нор, еще нуждается в объяснении‡. Но, может статься, эта аккумуляция торгового капитала подготовила в некотором роде основу для экономического развития 1950-х годов, так же как преуспевание купечества в Англии XVIII века стало причиной промышленной революции, среди прочих и по этой причине произошедшей там гораздо раньше.

* *Renouard A.* Histoire de l'école supérieure de commerce de Paris. 1898.

† *Briod D.* La Science de la vente et sa place dans l'enseignement commercial. 1929.

‡ *Cornut P.* Répartition de la fortune pêivée en France. 1963. P. 247–175. В Париже в 1890–1924 гг. стоимость розничного бизнеса в денежном выражении выросла восьмикратно, а в реальных ценах — примерно вдвое. Рестораны и отели выросли в цене в пятнадцать раз, бакалеи и *crémeries* [кафе-молочные] — в десять, мясные лавки и булочные — в восемь, фруктовые магазины — в четыре раза. В целом по стране число розничных магазинов увеличилось со 198 тысяч до 226 тысяч за 1901–1912 гг.; в этот период около 5–6% розничных магазинов переходили из руки в руки каждый год. См.: *Bonnefoy A.* L'Achat et le vente des fonds de commerce dans l'économie moderne. 1924; Recherches statistiques sur la Ville de Paris. 1860. Vol. 1. P. 630–631; *Clementel E., Toro M. de.* Larousse commercial. 1930; *Luppé D. de.* Le Commerce de vin dans le département de la Seine de 1851 a 1860 d'après le fonds des faillites du tribunal de commerce de la Seine (диссертация 1968 г.).

Глава VIII ЧИНОВНИЧЕСТВО

Государственная служба считается еще одной сферой деятельности, чье расширение обычно отождествляется с ростом власти буржуазии. В этом утверждении содержится немалая доля истины. Однако рост числа чиновников и расширение круга их обязанностей не влекли за собой автоматическое укрепление их влияния или положения в обществе. Наоборот, если выяснить, почему люди шли на государственную службу и что конкретно тот или иной чиновник мог, находясь на ней, сделать, то можно увидеть, что общественное положение носителей этого имени было неоднозначно; оно менялось в течение столетия, сильно разнилось в зависимости от ступени в иерархии, на которой находилась та или иная персона, а к 1940 году вызывало уже изрядную враждебность.

Франция была одним из пионеров бюрократизации Европы. В XVII–XVIII столетиях количество государственных должностей разрослось до невиданных размеров. Причина этого частично заключалась в том, что король нуждался в деньгах, и вместо того, чтобы получать их от парламента, как в Англии, он поддерживал свою абсолютную власть с помощью продажи должностей. Эти должности давали освобождение от определенных налогов, более высокие посты даже приносили (самое низшее) дворянство, да и вообще любое место являлось престижным. Приобретение государственных постов превратилось в способ помещения капитала, умеренная прибыль при этом компенсировалась социальными преимуществами. Французы приобрели обыкновение вкладывать средства в государственные должности и земельные угодья охотнее, чем в промышленность. Получение небольшого, но стабильного дохода расценивалось как правильное устремление здравомыслящего человека, а скромный стиль жизни тех, кто достигал успеха на этом поприще, был освящен в качестве общественной нормы. Революция, за немногим исключением, покончила с практикой продажи должностей, но не изменила инвестиционные предпочтения страны или социальный

статус государственной службы. Отныне для поступления на государственную службу требовались определенные достоинства, однако образование, являвшееся основным подтверждением этих достоинств, по-прежнему оставалось платным. Миф о равенстве возможностей повышал статус тех, кто продвигался по иерархической лестнице. Революция превратила государственную службу в нечто большее, чем вложение капитала: служба стала чем-то сродни лотерее, в которой каждый теоретически имел право участвовать, и жажда призов этой лотереи становилась все неистовее.

В 1842 году в своем «Путеводителе по профессиям» Шартон указал несколько интересных причин, объясняющих, на его взгляд, почему «люди, занимающие по рождению или образованию положение в высшем и среднем классах, так стремятся сделать карьеру на государственной службе». Это была предпочтительная альтернатива промышленности и свободным профессиям, где вероятность неудачи или краха была значительной. Такая карьера была лишена риска, однако при этом ставки были довольно высоки, так как жалованье высших чиновников было большим по любым стандартам. Тем не менее, от избравших эту стезю требовалось наличие умеренного капитала, меньшего, чем в других сферах деятельности*. К государственной службе подходили почти так же, как если бы размышляли о покупке собственности. Проблема заключается в том, чтобы выяснить, какого именно рода преимущества достигались с помощью капиталовложений, и как менялось отношение к ним. Очевидно, что в XIX веке привлекательность государственной службы ощущалась всеми классами общества. Парламентское правление делало получение покровительства, необходимого для поступления на службу, гораздо более доступным для тех, кто желал заключить сделку с депутатом в обмен на его голос. Распространение образования давало все большему и большему числу людей возможность получения элементарной подготовки.

К началу рассматриваемого нами периода Франция имела репутацию страны с самым большим количеством государственных чиновников в Европе, и за те сто лет, которые охватываются в данной книге, репутация эта укрепилась за счет увеличения количества чиновников в четыре раза. Когда в 1848 году правительство попросили опубликовать список всех состоящих на государственной службе, оно ответило отказом, сославшись на то, что осуществить это слишком трудно и список займет 50 томов. До 1945 года тщательность не была сильным местом статистики, и точное число чиновников точно установить нельзя. Приблизительно можно говорить о 250 тысячах человек в 1848 году, о полумиллионе в 1914 году и о миллионе в 1945 году. Подлинное отличие Франции от сопоставимых с ней по размеру стран не в числе

* *Charton E.* Guide pour le choix d'un état. P. 261.

должностных лиц вообще, а в размере центрального правительства. В 1950 году в Великобритании насчитывалось 687 тысяч государственных служащих, но дополнительно к этому было 1,5 миллиона занятых в местных органах управления, тогда как во Франции таковых было лишь 370 тысяч. В США, по-видимому, больше всевозможных должностных лиц, чем во Франции. Было подсчитано, что в период между мировыми войнами в таком городе, как Бордо, один чиновник приходился на 82 жителя, но этот показатель не слишком отличался от Ньюарка, штат Нью-Джерси, где соотношение было 1 к 86, и находился посередине между показателями Сиэтла (1 к 52) и Дейтона (1 к 97)*

Гораздо радикальнее отличалась роль государственной службы в жизни французов. Она выполняла две важные, но, несомненно, противоречащие друг другу функции. С одной стороны, государственная служба оставалась главным средством социальной мобильности, однако, с другой стороны, те семейства, которым она помогла продвинуться по общественной лестнице, зачастую не стремились пробиться в высшие сферы коммерции или промышленности, предпочитая знакомое поприще. Таким образом, чиновничество, расширяя свою деятельности, в известной степени становилось огромным, постоянно растущим семейным кланом. Хотя реальная оценка достоинств использовалась все больше, государственные служащие практически образовали наследственный класс со значительным единством взглядов и ценностей. Они не являлись в полном смысле слова корпорацией, но имели много общего со своими соперниками, которых оттеснили: речь идет о духовенстве.

Детальное изучение государственных служащих все еще не закончено,— сейчас во Франции бурно развивается социология бюрократии. Существует статистический анализ, который хотя и относится к периоду после 1945 года, проливает весьма полезный свет и на предыдущие годы, и его выводы, возможно, с надлежащими поправками, учитывающими возросший демократизм образования, окажутся верными и для предвоенных лет. В 1960-х годах управленческие должности на государственной службе в основном занимали выходцы из высшего класса. Всего 15,2% государственных служащих на этих постах составляли лица скромного происхождения, 19,3% были выходцами из среднего класса и 65% — из высшего. Уроженцы Парижа составляли лишь 12% от числа всех государственных служащих, но при этом 39,1% руководящих постов были заняты ими. Только 23,3% представителей этого высшего звена не имели близких родственников, занятых на государственной службе. У 87,7% лиц, чьи отцы были на государственной службе, там же состояли и другие родственники, а у 47,6% не только отец, но также дед или тесть и другие родственники по боковой линии были государственными служа-

* *Sharp W. R.* The French Civil Service. Bureaucracy in Transition. New York. 1931 P 418; *Ridley F., Blondel J* Public Administration in France. 2 ed. 1969. P. 29.

щими. Примечателен ограниченный характер перемещения в высших слоях французского общества между группами состоящих и не состоящих на государственной службе. Так, только 9% сыновей выходцев из высшего класса шли на государственную службу в том случае, если их отцы работали в частном секторе, однако 57% становились государственными служащими, если такой пример подавали им отцы. На более низком социальном уровне династические традиции были еще устойчивее: 44% сыновей *employés** в частном секторе шли на государственную службу, тогда как из сыновей чиновников туда шло уже 82%. Закрытый характер комплектования государственного аппарата проявляется более отчетливо, если обратить внимание на то, что определенные регионы страны представлены в нем больше, чем другие. Вообще на государственную службу шли в основном выходцы с юга Франции, а не с севера. Государственные должности получили свыше 5% уроженцев Корсики и свыше 3% жителей таких департаментов как Эро, Од, Арьеж, Верхние Пиренеи, Восточные Пиренеи, Верхняя Гаронна, Ло и Гаронна, Ло, Коррез, Лозер и трех альпийских департаментов†. Более того, тех, кто родился в небольших городах с населением от 10 до 20 тысяч человек, своим значением зачастую обязаным административным функциям и в которых пропорционально было значительно больше государственных служащих, занимавших также наиболее престижное положение в городке, на государственной службе было значительно больше, чем тех, кто родился в крупных городах (где безусловное предпочтение отдавалось торговой и промышленной деятельности), или в глухих деревнях‡. Было бы преувеличением сказать, что одна часть страны делает деньги, тогда как другая управляет, но опросы общественного мнения показывают, что отношение к государственной службе на юге было гораздо менее враждебным, чем на севере§.

После Революции природа государственной службы изменилась, соответственно, некоторые обобщения применимы в равной степени ко всему периоду. Во многих случаях, однако, перемены были обманчивы,— обычаи прошлого принимали новые формы. Двери, ведущие к карьере, перед талантливыми людьми продолжали оставаться закрытыми.

Одной из радикальных перемен этого времени была ликвидация больших жалований. На закате Июльской монархии лица, находившиеся на вершине власти, получали колоссальные доходы, что позволяло им занимать места среди богатейших людей страны. Четыре посла получали свыше 150 тысяч франков в год, 102 государственных служащих зарабатывали более 20 тысяч франков, а 1009 — более 10 тысяч франков. С другой стороны, младшие чиновники получали смехотворные суммы за исполнение не многим менее ответственных обязанностей; однако надо

* Клерков (фр.).

† Мишель Крозье показывает на основе анализа личных дел 3500 канцелярских работников, что 33% из них были детьми государственных служащих и 40% были выходцами с юго-запада Франции (*Crozier M.* Petits Fonctionnaires au travail. 1955).

‡ *Darbel A., Schnapper D.* Les Agents du système administratif. 1969. P. 22, 61, 70, 75, 91, 95.

§ *Courtney B.* L'Administration. 1964. P. 83–84.

принять во внимание, что старшим должностным лицам платили не только и не столько за работу. По-прежнему существовала система предоставления должностей и привилегий сторонникам победившей партии. Всего насчитывалось 277 префектов и субпрефектов: двое из них имели доход свыше 60 тысяч франков, однако 228 получали около 3 тысяч. Размер жалованья значительно различался в зависимости от принадлежности к различным министерствам. Лучше всего оплачивалась работа в министерстве финансов: директор, курировавший косвенные налоги в департаменте, получал от 7 до 12 тысяч франков. Занятия, требовавшие образования, оплачивались хуже всего. Главный инженер, в чьем ведении находились дороги и мосты в департаменте, получал всего лишь от 4500 до 5000 франков, а ректор учебного округа, объединявшего несколько департаментов,— от 6000 до 12000 франков. Соответственно, финансовое управление Франции было крупнейшей статьей ее бюджета: на жалованье чиновников финансового ведомства уходило 89 миллионов франков, против всего 62 миллионов для армии, 26 миллионов для военно-морского флота, 30 миллионов для ведомства по делам религий, 15 миллионов для юстиции, 7,6 миллионов для министерства внутренних дел, примерно по 5 миллионов для министерств иностранных дел, общественных работ и образования, 1,7 миллиона министерства сельского хозяйства и торговли, а также 11 миллионов для центральной администрации. Это дает некоторое представление о распределении должностей для политических назначенцев. Однако жалованье не было единственной наградой. Некоторые должности все еще оплачивались вполне на средневековый манер посредством поборов с населения; к таковым относились не только нотариусы, но и хранители закладных и судейские служащие. Кто-то получал гонорары в качестве прибавки к жалованью: профессора факультетов имели свою долю от платы за зачисление студентов, прием экзаменов и выдачу дипломов; чиновники финансового ведомства получали премии за увеличение государственных доходов; лица, захватывавшие контрабанду или выявлявшие неплательщиков налогов, получали свои доли от конфискаций и штрафов. Жалованье некоторых чиновников, например, тех, кто работал в канцеляриях консульств и на некоторых должностях, связанных с финансами, сильно варьировалось. Главные сборщики налогов обладали привилегией передачи своих функций другому лицу, так, например, *receveur particulier des finances**, получавший от 15 до 20 тысяч франков и действовавший бок о бок и на той же территории, что и субпрефект, зарабатывавший три-четыре тысячи, часто назначал себе заместителя за 1800 или 2000 франков†. К концу рассматриваемого нами периода подобные колебания в значительной степени были сглажены, а в 1946 году, когда была разработана единая

* Особый сборщик финансов (фр.).

† *Legendre P.* L'Administration du 18e siècle a nos jours. 1968. P. 179.

структура заработной платы, разница между максимальным и минимальным жалованьем выражалась уже не соотношением 150 к 1, а свелась к пропорции 11 к 1 (8 к 1 после уплаты налогов). Роскошь уступила место умеренности, щедрость сменилась экономией, ставшей отныне признаком государственного служащего. Государственная служба перестала быть путем к богатству.

С другой стороны, она также являлась побочной деятельностью для дворян, которые держали должности про запас и чей доход лишь частично формировался за счет жалованья. Поэтому столь же решительной мерой было бы устранение роли личного состояния в качестве необходимого приложения для занятия многих государственных постов. Почти на всех перспективных должностях государственной службы молодой кандидат должен был год или два, а иногда и дольше, работать бесплатно, изучая круг своих обязанностей и приобретая покровителей. В некоторых учреждениях, например, в финансовой инспекции, желавшие занять пост помощника инспектора должны были располагать родительской гарантией, что их личное состояние не будет ниже двух тысяч франков в течение всего срока пребывания на этой должности. При занятии других мест родители обязывались содержать своих детей по крайней мере в течение двух лет, пока они, к примеру, занимали должности сверхштатных сотрудников департамента прямых налогов. Когда сын получал оплачиваемую должность, то для многих постов в финансовом ведомстве предполагалось внесение денежного залога, равного трехкратному жалованию для *percepteur**, а при повышении до *receveur particulier* — пятикратному жалованью. Во внешнеполитическом ведомстве кандидатам до 1894 года надлежало иметь личное состояние в размере шести тысяч франков. Едва ли можно говорить, что двери государственной службы были открыты для всех талантливых людей, по меньшей мере пока новичкам не стали выплачивать достаточное для существования жалованье. В суде первоначальная должность *juge suppléant*† стала оплачиваться лишь в 1910 году. Однако даже после этого стоимость образования, необходимого для поступления на государственную службу, оставалась препятствием для широких слоев населения. Что касается наиболее престижных должностей, то École Libre des Sciences politiques‡ фактически монополизировала подготовку кандидатов для министерств финансов и иностранных дел, и поскольку она была частной и платной, что кадры этих министерств пополнялись из обеспеченных слоев общества. Когда человеку из низов в объявлении о конкурсе на поступление на государственную службу бросалась в глаза демократическая фраза: «Император (или республика) приглашает всех подавать заявления», он не мог обманываться на этот счет. Государственная служба по-прежнему сохраняла сильные элементы кастовости.

* Приемщик налога (фр.).
† Помощник судьи (фр.).
‡ Частная школа политических наук.

Эффективность введения беспристрастных экзаменов в качестве метода отбора на службу была невысока. В установленных Революцией демократичных, как предполагалось, конкурсных экзаменах (*concours*) торжествовали принцип наличия покровителей и непотизм. Когда кандидаты действительно сдавали экзамены, то последние превращались в чисто символическое мероприятие. Попытка ввести настоящие экзамены была предпринята только в 1872–1874 годах, и впоследствии их регулярно использовали для принятия на многие должности, но, по-видимому, лишь на рубеже веков этот метод прочно вошел в практику. Однако не следует думать, что вопрос был закрыт и непредвзятое признание достоинств восторжествовало. На государственную службу принимали тех людей, в которых, как полагало консервативное начальство, она нуждается. Экзамены продолжали выявлять лишь узкую область качеств; успех иногда зависел от отношений кандидата с *патроном*, воззрения которого и следовало воспроизвести. Например, колониальные чиновники в то время придерживались весьма реакционных взглядов, поскольку набор происходил преимущественно из выпускников École Coloniale*, находившейся в ведении Комитета по делам Французской Африки и допускавшей в свои стены только людей с таким же мировоззрением, как у заинтересованной в колониях финансовой олигархии. Таким образом, система патронажа была скорее трансформирована или модифицирована, но не уничтожена. В первые годы Третьей республики, когда о значении личных достоинств трубили на каждом углу, «злоупотребление рекомендациями разрослось в невиданных размерах». Леон Сэй, бывший в то время министром финансов, сравнивал давление, оказываемое на него в вопросах назначения должностных лиц, с положением, существовавшем при Старом порядке†. Мильеран говорил, что получает в день 150 писем с ходатайствами о предоставлении должности, а в период между мировыми войнами помощник министра почт получал 100 тысяч писем в год от политиков и других важных персон, рекомендовавших принять на работу, повысить в должности или оформить перевод по службе тех или иных людей. В 1930 году получил огласку случай, когда некий судья, пытаясь занять более высокий пост, использовал в своих целях 38 депутатов и сенаторов, написавших в его поддержку письма министру юстиции. На рубеже веков наступил кризис, когда страсти, нагнетаемые антиклерикализмом, вынудили Комба публично и в какой-то степени бестактно защищать фаворитизм. В результате в 1905 году каждый государственный служащий получил право ознакомиться со своим досье в тех случаях, когда ему угрожали дисциплинарное наказание, перевод на другую должность без его согласия или задержка повышения по службе, полагавшегося ему в порядке старшинства. Это решение

* Высшая колониальная школа.

† Цит. по: *Vicomte d'Avenel*. L'Extension du fonctionnarisme depuis 1870 // Revue des Deux Mondes. 1888. 1 Mar. P. 95.

превратило ежегодные отчеты начальства о своих подчиненных, некогда являвшиеся источником информации о всех сторонах жизни человека, в исключительно формальную и бессмысленную рутину, а продвижение по службе за выслугу лет стало практически непреложным правилом.

Судьи, университетские преподаватели и учителя средних школ получили гарантии в 1880-х годах, учителя начальных школ были защищены законами 1880 и 1919 годов, но некоторые ведомства затягивали торжество закона; апелляционной инстанцией в таких случаях служил Государственный совет. После 1919 года в него ежегодно поступало около 1500 дел о неправомерных увольнениях или отказах в продвижении по службе, однако для вынесения решений по некоторым случаям зачастую требовалось четыре года, а если правительство отказывалось исполнять решения Совета, то для преодоления его сопротивления требовалось еще четыре года. К 1930-м годам профсоюзы были удовлетворены тем, что обуздали фаворитизм, насколько это было возможно. Депутаты по-прежнему продолжали писать министрам письма, рекомендуя своих избирателей, а министры отвечали, что эти письма передаются в соответствующие инстанции, которые могут проконтролировать соблюдение справедливости. Депутат мог переслать этот ответ избирателю и, таким образом, все были в большей или меньшей степени довольны*. Однако экзамены не сделали государственную службу единым институтом, все части которого пополнялись бы из одного источника. Прием на службу неизбежно сохранял налет некой таинственности под воздействием разрывов общественных связей, когда не только каждый университет самостоятельно организовывал конкурсные экзамены, но и внутри каждого университета различные департаменты осуществляли набор совершенно независимо. Например, в 1927 году десять различных подразделений министерства финансов предлагали вакансии без какого-либо согласования между собой; ежегодно проводилось свыше 1200 различных конкурсных экзаменов. Даже если фаворитизм и был ликвидирован, то оригинальные особенности и традиции каждого ведомства легче сохранялись в этой мозаичной системе.

Произошла едва различимая перемена, когда государственные служащие, бывшие выдвиженцами политиков, предприняли попытку превратить свои должности в пожизненные. Долго политика играла важную роль при многих назначениях. До 1870 года государственные служащие были обязаны приносить присягу правящему режиму. Каждая революция, следовательно, влекла за собой повальные увольнения и приход к власти сторонников нового режима. Такая ситуация изменилась по двум причинам. С одной стороны, правительству было сложно после каждой революции находить десятки тысяч пригодных государственных

* *Sharp*. Op. cit. P. 73.

служащих, соответственно, многим опытным служащим разрешали оставаться на своих местах. Со временем политический характер их должностей затушевывался, а политические назначения затрагивали все меньше постов. Однако еще более важным было давление, оказываемое самими государственными служащими, добивавшимися гарантий. Занимая посты, даже политические, они усваивали дух безучастности государственных служащих: даже префекты Наполеона III, главные проводники его репрессивной политики, старались культивировать бесстрастие и рассматривали себя в качестве профессиональных управленцев* Они начали протестовать против того, что на ключевые должности произвольно назначались люди, не имевшие никакого опыта. Политическая оппозиция любому режиму считала централизацию органов государственной службы хорошим способом обуздания правительственной власти. Одержимость мыслью о пенсии довершила этот процесс. Только постепенно перспектива получения пенсий превратилась в основную привлекательную черту государственной службы. Первоначально лишь в армии существовала удовлетворительная схема выхода в отставку, предоставляющая приемлемый пенсион (4 тысячи франков для генерал-лейтенанта, 1200 франков для капитана), полагающийся после 30 лет службы (25 лет во флоте). Духовенство никогда не получало никаких пенсий, так же, как и *percepteurs des contributions indirectes*†, чей пост рассматривался не как оплачиваемая должность, но, скорее, как место, приобретенное по договору. Другим категориям согласно закону 1790 года причиталась половина жалованья после 30 лет службы, хотя и не факт, что размеры выплат достигали этих цифр. В действительности закон давал государству возможность ограничится лишь шестой частью максимального жалованья после 30 лет службы, и то лишь в отношении небольшого избранного круга государственных служащих. Он также позволял отчислять 5% жалованья в фонд для увеличения подобного рода выплат, но этого фонда оказалось недостаточно. Государство начало субсидировать его, однако устройство такого фонда оставалось делом сложным и отличалось в случае каждого отдельного министерства‡. Только в 1853 году государство унифицировало пенсионную систему и стало выплачивать пенсии государственным служащим из одного источника, как это практиковалось в отношении военных, кроме того, оно продолжало удерживать 5% жалованья служащих§. Сразу же после того, как это произошло, стало гораздо сложнее уволить чиновника и лишить его накопительных вкладов. Таким образом, государственные служащие вновь обрели право (подобное тому, которое они имели при Старом порядке) получать жалованье независимо от исполнения ими какой-либо полезной функции. На деле же государство поощряло их извечную одержимость положением и мес-

* См. работу Винсента Райта «Префекты Второй империи», которая скоро будет опубликована.

† Сборщики косвенных налогов (фр.).

‡ *Vivien*. Études administratives: Les fonctionnaires publics // Revue des Deux Mondes. 1845. 15 Oct. P. 215–270.

§ *Blerzy H* Le Fonctionnarisme dans l'état // Revue des Deux Mondes 1871. 15 Sept. P. 444–459.

том в иерархии посредством развития системы продвижения по службе, имевшей так много различных ступеней и рангов, что амбиции, с одной стороны, удовлетворялись небольшой прибавкой к жалованью, а с другой — умерялись жесткой шкалой, в соответствии с которой строилась каждая карьера. Основной принцип, предполагавший, что размер жалованья должен зависеть от статуса города (соответственно, продвижение по службе обычно подразумевало перевод), привел к тому, что скрытая зависть, соперничество и разочарования стали играть главную роль в жизни государственного служащего, делая его мир все более и более закрытым*.

Эти перемены с неизбежностью сказывались на престиже государственной службы. Чем более комфортабельно и безопасно чувствовали себя государственные служащие, тем более изолировались они от мира политики; чем больше продвижение по службе за выслугу лет перекрывало пути способным личностям, тем больше чиновники теряли свое руководящее место в обществе. Во всяком случае, большинство из них утратило функции управления и контроля. Большой рост числа государственных служащих между 1850 и 1900 годами объясняется прежде всего наймом 80 тысяч учителей начальной школы и 50 тысяч почтальонов, те и другие располагались на самой низшей ступени госаппарата и дурно оплачивались, в результате чего средний уровень служащих упал. Большинство состоявших на государственной службе были небогаты. Их жалованье более не казалось значительным, и в 1901 году появились статьи, оплакивавшие судьбу «нового пролетариата». В 1900 году среднее жалованье составляло лишь 1490 франков, едва достигая заработной платы квалифицированного рабочего†. В это время только тысяча государственных служащих зарабатывала свыше 15 тысяч франков в год, а максимальное жалованье составляло лишь 35 тысяч франков. Между тем универсальные магазины Парижа платили более чем 250 своим работникам заработную плату от 20 до 25 тысяч франков, что равнялось жалованью большинства префектов, а в коммерции многие могли рассчитывать на 50—100 тысяч франков или более‡. После Первой мировой войны положение государственных служащих серьезно ухудшилось, так как рост их жалованья не поспевал за темпами инфляции. В 1927 году, когда стоимость жизни по сравнению с 1914 годом выросла пятикратно, жалованье большинства из них поднялось лишь в два-три (у высших чиновников) или в четыре-пять раз (у низших). Таким образом, высшему чиновничеству был нанесен еще один удар. Их унижение было подобно тому, что перенесли переведенные на половинный оклад офицеры наполеоновской армии, низвергнутые после 1815 года с вершины своей славы. Число отставок выросло беспрецедентно. В 1920—1926 годах из 90 финансовых

* См.: *Granveau A.* Analyse philosophique des usages. 1865. P. 25—27.

† *Bérenger.* Le Prolétariat intellectuel. 1901. P. 63.

‡ *Vicomte d'Avenel.* Fonctionnaires de l'état et des administrations privées // Revue des Deux Mondes. 1906. 15 July. P. 391—413.

инспекторов 74 покинуло службу; среди высших чинов управления прямых налогов за год было отмечено 80 отставок по сравнению с двадцатью перед войной. Количество соискателей той или иной должности упало настолько, что стало трудно вообще проводить набор, и это несмотря на то, что критерии отбора значительно снизились. Таким образом, если до 1914 года добивались успеха 48% кандидатов на *enregistrement**, то в 1920–1926 годах таковых было уже 64%. Если раньше на каждую должность инспектора в упомянутом управлении приходилось четыре кандидата, то теперь их едва хватало для заполнения вакансий. Министерство труда прежде отбирало кандидатов для замещения четырех или пяти должностей из 150 соискателей на каждом экзамене, то в 1927 году последних было только тридцать. Те, кто отстаивал свой статус дополнительными почетными, но плохо оплачиваемыми должностями, имея поддержку личных состояний, обнаруживали, что их вложения в значительной степени обесценились. Рассказывали, что судьи путешествуют в вагонах третьего класса, учителя вынуждены искать побочные источники дохода, а у инженеров, которые перед войной могли удвоить свое жалованье, уйдя в частные промышленные предприятия, сейчас, когда реальная ценность их государственных жалований уменьшилась вдвое, выбор совсем невелик[†]. По-прежнему возможно было заполнять вакантные низшие должности, но люди самой низкой общественной и профессиональной подготовки оказывались допущены к карьерному росту. Множество мест было зарезервировано для жертв войны и вдов (таковыми были 100% консьержей и переписчиков, 75% почтальонов, 100% работников таможни). Это был единственный способ с пользой занять этих людей вместо того, чтобы выплачивать им пенсии, однако это вошло в противоречие с принципом предоставления работы достойнейшим и акцентировало образ убожества и посредственности, который все больше олицетворялся государственной службой.

В 1927 году один из членов Института Франции[‡] писал: «В наши дни элита более не хочет состоять на государственной службе». По его словам, такова была ситуация, которая начала формироваться уже в конце XIX столетия. До тех пор государственная служба была очень почитаема и занимала высокое общественное положение. «Тридцать лет назад в провинциальных городах социальный статус зависел не от богатства или личных достоинств, а от должности, которую человек занимал, и семьи, к которой он принадлежал по рождению или благодаря браку». Принимая эти соображения во внимание, человеку открывали доступ в «высшее общество». Государственная служба давала не только общественный престиж, но имела и матримониальную ценность. Но теперь положение дел стало иным. Гарантия пребывания в должности означала то, что высшие должностные лица

* Букв.: регистрация (фр.), то есть внесение в список государственных служащих.— *Прим. ред.*

† La Crise des cadres de la nation // L'Europe Nouvelle. 1927. 26 Mar. (специальный выпуск).

‡ Состоит из пяти Академий: Французской академии, Академии надписей и литературы, Академии наук, Академии художеств и Академии моральных и политических наук.

лишились власти; они не могли нанимать на работу и увольнять с нее, как поступали частные промышленники; автоматическое продвижение по службе подразумевало, что в отношении неквалифицированных работников не существует никаких санкций и нет никаких способов подтвердить их соответствие занимаемой должности или избежать последствий их некомпетентности*

Существовала и другая причина, по которой уменьшилось количество соискателей на любую должность. К 1945 году число рабочих мест по сравнению с 1914 годом возросло в два раза. Естественно, большинство из них находились на самой низкой ступени. Образ государственного служащего менялся, становился более серым и унылым. Старое различие между высокооплачиваемыми персонами и людьми, получавшими нищенское жалованье, сменилось другим, после того как практически всем перестали платить хорошие деньги. Теперь выделялись те, кто посвящал службе всю свою жизнь, и те, кто использовал ее в своих целях прежде, чем ее покинуть. Поскольку рост числа служащих пришелся на время экономической депрессии, престиж государственной службы пострадал вдвойне. Люди, избиравшие эту стезю, по всей видимости искали спасения от мира, превыше всего ценили безопасность, жертвуя надеждами и доходами. Усугубилась обособленность этих чиновников низшего ранга от остальной страны. С другой стороны, в высших эшелонах все больше и больше выпускников самых престижных высших школ (*grandes écoles*) отказывались от государственной службы и шли в промышленность и коммерцию. Молодые люди из хороших семей становились финансовыми инспекторами только ради подготовки к карьере в крупной компании. Невысокая должность на государственной службе никуда не вела. Перед занимавшим же высокую должность, происходящим из правой семьи или обладающим политическими связями, открывались двери в мир финансовой аристократии. Связи между бизнесменами и высшими гражданскими чиновниками значительно росли по мере того, как последние превращались в первых, а лидеры тех и других получали образование в *grandes écoles*. Прежняя разделяющая линия смазалась. Идея служения государству утратила свой квазивоенный характер, когда массы государственных служащих вступили в профсоюзы, отстаивая свои права в борьбе с государством точно так же, как простые рабочие сражались с капитализмом. Различие между частной и государственной службами стало для высших чиновников менее важным с тех пор, как обе были монополизированы одним кругом людей. Следовало привести понятие успеха в соответствие новым критериям. Крестьянин по-прежнему мог отправить своего сына выучиться на учителя начальной школы, тот, в свою очередь, мог увидеть своего сына преподавателем средней школы; сын последнего вполне мог стать университетским

* *Truchy H.* L'Élite et la fonction publique // Revue Politique et Parlementaire. 1927. 10 Dec. P. 339–348.

профессором или даже членом Института Франции. Такого рода продвижение по социальной лестнице встречалось часто. Но после столь трудного восхождения этот профессор лицом к лицу сталкивался с финансистами и предпринимателями, которые перемещались с одной высокооплачиваемой должности на другую с небывалой легкостью. Тогда он мог осознать, что само по себе обладание высоким постом дает лишь ограниченный престиж. Когда государство стало менее своевольным, стала еще яснее истина (непреложная, впрочем, всегда), что выдающиеся государственные служащие прошлого своим положением были обязаны различным факторам, которые они успешно комбинировали: деньги, семья, почетная должность, образование, членство во влиятельном обществе, владение землей. Без всего этого новоиспеченный, сам всего добившийся государственный служащий, защищенный от мира только пенсией, чувствовал себя окруженным силами почти столь же могущественными, как и государство, но гораздо менее понятными: большим искушением было примириться с ними.

В конце XIX столетия государственные служащие считались верными республиканцами, масонами и светскими оппонентами клерикализма. На самом деле они не были настолько преданными этим идеям, как требовал от них миф, однако, по крайней мере, должны были сдерживать проявления своих консервативных семейных традиций. К середине XX века положение изменилось. Среди высших государственных чиновников пропорция прилежных католиков превышала норму того общественного класса, из которого они вышли — в 1960-е годах целых 40% регулярно ходили к мессе*. Учителя начальных школ, возможно, были наиболее последовательными и рьяными антиклерикалами, но среди учителей средних школ всегда было много верующих, и даже Сорбонна, долгое время являвшаяся цитаделью левых, в последнее десятилетие спустила это знамя. В менее политизированных министерствах консерватизм всегда был признаком известной респектабельности, частично потому, что государственные служащие, назначавшиеся революционным режимом, обычно старались приобрести тот общественный престиж, каким пользовались их предшественники, но который они как новички не могли завоевать немедленно, что означало необходимость стать вхожими в салоны высшего класса. Бонапартисты (а в какой-то мере и противостоящие им республиканцы) достигли определенного успеха в восхождении по социальной лестнице, хотя зачастую государственные служащие вынуждены были довольствоваться собственным обществом. Эта обособленность, в высших кругах сошедшая на нет в промежутке между мировыми войнами, на более низких уровнях существовала дольше. Примечательно, что государственные служащие, являвшиеся выходцами из

* Darbel, Schnapper. Op. cit. P. 94.

беднейших общественных слоев и делавшие карьеру, имели склонность, желая выгодно себя подать, перенимать консервативные черты характера вышестоящих (например, набожность), хотя выходцы из высшего класса вполне могли до некоторой степени религией пренебрегать.

По мере того как получаемое на государственной службе вознаграждение становилось менее надежным, некоторые из чиновников преувеличивали свои притязания и старались укрепить свою роль с помощью идеологических и формальных оснований. Бюрократия все шире воспринималась как враждебная демократии сила и вызывала противодействие в качестве пережитка Старого порядка. Именно в то время, когда государственные служащие почувствовали растущую неуверенность, все громче стали раздаваться жалобы на судей, которые отвечали на свое абсурдно малое жалованье тем, что представали перед обращавшимися к их помощи в маске властной холодности и замыкались в своем кругу, или на возрождение феодального сознания, разделяющего мир на «правящих» и народ, который называли «управляемыми» или даже «подданными». Критиковалась заносчивость корпуса государственных служащих, рассматривавших себя в качестве наследников «дворянства мантии» и блюдущих дистанцию между собой и народом вместо того, чтобы служить его интересам. По мере роста налогов и расширения вмешательства государства в разные сферы жизни эти жалобы становились все более горькими* Подобные проблемы можно отметить, если мы посмотрим, как приходилось защищаться государственным служащим: «Государственные служащие,— писал один из них в 1911 году,— являются объектами ненависти, но независимо от того, знают они об этом или нет, это им безразлично. Они полны сознания своей силы. Они знают, что три четверти нации смотрят на них с завистью, и эта уверенность в собственном превосходстве — целебный бальзам для ран, наносимых их гордости. Государственный служащий ответственен только перед своим начальством, поэтому его отличает, прежде всего, полная невозмутимость, являющаяся следствием отсутствия любых тревог, за исключением вполне естественных хлопот о продвижении по службе»†. В 1901 году другой автор в своей статье превратил чиновничью нерасторопность в положительное качество, сделав из чиновника незаменимого арбитра в дезорганизованном обществе: «Государственный служащий постоянно возводит на пути мимолетных и бессмысленных капризов власти преграды в виде традиций и мудрой неспешности в принятии решений». Он не похож на предпринимателя, чье благосостояние зиждется на зыбком фундаменте спекулятивного капитала и который «слишком часто лишен переходящей из поколения в поколение учености или нравственной культуры, наследственной сплоченности,

* *Cournay B.* L'Administration. 1964. P. 82–85.

† *Anonyme.* Les Fonctionnaires. 1911. 3 ed. P. 19.

общей сокровищницы идей или убеждений». Мир бизнеса может быть назван «аристократией» только «по бедности языка»: истинная аристократия современной Франции образована государственной службой, пополняемой всеми классами общества и действующей в тесном контакте с ними, наделяющей «единообразным подготовительным образованием, службой и интеллектуальным развитием, создающими ей солидную и плодотворную общую основу»*

Ирония ситуации была в том, что государственному служащему все сложнее становилось принимать решения. Часто можно встретить утверждение, что с тех пор как министры Третьей республики перестали надолго задерживаться в своих креслах, реальная власть сосредоточилась в руках чиновников. Завоевание французской колониальной империи, например, действительно, как кажется, в значительной степени было подготовлено ими, и до 1946 года власть парламента над колониями была ограниченной. В министерстве иностранных дел такие люди, как генеральный секретарь Филипп Бертело, имели огромное влияние на постоянно сменяющихся министров†. Власть высших государственных чиновников в учреждениях метрополии была, видимо, меньше. Министерство образования ставило выдающихся ученых во главе различных управлений (например, Октав Греар и Луи Лиар оказали колоссальное и еще недостаточно оцененное влияние на систему образования). Однако в некоторых экономических министерствах командные посты не были отданы специалистам. Так, например, в министерстве общественных работ центральная администрация насчитывала 230 человек, большинство из которых не имело технических знаний; они достигали такого положения шаг за шагом, начиная с должности *expéditionnaire*‡, для чего требовалось лишь начальное образование. Эти высокопоставленные клерки начальствовали над инженерами. Еще более печальным являлось то, что министерство было строго поделено на *directions*§, между которыми не существовало никакой реальной координации, поэтому если кому-нибудь и удавалось получить согласие на претворение в жизнь того или иного проекта, то его усилия могли быть сведены на нет действиями другого управления. Особенно ярко это проявлялось в сфере транспорта: после 1876 года железные дороги, шоссе и каналы строились независимо друг от друга, так что каждое ведомство создавало свою схему перевозок, распределяя субсидии так, чтобы конкурировать с другими средствами сообщения. Каждый территориальный департамент возглавлялся инженером (размеры территории устанавливались независимо от объемов работ, и некоторые были очень велики), но инженер подчинялся префекту и не имел права заключать соглашения самостоятельно. Дороги государственного значения находились в его юрисдикции, но региональные и мест-

* *Favarielle R.* Le Fonctionnarisme // Revue de Paris. 1901. 15 Sept. P. 405–407. О менталитете чиновников см.: *Moufflet A.* Le Bureau et son âme. 1933.

† *Bréal A.* Philippe Berthelot. 1937.

‡ Делопроизводитель (фр.).

§ Управления (фр.).

ные дороги — в ведении префекта. Рыбная ловля в каналах регулировалась министерством юстиции, однако во всех других водоемах она находилась в ведении министерства сельского хозяйства, в то время как министерство общественных работ обеспечивало содержание водных путей. Решение о восстановлении небольшого моста могло потребовать многих лет обсуждения и переписки. Правда, министерство общественных работ могло поставить себе в заслугу создание во Франции сети железных дорог, но не следует забывать о связанных с этим громких финансовых скандалах. Естественно, инженеры ощущали себя связанными по рукам и ногам клерками и политиками, полагая, что их способности не используются в должной мере, а решения никогда не принимаются наиболее компетентными лицами. В результате никто не несет настоящей ответственности, так как принимающий решение остается неизвестен*

В тех сферах государственной деятельности, где служащие в основном нанимались для выполнения рутинных задач, не требовавших необходимого проявления инициативы или разработки новых стратегий (например, в промышленности или налогообложении), власть высших государственных чиновников была значительно урезана после того, как были установлены гарантии пребывания в той или иной должности и продвижения по службе в порядке старшинства. Директор государственного предприятия стал своего рода судьей. В инструкциях было предусмотрено каждое действие, что сводило функции директора к поддержанию спокойствия и порядка и трансляции положений закона. Так как он более не находил себе применения, то часто занимался побочной деятельностью, преподавая или консультируя, а то и скрашивал прозу своих обязанностей, становясь художником или писателем. Иными словами, он искал себя вне службы. Его задача состояла в том, чтобы держаться на плаву: он должен был застраховаться от того, что новые молодые специалисты подорвут его авторитет, если дать им свободу изменить слишком многое. Вместо бегства в мир культуры директор мог исполнять поистине театральную роль занятой и значительной персоны, постоянно принимающей важные решения, пусть даже они всегда были одними и теми же. Но для принятия эффективных решений недоставало одного фактора. Иерархия делала практически невозможной коммуникацию между различными ступенями структуры. Некоторые государственные служащие обманывались обращениями «сотрудники» и «дорогие коллеги», которые употребляло их начальство, однако различные уровни служебной иерархии по преимуществу произрастали из различных миров, системы их комплектования были совершенно независимы; каждый человек знал, до какого уровня он может подняться. Для защиты собственной, пусть и незначительной, свободы действий он воздвигал вокруг

* *Chardon H.* Les Travaux publics. Essai sur le fonctionnement de nos administrations. 1904. P. 27, 357.

себя непреодолимую стену правил, что крайне затрудняло настоящее сотрудничество или обмен идеями*

Все-таки, при всей неоднозначности и ненадежности позиций государственного служащего, добрая воля и помощь аппарата была необходима во множестве дел, и государственный служащий оставался влиятельным, хотя и нелюбимым, посредником. Он, пожалуй, перестал быть хозяином страны, каким некогда казался, но ему удалось внести значительный вклад в становление тех, кто оказался ее хозяевами. Однако он был слишком занят отстаиванием своего положения, чтобы с пользой употреблять его. В 1863 году Виолле-ле-Дюк отмечал: «Если возникает проект, в котором проклевываются новые идеи, то он отправляется на рассмотрение тех лиц, которые по убеждениям или, скорее, по отсутствию таковых являются врагами всяческих новшеств»†. Непросто определить отношение между государственной службой и переменами, произошедшими за сто лет. Государственная служба стала чем-то вроде Франкенштейна.

Картина, которую мы пытались набросать в этих главах, посвященных буржуазии, отнюдь не создает представления о буржуазии как едином, сплоченном и обладающем самосознанием классе. Главной чертой буржуазии оказываются внутренние конфликты и противоречивые интересы. Об этих конфликтах очень хорошо был осведомлен и Маркс, хотя он полагал, что они носят «переходный и промежуточный» характер и обречены на исчезновение. К сожалению, он не дописал 52-ю главу «Капитала», которая обрывается как раз тогда, когда он собирался приступить к обсуждению этой темы, ибо в результате в оборот попало скорее всего упрощенная версия его классовой теории. При этом игнорировался тот факт, что эта теория была скорее эвристической, а не дескриптивной, то есть описывающей современные Марксу обстоятельства. Если буржуазия и контролировала средства материального производства (а это утверждение нельзя принять безоговорочно), то из этого вытекает то, что она также контролировала и средства интеллектуального производства. Тонкие отношения между тем и другим требуют более детального анализа. Между тем, последующие две главы будут посвящены дальнейшему исследованию вопроса о том, как развитие новых форм производства вызвало обострение классовой конфронтации.

* *Crozier M.* Le Phénomène bureaucratique. 1963.

† Цит. по: *Legendre P.* Histoire de l'administration de 1750 à nos jours. 1968. P. 526. Ср. с нападками Жюля Ферри на лесное ведомство: *Soudet P.* L'Administration vue par les siens et par d'autres. 1960. P. 42.

Глава IX КРЕСТЬЯНЕ

Миф о крестьянской демократии

Теоретически, крестьяне могли бы стать хозяевами Франции. После провозглашения всеобщего избирательного права для мужчин в 1848 году они составляли гораздо больше половины населения, а в 1939 году по-прежнему оставались далеко впереди других классов по размеру. Однако они не воспользовались своей мощью, и важно понять — по какой причине. Историю крестьянства невозможно написать просто языком парламентских дебатов или языком партий, которые составляли эти парламенты. Эти буржуазные заботы, конечно же, не оставляли крестьян равнодушными, но главной причиной того, что крестьяне не использовали свою силу более решительно, было то, что они вели другие битвы, образованными классами по большей части незамеченные, однако гораздо более важные для самих крестьян. Данная глава будет посвящена именно этим битвам.

В 1850 году экономист Адольф Бланки, брат революционера, путешествовал по провинции и вернулся, пораженный увиденным. «Экономический факт,— писал он,— в настоящее время заслуживающий наибольшего внимания во Франции и явственно выходящий на первый план,— разница в положении и благосостоянии, разделяющая жителей городов и сельской местности... Можно думать, будто видишь два разных народа, живущих хотя и на одной земле, но столь обособленно, что они кажутся чужими друг для друга, пусть даже их соединяют узы самой деспотичной централизации, когда-либо существовавшей»* Бланки был далеко не единственным из тех, кто писал о крестьянах, как если бы они были другим биологическим видом. Маркс в это же время сравнил французских крестьян с мешком картофеля: каждый клубень имеет индивидуальные особенности, но все — одного сорта. Более он не возвращался к изучению крестьянства. Крестьянам не нашлось места и в грандиозной картине французского общества, созданной Бальзаком. Хотя он назвал один из своих романов «Крестьяне» и посвятил несколько томов якобы изображению

* *Blanqui A.* Tableau des populations rurales de la France en 1850 // Journal des Économistes. 1851. 28. P. 9.

сцен сельской жизни, Бальзак не мог описать крестьян, поскольку презирал их. Они были такими же дикарями, как и индейцы Фенимора Купера, и интересовали Бальзака только как объекты его проектов их улучшения. Действительно, клевета творческой элиты на крестьян была даже более огульной, нежели та, что выливалась на буржуа. Леон Кладель*, сам вырвавшийся из глухой деревни в департаменте Тарн и Гаронна и влюбленный в изысканность Парижа, но чувствовавший себя смущенно и неловко в литературном мире, осыпал их оскорблениями, именуя «двуногими животными... Жадный, завистливый, лицемерный, коварный, циничный, трусливый и жестокий, крестьянин одинаков везде, на севере и на юге». Автор в ужасе от того, что эти невежественные мужики могут набраться сил и «потребовать новых драгонад, возродить инквизицию», поддержать новый *coup d'état*[†].

Люди, поднявшиеся вверх из этих слоев, зачастую нападали на них наиболее ожесточенно, рассматривая образование и крестьянское состояние как крайние противоположности, олицетворяющие, соответственно, цивилизацию и варварство. Крестьяне, в конце концов, не только говорили на другом диалекте, но иногда даже и на другом языке. Крестьянское молчание всегда было загадкой для тех, кто не разделял их заботы. В книге, опубликованной в 1885 году, один сельский священник признавался: «Я бы полюбил крестьян, не внушай они мне отвращение... [Крестьянин] менее всего романтик, менее всего идеалист. Погруженный в действительность, он полная противоположность любителю и никогда не отдаст и 30 су даже за самый прекрасно нарисованный пейзаж... Он — первородный грех, сохранившийся и зримый во всей своей грубой *naïveté*[‡]... Крестьянин любит что-то или кого-то лишь ради выгоды, которую он может из этого извлечь. Он никогда не дарит подарки, не совершает праздных прогулок, первый и последний раз подает руку своей жене в день свадьбы. Он — суеверное животное, верящее в колдунов, подобно римлянам и галлам. Ничто не в силах сбить его с этой позиции. В тот момент, когда он попадает на рынок, он перестает быть христианином или вообще человеком: он воюет со всеми и не пощадит ничего, даже самое святое, чтобы выручить наибольшую цену за свой товар»[§]. Примерно такую же картину рисует Золя в «Земле», первом, возможно, романе, где крестьянин выступает в качестве главного героя. В представлении Золя крестьянин больше всего интересуется приобретением земли, к которой он привязан с животной страстью: он олицетворяет простодушие и свирепость, жадность и консерватизм. Жюль Ренар озаглавил свой роман о крестьянстве «Наши дикие братья», заслужив множество похвал за достоверность**

Пока одни видели в крестьянине или сырую глину, которой должна придать форму цивилизация, или препятствие на пути

* *Леон Кладель* (1835–1892) — французский писатель, автор цикла «крестьянских» повестей и романов.— *Прим. ред.*

† Государственный переворот (фр.).

‡ Простота (фр.).

§ *Roux J.* Pensées. 1885.

** *Zola E.* La Terre. 1887, *Renard J.* Nos Frères farouches. 1908.

распространения просвещения, другие, желавшие изменить уже сложившийся в обществе порядок, находили в нем кладезь незапятнанных добродетелей. Романтики, проповедники католического возрождения, поборники консервативного и иерархического порядка,— все считали крестьянина образцом человека, не испорченного прогрессом. Жорж Санд писала книги о крестьянине, или, скорее, о том, каким бы она хотела его видеть, положив начало целому жанру сельского романа. Однако она не только идеализировала крестьянина, даже если признавалась в своей вере в то, что «в сельской жизни меньше развращенности, чем где бы то ни было». Она действительно старалась понять крестьян, но честно признавалась, что ей это не удалось. «Я не могу сформировать четкого представления о его чувствах,— писала она,— и это мучает меня». То же самое пытались сделать и два художника ее поколения, Милле (сын крестьянина, некогда сам пасший овец) и Курбе, изображавшие крестьян, придавленных тяжестью своего труда*. Наполеон III начал свое правление с исследования народной поэзии, забытой «из-за глупого презрения со стороны нашей слишком практичной литературы»†. Создавались фольклорные общества. Венсан д'Энди‡ (церковный органист) в свою музыку для буржуа вплетал и сельские мелодии. Авторы, возродившие провинциальную литературу, сделали диалекты респектабельными. Эжен Ле Руа писал яркие романы о крестьянах своего родного Перигора, давая понять, что в них тлеет искра революции. В его «Жаку-Крокане» (1904) описывается жакерия, возглавленная батраком-сиротой (сюжет романа основан на случившемся незадолго до написания романа разграблении замка маршала Бужо)§. Однако Ле Руа, сын управляющего имением и прачки, стал, покинув крестьянское сословие, сборщиком налогов. Творчество Эмиля Гийомена, возможно, более показательно, так как он всегда оставался крестьянином, имел только начальное образование и писал после полного рабочего дня в поле. Его «Жизнь простого человека» явилась первой настоящей автобиографией крестьянина; он решил взяться за перо, прочитав «Жаку-Крокана». Два издателя отвергли рукопись, и ему удалось ее опубликовать, лишь взяв часть расходов на себя. Гийомен был первым защитником крестьянства, который не идеализировал его и не делал попыток наделить крестьян героическими чертами. Он осознанно пытался сделать их понятными горожанам, которые сомневались, есть ли вообще у крестьянина разум или душа. Он признавал, что крестьяне равнодушны к красотам природы, но полагал, что они производят впечатление бесчувственных лишь из-за чрезмерной застенчивости, мешающей им высказать свои мысли или пожаловаться на свои горести. Он хотел, чтобы крестьяне избавились от комплекса неполноценности, покорности, недоверия к новшествам, самодостаточности, зависти,

* См. картины Жана-Франсуа Милле «Отдыхающий виноградарь», «Прививка дерева», «Крестьянка, пасущая корову» и Густава Курбе «Дробильщики камней».

† См.: *Antran J.* La Vie rurale. 1856.

‡ *Венсан д'Энди* (1851–1931) — французский композитор и педагог. — *Прим. ред.*

§ Ср.: *Ballot M.* Eugène Le Roy, écrivain rustique. 1949.

наивности и ненасытности, поглощенности мыслью о приращении землицы и неспособности жить в лучших бытовых условиях и наслаждаться досугом. Он оплакивал их покорность власти и слепое следование обычаям отцов. Его книга могла поэтому стать почти таким же обвинением своему классу, как и опус Золя, не пробуждай она симпатию и интерес вместо отвращения. Хотя Гийомен и вернул крестьянам человеческий облик, их мир все еще оставался совершенно чуждым*.

Носители всех эти взглядов, благосклонных и пренебрежительных, одинаково часто приходят к довольно наивному обобщению, отвечая на вопрос, почему крестьяне извлекали столь незначительную выгоду из своей политической силы. Утверждается, что крестьяне в массе своей были консервативны или, по крайней мере, покорны своей судьбе. Нововведениям нет места в глубинке. Только в городе есть творческие силы. Крестьянин примет перемены лишь тогда, когда они перестанут являться новшествами, когда он сможет последовать им, не вызывая возмущения в своей деревне, а оно неизбежно, если создастся впечатление, что он считает себя умнее своего отца, ибо в этом обществе авторитет в большой степени приобретается благодаря следованию традициям (так что можно предполагать, что сын нонконформиста также станет таковым). Престиж крестьянина зиждется также на репутации его семьи, приобретенной несколькими поколениями, поэтому самостоятельно он не может сделать и шагу — весь авторитет предков и влияние женщин подавляют его. Точно так же крестьянин предпочтет иметь восемь тощих коров, дающих мало молока, а не пять добрых, потому что престиж в глазах крестьянина столь же важен, как и экономические соображения. Он часто предпочитает влачить жалкое существование, возделывая свой бесплодный клочок земли, чем иметь хорошие условия и высокий заработок, работая по найму в эффективном хозяйстве. Крестьянин всегда будет раздражать агрономов, которые не могут заставить его принять их научные методы. Например, он не будет считаться истинным крестьянином, если перестанет растить хлеб, пусть даже под другую культуру его земля подходит гораздо больше. Самодостаточность — вот его идеал, под чем может подразумеваться независимость от всего мира, как духовная, так и материальная†.

Подобные выводы о врожденном консерватизме крестьян в контексте французской истории нужно интерпретировать с осторожностью. Следование установленным традицией практикам в сельском хозяйстве и общественной жизни не должно заслонять тот факт, что конфликт был их частью, а давление, требовавшееся для поддержания этих порядков, создает ситуацию, которая далека от застоя. Крестьяне не чувствовали ни удовлетворения, ни смирения. Они постоянно стремились изменить свою

* *Mathé R.* Émile Guillaumin. 1966 (хорошая биография). Более эмоциональное и традиционное изображение крестьян см.: *Bazin R.* La Terre qui meurt. 1899. Хороший анализ литературы см.: *Vernois P.* Le Roman rustique (1860–1925). 1962.

† *Mendras H.* Les Transformations du métier d'agriculteur dans la France contemporaine. 1967 (интересное исследование перемен, происшедших после Второй мировой войны).

судьбу, расширить хозяйство, добиться более высокого статуса. Их мир был раздираем глубокими противоречиями и враждой, вызываемыми выгодой и гордостью. Они были поглощены этим наравне с необходимостью зарабатывать на жизнь. Кажется, точнее было бы сказать, что их мир скреплялся напряженностью, а не пасторальной дремой. Если это так, то их консерватизм может рассматриваться скорее как следствие неуверенности, нежели врожденной инертности. Постоянное стремление еще тверже встать на собственном земельном уделе было результатом того же ощущения, ведь французские крестьяне, вопреки производимому впечатлению, находились, возможно, в наиболее шатком положении в своей стране. Они освободились от пут феодализма, но им не удалось завоевать настоящую независимость. Сколько крестьян могло сказать «я сам себе хозяин» в полном смысле этого слова? Долги были их бичом, однако, они вынуждены были влезать в них для того, чтобы округлить свои хозяйства, а издольщики и арендаторы почти всегда являлись должниками своих хозяев. В других странах это порой принимало форму «пеонажа» (долговой кабалы), недалеко отстоявшего от рабства. Во Франции подобное состояние могло продолжать существовать, скрытое под маской либеральной риторики, так как крестьяне были зависимы уже не только от дворянского класса. Они были должны друг другу, что делало их отношения еще более сложными и напряженными. Люсьен Фабр в сильном романе о крестьянах, написанном в период между мировыми войнами, говорил о «безжалостном порабощении, проистекавшем из страха, в котором пребывал крестьянин, страха перед невозможностью заплатить за аренду, внести налог, отдать долги, накопившиеся у него из-за покупки машин, рассчитаться за скобяные изделия для своего скота, покупку семян и саженцев, визиты ветеринара, ремонт скотного двора, аренду производителей и за многое другое... Судебный пристав мог навестить его независимо от того, побил ли град его посевы или майские заморозки погубили цветущие фруктовые деревья...» Он должен вдобавок сборщику налогов, нотариусу, лавочникам, ростовщикам, землевладельцу и трактирщику* В таких условиях крестьянин не мог позволить себе экспериментов. Настоящая перемена крестьянского положения могла произойти лишь после Первой мировой войны, когда инфляция обесценила их долги, и продолжиться после Второй, когда социальное обеспечение и расширение прав арендаторов позволили компенсировать постоянную изменчивость климата.

Предположение об общем консерватизме крестьян необходимо согласовать с готовностью значительной части крестьянства голосовать за левых, участвовать в забастовках, мятежах и революциях, сниматься с места, отправляясь в город временно или навсегда. Эти многообразные формы протеста встречались

* *Fabre L.* Le Tarramagnou. 1925. P. 61.

в разной степени в различных областях страны. Их распределение по регионам объясняется огромным своеобразием экономических и социальных условий, распространенных во Франции. Хотя крестьяне как варвары могли казаться горожанам на одно лицо, в их организации и взаимоотношениях было множество различий. Высказывалось даже мнение, что во Франции существовала не одна «аграрная цивилизация» с различными типами социальной организации и методами хозяйствования,— вопрос в том, сколько же было этих цивилизаций. Основное различие проводится между регионами общественного землепользования на севере и регионами огораживания угодий на западе и юге.

В первых осуществлялся контроль коммуны за сельским хозяйством, что часто сопровождалось концентрацией крестьян в больших селениях, тогда как в последних крестьяне были разбросаны по мелким деревушкам и фермам. Модели расселения очень различались: в Артуа и Пикардии примерно в 90% коммун большинство крестьян жило в селах, в то время как в Бретани



Карта 1. Распределение населения в сельских коммунах (1950-е гг.). Источник: *Fauvet. Mendras.* Les Paysans et la Politique. 1958. P. 29

или в Центральном Массиве таковых было только 30 или 40%. Однако опять-таки нужно проводить различие между формами огораживания: на юге оно отражало индивидуализм и приводило к неравномерному распределению возделываемых культур, на западе же было результатом коллективного усилия включить зерновые в систему, основанную преимущественно на разведении крупного рогатого скота. Когда-то утверждалось, что в этом нашли выражение черты, характерные для романской и германской рас; потом стали искать объяснения в составе почв и распределении водных ресурсов. Но историческое исследование формирования сельского ландшафта подчеркивает различие традиций введения в сельскохозяйственный оборот лесов и пустошей, выявляя неравные степени коллективизма и сотрудничества крестьян. Разграничение, однако, провести не так просто, поскольку один сорт деревень не всегда воспроизводил один род сельскохозяйственного развития: крупные сельские агломерации на юге были индивидуалистическими, тогда как на севере — коллективистскими. Более того, коллективистские традиции ослабевали различными темпами на различных территориях: в Ко и Тьераше, например, огораживание осуществлялось в XVII и XVIII столетиях, но причины его существования были иными, нежели в Вандее. Вольность, свойственная югу, приводила к еще большему разнообразию. Но различие способов приобретения крестьянами земель и освоения почв на каждой отдельной территории означало, что обычаи, заботы и враги имелись у них в большом разнообразии. Заметно глубокое различие между севером и югом Франции, хотя дальнейшее изучение обнаружило, что это простое деление требует многочисленных оговорок*. Однако ясно, что крестьяне, жившие в селах, имели взгляды совершенно отличные от взглядов крестьян, живших на уединенных хуторах и в маленьких деревушках. При рассеянном типе поселения сельские хозяева были изолированы от остального населения. Они жили обособленно, в лучшем случае в деревушке вместе с другими крестьянами. Ремесленники, врач, лавка, церковь находились чаще всего довольно далеко в селах, куда также перебирались пожилые и овдовевшие жители. Таким образом, сельское хозяйство и сфера услуг были в значительной степени отделены друг от друга и иногда конфликтовали.

Дух общины зависел также от способа обработки земли. Распространенный тезис о том, что крестьянам присущи врожденный индивидуализм и независимость, является еще одним буржуазным мифом. Важно помнить — хотя личная собственность крестьян на землю сформировалась еще до Революции, владение ею не подразумевало полную свободу обработки земли как заблагорассудится. Поскольку полосы и участки земли были малы, необходимо было сотрудничать при севе и жатве. Никто не мог

* *Bloch M.* Les Caractères originaux de l'histoire rurale française. 1931 (см. также второй том, опубликованный в 1956 г., в нем видно, как развивались взгляды Блока); *Dion R.* Essai sur la formation du paysage rural français. Tours, 1934; *Juillard E. et al.* Structures agraires et paysages ruraux: un quart de siècle de recherches françaises. Nancy, 1957.

добраться до своего участка, не пройдя через соседние. После сбора урожая все имели право без каких-либо ограничений пасти свой скот на полях* Революция предоставила селянам полную независимость, позволив всем заниматься любым видом деятельности, но это законное право иногда оставалось в большой степени теоретическим. Ситуация в XIX веке была такова, что старый общинный дух рушился, но еще не исчез окончательно†. Это было причиной одного из наиболее жестоких — хотя опять-таки практически нигде не зафиксированного — сражения, которое вели крестьяне. Исследование равнин Вандеи показало, что в XIX столетии долгое время сохранялась практика совместной жатвы, коллективного сбора фруктов, общественный выгон, совместный подбор колосьев после жатвы и ворошение сена. Собственник не мог идти на свое поле, пока публичное объявление не дозволяло этого; также он не мог переносить снопы пшеницы до особого разрешения. Мэр и члены городского совета посещали виноградники и принимали решение о времени сбора винограда. Одно за другим селения отказывались от этих функций управления. В Вандее они исчезли только в 1870–1900 годах, хотя одна коммуна (Петосса) сохраняла традиции общинного выгона до 1957 года. В записях коммуны Ле-Лангон в 1898 году отмечается, что «собственники стремятся иметь полное право собственности на свои земли». Проблема того, как приобрести это неограниченное право, была важной и захватывающей. Поскольку очень часты были споры о том, кто и на что имеет право, а также случаи узурпации или покупки этих прав в ущерб бедным, то в 1848 году, когда исчезла всякая власть, беднейшие крестьяне первым делом стали захватывать формально общие земли и возвращать свои исконные права. Существовали влиятельные силы, действовавшие в обоих направлениях,— как за, так и против их сохранения‡.

В рассматриваемого периода почти пять миллионов гектаров, то есть почти 9% всех земель Франции, были общими, то есть находились в коллективной собственности и управлении коммун; к концу этот показатель все еще держался в районе 8%. Из них около 1,7 миллиона гектаров лесов и 2,8 миллиона — пастбищ и пустошей; только 150 тысяч гектаров было отведено под запашку. В горных районах доля общинных земель была гораздо выше. В 1863 году в департаменте Верхние Альпы в общем владении был 51% территории, в департаменте Верхние Пиренеи — 43%, в департаменте Савойя — 42%, еще в девяти департаментах такой земли было от 21 до 30%, а в 21 департаменте — от 10 до 19%§. На Корсике в 1950-е годы 28% территории по-прежнему находилось в совместной собственности: в XX веке эта доля уменьшилась на 10%, а в течение XIX века — только на 7%. В некоторых корсиканских деревнях не менее 67% земель находятся в совместном владении**. В таких районах благополу-

* *Leclerc-Thouin O.* L'Agriculture de l'ouest de la France. 1843. P. 43.

† Об этом см.: *Soboul A.* La Communauté rurale // Revue de Synthèse. 1957. P. 283–307.

‡ *Moguelet J.* Les Pratiques communautaires dans la plaine vendéenne au 19e siècle // Annales. 1963. July–Aug. P. 666–676. О правах в отношении лесных угодий см.: *Duval M.* La Révolution et les droits d'usage dans les forêts de l'ancienne Bretagne. Rennes, 1954. Общий обзор: *Soboul A.* Survivance féodales dans la société rurale au 19e siècle // Annales. 1968. Sept.–Oct. P. 965–986.

§ *Crisenoy J. de.* Statistique des biens communaux et des sections de communes // Revue Générale d'Administration. 1887. P. 257–275; *Graffin R.* Les Biens communaux. 1899; *Cleray E.* De la mise en valeur des biens communaux. 1900 (appendix). В 1863 г.— 4855000 га, в 1877 г.— 4316000 га.

** *Pomponi J.* La Vie rurale de deux communes corses: Serra di Scopamene et Sotta // Travaux et mémoires de la faculté de lettres. Aix. 1962. Vol. 26. P. 60, 100.

чие жителей частично, а иногда и почти полностью зависело от права пользования общинными угодьями. Отношение революций и властей к этим общинным землям было двойственным. По закону 1792 года эти земли следовало поделить между жителями, но в 1793 году другой закон отменил предыдущий. Агрономы полагали, что общинное землевладение препятствуют прогрессу. Богатые стремились покупать и огораживать земли. Бедные в массе своей противились дроблению, ибо, парадоксальным образом, в этом случае многое теряли. Даже если бы земли распределили бесплатно и поровну между всеми жителями деревни, то каждый получил бы столь малый или неплодородный участок земли, что он не представлял бы для него практически никакой ценности. Для бедняков обычно было выгоднее иметь право выпаса своего немногочисленного скота на пустошах, что было гораздо полезнее для их выживания. Таким образом, между богатыми и бедными, индивидуалистами и консерваторами началась борьба за эти угодья, проходившая всецело в стороне от продолжавшихся споров о том, как управлять общинными землями. Во многих случаях индивидуализм, хотя бы и окольным путем, победил и в деревнях утвердилась полностью капиталистическая экономика. Например, в 1851 году деревня Кер-дю-Шейлад в департаменте Канталь продала две горы, бывшие общинной собственностью, а на вырученные средства приобрела государственные облигации. В 1930-х годах каждая семья по-прежнему получала свою долю доходов от этих облигаций, хотя к тому времени та составляла смехотворную сумму в 45 франков. Эта деревня, расположенная в горной местности, обладала обширными общинными землями, поэтому их также решили распределить поровну между всеми жителями, наделив каждого небольшим участком земли. Разумеется, множество участков располагалось крайне неудобно. Вскоре появился некий богатый человек, скупивший эти клочки земли и создавший для себя громадное частное пастбище. Спустя несколько лет жители обнаружили, что стали значительно беднее, чем были когда-то* В некоторых областях Эльзаса имелись весьма значительные общинные владения; в отдельных коммунах не вводилось общинных сборов, так как дохода от лесов, которыми они владели, было достаточно для покрытия их расходов. Финансовые кризисы иногда вынуждали продать землю, что подрывало деревенскую экономику и приводило к общему упадку. В другом случае, когда деревенские заправилы были способны настоять на своем, общинные угодья сдавались в аренду и от общинной организации не доставалось ничего, кроме символической арендной платы. Однако в других местностях деревни распределяли общинные земли среди жителей без права субаренды. Если наделы обрабатывались плохо, они возвращались в собственность деревни. Если участков не хватало,

* *Durand A.* La Vie rurale dans les massifs volcaniques des Dores, du Cézallier, du Cantal et de l'Aubrac. Aurillac, 1946. P. 146.

то составлялся список ожидающих своей очереди. Жизнь в такой деревне давала, таким образом, право пользования арендуемым участком. Благодаря этому сохранялось какое-то чувство общинного духа, но и он постепенно выветривался, так как эти права в значительной степени уподобились частной собственности*

Можно рассмотреть последствия такого совместного владения в гористой южной части департамента Юра. Эта территория находится на границе *langue d'œil*†, где огораживание было незначительно и существовали крупные хозяйства, и южной части страны, где мелкие хозяева сочетали пастбищное скотоводство и виноградарство. Сравнить их друг с другом не просто. Совсем маленькие территории развивались различными путями. В бедных коммунах, не имевших общественных земель или лесов, крестьяне с их слишком мелкими и разбросанными участками и низкими надоями не могли преодолеть застой. Уменьшение населения восполнялось усыновлением детей из Assistance Publique‡; это приводило к увеличению в их среде доли слабоумных и людей с отклонениями от нормы. В противоположность этому в других районах обычай совместно управлять общинными угодьями стимулировал рост молочных кооперативов, составивших основу производства швейцарского сыра. Но не все крестьяне принимали кооперацию с одинаковым энтузиазмом. Те, кто продавал молоко посредникам, оставались в стороне от выгод, предоставляемых быстро растущими рынками, и становились кооператорами только из необходимости. Наиболее активными среди крестьян на деле оказались те, чьи виноградники уничтожила филлоксера, те, кто воспринял современные методы доения, те, кто увеличил свои доходы благодаря выращиванию разнообразных культур. Было бы слишком прямолинейно связывать различные традиции общинного владения и общинного сельского хозяйства с готовностью, демонстрируемой во второй половине XX века некоторыми передовыми крестьянами, отречься от собственного индивидуализма. Наоборот, те, кто располагал правами пользования общественными землями, зачастую оставались крайне консервативны. Однако кооперация отнюдь не была чужда традициям крестьянства§.

Право человека распоряжаться личной собственностью по своему усмотрению хотя и было провозглашено парламентом, не нашло поддержки в судах. Гражданский кодекс в своих положениях о частной собственности ориентировался на римское право, однако постепенно эти положения теряли свою силу. Первая брешь в них была пробита в 1855 году во время нашумевшего дела, рассмотренного в суде города Кольмар. Некий домовладелец возвел фальшивую дымовую трубу исключительно для того, чтобы закрыть вид из окна своему соседу. Суд обязал его уничтожить эту трубу. Адвокаты опротестовали это решение на основании Граж-

* *Julliard E.* La Vie rurale dans la plaine de Basse-Alsace. 1953. P. 224–229.

† То есть на границе между зонами преобладания собственно французского и окситанского (*langue d'oc*) языков — *Прим. ред.*

‡ Органы общественного призрения.

§ *Lebeau R.* La Vie rurale dans les montagnes du Jura méridional. Lyon, 1955.

данского кодекса, однако, в 1887 году Кассационный суд сформулировал общий принцип: собственники не должны причинять неудобства своим соседям (суд встал на сторону людей, страдавших от дыма паровозов). Главным врагом частнособственнических прав был Дюги, который написал массу книг, оказавших большое влияние на целую группу последователей, и выдвинул новую идею о том, что собственность является не правом, а социальной функцией, а общество дает возможность человеку пользоваться собственностью при условии главенства общественных интересов* Он заявлял, что индивидуализм Гражданского кодекса основан на нереалистическом, абстрактном видении человека, доброго по своей природе, тогда как закону надлежит заниматься защитой слабых. Поэтому когда старая сельская община разрушалась, суды и законодатели солидарно пытались укрепить ее всеми способами†.

Республиканцы любили утверждать, что именно Революция 1789 года принесла Франции равенство путем экспроприации богатств дворянства и церкви и образования нации мелких крестьянских собственников. Предписание Гражданского кодекса о разделе земли поровну между всеми детьми предполагало наделение каждого человека неотъемлемым правом на землю. Мишле противопоставлял аристократическую Англию, управляемую 32 тысячами богачей, заставляющих других работать на себя, демократической Франции, где земля поделена между 15 или 20 миллионами крестьян, самостоятельно ее возделывающими‡. Эти выкладки не соответствовали положению дел и не стали правдивее от того, что для пропаганды этого мифа возникла Республиканская лига мелких собственников, возглавляемая Полем Дешанелем.

Раздел земли поровну между всеми детьми ни в каком случае не являлся общим требованием крестьянства. Правда, раздавались голоса, заявлявшие о необходимости обуздания произвола отцов-тиранов, но другие видели гораздо более острую проблему, состоявшую в том, что такой раздел неудовлетворителен для крестьян, живущих на неплодородных землях и имеющих небольшие владения. Равное разделение земли могло уничтожить знать, но также и мелких владельцев, раздробив их земли на участки слишком мелкие для того, чтобы их прокормить, и превратив собственников в работников. Согласно римскому праву, отец мог свободно распоряжаться двумя третями своего имущества в том случае, если имел четырех или меньше детей. Это право использовалось в восьми южных провинциях и, в усеченном виде, в семи других. Но уже перед Революцией во многих областях Франции, где господствовало обычное право, раздел имущества между всеми детьми вошел в практику. Таким образом, Гражданский кодекс не вводил радикально новый порядок наследования, он

* *Duguit L.* Les Transformations générales du droit privé depuis le code Napoléon. 1912; *Pirou G.* Duguit et l'économie politique // Revue d'Economie Politique. 1933.

† *Morin G.* La Révolte du droit contre le code. 1945. Кроме сельского хозяйства, эта тенденция нашла выражение в ограничениях возможностей найма женщин и детей, решениях по конфискации земли для общественных нужд, реформе арендного права и защите арендаторов (1926, 1927 и 1933 гг.). Во время Первой и Второй мировых войн крестьяне обязывались обрабатывать свои земли, которые могли быть сданы в аренду другим лицам, если их бросали.

‡ *Michelet J.* Le Peuple. 1844. P. 32.

только распространял ограничение прав отцов семейств на юге страны. Гражданский кодекс фактически являлся компромиссом. Он давал отцам, имеющим одного ребенка, право свободно распоряжаться половиной своего имущества, имеющим двоих детей — третьей частью, а имеющим троих — четвертью. С точки зрения закона, это практически сохранило прежнее положение вещей на севере страны и не слишком радикально изменило его на юге. На деле разница была даже меньшей, ибо в реальной практике на Гражданский кодекс часто не обращали внимания, и традиции сохранялись вопреки ему. Исследование сельского хозяйства, проведенное в 1866 году, которое, помимо прочего, касалось и проблемы наследования, показало, что буржуазия в целом приняла провозглашенный Гражданским кодексом принцип равного раздела имущества, тогда как крестьяне — нет. Последние проявляли уважение к умершему отцу тем, что распоряжались большей долей его имущества в соответствии с его волей. Группы мелких собственников даже подали общую петицию в сенат в поддержку этой реформы.

Ко времени Второй империи равный раздел имущества господствовал почти повсеместно на северо-востоке Франции, где его освящал обычай, но даже здесь это не означало, что участки земли обязательно дробились. В отношении более крупных и богатых участков практиковались соглашения между наследниками, дабы не страдала доходность хозяйств. Один из сыновей вел хозяйство и выплачивал деньгами братьям и сестрам их долю прибылей, также он мог взять их доли в аренду. На бретонском побережье, где возможность альтернативного заработка крестьянам давало море и садоводство, так что земля не являлась единственным источником средств к существованию, собственность делилась поровну и небольшие земельные участки использовались под огороды; однако во внутренних районах департаментов Финистер и Морбиан отдельные бедные крестьяне не могли допустить такого — их хозяйства переходили целиком к одному из сыновей. В департаменте Кот-д'Армор перентабельного раздела избегали благодаря тому, что наследники продолжали жить вместе общиной, а девушкам препятствовали выходить замуж. Вопреки Революции и Гражданскому кодексу, в департаменте Майен существовали хозяйства в 20–40 гектаров (50–100 акров), которые не дробились с незапамятных времен. Бретонцы, как и ирландцы, имели большие семьи, но оттягивали женитьбу как только можно. Нормандцы иногда решали ту же проблему, имея меньше законнорожденных детей, чем незаконнорожденных. В центральных районах Франции традиция миграции в крупные города трудоспособного населения также служила сохранению семейного хозяйства как работоспособной единицы. Здесь потребность в предоставлении завещателю большей свободы дей-

ствий была особенно настоятельной. В департаменте Ньевр девушки при вступлении в брак иногда отказывались от своей доли наследства; также использовались различные способы создания благоприятных условий для старшего сына. Задача нотариусов часто облегчалась тем, что детей убеждали согласиться с низкой оценкой земельного владения родителей. Естественно, такие уловки срабатывали не всегда или приносили только временный успех. Часто они оспаривались следующим поколением и судебные тяжбы тянулись многие годы. Некоторые районы были печально известны благодаря беспощадности, с которой наследники, не приемля подобных хитростей, требовали свои законные доли. В Восточных Пиренеях среди наследников делили даже дома. В департаменте Верхняя Сона особенно пышно расцвела склонность к сутяжничеству.

Социолог Ле Плей в своей монографии об одной пиренейской семье, которая на протяжении четырех столетий владела 18 гектарами земли, переходившими от отца к старшему сыну, уделил внимание конфликту между обычаем и законом. После Революции имущество формально было поделено, но старший сын получил *quotité disponible* (долю, которую отец мог завещать по своему усмотрению) и стал управлять хозяйством. Постепенно он расплатился со своими братьями и сестрами, хотя некоторые из них и помогали ему, не вступая в брак и живя вместе с ним, и завещал свою долю старшему сыну. В 1836 году хозяин умер, оставив восемь детей и хозяйство, оцененное в 17368 франков. Старшей в его потомстве была дочь. Ее муж, в соответствии с обычаем, принял ее имя и хозяйство. Она получила 4342 франка в качестве *préciput* (преимущественной доли, выделяемой до раздела имущества) и восьмую часть от оставшегося. Двое из ее братьев и сестер не вступили в брак и завещали свою часть имущества старшей сестре; у остальных доли выкупили. Но когда эта женщина в 1864 году умерла, ее дядя оспорил первоначальное соглашение. Хотя он и проиграл дело, судебные издержки были большими. Эта тяжба подкрепила ту идею, что традиционная система существует в ущерб младшим детям. Не Гражданский кодекс, а именно этот случай послужил толчком к переменам. Только в следующем поколении мужья двух сестер потребовали выплаты их долей немедленно. Это повлекло за собой продажу части хозяйства, которое перестало быть жизнеспособной единицей и в 1882 году было полностью распродано.

На основе записей о наследовании можно провести интересное исследование ослабления семейного духа. В идеале, когда отец достигал преклонного возраста, заключался договор о том, что один из сыновей (в некоторых регионах этот сын назывался старшим независимо от того, являлся ли он таковым фактически) получал *quotité disponible* и хозяйство. В свою очередь он ухаживал

за ушедшими на покой родителями и выплачивал остальным их детям определенную сумму (которая зачастую была меньше, чем их подлинная доля) в течение многих лет. Раздел имущества, осуществляемый родителями, легко мог быть оспорен непокорными детьми. Главное значение имела стоимость имущества в момент смерти, а не в момент раздела, поэтому соглашение могло быть оспорено, если решение принималось раньше. При настоящем состоянии наших знаний невозможно сделать никаких выводов о прогрессирующем дроблении собственности в результате действия Гражданского кодекса. Известно, что количество земельных наделов возросло. В 1826 году их было зарегистрировано 10,29 миллионов, в 1881 году — 14,29 миллионов. При этом средний размер каждого участка уменьшился с 4,48 до 3,5 гектаров, а к 1884 году 74% этих участков были площадью в 2 гектара и меньше, но нельзя сказать, насколько положение дел было сходно в разных районах страны. Это не было постепенным и поступательным движением. Собственность, переходя по наследству, дробилась и дробилась, и Франция приобрела печальную известность из-за крошечных кусочков, на которые разделили землю. Но нельзя обвинять в этом только институт наследования. Применение установлений Гражданского кодекса в отношении наследования не предполагали облегчения положения крестьян. Они ввели равенство наследования, но также обременили крестьянство тиранией, возможно, более тяжелой, нежели тирания патриархальная. Осуществление разделов земли часто предполагало совершение действий с закладными. Залоги требовались зачастую и тогда, когда нужно было превратить хозяйства, раздробленные в результате раздела, в жизнеспособные единицы. Большая часть свободных средств крестьян уходила на исцеление ран, наносимых порядком наследования. Появилась целая армия спекулянтов, ростовщиков и посредников, извлекавших выгоды из возрастающей свободы. В середине XIX века состоящие из этих людей так называемые «черные банды» специализировались на скупке больших хозяйств и распродаже их по частям. Крестьянство покупало под закладные столько, сколько могло. Таким образом, его сбережения в большей степени тратились на приобретение земли, чем на модернизацию хозяйства. Судебные издержки и налоги на наследство и продажу были одними из самых больших расходов крестьян*

Парализующие последствия борьбы за землю удивительным образом проявились в Великой революции. Буржуазии в гораздо большей степени, чем крестьянству, принадлежат лавры победителей в этой Революции, и важно понять, почему. Контролируемое буржуазией Учредительное собрание тщательно разграничило феодальные сборы, отнесенные к разряду несправедливых, и те, которые представляли собой земельную ренту. Оно отменило

* Brandt A. de. Droit et coutumes des populations rurales de la France en matière successorale. 1901.

только первые и постановило, что последние должны выкупаться с компенсацией. Только в 1793 году все феодальные права были отменены. Это произошло потому, что крестьяне не признавали этих платежей и просто прекращали их вносить. Но почему крестьяне также не поделили земли дворянства и духовенства, вообще всю землю между собой, обойдясь с законом подобным же непочтительным образом? Ответ состоит в том, что в этом пункте их интересы различались и они не обеспечивали единства. Уже в 1789 году крестьяне владели от 30 до 40% территории Франции, таким образом, первый раскол произошел между владевшими землей крестьянами и теми, у кого ее не было. Раздел поровну был не столь привлекателен для тех, кто уже занимал привилегированное положение. Более того, большинство земель, которыми владели имущие классы, было сдано на различных условиях в аренду крестьянам. Те (крестьяне-арендаторы и издольщики) рассчитывали пробиться вверх по социальной лестнице благодаря приобретению этих арендованных участков. Они многое бы потеряли, если бы земля была поделена поровну между всеми крестьянами, включая бесчисленное множество безземельных работников. Конфликт между различными разрядами крестьян делал невозможным сплочение сословия*

Таким образом, Великая Французская революция не привела к установлению крестьянской демократии. Несмотря на это, бытовал миф о том, что земля во Франции (по словам Мишле) принадлежит 20 миллионам крестьян. Мишле взял эту цифру с потолка, поскольку количество земельных собственников в его время было неизвестно и оставалось таковым в течение всего интересующего нас периода. Статистика, собираемая государством, не была способна дать ответ на этот вопрос, так как составлялась на основе налоговых данных, имевших другое предназначение† Известно было лишь то, что земля была поделена на огромное количество участков, каждый из которых облагался отдельным налогом. В 1826 году, как было указано, насчитывалось около десяти миллионов таких участков; к 1875 году их было уже четырнадцать миллионов. Из этого не следует, что имелось такое же количество землевладельцев, как, разумеется, не следует, что столько было крестьян, обрабатывавших собственные поля. Участки размерами менее гектара (2,5 акра) составляли 38,2% (приводятся цифры за 1882 год, время расцвета сельского хозяйства). Еще 32,9% участков имели площадь от одного до пяти гектаров. Все вместе эти маленькие участки составляли лишь 13,5% из 45 миллионов гектаров земли, находившейся в частной собственности. Чуть больше четверти (26,4%) участков имели площадь от пяти до сорока гектаров, однако и они занимали лишь 31,5% всех земель. Имевшие размеры свыше сорока гектаров участки, составлявшие менее 2,5% от общей численности, занимали 45%

* *Lefebvre G.* La Place de la révolution dans l'histoire agraire de la France // Annales d'Histoire economique et sociale. 1929. 1. P. 506–523.

† Единственным способом определения количества собственников земли является изучение коммуны за коммуной с использованием кадастров и переписей населения, где зафиксировано каждое имя. Эту работу сейчас начинают краеведы.

земель. Таким образом, очевидно, что крупные землевладельцы владели почти половиной территории страны. Хотя Франция и не могла тягаться в этом с Англией, где в 1870-х годах 2184 землевладельца, каждому из которых принадлежало свыше двух тысяч гектаров, владели половиной земель Соединенного Королевства, в ней насчитывалось, по меньшей мере, 49243 участка площадью свыше 100 гектаров каждый, занимавших четверть страны. Эти крупные хозяйства были сосредоточены в определенных районах: в трех департаментах* они занимали свыше 50% территории и еще в одиннадцати† — от 40 до 50%. На другом полюсе находились четыре департамента, где таким крупным хозяйствам принадлежало менее 6% территории‡. Еще в одиннадцати департаментах они занимали от 6 до 10%, и в 26 департаментах — от 10 до 20% территории. Эти крупные хозяйства, однако, не обязательно были самыми процветающими, поскольку почти половина их площадей не обрабатывалась. Крупным землевладельцам принадлежало лишь 40% пахотных земель, всего 31% виноградников, зато 68% лесов§. Многие из богатейших крестьян Франции не принадлежали к этому разряду беспечных владельцев заброшенных земель. Говоря о крупных владениях во Франции, необходимо четко представлять, о чем идет речь, и учитывать не только площадь, но и доход, который эта земля приносила, и способ, которым она обрабатывалась.

Один из самых полезных трудов по этому предмету был написан Филиппом Вижье, проанализировавшем землевладение почти в 600 коммунах шести юго-восточных департаментов в середине XIX столетия. Вижье показал, что статистические данные на уровне департамента (не говоря уже обо всей стране) в высшей степени ненадежны в качестве ориентиров для понимания истинного характера земельной собственности. В общем и целом юго-восток является районом преобладания мелких крестьянских хозяйств. Но если посмотреть на это в масштабах коммуны, то можно насчитать по меньшей мере шесть различных типов таких хозяйств. Например, в коммуне Эгий (департамент Верхние Альпы) в 1851 году насчитывалось 745 жителей, 458 из которых возделывали собственные земли. На первый взгляд это выглядит примером крестьянской демократии, однако свыше трех четвертей площади занимали леса и пастбища, находившиеся во владении коммуны, так что каждому собственнику принадлежало в среднем менее двух гектаров. Этого было явно недостаточно для жизни за счет своего участка. Только дюжина или около того крестьян могла в действительности кормиться от своей земли. Подавляющее большинство жителей получало ничтожную выгоду от использования общественных угодий, и для того, чтобы прокормить себя, они отправлялись в сезонные миграции. Другая коммуна, Сен-Жюльен-ан-Кен (департамент Дром), была

* Верхние Альпы, Шер, Буш-дю-Рон.
† Приморские Альпы, Ланды, Верхние Пиренеи, Ньевр, Восточные Пиренеи, Корсика, Альс, Альпы Верхнего Прованса, Луара и Шер, Эндр, Вар.
‡ Приморская Шаранта, Рона, Сена, Тарн и Гаронна.
§ *Saint-Cenis F. de.* La Propriété rurale en France 1902. P. 83.

сопоставимого размера. Ее земли также были поделены между множеством собственников — их было 302. Однако две трети земли принадлежали примерно 66 жителям коммуны, в особенности же выделялись четыре землевладельца, имевших существенно больше земли, чем составлял средний надел. Большинство крестьян-собственников зависело от сезонных работ и занятий ремеслами, однако неравное распределение земли породило особую социальную иерархию, которая имела тем большее значение, что эти мелкие хозяева приобрели свои участки в течение нескольких столетий незаметной борьбы, закончившейся постепенным лишением знати ее некогда господствующего положения. В противоположность этому крупные хозяйства в Донзере (департамент Дром) были образованы за несколько лет богатыми людьми, нанявшими издольщиков, которые осушили затопленные речные берега. Эти хозяйства приносили гораздо больший доход, чем соседние. В численном выражении в коммуне было 438 мелких землевладельцев, но они владели только 27% земли, тогда как одиннадцать крупных — 39%. По видимости это была деревня мелких собственников, но в действительности они зависели от богачей, которые, используя их труд, получали столь высокие прибыли. Различные отношения, порожденные характером землевладения, можно также проиллюстрировать на примере коммуны Ла-Фретт (департамент Изер), где насчитывалось 46 средних землевладельцев, чьи участки насчитывали от 5 до 30 гектаров, один богач со 113 гектарами, однако еще 570 мелких собственников владели 56% земли. Правда, земля была бедной, неорошаемой и стоила очень недорого. Средние землевладельцы управляли своими хозяйствами, мало привлекая наемный труд и, соответственно, имели столь же малое влияние. Буржуазия не считала выгодным покупать здесь земли и, таким образом, мелкие собственники могли управлять деревней самостоятельно, считаясь лишь друг с другом. Но едва ли можно утверждать, что они кормились от своей земли; чтобы выжить, им приходилось заниматься разнообразными видами деятельности. В Валансоле (департамент Альпы Верхнего Прованса) насчитывалось 242 мелких собственника, но они были сосредоточены в *bourg** и прилегающей к нему территории, разделенной на крохотные, интенсивно обрабатывавшиеся участки. На периферии коммуны, однако, 27 крупных собственников владели 41% земель, нанимая 667 работников и слуг. Таким образом, сосуществовали два различных общества: одно в *bourg*, другое — в округе. Еще одну разновидность мы видим в Бурдо (департамент Дром): там доход крупных хозяйств составлял менее половины дохода подобных хозяйств в Донзере, но даже и в этом случае они стоили более чем в два раза дороже мелких владений† Таким образом, мелкий собственник не обязательно являлся крестьянином, он мог

* Здесь — центральный поселок коммуны (фр.).

† *Vigier P.* Essai sur la répartition de la propriété foncière dans la région alpine. Son évolution des origines du cadastre à la fin du second empire. 1963.

быть ремесленником или сезонным сельскохозяйственным рабочим; его собственность чаще всего не способна была обеспечить независимость. Наоборот, чтобы иметь сильное влияние в деревне, необязательно было владеть огромными участками земли.

Статистика 1862 года вскрывает состав сельского населения, выявляя связи между землевладельцами. В этом году 57639 собственников доверили хозяйства управляющим, 1754934 обрабатывали только свои земли. Но было еще больше собственников, которые не могли приобрести средства к существованию, возделывая свой участок. 648836 собственников также обрабатывали чужие земли в качестве арендаторов, 203860 — в качестве издольщиков и 1134490 нанимались в чужие хозяйства работниками. В сумме эти категории составляли 3799759 собственников. Однако насчитывалось почти столько же селян, не являвшихся собственниками,— 3553091. Из них 386533 были арендаторами, 201527 — издольщиками, 869254 — работниками и 2095777 человек относились к другим категориям (638129 служанок, 584320 слуг, 353184 разнорабочих, 219753 пастуха овец, 122803 пастуха коров, 110801 возчик, 66787 мастеров). Это означало, что около половины всех сельских жителей владело какой-то землей, но только половине из них (то есть четверти всего сельского населения) этой земли было достаточно для получения средств к существованию* Более того, хотя население, обрабатывавшее собственные земли, составляло большинство (около трех четвертей), их хозяйства охватывали лишь половину страны. Почти половина земель обрабатывалась арендаторами и крестьянами-издольщиками, хозяйства которых в среднем в 2,5 раза превосходили хозяйства собственников, живущих и работающих на своей земле (11 гектаров против 4,37 гектаров). Более того, эти арендаторы в основном концентрировались на севере Франции, таким образом, в некоторых регионах они преобладали†. Издольщики занимали обширные земли на юго-западе и в центре страны. Итак, можно сделать вывод о том, что Франция являлась страной не мелких крестьянских собственников, а мелких, средних и крупных землевладельцев, каждому из этих разрядов принадлежала приблизительно треть общей площади страны, однако представлены они в различных регионах были неравномерно, так что способы организации аграрных отношений были неисчислимы. Во Франции не было латифундий, сравнимых с испанскими или с владением герцога Сазерлендского (50 тысяч гектаров), но зато почти все остальное в ней было.

Этот разноликий сельский мир отличался исключительно пестрой социальной структурой. Политическое равенство уравновешивалось сложной иерархией. Ни один из этих трех миллионов собственников не мог рассчитывать сразу встретить радушный прием в качестве жениха дочери другого. В первую очередь

* *Fouille A de.* Le Morcellement. 1885. P. 77–78.

† См. карту 2.

было необходимо тщательное изучение того, какое именно положение он занимает, и при ближайшем рассмотрении оказывалось, что совсем немногие девушки видели в нем подходящую пару. В вопросах заключения брака пределы равенства проявлялись очень наглядно. Таким образом, один собственник отличался от другого не только богатством (а эта шкала была чрезвычайно разнообразна), но и характеристиками своей земли и продолжительностью ее пребывания во владении его рода, величиной дома, числом голов скота, размером свободной наличности и тем, сколько, принимая во внимание численность семьи, он был в состоянии потратить на приданое. Собственник считал себя выше издольщика, и даже работники проводили между собой различия на основании своего происхождения. Может быть полезен краткий обзор этих многочисленных категорий.

В наиболее плодородных районах Франции самыми богатыми и преуспевающими хозяевами были не владельцы земель, а арендаторы. В значительной степени земля там была скуплена горожанами (в окрестностях Парижа таковой было от 30 до 40%) в качестве средства помещения капитала*. Земельные участки все еще были крайне раздроблены. В департаменте Сена и Марна в 1942 году было не менее 150 тысяч земельных участков, но они арендовались и обрабатывались крупными едиными площадями, так что в этом департаменте насчитывалось лишь 7930 хозяйств. Половина обрабатываемой площади была сосредоточена в хозяйствах размером сто и более гектаров. Основная тенденция здесь была противоположна той, что сложилась в других регионах, где происходило расширение прямого использования земли владельцем. Размер хозяйств рос соответственно: в 1892 году среди них только 35% превышали сто гектаров, в 1929 году — 50%, в 1946 году — 53%. В 1892 году в департаменте Сена и Марна арендаторы трудились в 24% хозяйств, а в 1946 году — уже в 57%. Когда рабочие говорили о «патроне», они имели в виду не землевладельца, а арендатора. Арендаторы действительно образовали довольно самобытную группу. В первой половине рассматриваемого нами периода обычный крестьянин все еще мог рассчитывать преуспеть, постепенно увеличивая площадь арендуемой им земли. Известен один крестьянин, который в 1880 году начинал, арендуя лишь 20 гектаров земли и располагая орудиями труда на сумму в 2000 франков. Три года спустя он смог арендовать хозяйство площадью в 60 гектаров, получив от землевладельца заем в 7000 франков на приобретение средств производства. В 1887 году он вновь перебрался в другое хозяйство уже площадью в 100 гектаров. В 1890 году он выкупил жилой дом на ферме за 4000 франков, а в течение следующих 20 лет приобрел еще 120 гектаров земли вокруг него и второе хозяйство площадью 80 гектаров. К 1910 году он владел 200 гектарами и арендовал

* По вопросу о покупке горожанами земли см.: *Elhai H.* Recherches sur la propriété foncière des citadins en Haute-Normandie. CNRS, 1965.

еще 260* Как бы то ни было, размер капитала, требовавшегося здесь для интенсивного, ориентированного на рынок хозяйства, которое бы процветало, быстро рос. Если принять 1840 год за точку отсчета, то к 1870 году капитализация удвоилась, к 1900 — утроилась, а к 1940 году — выросла в четыре раза. Прибыли были, разумеется, гораздо выше, чем в регионах с малорентабельным сельским хозяйством: в первой половине XIX века они достигали 20%, а после 1860 года колебались в районе 15%, что давало возможность утроить капитал в течение жизни одного поколения. После кризиса 1880 года прибыли упали до 10% и с тех пор оставались на уровне 8–10% (исключение составили действительно плохие времена с 1928 по 1941 год). Следствием такой высокой рентабельности стало появление династий хозяев-арендаторов, подобных династиям текстильщиков севера страны. В Суассоне семья Ферте к 1950-м годам приобрела 5300 гектаров в семнадцати хозяйствах, а с учетом владений их зятьев — 7800 гектаров в 25 хозяйствах. Семья Леру владела 2700 гектарами в десяти хозяйствах, были и другие подобные семьи. В 1839 году состоящее из землевладельцев Сельскохозяйственное общество Санлиса противилось приему в свой состав арендаторов. Но в 1859 году наполеоновский префект департамента Сена и Марна высказывался об арендаторах как о «касте», насчитывавшей 3350 «членов высшего ранга, для которых двери префектуры всегда открыты». В 1840 году размер капитала в виде собственности примерно в шесть раз превышал капитал, обычно вкладывавшийся в ведение хозяйства. До 1870 года это соотношение часто снижалось до уровня 4 к 1, а в 1870–1900 годах — до уровня 3 или даже 2 к 1. Арендаторы все больше и больше становились весьма состоятельными людьми. Примерно с 1850 года они перестают столоваться вместе со своими работниками. К рубежу веков они превратились в хозяев-джентльменов, равных промышленникам; они не довольствовались начальным образованием, а посылали детей в лицеи и католические коллежи, а далее в сельскохозяйственные коллежи или в путешествия за границу. Они селились во все более комфортабельных домах. В 1930-х годах у них были теннисные корты и мощные автомобили, у некоторых даже частные самолеты. Жюль Бенар, выходец из старой и непрерывно богатевшей семьи подобного рода, президент Сельскохозяйственного общества Мо, сумел даже получить пост члена правления Банка Франции, хотя его случай остался исключительным. Некоторые из таких родов были очень старыми, как, например, семейство Ферте, с 1580 года владевшее одним и тем же хозяйством в Терни. Но существовали также и профессиональные фермеры из других регионов (особенно заметны были фламандцы), приезжавшие с капиталами, аккумулированными где-то в другом месте, чтобы воспользоваться благоприят-

* *Creveaux E.* Les Cultivateurs du Laonnais // La Science Sociale 1911, Nov 87. P. 33–35.

ными возможностями здесь. Таковы были Кюйперы, которые менее чем за 50 лет (три поколения) сосредоточили в своих руках шесть хозяйств свыше 300 гектаров каждое. К югу от Парижа, между Сеной и Уазой, выходцы из Фландрии управляли 11% хозяйств размером свыше 400 гектаров. Новые люди применяли более энергичные методы и не очень отличались от городских биржевиков-спекулянтов; именно они были проводниками новых идей и гордились своими достижениями так же, как старинные роды — предками. Один из них, за 40 лет утроивший размеры своего хозяйства, воздвиг во внутреннем дворе дома обелиск, дабы отметить это достижение.

Часто земледельцы-арендаторы становились мэрами своих коммун, а после 1850 года их влияние ощущалось заметно сильнее, чем влияние аристократии. Среди землевладельцев в этих местах числился и кое-кто из богатейших людей Франции. Эти земли покупали как еврейские, так и протестантские банкиры. Полдюжины Ротшильдов вместе владели более чем 10000 гектаров близ Арменвильера и Шантийи, Перейрам принадлежало 3000 гектаров. Барон Хоттингер владел Шато-де-Германт. Три ветви аристократического рода Граммон имели в собственности 1700 гектаров, сельская местность запестрела благородными именами: Мако, Мустье, Сегюр, Бертье де Совиньи. Однако к началу XX столетия для местных жителей это были всего лишь имена, а поместья носителей этих имен были скрыты от постороннего взгляда высокими стенами. Эти землевладельцы обычно лишь в малой степени участвовали в местной экономике. Арендаторы, будучи слишком занятыми сельским хозяйством, редко рисковали вмешиваться в государственную политику, поэтому лендлорды вроде Брольи, Оссонвиля и Лафайета могли занимать места в парламенте. Энергия же арендаторов обратилась на местную сахарную промышленность — незаменимый спутник выращивания сахарной свеклы, одной из опор их процветания. Прибыли от производства сахара были весомым дополнением к доходам от сельского хозяйства: во времена Второй империи сахарные заводы выплачивали дивиденды от 50 до 60%; завод Пюизьё близ Лана, основанный в 1865 году, выплатил 100% после первого года своего существования. Арендаторы расширяли свое влияние, способствуя некоторым из своих родственников становиться нотариусами, судьями и государственными служащими местного масштаба, и они гордились тем, что их богатство позволяло им обеспечить почти всех детей собственными хозяйствами. Еще больше их сплочению как класса способствовал неписаный закон, запрещавший внутреннюю конкуренцию. Они отказывались арендовать землю, которая раньше сдавалась равному по статусу соседу, поддерживали одинаковый уровень зарплат и не нанимали работников, уволенных соседями. Такие тесные связи

делали возможными создание кооперативов, хотя потребовалось довольно продолжительное время, чтобы они пошли по этому пути; лишь под давлением кризиса 1930-х годов и ситуации на рынке пшеницы в 1936 году они пришли к этой идее. Но как только стали ясны преимущества таких кооперативов, они начали широко их использовать, таким образом еще больше отличаясь от мелких собственников, которые вступали в кооперативы нерешительно, хотя нуждались в них сильнее других. Разумеется, к тому времени арендаторы уже принадлежали к другому классу, жили жизнью, совершенно отличной от остального крестьянства и от владельцев традиционных средних хозяйств. Последние по-прежнему трудились вместе со своими работниками и ели с ними за одним столом; у хорошего работника был шанс жениться на дочери хозяина и унаследовать ферму. Крупные же арендаторы обращались со своими работниками почти как фабриканты, тем более если это были сезонные рабочие и (особенно после 1919 года) иностранцы. Однако не стоит преувеличивать аристократический снобизм арендаторов. «Его внешность,— писал один наблюдатель не позднее 1953 года,— не будучи крестьянской, определенно выдает сельского жителя. Часто не представляется возможным узнать его среди работников и соседей, разве только по более суровому выражению лица... Он способен говорить на общие темы, но по-прежнему осторожен, недоверчив и на самом деле не интересуется мнениями других людей»*

В других районах накопление крестьянином капитала чаще всего не влекло перемен в его статусе. На рубеже столетий, например, в департаменте Ло и Гаронна в радиусе двадцати километров насчитывалось свыше сотни хозяйств, приносивших хороший доход, но ни одно из них не превышало 35 гектаров. Капитал их владельцев составлял от 50 до 200 тысяч франков, некоторые слыли миллионерами, однако сами работали в поле, носили ту же одежду и садились за тот же стол, что и люди, которых они нанимали. Менее десятой части из них были землевладельцами более чем в четвертом поколении. Их деды или прадеды были сельскохозяйственными рабочими или издольщиками. К 25 годам они скапливали, допустим, тысячу франков, женились, приданое приносило еще франков пятьсот, и в течение семи-восьми лет набиралось три-четыре тысячи франков, что позволяло купить на пять тысяч франков земли под закладную. Чтобы выплатить долг и приобрести скот, они нанимались сельскохозяйственными рабочими. Они богатели благодаря постоянному тяжелому труду, минимальным расходам и обращению практически всего заработанного в капитал, заключая браки в кругу семей с такими же устремлениями, благоразумно используя лишь проверенные сельскохозяйственные приемы и ограничивая число детей†.

* *Bernard Ph.* Économie et sociologie de la Seine-et-Marne 1850–1950. 1953; *Brunet P.* Structure agraire et économie rurale des plateaux tertiaires entre la Seine et l'Oise. Caen, 1960; *Philipponneau M* La Vie rurale de la banlieu parisienne. 1956; *Moreau J P.* La Vie rurale dans le sud-est du bassin parisien. 1958.

† *Maydieu C.* Notes pour servir à une monographie du paysan proprietaire du Lot-et-Garonne // Revue d'économie politique. 1895. 9. P. 159–164.

Следующими в социальной иерархии шли те крестьяне, которым удавалось сохранить хозяйство в прежних размерах, обеспечив своих детей такими же, как и у них, доходами. Ле Плей сделал знаменитым один пример такого рода, особенно замечательный патриархальным укладом жизни беарнской семьи середины XIX столетия. Местом действия была коммуна Лаведан (департамент Верхние Пиренеи), находящаяся в горах, где полгода держится снежный покров, а летом бывает чрезвычайно жарко. Из 1376 здешних жителей 473 были из семей ремесленников или торговцев, 172 — из семей дровосеков, 173 человека жили преимущественно за счет сдачи домов туристам, 102 человека насчитывалось в семьях, чьи главы принадлежали к лицам свободных профессий (не уточняется, каких именно), наконец, 372 человека составляли семьи крестьян, которые работали только на своих землях, и 84 — крестьян, которые работали как на себя, так и на других. Семья Мелуга владела восемью коровами и тремя-пятью телками, которые приносили две трети дохода, остальное давали 90 коз и 55 овец. Земли было мало, и примерно 40% корма скот получал на общинных пастбищах. Семья обеспечивала себя одеждой и башмаками на деревянной подошве, растительной пищей, медом. Зимой они изготавливали изделия из дерева на продажу. Получаемая за молоко и сыр выручка откладывалась на приданое; это означало, что они должны были сберегать в среднем 600 франков в год, так как в каждом поколении было от восьми до десяти детей. Их жизнь кажется строго подчиненной накоплению этого излишка, благодаря чему дом и хозяйство семьи оставались невредимы на протяжении нескольких поколений*

Путь, который вел намеревающегося купить землю крестьянина на промышленное предприятие и который мог изрядно повысить его уровень жизни, можно изучить по биографии крестьянина-мыловара из Нижнего Прованса, написанной в 1859 году, когда ему был 51 год. Он жил в деревне между Экс-ан-Провансом и Марселем, одной третью земли в которой владел аристократ; другие сравнимые по размерам хозяйства были лишь у врача и нотариуса. Ни один крестьянин не владел здесь более чем двадцатью гектарами; почва была бесплодной и неорошаемой, поэтому большая часть населения имела дополнительные занятия. Герой данной биографии, получив наследство и делая сбережения, сколотил состояние примерно в 25 тысяч франков, которые вложил в дом и шесть гектаров земли. Однако своя земля по-прежнему не могла его прокормить. Он проводил большую часть времени в Марселе на мыловаренной фабрике, где ему предоставляли бесплатное жилье и где ему удалось стать старшим рабочим. Только две трети его земли обрабатывались, давая пропитание семье. Его жена управляла хозяйством, а некоторые из их

* *Le Play F.* Les Ouvriers européens. 2 ed. 1877–1879. T 4. P. 445 ff.

восьмерых детей помогали ей, однако основную работу выполнял наемный работник. Крестьянин намеревался вскоре вернуться и заняться обработкой земли сам. Его отец, так же как и он, был крестьянином-мыловаром, накопившим достаточно средств для того, чтобы в возрасте 39 лет вернуться к земле; шестнадцать лет спустя он решил оставить земледелие и разделить землю между четырьмя детьми при условии, что каждый из них будет выплачивать ему содержание. Таким образом, наш герой вступил в самостоятельную жизнь, имея 1,5 гектара земли и четверть дома. Сам живя на мыловаренной фабрике, он отправил жену обратно в деревню жить в этой четверти дома и работать портнихой (которой стала и их дочь, когда выросла). Сложив свои сбережения, они смогли выкупить оставшуюся часть дома и хозяйства у троих братьев и сестер, так как их годовой доход составлял 2000 франков. Вдобавок к этому для дочери приготовили приданое стоимостью 900 франков (включая десять платьев и двадцать пар чулок). У них была портняжная мастерская, кухня в двадцать квадратных метров, две спальни, пять кроватей (на десять человек), 25 стульев, множество столов и одежды, три статуэтки и четыре картины на религиозные темы, три молитвенника, два учебника французской грамматики, сборник житий святых и катехизис. У мужа было два выходных костюма, три пары рабочих штанов, четыре цветных фланелевых жилета и один шерстяной, шесть ситцевых рубах, три галстука, три пары чулок, три пары обуви, две пары кальсон, два фартука, две серых фетровых шляпы и шапка. Гардероб его жены составляли три хлопчатобумажных платья, восемнадцать блузок, три жакета, шесть юбок, шесть косынок, шесть пар чулок, две пары обуви, два корсета, три передника, восемь капоров и большая черная фетровая шляпа с полями. Оба говорили на провансальском языке, так как плохо знали французский, хотя их дети знали его хорошо. Все они были ревностными католиками*

Подтверждением того, что зачастую нельзя было провести четкую границу между крестьянином и рабочим, служит история некоего Виктора, жившего в Бломоне (департамент Марна), расположенном между Реймсом и Шалоном. Сын бедных родителей из Вогезов, он вначале переехал в Шампань, где стал разносчиком галантерейных товаров, но, заболев, потерял то немногое, что у него было и в течение десяти лет был наемным работником, редко оставаясь на одном месте дольше, чем на несколько месяцев, и приобретая привычки, которые вели к частым увольнениям. Он соблазнил девушку шестнадцати лет, ученицу портнихи, происходившую из почтенной семьи собственников земли и садоводов. Когда родился ребенок, они поженились против воли ее отца, однако Виктор не был способен содержать семью, поэтому она вернулась с ребенком к родителям, тогда как он продолжал

* Bnd P 390 II

скитаться в поисках работы. Он был по уши в долгах и почти всегда пьян. Жена убедила своего отца помочь их обустройству. В это время, в начале 1840-х годов, в том районе строился канал. Супруги решили открыть гостиницу для землекопов. Отец жены одолжил им деньги на покупку дома. Перспектива такого приобретения побудила Виктора к упорному труду: вскоре они вернули заем, став владельцами дома, а к 1854 году приобрели также сад и поле. На обработку этой земли уходило немного времени, поэтому Виктор оставался рабочим, занимаясь сельским хозяйством осенью и починкой дорог весной. Завоевав репутацию хорошего работника, он легко находил, куда наняться, несмотря на безобразное поведение в пьяном виде. Доступ к общинным правам сыграл большую роль в укреплении его положения. Деревенские пустоши можно было использовать только для выпаса овец, поэтому лишь богачи могли получать от них выгоду. Дороги же были доступны всем, и в кюветах по их обочинам жена Виктора рвала траву для кроликов. Пределом мечтаний супругов была покупка коровы, которую можно было бы приводить сюда пастись, извлекая двойную пользу. Тем временем они собирали навоз с дороги, превращая его в деньги. Жена Виктора вставала ранним утром, чтобы собрать навоз, остававшийся после ломовых лошадей на главной дороге из Шалона в Реймс: напряженно трудясь, она собирала кубометр в неделю, который можно было продать за 5,5 франков. В 1847 году, когда во время экономического кризиса строительство канала остановилось и у семьи не было других источников заработка, она жила за счет сбора навоза. Даже став обеспеченнее, они продолжали собирать кубометр навоза в месяц, правда, уже для своего сада и поля: этим занималась их тринадцатилетняя младшая дочь. Когда писалась биография, эта семья владела 360 арами (36 тысяч м^2) земли стоимостью в 1220 франков. Они постоянно держали пятнадцать кроликов (восемь из которых они каждый год продавали, а пять съедали сами) и свинью, которую покупали весной и закалывали в декабре. В их доме был земляной пол, а вся их мебель и одежда стоила лишь 779 франков. Но Виктор относился к жизни философски. Двумя его развлечениями были табак и кабак, на которые он тратил соответственно 36 и 26 франков в год, при тысяче франков общих расходов. Это иногда позволяло ему проводить целые дни за картами и выпивкой, хотя растущая гордость за дом и сад все больше привязывала Виктора к родному очагу. Скудость денег на развлечения, однако, можно проиллюстрировать тем, что он решил убить свою собаку, когда закон 1855 года обложил собак налогом в несколько франков* Он не мог вспоминать об этой утрате без сильного волнения†

Перед Революцией наиболее распространенной формой аренды была издольщина, *métayage*. В 1760 году было подсчитано,

* Закон от 2 мая 1855 г. обязал коммуны собирать налог на собак в размере от 1 до 10 франков и направлять средства на оплату общественных работ. Каждый владелец должен был представить декларацию, указав количество имевшихся у него собак и «цель, с которой они содержатся».

† *Le Play F.* Op. cit. T. 5. P. 323 ff.

что издольщиками обрабатывается четыре седьмых французских земель; в 1830-х годах, как полагали, их доля по-прежнему составляла от трети до половины. Однако в течение XIX века издольщина была быстро вытеснена денежной арендой. В 1862 году насчитывалось лишь около 400 тысяч издольщиков (по сравнению с миллионом арендаторов), в 1882 году их количество уменьшилось до 320 тысяч, а в 1929 году — до 200 тысяч. Тем не менее их существование продолжало ощущаться явственнее, чем позволяют судить приведенные цифры, так как издольщики концентрировались в определенных регионах, преимущественно в центре и на юго-западе страны. Бедность, наблюдавшаяся в этих районах, усугублялась, таким образом, чрезвычайно архаичной и зачастую тиранической формой владения. В департаменте Жер издольщиков было в тринадцать раз больше, чем арендаторов, и последние уступали в числе первым еще в 21 департаменте (данные за 1892 год); на севере и востоке издольщиков практически не было. Невозможно сделать обстоятельное обобщение того, что представляла собой издольщина, так как этот институт менялся от места к месту, находя опору в старинных местных традициях. В 1913 году средний размер *métairie** составлял 50–60 гектаров, но цифра эта варьировалась от двух гектаров в департаменте Вар до свыше ста гектаров в департаменте Шер. Положение издольщика менялось в зависимости от многих обстоятельств. В основном издольщина подразумевала раздел продукции хозяйства между собственником и *métayer*† (чаще всего пополам, но иногда, как в департаменте Ланды, издольщик получал две трети или три четверти производимого продукта). *Métayer* вкладывал свой труд, землевладелец предоставлял землю и почти всегда также средства производства, скот, технику и удобрения, так как издольщик, как правило, был беден: если бы у него имелся капитал, он мог бы купить землю или стать арендатором. Правда, в некоторых более богатых районах сельскохозяйственную технику предоставлял издольщик, а прочие средства производства — обе стороны в равной степени. Действительно важным различием между арендой за наличный расчет и издольщиной было то, что в управлении хозяйством издольщик должен был следовать детальным указаниям землевладельца, хотя в XX веке в некоторых районах этот контроль ослаб. В 1940 году в Лимузене все еще были семьи *métayers*, обрабатывавшие одну и ту же землю на протяжении трех столетий (почти реликт феодализма), но другой характерной чертой издольщины являлось то, что договор обычно заключался в устной форме и на короткий срок. Таким образом землевладелец приобретал уверенность в получении определенного количества продукта, тогда как арендатор, плативший за землю деньги, был больше склонен затягивать выплаты и влезать в долг перед собственником. Издольщик являлся также

* Арендуемый участок (фр.).
† Издольщик (фр.).

для землевладельца своего рода вассалом — в дополнение к половине урожая от него часто требовалось еще и выполнение квазифеодальных повинностей (известных как *corvées**), таких как бесплатный извоз или работа жены издольщика в качестве домашней прислуги.

В «Практическом трактате по издольщине», написанном в 1882 году, говорилось: «Первая заповедь издольщика — повиновение»†. Между 1880 и 1914 годами произошло возрождение издольщины в облагороженном виде, она превозносилась как идеальная форма сотрудничества капитала и труда и наилучший способ исправления нравов крестьян и сохранения господства высших классов: количество *métayers* между переписями населения 1882 и 1892 годов значительно увеличилось. Было написано множество трудов, прославлявших издольщину и убеждавших в необходимости широкого ее распространения в качестве средства разрешения социальных конфликтов. Агроном Гаспарен даже утверждал, что своему эгалитарному духу французы отчасти обязаны долгому существованию издольщины. Эта система действительно часто давала трудолюбивому, но нищему работнику возможность завести свое собственное хозяйство, пользоваться определенной независимостью в методах своей работы, порой даже нанимать других работников, а в перспективе накопить достаточно денег для покупки собственного небольшого участка. Однако *métayer* обычно был слишком беден, чтобы должным образом использовать землю, а ее владелец — слишком скуп, чтобы тратить средства на мелиорацию, так как при этом он понес бы все расходы, получив лишь половину доходов. Прогрессивные фермеры севера страны заклеймили эту систему как «союз работы с ленцой и робкого капитала на бедной земле».

Существовали районы, где *métayers* были покорными или почтительными (хотя позднее патернализм большей частью исчез), однако в других районах издольщина была источником яростного противостояния, которое в 1908 году даже вылилось в восстание в Бурбоннэ, где землевладельцы усугубили кризис системы, используя для управления своими имениями ненавистных посредников — *fermiers-généraux*‡. Конфликты и психологическая сторона этой системы были с горечью описаны Эмилем Гийоменом, *métayer* из этой провинции, в «Жизни простого человека» (1904). В этом шедевре крестьянской литературы рассказана целиком основанная на личном опыте история родившегося в 1823 году издольщика (и сына издольщика). Семи лет от роду он стал пасти коз, и его наказывали, если он со стадом возвращался раньше восьми или девяти часов вечера. В девять лет ему доверили пасти свиней; в ярмарочные дни он вместо этого мог сопровождать отца в ближайший город, но должен был ждать на холоде вместе со свиньями, пока его отец напивался в таверне.

* При Старом порядке так называлась барщина, которую обязаны были отрабатывать не только крепостные, но и арендаторы. Государство вводило еще и *королевскую барщину* — обязанность сельских жителей бесплатно отрабатывать определенное число дней на строительстве и ремонте дорог (можно было нанимать вместо себя заместителя). Отменена в 1789 г.

† *Tourdonnet A. de.* Traité pratique du métayage. 1882. P. 207.

‡ Откупщики (фр.).

До семнадцати лет у него никогда не было ни гроша в кармане. Его первым настоящим соприкосновением с большим миром была служба в армии. Каждая мать старалась скопить 500 франков, чтобы застраховать своего сына от призыва (страховщик выставлял замену, что было возможно в те времена). Матери Тьеннона, героя этой книги, удалось застраховать двух старших сыновей, но у нее было семеро детей и она не смогла накопить денег для него. Чувствуя, что родители покинули его в беде, он ушел из дома и стал работником. Идти в услужение к другим вместо помощи отцу, когда это не было обусловлено нуждой, являлось своего рода предательством, бунтом. Тем не менее он отправился на местную ярмарку лишь с початком кукурузы в шляпе и был нанят за 90 франков в год. Однако он стал работником по своей воле и полагал, что не должен жениться на простой служанке; он осмелился предложить руку и сердце девушке, имевшей 300 франков приданого, и получил согласие, когда отец прислал ему такую



Карта 2. Арендаторы и издольщики в 1892 г. Источник: *Saint-Cenis F de.* La Propriété en France. 1902. P. 192

Департаменты, в которых арендаторов было больше, чем издольщиков либо землевладельцев.

Департаменты, в которых издольщиков было больше, чем арендаторов либо землевладельцев.

В остальных регионах землевладельцы были в большинстве.

же сумму «для равновесия». После того как Тьеннон несколько лет был работником, тесть нашел ему *métairie*, и он мог пользоваться независимостью в своем хозяйстве, хотя и на кабальных условиях. Он сразу же вынужден был взять в долг у землевладельца тысячу франков под 5% годовых для покупки приходившейся на его долю половины скота: таким образом, он стал получать значительно меньше половины производимого. Он должен был раболепствовать перед хозяином, который никогда не мог вспомнить его имя и называл его просто «человек», говоря ему: «Подчиняйся и работай, я больше ничего от тебя не прошу. И никогда не досаждай мне просьбами,— я не сделаю ничего из принципа». Проявляя милость, помещик иногда приглашал его в усадьбу, где ему на кухне подавали угощение из большого куска свинины. Однако Тьеннон должен был подчиняться еще и управляющему, а также его любовнице, которая третировала жену героя как свою служанку. Происходили душераздирающие сцены, заставлявшие его восклицать: «Мы по-прежнему рабы!» Чтобы получить средства к существованию, он должен был очень много работать, спать лишь пять или шесть часов в сутки, вставать в четыре часа утра. Герой, тем не менее, говорит: «Будучи главой хозяйства, я чувствовал себя в какой-то мере королем. Часто на меня ложилась огромная ответственность, однако я был горд тем, что сижу во главе стола около каравая, от которого в начале каждой трапезы отрезаю большие куски; горд также тем, что зимними вечерами мое кресло стоит на почетном месте у очага». Спустя двадцать лет ему удалось выплатить 1000 франков и скопить еще 4000 франков, включая и унаследованное от тестя. Но он поместил эти деньги под 5% у банкира, который обанкротился. Так герой вернулся к тому, с чего начинал. Тогда же (а ему было уже 55 лет) землевладелец потребовал от него увеличения арендной платы (до этого он платил небольшую «арендную подать» — *impôt colonique* — наряду с разделом производимого продукта). Он отказался и был предупрежден о выселении. Все усилия, потраченные на улучшение хозяйства, пропали даром. Его брат, рисковавший бо́льшим и вложивший свои 8000 франков сбережений в покупку небольшой фермы стоимостью 15000 франков, не смог заплатить по закладным и также все потерял. В старости им оставались только подорванное здоровье и напряженные отношения с детьми, которые должны были их содержать.

Революция и Гражданский кодекс сделали очень мало для издольщиков. Закон 1889 года, имевший целью дать им, наконец, какие-то гарантии, в действительности лишь увековечил «местные обычаи». Тщетно вносились законопроекты по улучшению их положения. Усилия Народного фронта (законопроект от 7 июля 1937 года) ввести коллективные договора и кодифицировать обычаи оказались бесплодными. Полное освобождение издольщиков

произошло лишь в 1945–1946 годах, когда они получили право перейти на обычную денежную аренду. В результате к 1955 году оставалось всего лишь 72 тысяч издольщиков* В то же время арендаторам предоставлялись преимущественные права выкупа своих хозяйств, когда землевладельцы собирались их продавать; в любом случае их не могли выгнать, так как они также получили право возобновлять договор об аренде. Таким образом, в 1945 году началась новая эпоха — эпоха не землевладельцев, а земледельцев, ставших истинными хозяевами сельских угодий.

В особую экономическую и социальную группу стоит выделить крестьян-виноделов, имевших репутацию людей с иным мировоззрением. Их история поможет объяснить это утверждение. До XVIII века их продукция не была популярна в широких слоях, да и производившееся вино было совсем другим. Действительно, вплоть до XVI столетия на постоялых дворах запрещалось подавать вино местным жителям, его предлагали лишь проезжим. Крестьяне редко пили вино, предназначавшееся горожанам; в лучшем случае они могли рассчитывать на *piquette*†. Вино преимущественно делалось высшими классами для собственного потребления, вот почему так много виноградников принадлежало дворянству, церкви и все в больших количествах мануфактурщикам и торговцам Бордо, Лиона и Дижона, поэтому же основные винодельческие районы находились вблизи крупных городов. Окрестности Парижа были некогда большим винодельческим районом, только в 1850–1860 годы овощеводство полностью вытеснило остатки виноградников. Однако в XVIII столетии вино стало востребованным среди рабочих растущих городов. Для удовлетворения их вкусов возникло новая отрасль — выращивание дешевого винограда гамэ вместо деликатного пино. Виноград этого сорта отличался высокой урожайностью, хотя и был низкого качества; культивировали его крестьяне, которые постепенно, клочок за клочком, выкупали землю у господствующих классов. Первое столкновение у крестьян-виноделов состоялось с буржуазией и церковью, чьими землями крестьяне стремились завладеть и которые, пользуясь своими ресурсами, производили тонкие вина, шедшие на продажу по гораздо более высокой цене. Позднее, в конце XIX века, главным врагом крестьян стали капиталисты юга, победившие крестьян их же собственным оружием: они организовали массовое производство *vin ordinaire*‡ и продавали его по ценам гораздо более низким, чем мог позволить себе любой мелкий крестьянин. Таким образом, виноделы имели достаточно оснований конфликтовать с богачами.

Кроме того, у них была застарелая вражда с государством и муниципальными властями, так как те ответили на новый вид удовлетворения потребностей беднейших городских выпивох чрезвычайно высокими налогами на вино. К концу Старого порядка

* *Pirou G.* Traité d'économie politique. T. 1. Part 2. 1941. P. 104–112.

† Пикет — вино из виноградных выжимок (фр.).

‡ Столовое вино (фр.).

дешевое вино порой облагалось налогом, вдвое превышавшим его стоимость. Это стало насущнейшей проблемой взаимоотношений народа и правительства. Поэтому в 1791 году налоги на доставляемое в города вино были упразднены, однако сокращение доходов было столь чувствительно, что в 1798 году они были восстановлены под названием *octroi** Чтобы сберечь деньги, рабочим приходилось отправляться за городскую черту Парижа, и в этой безлюдной местности стала процветать виноторговля. В XIX веке винодел, таким образом, продолжал чувствовать себя жертвой правительственных налогов; он находился в состоянии войны с государственной службой, собиравшей эти пошлины, и очень часто становился контрабандистом. Естественно, ситуации различались в разных районах. Например, регион Божоле мог позволить себе наращивать производство недорогого вина, так как имел привилегию отправлять вина в Лион, уплачивая невысокие сборы. Макон, наоборот, платил по ставкам, которые были в четыре раза выше, и там сочли целесообразным специализироваться на изысканных винах. В Орлеане же вместо качественных вин стали производить уксус, и не из-за особенностей почвы, а потому, что политика государства уничтожила там виноделие. Результатом непомерных налогов стало то, что низкокачественное вино стоило немногим меньше хорошего, поэтому крестьяне, его производившие, сосредоточились не на качестве, а на количестве, зачастую снимая в три раза больше винограда со своих участков и продавая его по ценам в два раза меньшим, чем высококлассные виноградники. В этом крестьяне преуспели, задавив за XIX век квалифицированное виноделие. Таким образом, к 1875 году производство хорошего вина переживало глубочайший кризис. Подделки и конкуренция мешали продажам, и производство лучших вин сосредоточилось в частных буржуазных хозяйствах — шато.

Территория, занятая под виноградники, в период Второй империи продолжала расширяться. Железнодорожное сообщение открыло крупные рынки сбыта, договор 1860 года способствовал экспорту†. В это время виноделие превратилось в один из главных объектов спекуляции (оно стало второй по величине отраслью после текстильной промышленности). Представители всех классов общества, от мелкого крестьянина до биржевого маклера (каковым был, например, Гастон Базиль — отец импрессиониста), вкладывали средства в виноделие; промышленники даже закрывали свои фабрики, покупая вместо них виноградники. И вот на пике процветания началась эпидемия филлоксеры, имевшая катастрофические последствия. Практически все виноградники пришлось вырубить. Потребовались огромные капиталовложения (до 5000 франков на гектар), чтобы укоренить вывезенные из Америки лозы и проводить многочисленные эксперименты,

* Городская ввозная пошлина, акциз (фр.).
† Подразумевается торговый договор, подписанный в 1860 г. Наполеоном III с Великобританией.— *Прим. ред.*

так как самые ранние привои давали вино с «кислым» ароматом (*vin foxés* — было заимствовано английское слово *foxy*). География виноградарства изменилась: некоторые северные регионы практически вовсе отказались от него, но, с другой стороны, на юге резко увеличили площади, отведенные под виноградники. Там выращивали новые сорта, дававшие высокие урожаи и подходившие для массового производства; там также изменились формы собственности, поскольку на юг перебрались крупные капиталисты. Пока уровень производства был низким, цены оставались высокими и, соответственно, сохранялась большая потребность в новых насаждениях. Однако возрождение виноградарства сопровождалось перепроизводством, ставшим с тех пор постоянной головной болью виноделов. Действительно, потребление вина во Франции росло, составив 51 литр на душу населения в 1848 году, 77 литров — в 1872 году, 103 литра — в 1904 году, 136 литров — в 1926 году. Во время эпидемии филлоксеры правительство поддерживало выращивание винограда в Алжире и разрешило импорт из Испании и Италии. Вдобавок к этому на рынок потоком хлынули поддельные вина, составляя до 40% от настоящих, что показал троекратный рост потребления виноделами сахара. Также в эти годы увеличились площади виноградников в Калифорнии и Южной Америке. В период 1870–1900 годов втрое возросло производство свекловичного спирта. Виноделы, выйдя из кризиса, оказались в высококонкурентной среде. Вина было так много, что трудно было окупить даже расходы. Пять неурожайных лет из семи с 1900 по 1907 год подвели юг страны не только к банкротству, но почти что к мятежу. Парламент в спешном порядке принимал не приносящие пользы законы, однако положение в конечном концов было спасено ростом цен после 1912 года, а также масштабными спекуляциями во время войны. Крестьяне использовали свое нежданное богатство для того, чтобы расплатиться с долгами, а удачные урожаи с 1920 по 1929 год способствовали возврату их былого процветания. Однако вскоре цены вновь упали в результате перепроизводства, и 1930-е годы были одними из худших для виноделов. Из опасения, что будет принят закон, ограничивающий производство, в Алжире расширили площади виноградников с 221 тысячи гектаров в 1928 году до 400 тысяч в 1935 году. Произошла примечательная по своей новизне революция. В 1907 году виноделы требовали от государства какого-либо решения их проблем: сами они ничего не могли предложить; но в 1930-х годах они сдержали усилия государства по установлению особого государственного контроля над их отраслью. Закон за законом устанавливали ограничения производства, запрет новых насаждений, налоговые послабления для тех, кто уничтожал свои виноградники, принимались меры по скупке излишков производства и перегонке их

в спирт. Виноделы заставили государство субсидировать их. Особенностью этих законов было то, что они были выгодны мелкому крестьянству: контроль устанавливался прежде всего над капиталистическим массовым производством. Однако эти меры не дали долгосрочного эффекта. Война 1939–1945 годов вновь принесла прибыли, за ней последовал очередной период перепроизводства, и в 1953 году законодательство было обновлено. Но, поскольку крестьяне-виноделы представляли мощную электоральную силу, было невозможно любое кардинальное изменение землепользования. С рациональной экономической точки зрения необходимо было не замораживание производства, а перераспределение земли под те культуры, которые более всего ей соответствовали и на которые существовал наибольший спрос. Виноградники следовало вернуть на холмы, где ничего другого не растет, тогда как виноград растет буйно, в то же время равнины следовало использовать для животноводства. Однако этому мешало слишком много эмоций и слишком многие интересы.

Мир виноделия был раздроблен на производителей, делавших упор либо на качество вина, либо на его количество; он был разделен на капиталистов, которым было безразлично, в какую отрасль поместить свой капитал, и крестьян, для которых виноделие было призванием, раздроблен на мелких землевладельцев, специализировавшихся на виноделии, тех, кто возделывал несколько культур сразу, и работников, трудившихся в чужих крупных хозяйствах. Борьба между ними включала элемент трагедии, так как мелкие виноделы в массе своей были по существу игроками, гораздо чаще проигрывавшими, нежели выигрывавшими. Исследования бюджета отдельных семей показали, что их жизнь была чередой обманутых надежд и накапливавшихся долгов, прерывавшейся с неожиданно великолепным урожаем, возмещавшим все потери и позволявшим начать с нуля. Мелкие крестьяне редко преуспевали, занимаясь виноделием, отчасти поэтому они имели репутацию «красных». Виноделы, безусловно, часто голосовали за левых, однако их оппозиция государству, налоговым чиновникам, капиталистам, высокомерным владельцам знаменитых марок вина, оптовым торговцам и ростовщикам не вывела их за рамки радикализма: их идеалами были собственность и независимость, достигнутые своими силами. Рабочие крупных поместий могли голосовать за социалистов или коммунистов, однако у мелких землевладельцев были сомнения. Когда они жертвовали частью своей независимости ради кооперации (будучи к этому вынуждаемы), это происходило благодаря духу солидарности и взаимовыручки, а не коллективного труда. Каждый по-прежнему обрабатывал собственный участок, хотя кооператив мог оказать огромное влияние на выбор сорта возделываемого винограда и на то, как распорядиться им после сбора урожая.

Радикализм этих мелких виноделов подразумевал независимость и другого рода. Они не были настоящими крестьянами и вели практически городской образ жизни в деревнях по тысяче или больше жителей. В начале лета они работали очень мало; в июле, августе и октябре они также почти все время отдыхали. Они часто посещали близлежащие города, процветавшие благодаря виноторговцам, так как им нравились тамошние развлечения и магазины. После работы они одевались иначе, чем крестьяне, особенно молодежь, которая обычно прогуливалась по деревне вечерами. Весь год, за исключением зимы, как старые, так и молодые мужчины собирались на деревенской площади, беседуя в ожидании ужина, развлекаясь различными вариантами игры в шары или посиживая на верандах кафе. Замужние женщины и старые девы часами сидели около своих домов и сплетничали. По воскресным дням для молодежи устраивались танцы. Такая активная общественная жизнь поощряла ведение дискуссий, у людей развивался вкус к общим суждениям. Они редко были набожными, однако любили религиозные праздники и с энтузиазмом относились к крестинам и первому причастию. Но они далеко не были преуспевающими людьми. Их уровень жизни был ниже среднего для их класса. Не только в общественном, но и в экономическом отношении виноделие занимало промежуточное положение между сельским хозяйством и промышленностью. На юге оно зачастую было альтернативой промышленности. Вплоть до 1930-х годов виноградарство оказывало такое же важное влияние на плотность населения, как и промышленность. Кроме Бретани, все регионы с населением свыше 70 человек на квадратный километр были либо промышленными, либо винодельческими: виноградники Бордо и Лангедока можно сравнить с текстильными районами Вогезов и Ко. Текстильная промышленность и виноградарство действительно являлись альтернативными видами деятельности для тех районов, где жители не были целиком включены в сельское хозяйство. Там, где не делали вино, в домах стояли ткацкие станки. Когда крестьяне, жившие около границы, сочли виноделие невыгодным, они занялись производством кружев, что стало отличительным признаком порубежных районов*.

На самой нижней ступени социальной лестницы крестьянства находились сельскохозяйственные рабочие: в 1848 году их насчитывалось почти 3 миллиона, в 1892 — 2,5 миллиона, в 1929 — 1,5 миллиона, в 1946 году — миллион. Они были группой, в которой социалисты и особенно коммунисты надеялись найти многочисленных сторонников, но эти надежды плохо оправдались. Их зарплаты были, возможно, даже ниже зарплат городских рабочих, особенно если учесть сезонную безработицу. Жилье обходилось им дешевле, но оно также часто было гораздо хуже городских трущоб, которые так возмущали лицемерных ре-

* *Dion R.* Histoire de la vigne et du vin en France des origines au 19e siècle. 1959 (важнейшее и мастерское исследование); *Perrin A.* La Civilisation de la vigne. 1938; *Laurent R.* Les Vignerons de la Côte d'Or au 19e siècle. 1957; *Gallier C.* Le Vignoble du Languedoc méditerranéen et du Roussillon. Étude comparative d'un vignoble de masse. 3 vol. Montpellier, 1960 (много интересной информации); *Warner C. K.* The Winegrowers of France and the Government since 1875. New York, 1960 (работа особенно ценна для изучения законодательства). *Guyot J.* Études des vignobles de France. 3 vol. 1868.

форматоров. Дополнительный заработок им часто давала местная промышленность, уровень оплаты труда в которой был одним из самых низких в стране. Однако почти не существовало возможности организовать этих рабочих в масштабах страны. Многие из них работали в отдаленных хозяйствах, где могли быть единственными наемными работниками. Уровень их жизни был невысок, но в некоторых районах лишь немногим ниже, чем у тех, кто их нанимал. Для многих положение сельскохозяйственного рабочего было лишь этапом жизни, после которого они надеялись превратиться в землевладельцев или переселиться в город. Даже в этой категории ярко проявлялась дифференциация. Перед Второй мировой войной сельскохозяйственные рабочие в департаментах Вьенна, Шер, Сона и Луара получали почти вдвое больше, чем, допустим, в департаментах Дордонь или Ло и Гаронна. Сильно варьировались условия найма на работу и проживания. В 1950-х годах, когда социологи исследовали их жизненные устремления, обнаружилось, что они зачастую не считали себя частью рабочего класса даже тогда, когда мигрировали в города; для многих из них пределом мечтаний было начало своего дела*

Одурачивание крестьян

Таким образом, крестьянство нельзя рассматривать в качестве надежного балласта, обеспечивавшего стабильность Франции на протяжении рассматриваемого столетия. В этом классе, как стало ясно, наблюдался глубокий разлад и соперничество. Внутренние конфликты поглощали их внимание не меньше, поскольку эти конфликты не походили на обычное столкновение «капиталист—рабочий» и желание крестьян владеть землей редко перерастало в стремление стать буржуа. Однако конфликты становились все более яростными, так как происходили в то время, когда привычный крестьянам мир рушился. Его потрясло и изменило то, что можно назвать сельским аналогом забастовки, но проходившей без лидеров и драматических эпизодов. Она протекала безмолвно, путем переселения в город миллионов покидавших землю крестьян. Это могло сделать оставшихся крестьян богатыми; могло превратить сельское хозяйство в эффективную отрасль, избавленную от избыточной рабочей силы, однако по существу в эти годы миграция послужила демонстрации того, что сельское хозяйство более не является становым хребтом страны. Те, кто остался, были покинуты, а не освобождены. Сокращение сельского населения стало нервным стрессом, а не знаком расширения возможностей.

Во времена Второй империи сельская местность была населена плотнее, чем когда-либо, а в определенных областях этот показатель достигал значений, беспрецедентных для Западной

* *Langlois F.* Les Salariés agricoles en France. 1962. P. 9, annexe XI; *Souchon A.* La Crise de la main d'œuvre agricole en France. 1914; *Touraine A.* Les Ouvriers d'origine agricole // Sociologie du travail. 1960. July-Sept. P. 230–245.

Европы. Когда стал происходить отток населения, этот факт игнорировался; ненормальность ситуации 1850 года была забыта, отмечался лишь широкомасштабный уход с земли. В то же время общее число населения Франции перестало расти и, следовательно, ущерб, нанесенный оттоком из сельской местности, не компенсировался высоким уровнем рождаемости. Численность населения, занятого в сельском хозяйстве, упало с 61% в 1851 году до 53% в 1861, 45% в 1891 и 32,5% в 1931–1946 годах. Даже после этого радикального спада во Франции было намного больше крестьян, чем в большинстве западных стран: в 1939 году в Великобритании их было всего 5,7% населения, в Бельгии — 17%, в Германии — 29%* Отток населения из деревень продолжал нарастать после Второй мировой войны: численность сельского населения в период между 1946 и 1960 годами упала с 32,5% до 20%*

Миграция не была стабильной. В XIX столетии она, по-видимому, проходила с особенной быстротой в следующие периоды: в 1861–1865 годах, когда землю оставили 650 тысяч человек, в 1875–1881 годах, когда была зарегистрирована наиболее интенсивная миграция и число переехавших составило 840 тысяч, и в 1896–1901 годах, когда село покинули еще 650 тысяч человек. Каждая из этих волн была реакцией на определенный кризис, но в большинстве своем происходило переселение бедноты, людей, занимавших маргинальное положение в сельском обществе, а то и вовсе не нашедших в нем себе места. Раньше некоторые из тех, кто не мог жить на доходы от земли, становились сельскими ремесленниками или работниками, однако эти группы исчезали под давлением промышленности, кризиса сельского хозяйства и вследствие того, что сдача в аренду и раздробление общинных угодий сделали более трудным выживание привычными методами. В XX веке подобный массовый поток переселенцев имел место лишь однажды, в 1936–1938 годах, когда около трети миллиона человек снялись с земли после того, как городские рабочие добились серьезного улучшения своего положения при правительстве Народного фронта. Однако вообще в этом столетии миграция кажется более равномерной: приблизительно равное число селян уезжало каждый год, образуя постоянный поток. Более того, уходить в город стали не столько беднейшие, сколько молодые и предприимчивые жители, искавшие, разумеется, лучшей доли. Если до 1914 года мигранты обычно оседали в близлежащих городках, а в большие города отправлялись лишь следующие поколения, то теперь поток направился прямо в крупные центры. После 1945 года к тому же появились новые формы миграции, так что всеобъемлюще описать это движение невозможно. Отдельные деревни реагировали на перемены чрезвычайно разнообразно: некоторые обнаруживали удиви-

* Эти международные статистические данные, не всегда вполне сопоставимые, цит. по: Yates P. L. Food Production in Western Europe. 1940. P. 19
Bastié P. Les Agglomérations françaises de Vallée à Paris. 1968. P. 19, 217

тельную приспособляемость, тогда как другие с катастрофической быстротой прекращали свое существование*. Представляется необходимым тщательнее изучить эти молчаливые споры и невысказанные стремления, задаваясь такими же вопросами, которые ставят и современные социальные психологи. В одном исследовании, посвященном Бретани 1950-х годов, было указано, что 42% мигрантов приняли (или, по крайней мере, полагали, что приняли) такое решение в возрасте до четырнадцати лет, а еще 35% — между четырнадцатью и семнадцатью годами. Это наводит на мысль, что мигрантами в этом частном случае становились те крестьяне, которые с раннего возраста знали, что для них нет места в сельском хозяйстве. В города уезжали не обязательно разочарованные или не достигшие успеха люди; возможно, «середняки» так поступали даже чаще, так как только наиболее одаренные дети, если только их не привлекали в город стипендиями, способны были найти себе место в здешнем обществе, а наиболее невежественные не могли даже помыслить о переезде†.

У безземельных крестьян, естественно, было больше мотивов для отъезда. Земля лишалась работников, что имело катастрофические последствия для мелких фермеров-буржуа, преобладавших, например, на юго-западе. Они могли ответить наймом испанцев, итальянцев, поляков и других иностранцев, что трансформировало сельское общество. Или они были вынуждены покидать свои хозяйства, сдавать землю в аренду и, используя свои усадьбы в качестве загородных домов, строить карьеры в городах, что также меняло сельское общество‡. Социальная структура села упрощалась. Хотя современные коммуникации в некоторых отношениях сблизили деревню с городом, в других они изолировали ее даже больше, перетянув в города представителей несельскохозяйственных профессий. Таким образом, нация еще более отчетливо разделилась на тех, кто обрабатывал землю, и тех, кто находил источник доходов в городе. Упадок местной промышленности означал, что крестьянин превратился в своего рода узкого специалиста. Он более не превращался в ремесленника зимой или в строителя в мертвый сезон.

Мир крестьян на протяжении этого столетия практически постоянно пребывал в кризисе, корни которого были очень глубоки. Не стоит забывать, что испытания 1846—1850 годов были едва ли не самыми тяжелыми из тех, которые пришлось пережить сельскому хозяйству Европы. Процветание времен Второй империи привлекло в число землевладельцев множество людей, однако рост производства не сопровождался ростом эффективности. Процветание не означало, что в национальном доходе возросла доля сельского хозяйства. Напротив, в 1890 году 45% населения, занятого в нем, давали лишь 30—35% национального дохода§. Совершенствование средств сообщения открыло новые

* *Clement P., Vieille P.* L'Exode rurale // Études de compatibilité nationale. 1960. Apr. P. 57—130 (полная библиография этого вопроса); *Pinchemel P.* Structures agraires et dépopulation rurale dans les campagnes picardes de 1836 à 1936. 1957

† *Levesque A.* Le Problème psychologique des migrations rurales. 1958. P. 186.

‡ *Labat A.* L'Âme paysanne. 1939.

§ См.: *Latil M.* L'Évolution du revenu agricole. 1954. P. 10—40.

рынки сбыта, однако наряду с этим сделало возможной конкуренцию со стороны американской, балканской и российской пшеницы; оно стимулировало производство, но также принесло катастрофическое снижение цен. В 1880-е и 1890-е годы цены на пшеницу упали на треть по сравнению с периодом Второй империи. Цена земли, которая, если принять ее уровень в 1821 году за 100, к 1851 году возросла до 255, а к 1879 году — до 366, в 1894 году упала до 279. Филлоксера уничтожила еще одну товарную культуру, от которой зависели многие крестьяне: в 1875 году было произведены рекордные 84 миллиона гектолитров вина, однако в 1879 году — только 25 миллионов, и лишь спустя пятнадцать лет производство вина достигло половины от производства 1875 года. Дефицит стимулировал цены, однако общий доход от продажи вина по-прежнему составлял менее половины доходов времен Второй империи. Кроме того, новые посадки требовали больших затрат*.

Правительство ответило применением (особенно с 1881 года) протекционистских мер, которые использовались все более широко и в конечном итоге были сведены в тарифном законодательстве Мелина, принятом в 1892 году. Это имело три следствия. Во-первых, «было спасено сельское хозяйство» (как полагали сторонники протекционизма). Иными словами, оно могло вестись как и раньше, сохраняя малорентабельные и неадекватные приемы и отвлекая большее количество рабочей силы, чем могло быть в иных условиях. Франция смогла остаться крестьянской страной. Цены на сельскохозяйственные товары падали, но не так сильно, как в других странах, например, в Англии. На рубеже веков они вернулись на выгодные уровни, кризис прекратился, а в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, они даже достигли новых высот. Итак, протекционизм выглядел оправданным и был возведен в ранг основной доктрины республики. Уровень французских таможенных тарифов на продукты питания в 29%, наряду с австро-венгерским, был наивысшим в Западной Европе, в Италии и Германии, для сравнения, он составлял 22%, в Швейцарии — 15%, в Швеции — 24%†.

Вторым следствием политики протекционизма явилось то, что крестьянам более не нужна была модернизация. В течение шестидесяти критических лет проблема адаптации к индустриальному обществу умышленно игнорировалась. Вот почему после 1950 года, когда этой проблемой все-таки пришлось заняться, противодействие было столь яростным, а в 1960-х годах произошла «крестьянская революция». По замыслу Мелина протекционизм должен был стать частью более общей сельскохозяйственной программы, в рамках которой рост капиталовложений и улучшение специального образования должны были положительно сказаться на прибыльности аграрного хозяйства. Он

* Ср. Caziot P. La Valeur de la terre en France. 1914. P. 7–9. Zolla D. La Crise agricole. 1904. Tracy M. Agriculture in Western Europe. Crisis and Adaptation since 1880. 1964. P. 31.

† Liepmann H. Tariff Levels. 1938. P. 413.

провел законы, поощрявшие создание сельскохозяйственных обществ взаимного кредита, а в 1897 году предоставил им государственную поддержку, однако эти общества остались небольшими, так никогда и не превратившись в значимый фактор экономики. Опрос, проведенный в 1883 году, показал, что значительная, хотя и меньшая, часть членов сельскохозяйственных обществ была убеждена в том, что «займы под какой бы то ни было процент губительны для фермеров и мелких крестьян: в 80% случаев это ведет к разорению... Важнее не предоставлять крестьянам займы, а разъяснять, как можно обойтись без них»* Специальное образование также отвергалось за его излишнюю теоретичность. Учрежденные колледжи прозябали. Национальный агрономический институт, основанный в 1848 году и упраздненный Наполеоном III, при Третьей республике был открыт вновь, однако выпуск был невелик 26 человек в 1876 и 87 — в 1913 году Открыли примерно 80 колледжей более низкого уровня и направили почти 250 внештатных профессоров обучать новым методам. Но с такими малыми силами нельзя было решить проблему ликвидации крестьянского невежества: эти учебные заведения охватили только около 1% сельского населения Где крестьяне действительно учились, так это в начальных школах, но они, как правило, возглавлялись директорами, полагавшими, что способный мальчик должен стремиться прочь из деревни. Ощущалась нехватка промежуточных учебных заведений, где вели бы практические занятия, — в те годы эта ниша оставалась свободной[1]

Вместо этого (и это было третьим следствием протекционизма) в крестьянах укоренилась вера в то, что улучшения своего положения они должны ожидать от государства. В подобных чаяниях они не были одиноки, но, возможно, лишь им одним удалось в том же убедить государство. Крестьянство получило исключительные налоговые льготы. В 1890-х годах знаменитая кампания за снижение налогов для крестьян, организованная газетой «La Démocratie rurale», в ходе которой был собран миллион подписей, выбила важные уступки. Крестьяне привыкали к мысли о том, что их должна субсидировать вся страна К 1963 году семь восьмых из них не платили подоходный налог, около 10% государственного бюджета предназначалось на аграрные субсидии В общем, вся Европа принимала финансовое участие в поддержке их низкой эффективности[2] Но их, без сомнения, одурачили. Как будет рассмотрено ниже, государство получало свое обратно, урезая помощь, которую оно предоставляло крестьянам. Последние полагали, что им удалось отстоять свою независимость, так как их оставили в покое, но в действительности о них забыли Парадоксальность положения крестьян во Франции заключается в том, что их идеализировали, предоставляли субсидии и даже опасались как значительной электоральной силы, тогда как они

* Enquête sur le crédit agricole (Société Nationale d Agriculture de France) 1884 I P 315, 319 (цит по *Barral P.* Op. cit P. 90).

[1] *Chatelain R.* L'Agriculture française et la formation professionnelle 1953

[2] *Chabanol D.* Le Paysan, prolétaire ou P. C. D. 1969. P. 11.

не были способны воспользоваться своей властью и оставались среди наиболее бедных людей страны*

Однако были районы, где крестьянам удалось воспользоваться возможностями, предоставленными изменившимися потребностями сельскому хозяйству. На протяжении столетия аграрный сектор в различных районах развивался по-разному. Это можно ясно видеть, если сравнить Бретань с регионом Гаронны†. Около 1848 года бассейн Гаронны был относительно преуспевающим сельскохозяйственным районом, тогда как Бретань — одним из беднейших. В долине Гаронны обрабатывалось 68% земель, в то время как в Бретани лишь 57% и почти треть земель оставалась пустошью. Благосостояние района бассейна Гаронны основывалось на пользующейся очень высоким спросом пшенице (под которую отводилось вдвое больше земель, чем в Бретани), высококачественных винах и кукурузе, которой можно было прокормить много домашней птицы. Бретань же, напротив, была отсталым, изолированным регионом, ее земли испытывали недостаток извести и фосфатов, поэтому огромные площади должны были оставаться под паром от 40 до 60 лет, чтобы восстановиться после ведения на них сельскохозяйственной деятельности. Население Бретани жило в первобытном убожестве, тогда как в долине Гаронны был высокий уровень жизни, к столу подавали белый хлеб и вино. Однако за рассматриваемые нами сто лет ситуация изменилась на противоположную. В бассейне Гаронны производство упало, а в Бретани резко возросло. Площадь обрабатываемой земли в бассейне Гаронны сократилась до 65%, тогда как в Бретани увеличилась до 74%. Пустоши Бретани были распаханы и удобрены; используемая в сельском хозяйстве территория увеличилась на треть, половина прироста отошла под запашку, а половина — под пастбища, так как в Бретани занялись производством мяса и молока, рынок сбыта которых становился все более выгодным. В бассейне Гаронны же делали упор на выращивание пшеницы, что привело к катастрофическим последствиям как из-за истощения земли, так и потому, что Великая депрессия сильнее всего поразила юго-запад страны. Пшеница перестала приносить доход небольшим хозяйствам. Вдобавок к этому виноградники, уничтоженные филлоксерой и восстановленные в спешке, теперь были худшего качества, чем прежние, хотя и давали более высокий урожай благодаря тому, что эти новые лозы особенно хорошо росли на щедро орошаемых равнинах Гаронны. Площадь, отведенная под виноградники, сократилась примерно вдвое, однако общий объем производства не изменился. Правда, в производстве ординарных вин все дальше вырывался юг страны, где были еще более высокие урожаи. В 1882 году в бассейне Гаронны производилось 16% всех вин Франции, а на юге — 28%. Однако между 1930 и 1939 годами производство составило 9%

* *Augé-Laribé M.* La Politique agricole de la France de 1880 à 1940. 1950.

† Бретань: Кот-д'Армор, Финистер, Иль и Вилен, Морбиан, Атлантическая Луара. Гаронна: Верхняя Гаронна, Жер, Ло, Тарн и Гаронна, Ло и Гаронна, Дордонь.

и 51% соответственно, так как южные вина всегда были дешевы, в то время как вина из бассейна Гаронны не были особенно дешевы и больше не были качественными; производство там составляло 24 гектолитра с гектара по сравнению с 50 гектолитрами на юге. В долине Гаронны совершили ошибку, не последовав примеру виноделов Луары, засадивших свои виноградники особым сортом мюскаде, находящим хороший сбыт. Между тем производство вина в Бретани удвоилось, а сидра — утроилось. Пастбища Бретани были удачно расположены для производства продовольствия для городов, а овощи и фрукты, выращиваемые в бассейне Гаронны, должны были конкурировать с плодами, произрастающими в более благоприятном климате юга и Алжира. Другое традиционное занятие жителей бассейна Гаронны — овцеводство — также перестало приносить прибыль из-за дешевого импорта, и от поголовья, насчитывавшего в 1840 году свыше двух миллионов овец, в 1939 году осталось лишь 600 тысяч. В бассейне Гаронны были хорошие естественные коммуникации, дополняемые также дорогами и каналами, которых там было вдвое больше, чем в Бретани, однако к 1939 году Бретань перестала быть труднодоступной: сеть железных дорог там была втрое больше, чем в бассейне Гаронны, а протяженность шоссейных дорог уступала только на одну шестую. Как следствие, население бассейна Гаронны уменьшилось на 24%, тогда как население Бретани выросло на 14% (1841–1936)*

Турист, высадившись в Шербуре, сегодня видит регион, совершенно непохожий на то, что он мог видеть сто лет назад. Он может заметить развалины огромных амбаров, оставшихся от дней выращивания пшеницы, и домиков сельхозрабочих, которые также исчезли. Этот район сейчас занимают пастбища (до 95% площади полуострова Котантен), тогда как при Наполеоне I скот здесь практически не пасли. Тогда землю использовали под гречиху (основную пищу жителей), пшеницу (основной товарный продукт), рожь, овес, ячмень; кроме того, ее держали под паром. Однако между 1830 и 1930 годами стоимость коров выросла шестикратно, а молока — трехкратно. Пшеница, напротив, несколько подешевела. Прежде очень ценились земли, легко поддающиеся обработке и пригодные для строительства дорог. Теперь же возник спрос на глинистые почвы, превращенные в пастбища и испещренные сетью железных дорог. Некогда бедный регион превратился в один из самых процветающих во Франции†

Произошедшую трансформацию можно рассмотреть во всех деталях в случае деревни Моретт в Дофине, написать историю которой довелось одному из ее жителей. Автор, уехавший с целью получения высшего образования, решил вернуться на родную землю. Он писал, что в 1806 году в его деревне насчитывалось 398 жителей, составлявших 81 семью. В 1851 году там жили

* *Chombart de Lauwe J.* Bretagne et pays de la Garonne: évolution agricole comparée depuis un siècleè. 1946; *Asmengaud A.* De quelques idées fausses concernant le pays de la Garonne vers 1840 // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1960. Jan.-Mar. (в этой работе показывается, что резкие контрасты, изображенные в труде Шомбара де Лауве, нуждаются в смягчении).

† Ср.: *Vezin Ch.* L'Évolution de l'agriculture de la Manche en un siècle, 1830–1930. Saint-Lô, 1931.

528 человек — максимальная численность за все время существования деревни. К 1901 году цифра снизилась до 402, к 1911 — до 326, а к 1922 — до 232. В период между мировыми войнами численность населения оставалась примерно на этом уровне, а в 1946 году она снизилась до 204 жителей. Это сокращение происходило главным образом в результате эмиграции, а также падения рождаемости из-за старения населения. На нехватку населения явно указывали развалины покинутых крестьянских домов, холмистые равнины, где некогда выращивался виноград, заброшенные водоемы, где раньше вымачивали пеньку. Площадь пашни возросла со 113 гектаров в 1827 году до 132 гектаров в 1862 году, однако к 1935 году сократилась до 45 гектаров. Виноградники, занимавшие 220 гектаров в 1827 году и 205 гектаров в 1862 году, уменьшились до 65 гектаров в 1935 году. Ничем не примечательная, их продукция не могла конкурировать даже с более дешевыми винами юга, но такая специальная культура, как грецкий орех, стала высокорентабельной и под нее был отведен 61 гектар. Доход от грецкого ореха вчетверо или впятеро превышал доходы от вина или пшеницы. Пастбища расширились с 35 гектаров в 1862 году до 216 в 1935 году; волы, которых в 1862 году было 96 голов, почти полностью вымерли, их заменили коровами. Изменился не только внешний вид деревни, но и занятия населения. В 1851 году в деревне была кружевница, по два колесных мастера, портных и кузнеца, башмачник, чесальщик пеньки, три ткача и девять других текстильщиков, семь плотников, каменщик, шесть пильщиков, три торговца мануфактурой и мясник. Однако к 1896 году осталось лишь пять ремесленников: сапожник, колесный мастер, портниха, плотник и каменщик. После 1914 года остались только каменщик и плотник, и то их не было в деревне целыми днями, так как работали они в основном за ее пределами. Дела нескольких небольших бакалейных лавок обстояли лучше — они держались на плаву потому, что хозяйничали в них крестьянские жены, а появившиеся автомобили позволяли обслуживать большую территорию.

Прежняя изоляция исчезла. В 1848 году деревня была практически полностью самодостаточна. Крестьяне сами строили свои мазанки, используя местную глину и дерево из ближайшего леса. На свою одежду они не тратились вообще: ткач делал ее из приносимой ими пеньки; обувались они в сабо. Они ели собственные ржаной хлеб, сыр, каштаны, картофель, бобы, капусту и свинину, но почти никогда говядину или молодую баранину. Они сами делали растительное масло и уксус, дома их освещались при помощи орехового масла. Сельскохозяйственный инвентарь почти весь был деревянным. Когда в 1849 году муниципальный совет предпринял попытку перекинуть мостик через пропасть, отделявшую деревню от остального мира, и решил выписать газету

для мэра, префект не дал на это своего разрешения. Материальные аспекты крестьянской жизни вскоре изменились. Исследование имущества жителей деревни, проведенное Музеем народных искусств и обычаев по описям, составлявшимися нотариусами после смерти людей, показало, что около 1850—1860 годов произошел поворот. Обстановка крестьянских домов в 1850 году едва ли отличалась от той, которая была у них в XVIII веке* Однако к 1914 году в домах этой деревни фундаменты и оконные рамы были уже из камня или кирпича, земляные полы стали цементными, стены были оштукатурены, а крыши покрыты искусственной черепицей. Дома стали более просторными, в них появилось больше мебели, стулья заменили скамейки. На смену сабо пришли туфли, одежду из самых разных тканей стали шить портные. Около 1860 года появился кофе, поначалу его пили только под Новый год, но со временем он заменил в качестве обычного завтрака хлеб, макавшийся в бренди. В 1860 году еще не брали мясо у мясника, но постепенно стали покупать его, также как рис, макароны и сахар у бакалейщика. В 1908 году появился первый телефон — он был установлен по просьбе местного совета для общественных нужд; в 1910 году был приобретен первый велосипед, и этот вид транспорта вскоре стал очень популярен. В 1903 году директор начальной школы получил денежную помощь в размере 25 франков на создание библиотеки. Его роль в деревне стала более важной, а влияние — больше, чем у кюре, так как население уже меньше посещало церковь. Получил известность случай с одной девушкой, которой отказали в отпущении грехов за нежелание бросить танцы — ее дерзкий ответ прозвучал как антиклерикальный лозунг; после 1914 года в деревне кюре уже вообще не стало. К этому году крестьяне более не замыкались в своей деревне, а считали своим домом всю округу, черпая все больше и больше из внешнего мира. Так, *charcutier*†, развозивший свой товар, установил телефон (единственный среди частных лиц). В 1897 году крестьяне объединились в обществе взаимного страхования; в 1914 году они образовали профессиональный союз, чтобы покупать удобрения по оптовым ценам; в 1929 году совместно взяли заем на покупку молотилки; после 1936 года они стали продавать молоко фирме, присылавшей за ним грузовик; те, кто выращивал орехи, образовали кооператив, чтобы добиться более высоких цен. Молодые женщины следовали парижской моде. Газеты читали повсюду, хотя кино в 1939 году еще почти никто не видел. Все это делало крестьянство в каком-то смысле более «крестьянским», чем когда-либо (участки, которые они обрабатывали и которыми владели, увеличились, поскольку численность населения уменьшилась), но, с другой стороны, оно стало крестьянством нового типа. Можно попытаться оценить, в чем изменились взгляды крестьян‡.

* *Tardieu S.* L'Équipement de la maison // Revue de la synthèse. 1957. July—Sept. P. 347—363. Эта статья привлекает внимание к 14000 описям, составленным в 1943—1946 гг., все еще ожидающим анализа.

† Колбасник (фр.).

‡ *Garavel J.* Les Paysans de la Morette: un siècle de vie rurale dans une commune du Dauphiné. 1948. Другое интересное исследование деревни, которая содержит много любопытных идей: *Higonnet P.* Pont-de-Montvert: Social Structure and Politics in a French Village. Cambridge (Mass.), 1971.

Одним из способов исследования этого вопроса является рассмотрение того, как крестьяне распоряжались своими сбережениями. Изучение их завещаний и посмертных описей имущества в департаменте Воклюз показывает, что к 1938 году 6% из них имели счета в банках, 13% были членами кооперативов. В 1900 году 21% хранил деньги в государственных сберегательных банках, к 1938 году таковых было уже 37% — это был самый популярный вид капиталовложений. Однако наиболее интересным является то, что в 1900 году уже 7% их богатств было вложено в акции, а к 1938 году этот показатель вырос до 29%. Даже беднейшие крестьяне, которые до 1914 года никогда не вкладывали деньги в акции, после войны стали их покупать. Растущая коммерциализация земледелия в Воклюзе вовлекала крестьян в капиталистическую систему*

Степень этого вовлечения сложно измерить. Кое-кто утверждал, что к 1939 году крестьяне разделились на две группы: тех, кто принял современные методы и производил товары для рынка, и тех, кто сохранял элементы натурального хозяйства. Этот вывод не вполне строг, но небесполезен. Несомненно, что хозяйство северных равнин имело мало общего с традиционно поликультурным сельским хозяйством Центрального Массива. Полезно помнить, что крестьяне с любой точки зрения никак не выглядят однородной массой. Однако данные об их отношении к модернизации требуют более тщательного изучения. Вопиющие различия в благосостоянии крестьян разных регионов в 1848 году хорошо известны. Во второй половине столетия эти различия в какой-то степени нивелировались. Приведенный пример Бретани и бассейна Гаронны показывает стремительный расцвет некогда заброшенной провинции. Однако, хотя аграрный кризис и предоставил определенные возможности (например, департаментам Шаранта и Приморская Шаранта, где перешли от производства посредственного вина к выпуску качественных молочных продуктов), в то же время он нанес тяжелый урон тем, кто оказался неспособен принять вызов. В течение XX века снова стало расти неравенство регионов. Так, между 1892 и 1939 годами урожайность пшеницы по Франции в среднем увеличилась с 12,6 до 15,4 центнеров с гектара, но в четырнадцати департаментах она упала, а в восьми осталась на прежнем уровне. В некоторых случаях модернизация увеличила пропасть между регионами. В 1954–1955 годах выработка в сельском хозяйстве в департаменте Эн составляла 820 тысяч франков на одного работающего (и вносилось 36 килограммов удобрений), тогда как в департаменте Крёз выработка была лишь 300–350 тысяч франков (а удобрений вносилось 2,1 килограмма). Средние данные по стране порождают иллюзии. Они говорят, что сельскохозяйственное производство росло до 1892 года, оставалось на дос-

* *Mesliand C.* La Fortune paysanne dans le Vaucluse, 1900–1938 // Annales. 1967. P. 88–136. Необходимо подчеркнуть, что коммерция в этом регионе была развита исключительно, так что капиталовложения крестьян, возможно, были иными, например, в центре Франции.

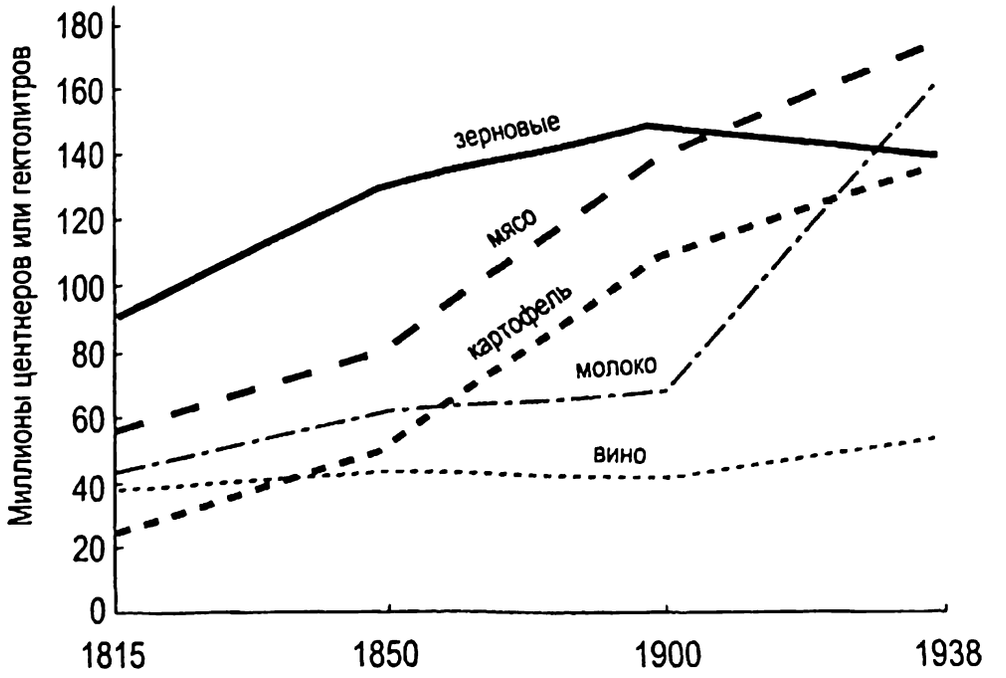


Диаграмма 1. Сельскохозяйственное производство в 1815–1938 гг. (источник: *Viau P.* L'Agriculture dans l'économie. 1967. P. 29)

тигнутом плато до 1939 года, а после войны вновь стало расти. Взглянув же на статистику отдельных департаментов, можно заметить, что если между 1852 и 1892 годами прирост производства в масштабах государства составил 85%, то в одних департаментах он был гораздо выше (доходя, например, в департаменте Иль и Вилен до 194%, в Майене до 196%, в Крёзе до 220%), а в других — значительно ниже (например, 13% в Норе и 5% — в Варе). В период с 1892 по 1955 год показатель по Франции в целом составил 98%, но в Соне и Луаре — 46%, в Вогезах — 48%, в Восточных Пиренеях — 260%. В первой половине XIX столетия наиболее быстро развивались Париж и северные равнинные районы страны, во второй половине — менее привилегированные регионы, поднимавшие залежи и осваивавшие пустоши. На севере механизация началась в 1860-х годах, но в остальных районах страны — лишь после 1890 года. Статичный после 1892 года рынок, однако, означал, что различия между регионами нарастали все больше и в 1939 году стали почти столь же велики, как в 1848 году*

Не стоит также думать, что крестьянин, сохранявший традиционный уклад, был безусловно беднее крестьянина, вставшего на путь модернизации. Лоуренс Уайли в чрезвычайно содержательном исследовании деревни Шанзо показал, что приверженец традиционных методов, возможно, и в самом деле производил лишь половину от того, что мог бы сделать, пользуясь более современными методами: он мог потратить два месяца на вырубку живой изгороди — задача, с которой бульдозер справился бы за день. Тем не менее он мог выручать больше денег, чем сторонник модернизации, если его хозяйство было надлежащих размеров. У такого крестьянина не было никакого реального стимула для модернизации, так как он зарабатывал достаточно для безбедного

* *Pantard J.* Les Disparités régionales dans la croissance de l'agriculture française. 1965. P. 20, 43, 60.

существования, получая удовлетворение от невысокого темпа своей работы и от свободы, дававшей ему возможность отдыхать и проводить время в беседах со случайными знакомыми. Его молодой сосед, приступивший к модернизации хозяйства, наоборот, пребывал в постоянном движении, однако его ферма не приносила столь же большого дохода, так как была недостаточно велика* Структура собственности и обрабатываемых территорий не получила, за исключением нескольких регионов, достаточного развития, чтобы сделать модернизацию возможной. Было подсчитано, что пятнадцать гектаров составляют минимальную площадь, необходимую для ведения рентабельного хозяйства, и те хозяйства, что располагали меньшей площадью, держались на плаву только благодаря применению дешевой рабочей силы членов семьи† Однако такие мелкие хозяйства продолжали существовать в большом количестве, что видно из следующей таблицы:

Процент хозяйств, имевших	в 1892 г.	1929	1955
1 гектар или меньше	39	25	6
1–5 гектаров	32	29	29
5–10 гектаров	14	18	21
10–20 гектаров	15 (свыше 10 га)	15	24
20–50 гектаров		10	16
50–100 гектаров		2	3
свыше 100 гектаров		1	1

Крошечные земельные участки практически исчезли. Небольших хозяйств стало немногим меньше: в 1892 году 75% хозяйств занимали площадь менее 10 гектаров, в 1929 году — 68%, а в 1955 году — 56%. В 1929 году 29%, а в 1955 году — лишь 26% всех земель сельскохозяйственного назначения было сосредоточено в хозяйствах, занимавших свыше 50 гектаров‡.

Не следует преувеличивать степень модернизации сельского хозяйства. В 1948–1949 годах талантливый агроном Рене Дюмон путешествовал по стране и провел детальное исследование наступления прогресса на провинцию. Его «Путешествия по Франции», достойные сравнения с записками Артура Юнга, весьма наглядно показали, насколько сильным было сопротивление переменам. Так, например, он посетил деревню Сен-Шаффрей (департамент Верхние Альпы) и сравнил отчеты, сделанные во время исследования 1857 года, с тем, что увидел своими глазами. Деревня, как и прежде, была поделена на столь же крошечные участки земли. Ведение сельского хозяйства оставалось заботой женщин и детей, а мужчины искали работу по различным специальностям в округе, как они поступали и сто лет назад. Все еще очень много времени уходило на обработку земли. Сельское хо-

* *Wylie L.* Chanzeaux. A Village in Anjou. Cambridge (Mass.), 1966. P 130–131. См. также другую прекрасную работу этого же автора: Village in the Vaucluse. 1961.

† *Chombart de Lauwe J.* Les Possibilités de la petite enterprise dans l'agriculture. 1954

‡ *Barral* Op. cit P 224, 303

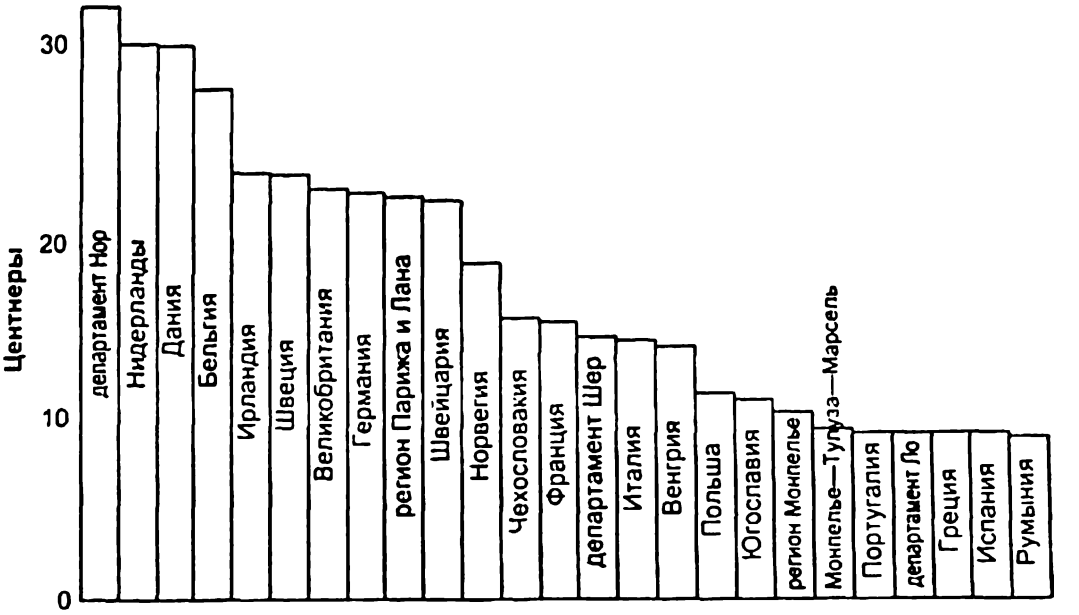


Диаграмма 2. Средняя урожайность пшеницы (в центнерах с гектара) в 1930—1939 гг. (источник: *Cépède M.* Agriculture et Alimentation en France durant la II[e] guerre mondiale. 1961. P. 24)

зяйство было поистине первобытным; участки под ячменем и земля под паром чередовались, как это делалось в Средневековье. В долине Кейра других занятий не существовало, поэтому сельское хозяйство было основным видом деятельности, однако его продукция позволяла только прокормить крестьян и их скот: это было чистой воды натуральное хозяйство, где излишек зерна в урожайные годы никогда не шел на продажу, а хранился для покрытия дефицита неурожайных лет. К северу от Каркассона Дюмон нашел совершенно заурядный виноград, возделываемый на террасах, что требовало в десять раз больше труда, чем выращивание того же винограда в долинах. Он стал свидетелем героических усилий выращивать фрукты и овощи на экспорт в округе Нанта; у здешних жителей был большой опыт еще со времен правления Луи-Филиппа, когда они впервые вырастили груши сорта Уильям для продажи в Англию. Конкуренция со стороны Америки разорила их; вместо груш они стали выращивать персики, дыни и клубнику только для того, чтобы разориться вновь, на сей раз из-за поставок более дешевой продукцией с юга. После этого они перешли на помидоры и сельдерей, которые не слишком их выручили, поскольку выглядели не так картинно, как голландские. Жители области Нанта не переняли современных методов, что не позволило им преуспеть в международной торговле. В Кавайоне (департамент Воклюз) Дюмон, правда, увидел нескольких очень предприимчивых торговцев-садоводов, которым больше повезло с климатом и которые постоянно с успехом меняли ассортимент своей продукции, следуя вкусам горожан. Однако по соседству с ними по-прежнему жили крестьяне, отстаивавшие идеалы натурального хозяйства и выращивавшие продукцию на продажу лишь во вторую очередь. Близ Васси (Верхняя Марна) в 1929 году про сельскохозяйственную революцию и не слыхали, когда оставляли под паром три четверти земли.

Население кормилось за счет невероятно тяжелого труда, смертность среди крестьян и их быстрое старение становились зловещим напоминанием о времени, когда подобное наблюдалось в стране повсеместно. В Сент-Илер-де-Ланд он встретил семью, гордившуюся постройкой собственного дома не меньше, чем крестьяне Восточной Европы, особенно же они кичились тем, что дом был двухэтажным: ранее это считалось возможным лишь для усадеб и городских домов. Эта семья полагала, что, построив такой дом, она поднялась по социальной лестнице. Живший неподалеку *métayer* отказался воспользоваться законом от 1946 года, позволявшим ему превратить договор об издольщине в договор об аренде за наличный расчет, «из-за боязни вызвать недовольство своего хозяина». Положения других законов, направленные на улучшение положения арендаторов, точно так же игнорировались. «Социальный прогресс здесь,— комментировал Дюмон,— по сути дела приходится *навязывать* тем, кто должен получить от него выгоду». В Эльване (департамент Морбиан) в разгаре были перемены, которые в остальных районах страны произошли еще в XVIII и XIX столетиях. Население продолжало расти до 1926 года, приходилось поднимать небольшие участки заброшенных земель, однако земля была бедной и не возмещала тяжких усилий, прилагаемых к ее обработке. Там вели преимущественно натуральное хозяйство, которое, однако, было способно прокормить население лишь в урожайные годы. Большей частью местной земли владел аристократ, поэтому купить там участок было практически невозможно. Высокий спрос подталкивал цены вверх, так что буржуазия не решалась вкладывать деньги в эту землю. В 1938 году, когда земли в плодородных долинах стоили меньше шести тысяч франков за гектар, земля в Эльване, одна из наиболее бедных во Франции, продавалась по восемь-девять тысяч франков. Дюмон отмечал, что даже в благополучной Нормандии перемены в мясомолочном производстве проводились без совета с наукой. Производительность труда французов отставала от производительности в Дании и Голландии, так как они в целом предпочитали ограничиваться половинчатой модернизацией, расширяя территорию для выпаса, а не заготавливая фураж. В Нормандии такая система востребовала больше рабочей силы, чем было необходимо (ее, возможно, и применяли для создания рабочих мест для крестьян); однако на юге это было губительно, так как часто пастбища были зимой непригодны для использования, а летом выгорали*

Более низкое, по сравнению с другими западными странами, качество сельскохозяйственной продукции Франции продолжало оставаться таковым в течение рассматриваемых ста лет. В 1850 году Леонс де Лаверн отмечал, как далеко оно отстоит от английского. Он писал, что в этот период «наиболее характер-

* *Dumont R.* Voyages en France d'un agronome. 2 ed. 1956.

ной особенностью сельского хозяйства Англии, по сравнению с нашим, является количество и качество поголовья овец». В Англии было примерно то же количество овец, что и во Франции, при втрое меньшей площади; английские овцы были гораздо крупнее, так как их разводили главным образом на мясо, тогда как во Франции — ради шерсти. Тем не менее шерсти обе страны производили приблизительно поровну, ну а мяса в Англии производилось почти втрое больше. Франция уступала не только Англии, но и Шотландии и находилась где-то на уровне Ирландии. Кроме того, во Франции было десять миллионов голов рогатого скота, а в Соединенном Королевстве — восемь миллионов, то есть, принимая во внимание соотношение территорий этих стран, Англия была далеко впереди. Во Франции скот по-прежнему использовался в большой степени как тягловый, тогда как в Англии преимущественно для производства молока и мяса. По словам Лаверня, даже сыр в Англии был лучше (культ французского сыра начался позднее)* В Англии производилось вдвое больше молока, чем во Франции. «Искусство разведения чисто мясного скота почти неизвестно во Франции». В Англии также было больше лошадей и свиней. Франция превосходила Англию лишь по количеству домашней птицы, производя ее в восемь раз больше (по стоимости), чем Англия, что частично восполняло недостаток мяса во Франции. Франция, без сомнения, была крупнейшим производителем пшеницы в Западной Европе, но земля была истощена чрезмерной приверженностью этой культуре и урожаи были значительно ниже, чем в Англии†.

В 1939 году французские цены на пшеницу были на 45% выше, чем английские, что явилось следствием низкой урожайности, мелкотоварного сельского хозяйства и недостаточного внесения удобрений. Техника использовалась преимущественно при уборке урожая, а не при обработке земли, на юге по-прежнему продолжали пахать с помощью волов или даже коров. Надои молока во Франции были самыми низкими в Западной Европе, главным образом из-за недостатка корма, задаваемого коровам: во Франции использовали меньше жмыха, чем в Дании, хотя коров там было в пять раз больше. Большая часть молока во Франции надаивалась в очень небольших стадах; регистрировались надои лишь 0,4% коров, несмотря на то, что государство даже назначало субсидии регистрирующим организациям. Полагали, что почти пятая часть молочного стада больна туберкулезом, а некоторые утверждали, что эта доля гораздо выше. Разведение скота затруднялось огромным разнообразием пород — в Пиренеях, например, практически в каждой долине была своя порода. Нормандия, Шаранта и Приморская Шаранта достигли наибольшего прогресса, однако по европейским стандартам эти регионы по-прежнему являлись отсталыми. Домашнюю птицу разводили

* Франция ввозила сыра больше, чем вывозила: в 1909–1913 гг. 49 млн фунтов против 32 млн. В 1920-е гг. французы потребляли в три раза больше сыра, чем американцы (те съедали вдвое больше сливочного масла). См.: *Pirtle T. R.* History of the Dairy Industry. Chicago, 1926. О росте промышленного сыроварения под контролем торговцев см.: *Tellier G.* L'Industrie fromagère de Roquefort. Albi, 1926. Но (по крайней мере в 1950-х гг.) производство рокфора было ограниченным. Из общего количества в 375000 тонн сыра, произведенных в 1951 г., грюйер и эмментальский сыр составляли 90000 тонн, камамбер — 85000 тонн, ни один другой сорт не выпускался в количестве, превышавшем 20000 тонн (Organisation and Structure of the Milk Markets in OECD. 1963. P. 274). Маргарин, изобретенный в 1869 г. французом, до 1939 г. во Франции применялся преимущественно для подмешивания в масло (*Stuyvenberg J. H. van.* Margarine: An Economic, Social and Scientific History 1869–1969. Liverpool. 1969. P. 319).

† *Lavergne L. de.* The Rural Economy of England, Scotland and Ireland (trans.). 1855. Ср.: *King W.* Earl of Lovelace // Review of the Agricultural Statistics of France. 1848.

там же, что и сто лет назад: в департаменте Кот-д'Ор яйценоскость оценивалась лишь в 60 яиц от одной курицы в год, из этого количества примерно половина откладывалась в течение февраля, марта и апреля. Франция была единственной страной в Западной Европе (не считая Италии, с которой это сравнение не проводилось), где домашний скот все еще давал менее половины всей продукции сельского хозяйства. Франции удавалось поддерживать равновесие между отраслями сельского хозяйства, но ценой неконкурентоспособности на международных рынках. Однако и отсталость сельского хозяйства Франции не стоит преувеличивать. Уровень жизни немецкого крестьянина был приблизительно таким же. На обширных территориях с плохими почвами тот вынужден был работать еще больше, пища была менее разнообразной, автомобиль был редкостью; с другой стороны, жилищные условия немецкого крестьянина были определенно лучше, чем у его французского собрата: ему не приходилось спать в хлеву*

Во всех индустриализирующихся странах крестьяне имели причины быть недовольными. Доля национального дохода, получаемая ими, в XX веке сократилась повсеместно. Например, в США между 1900 и 1960 годами она упала с 20 до 7,5%. Во Франции в этот же период она сократилась с 35 до 12%, однако интернациональный характер этого явления служил слабым утешением. Во Франции потери крестьян были более ощутимы, поскольку их численность сократилась меньше, чем в других странах. Крестьяне сознавали, что они вынуждены производить все больше и больше продукции для того, чтобы приобрести то же самое количество промышленных товаров; их усилия сравняться с представителями других групп и достичь того же уровня жизни пропадали втуне. Таким образом, в 1955 году сравнительная цена сельхозпродукции составляла лишь две трети от уровня 1914 года и половину от уровня 1865—1875 лет. Между 1945 и 1958 годами производство выросло на 25%, но доход крестьян — лишь на 4%, тогда как доход остальных слоев населения — на 46%. Более того, этот сельскохозяйственный доход распределялся крайне неравномерно: 56% хозяйств получали менее 20% совокупного дохода, тогда как треть дохода приходилась на долю 8% хозяйств. В 1956 году расходы всех домохозяйств Франции в среднем составили 253800 франков на одно домохозяйство, однако в сельском хозяйстве этот показатель составил только 194 тысячи франков, тогда как деревенские, но не вовлеченные в сельскохозяйственную деятельность домохозяйства тратили в среднем 216 тысяч, а городские домохозяйства — 293800 франков. В центральных и западных районах Франции сельские домохозяйства расходовали в среднем еще меньше — 182 тысячи франков в год. Таким образом, крестьяне, в сравнении с городскими жителями, вынуждены были на 10% меньше тратить

* *Yates P. L.* Food Production in Western Europe. 1940.

на еду, на 28% — на одежду, на 50% — на культуру и досуг. В 1960 году лишь у 16% учеников средних школ родители были крестьянами, в то время как у 21% — рабочими. Только в 55% сельских коммун имелся водопровод (в некоторых департаментах лишь в 20—30%); только в 2% деревенских домов можно было встретить ванные или душ (против 15% в городах). Крестьяне больше страдали от туберкулеза, однако врачей на селе было вдвое меньше, чем в городе*

Можно задаться вопросом, выработалось ли среди крестьян чувство единства или классовое сознание вследствие падения доходов, поражений в ожесточенной конкуренции и понимания того, что их общественный статус понизился. Ответ напрашивается определенно отрицательный. Все исследователи положения деревни согласны с тем, что расслоение среди крестьянства не только осталось, но даже увеличилось; ими предложено большое количество разнообразных классификаций. Во время Второй мировой войны крестьяне, несомненно, дифференцировались в зависимости от образа жизни, домов, в которых они обитали, а также типа поселения (деревня или *bourg*). Их положение различалось в зависимости от типа их экономической деятельности: крестьянин бассейна Гаронны, возделывавший сразу несколько культур, скотовод Нормандии, винодел Эро, торговец-садовод Руссильона, крестьянин Пиреней или Канталя, выращивавший пшеницу фермер Боса — все они были представителями разных групп крестьянства, имевших свои несхожие проблемы. Некоторые попрежнему вели натуральное хозяйство. Была составлена карта, показывающая степень «самопотребления» пшеницы, которая свидетельствовала о том, что эта группа продолжает существовать. Никто точно не подсчитал, сколько именно составляло это «самопотребление», хотя один экономист приводит цифру — приблизительно 23% общего производства в 1938 году†. Карты также демонстрируют поразительные различия между регионами в использовании кредитов, удобрений и техники. К тому же землевладельцам, арендаторам, издольщикам и сельскохозяйственным рабочим было нелегко объединиться. Более того, каждая из этих категорий имела свои отношения с другими классами. На западе страны они часто (но не всегда) принимали аристократов в качестве мэров. В одних регионах крестьяне были настроены демократически, в других они сочетали этот с почтением к церкви, в третьих — раскалывались по религиозному признаку; в одних районах они принимали традиционную иерархию, в других — подчинялись соперничающим кланам и их приверженцам, в третьих утверждение капиталистических отношений поставило их в положение, сходное с положением промышленных рабочих. Крестьяне никогда не голосовали солидарно за какую-то политическую партию‡. Когда научный анализ электорального поведения

* *Maynaud J.* La Révolte paysanne. 1963. P. 17—37, 88.

† *Cambiaire A. de.* L'Autoconsommation agricole en France. 1952. P. 178.

‡ Подробнее об этом говорится в гл. XIV.

сделал возможным детальное изучение их политических пристрастий, обнаружилось, что в 1956 году 20% из них голосовали за умеренных, 17% — за коммунистов, 14% — за социалистов, 12% — за MRP* и 14% — за пужадистов†. В целом это не слишком отличалось от распределения голосов горожан. Мнение Хальбвакса, высказанное им в 1939 году, что крестьянское единство основывается лишь на враждебности к городу, невозможно принять, по крайней мере в такой упрощенной форме‡.

Особенно трудно крестьянам было обрести голос для выражения своего недовольства. В XIX веке люди, говорившие от имени аграриев, сами не были крестьянами. Мелин происходил из промышленного региона, подавляющее большинство министров сельского хозяйства были адвокатами или врачами. Общество французских сельских хозяев, основанное в 1868 году одним из профессоров Национального агрономического института, возглавлялось Дройеном де Люисом, ранее министром иностранных дел Наполеона III, затем маркизом Эли де Дампьером, имевшим крупные поместья на юго-западе страны, и маркизом де Вогэ, занимавшим этот пост наряду с президентствами в Компании Суэцкого канала, Saint-Gobaine-Pont-a-Mousson§ и во французском Красном Кресте. Это была мощная лоббистская группа, но она отстаивала в первую очередь интересы крупных хозяев. Это общество поощряло образование профессиональных крестьянских союзов, но успешно удерживало их в рамках чисто коммерческой деятельности (преимущественно они занимались приобретением удобрений). Оно делало многое для укрепления влияния дворянства в провинции, особенно там, где его представители решали самоустраниться от политики и добиться успеха на новом поприще. Это было одной из причин того, что движение сельскохозяйственных профсоюзов процветало, например, в департаменте Финистер, а не в соседнем департаменте Кот-д'Армор, где аристократы продолжали добиваться мест в парламенте. Общество сельских хозяев было достаточно влиятельной организацией, что побудило Гамбетту к основанию конкурирующего Национального общества поддержки сельского хозяйства, имевшего целью объединение мелких фермеров и превращение в инструмент распространения республиканских убеждений. Таким образом, политическая вражда усугублялась новыми трениями на профессиональном уровне. Когда основывались (с различными целями) другие союзы, кооперативы и общества взаимного страхования, в них немедленно просачивались (а то и вовсе захватывали) представители государства или политиканы. На фоне пышной риторики принимались законы о субсидиях или создании аграрных банков, однако эти блага распределялись строго на принципах фаворитизма. Местные политики, особенно сенаторы, становились во главе кооперативов и организаций взаимопомощи в своих

* «Народно-республиканское движение», основанное в 1944 г. как партия христианско-демократической ориентации. Вместе с левыми входила в первое послевоенное правительство Франции. Одна из основных партий Четвертой республики.— *Прим. ред.*

† Пьер Пужад возглавлял «Союз защиты лавочников и ремесленников», игравший важную роль в политической жизни послевоенной Франции.— *Прим. ред.*

‡ Ср.. *Mendras H* Diversité des sociétés rurales françaises // *Fauvet J Mendras H.* Les Paysans et la politique dans la France contemporaine 1958. P 23–35.

§ Французская стекольная монополия.— *Прим. ред.*

округах для того, чтобы укрепить свое влияние на избирателей. Крестьяне, разумеется, платить взносы не любили, в любом случае закон затруднял создание денежных фондов их организаций. Поэтому ни одна из этих групп не представляла для государства серьезной опасности*

Однако они были важны, поскольку закладывали фундамент некоторых форм коллективных действий. Крестьяне имели давние традиции взаимопомощи, а в некоторых районах даже свои организации хозяйственной кооперации. XIX век был в какой-то мере паузой, периодом, в течение которого эти традиции подавлялись, пока крестьяне вели борьбу за владение землей, но ближе к концу этого столетия наблюдается некоторое возрождение кооперации. К 1941 году 57% используемых во Франции удобрений закупались с помощью крестьянских кооперативов. Это было не очень много, так как вообще использовалось мало удобрений. Новая молочная промышленность была, возможно, наиболее готова к использованию кооперации. В 1937 году в департаменте Приморская Шаранта 80% производителей молочной продукции состояли в такого рода рыночных организациях. Однако к 1952 году по всей стране в целом среди них были кооператорами лишь 20%. В это же время среди виноделов кооператоров было 12%†. В 1910 году насчитывалось около 110 кооперативов для совместного использования сельскохозяйственного оборудования, их стало 500 в 1920 году, 2090 в 1939 году и 13000 в 1967 году. Эти сомнительной достоверности данные, которые с гордостью приводились лидерами этих организаций, не особенно впечатляют. Кооперация, несомненно, была движением меньшинства, охватывавшим в основном растениеводов узкой специализации и определенные районы страны. Более того, углубленное исследование деятельности кооперативов показывает, что идеализм вождей не разделялся массами. Повсеместно кооперативам продавалась продукции более низкого качества, самая же лучшая часть урожая, способная принести наибольшую прибыль, доставалась оптовикам. Поле деятельности кооперативов в некоторых случаях было довольно ограничено. Например, при производстве швейцарского сыра некоторые кооперативы образовывались лишь для закупки оборудования, которое потом сдавалось в аренду индивидуальным предпринимателям, делавшим и продававшим сыр ради собственной выгоды; другие занимались производством совместно, но каждый член кооператива самостоятельно продавал свою долю; лишь немногие кооперативы и делали сыр, и продавали его к общей пользе. Так как многие из этих крестьянских организаций возглавлялись консервативно настроенными людьми, они редко преследовали революционные цели и не стремились к отказу от налаженных коммерческих связей. Они, скорее, действовали как сторожевые псы по отношению к закупщикам

* *Comte de Rocquigny.* Les Syndicats agricoles et leur œuvre. 1900.

† Они производили 22% всех ординарных вин, 42% высококачественных вин (*qualité supérieure*) и 25% марочных вин (*appellation contrôlée*).

и вмешивались только тогда, когда в торговых отношениях происходили сбои. В малонаселенных районах функционирование кооператива зачастую обходилось дороже, чем частного предприятия, так как кооперативы продолжали содержать многочисленные мелкие нерентабельные складские помещения. В большинстве случаев крестьяне неохотно брали на себя руководство этими кооперативами, так как у них не было свободного времени или они полагали, что овчинка не стоит выделки. Поэтому организация оставалась в руках бюрократов, дворян или священников, центральный штат управлял работой, а крестьяне отвергали любую коллективную дисциплину. Например, они отказывались менять цены при продаже зерна, ориентируясь только на свою выгоду. Действительно, восстановление коллективного сельского хозяйства шло очень медленно*

Были случаи, когда гнев или возмущение крестьян находили выражение в стихийных волнениях. Примерами служат захват в 1848 году пастбищ и лесов, которые некогда были общинными угодьями, демонстрации и отказы виноделов платить налоги в 1907 году. Однако после 1890 года можно привести примеры уже в какой-то степени организованного протеста. Обедневшие лесорубы центральной части страны к началу Первой мировой войны образовали 170 профсоюзов и провели несколько имевших определенный успех забастовок, направленных против торговцев, которые поставили их на грань выживания†. Садоводы и сельскохозяйственные рабочие Парижского региона и работники виноградников на юге образовали профсоюзы, имевшие много общего с промышленными. Издольщики Бурбонне выдвинули из своей среды несколько выдающихся лидеров, организовали протесты против наиболее обременительных обязанностей, связанных с их положением, и даже избрали депутата в парламент, который, впрочем, был не издольщиком, а директором начальной школы‡. Однако это все были ограниченные, местные вспышки, волнения в основном маргинальных групп. Большее значение имело проникновение в руководство общим аграрным профсоюзным движением «нового буржуазного крестьянства» — фермеров со средним образованием. Церковь также играла важную роль в демократизации крестьянских организаций. Аббат Трошю, игнорируя недовольства вышестоящих иерархов, с 1899 по 1930 год выпускал «во имя Христианской Демократии» весьма популярную в Рейне газету «L'Ouest-Éclair». Эта газета стала ежедневной, имела самый большой тираж на западе страны и полдюжины еженедельных приложений. С помощью трех других священников — Марселя, Жеффрио и Крюбле — он способствовал созданию примерно двухсот союзов в деревнях, опираясь на группы молодежи, которые фактически бросили вызов старым профсоюзам, возглавляемым аристократами. Отчасти

Hirschfeld A. La Coopération agricole en France. 1957; *Baker J. et al* Report of the Inquiry on Cooperative Enterprise in Europe. Washington, 1937. P 144–147; *Boisseau P* Les Agriculteurs et l'entraide. 1968; *Cramois A.* Coopératives agricoles. Pourquoi et comment le paysan français est devenu coopérateur. 1948 (?); Cooperation in the European Market Economies. 1967 (сравнительные статистические данные см. в приложении); *Berger S. D.* Peasants against Politics. Rural Organisations in Finistère (диссертация, 1966 г.— любопытная критическая работа, основанная на данных, полученных в результате полевых исследований).

† *Roblin M* Les Bûcherons de la Nièvre. 1903; *Braque R* Aux origines du syndicalisme dans les milieux ruraux de centre // Le Mouvement social. 1963. Jan.–Mar. P 79–116; *Bazin R.* Le Blé qui lève. 1907.

‡ *Lamoureux L.* Les Syndicats agricoles. 1914; *Hodée A* Les Jardiniers. 1928; *Rister C.* Le Travailleur agricole français 1923, *Tavernier Y* Le Syndicalisme paysan. 1969.

благодаря этому Бретань превратилась в один из центров крестьянского идеологического брожения. В национальных масштабах основанное в 1929 году Католическое движение сельской молодежи сделало очень много для изменения взглядов нового поколения. Его генеральный секретарь (в 1942—1948 годах) Рене Кольсон, крестьянин из департамента Верхняя Марна, создал новый тип прогрессивно ориентированной организации, что принесло свои плоды в 1960-е годы: его влияние было подобно тому, которое на рубеже столетий оказывал Пеллутье* на городских рабочих†.

Основатели первой крестьянской партии сами не были крестьянами. Parti agraire et paysan français (ее название должно было выражать то, что она отстаивает интересы и собственников, и работников) была основана в 1928 году школьным учителем Флёраном, весьма колоритной личностью (он предпочитал именоваться Агриколой); ему помогали два адвоката. Они, по слухам, получили финансовую поддержку от Луи-Дрейфуса, самого богатого торговца пшеницей Франции. Их, безусловно, субсидировали рекламодатели, чьи объявления, включавшиеся в кинофильмы, показывавшиеся после общественных собраний, были важным источником дохода. Они не соперничали с традиционными сельскохозяйственными профсоюзами, даже если и спорили с ними по вопросам тактики. На парламентских выборах 1936 года эта партия завоевала восемь мест, однако затем распалась из-за внутренних разногласий. Она продемонстрировала, чего можно достичь, подняв крестьянский флаг, но из-за своей чрезмерной консервативности и склонности к компромиссам не могла приобрести настоящее влияние на крестьян. Большее значение приобрела Défence Paysanne‡. Она также не была детищем крестьян. Анри д'Аллюэн, предпочитавший именоваться Доржер, был журналистом и сыном мясника. Будучи редактором скромной сельской газеты в Ренне, он специально занимался обнаружением ошибок в кадастровых книгах, добиваясь сокращения налогов для своих читателей. Он начал организовывать митинги протеста по более общим поводам, первоначально по воскресеньям, а затем и чаще, вплоть до того, что в 1936 году он и его товарищи проводили до 400 митингов в месяц. Его огромная энергия (ему было едва за тридцать) и способность привлекать к себе общественное внимание завоевали ему множество сторонников. Он утверждал, что к 1939 году его разнообразные газеты выписывали 410 тысяч человек (в основном на западе и севере страны). Его последователи были необычайно эффективно организованы. Он знал, как использовать большие массы крестьян, чтобы оказывать давление на государство: велел им приносить с собой вилы и для отличия надевать зеленые рубахи; не стеснялся он и применять насилие. Доржер имел не менее 60 помощников, большинство из

* *Фернан Пеллутье* (1867—1901) — теоретик анархо-синдикализма.— *Прим. ред.*

† *Wright G.* Rural revolution in France. 1964 (превосходная история крестьянского движения после 1930 г.). Ср.: *Delorme P.* Trente-Cinq Ans de politique religieuse. 1936.

‡ Крестьянская оборона (фр.).

которых были настоящими крестьянами, как, например, Франсуа Куар, сельскохозяйственный рабочий, пользовавшийся особенным уважением благодаря «Военной медали», полученной им на фронте, где его также дважды производили в сержанты и дважды разжаловали как *mauvaise tête*[*] В 1936 году Доржер объединился с Агриколой, образовав Крестьянский фронт, который вел борьбу против городских забастовщиков. Достижения, которые приписывал себе Доржер и которыми он объяснял свой успех, состояли в формировании у крестьян нового чувства собственного достоинства и уничтожении комплекса неполноценности, от которого они страдали почти поголовно; в любом случае он, несомненно, способствовал зарождению среди части крестьян веры в то, что они могут добиться удовлетворения своих требований пропагандой, демонстрациями, а то и временами прибегая к насильственным действиям. Невозможно предположить, что он желал подлинной их интеграции с государством, которое, наряду с капиталистическими концернами, было для него главным врагом. Доржер не имел никакой мудреной программы, хотя и писал книги, разъяснявшие его учение. Петен, которого он провозгласил «крестьянским маршалом», поступил умно, назначив его ответственным за пропаганду среди крестьян. Доржер разочаровался в режиме Виши, тем не менее после войны был обвинен в коллаборационизме. В дальнейшем он открыл рекламное агентство, доходы от которого позволили ему в возрасте 55 лет стать владельцем газеты и начать новый этап своей деятельности. Закончил он альянсом с Пужадом[†].

Режим Виши предоставил крестьянам возможность сделать по-настоящему решительный шаг. Теория «корпоративного государства», которую некоторые лидеры крестьянства, особенно Луи Сальрон, расценивали как средство решения своих проблем, была возведена в ранг официальной. Был принят закон об учреждении Крестьянской корпорации, ставшей институтом крестьянского единства. От каждой деревни требовалось образовать единый синдикат (профсоюз) и избрать представителей в региональные и национальные комитеты. Это имело очень важные последствия для крестьянской политики. Казио, фермер и эксперт по оценке земли, назначенный Петеном министром сельского хозяйства, говорил: «Крестьяне Франции, вы некогда были хозяевами собственной земли, но ваши полномочия слишком часто прекращались на границах ваших хозяйств. Отныне вы получите контроль над собственным занятием и сможете действовать в более обширной области, находясь в равном с другими профессиями положениями. И комплекс неполноценности, который вы всегда испытывали и который заставляет считать занятие сельским хозяйством ниже всех других, исчезнет»[‡]. В какой степени это было достигнуто — вопрос спорный. Однако слитые в принудитель-

[*] Смутьян (фр.).
[†] *Dorgeres H.* Au XX[e] siècle dis ans de Jacquerie. 1959 (интересные воспоминания); *Idem.* Haut les fourches. 1935; *Idem.* Révolution paysanne. 1943; *Royer J. M.* De Dorgeres à Poujade // Les Paysans et la politique. 1958. P. 149–206
[‡] La Vie de la France sous l'occupation 1940–1944. 1957. 1. P. 264.

ном порядке соперничавшие деревенские профсоюзы во многих случаях сохранились после падения режима. Хотя с враждой и не было покончено, возможность совместных действий была оценена по достоинству. Крестьян также вынудили избрать 30 тысяч синдиков (уполномоченных), которые должны были стать после войны их руководителями. Идея о том, что крестьяне сами должны осуществить свою революцию, наполнилась реальным содержанием. Вишистская Крестьянская корпорация не была особенно удачливой в своих предприятиях, однако, в любом случае, добилась большего, чем другие корпорации, так как была наиболее демократичной. Ее роль в истории крестьянства очень значительна*.

Однако в 1945 году (как и в 1848) власть ускользнула от крестьян. Политика была им чужда. Они часто проявляли острый интерес к вопросам местного самоуправления, но названия партий не всегда означали для них то же самое, что для остального народа. Бесполезно судить по результатам голосования об их мнениях. Крестьяне не добились удовлетворения своих требований частью из-за того, что по-прежнему были разделены и не могли четко сформулировать их, а частью из-за того, что их практические нужды с трудом вписывались в программы политических партий, перегруженные идеологическими установками. Немного крестьян избирались в парламент. В 1889 году в палате на 576 мест не было ни одного рядового сельского труженика, хотя там заседал 131 крупный землевладелец, десять средних хозяев, три ветеринара, агроном и около тридцати адвокатов и коммерсантов, имевших значительные земельные владения, то есть интересы в сельском хозяйстве были примерно у 30% депутатов. К 1910 году эта доля снизилась до 18%, а после 1924 года не поднималась выше 11—13%. К тому времени число крупных землевладельцев в парламенте уменьшилось, но на их места пришли преимущественно зажиточные средние хозяева†, а не мелкие крестьяне, продолжавшие жить в своем, обособленном мире.

* *Salleron L.* La Corporation paysanne. 1943; *Idem.* Naissance de l'état corporatif. 1942; *Cépède M.* Agriculture et alimentation en France durant la deuxième guerre mondiale. 1961.

† Les Paysans et la politique. P. 215.

Глава X РАБОЧИЕ

Рабочий и Закон

О пролетариях в этот период часто говорят как об изгоях общества, «опасном классе», париях. Их свобода была весьма ограничена. Те, кто предпринимал исследование условий их существования, еще в начале XX века утверждали, что власть работодателей над ними, «без преувеличения, была суровее, чем феодалов над крепостными в Средние века»* Прежде, чем рассмотреть, как пролетариат изменил ситуацию, полезно изучить его правовое положение.

Poulot D. Le Sublime. 1870; *Bonneff L., Bonneff M.* La Vie tragique des travailleurs. Enquêtes sur la condition économique et morale des ouvriers et ouvrières d'industrie. 1908. P. 29.

Французская революция немного сделала для рабочего. Ему позволили заниматься любым промыслом,— ремесленные корпорации были отменены,— но оставили в плену существенных и унизительных ограничений. Он должен был иметь *livret* — удостоверение с именем, описанием внешности и указанием места работы. Он не мог поменять работу, пока хозяин не удостоверял отсутствие у рабочего долгов и обязательств перед ним. Поскольку получение у работодателя ссуды в тяжелое время было обычной практикой, бессовестные хозяева могли без труда удерживать у себя работников. Если же наниматель не возражал против ухода рабочего, он мог вписать сумму долга в *livret*, и новый работодатель частями возвращал его, вычитая из зарплаты рабочего. *Livret* полагалось иметь только промышленным рабочим, независимые ремесленники и крестьяне обходились без него, так что этот документ был вдвойне дискриминационным. Нечто подобное использовалось еще при Старом порядке, как говорилось в указе 1781 года — «для поддержания порядка среди рабочих в районах мануфактур». Наполеон обязал каждого рабочего, уходящего с предприятия, иметь *livret*, подписанное работодателем и мэром, где бы указывался город, в который переезжает рабочий. Этот документ, таким образом, служил своего рода паспортом, без которого человека могли посадить в тюрьму за бродяжничество. Но Наполеон не подкрепил эти ограничения штрафами для работодателей, игнорировавших закон, так что многие из них пре-

небрегали установленными правилами. (Некоторые, напротив, вписывали в *livret* замечания, которые могли уменьшить шансы его обладателя на получение новой работы.)

В 1845 году был внесен законопроект, устанавливающий дополнительные санкции, чтобы сделать действительно эффективными существующие правила, а в 1854 году такой закон был, наконец, принят. Наниматель теперь должен был требовать *livret*; все рабочие в промышленности, как фабричные, так и надомные, даже (впервые) женщины, должны были их иметь. В Париже полиция, кроме того, требовала от работодателей, чтобы *livret* каждого нового нанимаемого в течение 24 часов было отмечено в полиции. Но и этот закон исполнялся лишь частично, преимущественно большими фабриками, нуждавшимися в руках мигрантов, но политически сознательные рабочие яростно протестовали против этого *loi d'exception** Каменщик-депутат Надо† говорил, что одна нога рабочего прикована к полиции, а другая — к капиталисту. Либеральная империя в 1870 году предполагала упразднить систему целиком, но пала прежде, чем успела это сделать. Лишь в 1890 году закон перестал, наконец, видеть в промышленном рабочем опасного типа, которого следует держать под постоянным надзором‡.

Рабочие не были обмануты распространяемым буржуазией мифом об эгалитаризме Гражданского кодекса. Тьер заявлял, что Кодекс невозможно улучшить — разве что несколько поправить стиль. Троплон§, первый председатель Кассационного суда и автор выдающегося комментария к Гражданскому кодексу в 28 томах (1833—1858), «справедливо именуемого „Троплон"», открыто заявлял, что Кодекс удовлетворителен, поскольку, по его убеждению, демократия существует тогда, когда люди имеют равное право на защиту закона «в условиях неравенства, созданного ими самими в результате оправданного проявления своих естественных способностей». Гражданский кодекс, безусловно, поддерживал это неравенство. Кодекс предполагал узкий взгляд на гражданство, которое он смешивал с обладанием собственностью, ставя, таким образом, безденежного рабочего практически вне закона. Основной задачей кодекса была защита собственности, а не равенство всех людей. Он содержал множество статей о договорах купли-продажи, обмена, найма, включал ни много ни мало 31 статью о правовом статусе сданного в аренду крупного рогатого скота, но только две статьи о рабочем и его взаимоотношениях с работодателями, причем обе были унаследованы от Старого порядка. Одна гласила, что рабочего или слугу можно нанимать только на определенный период или для выполнения определенного задания — банальное повторение отмены крепостного права. Другая (статья 1781) определяла, что в споре о заработной плате, при отсутствии письменных свидетельств, предпочтение

* Чрезвычайный закон (фр.).

† *Мартин Надо* (1815—1898) — каменщик из Крёза, был избран депутатом после революции 1848 г., после переворота Луи Наполеона был в тюрьме, затем в эмиграции, в 1870 г. по приглашению Гамбетты вернулся во Францию, был префектом Крёза, муниципальным советником в Париже, депутатом парламента.— *Прим. ред.*

‡ *Plantier A.* Le Livret des ouvriers (диссертация 1900 г.). Вторая республика в 1851 г. ограничила возможные притязания хозяина в качестве кредитора суммой в 30 франков, а вычеты из зарплаты — 10%. На севере в некоторых местах эти удостоверения сохранялись еще почти двадцать лет после 1890 г. (см.: *Bonneff L., Bonneff M.* Op. cit. P. 23—28).

§ *Раймон Теодор Троплон* (1795—1869) — адвокат, первый председатель Апелляционного (1848), а затем Кассационного (1852) судов, один из редакторов первоначального текста конституции, председатель сената в 1852—1869 гг.— *Прим. ред.*

отдается хозяину перед работником (аналогичным образом статья 1716 устанавливала, что в спорах по поводу аренды больший вес имеет слово землевладельца). Республиканец Гарнье-Паже мог в 1847 году ниспровергать «отвратительную теорию существования различных классов Гизо, буржуазии и класса неимущих», мог настаивать на том, что «никаких классов... во Франции нет, есть лишь французские граждане», но это не стало правдой даже после 1848 года, когда народные массы официально получили права граждан. Статья 1781 после неоднократных протестов рабочих была в 1868 году отменена. Рабочие, однако, продолжали жаловаться на то, что Гражданский кодекс не только рассматривает их в качестве лиц второго сорта в тех немногих случаях, когда вспоминает о них, но, что гораздо хуже, просто их игнорирует. Закон защищал собственность буржуазии от воров, но не защищал рабочих от тех, кто эксплуатирует их труд. «Мы не желаем и дальше быть илотами в стране сибаритов!»*

Советы сведущих людей†, учрежденные Наполеоном для урегулирования мелких трудовых споров, также долгое время были предубеждены против рабочих. Члены этих мировых судов избирались частью предпринимателями, а частью рабочими городов, в которых они функционировали, но работодатели занимали большинство мест, а единственной категорией рабочих, имевшей право голоса, были *patentés*, составлявшие незначительное меньшинство. Недовольный рабочий, апеллировавший к такому совету, обращался, таким образом, не к равным, а к вышестоящим. Тем не менее, в эти суды обращались часто, поскольку обходилось это недорого (от 30 сантимов до 1,75 франка за одно дело) и не было необходимости привлекать к делу юристов. Появившиеся первоначально в 1806 году в шелковой промышленности Лиона для улаживания мелких повседневных споров о качестве сделанной работы и размере оплаты (то есть в случаях, требовавших специальных знаний, которых не имели обычные судьи), они постепенно проникли в другие отрасли промышленности (особенно в текстильную и металлургическую) и в другие города:

Год	Число советов сведущих людей	Число рассмотренных ими дел
1830	53	11000
1848	71	18000
1852	83	40000
1870	109	30000
1892	146	52000

При Второй республике советы сведущих людей были завалены делами, поскольку на несколько лет рабочие получили чис-

* *Glasson E.* Le Code Civil et la question ouvrière // Séances et Travaux de l'Académie des Sciences morales et politiques. 1886. 25. P. 843–495; *Tissier A.* Le Code Civil et les classes ouvrières // Le Code Civil, Livre du Centanaire. 1904. 1. P. 73 ff; *Lavigne P.* Le Travail dans les constitutions françaises 1789–1945. 1948; *Bourgin G., Bourgin H.* Les Patrons, les ouvriers et l'état: le régime de l'industrie en France de 1814 à 1830. 1912. Ср.: *Simon D.* Master and Servant // *Saville J.* Democrasy and the Labour Movement. 1954.

† *Conseil du prud'hommes.*

ленный перевес. Закон от 27 мая 1848 года дал право голоса не только *patentés*, а всем рабочим, и дал их представителям равное с работодателями количество мест. Это была совершенно насущная реформа. Но закон пошел слишком далеко, поскольку мастера и *chefs d'atelier** теперь были причислены к работодателям, что резко сократило представительство крупных фабрикантов. В 1853 году Наполеон III вновь отнес этих людей к рабочим, еще более досадив последним тем, что дал администрации право назначать председателей и заместителей председателей этих советов, которых неизменно стали избирать из числа богатейших работодателей. Когда Третья республика в 1880 году отменила это право и позволила советам самим выбирать своих председателей, в результате чего работодатели стали часто терять эти посты, если не все из них постоянно участвовали в голосовании. Выражая протест, они стали бойкотировать сами эти органы. В Лилле, например, советы прекратили свою деятельность на несколько лет. Профсоюзы подключились к проведению выборов, требуя от тех, кого они поддерживали, всегда принимать решение в пользу рабочего. Работодатели утверждали, что советы прекратили решать дела по справедливости и стали анахронизмом, поскольку более не имели дела с техническими вопросами, а рассматривали споры, которые могли рассматриваться обычным порядком, если бы в судах было меньше волокиты: три четверти дел, рассмотренных советами в 1892 году, были связаны с оплатой труда. Многие рабочие, однако, признавали за этим институтом большой потенциал, рассматривая его в качестве первого шага к уравнению хозяина и работника. С целью реформирования и расширения поля деятельности советов в парламент вносились многочисленные законопроекты. Некоторые из них были одобрены депутатами, но отклонены сенатом.

В 1905 году закон наконец разрешил подавать жалобу на решения советов в обычные суды (*tribunal civil*): прежде можно было апеллировать только к *tribunaux de commerce*†, состоявшим исключительно из работодателей. Закон 1907 года восстановил порядок (существовавший при Второй республике) поочередного назначения на председательский пост работодателей и рабочих, устранив, таким образом, камень преткновения в виде свободных выборов, введенных в 1880 году. Работницы смогли избирать в советы, но из-за сопротивления сената не получили право избираться в них, хотя во множестве дел фигурировали женщины. Закон также позволил учреждать советы в других отраслях, в частности в горной промышленности, на транспорте и в торговле (но, опять же из-за оппозиции сената, не в сельском хозяйстве). Рабочие давно настойчиво требовали этого, а также увеличения числа советников, чтобы каждая профессия была представлена в советах. Советы отныне должны были учреждаться

* Начальники цехов (фр.).
† Коммерческие суды (фр.).

не по соизволению правительства, но в каждом городе, нуждавшемся в таковом. Мастера должны были относиться к работодателям или работникам в зависимости от того, занимались ли они преимущественно надзором или физическим трудом (компромисс, достигнутый после того, как депутаты причислили их к нанимателям, а сенаторы — к трудящимся). Реформа завершилась обеспечением всех советников знаками отличия и обещанием будущих наград за долгую службу. Потребовалось, таким образом, ровно сто лет споров для установления равноправия хозяев и работников в этих мировых судах.

Рабочих также гораздо строже преследовали за создание объединений. Для них были предусмотрены более суровые наказания: до пяти лет тюрьмы в сравнении с одним месяцем или штрафом для работодателей. После отбытия наказания рабочие поступали под надзор полиции на срок от двух до пяти лет. Более того, работодатели признавались виновными в участии или организации союзов только тогда, когда они пытались уменьшить заработную плату «несправедливо и неправомерно», тогда как рабочие почитались преступниками независимо от того, были их требования справедливы или нет. Неравенству наказаний был положен конец в 1849 году (закон от 15 ноября–1 декабря), но практика дискриминации рабочих сохранялась. В 1791 году во имя свободы все профессиональные ассоциации были запрещены. Руссо учил, что существование объединений, выступающих посредниками между человеком и государством, нежелательно, а теория *laissez-faire** возражала против любых объединений, которые могли бы помешать свободному функционированию экономики. Хотя подобные взгляды и обоснования были новы, но на самом деле послереволюционные правительства, последовательно подавлявляя союзы рабочих, просто продолжали практику Старого порядка. Напротив, посреднические ассоциации работодателей терпелись и даже одобрялись. В считанные годы были учреждены торговые палаты в 70 или 80 городах. Они представляли торговцев в их отношениях с государством, донося до последнего свои взгляды на законодательство и организуя производство товаров и услуг для общего блага. В промышленных городах были подобные объединения, известные как *chambres consultatives des arts et méliers*. Эти организации были представлены в общенациональных *conseil général du commerce* и *conseil général du manufactures*, часть членов которых назначалась государством, а другая избиралась. Рабочим, напротив, создание подобных организаций возбранялось, и они часто выражали недовольство тем, что правительство с ними не считается.

Союзы работодателей также официально не признавались, но власти к ним относились терпимо. При Луи-Филиппе и Наполеоне III происходит примечательный рост их численности. Уже

* Невмешательство (государства в экономику) (фр.).

в период Реставрации образовались местные ассоциации фабрикантов железных изделий и торговцев шелком; в 1832 году сахарозаводчики образовали комитет для защиты своего свекловичного сахара от импорта из колоний; в 1835 году появился Комитет промышленников Восточной Франции для поддержки протекционистской политики в текстильной промышленности; в 1840 году появилось три комитета: лиц, имеющих интересы в металлургии, машиностроителей и владельцев угольных шахт. В 1846 году эти разнородные отрасли соединились в Assotiation pour la Défense du Travail National, чтобы противодействовать сторонникам свободной торговли. Председателем стал Одье, пэр Франции, текстильный фабрикант из департамента Вогезы, заместителем председателя и главным организатором был Огюст Мимерель, председатель официального Conseil général du manufactures, секретарем выбрали Жозефа Лебёфа, производителя фарфора и керамики, члена генерального совета Банка Франции, а казначеем — Жозефа Перье (брата Казимира), владельца шахт Anzin. Ассоциация издавала газету «Le Moniteur Industriel», процветавшую благодаря обильным поступлениям от рекламы. Во время Второй империи это была признанная группа давления, наиболее активно она организовывала сопротивление политике свободной торговли Наполеона III. Самая известная организация, Comité des Forges, благоразумно датировавшая свое основание 1864 годом, существовала какое-то время до этого, будучи одной из ассоциаций работодателей.

Более мелкие работодатели также имели свои союзы. По оценкам, в 1873 году в Париже была сотня таких объединений, в провинциях — от 140 до 160. Существовали также федерации союзов мелких работодателей. В 1858 году юрист Паскаль Боннэн основал в Париже Union Nationale des Chambres Syndicales, в который к 1874 году входило 70 столичных объединений работодателей. Союз издавал приносившую прибыль газету, организовывал страховые программы, информационное обслуживание, подачу петиций правительству по вопросам налогообложения и законодательства. Он контролировал выборы в Tribunal de Commerce и пользовался признанием если и не правительства, то этого официального органа, который направлял на его третейский суд многие коммерческие споры. Союзы работодателей были, однако, расколоты — конкурентом выступала вторая федерация, именуемая Comité Central, организованная Ф. Леви. Была и третья небольшая федерация. Фабриканты, таким образом, давали рабочим образцы как организации, так и соперничества. В определенном смысле они даже стимулировали трудящихся к объединению своим примером, несколько свидетельств этого со стороны рабочих можно найти в публикациях о Международной выставке 1862 года*.

* *Prioret R.* Origines du patronat français. 1963.

Отмена запрета на создание рабочих союзов потребовала нескольких этапов и сопровождалась колебаниями, отсрочками и оговорками, что вызывало у трудящихся классов недоверие к правительственным уступкам. В 1848 году Временное правительство издало декларацию, в которой провозгласило, что рабочие не только имеют право образовывать союзы, но и обязаны это делать, дабы «пользоваться законным благом своего труда»; но не успел у тех разгореться аппетит, как прежние ограничения в отношении клубов, обществ и собраний были восстановлены в еще более свирепом варианте. Произошло возвращение на стартовую линию, за тем лишь исключением, что любые (а не только «несправедливые») союзы работодателей стали караться наравне с рабочими объединениями (закон от 27 ноября 1849 года). Позднее Наполеон III, недовольный суровостью приговоров к тюремному заключению, выносимых рабочим и особенно организаторам совершенно мирных забастовок, много раз отдавал распоряжения об отсрочках исполнения приговоров и, наконец, потребовал изменения законодательства о забастовках. По закону от 25 мая 1864 года участие в объединениях перестало считаться преступлением. Но хотя забастовки были легализованы, профессиональные союзы по-прежнему оставались вне закона, кроме того, право на стачку было ограничено в двух отношениях. Во-первых, применение насилия, угрозы и мошенничество при организации забастовки наказывалось с еще большей суровостью, чем, например, на выборах. Намерением основного автора этого закона Эмиля Оливье было трансформировать обычные стачки в мирные переговоры в качестве шага в сторону их постепенного исчезновения в идеальном гармоничном обществе его мечты. Во-вторых, строго преследовались также забастовщики, вступавшие в стычки с штрейкбрехерами (то есть препятствовавшие реализации «права на труд»). Этот закон имел нравоучительный и морализирующий характер, делавший его одновременно малопригодным к применению и непопулярным. Им были недовольны как хозяева, так и рабочие, а процессы по обвинению в нарушении права на труд стали почти столь же многочисленны, как ранее по обвинению в создании союзов. Тем не менее закон явился большим шагом вперед и замечательным достижением своего автора, чей страстный идеализм сделал возможным его принятие тогда, когда Наполеон III уже начал колебаться под нарастающим давлением*.

В 1868 году имперское правительство открыто пообещало относиться к рабочим союзам с той же терпимостью, как и к союзам работодателей, но реакционные правительства после Коммуны положили конец этим послаблениям. Только в 1884 году, после восьми лет периодически возобновлявшихся дебатов, профсоюзы были наконец легализованы. Люди, боровшиеся за при-

* *Zeldin T.* Émile Ollivier and the Liberal Empire of Napoleon III. Oxford, 1963. P. 79–85; *Longe F. D.* The Law of Trade Combinations in France // Fortnightly Review. 1867. P. 220–225, 296–309; *Ferrette H.* Manuel de législation industrielle. 1909; *Ollivier É.* Commentaire de la loi du 25 mai 1864 sur les coalitions. 1864.

нятие этого закона, добивались не только освобождения рабочих, но, как и Оливье, надеялись изменить их наклонности. По этой причине закон оказался ограниченным, усложненным и изобиловал пробелами. Его принятие принесло много неожиданных результатов*

Профсоюзы могли теперь образовываться без какого-либо специального правительственного разрешения при условии предоставления в муниципалитет копии устава и списка руководителей. У многих рабочих, посчитавших это полицейской мерой, появилось недоверие к закону в целом, хотя на самом деле он как раз и положил конец праву полиции присутствовать на любом собрании. Большое число союзов отказывалось от регистрации, оставаясь практически вне закона; некоторые потом были распущены в судебном порядке. Профсоюз мог состоять только из людей близких профессий или работающих на одном производстве — это исключало возможность сделать должности руководителей союзов освобожденными, поскольку могло послужить поводом к роспуску организации по суду. Деятельность союзов должна была ограничиваться изучением состояния дел и защитой своих интересов в экономике, промышленности, торговле, сельском хозяйстве. Это означало, что они не могли заниматься политикой. На практике, конечно, этот запрет редко соблюдался, но он вызывал возмущение как еще одна угроза существованию союзов. Временами происходили судебные преследования, например, председатель союза официантов и рестораторов в Мерт-и-Мозеле был оштрафован на 50 франков за то, что побуждал членов союза голосовать определенным образом на выборах муниципального совета. Но гораздо чаще это законодательное ограничение использовалось против религиозной пропаганды — как, например, в случае с кюре из Фермеля, который, не сумев получить разрешение на открытие католического клуба, организовал для маскировки сельскохозяйственный профсоюз (1892). В том же году он был распущен за проведение религиозных лекций в занимаемых им помещениях. Суды постепенно признали право профсоюзов на участие в избрании членов советов сведущих людей, но не депутатов. Государственным служащим было запрещено образовывать союзы, в 1903 году суд даже постановил, что рабочие парижской канализации относятся к государственным служащим. Требование ограничиваться «изучением и защитой» экономических интересов не позволяло профсоюзам непосредственно осуществлять торговую или производственную деятельность. Это ударяло по сельскохозяйственным союзам. Их создание первоначально вообще не собирались разрешать, а слово *agricole* появилось в законопроекте уже в ходе обсуждения в парламенте. Тем более удивительно, что именно сельскохозяйственные профсоюзы больше прочих поощрялись законом. Суды

* *Finance I.* Les Sindicats professionels devant les tribunaux et le parlement depuis 1884. 1911.

решили, что они могут покупать удобрения для перепродажи своим членам, и если они при этом не станут получать прибыль, это не должно рассматриваться как незаконная коммерческая деятельность. Воодушевленные этим, союзы стали торговать семенами, машинами и, в конце концов, любыми другими товарами, не стесняясь открывать свои магазины. Конкурирующие лавочники, недовольные потерей покупателей, подавали на них в суд, и в 1908 году Кассационный суд постановил (или, скорее, подтвердил то, что и так было прекрасно известно), что торговля с целью получения прибыли профсоюзами является незаконной. Само существование сельскохозяйственных профсоюзов, достигших своих впечатляющих размеров благодаря тому, что они функционировали практически в качестве кооперативов, было поставлено под угрозу.

Профсоюзы имели право подавать в суд и могли привлекаться к суду, но не могли владеть землей или строениями, кроме необходимых непосредственно для их собраний, библиотек и курсов профессионального обучения. Право получения ими пожертвований не оговаривалось в законе, но суды вскоре разрешили это. Эти ограничения отражали застарелый страх перед «правом мертвой руки»*. В их защиту говорилось, что они мешают профсоюзам накопить богатства и стать консервативными, как это произошло в Англии. На самом деле профсоюзы не становились богаче, поскольку не могли собирать взносы: у них никогда не было денег, чтобы их копить. Их право на владение другими видами собственности — то есть деньгами и акциями — никак не было ограничено. Более существенным было, возможно, то условие, что хотя союзы могли предоставлять пособия в качестве обществ взаимопомощи, средства для этого должны были храниться совершенно отдельно и не использоваться для поддержки забастовок. Это было сделано в попытке защитить сбережения рабочего для пенсии или медицинского страхования, но на практике отбивало у профсоюзов охоту оказывать такую помощь в сколько-нибудь значительных размерах. Подозрение, которое вызывало рабочее движение, демонстрирует, наконец, положение, принятое после сильного сопротивления сената, которое разрешало профсоюзам создавать федерации, но отказывало последним в правах на владение недвижимостью и обращение в суд.

Законом много раз пренебрегали во Франции, его все чаще попирали революционеры, поэтому, в отличие от Англии, для профсоюзов не так уж важно было добиваться поправок к нему. Суды, кроме того, давали до некоторой степени разные толкования закона, немногие дела направлялись в вышестоящий суд, но даже он иногда избегал рассматривать вопрос по существу. Сталкиваясь с угрозой санкций, профсоюзы предпочитали самороспуск и создание вновь обращению с апелляцией. Главным дефек-

* Неотчуждаемое право собственности на недвижимость принадлежащую какой-либо организации — Прим. ред.

том закона, с их точки зрения, было то, что работодатели могли продолжать преследовать членов профсоюзов. Законопроект, призванный положить этому конец, принимался депутатами в 1889, 1890 и 1895 годах, но постоянно отвергался сенатом. Закон от 27 декабря 1890 года, конечно, позволял рабочему требовать компенсации от работодателя, уволившего его за принадлежность к профсоюзу, но доказать, что именно это послужило причиной, обычно было нелегко. Право подавать в суд для возмещения ущерба на самом деле более эффективно использовалось предпринимателями. Несколько судебных дел вскоре показали, что право на забастовку серьезно ограничивается законодательством о нарушении договоров. Кассационный суд 18 марта 1902 года постановил, что стачка является нарушением договора, если хозяин не был предупрежден о ней. В судебном деле слесаря Луашо, послужившем прецедентом, его работодатель добился возмещения ущерба, поскольку Луашо не предупредил заранее, что прекратит работу. Несколько других дел показали, что закон 1864 года не дал право бастовать, а лишь упразднил уголовные (но не административные) наказания за участие в забастовках. Кроме того, право на стачку находилось в зависимости от действий забастовщиков. Использование угроз могло сделать забастовку незаконной. Несмотря на отмену статьи 416, гарантировавшей право на труд, пикетирование не было прямо разрешено. «Мошенничество» забастовщиков могло привести к увеличению компенсации, выплачиваемой работодателю. Так, Рессегье выиграл дело против Жорэ, которого он обвинял в подстрекательстве его рабочих во время забастовки в Кармо оскорбительными и клеветническими статьями и речами. Третье ограничение права на забастовку было связано с ее целями. Кассационный суд в 1896 году постановил, что забастовка является законной, если проводится для защиты профессиональных интересов, но не когда «из чистого недоброжелательства» пытаются заставить хозяина уволить рабочего, на которого не было «серьезных жалоб», или пытаются заставить рабочего вступить в союз, или отстаивают частные интересы в ущерб общим. Союз обязывали выплачивать компенсации, когда, например, рабочий, внесенный профсоюзом в черный список, не в состоянии был устроиться на работу, поскольку предприниматели опасались его нанимать. Также могли потребовать возмещения убытков от профсоюза, который после забастовки вносил в черный список работодателя: месть была под запретом. Это означало, что суды оставляли за собой право исследовать каждый случай стачки, чтобы решить, была она законной или нет. Даже когда закон 1884 года был в 1901 году дополнен законом об ассоциациях, позволявшем любой группе людей объединяться независимо от того, принадлежат ли они к одной профессии, на пути профсоюзного движения все еще оставалось много

препон. Но ошибкой является распространенное мнение, что закон серьезно препятствовал росту мощных профессиональных союзов. То, что они не развивались быстрее, было следствием более глубоких причин, связанных с самим характером французского общества.

Традиции

О численности пролетариата с полной уверенностью говорить довольно затруднительно. В промышленности было занято от четверти до трети занятого населения. Исключая работодателей, получаем 2,7 миллиона рабочих при Наполеоне III, 3,0 миллиона в 1876 и 1886 годах, 3,3 миллиона в 1891 году, 4,8 миллиона (рекордное значение) в 1931 году, но только 3,7 миллиона в 1936 году. К ним, возможно, следует добавить четверть миллиона конторских служащих, работавших в промышленности в XIX веке и полмиллиона — после войны. Конечно, не все рабочие были мужчинами, как не все получали зарплату только на промышленных предприятиях. В 1906 году, когда общая численность самодеятельного населения составляла 20 миллионов, 11,7 миллиона относились к категории лиц наемного труда, среди них было 4,1 миллиона женщин. Но 2,09 миллиона из этих предполагаемых пролетариев на самом деле были ремесленниками, работавшими на себя, а не наемными рабочими в строгом смысле слова — едва ли они существенно отличались от 2,08 миллиона других ремесленников, зачисленных в разряд *petits patrons**, хотя они никого не нанимали. В 1906 году только 742 тысяч человек работали на промышленных предприятиях с численностью занятых свыше 500 человек. Статистику следует считать приблизительной, детальное исследование часто вступает с ней в противоречие. Так, нельзя наверняка говорить о том, число рабочих при Второй империи росло, хотя много написано о быстрой индустриализации в этот период. Пожалуй, имел место рост фабричных рабочих за счет ремесленников, но их совокупная численность увеличилась не слишком сильно. То, что ремесленники продолжали существовать, иллюстрируют следующие данные за 1872 год:

горная промышленность — 14000 работодателей и 164000 рабочих;

фабрики — 183000 работодателей и 1112000 рабочих;

мелкая промышленность — 596000 работодателей и 1060000 рабочих.

Занятые в промышленности все еще примерно поровну распределялись между фабриками и мелкими мастерскими, и только в 1890-х годах преимущество первых стало очевидно. Изменения происходили в разной степени: концентрация в текстиль-

* Мелкие хозяева (фр.).

ной и металлургической отраслях быстро произошла еще при Второй империи, тогда как строительная отрасль (третья по численности занятых) даже в 1914 году оставалась преимущественно ремесленной. Концентрация происходила в небольшом числе регионов (см. карту 3). Основная часть страны ощущала ее последствия косвенно. В 1920-е годы картина усложнилась из-за появления массового производства, в большом количестве порождавшего полуквалифицированных рабочих, отличавшихся от работников традиционных компаний.

Невозможно, таким образом, говорить о пролетариате как об однородном классе, поскольку он все время менялся, а вариации внутри него были весьма велики. При Второй империи некоторые рабочие зарабатывали в пять-семь раз больше других. Производители фарфора в Лиможе, например, или стеклодувы Луары, зарабатывавшие по 10 франков в день, были настоящими аристократами в сравнении со своими подручными, и еще меньше общего у них было с ткачами Мюлуза, получавшими только 1,65 франка. В среднем металлисты получали 3,5—4 франка в день, но при этом в некоторых бригадах Le Creusot зарплата составляла 10—11 франков, тогда как в самом низшем слое этой профессии вынуждены были довольствоваться 1,5—2 франками* Многие ремесленники не только занимались физическим трудом, но также торговали собственной продукцией, владели средствами производства и своими мастерскими. Невозможно считать их последовательными врагами буржуазного порядка. Исследование положения рабочего класса, проведенное в 1872 году, выявило, что 80% работодателей прежде были рабочими, а еще 15% являлись сыновьями рабочих†. Внутренние противоречия среди рабочих были даже глубже, чем среди буржуа. Дробление правящих классов на многочисленные партии, пронизанные духом индивидуализма, не в меньшей степени было свойственно рабочим. В этом одна из фундаментальных причин медленного роста профсоюзного движения до Первой мировой войны.

Гильдии Старого порядка не являются предшественниками современных профсоюзов, но они показывают традиционную разобщенность трудящихся, существовавшую на протяжении веков. Часто считается, что в гильдии входили все купцы и ремесленники данного региона. Это не так. В некоторых городах (например, в Лионе) гильдий не было вовсе; какие-то профессии обходились без них; некоторые ремесленники не желали вступать в них, особенно работавшие сами на себя; большинство сельских ремесленников находились вне этой системы. Гильдии действительно были привилегированной аристократией, имевшей множество врагов в рабочем классе. Они не следовали единому образцу и предполагали различные степени равенства своих членов. Разные ремесла обычно враждовали друг с другом, также как постоянно

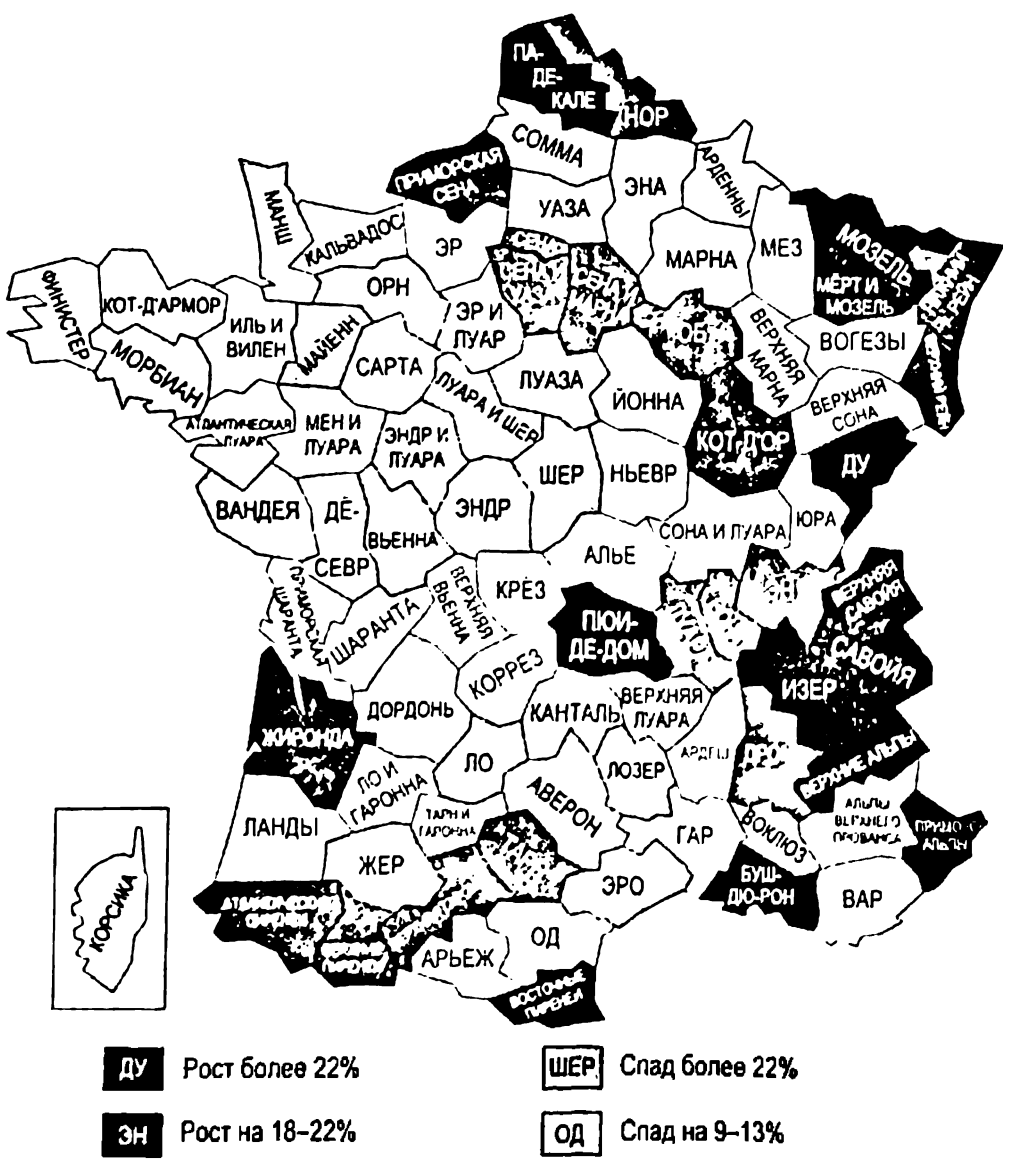
* *Duveau C.* La Vie ouvrière en France sous le second empire. 1946. P. 302–313.

† *Duveau C.* Op. cit. P. 415; Journal Officiel. 1875. 19 Nov. P. 9466.

конфликтовали и судились гильдии разных городов и гильдии сходных профессий. Идея объединения на федеративных началах была им совершенно чужда.

Объединение рабочих против их хозяев уходит корнями к организации, известной как Compagnonnage (Компаньонаж), которая заслуживает более детального описания, поскольку в 1848 году она все еще была очень влиятельной силой. Подобно среднему классу, обретшему в масонстве институт, в опоре на который он начал атаку разом на старые порядки, монархистов и церковь, так и рабочий класс (или, точнее, ремесленники) располагали аналогичной организацией в лице Компаньонажа, чьи мистические обряды своей сложностью и функционирование секретностью не уступали масонским. В случае ремесленников это, однако, служило не объединению, а разделению, что объясняет их столь долгую замкнутость в своем мире, где они чаще сражались друг с другом, чем с хозяевами.

Компаньонаж был организацией учеников и подмастерьев. Его образование стимулировалось частым перерождением средне-



Карта 3. Рост промышленности в 1906–1931 гг. Источник: *Sauvy A.* Histoire économique de la France entre les deux guerres. 1961. I. P. 274

вековых гильдий в олигархии, в которых доминировали мастера. Вступительные взносы были велики, и статуса мастера становилось добиться все труднее. Гильдии зачастую решали приостановить прием мастеров на десять-двадцать лет или ограничить его только сыновьями мастеров. Подмастерья поэтому образовывали свои тайные общества, отсюда сложные ритуалы посвящения, секретные знаки и мистицизм. Эти общества рекрутировали членов из молодежи в возрасте 18—25 лет. Прочность их положения поддерживалась тем, что они помогали молодым ремесленникам совершенствовать свои профессиональные навыки и находить работу в ходе их *tour de France*. Обычным делом среди ремесленников было по достижении зрелости провести несколько лет в странствиях по стране, повышая свое искусство изучением различных приемов работы и расширяя кругозор, узнавая то, чему не научили их отцы. Вступив в Компаньонаж, они могли в каждом городе найти членов своего общества, готовых предложить им временное жилье *chez la Mure** (что-то вроде общежития, где постояльцы могли жить в долг, пока не найдут работу), и местного представителя (*rôleur* или *rouleur*), который подыскивал им работу. В пору своего расцвета Компаньонажи зачастую могли монопольно контролировать эту мигрирующую рабочую силу; выступая посредниками, были способны принудить работодателей к тому, чтобы не опускать зарплаты ниже определенного минимума, а подмастерьев — не соглашаться на более низкое жалованье, которым их, как чужаков, могли бы заставить удовлетвориться. Они могли подвергать бойкоту несговорчивых нанимателей, даже организовывать забастовки. Кроме того, они оказывали помощь заболевшим и попавшим в тюрьму.

Компаньонаж, однако, не объединил ремесленную молодежь — скорее наоборот. Представители примерно тридцати ремесел, составлявшие его, разделялись на три различные фракции. Enfants de Salomon† считали, что их общество основано царем Соломоном в награду ремесленникам, строившим по его приказу храм. Enfants de Maître Jacques‡ называли своим основателем французского каменщика из Сен-Ромили, отличившегося на строительстве храма. Enfants de Père Soubise§ вели происхождение от плотника, который работал вместе с Жаком, но потом поссорился с ним, а его приверженцы впоследствии Жака убили. По другой версии, папаша Субиз в XIII веке плотничал в бенедиктинском монастыре, а его общество образовалось вследствие раскола в Enfants de Maître Jacques, произошедшего во время строительства Орлеанского кафедрального собора. Существование этих разных течений делало представление о классовой солидарности несколько туманным. Ремесленники из соперничающих обществ отказывались работать вместе. В Париже демаркационная линия проходила по реке, и каждое из конкурирующих объединений

* У матушки (фр.).
† Дети Соломона (фр.).
‡ Дети мастера Жака (фр.).
§ Дети папаши Субиза (фр.).

плотников, например, обладало монополией на работу на левом или правом берегу. Членство в том или ином обществе проявлялось во внешнем виде. Принадлежности к каждому ремеслу в каждом обществе соответствовал пучок цветных ленточек разных сочетаний и длины, носимый в петлице или на шляпе; некоторые щеголяли серьгами со значками, обозначающими профессию; гвоздильщики носили длинные волосы, заплетавшиеся в косички; все ходили с тростями, у более воинственных группировок ремесленников они были длинные, снабженные железными или медными деталями. Каждое общество имело свои песни и баллады, многие из которых восхваляли свою группировку и оскорбляли чужие. Ряд ремесел были знамениты своими *hurlements**, своего рода речитативом, когда слова произносились так, что их понимали только свои. За это умение некоторые профессии получали имена Собак, Волков, Оборотней, которые с гордостью носили.

Три общества были основаны каменщиками и плотниками, и они постепенно открывали двери для других ремесел и посвящали их в свои обряды. В результате возникало множество споров, поскольку почти всегда находились профессии, считавшие другие ремесла низкими и недостойными принадлежать к Компаньонажу. Ковочные кузнецы, например, отказывались знаться с шорниками. Кузнецы согласились на вступление колесных мастеров при условии, что те будут носить свои ленточки в более низкой петлице, нежели кузнецы. Но колесные мастера не сдержали слова и стали носить ленточки так же высоко, как и кузнецы — отсюда их непримиримая вражда. Пекари вообще не были допущены, хотя плотники и соглашались выступить их поручителями при условии внесения взноса и обещания не носить трости в течение семи лет. Ткачи и сапожники оставались париями, последних особенно ненавидели за то, что они проникли в секреты Компаньонажа без его ведома по неосторожности одного из посвященных. Возможно, что хорошо известный радикализм сапожников XIX века был следствием этого презрения со стороны других работников, тогда как Компаньонаж в целом, безусловно, поощрял консерватизм и чувство гордости групповыми традициями.

Результатами этих неприязненных отношений были частые стычки. Когда два «компаньона» встречались на большой дороге, они исполняли ритуал *topage*. «Topé!»[1] — кричал один. «Topé!» — отвечал другой. Затем они могли спросить о ремесле и обществе друг друга. Если они принадлежали к одному обществу, то могли отхлебнуть друг у друга из фляжек либо отправиться в ближайший трактир и устроить пирушку. Если же кто-то из них считал свою профессию или общество выше, то угрожающе поднимал трость и требовал убраться с дороги. Обычно

* Завывания (*фр.*).
[1] Бьем вдвоем! (*фр.*)

возникала драка, понесенный в драке ущерб потом требовал возмездия. В городах давались генеральные сражения: газеты периода Реставрации пестрят сообщениями о кровавых, иногда со смертельным исходом, стычках больших групп противостоящих сторон. Сорвать с другого «компаньона» ленточки значило нанести ему жестокое оскорбление, отобрать трость — совершить доблестное дело. Временами споры разрешались мирным путем — состязанием в мастерстве. Представителей разных обществ закрывали на замок, иногда на несколько месяцев, для изготовления «шедевра». Члены проигравшего общества с позором изгонялись из города.

Компаньонаж был организацией молодых людей, которые, закончив свой *tour de France*, обычно покидали ее, «выражая благодарность обществу». Во многих городах бывшие члены создавали общества взаимопомощи, чтобы обеспечить средства к существованию в старости или при потере работы — отчасти из них позднее развились профсоюзы. По оценкам, в период правления Луи-Филиппа каждые три года через Компаньонаж проходило сто тысяч ремесленников* Он, очевидно, оказал сильное влияние на рабочий класс, но тогда организация уже находилась в состоянии разложения. Пика своей активности она достигла в эпоху Реставрации, но тогда же приобрела черты, впоследствии ускорившие ее распад. Претенденты (или новички) все чаще жаловались на чрезмерную суровость церемоний посвящения, на величину сумм, которые дерет с них *rouleur* за поиск места работы, на привилегии, которые пытались присвоить себе более старшие члены. При Июльской монархии, как своего рода повторение революции 1830 года (хотя есть некоторые свидетельства, что это случилось еще в 1823 году в Бордо), многие соискатели взбунтовались, ушли и создали новое общество, Société de l'Union (оно же Indépendants или Révoltés), в котором все были равны, а ритуал инициации и тайные обряды либо отменялись, либо становились более гуманными. На деле, однако, эти новые «независимые» только способствовали обострению конфликтов, поскольку сохранили привычку лезть в драку со своими соперниками.

Именно на таком фоне следует рассматривать движение за братство, достигшее кульминации в 1848 году. Реформаторов, проповедовавших объединение рабочего класса, было немного, они, скорее, действовали вопреки почти всеобщему раздроблению на группировки. Агриколь Пердигье, столяр из Авиньона, был почти совершенно одинок в своих попытках изменить сам дух Компаньонажа, переписывая воинственные песни «компаньонов» для выражения более нежных чувств: он стимулировал появление новых баллад, заслуживающих изучения в качестве подлинной литературы рабочего класса. В 1839 году он издал эти песни вместе с описанием жестоких обычаев «компаньонов»

* *Perdiguier A.* Le Livre du Compagnonnage. 1841. 1. P. 68. Ср.: *Perdiguier A.* Mémoires d'un compagnon. 1914; *Briquet J.* Agricol Perdiguier. 1955.

и призывом к исправлению. «Нас обвиняют в том, что мы варвары, бандиты, убийцы»,— писал он в отрывке, хорошо раскрывающем характер классовых отношений в эпоху Луи-Филиппа, ограниченность устремлений и взаимную неприязнь рабочих. «Богатые и власть имущие имеют нелестное мнение о наших способностях, возможно, не без основания. Они оспаривают наши гражданские и политические права. Многие люди вслед за ними соглашаются с этим суровым приговором. Если мы хотим уменьшить справедливое негодование наших братьев по труду, если мы хотим заслужить уважение и почтение со стороны тех, в чьих руках находятся власть и судьбы народа, если мы хотим приблизиться к ним и на самом деле стать с ними наравне, то давайте не будем отвергать друг друга, ведь пока мы поступаем так, они имеют право отвергать нас». Пердигье получил определенную поддержку, но также подвергся жестоким нападкам многих собратьев-ремесленников, полагавших, что книга о них должна прославлять их искусство и расхваливать достоинства их замкнутых сообществ. Автору удалось вызвать прилив энтузиазма преимущественно в среде романтиков, и Жорж Санд в 1841 году написала слащавый роман во славу сильно идеализированного странствующего подмастерья будущего* В 1848 году поначалу казалось, что надеждам на примирение ремесленников суждено сбыться. Пердигье был избран в Учредительное собрание от Парижа (показательно — получив больше голосов, чем Ламенне). Был учрежден комитет для создания федерации всех Компаньонажей. 21 марта 1848 года восемь-десять тысяч «компаньонов» прошли маршем по Парижу в доказательство своего примирения. Несколько ранее отверженных профессий были допущены в движение. Даже сапожники, в 1847 году уже добившиеся некоторого признания в Лионе, были приняты в 1850 году в девять корпораций. Но проект унификации всех обществ и ритуалов «компаньонов» полностью провалился. Вскоре произошли новые расколы и склоки.

Крах всей затеи произошел на фоне развала движения, чья судьба была предрешена. Замкнутость сообществ «компаньонов», их вышедшие из моды одеяния, суровость ритуалов и третирование новичков делали их все менее популярными среди молодежи. С появлением железных дорог путешествие перестало быть приключением, практика *tour de France* отошла в прошлое. Индустриализация подрывала старые устои. При Второй империи Компаньонаж быстро деградировал и к 1870 году потерял значение†.

Он не исчез полностью, в 1900 году все еще насчитывалось примерно десять тысяч «компаньонов». Около четверти из них входили в новую Fédération Compagnonique (позже переименованную в l'Union), образованную в 1874 году с намерением сделать организацию современной и объединить все общества. Но-

* «Compagnon du Tour de France»

† Sewell W. H. La Clause ouvrière de Marseille sous la seconde république // Le Mouvement Social. 1971. July–Sept. P. 27–63 (эта работа имеет выдающееся значение для изучения различных категорий рабочих в этот период)

вое образование имело в основном искусственный характер: федерация пыталась учреждать общества «компаньонов» в тех профессиях, где их никогда не было, например, среди механиков, или заявляла, что имеет «форпост» в Буэнос-Айресе, основанный каким-то эмигрантом. Ее съезды имели важное значение только для этого собрания архаических и эзотерических кружков. Истинный Компаньонаж сохранялся преимущественно в профессиональной среде ковочных кузнецов, колесных мастеров, кузнецов, кровельщиков, мастеров по кладке черепицы, слесарей. Это были настоящие пережитки доиндустриальной Франции, сохранявшиеся, однако, не только на селе — в 1900 году в Париже все еще было свыше 800 «компаньонов» среди плотников.

Профсоюзы

Развитие амбиций пролетариата можно проследить по истории образования профсоюзов. Печатники одними из первых создали эффективную организацию. Уже в 1830 году парижские наборщики имели сорок обществ взаимопомощи; в 1833 году они основали Association libre typographique с задачами, вполне соответствовавшими профсоюзным: добиваться от всех работодателей единообразия в оплате труда, предоставлять пособие по безработице и другие виды поддержки, улучшать моральное, материальное и интеллектуальное положение всех трудящихся, делая особенный упор на развитие коллективизма* К 1842 году они добились единой шкалы заработной платы — первый случай соглашения между союзом и работодателями. Они не стремились к свержению общественного строя или политического режима, быстро, хотя и неохотно, примирившись со Второй империей и приняв председателя, предложенного Наполеоном III, чтобы продолжить существование в законном статусе общества взаимопомощи. В 1861 году на их банкете даже играл оркестр 33-го пехотного полка, предоставленный в их распоряжение маршалом, командовавшим парижским гарнизоном, что было знаком благосклонности властей. Это сделало возможным заключения нового соглашения о заработной плате в 1862 году, когда же сопротивление некоторых работодателей вызвало стачку и забастовщики были арестованы и признаны виновными, Наполеон III помиловал их. С согласия правительства общество взаимопомощи официально преобразовалось в профсоюз в 1867 году. Он не вступил в Интернационал†, даже несмотря на то, что один из основателей последнего, Лимузен, был печатником. Однако, хотя этот союз и находился на консервативном фланге рабочего движения этого времени, он делал щедрые пожертвования революционно настроенным рабочим, в том числе Интернационалу (2000 франков) и бастующим ткачам фабрики Elbeuf (500 франков)‡.

* *Chauvet P.* Les ouvriers du livre en France. 1956. P. 213.

† Первый Интернационал (основан 28 сентября 1864 г. в Лондоне Карлом Марксом, существовал до 1876 г.). Второй Интернационал был основан в Париже в 1889 г.

‡ *Chauvet P.* Op. cit. P. 310.

На заре существования Третьей республики в среде печатников произошел вызванный политическими причинами раскол на три почти равные группы. Парижане, ведомые Алари, главным образом интересовались созданием кооперативных типографий, то есть выкупом их у хозяев. Социалисты, руководимые Альманом, находили поддержку преимущественно в провинции и живо интересовались международными и организационными аспектами рабочего движения* Те и другие потерпели поражение от человека, ставшего лидером умеренного крыла французского профсоюзного движения — Огюста Кёфера. Этот замечательный человек стал секретарем союза типографских рабочих в 1884 году и ушел с этого поста только в 1920 году. Родившийся в 1851 году в Эльзасе в семье фабричного рабочего, рано осиротевший, после аннексии Эльзаса Германией он перебрался в Лон-ле-Сонье, где познакомился с доктриной позитивизма, на всю жизнь определившей исповедуемые им убеждения. Его веру в религию гуманизма укрепили лекции Пьера Лафита, которые он посещал по приезде в Париж†. Со своими политическими взглядами Кёфер смотрелся достаточно неуместно в рабочем движении. Как бы то ни было, его идеи прекрасно подходили союзу, который он возглавлял. Он был против классовой борьбы и насилия, верил, что к лучшему обществу нельзя прийти путем революции, но только через изменение сознания, замещение эгоизма альтруизмом. Тем временем профсоюзы должны добиваться улучшения положения рабочих: вступать в переговоры с работодателями, создавать смешанные комиссии, использовать забастовки только в крайних случаях, как последний довод‡.

Критическим для печатников стал 1878 год, когда забастовка с требованием роста заработной платы не только обескровила союз, но и привела к тому, что многие крупные работодатели (особенно Мам, главный издатель католической литературы) перевели дела в провинцию, где уровень зарплат был ниже. Это подвигло парижан к основанию в 1881 году Национальной федерации. Именно под руководством Кёфера она превратилась в мощную и богатую организацию. В отличие от других, эта федерация сохраняла централизованное управление денежными средствами и забастовочным движением, и только мелкие вопросы решались на местах. Членские взносы были одними из самых высоких в стране: Кёфер постепенно поднимал их с 35 сантимов в месяц в 1881 году до 2 франков в 1904 году, поэтому союз был способен назначать и выплачивать значительные пособия. Не желавший разрыва с буржуазным обществом, Кёфер поддерживал тесные связи как с предпринимателями, так и с правительством. В 1895 году владельцы и работники типографий провели свои съезды одновременно в одном городе — Марселе — и обменялись дружелюбными посланиями, а Кёфер был зван на обед к хо-

* Les Associations professionnelles ouvrières. 1899–1904. 1. P. 846–847, 860.

† *Montreuil J.* Histoire du mouvement ouvrier en France. 1946. P. 200–201; Auguste Keufer. 1925.

‡ *Keufer A.* L'Éducation syndicale: exposé de la méthode organique. 1910. P. 14–15, 43–44; *Idem.* Rapport sur l'organisation des relations entre patrons et ouvriers. 1920.

зяевам. В 1898 году были учреждены смешанные комиссии на общенациональном уровне. Кёфера можно было часто видеть в министерствах: Фонтен, возглавлявший министерство труда, и Финанс, один из его высших чиновников, были позитивистами, равно как и Фаньо, бывший типограф, занявший пост в министерстве общественных работ. Кёфер долгое время был заместителем председателя Conseil supérieur du Travail, председателем которого был министр торговли. Благодаря этому он мог определять своих людей на работу в Imprimerie Nationale (крупнейшую типографию страны), а также добиваться других рабочих мест и наград от правительства. Профсоюзный казначей Голь получил орден Почетного легиона, хотя сам Кёфер от этой награды отказался* Свою независимость Кёфер продемонстрировал в 1906 году, когда развернулось движение за восьмичасовой рабочий день. Его союз открыто заявил, что считает невозможным достичь этой цели немедленно, что необходимо сначала добиться девятичасового рабочего дня и что он не присоединится к общенациональным забастовкам мая 1906 года, пока не будут исчерпаны все возможности для переговоров. Кёфер встречался с национальным объединением работодателей в Париже, но те большинством в 232 голосов против 179 отвергли идею предоставления девятичасового рабочего дня. Затем он пытался достичь соглашения с более мелкими группами предпринимателей на местном уровне, и только потерпев неудачу, дал разрешение на забастовку. Она в целом была успешной, для чего на кампанию пришлось потратить свыше полумиллиона франков. Но борьба была особенно ожесточенной на севере страны, где начисто отсутствовало стремление к взаимопониманию между хозяевами и рабочими†. Это региональное отклонение очень показательно. Невозможно сделать простой вывод из опыта типографских рабочих и утверждать, что если бы другие профсоюзы придерживались подобной же политики, то удалось бы избежать ожесточения рабочего класса.

Шахтеры медленнее шли к своему объединению, и даже когда они встали на этот путь, то оставались несколько обособлены от остальной части рабочего класса. Они очень доверяли государству и ожидали от него улучшения своей доли. Получив благодаря специальному законодательству привилегированное положение, они старались быть сдержанными, чтобы не потерять его. Они демонстрировали отсутствие солидарности, отказываясь выступать совместно с другими рабочими и даже вместе с шахтерами других областей. Долгое время их организация была самодостаточна, хотя ее раздирали многочисленные и разнообразные противоречия. Шахтеры могли быть большой силой в освобождении рабочего класса, и среди них могло возникнуть действительно

* *Harmel M.* Keufer // Les Hommes du jour. 1910. 27 Aug.
† *Keufer A.* Les Crèves de mai dans l'industrie du Livre // La Revue syndicaliste. 1906. Jily–Sept. P. 51–55, 83–89, 109–115.

массовое движение, но они проявляли парадоксальное неприятие всеобщей стачки. Так что революционная агитация воспламеняла сердца представителей тех профессий, которые совершенно неспособны были выполнить ее угрозы.

Уже при Луи-Филиппе кровавые стачки происходили в каменноугольных бассейнах департаментов Нор и Луара, но это были спонтанные вспышки гнева, а не действия профсоюзов. В департаменте Луара существовали какие-то зачаточные формы рабочих объединений, но их программа и организация были слишком примитивны. В отличие от политически сознательных ремесленников этого региона, шахтеры были в основном крестьянами-мигрантами из отсталых горных районов (департаментов Верхняя Луара, Крёз, Пюи-де-Дом)*. Их объединение подстегнули шахтовладельцы, компании которых слились в единую Compagnie de la Loire. В 1852 году энергичный шахтерский вожак Гарон отправился в Париж и добился встречи с принцем-президентом республики. В результате шахтерам были сделаны некоторые уступки, а работодателей заставили разделиться на четыре компании. Шахтеров явно одолевала ностальгия по временам мелких, не оснащенных механизмами шахт, управляемых не далекими от рабочих инженерами, а старшими, избираемыми из своих рядов†. Двенадцать лет спустя новый вождь шахтеров, Мишель Ронде, вновь апеллировал к государству. Он, однако, в отличие от Гарона не ждал, что государство заступится за рабочих по собственному почину. Он предполагал подтолкнуть государство к действию, выдвигая на первый план те проблемы, от решения которых власти трудно будет уклониться. Он показал, что работодатели незаконно манипулируют страховым фондом шахтеров, и успешно судился с ними, пригласив представлять на процессе интересы рабочих адвоката Жюля Фавра; в результате правительство позволило ему создать фонд, управляемый самими шахтерами (La Société Fraternelle). Половина пути к профсоюзу, таким образом, была пройдена, но эта организация не могла контролировать шахтеров, и их спонтанная, имевшая гибельные последствия стачка 1869 года уничтожила все плоды трудов Ронде. Сам он был приговорен к семи месяцам заключения, и заигрывание с империей закончилось. Провозглашая 5 сентября 1870 года в Рикамари республику, Ронде разбил статую Наполеона III под рукоплескания толпы; затем он входил в Коммуну Сент-Этьена и был осужден на пять лет. Эти схватки с властью, однако, не сделали из него революционера, со временем он стал более умеренным и миролюбивым, сосредоточившись на осуществлении сугубо прагматической программы: восьмичасовой рабочий день, пенсии, шахтерские представители, наблюдающие за соблюдением техники безопасности, советы сведущих людей. В 1882 году он отправился в Париж для агитации среди

* *Faure P.* Histoire du mouvement ouvrier dans le département de la Loire. St. Étienne, 1956. P. 39.

† *Guillaume P.* Grèves et organisations ouvrières chez les mineurs de la Loire au milieu du 19e siècle // Le Mouvement social. 1963. Apr.–June. P. 5–18.

делегатов, встретился в том числе с Вальдеком-Руссо и заручился его поддержкой. Вскоре были внесены первые законопроекты, и Ронде приобрел общенациональную известность как сторонник постепенных улучшений с помощью правовых мер. Даже конечная цель, по его мнению, может быть достигнута мирным путем: «Правительство просто должно аннулировать разрешения на добычу угля, государство должно *выкупить* шахтное оборудование и эксплуатировать его самостоятельно с выгодой для всех»* Ронде ездил по шахтерским регионам и активно пропагандировал создание союзов. В 1883 году он организовал первую Шахтерскую федерацию, секретарем которой оставался до 1896 года. При всей своей энергии он, однако, не добился значительного движения вперед в своей отрасли. В конце 1897 года лишь 3497 из 17663 шахтеров департамента Луара состояли в профсоюзах. Более того, они распределялись по десяти союзам, и в крупнейшем из них, возглавляемом Ронде, было всего 1127 членов. Он пытался поднять привлекательность союза, создав библиотеку и общество взаимопомощи, но в последнее вступили только шесть человек. Мелкие соперничающие союзы вели ожесточенную компанию против Ронде в федерации департамента, которую он сам же и основал, но впоследствии утратил контроль над ней, как вскоре потерял контроль и над национальной федерацией†.

Федерация долгое время оставалась бессильной, и инициатива перешла к шахтерам департаментов Нор и Па-де-Кале, чья численность стала резко расти‡. Хотя в 1870-е годы там спорадически проходили стачки, все попытки объединения рабочих оставались неудачными и профсоюз был создан только при поддержке Ронде в Денэне в 1883 году. Его секретарю Бали суждено было до 1914 года оставаться главной фигурой среди шахтеров§. Он следовал той же политике умеренности, что и Ронде, с двумя отличиями: он лично избирался в парламент (депутат от Парижа в 1885 году, проиграл буланжисту в 1889 году, депутат от Лана с 1889 по 1928 год), чтобы осмотрительно совершенствовать законодательство, и не разделял взглядов Ронде на рабочую солидарность. Он не содействовал развитию профсоюзного движения за пределами своего региона и заботился прежде всего о благополучии собственного союза. За год Бали принял в союз половину шахтеров (7000 человек), но бесплодная забастовка на рудниках Анзена в 1884 году, продолжавшаяся 56 дней и приведшая к увольнению тысячи человек, нанесла сильный удар по движению в департаменте Нор. В течение четырнадцати лет после этого в Анзене союзы не создавались. Компания Anzin, сумевшая устоять в забастовке главным образом благодаря низкому спросу на уголь, выработала крайне осторожную политику найма персонала, набирая новых рабочих только из тех, в ком могла быть уверена. Она почти монополизировала местную

* Les Associations ouvrières professionnelles. 1904. 1. P. 344.

† *Bartnel C.* Un Oublié, Michel Rondet // La Vie ouvrière. 1913. 5 Jan. P. 15—24.
Ср.: *Philippe A.* Michel Rondet. 1948.

‡ В Па-де-Кале 10000 шахтеров в 1886 г., 36000 — в 1890 г., в Норе соответственно 15000 и 19000 шахтеров (*Lozé E.* La Crève de 1891 dans les bassins homillers du Nord et du Pas-de-Calais. Arras, 1891. P. 36). Два этих департамента производили 32% французского угля в 1869 г. и 63,3% — в 1903 г. (*Levasseur E.* Questions ouvrières et industrielles en France. 1907. P. 35).

§ *Эмиль Жозеф Бали* (1854—1928) также был мэром Лана с 1900 по 1928 гг., проявив себя с лучшей стороны во время немецкой оккупации.— *Прим. ред.*

торговлю, став для своих рабочих главным продавцом хлеба, бакалейных товаров и одежды, так что тех не было альтернативного источника снабжения или кредита в случае забастовки. Если где-то происходила забастовка, то рабочим в Анзене обещали те же выгоды, которых добьются забастовщики* Стачка 1884 года поддерживалась мелкими торговцами, которые были настроены против тех, кто сотрудничал с компанией Anzin, и компания искала способы уничтожить их. Парадоксально, но мелкие лавочники долгое время оставались главными финансистами забастовщиков, отпуская им товары в кредит, тогда как кооперативы зачастую служили капитализму. Этому не стоит удивляться, ведь многие лавочники являлись бывшими шахтерами, сумевшими преуспеть в жизни. Сам Бали, начавший работать в шахте с десяти лет, будучи уволен за свою профсоюзную деятельность, зарабатывал на жизнь в качестве владельца кафе†.

Улучшение экономической ситуации способствовало возрождению в 1889 году профсоюзного движения на севере (за исключением Анзена), серия забастовок привела к росту зарплат на 20%. Численность профсоюзов стремительно росла, но их лидеры проявляли все меньше боевитости и решительности. Они проповедовали осторожность и умеренность, чтобы не потерять преимуществ достигнутого соглашения («Аррасская конвенция»). Их местная победа усилила изоляцию от шахтеров других регионов страны и от профсоюзного движения в целом. В критические моменты они обращались за поддержкой к депутатам-социалистам, а не к лидерам других профсоюзов. Угроза правительства вернуть войска в казармы в 1891 году вынудила предпринимателей пойти на уступки, что внушило горнякам еще большие надежды на помощь государства против компаний. Последние, в свою очередь, были вынуждены искать более эффективные формы объединения сил‡. В 1893 году у них появилась возможность взять реванш, когда забастовка, которую не санкционировали и которой пытались избежать профсоюзные руководители, показала, насколько ненадежна шахтерская организация. Бали быстро пошел на мировую, сберегая средства союза. Ронде, со своей стороны, отказался поднять луарских шахтеров на забастовку солидарности. Привлечение необычно крупных военных сил (35 рот пехоты, 10 эскадронов кавалерии и 220 жандармов) и марш части забастовщиков для освобождения Анзена, этой «Бастилии Нора», создавали впечатление, что происходит настоящий мятеж. Революционные элементы, однако, составляли незначительное меньшинство (в марше участвовало всего 500 человек), к тому же, как и в большинстве революций, парализованное внутренними разногласиями§.

Революционное меньшинство агитировало за всеобщую стачку, но Бали неизменно срывал эти планы. В конце концов он

* *Lespilette C.* La Vérité sur la grève des mineurs du Nord et du Pas-de-Calais en 1893. Lille, 1894. P. 83–86.

† Он, однако, несколько стеснялся этого и утверждал, что кафе только носило его имя, сам же он никогда там не был.

‡ *Gillet M.* L'Affrontement des syndicalismes... // Bulletin de la Société d'histoire moderne. 1957 Mar–Apr P 7–10.

§ *Lespilette C.* Op. cit. (масса интереснейших подробностей).

согласился на проведение голосования по этому вопросу, когда 1800 шахтеров из Монсо были уволены после неудачной забастовки. Больше голосов было подано за стачку (хотя более половины шахтеров воздержались). Бали проигнорировал результаты голосования и вступил переговоры с правительством. Состоялось еще два голосования горняков, высказывавшихся со все большей решимостью за всеобщую забастовку, но Бали упорно не желал на нее согласиться. Когда же в 1902 году общенациональная забастовка все-таки состоялась, он эффективно ее саботировал, превращая из всеобщей во множество локальных. Всеобщая стачка оказалась гораздо менее разрушительной для национальной экономики, чем этого опасалась буржуазия или рассчитывали шахтеры. Французские горняки в действительности занимали далеко не столь сильные позиции, как их английские товарищи*. Шахтеры Монсо вместе с несколькими другими мелкими союзами в знак протеста вышли из национальной федерации и образовали собственный Union Fédérale. Когда Бали также отказался поддержать бастующих в Коментри, согласившись на правительственный арбитраж, анархист Брушу создал независимый союз в Па-де-Кале†. Эти расколы отсрочили вступление шахтеров в CGT‡. Бали не симпатизировал его революционным целям, в свою очередь CGT опасался отрицательных последствий для своей радикальной политики от появления в своих рядах столь крупного и столь примиренчески настроенного союза. Только на волне эмоций, вызванных арестом в 1908 году ведущих профсоюзных деятелей, шахтеры присоединились к прочим трудящимся, но разногласий это не приглушило§. Молодой союз Брушу не смог революционизировать северных горняков, влияние Бали там оставалось преобладающим. В июне 1913 года Бали даже увел свой союз из Fédération du Sous-Sol и создал сепаратную шахтерскую федерацию более умеренного толка. Противостоящие группировки обменивались гневными обвинениями**

Железнодорожники также были в силах создать действительно мощный профсоюз. В 1854 году их было 44 тысячи, к 1883 году стало 240 тысяч, а к 1914 — 310 тысяч. Их работодатели — полдюжины крупных компаний — были хорошей мишенью. Условия труда были сходны, делая объединение возможным, и при этом вызывали многочисленные жалобы. Компании предельно эксплуатировали своих работников. В 1860-е годы один машинист, которому грозило увольнение за то, что он пропустил три остановки, объяснил, что он просто заснул, потому что работал 38 часов подряд. В петиции, поданной в Национальное собрание в 1871 году, говорилось, что машинисты порой работали без перерыва по сорок часов и часто по двенадцать часов даже

* Documents relatifs à la grève des mineurs de 1902. 1903. P. 23, 94,231.

† *Julliard J.* Jeunes et vieux syndicats... // Le Mouvement social. 1964. Apr.–June. P. 7–30.

‡ Всеобщая конфедерация труда (Confédération Générale du Travail), крупнейший профцентр Франции, основанный в 1895 г.— *Прим. ред.*

§ *Dumoulin G.* La Fédération des Mineurs et la C.G.T // Le Mouvement socialiste. 1908. Nov. P. 321–338.

** *Dumoulin G.* La Fédération des Mineurs // Le Mouvement socialiste. 1908. Oct. P. 241–257 (познавательный исторический очерк); *Merzet E.* L'Unité minière // Ibid. 1907. Jan. P. 75–83; *Dumoulin G.* Le Dernier Congrès des mineurs // La Vie ouvrière. 1911. 5 June. P. 671–680; *Dumoulin G.* Avec le bureau fédéral des mineurs contre Basly // Ibid. 1913. 20 Jan. P. 65–79.

не могли поесть* Только в 1891 году, после многочисленных призывов правительства, их рабочий день был ограничен двенадцатью часами. Но суровые порядки в железнодорожных компаниях сохранялись: существовала сложная система штрафов за нарушение расписания, пренебрежение субординацией, пьянство и всевозможные профессиональные ошибки. А последних совершалось множество. Например, на Северной железной дороге в период с 1900 по 1910 год происходил в среднем один несчастный случай в день. Среди железнодорожников, выходивших на пенсию, 43% за время службы получали хотя бы одну травму. Железные дороги, правда, были пионерами в деле введения системы пенсионного обеспечения, что первоначально выглядело очень привлекательно, но со временем работники стали жаловаться, что она стала орудием закабаления, поскольку в случае увольнения человек лишался своих взносов. Первоначально железнодорожники являлись до некоторой степени привилегированным слоем рабочего класса, но после 1900 года рост их заработной платы перестал поспевать за ростом стоимости жизни. Сами машинисты, когда-то считавшиеся элитой, теперь зарабатывали лишь немногим больше, чем представители верхушки парижских ремесленников, укладчики железнодорожных путей получали значительно меньше землекопов†.

Как бы то ни было, до 1914 года только менее пятой части железнодорожников состояло в профсоюзе. История их попыток объединиться особенно показательна. Первым был основанный в феврале 1848 года союз под названием Société Fraternelle des Mécaniciens Français. Создан он был, чтобы заставить компании при найме отдавать предпочтение французам — в то время треть машинистов Северной железной дороги и все машинисты на линии Париж—Гавр были англичанами. Забастовки, проводившиеся без всякого плана под лозунгами изгнания англичан, не имели успеха и общество исчезло без следа к концу июня 1848 года. Association des Travailleurs des Chemins de Fer Français также возникла после Февральской революции, имела заместителем председателя представителя работодателей, чьи пожертвования поддерживали ее в течение нескольких лет. Ассоциация не имела революционных устремлений, в отличие от Société de l'Union Fraternelle (1871). Это общество надеялось собрать достаточно взносов и построить собственную местную железную дорогу, чтобы защитить своих членов от угрозы безработицы и дать им возможность обрести независимость. В 1880 году Гамбетта и Карно помогли основать еще один союз, который также решал задачи взаимопомощи, предоставляя пенсии, пособия по болезни и ссуды. Некоторые члены стремились использовать его для пропаганды в пользу законодательных мер, улучшающих положение железнодорожников, но инженеры и управляющие компаний в ка-

* Ср.: *Janzé C. A. de.* Les Serfs de la voie ferrée. 1881.

† *Chaumel C.* Histoire des cheminots et de leurs syndicats. 1948. P. 19–23, 87–99; *Caron F.* Essai d'analyse historique... // Le Mouvement social. 1965. Jan.–Mar. P. 3–40.

честве почетных членов пользовались большим влиянием в союзе и фактически превратили его в общество взаимопомощи. Также существовал Syndicat Professionnel (Association Amicale), основанный в 1884 году питавшими благие намерения представителями буржуазии. Под их влиянием этот союз стремился решить проблемы своих членов с помощью долгосрочного плана выкупа акций железнодорожных компаний, провозгласил себя миротворческой организацией и возражал против забастовок. К 1890 году он привлек немногим более 3500 членов, в 1906 году их было 12000.

По-настоящему крупный и независимый союз железнодорожников, Syndicat National, появился только в 1890 году. Он быстро рос; утверждалось, что за десять лет в него вступило 45000 человек (несомненно, сильное преувеличение). Герар, ставший в 34 года секретарем союза и остававшийся на этом посту восемнадцать лет (1891—1909), был необычайно талантливым организатором. Важнейшей целью он считал объединение рабочих в мощные федерации, и всего себя без остатка посвящал задаче собирания сил. Он проповедовал идею всеобщей стачки и организовал две таких, в 1891 и 1898 годах, обе удручающе безрезультатные, так как только ничтожная часть членов его союзов прекращала работу. Хотя Герар выделялся в CGT как один из главных сторонников всеобщей стачки, с годами он стал более умеренным. В девяностые годы он добился одобрения законопроекта (закон Берто, принятый в декабре 1897 года), дающего всем железнодорожникам право на пенсии, но сенат затянул его прохождение до 1909 года. Эта неудача в использовании парламентских методов и отказ работодателей от диалога побудили его к организации всеобщей забастовки 1898 года, чей жалкий провал явился причиной отказа от революционных взглядов. Вскоре его уже обличали за связи с буржуазными парламентариями, за посещение обеда, устроенного Мильераном, и за проповедь взглядов, сходных с теми, что разделял умеренный Кёфер. Поправки, сделанные сенатом к закону о пенсиях железнодорожникам в 1909 году, вызвали такое возмущение, что верх взяли революционеры. Герар ушел в отставку, и в 1910 году прозвучал призыв к всеобщей стачке. Она провалилась, что не удивительно, и революционеры вновь остались в меньшинстве. Этого достаточно демонстрирует то, насколько революционные союзы были далеки от того, чтобы питать непримиримую враждебность к режиму. Их отчуждение от государства в большой степени имело причиной несговорчивость властей и капиталистов. Но политику железнодорожников не следует описывать как борьбу за власть неких группировок с антагонистическими взглядами. Происходила постепенная смена позиций, причем движение происходило в обоих направлениях. Так, когда Герар отказался от революционной

агитации в пользу парламентской, некогда консервативные машинисты севера страны (состоявшие в независимом профсоюзе и не желавшие присоединяться ни к какому революционному движению, олицетворявшие ответственность и лояльность своим работодателям, в основном принимавшие подачки патернализма) неожиданно в 1910 году забастовали, причем более дружно, чем кто бы то ни был — 70% бросило работу. Из тех, кто в результате был уволен, 38% были старше сорока лет (то есть им было уже недалеко до пенсионного возраста, 50 лет), так что некоторые немолодые люди изменили свое отношение к забастовкам. В свою очередь работодатели, с одной стороны, после 1900 года демонстрировали все большее миролюбие и, не признавая этого открыто, начинали вести переговоры с профсоюзами (возможно, поэтому Герар и поменял свою тактику), с другой же стороны, они чувствовали, что не могут более уступать, поскольку доходы сокращались (государство устанавливало предельный размер тарифов), тогда как издержки неумолимо росли*. Впрочем, несмотря на новые веяния, железнодорожники оставались верны себе — даже в 1914 году только 20% из них состояли в профсоюзах. В это число попадало и значительное количество умеренных. Так, например, Восточный союз железнодорожников отказался в 1910 году присоединиться к движению, поскольку большинство его членов не одобряло забастовок†.

В 1900 году в строительстве было занято, по оценкам, 100 тысяч рабочих. Лишь около 30 тысяч из них состояли в союзах, которых было не менее 357. Компаньонаж в этой отрасли обладал большой силой, давними и глубоко укорененными связями, поддерживая разделение строителей не только по специальностям, но и по группам в рамках каждой специальности. Профсоюзы стали вызовом ему, их появление подстегивало желание положить конец привилегиям или даже монополии «компаньонов» при получении работы. Однако сами профсоюзы предали забвению задачу достижения единства ради основания кооперативных ассоциаций, чему особенно благоприятствовала специфика строительных профессий. Закрытый характер этих кооперативов и то, что они часто платили своим членам даже меньше, чем эксплуататоры-предприниматели, вызвало возмущение против них. Как бы то ни было, неоднократные попытки создания национальной федерации (в 1882, 1892 и 1902 годах) давали ограниченные и непрочные результаты. Цеховые профсоюзы, руководимые влиятельными каменщиками и плотниками, предпочли иметь собственные независимые общенациональные федерации, пока забастовки 1906 года не показали слабость и риск такого привычного разделения. Только тогда Fédération Nationale des Travailleurs de l'industrie du bâtiment получила широкое при-

* Caron Op cit. P. 34–40

† Le Congrès des cheminots de l'Est // La Vie ouvrière 1911. 20 Jan. P. 120–122

знание. Ее численность возросла с 9000 человек в 1905 году до 30000 в 1908 году. Однако союз впустую растратил свои средства (в 1911 году не менее 60000 франков было передано в CGT на издание газеты «La Bataille Syndicaliste»), так что когда в 1912 году вспыхнула забастовка, у него не оказалось средств на поддержку своих людей. Численность федерации сразу же сократилась, и продолжала падать, поскольку в том же году был увеличен размер членских взносов. Ее побаивались, представляя революционным чудовищем, периодически набиравшим силу и слабевшим, но она не была настолько грозной, какой казалась* Например, на словах бескомпромиссно требуя восьмичасового рабочего дня, в действительности она мирилась со значительно большей продолжительностью рабочего времени, в некоторых регионах составлявшей в строительной отрасли двенадцать часов в день, поскольку полагала немедленное введение короткого рабочего дня неосуществимым. Пестрота социальных условий во Франции фактически подталкивала к оппортунизму.

Пример того, к чему может привести профессиональный партикуляризм, дает нам история союзов поваров. При Луи-Филиппе в Париже существовало два центра притяжения поваров: общественный клуб La Laurentine и Société des Pieds Humides, названное так потому, что его члены собирались по утрам на Центральном рынке в поисках работы. В 1840 году эти организации объединились, чтобы создать Société des Cuisiniers de Paris, первоначально предназначенное служить биржей труда. Во время революции 1848 года название поменяли на Société Centrale des Artistes Culinaires, а в 1853 году стали именоваться Société de secours mutuels et de prévoyance des cuisiniers de Paris, поскольку только такого рода объединения допускала Вторая империя. Общество продолжало заниматься вопросами трудоустройства, одновременно создавая пенсионный фонд, ставший к концу столетия одним из образцовых в своем роде. Пристальное внимание к пенсиям не удивительно, ведь повара всегда противились введению в своем ремесле процедуры предварительного уведомления об увольнении — обладая артистическим темпераментом, они хотели иметь право оставить работодателя в любое время. Однако увлечение пенсионными вопросами вызвало определенное неудовольствие. В апреле 1889 года был основан отдельный Cercle d'études sociales et professionnelles des Cuisiniers de Paris, заимствовавший устав у Cercle d'études sociales des proletaires positivistes de Paris: примерно пятьдесят увлекавшихся Контом поваров присоединилось к нему. Необходимость уделять большее внимание профессиональному образованию привела к возникновению в 1882 году Union universille pour le progrès de l'art culinaire, который год спустя получил разрешение префекта переименоваться

* *Thomas A.* Chez la travailleurs... // La Revue syndicaliste. 1908. May. P. 1–6; Les Association professionnelles ouvrières. 1899–1904. 4. P. 1–56, 446–464.

в Académie de Cuisine. Число действительных членов в ней было ограничено тридцатью, хотя количество ассоциированных членов никак не лимитировалось. Кандидат в действительные члены должен был представить письменную работу, которая зачитывалась на заседании Академии. В 1884 году существовало семь организаций парижских поваров: три общества взаимопомощи (исполнявших также функции бирж труда) и четыре союза (Chambre syndicale, Cercle de la Fraternité, Société des Cuisiniers français, Académie de Cuisine), направление деятельности каждого из которых несколько отличалось. Когда в 1898 году Fédération ouvrière des cuisiniers (основанная в 1887 году) вошла в CGT, она привела с собой только меньшинство поваров*

Синдикализм

Традиционные описания роста профсоюзного движения создают впечатление поднимающейся революционной волны, угрожающей смести общественный строй, силы, компромисс которой с властью невозможен. Деятельность рабочих конгрессов могла, возможно, подтвердить обоснованность буржуазных страхов. Первый из этих конгрессов, состоявшийся в 1876 году, не выказал никаких революционных устремлений. В его резолюциях говорилось об освобождении рабочих через организацию кооперативных ассоциаций, о неправомерности забастовок — и ничего о собственности, за исключением того, что рабочий должен владеть своими орудиями труда, а не быть заинтересованным в прибыли. Кое-кто полагал, что ожидать реформ от буржуазии бессмысленно, но предлагаемый ими рецепт состоял в том, чтобы рабочие избирали своих представителей в парламент. Постепенно (в основном под влиянием Геда†) происходило знакомство с социалистическими взглядами и теорией классовой борьбы. Третий конгресс 1879 года, состоявшийся в Марселе, принял решение о создании Партии социалистических рабочих. Если бы такая партия существовала продолжительное время, то профсоюзы могли послужить хребтом для возникновения французской версии лейбористской партии. Однако этому помешали два фактора. Во-первых, среди социалистических лидеров обнаружились глубокие разногласия (о чем будет рассказано в другой главе) и партия вскоре раскололась на несколько группировок. Торжество Геда оказалось недолгим, фактически он никогда по-настоящему не стоял во главе рабочего движения. На марсельском конгрессе преобладали его сторонники, и индифферентное отношение профсоюзов позволило ему провести свои резолюции. Когда позднее профсоюзы начали принимать более сознательное участие в работе конгрессов, им не составило труда избавиться от Геда. Ведь теперь (и это во-вторых) стало очевидно предпочтение, отдавае-

* Les Association professionnelles ouvrières. 1899. 1. P. 515–549. *Hubert-Valleroux P.* Les Syndicats... // Revue sociale et politique. Brussels, 1898.

† *Жюль Гед* (1845–1922) — один из крупнейших деятелей французского и международного социалистического движения. — *Прим. ред.*

мое ими прямым действиям перед парламентской агитацией. Они не хотели втягиваться в буржуазную политику и в политику вообще, поскольку это порождало разногласия между ними. В 1892 году профсоюзы вопреки политике Геда признали своим оружием всеобщую забастовку. Три года спустя Гед покинул движение, а его федерация союзов вскоре прекратила существование. Рабочее движение, исповедуя анархо-синдикализм, пошло своим путем.

Таким образом, была занята вполне революционная позиция. Передовые рабочие объявили врагами не только капиталистов, но и государство, и демократию. Они открыто назвали путь насильственных действий (стачка, бойкот, экспроприация) единственным, ведущим к достижению их целей. У них не было намерения откладывать день своей победы то того момента, когда все остальные рабочие встанут на их сторону. Они верили в права меньшинства. Они, можно сказать, разделяли критику социалистами капиталистического строя, их веру в классовую борьбу как способ освобождения рабочего класса, при том они испытывали анархистское отвращение к государству как неизбежному источнику тирании и желание уничтожить его как централизованную организацию. Им был чужд оптимизм социалистов, полагавших, что капитализм погубят внутренние противоречия — революция может победить только благодаря усилиям самих рабочих. Это убеждение и вера в то, что после торжества революции во главе нового порядка должны встать сами рабочие, организованные в союзы, является квинтэссенцией синдикализма. Но для многих синдикализм стал только новой формой воплощения стремлений рабочего класса к независимости и достойной жизни, а также к созданию производственных ассоциаций в качестве средства достижения этой цели. Объявляя себя синдикалистами, рабочие скорее воспроизводили свои давно сложившиеся убеждения, чем переходили к новым*. Описание нового порядка, который предстоит установить, у Пеллутье ничем не отличается от такого же описания Прудона.

Синдикализм действительно стал анархистским и революционным движением, а не просто взаимопомощью трудящихся. Рабочие отвергали буржуазный порядок, а не пытались найти в нем свою нишу. Вместо прежнего воздержания от забастовок они признали их своим главным оружием. Стачка стала считаться благом сама по себе, в ней видели способ воспитания классового сознания. Однако более тщательное изучение их убеждений и тем более действий показывает, что на деле они не были столь непреклонны, как позволяют предположить все разговоры о революции. Хотя они изгнали из своих рядов сторонников Мильерана и с презрением клеймили никчемными частичные реформы, на которые шло государство, хотя организация взаимопомощи,

* См. хороший анализ революционного синдикализма: *Challaye F.* Syndicalisme révolutionnaire et syndicalisme réformiste. 1909. Автор дает ценные ссылки на статьи самих рабочих по этому вопросу, которые, к сожалению, никак не отделяет от ссылок на работы интеллектуалов, наблюдавших движение извне. См. также: *Ridley F.* Revolutionary Syndicalism in France. 1970.

проповедуемая умеренными, почиталась ими отступничеством от классовой борьбы, на практике немногие профсоюзные лидеры пренебрегали возможностью улучшения жизни рабочих шаг за шагом. Это называлось «революционным реформизмом», и независимо от того, какова была их конечная цель, это все-таки был реформизм. Поэтому важно было не дать правительству получить дивиденды от своего социального законодательства, не позволить ему отвлечь рабочих от революционной борьбы. Иными словами, следовало добиться удовлетворения непосредственных нужд рабочих, сохранив их недовольство, следовало разделить краткосрочную и долгосрочную программы.

CGT как целое была революционной организацией, но большинство ее членов не были настроены революционно. Этот парадокс объясняется принятой системой голосования. Каждый союз, независимо от своего размера, имел один голос. Небольшие профсоюзы, которые из-за своей слабости не имели шансов добиться чего-либо мирными средствами, доминировали в CGT. Шесть самых маленьких союзов, в которых состояли только 27 человек, имели столько же голосов, как и шесть крупнейших, объединявших 90000 членов*. У меньшинства (во множестве малых союзов состояло 45000 человек) было достаточно голосов, чтобы решить любой вопрос по-своему†. В исполнительном комитете от лица мелких союзов, не имевших возможности прислать собственных представителей на конгресс (а это примерно треть мест), голосовали по доверенности. Такой способ управления CGT заставляет вспомнить английский парламент, многие депутаты которого некогда избирались от «гнилых местечек»‡. Конгресс оправдывал непредставительный характер этой системы ссылкой на права меньшинства, но решения в нем принимались большинством голосов.

Лидеры CGT не были рабами анархо-синдикализма или какой-либо другой теории. Грифюэль (1874–1923), будучи генеральным секретарем конгресса в 1902–1909 годах, не только подчеркивал это, но и заявлял, что вообще не читает никаких теоретиков. «Я читаю Александра Дюма»,— надменно говорил он. Движение рабочего класса, повторял он, растет не из принципов, а из повседневной жизни. Некоторые его соратники спорили о том типе общества, который будет однажды создан, но сам Грифюэль не видел в этом пользы, ибо «выдумать теорию легко, применить ее на практике куда как сложнее». По специальности Грифюэль был сапожником, делал дорогие туфли, работая у небогатого хозяина, который и сам был немногим больше, чем ремесленником. Жизнь была нелегкой, и в союз он вступил, «чтобы бороться против нанимателей, явившихся непосредственным орудием моего порабощения, и против государства, которое было естественным защитником работодателей, ибо по-

* *Mermeix.* Les Syndicalisme contre le socialisme, origine et développement de la C. G. T 1907. P. 200.
† См.: *Challaye F.* Op. cit. P. 132, note.
‡ *Diligent V* Les Orientations syndicales. 1910. P 170.

лучало от этого выгоду. Союз дал мне силу, и в нем мои идеи стали приобретать ясную форму». По существу Грифюэль был тред-юнионистом и последовательно отстаивал независимость движения, необходимость действовать в его собственных интересах, а не в интересах какой-либо партии или теории. В молодости он некоторое время увлекался идеями Бланки, но присоединение к профсоюзному движению вскоре побудило его оставить политическую деятельность. Он считал своей задачей профсоюзного лидера выражение устремлений членов союза, не заботясь о соблюдении верности какому-то принципу. «Рабочее движение,— писал он,— есть ряд ежедневных усилий, находящихся в связи с усилиями предшествующих дней. В них нет строгой последовательности, они определяются положением и состоянием духа рабочего класса. Действия рабочих, повторю я вновь, не определяются какими-либо формулами или теоретическими положениями, не являются они и свидетельством осуществления какого-то заранее разработанного плана»*

Грифюэль прежде всего был организатором и руководителем. Он не обладал ни блестящим умом, ни какими-либо особенными ораторскими талантами, но был деятелен, бескорыстен и имел способности прирожденного командира. То, что руководимое им весьма разношерстное движение действовало как единое целое, было его выдающейся заслугой. Хотя сам Грифюэль представлял революционное крыло, но в спорах с реформистами он никогда не переходил разумных границ, чтобы экстремизмом не спровоцировать их выход из CGT. Его здравый смысл практика был порукой того, что он никогда не поддержит какое-либо несвоевременное революционное выступление.

Заместитель Грифюэля в CGT Эмиль Пуже (1860—1931) также не был демагогом, поскольку обладал еще меньшим талантом публичных выступлений. Он был журналистом, представителем деклассированной буржуазии. Его отец-нотариус рано умер, и молодой Пуже вынужден был самостоятельно зарабатывать себе на жизнь (служил продавцом в парижском универсальном магазине Bon Marché), читал «La Révolution sociale», примкнул к анархистам, провел три года в тюрьме за участие в одной из демонстраций, после чего стал выпускать замечательную газету, получившую название «Le Père Peinard» и напоминавшую своим стилем «Père Duchesne» времен Революции. Все материалы писал он сам. Это издание сразу привлекло внимание: язык, которым оно обращалось к рабочим, был очень живым и использовал характерные выражения рабочего жаргона. Пуже утверждал, что речь рабочих разительно отличается от языка буржуа, который рабочие едва понимают. Когда в 1900 году CGT основал собственную еженедельную газету «La Voix du Peuple», Пуже стал ее редактором. Он мечтал о ежедневной газете, но этот проект

* *Griffuelhes V.* L'Action syndicaliste. 1908. P. 8.

провалился. Пуже также писал романы (вполне заурядные) из жизни рабочих, дружил с импрессионистами (Писсарро и Поль Синьяк иллюстрировали некоторые его произведения, а из подаренных ему картин составилась превосходная коллекция). В конце жизни он издавал каталоги для картинных галерей. Как и Пеллутье, Пуже был своего рода попутчиком рабочего движения, однако его роль в привлечении новобранцев в ряды революционных синдикалистов была очень важна, поскольку в CGT он ведал пропагандой. Война классов, считал он, остается неизбежным путем прогресса, но и половинчатые реформы тоже не являются бесполезными. К подаркам правительства следует относиться с опаской, ими всегда прикрываются те или иные привилегии работодателей, но реформы приемлемы, если они вырваны у правительства силой. Рабочие должны создать организацию для принуждения властей к реформам посредством прямого действия, а не надеяться на правительственные подачки.

Ивето, секретарь Биржевой секции CGT, был ярым антимилитаристом (он автор знаменитого «Руководства солдата», написанного в тюрьме). Его отец служил в императорской гвардии и жандармерии. Сам он получил образование у братьев христианских школ и никогда не был антиклерикалом. Мергейм, секретарь металлургов, отвечавший в CGT за связи с провинциальными федерациями (родом из Рубе), был человеком пуританских взглядов, которого ужасали демагогия и безнравственность, царившие в Париже. Только любознательность и величие поставленных целей мешали ему бросить все и вернуться домой. Он полагал, что невозможно победить капитализм, нападая на него вслепую. Рабочие должны изучить своего врага. Он скрупулезно собирал сведения о положении дел в мире работодателей, любимым его чтением были отчеты компаний. Пато, представлявший электриков, был полной противоположностью Мергейма. Он любил быть на виду, обожал давать интервью и фотографироваться, не забывая прежде сменить привычный котелок на более демократичный берет. Особенный рекламный эффект имела забастовка 1908 года, когда весь Париж погрузился во тьму. Электричество подавалось только в Дом профсоюзов, где Пато принимал журналистов, демонстрируя им свою силу. В другой раз он устроил забастовку электриков в Опере во время представления в честь иностранного монарха — несколько минут переговоров в темноте позволили добиться повышения зарплаты*

Революционная опасность, исходившая от CGT, выглядит еще более раздутой, когда понимаешь, что от трети до половины членов федерации составляли не революционные, а реформистские синдикалисты. В сущности, те и другие стремились к одной цели и желали, как сказал один из них в выражениях, примечательных своим пафосом, полного освобождения труда посредством

* *Leclercq M., Girod de Fléaux E.* Ces Messieurs de la C. G. T., profils révolutionnaires. 1908; *Juillard J.* Clemenceau, briseur de grèves. 1965. P. 115.

запрещения наемного труда и замены буржуазного капитализма рабочим коллективизмом. Но идеал идеалом, а программа синдикалистов-реформаторов намечала немедленные практические преобразования. Они не верили в революцию, которую может осуществить меньшинство, но, восхищаясь богатством и многочисленностью британских и германских профсоюзов, стремились привлечь в союзы как можно больше французских рабочих. Они считали, что только восстание масс может принести полный успех (или, скорее, полагали, что если все рабочие станут членами профсоюзов, то в один прекрасный день смогут просто сказать капиталистам: «Довольно!»). Чтобы привлечь рабочих в союзы, для начала надо было с уважением отнестись к разноголосице их мнений и убеждений, избегая любой политической деятельности, все равно — социалистической или анархической. Их нейтралитет можно назвать внепарламентским, но не антипарламентским. Идея создания рабочей партии была ими отвергнута.

Кроме того, как писал Ниль из союза книгопечатников, «синдикализм восторженно примут все трудящиеся в тот день, когда он докажет, что хочет и может принести немедленное облегчение страданий и утешение рабочему классу, которых многие наивные люди все еще ждут от религии, работодателей или политиков». Таким образом, эти профсоюзные деятели требовали скорее революционных реформ, нежели революции. Они продолжали именоваться революционерами, поясняя, что «каждая реформа, отнимающая у работодателя частицу капитала или власти в пользу рабочих, является революционной... Мы являемся революционерами, поскольку доказали, что революция исторически неизбежна (*la Révolution est fatale*)». Кёфер говорил, что рабочие просто не готовы взять в свои руки средства производства, пока остаются такими невежественными. Полный провал всеобщих забастовок в начале XX века привел к разочарованию в подобном инструменте и даже в обычных забастовках как средствах борьбы за общее дело. Из опрошенных на предмет отношения к всеобщей стачке реформистски настроенных профсоюзных вожаков восемь отвергли ее как мираж, блеф или западню, трое других указали, что прежде следует заняться просвещением рабочих, еще трое не были уверены, что воспользовались бы этим методом, а один посчитал всеобщую забастовку полезной для применения в качестве постоянной угрозы, дамоклова меча. «Новая позиция завоевывает популярность,— писал железнодорожник Андре.— Рабочие, сбитые с пути миражами теории созидательного насилия, понимают, наконец, почему мы [реформисты] совершенно справедливо считаем ее ребяческой. Члены профсоюзов все меньше и меньше склонны считать себя „революционным авангардом" Они поднимаются на забастовки не ради усвоения революционной науки, а чтобы отстаивать свои профессиональные

интересы»* Реформисты настаивали на использовании стачки только в качестве последнего довода, на проведении голосования рабочих за или против объявления забастовки†. Трудящихся убеждали шире использовать коллективные переговоры, родилась даже идея, что в конечном счете союзы начнут брать подряды на выполнение работ для предпринимателей и так постепенно станут заправлять экономикой. *Действие* было требованием революционеров, «*действие с пользой* — вот наш девиз»‡.

Ведущими реформистами были Кёфер от печатников, Компа от механиков, Ренар от текстильщиков и Герар от железнодорожников§. Строители и металлурги занимали наиболее революционные позиции. Но все же невозможно четко разделять союзы по этому признаку. Умеренным лидерам (например, у шахтеров) приходилось сражаться с набирающим силу революционным меньшинством в своих рядах. Яркие вожаки, обладавшие большой властью в своих союзах, придавали им политическую направленность, по-настоящему не свойственную сторонникам этих лидеров. Умеренный Герар был в свое время отстранен от руководства союзом железнодорожников, но в забастовке 1911 года железнодорожники восточной Франции принимать участие отказались, а их секретарь Лелюш вообще негативно относился к любым забастовкам.

Слабым местом CGT были финансы. В 1910 году доходы федерации составили только около 20000 франков. Она просила средств на проведение всеобщей стачки 1 мая 1906 года — и получила смехотворную сумму в 5000 франков. Национальные федерации также были очень бедны, но они оставляли большую часть собираемых денег себе и так сохранили значительную степень независимости, чего не скажешь о CGT. Национальная федерация печатников была в десять раз богаче CGT — ее годовой доход составлял 220000 франков. Забастовки с требованием восьмичасового рабочего дня в 1906 году полностью исчерпали ее ресурсы, поскольку она платила по 3,5 франка в день членам профсоюза и по 2 франка забастовщикам, не состоявшим в профсоюзе. Она смогла потратить 628000 франков только благодаря помощи профсоюзов других стран и Международной федерации печатников в размере 163000 франков, а также получению сопоставимой суммы от пятипроцентного сбора, установленного для тех членов профсоюза, которые не принимали участие в забастовках. В июне 1906 года она имела 14000 франков дефицита. Три года спустя федерация не только покрыла его, но и накопила 212000 франков. Эти цифры характеризуют положение богатейшего профсоюза страны, но хотя французские печатники были третьими по численности в Международной федерации печатников, в финансовом отношении они оставались только восьмыми. Профсоюз лондонских и провинциальных наборщиков при та-

* Le Socialisme. 1909. 9 Nov.

† *Challaye F.* Op. cit. P. 120, note 3.

‡ Ibid. P. 127. Ср.: *Keufer A.* Le Syndicalisme réformiste // Mouvement socialiste. 1905. Jan. P. 18. Главным печатным органом реформистов был журнал «La Revue syndicaliste» (1905–1910), позднее переименованный в «La Revue socialiste» (1910–1914), который публиковал содержательные статьи о профсоюзной жизни.

§ *Séverac J. B.* Le Mouvement syndical. 1913. P. 74–75.

кой же численности имел впятеро большие доходы. Вторую строчку в списке самых богатых профсоюзов Франции, далеко отставая от печатников, занимали шахтеры. Их федерация, видимо, существовала в основном на бумаге: хотя в нее входили 30 тысяч человек, членские взносы составляли только пять сантимов в месяц, а общий доход федерации — менее 10000 франков в год. Действительную силу представляли региональные союзы (крупнейший из них был в Па-де-Кале), но даже они испытывали величайшие трудности при создании хоть каких-либо резервов. Только после кровопролитной стачки 1906 года была признана необходимость в таких фондах. Членские взносы возросли с 0,5 до 2 франков в месяц, но в кассу союза по-прежнему поступали только 50 сантимов, остальное зачислялось на личный счет члена профсоюза для использования в случае забастовки или длительного пребывания без работы. Только благодаря этому ухищрению (открытию своего рода сберегательного банка) федерации Па-де-Кале удалось к 1909 году собрать с 24 тысяч членов 779 тысяч франков — больше никакой не мог похвастаться такими успехами. Примечательно, что это было достигнуто ценой отказа от социалистических принципов равенства: в случае забастовки ее участники получали денежные суммы, пропорциональные сделанным ими накоплениям. В текстильной промышленности национальная федерация собирала со своих 20—25 тысяч членов только 26 тысяч франков в год. Союз текстильщиков Рубе (шесть тысяч членов) был в пять раз богаче. Часто, как это было в случае металлургов или строительных рабочих, на небольшие собираемые доходы претендовали несколько конкурирующих профессиональных федераций. Как было подсчитано, совокупные поступления членских взносов всех французских профсоюзов в 1910 году составили 1353000 франков, что составляло примерно 2,5 франка с человека в год. Как бы ни были низки членские взносы, рабочие не желали их платить — редко кто вносил их полностью. Федерации мало что могли предложить своим членам взамен: только у печатников выдавались пособия по случаю смерти или болезни, и только они да еще механики выплачивали пособия по безработице. Чаще компенсировались расходы на переезд. Многие федерации обещали выдавать деньги во время забастовок, но немногие держали это обещание. Готовность рабочих платить членские взносы сильно различалась от региона к региону. Перчаточники Шомона платили по 5 франков в месяц, а их собратья в Мило и в Гренобле — только по 60 сантимов. В таких обстоятельствах эффективная федерация не могла существовать. Рабочий доверял только небольшому местному союзу, где его знали лично. Чувство общенациональной солидарности, порой выказываемое лидерами союзов в щедрых пожертвованиях другим союзам, редко встречалось среди их сторонников, еще

не вполне изживших свойственные крестьянам скупость и индивидуализм.

Лучшее описание состояния профсоюзного движения до 1914 года дал сам Грифюэль* Поездка по Франции в 1911 году показала ему, насколько фрагментарна его организация, как неравноценны ее провинциальные составляющие, в какой степени зависима ее сила от «человеческого фактора». Большинство забастовок все еще начинались без предварительного создания союзов. Сами шахтеры в 1902 и 1906 годах поднимались на стачку по инициативе меньшинства, противостоящего профсоюзным лидерам. Во многих регионах, в том числе и промышленных, профсоюзное движение не смогло завоевать прочных позиций. «Вогезы полны ткачами, которых профсоюзная пропаганда не в состоянии побудить к созданию сколько-нибудь глубокого или живого движения. Под защитой [всепоглощающей] ненависти к Германии здесь торжествует буржуазия, чья власть колоссальна. Ей противостоит слабое профсоюзное движение, способное только на редкие проявления недовольства, после которых вновь наступает полное спокойствие». В Франш-Конте, несмотря на значительную степень индустриализации, профсоюзы также малозаметны. За исключением часовщиков Безансона, в этом регионе не было никаких конфликтов с 1899 года†. Сельские районы, вроде департамента Шер, напротив, были вовлечены в движение. В Гренобле период революционной деятельности закончился расколом депутатов, которые стали независимыми социалистами, в таком качестве более удобными для властей. Лион разрывали соперничество личностей и конкуренция за голоса избирателей. В Марселе профсоюзное движение не смогло пустить глубоких корней: разбросанность и разнородность городского населения серьезно препятствовали этому. Портовые рабочие, страдавшие в последнее десятилетие века от безработицы, были бессильны; улучшение ситуации в 1899 году сделало возможным их организацию и проведение нескольких успешных забастовок, но после 1904 года локаут нанес сильный удар движению и помог работодателям в значительной мере восстановить свое господствующее положение‡.

В Вогезах сложилось исключительно интересное положение. Еще один наблюдатель в 1906 году писал: «Отношение рабочих к своим нанимателям долгое время было исполнено смирения и уважения, если не сказать — раболепия и подобострастия. Их единственным политическим убеждением был патриотизм, крайний шовинизм, объединявший их за Буланже или против евреев. После образования союзов с ними стали происходить перемены. Социалистический дух постепенно проникает в их головы. Но, несмотря на забастовки и агитацию, процесс идет еще слишком

* *Griffuelhes V.* Voyage révolutionnaire. 1911. См. также: *Idem.* L'Action syndicaliste. 1908.

† Ср.: *Charles J.* Les Débuts du mouvement syndical à Besançon: la fédération ouvrière 1891–1914. 1962.

‡ Provence historique. 1960. 10. P. 146–179.

медленно». Здесь до 1884 года вообще не было союзов. Затем несколько было учреждено, но по-настоящему успеха добился только союз типографских работников — естественно, весьма умеренный. Затем хлопковый кризис начала века, повлекший уменьшение заработков текстильщиков, привел к вспышке стачечного движения. Было основано четыре союза текстильщиков, но, что примечательно, не самими работниками отрасли, а лидером Союза типографских рабочих Вогезов Перно. Он также основал федерацию союзов департамента и стал издавать ее газету. Только тогда вожди центральных профсоюзов (Ренар от текстильщиков и Кёфер от печатников) отправились в Вогезы, чтобы поддержать возникновение новых союзов. Но здешние рабочие, попадая в бедственное положение, предпочитали обращаться к Перно. Именно он организовал работников бумагоделательных предприятий в Этивале и поднял их на забастовку. Так постепенно в его федерации собралось 18000 членов. Первое время ее политика была довольно умеренной: Перно состоял в Alliance Républicaine, среди членов которого были работодатели, а правительство поддерживало субсидиями антиалкогольную кампанию в его газете. Однако под влиянием общей для всей Франции тенденции ему пришлось взять более социалистический курс и сменить умеренно-радикального редактора своей газеты. Показательно то, что лишь отказ работодателей сотрудничать с ним (те предпочли основать собственные «желтые союзы») вынудил Перно оставить надежды на достижение согласия с ними путем переговоров и создания смешанных союзов. Именно поэтому революционизировался потенциально умеренный департамент*

Bourses du Travail†

Рост национальных федераций существенно замедлился из-за подъема конкурирующей формы объединения союзов в лице местных Bourse du Travail. Такое название получили места, где городские союзы собирались вместе, располагая под одной крышей свои комитеты. Эти дома имели некоторое сходство с местными профсоюзными советами в Англии (в которых профсоюзы могли состоять наравне с членством в национальной федерации), но во многих отношениях они различались, так что название можно было бы оставить без перевода. Во-первых, своим появлением Bourses, в отличие от профсоюзных советов, были обязаны действиям властей. Они получали от муниципалитетов свободные здания, а также субсидии на покрытие своих административных расходов. Bourses должны были выполнять ряд общественных функций, самой важной из которых было исполнение роли биржи труда, потребность в которых давно уже ощущалась. Первым стал ратовать за это католический экономист Молинари

* *Airelle G.* Le Mouvement ouvrier dans les Vosges // Le Mouvement socialiste. 1906. Feb.–Apr. P. 218–231, 333–363, 455–475.

† Дома профсоюзов (фр.).

в 1840-х годах*. Временное правительство республики в 1848 году декретировало, что в каждом муниципалитете должна быть биржа труда — закон, оставшийся, наряду со многими прочими, только на бумаге. Затем широко распространилась идея организации своего рода приютов, где бы могли собираться безработные. (Обычно они собирались на определенных улицах или в винных лавках, где их могли найти искавшие работников нанимателя. Гревская площадь, ныне площадь Отель-де-Виль, служила одним из таких мест, именно поэтому слово *grève* приобрело значение «забастовка».) Инициативу в 1880-х годах проявил Париж, стимулом к чему послужило новое отношение к рабочим, символизируемое законом 1884 года. Биржей труда, в соответствии с возобладавшими взглядами, должны управлять сами рабочие, и она должна быть одной из услуг, которые профсоюзы — на них смотрели в то время с безграничным оптимизмом — будут оказывать обществу. Создание Bourse du Travail действительно способствовало развитию профсоюзов. В 1887 году открылся первый дом профсоюзов на улице Жан-Жака Руссо, в 1892 году ему было предоставлено новое, более просторное здание. По мнению муниципального совета, он был необходим, чтобы сделать положение профсоюзов прочнее, поскольку взносы, собираемые ими для покрытия своих расходов, отпугивали большинство рабочих. Дом предоставит бесплатное место для собраний и рабочие помещения, так что все смогут приходить туда, не опасаясь навлечь на себя финансовые обязательства, превышающие их возможности. «Бесплатное и регулярное использование этого места встреч позволит рабочим в ходе обсуждений создать более полное и всестороннее представление о проблемах той отрасли, в которой они работают, влияющих на их заработки. Там они найдут всю необходимую им информацию, познакомятся с новостями и статистическими данными, смогут почитать об экономике, промышленности и торговле, узнают о тенденциях развития французской или любой другой индустрии». Bourse du Travail, таким образом, изначально задумывался для поощрения образования профсоюзов, минимизации их расходов, преодоления их отчужденности друг от друга и создания возможности их дружной работы в деле просвещения рабочих и защиты общих интересов. Хотя президент муниципального совета на торжественном открытии дома профсоюзов заявил, что он создан во имя «солидарности и общественного спокойствия», он также присовокупил, что его цель — «дать рабочим возможность сражаться с капиталом равным и дозволенным законом оружием... Удовлетворяя потребность рабочих в самовыражении свободным, просвещенным, легальным образом, Bourse du Travail дает правительству республики средство понять их требования и работать над созданием общественного порядка, более соответствующего

* *Molinari G. de.* Les Bourses du Travail. 1893. P. 121–125. Впервые его предложение было сделано на страницах легитимистской «La Gazette de France».

понятию о справедливости, вместо того, чтобы просто от них отмахнуться»* Примеру Парижа последовали другие города, и к 1908 году во Франции было не менее 157 домов профсоюзов.

Так родилась оригинальная форма сплочения рабочих. Дома профсоюзов стали не столько биржами труда, сколько обществами, объединявшими союзы одной местности. Поддерживаемые властями, они, тем не менее, почти все возглавлялись революционерами, часто использовавшими получаемые субсидии для противоправительственной деятельности. Помогало им то обстоятельство, что многие муниципалитеты в этот период контролировались социалистами, которые могли выделять общественные средства для организации атак на буржуазное государство (социалистические муниципалитеты даже помогали деньгами забастовщикам). Но и тогда, когда дома профсоюзов финансировались за счет пожертвований, эта зависимость не превращала их в наемников буржуазии, что доказывает история парижского дома профсоюзов. Первоначально полученные субсидии лишь в малой части были израсходованы на социалистическую агитацию, гораздо большие суммы осели в кошельках организаторов. Расследование, проведенное в 1891 году, выявило значительную растрату, завышенные дорожные расходы, выплаты добрым знакомым за вымышленные услуги. Это было пресечено, но пропаганда продолжалась, на что разные правительства реагировали в соответствии со своей политической окраской.

Дюпюи в 1893 году закрыл парижский дом профсоюзов на том основании, что почти половина из 270 профсоюзов (отметим — это только небольшая часть парижских профсоюзов), пользовавшихся его гостеприимством, не зарегистрировались в порядке, установленном законом 1884 года, поскольку были слишком революционно настроены, чтобы признать этот закон. По приказу Дюпюи войска заняли дом профсоюзов, и в некоторых союзах заговорили о вооруженном восстании для их изгнания. В 1896 году радикал Буржуа вновь его открыл, но с новым уставом, в соответствии с которым рабочие делили руководство домом профсоюзов с представителями правительства и муниципалитета. Это соглашение было неприязненно встречено рабочими, чье состояние духа проявилось в их отказе от субсидии на устройство отдела статистики, чтобы не давать информацию префекту полиции или правительству. Мильеран и Вальдек-Руссо в 1990 году полностью вернули бразды правления рабочим. Муниципалитет, после 1900 года контролируемый националистами, был против и ответил на это прекращением субсидирования, направив деньги на поддержку отдельных профсоюзов (с подходящими политическими взглядами). Произошел раскол и возникло два соперничающих дома профсоюзов. В 1905 году опека властей была восстановлена. Зависимость от субсидий обостряла

* *Pelloutier F.* Histoire des Bourses du Travail. 1902. P. 63–64; *Briat E.* La Bourse du Travail de Paris // Le Mouvement socialiste. 1899. P. 56–56.

многие проблемы, заставляя дома профсоюзов обращать главное внимание на отношения с властями. Злоключения парижского дома профсоюзов воспроизводились и в других городах, хотя и с некоторой временной задержкой. Провинциальные дома профсоюзов возникали благодаря петициям, подаваемым в муниципалитеты, в ответ те великодушно выделяли здания и субсидии. Вскоре стало очевидно, что объединяемые домами профсоюзов организации и люди занимают разные позиции по отношению к власти. Одни считали, что следует приветствовать республику, которая в 1890-х годах была еще достаточно молода, чтобы подавать надежды на создание социального законодательства. Другие желали превратить дома профсоюзов в инструмент классовой борьбы. Эти последние вскоре стали доминировать, так как домами профсоюзов почти всегда руководили представители меньшинства среди членов профсоюзов, которые в свою очередь были меньшинством среди рабочих*

Три обстоятельства придавали движению его особенный характер. Первое: оно стало прибежищем для анархистов. Второе: парижский дом профсоюзов, ревниво относившийся к Национальной федерации профсоюзов, контролировавшейся Гедом, основал в 1892 году конкурирующую Федерацию домов профсоюзов из дюжины подобных организаций (в основном из южной части Франции), пытаясь сохранить свою гегемонию в рабочем движении. Третье: Фернан Пеллутье, ставший в 1895 году секретарем этой федерации, к 1901 году, когда он умер, превратил ее в чрезвычайно сильную и активную организацию.

Место Пеллутье в пантеоне мифологических героев рабочего класса. Он умер в возрасте 33 лет, поэтому, как и Гамбетта, не успел дискредитировать себя в глазах более молодых поколений. Все, что написано о нем, страдает односторонностью и требует поэтому осторожного отношения. Высокое мнение о карьере Гамбетты, распространенное и поддержанное его друзьями, выдержало испытание строгим исследованием. Карьера Пеллутье такому изучению еще не подвергалась†. Единственная его биография была написана братом. Пеллутье происходил из семьи чиновника, а не рабочего. Семья была религиозной и легитимистской, двоюродный дед Пеллутье был пожалован титулом барона Карлом X, а сам Пеллутье учился в церковной школе. Исключением был его дед, республиканец и журналист, и Пеллутье вскоре пошел по его стопам. Он был исключен из *petit séminaire*‡ за сочинение антиклерикальной повести. В коллеже Сен-Назер он основал школьную газету и не смог сдать экзамен на степень бакалавра (из-за «неудовлетворительного испытания по английскому языку»). В юности он был праздным и сумасбродным и успел подхватить туберкулез, который впоследствии свел его в могилу, но прежде обезобразил его лицо волчанкой; но он был *personnalité*

* *Poperen M.* La Création des Bourses du Travail en Anjou 1892–1894 // Le Mouvement social. 1962. 42. P. 39–55.

† Прекрасная работа о нем появилась уже после того, как моя книга была отдана в печать: *Julliard J.* Fernand Pelloutier 1971.

‡ Духовное училище, среднее учебное заведение. — *Прим. ред.*

*rayonnante**, покорявшей сердца людей, и обладал лихорадочной энергией в решении тех задач, которые его по-настоящему волновали — хотя ему понадобилось немало времени, чтобы понять, что же его волнует. Он был учредителем ряда недолговечных периодических изданий, писал для «Démocrate de l'Ouest», радикального журнала Бриана. В 1899 году он недолгое время редактировал газету, выпускавшуюся в Сен-Назере для поддержки кандидатуры Бриана на выборах. Но вскоре, после восемнадцатимесячного перерыва, вызванного болезнью, он переменился, политические взгляды уступили место вере в благотворную силу экономической борьбы. После короткого пребывания в ролях заместителя председателя комитета для основания рабочего (кооперативного) стекольного завода и диссидентствующего члена Французской рабочей партии Геда, вместе с Брианом выступавшего за всеобщую стачку, в 1895 году он занял пост секретаря Федерации домов профсоюзов. Здесь он отрешился от политики, игнорируя проблемы антиклерикализма, милитаризма, патриотизма, парламентаризма и т. д., сконцентрировавшись на организации и просвещении пролетариата.

Пеллутье интересен тем, что сознательно посвятил свою деятельность обособлению рабочего класса от буржуазии и развитию институтов, которые бы дали рабочим возможность жить максимально изолированно. Возникновению пропасти между классами французское общество в какой-то степени обязано ему. Конечно, идея о том, что рабочие могут полагаться только на самих себя, пропагандировалась еще в 1860-х годах Прудоном и Толеном, но они стремились к превращению рабочих в мелких собственников, а Толен быстро свернул на путь компромисса с буржуазным государством. В обществе, где Толен показывал пример жизненной карьеры, Пеллутье первым добровольно повернулся спиной к буржуазии, пошел в рабочий класс и стал одним из немногих буржуазных лидеров чисто рабочего движения (каковым, в отличие от Социалистической партии, были дома профсоюзов).

Пеллутье был разочарованным в своем классе буржуа, *déclassé*, скептиком, пессимистом, полумертвым инвалидом, воображавшим, что общество, в котором он находился и к которому испытывал только чувство отвращения, тоже умирает. Он выражал презрение к любым буржуазным добродетелям и провозгласил себя непримиримым врагом морального и материального деспотизма буржуазии, бунтарем против всех, «для которого не было ни Бога, ни хозяина, ни страны». Единственным лучом света ему виделся рабочий класс. Он, «как изучающий социальную психологию», был очарован мощным подъемом движения, которое, как он верил, угрожало перевернуть весь политический и экономический порядок. Он посвятил себя общему

* Светлая личность (фр.).

с рабочим классом делу, стремясь привести его к созданию действительно свободного общества. Одни только рабочие могли обновить мир, уничтожить иерархию буржуазного государства и заменить ее свободной ассоциацией анархических производителей. В лице домов профсоюзов Пеллутье нашел идеальный инструмент, ведь они должны были не только подготовить революцию, но и послужить зародышем, из которого разовьется новый строй — стать «подлинным социалистическим (экономическим и анархистским) государством в буржуазном государстве».

Пеллутье оказал глубокое влияние на рабочее движение в трех отношениях. Во-первых, будучи анархистом, он способствовал отказу от сотрудничества с буржуазным государством, распространению скептического отношения к парламентской системе, росту разочарования в социальном законодательстве и презрения к идее классового мира. Во-вторых, как организатор домов профсоюзов, он много сделал для уменьшения соперничества между различными профессиональными группами, которое союзы и их федерации стремились сохранить или даже усилить; он проповедовал идею солидарности рабочих (ту же идею, которую политики пытались внушить всем классам нации). В-третьих, он популяризовал идею рабочих ассоциаций, сделав дома профсоюзов непосредственно и практически полезными своим членам, вместо того чтобы делать их забастовочными штабами или стартовыми площадками карьер политиканов. Он создал план работы, предлагавший домам профсоюзов единые цели и дававший подробные рекомендации в отношении того, как наилучшим образом использовать их скудные финансовые ресурсы. Его разработка была принята в качестве образца многочисленными домами профсоюзов, возникновение которых он поощрял. Вот четыре задачи, которые должен решать дом профсоюзов: 1) организация взаимопомощи, предоставление пособий по безработице, страхование от несчастных случаев, возмещения дорожных расходов тем, кто путешествует в поисках работы, и самое главное — создание биржи труда; 2) просвещение рабочих, которое позволило бы им подготовиться в исполнению своей новой роли, для чего следовало открывать библиотеки, общественные музеи, информационные службы, курсы профессионального и общего образования; 3) пропаганда среди «непосвященных», крестьян или моряков, и организация союзов среди них наподобие союзам промышленных рабочих; 4) создание подразделения, которое занималось бы организацией стачек и агитацией против нежелательных законопроектов (весьма показательно, что эта задача оказалась в списке Пеллутье на последнем месте).

Пеллутье отдавался своей работе со сверхъестественной энергией человека, знающего, что у него осталось не так много време-

ни. Когда у него не хватало денег на печать журнала, он сам его набирал, предварительно написав большую часть материалов. Он назвал его «L'Ouvrier des Deux Mondes» и придавал ему большое значение, утверждая, что «рабочему больше всего не хватает понимания горестности собственного положения». И он взялся просветить рабочих в этом вопросе с помощью серии статей, изданных впоследствии отдельной, довольно толстой книгой, озаглавленной «Рабочая жизнь» — огромная смесь печальных фактов, представленных в еще более мрачном свете, чем это было на деле. Энергия, проявленная Пеллутье, была вознаграждена, ведь к 1901 году во Франции было 74 дома профсоюзов, и они были среди наиболее сильных элементов жизни рабочего класса*

Тем не менее, пока Пеллутье был жив, его федерация не могла вступить в эффективный союз с национальными федерациями. Федерация домов профсоюзов, конечно, изначально была соперницей Национальной федерации профсоюзов, в руководстве которой преобладали единомышленники Геда, но когда тех оттеснили сторонники всеобщей забастовки (которых возглавлял Бриан, поддерживаемый Пеллутье) и была образована Всеобщая конфедерация труда (Confédération Générale du Travail), ориентированная, как и дома профсоюзов, исключительно на экономическую борьбу, Пеллутье по-прежнему ревниво оберегал собственную независимость. Хотя он признавал необходимость союза, но не любой ценой. Некоторую роль в этом играли личностные мотивы: Пеллутье презирал секретаря CGT Лагайля, который действительно был полным ничтожеством и, возможно, даже предателем (поговаривали, что предупредил правительство о предстоящей всеобщей забастовке). Пеллутье считал, что устав CGT под знаменем ложного единства поддерживает раздробленность. Принимая в свой состав любой союз, будь он местный, областной или национальный, профессиональный или отраслевой, CGT не побуждала союзы организовываться в большие федерации. Пеллутье говорил, что политика играет слишком большую роль в CGT, а его больше устраивала конфедерация, которая проводила бы ту же линию, что и дома профсоюзов, где приверженцы различных моделей социализма отбрасывали в сторону свои политические разногласия и вместе сосредотачивались на экономической деятельности. Более того, CGT действительно ожидала скорой революции и потому игнорировала долгосрочную задачу просвещения рабочих. Еще продолжалась романтическая эра стачек: любая забастовавшая мастерская касалась предвестником золотого века и приводила CGT в возбуждение. Пеллутье, напротив, становился все более прагматичным.

Его иллюзии развеивались. В 1900 году он с грустью признавался, что на каждого бескорыстного энтузиаста в профсоюзах

* *Montreuil J.* Histoire du mouvement ouvrier en France. 1947. P. 157.

приходится девять эгоистов. Поубавился его оптимизм в отношении роли просвещения рабочих. Незадолго до смерти он потерял веру и во всеобщую стачку*. Не исключено, что если бы Пеллутье прожил более долгую жизнь, его взгляды эволюционировали (как это произошло с Брианом, его бывшим товарищем) и он стал бы с большей охотой сотрудничать с государством. Его ранние идеи, безусловно, были не всегда логически связны упорядочены. Так, например, он утверждал, что всеобщее голосование не может быть использовано для решения социальных вопросов, поскольку закон спроса и предложения означает, что ни один человек не может стать богаче без того, чтобы сделать другого беднее†. Позднее, когда он писал о перспективах частичных реформ, он допускал, что государство не обязательно должно быть злом само по себе, если станут лучше люди, управляющие им. Пеллутье охотно принимал субсидии от правительства и муниципалитетов. Он соглашался с тем, что кооператоры не всегда являются эгоистами. Антимилитаризм был отброшен, когда Пеллутье высказал готовность сражаться в оборонительной войне‡. Не всегда вместе с ним переходили на другие позиции все члены его движения, но некоторые из них, несомненно, стали реформистами. Дома профсоюзов нельзя стричь под одну гребенку, и Пеллутье не был единственным их лидером. Так случилось, что он приобрел бóльшую известность, но были и другие, в том числе и весьма яркие личности. Роль Пеллутье склонны преувеличивать, что объясняется недостатком источников. Он не придумал дома профсоюзов, а присоединился к движению, когда их было уже пятнадцать, и их федерация образовалась также без его участия (первым ее секретарем был Кордье). Так что Пеллутье был не одиноким вождем, но одним из плеяды организаторов, появившейся в последние годы столетия§.

Хотя в домах профсоюзов в то время бурлила жизнь, достижения также не следует преувеличивать. Их биржи труда — одна из главных приманок — функционировали не слишком успешно и обеспечивали работой только незначительное меньшинство рабочих, так как работодатели (что не вызывает удивления) не любили иметь с ними дело. Их война против коммерческих бирж труда увенчалась победой, закрепленной законом от 9 марта 1904 года, который позволял муниципалитетам ликвидировать коммерческие учреждения такого рода. Но те муниципалитеты, которые воспользовались этим правом, стремились учреждать собственные общедоступные биржи. Теперь пришлось бороться и с ними: новообразованные биржи были их прямыми конкурентами, чье существование могло навести муниципалитеты на мысль о ненужности домов профсоюзов. Наличие общенациональной федерации было преимуществом домов профсоюзов, поскольку теоретически они могли предлагать информацию о вакансиях

* *Pelloutier F.* Histoire des Bourses du Travail. 1906. P. VI.
† *Pelloutier M.* Fernand Pelloutier, sa vie, son œuvre 1867–1901. 1911. P. 76.
‡ *Montreuil J.* Op. cit. P. 168–170.
§ *Dolléans E.* Pelloutier et le réveil du syndicalisme // Société d'histoire de la Troisième République. 1937. May. P. 36–40.

во всех областях страны. Однако попытки наладить эту систему раз за разом проваливались. *Viaticum* (деньги на путевые расходы для безработных) использовались как приманка для привлечения новичков. Дом профсоюзов в Анже, например, выдавал 1,5 франка членам профсоюза и 1,25 франка другим рабочим, путешествующим в поисках работы, и вдобавок предлагал талоны на получение бесплатных обедов и временного жилья, но в 1896 году было выдано только 186 талонов. Некоторые дома профсоюзов (подобно нантскому) не устраивали людей в гостиницы, а превращали на ночь свои помещения в общежития с подвесными койками, попутно подвергая своих гостей пропагандистской обработке. Но когда молва об этих общедоступных благах широко распространилась, возникло паразитирующее на них племя странствующих бродяг. Огромные усилия Пеллутье по созданию национальной системы *viaticum* (в среде печатников такая система уже эффективно функционировала) провалилась из-за местнического партикуляризма, а также потому, что крупные дома профсоюзов обвиняли мелкие в неспособности предоставлять равные ответные услуги. Этот вопрос обсуждался и обсуждался долгие годы без видимого результата. Созданный Пеллутье отдел сбора информации о безработице развалился в 1906 году. Правительственные субсидии перестали поступать, поскольку его преемники отказались отчитаться о расходовании ранее выделенных средств (на самом деле они были потрачены на пропаганду); вся система перестала беспристрастно исполнять общественно полезные функции, когда начала препятствовать миграции свободной рабочей силы в районы, охваченные забастовочным движением. План создания фондов страхования на случай безработицы и производственного травматизма вообще остался только на бумаге. Библиотеки, задуманные для распространения просвещения и знаний, вызывали одни разочарования. Самая крупная из них, в парижском доме профсоюзов, в 1910 году насчитывала лишь 2700 томов, многие из которых были романами. Профессиональные курсы достигли большего прогресса, но все-таки масштабы их деятельности были невелики. У Пеллутье были интересные мысли о том, как привлекать на свою сторону крестьян, он говорил, что их не следует понуждать объединяться в союзы наподобие промышленных, вместо чего надо предложить кооперативные союзы, которые бы отвечали их нуждам и принимали бы в свои ряды в том числе мелких собственников с участками земли менее десяти гектаров. Однако и в 1910 году в CGT состояло всего 9320 сельскохозяйственных рабочих. Придуманные Пеллутье гостиницы-общежития для моряков тоже не приобрели популярности, поскольку индивидуалисты-рыбаки возмущались агитацией, которую вели там городские рабочие — по той же причине моряки недолюбливали буржуазно-католические почлежные

дома. Только в среде портовых рабочих пропаганда пустила более-менее прочные корни. В целом, как видно, положение домов профсоюзов оставалось шатким. Пеллутье, хотя и довольный успехами новобранцев движения, опасался, что многие из свежеиспеченных домов профсоюзов были слишком слабы и обречены на гибель в случае прекращения государственной помощи. У него появилось ощущение, не следует создавать новых, пока не окрепнет самостоятельность и независимость уже имеющихся организаций, пока они не распространят свое влияние на сельскую округу*

Надежды на субсидии местных властей не только ставили дома профсоюзов в деликатное и опасное положение, но и служили поводом для раздоров внутри движения по вопросу о том, следует ли вообще их принимать и не являются ли они формой подкупа. После смерти Пеллутье его преемник Ивето существенно изменил характер Федерации домов профсоюзов, все больше используя ее для революционной и антимилитаристской пропаганды, а не для борьбы за непосредственные интересы рабочего класса, которой отдавал предпочтение Пеллутье. Многие дома профсоюзов или потеряли субсидии, или отказались от них. Тем не менее в 1912 году они все еще получили в общей сложности 369915 франков от муниципалитетов и 52900 франков от департаментов† До войны дома профсоюзов так и не решили вопрос достижения финансовой независимости, и один из их лидеров совершенно справедливо описывал их положение как кризисное‡.

Желтые профсоюзы

Правый фланг рабочего движения занимали желтые профсоюзы, которые некоторое время, вероятно, немногим уступали революционным союзам в численности, хотя сейчас о их существовании почти забыли. Такое название они получили благодаря своей эмблеме — желтому цветку ракитника. Их история восходит к основывавшимся католиками, главным образом в Париже и департаменте Нор, независимым профсоюзам. В 1887 году брат Иерон создал союз приказчиков, членство в котором было обусловлено религиозными обязательствами, хотя в 1900 году это требование было опущено в попытке сделать союз более привлекательным. В 1898–1899 годы подобные союзы возникли среди книгопечатников, металлургов, строителей, мебельщиков, портных. Все они предлагали большое число услуг взаимопомощи, страхования и возможностей участия в кооперативах. В департаменте Нор католические союзы процветали настолько, что объединились в федерацию и даже издавали общую газету. Ни один член этой федерации не принимал участие в забастовках, пока оставались надежды разрешить конфликт третейским судом.

* *Franck Ch.* Les Bourses du Travail et la C. G. T 1910. P 71–199.

† Annuaire des syndicats professionnels. 1912. P. XLIV–XLIX.

‡ *Delesalle P.* Les Bourses du Travail et leurs difficultés actuelles // Le Mouvement socialiste. 1908. P 161–170. Ср.: *Marie F.* Les Méfaits... // La Vie ouvrière 1911. Oct.–Nov P 507–526. P 635–654 (автор был секретарем Объединения профсоюзов департамента Сена).

Эти союзы оставались сравнительно малочисленны по причине их слишком тесной связи с церковью и работодателями: инициатива их создания, как представляется, всегда исходила сверху. Некоторые их руководители считали, что необходимо честно заявить себя в качестве католических организаций и открыто участвовать в политической жизни на стороне правых. Один из таких лидеров, Декур-Эйо, основал католическую федерацию шахтеров Union des syndicats Sainte-Barbe. Не так уж многим работодателям, однако, хватало демагогии или хитрости, чтобы учреждать профсоюзы, чья идея была бы основана на страхе божьем. Желтое движение, таким образом, наследовало этим католическим союзам, но было делом рук самих рабочих или, по крайней мере, людей, не принадлежащих к числу работодателей. Первый среди собственно желтых союзов был основан штрейкбрехерами во время забастовки 1899 года на заводах Le Creusot. Его лидер Манжматен был молодым маляром 28 лет, который успел несколько раз потерять работу и устал от забастовок* Его союз процветал. Подобный же союз образовался на шахтах Монсо, за ним последовали другие. Служащий Лионской железнодорожной компании Лануар создал в Париже независимый дом профсоюзов, соединявшие эти разнообразные союзы. Поддержку ему оказал Ляруш-Жубер, бумажный фабрикант и бонапартист. Новое националистическое большинство в Парижском муниципальном совете проголосовало за выделение субсидии, которую вскоре отменил министр-социалист Мильеран. Тем не менее президент республики Лубэ принял в 1901 году Лануара в Елисейском дворце и выказал симпатию к его усилиям. Республиканская ассоциация Мелина, которую многие считали орудием предпринимательского клана Вальдек-Руссо, также заявила о поддержке Лануара. Некоторые политические партии, кажется, рассчитывали на союз с ним на выборах 1902 года. Лануар говорил о 200 тысячах членов 317 союзов, связанных с его домом профсоюзов. В действительности их было, вероятно, в три раза меньше. И все же движение производило внушительное впечатление. Лануар, обладавший способностями к политической интриге и приобретению расположения людей, завоевал во влиятельных кругах репутацию передового человека.

Однако внутренний разлад обрушил всю его конструкцию как карточный домик, когда его заместитель Пьер Бьетри восстал против его власти. Бьетри был страстным агитатором, выдающимся оратором и умелым организатором масс. Рожденный в бедности и безвестности, в молодые годы он пережил много приключений в Алжире, научился же писать и читать только после поступления на военную службу, на которой дослужился до капрала, но был разжалован за какой-то проступок. Затем он некоторое время работал среди часовщиков, но вскоре занялся

* Впоследствии он стал помощником начальника станции в Лионе.

организацией стачек и профсоюзов среди нескольких профессиональных групп в Ду. В 1898 году он организовал марш десяти тысяч забастовщиков на Париж. Он был делегатом социалистических конгрессов, на которых выступал против всеобщей забастовки. Статья, опубликованная им в газете Лануара, привела к исключению его из социалистической партии. Некоторое время он работал с Лануаром, но был изгнан и тем, после чего основал собственную Fédération des Jaunes, которая вскоре затмила свою соперницу. (Лануар удалился на покой в Жуан-ле-Пен, но кто платил ему пенсию — неизвестно.) В январе 1903 года Бьетри преобразовал свою федерацию в политическую партию, назвав ее Национал-социалистской (французы могут претендовать на приоритет и в этом). Партия просуществовала только год и оставила мало следов своей деятельности, но Fédération des Jaunes вскоре была восстановлена.

Точно неизвестно, на каком этапе движение получило покровительство Жапи, на которого трудилось семь тысяч часовщиков Ду. Бьетри некогда работал на него и конфликтовал с ним, но затем они, похоже, пришли к соглашению. Лануар мастерски добывал субсидии от промышленников и политиков. Бьетри потребовалось некоторое время, чтобы научиться этому искусству, так что до поры до времени нищета крайне мешала его деятельности. Штаб-квартирой ему служила одна комната, позднее только часть комнаты (разительное отличие от дома профсоюзов Лануара, где было не менее 27 помещений). Социализм Бьетри также легко трансформировался. Первоначально он был сущим еретиком среди социалистов, теперь же он выступал не только против забастовок, но и против классовой борьбы и экспроприации. Он проповедовал необходимость для каждого человека обладать собственностью. Средство достижения этого он увидел в идее Жапи об участии рабочих в прибылях. Лярош-Жубер, производитель бумаги, долгое время применял это на практике и тоже стал покровителем федерации. К ним присоединилось еще полдюжины промышленников, и федерация процветала. В 1906 году Бьетри был избран в парламент от Бреста как кандидат рабочих, выступающий против революционного экстремизма; его сторонник Дюпурке также был избран. В это время они говорили о 400 тысячах членов своей федерации (очевидно, большое преувеличение).

Однако положение Бьетри становилось все более уязвимым — его федерация могла быть ослаблена проникновением в нее политики, а его самого могли обвинить в использовании союзов для удовлетворения политических амбиций. Он попытался выйти из положения, основав в 1908 году политическую партию (Le Parti propriétiste anti-étatiste), которая должна была действовать независимо от союзов. Ставилась цель прихода ее членов к вла-

сти (на что, как предполагалось, потребуется десять лет) для ниспровержения барьеров на пути приобретения собственности максимально большим числом людей и для ограничения роли государства. Бьетри, таким образом, закончил тем, кем, кажется, должен был стать с самого начала — защитником собственников, но собственников мелких. Он остался враждебен к «капиталистическим спекулянтам» и евреям. Когда в 1908 году Западная железная дорога была национализирована, он предложил передать управление компании ее служащих. Он продвигал идеи обязательного членства в союзах и создания региональных парламентов, представляющих сельское хозяйство и промышленность и принимающих соответствующие законы. По вопросу о кооперации его движение разделилось на два лагеря: одни выступали в ее защиту, а другие отвергали на том основании, что кооперативы разорят мелких лавочников. Бьетри отличался от католиков-социалистов неприятием благотворительности: он хотел, чтобы рабочие принимали участие в управлении промышленностью (Жапи заявлял, что он сам, «к сожалению», плохой католик и уж тем более не клерикал). Движение желтых союзов в чем-то сходно с появившимся позднее фашизмом, но Бьетри при всех его способностях не имел задатков диктатора или хотя бы партийного лидера. По неизвестным мотивам он в 1910 году ушел из политики и отправился в Индокитай, где и умер в 1918 году. Явление, представленное в его лице, возродится после войны*

Чтобы получить правдивую картину профсоюзной жизни, недостаточно рассмотреть только несколько больших общенациональных федераций, объединявших лишь малую часть членов профсоюзов. Более типичным явлением был местный провинциальный профсоюз — таких в 1912 году было более пяти тысяч. В среднем в каждом из них насчитывалось около сотни членов, лишь немногие достигали численности в восемь или двенадцать тысяч†. Они были разбросаны по всей Франции и зачастую существовали в полной изоляции. Если отвести взор от Парижа или департамента Нор и обратить его на какой-нибудь бедный департамент (например, Ардеш), можно увидеть эти мелкие союзы в совсем другом свете. Они выглядят скорее клубами, чем частями организованного движения. Единственным сколько-нибудь значительным промышленным городом во всем департаменте был Аннонэ с населением всего 16 тысяч человек, и только там могли быть хоть какие-то союзы. Больше всего в городе было кожевенных и бумагоделательных производств, в 1850-х годах в нем работало только три фабрики с численностью работников свыше ста человек. Первоначально союзы были просто братствами. В 1848 году сорок или пятьдесят человек образовали профсоюз

* *Pawlowski A.* Les Syndicats Jaunes. 1911; *Bietry P.* Le Socialiste et les Jaunes. 1906; *Jolly J.* Dictionnaire des parlementaires français. T. 2. 1962. P. 599–600.

† Полный список см.: Annuaire des syndicats professionnels. 1912.

кожевенников, но в 1951 году он был распущен. Недолгое время существовали группы La Belle Étoile, Le Soleil (президентом был хозяин гостиницы), L'Union des Travailleurs (во главе стоял коммивояжер); сами названия показывают, что это традиционные общества взаимопомощи. Забастовка 1855 года состоялась без участия какого бы то ни было союза. Первый настоящий союз кожевенных рабочих был образован только в 1880 году; начав с четырехсот человек, он быстро набрал тысячу членов. Союз добился многих уступок, но самыми важными его достижениями были кооперативная пекарня, основанная в 1885 году и к 1907 году имевшая оборот в 100 тысяч франков, и пенсионная программа. Другой союз, Ouvriers Mégissiers Palissoneurs, насчитывавший 500 членов в 1900 году и 350 — в 1912 году, еще выразительнее демонстрирует сходство подобных провинциальных союзов с прежними ремесленными цехами: он сосредоточил усилия на защите своих членов от конкурентов и ограничении доступа к обучению профессиональному мастерству. Другими словами, среди кожевенников города лишь меньшинство присоединилось к профсоюзному движению, да и те не смогли образовать единый союз. Быстрое размножение мелких групп было правилом. Кроме того, на территории департамента существовало большое число крохотных союзов различных профессий. Ни один из них не входил в CGT. Единственный революционный союз, который не замыкался в местных и корпоративных рамках, был не рабочим, а союзом учителей. Крупнейшим в департаменте профсоюзом был сельскохозяйственный, основанный в 1896 году священником. В него входило 1223 члена, ежегодно отмечавших день св. Винсента посещением мессы, застольем с тостами за военные победы и хороший урожай, сдобренными речами об общественном согласии, которые произносил депутат, защищавший церковные свободы и привилегии производителей алкоголя*

Прозелитизм отдельных лиц и их личные качества часто объясняют размах профсоюзного движения в тех или иных частях страны и его тот или иной политический оттенок. Так, Лимож при Второй империи отнюдь не был важным промышленным центром, но благодаря процветавшему производству фарфора в нем было множество высокооплачиваемых ремесленников. В 1870 году (еще до войны) они внезапно образовали союз. Почему именно в *этот* момент? Благодаря внешнему стимулу. Во исполнение решений Интернационала два рабочих из Севра были направлены парижскими союзами в Лимож, и их публичные лекции дали начало движению. Подобным же образом более революционную позицию рабочих фарфоровой отрасли Лиможа побудила занять лекция, прочитанная Альманом†. Экспансия движения в сельскую местность была во многом обязана литографу Ноэлю, который, основывая сельскохозяйственный союз, ездил

* *Reynier É.* L'Organisation syndicale dans l'Ardèche // La Vie ouvrière. 1913. July–Aug. P. 19–26, 93–96, 147–154.

† Он же подвиг к включению в профсоюзное движение кровельщиков из Трелазе (см.: *Lebrun F.* Ludovic Menard et la naissance du syndicalisme ardoisier // L'Actualité de l'histoire. 1959. Oct.–dec. P. 6–7). Менар являет собой еще один пример личности, создавшей целое движение. Кровельщики впоследствии вступили в федерацию шахтеров, усилив ее революционный элемент. Работа Альмана по привлечению новых членов в движение заслуживает отдельного изучения.

по деревням. Интересно, что влияние Альмана не оказалось прочным. Лидер профсоюзного движения Лиможа гончар Треш вскоре отказался следовать за Альманом и стал поссибилистом*, а затем сторонником Мильерана, которого в 1899 году приветствовал в Лиможе следующими словами: «Теперь, когда вы являетесь министром, мы стали свободными тружениками». Треш закончил службой в *bureau de tabac*, награжденный министром за свои заслуги. Под его руководством федерация и дом профсоюзов, им основанные, занимали строго умеренную позицию и отвергали всеобщую забастовку. Эта умеренность отражала преобладание в Лиможе работников фарфоровой отрасли. Здесь профсоюзное движение зародилось в среде высокооплачиваемых рабочих и постепенно благодаря их пропаганде захватило менее привилегированные слои. Поучительно посмотреть, какого рода забастовки здесь устраивали. Многие из них предпринимались в ответ на угрозу конкуренции со стороны машин, женщин или подмастерьев. В 1895 году состоялась забастовка рабочих, возмущенных усилением дисциплины на фабриках: они требовали права уходить с работы тогда, когда им хотелось, и забастовали, когда им не было позволено в массовом порядке отправиться на громкий судебный процесс. В том же году первый женский союз в данной области (корсетниц) устроил забастовку, чтобы положить конец обязательному участию в религиозных обрядах, чего требовал работодатель. Союзы Лиможа стали основным центром распространения социализма, но как преобладавший в городе ремесленный тип преобразовал природу социализма, занесенного из Парижа, так и своеобразие экономических особенностей сельской округи преображало учение по мере его восприятия. Депутат-социалист, обращавшийся к крестьянам-избирателям, твердо выступал в защиту частной собственности (исключая возможность издольщиков стать собственниками). Антимилитаризм этих союзов ограничивался только требованием не использовать войска для подавления забастовок†.

Случай Андре Лионне — оставшийся совершенно неизвестным на национальном уровне — иллюстрирует то, как движение распространялось на местном уровне. Сын ремесленника-камнереза, он с тринадцати лет работал в Le Creusot, пока не был уволен в тридцатилетнем возрасте, потому что наставник его молодости, доктор, завещал похоронить его по гражданскому обряду, что Лионне и сделал в эпоху «морального порядка» Брольи. Затем он служил счетоводом в Гавре, где организовал не менее пятнадцати союзов. «Я не враг капитализма,— говорил он,— потому что я сторонник кооперации и, как таковой, хочу стать капиталистом. Я не сторонник вмешательства государства в дела промышленности... Я изучаю Англию уже десять лет и признаю, что полон английских идей, но не настолько, чтобы подобострастно

* Поссибилизм — течение в международном социалистическом движении, следующее политике мирного врастания капитализма в социализм путем мирных реформ (политике возможного).— *Прим. ред.*

† *Cousteix P.* Le Mouvement ouvrier limousin de 1870 à 1939 // L'Actualité de l'histoire. 1957. Dec.

копировать наших друзей по ту сторону пролива... Мы хотим сами сбросить цепи, и именно закон о профсоюзах [1884 года] станет инструментом этого освобождения... В течение двух-трех лет работодатели договорятся с нами, и более не будет забастовок... В нас нет ненависти [к ним]... мы хотим увеличить число нанимателей... и уравнять прибыли капитала и труда»* Английское влияние было скорее случайным, видимо, оказавшись следствием контактов с англичанами в Гавре, однако след, оставленный в его душе доктором-радикалом, представляется феноменом типическим. Лионне определенно был профсоюзным деятелем первого поколения. Его свидетельство поднимает вопрос о том, были ли рабочие Франции более непримиримыми врагами работодателей и государства, чем рабочие других стран, и если да, то в какой степени?

Рабочие и работодатели

В 1901 году известный журналист Жюль Уре расспросил нескольких предпринимателей об их взглядах на союзы, забастовки и арбитраж. Дословное изложение его интервью выявляет поразительный консерватизм предпринимателей. Это мелкий, но достаточно показательный пример. Ресегье, хозяин стекольного завода в Кармо, сказал: «У рабочих нет убеждений, нет инициативы, они подобны овцам... [их] необходимо вести». Появление профсоюзов означает только «перемену хозяев», и теперь работников терроризируют профсоюзные вожаки. Фабрикант с ненавистью говорит об этих лидерах и социалистах. Он представлял собой предпринимателя, противящегося любым переменам во взаимоотношениях в рамках фабрики; были и другие, конечно, которые, как и он, не могли понять, что демократизация политической жизни (о которой многие сожалели) не могла не повлиять на мир коммерции и промышленности. Тэст, вице-президент федерации союзов работодателей в Лионе, утверждал, что обязательное арбитражное рассмотрение споров разрушит «порядок и процветание, поскольку лишает силы распоряжения работодателя и подрывает его авторитет». Подобный же взгляд на общественную иерархию выказал предприниматель из Лилля, отказывающийся признавать профсоюзы: «На своей фабрике я говорю рабочим, что если у них есть жалобы, им следует послать ко мне двух старейших работников, с которыми я все обсужу, поскольку уверен в их благоразумии и рассудительности». Такой отказ вести переговоры с избранными представителями оставлял рабочим только одну возможность — насилие. В документах, рассказывающих о забастовках этого периода, снова и снова встречаются упоминания о работодателях, высокомерно игнорирующих союзы и даже не отвечающих на их письменные обращения. «Главное пре-

* Показания Лионне: Commission chargée de faire une enquête sur la situation des ouvriers de l'industrie et de l'agriculture en France, Procès-Verbaux. 1884. P. 103–110.

пятствие к установлению гармоничных отношений между предпринимателями и работниками,— писал автор, хорошо знавший промышленный мир,— наиболее часто можно обнаружить в том факте, что порой работодатели, как это случается с оскорбленными мужьями, последними узнают об устремлениях своих рабочих, степени и глубине их действительного или надуманного недовольства»*. Многие хозяева слышали жалобы своих работников только в передаче мастеров, но последние отнюдь не были друзьями рабочих. Споры о том, какую сторону в советах сведущих людей должны представлять мастера, выявляют их двусмысленное положение, а многочисленные стачки в ответ на притеснения с их стороны показывают, что зачастую именно мастера, а не хозяева, вызывали негодование рабочих. Мастера были известны своей пристрастностью. Нередко они владели бакалейными лавками или кафе, в которых заправляли их жены, так что мастера отдавали предпочтение рабочим, которые были их клиентами. Это была система патронажа, дополняющая такую же систему, контролируемую работодателями.

Согласно Рибо, в предпринимательской среде за последние тридцать лет столетия произошли перемены. «Теперь гораздо реже стали встречаться столь деспотичные хозяева, которые бы отказывались даже дискутировать с теми, кому они платят жалованье»†. Новый тип работодателя можно видеть в Савоне, нанимавшего несколько тысяч докеров в Марселе. «Времена, когда все решал работодатель, увы, прошли,— говорит он.— Еще несколько лет назад мы обращались с рабочим почти что так, как хотели. И дела от этого не страдали. Что ж, с этим покончено... Рабочий открыл глаза или, по крайней мере, кто-то открыл ему глаза. Сейчас он сознает, кто он такой, постигает свою силу, свое могущество. Отныне мы должны с ним считаться. Долгое время мы надеялись подчинить те профсоюзы, что возникли вопреки нашей воле. Мы подкупали их председателей и переманивали тех на свою сторону. Это прошло. Затем мы обвиняли во всем правительство. Мы говорили себе, что настоящий деспот — король, император, Буланже — силой и твердостью быстро бы образумил этих людей и вернул дела в прежнее состояние. Это не было правдой. Мы видим вокруг монархические правительства, более напуганные рабочим движением, чем наше собственное... Так будем же благоразумны и мудры. Волна грозит захлестнуть нас. Не будем пытаться обратить ее вспять — это невозможно. Надо внимательно наблюдать за ее движением, строить плотины»‡.

Примеры подобного философского смирения, однако, редки. Бриан настаивал, что французские профсоюзы никогда не уподобятся английским из-за глубочайших различий в менталитетах работодателей двух стран. «Между английскими работодателем и рабочим существует просто вопрос денег... Если по ходу

* *Lozé E.* Conciliation et arbitrage dans le bassin homiller du Nord et du Pas-de-Calais, 1889–1898. Paris; Nancy, 1899. P. 53.
† *Huret J.* Les Crèves, enquête. 1901. P. 140.
‡ Ibid. P. 60–64.

забастовки хозяин видит, что его деловые интересы могут пострадать, он без раздумий уступает». Но во Франции трудящиеся боролись не только ради материального интереса, но и для поддержания «гордости, уверенности в себе и кастового духа рабочего класса», поэтому устрашение и насилие были неизбежны. Французский рабочий в большей степени руководствовался желанием продемонстрировать свою силу, нежели практическим интересом, которым он был готов пожертвовать ради возможности выйти на авансцену событий и заявить: «Я хочу быть хозяином в собственном доме!»* Противопоставление двух стран в этом отношении, возможно, говорит о поверхностном знании ситуации в Англии, но доля истины в суждении Бриана была.

Даже Анри Жапи, считавшийся одним из самых либеральных промышленников Франции и предлагавший схемы участия в прибылях и пенсионного обеспечения семи тысячам своих часовщиков, проявлял к работникам отношение, которое многие из них считали невыносимым. Рабочие, считал он, вовсе не хитрые мошенники, желающие обмануть своих хозяев, они добросердечны и честны, «но они большие дети, которым нужна защита и опека, и мятежные мысли посещают их тогда, когда они чувствуют, что потеряли эту защиту или что опека над ними грозит превратиться в господство». Будучи филантропом, своей целью этот фабрикант ставил сохранение своего влияния на работников. Долю в прибылях он выделил им не потому, что был социалистом, а чтобы поделиться частью удовольствий, предоставляемых обладанием капиталом†. В унисон ему производитель шоколада Девинк в 1874 году утверждал, что путь к примирению классов лежит через «исправление нравов рабочего», через усвоение им буржуазных стандартов и устремлений. В десятом округе Парижа 46% детей — незаконнорожденные. «Мы должны возродить нравственность, без чего никогда не добиться порядка»‡.

Тот факт, что многие предприниматели являлись преуспевшими рабочими, не исправлял положения. Фредерик Леви, который в течение двенадцати лет на посту мэра Парижа при Второй империи пытался соединить рабочих и работодателей в смешанных союзах, признав в конце концов свою полную неудачу, сказал, что «ставшие хозяевами бывшие рабочие — самые упрямые и неподдающиеся убеждению»§. Эти новые люди определенно осознавали существование разрыва между собой и рабочими, хотя и не всегда могли сформулировать это в словах. Председатель парижского союза производителей ковров жаловался в 1884 году, что когда он стал хозяином, то взял на работу своих старых товарищей — для него они были не рабочими, а друзьями. Когда началась забастовка, те, однако, приняли в ней участие, что причинило ему жестокую боль** Также и владелец литографической мастерской заявил, что хотя в его профессии девять десятых хо-

* Ibid. P. 166–167.
† Ibid. P. 117.
‡ *Desportes F.* Enquête sur les associations syndicales. 1874. P. 85.
§ Ibid. P. 148.
** Procès-verbaux de la commission... sur la situation des ouvriers. 1884. P. 279

зяев выбились из низов, «с момента, как вы становитесь во главе фирмы, для работников вы становитесь врагом»*

Рабочие негодовали, когда хозяева смотрели на них сверху вниз, и не желали быть париями общественного строя. Возможно, они бы перенесли это, если бы превосходство хозяев было очевидно, но только немногие из последних были способны внушать уважение. Посредственность и некомпетентность встречались сплошь и рядом, давая трудящимся веские причины презирать многих работодателей. Любопытно встретить в 1880-х годах рабочих, которые критиковали не столько капиталистическую систему, сколько неспособность ее лидеров успешно управлять ее. Толен, один из пионеров профсоюзного движения, считал повторяющиеся экономические кризисы следствием невежества работодателей, которые тупоумно полагали, что единственным ответом на конкуренцию может быть снижение зарплаты. Они забывали о транспорте, кредите и методах реализации продукции. «Большинство наших промышленников — люди с весьма узким кругозором, которые видят в работе необходимость, которой они должны пожертвовать какое-то время, чтобы получить возможность уйти со сцены и проживать свои сбережения в каком-нибудь отдаленном уголке и, как говорят, выращивать капусту. Промышленник с такими взглядами, видящий в уходе от дел утреннюю зарю блаженной жизни, позволяет оборудованию приходить в негодность. Он не поспевает за тем, что происходит в других странах. Как только он накапливает достаточно денег, то продает фирму или, если необходимо, ликвидирует ее и уезжает»† И президент Парижской экспортно-торговой палаты, и Жак Зигфрид, самостоятельно сколотивший свое состояние магнат, признали правду нарисованной картины: французские фабриканты, соглашались они, не умели продавать свои товары и адаптировать свое производство к нуждам мирового рынка‡. Толен утверждал, что вражда между хозяином и работником питалась не только ростом фабрик, но и откровенной погоней за прибылью, распространившейся во время Второй империи, когда спекулянты цинично зарабатывали деньги любыми способами, игнорируя моральные соображения. Рабочий, наблюдая это, не мог приобрести чувство долга§.

Становилось все яснее, что рабочие не получают справедливой доли прибылей от процветания предприятий. С 1806 по 1891 год стоимость акций Anzin Mine Company выросла в 23 раза, акции Courrières Mines в 1891 году стоили в полтораста раз дороже, чем в 1851 году, акции Lens выросли в 90 раз и ежегодно приносили дивиденды, в три раза превышающие их первоначальную стоимость. За тот же период зарплата шахтеров лишь немного увеличилась, оставаясь на уровне прожиточного минимума, и даже безжалостно снижалась всякий раз, когда наступал

* Ibid. P. 89.
† Ibid. P. 127–131.
‡ Ibid. P. 272, 274.
§ Ibid. P. 130.

экономический спад*. Работодатели в массе своей сопротивлялись любому перераспределению богатств и методично боролись с ростом профсоюзного движения. Со временем некоторые из них стали понимать, что из-за подобного отношения французские профсоюзы стали для них более опасны, чем это было необходимо самим профсоюзам. Один предприниматель заявил на конгрессе Федерации промышленников в 1907 году: «Поскольку до сих пор предприниматели делали все возможное, чтобы благоразумные рабочие не вступали в союзы, хозяйничать в них стали рабочие безрассудные». Другой добавил: «Если бы работодатели не игнорировали союзы, мы не оказались бы в том положении, в котором сейчас находимся»†.

Культура рабочего класса

Профсоюзные лидеры, сколь бы интересны они не были, дают представление только об одной и сравнительно небольшой части пролетариата. Они были элитой, уровень квалификации и образования которой был выше среднего. Все они также были потомственными рабочими, а не новичками. Они не были типичны, поскольку, обладая хорошей квалификацией, не желали покидать ряды рабочего класса, не собирались заводить собственное дело и не стремились к продвижению по службе‡. Вскоре начался конфликт между этими активистами и теми, чьи интересы они пытались представлять, что в значительной мере оказало влияние на следующий этап развития профсоюзного движения.

В растущей обрабатывающей промышленности большая часть работников была из крестьян, они шли на фабрики в поиске лучшей доли. Сложно, конечно, выявить и обобщить мотивы, заставлявшие людей покидать землю, но одно исследование, проведенное доктором из Тарна, выявило следующие мотивы (в порядке уменьшения значимости): более высокий заработок, более регулярная работа в течение всего года, страховка от болезни и несчастного случая, перспектива получения пенсии§. Подобных преимуществ сельское хозяйство в то время предоставить не могло. Долгое время выходцы из крестьян сохраняли многие привычные убеждения. Работавшие в шахтах Кармо, например, часто продолжали обрабатывать участок земли, на котором выращивали значительную часть необходимых продуктов питания; их шахтерская зарплата должна была идти на приобретение тех вещей, которые они не могли произвести, а также откладываться на покупку или строительство дома. Не уменьшая времени, проводимого в шахтах (где продолжительность рабочего дня была ограничена законом), они сверх того отрабатывали примерно половину крестьянского рабочего дня до или после подземной смены. Между ними и теми, кто потерял связь с землей, неизбежно воз-

* *Lozé E.* La Crève de 1891 dans les bassins homillers du Nord et du Pas-de-Calais. Arras, 1891. P. 22–23, 41.

† *Olphe-Gaillard G.* L'Organisation des forces ouvrières. 1911. P. 295. Ср.: *Stearns P.* Employer Policy towards Labour Agitation in France 1900–1914 // Journal of Modern History. 1968. P. 474–500.

‡ *Maurice M.* Déterminants du militantisme et projet syndical des ouvriers et des techniciens // Sociologie du travail. 1965. July–Sept. P. 254–272.

§ Цит. по: *Trempé R.* Les Mineurs de Carmaux 1848–1914. 1971. P. 184–185.

никали трения, поскольку первые, получая со своих участков большую часть продуктов, были в состоянии работать за меньшие деньги. Полная пролетаризация этих крестьян требовала большого времени.

В Кармо на рубеже столетий около 37% шахтеров имели собственные дома, а 44% владели земельными наделами. Эти люди не искали возможности улучшить жилищные условия, поскольку предпочитали владеть захудалыми лачугами, чем жить в новых кварталах, построенных работодателями. В Кармо горнодобывающая компания построила в 1866 году для своих рабочих 91 дом (каждый с двумя комнатами и надворной постройкой), но найти жильцов удалось только для 20 из них, поскольку рабочим не нравился вычет квартплаты из заработка, они не желали компенсировать ущерб, причиняемый зданию по их вине, да и вообще не любили, чтобы компания вмешивалась в их личную жизнь. Для некоторых рабочих это давало повод, чтобы отказаться от поселения в этих домах. В Па-де-Кале шести крупнейшим горнодобывающим компаниям удалось привлечь в свои дома 51% работников, а в департаменте Нор в некоторых компаниях эта доля составляла 85%. Однако рабочие из крестьян часто даже отказывались от предлагаемых им работодателями кредитов, предпочитая занимать деньги частным образом под более высокий процент. Средства, которые были необходимы для покупки дома, собирались так, как это исконно делали крестьяне — с помощью приданого или полученного наследства. Суммы были мизерные, но они стремились к статусу собственника, даже если приходилось удовольствоваться покупкой половины дома или одной комнаты (но всегда с частью сада и хлева). Социологическое исследование, проведенное в 1950-х годах, показало, что эти рабочие крестьянского происхождения имеют более оптимистический взгляд на возможность улучшить свое общественное положение, нежели неквалифицированные рабочие городского происхождения. Рабочие из крестьян имели меньшие семьи, меньше жаловались на тяжелые условия жизни и испытания, с которыми они сталкивались, поскольку рассматривали свою работу на фабрике лишь как временный этап. Уровень их образования в целом был ниже, чем у их товарищей, но, возможно, из-за ограниченности своего знания мира они питали больше надежд найти лучшую работу или, по крайней мере, добиться лучшей доли для своих детей. Как правило, они не горели желанием оставаться фабричными рабочими. О политике они говорили гораздо меньше остальных рабочих; также они не считали, что миром управляет закон классовой борьбы. Разрыв с земледельческим трудом убеждал их в том, что человек может преодолеть любые социальные барьеры*. Постоянный приток этих крестьян размывал ряды революционно настроенных рабочих и ослаблял их энтузиазм.

* *Touraine A., Ragazzi O.* Ouviers d'origine agricole. 1961.

Поступление на фабрику, однако, приносило крестьянам новые серьезные проблемы. Во-первых, постоянная занятость отнюдь не была гарантирована: они могли стать жертвами экономических кризисов, наступление которых предвидеть не могли, в отличие от порядка смены сезонов. Это можно проиллюстрировать примером шахт Кармо, положение на которых хорошо осветил Ролан Трempe, использовавший архивы рабочих, работодателей и государственных инстанций. Компания часто, испытывая трудности с реализацией угля, прибегала к временному увольнению шахтеров (в 1886 году — на целых 56 дней). Время от времени она вообще переставала набирать новых рабочих; в городе царил страх быть уволенным. Рабочие чувствовали себя жертвами тайных сил. Новая тирания также стесняла их. Когда они поступали на шахты и при этом сохраняли связь с землей, то редко работали полную шестидневную рабочую неделю. Невыходы на работу были настолько распространенной практикой (порой доходя до 50%), что рабочие получали премии, если работали хотя бы 23 дня в месяц, что было настоящим подвигом. В понедельник обычно отдыхали после воскресенья; ярмарочные дни и праздники также были предлогом, чтобы отложить в сторону орудия труда. Компания сражалась за то, чтобы привить этим людям понятие о дисциплине, ибо нерегулярный характер работ стоил ей значительных потерь. В 1914 году невыход на работу снизился до 4%. В своей борьбе компания использовала штрафы, угрозы, увольнения, но в конце концов выработала новые методы начисления зарплаты, признав этот путь самым эффективным. Это стало еще одним источником конфликтов. Компания Carmaux выжила, поскольку строго придерживалась политики снижения цен и повышения производительности труда. Это частично достигалось за счет внедрения технологических новшеств, но также и побуждением рабочих к более усердному труду. Ответом на это давление было усиление профсоюзной агитации. К 1890 году рабочие в массе своей находились в полной зависимости от компании, поскольку большинство из них к тому времени пролетаризировалось и полностью зависело от заработной платы, так что компания имела все средства для достижения своих целей. Трудящиеся и предприниматели никогда не понимали друг друга. Рабочие не имели экономических знаний или не понимали тенденций развития национального рынка, поэтому они винили компанию во всех неудачах, рассматривая каждую меру экономии как проявление злой воли или попытку отомстить рабочим за успешную забастовку. Мергейм был одним из первых профсоюзных деятелей, предпринявших сколько-нибудь реальное изучение финансового положения компании, но это произошло уже после 1910 года* Угольная компания, со своей стороны, интересовалась только себестоимостью, игнорируя проблему прожиточного ми-

* Cras C. Mertheim et le capitalisme // Le Mouvement social. 1968. 63. P. 143–163.

нимума, волновавшую профсоюзы. Зарплаты росли, но росли также и цены, а еще больше — ожидания и нужды рабочих. Лавочник, должниками которого рабочие постоянно становились, соблазнял новыми продуктами питания, без которых рабочие вскоре уже не хотели обходиться. В 1890-х годах они начали жаловаться не только на дороговизну продуктов, но и на невозможность удовлетворения «многих других нужд, важных для нашего существования». В частности, они стали больше интересоваться одеждой. Директора компаний не понимали этой перемены и осуждали требования рабочих как «претенциозные», продолжая считать «естественной» умеренность и бережливость. Между рабочими и работодателями нарастала неприязнь, пререкания по частным вопросам начисления оплаты становились бесконечными. Поскольку существовало множество различных специальностей с разным уровнем оплаты, для каждой из которых был характерен свой уровень безработицы, между рабочими сохранялся антагонизм, но к 1890-м годам он был побежден чувством солидарности. На некоторое время профсоюзам удалось объединить трудящихся. Борьба приняла политический характер, и существование всей капиталистической системы оказалось под вопросом. Однако затем расколы в профсоюзном движении больно ударили по его престижу. Возникла враждебность к его лидерам, которые стали новой силой, вызывавшей зависть и недоверие. Мощное сопротивление работодателей побуждало рабочих придерживаться сдержанного и осторожного курса. Несколько безуспешных забастовок подряд в сочетании с падением спроса на труд сделали осмотрительными даже профсоюзы. Таким образом, профсоюзное движение ослабло, а его взаимоотношения с собственными членами стали столь же напряженными, как и отношения с работодателями*. Далее будет видно, как сотрудничество с государством позволило профсоюзам найти выход из этого тупика. Как и республиканцы, в конечном итоге заключившие сделку с государством, многие профсоюзы закончили тем, что стали скорее каналом связи между государством и рабочим, нежели представителем последнего. История профсоюзного движения после 1914 года в значительной степени представляет собой историю того, как это случилось.

Более-менее схожие программы профсоюзных лидеров не могли отразить широкое разнообразие позиций рядовых членов. Работа Алена Турена показала, что парижские рабочие, связанные многообразными отношениями с другими классами, имеют уникальное мировоззрение: они хотят, чтобы их дети учились, и возлагают на них большие надежды. Их оптимизм частично основывается на том факте, что зарплаты в Париже выше, чем в остальной Франции, но парижские рабочие также обладают более широкими взглядами на тот класс, к которому они, по их

* *Trempé R.* Les Mineurs de Carmaux. 1971.

мнению, принадлежат, и выражают свои суждения чаще в политических, а не в профессиональных терминах. Их положение находится в резком контрасте с положением рабочих чисто промышленных городов, а также рабочих средних по величине городов с преобладанием чиновничества (там рабочие в три раза чаще, чем в Париже, хотят видеть своих детей на государственной службе). На эти региональные вариации, бросающиеся в глаза при изучении любой местности, накладываются не менее важные профессиональные различия. Так, газовики оценивают шансы на служебный рост в два раза выше, чем шахтеры, соответственно отличается их отношение к своему положению. Классовое сознание строительных рабочих развито незначительно, они часто стремятся начать собственное дело. Металлурги, объединенные в наиболее боевитые профсоюзы, ощущали неустойчивость своего положения в этой быстроменяющейся отрасли, и их приверженность рабочему классу была наиболее твердой — они предпочитали отстаивать его интересы, а не искать способа покинуть его ряды. Однако и среди них есть значительные различия в зависимости от типа предприятия и специальности. Так, на вопрос Турена о том, есть ли люди, чьи интересы абсолютно противоположны общим, капиталистов назвали 44–47% опрошенных на предприятиях с численностью работающих свыше 500 человек, и только 12–15% на предприятиях с численностью работающих от 10 до 50 человек. Еще меньше сходство между рабочими высокой, средней и низкой квалификации. Первая категория в качестве своего главного устремления называет профессиональный рост и улучшение своего экономического положения, тогда как рабочие средней квалификации менее оптимистично оценивают свои шансы и мирятся с тем, что их дети останутся рабочими. Однако, поскольку они не собираются покидать ряды рабочего класса, они часто с большей решительностью готовы отстаивать его общие интересы. Обеспокоенность возможностью потерять свое место также неодинакова: в некоторых секторах и на определенных ступенях служебной лестницы ее выражали 60% опрошенных, в других — 6%*. Мобильность рабочей силы — о которой надо собрать больше исторических свидетельств — была высокой, что показало исследование семей рабочих, проведенное Шомбаром де Лауве в 1950-х годах, причем 24% респондентов в его выборке меняли место работы свыше десяти раз, а 42% более, чем три раза меняли род занятий. Желание сменить профессию выразили 73% неквалифицированных рабочих, 78% рабочих средней квалификации и 59% высококвалифицированных рабочих. Эта мобильность была ответом на однообразие труда, отсутствие гарантий и притеснения, но она плохо сочеталась с профсоюзной дисциплиной. Также различия между слоями рабочего класса ярко проявились в статистических показателях смертности детей в возрасте

* Touraine A. La Conscience ouvrière. 1966. P. 55, 60, 106–107, 134, 173, 119–215, 242

до одного года за 1954 год: 61,7 на 1000 детей в семьях неквалифицированных рабочих, 51,9 — у рабочих средней квалификации, 34,5 — у лавочников, 32,4 — у высококвалифицированных рабочих, 30,5 — у служащих, 23,9 — у промышленников, 19,0 — у представителей свободных профессий*

Различия между рабочими подчеркивались тем, как они отдыхали. Так, в Сент-Этьене шахтеры были склонны вступать в гимнастические клубы, оружейники образовывали стрелковые клубы, лавочники и ремесленники увлекались охотой на голубей, тогда как шахтеры голубей разводили. Оружейники, однако, делились на тех, кто работал на государственных предприятиях, и тех, кто трудился в мелких ремесленных мастерских. Последние были решительно антиклерикальных настроений, но к объединению в профсоюзы относились неприязненно. Даже употребление спиртного, являвшееся основным видом отдыха многих рабочих, происходило в удивительно узких группах. В XIX веке резко выросло число кабачков, которые буржуазия осуждала как гнезда разврата и противозаконной агитации, но в которых рабочие находили теплый прием, удобства, возможности общения и встреч своих клубов. С 1856 по 1858 год число таких заведений в Лилле увеличилось с 909 до 1303. В Сент-Этьене, уступавшем только Парижу, при Третьей республике был один кабачок на 62 жителя, то есть по одному на 15 избирателей или на 3 дома. Эти заведения способствовали укреплению отношений между соседями и являлись важным общественным фактором. Преобладавший вид партикуляризма можно продемонстрировать на примере Лилля, где общества взаимопомощи при Второй империи исключали тех своих членов, которые выпивали больше полулитра пива в тех кабаках, которые не служили местами встреч их обществ. В Лилле при Второй империи было 63 застольно-песенных клуба, 37 карточных клубов, 23 клуба для игры в шары, 13 — для игры в кегли, 10 клубов стрелков из лука, 18 — стрелков из арбалета. У них были свои председатели, старейшины, казначеи и ответственные лица, они устраивали шумные банкеты и праздники, на которые порой уходили все финансовые ресурсы. Так что рабочий мог вести довольно деятельную жизнь и помимо профсоюзов†

Рабочий не обязательно искал в союзах поддержку, чтобы справиться с личными невзгодами. Одним из ярких отличий фабричного рабочего от остальной части населения является то, что он часто не обедал дома. Из-за продолжительного рабочего дня он проводил мало времени с семьей, меньше, чем это было принято в среде буржуазии, чьи обвинения рабочих в неуважении семейных ценностей кажутся проявлением исключительного лицемерия. Жилищные условия рабочих часто были ужасны, порой места хватало только для того, чтобы принимать пищу и спать. Перенаселенность была характерна для Лилля: в 1864 году в одном

* *Chombart de Lauwe P.* La Vie quotidienne des familles ouvrières. 1956. P. 7, n. 25.

† *Pierrard P.* La Vie ouvrière à Lille sous le second empire. 1956. P. 302.

из доходных домов проживал 271 человек, причем на каждого в среднем приходилось 1,7 квадратных метра жилой площади. В 1950-х годах неквалифицированные парижские рабочие располагали в среднем жилой площадью 7 квадратных метров на человека, высококвалифицированные — 11 квадратных метров. Нет свидетельств постепенного улучшения положения. Новые предместья порой были ничуть не лучше трущоб, которые они были предназначены заменить. Исследование досуга рабочих, проведенное в 1924 году, показало, что поведенческие модели часто не менялись вслед за изменением условий. Так, те, кто работал по десять часов в день, редко трудились где-то еще, но если рабочий день уменьшался до восьми часов, то многие находили дополнительную работу, так что в общей сложности были заняты до двенадцати часов в день. Дополнительное свободное время способствовало возврату к идеалам прошлого. В Сент-Этьене введение восьмичасового рабочего дня десятикратно увеличило число желающих приобрести сад или огород. Жизнь шахтеров Мозеля изменилась незначительно: они поднимались в четыре часа утра, к шести приходили на работу, заканчивали в два часа пополудни, возвращались домой в половине четвертого, обедали в четыре и ложились спать в шесть часов. Огромной переменой, которую принес XX век, была победа над привычкой к нерегулярной работе: хозяева больше не желали мириться с прогулами по понедельникам и вторникам. Дени Пуло, не понаслышке знавший то, о чем рассказывал, писал, что в 1870 году опытный рабочий, занятый 300 дней в году, был большой редкостью, обыкновенно же предприятию уделялось, как правило, 200–225 дней, кроме того, рабочий и три или пять раз в год менял место работы* Английский механик Генри Стил, проведший во Франции 23 года, писал в 1904 году, что дисциплина на французских фабриках была не такой строгой, как на английских, рабочему предоставлялось больше свободы, мастера и десятники относились к нему с большим уважением. Есть указания на то, что в XX веке эту распущенность стали побеждать, особенно в некоторых новых или модернизирующихся отраслях промышленности. Этот процесс потребовал некоторого времени. Стил отмечал, что французские рабочие стремились развлекаться без особых затрат (насколько это было возможно), в отличие от англичан, по выходным тративших изрядные суммы. Положение дел изменилось, вероятно, намного позже, быть может, только после 1936 года†.

Открывавшиеся перед рабочим возможности позволяет увидеть автобиография одного из них — Жоржа Навеля. Он был тринадцатым ребенком в семье чернорабочего, отдавшего фабрике сорок лет. Тот был разочарован работой, детьми и республикой, но не роптал. «Глиняный горшок,— говорил он о CGT,— никогда не разобьет чугунок». Его единственным утешением была

* *Poulot D.* Le Sublime, ou le travailleur comme il est en 1870 et ce qu'il peut être. 1872.

† *Steele H.* The Working Classes in France: A Social Study. 1904. P. 17, 121.

выпивка. Старший брат Жоржа также всю жизнь проработал на той же фабрике, но он легче переносил тяготы жизни, поскольку находил удовлетворение в своих хобби, садоводстве и семейном счастье. Сам Жорж, однако, с детства был бунтарем. Он остался недоучкой, поскольку за плохое поведение его постоянно выгоняли из класса, терпеть не мог фабричную работу и объездил всю страну, посвящая себя самым разным занятиям. Он ненавидел свое положение наемного работника, которое считал унижающим достоинство пережитком рабства, чувствуя, что принадлежит к классу, на представителей которого смотрят как на животных, загнанных в гетто и презираемых. Это невозможно было вынести без веры в революцию или общественный прогресс: политическая деятельность, считал он, есть единственное лекарство от *la tristesse ouvrière** Эта семья дает нам примеры трех различных отношений к жизни, каждое из которых является реакцией на изоляцию пролетариата. Жорж Навель говорил, что свои знания о буржуазии он почерпнул в кино: когда он был молод, буржуа казались ему «высшей расой, говорившей и одевавшейся лучше нас и знавшей все, чему учили в школах»†. Его отношение к буржуазии не полностью было замешано на ненависти: нашлось место крупицам восхищения или зависти.

Это еще яснее явствует из интервью с рабочими, которые взял в 1960-х годах Рене Каэ. Только 21% из опрошенных считали, что у рабочих должна быть своя культура. Против этого высказалось 70% — это были те, кто определял культуру через общение. Их не устраивала изоляция, в которой они находились. Они восхищались лицами свободных профессий, которые могли встречаться с самыми разными людьми и во всех ситуациях чувствовать себя комфортно, могли работать тогда, когда им заблагорассудится. Только самые высококвалифицированные рабочие могли надеяться, что их дети достигнут этого статуса. Но восхищение положением коммивояжеров, продавцов и государственных служащих, распространенное среди наименее образованного слоя рабочего класса, имело ту же причину: представители перечисленных занятий поддерживали контакты с миром, узнавали благодаря этому новости, без затруднений читали и писали, имели дело с чистой публикой. Эти рабочие приветствовали образование как средство выхода из изоляции и обретения чувства собственного достоинства. Они отнюдь не отвергали буржуазную культуру, даже изучение латыни. Лишь 37% опрошенных отдавали предпочтение исключительно профессиональному образованию, тогда как 6% высказывались за традиционное классическое образование, а 50% — за совмещение обоих. Плотник определял культуру как нечто противоположное тому унижению, которое он испытывал из-за своего невежества. Учителями начальной школы восторгались. Достижения Третьей республики в развитии

* Тоска рабочего (фр.).
† *Navel G.* Travaux. 1945. P. 28, 66.

образования получали признание, и рабочие по крайней мере частично разделяли ценности, которые оно представляло. Они полагали, что образование — это нечто такое, что получают в школах; только 10,5% не были удовлетворены школьным образованием и жалели, что не учились дальше. Им требовались не столько знания, сколько «умение жить в обществе», представления о том, как вести себя в кругах, отличных от их собственного, как правильно говорить и соблюдать такт, что делать, чтобы чувствовать себя непринужденно. Огромный разброс мнений вызывал вопрос о том, есть ли реальные шансы достижения этого идеала рабочим человеком. Возможным это считали 39%, невозможным — 31%, 17% считали это возможным, но очень непростым делом* Таковы были мысли рабочих в период торжества «государства всеобщего благосостояния». Невозможно применить эти данные к более ранним временам, даже представить то, каким мог быть расклад мнений в другой ситуации. Но дополнительные исследования социальной мобильности могут, тем не менее, выявить, как действительность соотносилась с мечтой.

После 1914 года

В истории профсоюзного движения 1914 год оказался переломным. CGT неоднократно заявляла, что на объявление войны она ответит всеобщей стачкой, которая будет равносильна революции. Однако ничего подобного не произошло. Жуо (секретарь в 1909–1947 годах) резко изменил позицию и поддержал войну†. Антивоенная пропаганда разом сменилась патриотической. Долгое время это казалось своего рода волшебным превращением. Буржуазии, которой угрожали гражданской войной, это казалось чудесным спасением. Миф о всеобщей забастовке был развеян. Революционный синдикализм перестал быть угрозой, которую надо было принимать всерьез. Профсоюзные лидеры объясняли, что если бы они не поддержали войну, сами рабочие расстреляли бы их как предателей, однако утверждение, что они сдались под давлением, которому невозможно было сопротивляться, находит слабые подтверждения. Этот эпизод поставил вопрос о взаимоотношениях между лидерами и массами. Жуо, по-видимому, действовал инстинктивно, не посоветовавшись со своими коллегами; говорили, что им двигало желание предотвратить жестокие репрессии, которые обрушились бы на рабочий класс в случае его сопротивления. Это было не столько крахом прежнего синдикализма, сколько разоблачением его существа. Экстремизм его часто был поверхностен, в профсоюзном движении не было единогласия. Жуо, возможно, выразил то, что, как он чувствовал, было глубочайшим устремлением рабочего класса — желание слиться с нацией (в том смысле, как ее понимал Жорес). Прежде CGT

* *Kaes R.* Images de la culture chez les ouvriers français. 1968. Об изоляции также см.: *Halbwachs M.* La Classe ouvrière et les niveaux de vie. 1913. P. 119–123.

† *Georges B., Tintant D.* Léon Jouhaux. 1962. P. 102–158.

пыталась поставить барьер между рабочими и остальной Францией, но 1914 год заставляет предположить, что этим барьером была скорее уязвленная гордость, нежели отчуждение. Позицию масс выяснить нелегко. Недавние исследования жизни рабочих-металлургов показали, что никакого энтузиазма война среди них не вызвала. Патриотический *священный союз* они считали детищем своих вожаков. Их настроение описывается как безразличное: ни единения с народом, ни отчуждения. Большее впечатление на них производили полиция и угроза отправки на фронт в случае конфликта с заводской администрацией. Они считали, что профсоюзные лидеры заключили с государством сделку. В ответ рабочие отвернулись от этих лидеров и стали искать новых, которым заботы трудящихся были ближе. Их чувство собственной обособленности не претерпело радикального изменения; якобы произошедшее растворение рабочего класса в народе, в котором некоторые усматривают значение 1914 года, не находит подтверждения*.

В 1914 году положение профсоюзов изменилось в гораздо большей степени, чем рабочих. Первые из оппонентов государства превратились в организации, все более становящиеся его частью. Во время войны лидеры CGT служили в правительственных комиссиях, сотрудничая с представителями всех классов† В конфликтах с промышленниками они обращались за помощью к правительству, рассчитывая на его вмешательство. После войны они вели переговоры о восьмичасовом рабочем дне и добились принятия соответствующего закона в 1919 году. В значительной мере этот закон имел декларативный характер, для проведения его в жизнь в различных отраслях промышленности требовались министерские распоряжения, что делало необходимым продолжение переговоров. (К 1926 году преимуществами восьмичасового рабочего дня пользовалось, вероятно, около пяти миллионов рабочих, хотя всякого рода исключения снижали эффект действия закона.) Профсоюзы до войны саботировали закон о страховании 1910 года, но в 1928 году они сотрудничали при подготовке нового. Их позиция изменилась: противодействуя работодателям, отстаивавшим патерналистские страховые схемы, которые препятствовали бы рабочим вступать в союзы, последние прибегали к помощи государства. Закон 1928 года, согласно которому как рабочие, так и работодатели отчисляли по 5% от фонда оплаты труда, был обязателен для всех работников, получавших менее 18000 франков в год, благодаря этому тридцатилетний стаж давал право на 40%-ную пенсию. Сенат препятствовал прохождению этого закона, поскольку тот первоначально предусматривал выделение государственных субсидий (сейчас установлено, что он ничего не стоил государству, которое только выступало посредником между рабочим и работодателем). Закон требовал

* *Julliard J.* La C. G. T. devant la guerre (1900–1914) // Le Mouvement social. 49. Oct.–Dec. 1964. P. 47–62; *Kriegel A., Becker J. J.* 1914, la guerre et le mouvement ouvrier français. 1964; *Gallo M.* Quelques aspects de la neutralité et du comportement ouvriers dans les usines de guerre 1914–1918 // Le Mouvement social. 56. July–Sept. 1966. P. 3–33.

† *Picar R.* Le Syndicalisme Durant la guerre. 1927; *Rosmer A.* Le Mouvement ouvrier pendant la guerre. 1936, 1959.

сотрудничества союзов в учреждении страховых фондов, и союзы с этого момента стали отдавать их организации большую часть своего времени. Они все чаще встречались с работодателями в правительственных кабинетах и принимали участие в работе официальных органов (особенно заметны они были в Национальном экономическом совете в 1924 году). Профсоюзы более не испытывали сомнений, принимая правительственные дотации для собственных фондов поддержки безработных, их получала даже коммунистическая CGTU*. Дома профсоюзов просто превратились в финансируемые государством биржи труда. CGT даже поддержала законопроект 1925 года, которые предусматривал обязательное вмешательство правительства во все трудовые споры. Теперь она редко предпринимала забастовки, разве что для привлечения внимания государства к тем или иным проблемам, а не ради победы над бизнесом. Такая практика получила название *politique de presence*†, и это означало, что CGT, отвергая действительное участие в правительстве, участвовала в каждой дискуссии, затрагивавшей интересы рабочего класса. Иначе говоря, на первый план все больше выдвигалась задача оказания давления на государство и ведения с ним переговоров‡.

Эти отношения достигли своего пика в 1936 году, когда государство навязало предпринимателям Матиньонское соглашение, в соответствии с которым работодателей принуждали признать союзы и вести с ними коллективные переговоры под контролем государства. Профсоюзам, хотя те и представляли меньшинство, благодаря поддержке государства был присвоен статус представителей всей массы рабочих. Министерство труда в дальнейшем постановило, что CGT должна считаться «наиболее представительным союзом, с которым работодатели должны заключать коллективные договора. Коллективные переговоры были введены законом 1919 года, но к 1933 году в сферу его деятельности попадало только 7,5% наемных работников (в основном в горной промышленности и на транспорте; в металлургии — только 1,4%). Сопротивление работодателей и их нежелание видеть в профсоюзах партнеров привели к сильному отставанию Франции от соседей в этом отношении. Положение изменилось в 1936 году, но одной из важнейших черт нового порядка стало то, что если неспособность профсоюзов и работодателей заключить соглашение или если споры относительно коллективного договора приводили к возникновению тупиковой ситуации, то разрешить ее должен был правительственный арбитраж. Как в дальнейшем оказалось, только в 4% споров не потребовалось вмешательства правительственных органов. Трудовые отношения и стачки, таким образом, все больше зависели от государственных органов и общественного мнения, а не от позиций противоборствующих сторон. Поэтому стратегия социального конфликта в корне

* Единая всеобщая конфедерация труда (Confédération générale du travail unitaire)

† Политика присутствия (фр.)

‡ Исчерпывающее описание этого с позиций CGT см. *Lefranc C.* Le Mouvement syndical sous la Troisième République. 1967. P. 283 ff. Лефранк возглавлял профсоюз учителей.

изменилась. CGT оказалась не готова к этому и никогда всерьез не обсуждала новые создавшиеся проблемы. В ее «программе-минимум» 1918 года говорилось только о национализации ключевых отраслей промышленности и возрастании роли рабочих в принятии экономических решений. План 1934 года продемонстрировал отсутствие у профсоюзного объединения непосредственного намерения ликвидировать в будущем систему частного предпринимательства, хотя оно и отдавало предпочтение национальному планированию экономического развития с участием рабочих. В силу этого в 1944—1945 годах именно государство, а не профсоюзы, бросило принципиальный вызов предпринимателям, именно оно взяло на себя инициативу начала борьбы за лишение работодателей остатков независимости*

Такой исход можно отчасти объяснить особенностями состава профсоюзов. Союзам плохо удавалось привлекать на свою сторону работников частного сектора, вместо чего они стали преимущественно представлять рабочих предприятий общественного сектора и государственных служащих. На протяжении большей части времени между мировыми войнами насчитывалось всего миллион членов профсоюзов. Их численность дважды резко возрастала на волне пропаганды и энтузиазма: в 1918—1919 годах в два раза, в 1936 году — в пять раз (с одного до пяти миллионов). Однако в текстильной промышленности, металлургии и строительстве членов профсоюзов в 1930 году было меньше, чем в 1914 году. Мощный и постоянный рост профсоюзных рядов происходил в общественном секторе или в связанных с ним отраслях, которые частично контролировались государством, таких как горная промышленность, транспорт и портовое хозяйство. Государство поддерживало этот процесс, поскольку создавало смешанные комиссии с профсоюзами. В 1930 году заявлялось, что в союзах состояло до 90% государственных служащих, 75% горняков, 60% работников полугосударственных предприятий коммунального хозяйства, но менее 20% в прочих отраслях (кроме печатников). Эти данные сильно преувеличены, но о пропорциях, по-видимому, они дают верное представление. Автор одного из недавних исследований утверждает, что среди рабочих частных промышленных предприятий только 6,3% были членами профсоюзов†. Как бы то ни было, в 1935 году из 775 тысяч членов CGT 350 тысяч были государственными служащими или работниками предприятий общественного сектора и 165 тысяч — железнодорожниками (чье положение регулировалось специальным статутом)‡.

Когда в период кризисов массы вступали в профсоюзы, старые лидеры не способны были с ними справиться. Новые члены в целом представляли иной тип трудящихся, обычно это были рабочие средней квалификации модернизируемых отраслей, не так

* Есть несколько хороших работ о борьбе в сфере трудовых отношений, например: *Lorwin V. R.* The French Labor Movement. Cambridge (USA), 1954; *Ehrmann H. W* French Labor from Popular Front to Liberation. New York, 1961. См. также: *Sellier F.* Stratégie de la lutte sociale. France 1936—60. 1961; *Laroque P.* Les Rapports entre patrons et ouvriers. 1938; *Sturmthal A.* Nationalisation and Workers' Control in Britain and France // Journal of Political Economy. 61. 1953. Feb. P. 43—79.

† *Ehrmann*. Op. cit. P. 25. Тщательные подсчеты численности членов профсоюзов см.: *Kriegel A.* La Croissance de la C. G. T. 1918—21. 1966; *Prost A.* La C. G. T. à l'époque du front populaire, 1934—39: essai de description numérique. 1964.

‡ По поводу государственных служащих см.: *Mer G.* Le Syndicalisme des fonctionnaires. 1929.

давно оторвавшиеся от своих крестьянских корней и не имевшие традиций рабочей солидарности. В 1936 году в компаниях с численностью занятых более 500 человек работало 1063000 промышленных рабочих, и еще 1393000 — в компаниях с численностью занятых от 100 до 500 человек. Массовое производство соединило их в больших группах, но вместо прежнего длительного времени их обучали за неделю. Это создавало новую атмосферу на предприятиях. Забастовки, устраиваемые этими «новобранцами», зачастую никак не были связаны с организованными союзами. Так, в мае 1919 года CGT организовала демонстрацию в ознаменование возобновления пропагандистской работы среди рабочих после войны, за ней последовал ряд забастовок по всей стране. Со стороны это выглядело мощным наступлением на капитал, но в действительности между отдельными забастовками не было никакой связи, они предпринимались ради достижения целей исключительно на местном уровне. В 1920 году железнодорожники, образовавшие к тому времени крупнейший в стране союз, начали забастовку и вынудили CGT объявить всеобщую стачку в их поддержку. Результаты были катастрофическими. Забастовали только примерно 40% железнодорожников. Возможный экономический хаос был предотвращен решительным противодействием как государства, так и средних классов. Робкая политика CGT по организации следующих друг за другом волн всеобщих стачек оказалась совершенно неэффективной. Экстремистское меньшинство, ведомое Монмуссо, захватило руководство союзом железнодорожников и заставило CGT форсировать события, так что внутренние разногласия парализовали движение. Уволены были 12% участвовавших в забастовке железнодорожников (18 тысяч человек, или 5% работников отрасли). Победа работодателей была полной, и глубокое разочарование почти сразу надвое разделило членов профсоюзов. CGT оказалась неспособна повести за собой рабочий класс. Значительные стачки начинались без ее согласия, в федерациях местные союзы игнорировали своих лидеров. Это было особенно заметно среди работников металлургической промышленности, которые отвергли заключенные соглашения с работодателями о восьмичасовом рабочем дне, а затем и отреклись от своих местных союзов*

Профсоюзное движение оказалось дискредитировано еще больше, когда в 1921 году анархисты и коммунисты откололись и создали соперничающую с CGT Единую всеобщую конфедерацию труда. Русская революция оказала исключительно сильное воздействие на рабочий класс. Ее влияние и подъем коммунистической партии во Франции являются предметами, требующими отдельного рассмотрения. Но с профсоюзной точки зрения результатом этого раскола было не только резкое уменьшение силы CGT (в ней осталось 250 тысяч против 500 тысяч раскольни-

* Тщательное исследование забастовки железнодорожников, основанное на изучении широкого спектра новых источников, включая архивы работодателей, см.: *Kriegel A.* Aux origins du communisme français. 1964. 1. P. 359–547. См. также: *Shorter E. L., Tilly Ch.* Le Déclin de la grève violente en France de 1890 à 1935 // Le Mouvement social. July–Sept. 1971. P. 95–118. Авторы статьи показывают, что после Первой мировой войны сопровождавшиеся насилием стачки происходили в шесть раз реже, чем до войны. Они полагают, что это говорит о возросшей интеграции рабочих.

ков), но и появление в лице CGTU союза нового типа. К 1924 году коммунисты захватили власть в CGTU и исключили из нее большинство анархо-синдикалистов, что уменьшило численность организации до 230 тысяч членов (такие данные были заявлены в 1935 году)* Но лидеры полностью контролировали эту оставшуюся часть, действуя по указке коммунистической партии. Для управления союзами был создан постоянный аппарат — полная противоположность анархистским традициям выборности и регулярной смены лидеров. Эти союзы, таким образом, больше служили делу защиты и обеспечения безопасности, нежели поощрению свободных дискуссий. Коммунисты считали профсоюзы одним из способов организации рабочих, но более важным для них было вступление в партию, поскольку самостоятельно выработать революционное сознание рабочие не могли. Дисциплина, к которой промышленные предприятия приучали пролетариат, должна была стать стержнем профсоюзной организации. В 1936 году CGTU вновь слилась с CGT К 1938 году коммунисты составляли большинство в этой воссозданной CGT Положение рабочих в этой организации существенно изменилось†.

Трансформацию завершили события 1936 года, явившиеся для рабочего движения едва ли не самым волнующим и важным опытом столетия. Перемена была замечательной и парадоксальной. Очевидно, что правительство Народного фронта использовало эти события, чтобы заставить работодателей вести переговоры с CGT и союзами. Но хотя статус последних укрепился, а численность беспрецедентно возросла, им не удалось стать истинными выразителями воли рабочих. Пятикратный рост в течение одного года полностью изменил характер профсоюзов. В химической промышленности количество членов профсоюзов увеличилось в 60 раз, в стекольной промышленности — в 23 раза, в металлургии — в 18 раз (среди государственных служащих и учителей, составлявших костяк CGT в 1920-е годы, прирост составил только 50%). Теперь, наконец-то, профсоюзное движение стало массовым (по крайней мере, по французским стандартам), им оказалось охвачено более 50% трудящихся. Но это означало, что в союзах оказалось полным-полно малоквалифицированных рабочих без какого-либо опыта организации, и лидеры оказались не в силах справиться с ними. Как говорится, все время организаторов уходило на сбор взносов. Вот почему коммунистам удалось захватить контроль и с помощью своего аппарата направить массы в русло политической борьбы. После 1936 года членство в союзе уже не имело характер мятежа — внимание стали привлекать скорее те, кто не состоял в нем. Более значимым политическим жестом стало вступление в компартию.

В 1936 году CGT со своими реформистскими традициями старалась сохранять порядок и вести переговоры миролюбиво. Три

* CGT к тому времени была в три раза больше, что произошло преимущественно за счет привлечения в ее ряды государственных служащих.

† *Labi M.* La Grande Division des travailleurs, première scission de la C. G. T. 1914–21. 1964.

четверти ее членов не принимали участие в забастовках того года, которые преимущественно были спонтанными выступлениями неорганизованных рабочих, действовавших независимо. Временные захваты предприятий стали легендой революционной истории, и они были революционны в том смысле, что на время рабочие почувствовали себя освобожденными от дисциплинарных ограничений, накладываемых своей работой. Они поставили работодателей на колени, и казалось, что отношения с последними никогда не станут прежними. Но важно отметить, что эти забастовки объединялись только своим методом: занятие фабрики стало новым оружием, использование которого было следствием стихийного подражания, а не результатом получения приказов центральных, отраслевых или местных профсоюзных органов. Действия рабочих означали, что они считают бесполезным полагаться на союзы или даже правительство, а полагают необходимым брать дело в собственные руки. Поэтому они договаривались только со своими работодателями, добиваясь улучшения положения только на своем предприятии. В середине июня во временных захватах фабрик участвовало максимальное число людей (около миллиона), но все эти случаи были различными способами урегулированы на местном уровне. Практически ни в одном из них не просматривается намерения к разрушению капиталистической системы: были сидячие забастовки, занятия предприятий, но не захваты в подлинном смысле слова. Поднимались красные флаги, но выступлений против государственных органов не предпринималось, как и попыток восстать против буржуазии в целом. Профсоюзы умножили число своих членов, но рабочие отвергали их претензии на руководство стачками. Когда трудящимся нужна была внешняя поддержка, они обращались к депутату, мэру или муниципальным советникам. Директор кондитерской фабрики в Ла-Курнёв, которого взяли под стражу собственные рабочие (что случалось не так часто, как об этом принято думать), говорит, что легко договорился бы с ними, если бы не вмешательство местного депутата-коммуниста, призывавшего тех не уступать*.

После 1936 года профсоюзы больше имели дело с предпринимателями, с точки зрения рабочих они были едва ли не излишни, так как спорные вопросы разрешались государством. Многие чувствовали, что лидеры союзов вошли в роль политиканов, обратившись из слуг в хозяев своих последователей. К 1946 году CGT имела пять или шесть тысяч освобожденных работников. Политическая деятельность, однако, теперь выглядела наиважнейшей — взгляд, который, собственно, и отстаивали коммунисты. Но преждевременно делать далеко идущие выводы о значении, которое имели профсоюзы до войны, начавшейся в 1939 году. Они, как и прежде, сильно различались в зависимости от региональной принадлежности. Хорошо организованные и массовые

* *Schwarz S.* Les Occupations d'usines en France en mai et juin 1936 // International Review for Social History. Amsterdam, 1937 2. P. 50–104, *Werth A* The Destiny of France. 1936. P 296–310 (красочные репортажи для «Manchester Guardian»).

союзы севера и северо-востока, опирающиеся на крупные предприятия, отличались от тех, что существовали в центральной и западной частях страны, где базой служили мастерские, в которых союзы вербовали активистов, отличавшихся большим индивидуализмом, меньшими сплоченностью и преданностью революционным традициям XIX века. На юге преобладали политические соображения и проявления темперамента, и важнейшим элементом был скорее индивид, нежели группа. Смешение классов в Париже, Лионе и Марселе служило причиной того, что в этих городах трудовые споры выступали на передний план в меньшей степени, чем в других местах.

Таким образом, не представляется возможным дать однозначное определение классового сознания в конце данного периода. С одной стороны, рабочие, как представляется, составляли изолированную группу, враждебную капиталистическому порядку в целом, однако их успешное участие в политической жизни, с другой стороны, служит признаком того, что в упомянутом капиталистическом порядке они имели свое законное место. В культурном плане их положение было неопределенным, но далеким от абсолютного антагонизма. В ходе кризиса 1936 года рабочие заставили своих лидеров сплотиться, но единство было весьма хрупким. Многие рабочие, кроме того, вообще находились вне профсоюзного движения, а небольшая часть рабочего класса (вскоре значительно выросшая) объединилась в самостоятельных христианских профсоюзах. Традиции пролетариата и давление, оказываемое на него, были слишком разнообразны, чтобы можно было считать поведение рабочих предсказуемым*.

* *Collinet M.* L'Ouvrier français. Esprit de syndicalisme. 1951; *Idem.* Essai sur la condition ouvrière 1900—1950. 1951 (ценные и стимулирующие мысль аналитические работы). См. также: *Bruhat J., Piolot M.* Esquisse d'une histoire de la C. G. T. 1895—1965. 1966. О развитии ситуации см.: *Hamilton R. F.* Affluence and the French Worker in the Fourth Republic. Princeton, 1967.

Глава XI БРАК И НРАВЫ

В рассматриваемый нами период семейные устои оказывали не меньшее влияние на человеческую жизнь, чем политические режимы или экономические силы. Это был мощный институт, который энергично сопротивлялся переменам, являясь в частной жизни аналогом административной централизации при Старом порядке, которая, несмотря на все выступления против нее, просуществовала до середины XX века. Семья заслуживает не меньшего внимания, чем политические или промышленные перевороты, но редко его удостаивается, поскольку на пути исследователя встают огромные и зачастую непреодолимые трудности фактографического плана. Семейная жизнь едва ли когда-то могла быть зафиксирована во всей полноте ее проявлений, так что изучение ее неизбежно остается фрагментарным. Она чаще просто упоминается в качестве ценности, пользующейся огромным уважением в буржуазной среде, так что правительство Виши в 1940 году не могло не включить слово «Семья» в новый лозунг, придуманный им для Франции, наряду с «Трудом» и «Родиной». Реальная угроза семейным устоям возникла, видимо, только в ходе студенческой революции 1968 года, и только тогда стали явственны ее внутренние конфликты. Устремления и разочарования, порождаемые семьей, представляют не только частный интерес. Но историку нелегко отметить время, в которое происходили те или иные события. Сложно говорить об изменениях или постепенной эволюции, скорее историк воспринимает случайные личностные влияния со стороны людей, действующих вопреки своему воспитанию или, напротив, бережно хранящих традиции, влияния различных классов, профессий, областей с собственным укладом. История семейных отношений не может писаться наподобие истории международных отношений — любое описание первых имеет неполный характер.

В работе, опубликованной в 1883 году, современные браки делятся на три вида: заключаемые ради выгоды, по любви или симпатии, из чувства долга*. Можно ли выяснить, в каком про-

* *Laya A.* Causes célèbres du mariage ou les infortunes conjugales. 1883.

порциональном отношении находились три этих разновидности и как оно менялось в течение ста лет? В опросе общественного мнения, проведенном в 1947 году, 71% мужчин и 78% женщин согласились с тем, что наилучшими являются браки по любви. Но это не свидетельствует о триумфе романтического идеала. Даже самые расчетливые свахи XIX века надеялись на то, что хотя любовь и не предшествует браку (тем более если мужчина и женщина едва были знакомы), она должна рождаться в нем и становиться основой его прочности: девушка выходила замуж из соображений выгоды, но должна была полюбить супруга. Взгляды на то, как должен заключаться брак, в XIX веке могли быть разными, но это могло и не сказываться на том, как он выполнял свои функции. Когда в ходе того же опроса 1947 года задавался вопрос о том, что люди больше всего ценят в жизни, только 1% мужчин и 5% женщин сказали, что важнее всего любовь, тогда как 47% и 38% соответственно полагали, что важнее всего деньги, также было отдано должное (в порядке уменьшения значимости) здоровью, миру, богатству, хорошей семье и надежде* В опросе десяти тысяч молодых людей в качестве главного признака идеального супруга или супруги была признана верность, которую как юноши, так и девушки упоминали чаще, чем любовь, красоту или ум†. В другом исследовании 83% женщин назвали преданность мужчине в качестве необходимого условия счастья. Когда их затем спрашивали, что они надеются этим обрести, только 22% говорили о любви, 41% хотели «хорошего мужа», которого они описывали как преданного, понимающего, бесстрашного и сердечного, являющегося надежной опорой жене и детям, 20% мечтали о «хорошей семье», в которой бы царили взаимопонимание, гармония и мир. Не относили себя к романтическим натурам 54% женщин, этот показатель был лишь немногим ниже для опрошенных в возрасте до 30 лет; интересно, что романтические идеалы лучше всего сохранились в сельской местности и маленьких городах, где доля считающих себя таковыми достигала 60%, в крупных же городах она была наименьшей (47%). Всего 44% верили в *grand amour*‡, среди незамужних женщин в возрасте до 25 лет в нее верили только 61%. Лишь 29% всех женщин сказали, что испытали *grand amour*, причем в семьях представителей свободных профессий и «белых воротничков» это случалось в два раза чаще, чем в крестьянских. Сельские девушки могли быть настроены романически, но, очевидно, немногие могли поступать и жить соответственно. Важно отделить реальность от идеалов и фантазий, воодушевлявших романистов. Происходившие перемены были менее заметны, чем радикальное отрицание ценностей прошлого§.

Как должен мужчина выбирать жену, чего ему следует от нее ждать, какими он видел отношения с ней? В течение изучаемого

* *Rolvand G.* L'Imprévisible Monsieur Durand. 1956. P. 131.
† *Franck R.* L'Infidélité conjulage. 1969. P. 86.
‡ Большая любовь (фр.).
§ Patterns of Love and Sex: A Study of the French Woman and her Morals. 1961. P. 133–149.

периода давались различные ответы. Послушание было главной добродетелью, внушаемой детям, а девушек воспитывали так, чтобы сделать из них образцы невинности, не имеющие представления о мире, но способные вести домашнее хозяйство после замужества, к которому они и были предназначены, поэтому выбор делали родители, опираясь на собственные критерии. На родителей, по-видимому, оказывал давление их статус в собственном классе. Брак детей был общественной оценкой положения родителей, а также способом улучшить это положение. Важнейшей задачей было избежать *мезальянса*, именно поэтому любовь казалась злейшим врагом, бунтом против родительской власти, который мог разрушить все планы. Аристократия уделяла наибольшее внимание древности и знатности семей, с которыми предполагалось породниться, хотя если сами они имели весьма древнее происхождение, то браки могли заключаться и ради денег (больших денег!), как многие и поступали. В любом случае, все были согласны, что состояния супругов должно быть достаточно для существования их и детей, рожденных в браке. Буржуазия разделяла эти ценности. Для нее брак был важным средством продвижения по общественной лестнице. Большое приданое невесты сына давало возможность приобрести лучшее положение и открывало благоприятные перспективы. В среде мелкой торговой буржуазии слияние двух наследуемых состояний часто использовалось для начала нового дела или расширения прежнего. Крестьяне использовали тот же метод в меньшем масштабе, имея целью объединение земель в более крупные участки. Только промышленные рабочие, как самые бедные, оказывались париями. В XIX веке довольно часто они не женились вовсе, поскольку не в состоянии были оплатить церемонию. Не имея корней в городе, они не испытывали подобного семейного давления. Но когда им случалось накопить какое-то имущество и перейти в класс ремесленников, они следовали тем же образцам поведения.

Эта картина общества, в котором семьи заключают союзы на основе финансовых соображений, только частично отражает истину, хотя многие современники изображали это именно так. Еще в 1912 году мировые судьи десятого округа Парижа приняли постановление, начинавшееся следующими словами: «Тогда как в древности брак основывался исключительно на любви двух людей противоположных полов, то с появлением христианства мораль брака существенно изменилась; последнее столетие и особенно ныне общественная система рассматривает его как подлинный финансовый контракт, который должен предотвратить возможный обман одной стороны другой и ослабить подспудную взаимную подозрительность будущих супругов, поскольку истинным мотивом современного брака являются деньги: муж стремится получить приданое, а женщина приобретает разом и защитника,

и управляющего, который, как подразумевается, более опытен для решения вопросов о том, как распорядиться ее собственностью»* После войны 1914 года эмансипированные молодые женщины часто жаловались на то, что когда мужчины заводят речь о браке, они всегда интересуются размером приданого. Брачные объявления, указывающие минимальный размер приданого, даже помещались мужчинами в газетах, а нотариус мог сказать юноше, что «при нынешней дороговизне жизни не следует жениться на девушке, которая принесет с собой менее ста тысяч франков»† Положение не слишком изменилось с 1806 года, когда академик Жозеф Дро опубликовал свое «Эссе об искусстве быть счастливым», которое в 1853 году было издано уже в седьмой раз и в Национальной библиотеке находилось, как общепризнанное руководство, на полках открытого доступа. Там было сказано: «Брак в целом является средством укрепления собственных репутации и состояния, а также достижения успеха в свете»‡. Франция, как отмечалось в книге, была единственной страной Европы, где отсутствовала традиция помолвок, задолго предшествующих свадьбе. Молодые люди не желали ждать и копить деньги для женитьбы. Они желали сохранить тот образ жизни, в котором они были воспитаны, поэтому вопрос о приданом был крайне существенным§. Драматурги Второй империи посвятили этой теме бессчетное число пьес, пытаясь понять, из чего складывается хороший брак. За аксиому они принимали первостепенную важность финансового вопроса. Осмотрительные моральные принципы, исповедывавшиеся людьми вроде Эмиля Ожье, почитали за наиболее удачные те браки, в которых состояние партнеров было примерно равным: идеальным браком была честная сделка. Ожье показывал, с какими трудностями сталкивались люди, которые нарушали это правило, что, очевидно, чаще всего и происходило. Личные качества в какой-то степени могли получить денежное выражение, но жена не должна быть намного богаче своего мужа, поскольку она могла бы к нему плохо относиться, не должна была быть и беднее, чтобы не получить репутацию интриганки и выскочки. Александр Дюма-сын, 35 лет писавший о браке, сделал вывод, что брак по любви возможен в идеале, но не в действительности, и людям не стоит ожидать от брака слишком много: следует быть благодарным за каждый счастливый момент в нем. Использование брака для восхождения по общественной лестнице порождало конфликты и сталкивалось с трудностями. Брак был, по выражению Дюма, «не только союзом двух людей, но и объединением двух семей». Отношения складывались наилучшим образом, если социальный рост был плавным, две семьи находили общий язык и могли взаимно поддерживать друг друга** Так что брак, как и образование, был средством улучшения собственного положения. Он прекрасно подходил для удовлетворения

* *Thabaut J.* L'Évolution de la legislation sur la famille. 1913. P. 17.
† *Bordeaux H.* Le Mariage. 1921. P. 167.
‡ *Droz J.* Essai sur l'art d'être heureux. 1853. P. 189.
§ *Hayem A.* Le Mariage. 1872. P. 152.
** *Young C. E.* The Marriage Question in the Modern French Drama (1850–1911) // Bulletin of the University of Wisconsin. 1915. 771. P. 14, 44.

господствующих маниакальных стремлений к общественному успеху. Пока не распространились взгляды, отдававшие предпочтение равенству возможностей, а также личным заслугам, такое отношение к браку сохранялось.

Однако приданое было не просто способом приобретения мужчиной состояния. Предполагалось заключение брачного контракта, причем это делали не только богатые, но иногда даже слуги или рабочие, располагавшие всего несколькими сотнями франков с каждой стороны. Содержание этого документа было очень важно для определения характера будущего домохозяйства. Ведь хотя Кодекс Наполеона сделал мужа опекуном и управляющим состоянием жены, он мог быть обременен многочисленными ограничениями, да и жена сохраняла большие права, которые могла использовать против него. Практика, сложившаяся на севере страны, с самого начала сильно отличалась от того, что происходило на юге. В областях, где римское право превалировало, *régime dotal** позволял мужу использовать доход от приданого, но основной капитал не подлежал отчуждению, считался гарантией на случай вдовства и мог оставаться под контролем супруги. На севере, где придерживались обычного права, эти ограничения не применялись, так что муж мог даже продать приданое жены, чтобы оплатить свои долги. Таким образом, положение замужних женщин было особенным на юге, но в период 1835–1860 годов система *dotal* в основном была ликвидирована на юго-западе. Точно датировать произошедшие перемены можно с помощью свидетельств нотариусов, составлявших контракты. Причина изменений заключалась в том, что система *dotal* давала основания для подозрительности мужа, равно как и порождала сомнения в способности жены позаботиться о самой себе, жить независимо от семьи. Система наилучшим образом подходила для статичного общества. Первыми от нее отказались в среде торговцев и промышленников, а дольше всего она продержалась, сохранившись и в XX веке, среди рантье, государственных служащих, дворянства и очень богатых людей, живших на доходы от своих капиталов. Такая практика распоряжения приданым затрудняла проведение активной инвестиционной политики, заставляла чаще прибегать к займам и приводила к высоким судебным издержкам. Не самым маловажным обстоятельством было и то, что она лишала жену какой-либо доли в той прибыли, которую мог получить супруг, используя ее деньги.

Суды, со своей стороны, строго стремились охранить имущество от отчуждения, утверждая, что в интересах общества укреплять семью таким образом, чтобы, допустим, муж-банкрот не мог растратить приданое и его жена с детьми не подверглись бы опасности. Нотариусы по просьбам своих клиентов пытались обойти установление закона о неотчуждаемом имуществе, прояв-

* Режим имущества супругов, характеризующийся невозможностью отчуждения предметов, входящих в состав приданого

ляя изощренную гибкость, впрочем, еще большие усилия они прилагали, чтобы способствовать его отмене. Изменение положения на юго-западе страны может частично быть признано заслугой поколения нотариусов, получивших образование в Бордо, которые распространили обыкновения этого торгового города в его близлежащих районах. Теперь браки уподобились долевому партнерству, благодаря широкому применению *régime d'acquêts** Согласно ему, оба супруга получали равные доли в прибылях от брака. Интересно, что нотариусы часто сообщают о парах, которые заявляли им о своем желании быть равноправными компаньонами, что следовало надлежащим образом отразить в брачном контракте. Гражданский кодекс устанавливал, что при отсутствии контракта имущество является общим. Теперь это положение парадоксальным образом давало мужу бóльшую власть. Большинство из тех, кто отказался от системы *dotal*, предпочитали альтернативный вариант, по которому то, что супруги приносили с собой при вступлении в брак, продолжало принадлежать каждому из них в отдельности, а делились лишь полученные в браке общие прибыли. С восстановлением разводов в 1884 году появилось еще больше причин следовать тем же курсом. С 1900 по 1949 год число контрактов, предусматривавших раздел собственности, росло следующим образом:

1900–1909	9–15%
1910–1914	14%
1915–1919	21%
1920–1924	22%
1925–1929	40,7%
1930–1934	47%
1935–1939	45,5%
1940–1944	56%
1945–1949	66,1%

Это цифры по Парижу, и их нужно использовать с соответствующими оговорками (в них учтены брачные контракты мужчин, вступающих в брак не первый раз — разведенных или вдовцов; если эту категорию исключить, то рост составит с 7 до 48,5%). Выживание системы приданого не изучалось с использованием статистики. Только когда будут изучены нотариальные активы конца XIX и начала XX века, можно будет точно оценить роль финансового вопроса при заключении браков. Однако подробный характер брачных контрактов укрепляет в мысли, что супружество во многом было деловым соглашением, независимо от того, какой степенью равноправия оно сопровождалось. «Для огромного большинства буржуазии,— писал Поль Бюро в 1927 году,— брак является главной финансовой операцией в жизни»†

Проследить историю эмоциональных отношений между супругами еще сложнее. Расцвет романтического идеала, конечно,

* Режим, при котором имущество составляет общую собственность супругов.

† *Eyquem A.* La Régime dotal. 1903; *Lelièvre J.* La Pratique des contrats de marriage chez les notaries au Châtelet de Paris de 1769 à 1804. 1959; *Bureau P.* L'Indiscipline des mœurs. 1927. P. 60.

не обязательно говорит о том, что домашние стали ближе друг к другу. Напротив, идеализация женщин даже увеличила дистанцию между ними и мужчинами. Культ непорочности делал их недоступными: сексуального удовлетворения нельзя было обрести с теми, кто посвятил себя материнству. Романтизм, очевидно, сделал проституцию еще более необходимой. Считается, что позитивизм оказал сходное действие. «Материализм и ненависть к любой метафизике разрушили религиозное чувство и захлопнули дверь в бесконечность. В литературе, искусстве и жизни мужчины бросались в пучину плотской любви с неистовством, усиливаемым интеллектуальной утонченностью и подсознательными духовными потребностями. Отсюда жестокость и извращения, садизм и истерия, которыми отравлены современные представления о любви... [Это усугубило] войну полов»*.

Антиклерикализм также разделял семью. Супруги часто имели глубокие разногласия в религиозных вопросах. В атмосфере полемики и борьбы вокруг силы и власти духовенства жена представала орудием господства кюре, казалась пребывающей в плену средневековых пережитков, из-за чего в XIX веке склонность считать женщину низшим существом скорее усилилась, чем ослабла. Преподавательница лицея отмечала, что в XVIII веке девушек просто учили катехизису и их умы оставались незамутненными, благодаря раннему замужеству они приобретали свободу чтения и общения с мужчинами. В революционных смутах следующего столетия, однако, девушкам все настойчивее прививались реакционные взгляды. В браке обременявшее их мировоззрение делало невозможным установление дружеских отношений с супругами†. Мужчины, как, например, Мишле, жаловались, что либерально настроенный муж не чувствовал себя свободным в собственном доме: жена фактически являлась агентом священника, которому она сообщала все секреты супруга на исповеди. Кюре оказывался единственным мужчиной, требовавшим права говорить с женщиной наедине, когда ему это заблагорассудится‡. А муж между тем «пел и смеялся» в кафе или у любовницы§.

Интеллектуалы, при всем своем либерализме, были не в состоянии разрешить эту дилемму. Мишле написал несколько книг во славу замечательных женских качеств, красот любви, удовольствий гармоничной и уютной домашней жизни. Он предлагал заменить поклонение теологическим абстракциям религией дома и настаивал на том, что женщины из рабынь или врагов мужчин должны стать их товарищами и компаньонами, что парам следует строить свою семейную жизнь в тесном единстве. Он не знал ничего более трогательного, чем вид рабочих, спешащих вечером к своим женам. Мишле обычно причисляют к героям борьбы за эмансипацию женщин. Однако критический разбор его книг женщиной — Аделью Эжиро — показывает, насколько неудовлет-

* *Pugnet Ph.* Enquête sur l'amour. 1907. P. 60–62.

† *Dugard M.* De l'education moderne des jeunes filles. 1900. P. 51.

‡ О с[ви]ни исповеди с сексуальными отношениями см.: Conflicts in French Society. 1970. P. 13–50.

§ *Richer L.* Lettres d'un libre penseur à un curé de campagne. 1868. Ch. 14.

ворительны были его идеи с женской точки зрения. Ее книга о любви в гораздо большей степени заслуживает наименования классического произведения литературы, проповедовавшей освобождение женщин. Автора потрясает высокомерие Мишле, которое она считает свойственным всем мужчинам среднего класса. Мишле декларирует, что мужчинам необходимо прекратить замыкаться в работе, кичась, благодаря обладанию специальными знаниями, своим превосходством, необходимо разделить свои жизни с женщинами. Однако он лишь навязывает последним новый вид тирании. Его мнение заключается в том, что мужчины должны просвещать жен, формировать их по своей мерке, внушать, что тем следует думать. Он говорит об освобождении, но в действительности хочет, что бы каждый муж признавался своей женой за бога. «Я не верю,— пишет мадам Экиро,— в гомеопатию г-на Мишле, который желает лечить [застарелую мужскую] гордыню возрастанием гордыни». Она жалуется на то, сколь многие мужчины превращают брак в наказание, хотя он призван быть источником счастья. Женщины идут к исповеднику лишь потому, что мужья не исполняют эту функцию сами. Мишле говорит, что мужья наскучили женам и те стали холодны. «Я сожалею о том, что Вы, мсье, не нашли и вовсе не искали причины той холодности, что присутствует почти в каждом браке», причина же кроется в том, что мужчины или «грубы, вульгарны и дики», или полагают, что внушают своим женам тем большее уважение, чем более сдержанно с ними обращаются. Повсеместно было распространено убеждение, особенно сильное в средних классах общества, что фамильярность подрывает уважение Единственным следствием этого было превращение жен в строгих и раздражительных ханжей, полагающих, что знают, в чем состоит их долг, тогда как их мужья были вежливыми эгоистами, исполняющими свои обязанности с той же сдержанностью и холодностью. «Странное представление об уважении и долге!» Муж должен сделать так, чтобы жена лучше его узнала, стала по-настоящему близка с ним, а вслед за близостью придет и уважение Мужчинам следует перестать заботиться только о себе, им не надо стремиться получать больше, чем они сами отдают, они должны понимать своих жен. У женщин есть собственные идеи, капризы и чувства, и мужчинам можно у них многому поучиться. Тогда на смену скрытности придут доверие и свобода. Мадам Экиро не выносила поэта, сказавшего ей однажды: «Любить — это восхищаться самим собой в другом». (Полвека спустя Валери все еще мог написать: «Любовь есть способ любить себя абсолютно». Пруст говорил о любви как иллюзии, создаваемой мужчинами в их собственном образе.) Мужчины узурпировали все должности, почести и удовольствия мира. Их обуревают гордыня и порочные страсти, они не могут обходиться без табака и алкоголя. Они губят

женщин, превращая их в ничтожества. Счастлив только тот дом, где супруг понимает, что женщины могут в настоящее время предложить гораздо больше, чем мужчины*

Конечно, были и те, кто защищал близкие и дружеские отношения между полами. В дискуссиях о браке во время Великой революции Удо, депутат от Кот-д'Ор, требовал после достижения 21 года отмены необходимости испрашивать согласия родителей на брак, чтобы устранить препятствие, «мешающее двум людям соединиться, когда они действительно подходят друг другу благодаря сходству характеров», даже если соображения честолюбия, алчности или гордости противостоят этому†. Утописты, прежде всего Фурье, желали полной свободы в отношениях полов. Но еще интереснее наблюдать, как почтеннейшие члены общества проникались чувством, что мужчина должен получать больше радости от супружеской жизни. Уже в 1806 году Жозеф Дро (1779–1850), член Французской академии, представитель династии судейских чиновников, призывал в своем руководстве по достижению счастливой жизни видеть в браке не только средство повышения социального статуса, но и способ обретения счастья. Женщины должны в супружестве получить шанс смягчить педантизм, гордость и суровость мужчин. Он отвергал мысль о том, что любовь должна рождаться уже в заключенном браке. «Я считаю, что не следует жениться на женщине, не завоевав прежде ее любовь, поскольку сомнительно, чтобы муж был способен внушить любовь супруге». Но Дро отнюдь не заходил так далеко, как мадам Экиро, все же считая, что муж должен быть старше жены и что на нем лежит обязанность по ее воспитанию. Уподобляться в женитьбе героям романов было опасно: «Грезы любовников вредят реальности, когда они сочетаются браком». Мужчина, мыслил он, должен главенствовать в семье, жена может лишь влиять на него. Жозеф Дро олицетворяет собой первый этап, характерные для которого взгляды еще вполне укладываются в позицию, занятую Мишле. Гюстав Дро (однофамилец), закончивший École des Beaux Arts‡, сын известного скульптора и внук директора Монетного двора, журналист и в течение долгого времени помощник Бюло в «Revue des Deux Mondes», написал в 1866 году книгу, ставшую бестселлером, под названием «Мсье, мадам и дитя». До 1884 года эта книга переиздавалась 121 раз. По его признанию, он решился совершить то, что прежде не делал никто — написать о любви в браке. Люди добились того, что слово «брак» зазвучало мрачно и пугающе, делая чрезмерный акцент на обязанностях, но мужчины, распространявшие такие взгляды, представляли собой мужей, изнуренных проститутками и ревматизмом, которые желали превратить брак в приют отставников, где их молодые жены играли бы роль ангелов. Гюстав Дро считал, что должен избавить женщин от такой участи. «Быть

* *Esquiros A.* L'Amour. 1860.
† *Fiaux L.* La Femme, le mariage et le divorce. 1880. P. 27–28.
‡ Школа изящных искусств

ангелом прекрасно, но, поверьте мне, этого либо слишком много, либо недостаточно... Величавый и немного лысоватый муж — это хорошо, но молодой муж, который любит вас и без церемоний пьет из вашего бокала — лучше. Ничего, если он слегка помнет ваше платье и запечатлеет легкий поцелуй на вашей шее. Пусть он смеется как ненормальный, раздевая вас после бала. Вы обладаете прекрасными душевными качествами, это правда, но и ваше тело тоже хорошо, а когда человек любит, он любит все целиком. За этими милыми глупостями прячется счастье. Слава Богу, если в браке, в котором протечет ваша жизнь, будет найдена некая грань, вызывающая смех и радостный восторг, если в своем муже вы обретете любящего читателя того прелестного романа, который вы храните для него, если в своем муже вы обретете... Впрочем, если я вымолвлю слово, замершее у меня на устах, вы будете скандализированы». Еще предстоит великая битва, говорит Дро, прежде чем женщины сбросят оковы, наложенные на них воспитанием, которое сделало их такими лицемерными. Его идеалом были супруги-любовники*

Представление о том, что женщина способна получать удовольствие от полового сношения, появилось не в XX веке, и Мэри Стопс ошибочно приписывается заслуга открытия права женщин на оргазм. Работы врача XVII века Николая Венетта, часто перепечатывавшиеся в XIX веке, рисовали женщину существом более сладострастным, чем мужчина, и давали советы о том, как удовлетворять ее сексуальные запросы. Доктор, в 1907 году выпустивший пересмотренное издание книги Николая Венетта о супружеской любви, подобно Дро призывал женатых мужчин в сексуальном плане относиться к супругам как к любовницам†. Среди многочисленных руководств по сексу и браку, опубликованных в XIX веке, были и моралистические, но очень многие авторы подчеркивали важность эмоционального удовлетворения женщин. Один из таких трудов, написанный отставным военным медиком и переживший 173 издания с 1848 по 1888 год, был вполне конкретен, говоря о женщинах, наслаждающихся половым сношением так же сильно, как и мужчины. Это пособие указывало, что если некоторых женщин можно привести в исступление даже при самом легком контакте, другим для этого необходимы продолжительные повторяющиеся ласки. В крайних случаях, когда не удается преодолеть эмоциональную скованность, он прописывал порку, но все же основной его рекомендацией при завоевании женщины было нежное и доброе обращение с ней. Доктора, говорил автор, согласны в том, что женатый мужчина в возрасте от 20 до 30 лет должен исполнять супружеские обязанности от двух до четырех раз в неделю (но всегда с интервалом не менее одного дня), до 40 лет — дважды в неделю, до 50 лет — один раз, до 60 лет — один раз в две недели, и следует отказаться

* *Droz G.* Monsieur, madame et bébé. 1866. P. 112.

† *Venette N.* Tableau de l'amour conjugale. 1907.

от интимной близости после шестидесяти. Чрезмерная активность — «пять или шесть раз в день, как поступают многие молодые люди» — приводит к плачевным последствиям. Женщины способны наслаждаться сексуальными отношениями чаще, чем мужчины, но им следует сдерживаться, поскольку излишество может приводить к заболеваниям, даже к раку. «Мастурбации, к которой прибегают многие женщины, не удовлетворяемые своими мужьями», следовало избегать по той же причине*

Другой врач, опубликовавший «Краткое руководство для молодых супругов» (1885), хотя и высказывался с бóльшей осторожностью, подчеркивал необходимость того, чтобы мужья заботились о половом удовлетворении жен и стремились к одновременному достижению оргазма†. Но всем этим рекомендациям приходилось пробиваться сквозь прочно укорененные предрассудки обоих полов. Засвидетельствован случай, когда жена требовала развода по причине чрезмерного рвения и «неестественных ласк» со стороны своего мужа, который оправдывался тем, что всего лишь стремился доставить ей удовольствие и усилить ее любовь к нему, и суд вынес решение в его пользу‡. В 1887 году в одной из книг защищалась идея восстановления искусства любви, на том основании, что мужья, не способные удовлетворить своих жен, являются причиной измен — у женщин есть право на оргазм§. В 1950-х годах в опросе замужних женщин 68% назвали сексуальные отношения важной составляющей брака, 22% посчитали их не самой важной, 10% не дали ответа. Однако только 46% опрошенных оказались удовлетворены физической стороной любви в браке, и чем старше были женщины, тем больше из них говорили о своем разочаровании**

Дама, напуганная любовными ласками мужа и просившая по этой причине развода, вероятно, стала жертвой конфликта, порожденного враждебностью многочисленных консерваторов к получению удовольствия от секса или дискуссиям о нем. Католические священники учили, что цель брака, несомненно, не в наслаждении, а в создании семей и деторождении. В 1920 году о. Гримо опубликовал работу, пережившую не менее 33 изданий и удостоенную награды Французской академии, в которой превосходно обобщил взгляды духовенства: «Бог в своей мудрости предвидел, что семейные пары не примут тяжелых родительских обязанностей, если их не будет соблазнять наслаждение». Но сексуальное удовольствие не должно быть самоцелью. Священники в большинстве своем полагали, что муж испытывает потребность в сексуальных отношениях, а жена подчиняется ей. Приводя опыт безбрачия священников в качестве примера для подражания, кюре призывали подавлять сексуальные желания, чтобы те не возобладали над человеком. Непревзойденный пример целомудрия показывали Иосиф и Дева Мария, которые любили друг друга,

* *Debay A.* Hygiène et physiologie du marriage.
† *Montalban Ch.* La Petite Bible des jeunes époux. 1885. P. 36, 56.
‡ *Anquetil C.* *Magny J. de* L'Amant légitime ou la bourgeoisie libertine. 1923. P. 518.
§ *Dartigues J. P.* De l'amour expérimentale ou des causes d'adultère chez la femme au 19e siècle
** Patterns of Love and Sex... P. 173.

но не совокуплялись. Немногие могли достичь этой вершины, но обоюдное проявление сдержанности после рождения детей почиталось желательным, даже если бы она требовала воздержания от разного рода прикосновений, взглядов или слов, выражавших влечение и способных разжечь желание. Духовенство искренне было озабочено ограждением достоинства женщины, но зачастую за счет ограничения ее интеллектуальных устремлений. Так, о. Гримо, рассуждая о том, как мужчина должен выбирать спутницу жизни, настоятельно советовал наравне с проститутками остерегаться интеллектуальных или работающих женщин (если только последние не выражали желания оставить работу после замужества). Женщина прежде всего должна быть матерью, посвящающей себя воспитанию детей в христианском духе. При всей вере в то, что пред Богом все души равны, он призывает мужчин брать в жены только представительниц своего класса. Если мужчина чувствует, что вот-вот влюбится (автор сравнивает это с попаданием в организм микроба), первым делом он должен посоветоваться с родителями о том, подходит ли ему эта девушка. Затем, если его выбор признан здравым, он может позволить страсти овладеть им. Пылкое увлечение, безусловно, быстро проходит и не может служить прочной основой брака. Вот почему прискорбно, что «работодатели усаживают за одними столами юношей и девушек. Зайдите, например, в банк, и если вы хотя бы чуть-чуть психолог, то отчетливо увидите, насколько сильно молодому человеку, даже желающему соблюсти свое достоинство, угрожает опасность связать себя несчастным браком. Рядом с юношами (часто весьма хорошего происхождения, образованными и занимающими определенное положение в обществе) можно видеть машинисток, одни из которых воспитаны превосходно, но другие — недостаточно. О большинстве этих девушек можно судить по их одежде. Предположу, что в такой смешанной компании взгляды мужчин не будут привлекать хорошие тихие девушки, скромные как монашки и сдержанные как матери семейств. Их назовут скучными и непривлекательными. Другие, напротив, не упустят возможности произвести яркое впечатление на молодых людей, без стеснения окружив тех самым провоцирующим вниманием»*

Церковь подчеркивала важность степенности, преданности долгу, воспитания детей, смирения, принятия собственной доли, утешения, обретаемого в молитве и благочестивой жизни. Она яростно противилась контрацепции, а некоторые священники, используя исповедь, даже побуждали женщин избегать мужних ласк, если те практиковали *coitus interruptus*†, являвшийся в тот период наиболее распространенным средством предохранения от беременности. Церковь также пыталась поддерживать нравственность пропагандой самоконтроля. Она предлагала женщине

* *Grimaud Ch.* Futurs Époux. 1920. P. 287–290, 301–315.

† Прерванный половой акт (лат).

эмоциональное утешение, утешителями же выступали Бог и молитва, а не муж. Единственной подлинной и всеобъемлющей любовью, которую могла обрести женщина, подчеркивает один автор, была любовь Бога. Епископ Дюпанлу в 1860-х годах подчеркивал, что брак придает достоинство матери, но власть предоставляет отцу. В 1920 году, когда генерал де Кастельно обнародовал свою «Декларацию прав семьи» в Генеральных штатах французской семьи (организация противников контрацепции), он определил семью как «основанную на браке, обладающую иерархическим строем под властью отца, имеющую целью передачу, поддержку, развитие и сохранение человеческой жизни». Акцент делался на семейной ячейке в противовес враждебным ей правам отдельной личности*. Половое воспитание рассматривалось главным образом в качестве средства пробуждения благочестия и целомудрия. Церковь была против сексуального просвещения в школах, настаивая на том, что оно должно осуществляться родителями†. Один автор в качестве примера для подражания представил образ благочестивого отца, отпрыску которого исполнилось восемнадцать лет. «Сын мой, я должен открыть тебе великие истины. Преклоним колена и помолимся Деве Марии». Спросив, понял ли сын молитву, он объяснил ему божественное таинство воплощения, затем перешел к менее возвышенному происхождению ничтожного человеческого рода, далее указал на наши обязанности, опасности, с которыми предстоит столкнуться, и на то, какие предосторожности следует принимать. Мальчик слушал, изредка задавая вопросы, и впитывая идеи, которые перевернули его душу. «Я почувствовал,— сказал он,— что стал мужчиной». Беседа опять же окончилась молитвой‡. Брак, таким образом, рассматривался как служение, наилучшее после полного посвящения себя Богу в монастыре.

Современная этой позиции либеральная традиция придерживается сходных взглядов на брак. Жюль Симон основал выходившее раз в две недели «Revue de Famille», двадцать лет служившее целям возрождения нравственности через укрепление духа семьи. Епископ Дюпанлу считал, что невозможно сохранить иерархическую структуру в политике и общественной жизни, если не поддержать ее браком. Симон также считал, что только семейные добродетели могут спасти страну от коммунизма. «Чем в большей степени человек привязан к дому, тем сильнее его готовность умереть за свою страну». Либералы превозносили чувство долга перед стремлением к удовольствиям не меньше, чем это делали католики, но слегка смягчили строгий аскетизм последних. Они признавали право на умеренное наслаждение сексом в браке, хотя и не любили затрагивать эту тему и не советовали думать об этом слишком много. Женщины, по их рассуждению, исполняли в семье особенные функции. Один врач, напи-

* *Bordeaux H.* Op. cit P. 208–210.
† См материалы VII национального конгресса Ассоциации христианского брака: L'Église et l'éducation sexuelle 1929.
‡ *Grimaud Ch* Op. cit P. 37–38.

савший пособие «Здоровье в браке», давал следующий совет: «Семейное счастье возможно лишь в том случае, если каждый придерживается своей роли и культивирует достоинства своего пола, не посягая на прерогативы пола противоположного». Задачей мужа, воплощающего силу и деятельность, было «представлять или направлять семью в отношениях с внешним миром и обеспечить ее сохранение и развитие. Жена, будучи наделенной чувством изящного, интуицией и эмоциональной отзывчивостью, осуществляет миссию, заключающуюся в руководстве внутренней жизнью дома, чье процветание она обеспечивает знанием всех бытовых мелочей». Дети являлись результатом этого союза, его наградой или наказанием в зависимости от того, насколько успешен он был. Автор рекомендовал сочетаться браком с человеком другого темперамента (людям желчным следует выбирать флегматичных, сангвиники должны сходиться со слабонервными), благодаря чему дети будут здоровее*. Это не означало, что интеллектуальная совместимость рассматривалась как недостаток. Многие авторы горячо поддерживали ее, хотя часто высказывали мнение, что она приходит уже после вступления в брак. Поль Жане†, крупнейший исследователь моральных проблем второй половины XIX века, считал, что муж должен быть главой семьи, поскольку мужчины превосходят женщин здравомыслием, более способны к руководству, обладают большей широтой ума, умением рассуждать логически и беспристрастностью. Женщины также обладают здравым смыслом, но другого рода, и их подчиненное положение является необходимым только потому, что лучше, когда руководство осуществляет один человек. В других отношениях между супругами должно быть «моральное равенство»‡. Его современник, Амеди де Маржери, в оригинальном труде, прославляющем семейные добродетели, но выражавшем беспокойство по поводу их состояния, призывал мужчин проводить вечера в разговорах с женами, а когда предметы беседы истощаются — читать вслух. Этот автор жаждал усилить моральное влияние супруги, которая чаще была религиознее мужа, в интересах обращения того на путь истинный. «Времена, в которые мы живем, требуют от женщин силы». Жены должны спасать семьи от равнодушия мужей. «Хотя формально их положение подчиненное, их влияние в семье преобладает»§. Тема женского доминирования в семье будет затронута ниже в связи с его ролью в воспитании детей.

В 1920 году в прессе развернулась интересная дискуссия о том, каковы должны быть отношения мужа и жены. Это один из немногих случаев, когда из писем простых людей можно извлечь прямые свидетельства о тенденциях развития общепринятых норм поведения и увидеть открытое недовольство традиционной формой брака. Неверно было бы объяснять это войной,

* *Seraine L.* De la santé des gens mariés. 1865. P. 112–116.

† *Поль Жане* (1823–1899) — французский философ и историк, профессор истории философии в Сорбонне, член Академии моральных и политических наук, автор книг «Мораль», «Лекции по моральной философии», «Философия счастья» и др.— *Прим. ред.*

‡ *Janet P.* La Famille. 1861.

§ *Margerie A. de.* De la famille. 1860.

долговременным отсутствием мужчин и расширением сферы ответственности женщин, хотя это, конечно, вскрыло некоторые противоречия. В книге Адель Экиро многие жалобы прозвучали на 60 лет раньше. Но война нарушила устоявшийся порядок и позволила людям увидеть то, что было скрыто от них привычкой. «Эта единодушная вспышка женской независимости, спровоцированная отсутствием мужей,— писал автор одного письма,— достаточно хорошо показывает, какие силы и стремления подавлялись в них даже самыми любящими из тиранов... Супружеская любовь, радости и заботы материнства заставляют их молча переносить многочисленные притеснения». Эта вспышка, конечно, не была единодушной, но очень многие женщины теперь стали иначе смотреть на брак. Они возражают против того, чтобы их считали домашней прислугой, и требуют, чтобы мужья видели в них друзей и товарищей. Но война и перед мужчинами открыла новые интересные возможности, и это все больше отдаляло их от дома. Железнодорожник пишет, что не чувствует к женщинам никакой благодарности за то, что в военные годы они выполняли мужскую работу, поскольку теперь они стали его экономическими конкурентами. «Женщина не желает больше подчиняться... Мы говорим о браке между мужчиной и женщиной, как люди говорят о мире между бошами и французами». В то же время судья отказал в разводе недовольному супругу, заявив, что тому следует стараться привлечь супругу не строгостью, а нежностью* В 1950-х годах опросы общественного мнения показали, что каждая третья жена считала своего мужа переменившимся к худшему после свадьбы, но также почти треть опрошенных думали, что хуже стали они сами. Это самая точная статистика, которую только можно получить о степени разочарования в браке.

Важным фактором, проясняющим природу брака, был возраст пары в момент свадьбы. «Обычно,— писал один академик в 1917 году,— мужчина оттягивает женитьбу, пока не испытает некоторого утомления от жизни, которую ведет». Естественно, он ожидает от жены послушания. Супруга, как правило, оказывалась намного младше мужа и едва ли была способна бросить ему вызов. Леон Блюм в молодости написал книгу, в которой высказал мысль, что пока существует различие норм нравственного поведения мальчиков и девочек, различие опыта тех и других будет порождать противоречия. Он выдвинул рискованное предложение — представители обоих полов (а не только мужчины) должны вступать в брак только тогда, когда пресытятся разгульной жизнью и по доброй воле захотят принять моногамию†

В рабочей среде диспропорции возраста и опыта были не так велики, и многие утверждали, что семейная жизнь в ней была исполнена большего дружелюбия и товарищества. Возможно, здесь женщины раньше добивались влияния, так как им не приходи-

* *Bordeaux H.* Op. cit.
† *Blum L.* Le Mariage 1907.

лось бороться с престижем мужа. Долгое время важной проблемой было то, как побудить промышленного рабочего к женитьбе. Моралисты рассматривали браки в этом социальном слое как способ связать мужчин, увести их с улиц, снизить уровень преступности и привить беднякам любовь к собственности. Отнюдь не очевидно, что любовь что-нибудь значила в таких браках. В сельской местности местные обычаи ухаживания (существенно, кстати, различавшиеся) поддерживали родительскую власть, а из-за приданого торговались в самых беднейших слоях. В отдельных районах браки устраивались родителями на Рождество, и то если урожай был богатый. В некоторых случаях девушки делали предложение молодым людям. Достаточно часто прибегали к услугам посредников, особенно в этой роли себя проявили странствующие портные*. В городах, конечно, процветали брачные агентства. Следует отметить, что они адресовали свои услуги в большей степени родителям, нежели будущим супругам. (После Первой мировой войны появились и агентства, занимавшиеся разводами, чьи гонорары были обратно пропорциональны сроку ожидания решения о разводе: год — 2000 франков, три месяца — 5000 франков.) Один автор, сравнивавший Францию, Великобританию и США, утверждал, что у французских женщин было меньше свободы в выборе мужа, но больше влияния после женитьбы†. Ниже мы увидим, что в институте брака наибольшему притеснению подвергались дети, а не жены. Последние, в конце концов, могли рассчитывать на рост своего авторитета, становясь матерями, бабушками и матриархами.

Деньги играли настолько важную роль в браке, сексуальные отношения были отягощены столькими ограничениями, жены настолько сильно хотели превратиться из невест в матриархов, что супружеская неверность и проституция становились неотъемлемым элементом функционирования этой системы. Еще одной (редко принимаемой во внимание) причиной является медленное искоренение женских гинекологических заболеваний. Слишком большое внимание уделяется болезням, которые убивали, и недостаточное — тем, что просто доставляли неприятности. Одной из таких болезней была лейкорея‡. В 1865 году один врач пришел к заключению, что в городах от нее страдали до 80% женщин§ Другой врач в 1868 году описывал множество других болезней, воспалений матки, язв, воспалений, опухолей, кровотечений и т. д., многие из которых он связывал с раздражением, вызывавшимся применением несовершенных противозачаточных средств** В работе, одобренной Академией моральных и политических наук в 1872 году, отмечалось, что из-за заболеваний супруги зачастую не могли совокупляться, не говоря уже о том, что некоторые болезни (экзема, ревматизм, опухоли и пр.) вызывали отвращение. Доля молодых людей, сочетавших в себе здоровье и внешнюю

* *Carrance É.* Le Mariage chez nos prèes. Bordeaux, 1872.

† *Carlier A.* Le Mariage aux États-Unis. 1860 (любопытная критика Токвиля).

‡ Лейкорея — слизистые выделения из влагалища, их аномальная обильность может являться признаком попадания инфекции.— *Прим. ред.*

§ *Seraine L.* De la santé des gens mariés. 1865. P. 136.

** *Bergeret L. F. E.* Des Fraudes dans l'accomplissement des fonction génératrices. 1868.

привлекательность, была сравнительно невелика. Никаких данных о женщинах в этой связи нет, но факты в отношении юношей, обнаруживаемые благодаря воинской повинности, ужасают. Согласно результатам обследования, опубликованным в 1872 году, из 325 тысяч подлежавших призыву двадцатилетних парней 18106 имели рост ниже 4 футов 10 дюймов (147 см), 30524 призывников были «слабого телосложения» (то есть болели рахитом, чахоткой и пр.), 15988 были калеками или страдали от грыжи, ревматизма и пр., 9100 имели горб, косолапость или плоскостопие, 6934 имели дефекты глаз, ушей или носа, 963 страдали от нарушений речи, 4108 были беззубы. «Раннее распутство» оказало пагубное влияние на 5114 человек, у 2159 были отмечены кожные заболевания, у 5213 — зоб или золотуха, у 2158 — судороги, паралич или кретинизм, и 8236 человек имели сразу несколько проблем со здоровьем. Итого 109 тысяч немощных и искалеченных, то есть треть — и это в двадцать лет*

Для борьбы с распущенностью моралисты запугивали людей опасностью сифилиса, который действительно был одним из наиболее часто встречающихся заболеваний. Флобер в своем «Лексиконе прописных истин» сравнивал его распространенность с простудой: «Все страдают им в большей или меньшей степени». На рубеже столетий документы страховых компаний свидетельствуют, что сифилис был причиной 14–15% смертных случаев Другой источник говорит о 17%. По третьей оценке, в период между Первой и Второй мировыми войнами от этой болезни страдала примерно десятая часть населения, то есть четыре миллиона человек, и 140 тысяч ежегодно умирали от нее. Из-за сифилиса каждый год свыше 40 тысяч детей рождались мертвыми, он же был одной из главнейших причин сумасшествия. Половина сифилитиков заразились в возрасте от 14 до 21 года. В буржуазной среде каждый десятый подхватил заразу, еще будучи школьником. Можно составить пространный список выдающихся деятелей Франции, от Гамбетты до Бодлера, которые, как говорят, страдали от этой болезни.

Одной из важнейших причин этого чудовищного распространения сифилиса было лицемерие, с которым власти игнорировали проблему. Академия медицины в 1887 году назначила комиссию с целью поиска средств обуздания болезни; Общество санитарии и нравственной профилактики было учреждено в 1901 году, парламент же хотя и обсуждал этот вопрос в 1907 году, но не принял никаких мер. Война подтолкнула правительство к действиям, особенно в армии; в 1924 году была основана Национальная лига против венерической угрозы, существовали также многочисленные другие общества. Но отсутствовало что-либо подобное обязательному лечению, введенному в США. Существовавшие в XIX веке методы лечения были совершенно неудов-

* *Hayem A.* Le Mariage. 1872. P 243.

летворительными. В больницах было мало мест для сифилитиков, а некоторые медицинские сестры отказывались за ними ухаживать. Вплоть до 1981 года в парижской больнице Лансин, где лечилось больше всего сифилитиков, существовали подземные камеры для наказания больных, достойных морального осуждения. Тот факт, что лечение в этой больнице предполагало публичное признание в своей болезни, многих отпугивал. Ситуация стала меняться только в 1880 году, когда Альфред Фурнье занял специально для него созданную первую в стране кафедру венерических заболеваний. Он открыл клинику при обычной больнице, гарантировал конфиденциальность лечения, и в 1882 году к нему обратились 31 тысяча больных, тогда как в Лансин обращалось ежегодно только 4800 человек. Проблему в целом осложнял миф о том, что в распространении болезни виноваты проститутки, и необходимо только установить надлежащий контроль за ними. Другой сильной помехой было огромное число шарлатанов, предлагавших фиктивное лечение. Их объявлениями пестрели стены общественных туалетов, и борьба с мошенниками была важнейшей общественной задачей. Сифилис следует признать одним из главных источников страданий и невзгод в этот период*.

Внебрачные связи в то время были нормальным явлением. Моралисты часто ссылаются на золотой век чистоты и непорочности. Но уже в 1865 году один врач писал: «Сегодня люди считают, что чем раньше сбросишь обузу целомудрия, тем лучше»†. Другой отмечал: «При нынешнем состоянии нравов редко можно встретить девственника старше семнадцати-восемнадцати лет»‡. Флобер вкладывает в уста одного из своих героев высказывание о публичном доме: «Это единственное место, где я был счастлив». «Афродита» Пьера Луйи считалась гимном во славу проституции. Опубликованная в 1869 году, она к 1904 году была распродана в количестве 125 тысяч экземпляров, вдохновила на написание трех пьес и четырех оперных либретто, да и после регулярно переиздавалась.

Посещать проституток начинали еще в школьные годы. В каникулярные и праздничные дни, а также по четвергам (сокращенный учебный день) публичные дома наполняли школьники§. Это раннее созревание стимулировалось тотальной войной, которая была объявлена мастурбации, опасность которой была одной из сильнейших навязчивых идей родителей и школы. Усилия по ее искоренению предпринимались титанические, сравнимые только со средневековой охотой на ведьм. Фабриканты производили специальные корсеты для детей, не позволявших тем мастурбировать, ношение которых было сущей пыткой. Книги рекомендовали диеты, упражнения и одежду, призванные способствовать ее предотвращению. Священники боролись с мастурбацией на исповеди, учителя — в школе. Проповедовалось воздержание,

* *Jeanselme E.* La Syphilis. Son aspect pathologique et social. 1925; L'Église et l'éducation sexuelle. 1929. P. 156; *Fiaux L.* Le Police des mœurs devant la commission extra-parlementaire du régime des mœurs. 1907–1910; *Fournier A.* Les Dangers sociaux de la syphilis. 1905; *Idem.* Syphilis et marriage. 1880; *Idem.* Traité de la syphilis. 1899–1906.

† *Seraine L.* Op. cit. P. 23.

‡ *Fiaux L.* La Femme, le marriage et le divorce. 1880. P. 43.

§ *Timon-David.* Traité de la confession des enfants et des jeunes gens. 1865; *Féré C.* La Pathologie des émotions. 1892. P. 269–271.

которое, как считали, в идеале следует растягивать до 25 лет, поскольку у молодых отцов рождаются слабые дети, а раннее распутство губит юношу навсегда. В некоторых католических школах, говорят, даже периодически пускали кровь учащимся, замеченным в чрезмерной сексуальной озабоченности* Проститутки играли важную роль в жизни подростков. Даже опрос среди регулярно посещающих церковь женатых мужчин-католиков показал, что 60% из них вступали в интимные отношения до брака, а 47% сказали, что пользовались услугами проституток. Эта ситуация разительно отличается от той, что характерна сегодня для Англии или США†. Что же касается Франции, то нельзя сказать, стали ли сейчас добрачные связи более распространенным явлением, чем сто лет назад. В 1950-х годах 30% опрошенных замужних француженок признали, что имели интимную связь со своими мужьями до брака. Этот показатель был равен 24% среди жен фермеров, 43% среди жен рабочих, 34% среди жен служащих или представителей свободных профессий. Взгляды на этот предмет мужчин и женщин оставались противоположными. В опросе десяти тысяч молодых людей, проведенном в 1966 году, 60% девушек высказалось против добрачного секса, а 66% юношей — за‡.

После женитьбы супружеская неверность была почти неизбежна§. Я уже упоминал, что в ходе того же опроса юноши и девушки поставили верность на первое место среди всех качеств, которые они хотели видеть в будущих супругах: выше любви, красоты и ума. Но 84% юношей считали возможным изменять жене, не переставая при этом любить ее, однако только 18% девушек согласились с этим. Только 52% юношей (против 74% девушек) считали, что измена с неизбежностью вредит супружеской жизни. Они, однако, были согласны (79% и 76% соответственно) в том, что развод не является предпочтительнее неверности. Институту брака не угрожала опасность, поскольку на него смотрели совсем не так, как требовала церковь. Недавнее исследование сексуальных привычек женатых французов показывает, что супружеская неверность как раз поддерживается сохранением традиционных моральных доктрин. Пятидесятилетний промышленник, у которого брали интервью, сказал: «Я занимаюсь любовью с женой, когда хочу ребенка. Во все остальное время я развлекаюсь с любовницей. Жены должны рожать наследников. Для наслаждения мужчины ищут других женщин». Низкие показатели разводов маскируют множество браков, в которых половые сношения отсутствуют совершенно, а мужья ищут удовлетворения на стороне. Это исследование показывает существование за респектабельным фасадом супружеской жизни другого мира, оставшееся более или менее скрытым, для чего порой приходилось прибегать к изощренным ухищрениям**.

* *Agrippa J* La Premiere Flétrissure 1877
† *Henriques*. Op. cit. P 259.
‡ *Franck R* Op cit P 86
§ *Veron P* Paris vicieux le guide de l'adultère 1883, *Revel T* L Adultere 1861; *Cademartori E* L Adultere à Marseille 1866.
** *Baroche J* Le Comportement sexuel de l'homme marié en France. 1969.

В 1850-х годах число проституток в Лондоне оценивалось в 24000, но в Париже с вдвое меньшим населением их, говорят, было 34000*. До 1946 года государство регулировало их деятельность, руководствуясь той идеей, что их существование неизбежно и что они должны заниматься своим ремеслом наименее оскорбительным для общества образом. Общественное мнение возмущало не столько их ремесло, сколько его публичность, задевавшая чувства тех, кому услуги проституток не требовались. Посему была учреждена *police des mœurs*†, проституткам предписано было жить в домах терпимости (*maisons de tolérance*), подвергавшихся медицинским проверкам. Таких официальных публичных домов в Париже в 1810 году было 180, в 1840 году — 200, но затем постепенно их число снизилось до 145 в 1870 году, 125 в 1881 году и 59 в 1892 году. Причиной этого был рост количества нелегальных борделей, в которых в 1888 году, по оценкам полиции, работало 15000 проституток. В течение 1871–1903 годов примерно 155 тысяч женщин зарегистрировались для занятий проституцией, но полиция в тот же период арестовала 725 тысяч других по подозрению в торговле своим телом. В 1900 году префект полиции Лепин провел реформу, чтобы учесть новую практику. Он разрешил создание *maisons de rendezvous*‡, то есть заведений, в которых проститутки не жили, а только работали: если вход стоил дороже 40 франков, полиция не требовала регистрации и не проводила проверок. Удовольствия среднего класса, таким образом, были освобождены от государственного контроля§. Лепин смотрел на проституцию как на совершенно нормальный вид деятельности и не считал ее позорной саму по себе. Его устав содержал следующую сентенцию: «Поскольку бордели считаются общественными местами, любой человек, в присутствии других людей совершивший в учреждении такого рода аморальный поступок, являющийся публичным оскорблением скромности (*pudeur*), будет привлечен к ответственности». Он ставил своей целью уничтожение извращений и создание нового типа чистого борделя. «Никаких глазков для подглядывания, никакой развращенности». Но все усилия пропали втуне. Американец Флекснер, исследовавший европейскую проституцию во время войны, был поражен парижским знанием всевозможных извращений, а также тем, как бордели соперничали друг с другом в изобретательности. В 1960-х годах полиция Парижа установила, что публичные дома города с почти миллионом взрослых мужчин обслуживали 40000 клиентов в день. Это позволяет предположить, что, пожалуй, четверть всех парижан пользовались услугами проституток.

В провинциях ситуация была несколько иной. Каждый город устанавливал собственные порядки и правила. При Второй империи популярна была позиция *laissez-faire*, но в 1880-х годах

* *Henriques*. Op. cit. P. 224.
† Полиция нравов (фр.).
‡ Дома свиданий (фр.).
§ О занятиях проституцией «по совместительству» во всех классах см.: *Fiaux L.* Op. cit.; *Franck R.* L'Infidélité conjugale. 1969. P. 224.

правительство попыталось возродить контроль. Из 557 известных документов, регулирующих проституцию, только 219 датированы ранее 1880 года. Те же, что были изданы после 1880 года, чрезвычайно отличались от города к городу. Периодичность обязательных врачебных осмотров варьировалась от двух в неделю до двух в месяц. В Виши каждая проститутка должна была сдать в полицейский участок три свои фотографии. В Сент-Этьене им запрещалось ходить по улицам иначе, чем в одежде «почтенных женщин». В городах Отён и Мелён определяли, каковы должны быть прически. Южные города и порты, самый известным из которых был Марсель, сохранили со Средних веков кварталы блудниц. Правила были не особенно эффективны, поскольку государственные обвинители в основном избегали скандальной огласки. Когда между мировыми войнами несколько городов, в частности Страсбург, Гренобль и Ницца, попытались закрыть свои публичные дома, привычки мужчин мало изменились, и сразу же появились объявления подпольных борделей. Каждый гарнизон обеспечивал значительную клиентуру. Официально солдатам запрещалось посещать бордели, хотя в колониях армия специально создавала их. Говорили, что в этих военных публичных домах проституткам работалось намного тяжелее, чем в любом частном заведении в кабале у бессовестного сутенера. Именно эксплуатация и торговля белыми рабынями привели к официальному запрету *maisons de tolérance* в 1946 году. Жестокое обращение, безусловно, имело место, но есть также свидетельства того, что в конце XIX века в публичных домах произошла либерализация условий труда, все большее число борделей становилось только местом работы, а не проживания женщин.

В XIX веке бордель был таким же обычным и естественным местом отдыха, как и любое другое. Мопассан в истории провинциального города описывает одно такое заведение, где регулярно встречались почтенные деловые люди и юноши (прямо как в кафе), выказывавшие мадам всяческое уважение. Городские улицы были заполнены назойливыми проститутками наравне с нищими. Около 1900 года в Париже было 115 так называемых *brasseries*, которые были совершенно обычными кафе, за исключением того обстоятельства, что работавшие там девушки были доступны и посетители могли уводить их в гостиницу. Лучшими клиентами этих кафе являлись школьники и студенты. Было множество других заведений, таких как парфюмерные магазины, бани и массажные салоны, выполнявших те же функции. Ежегодник «Guide rose» давал полный список подобных мест. Также в качестве «приютов любви» упоминались театры и роскошные магазины. Слухи о том, что представительницы среднего класса иногда по вечерам занимаются проституцией, зарабатывая деньги, чтобы быть не хуже соседей, подтвердило недавнее социологическое

исследование. (Одна суфражистка написала книгу, требуя создания борделей для утех женщин.) Некоторые студенты, прежде, чем поселялись вместе, жили с гризетками — работавшими девушками, которым был нужен не столько клиент, сколько любовник, и которые питали надежды продвинуться по социальной лестнице. Если у такой гризетки был ребенок, писал наблюдатель в 1840 году, она пыталась отдать его в печатники или, если это была девочка, пристроить в театр, словом, была готова на все, лишь бы дочке не пришлось работать швеей, как матери. Гризетка, «которую студент любит чуть больше своей собаки и чуть меньше своей трубки, безрассудно тратит лучшие годы своей жизни на любовь, удовольствия и недолговечные любовные связи». Она носит маску веселья, скрывающую уныние и презрение к жизни. Она прожорлива и согласится отобедать с кем угодно; ее легко встретить на балу. Но она утешает студента во время депрессии и ухаживает за ним в случае болезни*

Публичные дома всегда пытались угодить всем классам, но постепенно некоторые из них стали походить на универмаги, предлагающие роскошь массового производства по доступным ценам. После Первой мировой войны несколько старых фирм в Париже разрослись, превратившись из грязных трущоб в роскошные заведения с армиями девушек, доступных всегда, в том числе по субботам и воскресеньям, за невысокую фиксированную цену. Эти бордели переходили из рук в руки за большие деньги. Некоторые хозяева создавали целые сети. Все больше девушек, однако, благоразумно стремились к статусу проституток «класса люкс». Подсчитано, что если в 1789 году только 10 или 20% проституток считались дорогими, то ныне таковых половина. Их общее число, как утверждают, значительно возросло. Во время Великой революции Понсе де ла Грав в своих «Соображениях относительно безбрачия» (1801) подсчитал, что во Франции примерно 100 тысяч проституток. В 1960-х годах, когда численность населения страны удвоилась, число проституток предположительно составляло 400 тысяч. Но в 1960-х годах молодежь начинает отказываться от их услуг, и новая мораль теперь сосуществует со старой†.

Положение различных форм отдыха в жизни французов можно определить, сопоставив доходы разных учреждений культуры и разврата в Париже в 1920-х годах. Выручка Оперы составляла 12 миллионов франков в год, но второе место было за «Фоли Бержер» (10 миллионов), впереди «Комеди франсез» и «Опера комик». В 1923 году выручка всех парижских кинотеатров составила 85 миллионов франков против 110 миллионов, полученных парижскими театрами. Отчеты обществ, боровшихся с порнографией, не дают ясного представления о том, что имело право называться культурой. Они жаловались на то, что кино, это

* *Esquiros A.* Les Vierges folles. 1840.

† *Regnault F.* L'Évolution de la prostitution. 1906. Многочисленные документы см.: *Fiaux L.* Op. cit. См. также: *Servais J.-J., Laurend J. P.* Histoire et dossier de la prostitution. 1967; *Rogeat M.* Mœurs et prostitution. 1935; *Parent-Duchâtelet.* De la prostitution dans la ville de Paris. 1836 (пионерская работа по этой теме).

«грубое и вульгарное искусство, со сценами преступлений и страстей», эксплуатируется спекулянтами, не имеющими вкуса и не испытывающими угрызений совести, и что оно представляет серьезную опасность для воспитания детей и подростков. Но и театр, провозглашая желание быть зеркалом времени, пытался щекотать буржуазные нервы пьесами о супружеских изменах, свободной любви, разводах; шла конкуренция за то, кто сумеет «представить с наибольшей откровенностью сцены, в том числе постельные, изображающие моменты, непосредственно предшествующие занятию любовью». В 1914 году «Le Temps» выразила надежду на то, что соитие произойдет наконец на сцене, дабы полиция смогла вмешаться. В мюзик-холлах и кафешантанах определенно ставились «живые картины, которые доходили до изображения полового акта». Никто, однако, пока не рассмотрел эту тему, как никто не исследовал мощный поток порнографии, тех книг, журналов и фотографий, которые продавались в колоссальных количествах и составляли значительную долю индустрии развлечений*

История представлений о благопристойном (позволительном и непозволительном) и история репрессий во имя общественной морали — все это сложные темы. В словаре Литтре распущенность определялась как то, что оскорбляет скромность, а непристойность — как то, что оскорбляет скромность открыто. Закон мирился с первым, но не со вторым, и разграничивал два этих понятия: проявление распущенности можно было защищать как «артистическое, бескорыстное и адресованное элите» [произведение или действие], тогда как все непристойное предпринимается «в низких корыстных целях». Как постановил один суд в 1884 году, «непристойность существует там... где отсутствует искусство, способное создавать идеалы, и где обращение к инстинктам и низменные влечения не встречают сопротивления и не могут быть преодолены каким-либо более высоким чувством». Во второй половине столетия постепенно восторжествовала идея, что искусство не может быть непристойным, но его новым формам всегда требовалось время, чтобы добиться признания. Роман «Мадам Бовари» Флобера был объявлен непристойным, поскольку, как было указано, не демонстрирует осуждения супружеской неверности. Несколькими годами позже по очень похожим мотивам была осуждена скучнейшая книга о жизни женщины легкого поведения, которая хотя и ходила по рукам мужчин, но не содержала ничего порнографического[1]. Примерно в это же время был обвинен в непристойности торговец, продававший ночные горшки с рисунками глаз на дне и надписью «Я тебя вижу». Однако человек, распространявший карточки с объявлением об открытии борделя, был оправдан. В 1902 году суд постановил, что простое изображение человеческого тела, сколь бы откровенным оно ни было, не может быть осуждено как непристойное,

* *Bureau P.* L'Indiscipline des mœurs. 1927

[1] *Fougerol Cl.* Scènes de la vie galante. Les Amours d'une ingénue. 1862.

поскольку это нанесет слишком тяжелый удар искусству, которое, что бы оно ни изображало, «в какой-то степени содействует морали и очищает мысли, делая их более возвышенными». Однако вместе с массовыми тиражами газет и дешевых изданий классических произведений поток порнографии стал нарастать, чему способствовало также изобретение фотографии. Порнографические произведения с иллюстрациями появились на массовом рынке, но число возбуждаемых общественными обвинителями дел о непристойностях оставалось примерно одинаковым. С 1876 по 1906 год, в период, когда произошел этот издательский взрыв, обычно рассматривалось 55 дел (по которым привлекалось примерно 85 человек) в год. Очень из них попадали в суд (таковых всего 34 с 1881 по 1902 год), потому что была высока доля оправданий (42%). В 1898 году парламент принял закон, увеличивший штрафы и расширивший определение непристойности, министры юстиции издавали циркуляры, требовавшие более строгого исполнения закона, но эффект был невелик. Только Файеру в 1891 году удалось удвоить число выдвигаемых обвинений, но ситуация скоро вернулась к норме. Главная перемена заключалась в размножении обществ блюстителей морали: в 1905 году собрался Первый конгресс против порнографии. «Лига общественной нравственности», «Центральное общество против уличной распущенности», «Национальная ассоциация покровительства рабочим» стали новым орудием защиты порядка средними классами*

Однако было одно проявление сексуального поведения, в отношении которого репрессии заметно спали. В начале рассматриваемого периода гомосексуализм безоговорочно осуждался. «Как он может существовать в такой развитой цивилизации, как наша, со своими отвратительными и постыдными ужасами?» — вопрошала «Encyclopédie Larousse» в 1860-х годах, в иных вопросах весьма либеральная и не слишком шокированная идеями относительно гетеросексуального поведения таких персонажей, как Фурье. В осуждении гомосексуальности любопытно проявлялось классовое сознание. «Необузданное распутство, пресыщенное сладострастие могут в некоторой степени объяснить гомосексуализм, но во многих случаях трудно не признать подлинный распад всех духовных способностей. В самом деле, что можно сказать об одном из этих типов, павшем со своего высокого положения до низшей ступени развращения, который приводил с улицы в свой дом чумазых мальчишек, падал пред ними ниц и целовал их ноги в сладострастном уничижении, прежде чем просить их о самых постыдных удовольствиях?» Это можно назвать только «самым непристойным безумием». В середине XIX века мужская проституция и шантаж гомосексуалистов, говорят, превратились в огромную индустрию. Время от времени в этот мир вторгалась полиция. В 1845 году 47 человек проходили по «делу улицы

* *Eyquem A.* De la repression des outrages à la morale publique... 1905; *Gay J.* Bibliographie des ouvrages relatifs à l'amour... 1894; *Drujon F.* Catalogue des ouvrages écrits et dessins de toute nature poursuivis, supprimés ou condamnés 1814–1877. 1879.

Рампар»; в ходе дальнейших преследований под суд попало множество гомосексуалистов. При Второй империи в двух облавах попалось 97 и 52 человека. Внимание общественности к делу привлекли несколько убийств, в том числе некоего Варда (один сыщик — Буссероль — проявил особенное рвение в преследовании гомосексуалистов). Нет работ, которые бы установили, когда и почему прекратились репрессии; имела бы смысл попытка пролить свет на ту ситуацию, в которой такие люди, как Монтескьё, имели возможность афишировать свои вкусы, Пруст мог писать об этом, а Жид — открыто признавать свою гомосексуальность. Эти люди привлекали внимание к страданиям себе подобных и, возможно, способствовали изменению общественного мнения. В 1937 году говорили, что во всех классах гомосексуалисты перестают скрываться, что в Париже их по крайней мере четверть миллиона, что на 20 тысяч из них у полиции есть досье. Клубы, рестораны и бани, которые они часто посещали, составляли нечто вроде обособленного мира, которому театральные и литературные знаменитости одновременно создавали дурную славу и придавали респектабельность. Они требовали, чтобы Кодекс Наполеона (один из авторов которого, Камбасерес, по слухам, тоже был гомосексуалистом) защищал их, однако они все же оставались на мушке у полиции. В государственных лицеях, где гомосексуальные отношения процветали (в этом отношении лицеи оставляли далеко позади католические школы), они по-прежнему яростно, но безуспешно преследовались* Мнение о том, что гомосексуализм являлся симптомом каких-то отклонений семейной жизни, пробивало себе дорогу с трудом.

Tardieu A. Étude medico-legale sur les attentats aux mœurs. 1878 (7 ed.) P. 195–217. *Coglay M. du.* Chez les mauvais garcons. 1937; Les Pédérastes // Le Crapouillot 1970.

Глава XII ДЕТИ

Параллельно мифам о браке складывались мифы о детстве. Большая часть французских детей не вела полноценной семейной жизни. Около 1900 года на пятнадцать семей, в которых были оба родителя, приходилось шесть неполных семей (в четырех из них недоставало отцов, а в двух — матерей). Только 54% браков продолжались дольше пятнадцати лет: 15,6% браков прекращались из-за смерти одного из супругов в течение первых четырех лет, 29,7% — в промежутке от пяти до четырнадцати лет, только 31,3% браков существовали дольше 25 лет. В возрасте от тринадцати до девятнадцати лет становились сиротами 45% детей, а весьма значительное число — даже раньше* Первая мировая война усугубила положение дел: в 1931 году насчитывалось также 646 тысяч семей, которые потеряли на войне отцов. Отцы 1322000 детей получили на войне увечья или ранения† Среди детей, родившихся в 1875 году, 93 тысячи были брошены родителями. Каждый четырнадцатый был незаконнорожденным. Значительное число детей сразу после рождения отсылались матерями в деревню, где их растили профессиональные кормилицы.

По общему мнению, важной переменой в семейной жизни было то, что дети после многовекового пренебрежения ими заняли центральное положение в доме. Они получили право (опять же после столетий отношения к ним как к маленьким взрослым, не исключая одежды и работы) вести жизнь особого рода, отличную от жизни взрослых, на них стали возлагать иные надежды. Филипп Арьес относил эту перемену к XVIII веку. До этого невозможно было завоевать никакого уважения, будучи хорошим родителем, равно как ничего нельзя было потерять в глазах общества, будучи плохим. Эмоции не выдвигались в семье на первый план. Консерваторы, подобные Вийелю, отстаивали приоритет прав старшего сына на наследство, поскольку считали чувства недостаточно надежной основой существования семьи, отмену же майората почитали одним из признаков конца семьи как союза, представлявшего собой практически деловое предприятие.

* Statistique des familles. 1906, 1936.
† *Scherrer A.* La Condition juridique de l'orphelin de la guerre de 1914–1919 Nancy, 1933. P. 11.

Растущая любовь к детям не означала, как считает Арьес, предоставления им полной свободы. Напротив, на смену пренебрежению пришла чрезмерная любовь, резко увеличившая требования к детям. Дисциплина и рассудительность навязывались им с невиданной ранее строгостью. Дети уже не были предоставлены сами себе, им внушались идеи о том, что делать нельзя. Мальчикам и девочкам уже не позволялось играть вместе, как в XVI веке. Из классических произведений ради блага детей и защиты их невинности исключались нежелательные места.

Новаторская работа Арьеса была продолжена и развита в труде Дэвида Хантa, изучавшего детские годы Людовика XIII, о которых сохранились многочисленные свидетельства близких людей. Хант продемонстрировал, насколько трудно установить четкие хронологические рамки различных форм воспитания ребенка. Когда Людовик был совсем маленьким, взрослые публично играли с его пенисом; ему дозволялось мастурбировать, удовлетворять свое сексуальное любопытство, знакомиться с порнографией, его почти не приучали быть опрятным. Но это не означает, что в раннем детстве совсем отсутствовало принуждение и дети наслаждались свободой. Уже тогда в обществе существовал конфликт на почве отношения к сексу: кто-то верил в свободу, а кто-то проповедовал воздержание. Ребенка многое тревожило, подробности взаимоотношений полов оставались для него тайной, а отношения с матерью не были безоблачны. Только через шесть месяцев после рождения мать впервые обняла Людовика, и ее отношение к ребенку оставалось весьма прохладным до тех пор, пока не умер его отец. До этого момента мать принадлежала отцу. Пока были живы отцы, матери были недоступны детям. Высказываются сомнения по поводу того, действительно ли отцовская власть уменьшалась при Старом порядке: некоторые полагают, что авторитарная монархия только укрепила ее. В любом случае, тогдашние обычаи не исчезли без следа: пренебрежение детьми можно видеть и по сию пору — они и сегодня отнюдь не всегда являются центром семьи. Хант показывает, что в отношении детей столь же трудно делать какие-то обобщения, как и в отношении любой другой столь же большой группы людей*

Мнения относительно воспитания детей и их места в обществе были почти столь же разноречивы в период, рассматриваемый в этой книге, как и политические разногласия. Для того, чтобы проследить их изменения, недостаточно читать медицинские пособия. Конечно, советы, которые они давали, становились все лучше после переворота во взглядах на уход за ребенком, произошедшего в XVIII веке. До этого времени в руководствах защищались мнения о том, что новорожденным следует очищать кишечник, что кормилица предпочтительнее матери, что не следует кормить регулярно, по часам, что ребенок должен пеленаться,

* Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999. Hunt D. The Psychology of Family Life in Early Modern France. 1970.

лежать в колыбели и принимать холодные ванны. Позднее все больше подчеркивалась важность содержания младенцев в тепле, предотвращения забав с половыми органами и мастурбации, отучения от привычки сосать палец (последняя рекомендация появляется уже в середине XIX века). Чаще стала упоминаться необходимость проявлять любовь к маленьким детям, но на способы проявления этой любви вводилось все больше и больше ограничений во избежание перевозбуждения детей. В некоторых важных аспектах, однако, советы медиков были не вполне ясны. Прежде всего, они сильно напоминали церковные нравоучения. Кормление материнской грудью пропагандировалось задолго до Руссо, но, очевидно, безрезультатно, поскольку врачи неоднократно жаловались на то, что их пожелания игнорируются. Да и после Руссо эта практика не восторжествовала, так что кормилицы процветали до конца XIX века и исчезли только благодаря развитию медицины, сделавшей животное молоко безопасным для младенцев. Взгляды Руссо на грудное вскармливание, несмотря на всю их популярность, были им заимствованы, когда ему было указано на то, что в «Эмиле» он не осветил вопросы ухода за младенцами. Поскольку эта тема была Руссо совершенно незнакома, он взял у друга современный труд Десессара, из которого переписал соответствующие места почти дословно* Более важной заслугой Руссо является то, что он создал философскую основу для новой трактовки детства. Он считал ребенка существом чистым и невинным, которое следует предоставить самому себе в интересах развития его индивидуальности. Ребенок не является ни животным, ни взрослым человеком, но обладает особенным видом мышления, рассудительность же приобретает только в пятнадцать лет, а способность любить приходит к нему и того позднее. Это мнение, конечно, входило в противоречие с точкой зрения католической церкви, считавшей ребенка грешником, в котором надлежит воспитывать послушание, а также с взглядами эмпириков, считавших, что ребенок неограниченно поддается влиянию, а все его качества являются следствиями полученного опыта. Все эти традиции были живы в XIX веке, и если можно сделать какой-либо предварительный (ввиду недостатка информации о семейной жизни) вывод, то, пожалуй, такой: представления Руссо о детской невинности вовсе не получили всеобщего признания. Его идеи совершили переворот скорее в теории, нежели в практике†

На протяжении рассматриваемого периода большинство книг, посвященных детям, отражали не воззрения Руссо, а консервативные и даже реакционные католические взгляды. Следует помнить, что традиция, передававшаяся от матери к дочери, оказывала решающее влияние на поведение, что женщины не подвергались тому же воздействию новых идей в образовании с той же силой, как мужчины, и что различие мнений и позиций мужчин и

* L'Évolution de la puériculture. 1933. P. 114.

† См.: *Mercier R.* L'Enfant dans la société du 18e siècle (avant Émile). 1961.

женщин составляло фундаментальную особенность общества. Неправильно было бы утверждать, что католические принципы определяли поведение, скорее они отражали существовавшие образцы [поведения]. Едва ли были семьи, следовавшие в воспитании какому-либо одному идеалу. Некоторые из религиозных установок сохранились в учениях передовых либеральных мыслителей, равно как взгляды последних влияли на доктрины отдельных католиков. Всеобъемлющая картина воспитания ребенка запечатлеет широкое разнообразие точек зрения, а также сомнения и недоразумения, порожденные трудностями применения теорий на практике. Таким образом, в этот период воспитание французов не осуществлялось по какой-либо единой модели — в этой области царила полная неопределенность. Конфликты, пережитые последующими поколениями, в значительной мере явились следствием сосуществования в родителях враждебных друг другу устремлений и традиций.

Консерваторы считали, что ценности должны передаваться детям с использованием авторитета и внушения уважения. Семья для них была отражением божественного порядка, отец семейства являлся посланником Господа, власть его была подобна божественной власти. В книге для детского чтения, посвященной родительской любви, изданной в 1862 году в популярной «Bibliothèque Rose Illustrée», говорилось: «Родители, выполняя порученную Богом миссию вашего воспитания, обладают всем необходимым для этого... В их голосе звучит голос Божий»* В 1946 году Робер Рошфор показал, как такие отношения строились на практике. В своих мемуарах он говорит, что его детство прошло в «королевстве отца». «Я жил, покоряясь его силе: в его воле, постоянно с ним, как верующий живет с Христом. Я не мог выбирать, одобрять, отказываться или сомневаться. Но мы так тесно были связаны, что не могло даже возникнуть представления о существовании другой жизни. Лицо Отца обычно было непроницаемо. Редко кто осмеливался поднять на него глаза за обеденным столом, настолько задумчив и хмур он был»†. В аристократической среде холодность и отчужденность отличали отношения некоторых отцов и сыновей. Мирабо говорил о своем отце: «Я никогда не удостаивался чести прикоснуться к щеке этого почтенного человека». Талейран не мог с уверенностью сказать, случалось ли ему две ночи подряд провести под одной крышей с родителями. Шатобриан цепенел при виде отца. Эта холодность отношений порой перенималась буржуазией. Кине так трепетал перед отцом, что даже в пятидесятилетнем возрасте не осмеливался положить себе добавки за столом в родительском доме, а когда однажды он сделал это, то получил внушение от матери‡.

Излишняя фамильярность, по мнению моралистов, подрывала отцовскую власть. Жозеф Дро полагал, что обращение на

* *Barrau T. H.* Amour filial. Récits à la jeunesse. 1862. P. 375.
† *Rochefort R.* Dans le royaume du père. 1946. 1. P. 4.
‡ *Durand H.* Le Règne de l'enfant. 1889. P. 7.

«ты» (tutoiement) вредно для субординации, которую необходимо поддерживать, поскольку привносит в отношения «нелепое равенство». Наставление «Хорошо воспитанный ребенок» в 1886 году подтверждало важность соблюдения традиционных формальностей. Детям предписывалось вставать, когда родители входят в комнату. «Когда тебе оказали честь быть допущенным в гостиную твоей матери, то веди себя так, чтобы никто не пожалел об этом одолжении... Не следует появляться в гостиной без перчаток. Провинциалы соблюдают этот этикет даже строже, чем мы»*. В труде «Плохо воспитанные дети» (1890) утверждалось, что для успеха в отношениях с детьми необходимо проявлять твердую волю. «Используя свою власть, вы делаете сыновей почтительными, внушаете им представление о долге». С детьми следует обращаться не как с равными родителям, но, по словам автора, скорее как «с собаками». «Если у человека есть собака, он старается, чтобы она привязалась к нему, знала и любила его дом, он не позволяет ей бегать там, где ей захочется. Хозяин заботится о том, чтобы она слушалась его, порой прибегая к угрозе, а в иных случаях используя ласку. Того же требует и воспитание ребенка... При малейшем преднамеренном сопротивлении наказывайте со всей строгостью, в этом и состоит главный секрет сохранения авторитета. Следует добиваться неограниченного послушания». Другой путь к этому состоял во внушении ребенку мысли, что жизнь в этом мире дана ему не для того, чтобы предаваться веселью. С ранних лет его следует приучать руководствоваться идеалами самопожертвования и смирения, давать понять, что жизнь — это испытание, а не удовольствие, что успех приходит редко, а неблагодарность встречается сплошь да рядом, что собственные эгоистические желания — главные его враги. В этой книге провозглашалось, что у ребенка есть только один основной инстинкт — страх боли. В остальном «ребенок будет оценивать людей и события в соответствии с тем воспитанием, которое он получает». Сыновние признательность и послушание, следовательно, не признавались естественными чувствами, и было широко распространено мнение, что они намного слабее, чем материнская любовь. Это накладывало на родителей обязанность прививать детям чувство благодарности, в помощь им сочинялись книги для чтения, где описывались те блага, которыми дети были обязаны своим родителям†. Однако некоторые авторы возражали против подобной точки зрения, утверждая, что сыновняя любовь является естественным следствием кровного родства, и критикуя психологов за порочение отношений матери и ребенка‡.

Одной из характерных черт этой системы воспитания было то, что она рассматривала жизнь как последовательность опасностей и соблазнов, которых необходимо избегать. Книга о том, чем должны заниматься дети на каникулах, изданная в 1935 году

* *Ferry*. Les Enfants bien élevés. Tours, 1886. P. 45, 49.
† *Nicolay F.* Les Enfants mal élevés. Étude psychologique, anecdotique et pratique. 1890.
‡ *Doucy L.* Introduction à une connaissance de la famille. 1946; *Abbé F.-M. L.* Devoirs des enfants envers leurs parents. 1896.

каноником и рекомендованная епископом, открывается главой об опасностях, подстерегающих детей в период каникул. Начинается она так: «Первейшим долгом родителей является понимание опасностей, с которыми сопряжены каникулы». В это время дети в основном предоставлены самим себе, оставшись без присмотра учителей, поэтому быстро забывают нравственные уроки, полученные ими в школе, и перенимают дурные привычки от широкого круга детей, с которыми они встречаются и проводят время. «Многие оправдывают этот недостаток надзора, приводя в пример Америку, но, помимо различий в характере американцев и французов, можно утверждать, что Америка едва ли дает нам лучшие образцы семейной жизни: недостаток душевной близости, много разводов, мало детей». Страх, который вызывали друзья ребенка, превратился в навязчивую идею: лучше приглашать в гости кузенов, вызывавших большее доверие. Походы с сопровождающими в горы и изучение природы считались безопасным времяпрепровождением, особенно в сравнении с поездкой на море, которая представала серьезной угрозой. В 1934 году накопившиеся страхи родителей вылились в «Битву против безнравственности на пляжах». Едва прикрытая нагота стала признаком распутства и утраты моральных принципов. «Христиане, оставайтесь христианами и на пляжах,— таким был призыв.— [Избегайте] манер, поведения и забав, напоминающих о диких племенах Центральной Африки и древних германцах». Доктора предупреждали, что солнечные ванны следует принимать только под медицинским контролем. «Игры допустимы, но весьма опасны». Анри де Монферлан давая сыну советы, писал нечто подобное: «Ты садишься в каноэ — для тебя это новая игрушка — и отправляешься в плавание по океану дерьма, каковым является мир. Будет чудом, если ты не перевернешься»*

Согласно этой мировоззренческой традиции, самой серьезной опасностью, подстерегавшей детей, было пробуждение сексуального влечения. Важнейшей обязанностью родителей было задержать как можно дольше проявление этого влечения и любопытства к вопросам деторождения. Подавление подобного интереса единодушно отстаивалось консерваторами с тем же рвением, с каким осуждалось фрейдистами. Труд Жана Виолета, хорошо расходившийся в период между мировыми войнами, можно привести в качестве примера изложения таких взглядов. Автор настаивал, что «ошибочно и опасно ставить ребенка лицом к лицу» с реалиями жизни. Прежде всего его надо воспитывать так, чтобы он испытывал мистическое уважение к родителям, рассматривая брак как нечто, подразумевающее огромную моральную ответственность, а не просто плотские отношения. Затем его надо приучать не искать телесных радостей: склонность к чревоугодию и комфорту следует подавлять. Сила воли ребенка должна раз-

* Pradel H. Les Devoirs de vacances des parents. 1935. P. 5–8, 233–245

виваться благодаря привычке отказываться от того, что он хочет, и жертвовать личными удовольствиями. Его следует изолировать от друзей, которые могут сбить его с правильного пути. То, что такие идеи воплощались в практике, видно из случаев потрясающего невежества в вопросах секса, которое проявляли девушки, обучавшиеся в монастырских школах. Одна из них помчалась на исповедь после того, как ее обнял мужчина в поезде: она полагала, что забеременеет от этого. Любопытный анализ писем, приходивших в итальянские женские журналы 1950-х годов, выявляет сходные случаи и подтверждает, что обстоятельства жизни и самые элементарные анатомические знания успешно скрывались даже от многих девушек-подростков*. Но Виолет жалуется на то, что столь полная невинность стала встречаться крайне редко. Он знает о растущей оппозиции проповедуемым им взглядам. «Чистота молодежи,— пишет он,— представляется большинству аномалией и признаком неполноценности»†

Важность поддержания авторитета отстаивалась не слепо, хотя в отдельных случаях складывается впечатление, что авторы требуют тотального и постоянного подавления ребенка. Работы епископа Дюпанлу, опубликованные еще в 1860-х годах, но изучавшиеся и цитировавшиеся на протяжении всего рассматриваемого периода, были одухотворены искренней и трогательной любовью к детям священника, который в начале своего жизненного пути был исключительно талантливым учителем. Дюпанлу не стыдился привести цитату из Руссо, хотя чаще цитировал Фенелона, притом чрезвычайно пространно, показывая, что его влияние не ослабло с веками. Авторы-республиканцы вроде Жане, в свою очередь, не прочь были процитировать Дюпанлу. Между партиями происходил взаимообмен идеями. Дюпанлу представлял умеренную позицию, основывавшуюся на богатом опыте. Он предупреждал родителей, что если они будут пренебрегать ребенком, то он будет пренебрегать ими, когда вырастет. Автор вместе с большинством консерваторов подчеркивал необходимость власти, уважения, невинности, чистоты, послушания. Основную причину того, что эти добродетели встречаются все реже и реже (неизменно называя золотым веком время, когда они процветали), автор видел в лени, мешающей родителям исполнять свои обязанности, в их тщеславии, не позволяющем признавать наличие тех или иных пороков в своем ребенке, наконец, в шаткости их собственных принципов, из-за чего родители не знают, чему, собственно, они должны учить свое чадо. После чтения книг Дюпанлу — а он близко знал жизнь многих семей — складывается впечатление, что контроль за юношеством в его время осуществлялся нерегулярно, случайно и произвольно. Больше всего епископ критиковал детскую избалованность. То, что родители уступали прихотям своего отпрыска и закрывали глаза на его недостатки, отнюдь

* *Parca G.* Italian Women Confess. 1963. См. также: *Kiefer F. J.* L'Autorité dans la famille et à l'école. 1916.

† *Viollet J.* Éducation de la pureté et du sentiment. 1925. P. VI, 1, 33, 50, 69, 78–80.

не всегда соответствовало интересам последнего. Такие родители не желали слышать от учителей критические отзывы о своих детях, требуя успехов в учебе независимо от способностей ребенка. Дюпанлу писал во славу власти авторитета, но также и в защиту детства. Он выступал против гордости, сладострастия и алчности, считая их худшими пороками детей, и строго запрещал мальчикам в своей школе пользоваться духами, носить золотые цепочки, уделять чрезмерное внимание прическе и одежде; он боролся с мастурбацией, гомосексуализмом и любыми проявлениями интереса к половым вопросам; старался искоренить в учениках непослушание, независимость (считая ее пороком) и склонность противоречить. Но он также отстаивал права детей перед родителями, благодаря чему его книга «Ребенок» была названа хартией в защиту детей. Индивидуальность, ум и призвание ребенка имели право на уважение. «Мое уважение к детям имеет религиозный характер,— писал Дюпанлу,— я даже научился почитать их». К любому ребенку нужно найти свой подход. Первейшей задачей родителя было изучение натуры отпрыска ради раскрытия его способностей. Страшными врагами ребенка выступали эгоизм, честолюбие и тщеславие родителей, которые слишком часто навязывали ему занятие, которое не соответствовало его природе. Самыми злостными обидчиками оказывались те родители, которые упрямо требовали от ребенка академических успехов и заставляли его получать ту профессию, которую считали респектабельной*

Светские психологи и педагоги долгое время придерживались взглядов на детей, не особенно отличавшихся от мнений, опиравшихся на признание первородного греха. Бернар Пере, автор одного из первых специальных трудов, посвященных детской психологии, вдохновлялся научными и эволюционистскими теориями, но был далек от признания невинности ребенка в духе Руссо. Он подчеркивал значение наследственных факторов в поведении и врожденных пороков, не менее сильных (хотя он и не проводил такого сравнения), чем первородный грех. Дети от рождения могут проявлять страх, злобу и зависть. Они легко лгут, ведь «хитрость — врожденное качество любого животного». Их разум подобен разуму животных и находится ниже разума взрослых и тренированных животных. Несмотря на его врожденные задатки, напоминающие животные, «справедливостью и добротой из ребенка можно сделать все, что угодно»†. Габриэль Компайре, ведущий республиканский педагог, написавший в 1893 году труд об интеллектуальной и нравственной эволюции ребенка, выступал против идеи первородного греха и не признавал многих отрицательных качеств, которые приписывал детям Дюпанлу. Детская жестокость, говорил он, является следствием невежества, ложь — страха или развитого воображения, а в приобретаемых ребенком пороках виновато неправильное воспитание. Но и Компайре

* *Dupanloup F. A. P.* Le Mariage chrétien. 1869; *Idem.* L'Enfant. 1869; *Idem.* L'Éducation des filles. 1873–1874. Ср.: *Fentré A.* Contre le marriage actuel. Tout en faveur des enfants. 1882.

† *Perez B.* La Psychologie de l'enfant: les trois premières années. 1882. P. 70–90, 123–126, 329.

не вполне был согласен с Руссо. В ребенке была порочная основа (*un fond mauvais*), которую нельзя было оправдать при всем снисхождении. Не только социальное воздействие извращало его — он был порочен от природы, обладая врожденными антиобщественными инстинктами*.

Научные методы изучения детей плохо прививались во Франции, иностранные идеи усваивались с трудом. В 1860-х годах Карон пытался читать лекции об искусстве воспитания маленьких детей (которое он назвал *puériculture*), но, несмотря на поддержку Виктора Дюрюи, императрица Евгения признала их непристойными, так что он испытывал трудности в поиске слушателей. В 1865 году, когда он попытался поднять эту тему на съезде провинциальных научных обществ в Сорбонне, председатель не дал ему выступить на том основании, что подобная тема «спровоцирует взрыв бурного веселья». Только в 1919 году была основана Школа детской гигиены, но это произошло по инициативе американского Красного креста в память о его работе во время войны†. Альфред Бине, великий французский пионер исследований интеллекта, провел практически единственную кампанию по перестройке целостной образовательной системы в интересах удовлетворения индивидуальных нужд. В 1910 году он жаловался, что только немногих интересует, является ли ребенок кем-то иным, кроме как маленьким человеком, а большинство полагало, что существует стандартный тип ребенка, на который все дети в большей или меньшей степени походят. Учителя обращали внимание в основном на важность того, что они преподают, нежели на индивидуальные способности ребенка. Но Бине не был способен внести вклад в развитие знаний об эмоциональной сфере ребенка. Его работа в основном была посвящена вопросам измерения интеллекта, памяти, зрения и слуха. Хотя он признавал недостаточность основанных только на разуме отношений с ребенком, он не смог выйти за границы традиционных идеалов авторитета, уважения и альтруизма‡.

Между мировыми войнами наиболее наукообразные книги, посвященные детям, делали акцент на определяющем воздействии физических факторов, вплоть до возвращения к взглядам Золя, подчеркивавшего роль наследственности. Доктор Виктор Поше (работа которого получила награду Французской академии в 1929 году) считал, что особенности характера детей на 90% определяются их физическим состоянием, и рекомендовал лечение щитовидной железы в качестве наилучшего способа исправления их недостатков. Однако он также не мог удержаться от повторения традиционных сентенций о роли строгости в воспитании маленьких детей, приводя известный пример с собакой, его лекарство от робости, которую он называл моральной слабостью, состояло все в том же старом добром самоконтроле, к которому

* *Compayré G.* L'Évolution intellectuelle et morale de l'enfant. 1893. P. 307, 315.
† *Tissot P.* Notes pour servir à l'histoire de la puériculture. Chambéry, 1959. P. 4; *Weill-Hallé B.* La Puériculture et son evolution. 1929. P. 9.
‡ *Binet A.* Les Idées modernes sur les enfants. 1910; *Varon E. J.* The Development of Alfred Binet's Psychology. 1935

ребенка должны были побудить рациональные доводы. Он приветствовал Фрейда и отдавал должное результативности [его учения], но пустые похвалы новым доктринам не могли разрушить укоренившихся взглядов*. Другой детский психолог, Колен, полностью одобрял проникновение в детские сады и первые классы начальных школ (но не далее) идей Монтессори, Дьюи, Декроли† и прочих, сожалея, что психологи гораздо больше изучали интеллект детей, а не их эмоции. Как бы то ни было, для избавления детей от чувства страха он предлагал два пути: улучшение физического состояния, чтобы собственная сила дала ребенку иммунитет к страху, и «обращение к разуму» — борьбу с невежеством детей‡. Интеллектуальный подход продолжал торжествовать и воздействовать на детей. Лоуренс Уайли видел главное различие между французскими и американскими детьми именно в интеллектуализме первых. Как результат, французский ребенок учится сдерживать свои порывы, рассматривать образование как запоминание понятий, придуманных другими людьми, вести себя в каждой области жизни так, как это принято считать уместным§.

Слабость французской психологии в этот период отчасти объясняется силой характерологии — исключительно французской науки. Она явилась развитием античного учения о четырех темпераментах: сангвиническом, холерическом, флегматическом и меланхолическом. Когда анатомия опровергла физическое существование *гуморов*, продемонстрировав вместо этого важность нервов, эта теория перестроилась и стала скорее психологической, чем физиологической, но классификация в соответствии с определенным числом типов сохранилась. В XIX веке были добавлены новые подразделы и реорганизована понятийная система. Доктор Фурко оставил три главных типа, определяемых доминированием нервной, кровеносной или клеточной систем, которые могли соединяться, образуя в общей сложности семь возможных типов. В 1858 году доктор Эжен Бурде в работе «Болезни характера» представил 36 разных типов. Профессор Азам в труде «Характер в здоровье и болезни» (1887) описал 120 подтипов. Было бы утомительно перечислять большое число вариаций различной сложности — а то и наивной платонической простоты,— которые можно найти во многих работах, написанных на эту тему. Это не было заблуждением одного только XIX века. Популярными версиями той же идеи были физиогномика и графология, и не следует забывать, что графологические тесты использовались работодателями столь же охотно, как американцами — психологические¶.

Либералы, то есть те, кто отличался свободомыслием в других сферах жизни, не предлагали радикальных изменений методов воспитания. Жюль Мишле вспоминает, каким избалованным (поскольку единственным) ребенком он был. Он впадал в ярость

* *Pauchet V.* L'enfant. 1929. P. XV, 91, 227–228; *Idem.* Le Chemin du bonheur. 1929.

† *Мария Монтессори* (1870–1952) — итальянский педагог. На основе своей теории «спонтанного развития» разработала систему дошкольного воспитания, воплощенную в созданных ею «домах ребенка», уделяла особое внимание формированию познавательных способностей детей с помощью специальных дидактических материалов. *Джон Дьюи* (1859–1952) — американский философ, один из ведущих представителей прагматизма. Развил концепцию инструментализма, согласно которой понятия и теории — инструменты приспособления к внешней среде. В русле инструментализма лежит и его педагогическая теория, в основе которой лежит принцип «обучения посредством деланья» и формирования практических навыков. *Овид Декроли* (1871–1932) — бельгийский педагог-реформатор, врач и психолог, сторонник идей свободного воспитания. С целью сблизить школу с жизнью разработал систему обучения, ставящую в центр темы, соответствующие жизненным интересам человека.— *Прим. ред.*

‡ *Collin C.* Précis d'une psychologie de l'enfant. 1943. P. 49, 64–68.

при малейшем противоречии и постоянно искал повод для непослушания, его одиночество скрашивалось только одним другом и несколькими любимыми книгами, с ним так дурно обращались в лицее, что он ловил себя на чувстве, что ненавидит всех людей. И он же провозглашал, что все дети рождаются невинными и своей чистотой все освящают и искупают; он пел дифирамбы семейной жизни. Но Мишле был слишком проницателен, чтобы полагать, будто семейное воспитание дает удовлетворительные результаты. Само по себе оно способно удушить детей и сделать их совершенно неприспособленными к жизни в мире. Родители больше не оставляют детей в обществе грубых слуг, но вместо этого портят их, передавая собственные порочные наклонности к пьянству и непристойному поведению. Они позволяют просыпаться чувствам ребенка, тем самым разрушая его способность обучаться. Поэтому Мишле призывал не к большей близости, а, напротив, к большей официальности. «Ребенка — во имя его собственного блага — необходимо держать на некотором расстоянии, за ним надо присматривать и любить его, всегда сохраняя определенную дистанцию, а не втягивать его неразборчиво в жизнь родителей, что происходит сейчас. Он будет скромнее, если будет считать, что семья состоит из двух человек, а он лишь сопричастен ей. Интимность семейных отношений не должна распространяться на него». Этот любопытный фрагмент позволяет предположить, что развитие на вершине и в самом низу социальной лестницы происходило в противоположных направлениях. Буржуазии приелась формальность человеческих отношений, но в то же время верхние слои рабочего класса, переходившие в разряд мелкой буржуазии, пытались отказаться от своей традиционной беззаботности[††].

В отличие от Мишле, Поль Жане, в 1861 году опубликовавший книгу о буржуазной семье, восхвалял «интимность, доверие и свободу, царящие сегодня в семейном кругу», что, полагал он, отнюдь не свидетельствует об упадке этого института. Родители стали больше баловать детей, но и лучше о них заботиться. Раньше они требовали от детей уважения, пренебрегая ими, и это пренебрежение еще не исчезло до конца: «Есть такие дома, где дети видят матерей лишь в определенные часы». Но Жане восхищает то, что родители теперь пытаются добиться почтительности от детей не мерами дисциплины, а любовью[‡‡]. За внешне противоположными взглядами Мишле и Жане скрывается их глубинное сходство. В обоих случаях ребенок должен оправдать родительские надежды либо в отношении социального роста, либо в отношении привитых ребенку чувств. Рассматриваемые под таким углом зрения, изменения методов воспитания за сто лет часто оказывались не столь важными, как это казалось современникам, и не слишком далеко уходили от откровенного использования

§ См.: *Wylie L.* Youth in France and the U. S. // *Erikson E.* Youth: Change and Challenge. New York, 1963. P. 243–260.

** *Bourdet E.* Des maladies du caractère. 1858; *Azam.* Le Caractère dans la santé et dans la maladie. 1887; *Perez B.* Le Caractère de l'enfant à l'homme. 1891; *Paulhan F.* Les Caractères. 1894; *Queyrat F.* Les Caractères et l'Éducation Morale. 1896; *Michom J. H.* Système de graphologie. 1878; *Crépieux-Jamin J.* L'Écriture et le caractère. 1846 (4 ed.).

†† *Michelet J.* Ma Jeunesse. 1884; *Idem.* Nos Fils. 1869. P. 94–95.

‡‡ *Janet P.* La Famille. 1856, P. 145.

детей в интересах семьи. Потому-то юношеский протест, как это будет видно в дальнейшем, отнюдь не стал менее бурным.

Тягу к любви можно почувствовать и по прочтении чрезвычайно популярной книги «Мсье, мадам и дитя», уже упоминавшейся нами. Вслед за призывом дружить с женами и делить веселье с ними Дро то же самое рекомендовал и в отношении детей. Ему было жаль тех отцов, которые «не знают радости как можно чаще ощущать себя *папами*, кататься по ковру, играя в лошадь и большого волка, раздевать малыша. Они пренебрегают не только милыми детскими играми, но подлинными удовольствиями, восхитительными наслаждениями... Как просто быть счастливым». Но далее автор говорит о том, что отцовская любовь более расчетлива и менее инстинктивна, чем материнская. Цель всех этих игр — завоевание сердца ребенка. «Всю жизнь вызывать любовь к себе в существе, которое ты сам любишь — непростая задача». Любовь детей не возникает естественным образом: ее нужно завоевать и заслужить, а этого лучше всего достичь развлечением ребенка. «Побудьте немного его партнером по детским играм, чтобы получить право оставаться его другом». Дро понимал, насколько это непросто, напоминая, что дети могут быть весьма проницательны и способны к сопротивлению, если подвергаются грубому давлению. За чувствительностью подобных советов скрывается важная цель. Рекомендации Дро были ценны не оригинальностью (можно привести многочисленные цитаты, начиная с источников XVII века, подтверждающие, что этот род близости не был нов), а тем, что он ясно видел сложность проблемы общения и взаимопонимания поколений. Его жизнерадостная метода была едва ли не блефом*.

Практически в одно время с выходом этой книги академик Эрист Легуве отмечал, что отстаиваемая Дро перемена уже произошла. «Дети сегодня занимают гораздо более важное место в семье. Родители все больше живут с ними и все больше — для них. То ли из-за проявления расчетливости и чувства привязанности, то ли из-за ослабления власти и смягчения дисциплины они все больше думают о благополучии детей и чаще прислушиваются к их мнению» Но в результате, говорит он, «несчастных маленьких созданий трех или четырех лет развращает это внимание и потворство, в семь лет они уже эгоистичные, деспотичные и алчные хозяева дома, в двенадцать с важным видом идут в школу по улице с сигарой во *рту*, в семнадцать спорят с отцом и не уступают ни старшим, ни вышестоящим, в восемнадцать рассуждают о политике и искусстве и даже проникаются атеизмом, в двадцать остаются бездельниками и требуют часть отцовского состояния, чтобы тратить ее по *собственному* вкусу». Легуве (и другие авторы) обсуждали необходимость того, чтобы родители учились у своих детей, но выказывали некоторую беспомощность

в поисках ответа на вопрос, как в результате избежать превращения ребенка в тирана* Восхваляя семью в качестве источника счастья и нравственности, одновременно жаловались на то, что слишком часто она по тем или иным причинам не являлась таковой. Именно деспотизм ребенка вызывал нарекания чаще всего. Казалось, что он, попадая в центр внимания, становился неуправляемым. Серия карикатур Гаварни «Ужасные дети» демонстрировала оборотную сторону семейной интимности.

Ален†, философ-республиканец, тонко проанализировал возникавшие проблемы и показал, что матриархат является следствием возвеличения ребенка. Рассуждая о супружеской паре, он пришел к выводу, что *подлинной* парой являются на самом деле мать и дитя, а не муж и жена. Бездетный брак был лишь «идеей, а не фактом». Любовь между матерью и ребенком была единственно *настоящей*. Отношения детей с отцом всегда были трудными, особенно у мальчиков. Отец был для ребенка чуждым, поскольку вращался в мире, где детство и правящие в нем законы любви предавались забвению, тогда как мать оставалась с ребенком в мире, где царила любовь и желаемое достигалось просьбами и мольбами. Ребенок жаждет завоевать расположение отца, но тот слишком требователен, ибо рассчитывает, что его отпрыск достигнет того, чего не смог достичь он сам. Ребенок подражает матери в том, что слушается отца, чья строгость и нетерпеливость мешают, однако, по-настоящему им восхищаться. Детей не выбирают, и частенько из-за них отец чувствует себя униженным; он должен любить их независимо от присущих им достоинств, но это противоречит законам разума, которые господствуют в его мире. Ребенок, в свою очередь, не может считать мнение о нем родителей адекватным, поскольку они любят его независимо от его личных качеств. Таким образом, семейная жизнь вовлекает в конфликт с обществом. Семья не может разделять ценности внешнего мира, она не даст беспристрастной оценки индивидуумов и действий. Вне семьи о вещах судят, опираясь на критерий действительной полезности, в семье же главную роль играют личное расположение и счастливый случай. Сама по себе семья является «первобытной». «Поскольку в ней столь много надежд, разочарование часто принимает форму ненависти. Именно поэтому отцовская любовь порой превращается в безмерную жестокость, на которую ребенок может ответить проявлением жгучей ненависти. А поскольку каждый из них знает, что вскоре последует примирение — к нему уже идет дело,— то проблема лишь усугубляется». Гордость не позволяет полностью загладить вспышку гнева, и домашние кризисы часто находят завершение в обидчивом молчании, не говоря уж о тоске. Различные принципы поощрения в школе и дома осложняют жизнь ребенка. Но Ален настаивает, что именно школа способна исправить недостатки

* *Legouvé E.* Les Pères et les enfants au 19e siècle. 1867. P. 1–3, 347–352.

† *Ален*, наст. имя Эмиль-Огюст Шартье (1868–1951) — французский философ, литературный критик, публицист, продолжатель традиций философии Монтеня, Декарта и Конта.— *Прим. ред.*

семейного воспитания. Школа должна оказать то влияние, которое «цивилизует» ребенка и введет его в реальный мир, через преподавание гуманитарных наук привить ему универсальные идеалы, предоставить шанс завести друзей вне узкого круга домашних*

Прочтение блестящего эссе Алена превосходно дополняет знакомство с лучше известным, но более консервативным трудом Дюркгейма «Нравственное развитие» (1938). Дюркгейм, как и Ален, не считал, что сама семья способна удовлетворительно воспитать ребенка. Весьма умозрительными рассуждениями он пришел к выводу, что она пробуждает в ребенке первые альтруистические склонности, но довольно ограниченные, основанные в большей степени на любви, а не на чувстве долга. Поэтому школа является необходимым дополнением семейного воспитания, только она может расширить кругозор ребенка и внушить ему дух дисциплины, который Дюркгейм ценил не меньше любого католика†. Уделяя наибольшее внимание интересам и внутреннему единству общества, Дюркгейм придерживался подхода, пренебрегавшего психологическими реакциями индивидуумов на узы товарищества и солидарности, которыми он желал их опутать. Поскольку общество делает индивидов такими, каковы они есть, Дюркгейм не находил оправдания для возникновения между ними конфликтов. Его представления сильно напоминали католические. Ален оказал большую услугу тем, что напомнил о разногласиях в лагерях республиканцев и католиков, а также о том, что индивидуализм не угас.

Как мы видим, во Франции того времени не оказалось своего доктора Спока: никто не написал книги о воспитании ребенка, которую бы читали все. Если и был кто-то, чей авторитет был бы подобен авторитету доктора Спока, то это, вероятно, доктор Жильбер Робен. У него был дар писать ярко и по делу, и между мировыми войнами он выпустил в свет не менее дюжины посвященных детям работ, которые стали большим шагом вперед. Поднимаемые им вопросы продемонстрировали, что в сознание людей проникло, наконец, представление, что самые обычные (а не только хронически больные) дети могут переживать серьезные психологические проблемы. В книге «Ненависть в семье» Робен показывал, как совершенно естественные отношения могут порождать напряжение и вражду. Он же написал работы «Трудные дети», «Юношеские драмы и тревоги», «Нервные и психические расстройства детей». Никаких радикально новых подходов им не было предложено, все уже было сказано до него. Робен был умеренным эклектиком и цитировал как Фрейда, так и о. де Бука (автора книги «Трудные случаи»). Также Робен разделял характерное для своего времени мнение о смертельной опасности комфорта, ослабляющего волю, в силу чего советовал родителям от-

* *Alain.* Les Sentiments familiaux // Cahiers de la Quinzaine. 18 series, no 8. 1927.

† *Durkheim E.* L'Éducation morale. 1938. P. 168.

казаться от центрального отопления, мягких кресел и граммофонов с автостопом, которые позволяли детям не беспокоиться о смене пластинки. Его важнейшая заслуга — в борьбе с мифом, что если ребенок будет смирно сидеть дома и слушаться родителей, то, якобы, все будет хорошо. Интересно также, что Робен показал, как индивидуализм Алена (и в целом течение, представленное Аленом) можно примирить с ортодоксией. Дать ребенку то, что ему нужно, говорит Робен, не труднее, чем взрослому. Прежде всего необходима свобода, и ребенок, как и взрослый, в большей степени нуждается не в той свободе, что дает удовольствия, а в свободе мысли. «В обмен на эту свободу вы без всяких усилий добьетесь от ребенка соблюдения норм и правил гигиены, точности, чистоплотности и вежливости. Часы, посвящаемые учебе, перестают быть в тягость. Они, напротив, становятся необходимым элементом мира ребенка. Приобретенные привычки служат знаками уважения к другим людям, а также средством приобретения уважения других людей, позволяют жить в согласии со всеми, отдавая должное каждому, чтобы тебе самому платили тем же. Таким образом, усвоенные привычки становятся полезны для обеспечения свободы ребенка. Он заплатил за билет и верит тому волшебному представлению, которое устраивает для себя»*. Это прекрасно согласуется с тем, что подметил Лоуренс Уайли в своем сравнении американского и французского ребенка: последний принимал формальные требования старших, поскольку умел укрыться в собственном тайном мире, где он был свободен.

Подозрения, что материнская любовь при определенных условиях может приводить к губительным последствиям, принимали все более определенную форму. Дюпанлу яростно выступал против слепой материнской любви, проявляя проницательность, но, возможно, пользуясь слишком устаревшим языком. Мари Дюгар, довольно интересный автор, в 1900 году указывала, что противоречие того, чему девушек учили в школе, и того, что они узнавали дома, приводило к возникновению внутренних конфликтов, которые проявлялись, когда приходило время стать матерями. С одной стороны, брак все еще рассматривался в качестве жизненной цели женщины, ее ум почитался препятствием к ее достижению, а наилучшим считался брак по расчету с человеком, которого она едва знала. С другой стороны, девушкам прививались ростки честолюбия. «Неспособные, таким образом, ни подчиниться прошлому, ни исполнять обязанности настоящего», недостаточно подготовленные к возложенной на них ответственности, обученные в своих монастырских школах «считать всякого, кто мыслит, подозрительным, а независимых людей — бунтарями, управляемые инстинктом, который подталкивает воспитывать детей по своему образу и подобию, и страстной любовью, сохраняемой французскими женщинами к своим детям, они постоянно

* *Robin C.* La Guérison des défauts et des vices chez l'enfant. 1948. Также см.: *Idem.* Les Haines familiales. 1926; *Idem.* L'Enfant sans défauts. 1930; *Idem.* Le Drames et les angoisses de la jeunesse. 1934; Les Troubles nerveux et psychiques de l'enfant. 1935; etc.

держат сыновей и дочерей под своим тревожным присмотром, ревниво заставляют их сидеть дома и, дабы обладать ими и впредь, подавляют в них энергию и какую-либо инициативу»* Тем не менее священный образ матери, даже если она сопротивлялась стереотипу женственности и собственному безразличию к мужу, в меньшей степени подвергался нападкам, нежели образ авторитарного отца, который чернили с большей охотой†. Низложение отца имело более широкое значение. Он сталкивался с тяжелым испытанием, если был неграмотен, а его сыновья обучались чтению и впервые оказывались способны судить своих родителей. Эту сторону кампании против неграмотности еще предстоит изучить. Единственное, что не мог простить Жюльену Сорелю его неграмотный отец, была страсть к книгам. Желание повысить социальный статус, которое двигало многими семьями, подрывало их корни, хотя должно было укреплять этот институт. Идеи Фрейда очень медленно заимствовались во Франции, но к концу рассматриваемого периода, возможно, большинство мужчин видело в неприязни отца источник конфликтов. Жан Лакруа, рассуждавший в 1948 году о сильных и слабых сторонах семьи, именно в ней видел первопричину всех человеческих обид и «главное препятствие для удовлетворения самых глубинных стремлений и самых насущных потребностей. В значительной мере можно объяснить сегодняшнее демократическое движение жаждой отцеубийства... Смерть отца оказалась необходима для человеческого освобождения». Атеизм был лишь одной из форм этого отцеубийства‡.

Под сомнение было поставлено представление о молодости как самом счастливом времени жизни. Примерно с 1890 года книги о молодежи стали появляться все чаще: к 1930 году вышло не менее ста романов. Специфические проблемы этого возраста были признаны уникальными, образующими отдельную категорию между проблемами детства и зрелости. Психологи и педагоги посвящали юности свои научные труды§. За два года, предшествовавших Первой мировой войне, различными периодическими изданиями были проведены не менее пяти «исследований», посвященных молодежным проблемам, наиболее известный опрос Агафона был лишь самым известным из них**. В 1929 году номер журнала «L'Éducation» целиком был посвящен «кризису юношеского возраста»††. Исследование правонарушений в 1905 году выявило, что обвинения в убийствах, поджогах, грабежах, разбойных нападениях, бродяжничестве и воровстве почти в два раза чаще выдвигаются против несовершеннолетних, чем против взрослых‡‡. Анри Беренжер видел в юности не восхитительное время невинности, а период «беспокойства ума, чувств и поступков». Жюль Лафорг назвал одну из своих поэм «Трудности возмужания». Ромен Роллан в «Жане Кристофе» отразил все стороны жизни подростка. Прежде воспитание ставило цель освободить

* *Dugard M.* De l'éducation moderne des jeunes filles. 1900. P. 52–53.

† Об избыточной защите матерей см.: *Rouède A.* Le Lycée impossible. 1967.

‡ *Lacroix J.* Force et faiblesse de la famille. 1948. Ch. 1. Ср.: *Mendel G.* La Révolte contre le père. 1968.

§ *Mendousse P.* L'Âme de l'adolescent. 1909; *Compayré G.* L'adolescence. 1910; *Gaultier P.* L'adolescent. 1914.

** L'Opinion. 1913.

†† L'Éducation. 1929. Oct.

‡‡ *Duprat G. L.* La Criminalité dans l'adolescence. 1905.

людей от инфантильности, побудить их скорее повзрослеть. В период между мировыми войнами культ юности развился из протеста против ценностей мира взрослых. В 1923 году был опубликован первый роман, написанный несовершеннолетним — семнадцатилетним Реймоном Радиге* Пятью годами позже еще более сильное впечатление произвел роман Жана Деборда, чей шокирующий и дерзкий стиль контрастировал со сдержанностью Радиге. Молодежь приняла эту книгу в качестве своего манифеста, подобно тому, как это случилось с произведением Барреса† за 35 лет до этого, но сейчас это скорее напоминало бунт против взглядов старшего поколения. Аири де Монфердан в 1926 году писал, что появилась новая социальная болезнь, конкурент феминизма,— *adolescentisme*‡. Спорт, ставший модным на рубеже веков, добавил престижа молодости§. После войны Абель Боннар отметил, что уважение к старости уступает место культу молодости**. В свое время Эдгар Кине услышал, что достиг возраста рассудительности, в семь лет, но теперь люди хотят взрослеть дольше. Андре Жид писал для юных и гордился тем, что сохраняет контакт с ними. Более того, он призывал их развивать именно те свои качества, которые, как считалось, не должны быть присущи взрослым: восхвалял их неугомонность и проявления страстей, ненавидя все то, что представляла собой семья. «Я ненавижу вас, семьи»,— эта его фраза впоследствии стала лозунгом. Его интересовали юноши, а не отношения с женщинами (появление каковых служило главным признаком возмужания), и собственная гомосексуальность была решающим открытием его жизни. Жид сделал достоянием публики свои сексуальные проблемы, что было против правил, принятых в мире взрослых, но взрослые тоже были его читателями. Пристальное внимание к молодым людям и неподдельный интерес к их чувствам и мыслям были совершенно новым явлением. Это, без сомнения, укрепило самосознание юных и их уверенность в себе. Вместе с тем стало очевидно изолированное положение молодежи, отделенной от взрослых «стеной робости, стыда, непонимания и оскорбленных чувств»†† Жид заявлял, что ни один из его родственников не способен быть его другом‡‡. Здесь, однако, можно видеть нечто большее, чем конфликт поколений в традиционном его понимании. Напряжение борьбы было не столь велико, как полагали некоторые ее участники. Из сотни романов о юношестве, вышедших в 1890—1930 годах, лишь в четырнадцати изображался бунт против авторитета и власти старших, и только в пяти из них этот сюжет является центральным. Гораздо чаще поднимался вопрос о пробуждении сексуальности и связанных с этим проблемах§§. Юность еще лишь пыталась понять себя.

Полезно рассмотреть, какое влияние оказали произведения, ниспровергавшие миф о том, что родители всегда правы.

* Речь идет о романе «Дьявол во плоти» (1920), первом и наиболее значительном романе известного французского писателя и поэта Реймона Радиге (1903—1923).— *Прим. ред.*

† Имеется в виду, по всей видимости, *Морис Баррес* (1862—1923) — французский писатель, автор трилогии «Культ Я» (1888—1891), «Роман национальной энергии» (1897—1902), а также трактата «О Крови, Вожделении и Смерти» (1894).— *Прим. ред.*

‡ Инфантилизм (фр.).

§ *Courbertin P. de.* Le Sport et la société moderne // Revue Hebdomadaire. 1914. 6. P. 376—386.

** *Bonnar A.* Le Préjugé de la jeunesse // La Revue de Paris. 1922. 1 Dec. P. 655—663.

†† *Mauriac F.* Le Jeune Homme. 1926. P. 79.

‡‡ *Gide A.* Le Retour de l'enfant prodigue. 1922.

§§ *O'Brien J.* The Novel of Adolescence in France. New York, 1937. P. 187.

Автобиографическая книга Жюля Валлеса* была одной из самых ярких и трогающих душу†. В ней описывалась жизнь мальчика, чья мать руководствовалась традиционными нравственными правилами. Его учили читать по книге, в которой говорилось о необходимости слушаться отца и мать, но ни к одному из них он не чувствовал привязанности. Отца — бедного, робкого и плохо одевавшегося учителя, происходившего из крестьян и поднявшегося по социальной лестнице только благодаря раболепству перед вышестоящими — он стыдился. Мать страстно желала, чтобы сын продолжил это восхождение. Она запрещала мальчику играть с сыном сапожника, поскольку считала это унизительным, и хотела видеть его *комильфо*, спасшимся от крестьянской доли, знакомой ей не понаслышке. Мать ежедневно била ребенка, поскольку считала, что его нельзя баловать, и кормила его теми блюдами, которые он не любил, чтобы развить в нем самообладание. Мальчику обещали монетку за хорошее поведение, но клали ее в копилку, к которой запрещалось прикасаться. Матери так сильно хотелось, чтобы у сына был хоть какой-то капитал, когда он вырастет, что ему никогда не доставалось карманных денег. «Все сводилось к опрятности и хорошей осанке». Любви в доме не было места, в душе ребенка глубоко укоренилось чувство вины. Чем больше мать его лупила, тем больше он уверялся в том, что она — хорошая мать, а он сам — плохой мальчик, поскольку проявляет такую неблагодарность к ней. Для всех знакомых он был обычным мальчиком из рядовой, но приличной семьи. Ни в семье, ни вне ее никто не знал, что он чувствует. Государственный переворот в декабре 1851 года дал Валлесу шанс получить свободу. Он примкнул к республиканской оппозиции, в ответ на что отец отправил его в сумасшедший дом. Сын протестовал: «[Мой отец] может меня арестовать, обращаться со мной как с вором; он мой хозяин, как будто я собака». Валлес стал социалистом и с горячими чувствами приветствовал Коммуну‡. «Наконец наступил момент, которого я ждал и на который надеялся с первого жестокого поступка отца, с первого шлепка учителя, с первого голодного дня, с первой ночи, проведенной без крыши над головой. Вот месть школе, бедности и Декабрю». Будучи затем отправлен в ссылку, Валлес предпринял попытку основать лигу защиты прав детей и посвятил свой роман «всем тем, кто умирал от скуки в школе, кого доводили до рыданий дома, кого тиранили учителя или били родители». Его книга стала протестом и против глубоко укорененного предрассудка того времени — убеждения, что ребенок должен продолжать дело отца и стремиться подняться по общественной лестнице. Валлес не желал становиться «ученым псом», как его отец, он хотел быть простым крестьянином, свободным, в соответствии с его идеалистическими взглядами, от какого бы то ни было гнета. Хотя он и погрузился в революцион-

* *Жюль Валлес* (1832–1885) — французский писатель, член I Интернационала, участник Парижской Коммуны. — *Прим. ред.*

† *Vallès J.* L'Enfant. 1879.

‡ Независимое революционное правительство, существовавшее в Париже с 18 марта по 28 мая 1871 г.

ную деятельность, но все же печально замечал: «Кажется, уныние и душевные раны, полученные мной в детстве, останутся навсегда».

Критики в 1879—1886 годах реагировали на эту книгу с гневом. Рецензия Брюнетьера начиналась так: «Речь пойдет о плохом человеке». Валлес был осужден за гипертрофированное тщеславие, которое Брюнетьер называет болезнью века, сознавая, что имеет дело с важным, но не имеющим права на существование явлением. «Эти отец и мать,— пишет критик,— в сущности обвиняются лишь в том, что слишком строго воспитывали своего ребенка, однако мы в свою очередь должны сказать, что воспитание было слишком мягким, принимая во внимание то, какой человек из него получился». Рецензент полагает, что Валлес безнравственен, поскольку ставит под сомнение само существование общества. Другой обозреватель не мог простить Валлесу написания романа, в котором сын порицает мать, что вызывает законный протест у публики.

Пятнадцатью годами позже «Рыжик» Жюля Ренара получил, как это ни странно, совсем другой прием* Это вновь был автобиографический роман, выражавший протест против мифа о семейной гармонии. В нем изображен мальчик, обозленный и несчастный из-за недостатка любви. Его игнорировал отец, жестоко дразнил старший брат, мать постоянно делала замечания (опять же с целью внушить ему нравственные принципы и сделать более покладистым). В своей респектабельной семье мальчик ощущал себя сиротой. В школе он становится свидетелем того, как молодой учитель целует мальчика. Герой доносит на него, и когда учителя изгоняют, кричит ему вслед: «Почему ты не поцеловал меня!?» Ренар предлагает другое объяснение поведения родителей. Он видит, что его молчаливый отец (инженер, а впоследствии мэр своего местечка) замыкается в себе, удаляется от семьи, ищет утешения в изменах супруге из-за того, что не имеет ничего общего с женой, чья властность раздражает и пугает его. Отчужденность своей матери Ренар связывает с ее ханжеским благочестием, которого не было у мужа, и заставляет отца признаться, что именно его пренебрежение женой побудило ее в свою очередь отыграться на сыне. Мальчик жалуется отцу: «Мама не любит меня, а я не люблю ее». Отец отвечает: «А я, ты думаешь, люблю ее?» Но это не делает их ближе друг другу, мальчик не пользуется доверием отца, взаимного согласия нет и в помине. Позже, когда Ренар вступил в брак, мать пыталась помыкать его женой, что и побудило его написать роман, принятый весьма благосклонно. Больше всего критики возражали против реалистического изображения ребенка-звереныша, далекого от излюбленного образа ангелочка. Вместе с тем нападки на мать уже воспринимались как правомерные, даже высвечивающие типичность такого явления,

* *Renard J.* Poil de carotte. 1894; в 1904 г. поставлена пьеса.

как мать-неврастеничка. Книга послужила основой пьесы, попавшей в репертуар «Комеди франсез», и трех фильмов. Не следует, однако, полагать, что было завоевано право критиковать семейные устои. В 1923 году президент Мильеран лишил Виктора Маргрита ордена Почетного легиона за то, что его книга «Мальчик» порочила французских женщин. Все зависело от того, каким образом осуществлялась критика семьи*

В 1950-х годах был проведен опрос, в ходе которого французов спрашивали о том, какую заповедь они считают самой важной. С большим отрывом победила пятая: «Почитай отца твоего и мать твою». Лишь 12% опрошенных полагали, что новое поколение являет собой прогресс по сравнению с предыдущим, а 27% считали, что они друг друга стоят. В дисциплине видели важнейший элемент воспитания детей 70%, и большинство ратовало за более строгое отношение к детям. Против полового просвещения в школе высказалось 52%†. Традиционные ценности, очевидно, сохраняли свое значение для большинства населения, по крайней мере в качестве идеалов. То, во что верили родители, далеко не совпадало с тем, как они поступали. Интересное исследование психологии учеников, проведенное школьным учителем с использованием многолетних наблюдений и данных, собранных в разных школах, опубликованное в 1913 году, показало, что большинство родителей пренебрегало своими отпрысками. «Невозможно представить безразличие огромного большинства родителей ко всему, что связано с умственным и нравственным ростом их сыновей». В одном из классов в начале учебного года лишь четыре отца из 33-х пришли в школу поговорить с учителем — это была устоявшаяся традиция — о своих детях. Особенную беспечность проявляли крестьяне: «Предпочитая заботиться о земле, они позволяли сыновьям руководствоваться природным чутьем». Учитель видел, что те дети, которых он знал, испытывают недостаток любви или хотя бы доверительных отношений с родителями. «Они несчастны»‡. Наблюдения учителя, конечно, не противоречат данным опросов. Столкновение принципов и практики было еще одним источником напряжения, и данный конкретный конфликт был лишь одним из многих. Дети подвергались воздействию противоположно направленных сил не только в семье.

Важные процессы происходили в группах ровесников. Отвечая на изоляцию, в которой они находились по воле родителей, а также на учительский авторитаризм, дети образовывали школьные группировки. Считалось, что это оказывало существенное и продолжительное влияние на последующую жизнь. Джесс Питс определял эти образования как группы делинквентов, принимая во внимание, что подростков соединяла вместе ненависть к учителю. Эти группы предоставляли возможность выплеснуть бунтарские наклонности, сохраняя при этом лояльность к домашним.

* Я признателен доктору Николасу Хьюитту за позволение использовать его доклад на эту тему, подготовленный им для моего аспирантского семинара в Гарварде в 1969 г.

† *Rolland C.* L'Imprevisible Monsieur Durand. 1956. P. 124, 131–134

‡ *Fontanel J.* Psychologie de l'adolescence. Nos lycées. 1913. P. 56, 82, 262.

Так как учителя подвергали испытанию власть семьи, родители терпимо относились к маленькой войне, которую вели детские группировки. Сотрудничество семей и групп ровесников, тем не менее, оставалось в тени. О семьях в группировках не вспоминают, поскольку те и другие принадлежат разным мирам, жители которых не наносят друг другу визиты. Группировки являются обществами коллективной обороны. Они представляют собой чистое отрицание. В Америке группы ровесников признаны и школой, и родителями, а принадлежность к ним поднимает престиж, позволяет добиться чего-то в спорте и привыкать к участию в общественной жизни. Французская группировка не исповедует взрослых ценностей, а защищает от учителя, организует кооперацию в запретных развлечениях, но, возможно, главное ее предназначение — гарантировать членам возможность реализации своих личных интересов. Она стремиться ниспровергнуть авторитет, дискредитировать учителя, например, вынудив его проявить свои политические взгляды. Учитель в ответ пытается подорвать единство группы. Это проверка для нее, поскольку групповая солидарность маскирует слишком однозначную линию поведения. Недоверие к товарищам сохраняется, и ребенок остается в изоляции. Его изоляция может маскироваться, например, интересом к политике, который, как кажется, выводит группу на более универсальный уровень, но в действительности же только придает делинквентному поведению характер общего отрицания существующего политического порядка. Представляется, что в этом корень политической оппозиционности каждого следующего поколения, равно как и ее поверхностности. Группу увлекает лишь абстрактное и чисто показное неприятие мира взрослых. Ее член затем может спокойно укрыться в комфортной зависимости от своей семьи. Джесс Питс находит пережитки этих групп ровесников (описанных в «Приятелях» Жюля Ромена, в течение многих лет пользовавшихся популярностью у подростков) в таких явлениях взрослой жизни, как клики, закрытые кружки или поддержка (скажем, в продвижении по службе), оказываемая однокашниками друг другу. Взрослые, которых связывают подобные отношения, подобно подросткам отличаются делинквентным поведением, подчеркнутой свободой речи, ненавистью к другим группировкам, причем клевета и злословие служат усилению сплоченности. Когда участник подобной клики вступает в контакт с чиновником, расположения которого хочет добиться, то начинает с попытки найти основание для причисления обоих к одной группе, что позволило бы им осознать свою неформальную общность, направленную против государства. Если такое основание обнаруживается, то расположение чиновника обеспечено. В таких группировках кипит общественная и политическая жизнь, но сохранению статус-кво ничто не угрожает. По мнению Питс, действительно

мощной силой, продолжающей существовать под всем этим поверхностным волнением, остается семья, поскольку только в ней по-настоящему уверен человек. Уважение к общественным интересам, таким образом, подрывается на самом раннем этапе жизни. Дружба, хотя ей и хвалятся, ненадежна*. В свете этой теории можно утверждать, что не только эмоциональное развитие детей тормозится строгостью семейной атмосферы, но и навыки социальной жизни формируются по образу и подобию этих групп ровесников. Дети вырастают в большей степени склонные к недоброжелательному обструкционизму, а не к сотрудничеству, к показухе, а не к плодотворной деятельности.

Действительно, школа, семья и группы ровесников тянули в разные стороны. Номинально школа должна была способствовать развитию коммуникабельности, за что ратовал Дюркгейм, на самом же деле она делала все возможное, чтобы разрушить те группы, которые образовывались детьми по собственной инициативе. Роже Кузине, на чью пионерскую работу по детской психологии опирался Питс, показал, как вопреки пустым словам о солидарности школа продолжала продуцировать индивидуализм. Она предоставляла очень мало возможностей для коллективных игр: стремясь как можно больше времени держать детей под присмотром, она позволяла забавляться только на переменах, да и то игра прекращалась, если дети сильно шумели. Делая акцент на интеллектуальных успехах, школа, кроме всего прочего, получала мощный инструмент ликвидации детских групп. Балльная система, по мнению Кузине, играла важную роль в разрушении единства учащихся, для которых с годами оценки становились важнее. Семья, со своей стороны, опасалась дружеских школьных связей и пыталась их ограничивать, но не согласовывала свои действия со школой. Она уделяла большее внимание общественному неравенству, которое становилось главным препятствием к продолжению дружбы детей†.

Но пока школа, семья и группы сверстников оказывали на детей противоречивое влияние, они же поддерживали конфликт между миром ребенка и миром взрослого. Французский психоаналитик, в 1953 году сравнивший французского ребенка с американским, указал, что первый осознает себя совсем непохожим на взрослого, к которому он испытывает глубокое недоверие. Его жизнь включала принудительное обучение взрослым нормам поведения, но не предлагала компенсирующего вознаграждения в виде взрослых привилегий. Тогда как взрослые могли руководствоваться своими желаниями, от детей ожидали поведения, достойного *мудрецов*. Так что жизнь начиналась только тогда, когда заканчивалось детство. Это не означает, что более непосредственный американский ребенок, которому родители старались предоставлять полную свободу, лишь бы только ему не угрожала

* Pitts J. R. The Bourgeois Family (диссертация, защищенная в Гарварде в 1957 г.).
† Cousinet R. La Vie sociale des enfants. Essai de sociologie enfantine. 1950.

опасность, на самом деле пользовался большей реальной автономией в детстве. Его независимость была обусловлена тем привилегированным положением, которое американцы предоставили своим детям, и он в гораздо большей степени подвергался давлению социальных и психологических факторов. Французские родители не волновались по поводу того, травмируют ли они своих детей. Они пугали их домовыми, добиваясь послушания. Хотя телесные наказания в школах были отменены, *martinet* * продолжала широко использоваться, а любезные полицейские использовались родителями, чтобы припугнуть упрямых детей. Пугать ребенка силой, полицией, болезнью или Богом, чтобы заставить слушаться, было в порядке вещей. Американский ребенок обучался сдерживать свои порывы совсем иначе. Психоаналитик, чьи идеи мы пересказываем, заявлял, что французские родители были вполне уверены в том, что знают, как воспитывать детей, но эта уверенность преимущественно основывалась на опыте собственного семейного воспитания и внушенной вере в то, что человек прежде всего член семьи†.

Последствия этого были отмечены Мартой Вольфенштейн, сравнивавшей игры французских и американских детей в парках. Каждая французская семья держала свои игрушки отдельно от других, проявление дружелюбия между детьми разных семей не поощрялось, родители часто вмешивались в игры, чтобы выбранить тех, кто нарушал правила, дети не должны были устраивать никакой возни, физическая агрессия держалась под контролем и замещалась словесными перепалками. Французские дети проводили много времени со своими семьями, предпочитая участвовать в игре разновозрастной группой родственников, в отличие от американцев, разделявшихся на возрастные группы, включавшие детей из разных семей. Французы только наблюдали за детьми из других семей, а не играли с ними. Хотя французские родители следили за игрой в качестве судей, в основном же они занимались своими делами и предоставляли детей самим себе, опять же в отличие от американцев, которым нравилась роль добрых приятелей своих детей. Мир взрослых был отдельным миром, и детская активность была подчинена ему. Свобода обреталась только после детства, поэтому американцы считали, что французы были более способны наслаждаться взрослой жизнью, не оглядываясь, подобно американцам, на детство, которое помнилось как лучшее время жизни — время, когда все было позволено‡.

* Многохвостая плетка (фр.).

† Речь идет об образе французского и американского ребенка с точки зрения французского психоаналитика Франсуазы Дольто. См.: Childhood in Contemporary Cultures. Ch. 23.

‡ *Wolfenstein M.* French Parents take their Children to the Park // Ibid. Ch. 7.

Глава XIII ЖЕНЩИНЫ

Идеализация женщин и детей и вместе с тем их подавление было характерной особенностью французского общества. Угнетение компенсировалось и смягчалось предоставлением женщинам значительной власти в определенных и строго ограниченных сферах деятельности. Однако наблюдалось и сопротивление со стороны женщин, принимавшее психологическую или политическую формы. Первая была наиболее действенна и широко распространена: сексуальное воздержание, сообщества ровесниц, обращение за поддержкой к церкви и разнообразные личные способы выражения протеста воплощали собой стратегии ограничения суровости жизни по законам мужчин и взрослых. Некоторые женщины объединялись и призывали к открытому протесту. Их история интересна в первую очередь тем, что неудача, которую они потерпели, проливает свет на двойственную и трудноуловимую природу их положения.

С точки зрения закона женщина занимала низшую по отношению к мужчине ступень. Французская революция, помимо отмены майората, немного сделала для женщин. Закон по-прежнему требовал от женщины повиновения мужу, который взамен должен был ее «защищать». Ей приходилось жить там, где хотел муж, и у него было право использовать силу для приведения ее к покорности. Если жена уличалась в нарушении супружеской верности, то могла подвергнуться тюремному заключению на срок от трех месяцев до двух лет. Между тем измены мужа оставались безнаказанными: он совершал преступление, только если жил с любовницей под крышей супружеского дома, в этом случае его подвергали штрафу в размере от 100 до 2000 франков. В случае умерщвления супруги при обнаружении ее неверности мужа не обвиняли в убийстве, к жене же в подобных обстоятельствах снисхождения не проявлялось. Супруга не могла обратиться в суд без разрешения мужа, даже если ее дело не имело к нему отношения, равно она не могла совершать покупки или продажи без мужнего согласия. Фактически закон приравнивал женщин к несо-

вершеннолетним. Брак обычно подразумевал общность собственности, но не предполагал общности распоряжения ей. Муж обладал исключительными правами на управление совместным имуществом, он мог отчуждать личную собственность супруги, хотя в отношении недвижимости жены обладал лишь правами пожизненного пользования и распоряжения доходами, которые эта недвижимость могла приносить. Даже в браках с сохранением раздельного владения имуществом жена не могла отчуждать свою недвижимость без согласия мужа. Хоть бы она и разъехалась с супругом, но все равно нуждалась в его подписи при всяком деле; в указанном случае она получала возможность жить там, где ей хочется, и с тем, с кем ей хочется, но отнюдь не право продать свое имущество. Муж обладал полной властью над детьми, но после его смерти вдова должна была согласовывать свои действия с двумя его ближайшими родственниками. Дети оставались на ее попечении, но если она вновь выходила замуж, на семейном совете решалось, оставлять ли с ней детей*

В начале рассматриваемого периода женщинам платили вдвое меньше мужчин. Большинство профессиональных карьер было для них недоступно. У них имелось гораздо меньше возможностей для получения образования. Закон Гизо о начальном образовании не распространялся на девочек. Только в 1850 году от коммун с населением свыше 800 человек потребовали завести школы для девочек, и лишь в 1867 году это требование распространили на коммуны с населением свыше 500 человек. Однако и тогда недостаток должным образом подготовленных учителей негативно сказывался на ценности получаемого образования. Педагогические коллежи для девушек были учреждены в каждом департаменте только в 1879 году. Для введения среднего образования девушек потребовалось и того больше времени. Виктор Дюрюи, опиравшийся на закон 1867 года, основал около пятидесяти лицеев, но многие из них просуществовали лишь недолгое время. Только в 1880 году, благодаря принятию закона, внесенного тридцатитрехлетним депутатом Камилем Сэ, была учреждена регулярная система среднего образования для женщин, но вместо присуждения степени бакалавра им выдавались только свидетельства об окончании курса. Программа обучения отличалась от принятой в мужских заведениях, будучи более поверхностной. Сорбонна не допускала женщин на лекции вплоть до 1880 года, медицинский факультет в Париже — до 1868 года. Первой получила степень бакалавра тридцатисемилетняя парижская учительница начальной школы. Ее, получившую отказ в Париже, под свою ответственность допустил к экзамену декан факультета в Лионе. Первой студенткой юридического факультета в Париже стала женщина «не первой молодости», пришедшая на занятия в сопровождении мужа и секретаря факультета, опасавшегося возможного

* *Richer L.* Le Code des femmes. 1883; *Lefebvre Ch.* La Famille en France dans le droit et dans les mœurs. 1920; *Clarc F. I.* The Position of Women in Contemporary France. 1937.

скандала. В 1913 году в университетах все еще обучалось только 4254 женщины против 37783 мужчин. До 1876 года ежегодно становились лиценциатами не более пяти женщин; в 1913 году их оказалось всего лишь 69*

Представление о меньших способностях женщин поддерживалось давней литературной традицией. Руссо полагал, что женщины должны получать только домашнее образование. Жозеф де Местр писал: «Знание представляет для женщин наибольшую опасность». Прудон говорил, что им подходят только две роли — домохозяйки или проститутки,— и оценивал их интеллектуальные и нравственные достоинства как составляющие одну треть от мужских†. Мишле, как мы уже видели, превозносил женщин, но только в их традиционной семейной роли. Конт твердо был уверен, что им следует сидеть дома, а «мужчины должны обеспечивать их едой». А ведь еще Монтескье, Гельвеций и Кондорсе требовали для них равного с мужчинами образования, тем не менее в XIX веке феминизм принципиально поддерживали только социалисты. Сам термин «феминизм» изобрел Фурье, считавший, что расширение прав женщин станет мерилом прогресса вообще. Он предвидел полное равенство в получении образования; его выступление с призывом к радикальной реформе института брака намного опередило время. Сен-Симон не только проповедовал равенство, но и ввел его в своей организации, чем вызвал всеобщее негодование. В 1848 году Виктор Консидеран потребовал права голоса для женщин, а в 1851 году Пьер Леру впервые внес соответствующий законопроект, хотя и ограничив его действие муниципальными выборами. Именно эти *мужчины* положили начало феминистскому движению, и в конечном итоге благодаря именно их усилиям оно добилось успеха.

К несчастью для женщин, за дело взялась небольшая партия, побуждаемая к действию теоретическими и отвлеченными принципами. Большинство же республиканцев, напротив, полагало, что предоставление избирательного права женщинам, посещающим церковь гораздо прилежнее мужчин, приведет к триумфу клерикальной реакции. Радикальная партия очень серьезно относилась к этой угрозе: поддерживая реформы женского образования, она оставалась главной преградой к дарованию женщинам права голоса. Консерваторы, оспаривавшие у них власть, были слишком привержены традиционной семейной системе, чтобы рисковать мужским главенством в доме. Проблема заключалась в том, что не находилось другой идеи, которая могла бы поддержать феминизм. В США делу очень помогло освобождение рабов: если мог голосовать неграмотный негр, то могла и женщина. Но во Франции, хотя социалисты всегда связывали освобождение пролетариата и освобождение женщин, две эти группы фактически были экономическими конкурентами. Пролетариат, добившись изби-

* *Charrier E.* L'Évolution intellectuelle feminine. 1931 (мой источник статистических данных о достижениях женского образования).

† *Proudhon P. J.* La Pornocratie de la femme dans les temps modernes. 1875.

рательного права, не желал делиться им с женщинами. Да, возможно, не следует платить женщинам меньше, чем мужчинам (что позволяет работодателям сбивать расценки и за труд последних), но конкуренция со стороны женщин грозит безработицей. Так, хотя CGT в 1898 году поддержала выравнивание зарплат, но единодушно высказалась за то, что работать должны лишь незамужние женщины и вдовы, вообще же «мужчина должен кормить женщину». Прудон наиболее ясно выразил всеобщее мнение. Лишь в 1935 году CGT признала полное равноправие мужчин и женщин.

В отличие от Англии, где бурные выступления женщин привели к получению ими права голоса в 1918 году, во Франции открытое давление на мужчин было сравнительно невелико, да и имевшее место ставило цель скорее гражданского, нежели политического освобождения. Массовое феминистское движение отсутствовало. Миссис Панкхерст объясняла это силой скрытого женского влияния: француженки знали свою силу и не думали, что избирательное право увеличит ее*. «Хотя в правовом отношении женщины стоят гораздо ниже мужчин,— писала Вайолет Стюарт Уортли в 1908 году,— на деле они являются высшим полом. Играя роль „серых кардиналов", они правят из-за кулис и, без сомнения, пользуются большим, чем англичанки, уважением в семье и коммерческих делах»†. Еще в конце Старого порядка Неккер говорил: «Хотите, чтобы ваше мнение возобладало? Обратитесь к женщинам. Они согласятся с ним, потому что невежественны, распространят его, потому что болтливы, станут поддерживать его, потому что упрямы»‡. Иностранцы, кажется, в один голос говорят об исключительно сильном влиянии француженок. «Женщины пользуются непререкаемой властью в большинстве французских семейств»§.

Ранние феминистки были отдельными личностями, их деятельность первоначально ограничивалась литературой или журналистикой. Олимпию де Гуж принято называть первой феминисткой, воздавая должное ее «Декларации прав женщины» 1791 года (которую пришлось диктовать, поскольку эта дама была почти неграмотна). Сенсимонисты выпускали первый феминистский журнал, готовившийся к печати только женщинами — «La Femme Libre»** Из-за неблагоприятных ассоциаций название пришлось изменить на «La Femme de l'Avenir», а затем на «La Femme nouvelle» (1832—1834). Хотя это издание не требовало права голоса, отстаивая только права на образование и работу, для отповеди его преувеличениям, был создан орган христианского феминизма — «Journal des Femmes». В 1836 году мадам Эрбино де Мошан основала «La Gazette des Femmes» (которой руководили исключительно женщины), чтобы требовать избирательного права, права на получение профессии и права

* *Sauna L.* Figures féminines 1909—1939. 1949. P. 42.
† The National Review. 1908. Mar.—Aug. 51. P. 793—794.
‡ *Gayrand A.* Les Jeunes Filles d'aujourd'hui. 1914. P. 61.
§ *Betham-Edwards.* Home Life in France. 1905. P. 89.
** Свободная женщина (фр.).

поступать на государственную службу, однако ее интересы ограничивались буржуазией. Революция 1848 года произвела на свет несколько феминистских клубов и газет-однодневок. Жанна Деруэн 23 марта 1848 года явилась в Ратушу, чтобы потребовать права голоса для женщин, в 1849 году она баллотировалась в парламент и набрала пятнадцать голосов, также она основала газету «La Politiqie des Femmes», нападавшую на Прудона. Жюльет Ламбер в книге «Антипрудонистские идеи» (1858) провозгласила, что одной только семейной жизни недостаточно, чтобы дать выход энергии женщин. «Роль наседки, вне всякого сомнения, весьма почетна, но она подходит не всем женщинам и не настолько увлекательна, как это представляют».

Как бы то ни было, начало упорядоченному движению феминизма положил мужчина — Леон Рише (1824–1911). По образованию он был нотариусом, но семейные неурядицы вынудили его пятнадцать лет работать конторским служащим в Шуазиле-Руа за 1200 франков жалования. В свободное время он выступал на собраниях (особенно часто в ложе «Великий Восток») по вопросу прав женщин. Он также писал для «Opinion National», которое издавал Геру, отдельные его статьи были собраны в завоевавшую известность книгу «Письма свободного мыслителя деревенскому священнику». Так было положено начало союзу масонства, антиклерикализма и феминизма. В 1869 году Рише начал выпускать газету «Le Droit des Femmes», а в 1871 году основал Общество (позднее Лигу) за права женщин. Он организовал посвященный правам женщин международный конгресс, состоявшийся в Париже одновременно со Всемирной выставкой 1878 года, что наделало шуму и стало первым важным выступлением французского феминизма. Рише уговорил стать председателем своего общества Виктора Гюго, что придало вес феминистскому движению. Его цели ограничивались достижением равенства полов перед законом, он не поднимал вопрос об избирательном праве, полагая, что «женский разум все еще пребывает в оковах церкви». Будучи журналистом с хорошими связями в политическом мире, Рише убедил Виктора Шельхера, а затем Рене Вивиани занять пост, на котором ранее пребывал Гюго*. Первой женщиной, ставшей его ценным союзником, была Мари Дерэм (1828–1894), которая, подобно ему, выступала в «Великом Востоке», работала журналистом и редактором-основателем «Le Républicain de Seine-et-Oise» (1881–1886), занимала активную антиклерикальную позицию, первой из женщин была принята в масоны (1882) и позднее основала смешанную масонскую ложу (1893). Как и Рише, она выступала за постепенные и ограниченные реформы, причиной чему, несомненно, были ее связи с оппортунистическими республиканскими политиками†.

* *Viviani R. et al.* Cinquante Ans de féminisme 1870–1920. 1921.

† Изложение ее очень консервативных моральных воззрений см.: *Deraismes M.* Nos Principes et nos mœurs. 1868.

Умеренность Рише и Дерэм вскоре вызвала раскол в их обществе, что привело к образованию конкурирующей организации под руководством Юбертины Оклер (1848—1914), первой суфражистки Франции. Она была не рафинированной *grande dame*, как Дерэм, а сиротой с весьма скромными доходами. Оклер присоединилась к движению вскоре после того, как покинула монастырскую школу, но в 1876 году, когда Рише принял решение о невозможности добиваться права голоса для женщин, разошлась с ним. Выход своей неукротимой энергии она нашла в агитации, которую вела в манере, после перенятой англичанками. Ее непрекращающийся конфликт с властями, отказ от уплаты налогов, упорство, сломить которое можно было только силой, заставили прессу обратить на нее внимание. Ей действительно удалось обратить в свою веру несколько депутатов, и она помогла добиться голосования за политическое равенство полов в генеральном совете департамента Сена (1907). Однако ее экстремизм привлек немного последователей, а деятельность продемонстрировала провал активных методов на самом старте феминистской кампании*

После нее феминистки стали подобны прочим многочисленным умеренным обществам, выступавшим за решение не особенно острых социальных вопросов. Главная причина этого в том, что движение, объединявшее представителей буржуазии и высшего класса, возглавляли жены политиков-республиканцев, а у них не было никакого желания угрожать порядку, в который они, в сущности, были включены. Так, в Национальном совете французских женщин, основанном в 1901 году, председательствовала Сара Моно из знаменитой семьи преподавателей и священников. В 1912 году ее заменила мадам Жюль Зигфрид (1848—1922), еще одна протестантка, дочь пастора, жена умеренного политика и миллионера, инициировавшая множество благодеяний для вдов, работающих женщин и незамужних девушек. В свою очередь ее сменила Авриль де Сен-Круа, чьим коньком было спасение занимавшихся проституцией женщин, которая оставалась во главе совета почти до восьмидесятилетнего возраста† После нее пост заняла Маргерит Пишон-Ландри, которая была сестрой одного министра от партии радикалов, тетей другого, женой промышленника и члена Comité des Forges. Она продолжала следовать традициям респектабельности и умеренности, довольствуясь управлением своей организацией «как своего рода оранжереей феминистских принципов, с неторопливой осмотрительностью занимаясь мелкими проблемами под защитой мрачных стен Musée Social»‡. Национальный совет являлся федерацией почти 150 обществ (300 в 1938 году), но он совершенно не был способен к объединению усилий своих членов. Многочисленные, часто соперничавшие организации сводили на нет усилия «матриархов»,

* С ее публикациями и письмами можно ознакомиться в Библиотеке Маргерит Дюран, являющейся основным феминистским собранием (расплдагается в мэрии пятого округа Парижа).

† Генеральный секретарь в 1901—1922 гг., председатель в 1922—1932 гг.

‡ *Weiss L.* Ce que femme veut. 1946. P. 41.

руководствовавшихся наилучшими намерениями. Существовали Национальный союз за право голоса для женщин, а также Национальный союз за избирательное право для женщин. Первый возглавляла Сесиль Бруншвиг, супруга профессора Сорбонны* Она многое делала для улучшения условий жизни бедных и помощи страдающим от алкоголизма и туберкулеза, но все лидеры радикальной партии были ее друзьями, и она соглашалась с ними в том, что предоставлять избирательное право женщинам слишком опасно, пока республика переживает трудные времена (а те никогда не проходили). Во втором союзе председательствовала герцогиня Ларошфуко†, второстепенная поэтесса и сторонница католических и умеренно правых партий, так что и здесь не было поводов для особенного беспокойства. Ивонна Неттер, успешный адвокат и красноречивый оратор на митингах, председательствовала в Лиге за эмансипацию и повышение благосостояния женщин. Она выдвигала требование избирательного права, но ее все больше поглощала профессиональная деятельность, кроме того, она избегала вступать в конфронтацию с законом. После войны были основаны два общества вдов, потерявших мужей на фронте. В одно из них входили вновь вышедшие замуж, но желавшие при этом сохранить свои пенсии женщины, в другом состояли вдовы, остававшиеся незамужними. Соперничество тех и других едва не доходило до рукоприкладства, но это было насилие, направленное друг против друга, а не против государства. Также существовала коммунистическая лига женщин за мир и свободу (позднее — «против войны и фашизма»). Чем больше становилось объединений, тем меньше была численность каждого из них. Сколько-нибудь достоверных данных на этот счет нет, хотя сообщалось, что в самой крупной демонстрации женщин до войны (5 июля 1914 года) приняло участие шесть тысяч человек‡. Национальный совет французских женщин в 1929 году заявлял, что в его рядах состоит 150 тысяч членов; Национальный союз за избирательное право для женщин, имевший 300 членов в 1909 году и 9000 (в 45 департаментах) в 1914 году, в 1929 году заявлял о ста тысячах членов двухсот входивших в него организаций§.

Самой успешной женской организацией была Патриотическая лига французских женщин, которая, по собственным данным, насчитывала 250 тысяч членов в 1906 году и полмиллиона — в 1914 году. Однако эта организация не проявляла никакого интереса к проблеме избирательного права и почти не занималась политикой. Ей, как и практически всеми прочими обществами, в интересах среднего класса руководили располагавшие досугом дамы. Крестьянство никак не было затронуто, не принималось, в сущности, никаких мер, чтобы его привлечь. После 1934 года энергичная журналистка Луиза Вайс попыталась дать феминиз-

* В 1924 г. заменившая мадам де Витт-Шлюмбергер, внучку Гизо.

† Пришедшая на смену основавшей союз мадам Ле Верт-Шотар, которая председательствовала в 1920–1931 гг.

‡ *Dzeh-Djen L.* La Presse féministe en France de 1809 à 1914. 1934. P. 208 (богатый информацией и гораздо более широкий обзор, чем позволяет предположить название); ср.: *Sullerot E.* Histoire de la presse feminine en France des origins a 1848. 1966.

§ *Leclerc A.* Le Vote des femmes en France. Les causes de l'attitude particulière de notre pays. 1929.

му новый импульс применением современных методов пропаганды и, выставив свою кандидатуру на выборах, привлечь внимание к проблеме на собраниях избирателей (которые прежде зачастую были всего лишь встречами старых приятелей). Ее попытка была принята холодно существовавшими организациями, встретив также сопротивление женщин, в этих организациях не состоявших. «Крестьяне стояли с раскрытыми от удивления ртами, рабочие смеялись, лавочники пожимали плечами, а буржуа отворачивались». Луиза Вайс заключала, что изменение законодательства невозможно до тех пор, пока не переменится господствующий взгляд женщин на самих себя и свои интересы*

Война 1914 года не привела к радикальной смене феминистских позиций, в основном потому, что в положении женщин не произошло практически никаких изменений. Правовые затруднения, порожденные длительным отсутствием мужей, преодолевались не реформой законодательства, но использованием временных юридических фикций, в частности, «молчаливого согласия» находившихся на фронте. Характерной особенностью Франции было то, что еще до войны доля работавших женщин была выше, чем в большинстве европейских стран. В 1906 году работали 68,2% мужчин всех возрастов и 38,9% женщин. Эти показатели оставались почти неизменными в течение следующих тридцати лет (оба возросли на 3% в 1921 году, вернулись к 68% и 37% в 1931 году, а во время экономической депрессии 1936 года составляли 65,39% и 34,2% соответственно). Конечно, во Франции была исключительно велика доля сельского населения, принадлежащие к которому женщины трудились. Но в 1906 году работа 20,2% замужних женщин не была связана с сельским хозяйством, и доля эта не была превышена после войны (19,1% в 1921, 16,4% в 1926, 19,4% в 1931, 18,7% в 1936 годах). Единственное значительное изменение состояло в уходе женщин с фабрик. В 1911 году 56,6% работавших вне аграрного сектора женщин были заняты в промышленности, 18,6% — в коммерции, 7,5% принадлежали к представителям свободных профессий, 17,3% работали домашней прислугой. В 1921 году эти показатели составили 52,9%, 21,7%, 10,6% и 14,8% соответственно, в 1936 году — 44%, 27,1%, 13,8% и 15,1%. Таким образом, перемены произошли спустя значительное время после войны и не являлись ее непосредственным результатом. Тогда как до войны на одну работавшую на фабрике женщину приходилось двое мужчин, то в 1939 году — уже трое. Число женщин, занятых в коммерции, выросло втрое. Численность прислуги сократилась, но то же произошло с *petites patronnes*, независимыми ремесленниками, на смену которым пришли служащие магазинов и конторские служащие. Как бы то ни было, самый существенный факт состоит в том, что во Франции работающих замужних женщин

* *Weiss L.* Op. cit. P. 24. Эти занимательные мемуары содержат много нелицеприятной информации о феминистском движении.

было вдвое больше, чем в Англии* В этих условиях подлинное значение войны заключалось в том эффекте, которое она произвела на буржуазию. Теперь все большему числу девушек из буржуазных семей приходилось работать, чтобы компенсировать резко упавшие доходы. Отчасти вследствие этого феминизм стал в основном делом среднего класса, поскольку буржуазия только теперь осознала проблемы работающих женщин, с которыми беднейшие классы давно свыклись.

Образ *jeune fille moderne* довольно рано вышла на сцену. Уже в 1864 году братья Гонкуры написали о ней первый роман, «Рене Мопрен», в котором попытались дать портрет «современной молодой девушки, какой ее сделало художественное и ориентированное на юношей образование последних тридцати лет»† Как бы то ни было, важной причиной неудачи феминизма во Франции было его слишком раннее появление в стране. Уже к 1914 году он выдохся и вызвал консервативную реакцию среди женщин. В середине XIX века Жорж Санд (1804–1876) не только подняла знамя восстания, но и вела жизнь эмансипированной женщины. Она сказала мужу: «Я буду ходить туда, куда пожелаю, и не обязана никому давать отчет». Большую часть года она проводила не с ним, а в Париже, ведя богемный образ жизни. Она сочиняла романы, которые, как и сама ее жизнь, выражали протест против угнетения женщин, против навязанной им обществом обязанности любить своих мужей, достойны они тогоили нет‡. Сама она не смогла полюбить мужа, за которого ее выдали прежде, чем она решила, хочет ли она этого, и имела смелость оставить его. Но Жорж Санд не была феминисткой в полном смысле этого слова — этого не позволял ее романтический характер. Она верила в равное образование для обоих полов, гражданские свободы и «равенство чувств». Она считала, что рабство, в котором мужчина держит женщину, обрекает на гибель ее надежды на счастье, которое невозможно без свободы. «С женщинами,— говорила она,— обращаются несправедливо, упрекают в идиотизме, до которого их же и довели, женское невежество презирают, над их знаниями насмехаются. В любви с ними обходятся как с куртизанками, в браке — как с прислугой. Их не любят, а используют, их эксплуатируют, и орудием принуждения служит закон о супружеской верности». Подлинное преступление, утверждала она, совершается не тогда, когда женщина бросает мужчину ради другого, которого она полюбила, а тогда, когда она отдается тому мужчине, которого не любит, даже если это ее муж. Вызывавшие осуждение беспорядочные любовные связи Жорж Санд можно объяснить отчасти тем, что она никак не могла достичь сексуального удовлетворения, меняя любовников в погоне за ним. Она не требовала чего-то большего, чем права на развод, и не жаждала получить право голоса, полагая, что предназначение женщины

* *Daric J.* L'Activité professionnelle des femmes en France. 1947 (превосходная монография). См. также *Guilbert M.* Les Fonctions des femmes dans l'industrie. 1966; *Idem.* Les Femmes et l'organisation syndicale avant 1914. 1966.

† *Concourt E. de, Concourt J. de.* Renée Mauperin (предисловие к изданию 1875 г.)

‡ См. *Санд Ж.* Индиана. Вступление.

отличается от мужского: «Среди грубых страстей она должна хранить дух милосердия». Она занималась сочинительством не ради независимости, а ради денег. В более спокойные годы зрелости она отзывалась о браке с бóльшим уважением, и даже както сказала: «Если бы мне довелось прожить жизнь сначала, я хранила бы целомудрие»*

Традиция Жорж Санд получила продолжение в последующие годы, и женщины, бунтовавшие против общепринятых правил, выводились в многочисленных романах†. Однако мятежники принадлежали к небольшим группам леваков или высокообразованных людей (или к той и другой разом). К 1914 году в глазах большинства девушек они выглядели старомодными. Возможно, отчасти причиной этому способствовала католическая и консервативная реакция 1900-х годов. Церковь, естественно, поддерживала традиционные взгляды на роль женщины‡. Епископы даже резко выступали против новых «постыдных» фасонов женской одежды, «неприличных и вызывающих мод»; парижский архиепископ поддержал осуждение дамских портных своего города§. Исследование, проведенное среди девушек в 1914 году, показало сходство их положения с тем, в котором пребывали юноши (его описанию посвящена книга «Молодые люди сегодня» Агафона, 1913). Юные женщины перестали, подражая поэтессам, «звавшим к необузданным чувственным наслаждениям», протестовать против традиций и ограничений. Они признали преимущества дисциплины, порядка, благоразумия. Ален отмечал, что самым популярным среди его учениц философом был Конт, проповедник самой жесткой семейной и общественной дисциплины. «Первые феминистки,— говорили они,— хотели быть друзьями своих мужей». Новому поколению этого недостаточно: «Мы не хотим терять ни грана своего женского престижа». Кокетство и женственность вновь вошли в моду. Вместо «милого мальчика», которым восхищалось предыдущее поколение, идеалом стал сильный мужчина. Француженки отрицали насильственные методы английских суфражисток и были исполнены патриотизма. Материнство представлялось им главным предназначением женщины. Они стремились получить образование, которое освободило бы от необходимости непременно выйти замуж. Имея работу, они могли бы выбирать между подходящей брачной партией и независимым существованием, однако большинство из них высказывались против того, чтобы замужние женщины работали или хотя бы голосовали. Лишь женщины, ведущие жизнь, подобную мужской, имеют право пользоваться мужскими привилегиями** Одна из популярнейших романисток того времени Колетт Ивер считала существование «синего чулка» одиноким и отмеченным печатью неудачи: «Женщина скорее создана для любви, нежели для знаний»††. Раздел писем в «Eve», популярном

* *Maurois A.* Lélia ou la vie de George Sand. 1952. P. 125, 147–149, 151, 165, 367–369, 423, 493.
† *Marguerille V.* La Garçonne. 1922; *Yver C.* Les Cervelines. 1903; *Idem.* Princesses de sciences. 1907; *Reval G.* Les Sévriennes. 1900; *Idem.* Ruban de Vénus. 1906; *Prévost M.* Les Vierges fortes. 1900; *Marbo C.* Hélène Barraux, celle qui défiait l'amour. 1926; *d'Ulmès R.-T.* Histoire de Sibylle. 1904–1909; *Tinayre M.* La Rebelle. 1905. Ср.: *Bertaut J.* La Littérature feminine d'aujourd'hui. 1907.
‡ La Femme dans la société. Lyon, 1928. P. 31–66.
§ *Delatour.* Op. cit. P. 84.
** *Gayrand A.* Les Jeunes Filles d'aujourd'hui. 1914.
†† *Yver C.* Dans le jardin du féminisme. 1920. P. 111.

женском журнале, читавшемся во всех слоях общества, демонстрирует огромный интерес к вопросам любви и к литературе и очень небольшой — к проблемам феминизма: романы, живописующие близкие отношения, затрагивали воображение девушек гораздо сильнее политических программ с требованиями эмансипации* Когда в 1937 году стало выходить восьмисоттысячным тиражом первое женское издание, выдержанное в американском духе («Marie-Claire»), это нисколько не сказалось на тиражах традиционных журналов†. Даже Симона де Бовуар, давшая наилучшее описание отношения к эмансипированным женщинам в период между мировыми войнами в исполненной глубокого самоанализа автобиографии и книге «Второй пол», не интересовалась феминистским движением. Ее отношение к жизни было скорее экзистенциалистским, в себе она видела прежде всего человеческую личность, нежели женщину. Важная для нее мысль: «Женщиной не рождаются, ей становятся». В ее книгах, тем не менее, постоянно встречаются оговорки относительно возможности достижения женщинами равной с мужчинами независимости. Хотя ее сожительство с Ж.-П. Сартром было предметом многочисленных сплетен, она подчеркивала те трудности, с которыми она столкнулась, освобождаясь от власти традиции. Отсутствие у нее детей не позволило сделать ее опыт образцом для современников. Она писала о положении женщин, живущих в условиях господства мужчин, однако в такое время, когда условия стали быстро меняться. Ее произведения были популярны среди послевоенного поколения, но и людям среднего возраста они напоминали об их усилиях и неудачах‡.

Эмансипация женщин сталкивалась с традициями, которые нелегко было победить. Об их силе хорошо сказал Тэн: «Отсрочить пробуждение идей и чувств, сохранить первобытную непорочность и невежество души, приучить к послушанию и молчанию — вот к чему сводилось образование,— к полному угнетению»§. Эдмон Абу дал этому следующее толкование: «Больше всего мы хотим, чтобы женщины хранили верность своим мужьям. Поэтому мы надеемся на то, что девушка войдет в мир, исполненная ангельского невежества, благодаря чему сможет противостоять всем соблазнам». Так что отец мог хвалить сына за успехи в учебе, а дочь — за скромность и невинность, сохраненные монастырской школой** Скриба упрекали за то, что в его пьесах выведены только пустые, глупые, робкие девушки, куклы, не способные сказать ничего, кроме «папа» и «мама», однако Жюль Лемэтр защищал его, утверждая, что такой образ реалистичен, а мужчинам как раз и нравятся подобные девушки. «Невозможно постичь душу восемнадцатилетней девушки, чувство некоторой непостижимой тайны неразрывно связано с нашим представлением о молодой женщине». На подмостках Второй

* *Goland F.* Les Féministes françaises. 1925 (множество примеров, взятых из изданий для женщин). Ср.: *Prévost M.* Les femmes lisent-elles? // Revue de France. 1922. 15 Oct. P. 673–694; *Idem.* Comment lisent les femmes // Ibid. 1922. 15 Nov. P. 225–244.

† *Cennari G.* Le Dossier de la femme. 1965. P. 266; *Sullerot E.* La Presse feminine. 1963.

‡ *Beauvoir S. de.* Mémoires d'une jeune fille rangée. 1958; *Idem.* La Force de l'âge. 1960; *Idem.* Le Deuxième Sexe. 1949 (рус. изд.: *Бовуар С. де.* Второй пол. М., 1997).

§ *Taine H.* Vie et opinions de Thomas Graindorge. 1867.

** *About E.* Le Progrès. 1864.

империи было полно девушек, радовавшихся браку с мужчинами, выбранными их отцами: Эмиль Ожье и Дюма выводили их в своих пьесах, поскольку такие девушки существовали на самом деле, но также и для того, чтобы дать воодушевляющий пример для подражания. Мадам Гарнье в своих мемуарах «Парижская семья в XIX веке» вспоминает: «Мы верили в мудрость родителей и не считали, что роняем свое достоинство, если разделяем их мнение». Застенчивость долго почиталась добродетелью. Гизо говорил дочери: «В тебе слишком много гордости, то есть самоуверенности. Всегда помни об этом недостатке». Журналистка Северин вспоминает, что ее молодость прошла под постоянным давлением. «Природу нужно было одолеть. По мнению моих родителей, дети не должны были иметь собственной воли, строгой дисциплиной следует с малых лет пресекать их склонности и предпочтения, проявления индивидуальности. Ребенок не только не должен говорить „я хочу"— лучше всего, если он не будет даже подозревать о возможности что-либо желать». В известной книге Мадлен Даньелу «Книга о покорности для французских девушек» (1950) показывается, как сохранялся идеал покорности и непорочности, особенно в католических семьях. Против тех, кто верил в широкое распространение образования для девочек, выступали те, кто требовал, чтобы оно отличалось от того образования, которое получали мальчики. Ксавье де Местр писал своей дочери: «Огромным недостатком женщины является желание быть мужчиной, а в этом и коренится желание учиться». Нападки Барби д'Орвиль на «Les Bas bleus» (1878) представляли точку зрения, которую по-прежнему многие разделяли. Родительницы, по-видимому, придерживались традиционных принципов воспитания девушек, препятствуя тем собственной эмансипации.

Не следует, таким образом, удивляться тому, что в деле улучшения правового положения женщин не произошло большого прогресса, и когда законодательство было введено в действие, продолжало сохраняться различие между законом и практикой в разных слоях общества. Два закона (1881 и 1895 годов) позволяли женщинам открывать счета в сберегательных кассах при почтовых отделениях на свои имена и снимать с них деньги без согласия мужей. Закон 1907 года предоставлял работающей замужней женщине полную свободу в распоряжении своим заработком. Но эти меры нелегко было проводить в жизнь, отчасти потому, что муж все еще нес правовую ответственность по долгам своей супруги. На практике большинство биржевых брокеров и банкиров игнорировали закон и отказывали женщинам в покупке акций или открытии счетов без подтверждения согласия супруга. Рассказывают историю о замужней школьной учительнице из Марселя, получившей второе требование об уплате налогов, выписанное на ее девичью фамилию. Она лично

обратилась с протестом, сборщик налогов извинился и попросил подать протест в письменном виде. Она тотчас сделала это, но бумагу вернули с объяснением, что хотя налогом облагались средства, заработанные учительницей лично, но подписывать протест может только муж. «Вы существуете с налоговой точки зрения, но не с юридической»*. Закон не слишком торопился исправить это положение. В 1893 году были признаны правоспособными и дееспособными разведенные женщины, в 1917 году женщины получили право быть опекуншами своих детей. В 1920 году замужним женщинам разрешили вступать в профсоюзы без согласия мужей, после 1927 года они могли иметь иное, нежели мужья, гражданство. Наконец, в 1938 году закон предоставил право- и дееспособность замужним женщинам. Это было названо великой революцией и новым «Семейным кодексом». (В 1904 году, по случаю столетия Гражданского кодекса, была создана комиссия для его пересмотра. Когда она добралась до ст. 212, где говорится, что «супруги клянутся друг другу в верности, взаимной помощи и поддержке», Поль Эрвье предложил добавить слово «любовь» и получил в этом поддержку. Однако предложения комиссии не стали законом.) В 1938 году (после шести лет дискуссий) была также отменена ст. 213, требовавшая от жены клятвы в послушании мужу. Супружеская власть мужа была отменена, пусть даже только номинально, исключением упоминания о ней из кодекса. Кроме того, жена получила полную правоспособность. Теперь она могла опротестовать в суде выбор мужем места жительства или его нежелание разрешить ей работать. Однако и ответственность перекладывалась на нее. На самом деле уступки, на поверку, оказались в основном мнимыми. Муж уже не обладал правом требовать послушания, но именовался «главой семьи», из-за чего складывалось впечатление, что одна рука отбирала то, что давала другая. Предоставление замужним женщинам полной дееспособности немедленно породило множество проблем и конфликтов с другими законами, так что это положение оказалось фактически неработающим†. Суды чаще всего отклоняли жалобы на нежелание мужа разрешить жене работать, для чего мужу достаточно было сказать, что это повредит семейным интересам: судьи не пытались выяснить, насколько обоснован такое заявление.

Только в отношении разводов произошла реальная перемена, но, конечно, облегчение процедуры развода не являлось феминистским требованием. Этот законотворческий процесс прошел несколько этапов. В 1792 году был разрешен развод по причине несовместимости характеров или по взаимному согласию. Наполеон затруднил развод, признав основными причинами супружескую неверность, жестокое обращение или причинение серьезного ущерба. В результате в Париже удовлетворяли только 50 про-

* *Weiss L.* P 115.
† *Cérez J.* La Condition sociale de la femme de 1804 à l'heure présente... 1940 (слабое, но небесполезное исследование); *Kallai Th.* La Notion de chef de famille. 1950.

шений о разводе в год, очень мало разводов было в провинции. Тем не менее, в 1816 году развод был отменен вообще, и такое положение сохранялось неизменным до 1884 года. Попытка Кремье восстановить этот институт в 1848 году провалилась. Альфред Наке (тоже еврей) оказался тем человеком, чье упорство позволило осуществить эту идею. Профессор химии, пылкий республиканец и вольнодумец, он был осужден за организацию тайного общества в 1867 году и публикацию критической работы «Религия, собственность и семья» в 1869 году. Первоначально он выступал за возвращение ситуации к 1792 году, затем к 1815 году. Успеха он добился, только согласившись сделать развод карой за посягательство на супружество и исключить возможность развода по взаимному согласию. Однако его победа не была полной. Только в 1904 году виновному было дозволено вступить в брак с ответчиком, с которым он (или она) совершил супружескую измену. Хотя адюльтер и был основанием для развода, он также оставался заслуживающим наказания преступлением. На практике, впрочем, судебное преследование осуществлялось крайне редко, хотя время от времени на виновных налагались символические штрафы. Закон 1884 года был суровее наполеоновского ввиду исключения развода по взаимному согласию, но суды все свободнее использовали жестокое обращение и причинение ущерба в качестве оснований для расторжения брака. Простой отказ возвращаться домой позволял покинутому супругу получить развод. Одна женщина получила развод, потому что ее муж ничего не предпринял, когда ее оскорбил их слуга, другая — потому что муж без ее согласия продал ее драгоценности, третья — поскольку муж совершенно не давал ей свободы в домашних делах* С другой стороны, один муж подал на развод, поскольку его супруга посещала без его согласия лекции в Коллеж-де-Франс, проявляя «опасный дух неповиновения и авантюризма»†. В 1900 году было предоставлено 7363 развода, в 1913 году — 15450, в 1920 году — 29156, в 1921 году — 32557. Между 1923 и 1939 годами этот показатель стабильно держался на уровне 20000. Таким образом, расторгалось 5,4% браков, хотя в Париже эта доля составляла 11%. К 1930 году распалось 450000 семей‡.

Брак по-прежнему давал женщинам поводы для недовольства. Закон от 31 июля 1920 года запрещал пропаганду абортов и контрацепции: наказание налагалось не только за аборт или намерение его сделать, но и за агитацию в его пользу. Эта мера была принята ради повышения уровня рождаемости, который стал беспокоить политиков. Но на практике присяжные отказывались выносить обвинительные вердикты, а служители закона — возбуждать подобные дела. С 1920 по 1939 год рассматривалось лишь около 350 дел такого рода в год, и даже при режиме Виши

* *Mollier A.* La Question du divorce. Besançon, 1930.
† *Berlin C.* Le Temps des femmes. 1958. P. 39.
‡ *Mollier A.* Op. cit. P. 90. 95. *Le Bras G., Ancel M.* Divorce et separation de corps dans le monde contemporain. 1952. Vol. 1.

было заведено не более 2000 дел. Подлинными следствиями принятия закона явилось ограничение использования средств контрацепции и сохранение практики прерывания беременности. Хотя привести точные статистические данные, разумеется, невозможно, правдоподобные оценки для периода между мировыми войнами составляют от 400 тысяч до 1,2 миллиона абортов в год, то есть этот акт был столь же нормален и обыден, как и деторождение. Исследование 1947 года установило, что 73% женщин, совершавших аборт, делали это с согласия мужа. В 1945 году в Париже было 14 «подпольных» заведений, специализировавшихся на абортах, и по крайней мере по одному в каждом департаменте*

Равенство в заработной плате официально было установлено в 1946 году. В 1848 году заработок женщин, занятых в промышленности, был примерно вдвое меньше, чем у мужчин. Во время Первой мировой войны заработки женщин в металлургических отраслях резко выросли: в 1913 году они были на 45% ниже, чем у мужчин, в 1917 году разница составляла только 18%, но к 1921 году разрыв вновь вырос до 31%. Соглашение по итогам переговоров о коллективных договорах 1936 года зафиксировало уровень зарплат женщин в размере 85–87% от зарплат мужчин. Среди учителей равенство зарплат было установлено в 1927 году, а равенство в потолке зарплаты — в 1932 году. Но на государственной службе в целом дискриминация женщин сохранялась, так как их прием на работу лимитировался ради предотвращения безработицы среди мужчин. Режим Виши в 1940 году резко ограничил право замужних женщин на труд. Свободные профессии были открыты для женщин довольно рано, но в 1882 году среди практикующих врачей было только семь женщин, в 1903 году — 95, в 1921 году — 300, в 1929 году — 519. В 1914 году только двенадцать женщин-адвокатов имели право выступать в суде, в 1928 году таковых насчитывалось 96. В 1930 году было только 6 женщин—университетских профессоров. Дамы довольно рано стали удостаиваться отличий. В 1905 году женщина стала второй в мужском *agrégation de philosophie*†, в 1913 году Лили Буланже получила Гран-при Рима за музыку, а Одетта Повер в 1925 году — за живопись. В 1936 году Леон Блюм назначил трех женщин на должности заместителей министров в своем правительстве. В общем, однако, в профессиональной области до равенства с мужчинами далеко. В 1960 году доля женщин в свободных профессиях все еще составляла лишь 14%, и они занимали только 3% административных должностей‡.

Женщины получили избирательное право в 1944 году. Столь долгое промедление было обусловлено сопротивлением сената, отражавшего глубоко укорененные провинциальные предрассуд-

* *Michel A., Texier C.* La Condition de la française d'aujourd'hui. 1964. 1. P. 122–124.

† Конкурс на право преподавания философии (фр.)

‡ *Chartier E.* Op. cit., *Michel A., Texier C.* Op. cit. 1. P. 143.

ки. Аргументы, звучавшие в сенате, демонстрируют, сколь малый след оставили в некоторых регионах прошедшие столетия и предполагаемое распространение просвещения. Один из сенаторов произнес длинную речь, напичканную цитатами из произведений писателей древности, чей авторитет он считал достаточным, чтобы отвергнуть требования женщин. «Женщина латинской расы думает, чувствует и развивается не так, как женщина англосаксонской или германской расы. Ее положение в доме совсем другое». Решающим доводом для некоторых было то, что право голоса вместе с прочими женщинами получат и проститутки. Другие говорили, что мужчинам и женщинам неприлично случайно сталкиваться в кабинках для голосования. Но в действительности протест обусловливался страхом того, что женщины, посещавшие церковь прилежнее мужчин, станут голосовать за клерикальные партии, а это поставит под угрозу существование светской республики. Вивиани внес законопроект о введении избирательного права для женщин в 1901 году; в 1910 году 163 депутата высказались за участие женщин в голосовании на местных выборах; в 1919 году палата одобрила полное избирательное право для женщин 344 голосами против 97. Сенат отклонил этот закон 156 голосами против 134 и не изменял свою позицию в течение следующих двадцати лет. Только произошедший во время войны закат радикальной партии и временное прекращение деятельности парламента позволили генералу де Голлю в 1944 году ввести избирательное право для женщин декретом. Он сделал это под нажимом коммунистов, среди сторонников которых было много женщин, и MRP, которая надеялась на выгоды от участия в выборах католичек. Впоследствии исследование показало, что 85% женщин голосуют одинаково со своими мужьями, иначе же, чем соответствующие группы мужчин, голосуют в основном пожилые вдовы и незамужние девушки. Таким образом, нельзя сказать, что право голоса само по себе имело значение для изменения положения женщины во французском обществе*

Главенство мужчин оспаривалось иным образом — через ограничение отцовской власти в интересах детей. Согласно ст. 375 Кодекса Наполеона, отец имел право обратиться в суд и потребовать арестовать и заключить под стражу своего ребенка (если тому еще не исполнилось шестнадцати лет) в случае его особенно дурного поведения; в отношении детей старше шестнадцати лет суды могли согласиться или не согласиться на это. (Матери-вдове, чтобы подать подобную просьбу, требовалось согласие двух ближайших родственников отца.) Ст. 148 говорила о необходимости отцовского согласия на брак для юношей до 25 лет и девушек до 21 года (до 30 и 25 лет соответственно молодым людям тоже следовало испрашивать согласие, но после трех отказов они уже могли поступать по своему разумению). В самом деле, во второй

* *Dogan M., Narbonne J.* Les Françaises face à la politique. 1955. P. 187–192; *Barthélemy J.* Le Vote des femmes. 1920.

половине XIX века было множество мужчин и женщин в возрасте тридцати, сорока и даже пятидесяти лет, состоящих в браке и имевших детей, но по-прежнему покорных своим родителям. Закон, принятый в 1889 году, позволял судам лишать родителя отцовской власти за пьянство, постыдные поступки или дурное обращение, угрожающее здоровью, безопасности или нравственности их детей. Закон 1898 года разрешил судам лишать преступников права опеки над своими детьми. В начале XIX века суды поддерживали отцовский авторитет против авторитета деда: решения 1825 и 1853 годов подтвердили право отца запрещать детям посещение деда и бабки. Но в 1857 году Кассационный суд приступил к разрушению абсолютной власти отца над детьми, заявив, что, помимо него, свои права имеют и другие лица* Еще больше отцовские права ограничили законы, регулировавшие промышленность и систему образования. В то же время материнская роль могла меняться, когда дети оставались дома дольше, а также по мере того, как практика отправления детей к кормилицам в деревню (впервые подвернутая законодательному регулированию в 1874 году) уходила в прошлое†. Роли и женщин, и детей в меняющихся условиях пересматривались, но к 1945 году положение дел все еще оставалось неустойчивым и запутанным.

Произошедшие за эти годы перемены в законодательстве, с одной стороны, выявили существовавшее недовольство системой семейных отношений, но, с другой стороны, показали, что хотя этой системе были присущи внутренние противоречия, она оставалась чрезвычайно мощной. Разделение страны на отдельные семейные ячейки осложняло все прочие отношения. Оно формировало в людях родственные привязанности, амбиции и задавало ориентиры, о чем редко говорили откровенно, но в чем в тот период находили глубочайший источник мотивации. Если бы все частные беседы того времени были записаны, то, теоретически, было бы возможно переписать политическую и экономическую историю страны на клановом и семейном языке. Но об этой огромной части повседневной жизни у историков не осталось почти никаких свидетельств, по каковой причине их описание прошлого всегда будет неточным.

* *Delzons L.* La Famille française et son évolution. 1913.

† Реалистическое описание приводящих в ужас условий, в которых вскармливались младенцы, см. в романе Золя «Плодородие». С 1840 по 1860 г., вследствие распространения практики передачи младенцев кормилицам, смертность среди детей до года возросла с 16 до 18%. Публикация подробных статистических данных (собранных сельскими врачами), согласно которым смертность среди таких детей доходила до 70%, привела к началу официального расследования и принятию закона 1874 г. Это резко снизило уровень смертности, но во многих департаментах закон игнорировался еще долгие годы — до конца столетия.

Глава XIV МЕСТО ПОЛИТИКИ В ЖИЗНИ

Историю французской политики представляют обычно в виде цепи неудач, а потому знакомство с ней вызывает замешательство. Однако рассмотрение ее под таким углом зрения не позволит правильно оценить место политики в жизни французов.

Франция имеет репутацию страны, сотрясаемой бесконечными революциями, правительственными кризисами и скандалами. Политическая нестабильность на протяжении долгого времени считалась основной проблемой. Во Франции не удалось создать устойчивых партий, и кроме коалиционных правительств, чья деятельность парализовалась внутренними разногласиями, другие формы союзов возникали редко. Успех на выборах позволял лишь намечать позитивные реформы, а не добиться ощутимых перемен, так как из-за многочисленных препон требовались годы для принятия законов, а затем их претворения в жизнь. Как бы то ни было, Франция по-прежнему находится во власти могущественной централизованной бюрократии. Выход из этого тупика найти невозможно, ибо нация слишком разобщена. Спорные вопросы, имевшие место в прошлом, накапливаются; в обсуждении текущих проблем по-прежнему прибегают к историческим прецедентам, а старые привязанности порождают неугасающую враждебность. Религиозная, социальная, конституционная и региональная разобщенность осложняет политическую жизнь страны, в результате чего почти всегда достигается лишь частичное согласие. Компенсацией неизбежных компромиссов служит постоянный призыв к верности принципам, что, однако, ведет к крушению достигаемых компромиссов. Все усилия приносят лишь незначительные результаты.

Для понимания французской политической жизни необходимо в первую очередь избавиться от влияния англосаксонской модели, от которой отталкивается большинство критиков (не в последнюю очередь это сами французы). Делается (хотя зачастую и бессознательно) вывод, что из-за принятия Францией такой формы конституционного правления, которая всегда лишь

отдаленно напоминала утвердившуюся в Великобритании и США, в стране, к несчастью, не получила развития двухпартийная система, необходимая для успешного следования англосаксонскому образцу. Действительно, Франция заимствовала идеи и названия из-за рубежа, но она настолько органично включала их в свои традиции, так что любое сходство с оригиналом являлось, в большинстве случаев, номинальным. Избирательные и парламентские обычаи во Франции носят иные функции и имеют характер во многом отличный от подобных обычаев в других государствах. Оценивая эти обычаи, необходимо принять во внимание то особое отношение к власти, которое сопровождает их применение. Следствием трудной истории Франции и возвышения ее монархии среди прочих государств стала дискредитация власти, по крайней мере внутри страны. Функцией конституций стали контроль и ограничение властных полномочий. Даже Наполеон III, возрождая блестящую империю своего дяди, видоизменил их, оставив широкое поле для проявления частной инициативы; даже генерал де Голль, восстанавливая престиж Франции за рубежом, в качестве ключевой меры по обновлению внутренней политики страны выступал за широкое распространение общественных организаций, а не усиление государственного контроля. Более того, Третья республика поставила целью предотвратить попытки государства занять доминирующее положение по отношению к своим гражданам. Издержкой этого явился, возможно, национализм. Итак, хотя и справедливо то, что господствующая во Франции политическая система не стала эффективной в вопросах принятия законов и создания сильных, находящихся у власти длительный срок кабинетов министров, это и не было ее целью. Она оказалась вполне эффективна при защите индивидуума от чрезмерного вмешательства в его жизнь и позволяла сохранять личностные особенности, практически ничем его не стесняя. Конституции, принятые парламентами, парализовали бюрократию. Политическая и административная власть в целом использовалась как защитный механизм, вот почему допускались перебои в ее работе. Умение вести политику состояло не в партийных маневрах, а в *débrouillage**. Безусловно, меньшинство протестовало против такой системы, но она оставалась нормой. Для оценки роли политики важно соотнести ее с сопутствующими социальными условиями. Уместнее всего начать с изучения не центральных органов управления, а провинций, небольших городов и деревень, чтобы понять, что население ожидало от власти и как оно, если можно так выразиться, приспосабливало парижские веяния к местным обстоятельствам. Только тогда деятельность политиков можно увидеть в правильном свете.

Одним из наиболее поразительных явлений в политической жизни Франции было то постоянство, с каким определенные ре-

* Здесь: интриги (фр.).

гионы голосовали на протяжении более ста лет. Например, население весьма обширных территорий на западе страны являлось стойким приверженцем консерватизма, начиная с периода контрреволюции, далее в течение долгих лет бесперспективной монархии и вплоть до современных правых партий. Крайне левые, напротив, всегда находили поддержку в определенных районах юга и центра страны. Там их преследовали во время «белого террора» в 1815 году*, там же они праздновали триумф в 1849 году, получив известность под именем «горы»†, а коммунисты до сих пор опираются во многом на жителей именно этих регионов. Первым исследователем этого феномена был Андре Зигфрид (1875–1959), который основал дисциплину «география выборов», позднее ставшую известной под названием «социология выборов». Она позволила взглянуть на партийные разногласия под другим углом зрения. Преимущество Зигфрида состояло в том, что он очень хорошо знал Францию и одновременно оставался в некоторой степени сторонним наблюдателем. Он был протестантом, сыном выбившегося из низов (по американскому образцу) миллионера. В молодости он много путешествовал по свету, говорил «с почти иностранным акцентом» и носил клетчатые твидовые костюмы подобно героям-путешественникам из произведений Жюля Верна. На четырех выборах подряд (1902–1910) он пытался стать членом парламента; потерпев неудачу, как и Токвиль, он обратился к изучению тайн отвергнувшей его политики‡ В своем остроумном «Политическом портрете Западной Франции» он воспользовался подробными знаниями области, приобретенными во время своих предвыборных кампаний; он утверждал, что политические предпочтения могут быть тесно связаны с «характерами» регионов. «Точно так же, как существуют индивидуальные характеры,— писал он,— существуют провинциальные и национальные характеры». В своей книге он пытался «облечь в осязаемую форму глубокие подсознательные процессы психологии». В первую очередь он произвел геологическое исследование выбранного региона и классифицировал его по типу почвы и растительности, выделив, в частности, каменистые почвы, леса, меловые равнины и болота. Он составил карты плотности и распределения населения, указав, в каких районах оно сконцентрировано в деревнях, а в каких — рассредоточено по обособленным хозяйствам. Затем он сравнил их с картами земельной собственности, на которых выделил территории с преобладанием крупной, средней и мелкой собственности.

Наконец, он изучил характер политических пристрастий каждой коммуны, проявлявшийся в выборе жителей и голосовании избранных ими депутатов. Им была обнаружена примечательная закономерность: сопоставляя все эти факторы, он пришел к заключению, что с большей или меньшей долей вероятности можно

* Роялистское контрреволюционное движение, прибегавшее к убийствам своих врагов-республиканцев в 1795–1796 и (с еще большей жестокостью) в 1815–1816 гг.

† Крайне левые политики. Термин появился в Конвенте в 1793 г., вновь стал использоваться в 1848 г. применительно к Барбе, Ледрю-Роллену, Феликсу Пийа и группе из примерно 56 депутатов; в 1849 г. около 180 человек, связанных с этой группой, были избраны в Законодательное собрание. При Луи Наполеоне преследовались по законам о клубах и печати, подвергались арестам и высылке.

‡ *Goguel F.* En mémoire d'André Siegfried // Revue française de science politique. 1959. Jun. P. 333–339; Hommage à André Siegfried. 1960. О Жюле Зигфриде см. гл. V.

прогнозировать, как будет голосовать та или иная деревня. Определяющим фактором была собственность. Если в регионе преобладали постоянно проживающие там крупные землевладельцы, а крестьяне находились от них в зависимости, прямой (опиравшейся на арендованную собственность и средства к существованию) или косвенной (когда они зависели от их благорасположения), то эти крестьяне голосовали, по примеру землевладельцев, за правых. С другой стороны, районы, населенные мелкими сельскими собственниками, были оплотом демократии. Политическая жизнь бурлила в густонаселенных районах, которые поэтому имели тенденцию голосовать скорее за левых, тогда как в сравнительно изолированных поселениях политические дискуссии сводились к минимуму, что позволяло сельской знати сохранять господствующее положение.

Другим важным фактором было влияние церкви. Существовали районы, в которых священник был даже более могущественным, чем дворянин. Лучше всего сохранились поместья дворян Анжу, где по-прежнему жили в определенной роскоши, однако в Бретани дворяне зачастую были бедными, одновременно пре-

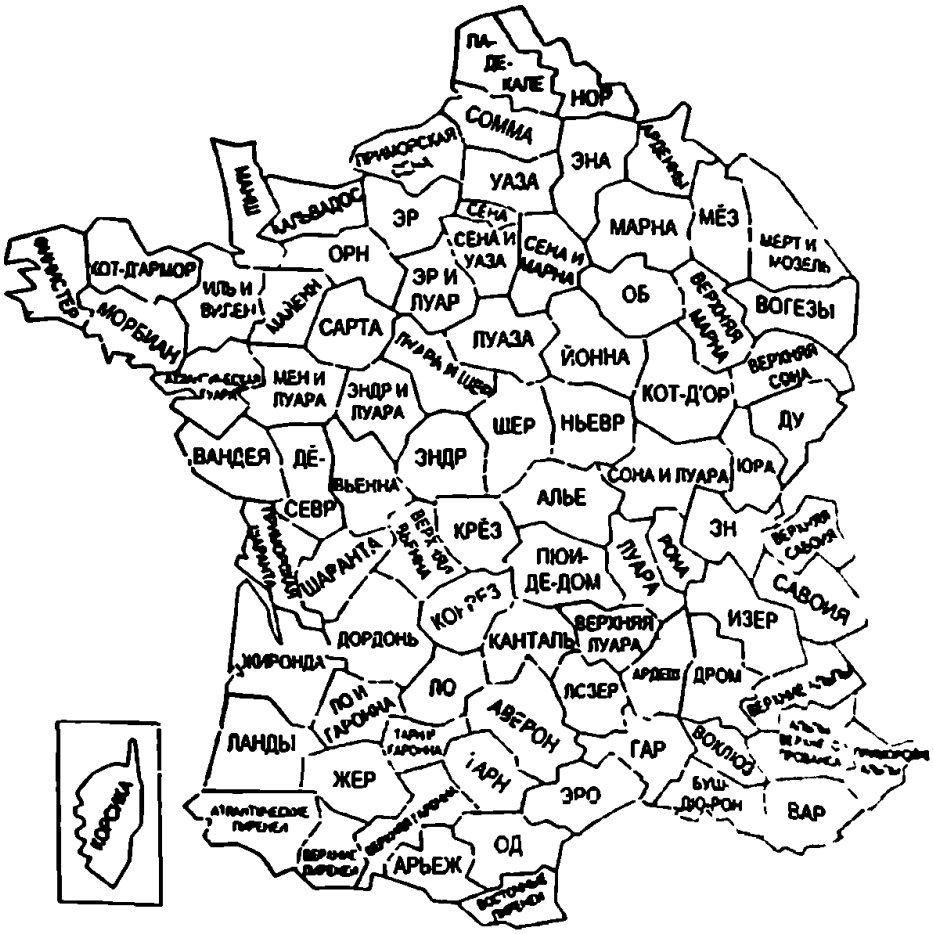


Карта 4 «Гора» на выборах 1849 г

Департаменты, где «Гора» получила свыше 40% голосов.

тенциозными и страшно нуждающимися, разочарованными и безынициативными; здесь их авторитет не был устойчивым. В этих районах некоторые священники имели гораздо более высокие доходы, как, например, кюре из Фольгоэ, извлекавший выгоду из непрекращающегося притока паломников, чьи доходы в 1913 году составили 50 тысяч франков. Такой человек был в своем приходе и царь, и Бог. Естественно, его богатство было исключительным, но он приобрел влияние не только благодаря состоянию. Гораздо более важным было то, что в таких местах, как Леон, духовенство являлось элитой, вышедшей из местного населения, и воспринималось как таковая. Хотя здесь и преобладали мелкие собственники, духовенство было всесильным, поэтому настоятель коллежа Леневена, где готовили священников, был главным выборщиком своего региона, а его решения зачитывались с каждой церковной кафедры.

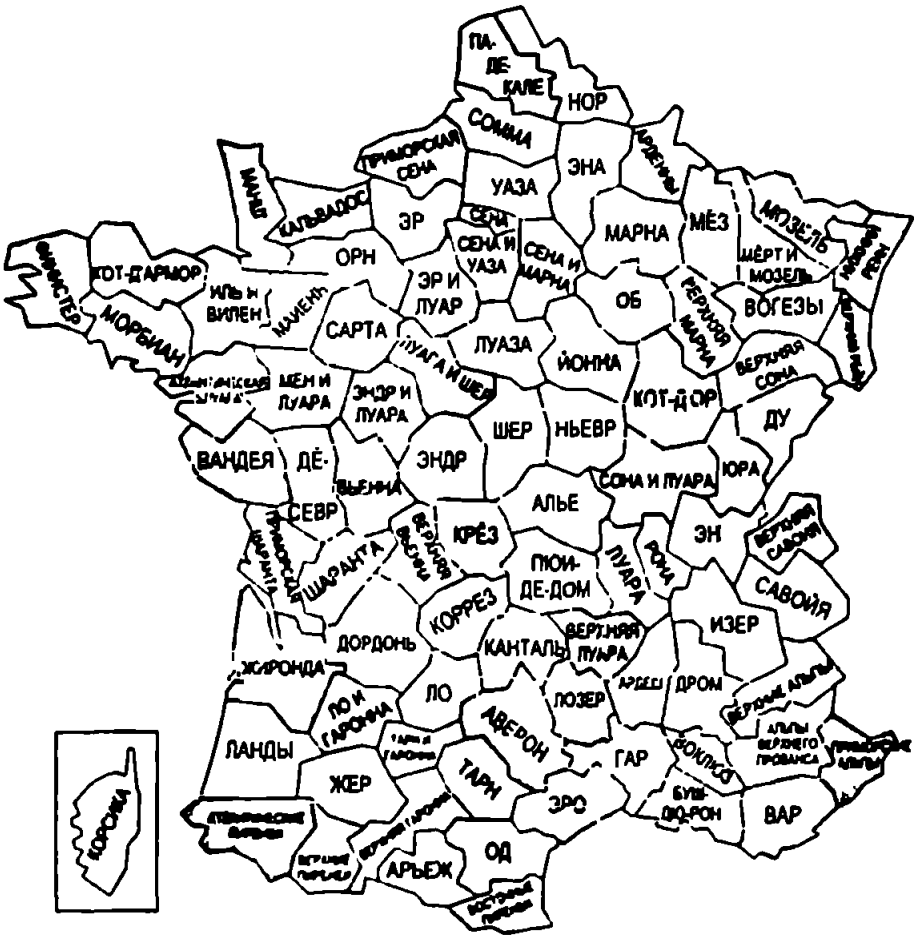
В других регионах, сходных по экономическим условиям, определяющим было влияние государства. В прибрежных районах проблема призыва на военный флот побуждала избирателей голосовать за депутатов, пользовавшихся расположением властей.



Карта 5.
Правые в 1885 г.

Департаменты, где свыше 37,5% населения голосовали за правых

Большое количество государственных должностей на таможне, при маяках и арсеналах препятило государство в раздатчика благ, пренебречь которыми могли лишь немногие. Обобщая, можно сказать, что многие люди считали разумным становиться на сторону государства, ибо удовлетворение многих повседневных потребностей нуждалось в его санкции или поддержке. В тех случаях, когда стойкие религиозные убеждения отсутствовали, государство (например, в Нормандии и Мене) без всяких затруднений могло провести своих кандидатов на выборные должности. В некоторых регионах властные полномочия государства находились в руках определенных групп, например, католических кругов, предлагавших множество должностей в местных государственных органах, не говоря уже о страховых и железоделательных компаниях, которые они контролировали. Но даже если использовались все средства влияния, в некоторых районах избиратели по-прежнему руководствовались личными соображениями, и тот, кто знал, как угодить избирателям, используя свое обаяние и приспосабливая риторику и деятельность к их вкусам, мог добиться успеха, хотя бы принадлежность его к какой-либо



Карта 6
Правые в 1936 г.

Департаменты, где свыше 37,5% населения голосовали за правых

партии не была вполне ясной. Наконец, были и такие регионы, которые вообще не проявляли никаких политических пристрастий: там были абсолютно безразличны к политическим доктринам и реагировали лишь на непосредственное обращение к материальной заинтересованности.

«Согласно распространенному взгляду,— отмечал в заключение Зигфрид,— выборы есть не что иное, как торжество непоследовательности и прихоти. Находясь в гуще событий и одновременно наблюдая за ними со стороны, я пришел к противоположному выводу. Если, как писал Гёте, „законы есть... в аду", то почему же их не должно быть в политике?» Его «законы» были, на первый взгляд, довольно просты: в результатах выборов суммировались социальные связи, виды поселений, профессий, религиозных верований или, наконец, таинственные этнические особенности. Огромной важности был вывод, что политическая жизнь не обязательно подразумевала выражение различных мнений или выбор между различными взглядами на способы управления страной. Зигфрид полагал, что только в городах существует настоящая политическая жизнь. Большинство крестьян шло за дворянскими, религиозными или государственными лидерами, пользовавшимися их голосами в собственных интересах. Поэтому функцией выборов было сокрытие существования огромного разнообразия глубоко укоренившихся «характеров» и придание Франции видимости единства или, по крайней мере, разделения на два основных лагеря: левый и правый.

Чем внимательнее мы вчитываемся в работу Зигфрида, тем больше замечаем его условности, оговорки и трудноуловимую зависимость от интуитивных наблюдений. Он показал политическую жизнь Франции в упрощенном виде, осветив ограниченность ее идеологического содержания. Он продемонстрировал, что политика имеет более глубокое психологическое значение Вместо того чтобы погрузиться в хаос партийных клише и программ, он обратил внимание на проблему отношения избирателя к своим соседям и внешнему миру. Зигфрид не претендовал на



Карта 7. Округ Тальмон (деп. Вандея)

статус ученого, отвергал он и звание экономиста. Он гордился тем, что состоял в этической секции Академии моральных и политических наук. «Возможно, более всего я был бы горд, если бы меня называли моралистом, при условии, что под таковым разумели бы не того, кто читает мораль, а человека, обсуждающего обстоятельства того или иного поведения». Ценность его работы, как он справедливо подчеркивал, состояла в стимуляции дальнейших размышлений. Он терпеть не мог простые объяснения, которые претендовали на решение всех вопросов. «Я с отвращением отношусь к стандартным анкетам,— писал этот основатель псефологии*,— к заготовленным заранее шаблонам, к застывшим структурам, претендующим на упорядочение выражения человеческого духа, но на деле уничтожающим его». Он верил в постоянное обновление исследовательских подходов, в интуицию, в понимание, которое основывается «не на количестве [данных], а на любознательности, прежде всего эмоциональной, иными словами, на стихийной симпатии к различным проявлениям жизни». Зигфрид был противником специализации: он писал книги о США, Англии, Южной Америке и Новой Зеландии, не делая скидок на их специфику. Ему претили сверхсложные исследовательские техники, однако именно его идеям провозгласила верность целая школа изощренной социологии выборов — основное ответвление послевоенной французской политической науки. Ее деятельность группировалась вокруг Fondation Nationale des Sciences Politiques† и нашла выражение в многочисленных монографиях; она вывела понимание французской политической жизни на новый уровень‡.

Выводы Зигфрида, основанные на интуиции, были плодотворными, однако вскоре выяснилось, что его обобщения не базировались на действительно тщательных исследованиях. Например, его утверждение о преобладании в Вандее крупной собственности было подкреплено данными лишь по трем округам из двадцати, при этом он вскользь упоминал, что подобная ситуация наблюдается и в остальных округах. В подтверждение его вывода о влиянии духовенства прилагались карты расположения частных школ для девочек, однако там не было данных о религиозной практике в этих школах. Составленные им карты результатов выборов были слишком общими, так как большинством в них называлась и 51%, и 90%. Ответом на один вопрос служит выдвижение других вопросов, например, голосование за правых объясняется религиозными убеждениями, однако возможная связь рассматривается лишь поверхностно. Его критерии не подходили для обобщений и грешили страшной непоследовательностью. Новое поколение исследователей выборов довели доказательства Зигфрида до предела и показали на самых простых примерах, в чем именно состояла неубедительность его доводов. Так, на-

* Изучение общественного мнения с целью предсказания результатов голосования.
† Национальный фонд политических наук (фр.).
‡ Hommage à André Siegfried (1966), Goguel J. Op. cit. P. 333–339; Siegfried A. Tableau politique de la France de l'Ouest (1913), Géographie électorale de l'Ardèche sous la Troisième République (1949).

пример, Нижняя Нормандия (регион мелких собственников, где было мало знати и не существовало ни религиозных, ни роялистских традиций) по формальным признакам должна была бы голосовать за левые силы, однако ее жители на протяжение XIX и XX веков оставались непоколебимыми консерваторами. Точно так же Трегорруа в Бретани — район крупных собственников и влиятельной знати — в 1910 году внезапно проголосовал за левых. Почему? Зигфрид отвечает, что это здешние жители «осмелели». Однако оставалось неясным, почему другие не отваживались голосовать вопреки мнению дворянства и духовенства, которые, как предполагалось, господствовали над ними, а также то, насколько прочным могло быть такое господство, если его можно было низвергнуть благодаря одному лишь приливу храбрости. Тонкие психологические нюансы Зигфрида теряются и возведенное им здание рушится. Но все же его вклад ценен тем, что его идеи стимулировали появление великолепных работ, часть из которых обладает почти художественной выразительностью.

Зигфрид рассматривал четырнадцать департаментов. Поль Буа взял для детального изучения один из них, наиболее пригодный для анализа — Сарта. Этот департамент особенно удобен для изучения, так как его западная часть во время Революции была настроена роялистски, голосовала за правых в 1848 году и продолжала голосовать за них на всех последующих выборах, тогда как в восточной части преобладали сторонники республики, которые в 1849 году голосовали за монтаньяров, впоследствии там приобрели большое влияние коммунисты. Граница проходит по округу Экоммуа, который слишком мал для истинно тщательного исследования. Сейчас в этом округе осталась только одна коммуна, население которой настроено реакционно (Ленье), однако ее территория представляет собой владения мелких крестьянских собственников. В другой коммуне этого округа — Сен-Мар — сильны республиканские настроения, хотя там мелких собственников мало. Закономерности, выделяемые Зигфридом, по-видимому, опровергнуты. Анализ землевладения в рамках департамента показал, что и консерваторы, и республиканцы могут обладать как крупной, так и мелкой собственностью. Зигфрид не всегда верно истолковывал полученные им данные о собственности, поэтому Буа отбросил предположение о том, что размер земельного владения является важным фактором, особенно когда при исследовании вопроса о том, как знатные землевладельцы могли влиять на своих крестьян, он обнаружил, что доля земли, которой владели дворяне, была, в общем, невелика (менее 25%) и в основном занята лесом. Лишь один из четырнадцати крестьян пребывал в зависимости от дворянина, а в лесном краю такая зависимость могла порождать враждебность ничуть не меньше, чем покорность. Более того, если исследовать арендные договоры,

заключенные теми, кто брал землю у знати, то можно обнаружить, что строгий контроль, оговоренный в них, казалось, никак не влиял на политические пристрастия (после сельскохозяйственного кризиса 1880-х годов жесткие пункты из договоров исчезли, однако крестьяне продолжали голосовать по-старому).

Является ли процветание (или бедность) объяснением противоположных политических пристрастий двух частей данного департамента? Разумеется, между ними были различия в этом отношении. Запад находился в лучшем положении, чем восток, но лишь до кризиса 1880 года, после которого упадок там ощущался гораздо сильнее, чем на востоке. Однако на западе голосовали за консерваторов вне зависимости от того, процветало население или нет.

В качестве альтернативного объяснения можно было сослаться на то, что такое разделение уходит корнями в Революцию и эпоху Старого порядка, и что восток департамента больше настрадался от угнетения со стороны привилегированных сословий. Однако при анализе наказов 1789 года выясняется довольно любопытный факт: население враждебно относилось к дворянству и духовенству на консервативном западе, а не на востоке.

Буа считает важным не то, владеют землей крупные или мелкие собственники (что акцентировал Зигфрид), а то, как эта земля приобреталась и какой была сопровождавшая это приобретение ситуация в обществе. Так, в департаменте Сарта во владении крестьян находилось 12,5% земли, а буржуазии — 51,5%, то есть гораздо больше, чем у привилегированных сословий. Широко известен тот факт, что большинство земель, проданных во время Революции, отошло к буржуазии, и в этом департаменте таких случаев было немало. Однако на западе департамента во время Революции крестьяне были богаче и надеялись приобрести выставляемую на продажу землю. Но лучшее качество и более высокая ценность этих расположенных на западе участков земли побуждали буржуазию скупать именно их, а к землям на востоке относилась в целом с пренебрежением. В итоге Революция породила конфликт между крестьянами запада департамента и буржуазией. Для этих крестьян Революция означала, что самозванцы расстроили их планы по скупке земли, вот почему сельские труженики объединились с дворянством против общего врага. На востоке бедная земля, продававшаяся небольшими участками, привлекала мало покупателей-буржуа, поэтому там такой вражды не возникало. Разное отношение к буржуазии, проявляемое населением двух частей одного департамента, можно также объяснить и другим обстоятельством. Сельское хозяйство было основным видом деятельности во всем департаменте, однако не везде оно обеспечивало крестьян достаточными доходами. На западе доход был на треть выше, чем на востоке, так как почва там была

значительно лучше. Таким образом, на востоке помимо земледелия крестьяне вынуждены были заниматься ремеслами, поэтому там было много ткачей, которые зачастую составляли до 20% сельского населения. На западе и севере также были ткачи, однако они жили в городах, где не контактировали с крестьянами и не оказывали на них никакого влияния. На западе почти не было крестьян-ткачей: там выращивали коноплю, которую потом экспортировали на восток. На востоке же, наоборот, были ткачи, которые жили в поселениях вместе с крестьянами. Вывод, конечно, должен состоять не в том, что возделывание конопли ведет к приверженности роялизму, а крестьяне-ткачи непременно являются республиканцами, а в том, что деятельность ремесленников порождает особый вид взаимодействия между городом и деревней. Ткацкие районы находились в постоянном контакте с городами, так как к ткачам приходили торговцы, поставлявшие сырье и забиравшие готовые ткани; они же знакомили их со взглядами горожан. Ткачи оказались подготовленными к принятию революционных идей в том числе из-за зависти к более богатым крестьянам запада департамента Сарта. В неурожайные годы богатые крестьяне не испытывали трудностей, потребляя собственную продукцию и получая выгоды от взвинчивания цен, чего ткачи, вынужденные покупать продукты питания, не могли себе позволить. Более того, ткачи враждебно относились к государству, стеснявшему их контролем над производством и качеством продукции, контролем, который неизбежно вел к уменьшению их заработков. Жители запада департамента знали о городе меньше, для них церковь выполняла ту же функцию, как и город для жителей восточной части. Они шли в церковь, чтобы избежать одиночества; они собирались в церкви, когда присланные из города эмиссары угрожали священнику. В соответствии с этой интерпретацией, основные разногласия во Франции порождались не проблемами собственности или ландшафта, а отношением к новым веяниям и к капитализму со стороны различных регионов. Основными факторами, наряду с революционными идеями, проникавшими через ремесленников из городской среды в сельскую, поэтому следует считать стремление к покупке земли и противостояние города и деревни. Нельзя забывать и о том, что вплоть до конца XIX столетия горожане в массе своей не отдавали голосов консерваторам*.

Эта интерпретация, опирающаяся на богатый социологический материал, может быть развита для демонстрации связи распространения передовых идей с урбанизацией. Такие идеи можно было обнаружить не только в городах, они проникали и в сельские районы, на которые оказала влияние урбанизация, то есть в районы, производившие товары для городского рынка и связанные с городами коммуникациями и интенсивным финансовым

* *Bois P.* Paysans de l'Ouest // Des structures économiques et sociales aux options politiques depuis l'époque révolutionnaire dans la Sarthe. Le Mans, 1960.

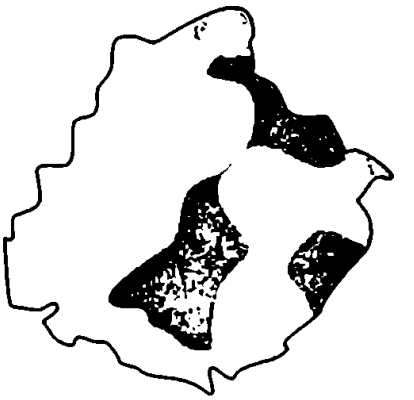
оборотом. Арамбуру, изучавший округ Ла-Реоль в департаменте Жиронда, показал, что голосовать за левых в административном центре округа начали на заре Третьей республики и постепенно левые настроения распространились по всей сельской местности, резко пойдя на спад, однако, после 1914 года. Таким образом, «география выборов» может избежать обвинения в статичном отображении политической жизни*. Чарльз Тилли, изучавший события 1793 года в Вандее, показал, что распространенное мнение о неизбежно реакционном настрое экономически отсталых регионов, не имеющих связей с городами, является слишком упрощенным. В попытке объяснить, почему там было так сильно контрреволюционное движение, он высказывает предположение о том, что это движение существовало не в абсолютно отсталых районах, а в тех, которые подверглись определенному, хотя и не всестороннему воздействию проникших туда городских веяний. Контрреволюция представляет собой конфликт сопоставимых сил. Последствия урбанизации для сельского общества обычно имели селективный характер: на первых порах ее влияние испытали лишь определенные слои общества и определенные виды деятельности. Конфликт возник между теми жителями, которые по-прежнему были поглощены местными проблемами, и теми, чье мировоззрение и интересы были уже связаны с проблемами внешними, государственными. Социальный антрополог Джулиан Питт-Риверс в своем исследовании французской деревни продемонстрировал, что в ней существовали два мира. Для разговоров о скоте, сельском хозяйстве, погоде и семейных делах использовался местный диалект, литературный же французский язык употреблялся при обсуждении вопросов политики, моды, науки, торговли и государственных дел. Сегодня большинство французских крестьян приняли оба языка и обе культуры, однако сто лет назад культура местных диалектов расценивала французскую культуру как вмешательство и вызов. Если конфликт города и деревни имел в своей основе взаимное непонимание и несовместимость, то наиболее сильные его проявления можно было ожидать в тех районах, где город и деревня были максимально изолированы друг от друга. Однако две непересекающиеся между собой структуры не могут вступить в схватку. Конфликт происходил в результате встречи и зарождения противоречий между двумя культурами. Представители городов, будучи чиновниками или торговцами, внедряли в деревне власть, исходившую из других, внешних источников. Они бросили вызов старому правящему классу и установившемуся распределению влияния в деревне. Они перевели местное соперничество в новое русло, увязав его с разногласиями, имевшими государственное значение. Таким образом, наиболее упорную борьбу контрреволюционные силы вели не в самых отсталых лесистых местностях Вандеи, а окрест Шоле,

* Arambourou R. Réflexions sur la géographie électorale. Revue française de science politique. 1952. Jun. P. 521–542.



Районы, где шуаны имели очень сильную поддержку

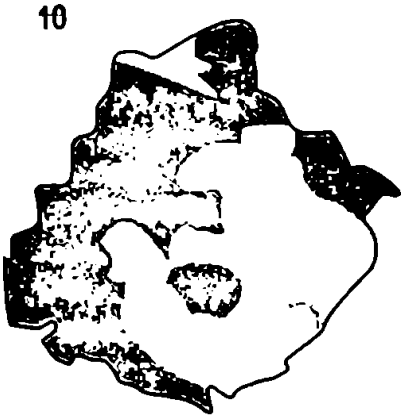
Районы, где шуаны имели значительную поддержку



Свыше 40% избирателей

25–40% избирателей

10



Районы, где большинство голосовало за правых

Районы, где большинство голосовало за левых

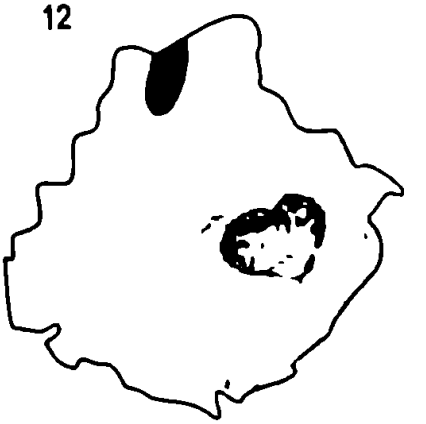
Равное количество голосов



36% площади

30–36% площади

12



Свыше 20% населения

Свыше 10% населения

Карта 8. Восстание шуанов в деп. Сарта.
Карта 9. Голосование за монтаньяров. Сарта, 1849 г.
Карта 10. Выборы 1956 г. Сарта.
Карта 11. Собственность в Сарта (1909–1912). Крупные владения.
Карта 12. Сельские ткачи Сарта.

где в XVIII веке стремительно развивалась текстильная промышленность, что привело к неожиданному столкновению старого и нового. Новая буржуазия отметила свершение Революции смещением дворян и крестьян со всех должностей в деревнях. В тех городах, где буржуазия уже обладала неоспоримой властью, не произошло ни одного конфликта — разногласия возникали лишь там, где она еще только приобретала влияние. Это объяснение носит частично социальный характер, однако частично и личностный. У истоков контрреволюционного движения часто стояли люди, искавшие способы свести свои счеты и разрешить конфликты исключительно местного масштаба. Они редко желали большего, чем изменения баланса сил в своей деревне, и получали поддержку молодежи, часто среди наемных работников, стремившейся избежать призыва в армию, который был одной из наиболее серьезных форм вмешательства государства в жизнь деревни. Таким образом, раскол на два лагеря, как и во времена Гражданской войны в Англии, происходил не только на классовой почве. Хотя буржуа и возглавляли революционные силы, некоторые из них находились по другую сторону баррикад; в контрреволюционных отрядах было также много ремесленников, поэтому выводы сопровождаются многочисленными оговорками*

Среди аналитиков, изучающих выборы, социологи представляют лишь одну из групп. Продолжают вносить весомый вклад и географы, которые могут претендовать на то, что именно они стояли у истоков этого направления. Казалось бы, выводы Зигфрида состоят в том, что каменистые почвы порождают симпатии к правому, а меловые — к левому лагерю. Настолько простодушен он, конечно, не был, хотя действительно твердо верил в географический детерминизм. В своей «Географии выборов в Ардеше» (1949) он устанавливает связь различных «общественных мнений» с геологической картой, которая, по его словам, дает «истинное объяснение». Правые преобладали в горных районах, левые — в равнинных. У жителей возвышенностей была одна психология, у жителей равнин — другая, а у жителей предгорий — третья. «Похоже, что атмосферное давление формирует убеждения». Правда, дальше он смягчает это утверждение, добавляя, что доминирующим является религиозный фактор, однако он, по всей видимости, считает его влияние «дестабилизирующим», а не формирующим. Географы, в частности из университета в Гренобле, продолжили изучение этих взаимосвязей. Они утверждали, что прежде географические факторы были определяющими, однако с тех пор, как развились новые, более мощные элементы влияния, географические перестали быть таковыми†.

Историки, внесшие свою лепту в этот спор, оказались неспособны сформулировать простые обобщения, касающиеся последствий совершившихся перемен. Растущее число историй раз-

* *Tilly C.* The Vendée. 1964

† *Siegfried A.* Géographie électorale de l'Ardèche sous la Troisième République. 1949. P. 113; Revue de géographie alpine. 1954. Jan.-Mar.

личных местностей, основанных на тщательном исследовании всех возможных источников и факторов, напротив, склонно было подчеркивать многообразие и самобытность небольших районов и показывать, сколь сложна была деятельность различных сил. Возможно, наибольшее смятение в умах вызвало блестящее исследование Жерара Шольви, посвященное департаменту Эро, в котором, помимо прочего, была предпринята попытка изучить влияние политических баталий XIX столетия на убеждения людей через изучение последствий зарождения революционной и католической прессы и распространения светских и церковных школ. Политические партии уделяли огромное внимание пропаганде своих идей в газетах, пытаясь зачастую заглушить идеи своих противников, которые они считали вредным и разрушительным влиянием. Но если взглянуть на те деревни и города, где эти издания распространялись, то становится ясно, что реальное их влияние было очень ограниченным. Газеты, по-видимому, поддерживали единомышленников, а не пытались переубедить оппонентов. Вот один небольшой, но весьма наглядный пример. В коммуне Рокредонд в 1907 году жители постоянно покупали десять ежедневных газет — три католических и семь республиканских. Однако это был в значительной степени религиозный приход, и антиклерикальные газеты не делали ничего для подрыва веры. Крестьяне газет не читали, и влияние прессы, если таковое и было, распространялось лишь на тонкий слой элиты. Во многих местах республиканские газеты покупали лишь приверженные республике чиновники. С течением времени газеты завоевали более широкую аудиторию, хотя одновременно утратили большую часть своей политической составляющей. Влияние прессы в XIX столетии отнюдь не то же, что в XX. В исторической перспективе формирование общественного мнения все еще представляет загадку.

Также обычно утверждается, что светские школы и учителя начальных школ весьма способствовали обращению новых поколений в республиканскую веру. Однако из подробного местного исследования мы вновь видим, что это мнение слабо обосновано, а их влияние почти несомненно преувеличено. Лишь немногие учителя действительно энергично вели кампанию против церковного засилья; их личности и взгляды сильно различались, а направление деятельности в течение рассматриваемого нами столетия менялось. Церковь полагала, что сможет восстановить свое влияние путем учреждения собственных школ, однако они скорее только тормозили процесс, нежели изменяли ситуацию, и эти школы не добились успеха в регионах, которые уже отвернулись от христианства. Рост городов — еще один фактор, который связывали с всплеском враждебности к церкви или равнодушия к ней. Подробное же исследование общественного мнения в городах

показывает, что по мере их роста особых перемен не отмечается. Иммигранты, приезжавшие с ощущением того, что они по сравнению с местными жителями являются людьми второго сорта, быстро усваивали распространенные взгляды: в результате общественное мнение определялось сочетанием прошлого иммигрантов и того, как с ними обращались по прибытии. Например, испанцы, наводнившие южные районы Франции, были вроде бы выходцами из католической страны, однако их конформизм имел обычно чисто социальную природу, а эмиграция во Францию была освобождением, бегством от прежнего гнета. Мы постоянно вынуждены привлекать к объяснению все более и более давние исторические факторы*

Другой ключевой исторической проблемой является изменение структуры правящего класса в политической жизни. Филипп Вижье (чья проницательная диссертация по альпийскому региону в период с 1848 по 1852 год — одна из наиболее важных в послевоенное время — содержала интуитивные догадки и идеи, имевшие значение гораздо большее, чем можно вывести из ее названия) осветил изменение положения старого слоя нотаблей после введения всеобщего избирательного права. В противоположность Зигфриду, имевшему дело с территорией, где сохранилось довольно специфическое влияние знати, он исследовал регион, где было гораздо меньше крупных собственников и мало дворян. Здесь освобождение от власти нотаблей проходило различными темпами в разных областях. В некоторых районах, особенно там, где правящий класс Луи-Филиппа растратил себя на мелочные «корпоративные» раздоры, введение всеобщего избирательного права показало, что этот класс утратил доверие, и уже в июле 1848 года крестьяне использовали выборы в органы местного самоуправления для образования «république paysanne»†. Если на западе Франции беднота еще свыше полувека перекладывала ведение политической деятельности на плечи традиционных вождей или представителей образованных классов, то здесь участие бедняков в политике проявилось очень рано. Однако их пристрастия не всегда совпадали. Очень широка была поддержка революционеров и участие в политической жизни многочисленных тайных клубов, появившихся во многих деревнях. Правда, в Конта бедняки предпочитали «народный роялизм» под руководством лидеров из дворян. В других районах им по душе был бонапартизм как средство, с помощью которого беднота могла занять свое место в государственной политике в противостоянии старым правящим группировкам. Множество факторов определяло момент вхождения масс в политику: исторические традиции (вид лидерства дворянства и типы конфликтов, в которые были вовлечены крестьяне перед тем, как получили право голоса); географические условия (например, изолированность горных райо-

* Cholvy G. Géographie religieuse de l'Hérault contemporain. 1968.

† Крестьянская республика (фр.).

нов, где господствовало безразличие); экономические факторы (среди них особенно выделяются последствия экономического кризиса 1848 года для разных классов и регионов). Сравнение данных Вижье с результатами некоторых других недавно предпринятых важных локальных исследований показывает, что всеобщее избирательное право влияло на политическую жизнь весьма разнообразно, и нельзя просто сказать, что один класс пришел к власти вместо другого в какое-то конкретное время*

До сих пор в дискуссии использовались термины «левые» и «правые». Традиция политической жизни Франции состоит в том, что при всей пестроте названий политических партий настоящая борьба велась между двумя основными направлениями, получившими свое наименование от расположения в зале депутатов времен Первой республики. Французы ввели в обиход понятия «правые» и «левые», которые приняты теперь практически повсеместно. В этом, по словам Эмманюэля Берля, и состоит отличие, которое вплоть до нашего времени является наиболее заметным для массы французских избирателей. «Надежный инстинкт позволяет нам определить, относится ли человек к правому или левому лагерю»,— говорил Андре Зигфрид, хотя и затруднялся объяснить, как это происходит. Обобщая, можно сказать, что принадлежность к левому флангу означала признание роли просвещения, правоты идей, что человек от рождения благ и способен к бесконечному прогрессу, достижимому прежде всего благодаря разуму, что мир в его нынешнем состоянии нуждается в усовершенствовании, и что к подобному «усовершенствованию» необходимо стремиться в интересах большинства нации. Принадлежность же к правому флангу в общем сводилась к стремлению поддерживать устоявшийся порядок вещей или возвратиться в «старые добрые времена», к вере в иерархическую структуру и неравенство людей, к сомнению в том, что в свободном споре рождается истина, к приданию огромного значения мудрости прошлого и к почитанию католической церкви как величайшего вместилища этой мудрости†. Во время правления Луи-Филиппа левые обозначили свои намерения, назвав себя «партией движения», а правые — «партией сопротивления». Дело Дрейфуса обязано своей громкой известностью в том числе и тому обстоятельству, что в тот момент, когда различия уже стирались, оно вновь четко разделило страну на два лагеря: те, кто поддерживал Дрейфуса, были левыми, а те, кто его осуждал — правыми. Для интеллектуалов это дело долгое время оставалось лакмусовой бумажкой, выявлявшей убеждения человека. Хотя огромной заслугой такого размежевания явилась бóльшая открытость политической жизни, оно же принесло путаницу и неопределенность. В течение XIX века левые достигли бóльших успехов, нежели правые, и поэтому все больше людей предпочитали называть себя

* *Vigier Ph.* La Séconde République dans la region alpine. 2 vol.1963.; *Armengaud A.* Les Populations de l'est aquitain 1845–1871. 1961; *Barral P.* Le Département de l'Isère sous la Troisième République. 1962; *Depeux G.* Aspects de l'histoire sociale et politique du Loir-et-Cher 1848–1914. 1962.

† *Beau de Lomenie E.* Qu'appelez-vous Droite et Gauche? 1931.

левыми, даже если и очень малойстепени разделяли такие принципы. Наряду с этим немалое число представителей левого крыла, приходя к власти и убедившись в трудности проведения своих реформаторских планов, тратило время и силы в основном на отражение нападок нового поколения, которое оказывалось более левым, чем они сами. Консервативные партии парадоксальным образом сделали «левые» словечки заметной частью своих названий; термины, ранее обозначавшие крайне революционные тенденции, стали означать нечто прямо противоположное. Так, радикалы, которые некогда определенно занимали место на левом фланге, а их программа 1869 года вообще может считаться экстремистской, к концу столетия сидели уже в центре палаты, а в настоящее время располагаются справа. Были группы вроде левых республиканцев, которые сидели справа и отличались консерватизмом во всем, кроме своего прошлого. Быть «прогрессистом» в 1885 году значило принадлежать к «передовому» лагерю, в 1898 году — уже умеренному, а к 1906 году — безусловно правому и даже клерикальному. На юге действовали «антиколлективистские социалисты», которые в действительности были консерваторами. В этом размежевании не было никакой особенной логики. Человек, называвший себя правым, часто являлся и клерикалом, однако так было не всегда и не везде: имелись регионы, которые неуклонно дрейфовали направо прямо пропорционально росту безразличия к религии. В 1930-е и 1940-е годы католики успешно отмежевались от консерваторов. Предполагалось, что человек, именовавшийся левым, должен быть либералом, а не сторонником авторитаризма, однако это могло оказаться заблуждением и уж ни в коем случае не было постоянным или необходимым условием*.

Невозможно просто ассоциировать левых с индустриализацией и подъемом рабочего класса. Восток Франции, где в первой половине существования Третьей республики преобладали левые настроения, во второй половине стал правым. Сейчас в этом регионе располагаются крупнейшие промышленные центры, однако, как ни странно, там слабы позиции социалистов и коммунистов. Ясно, что консерватизм на западе, столь красочно описанный Зигфридом, абсолютно отличается от консерватизма на востоке. Нельзя говорить о влиянии, оказываемом на рабочих востока работодателями, так как они зачастую были иноверцами и, за некоторым исключением, «самовлюбленными эксплуататорами». По-видимому, определяющими факторами на востоке были близость к границе, страх перед вторжением и национализм, проявляемый именно из-за того, что «французский дух» жителей мог вызывать сомнения. Так что когда национализм отстаивали левые, население голосовало за них, но когда он превратился в кредо правых, избиратели пошли следом. На востоке поддерживали

* *Rémond R.* La Droite en France. 1963 (превосходный анализ). См. также: *Weber E., Rogger H.* The European Right. 1965.

сильное авторитарное государство, поэтому республиканские настроения носили там особый характер — восток массово голосовал за де Голля. Индустриализация дала абсолютно полярные результаты: на севере процент голосов, отдаваемых за коммунистов, был очень высок, а на востоке — незначителен*

Внутри каждого из этих двух, как их окрестили, «характеров» имеется столь много различий, что определения «левый» и «правый» было предложено употреблять во множественном числе. Согласно этой точке зрения, правое движение нужно рассматривать как состоящее из трех основных направлений, которые первоначально назывались легитимизмом, орлеанизмом и бонапартизмом. Со временем идеология этих направлений и слои, их поддерживавшие, менялись, однако с ними могут быть связаны новые формы консерватизма (такие как корпоративизм† и национализм) и движения вроде MRP, пужадизма и голлизма‡. Левый фланг должен быть разделен по крайней мере на две части, так как его радикальное крыло, заканчивающееся коммунизмом, ставит перед собой совершенно особые цели. Такая модификация традиционной дихотомии «правые — левые» вносит бóльшую ясность, хотя опасность состоит в том, что она стимулирует крайне схематическое отношение к политическим феноменам и затушевывает возможные несоответствия в угоду простоте. Она может помочь в понимании сути новых сил, особенно если учесть, что исторические традиции играют столь важную роль в их формировании, однако если не пользоваться ею с осторожностью, то можно предположить, что итоговой целью является лишь умение классифицировать эти силы и в конечном итоге имеются только два возможных решения, две основных психологии.

Это не должно препятствовать осознанию того, что частной целью всех принимаемых названий было сокрытие различий, нахождение возможностей для объединения усилий, поиск поддержки населения, а не только просвещение его. Те, кто выбирал то или иное название, ошибались, полагая, что оно выражает то, что они хотят. Названия увековечивали различия, антагонизм, вражду, истоки которых были почти забыты и которые имели лишь историческое значение. Их использование не выпускает политику из порочного круга, который затрудняет восприятие и ассимиляцию новых сил и новой проблематики; также оно удерживает партии в стороне от реальности. Можно привести множество аргументов в пользу написания истории французов, где акцент делался бы не на то, что их разделяет, а на то, что их объединяет. Очевидно радикальные реформы при их претворении в жизнь оказывались гораздо более умеренными, чем их видели те, кто стоял у истоков их проведения; эти реформы часто находили понимание в общественном мнении. Сейчас в Революции 1789 года видят гораздо менее заметный разрыв с прошлым, чем полагали

* Recherches sur les forces politiques de la France de l'est depuis 1787. Strasbourg, 1966.

† Доктрина, подчеркивавшая значение профессиональных объединений как важнейших ячеек экономической и политической организации; реакция на либерализм, капитализм и социализм. До 1914 г. пользовалась симпатиями легитимистов и социал-католиков, некоторые видоизмененные версии стали популярны после войны. После поражения Франции в 1940 г. правительство Виши использовало ее положения в Хартии труда и при создании Крестьянской корпорации.

‡ Ремон (*Rémond R.* Op. cit. P. 261–292) исследует эти связи. См. также: *Goguel F.* La Politique des partis sous la Troisième République. 1958. P. 17–29.

раньше. Отделение церкви от государства, за которое столь долгое время ратовали антиклерикальные левые, в конце концов только усилило церковь. Стремиться к равновесию, которое как-то удается поддерживать вопреки усилиям обеих сторон склонить чашу весов в свою пользу,— вот полезный совет по достижению согласия, которому мешает межпартийная борьба. Два лагеря имеют между собой больше общего, нежели желают признать. Осознание этой особенности менталитета политических оппонентов является существенным для надлежащего осмысления того, сколь важное место занимает в жизни нации политика. Этот общий менталитет именно в силу того, что он разделялся всеми, зачастую являлся гораздо более могущественной силой, чем что-либо, созданное партиями. В течение рассматриваемого нами столетия Франция действительно двигалась влево, но очень часто культ новизны исповедовался людьми, которые, с другой стороны, испытывали к ней глубокую неприязнь. Хорошим примером является двойственность радикальной партии, просуществовавшей в течение длительного времени благодаря тому, что находила способы туманно и хитроумно потрафить чувствам среднего человека, или Прудон, который, сочувствуя рабочему классу, был, естественно, в одном лице революционером и консерватором. Важно принимать эти противоречия как данность и не разыскивать порядок в смуте и колебаниях. Политические партии не обязательно боролись за те цели, которые были написаны на их знаменах. Радикалы, которые так упорно пытались уничтожить католицизм и ввести светскую мораль, никогда не обращали внимания на тот факт, что эта проповедуемая ими мораль весьма незначительно отличалась от католической. Кого они обманывали, себя или избирателей?*

Политические партии не всегда затрагивали по-настоящему беспокоившие людей вопросы; в любом случае не следует забывать, что во Франции не было партий английского или американского образца (организованных и располагавших четкими программами), пока такую партию не создали коммунисты. Поэтому во Франции голосование за какую-либо партию означало нечто иное. Терминология вводит в заблуждение. Так, для выявления общественного мнения в избирательном округе или в целом регионе недостаточно простого подсчета голосов. Утверждать обратное значило бы подразумевать то, что нация едина, четко осознает открытые перед ней возможности выбора, что видение этих возможностей совпадает с видением политиков. В то время все было, естественно, совсем не так. В различных районах, в различных слоях общества и на индивидуальном уровне голосование имело разное значение. Некоторые убеждения олицетворяли такие стремления и взгляды, которые в действительности не могли быть выражены политическими терминами. Только с появле-

* См. Conflicts in French Society. 1970.

нием опросов общественного мнения стало возможно провести сколько-нибудь удовлетворительный анализ значения голосования. В 1952 году на вопрос, должна ли Франция соблюдать нейтралитет во время войны, подавляющее большинство ответило положительно, однако когда был задан вопрос, сможет ли Франция соблюдать нейтралитет, подавляющее большинство ответило отрицательно*. Нужна большая проницательность, чтобы провести различие между теорией и практикой голосования. Во Франции такое различие сделать было тем более трудно, так как население, отвечая на вопросы, призванные выяснить общественное мнение, зачастую проявляет бóльшую скрытность, чем, например, в США, и применение американских социологических методик во Франции не всегда приносит сопоставимые результаты. Но использование таких опросов предполагало, что существовало большее согласие, чем старалась убедить в этом политическая система.

Вследствие ожесточенности политической борьбы Франция получила за рубежом репутацию страны, в которой политика играет очень важную роль. Однако количество жителей Франции, активно участвующих в деятельности политических партий, было крайне незначительно — в 1950 годах около 1,5%, раньше еще меньше, как меньше было и партий с формальным членством. Лишь коммунистам удалось вовлечь в свою организацию свыше ста тысяч человек. Можно понять тех, кто утверждает, что участников политической жизни в XX столетии не стало больше в сравнении с временами Луи-Филиппа, когда избирательным правом пользовались только богатые. Шарль Морра не был беспристрастным наблюдателем, но его предположение о том, что реально вовлечены в политическую деятельность лишь двадцать или тридцать тысяч человек, содержит рациональное зерно† Виконт д'Авенель, весьма авторитетный историк общества и аналитик, чьи труды очень высоко оценивались на рубеже XIX—XX веков и о котором, наверное, незаслуженно забыли, свою книгу «Французы» начал так: «В жизни каждого из нас политика не занимает того места, которое ей отведено в газетах и разговорах, по внешней стороне жизни нации. По сравнению с частной жизнью, общественная жизнь людей крайне скудна. Перемены в правительстве не влияют, как принято считать, на наше благополучие, материальное или духовное состояние или на происходящие с нами несчастья. К ним не относятся с равнодушием, но, в конце концов, все это значит не слишком много. К счастью, в целом люди не очень обеспокоены политикой. Если бы было наоборот, народы были бы неуправляемы»‡. Можно оспаривать выводы д'Авенеля, однако его утверждения до некоторой степени подкрепляются данными выборов и опросов. Между 1815 и 1846 годами явка на выборы, несмотря на то, что право голоса

* *Fougeyrollas P.* La Conscience politique dans la France contemporaine. 1963. P. 144. О результатах опросов см. *Sondages* (отчеты, периодически публикуемые Французским институтом общественного мнения).

† *Maurras C.* Enquête sur la monarchie. 1900. P. XCII.

‡ *d'Avenel G.* Les Français de mon temps. 1904. 1.

имели лишь немногие, иногда достигала 30%, и лишь однажды, в 1830 году, эта доля снизилась до 10%. После революции 1848 года в апреле от участия в выборах уклонились 16%, однако к декабрю, во время президентских выборов, эта доля выросла до 25%, а в мае 1849 года — до 35%. При Наполеоне III количество уклонявшихся от выборов первоначально составляло 37% и постепенно упало до 18% в 1870 году. Во время Третьей республики в 1881 году неявка составляла не более 30%, в 1893 году — 29%, в 1898 году — 27,7%, в 1910 году — 27,5%, но в период ожесточенных предвыборных кампаний, когда происходили столкновения по различным острым вопросам, процент падал до 20, как, например, это было в 1881, 1902, 1906 годах. Однако в целом количество уклонявшихся от выборов уменьшилось и в 1930-е годы составляло 15–16%. Хотя некоторые и приветствовали эти цифры как свидетельство того, что растущая аполитичность населения (столь заметная по газетам) является мифом, во времена Пятой республики доля уклонявшихся вновь возросла до 22–24%, а на выборах 1962 года вплотную подобралась к 31%. Эти данные, вероятно, должны быть уменьшены на 5% (с учетом погрешности в подсчете голосов и тех, кто физически не мог принять участие в голосовании) для того, чтобы вычислить процент тех, кто уклонился от выборов по собственной воле. Однако эти данные нужно также сравнить с количеством не являвшихся на местные выборы, которое в 1937 году составляло 40%, в 1952 году — 43%, в 1955 году — 38%. Эти данные представляют ситуацию по стране в целом, в некоторых же округах не голосовало большинство, доходящее до 60%.

Французы едва ли не с XVIII века обладают репутацией людей, живо интересующихся политикой. Можно, однако, утверждать, что после 1848 года политика перестала быть основным увлечением населения. «Люди занимались политикой, обсуждали политические вопросы в разговорах и газетах; они публиковали памфлеты и иногда даже серьезные книги. Но какой же наблюдался интеллектуальный контраст с XVIII столетием, когда политика целиком поглощала великие умы, а книги о государстве и его законах становились бестселлерами!» В XIX веке большинство великих мыслителей, таких как Сен-Симон и Прудон, были врагами политики и стремились свести влияние государства к минимуму. Демолен написал книгу, озаглавленную «Стоит ли захватывать власть?». Вплоть до 1930-х годов молодые интеллектуалы мечтали писать стихи и романы, а не следовать примеру Аристотеля и Токвиля. Престиж политики был гораздо ниже престижа литературы или науки. Лишь после 1945 года французская политическая наука утвердилась как действительно независимая дисциплина*. Во время опроса, проведенного в 1959 году, лишь 9% опрошенных согласились с тем,

* Revue internationale d'histoire politique et constitutionelle. 1957. 7. P. 1–119.

что очень интересуются политикой, 47% ответили, что политикой интересуются мало, и 42% — что не интересуются вообще. Среди 9% наиболее интересующихся политикой людей мужчин было вдвое больше, чем женщин (12% мужчин и 6,5% женщин; 52% женщин по сравнению с 32% мужчин ответили, что они вообще не интересуются политикой). Очень интересовались политикой 35% управленцев высшего звена, 22,5% представителей свободных профессий, 15% управленцев среднего звена, 14% сельских хозяев, 13% младших служащих в сфере бизнеса, 12% ремесленников, 7% городских и 6% сельских рабочих. Для квалифицированных городских рабочих такая цифра составляла 9%, а для неквалифицированных — 3,5%. В том же году (без сомнения, поворотном для истории Франции) 89% опрошенных ответили, что они не посещают никаких предвыборных митингов, 54% не удосуживаются обратить внимание на агитационные плакаты, а 35% не слушают никаких политических передач. Лишь 19% ответили, что регулярно читают в газетах политические статьи, однако 21% не читал их никогда. Кажется невероятным, что в XIX веке у населения, имевшего гораздо меньше свободного времени и отличавшегося значительно более высоким уровнем неграмотности, интерес к политике был выше.

В нынешнее время уклонение от политической деятельности зачастую само по себе является во Франции политическим актом. В частности, некоторые консерваторы высказывают мысль о том, что партии разрушают страну; если они и поддерживают парламентаризм, то делают это, по их словам, с неохотой и лишь затем, чтобы восстановить разрушенное политиками. Им не нравится сам термин «партия», они предпочитают образовывать «движения», «союзы» и «объединения». Наполеон III превратил критику партий в один из главных пунктов своей программы: по его словам, партии парализуют реформы и занимаются лишь агитацией, вместо чего он выдвинул лозунг возвращения к порядку и согласию. В 1940 году Петэн осудил бесплодные свары партий Третьей республики, стимулировавшие лихорадочный всплеск личных амбиций и идеологических страстей и постоянно приводящие к расколам. Мишель Дебре, премьер-министр в администрации де Голля, подобным же образом защищал деполитизацию общества, утверждая, что выведение насущных проблем из поля партийных дискуссий очень важно для государственных интересов. Сторонники технократии, начиная с Сен-Симона и Конта, были противниками ничем не ограниченной политической деятельности. Государственные чиновники, армия, определенные деловые круги — все они в той или иной степени проявляли неприязнь и недоверие к политике как к чему-то непорядочному и бесполезному. Даже представители слоев, ратовавших за нравственность и образование, слоев, которые республика с таким трудом

привлекла на свою сторону и которые, как предполагалось, должны были прививать своим детям патриотизм, не выказывали иного отношения. В начале 1960-х годов среди детей был проведен опрос о том, кто из исторических личностей принес Франции наибольшую пользу. 48% назвали Пастера, 20% — Людовика Святого, 12% — Наполеона, 9% — де Голля, 4% — Кольбера, 2% — Людовика XIV, 1% — Гамбетту и 1% — Робеспьера. Наиболее популярные личности — отнюдь не политики*

Более того, те люди, которые интересовались политикой, не всегда вникали в политические проблемы. В сельской среде политика иногда являлась лишь способом проведения досуга, люди увлекались ею во избежание скуки, особенно там, где существовал сельский средний класс, имевший свободное время и определенные притязания. На юго-западе страны политическая жизнь носила идеологический характер, но содержала также и элемент игры, особенно в регионах с автаркической экономикой, где результаты выборов и мировая политика имели менее важные последствия, чем капризы погоды. На западе, где социальная структура имела более строгую иерархию, борьба за смену старой элиты новой приобретала более ожесточенный и яростный характер, так как традиционные господствующие слои и общепринятое мировоззрение оказались поставлены под сомнение одновременно. В некоторых деревнях в результате соперничества семей, кланов и их приверженцев произошло четкое размежевание политических группировок, с неистощимым коварством продолжавших под разными замысловатыми ярлыками борьбу за влияние и престиж.

Когда результаты выборов становятся известны, их значение нелегко оценить. При той системе голосования, которая была принята в течение большего срока существования Третьей республики, большинство избирателей не получали представительства в парламенте. Например, в 1881 году за избранных депутатов было подано 4,5 миллиона голосов, а за прочих кандидатов — 5,6 миллиона†. Неравная нарезка избирательных округов усугубляла разрыв между общественным и парламентским мнением‡. 49% опрошенных в 1963 году людей не считали, что какая-либо партия способна отстаивать их интересы§.

Изучение политического поведения, несмотря на все авансы, особенно выданные в последние десятилетия, по-прежнему находится в зачаточном состоянии. Механизм восприятия людьми политических убеждений, влияния родителей, школы, групп равных по положению людей и все более разнообразного давления, которому подвергается человек, до сих пор не был удовлетворительно объяснен. В США, как утверждается, выбор между партиями делается детьми в самом раннем возрасте. Во французском обществе партии не занимают такого места, однако разногласия по вопросам общенационального значения четко проявля-

* *Meynaud J., Lancelot A.* La Participation des Français à la politique. 1961; *Vedel G.* La Dépolitisation. Mythe ou réalité. 1962; *Charnay J.-P.* Le Suffrage politique en France. 1965. P. 180; *Roig Ch., Billon-Grand F.* La Socialisation politique des enfants. Contribution à l'étude de la formation des attitudes politiques en France. 1968. P. 64.

† *d'Eichtal E.* Souveraineté du peuple et gouvernement. 1895. P. 204. Данные по 1885, 1889 и 1893 гг. сходны.

‡ *Colleret J. M.* Lois électorales et inégalités de representation en France 1936–1960. 1960.

§ Sondages. 1963. 2. P. 69.

ются уже в школе. Достойно исследования взаимодействие политики и семьи как организации — моделей власти, прививаемых в детстве — с последующим поведением человека. Между тем политическая жизнь Франции не может рассматриваться лишь как столкновение двух или даже множества идеологий. Действительно, если исходить из того, сколько политика значила для масс, может показаться, что ей не стоит уделять слишком много внимания. Но если допустить, что идеологическая борьба символизирует или вскрывает иные конфликты, то необыкновенное богатство политического материала может привести к догадкам, на которые не натолкнуться, обратившись к другим источникам. Существуют определенные границы того, что историк может узнать о семейной жизни, но многообразие политических архивов и газет практически неисчерпаемо. Изучая политическую жизнь, историки пытаются познакомить читателя с одним из способов, каким французы выражали свой характер, стремления и разочарования. Идеи и виды деятельности, порожденные политикой, увлекательны сами по себе, однако весомая доля их значимости и доступности пониманию зависит также и от рассмотрения их как частей единого целого. Связи между различными сторонами жизни неуловимы, но именно благодаря их поиску история приобретает универсальное значение.

Глава XV КОРОЛИ И АРИСТОКРАТЫ

История роялизма после 1848 года весьма драматична: тайные заговоры, тяжелые кризисы, затяжное соперничество. Среди лидеров роялизма были самые разные персонажи: колоритные экстремисты, энергичные и мужественные агитаторы, а также люди, совершенно лишенные чувства реальности. Судьба роялизма на персональном уровне обычно рассматривается как результат личных ошибок, неудачного руководства и упущенных возможностей. В 1873 году казалось, что монархия *почти* восстановлена; в 1889 году Буланже *почти* осуществил монархический государственный переворот. Согласно этой интерпретации, Франция вновь могла стать монархией, если бы не ошибки и разногласия роялистских лидеров. В настоящей главе мы зададимся вопросом, какова была роль случая в том, что для многих людей стало главной трагедией того времени. Мы попытаемся проанализировать, почему лидеры действовали именно так, а не иначе, где и как они приобретали поддержку и по каким причинам ее утрачивали, а также долго ли могла продержаться монархия в случае ее реставрации. Изучая эти вопросы, можно охватить взглядом те слои общества, которые были поглощены значительно более сложными проблемами, нежели вопрос преданности наследственной монархии.

Роялизм был движением, имевшим цели гораздо более широкие, чем простое восстановление монархии, и опиравшимся на значительно более мощные силы, чем безнравственный двор и разлагающееся дворянство, сожалеющее об утраченном престиже. Его историю нельзя просто сбросить со счетов как историю неудач. Действительно, к 1890 годам роялизм перестал быть влиятельной политической силой, его возвращение к жизни в лице «Аксьон Франсез» в XX столетии было делом незначительного (хотя и шумного) меньшинства, а сегодня, если смотреть с чисто практической точки зрения, он мертв. Однако люди, вовлеченные в это движение, сражались не просто за форму государственного устройства или идеологию. Парадоксальным образом многие

из тех, кто делал все возможное для восстановления власти короля, в действительности были его злейшими врагами. В XIX веке дворяне Бретани были известны своим упорством, с которым они отстаивали дело роялизма, но столетием раньше они находились среди главных врагов короля. Дело не в их непоследовательности: и в том, и в другом веке они прежде всего выступали за такое распределение политического и местного влияния, которое помогло бы установлению власти элиты над провинцией. В XVIII столетии они видели своего врага в короле, после Революции они полагали, что республика является более опасной угрозой. Роялизм мог быть элементом борьбы за децентрализацию, за объединение государства, за эволюцию правящего класса в рамках этого государства, он служил средством, с помощью которого заинтересованные в обладании властью балансировали между Парижем и провинцией. Если взглянуть на события с этой точки зрения, то дело роялистов не было полностью проиграно. Республика в той форме, в которой она в конечном итоге восторжествовала, не одержала чистой победы над этим движением против государства; наоборот, республика победила в частности и потому, что поглотила это движение. *La république des camarades** начиналась с распространения своего влияния и ограничения центральной власти. Она положила конец власти аристократии, однако, заменила последнюю новой элитой, из которой наследственный элемент не был полностью исключен. Страсти зашли так далеко, что ни одна из сторон уже не могла признать наличия между ними чего-то общего, но борьба за монархию не была борьбой естественных союзников против прирожденных врагов, как могло бы показаться.

Одним из общеизвестных и основных конфликтов среди роялистов был конфликт между легитимистами и орлеанистами: приверженцами старшей ветви династии, лишенной трона в 1830 году, и сторонниками младшей, представленной Луи-Филиппом, свергнутым в 1848 году. Вспоминая, однако, о первых, следует отметить, что не всегда придавалось значение делению самих легитимистов на три различные группы, каждая из которых отстаивала свой путь реставрации монархии. Во-первых, существовала группа сторонников насильственных действий. Они были преемниками шуанов времен первой Революции, которые вели гражданскую войну против революционных правительств и Наполеона и верили, что король и дворянство по-прежнему способны призвать под свои знамена (главным образом, на западе страны) 100—200 тысяч человек, которые смогут вернуть «королевские лилии» в Париж. Этих сторонников «теории заговора» возглавлял герцог де Кар, «невысокий, коренастый, энергичный и неразговорчивый человек, мечтатель, тем более привязанный к своим химерам, что поверял он их лишь тем, кто, как он знал заранее, их одобрит... Внешне холодный, хотя глубоко внутри

* Республика товарищей (Фр.).

пылкий до безрассудства, настолько сдержанный, что казался непроницаемым, он отличался неутомимой активностью и являлся врагом как салонов, так и парламента. Он никогда не был вхож в высший свет и наносил визиты своим преданным друзьям в 5 или 6 часов утра»*. Его стратегия была опробована в 1832 году герцогиней Беррийской, однако тогда подготовка к запланированному на этот год восстанию была обнаружена раньше, чем оно вспыхнуло, сам же замысел заговора, не будучи окончательно забракован, продолжал существовать. Облегчение связей с Бретанью и Вандеей в результате прокладки новых шоссейных, а затем и железных дорог, размещение гарнизонов на некогда труднодоступных территориях, экономическое развитие, вновь вернувшее населению благосостояние, породившее новые классы и новые связи между знатью и народом, вскоре создали условия, отличные от тех, которые господствовали во времена контрреволюционных выступлений. Однако роялисты, продолжавшие старую традицию, еще долго действовали здесь. Они отождествляли себя с абсолютистской доктриной, но изложение ее не было их сильным местом.

Во-вторых, существовала легитимистская фракция в парламенте, убежденная в том, что монархию можно и нужно восстановить законным путем, то есть участвуя в выборах и завоевав на них большинство. Ее лидер Беррье даже не был дворянином. Вообще говоря, его едва ли можно считать французом. Он был выходцем из Лотарингии, а то и из Германии — фамилия его отца была Миттельбергер. Но так же, как английские тори купили поместье ирландцу Берку, легитимисты сделали Беррье провинциальным дворянином. Беррье, хотя и несколько забытый сегодня (из-за того, надо полагать, что никогда не занимал никаких должностей), в свое время считался наиболее влиятельным оратором века, того века, который расценивал ораторское искусство как одно из самых важных дарований политика. «Тот, кто никогда не слышал Беррье в его лучшие времена, не знает, что такое красноречие»†. На протяжении 38 лет (1830–1868) Беррье возглавлял значительную группу легитимистов, избиравшихся в парламент, несмотря на приказы претендента не участвовать в выборах. Он выступал за конституционную монархию, хотя обстоятельства никогда не позволяли понять, насколько либеральной он ее видел. Один из его соратников, граф де Фаллу, написал книгу, восхвалявшую Людовика XVI как человека, действительно понимавшего свое время. В ней он намекал, что целью этой фракции было восстановление Старого порядка, но реформированного по намеченному Тюрго (еще одним героем фракции) плану. Легитимисты не в состоянии были ясно сформулировать свои цели.

В-третьих, выделялось левое крыло, «народный легитимизм», в определенной степени предшественник радикальных

* *Comte de Falloux.* Mémoires d'un royaliste. 1888. I. P. 222.
† *Ollivier E.* L'Empire libéral. T. 1. 1895. P. 439.

тори. Его тактика заключалась в таком же «одурачивании вигов», а именно в перехвате инициативы у левых и восстановлении монархии путем референдума, то есть законным, но не парламентским способом. Методы напоминали методы некоторых радикальных республиканцев, так что народный легитимизм склонялся к образованию альянса с последними. Эти легитимисты были в числе первых, кто требовал расширения избирательного права, адресуя свою пропаганду массам и надеясь на их союз с дворянством против буржуазии. Их лидер, аббат де Женуд, был редактором «Gazette de France». Этот выдающийся человек опять-таки не соответствовал стереотипу аристократа. Он сколотил большое состояние во времена Реставрации, что после 1830 года позволило ему финансировать свою газету. Священником он стал после смерти жены. Не имея ни тонзуры, ни сутаны, он проповедовал, используя для этого передовицы своей газеты, которые он зачитывал с готовых оттисков перед публикацией в утреннем номере. Его единомышленник маркиз де ла Рошжаклен, племянник видного вождя шуанов, бывший кавалерийский офицер, ставший после 1830 года промышленником, даже выступал в защиту народовластия и сделал своим главным требованием проведение референдума по вопросу выбора республиканской или монархической формы правления. При Наполеоне III, воспользовавшимся таким обращением к народу, он, заслужив обвинение в предательстве интересов своей партии, согласился стать сенатором. Его пример служит хорошей иллюстрацией того, что противостояние партий было не столь уж острым*

Раскол легитимистов на три группировки бросается в глаза главным образом при взгляде на их лидеров, однако если углубиться в изучение менее известных персоналий, можно отметить еще большее разнообразие. Прежде всего, существовали глубокие различия между легитимистами разных регионов, различия, которые в фигурах вождей проявлялись лишь частично. Так, на западе страны легитимизм имел влияние преимущественно в сельской местности, находя подпитку в тесных отношениях дворянства и крестьянства, скрепленных церковью, но почти без участия прессы. Его сила находила выражение в форме пассивного сопротивления. В противоположность этому на юге, где после 1830 года практически все государственные служащие сохранили свои посты, легитимисты были наиболее могущественны в городах. Их главной цитаделью была Тулуза, однако в сельской местности вокруг нее, где богатая «сельская буржуазия» успешно конкурировала с ними, дворяне не имели большого влияния. Легитимисты, будучи не чуждыми политике людьми, участвовали в предвыборных кампаниях с демагогическим пылом. В области Ним—Монпелье—Монтобан их решительную политическую позицию ожесточал конфликт с протестантами.

* *Alexandre d'Adhemar.* Du parti légitimiste en France et de sa crise actuelle. 1843; *Lacombe C. de.* La Vie de Berryer. 1894–1895; *Mazade C. de.* L'Opposition royaliste. 1894; *Murel C. T* French Royalist Doctrines since the Revolution. 1933.

В Марселе легитимизм приобрел иной оттенок, будучи основан не на традиционализме, а на союзе нескольких дворян и значительного большего числа деловых людей с народом — это была группировка, оппозиционная Парижу и государственным чиновникам. Одним из ее лидеров был Бешар, главный теоретик децентрализации; не случайно именно от этого округа Беррье постоянно избирался в парламент, где отстаивал либеральную интерпретацию роялизма. Легитимизм южных областей, лелеявших свою старую вражду, удачнее было бы называть реакционным или контрреволюционным. В Лионе же, наоборот, это движение существовало в виде респектабельного консерватизма, до того умеренного, что готово было сотрудничать с любым правительством, поддерживающим общественный порядок. В департаменте Нор легитимизм был тесно связан с католицизмом и проявлял себя в филантропии в той же степени, как и в политике*.

Какому же из всех этих видов легитимизма отдавали предпочтение претенденты на престол? Ответ — никакому. В этом заключался один из основных источников слабости монархистов, изматывавших себя тщетными попытками снискать благосклонность претендентов и постоянно сталкивавшихся с сопротивлением и препятствиями. Парадокс легитимизма состоял в том, что легитимистская партия непрестанно ссорилась с претендентом. Она хотела привести его к власти, но в то же время противилась применению им этой власти, так как ратовала за децентрализацию. Это не было единственной трудностью, связанной с вождями движения. Королевская власть и партийная организация не могли взаимодействовать друг с другом без трений. Чтобы выглядеть вождем нации, претендент считал необходимым обращаться с призывами к людям, не входящим в число его сторонников. Ему нужно было прилагать большие усилия, чтобы не попасть в зависимость от партии (эту угрозу сразу же почувствовала королева Анна после образования в Англии партий). Эти проблемы отступали на задний план перед необъяснимой преданностью, с которой легитимисты относились к претенденту на престол, преданностью, сопровождаемой критическим отношением к нему, но в течение долгого времени торжествовавшей над ним. Такая преданность была тем важнее, что список претендентов был крайне неудачным. Трудно было обожать Людовика XVIII, человека, тучного до полной потери подвижности, болезненного, эгоистичного, тщеславного, озабоченного главным образом состоянием своего здоровья, настроенного, если оно ему позволяло, против всех и вся и закосневшего в своей одержимости придворным церемониалом. Он вернул себе трон, что закрепило за ним репутацию прозорливца, которая вряд ли была заслуженной. С помощью умеренности и лавирования между партиями он намеревался сохранять свое положение верховного арбитра в политических спорах.

* *Tudesq A. J.* Les Grands Notables en France 1840–1849. 1964. 1. P. 130–236 (лучшее социальное исследование легитимизма, хотя в нем и рассматривается только время Луи-Филиппа).

Его неведение относительно положения дел в королевстве и перемен в общественном настроении было поразительным. Карл X был более привлекательной фигурой, отличался гораздо большей любезностью, пусть даже его природное человеколюбие граничило с робостью. В отличие от старшего брата он не был озабочен демонстрацией собственной важности, у него всегда и для всех находилось доброе слово. Он был способен завоевать настоящую привязанность окружающих, однако он также был невежествен и необразован. Искреннее стремление как можно лучше исполнять свои обязанности погубило его, ибо Карл не признавал компромиссов. Он был убежден в том, что оппозицию следует разгромить. Несмотря на всю его приверженность идее общественного благосостояния (в его собственном толковании), результаты правления Карла X были катастрофическими.

Граф де Шамбор (родился в 1820 году), бывший претендентом на трон в течение 47 лет, также плохо подходил на роль лидера. Воспитанный консервативными дворянами с узким кругозором, он, как свидетельствуют, обучался политэкономии, космографии, тригонометрии и ботанике и в силу этого якобы был восприимчив к новым веяниям эпохи, однако его «агиографы» также упоминают о факте, который, возможно, дает более истинное представление о его интересах. Он знал наизусть истории всех европейских королевских династий, даты правления монархов и свое генеалогическое древо вплоть до времен Древнего Рима. Утверждали также, что его наставники не преподавали ему историю после 1788 года. Как бы то ни было, главной страстью его была охота. В 1841 году он, упав с лошади, сломал ногу, и всю оставшуюся жизнь хромал. Шамбор не обладал особенно привлекательной внешностью — с возрастом он стал почти таким же тучным, как и Людовик XVIII — и был чрезвычайно волосат (или, как говорили придворные льстецы, «его волосяной покров был весьма развит»). Он был ленив и не слишком сообразителен, не мог ни завязать себе шнурки, ни повязать галстук; педантично соблюдал этикет эпохи Старого порядка и с религиозным пылом хранил в стеклянных ларцах реликвии Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Однако его двор был скорее убогим, нежели величественным. Граф обставил свои резиденции в весьма однообразном стиле, который разочарованные гости находили слишком буржуазным; отдыхал от охоты, играя ночами на пролет по большой в карты; обожал непристойные казарменные байки и анекдоты о евреях. Шамбору недоставало щедрости — пожертвования он делал только в том случае, если был к этому вынужден. Брак его был печален. Невеста, двадцатисемилетняя дочь герцога Моденского, была уродлива: одна половина ее лица была больше другой. Она отличалась крайне реакционными взглядами, находясь под влиянием некоего иезуита, который, как говорили,

разбалтывал все ее секреты; постоянной темой ее разговоров были паломничества. Двор претендента находился в Австрии, во Фросдорфе, где из-за отчаянной скуки его аристократическая свита занималась мелкими интригами и копировала церемониал двора Людовика XIV. Тем не менее сторонники графа де Шамбора, видевшие в нем не человека, а воплощение права, боготворили его, закрывая глаза на все недостатки, тупость и вульгарность. Решающее слово оставалось за человеком, на чьи личные качества его более способные приверженцы не обращали внимания.

Живя в Австрии, Шамбор без труда отстаивал свою независимость от французских легитимистов, но также пренебрегал и их советами. Вместо них политику определяли его постоянные спутники: граф де Блака, граф де Воссэй и, прежде всего, герцог де Леви. Убеждения Леви можно выразить словом «осторожность». Его главной целью было ограждение Шамбора от принятия каких-либо обязательств. И действительно, он внушал Шамбору необходимость постоянно заявлять, что он не будет принимать никаких важных решений, будучи претендентом, и что разрешение всех трудных вопросов откладывается до его восшествия на престол. Занимая такую позицию, нельзя было нажить себе много врагов, однако с ее помощью невозможно было и завоевать более широкую поддержку или симпатии народа. Но Шамбор не видел себя в роли агитатора. Он ждал момента, когда французы сами осознают свои заблуждения. Основной принцип, повторяемый во всех его декларациях, заключался в том, что наследственная монархия является «единственным убежищем, в котором они [французы] могут, наконец, обрести покой». Он уповал на возрождение религиозных чувств и желал, чтобы Франция «вверила свою судьбу» ему. Шамбор был уверен, что никакая другая форма государственного устройства не может укорениться во Франции, ибо лишь монархия имеет прочное нравственное основание, а нравственным он полагал отказ от личных устремлений ради предустановленного Богом порядка. Республика же подразумевала анархию в обществе и «поощряла все виды алчности и все формы утопий». Он предпочитал ждать, пока люди откажутся от своих эгоистических желаний. На его взгляд, монархия была почти тождественна религии. Перед реставрацией режима Франция, несомненно, должна была претерпеть какие-то кардинальные изменения, подобные тем, что и произошли в XIX столетии. Правда, время от времени Шамбор принужден был делать мнимые уступки своему времени. Он публично опроверг утверждения о том, что стремится к «безграничной власти». «Почему люди по-прежнему подозревают меня в стремлении быть королем исключительно привилегированного сословия или, пользуясь их словами, королем Старого порядка, старой знати и старого двора?» Он действительно питал надежду стать лидером всей нации

и обещал «не допускать произвола властей, обеспечить правопорядок и уважение к закону, искренность и справедливость во всех сферах жизни, прямое участие представителей провинций при обсуждении вопросов налогообложения и в законодательных органах, реальный контроль над расходами, нерушимость и святость собственности, свободы личности и вероисповедания, осторожную и постепенную децентрализацию администраций коммун и департаментов и беспрепятственный доступ к почестям и социальным благам». Однако эти обещания нейтрализовались противоречиями и оговорками. Хотя он и говорил о «строгом подчинении действий правительства тщательному контролю свободно избранных представителей», в то же время дал понять, что власть останется в руках короля. Он порой рассуждал о «разумной свободе», но гораздо чаще делал акцент на необходимости «сильной власти», так как приоритетами для него оставались безопасность, стабильность и порядок. Хотя он и отрицал желание возродить Старый порядок, но, по его словам, «никто, ни под каким предлогом не получит от меня согласия на то, чтобы я стал законным королем Революции», ибо революционный дух был главным препятствием на пути к свободе, как он ее понимал. Шамбор обещал децентрализацию отчасти ради предотвращения повторения 1830 года, когда государственный переворот в Париже в одночасье лишил династию трона, а отчасти для «создания среди нас естественной иерархии, соответствующей духу равенства». Это означало образование новой элиты из провинциальных нотаблей, призванной укрепить гибнущую аристократию. Он одобрял создание рабочих ассоциаций, понимаемых, однако, скорее в цеховом духе; они должны были стать «важной коллективной общностью с правом представительства и с возможностью быть услышанными». Правда претендент полагал, что они должны использовать это право лишь для получения «эффективной защиты» и перестать быть «орудием смуты и революции». Он обещал, копируя стиль Луи Наполеона, «маршировать во главе общественного движения», но лишь затем, чтобы «направить его по умеренному и полезному пути»; наконец, он выражал веру во всеобщий возврат к религии. «Работник-христианин» находился в центре его мечты о «возрождении общества». Шамбор был верным сторонником светской власти папы, так как «падение самой возвышенной власти на земле повлечет за собой падение и всех остальных режимов», однако он так стремился подчинить себе церковь во Франции, что запретил придворным обращаться к епископам «монсеньер» и велел называть их «мсье». «Монсеньером» мог быть только он один. Исходя из всего этого, современникам было не так легко понять, за что ратовал Шамбор, и их подозрения относительно его стремления вернуться к прошлому были небеспочвенны. Стратегия Шамбора никогда не находила четкого

выражения. Например, в его заявлении по аграрному вопросу говорилось, что страдания крестьян «заслуживают пристального внимания», однако там не давалось и намека на какое-либо практическое решение проблемы, так что когда Шамбор в 1871 году заявлял, что он желает «только восстановления религии, согласия и мира», для большинства французов это было одновременно и слишком мало, и слишком много*

Сомнительно, однако, что легитимизм обладал политической силой благодаря приверженности большого количества людей его идеологии. Те, кто советовал Шамбору отмалчиваться или делать туманные заявления, понимали, что легитимизм был скорее переплетением личных и социальных связей, нежели партией, имевшей программу. Костяк легитимистов образовывали дворяне. В этом видится еще одна коренная причина слабости легитимизма, так как в XIX веке дворянство считалось вымирающим классом. Это, впрочем, было не совсем верно. Несмотря на суровые испытания и тяжелые потери, дворянство пережило Революцию. В 1789 году насчитывалось около 12 тысяч семейств потомственных дворян, что составляло 60 тысяч человек. Плюс к этому было еще 100 тысяч человек, имевших дворянский титул без права передачи его наследникам. В середине XX века насчитывалось от 3600 до 4400 семейств (около 30 тысяч человек) дворянского происхождения. Кроме того, существовало также около 15 тысяч семейств, чье благородное происхождение было сомнительно, но в большинстве случаев общество принимало их членов за настоящих дворян. Таким образом, спрос на дворянские титулы не уменьшился и после Революции. До нее король мог получать весьма значительные доходы от продажи дающих дворянский титул должностей тем представителям буржуазии, которые стремились удовлетворить свое честолюбие и получить признание государства. В XVIII веке чиновники в судах и в финансовом ведомстве преуспели в получении подтверждений того, что занятие ими соответствующих должностей обеспечивает дворянский титул. Даже университетские доктора требовали получения дворянства на основании своих ученых степеней, но успеха, за исключением докторов папского университета в Авиньоне, не достигли. В наши дни пятнадцать семейств, будучи наследниками докторов права этого университета, носят титулы. Дворянство, несмотря на всю свою исключительность, долгое время оставалось классом, принадлежность к которому можно было купить или заслужить. Сегодня большая доля несомненных дворян обязана своими титулами таким приобретениям, сделанными их предками. Лишь 20% дворян могут проследить историю своих титулов до XV века и ранее. Еще 19% родословных уходят корнями в XVI век, а 17% — в XVII. Остается 40% тех, кто получил титулы в XVIII веке и позднее (20% в XVIII веке, 8% при Наполеоне и 12% в период

* *Pierre de Luz.* Henri V. 1931;
Comte de Chambord. Correspondance de 1841 à 1879. 1880 (5 ed.). P. 377, 395, 159–160, 283, 357, 209, 267, 396, 155, 330;
Monti de Rezé R. Souvenirs sur le comte de Chambord. 1930;
Brown M L. The Comte de Chambord. Durham (N. C.), 1967;
Damas M de Mémoires 1785–1862. 1922;
Belleval R. de. Souvenirs de ma jeunesse. 1895.

с 1814 по 1870 год)*. В 1848 году титулы были упразднены, а их публичное употребление запрещено, однако Наполеон III разрешил пользоваться теми титулами, чью подлинность можно было доказать. Его закон от 1858 года, вводящий штраф за фальшивые титулы, лежит в основе судебной практики по сей день. Многочисленные законопроекты по упразднению дворянских титулов, вносимые в парламент, проваливались. Наполеон III дал всем возможность получать подтверждение своих титулов после тщательной проверки комиссией министерства юстиции, за что взимались значительные сборы: пять тысяч франков за титул герцога, две тысячи — маркиза или графа. (Это только в случае титулов, полученных при Старом порядке. Для имперской аристократии подтверждение герцогства стоило только 200 франков, а баронства — 65.) Это оказалось хотя и небольшим, но полезным источником доходов, и Четвертая республика в 1947 году посчитала необходимым увеличить этот сбор, введя единую для любого вида дворянского достоинства ставку в 100 тысяч франков за титул. Таким образом, даже после падения монархии люди могли восстановить свое дворянское происхождение.

Кроме того, существовали легальные способы, с помощью которых можно было создать видимость благородного происхождения. Закон разрешал «исправление» свидетельств о рождении, и многие люди продолжали обращаться в суды с просьбой добавить к их имени частицу «де». Обладание этой частицей не служило законным подтверждением принадлежности к дворянству, но производило впечатление аристократического происхождения. Используя именно эту возможность, некий буржуа по имени Лоран Делатр в 1829 году вынудил суд в Пуатье «исправить» его имя (прибавив к нему название участка земли, которым он владел) на де Латр де Тассиньи, и лишь для того, возможно, чтобы выделиться среди родни. Именно из этого псевдодворянского рода и вышел знаменитый маршал. Точно так же в 1864 году некоему Мийону разрешили зваться Мийон де Монтерлан, затем это имя унаследовал писатель†. Война 1914—1918 годов предоставила дополнительные возможности для подобных метаморфоз, так как наследникам павшего на поле брани солдата позволялось прибавлять его имя к своему. Утверждалось, что такая мера позволила сделать дворянами больше людей, чем при Людовике XIV. Благодаря этому будущий министр Феликс Гайяр стал Гайяром д'Эме, а производитель готового платья Тьери стал носить имя Тьери де Берсеголь дю Мулен. Человеку, получившему известность под псевдонимом, разрешалось включать его в свое настоящее имя (например, Франц Винер в 1910 году стал зваться Франсуа Винер де Круассе). Известно, что вымирающие аристократические роды помещали объявления о поиске наследников, именно таким образом в 1864 году Ашиль Лакруа был усыновлен последним

* *H. Jougla de Morenas.* Noblesse 38. 1938. P. 101. Эти данные весьма приблизительны ввиду наличия многочисленных неточностей в генеалогических справочниках.

† *Анри де Монтерлан* (1896–1972) — французский писатель, автор романов «Сон», «Бестиарии», драм «Мертвая королева» и «Малатеста».— *Прим. ред.*

из Вимёров де Рошамбо и стал именоваться Лакруа де Вимёр де Рошамбо. Легко было изменить и написание имени, что позволило маршалу Франше д'Эспрею казаться дворянином, хотя его настоящая фамилия была Десперей. Лидер «Аксьон Франсез» Бо де Ломени получил частицу «де» лишь в 1923 году. Основатель федерации предпринимателей Comité des Forges Робер Пино с 1922 года стал носить имя Пино-Перигор де Вильшенон. Таким образом, несмотря на то, что монархии уже не было, государство продолжало жаловать дворянством. Республиканская власть не ужесточала законы, направленные против получения фальшивых титулов, и они плодились чаще, чем когда-либо. Также множество подлинно дворянских семей принимало титулы, на которые не имели никакого законного права. Различные ветви семейства Шамбрен ничтоже сумняшеся принимали титулы маркизов, графов и виконтов без достаточных, как показали специалисты в генеалогии, на то оснований. Но многие люди, не имевших никакой возможности притязать на какое-либо дворянское достоинство, подбирали себе титул ради освящения своих социальных амбиций. «Bottin Mondain»* позволял практически кому угодно заплатить вступительный взнос и поместить свое имя среди аристократов, изобретя себе титул и указав в качестве адреса какой-нибудь купленный замок или дом, который честолюбец желал бы называть замком†.

Такое сохранение и воспроизведение дворянства не было бы столь важным явлением, не сопровождайся оно сбережением, а во многих случаях и упрочением состояний дворян. Дворянство потеряло земли во время Революции, но, по-видимому, в гораздо меньшей степени, чем принято считать. До настоящего времени изучение богатств знати акцентирует внимание на эпохе Старого порядка, а надежной их оценки в послереволюционное время не существует. Опираясь на отдельные исследования, однако, можно предположить, что дворяне сохранили свою экономическую мощь. Так, в 1840-х годах было 530 избирателей, платившх свыше пяти тысяч франков налогов, и 228 из них были дворянами, а еще 78 имели претензии на дворянское достоинство. Из 58 избирателей, плативших свыше десяти тысяч франков налогов, дворянами были 39 человек. Правление Луи-Филиппа, считавшееся триумфом буржуазии, по-прежнему имело весьма ощутимый аристократический элемент‡. Судьба богатств дворян на протяжении XIX века изучалась на примере департамента Луара и Шер. Здесь между 1848 и 1914 годами знать потеряла лишь около 10% своих земель. Мелкая земельная собственность значительно расширилась, но лишь отчасти за счет земель, принадлежавших дворянству. Не стало нескольких дворянских семейств, имевших крупные поместья, однако в большинстве случаев не смогли выжить мелкопоместные семьи. В отдельных комму-

* Справочник аристократических родов Франции.

† *Henry Bellamy.* Vraie et fausse noblesse // Le Crapouillot. 1937. Mar.

‡ *Tudesq A. J.* Les Grands Notables en France 1840–1849. 1964. 1. P. 431.

нах дворянская собственность сократилась на 10—50%, однако наиболее могущественные семейства укрепили свое положение. Так, например, крупнейшее имение департамента — свыше 5000 гектаров — в 1914 году по-прежнему принадлежало семье графа де Шамбора. Граф де Ларош-Эймон унаследовал имения принца де Шале-Перигора и, добавив свои 600 гектаров, стал владельцем 4500 гектаров земли. Герцог де Ларошфуко-Дудовиль объединил в своих руках 1100 гектаров с наследством герцогини де Монморанси, составлявшим 3200 гектаров. Маркиз де Вибрэй между 1848 и 1914 годами удвоил свои владения. Принц де Брольи, новый в этой местности землевладелец, купил собственность семейства д'Эшегуайен и продолжал округлять свои владения, так что к 1914 году обладал 2079 гектарами*.

Состоятельные аристократы добивались успехов не только в сельском хозяйстве. Многие дворяне занимались промышленностью и финансами. В 1902 году 30% директоров железнодорожных, 23% директоров крупных сталеплавильных и банковских компаний были дворянами. В страховых компаниях, подвергшихся после войны 1939—1945 годов национализации, дворянами были 20% директоров. Новыми источниками капитала стали браки по расчету. Уже в середине XIX века в Париж прибыла богатая наследница из Америки. В 1887 году Шарль де Талейран-Перигор, герцог де Дино, разведясь с Элизабет Бирс Кертис, женился на Адель Сэмпсон, вдове Левингтона Стивенса, принесшей ему, как говорили, семь миллионов долларов приданого. В 1888 году герцог Деказ женился на мисс Сингер ради двух миллионов долларов. Граф Бони де Кастеллан сделался предметом пересудов, когда его невеста, Анна Гулд, принесла ему пятнадцать миллионов долларов приданого, хотя потом она развелась с ним и вышла замуж за другого представителя Талейранов — принца де Сагана. Наследницы Ротшильда достались герцогу де Грамону, принцу де Линю и принцу де Ваграму. Принц де Шалансон-Полиньяк вступил в брак с некой Мире, герцог де Ришелье — с Гейне, маркиз де Планси — с Оппенгейм, маркиз де Бретёй — с Фульд†. Таковы лишь отдельные случаи внезапного обогащения представителей класса, в котором происходила постоянная перетасовка состояний. В конце XIX века семейство Рошуар-Мортемар составило список из 124 знатных фамилий, с которыми оно состояло в родстве‡. Вероятность попадания дворянского наследства в руки человека незнатного происхождения оказывалась невелика.

Брак по расчету являлся значительной составляющей искусства быть дворянином, вот почему основная умственная деятельность дворянина зачастую состояла в изучении генеалогии и геральдики, фамильных титулов и документов, удостоверяющих права собственности. Дворянин должен был разбираться в том,

* *Dupeux G.* Aspects de l'histoire sociale et politique du Loir-et-Cher 1848—1914. 1962. P. 577.

† *Royer A. de.* Y a-t-il une noblesse française? P. 34—39.

‡ *Royer A. de.* Nous avons une noblesse française (1899—1901). 1. P. 188; *Louvencourt A. de.* Notices sur les familles nobles existant actuellement dans le département de la Somme. Abbeville, 1909.

от чего зависело так многое в его положении и доходах. Большие средства тратились на доказательство своего дворянства, наем так называемых экспертов, проводивших изыскания, и публикацию многочисленных трудов, разбиравших запутанные родословные; в сходной манере в Англии XVII века действовали выскочки-джентри. В результате дворянство, по общему мнению, с чрезмерным эгоизмом концентрировало внимание на своих семейных проблемах, однако для этого имелись веские основания. Сохранение и приумножение славы своих предков было неизбежно для класса, чья исключительность носила наследственный характер. Забота об образе жизни становилась все более насущной после потери возвышавших благородное сословие фискальных и феодальных привилегий, которые, помимо прочего, помогали контролировать непокорных детей. Дворянство ассоциировалось с культом семьи, но именно в его среде наблюдались наиболее ожесточенные и страстные внутрисемейные конфликты. При Старом порядке для упрочения власти над детьми очень часто использовались *lettres de cachet** В XIX столетии родители взывали к церкви и школе в надежде на помощь в привитии детям послушания (правда, успех был весьма относительным).

Объяснять живучесть легитимизма поддержкой дворянства значило бы оставить без ответа многие вопросы. Дворяне из поколения в поколение были врагами короля, чьи меры по централизации власти они ненавидели, народа, который долгое время угнетали непомерными поборами, и буржуазии, чьей властью в городах возмущались и чьей образованности опасались. Союз различных классов под знаменем легитимизма не был обусловлен ни естественно, ни исторически, и это являлось существенной слабостью легитимизма. Даже представители духовенства, вместе с дворянами принадлежавшие к роялистскому лагерю, долгое время соперничали с ними. При Старом порядке конфликты не выходили на поверхность, проявляясь в основном в неизбежных мелких стычках за господство в деревне, за десятину (право на которую узурпировали дворяне), в неприятии какого-либо вмешательства епископа. Альянс церкви и аристократии в XIX веке был скреплен возвращением последней к религии, но он также может рассматриваться как тактический союз, порожденный революционным террором и осознанием того, что только единство поможет сохранить власть обоих сословий над массами. Со временем церковь поняла, что такой союз отнюдь не является нерушимым (это справедливо и для союза дворянства с королем). Да, старые соперники объединились против общего врага — республики. Однако дворяне со временем научились получать от республики то, что хотели, превратившись в вельмож нового типа в псевдоэгалитарном обществе. Укрепление экономических позиций богатой аристократии в XIX столетии

* Королевские приказы о заточении в тюрьму или изгнании без суда. — *Прим. ред.*

неизбежно вело к измене делу монархии, даже если на словах приверженность ей сохранялась. Мелкие дворяне, которым к началу XX века стало трудно жить на доходы от поместий, смирились с централизованным государством и заняли должности на государственной службе. Хотя в основе своей дворянство всегда выступало за децентрализацию, в его среде никогда не наблюдалось единства по этому вопросу. Младшие сыновья, лишенные земли, поступали на королевскую службу и порой возвращались в родные места с целью претворения в жизнь государственной политики, направленной против их семей. Кто — государство или аристократия — брал верх на той или иной территории, зависело от политической конъюнктуры, экономического могущества местной знати и оценке соперничающими сторонами сил друг друга. Если «влияние» местной знати внушало государственным чиновникам опасения, то последние предпочитали наладить с ней отношения и оказаться под ее покровительством. Когда говорили, что определенными областями Франции правит аристократия, подразумевали именно это, но такое положение было обусловлено только робостью тех, кто находился на службе государства.

В век всеобщего избирательного права власть дворян в конечном итоге зависела от того, смогут ли они заставить народные массы голосовать за себя. У бедноты было множество причин избавиться от гнета своих бывших хозяев. Легитимисты, особенно дремучие провинциалы, опасались прогресса и модернизации, образования, роскоши и материальных благ, источниками которых были города. Как писал печатный орган легитимистов «Gazette de France»: «Их досуг омрачал призрак ужасной реакции пролетариата». Ларошфуко, герцог де Дудовиль, в 1852 году в письме Наполеону III побуждал того сократить количество государственных стипендий для удержания амбициозных личностей, стремящихся получить лучшие рабочие места, от развязывания революций*. С другой стороны, во многих районах дворяне сохраняли власть над крестьянами благодаря опеке над ними. Даже если это в какой-то степени могло казаться обидным, то все-таки дворяне, будучи членами местного сообщества, еще долго воспринимались как надежные защитники от опасных, неизведанных сил внешнего мира. Освобождение крестьян от власти дворян происходило лишь тогда, когда крестьяне либо интегрировались в жизнь наций, либо образовывали собственные институты, способные предоставить им ту независимость, которой они не могли добиться индивидуально. До тех пор дворяне могли требовать оказания подобающего им, как лидерам местных общин, почтения. Граф де Комменж описал свою юность, проведенную в замке в департаменте Верхняя Гаронна, где «обычаи оставались феодальными». Крестьяне, по его словам, были очень привязаны к его отцу, «хотя тот обращался с ними как с неграми» От них

требовали исполнения феодальных повинностей еще длительное время после их освобождения. «Когда моему отцу был нужен, например, строительный камень, то он оповещал об этом всех до последнего», и крестьяне считали своим долгом помочь ему*. Сохранение таких отношений зависело от способности дворян обеспечить крестьянам защиту и помощь. Возвращение дворян в свои владения после 1830 года укрепило их связи с крестьянами, ибо такой патронаж представлял собой нечто большее, чем простой экономический контроль над арендаторами.

Влияние легитимистов больше, чем от чего-либо другого, зависело от рода их деятельности. На западе они были заметны в сельском хозяйстве, в общественной жизни, в коммунах. На юге в основном участвовали в заговорах — там дворяне поднаторели в организации тайных обществ. Они имели различные названия, но то общее, что у них было — иерархическая структура, тщательно разработанные ритуалы и секретность,— зачастую оказывалось таким же увлекательным, как и у революционных групп. «Великое приорство» на юго-западе страны включало целую сеть «малых приорств», возглавляемых богатыми людьми, однако туда без всякого взноса принимались и бедняки, при условии принесения клятвы повиноваться приказам и хранить тайну. Часто там раздавалось оружие†. Иногда в легитимистские организации превращались и масонские ложи. В департаменте Воклюз они называли себя «Ассоциацией друзей порядка», состояли из легионов, центурий и декурий, готовых к вооруженному восстанию. Такие клубы действовали наиболее успешно там, где они существовали на фоне деревенских раздоров, семейной вражды и религиозных конфликтов. Во многих деревнях создание этих клубов приветствовалось не столько по идеологическим причинам, сколько из-за того, что республиканскому клубу требовался противовес. Вопрос о государственном устройстве — должна ли Франция быть монархией или республикой — превращался в ярлык, придававший респектабельность старой вражде. Создание подобных клубов обнаруживает не столько политические настроения, сколько клановую структуру провинции‡. В городах дворяне пользовались другим эффективным способом объединения самых разных людей: удовлетворяя их личные интересы, привлекали тех на службу роялистскому делу. Деятельности благотворительных обществ и обществ взаимопомощи зачастую придавалось политическое направление. Наиболее влиятельное из них, «Общество св. Венсана де Поля», к 1859 году насчитывавшее свыше 30 тысяч членов в 1300 филиалах, стало столь мощным орудием легитимистского возрождения, что Наполеон III его распустил. В него вступали лавочники, ремесленники, официанты, кучера, служители церкви, конторские служащие, слуги, а также немалое число фабричных рабочих. На выборах они часто выступали в роли мощной

* *Tudesq*. 1. P. 122.
† *Lesparre J.* Les Partis politiques dans la Haute Garonne à la fin de la monarchie de juillet // *Godechot J.* La Révolution de 1848 à Toulouse. 1948. P. 31–35.
‡ *Barnouin J.* Le Parti légitimiste en Vaucluse 1830–1883 (диссертация, библиотека Университета Монпелье).

армии пропагандистов, особенно в тех случаях, когда такие общества тесно сотрудничали с одержимым политической деятельностью духовенством. Представители среднего класса, если они присоединялись к аристократии, могли надеяться на доступ в ее салоны* Легитимизм обращался к самым разным формам снобизма и личной заинтересованности.

Однако существовало два ограничения. Во-первых, легитимисты не всегда могли скрыть свое снисходительное презрение к среднему классу, что противоречило их претензиям на звание открытой для всех общенациональной партии. Слишком многие из них ясно давали понять, что истинную добродетель можно найти лишь среди крестьян, а города являются источником порока и лицемерия. Во-вторых, они нерешительно пользовались возможностями, предоставляемыми государством, для укрепления собственного влияния. Шамбор приказал им всем уйти в отставку с занимаемых постов и выборных должностей. Некоторые так и сделали. Ничего не потеряли от этого лишь немногие из них, в большинстве же случаев они только предоставили своим противникам шанс соблазнить избирателей переходом к иным покровителям. Однако около половины легитимистов решили остаться *conseillers généraux*[†]. В 1852 году из 2500 избранных советников было 400—500 легитимистов[‡]. После 1848 года активнее всего легитимисты принимали участие в местной политике на западе Франции, и в 1950-х годах именно здесь их потомки становились мэрами.

Упадок легитимизма в определенной степени был результатом сдачи дворянами своих позиций традиционных лидеров. Это также оказалось следствием того, что государство и прочие институты перехватили инициативу и выдвинулись в качестве альтернативных лидеров. Дворяне были рассеяны по Франции крайне неравномерно. Насчитывалось свыше 30 департаментов, где дворян было настолько мало, что государству оказалось очень несложно монополизировать источники влияния, а для профессиональных политиков — освоиться с ролью посредников. Эта модель была перенесена и на другие территории. Там, где дворян удавалось столкнуть с другими силами или где они упускали политическую инициативу, их вскоре вытесняли. Процесс, благодаря которому массы стали повсеместно преследовать личные интересы, иногда проходил стремительно (пример такого полного переворота — 1848 год), но большей частью протекал медленно, по мере того, как новые обычаи устанавливались вместе со всеобщим избирательным правом. В некоторых регионах ведущую роль в устранении влияния знати сыграли бонапартисты, но даже они не были столь уверены в себе, чтобы увидеть, насколько слабым было это влияние. При Третьей республике, естественно, не было национальных партий, выставлявших кандидатов в каждом

* О католическом легитимизме и либеральном бонапартизме см.: Conflicts in French Society. 1970. P. 107—117. О союзе с рабочим классом см.: *Lefort D.* Le Parti légitimiste dans les Bouches du Rhône 1830—1848 (D. E. S., Aix-en-Provence, 1956).

† Генеральные советники (фр.).

‡ *Gough A.* French Legitimism and Catholicism. Oxford (диссертация, 1967). P. 127—128.

избирательном округе, поэтому избирателям зачастую не из кого было выбирать. Вот почему упадок влияния дворян проходил неравномерно и медленно*

Наличие способного вождя, возможно, отсрочило бы этот упадок. Опытные политики из среды легитимистски настроенного дворянства бурно жаловались на неспособность Шамбора сносно играть роль лидера. Они критиковали его за отказ откровенно высказываться по частным тактическим вопросам, за деспотическую власть над своими сторонниками и пренебрежение советами людей, обладавших значительно большим, чем у него, знанием французских реалий, за плохое руководство людьми, не имеющими шанса направить в нужное русло большой запас преданности ему, за отталкивание своих подлинно активных и рьяных сторонников чрезмерно осторожной и пассивной политикой, за неизобретательный пиар (поле деятельности, на котором Луи Наполеон показал, сколь многого можно достичь, прилагая весьма умеренные усилия). Шамбор стремился держать свои силы под постоянным контролем. У него был центральный комитет, состоявший из двенадцати человек,— так называемое Королевское бюро,— которое собиралось (или ему полагалось собираться) раз в неделю в Париже. Шамбор лично назначал членов Бюро, возглавлявшегося герцогом де Леви, а в отсутствие того герцогом де Каром либо генералом де Сен-Прие (копией де Кара, разве что более общительным и миролюбивым). Шамбор был весьма далек от того, чтобы считать комитет совещательным органом, возлагая на него исполнительные функции, претворение в жизнь его приказов и информирование о положении дел во Франции†. Во времена Третьей республики организация укрепилась. Франция была поделена на три региона, каждый из которых был поставлен под контроль определенного лица. В 1877 году эти части были объединены под руководством маркиза де Дрё-Брезе, через которого осуществлялась вся связь с Шамбором. Под его началом находились департаментские комитеты, состоявшие из двадцати человек, назначавшихся непосредственно Шамбором. Эти комитеты собирались каждые два месяца в административных центрах департаментов ради обсуждения политической ситуации, стратегии на выборах, сбора денежных средств и стимулирования создания местной роялистской прессы. Протоколы заседаний отсылались Шамбору. Там, где это было возможно, в округах учреждались подкомитеты со сходными функциями. Роялистское агентство печати рассылало директивы о том, какой линии следует придерживаться местной прессе. Этот орган был основан в 1848 году неким господином де Сен-Шероном, который каждый вечер отправлял в провинциальные газеты письма с сообщениями о политических новостях прошедшего дня. К 1867 году образовался консорциум из семи роялистских газет, подписавших-

* *Meyer J.* La noblesse bretonne au 18e siecle. 1966 (блестящее и наиболее полное диссертационное исследование дворянства этого периода).

† *Noailles.* Le Bureau du Roi. 1932. P. 96–99.



Карта 13. Мэры с дворянскими фамилиями в 1950-х гг. (источник: *Fauvet, Mendras.* Les Paysans et la politique. 1958. P. 35)

ся на получение его рассылок. Затем несколько состоятельных легитимистов объединились с целью сделать возможной отправку этой корреспонденции во все роялистские газеты страны, и эта практика сохранялась до 1883 года. В 1873–1883 годах к Correspondance St. Chéron добавилось агентство Correspondance A-Z (позже известное по названием Les Nouvelles), которое учредили парламентские депутаты-роялисты для передачи в региональную прессу обзоров парламентских дебатов, помимо которых вскоре стали рассылать и ежедневные передовицы для газет, не имевших средств для оплаты собственных авторов. Важной формой деятельности было и проведение банкетов, на которых легитимисты встречались друг с другом и привлекали сторонников. Принятие приглашения на один из банкетов, где произносили тост за здоровье короля, было одним из обычных способов вступления посторонних людей в ряды роялистов. Средств на мероприятия такого рода не хватало. Лишь в 1879 году была образована центральная партийная касса, причем на оригинальных

условиях, полностью отвечавших французским реалиям, так как было хорошо известно, что аккуратность уплаты взносов не принадлежит к числу черт национального характерах. Легитимисты призывались ссужать Шамбору деньги под 3% годовых, давая при этом обещание не требовать возврата денег до тех пор, пока Шамбор не умрет либо не взойдет на престол. Ясно, что до этого времени Шамбор мог распоряжаться деньгами по собственному усмотрению. Разъезжать по Франции для сбора этих взносов был назначен граф Артур де Руже. Таким образом, Шамбор создал национальную организацию, полностью находившуюся под его властью. Мятеж в ней произойти не мог*.

Революция 1848 года предоставила Шамбору реальные возможности, ибо она была триумфом легитимистов не меньше, чем республиканцев. Ламартин предложил Беррье пост министра в своем временном правительстве. По крайней мере сотня легитимистов была избрана в Учредительное собрание, что, однако, не составляло большинство без поддержки по меньшей мере орлеанистов, приверженцев Луи-Филиппа, которые были сторонниками конституционной монархии. Почему же этот союз так и не состоялся?

Теоретически орлеанисты расходились с легитимистами в четырех основных пунктах. Во-первых, в отличие от большинства легитимистов, они отрицали божественное происхождение королевской власти. Правда, они не впадали в другую крайность, утверждая, что власть должна принадлежать народу, по крайней мере, в 1830 году они подавили движение, выдвигавшее это требование. Подобно английским вигам в 1688 году, они постарались скрыть тот факт, что Карл X был свергнут с престола, объявив трон вакантным и в качестве законного наследника возведя на него Луи-Филиппа. Если власть и должна принадлежать кому-то, то, по мнению орлеанистов, это должен быть парламент. Таким образом (это второй пункт расхождений), они не хотели, чтобы король управлял страной единолично. Они значительно расширили полномочия парламента, наделив его правом законодательной инициативы, упразднили наследное пэрство и лишили Луи-Филиппа чрезвычайных полномочий, которыми в 1830 году воспользовался Карл X. Однако и между орлеанистами существовали разногласия по вопросу объема полномочий монарха. Луи-Филипп и Гизо полагали, что он должен принимать активное участие в управлении страной, тогда как Тьер и его сторонники желали, чтобы монарх царствовал, но не правил. Однако все они были согласны с парламентской формой правления. В-третьих, в 1830 году орлеанисты объявили, что католическая религия более не является государственной, а коронация не должна сопровождаться религиозными ритуалами. В их рядах было много атеистов и протестантов, хотя после 1848 года первые в большин-

* *Marquis de Dreux-Brezé* Notes et souvenirs. 1899. P. 24–30, 43–44, 55–63.

стве своем вернулись в лоно церкви или, по крайней мере, признали вклад религии в поддержание порядка в народных массах. Однако этот новый упор на роли религии был сделан уже в те времена, когда та теряла свое влияние на массы. В-четвертых, орлеанисты примирились с Великой Французской революцией, тогда как большинство легитимистов ее проклинало. Орлеанисты, несмотря на весь свой консерватизм, не были партией Старого порядка.

Говоря о личностях, следует заметить, что лидеры орлеанистов были людьми амбициозными, компромисса с которыми достичь было нелегко, даже если удавалось добиться принципиального согласия. В их среде можно было наблюдать огромное разнообразие характеров и убеждений. Часто орлеанизм кажется этаким миражом или хамелеоном. Одинаково нелегко определить его место в политической жизни и дать ему характеристику.

Луи-Филипп, несмотря на службу в революционной армии, не был радикалом. Его оппозиция старшей ветви питалась чувством личного соперничества в той же степени, как и принципиальными соображениями. Хотя он любил вспоминать молодость, он крайне редко говорил о Революции, так как воспоминания о ней его ужасали. Он не хотел разжечь пожар войны в Европе; самым большим желанием Луи-Филиппа было признание его короны другими европейскими монархами, и он надеялся добиться этого с помощью проведения консервативной внутренней и миролюбивой внешней политики. Ему очень нравилось быть королем: он испытывал страсть к власти и имел исключительно высокое мнение о своем таланте политика. Он полагал, что должен обладать властью еще и потому, что если он станет бессильным конституционным монархом и предоставит решение всех вопросов профессиональным политикам, то те ввергнут страну в ужасную смуту, революцию, войну, а он лишится престола. Вот почему Луи-Филипп так упорно боролся за свое влияние на политику, вот почему он увлекся политическими интригами, забыв о народе. Полагая, что его престол нуждается в поддержке Европы, он сконцентрировался на ведении внешней политики и читал только иностранные газеты. Будучи неудовлетворен своим положением конституционного монарха, он горько сожалел о том, что правила игры не позволяют ему произносить речи в парламенте. Для завоевания популярности он культивировал образ короля-буржуа. «Я знаю французов. Я знаю, как управлять ими»,— доверительно признавался он одному послу. Его зонт и знаменитый парик были рекламными приемами. Прогулки по парижским улицам без сопровождения и охраны — это не проявление буржуазного склада души, а обдуманный шаг очень храброго человека, ибо частые покушения на его жизнь делали его своего рода рекордсменом среди монархов. Настоящий буржуа оставался бы в таких случаях

дома. Маской простого человека он пытался замаскировать интриги и амбиции. Он искренне верил в эффективность лести как средства достижения целей, поэтому постоянно льстил своим министрам, а его буржуазное поведение льстило всей стране. У него был специальный служащий, ведавший картотекой, позволявшей Луи-Филиппу приветствовать каждого, с кем он встречался, дружескими расспросами о его семье. Он был отнюдь не буржуа, а одним из богатейших людей Франции, во многом благодаря наследству, доставшемуся ему от герцога де Бурбон-Пентьевра, незаконнорожденного сына Людовика XIV и одного из самых богатых людей своей эпохи. После Революции он посвятил много времени возвращению своих имений, в чем и преуспел в результате многочисленных тяжб. Свой досуг он в основном проводил за реставрацией обветшавшего дворца в Версале, которому он вернул былую славу своих предков. Он не верил в парламентское правление, посвятив свою деятельность предотвращению его укрепления, систематически пытаясь ограничить власть премьер-министра и сталкивая политиков друг с другом, в связи с чем им так и не удалось утвердить верховенство парламента над королем.

Самым выдающимся министром Луи-Филиппа был доживший до 1874 года Гизо — протестант с мрачным и пессимистическим мировоззрением, глубоко убежденным в слабости и несовершенстве человеческой природы. Он полагал, что XVIII век сильно заблуждался, провозгласив, что человек по природе своей благ и все в его силах. В правильном управлении государством Гизо видел исполнение божьей воли, а понимал он его как власть разума и справедливости, а отнюдь не народовластие, к которому питал отвращение. Его задачей было не выяснение народных чаяний, а поиск того, что является разумным; он верил в существование избранного меньшинства, обладающего способностью судить о том, что именно разумно. В его глазах власть крупной буржуазии была оправданна, так как это была власть людей достойных, требовавших не того, что они хотят, а лишь того, что они вправе хотеть. Они олицетворяли господство долга и справедливости, а не воли и прав своеволия и привилегий. Хотя Гизо и приобрел известность как теоретик представительного правления, разумел он под этим вовсе не добровольное делегирование прав, а, напротив, исключение индивидуальной воли из сферы власти и предотвращение введения всеобщего избирательного права и установления народовластия. Для него свобода означала справедливость. Он делал различие между политическими и личными правами. Все люди равны в том смысле, что они обладают одинаковым правом получать защиту от государства и вести себя так, как они считают нужным, при условии, что они не будут ограничивать права других людей. Но политические решения касаются

и других судеб, а не только твоей собственной, поэтому приниматься они должны лишь теми, кто имеет надлежащую подготовку. Гизо смешивал законность и свободу. На его взгляд, свободой должна называться покорность воле Бога, а не человека, так что революция 1830 года породила не новые права, а угрозу анархии. Хотя Гизо признавал необходимость революций 1789 и 1830 годов, он полагал, что они исполнили свое предназначение и революционный дух должен погаснуть. Его знаменитый лозунг «Обогащайтесь!» расшифровывается как призыв заслужить свободное время и качества, нужные для того, чтобы стать одним из избранных, способных мыслить. Эта философия диаметрально противоположна материализму, за который ее часто принимают. Главная реформа Гизо осуществлялась сфере образования, так как оно является дорогой к знаниям и разуму, однако он проводил эту реформу не с желанием превратить крестьян в образованных людей, а скорее с намерением исправить их нравы, объяснив, почему они должны довольствоваться своим жребием. Задача государства состоит не во вмешательстве в общественный или экономический порядок, а в обеспечении такой свободы, в рамках которой может осуществиться Божья воля. «Истинное достоинство институтов власти состоит в том, чтобы призвать граждан к несению тех обязанностей, которые они способны исполнять». Гизо нелегко было склонить к компромиссу. Его теоретические воззрения можно интерпретировать как рационалистическое оправдание устоявшегося порядка. Он был доктринером, возведшим случайность в принцип и достигшим влияния благодаря аргументам, позволявшим успокоить совесть богача. Возможно, он был близоруким политиком, но из этого нельзя делать вывод о том, что он пребывал в полном отрыве от своей эпохи. Революцию 1848 года, перевернувшую всю его систему, он прокомментировал так: «Господь сказал свое слово»*

Существует огромное различие между тем, как орлеанисты действовали, и тем, какие цели они ставили перед собой. При Луи-Филиппе орлеанизм был авторитарным, опиравшимся на тонкий слой избирателей-собственников движением, в рамках которого король, парламент и министры осторожно вели борьбу за верховенство, при этом отсутствовала какая бы то ни было партийная структура и полный произвол на местах. После 1848 года орлеанисты выступали за либерализм, парламентаризм и подражание Англии†. Их противники осуждали это движение за обслуживание интересов самовлюбленного среднего класса, материализм, робкую внешнюю политику и социальную близорукость. В каждой характеристике имеется рациональное зерно. Орлеанизм у власти и вне нее выглядел совсем по-разному. Если его суть определить с помощью выражения *juste milieu*‡, символизировавшего приверженность компромиссам, то можно сказать, что

* Ценный обзор обширной библиографии по истории Орлеанской монархии, находящейся вне временных рамок нашей книги, см.: *Johnson D.* Guizot. 1963. P. 443–456.

† См., например: *Guiral P.* Prévost-Paradol. 1955 (эта работа является не только богатым источником информации о развитии либеральной мысли в эпоху Наполеона III, но и представляет биографию весьма значительного мыслителя).

‡ Золотая середина (фр.).

его характер зависел от обстоятельств. Он был партией самой речистой части общества, толковавшей орлеанизм крайне разнообразно. Его теоретики, многие из которых были незаурядными личностями, имели более возвышенные представления о том, как он должен действовать, чем профессиональные политики (или чем сами, оказываясь вовлеченными в управление государством). Наверное, поэтому правильнее рассуждать об орлеанистах, нежели об орлеанизме, и тогда, наконец, станет очевидной эфемерная природа этой партии.

Некоторые ее члены были монархистами. Орлеанистами они стали лишь потому, что были недовольны тем, как Бурбоны трактовали монархию. Однако они, обсуждая личные достоинства короля и его политику, делали монархию настолько хрупкой и уязвимой для упреков, что было очень сложно рассчитывать на их настоящую поддержку. Другие были либералами и потому не могли отвергнуть идею либеральной империи или либеральной республики, и многие, пусть и неохотно, поддерживали какую-то одну из них или даже обе. Некоторые были лично преданы Орлеанскому дому, но среди них были люди, служившие ранее Наполеону, а также многие выходцы из семей, выдвинувшихся и обогатившихся в бурные годы Революции и Империи, и все эти люди имели и другие привязанности. Для находившихся после 1815 года в оппозиции приверженцев Наполеона 1830 год был не меньшим триумфом, чем для всех прочих. Если спускаться по социальной лестнице ниже, то орлеанисты оказываются аристократией, стремящейся пользоваться влиянием в провинции, но уповающей на поддержку государства. Они могли выступать союзниками легитимистов, так как некоторые из них поддерживали децентрализацию, хотя, разумеется, они конкурировали с легитимистами за влияние на провинцию. При этом они жаждали более веского подтверждения своего статуса, чем простое уважение их личных заслуг и богатства, которые, как они чувствовали, все больше и больше подвергали сомнению силы, именуемые ими силами анархии. За их самодовольством скрывалась глубокая неуверенность. Они нуждались в сильном правительстве, способном сдерживать угрозу их положению со стороны народных масс и революционных сил. Июльская монархия казалась подходящей для этого, но, будучи слабой, приносила им мало пользы. Эти дворяне, которых можно охарактеризовать как «друзей правительства», дружили бы с любым правительством, которое бы того пожелало. Они, с известными оговорками, поочередно поддерживали то империю, то республику. Промышленники и коммерсанты, амбициозные и честолюбивые, не могли при всяком случае противодействовать централизованному государству, которое открывало перед ними многочисленные возможности. По этим причинам орлеанисты всегда были ненадежными союзниками.

Они были союзниками со все уменьшающимся влиянием. Офицерский корпус состоял из орлеанистов, однако при этом не было ясно, получили ли они много выгод от службы. При Луи-Филиппе они не воспользовались возможностью завоевать поддержку масс. После 1848 года орлеанисты в той или иной степени приспособились к новой политической ситуации. Почти в 50% муниципалитетов мэры, занимавшие свои должности перед революцией, после 1848 года были переизбраны на следующий срок: наиболее значительная перетряска произошла на юге и юго-западе, тогда как на севере и северо-западе действующие мэры пострадали мало. После введения всеобщего избирательного права власть орлеанистов не исчезла в одночасье. Те из них, кто был выслан в 1848 году, часто возвращались год или два спустя на волне консервативной реакции или паники, охватившей провинцию. Памятуя об опасностях раздоров, они нередко объединялись с легитимистами и консервативными республиканцами в «умеренный» альянс, призванный противостоять угрозе революции. В некоторых регионах социалистам и бонапартистам удалось предложить избирателям новых лидеров и вытеснить орлеанистов. Последние выжили там, где такого соперничества не было и они успели научиться вести политическую игру в новых условиях. В процессе этого их орлеанизм все больше испарялся или, так сказать, превращался в репутацию, от которой они не могли избавиться, подразумевавшую определенное происхождение, положение в обществе и некоторое вольномыслие. Если среди орлеанистов и были состоятельные или образованные люди, стремящиеся завоевать уважение масс и приобрести влияние на них, то таких, по определению, не могло быть много.

Ожидание реставрации монархии после 1848 года было распространено широко, хотя основывалось оно на целом ряде иллюзий. У орлеанистов и легитимистов было больше противоречий, чем общих целей. Лидеры обеих партий понимали, что не могут сотрудничать. Так, Тьер никогда бы не смог рассчитывать занять государственный пост при той монархии, для свержения которой он предпринял столько усилий. Брольи понимал, что при Шамборе не будет никакой надежды на подлинный конституционализм. Шамбору, в свою очередь, трудно было даже беседовать с орлеанистами, которых он считал мятежниками. Когда они посылали к нему эмиссаров для переговоров, он отказывался обсуждать условия соглашения. Взбешенные успехом Наполеона III и уповая на бездетность Шамбора, орлеанисты, закрыв глаза на его недостатки, предложили свою помощь в возведении его на престол при условии, что претендент от их партии будет признан наследником Шамбора. Таким образом раскол роялистов мог быть ликвидирован. Но у орлеанистов всегда находились оговорки, что явствует из письма сына Луи-Филиппа

Шамбору, написанного в 1857 году: «Выражая Вам наше искреннее желание видеть, как Франция в один прекрасный день призовет Вас занять ее трон, заявляя Вам о нашем желании приложить все усилия к достижению этой цели, я не обещал Вам слепой и безграничной поддержки. Для определения наших условий необходимо предварительное соглашение. Наши условия могут быть выражены в трех пунктах, и наши убеждения и то уважение, какое мы питаем к прошлому нашей семьи, требуют, чтобы мы никогда от них не отступали. Первое — признание трехцветного флага, который в глазах нынешних французов является символом нового общества и воплощением принципов, ставших священными после 1789 года. Второе — восстановление конституционного правительства. Третье — национальное согласие на такое восстановление, равно как и на реставрацию правящей династии»*

Чем дольше откладывалась реставрация, тем меньше шансов оставалось на ее осуществление. Заговоры с целью легитимистского военного переворота в 1849 году и орлеанистского в 1851 году так и не осуществились. После прихода к власти Наполеона III не было ни малейших шансов на успех подобной акции, особенно после того, как император предоставил роялистам достаточную свободу для ведения агитации и не стал провоцировать их на безрассудные попытки. В 1871 году час, наконец, пробил. В Национальном собрании возникло роялистское большинство, однако производимое этим впечатление было обманчивым. Страна избрала роялистов, поскольку хотела мира — бонапартисты ассоциировались с разгромом, а республиканцы выступали за возобновление войны. Если бы роялистам и удалось произвести реставрацию монархии, то страна вполне могла бы отказаться признать это, что могло повлечь гражданскую войну. Провал попыток возведения Шамбора на престол, который часто объясняется личными или парламентскими противоречиями, был, скорее всего, неизбежен, если принять во внимание, какие широкие общественные слои усвоили новое отношение к политике после 1830 года. В любом случае, сами переговоры проходили в обстановке плохой осведомленности и лицемерия, поэтому не удивительно, что в 1873 году они зашли в тупик. Театральное заявление Генриха V (под этим именем был известен Шамбор), в котором тот в последнюю минуту отказался отступиться от белого флага своих предков, нельзя рассматривать как внезапный каприз, похоронивший роялизм на пороге его успеха. Наоборот, приверженность Шамбора своему флагу была известна давно, однако она маскировалась заявлениями о том, что к обсуждению этого вопроса он вернется после своего прихода к власти, и его уединением, мешавшим остальным понять, сколь много значил для него королевский флаг. В 1871 году Шамбор заявил о решении

* *Marquis de Noailles.* Le Bureau du roi 1848–1873. 1932. P. 148.

не признавать триколор, но его окружение скрыло этот факт, чтобы предотвратить прекращение переговоров. В действительности же эти переговоры были обречены на провал еще до своего начала.

Непреодолимые трудности в деле реставрации монархии сопровождались аналогичными трудностями и в орлеанистском лагере, что было очень символично. Примирение между Шамбором и претендентом со стороны Орлеанского дома графом Парижским не получило полной поддержки орлеанистов. По меньшей мере четверть депутатов-орлеанистов в парламенте 1871 года предпочитала республику такой монархии, где королем был бы Шамбор, какие бы гарантии тот не давал. Утверждают, что герцог де Брольи питал такое отвращение к авторитаризму Шамбора, что собирался выдвинуть невыносимые для Шамбора требования в качестве условий реставрации, чтобы вынудить последнего отречься от престола в пользу графа Парижского. Герцог д'Омаль, четвертый сын Луи-Филиппа, пользовавшийся широкой известностью бывший генерал-губернатор Алжира и богач, интриговал не только против Шамбора, но и против графа Парижского, надеясь в случае неудачи реставрации быть избранным Национальным собранием на пост президента республики или наместника королевства. Его прельщала мечта стать штатгальтером. Он обнародовал заявление о том, что готов служить республике, если французы предпочтут ее. В 1871 году герцог был избран в парламент, где держался с прочими депутатами как с равными — совершенно в республиканской манере. Когда в том же году его избрали во Французскую академию, он просил обращаться к себе «мсье», а не «монсеньер». Он отказывался поехать к Шамбору и завещал бóльшую часть состояния государству.

Наконец, даже личное примирение между Шамбором и графом Парижским в августе 1873 года не было таким полным, как все думали. Шамбор дал согласие встретиться с графом Парижским при условии, что тот сделает согласованное публичное заявление, куда должны быть включены слова о том, что граф приезжает, «чтобы вновь занять свое место в семье». В последний момент граф Парижский опустил эту фразу, заменив ее словами о том, что Шамбор «не имеет соперников среди членов своей семьи». Таким образом, политические разногласия сохранялись. На их встрече ни слова не было сказано о политике. Примирение было лишь внешним. Возможно также, что эта встреча вообще не принесла никаких результатов. Шамбор мог привести страну в еще большее смятение, притворяйся он тем, кем в действительности не был. Его честность избавила Францию от второй революции 1830 года, но провал в 1873 году заставил его как никогда подозрительно относиться к сотрудничеству с людьми, не разделявшими и желавшими изменить его взгляды. Своим сторонникам он приказал уклоняться от участия в любых предвыборных блоках.

В свою очередь многие из его приверженцев из-за упрямства Шамбора утратили энтузиазм, отошли от политики и больше никогда не возвращались к ней. К моменту смерти Шамбора в 1883 году его партия обладала лишь жалкой тенью былой силы, особенно по сравнению с республиканцами, закрепившимися к тому времени во власти. Самые верные его сторонники провозгласили претендентом на престол женатого на сестре Шамбора дона Хуана Испанского, создав, таким образом, новый легитимистский культ, уже не имевший, правда, практического значения. Подавляющее большинство легитимистов признало новым вождем графа Парижского. Легитимисты и орлеанисты все-таки объединились. Это, кажется, должно было бы значительно усилить роялистское движение, однако легитимистской поддержке графа Парижского недоставало энтузиазма. Организация Шамбора была ликвидирована, а собранные им средства возвращены жертвователям. Начиналась новая эпоха.

Граф Парижский, бывший претендентом на трон с 1883 года до своей смерти в 1894 году, был гораздо более деятелен, умен и гибок. Он был сыном подававшего большие надежды и известного своей энергией и либерализмом герцога Орлеанского (сына Луи-Филиппа) и немецкой принцессы-протестантки, хотя его и воспитали набожным католиком. Он родился в 1838 году и с десятилетнего возраста получал образование в Англии, к которой испытывал огромную привязанность и которой восхищался. Немаловажно, что большую часть своей жизни он провел именно там, тогда как Шамбор предпочитал жить в Австрии. Он много путешествовал, был в США, где во время Гражданской войны служил в армии генерала Мак-Клеллана. Посещение фабрик по переработке хлопка в Ланкашире стимулировало его интерес к социальным проблемам. В 1869 году он опубликовал книгу, посвященную английским тред-юнионам, где отстаивал право работников на участие в прибылях. Он приветствовал как «одно из величайших в нашем веке достижений прогресса... придание благотворительности статуса общественной обязанности и политического права». Когда в 1872 году ему позволили вернуться во Францию, он посещал фабрики и там. Он, по-видимому, был одним из первых миллионеров-социалистов (социалистом, возможно, в несколько расплывчатом смысле, зато миллионером — самым доподлинным). Как утверждалось, его доход составлял 500 тысяч франков в год, и он весьма заметно рос благодаря получению наследств от поддерживавших его роялистов — кульминацией было получение в 1888 году 20 миллионов франков, завещанных мадам де Гальера*.

Граф Парижский был полной противоположностью Шамбору еще и в том, что был прежде всего оппортунистом, как можно

* *Marquis de Flers* Le Comte de Paris 1888 P 114. *Barrière M* Les Princes d'Orléans. 1933. P 182–183 *Dufeuille E* Réflexions d'un monarchiste 1900 (автор отвечал за распределение субсидий графа Парижского среди роялистских изданий)

более широкое распространение своей популярности ставившим выше принципов. Свою политику, которую можно было охарактеризовать выражением «власть любой ценой», он маскировал внешней степенностью и набожностью, а также безупречно добродетельной семейной жизнью: имея, как кто-то выразился, вид ученого немецкого профессора, был при этом крайне честолюбив. Начать с того, что он покинул лагерь орлеанистов и в попытке создания роялистской коалиции перешел к легитимистам. После принесения клятвы верности Шамбору в 1873 году, граф Парижский превратился в ревностного сторонника принципа наследования и отвергал все попытки выдвинуть свою кандидатуру вместо Шамбора. После смерти последнего он принял имя Филиппа VII, а не Луи-Филиппа II. Он пытался объединить под своими знаменами католиков, которые с подозрением относились к его антиклерикальному прошлому, протестантов, которые надеялись, что он вспомнит о религии своей матери, и скептиков, требовавших религиозной терпимости. Он старался также вернуть симпатии консерваторов, вставших на сторону республики, возглавляемой Тьером, и в то же время стремился сохранить преданность легитимистов и орлеанистов. Возможно, это было невыполнимой задачей, однако к февралю 1884 года роялистская коалиция добилась успеха по крайней мере в 24 департаментах. С другой стороны, в тринадцати департаментах легитимисты не примкнули к коалиции, а еще в тринадцати департаментах вообще не существовало никакой роялистской организации или деятельности. Правда, графу Парижскому были отданы симпатии роялистской прессы: его поддерживали 130 роялистских газет против тринадцати, относившихся к нему враждебно*

К тому же вместо политики отказа от участия в выборах Шамбора граф Парижский развил бурную деятельность. Из него получился энергичный и работоспособный партийный лидер. Он считал, что в большинстве своем французы не были роялистами, однако по природе своей они консервативны. Поэтому он приказал монархистам идти на выборы 1885 года под именем консерваторов с целью создания новой коалиции между монархизмом и всеми силами правого лагеря на почве широкого недовольства республикой, неэффективным парламентаризмом, нехваткой средств, дорогостоящей колониальной политикой и угрожающим размахом антиклерикализма. В октябре 1885 года его Консервативный союз получил 177 мандатов, тогда как республиканцы — всего 129. Правда, эта блестящая победа стала возможна лишь благодаря разногласиям среди республиканцев, которые, объединившись во втором туре, выиграли выборы в целом. В ответ на пережитую угрозу они отправили графа Парижского в изгнание.

Во время жизни в Шин-Хаузе, близ Ричмонда, он пропагандировал свою программу, в которой всегда находилось место

* *Osgood S. M.* French Royalism under the Third and Fourth Republics. The Hague, 1960. P. 36–37. В 1892 г., однако, в одной анонимной статье о «старых партиях» говорилось о 250 роялистских газетах (Le Figaro. 1892. 2 Apr. P. 59).

обещаниям выгод для максимально возможного числа людей. Просто консервативно настроенным людям он обещал восстановление порядка и сильного государства, но вместе с тем гарантировал отказ от реакционных мер, мирное сосуществование освященных историей принципов с современными институтами, введение монархии, которая не была бы навязана народу и не подпала бы под определение «власть немногих». Католикам была обещана свобода образования и конец травли. Чтобы удовлетворить бонапартистов, он предлагал провести плебисцит или, в крайнем случае, созвать Учредительное собрание для решения вопроса о восстановлении его на троне, более того, он заимствовал многие положения из их программы. Пытаясь извлечь выгоду из разочарования парламентским правлением (некогда столь дорогим сердцам орлеанистов, но сейчас узурпированным республиканцами), он заявил, что всеобщее избирательное право сделало конституционную монархию в том виде, в котором она существовала между 1815 и 1848 годами, устаревшей. Парламент более не должен обладать верховной властью, король должен править в сотрудничестве с палатами (этот тезис можно найти и в манифестах бонапартистов), а министры не должны более зависеть от прихотей парламентского большинства. Он ничего не говорил о божественных правах королевской власти — как и об экономической и социальной политике*.

Однако граф Парижский не хотел взойти на престол с помощью переворота. Он не был создан для заговоров или насилия, но, впрочем, был убежден в том, что если ему суждено взойти на трон, то он должен обладать достаточной силой, чтобы удержать власть. Поэтому он надеялся, что республика потерпит крах и Франция обратит свой взор на него как на человека, способного положить конец возникшему хаосу. Чтобы приблизить эту ситуацию, в 1888 году он пошел ва-банк: под влиянием двух бывших бонапартистов, ставших роялистами (президента Консервативного союза барона де Макау и журналиста Артура Мейера), он решился поддержать генерала Буланже. Герцогиня д'Юзэ, «первая леди» роялистов, выделила большую сумму на эту грандиозную авантюру, которая должна была привести к отстранению республиканцев от власти и положить конец парламентскому правлению. В последний момент Буланже, разумеется, струсил. Крах его движения был самым сильным ударом по роялистам после 1873 года. Перспектива реставрации монархии, столь близкая, была навсегда утрачена. Произошло не только масштабное дезертирство из рядов роялистов как проигравшей стороны, неизбежен был и раскол среди самих роялистов. Орлеанистское крыло, для которого парламентаризм был священен, осознало, что претендент больше не разделяет исповедуемые ими принципы. Они выступали за конституционную монархию, а не за монархию как таковую,

но сейчас именно республиканцы казались истинными защитниками парламента. Орлеанисты в любом случае вряд ли продолжали бы поддерживать претендента, который, взбешенный отказом подчиниться его указаниям о содействии Буланже, публично высказался о них самым оскорбительным образом, оттолкнув от себя многих старых личных друзей. В то же время граф Парижский негодовал на тех, кто советовал ему примкнуть к буланжистам, так что отношения в роялистском лагере накалились до предела. Граф Парижский был многообещающим претендентом на престол, однако превратности судьбы обнажили недостатки его характера. Он не мог решиться взять на себя вину за катастрофу и не знал, как сохранить надежду в рядах своих потерпевших поражение сторонников. Как писал один из тех, кто хорошо его знал: «Он не выносил, когда ему противоречили, обожал лесть и никогда не признавал собственной неправоты. Даже превосходство некоторых ученых задевало его, как если бы он был их соперником»* Возможно, справедливости ради следует добавить, что в том же роковом 1889 году врачи объявили ему о том, что он неизлечимо болен и долго не проживет.

В конце концов монархизм исчерпал себя в *ralliement*†, когда республиканцы прекратили свои нападки на церковь и предложили сторонникам королевского режима и империи союз против социалистов. Папа Лев XIII призвал католиков признать республику, доказавшую свою прочность. Сам граф Парижский, хотя и возмущенный этим вмешательством папы, согласился, что роялистское дело безнадежно и вверил свою судьбу божественным силам: пока Франция опять не станет христианской страной, считал он, никакой надежды нет. Поэтому после 1894 года роялизм перестал быть крупной политической силой. Еще предстоит рассмотреть, как его принципы возродились в деятельности «Аксьон Франсез», однако это был ответ на новые обстоятельства, требующий отдельного рассмотрения.

Претенденты, наследовавшие графу Парижскому, находились на обочине политической жизни. Герцог Орлеанский (1869–1926), получивший образование в Сандхерсте, был знатоком охоты в Непале и в гораздо большей степени интересовался изысканным столом и женщинами, нежели политикой; кроме того, он был настолько ленив, суеверен и нерешителен, что не мог серьезно рассматриваться как претендент. Анахронизм его взглядов был настолько велик, что он грезил абсолютной монархией Меровингов и не выносил даже упоминаний о демократии. Его окружение, возглавлявшееся графом Эженом де Люр-Салюсом, владельцем Шато д'Икем, полностью состояло из легитимистов. Сторонники герцога, планировавшие связать его имя с националистическим движением и представить его в новом свете, практически не имели успеха‡. По оценкам полиции, в 1896 году роялистские

* *Barrière*. P. 161–163.

† «Объединение» — движение за примирение католиков с Третьей республикой. Возглавлялось кардиналом Лавижери, архиепископом Алжирским, и папой Львом XIII (1892). Попытки Жака Пиу и Альбера де Мена оформить его в политическую партию были осуждены большинством роялистов, а у республиканцев вызвали только подозрения.

‡ *Godefroy E.* Quelques années de politique royaliste: du ralliement à la haute Cour 1892–1899. 1900. P. XII–XIII, 213.

комитеты действовали лишь в 30 департаментах. В 1908 году в одной статье, посвященной роялистскому движению, высказывалось предположение о том, что едва ли один избиратель из десяти знает имя нынешнего претендента. Деятельность герцога Орлеанского обсуждалась в основном в колонках «Gaulois», посвященных светской жизни. Хотя он в 1911 году неохотно признал «Аксьон Франсез», но никогда не был ее движущей силой* Герцог де Гиз, ставший следующим претендентом (1926–1940), вел уединенную жизнь. Его сын, граф Парижский, родившийся в 1908 году, еще некоторое время питал надежды на возрождение роялистского движения. В 1934 году он основал газету «Le Courrier royal», возродил к жизни роялистскую организацию, отмежевался от «Аксьон Франсез», стал давать частые интервью в прессе и опубликовал книгу, где подробно изложил свою программу. Во время войны существовал план объявления его главой временного правительства в Алжире, однако Эйзенхауэр сорвал осуществление этого замысла. Опрос общественного мнения, проведенный 1 января 1945 года, показал, что всего 6% населения считали, что роялистская партия играет важную роль во Франции, тогда как 75% придерживались противоположного мнения†.

* *Dimnet E.* The Neo-Royalist Movement in France // Nineteenth Century. 1908. Aug. P. 287–293. Огромное количество информации о претендентах содержится в блестящей классической работе: *Weber E.* Action Française. Stanford (Cal.), 1962.

† *Comte de Paris.* Essai sur le gouvernement de demain. 1936; *Osgood.* Op. cit. P. 137–181 (хороший обзор поздней истории движения).

Глава XVI ГЕНИЙ В ПОЛИТИКЕ

Францию XIX века невозможно понять без разъяснения роли утопистов, так же как и Революцию 1789 года — без понимания роли философов эпохи Просвещения. Историческое значение утопистов состояло в привнесении ими *genius* в политику. Гений стал ядром нового класса, бросившего вызов государству, притязавшего на господство и грозившего расчленить традиционную централизованную власть, ставшего элитой наподобие дворянства и имевшего такие же притязания. Гениальность, как полагало большинство людей в то время, приобрести нельзя — человек рождается с ней, что, несомненно, вызывает ассоциацию с дворянством. Одним из признаков гения являлось то, что его понимают другие гении. Те, кто признавал их лидерство, мог попасть в этот новый класс *illuminés** В отличие от дворян, выступавших от лица местных общин, гениальные личности выступали от имени нового сообщества просвещенных. Гениальность стала новым личностным идеалом. До сих пор универсальные образцы героя-рыцаря, святого, придворного, *honnête homme*† служили для «индивидуального потребления». Достижение статуса приносило самоудовлетворение, почести и общественное уважение, но не политическую власть. Гениальность же была гораздо более опасной. Вплоть до XVIII века под *génie*‡ подразумевались просто талант или умение. Однако, начиная с Дидро, гений уже рассматривается как явление исключительное, выходящее за рамки времени и происхождения, значение его полагалось в способности воспринять истины, недоступные другим. Поэтому к нему нельзя подходить с меркой общих стандартов, нравственных правил или требований. Он порождает великие идеи, а, по словам Ламартина, «каждая великая идея — это борьба против общества, это революция».

Фундамент для новой роли интеллектуалов был заложен в XVIII веке. Например, в 1700 году литератор, будучи скован произволом цензуры, осуществлявшейся одновременно королем, парламентом и Сорбонной, жил в напряжении с чувством

* Просвещенные люди (фр.).
† Человек чести (фр.).
‡ Гениальность (фр.).

неопределенной опасности. Зачастую он был вынужден пользоваться псевдонимом или вообще выступать анонимно. Лишь во второй половине XVIII столетия некоторые из литераторов могли позволить себе жить на доходы от своих произведений. Их успех изрядно способствовал повышению статуса этой деятельности, которая превратилась почти что в профессию. Государство стало нанимать писателей для оказания влияния на общественное мнение. «Прокладывать путь законам»,— так Моро определял свою функцию. Однако их советы принимать не спешили. «Скромный писатель, зачастую не имеющий за душой и сотни экю,— говорил Л'Аверди,— не может поучать власть предержащих». В книге «Литератор», опубликованной в 1764 году, с сожалением констатировалось, что писатели «пребывают вне государства»* Первым шагом к их возвышению было завоевание доброго имени, уважения и уверенности в будущем. Тогда они еще не помышляли о власти. Они добивались крохотных субсидий, пенсий и подарков, которые им выдавало государство, что было одновременно признаком покровительства, презрения и опаски. На протяжении долгого времени в литераторах видели затейников, развлекающих общество. Вольтер жаловался на «крайнее пренебрежение, являющееся следствием такого двусмысленного положения» писателя. Монтескье пришел в смятение, узнав о том, что его сын обнаружил способности к учебе. «Из него не получится ничего,— восклицал Монтескье в ужасе,— кроме такого же чудака-писателя, как и я». Он планировал купить сыну должность, что было бы признаком респектабельности (которой сам он, как член парламента, естественно, обладал). Однако с ослаблением цензуры труды на политические темы делали писателей все более влиятельными. Многое для повышения их статуса делали иностранные почитатели, приезжавшие из-за границы не для того, чтобы повидать знатнейших лиц королевства, а для встречи с философами. Это было одной из причин, почему писатели с такой энергией взяли на себя миссию распространения французской культуры за рубежом. К ужасу короля Франции, Фридрих II принимал Вольтера. Накануне Революции, в 1778 году, Мерсье писал: «Влияние писателей сегодня таково, что они могут в полный голос заявить о своей силе и более не скрывать ту законную власть над умами людей, которой они обладают»†.

Революция стала ярким подтверждением их силы не в последнюю очередь потому, что враги Революции считали литераторов главными виновниками ее начала. Разумеется, историки более не верят в то, что теории философов привели к краху Старого порядка. Гораздо больший упор делается на возрождение аристократии и попытках дворян вновь перехватить власть, находившуюся в руках короля. После катастрофы, причиной которой стала их деятельность, дворяне переложили вину на писателей. Одна-

* «En dehors de l'état» (Garnier L'Homme de lettres. 1764. Ch. 5).

† Mercier L. S. De la littérature et des littérateurs 1778.

ко даже находясь на пике своего влияния, когда демократические идеи, проповедовавшиеся некоторыми из них, приводили к появлению на политической арене новых неисчерпаемых сил, интеллектуалы не претендовали на непосредственное участие во власти. Они видели себя в качестве советников тех, кто этой властью обладал. Вольтер поддерживал просвещенный деспотизм, а Монтескье — борьбу парламента с королем. Если они и представляли себя властью, то лишь очень опосредованно. Вольтер писал: «Если общественное мнение управляет миром, то философы управляют общественным мнением». Это оказалось семенем, из которого выросли притязания утопистов XIX века. Их предшественники еще не полностью избавились от своего комплекса неполноценности или от старинного предубеждения о несовместности любви к литературе с алчностью или честолюбием*

Литературные романтики объясняли этот комплекс с помощью теории о том, что гений неизбежно обречен на непонимание. Гений был пророком, но пророком в пустыне. Они допускали, что он должен столкнуться с непониманием, что его удел — страдания и даже мученичество, что его заслуги будут признаны лишь грядущими поколениями. Так, Стендаль полагал, что его начнут читать лишь спустя сорок лет после смерти†. Однако Сен-Симон отказался от такой, с позволения сказать, высокомерной скромности, всемерно пропагандируя идею гениальности. К способностям литератора и воображению художника он добавил нечто новое: знания и престиж ученого. Из этого сочетания он получил то, что, в сущности, и можно назвать интеллектуалом. Он требовал для него статуса «властителя дум» в государстве. Романтики считали гениями главным образом самих себя; считанные единицы возносились ими на вершину. Сен-Симон, естественно, также считал, что в нем есть искра Божья, но он существенно расширил категорию тех, кто обладал дарованиями и мудростью для того, чтобы стать во главе человечества. По существу, он выдвинул интеллектуалов на роль нового духовенства, причем достаточно многочисленного. Поразительно, что у него нашлись последователи, составившие заметную элиту и преуспевшие в своих начинаниях. Его проекты, касающиеся правления интеллектуалов, не остались мечтой, они почти что стали реальностью. Последователи Сен-Симона в определенной степени оказались новой аристократией.

Обобщая, можно сказать, что утописты осуществили демократизацию гениальности. Новые схемы переустройства общества возникали как грибы после дождя. Социалисты-утописты, наиболее значительных из которых придется вспомнить не менее дюжины, являются лишь самыми известными из необозримого множества авторов, писавших в подобном ключе, но обладавших меньшим талантом. Новые религии, мистицизм, видения, пророчества — всевозможные новые идеи, а чаще даже новые

* *Gay P.* Voltaire's Politics. Princeton, 1959. P. 34, 93.; *Pellisson M.* Les Hommes de lettres au 18e siècle. 1911. P. 41, 50, 239–240; *Duclos C. P.* Considérations sur les mœurs de ce siècle. 1751. P. 263; *Brunel L.* Les Philosophes et l'Académie française. 1884; *Pottinger D. T.* The French Book Trade in the Ancien Régime 1500–1791. Cambridge (Mass.), 1958. P. 353.

† *Besser G. R.* Balzac's Concept of Genius. Geneva, 1969.

комбинации старых идей — приобретали респектабельность, поскольку признанные авторитеты более не в силах были предать их осмеянию или забвению. Революция подтвердила, что перемены вполне возможны и утопии не являются сугубым теоретизированием. Теперь каждый человек мог порождать идеи, публиковать и пропагандировать их. Именно так интеллектуал оказался в политике. Больше всего его самосознание стимулировалось тем фактом, что наряду с уважением к ним испытывали и враждебность. В его пользу говорило и то, что френологи объявили о возможности распознать гениальность по форме черепа. Однако врачи, отстаивая превосходство своей профессии, парировали, что между гениальностью и сумасшествием нет физиологических различий. Доктор Лелю оскорбительно отзывался о гениальности как форме галлюцинаций, доктор Моро де Тур называл ее неврозом. «Конституция многих гениальных людей,— писал он,— в точности копирует телосложение идиотов». Шла неослабная борьба между гениями и обывателями, и она постоянно ставила пределы влиянию интеллектуалов.

Значение утопистов повышали и их особые отношения с общественным мнением, отношения, которые опять-таки можно сравнить со связями между дворянством и местными общинами. Большинство утопистов (самыми заметными из них были Фурье и Прудон) обрели популярность благодаря своим стараниям выразить широко распространенные устремления. Прецеденты этого встречались и в XVIII столетии. В частности, идеи Руссо нашли немедленный отклик у публики, увидевшей в нем саму себя или отражение своих настроений. Хотя большинство философов видело в себе дирижеров, а то и создателей общественного мнения, они больше были озабочены созданием условий, при которых общественные настроения могли получить свободное выражение; в целом они искали способы влияния на государство, а не изучения забот простого человека. Это был уже следующий этап, и утописты уделили ему огромное внимание. Важно дать оценку тому, в какой степени утописты говорили от лица уже сформировавшегося общественного мнения, а в какой степени они формировали новый вид сознания. Такую оценку дать трудно. Идеи утопистов подхватывались как популярная песня, чей мотив, единожды услышанный, повторялся повсюду, даже если слова часто воспринимались неправильно. Аналогия с песней не является чистой метафорой — множество идей пропагандировалось в песенной форме*. Еще никто не проводил тщательного исследования этого явления, в котором вполне могут найтись ключи к формулированию археологии народных настроений. Таким образом, деятельность утопистов получила признание на двух уровнях: интеллектуальном и массовом; они сделали явным новый статус общественного мнения в политической жизни.

* La Chanson française. 3 vol. (особенно второй том).

В 1848 году идеи утопистов были усвоены столь широко, что многие из них были стихийно выдвинуты и избраны в Учредительное собрание. Бюше был первым его председателем; Луи Блан и Ипполит Карно вошли в первое временное правительство; Пьер Леру, Прудон, революционеры Барбе и Мартин Бернар, фурьерист Консидеран стали депутатами. В свое время мы увидим, насколько широким было участие последователей утопистов в общественной жизни.

Интеллектуал играл жизненно важную роль во многих утопиях, поскольку свое предназначение те полагали в объединении человечества посредством нравственной гармонии, жрецами которой неизбежно должны были стать интеллектуалы. Деятельность утопистов была направлена против деструктивной критики, господствовавшей в XVIII столетии. Они олицетворяли послереволюционное стремление к порядку и миру. В отличие от просветителей, видевших в церкви своего главного врага, утописты относились к религии благосклонно и хотели лишь реформировать католицизм, надеясь, что новая религия, которую они называли по-разному («новое христианство» или «религия человечности»), обеспечит прочную духовную основу будущего общества. В то время как «свобода» была лозунгом предыдущего столетия, «братство» стало девизом утопистов. Братство явилось религиозным выражением объединения или кооперации и противовесом капиталистической эксплуатации. Утописты обращались ко всем людям и хотели побудить всех и каждого внести свой вклад в приближение новой эпохи. Но, придавая особое значение нравственной или духовной основе такого объединения, они, будучи основателями новой веры, отводили себе ключевую позицию.

Сен-Симон (1760—1825) не просто был гением, иногда напоминавшим сумасшедшего, а действительно провел определенное время в санатории для лиц с душевными расстройствами и лечился у знаменитого доктора Пинеля. Его политические взгляды отражают лишь одну сторону его жизни, полной разнообразных безрассудных проектов. Лишившись матери в семилетнем возрасте, он провел свою юность в метаниях между бунтом против властного старика-отца и чувством вины за то, что он не был достоин любви, хотя постоянно молил о ней. Его философия прежде всего была философией для сирот. У него были страстные отношения сначала с прусским графом и бывшим послом, с помощью капиталов которого он стал спекулировать государственными землями, а затем с целым рядом молодых людей, которых он считал своими воспитанниками. Его жизнь проходила в постоянном поиске покровителей, оказывавших ему поддержку, и единомышленников, помогавших в осуществлении его планов. Он был очень сердечным человеком, пылко мечтавшим о взаимности

и никогда не стыдившимся просить о ней, но всегда уверенным в собственной гениальности и оптимистичным (исключение составила попытка самоубийства в минуту, когда он особенно остро чувствовал себя покинутым). Его характер нашел отражение в проповеди братства. Его новое христианство можно было охарактеризовать одной фразой: «Любите друг друга и помогайте друг другу». Этот призыв, который историки склонны интерпретировать в политическом или религиозном смысле, возможно, прозвучал столь громко потому, что это также был протест против сухости тогдашней семейной жизни от лица поколения, более не скрывающего своих чувств. «Чтобы совершать великие дела,— говорил Сен-Симон,— необходима страсть». Его можно считать основателем современной социологии или даже планирования*, однако это не оправдывает квалификацию его мысли как рационалистической. Мистицизм, иллюминизм и апокалиптический стиль были свойственны ему, как и многим его современникам. Важнейшей заслугой Сен-Симона стало то, что он способствовал движению мышления от теории к чувствам.

Он также отвратился от политических интересов XVIII столетия, обратившись к социальным и экономическим силам. Его не интересовали политические партии или расширение народного представительства в управлении страной. Признаками прогресса для него служили практические достижения: строительство дорог и значительные затраты на грандиозные общественные сооружения. Целью каждого общественного института должно стать «нравственное, интеллектуальное и физическое усовершенствование самого многочисленного и бедного класса». Это можно было сделать, поощряя экономическое развитие и государственное образование. Условием пользования правами гражданина должна была стать сдача экзамена по «государственному катехизису». Сен-Симон не был демократом, он только хотел лишить тех, кто вел праздную жизнь, лидирующей роли в обществе: бездельники-дворяне, «метафизики и законники» были его заклятыми врагами. Он предлагал передать власть *industriels*†, то есть тем, кто занимался трудом; этот термин охватывал все классы, но предполагалось, что определять политику будут «самые важные» из них: крупные промышленники и финансисты, торговцы и земледельцы. Сен-Симон никогда не пояснял, как именно они должны отбираться, лишь полагал, что в конституции должны найти отражение экономические реалии. Он хотел упразднить право наследования, но отнюдь не собственность и не неравенство, созданные личными заслугами. Его лозунгом было: «Каждому — по способностям, каждой способности — по результатам». Это была меритократия‡ или, как говорят некоторые, технократия, предвестник революции управляющих. Однако в последние годы своей жизни, поскольку имущие слои не оценили его по достоинству,

* *Ansart P.* Sociologie de Saint-Simon. 1970; *Petroux F., Schuhl P. M.* Saint-simonisme et pari pour l'industrie XIX–XX^e siècles // Economie et Sociétés. 1970. Apr.

† Трудящиеся (фр.).

‡ Система, при которой положение человека в обществе определяется его способностями; правительство, состоящее из образованных и достойных людей.— *Прим. ред.*

Сен-Симон сошел с этих позиций и всерьез заинтересовался рабочим классом. Неоднозначность его взглядов так и не была преодолена, благодаря чему он получал поддержку во всех классах, кроме дворянства, к которому единственному он испытывал стойкую вражду. Правда, такая неоднозначность объяснима отчасти тем, что вопросы государственного управления немного значили для него. Сен-Симон предвидел фактическое упразднение государства после того, как гармонизация общественного уклада лишит его большинства обычных функций. Он был противником государственного регулирования; его метод преобразований не был ни революционным, ни насильственным, а строился на убеждении, просвещении и свободе действий экономических сил. Его идеалами были мир (тогда как правительства вели войны) и процветание (а правительства взимали налоги). В течение всего рассматриваемого нами периода глубоко укоренившаяся враждебность к государству будет проявляться снова и снова — уравновешенная заискиванием перед ним. Сен-Симон соединял в себе противоположности (так, например, он призвал короля стать «первым промышленником»).

Хотя Сен-Симон делал упор на экономике и полагал, что политика — это «наука о производстве», он также считал, что никакое общество не может существовать без «общих нравственных идей». Он хотел, чтобы ученые и художники пользовались одинаковой с промышленниками властью, вдохновляя последних и побуждая массы прилагать больше усилий к достижению общего блага. Если философы XVIII века считали людей более или менее одинаковыми и, следовательно, равными, то Сен-Симон, вслед за врачами Кабанисом* и Биша†, работавшими в начале XIX века, верил в их разнообразие и уникальность. Существуют различные человеческие типы, подходящие для различных занятий, вот почему он выделял три класса. Поскольку люди озабочены не достижением равенства, а выражением своей индивидуальности, то общество должно иметь целью достижение гармонии уникальных индивидов. Равенство, ставшее знаменем XVIII века, стало причиной жестокой конкуренции и конфликтов, которые Сен-Симон хотел преодолеть. Все его учение было реакцией на разрушительное влияние философов-просветителей. Век критики закончился, Сен-Симон жаждал наступления века гармонии. Отсюда и признание ключевой роли интеллектуалов, чьим долгом было служение новому духовному единству, заменив в этой роли развращенное духовенство, но, в определенной мере, увековечив его функции. Проблема конфликта в рамках этого нового порядка никогда Сен-Симоном не анализировалась, что может оправдать его характеристику как утописта. Он наивно видел в работодателях естественных лидеров рабочих, так что эту проблему пытались разрешить уже другие утописты‡.

* *Пьер Жан Жорж Кабанис* (1757–1808) — французский врач, философ, материалист; полагал, что сознание зависит от физиологических функций человека и деятельности его внутренних органов. Главное произведение Кабаниса — «Отношение между физической и нравственной природой человека» (1802).— *Прим. ред.*

† *Мари Франсуа Ксавье Биша* (1771–1802) — французский анатом, физиолог и врач, основоположник науки о тканях человеческого организма. Биша стоял на позициях несводимости законов органического мира к законам неорганической природы, верил в существование «жизненной силы», непознаваемой субстанции, отличающей живое от неживого.— *Прим. ред.*

‡ Основные работы Сен-Симона недавно были переизданы в 6 тт. (1969–1970). Блестящая биография: *Manuel F. E.* The New World of Henri Saint-Simon. Cambridge (Mass.), 1956. Полный обзор литературы см.: *Walch J.* Bibliographie de Saint-Simon. 1967.

В воззрениях самого Сен-Симона можно выделить несколько стадий, так что и движение, развившее его идеи, было столь же разнообразным. Сенсимонизм, расцветший в середине XIX века, придавал особое значение религии, капиталовложениям и освобождению как пролетариата, так и той общественной группы, которой до тех пор уделялось крайне мало внимания в работах политиков-теоретиков — речь идет о женщинах. Однако этой программе не удалось завоевать поддержку масс. Хотя фрагменты из нее и были усвоены другими массовыми движениями, сенсимонизм оставался элитарным «вероисповеданием». Однако эта элита была весьма заметной и влиятельной. В нее входило около сотни выпускников École polytechnique; инженеры, директора, финансисты и литераторы восприняли это учение со страстным энтузиазмом. В результате один из его аспектов оказался чрезмерно раздут и оно прослыло технократической доктриной. Однако у некоторых последователей Сен-Симона также наблюдались проблемы в эмоциональной сфере, и они придали сенсимонизму более эзотерический уклон. Это стало еще одной причиной, по которой сенсимонизм не стал массовым движением. Особенно активные его адепты были людьми, которым не удалось инкорпорироваться в традиционный правящий класс; многие из них были евреями. Так, Олинд Родригес хотел поступить в Эколь Нормаль*, но ему помешало еврейское происхождение, так что он вынужден был стать биржевым маклером. Гюстав д'Эйшталь, который последовательно был иудеем, католиком и сенсимонистом, в 1866 году писал: «Среди приверженцев сенсимонизма, возможно, не было ни одного человека, которого не подтолкнула бы к нему какая-либо семейная неприятность»[1]. Например, Базар был незаконнорожденным и по этой причине испытал в детстве дурное обращение. Банкротство отца не позволило Анфантену поступить в лейб-гвардию. Сенсимонизм финансировался богатыми людьми, тратившими унаследованные ими капиталы на пропаганду отмены права наследования.

Прежде всего здесь следует назвать Анфантена (1796–1864), превратившего сенсимонизм в религию, едва ли не в монашеский орден. Красавец, он обладал исключительным обаянием и очаровывал слушателей настолько, что даже довольно умные люди боготворили его и почтительно выслушивали ту абсолютную чепуху, которую он нес. Будучи долгое время одержим мистическим энтузиазмом, Анфантен привнес в учение очень странные идеи. Своими учениками он именовался *Le Père* — «промышленным папой» (этот титул был вышит на его одежде). Он заставлял их следовать за собой то в Менильмонтан, где уединялся подобно монаху, то в сказочное путешествие на Восток ради поисков идеальной женщины — *La Mère*; убеждал последователей носить униформу с пуговицами на спине, которая бы напоми-

* *Ecole Normale Supérieure* — одна из *высших школ*, дающих высококачественное образование узкой элите, отбираемой в условиях жесткой конкурсции Номинально считается коллежем для подготовки учителей средней школы, ее закончили многие политики и писатели

[1] *Weill G.* L'École saint-simonienne Son histoire, son influence jusqu'à nos jours 1896 P. 21. 47 n.

нала о том, что люди зависят друг от друга. Управляющий огромным металлургическим заводом Le Creusot оставил свою должность и последовал за Анфантеном, как и некоторые знаменитые военные, горные инженеры, государственные служащие и даже один профессор медицины. Дарования Анфантена видоизменили саму природу учения. Прежде всего он был вкрадчивым исповедником, но ни в коем случае не мог стать во главе толпы. Поэтому он возражал тем из своих сторонников, которые слишком тесно соприкасались с необращенным миром. Он предпочитал изолированное общество, скрепленное пылкими чувствами. Жизнь в этой общине была «насыщенной, чувство братства трогательным, экзальтация невероятной; адепты вкусили чистую радость и познали безудержный энтузиазм». Однако это неизбежно отодвинуло на задний план любую идею объединения рабочих с целью прекращения эксплуатации человека человеком, что представляло собой социалистический аспект оригинальной доктрины. Предложение некоторых сенсимонистов в 1839 году образовать «Социальную партию» было отвергнуто. Внутренние конфликты положили конец этой мистической фазе. К 1848 году сенсимонизм пришел без какой-либо организации*

Значение сенсимонизма для будущего состояло во влиянии его образа мысли на многих молодых людей, сделавшихся впоследствии важными персонами. Однако прямое влияние учения было сильно преувеличено. Правда, в 1848 году министерство образования возглавлялось тремя сенсимонистами†, но за ним не числится каких-либо особых достижений. Учрежденная ими и существовавшая короткое время Национальная школа администрации, призванная готовить государственных служащих высшего звена, может рассматриваться как попытка последователей Сен-Симона подготовить новый правящий класс, пополнение которого осуществлялось бы на основании личных достоинств, также как санкционированные ими лекции для женщин в Коллеж-де-Франс казались претворением в жизнь новых взглядов Сен-Симона на женский пол. Однако когда в марте 1848 года около шестидесяти последователей сенсимонистов собрались, чтобы решить, какие именно согласованные действия им следует предпринять, они не смогли выработать общее мнение. Взгляды учителя понимались ими слишком по-разному; попытки установить какие-то приоритеты потерпели полную неудачу. Гюстав д'Эйшталь полагал, что настало время установить религиозную демократию, в качестве первого шага он настаивал на возведении статуи Моисея на площади Согласия. Олинд Родригес наметил проект конституции новой республики, которая упразднила право на составление завещаний, разрешала наследование только по прямой линии, предполагала участие рабочих в прибылях и предоставление женщинам политических прав, вместе с тем отводя главную

* *Carnot H.* Sur le Saint-Simonisme // Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques. 1887. 28. P. 122–155; *Charlety S.* Histoire du saint-simonisme. 1931; *Brothier L.* Du Parti social. 1839 (цит. по: *Weill.* Op. cit. P. 97 n).

† Ипполит Карно, которому помогали Жан Рейно и Эдуард Шартон.

роль в управлении государством Университету и Институту. Со своей стороны, Проспер Анфантен предлагал государству скупить все железные дороги, затем шахты, а потом и все предприятия, работающие на железные дороги: это должно было позволить перейти в промышленности к планированию. Правда, он также провозгласил, что настало время установить Царство Божие на земле. Так как немедленно осуществить это не удалось, то взамен он учредил газету «Le Crédit», что обошлось ему весьма недешево. Он поддерживал Кавеньяка*, а после его падения примкнул к Луи Наполеону, надеясь, что у того достанет сил решительно ускорить промышленное развитие. В силу этого заявления Анфантена о его избранности провидением, желавшего дать пролетариату и женщинам новое место в общественном устройстве, не нашло отклика. Он закончил свою карьеру сравнительно мелким предпринимателем.

Сенсимонисты никогда не стояли у руля той новой промышленности, которая появилась при Второй империи, хотя об этом часто говорят. Также не достигли они своей цели стимулирования роста посредством инфляции. Они не сыграли никакой роли в исправлении положения на железных дорогах, в управлении которыми принимали участие — это было сделано другими. Вероятно, сенсимонисты повлияли на алжирскую политику Наполеона III, равно как и на его мексиканскую авантюру, но не более, чем другие. Наполеона III никак нельзя назвать одним из них. Однако сенсимонисты всегда очень энергично пользовались прессой: будучи специалистами по саморекламе, они оставили после себя не реальные достижения, а миф. Их величайшим триумфом, быть может, явилось то, что некоторые их теории утратили специфическую печать сенсимонизма, поскольку их усвоили все†.

Шарль Фурье (1772–1837), как представитель другого общественного слоя, смотрел на мир с принципиально иной точки зрения. Он был скромным коммивояжером и служащим; его утопия прежде всего предназначалась маленькому человеку, потребителю, мелкому буржуа. Фурье вспоминал, что толчком к открытиям для него, как и для Ньютона, послужило яблоко: когда он увидел, что в Париже яблоки продают в сто раз дороже, чем там, где их вырастили, он «начал подозревать, что в промышленном механизме что-то устроено неправильно». В семилетнем возрасте он был наказан своим отцом — торговцем мануфактурой — за то, что сказал правду: отец заявил, что его сын никогда не станет хорошим предпринимателем. Именно тогда он дал ганнибалову клятву вечной ненависти к коммерции. Позже эта ненависть вылилась в критику всего общественного строя, который он предложил полностью трансформировать. На смену противоречиям цивилизации должна прийти «гармония», а ко-

* *Луи Эжен Кавеньяк* (1802–1857) — генерал, во время революции 1848 г., будучи военным министром, руководил подавлением июньского восстания рабочих в Париже.— *Прим. ред.*

† Анфантен оставил средства, которых хватило для издания после его смерти «Трудов Сен-Симона и Анфантена» в 47 томах (1865–1878) См.. *Crampon* La France saint-simonienne à son déclin 1867

операция должна вытеснить бессмысленную и жестокую конкуренцию. С паразитизмом торговли должно быть покончено. Отупляющий и неэффективный тяжелый крестьянский труд должен превратиться в удовольствие. Человек по природе благ, однако общество в своем нынешнем виде развращает его; лишь оно одно несет ответственность за конфликт между частными и общественными интересами, за угнетение и крушение надежд людей. Целью Фурье было не усовершенствовать, а освободить человека, позволить ему делать то, что нравится. В отличие от своего современника Роберта Оуэна, рассчитывавшего изменить природу человека через изменение среды, Фурье стремился лишь приспособить окружающую среду к человеческой природе и удовлетворить человеческие нужды и страсти. Он отрицал порочный характер и необходимость подавления этих страстей (в этом он предвосхитил современные психологические теории), мечтал о состоянии гармонии, в котором все страсти смогут найти выражение и умиротворение. Люди главным образом хотят хорошо есть и пить, работать в меру, желательно занимаясь тем, что приносит им удовольствие, и, возможно, время от времени меняя род занятий. Также они жаждут независимости и безопасности.

Для бесконфликтного достижения всего этого Фурье придумал проект, не оставлявший никого за бортом и не исключавший то меньшинство, которое преуспевало и при существующем строе. Человечество должно образовать фаланстеры, то есть общины, насчитывающие примерно 1600 человек разного возраста, благосостояния и темперамента, ибо чем больше разнообразие личностей, тем скорее между ними установится гармония. Идеальное число составляло 1620 человек, так как, по расчетам Фурье, для каждого пола насчитывалось не менее 405 различных темпераментов. Фаланстер должен включать в себя ферму (которая делала его независимым в экономическом отношении), окружавшую огромное здание, внешний вид которого напоминал большую сельскую усадьбу XVIII века или оксфордский колледж. В здании находились столовые, комнаты отдыха, кабинеты и библиотека. В одном крыле размещались мастерские, а остальные помещения отводились под жилье самого разного типа — от скромных комнат до роскошных апартаментов. Все классы живут отдельными семьями, однако существует общественная столовая; пищу (предлагаются блюда самой разной стоимости) можно принимать либо в общей зале, либо в отдельных кабинетах, либо в личных апартаментах. Наличие общественной столовой приносит не только огромную экономию топлива и продуктов, но и освобождает женщин от домашних хлопот — готовят лишь те, кому это нравится, а остальные пополняют ряды работников.

Когда все заняты трудом, а конкуренция перестает причинять ущерб, производство увеличивается в пять раз. Производимые

товары и продукты отличаются самым высоким качеством. Потребность в тяжелом сельскохозяйственном труде сокращается или оно механизируется, а люди обращаются к садоводству и лесоводству. Требуется гораздо меньше рабочих дней, и человек работает уже только потому, что ему это нравится. Однако человеческой природе свойственна тяга к соревнованию и интриганству, потому вся работа производится небольшими группами людей, которым нравится общество друг друга. Каждый человек входит в несколько групп, выполняющих различные работы; в течение дня участники могут переходить из одной группы в другую. Таким образом может быть покончено с однообразием труда. Командный дух, стимулируемый премиями, гарантирует высокую производительность труда. Классовые различия исчезают, так как никто не связан каким-либо одним занятием. Неприятная работа по мере возможности исключается, а необходимая грязная работа делается детьми, которые по природе своей обожают пачкаться. В цивилизованном обществе чумазых детей наказывают, но Фурье обнаруживает общественную полезность в каждой черте человеческого характера, какой бы неприятной она, на первый взгляд, не казалась. Он был пионером методов воспитания через деятельность и развитие природных склонностей ребенка; он предлагал, чтобы дети обучались, вместо бесполезных игр участвуя в простейших промышленных и сельскохозяйственных работах, что позволило бы им свободно определить свои пристрастия, поскольку уже в раннем возрасте они познакомились бы с большим числом разнообразных профессий. Против поверхностного классического образования он отстаивал полезность профессионального обучения, отвечающего наклонностям, проявленным ребенком. Другими словами, Фурье стремился дать как мужчинам, так и женщинам свободу делать то, что им заблагорассудится. Он дерзнул распространить этот принцип и на половые отношения. Если некоторые люди хотят жить с одним партнером всю жизнь, то фаланстер даст им эту возможность, но другие, как и в работе, жаждут разнообразия, и это допускается Фурье, исключающего социальную дискриминацию лиц, ведущих свободную половую жизнь. Рождение детей также не создает проблем, поскольку существуют ясли. Фурье считал предпочтительным, чтобы все дети обучались в подлинно общеобразовательной школе (первым пропагандистом которой он являлся), что избавило бы всех от классовых предрассудков*

Фурье хотел, чтобы такие фаланстеры организовывались на добровольной основе, при этом каждый вносил бы долю необходимого капитала. Он обещал вкладчикам 33% дохода на этот капитал. В его планы не входило ниспровержение капитализма, он хотел превзойти его и примирить с социализмом. Фурье верил в то, что все люди стремятся к приобретению собственности;

* *Zeldin D.* The Educational Ideas of Charles Fourier. 1969.

он замечал, что у тех, кто работает ради собственной выгоды, производительность труда в два раза выше, чем у незаинтересованных в результатах своего труда фабричных рабочих. В фаланстерах наемных работников не существовало — пролетариат упразднялся. Все были одновременно и капиталистами, и рабочими. Те, кто не имел первоначального капитала, получали в фаланстере долю в обмен на свой труд; позднее они бы ее выкупили. Доходы общины распределялись между всеми ее членами, которые, хотя и в разной степени, были ее владельцами-компаньонами. Соединение капитала, труда и таланта обеспечивает прибыль. Пусть нет финансового равенства, зато есть социальное: каждому гарантируется минимальный доход, а больным и старикам — пенсии. Конкуренция заменяется сотрудничеством, а выгоды крупномасштабного производства сочетаются с кооперативной собственностью.

Необходимость фактически упразднялась. Что касается коммуны, то ее лидеры избираются голосованием. Фурье не интересовался политикой и полагал, что без нее можно обойтись. Он ждал, что первый фаланстер будет основан каким-нибудь богатым человеком, и у государства ничего не просил. Если его проекты получат всеобщее признание, он предвидел также создание промышленных армий, в которых молодые люди станут расходовать избыток своей энергии на масштабные общественные работы, а не на войну: среди таковых он предсказывал строительство Суэцкого и Панамского каналов и ирригацию Сахары*

Основные труды Фурье изданы в шести толстых томах. Они написаны тяжелым языком с многочисленными малопонятными неологизмами; форма изложения весьма экстравагантна; здравый смысл и пророческая интуиция затеряны в дебрях необузданной фантазии, порой граничащей с умопомешательством. Вдумчивых читателей нашлось немного, гораздо больше оказалось превратных толкований. Взгляды Фурье на отношения полов вызывали возмущение. Фаланстеры абсолютно ошибочно считали торжеством общей собственности и чем-то вроде военных казарм. Как бы то ни было, фурьеризм завоевал популярность и приобрел значительно больше сторонников, чем сенсимонизм. Библиография книг и брошюр, посвященных ему, занимает сотню страниц† Тираж фурьеристской газеты в 1848 году достиг 3700 экземпляров, среди ее читателей был сам Луи Наполеон. Однако эта газета не служила интересам какого-либо сплоченного сообщества, подобно образованному сторонниками Сен-Симона.

Возглавивший после смерти Фурье его сторонников Виктор Консидеран (1808—1893) избрал стратегию, совершенно противоположную стратегии Анфантена. Консидеран был выпускником École polytechnique, вышедшим в отставку в звании капитана артиллерии для того, чтобы найти применение своим выдающимся

* *Fourier Ch.* Œuvres Complètes. 1841; *Bourgin H.* Fourier. 1905.

† *Bo G. del.* Charles Fourier e la scuola societaria 1801—1922, saggio biblografico. Milan, 1957.

журналистским способностям. Он успешно пресек попытку одного из последователей Фурье — Жюста Мюирона — образовать Union des Phalanstériens, что означало бы создание религиозной секты наподобие сенсимонистской*. Вместо этого Консидеран пытался распространить учение Фурье максимально широко — он был энергичным и успешным пропагандистом. Он писал работы, проясняющие взгляды Фурье и излагавшие их гораздо более живым и доступным для понимания языком, основал журнал (с финансовой помощью своего английского почитателя Артура Янга) и в 1843 году успешно преобразовал его в ежедневную газету «La Démocratie pacifique». Консидеран отказался от наиболее нелепых порождений воображения Фурье. Так, он отбросил предсказания вроде того, что через 15000 лет человек будет иметь хвост с глазом на конце, также он недвусмысленно отрекся от взглядов Фурье на половые отношения. Свою доктрину он адресовал среднему классу, объясняя, что социализм Фурье был не революционным движением, а поиском путей мирного урегулирования антагонизма и классовой вражды в современном обществе. Объединение, по словам Консидерана, означало «организацию всех новых прав [то есть прав масс] без ущерба для узаконенных имущественных прав». Он предупреждал средний класс, что если тот продолжит поддерживать режим свободной конкуренции, то вскоре лишится своей собственности и своих мелких предприятий, которые перейдут в руки небольшой группы магнатов. «Французская буржуазия не должна позволить безнаказанно лишить себя собственности и низвести себя до уровня пролетариата»†. В то же время Консидеран делал фурьеризм привлекательнее для низших классов. Он выступил против аполитичности Фурье и постепенно превратился в защитника демократии. Первоначально он признавал конституционную монархию Луи-Филиппа, придерживаясь того мнения, что хотя все имеют право принимать участие в управлении государством, передачу народным массам этого права следует отсрочить до тех пор, пока они не станут достаточно компетентными для понимания государственных вопросов; массы следует рассматривать как несовершеннолетних‡. Однако 25 февраля 1848 года он высказался за республику и вскоре связал свою судьбу с левыми. Его лозунгом стало единство социалистов, среди которых он занял выдающееся положение благодаря уважению, проявляемому к соперничающим учениям, которым он продолжал оппонировать — такое поведение резко контрастировало со злобными перепалками других деятелей§. В 1849 году он совместно с Прудоном и Ледрю-Ролленом основал в Париже Демократический и социалистический комитет; 13 июля 1849 года он присоединился к их призыву к восстанию, хотя это и противоречило мирным методам, всегда им пропагандировавшимся**.

* *Bourgin H.* Victor Considérant, son œuvre. Lyon, 1909. P. 41, 81.
† *Considérant V.* Principes du socialisme. 1843. P. 13.
‡ Ibid. P. 77.
§ *Considérant V.* Le Socialisme devant le vieux monde. 1848. P. 31–110.
** *Armand F.* Les Fouriéristes et les luttes révolutionnaires de 1848 à 1851. 1948. P. 41–42, 56–57.

Отныне фурьеристы стали меньше полагаться на частную инициативу и предназначили государству новую роль. Консидеран обратился в парламент с просьбой профинансировать эксперимент по созданию фаланстеров. Виктор Эннекен, ставший в 1849 году членом Законодательного собрания, еще больше видоизменил доктрину учителя. Он утверждал, что проведение эксперимента по созданию такой общины не отвечает духу времени. Это было бы оправдано в несомненно спокойной атмосфере Июльской монархии, но хаос, который охватил общество после ее краха, требует всеобъемлющей программы полной перестройки. Его предложение сводилось к тому, чтобы государство взяло в свои руки контроль над теми отраслями промышленности и коммерческими предприятиями, в которых процветают злоупотребления, вместо того чтобы пытаться смягчить последствия этих злоупотреблений путем фиксирования заработных плат и цен. Так, например, уголь был слишком дорог, а шахтерам платили очень мало, следовательно, государство должно было само эксплуатировать шахты, хотя и необязательно все из них. Государству следует показать пример эффективного и справедливого управления отраслью. Оно должно выступить в роли главного дирижера промышленности, «но этот дирижер не должен играть на всех инструментах», а лишь давать указания. Государству также необходимо выкупить железные дороги и каналы, являющиеся «артериями общества», и страховые компании, способствующие укреплению солидарности членов политического организма. Для коммун он рекомендовал форму муниципального социализма: создание муниципальных яслей, домов престарелых, мясных лавок, пекарен, общественных садов; городское планирование; учреждение сельских банков и складов для сельскохозяйственной продукции с целью избавиться от паразитирующих посредников и лавочников. По-прежнему веря в то, что возрождение общества достижимо с помощью реорганизации хозяйства в сельских общинах, Эннекен, тем не менее, уделял внимание и проблемам промышленных рабочих. Он предлагал обеспечить всех пенсиями и высказывался за поощрение создания профсоюзов и смешанных объединений рабочих и работодателей. Такая мера встретила бы множество препятствий, но дала бы некоторое удовлетворение «нравственным требованиям рабочего, который стремится получить статус партнера и который при неудаче или же успехе таких простейших форм сотрудничества вскоре прийдет к мысли о том, что условием нормального [или полноценного] сотрудничества может стать возрожденная община». Эннекен настойчиво повторял, что слов «конфискация, уничтожение и разрушение нет в нашем лексиконе»*

Эннекен сосредоточился на требовании обеспечения «гарантийного» государства, что было компромиссом по отношению

* *Hennequin V.* Programme de l'École phalansterienne. 1848.

к фурьеристской «гармонии»; проблема была в том, что достижение обоих идеалов обходилось очень дорого. Во Франции было предпринято лишь несколько попыток создания фурьеристских общин. Однако они не были признаны лидерами движения, так как это были лишь половинчатые эксперименты, требовавшие многочисленных компромиссов; все они провалились из-за недостатка средств или настойчивости. Ближе всех к успеху была попытка Годена (1817–1888). В 1834 году во время своего путешествия по Франции он, тогда еще простой рабочий-металлург, был поражен нищетой своих собратьев и неэффективностью организации их труда. Поставив себе цель основать фабричное дело на более справедливых принципах, он основал собственное предприятие. Годен изобрел новое устройство печей и новый метод эмалирования, благодаря чему дело процветало и вскоре выросло в фабрику. Он читал Сен-Симона, Оуэна, Кабе и в конце концов пришел к выводу, что наилучшее руководство по организации фабрики дал Фурье. В 1859 году Годен стал наконец достаточно богат, чтобы построить поблизости от своего предприятия «общественный дворец» и внести принципы солидарности в среду рабочих, разделив с ними доходы. Сам он получал со своего капитала 5% плюс жалованье директора и долю прибыли как простой рабочий. Каждый рабочий также получал свою долю от прибыли дополнительно к зарплате. Это было не совсем в духе Фурье, так как оплата труда не отменялась и выделялись четыре категории рабочих. Как бы то ни было, Годен был достаточно популярен и в 1871 году его избрали в парламент, а перед своей смертью в 1888 году он завещал значительную часть своего состояния (около 2,5 миллионов франков) *familistière** С тех пор 1200 рабочих в какой-то степени самостоятельно управляли фабрикой†.

Ставились и другие эксперименты, в разной степени заимствовавшие идеи Фурье (например, объединение маляров Le Travail [«Труд»], распределявшее доходы более или менее в соответствии с принципами Фурье), однако вскоре все они потерпели крах. Во Франции никогда не было поставлено ни одного по-настоящему успешного опыта, способного служить образцом‡. Фурьеристские эксперименты проводились гораздо в более широких масштабах за рубежом: в США их было по крайней мере тридцать, наиболее известное из которых, Брук-Фарм, было описано одним из его участников, Натаниэлем Готорном, в его «Романе о Блайтдейле»§. Фурье пользовался авторитетом также и в России, хотя интересно, что фаланстер, устроенный в 1848 году Петрашевским, был сожжен дотла его крестьянами, слишком привязанными к традиционному укладу**

В романе Золя «Труд» (1901) дается заманчивое описание фурьеристской общины, а у Эжена Сю в его романе «Невзгоды

* Промышленный кооператив.
† *Gide Ch.* Les Colonies communistes et coopératives. 1927–1928. P. 131, 181–188; *Bernardot.* Le Familistière de Guise et son fondateur. 1889.
‡ *Bougié C.* Socialismes français. 1946. P. 130.
§ *Bestor A. J.* Backwoods Utopias. 1950.
** *Sournine C.* Le Fourierisme en Russie. 1936. P. 59.

найденышей» (1851) — подробное описание одной действительно существовавшей общины в Солони. Таким образом, фурьеризм проник в литературу, став элементом французского культурного наследия, однако как движение он быстро исчез, и только Шарль Жид, лидер кооператоров, признавал влияние Фурье. В 1895 году Жорж Сорель писал: «Девять из каждых десяти французов, интересующихся социальными вопросами, являются частичными или непоследовательными фурьеристами. Никто не читает Фурье или даже Консидерана, однако сущность их взглядов или, скорее, их выводы стали всеобщим достоянием»*. Идеи Фурье разделялись и социалистами, и радикалами, что стирало границы между ними. Интересно проследить, как Консидеран, человек потрясающей приспособляемости, подготавливал для этого почву. Бóльшую часть времени существования Второй империи проведя в Техасе, где безуспешно пытался создать общину, Консидеран отказался баллотироваться в парламент Третьей республики. Он утверждал, что не имеет желания вновь предпринимать попытки создать идеальный фаланстер, что сейчас требуется предпринять усилия иного рода, имеющие под собой «строго научную основу». Поэтому уже в преклонном возрасте он посещает лекции в Сорбонне и Коллеж-де-Франс, чтобы иметь возможность соединить новые знания и науку со старыми идеалами. Принявшие наукообразный вид некоторые из основных положений фурьеризма возродились в солидаризме, поэтому нет ничего удивительного, что памятник Фурье был поставлен в Париже лишь в 1900 году, когда солидаризм достиг пика своего влияния†.

Утопия Фурье была утопией мелкой буржуазии. Автором же другой утопии, где особое внимание уделялось проблемам промышленных рабочих и безработных ремесленников, был Луи Блан (1811–1882). Он был значительно менее оригинален, чем его предшественники, заимствовал идеи Фурье об ассоциации и сочетал их со взглядами Сен-Симона на власть, имея целью установление поддерживаемого государством социализма. Однако значение Блана состоит в том, что впоследствии он попытался согласовать эти идеи со всеобщим избирательным правом и республиканской формой правления, создав первый демократический вариант социализма. Луи Блан был сыном государственного служащего, получившего отставку после 1815 года, и дочери корсиканского адвоката. Он получил школьное образование благодаря стипендии, затем был гувернером сына фабриканта-металлиста из Арраса, шестьсот рабочих которого дали ему возможность познакомиться с некоторыми проблемами промышленности. В 1834 году в Париже он начал заниматься журналистикой и быстро занял ключевые позиции в группировке, сложившейся вокруг «La Réforme». Он оказался весьма способным литератором,

* Цит. по: *Bourgin H.* Fourier. 1905. P. 581.

† На углу бульвара Клиши и улицы Коленкур. См.: *Isambert G.* Les Idées socialistes en France de 1815 à 1848. Le Socialisme fondé sur la fraternité et l'union des classes. 1905. P. 197.

обладавшим ярким и энергичным стилем, его пятитомную «Историю десятилетия 1830–1840» (1841–1844), не только солидную, но и читабельную благодаря насыщенности живыми подробностями, никак нельзя было не заметить, но широкой популярности Блан добился еще после выхода «Организации труда» (1839), явившейся практической программой немедленного установления социализма без помощи революции. Автор мечтал о том, чтобы государственная власть стала в конце концов излишней, но пока он видел в ней инструмент освобождения рабочего класса, предлагая устроить огромный заем и на полученные деньги создать «общественные мастерские», то есть фабрики, где были бы воплощены принципы кооперативного объединения. Доходы планировалось делить между рабочими поровну, однако для выплаты пенсий и помощи больным должны были откладываться значительные средства. Предполагались и дополнительные расходы на поддержку других рабочих и на приобретение им орудий труда для обеспечения их независимости. Постепенно система трудовых ассоциаций получала бы все большее распространение в промышленности. На первых порах такие общественные мастерские существовали бы бок о бок с капиталистическими предприятиями, производящими ту же продукцию, но вскоре бы превзошли и вытеснили последних. Государство нужно только дать толчок делу и назначить первых управляющих, после чего можно оставить все на усмотрение рабочих, которые в дальнейшем станут избирать руководителей сами. Блан, в отличие от Фурье, предлагал капиталистам не участие в дележе прибылей, а лишь фиксированный, хотя и выгодный, процент по займу; как и Фурье, он рассчитывал произвести свою реформу с их помощью. Опять же вслед за Фурье он считал, что конкуренция разоряет буржуазию и приносит нищету рабочим, а ее продолжение означает «войну на истребление» с Англией, если только Франция добровольно не ограничится одним лишь сельским хозяйством. Он отнюдь не добивался полной отмены частной собственности, полагая ее естественным правом, которое, впрочем, не должно порождать привилегии* Однако он критиковал формулу Сен-Симона «Каждому по заслугам», заменив его уравнительным лозунгом «Каждому по потребностям». Блану претили иерархические и авторитарные стороны сенсимонизма, так как он верил, что без всеобщего избирательного права прогресс недостижим — справедливость он определял как равенство†. Его политические взгляды любопытным образом напоминали воззрения английских левеллеров XVII века. Он опасался «долгих парламентов», воздвигающих стену недоверия между народом и государством, выступал за ежегодные выборы, чтобы лица, облеченные властью, постоянно помнили о ее народных истоках, и требовал, чтобы определенные основные права оставались неприкосновенны‡.

* *Blanc L.* Le Socialisme. droit au travail // Questions d'aujourd'hui et de demain 1873–1884. Vol. 4 P 317–325.
† *Blanc L.* Le Pouvoir, ce qu'il doit être. 1841.
‡ *Blanc L.* Du suffrage universel 1850

Луи Блан был одним из популярнейших деятелей 1848 года, ибо предлагал простой рецепт. «Организация труда» казалась немедленным решением всех основных проблем общества. Однако период экономического кризиса оказался неудачным временем для сбора средств на его промышленные проекты. Основанные им небольшие ассоциации рабочих большей частью не вызвали никакого резонанса и оказали влияние лишь на крайне незначительную часть ремесленников. Национальные мастерские (не имевшие никакой связи с его взглядами, так как они просто занимали безработных бессмысленным трудом за ничтожные деньги) неудачно ассоциировались в сознании масс с его «общественными мастерскими» и дискредитировали его взгляды. Ему не удалось образовать министерство прогресса или министерство труда, а также получить сколько-нибудь значительные ассигнования из бюджета, чтобы добиться хоть каких-то результатов. Однако он успел составить законопроект «по подготовке социальной революции и упразднению пролетариата [то есть заработной платы] постепенно, мирным путем и без потрясений». Согласно его плану, государство должно выкупить железные дороги, шахты, Банк Франции и страховые компании и организовать национальную оптово-розничную торговую сеть. На получаемые от них доходы следует учредить кооперативные ассоциации рабочих, которые бы конкурировали с частными предприятиями. Проект Блана важен потому, что в этом одном документе содержится квинтэссенция общих целей большинства социалистов 1848 года*. Вернувшись в 1870 году во Францию из Англии, где более двадцати лет находился в эмиграции, Блан, однако, полностью отказался от своей промежуточной позиции, хотя его популярность еще оставалась достаточной для его избрания в парламент. Он выступил против Парижской Коммуны, так как по-прежнему верил в централизованное государство. Хотя он и агитировал за всеобщее избирательное право, он никогда не уделял особого внимания организации крестьянства, составлявшего основную часть избирателей. Он впал в ярый антиклерикализм и делал упор на него в ущерб социальным реформам† Он даже с одобрением цитировал фрагменты работы Тьера, посвященной собственности‡. Несмотря на то, что Луи Блан был первопроходцем демократом, он испытывал неприязнь к парламентской демократии Третьей республики, а мысль о партийной организации была ему чужда. Он всегда был враждебно настроен по отношению к небольшим избирательным округам, жителей которых легко ввести в заблуждение, и лелеял грезу о том, что если бы «вся Франция собралась на одной площади», его идеи ожидал бы триумф§. Теперь он называл себя радикалом, но больше не принадлежал к крайне левым. Над ним довлела неудача 1848 года, но, с другой стороны, некоторые из его идей стали

* *Blanc L.* Histoire de la révolution de 1848. 1870. Vol. 1. P. 161.
† *Blanc L.* A mes électeurs. 1876. 12 Feb; *Idem.* Discours politiques, 1847 à 1881. 1882. P. 208, 372.
‡ *Blanc L.* Le Parti radical, sa doctrine, sa conduite. 1872. 15 Oct.
§ *Blanc L.* Du gouvernement direct, du peuple par lui-même (1851) // Questions d'aujourd'hui et de demain. 1873–1884. Vol. 1. P. 200.

вполне респектабельными, так что Луи Блан мог рассчитывать на успех в будущем*.

Автором наиболее широко известного в 1848 году социалистического учения был Этьен Кабе (1788–1856). Его книга «Путешествие в Икарию» между 1840 и 1848 годами выдержала пять изданий. Шестьсот страниц мелким шрифтом не отпугивали читателей, даже рабочих. Кабе не был ярким мыслителем, однако это не делает его фигуру менее интересной. В его книге предпринята попытка со всей откровенностью отразить чаяния простого рабочего. Прежде всего, Кабе обещал перспективу процветания. Во имя равенства он приносил в жертву свободу. Кабе был выходцем из рабочего класса — отец его был бондарем в Дижоне, «честным и трудолюбивым ремесленником», как называл его сын. Благодаря различным стипендиям Кабе стал учителем, а затем адвокатом; вершиной его устремлений было получение должности профессора права. Однако Реставрация закрыла ему дорогу к успеху, так как он был сторонником Наполеона, а не Бурбонов. Он примкнул к карбонариям и до 1830 года был активным деятелем либеральной оппозиции, однако после установления Июльской монархии не смог вписаться в ее систему. Будучи назначен генерал-прокурором Корсики, но вскоре был смещен за то, что случайно задел имущественные интересы неких влиятельных лиц. Став депутатом от Дижона, Кабе ожесточенно критиковал Луи-Филиппа за то, что тот не порвал с аристократией и не отменил привилегии. Он требовал настоящей республики — с выборами, образованием и достойным уровнем жизни для масс. Его газета «Le Populaire» распространялась среди рабочих по очень низкой цене†. Он писал: «Мы хотим не ограбить богатых, а предоставить возможность бедным жить в достатке и обогащаться с помощью своего труда». Богатые могут строить себе столько дворцов, сколько им заблагорассудится, при условии, что у каждого бедняка будет собственный домик‡. Кабе постоянно подвергался преследованиям со стороны государства и в конце концов вынужден был эмигрировать.

Именно в Англии Кабе стал коммунистом. Некоторые считают, что в этом сказалось влияние Роберта Оуэна, другие полагают, что он больше обязан Бабефу (чей коммунизм отражал память бедных крестьян о старой общинной организации докапиталистических времен, ведении хозяйства на неогороженных участках, традиционных общинных правах на пастбища и рубку дров)§. Кабе решил, что главной причиной человеческих бедствий является неравенство, и сделал вывод, что конец этому может положить лишь коллективная собственность. Свою модель идеального государства он представил в виде романа, который по тем временам представлял своего рода научную фантастику. Его

* *Vidalenc J.* Louis Blanc. 1848; *Tchernoff I.* L. Blanc. 1904; *Loubère L. A.* Louis Blanc; His Life and his Contribution to the Rise of French Jacobin-Socialism. Evanston. 1961.

† В 1846 г. тираж составлял 3600 экземпляров, однако в 1830-х гг. иногда продавалось и по 20000 экземпляров. Ср. с дневниковой записью Прудона от сентября 1843 г.: «Плохо лажу со всеми, на что мне рассчитывать? Массы по-прежнему слишком невежественны, и сверх того Кабе в их глазах стоит гораздо выше» (Carnets de P. J. Proudhon. 1960. Vol. 1. P. 8).

‡ Poursuits du gouvernement contre M. Cabet, député de la Côte-d'Or, directeur du Populaire. 1834. 2. P. 28, 45. На первых 30 страницах этого тома можно найти своего рода автобиографию Кабе.

§ *Proudhommeaux J.* Icarie et son fondateur, Etienne Cabet. Contribution à l'étude du socialisme experimental. 1907. P 144; *Dommanget M. et al.* Babeuf et les problèmes du babouvisme. 1963. P. 55 ff.

Икария была страной изобилия. Вся роскошь Парижа и Лондона была представлена в ней в избытке, и она уже не была достоянием привилегированного меньшинства. Все принадлежит государству, которое кормит, одевает, предоставляет жилье и работу населению. Любые занятия пользуются одинаковым уважением и одинаково же вознаграждаются. Каждый человек вносит посильный вклад, а получает соответственно своим потребностям. Машины не запрещаются, напротив, их использование ширится, ибо более не существует опасности того, что они лишат кого-либо работы, а настоящее их предназначение во всемерном облегчении труда человека. Все дома похожи и одинаково, но щедро обставлены за счет государства; везде есть ванные комнаты, туалетные столики с зеркалами и ковры. В каждом доме живет одна семья; от размера семьи зависит размер квартиры. Однако никакого намека на либертарианство Фурье. Господствует строгая мораль, поощряются брак и продолжение рода, безбрачие наказывается, а «свободным союзам» между трудящимися положен конец. Все носят красивую одинаковую одежду, так как «странная и безвкусная мода» отвергается. Однако представители каждой профессии и возрастной группы различаются униформой, поэтому недостатка в разнообразии нет. Правда, фасоны никогда не меняются и, например, женские шляпки смоделированы лучшими умами столь хитро, что сидят на головах любого размера и формы. Торговля упразднена. Управление государством основывается на демократических выборах, однако о возможности несогласия во взглядах упоминается лишь вскользь. Истина одна, а посему дозволены только государственные газеты: свобода печати необходима для борьбы против королей и аристократов, а не в условиях народной демократии. «Ни в одном обществе нет столь многочисленной полиции,— говорит один из героев романа,— ибо все наши государственные служащие и даже все граждане обязаны наблюдать за выполнением закона, преследовать судебным порядком или же разоблачать преступления, свидетелями которых они стали».

Кабе не был революционером. Опыт карбонария привил ему неприязнь к тайным обществам. Во второй части его книги описываются временные меры, действовавшие на протяжении полувека, пока общество постепенно готовилось к введению коммунизма. В течение этого периода труд не был обязателен, частная собственность продолжала существовать, хотя постепенно ее и ограничивали с помощью налогов и создания кооперативных объединений. Тем временем заработная плата регламентировалась, бедность благодаря действиям государства исчезала, а новое поколение с помощью бесплатного образования усваивало идею равенства. Привлекательность взглядов Кабе состояла в том, что его идеальная модель не грешила против морали или религии;

сам он утверждал, что его взгляды являются лишь развитием идей раннего христианства. Его толкование коммунизма как реформистского и деистического движения быстро завоевало огромную популярность, оставив за спиной крайне малочисленную группу революционных материалистов, возглавляемую Теодором Дезами. Правительство, однако, не делало различий между ними — все они являлись для него страшной угрозой. 20 января 1848 года либеральный «Journal des débats» писал: «Коммунисты вот-вот поднимут восстание. Тридцать тысяч коммунистов готовы взять в руки оружие и свергнуть существующий режим. Ими даже избран лидер, который, несомненно, будет отвечать за раздел всей собственности». Однако во Второй республике Кабе, как ни странно, не пользовался большим авторитетом. Социалисты, особенно Луи Блан и Ледрю-Роллен, энергично отмежевались от него и не поддержали его кандидатуру на выборах в парламент. В Париже он собрал всего 20 тысяч голосов в апреле 1848 года и 68 тысяч — в июне, что в обоих случаях оказалось недостаточно для завоевания места в парламенте*. Еще до февраля он призвал последователей покинуть родину и воплотить утопию в США. 29 января 1848 года первые 69 переселенцев оставили Францию, а сам Кабе последовал за ними в декабре. Его авторитарные замашки и пренебрежение личной независимостью усугубили чисто практические трудности, вставшие на пути предприятия. К моменту своей смерти в Сент-Луисе в 1856 году он в глазах французских политиков был уже героем давно минувших дней, однако идеал, о котором он мечтал, не был предан забвению†.

Пьер Леру (1797–1871) был еще одним социалистом, короткое время наслаждавшимся некоторой популярностью, а затем практически полностью дискредитированным. Он пользовался очень большим уважением поколения, достигшего зрелости к 1848 году‡. Ламартин предсказывал, что работы Леру когда-нибудь «будут читать не меньше, чем сегодня „Общественный договор"»§. В «British and Foreign Review» в 1843 году писали: «Мы полагаем, что его труды заслуживают гораздо большего внимания, чем работы практически любого другого современного мыслителя»**. Сын простого владельца кафе, он получил образование в Лицее Карла Великого, однако из-за бедности своих родителей не смог поступить в École polytechnique. Он стал печатником, а позднее журналистом, основал и редактировал «Le Globe» — сначала либеральное, а затем сенсимонистское издание. В 1831 году он разошелся с Анфантеном и создал собственную теорию. Возможно, он был первым французом, назвавшим себя социалистом, хотя сектантство было абсолютно ему чуждо. В молодости он был карбонарием, однако ему претили насильственные методы этого движения. По его собственным словам,

* *Angrand P.* Etienne Cabet et la république de 1848. 1948. P. 65, 70.
† *Rude F.* Voyage en Icarie, deux ouvriers viennois aux États-Unis en 1855. 1952.
‡ *Renan E.* Souvenirs d'enfance et de jeunesse. 1883. P. 249; *Zeldine Th.* Émile Ollivier and the Liberal Empire of Napoleon III. Oxford, 1963. P. 5–6, 9.
§ *Mougin H.* Pierre Leroux. 1938. P. 13.
** Цит. по: *Evans D. O.* Pierre Leroux and his philosophy in relation to literature // Publications of the Modern Language Association. 1929. Mar. P. 283.

он предпочитал быть «миролюбивым революционером». Он сознавал нарастание конфронтации пролетариата и буржуазии, но хотел избежать ее, для чего предлагал согласиться с необходимостью представительства рабочих в парламенте. Леру всегда отличался примиренчеством. Он ввел в обиход не только термин «социалист», но также и «солидарность» — новый вид отношений между классами, призванный заменить благотворительность, поскольку равенство должно заменить иерархию. Себя он скромно именовал «четвертым социалистом», так как в качестве основателей социализма он рассматривал Сен-Симона, Фурье и Роберта Оуэна. На взгляд Леру, они отстаивали соответственно равенство («улучшение участи большинства людей»), свободу и истинное братство. В его проекте демократической и социальной конституции делался даже больший упор на демократию, чем в проекте Луи Блана. Подзаголовок его звучал следующим образом: «Надежный способ организации деятельности государства без нанесения ущерба свободе»*

На определенном этапе Пьер Леру казался человеком, успешнее всех соединившим устремления людей своей эпохи. Его энциклопедия, составленная по образцу «Энциклопедии» XVIII века и призванная заменить последнюю, породила большие надежды на появление новой программы действий. Однако в дальнейшем Леру оказался в тупике. Хотя мнение о необходимости возрождения христианства широко распространилось и обществу требовалась новая нравственная основа, его «религия гуманизма» оказалась смесью мистицизма и абсурда. Он стал проповедовать реинкарнацию (хотя при этом и поссорился со своим другом Жаном Рейно, когда последний заявил, что души путешествуют с одной планеты на другую) и предложил способ производства пищи с использованием человеческих экскрементов. Проект конституции, предложенный им как депутатом в 1848 году, был отвергнут *единогласно*. Тучный, надутый, краснолицый, в безразмерном неопрятном сюртуке, с густой и растрепанной шевелюрой, он казался лесным дикарем и служил мишенью постоянных насмешек, хотя в одном его мизинце было больше остроумия, чем у десяти его коллег по парламенту†. После смерти Леру предложение о сборе средств для воздвижения памятника ему практически не получило поддержки. Парижская Коммуна согласилась послать двух представителей на его похороны, но дала понять, что воздает должное защитнику народа, а не мистику‡.

Бюше (1796—1865) был основателем еще одного социалистического течения, которое особенно интересно своим отходом от социализма. Бюше начинал как атеист и революционер: именно в его парижском жилище было основано движение французских

* *Leroux P.* Projet d'une constitution démocratique et sociale. 1848.
† *Simon J.* Premières Années. P. 386.
‡ *Evans D. O.* Le Socialisme romantique. 1948; *Leroux P.* L'Égalite. 1838.

карбонариев. Затем он обратился в сенсимонизм, но в 1829 году порвал с Анфантеном, превращавшим учение Сен-Симона в религию и развивавшим свои оригинальные взгляды на женский пол. Бюше попытался примирить социализм с католицизмом. Он верил в прогресс, в улучшение жизни народа и прекращение его эксплуатации, однако основное значение придавал духовному возрождению и полагал, что католицизм может помочь в достижении этой цели. Сам он, в отличие, например, от Морра, не исполнял католических обрядов, хотя многие из его последователей в конце концов становились священнослужителями. Бюше утверждал, что практическое воплощение христианского учения позволит решить социальный вопрос. Он имел в виду, что рабочие должны объединить свои сбережения и даже занять денег для образования ассоциаций, где все были бы равны, сами распоряжались своей судьбой и получали одинаковое жалованье. Вскоре, благодаря экономии и аскетической жизни, они возвратили бы займы и в дальнейшем приумножали бы капитал, который, как он настаивал, всегда должен оставаться нераздельным. По существу это были бы производственные кооперативы, и Бюше лично участвовал в создании нескольких; наибольшую известность приобрело общество ювелиров-позолотчиков, существовавшее с 1834 по 1873 год и процветавшее (в Париже насчитывалось не менее восьми его филиалов). Загвоздка была в том, что сами рабочие продолжали жить в крайней нищете, тогда как ассоциация преуспевала, а нераздельный капитал увеличивался. Для умножения таких союзов, пожалуй, не достало бы праведников.

Бюше высоко ценили две различные группы людей. Его идеи поддерживала газета умеренных республиканцев «Le National» и особенно Гарнье-Паже, Жюль Бастид и Рекюр, ставшие министрами в 1848 году. Сразу же после революции Бюше был назначен заместителем мэра Парижа, а в апреле избирается председателем Учредительного собрания, заместителем председателя которого был его последователь Корбон. Однако своим положением он оказался обязан поддержке со стороны умеренных консерваторов, а не широкой популярности среди рабочих. Покровительство, оказываемое ему буржуазией, еще сильнее отчуждало его от социалистов.

Правда, существовала небольшая преданная ему группа рабочих, в течение десяти лет руководившая печатным изданием и пропагандировавшая его взгляды. «L'Atelier» был, как гласил его подзаголовок, «Особым Органом Рабочего Класса, редактируемым исключительно рабочими». Журнал достаточно туманно определял социализм как «инстинкт, чувство, потребность... проявляемое рабочим классом сильное желание добиться лучшего положения в обществе». Тем самым отвергались претензии любых утопических доктрин на монопольное владение истиной.

Однако на практике под социализмом понималось нечто большее, так как доказывалась неизбежность столкновения интересов рабочих и их хозяев, а также необходимость сплочения самих рабочих. Правда, издание не призывало к борьбе против хозяев и осуждало деятельность профсоюзов. Последние ничего не могли сделать для того, чтобы разобраться в причинах проблемы, имевшей две грани. Во-первых, согласно формуле, выдвинутой «L'Atelier» в противовес высказанному Луи Бланом тезису о праве на труд, рабочие имели право на весь продукт своего труда и были уверены в том, что хозяева и мастера являются паразитами, лишающими их этого продукта. Во-вторых, разделение на хозяев и рабочих оскорбляет достоинство последних. В журнале проявлялся особый интерес к этому аспекту. Там встречаются горькие сетования на «глупое и унизительное определение — „низший класс"», дающееся рабочим, и обиду, наносимую им, пусть иногда и неосознанно, самим отношением вышестоящих лиц к нижестоящим. Когда в 1846 году владельцы некоторых фабрик учредили комитет по выдаче премий рабочим, отличавшимся «хорошим поведением» и «нравственностью», журнал с сарказмом предложил создать «комитет поощрения» фабрикантов, который награждал бы тех владельцев фабрик, чье поведение было образцовым во всех отношениях. Статус хозяина необходимо упразднить: «Рабочий должен перестать быть инструментом и стать человеком». Так как собственность является необходимой гарантией свободы и достоинства, то ею должны обладать все рабочие; в «L'Atelier» отстаивалась общая собственность на средства производства в рамках ассоциаций рабочих, но индивидуальная собственность на предметы потребления. Чувство собственного достоинства требовало, чтобы рабочие добились освобождения самостоятельно, что вступало в противоречие как с верой Луи Блана в государство, так и с воззрениями сторонников участия рабочих в распределении прибылей, не посягавших на иерархическую структуру общества. В качестве временных мер, предшествующих учреждению ассоциаций, выдвигались требования регулирования заработной платы, льготного кредита и повышения значения *prud'hommes**

«L'Atelier» значительно видоизменил доктрину Бюше, уведя ее в сторону от сенсимонизма. Бюше был социалистом в исходном смысле этого слова: противником индивидуализма, ставившим во главу угла нужды общества. «L'Atelier» поначалу разделял его воззрения, но постепенно, особенно после 1848 года, подменил их «общечеловеческими ценностями» и стремлением к свободе личности. Журнал часто сравнивал русского крепостного и гражданина Соединенных Штатов† Симпатии к христианству были всего заметнее в социализме «L'Atelier». Предполагалось, что духовным потребностям должно уделяться больше

* Советы сведущих людей.

† *Cuvillier A.* Un Journal d'ouvriers: L'Atelier. 1954. P. 73.

внимания, чем материальным. Таким образом, журнал имел больше общего с буржуазным изданием «National», с которым стоял на одних этических позициях, чем с социалистами, даже разделяя их взгляды на экономику и организацию труда. Это и стало причиной краха издания. Его аскетизм, умеренность, постоянные указания на практические препятствия к освобождению рабочего класса, католическая направленность отталкивали рабочих. Парадоксально, но читателями рабочего журнала (а число их никогда не превышало 1500) были в основном представители среднего класса. Прудон писал, что это издание не обладает «какой-либо реальной, устойчивой популярностью» среди рабочих, ибо вместо того, чтобы стать выразителем настроений народа, оно народу не доверяло, «пользуясь заумным языком и распространяя крайне безапелляционные теории». Влияние журнала было лишь косвенным, поскольку в 1849 году его издатель, будучи председателем комитета по труду Законодательного собрания, сумел провести в состав совета по поддержке рабочих ассоциаций своих сторонников. Этот орган отвечал за распределение трех миллионов франков среди рабочих, стремившихся создать производственные кооперативы. Он навязал им принципы Бюше о нераздельности капитала и, таким образом, способствовал дискредитации самой идеи. В 1848 году некоторым влиянием наслаждался Луи Блан; в 1849 году пришло время сторонников Бюше*

Однако они не внесли вклад в дальнейшее развитие социализма. Один из них, слесарь Ж. П. Жийян, заявлял: «Я люблю свою профессию, люблю свои инструменты, и даже если бы я мог зарабатывать на жизнь литературой, я бы не перестал быть слесарем». Он опубликовал сборник рассказов и стихов, предисловие к которому написала Жорж Санд, и хранил верность делу демократии. Дороги других рабочих-журналистов разошлись. Антим Корбон (1808–1891) поочередно был ткачом, маляром, землемером, наборщиком, скульптором по дереву и мрамору. «Он работал всем, кем мог, и везде преуспевал», но при всех своих талантах был недружелюбен, неприветлив и раздражителен. Депутат в 1848 и 1871 годах, он стал постоянным членом сената в 1875 году и в конце концов обратился к публицистике. Он опубликовал любопытную книгу под названием «Загадка парижан» (1863), преследовавшую цель осветить истинную природу рабочего класса, однако работа разочаровала своей малой информативностью. К тому времени он уже порвал со своим классом и отошел как от социализма, так и от католицизма. Один из его коллег по редакции «L'Atelier» — шляпный мастер Кено — стал фабрикантом и к 1865 году владел одной из крупнейших фабрик Парижа. Он также оставил прежние убеждения и даже основал патерналистское общество взаимопомощи, конкурировавшее

* *Cuvillier A. P. J. B.* Buchez et les origines du socialisme chrétien. 1948. P. 73.

с давно существовавшим и состоящим исключительно из рабочих «Обществом шляпных мастеров»*. Идеи Бюше активно использовались для отвлечения рабочих от социализма, предлагая альтернативные пути, но потерпели неудачу.

Среди всех ранних социалистических мыслителей Прудон (1809–1865) был человеком поистине самого плебейского происхождения. Сын сельского ремесленника — бондаря, трактирщика, мелкого пивовара и крестьянина, он не пошел по стопам отца по мотивам, которые бросают свет на причины эрозии традиции послушания. Отец Прудона едва сводил концы с концами, его разорило отсутствие деловой хватки: он был слишком щепетилен при продаже своей продукции, так что выручки хватало лишь на покрытие расходов и содержание семьи, на черный же день не оставалось ничего. Неудачи отца оказали большое влияние на Прудона, вследствие чего его политическая система прежде всего отвечала на вопросы выживания таких, как его отец, ремесленников: в ней было уделено большое внимание честности при расчетах и установлению справедливых цен. Способности мальчика разглядел местный кюре, добившийся для него места в лицее Безансона, однако из-за семейных невзгод Прудон был вынужден покинуть его, не окончив курса. Он стал наборщиком. На этом поприще он смог утолить свою страсть к литературе и стал примером новой категории рабочих — ремесленников-самоучек, людей самонадеянных, глубоко консервативных, но по простодушию своему открытых новым веяниям.

В четырнадцать лет, еще учась в школе, он получил в награду трактат Фенелона «Доказательство бытия Бога», который впервые посеял в уме Прудона некоторые сомнения насчет религии. Имея дело в качестве печатника и корректора главным образом с теологическими трудами, он познакомился с искусством ведения полемики, приобрел несколько беспорядочную эрудицию, выучил латынь, греческий и древнееврейский. Он начал подвергать сомнению все. Он отпечатал «Nouveau Monde Industriel» Фурье и в течение какого-то времени был его пылким сторонником. «Не было ни одной системы, ни одной ереси, как я теперь понимаю, в которую бы я не верил». Когда из-за кризиса 1830 года Прудон лишился работы, он отправился странствовать по Франции: постоянные трудности с поиском работы усиливали его враждебность к существующему строю. Печатная компания, которую ему в конце концов удалось основать, вскоре потерпела крах после самоубийства его отца. Сам Прудон избежал банкротства, получив стипендию для обучения в Париже, но написанная им в результате книга «Что такое собственность?» лишила его материальной поддержки. Именно таким необычным путем Прудон стал полемистом и журналистом, но и необъятное

* *Cuvillier A.* L'Atelier. 1954. P. 61.

количество написанного им не смогло обеспечить его материальное благосостояние. Возможно, он никогда не стал бы бунтарем, если бы его жизнь не была постоянной борьбой, а буржуазное общество не отталкивало бы его столь резко. «Я надеялся найти спасение в какой-либо достойной коммерческой деятельности,— писал он,— но меня всюду избегали как зачумленного». Он мог бы пойти на компромисс с Луи-Филиппом или Наполеоном III, если бы те выказали большее сочувствие его экономическим взглядам*. Фиаско Прудона как политика-практика в 1848 и 1863 годах подстегнуло его нападки на существующий строй, хотя, как будет ясно впоследствии, он не был таким уж ярым его врагом, каким казался. Сочетание радикализма и консерватизма в идеях Прудона имеет особое значение, так как способствует объяснению двойственности позднейшего французского социализма.

Не было ни одного вопроса, по которому Прудон бы не имел собственного мнения. Он любил выступать и писал с необыкновенной легкостью, не стеснялся излагать второстепенные факты и отступать от темы. Он опубликовал 26 томов сочинений при жизни, еще двенадцать томов были изданы после его смерти, не считая четырнадцати томов переписки. Неудивительно, что он редко бывал оригинален. Его фигура значительна не в последнюю очередь именно благодаря этому отсутствию оригинальности. Прудон был популярен, ибо выражал настроения народа, по крайней мере значительной его части. Он открыто признавался в отсутствии больших амбиций. «Мы являемся советниками народа, просим его высказываться и истолковываем его действия. Спрашивать мнение народа — вот вся наша философия и политика». Самое большее, на что он претендовал — это «расширение кругозора масс и прокладывание дорог для них». Склад его ума был скорее аналитическим, нежели творческим. Он выявлял значение общепризнанных идей и доводил их до логического завершения, стремясь создать, по его словам, «народную философию». Он указывал в гораздо большей степени на недостатки современного ему общества, нежели предлагал ему альтернативу. В любом случае, заявлял он, люди не стремятся к утопиям. Он олицетворял скептицизм парижского фрондера, вечного критика†. Маркс несправедливо обвинял Прудона в непонимании и неправильном применении гегельянства. Прудон выявлял существующие в мире противоречия, но не надеялся примирить их в синтезе. Его мир был плюралистичен, а истина многогранна, и проблема заключалась в том, как добиться мирного сосуществования неизбежных различий. Внутренняя разнородность и наступивший в конце концов паралич Третьей республики были поистине напророчены им.

Прудон считал главной целью народных масс обретение ими независимости, самоуважения и чувства собственного достоин-

* *Halévy D.* La Vie de Proudhon 1809–1847. 1948. P. 412–421. Отличную от моей точку зрения см.: *Gurvitch G.* Pour le centenaire de la mort de P. J. Proudhon: Proudhon et Marx, une confrontation. 1964. P. 59 ff.

† *Proudhon P. J.* Correspondance. 1875. V. 7. P. 10; V. 10, P. 12; V. 14. P. 161.

ства. Основной же его заботой была такая организация общества, при которой было бы возможно достижение этой цели. Он был уверен в том, что необходимыми составляющими этого являются справедливость, равенство и свобода. Под справедливостью он понимал уважение людьми достоинства друг друга; это означало, что отношения между людьми должны строиться строго на основе взаимной выгоды: таким образом устранялось угнетение. Стремление к равенству отличало его от Сен-Симона, верившего в иерархическое общество, от Фурье, предназначавшего особое вознаграждение для капиталистов и талантливых рабочих, а также от Кабе, ратовавшего за полное материальное уравнение. Предметом главной заботы Прудона было социальное равенство. Правда, он верил и в то, что равные возможности образования сделают людей равными и в интеллектуальном отношении, однако он не требовал одинаковой оплаты для всех, полагая, что ее размер должен определяться на основании ценности труда. Также он не распространял свое требование равенства на женщин. Передовые идеи не особенно волновали его и, по его словам, массы они тоже не привлекали. Он заявлял, что женщина должна оставаться хранительницей очага. На него оказали огромное влияние библейские сюжеты, Кодекс Наполеона, усвоенные им крупицы римского права и страх безработных мужчин перед конкуренцией со стороны женщин. Он считал, что женщины уступают мужчинам во всех отношениях, так что они должны видеть смысл своего существования в целомудренном браке и находить удовлетворение в покорности своим мужьям. Прудон отличался пуританскими взглядами. Прелюбодеяние было для него главной причиной упадка современного общества. Вступать в половые отношения следует лишь с целью продолжения рода. Власть отца в семье должна быть, по его словам, «почти неограниченной». Семья воспринималась им как опора человеческого достоинства, и он не считал, что она может служить препятствием к достижению свободы*

Кроме семьи, где он был полновластным хозяином, уважающий себя мужчина должен иметь собственность. Хотя Прудон и прославился лозунгом «собственность — это кража»†, на самом же деле он не желал отмены собственности. Он имел в виду лишь то, что землевладельцы, которые не работали сами, виновны в краже, ибо доход без труда и есть кража. Прудон хотел дать землю обрабатывавшим ее крестьянам и установить какое-то подобие равенства между ними. Он отвергал абсолютность права собственности, но взамен выдвигал почти столь же абсолютное понятие «владения» или узуфрукта‡ — идею, заимствованную им опять-таки из римского права. Пожизненное право собственности должно сохраняться в обществе, дабы гарантировать справедливое распределение и препятствовать обогащению землевладельцев

* *Proudhon P. J.* De la justice dans la Révolution et dans l'Église. 1858. V. 1. P. 98, 175–176; V. 3. P. 181 ff (о женщинах).

† Прудон был не первым, кто произнес эту фразу. Во время Революции 1789 г. нечто подобное говорил Бриссо. Однако Прудон, возможно, не был осведомлен об этом, когда выдвигал свой постулат.

‡ Право пожизненного пользования чужим имуществом и доходами от него.— *Прим. ред.*

за счет арендаторов. Первоначально он отождествлял общество с государством, но позднее предлагал, чтобы контроль над землей — арендованными участками и налогами с них — был сосредоточен в руках общин, благодаря чему соседи могли легко полюбовно разрешать спорные вопросы между собой. Однако со временем Прудон стал испытывать растущее недоверие к общественному контролю над собственностью, за который он первоначально ратовал, и стал настаивать на том, что «владение» должно быть наследственным (чтобы избежать разрушения семьи) и не должно изыматься даже в том случае, если о земле плохо заботились или ее не обрабатывали. Главное его реформаторское предложение сводилось, в общем, к превращению арендованной земли в собственность арендатора: когда совокупная выплаченная арендная плата на 20% превышала стоимость участка, право собственности должно было считаться выкупленным у землевладельца. Перед смертью Прудон отрекся от прежнего увлечения феодом и заявил свою приверженность аллоду*. Он высчитал, что крестьянской семье требуется примерно 12,5 акров различных пахотных земель, пастбищ и виноградников, а также право пользования общественным выгоном и лесом, что и стало (безусловно, благодаря воспоминаниям о родном Франш-Конте, где такое разнообразие существовало) его идеалом. Прудон выступал за гармоничное общество мелких крестьянских собственников, общинное же землевладение осуждал. «Крестьянин,— писал он в отрывке, много говорившем и о нем самом,— наименее романтичный, наименее идеалистичный из людей. Он любит природу так же, как ребенок свою кормилицу, его волнует не столько ее красота (хотя он и знает о ней), сколько ее плодородие. Крестьянин любит природу за ее мощную грудь, за то, что она служит источником жизни». Прудон полностью отдавал себе отчет в крестьянском эгоизме и никогда не был утопистом, основывавшем свою теоретическую систему на призраке альтруизма†.

Несмотря на весь свой консерватизм (а он называл себя консерватором), он также был врагом многих устоявшихся ценностей. Необходимо иметь в виду, что критикуемая им собственность была собственностью начала XIX века, свободной от каких-либо социальных ограничений, когда отсутствовали возможность принудительного ее отчуждения и контроль над арендной платой. Его современник Лабуле считал собственность божественным институтом. Согласно декрету Конвента, любой человек, предлагавший законопроект, угрожавший собственности, должен приговариваться к смертной казни. Взгляды Прудона на собственность были связаны с его враждебным отношением к католической церкви. Он критиковал ее за примирение с неизбежностью нищеты, за отсутствие желания всех сделать собственниками, за

* То есть праву собственности на каких-то условиях предпочел безусловное право собственности.

† *Proudhon P. J.* Qu'est-ce que la propriété? 1840; *Berthod A. P.* Proudhon et la propriété. Un socialisme pour les paysans. 1910.

поощрение благотворительности. Эти воззрения он считал несовместимыми с человеческим достоинством и равенством.

Однако и крестьянин, и рабочий, даже если они и обладали собственностью, отнюдь не могли считаться свободными, так как у них отсутствовал капитал, позволяющий извлекать из нее выгоду, так что обычно они вынуждены были залезать в долги. Первым шагом к свободе было достижение свободы экономической, для чего требовался льготный кредит. Прудон заявил, что изобрел систему, способную обеспечить его едва ли не одним росчерком пера. С тиранической властью денег должно быть покончено путем простого их упразднения. Вместо них нужно ввести систему обмена, при которой товары оцениваются согласно величине вложенного в их производство труда. Центральный банк выдает кредиты тем, кто может хоть что-либо произвести. Проценты отменяются или, по крайней мере, уменьшаются до 0,5%, а задолженность частных лиц и организаций аннулируется. Практически безвозмездный кредит доступен всем: арендаторы постепенно превращаются в собственников, вступающих во владение имуществом, а рабочие получают полную стоимость своей продукции. Это и был *mutuellisme** Прудона, призванный привнести справедливость в экономические отношения.

С помощью этих мер он надеялся спасти независимых мелких крестьян и ремесленников, которых считал наиболее здоровым элементом французского общества. Его взгляды на экономику были во многих отношениях отсталыми, враждебными прогрессу и индустриализации. Довольно долгого он даже выступал против производственных ассоциаций рабочих (что являлось одной из причин, по которым Луи Блан называл его антисоциалистом). Народный банк задуман был для предоставления независимости рабочим в индивидуальном порядке: Прудон опасался, что ассоциации ограничат эту свободу. Однако со временем он, как с ним это часто бывало, присоединился к господствующему мнению и признал, что образование ассоциаций является полезной предварительной мерой на пути к системе эквивалентного обмена. Впоследствии он даже считал их идеально подходящими для замены крупных капиталистических компаний (вроде шахт, где отдельные личности сами по себе просто бессильны)†. Важно отметить, что Прудон хотел уничтожить лишь верхушку праздных богатых капиталистов; но был весьма склонен к примирению основной части буржуазии с пролетариатом. Он надеялся, что повышение достоинства труда и наслаждение, получаемое от него, ставшего более разнообразным и интересным в результате широкого распространения образования (чему Прудон уделял огромное внимание) приведут к истинному социальному равенству в обществе, где труд никогда не будет отягчаться эксплуатацией

* Мютюэлизм, теория эквивалентного обмена.— *Прим. ред.*

† См. предисловие Эме Берто: *Proudhon P. J.* Idée générale de la révolution au 19e siècle. 1923. P. 32–46.

человека человеком. Он хотел не только торжества права на труд, но и освобождения труда.

Реорганизация экономических отношений сделает традиционное государство излишним. Прудон довел до логического конца мысль Сен-Симона о власти вещей, идущей на смену власти человека, и именно в этом отношении он является отцом французского анархизма. Он ненавидел всякую власть, всякий контроль над собственной независимостью и считал, что это врожденное свойство человека (возможно, в отношении множества французов это и было правдой). Прудон выступал за свободную федерацию автономных коммун или округов, призванную заменить централизованное государство, в котором он видел лишь угнетателя, а не инструмент прогресса, а поэтому враждебно относился к объединению Германии и Италии. Он отстаивал мнение, что все вопросы между индивидуумами должны разрешаться на основе свободных договоров равных людей. Он критиковал «Общественный договор» Руссо, так как тот подразумевал отказ от обязанностей и власти и образование государства, господствующего над личностью. Прудон жестко критиковал демократию, всеобщее избирательное право, насилие и революцию. Политическое действие он не считал достаточным. Столь же враждебно он относился и к церкви, бывшей для него символом власти и угнетения, и явился одним из наиболее энергичных пионеров антиклерикализма. Он хотел лишить церковь контроля над образованием, но планировал передать его не государству, а на волю свободной инициативы родителей, полагая, что государственное образование обходится слишком дорого. Он стремился к уменьшению налогообложения, а не к созданию «государства всеобщего благосостояния», поэтому во многих отношениях взгляды Прудона принципиально отличались от воззрений современных ему социалистов.

Прудон мечтал стать действующим политиком, однако у него не оказалось к этому способностей. После поражения на выборах в апреле 1848 года он все-таки прошел в парламент на дополнительных выборах в июне, однако так никогда и не стал партийным лидером. Из-за своей журналистской работы он многократно оказывался под судом, неоднократно заключался в тюрьму и высылался (что, впрочем, невольно способствовало его литературным занятиям). Избранная им политическая линия отличалась колебаниями и своенравной парадоксальностью. Февральская революция 1848 года не вызвала у Прудона энтузиазма, так как не разделяла его взглядов, однако после переворота он воспрянул духом. Заигрывание с имперской властью на какое-то время подорвало его репутацию. На выборах 1863 года он, сознательно противостоя политике всех прочих республиканцев, изменил свою тактику и призвал к массовому неучастию в голосо-

вании. Его призыв остался незамеченным: о скудости его контактов с рабочими свидетельствует то, что он пытался нанять некоторых из них для работы в своем предвыборном комитете. Но лишь в последней книге «Политический потенциал рабочего класса» (незаконченной и опубликованной вскоре после его смерти) ему наконец удалось привить свои идеи политическому движению. Прудон в чем-то изменил свои взгляды, развив целую философскую систему из манифеста 60 парижских рабочих (1863), требовавшего от пролетариев прекратить голосовать за кандидатов от буржуазии, а для защиты своих интересов выдвигать только представителей собственного класса. Он объявил о начале новой эры, когда рабочий класс впервые приобретает самосознание, отделяет себя от буржуазии и отстаивает взгляды, диаметрально противоположные ее взглядам. Так же как атеисты не посещают церковь, так и рабочие должны перестать посещать храм буржуазной политики и сосредоточиться на борьбе за экономические перемены. Они должны не унаследовать власть централизованного государства, а упразднить ее.

После своей смерти Прудон, несомненно, стал очень авторитетной фигурой. Многие указывали на его труды как на источник вдохновения. Во второй половине XIX века он был тем же, кем был Руссо за 50 лет до этого, и, как и взгляды Руссо, его идеи интерпретировались очень по-разному. В документах Французской секции I Интернационала постоянно цитировались его труды, а ее мютюэлизм во многих отношениях совпадал с прудоновским. В Парижской Коммуне можно в каком-то смысле видеть воплощение его идей. Считалось, что революционный синдикализм профсоюзного движения заимствовал многие его положения (Пеллутье и Жуо высказывались о Прудоне с почтением). Разумеется, анархисты почитали его, наряду с Бакуниным, как основателя своего движения. Гамбетта считал его своим учителем, и имя Прудона, несомненно, тесно связано с радикализмом конца XIX и начала XX столетия. «Аксьон Франсез» связала свою деятельность с его именем, и он стал одним из «небесных покровителей» режима Виши. С целью углубленного изучения его трудов, которые за последние 30 лет были переизданы в грандиозном многотомном собрании, было основано общество «Друзья Прудона». Вследствие того, что его имя встречается на столь многих поворотах истории Франции, важно точно выяснить, в какой степени он действительно пользовался авторитетом, а не просто служил для маскировки чужих взглядов.

Сам Прудон говорил: «Народ не читает меня, но слышит и не читая»* В 1860-х годах сапожник Руйе постоянно носил в кармане том сочинений Прудона; страницы книги не были разрезаны, тем не менее Руйе называл себя прудонистом† Прудон выражал путаные мысли этих ремесленников. Если понять это,

* Письмо от 21 мая 1858 г., см.: *Harmel M.* Proudhon et le mouvement ouvrier // Proudhon et notre temps. 1920. P. 33.

† *Vuillaume M.* Mes cahiers rouges au temps de la Commune. 1910. P. 313.

то становится ясным, что непосредственное влияние Прудона было гораздо менее значительным, чем было принято считать до недавнего времени. Современные исследователи все чаще склоняются к тому, что либо события и идеи и так бы стали развиваться в направлении, предсказанном Прудоном, либо влияние Прудона было далеко не абсолютным. Например, обращение парижских рабочих к Женевскому конгрессу I Интернационала (1866) полностью отражало взгляды Прудона, однако эти рабочие не следовали за ним слепо. Прудон осуждал забастовки, но рабочие, будучи лидерами профсоюзов, прибегали к забастовкам, находя их необходимыми; большую часть своей жизни Прудон осуждал политическую деятельность, но рабочие принимали в ней участие, если представлялась возможность. Вскоре они стали клясться именами Маркса или Бакунина, однако об их настоящем влиянии говорить было нельзя. Практические организационные проблемы побудили рабочих использовать новые политические методы, что заставило их воспринять видоизмененную или новую идеологию* То же самое мы увидим и в деятельности Парижской Коммуны, об умеренно социалистических и прудонистских элементах которой речь пойдет ниже.

* *Rougerie J.* Sur l'histoire de la Prèmiere Internationale // Le mouvement social. 1963. Apr.-June. P. 41–43.

Таким образом, влияние утопистов на политическую жизнь состояло не в образовании новых цельных партий, а, наоборот, в ломке традиций, пробуждении сомнений и надежд, создании сказочных миров, где французы могли отрешиться от настоящего и получить компенсацию за его изъяны. На расстоянии, с исторической точки зрения, возможно, более важными являются отстаиваемые утопистами взгляды, чем подробности их проектов, так как люди смешивали фрагменты их идей и применяли их в бесконечном многообразии. Утописты придали идеалам и теориям новый высокий статус, что явилось их достижением. Они просвещали людей тогда, когда предавались теоретизированию, а не тогда, когда примыкали к какой-либо партии. Таким образом, они способствовали расшатыванию стабильности и престижа рутинной политической жизни. Так же как их преемники-интеллектуалы, они обособились от организованного общества, чью гибель предсказывали. Однако утописты претендовали на первенство и влияние в осуждаемом ими обществе. Основанная ими традиция превратилась в одно из наиболее мощных течений в жизни Франции. Их идеализм, пусть даже редко находивший воплощение в практике, отражал стремления широких слоев, и заигрывание с идеализмом на уровне фразеологии или на более глубоких уровнях стали постоянной отличительной чертой рассматриваемого нами столетия.

Глава XVII РЕСПУБЛИКАНИЗМ

Значение республиканизма состоит в том, что в нем отразились изменения в общественных отношениях, приведшие к появлению нового взгляда на политическую жизнь. Именно в республиканизме народная политическая организация нашла альтернативу системе патронажа, на которой дворяне и роялисты основывали свою власть. Таким образом, республиканцы мобилизовали во французском обществе новую силу. Дворяне и нотабли господствовали в политической жизни благодаря своему богатству, связям и активному стремлению к власти. В качестве противовеса их влиянию республиканцы выдвинули на ведущие позиции избирательные комитеты, политические партии и разного рода общества, где обычные люди, объединяясь, могли противостоять нотаблям и поколебать их монополию на занятие государственных должностей. Объединив сопротивление на местах под общенациональным флагом, они предложили массам альтернативу, которой у тех не было ранее.

Однако республиканизм не являлся в прямом смысле слова массовым движением. Существование нескольких разновидностей республиканизма дало противоречивые результаты. Апеллируя к народным массам, он одновременно формировал новую аристократию. Такая двойственность объясняет, почему республиканизм получил широкую поддержку, а также почему вокруг него существовало столько мифов, вуалировавших его внутренние разброд и шатания. Загадочный образ республиканизма долгое время препятствовал объективному исследованию, предмет которого лишь недавно, когда республика после чувствительного удара в 1940 году утвердилась в качестве общепринятой формы государственного устройства, был очищен от слепой приверженности и энтузиазма. Здесь мы встречаемся с множеством домыслов, которые необходимо рассеять.

Прежде всего нужно коснуться вопроса о том, каким обра- в 1848 году было установлено республиканское правление кой мере провозглашение республики было стихийным

выражением воли народа, в какой степени на это повлиял экономический кризис, поразивший в те годы всю Европу, и почему произошло падение монархии? В наше время известно, что монархический режим ослабел задолго до экономического кризиса. Вполне возможно, что если бы экономического кризиса и не случилось, Луи-Филипп все равно отрекся бы от престола, а вместе с ним сошли бы со сцены и его сторонники* С другой стороны, события 22–24 февраля 1848 года никак не доказывают, что падение монархии Луи-Филиппа было неизбежным именно в это время. Во всех банкетах оппозиционеров (70 различных собраний) участвовало менее 17 тысяч человек†. На демонстрации 22 февраля вышло немногим более тысячи студентов и рабочих, и в течение дня толпа увеличилась лишь до трех тысяч человек. Ее лозунги были направлены против полиции, а не против монархии. Когда подвели войска, ярость толпы усилилась, однако при быстром их отводе события могли развиваться совсем по-иному.

Республиканцы готовы были примириться с регентством‡, так как они не питали иллюзий насчет своей силы, ибо действительно были партией меньшинства. В выигрыше могла оказаться династическая оппозиция, но она утратила контроль над ситуацией. Республика была установлена не потому, что старый правящий класс был разгромлен, а потому, что он оставил свои позиции. Республика была установлена в Париже, который уже несколько лет как был потерян для правительства, так как большинство депутатов находились в оппозиции. На остальной территории Франции сражений не происходило — старая власть отступила. Это можно рассматривать либо как признание ее слабости, либо как доказательство поверхностного характера торжества республиканцев. В три февральских дня примерно 350 человек было убито и 500 раненых госпитализировано, так что это была наименее кровопролитная французская революция§.

Токвиль предвидел революцию, но это отнюдь не следует расценивать как проявление необычайной политической прозорливости. Очень многие предсказывали ее начало, это стало общим местом. Сам король, более чем кто-либо другой, терзался ее неизбежностью, тем не менее для многих революция оказалась громом среди ясного неба. Гарнье-Паже, участник революционных событий и член временного правительства 1848 года, полагал, что если бы Луи-Филипп своевременно пошел на уступки и вывел войска из столицы (другими словами, если бы пожелал стать конституционным монархом), то революция бы не состоялась**. Еще один проницательный наблюдатель — роялист Фаллу — считал, что революция была «следствием, абсолютно не вытекавшим из причины»††. В Англии лорд Брогхэм, которому в этой революции досталась такая же роль, какую Бёрк сыграл в 1789 году, заявлял, что это было «внезапное, молниенос-

* Блестящую и беспристрастную главу «Гизо и 1848 г.» см.: *Johnson D.* Guizot. 1956. Ср.: *Thureau-Dangin P.* Histoire de la monarchie de juillet. 1884–1892; *Higonnet P., Higonnet T.* Class Corruption and Politics in the French Chamber of Deputies 1846–1848 // French Historical Studies. 1967. 5. P. 204–224.

† *Bingham J. J.* The French Banquet Campaign of 1847–1848 // Journal of Modern History. 1959. 21. P. 1–15; *Girard L.* La Deuxième République 1848–1851. 1968. P. 34.

‡ *Garnier-Pagès L. A.* Histoire de la révolution de 1848. 1861–1872. V. 5. P. 213.

§ *Seignobos C.* La Révolution de 1848, le second empire. 1921; *Corce P. de la.* Histoire de la seconde république française. 1887 (обе работы подробно излагают ход событий).

** *Garnier-Pagès.* Op. cit. V 4. P. 368.

†† *Comte de Falloux.* Mémoires d'un royaliste. 1888. V. 1. P. 254.

ное событие — переворот, которому не предшествовал разработанный план, к которому не подталкивали какие-либо ощутимые притеснения и который не мог быть вызван каким-либо проявлением недовольства... Не было ни причины, ни повода, ни одного обстоятельства, оправдывающего или хотя бы объясняющего революцию, за исключением привычки к переменам и... склонности к насилию... Она была делом рук полудюжины собравшихся в типографии ремесленников... горстки вооруженных головорезов во главе с сапожником и помощником редактора»*

Гизо не так удивился собственному падению — объяснение ему он видел в положении среднего класса, в его разобщенности, которая и привела к краху монархии. Протеже Гизо Гранье де Кассаньяк, ставший впоследствии одним из приверженцев Наполеона III, соглашался с тем, что катастрофу вызвали соперничество и амбиции политиков, но из этого делал вывод о несостоятельности парламентской формы правления: Луи-Филипп пытался совершить невозможное и был обречен. Ни один общественный слой не испытывал энтузиазма в отношении Июльской монархии, вот почему для ее падения достаточно было простого мятежа. Со своей стороны Тьер, прославившийся подавлением подобных мятежей в начале правления Луи-Филиппа, утверждал, что революцию можно было подавить, выведя войска из Парижа, чтобы позднее взять город штурмом. В 1871 году он с успехом применил этот рецепт против Парижской Коммуны.

Однако сам Луи-Филипп не разделял подобного оптимизма. В беседе с одним журналистом лишившийся престола монарх, в отличие от своих сторонников, говорил о значительно большей силе революционного движения. Он считал свой режим очень непрочным, ибо свобода прессы позволяла так нападать на него (а к этому он был весьма чувствителен), что авторитет монарха и монархии вообще чрезвычайно уменьшился и низвергнуть трон оказалось очень легко. В 1848 году, в отличие от 1830 года, общественное мнение, по словам Луи-Филиппа, находилось не на его стороне. Он посвятил свое царствование попыткам обуздать революционный дух и в то же время гарантировать постепенное развитие принципов 1789 года. Если бы реформистское движение восторжествовало, то к власти пришли бы революционные силы, которые ввергли бы Европу в войну; он предпочел отречься от престола, но не становиться королем революции. Он не прибег к силе, ибо испытывал перед гражданской войной такой же страх, как и перед войной международной. Луи-Филипп не анализировал причины того, почему общественное мнение отвернулось от него, поскольку склонялся к тому, чтобы рассматривать всю оппозицию как составляющую революции†.

В противоположность тем наблюдателям, которые концентрировались на разногласиях в среднем классе, другие считали

* *Mill J. S.* Dissertations and Discussions. 1859. V. 2. P. 339.

† *Lemoine E.* L'Abdication du roi Louis-Philippe racontée par lui-même. 1851.

торжество республики следствием гораздо более глубоких причин. Так, графиня д'Агу — аристократка, ставшая сторонницей республики, возлюбленная Ференца Листа и автор (под псевдонимом Даниэль Стерн) одной из лучших современных хроник этой революции — приветствовала ее как плод стихийного союза народа и буржуазии. Революция была не случайностью, а закономерным итогом действия нескольких могущественных сил. Начало этому процессу положили философы XVIII столетия с их пропагандой свободомыслия. После 1789 года массы все сильнее стремились к завоеванию политической власти. Промышленный пролетариат, влачивший вследствие постоянных экономических кризисов и безработицы жалкое существование, резко выделялся на фоне растущего благосостояния других классов. «Поначалу,— говорила графиня,— едва ли кто-нибудь подозревал о существовании подобного противоречия». Только Фурье и Сен-Симон указывали на эту несправедливость, однако их призывы не были замечены, «все оставались слепы». Однако сравнительно более бедный слой буржуазии с помощью парламентской оппозиции выражал смутные настроения народа. Правительственная коррупция «приблизила час схватки... Когда началась битва, инстинкты восторжествовали над разумом, а чувства народа — над политической изощренностью. Демократическая Франция, охваченная взрывом негодования, низвергла правительство французской буржуазии и провозгласила себя свободной под республиканской властью». Это весьма тонкий анализ. Мадам д'Агу хотя и учла социальный и интеллектуальный факторы, но очень проницательно ограничила их роль в истинных причинах революции. Ее объяснение, конечно, не вполне удовлетворительно. Она говорит, что общественное мнение выступало за республику, но (по ее же словам) вскоре стало ясно, что революция опередила события. Она не объяснила, почему, на ее взгляд, народ утратил доверие к республике, и почему в июне 1848 года республика подавила народные выступления. Графиня противоречит себе, намекая на то, что республика не была столь популярна, как это казалось в феврале, и что народ не был в ней хозяином*

Карл Маркс, написавший несколько блестящих статей об этой революции, отводил пролетариату весьма скромную роль в ней. Он утверждал, что монархия Луи-Филиппа управлялась «финансовой аристократией» — банкирами и крупными земельными собственниками. Это было «не что иное, как акционерное общество по эксплуатации национального богатства Франции, дивиденды от которого делились между министрами, депутатами, 240 тысячами избирателей и их присными». В оппозиции находилась та группировка, которую он называл промышленной аристократией, которая и захватила власть в 1848 году, поэтому для Маркса эта революция не была пролетарской. В результате

* *Stern D.* Histoire de la révolution de 1848. 1850–1853.

пролетариат не получил власти — его вновь обманули, как и в 1830 году. Февраль 1848 года не идет ни в какое сравнение в 1789 годом. По Марксу, настоящая революция началась с июньских событий, когда буржуазия подавила выступление рабочих, уничтожив, таким образом, союз этих двух классов и подготовив почву для подлинной борьбы пролетариата с буржуазией, которая, как он предсказывал, начнется во время ближайшего экономического кризиса. Маркс не уделял особого внимания неурожаю, сельскохозяйственному и коммерческому кризису 1845—1847 годов, которые только ускорили события, «дав созреть революционному настрою». Марксисты сделали упор на экономической стороне, и благодаря множеству их исследований была вскрыта вся глубина страданий народа*.

Мысль о том, что революция была случайной, в 1912 году подверглась энергичной критике Альбером Кремьё в подробном исследовании ее четырех дней (21—24 февраля 1848 года). Он осуждал своих предшественников-историков, сконцентрировавшихся на изучении роли министров, депутатов и политических партий, и отмечал, что баррикады были возведены не по их приказу, а стихийно, самим народом. Поэтому революция 1848 года была в первую очередь народной. Он привел множество примеров из полицейских докладов, касающихся ведшейся в те дни агитации, и свидетельства участников событий. Он объяснял вмешательство масс в политическую жизнь экономическим кризисом, распространением социалистических учений и всеобщим недовольством, однако не обсуждал то, в какой степени эти факторы напрямую влияли на поведение масс в те критические дни†.

Недавнее исследование показало, что ни одно из объяснений причин революции 1848 года не выдерживает критики. Сельскохозяйственный кризис начался в 1845 году после сбора урожая. К весне 1847 года стоимость хлеба почти вдвое превышала обычный уровень, однако в различных районах страны существовал большой разброс цен. Например, в мае 1847 года цена гектолитра пшеницы в департаменте Вар составляла 34 франка, а в департаменте Верхний Рейн — 49,5 франка. Но урожай 1847 года был очень хорошим. К началу революции цены повсеместно упали до уровня, который был ниже среднего до кризиса, и оставались таковыми все время существования республики. Таким образом, эта революция не была «революцией голода» в смысле нехватки продовольствия. В 1847 году вспыхнуло несколько хлебных бунтов, но они были мелкими и не имели политических последствий. Не все население страдало в одинаковой мере. Для крупных производителей пшеницы плохие урожаи компенсировались высокими ценами на их продукцию. Пострадали мелкие производители, которые не могли позволить себе придерживать пшеницу до установления благоприятных цен. Арендаторы, в благополучные годы

* *Маркс К.* Классовая борьба во Франции в 1848—1850 гг.; *Dautry J.* 1848 et la deuxième république. 1957; *Duveau G.* 1848. 1965. Хороший анализ см.: *Price R.* The Second French Republic. 1972.

† *Crémieux A.* La Révolution du février: étude critique sur les journées des 21, 22, 23 et 24 février 1848. 1912. Ср.: *Quentin-Banchart P.* La Crise sociale de 1848: les origines de la révolution de février. 1920.

платившие высокую арендную плату, испытывали значительные затруднения. Наиболее тяжело пришлось наемным работникам, особенно тем, кому хозяева не предоставляли жилье и еду. Уволенные обедневшими нанимателями, они из-за общего кризиса не могли найти дополнительный заработок в промышленности, необходимый для поддержания существования, и для них эти годы были одними из худших в рассматриваемом нами столетии. Одной из главных проблем в 1848 году была безработица. Не только люди на грани голодной смерти, но и самые широкие слои населения залезали в долги. Даже нормальный урожай не исправил ситуацию. Когда цены на пшеницу наконец-то упали, то до такого низкого уровня, какого крестьяне не могли припомнить с 1787 года. Теперь от этого выиграли работники, однако производители получили смехотворную прибыль и кризис затянулся еще на несколько лет после 1848 года, оказывая влияние на различные группы населения. Например, для виноделов 1847 год был благополучным, но затем они четыре года подряд страдали от невиданных холодов. Не нужно думать, что кризис внезапно покончил с процветанием. В предшествующее царствование крестьяне вообще сталкивались с бóльшими проблемами, чем другие общественные слои. Этот кризис обернулся катастрофой в результате его распространения на всю экономику.

В текстильной промышленности в течение нескольких лет сокращалась заработная плата, и из-за неконтролируемого перепроизводства отрасль шла навстречу катастрофе. Когда спрос резко сократился, работы, по оценкам, лишилось 35% текстильщиков, 35% металлургов и 20% шахтеров. Остановилась прокладка железных дорог, перестали поступать строительные заказы, исчезли рынки сбыта продукции многих мелких отраслей сельского хозяйства. Металлургическое производство упало на 50%. Быть может, самым серьезным был финансовый кризис, так как после него выздоровление экономики стало невозможным. Биржевой рынок рухнул. Трехпроцентные государственные бумаги, стоившие в феврале 1848 года 75 франков, в течение трех последующих лет торговались лишь по 56—58 франков. Учетная ставка Банка Франции упала на 40% и в 1851 году по-прежнему была на треть ниже обычного. Фабриканты в отчаянии выбрасывали на рынок товары по значительно сниженным ценам, что имело катастрофические последствия для мелких лавочников. «Именно из-за этого,— указывал Карл Маркс,— происходили бесчисленные банкротства среди этой части парижской буржуазии; именно это обусловило ее революционную активность в феврале»* Однако не следует преувеличивать значение того факта, что количество случаев банкротств удвоилось. В Париже во вполне рядовом 1845 году произошло 691 банкротство, а с августа 1846 по июль 1847 года — 1139. Не слишком много на общем фоне. Но

* *Marx K.* Works. 1950. V. 1. P. 133.

все вместе — сельскохозяйственный, промышленный, торговый и финансовый — кризисы породили не только множество безработных и голодных, но поставили средний класс в бедственное положение, а высший — заставили осознать, что пошатнулись сами основы общества. В январе 1847 года граф де Кастеллан на балу у герцогини де Гайера — жены одного из богатейших железнодорожных магнатов — заметил, что среди народа ходят разговоры о разгроме дворцов: «Нам угрожает,— говорил он,— социальный переворот»*

Однако из этого не следует, что именно те, кто испытывал наибольшие лишения — голодающие безработные — сыграли в революции важнейшую роль. Исследование промышленных районов Франции показало, что в них практически не велась подрывная деятельность. В Лилле пропорция бедняков, получавших государственное денежное пособие, среди жителей увеличилась с 1:6 в 1828 году до 1:4,2 в 1846 году, однако рабочие смотрели на это без гнева и не призывали к бунту, проявляя покорность и смирение. В этом районе церковь сохраняла свое влияние и успешно призывала бедных перетерпеть невзгоды. В 1848 году пролетарии не восстали. Их политическая деятельность, если ее можно так назвать, сводилась к демонстрациям против иностранных рабочих, особенно бельгийцев, составлявших в период кризиса серьезную конкуренцию на рынке труда. Революция прежде всего дала возможность изгнать иностранцев. Единственное восстание политического характера среди рабочих департамента Нор вспыхнуло 5 декабря 1851 года уже после государственного переворота, и то в нем приняло участие лишь 50 шахтеров из Анзена†. В Эльзасе социалистические настроения были распространены почти исключительно среди буржуазии. Рабочие жили в ужасающих условиях, однако свидетельств о волнениях среди них во время правления Луи-Филиппа нет. Мадам Каан-Ребек в заключение своего детального исследования жизни в провинции периода 1830—1848 годов пишет: «Население Эльзаса не столь сильно чувствует необходимость глубоких социальных реформ, поскольку, во-первых владельцы промышленных предприятий сами проводят некоторые реформы, а, во-вторых, эльзасцы очень уважительно относятся к устоявшемуся порядку». Даже во время кризиса 1847 года, очень сильно ударившего по рабочим, зафиксирован лишь один бунт, когда в июне 300 или 400 рабочих протестовали против высоких цен на хлеб‡.

В целом французские рабочие вполне были способны выражать протест против условий своего существования. За восемнадцать лет правления Луи-Филиппа зафиксировано 382 забастовки (возможно, их было и больше), произошедшие в 121 населенном пункте. Однако чаще всего забастовки происходили не в крупных отраслях промышленности: наибольшую активность проявляли

* *Labrousse E.* Aspects de la crise et de la dépression de l'économie française au milieu du 19e siècle // Bibliothèque de la révolution de 1848. 1956. 19.

† *Lasserre A.* La Situation des ouvriers de l'industrie textile dans la région lilloise sous la monarchie de juillet. Lausanne, 1952.

‡ *Cahan-Rebecque.* L'Alsace économique et sociale sous la règne de Louis-Philippe. 1928.

строительные рабочие, за ними идут портные и плотники. Привилегированные ткачи шелкоткацких фабрик Лиона явились первыми рабочими, взявшими в руки оружие для отстаивания своих требований. Все акции в промышленности определенно были хорошо организованы и спланированы, особенно среди шахтеров и трикотажников. Для подавления забастовок правительство часто использовало войска, за участие в забастовках многих рабочих отправляли в тюрьму. Но связь между протестами на предприятиях и политическими действиями все еще находилась в зачаточном состоянии. Благодаря стачкам некоторые рабочие оказались подготовленными к активному участию в деятельности Второй республики, однако значение забастовок было не настолько велико, чтобы позволить рабочим перехватить политическую инициативу. В любом случае, наиболее активными оказались не фабричные рабочие, а городские ремесленники, а там, где условия существования были наихудшими, протестов фабричных рабочих фактически не наблюдалось. Точно так же и крестьянские волнения 1846–1847 годов, вызванные высокими ценами на хлеб, происходили главным образом на западе страны, а не в регионах, где в 1849 году голосовали за социалистов. Исключительная свобода, господствовавшая при республике, сделала возможным проявление дотоле скрытого недовольства, характер которого был далеко не всегда тем же самым, что и перед революцией*.

Таким образом, республика победила прежде всего потому, что монархия потеряла самообладание, веру в себя и в собственное предназначение. Монархия пала под влиянием весьма своеобразного проявления народного недовольства. Это было проявление недовольства исключительного рода — не кампания в прессе, не партийная агитация, а восстание неорганизованных, никем не руководимых рядовых парижан, порвавших с привычкой к рутине и выразивших свой протест таким способом, который трудно с чем-либо сравнить. Именно это нуждается в объяснении, и его можно дать, если изучать не один только экономический кризис или непосредственно февральские события, а охватить гораздо более широкий спектр явлений. Природу Второй республики невозможно понять путем простого исследования отдельных событий, проливающих на нее свет. Именно из-за того, что революция в значительной степени была непроизвольным всплеском гнева, ее значение остается непонятным. Истоки этой республики все еще нуждаются в прояснении.

Кроме того, это была парижская революция. В провинции не было никакой настоящей борьбы за власть, не проходили там и массовые демонстрации. Местная власть — префекты — не оказала никакого сопротивления. Во многих городах на севере и западе страны республику приняли без энтузиазма, при этом старые чиновники монархии, объявив об установлении нового режи-

* *Cossez R.* Carte des troubles en 1846–1847 // *Labrousse E.* Aspects de la crise. 1956. P. 1–3; *Aguet J. P.* Les Grèves sous la monarchie de juillet. Geneva, 1954; *Stearns P. N.* Patterns of Industrial Strike Activity in France during the July Monarchy // American Historical Review. 1965. Jan. P. 371–394.

ма, продолжали, как и раньше, ведать делами. В Бордо, где оппозиция Луи-Филиппу была слабой и где пустил глубокие корни процветающий высший класс в лице орлеанистски настроенных виноторговцев и судовладельцев, об установлении республики не объявлялось вплоть до 29 февраля, и то это сделал гарнизонный генерал, подчиняясь приказам из Парижа. В Лон-ле-Сонье национальная гвардия осталась верной королю, так что в течение нескольких дней монархистский префект и республиканский комитет существовали бок о бок, оспаривая друг у друга власть. Лишь 3 марта, когда полковник национальной гвардии пошел на компромисс и неохотно подчинился лидеру республиканцев, республика, наконец, восторжествовала*.

До 1848 года уже существовала давняя республиканская традиция, а также велась заметная агитация и имелась своя организация, однако эта деятельность была сосредоточена в сравнительно небольших кружках. Значение событий 1848 года состоит в том, что в политику включились народные массы, которые были привлечены республиканским движением под свои знамена. Однако по стране этот процесс шел неравномерно. Республиканцам удалось склонить крестьян на свою сторону лишь в некоторых регионах. Наименьший след они оставили на западе, где многие продолжали признавать первенство дворян и объединяться с ними против городов. И наоборот, юг удалось превратить из цитадели роялизма в стабильно республиканский регион. Этот процесс лучше всего может быть проиллюстрирован на примере одного из департаментов. В 1815 году департамент Вар был районом, где свирепствовал «белый террор», что являлось свидетельством ведущей политической роли активного дворянства. Однако в декабре 1848 года за республиканцев там голосовало 12,2%, в мае 1849 — 27,4%, а в марте 1850 — 31,5%. Именно в этом департаменте и произошло крупнейшее восстание против государственного переворота 1851 года. В течение последующих ста лет Вар был авангардом республиканского движения, а в 1936 году там было избрано два депутата-коммуниста. Это был сельскохозяйственный департамент, где отсутствовала крупная промышленность. Переход его населения под знамена республиканцев можно объяснить развитием различных форм независимой народной активности в начале XIX века. До 1830-х годов в деревнях почти не питали надежды на обуздание потомков бывших хозяев-феодалов, узурпировавших общинные права на леса, окружавшие эти деревни, права, столь много значившие для бедняков. Однако с этого времени все большее число коммун стало возбуждать против богатых иски и чаще всего выигрывать их. Местной власти придавался новый смысл. Бедные коммуны не могли позволить себе нести судебные расходы, но те, что побогаче, способны были

* О революции в провинциях см.: *Charles A.* La Révolution de 1848 et la seconde république à Bordeaux at dans le département de la Gironde. Bordeaux, 1945; *Dagnan E.* Le Gers sous la seconde république. Auch, 1928–1929; *Dessanis A.* La Révolution de 1848 dans le département du Jura. 1948; *Muller P.* La Révolution de 1848 en Alsace. 1912; *Rougeron G.* La Révolution de 1848 à Moulins et dans le département de l'Allier. 1950; *Reynier É.* La Seconde République dans l'Ardèche. 1948; *Rocal G.* 1848 en Dordogne. 1934; *Godechot J.* La Révolution de 1848 à Toulouse et dans la Haute Garonne. 1948; La Révolution de 1848 dans le département de l'Isère. Grenoble, 1949; *Dutacq F., Latreille A.* Histoire de Lyon. 1952. V 3. См. также уже цитировавшиеся работы Тюдека, Вижье, Шевалье, Арманжо и Дюпё. Большое количество информации содержится в публикациях «Общества Революции 1848 года», существующего под различными названиями с 1905 г.

продолжать борьбу не только против хозяев, но даже и против государства, досаждавшего им своим Лесным кодексом и бесконечными налогами.

В этом районе существовали деревни с населением от 1500 до 5000 человек, зачастую занятых в мелкой промышленности, например, на кожевенных заводах, бумажных фабриках, в шелкоткачестве, производстве пробок и масла. Здесь был высок процент ремесленников, так что они лишь незначительно отличались от городов. Такие деревни становились городами незаметно, поскольку их структура практически не менялась. В этих деревнях, если их можно так назвать, существовала давняя традиция объединения в религиозные братства. В XIX столетии из них образовались новые объединения, в частности, общества взаимопомощи и застольные товарищества. Последние, известные как *chambrées* или *chambrettes*, были характерными только для юга мужскими клубами, в которых пили, играли в азартные игры и вели беседы. Их деятельность приобрела политический характер, так как они быстро вступили в конфликт с правительством из-за уклонения от налогов на вино и неуважения законов об ответственности за азартные игры и общественные собрания. Именно вследствие того, что они выполняли важную социальную функцию, их количество росло, несмотря на все попытки пресечь их деятельность. При Луи-Филиппе в каждой коммуне насчитывалось от одного до семи таких обществ.

Традиция объединения молодых людей в группы была давней, но раньше эти клубы были недолговечны. Теперь же *chambrées* превратились в более-менее постоянные организации мужчин любого возраста. За образец были взяты скорее всего буржуазные клубы, которые уже довольно давно создавали представители высших классов. Такое подражание буржуазии, возможно, было естественным следствием распространения образования. Количество взятых в армию новобранцев из этого департамента, умевших читать и писать, между 1831 и 1851 годами возросло с 33 до 60%. Крестьяне постепенно находили способы участия в жизни нации. Распространялось знание французского языка. Деревенские театры в дополнение к старым народным пьесам начали ставить и классические. Организовывались общества любителей музыки, переросшие уровень народных баллад и обратившиеся к хоровым произведениям на французском языке. Собственно музыкальная деятельность таких обществ зачастую сочеталась с более практической, особенно со взаимным страхованием, таким образом, эти организации выполняли двойную социальную функцию (некоторые из них назывались «филантропическо-гармоническими» обществами). Так, в 1842 году в одной только деревне Кабри насчитывалось пять различных клубов: литературный (куда входили лица свободных профессий и

крупнейшие землевладельцы — нотариус и врач), одна ремесленная *chambrée* и три крестьянских *chambrées*, созданных по территориальному признаку. Все эти формы проявления общительности, свойственной южанам, представляли отличную почву для вовлечения народных масс в политику.

Однако переход от господства знати к независимости масс не произошел в одночасье. В значительной степени деятельность этих обществ приобрела политический оттенок под влиянием диссидентов из среды буржуазии. Одним из классических типов народного героя в середине XIX века был адвокат, представлявший интересы коммуны в судебном процессе против потомков землевладельцев. Другим был филантроп-буржуа, которого боготворили за те благодеяния, которые он оказывал своей деревни, особенно если сам он был выходцем из низов. Однако прежде всего это была «деревенская богема, неудачливые выпускники высших учебных заведений, не имевшие пациентов врачи — все сыновья разбогатевших крестьян, уставшие от изнурительной работы в городе, уволившиеся со службы и проматывавшие деньги своих папаш, испытывавших тупую гордость за столь чуждое им потомство». Так в 1870 году мэр Тулона писал о молодежи 1840-х годов. Приобретение веса этим слоем «молодых мелких буржуа, праздных, образованных и общительных вольнодумцев», было очень важным для распространения в провинции взглядов, господствовавших в Париже. Столь же важным было наличие буржуа-холостяков, изгнанных из общества равных себе людей из-за либеральных взглядов или безнравственного поведения (ибо они, не желавшие жениться из-за боязни пустить по ветру богатство своих семей, жили с любовницами). Такие люди были завсегдатаями кафе и клубов, где устанавливались связи между различными классами. Во многих крестьянских и ремесленных клубах были почетные члены из среды буржуазии, являвшиеся их лидерами либо помогавшие советами. Солидные промышленники, естественно, поддерживали правительство Луи-Филиппа, однако было множество мелких предпринимателей, все еще почти ремесленников, бросавших вызов первым и в коммерции, и в политике. Зажиточные люди или те, кто еще только поднимался по общественной лестнице, не всегда находились по одну сторону баррикад. В частности, сыновья предпринимателей, посланные отцами для получения образования, часто возвращались в свои деревни, где вставали на сторону рабочих и становились республиканскими лидерами. Здесь мы опять наблюдаем, как семейные проблемы приобретают политическое значение.

Однако республиканизм также мог быть связан и с традиционными силами: восстания 1851 года имеют много общего с прежними жакериями, изменился лишь способ выражения требований. До 1848 года крестьяне действовали через местное

самоуправление, после 1851 года они научились действовать через политические партии. Это было достижением отдельных республиканцев, а не какой-либо партийной организации. Часто жителей деревни, внезапно и в большом количестве проголосовавших за «красных», побуждал к этому какой-нибудь энтузиаст-одиночка, подписывавшийся на парижскую газету и пользовавшийся репутацией местного мудреца. Был большой элемент случайности в том, как отданные на волю ветра семена давали всходы в разных концах страны. Эти семена необязательно летели из Парижа. Одной из проблем республиканизма являлось то, что местные его побеги, принимая общенациональные названия, не теряли при этом своей индивидуальности. «Парижская революция,— писал Луи Шевалье,— была лишь поводом для волнений [в сельских районах Франции]. Вообще говоря, она не была их делом. Революция не передала им ни свой ритм, ни свои заботы, ни свою идеологию. Она лишь спровоцировала внезапный жестокий рецидив аграрной лихорадки, которая началась еще во времена Великой Французской революции и даже более ранние и чей непреходящий жар описывали Бальзак, Токвиль и Прудон»*

Участие молодежи и студентов в создании республиканского движения было важным общественным достижением, столь же интересен их теоретический базис. Студенты пришли в политику задолго до 1968 года. Первая «Политическая история студенчества» во Франции была опубликована в 1850 году†. Как и после 1945 года, когда количество студентов университетов удвоилось и даже утроилось, породив новые проблемы и новый класс, в середине XIX века число бакалавров и лиценциатов только за одно поколение увеличилось более чем вдвое. Между 1840 и 1870 годами постоянно росло число ежегодно выпускаемых бакалавров (с 3200 до 7200 человек). Росло и количество лиценциатов (с 338 в 1842 году до 865 в 1876 году). Однако эта новая интеллектуальная элита по-прежнему была довольно малочисленной, соответственно, внутри нее легче устанавливались какие-то личные связи. Каждая группа выпускников из Парижа (или любого другого крупного города) была знакома с другими. Это создавало возможности для распространения идей и общей деятельности. Такие группы сплачивались дружескими чувствами или одинаковым жизненным опытом, в этих условиях формировалась *la jeunesse républicaine*‡, в массе своей состоящая не столько из продолжавших, сколько из уже закончивших учебу. Нельзя забывать и о студентах, не выдержавших экзамена, так как примерно половина кандидатов на степень бакалавра ее не получала. В Париже также обреталось много «вечных студентов... их можно было узнать по неухоженным усам и бородкам, неопрятной одежде и экстравагантным прическам»; они редко посещали лекции, за

* *Chevalier L.* La Formation de la population parisienne au 19e siècle. 1950; *Agulhon M.* La République au village: les populations du Var de la Révolution à la Seconde République. 1970; *Idem.* Pénitents et francs-maçons de l'ancienne Provence. 1968; *Roubin L. A.* Chambrettes des Provençaux. 1970.

† *Watripont A.* Histoire politique des écoles et des étudiants. 1850 (был опубликован только первый том, однако рукопись второго тома была кратко резюмирована автором интересной статьи о студентах: *Larousse P.* Grand Dictionnaire universel du XIXe siècle. 1870. V 7. P. 1085).

‡ Республиканская молодежь (фр.).

исключением тех, которые читали политические знаменитости вроде Мишле и Кине*

Будучи студентами, эти люди являлись своего рода новаторами, первыми меритократами, однако государство, которому они обязаны своим существованием, в то же время отталкивало их своим пренебрежением и преследованиями. Студенты претендовали на многое. Так, например, они заявляли, что благодаря им Париж превратился в «самый могущественный центр, самый действенный фактор цивилизации... он стал местом дискуссий, огромной лабораторией идей»†. Великие французские художники, ученые, писатели и политические деятели, участвовавшие в революции, были выходцами из низов. Они играли важную роль уже в революции 1830 года. Бальзак заметил, что эти молодые люди, которых литераторы изображали ленивыми и эксцентричными прожигателями жизни, являются новой силой, с которой необходимо считаться. Июльская монархия, по его словам, была приведена к власти «интеллектуалами» и «молодежью», но забыла, чем обязана им, отказав в праве избираться в парламент или хотя бы голосовать. «Молодежь,— предсказывал он,— взорвется, как котел паровой машины... Новые варвары — это интеллектуалы».

Государство не могло предоставить достаточное количество вакансий для этого растущего численно класса. Система предоставления рабочих мест, основанная на жестокой конкуренции и отравленная непотизмом и политическими пристрастиями, превратила крушение надежд в обыденное явление. Она не могла подобрать послушных учителей, которые внушали бы молодежи определенные идеи. К учителям предъявлялись огромные требования, однако их жалованье оставалось более чем скромным, а общественный статус и уважение — самым низким. 55% учителей средних школ были выходцами из крестьян, ремесленников или лавочников; только 14% из них сочетались браком с представителями свободных профессий‡. Таким образом, способные дети рабочих обучали в лицеях детей буржуа; такая парадоксальная ситуация неизбежно создавала напряженность. В то время учителя еще не были включены в состав среднего класса, они находились на его обочине, зачастую оставались бессемейными и отличались неуверенностью как в отношении своей работы, так и в социальном отношении. В некотором роде они везде казались чужаками: государство привлекло их к борьбе против церкви, так что они представляли собой угрозу традиционному порядку, который, как предполагалось, они должны поддерживать. Парадокс ситуации заключался в том, что эти бедные учителя в большинстве своем в интеллектуальном плане оставались весьма консервативны, ревностно чтили классиков, в остальном же их кругозор был обычно довольно узок. Вследствие своего консерватизма они осуждали

* *Lucas A.* Les Clubs et les clubistes. 1851. P. 122–123.
† *Larousse.* Op. cit.
‡ *Gerbod P.* La Condition universitaire. 1965. P. 110, 629, 636.

меркантильность и развращенность своей эпохи, чем сильно напоминали духовенство. Государство не знало, как контролировать их. Оно позволило этому идеализму, отражавшему чувство подспудного недовольства и изоляции от мира, вылиться в политическую оппозицию. Республиканские настроения в учительстве беспощадно преследовались, что ожесточило его характер и заставило казаться более революционным, чем оно было на самом деле. Когда репрессии прекратились, республиканцы предстали в истинном свете. Республиканский радикализм отныне трансформировался в консерватизм. Это было не изменой, а доказательством привязанности к традиционным ценностям, которой всегда отличались республиканцы.

Отличительной чертой пропаганды среди студентов в начале XIX века было то, что вели ее в основном преподаватели. Подвергавшиеся гонениям, они часто становились героями демонстраций. Гизо начал свою карьеру, будучи либеральным преподавателем, и стоит заглянуть в его лекции, как понимаешь, что их можно было использовать в качестве политических программ. Были и другие, использовавшие свои кафедры для пропаганды идей, которые существующее правительство не одобряло. Непосредственно перед революцией 1848 года две парижские студенческие газеты — «La Lanterne du Quartier Latin» и «L'Avant-garde, Journal des Écoles» — организовали демонстрации протеста против запрещения лекций Мишле, Кине и Мицкевича. Во время Реставрации и Июльской монархии частенько можно было видеть у стен палаты толпу студентов, рукоплескавших оппозиционным депутатам, или слышать об их забастовках. Ничего странного, что 22 февраля 1848 года они составили ядро демонстрантов, начавших революцию. Лекции Мишле в Коллеж-де-Франс в 1848 году побуждали их скорее к действиям, а не к учебе. Он говорил, что молодежи надлежит выполнить миссию, которая больше не по плечу никому. У нее есть время, пылкие чувства и способность легко смешиваться с представителями любых классов. Только она может создать царство братства и добиться морального единства народа, неся идеи интеллектуалов в массы. Взгляды юных еще не ограничены обязательствами и мировоззрением, навязываемыми любой профессией. Их все еще могут интересовать люди сами по себе, поэтому они должны стать посредниками, «примирителями общества», строителями моста через глубокую пропасть, разделяющую народ и буржуазию. Беда литераторов, по словам Мишле, состоит в том, что они пишут для других литераторов, и даже авторы из рабочих впадают в литературщину и говорят на языке, непонятном народу. Массы попрежнему остаются в изоляции, создаваемой сотнями различных местных диалектов. Молодежь должна сама пойти к ним и перевести на их язык послания гениев*.

* *Michelet J.* L'Étudiant. 1970 (лекции 1848 г., впервые опубликованы в 1877 г.).

Преследование таких преподавателей, как Мишле, возвело их в ранг героев. В период Второй республики и Второй империи некоторые прямодушные преподаватели, уволенные за свою независимость или ушедшие со своих кафедр, отказавшись приносить присягу режиму Наполеона III, в глазах молодежи превратились в настоящих мучеников. Вашро, пользовавшийся огромным влиянием, будучи заместителем директора Эколь Нормаль, и Жюль Симон, покинувший Сорбонну, были лишь самыми громкими именами. Множество менее известных преподавателей ушло из государственной образовательной системы на более скромные должности в частных учебных заведениях. Убежищем для них стал коллеж Сен-Барб, одно из лучших образовательных учреждений Парижа. Только в период Второй республики было уволено или подало в отставку 700 учителей средних школ. Учителя начальных школ, поначалу настроенные в целом консервативно, позднее тоже стали жертвами жесткой регламентации и репрессивных мер. Так начиналась *république des professeurs*.

Республиканизм привлекал также многих врачей и адвокатов, отчасти из-за того, что в этих профессиях было возможно проявление политической независимости. О проблемах врачей мы уже говорили, проблемы же юристов были схожими. Обычное гуманитарное образование середины XIX века заканчивалось изучением права, в связи с чем наблюдался колоссальный переизбыток юристов. Молодые адвокаты, не имевшие клиентуры и едва сводившие концы с концами благодаря частному репетиторству или литературной поденщине, являлись основной составляющей интеллектуального пролетариата большинства городов. Они были естественными защитниками обездоленных. Риторика была общим языком для адвокатов и политиков; адвокаты также являлись посредниками между институтами власти и народом. Поэтому не было случайным то, что когда республика наконец обрела стабильность, им суждено было играть в ней заметную роль. В 1881 году 41% членов палаты депутатов представлял собой юристов (или даже 45%, если учесть тех, кто получил юридическое образование, но не имел практики). В 1906 году эти доли все еще составляли соответственно 37% и 40%. Между 1873 и 1920 годами 52% всех министров имели степень правоведа. Но юридическое образование, конечно же, не стимулировало новаторство или полет мысли. Искусство этих юристов проявлялось в достижении компромиссов, в осуществлении функций переводчиков для говоривших на разных языках общественных классов и властей, в привнесении хотя бы видимости порядка в хаос. Поэтому они столь высоко ценились в ранний период Третьей республики — они способствовали ее консолидации. Заняв ведущие позиции в республике, законники препятствовали ее истинной радикализации. Не случайно после 1920 года количество юристов

в парламенте уменьшилось — в их услугах стали нуждаться меньше, когда новые условия потребовали перемен. «Республика юристов» представляла собой даже меньшую угрозу устоявшимся ценностям и традиционному способу мышления, чем «республика преподавателей», однако их красноречие и молодой напор затрудняли правильную оценку их устремлений*

В течение 1848 и трех последовавших за ним лет получили выражение несколько направлений республиканизма. Во-первых, существовал утопический, «братский» республиканизм (во главе этого движения стоял Ламартин). Это течение первенствовало в условиях невиданной анархии, царившей в первые месяцы революции 1848 года. Падение монархии придало абсолютно новый смысл свободе, так как правительство, пришедшее на смену королевскому режиму, было, по крайней мере по названию, народным. Внезапно появилась полная свобода слова, когда можно было, не опасаясь полиции, публиковать любую книгу и выпускать газеты без уплаты налогов, внесения денежных залогов и прохождения цензуры. В Париже появилось 300 газет. Семнадцать новых газет было основано в одном только департаменте Нор. К маю этого же года общий тираж только рабочих газет в Париже составлял 400 тысяч экземпляров†. Люди могли собираться вместе и образовывать союзы без всяких ограничений. В Париже в течение одного месяца было создано 145 клубов, а три месяца спустя их было уже около 300. Стремительно росло их число в провинции. Те из них, которые ранее были неформальными или тайными обществами, приобрели новое значение; зачастую они превращались в избирательные комитеты или даже переходили от слов к делу, становясь производственными объединениями — предприятиями, управляемыми народом. Корпорации ремесленников пережили внезапное возрождение, и представители различных профессий торжественно выступали на публичных церемониях. Сосуществование могущественного государства и разобщенных индивидов уступило место множеству разновеликих групп, поверивших в то, что их судьба находится в их же собственных руках. Социальные, профессиональные и традиционные предрассудки поглотил наплыв братских чувств, «единения», к которому призывали утописты. На протяжении короткого периода в пролетариях перестали видеть отверженных, но идеализировали их как героев революции. Некоторые дамы буржуазного происхождения ввели в моду грубые рабочие башмаки; мужчины носили поверх тонкого белья ремесленные блузы, отпускали бороды и называли друг друга гражданами.

Ламартин, глава временного правительства и министр иностранных дел, лучше любого другого олицетворял и представлял эту атмосферу экстаза. Это направление республиканцев стремилось не к торжеству одного класса над другим, а к слиянию клас-

* Статистические данные см.: *Gaudemet Y. H.* Les Juristes et la vie politique de la Troisième République. 1970. P. 15, 18.

† *Bellanger C. et. al.* Histoire générale de la presse française. 1968. 2. P. 208; *Codechot J.* La Presse ouvrière 1819–1850 // Bibliothèque de la Révolution de 1848. 1966. 23. P. 185.

сов и, в конечном итоге, их полному упразднению. Фигура Ламартина была наиболее подходящей для того, чтобы возглавить это движение, так как он стоял над борьбой фракций и даже над классовыми конфликтами. Он был аристократом, но аристократом разоренным, любившим называть себя простым виноделом. Общенациональную популярность он завоевал как поэт. Он мог протянуть руку любой партии, ибо одновременно служил всем и не служил никому. Начав карьеру дипломата при Карле X, он поначалу принял режим Луи-Филиппа, но затем перешел в оппозицию к нему. Объявив себя демократом под властью монархии, он, однако, последовательно держался в стороне от существовавших партий. Ламартин считал, что его основным политическим даром является инстинктивное сочувствие народным массам, таинственное умение общаться с ними, благодаря чему он лучше, чем кто-либо другой, улавливает «главнейшее веление времени»: всеобщее примирение. Он всегда был убежден, что избран провидением для выражения народной воли, и «жаждал бури для того, чтобы в борьбе предстать во всем блеске героя». Он не отрицал, что для него политика прежде всего была проявлением чувств, и настойчиво утверждал, что великие исторические свершения невозможны без чувства, повелевающего сердцами масс. Он верил в тягу народа не столько к политическим или экономическим преобразованиям, сколько к нравственному возрождению человечества, возвращению к первородной добродетели и невинности, а также к решению проблем с помощью любви, доселе скованной общественными условностями. Ламартин был глубоко убежден в силе красноречия, способствующего осуществлению этих замыслов. Как следствие, он часто полагал возможным достичь каких-то целей с помощью одной только вдохновенной речи. Впрочем, его наивный энтузиазм нашел отклик у великого множества людей. На выборах 1848 года в Париже за него проголосовала четверть миллиона человек, 1,5 миллиона сделали это в других департаментах, где его кандидатура была выдвинута стихийно. Он стал первым героем всеобщего избирательного права — никто не мог соперничать с ним в популярности. Однако спустя непродолжительное время обнаружилось его полное непонимание жизненных реалий, и власть была утрачена им так же внезапно, как и приобретена. Однако взгляды, которых он придерживался, оказались жизнестойкими. Его республиканизм, при всем своем несовершенстве, не умер, так как являлся отражением широко распространившихся идеализма и великодушия. Стремление Ламартина к популярности среди народных масс, а не среди партийных политиков, его презрение к парламентскому правлению, его идеал «смешанной» республики, уходящей корнями в народ, но верхушку которой составляют герои, возглавляемые выдающимся человеком, с энтузиазмом относящимся к убеждениям своего

поколения, использующим сильное централизованное государство для улучшения положения бедных слоев и ведущим внешнюю политику одновременно блестящую и бескорыстную, основанную на национальном принципе и имеющую своей конечной целью создание федерации европейских государств — все это составило политическую программу, пережившую самого Ламартина. Политика Наполеона III во многом отражала эту программу, а Пятая республика имеет с ней много общего. В промежутке между этими эпохами многие политики восторгались Ламартином (например, Оливье, Вальдек-Руссо, Комб и Барту). За исключением отдельных случаев, заложенная им традиция являлась важной составной частью подсознания республиканской партии. Республиканизм всегда обнаруживал склонность к широким жестам во имя человеколюбия и к благородным поступкам, которые не служили классовым или частным интересам. В чем-то он был очень похож на бонапартизм. Подобная двойственность часто вызывала внутренние конфликты, а иногда и приводила движение на грань катастрофы, но от нее республиканизм не мог избавиться, так как она отражала его глубинные черты. Республиканские политические принципы завоевывали сердца поэтов, ораторов и мечтателей, хотя после 1848 года республиканцы полюбили рассуждать о научности и реализме*.

Республиканизм демократических социалистов, превративших его в революционное движение, был почти столь же туманным и бесформенным. Они черпали вдохновение частично в Революции 1789 года, а частично в учениях утопистов. Правда, воспоминания о первой были путаными, а последние, как мы видели, имели относительно мало приверженцев. Однако революционный республиканизм преодолел рамки утопии. Он превратил ее в массовое движение, соединив с традиционными общественными институтами рабочих и крестьян, сделавшись ее не просто привлекательным в интеллектуальном или эмоциональном отношении, не просто новшеством (сопротивление новшествам всегда было сильным), но частью общежития обычных людей. Таким образом, республиканизм вовлек массы в политику, чего не смогло сделать простое провозглашение республики и введение всеобщего избирательного права. Он организовал массы так, что те оказались способны (пусть даже и временно) низвергнуть господство нотабей.

Республика 1848 года вначале имела в основном городской характер. Историки уделяют много внимания парижским событиям, но долговременные следствия этих событий были немногочисленны. Уже до 1848 годом парижские рабочие создавали различные организации. В Париже существовали все еще жизнеспособные ремесленные корпорации, а также общества взаимопомощи — в 1846 году их было 262 (60% из них было связано

* Хорошую подборку речей и трудов Ламартина см.: La Politique de Lamartine. 1878. См. также: *Lamartine A. de.* La France parlementaire. 1865; *Harris E.* Lamartine et le peuple. 1932; *Latreille C.* Les Dernières Années de Lamartine. 1925; *Wright C.* A Poet in Politics: Lamartine and the Revolution of 1848 // History Today. 1958. P. 616–627; *Flaubert G.* L'Éducation sentimentale. 1869.

с профессиональными ассоциациями и насчитывали 22 тысячи членов). У трудового люда были клубы, где они занимались самообразованием и развлекались, посещали вечерние занятия и пели в хоре. В период Июльской монархии рабочие Парижа провели в пять раз больше забастовок, чем рабочие любого другого города. Они увлекались сочинениями утопистов и даже имели собственные газеты. Республика 1848 года в значительной степени была детищем рабочих.

В политику они шли с энтузиазмом. Порой их отклик на призыв к совместным действиям глубоко впечатлял — например, во время демонстрации 17 марта не менее 200 тысяч рабочих прошли через город маршем. В Люксембургском дворце, где некогда собирались пэры Франции, заседала правительственная комиссия по делам рабочих, состоявшая из 150—200 представителей различных профессий, обсуждавшая реформирование трудового законодательства. В клубах и кафе рабочие предавались бесконечным спорам и создавали достаточно эффективные организации. В эти дни жизнь в Париже била ключом; с тех пор подобное оживление в городе наблюдалось лишь два или три раза в переломные исторические моменты. Однако первоначально большинство рабочих оказало поддержку «лирической» республике Ламартина. Они не могли себе представить, насколько сложно будет удовлетворить их требования. В петициях, подаваемых правительству, смешивались сиюминутные и фундаментальные требования, тон их менялся от ностальгии по прошлому до смутного стремления к преобразованиям. Гуманистический дух этих прошений сочетался с требованиями высылки иностранцев, ограничения занятий, дозволенных женщинам (в том числе монахиням), контроля над подмастерьями. Все эти категории населения конкурировали с ними за то, что они ценили превыше всего — работу. На их знамени было начертано «Право на Труд». Почему-то они полагали, что государство может предоставить им это право. Другим их лозунгом была «Организация Труда», под чем подразумевалось участие рабочих в управлении промышленностью, но опять-таки было неясно, намерены ли они достичь этого под началом или хотя бы с помощью государства и какое место при этом отводится капиталу. Пока они вели переговоры о повышении зарплат, усовершенствовании методов оплаты труда и минимальных расценках*. На выборах в апреле 1848 года Ламартин победил в Париже с большим преимуществом, собрав 259800 голосов. Умеренные республиканцы его кабинета получили свыше двухсот тысяч голосов каждый, но Ледрю-Роллен был лишь 24-м со 131 тысячей голосов, Луи Блан получил 121 тысячу, Барбе — 64 тысячи, Кабе — 20 тысяч голосов. Парижские рабочие не пошли дружно за радикальным республиканизмом. Париж был неугасимым очагом революционных идей и передовых учений, так

* Gossez R. Les Ouvriers de Paris. 1967.

было и до, и после 1848 года, однако после введения всеобщего избирательного права судьба Франции более не могла решаться в нем. К тому же Париж был слишком пестрым городом, где переплеталось слишком много сложных взаимоотношений и традиций, чтобы рассчитывать на достижение единства.

Восстание в июне 1848 года, когда ста тысячам безработных объявили, что общество не в силах ничего для них сделать, явилось одним из наиболее ужасных эпизодов XIX столетия, однако, строго говоря, это не было столкновением классов, борьбой рабочих против буржуазии. Исследование досье арестованных, проведенное Реми Госсе, показало, что классового характера противостояние не имело, ибо рабочие находились по обе стороны баррикад. В национальной гвардии, подавившей восстание, были представлены все слои населения: собственники, лавочники, рабочие и интеллектуалы. На баррикадах, возведенных на улице Суффло, защитников порядка возглавляли ученый Араго и печатник Паскаль (один из авторов, писавших для рабочего издания «L'Atelier»): их споры с оппонентами свидетельствовали скорее о недоверии работников физического труда к интеллектуалам, нежели о зависти бедных к богатым. Интеллектуал мог казаться для рабочего бóльшим чужаком, чем хозяин, рядом с которым он жил и под началом которого трудился. Ведущую роль в репрессиях играли молодые рабочие, особенно приехавшие из провинции. Они были естественными врагами рабочих старшего возраста, имевших работу, и, не будучи обременены семьями, могли трудиться за меньшие деньги. Многие из них записались в *garde mobile** лишь потому, что нуждались в работе. Интересы молодых студентов и молодых рабочих совпадали не всегда, более того, мятежники в массе своей вообще не были парижскими рабочими. Лишь каждый седьмой из них и каждый девятый среди арестованных родились в Париже. Отнюдь не все они представляли низший слой работников, часто это были люди, приехавшие в Париж завершить свое профессиональное образование и подняться по социальной лестнице (многим, между прочим, это удалось); среди мятежников были мастера и даже хозяева. Правда, на крупных механических предприятиях и в железнодорожных мастерских, рабочие которых играли в восстании ключевую роль, события приняли более близкий к сценарию классовой борьбы характер, но и там наблюдались случаи, когда восставших рабочих возглавляли мастера, инженеры и даже директора. На сторону мятежников встали всевозможные безработные, бродяги, журналисты и даже деклассированные аристократы и обанкротившиеся банкиры. В обоих лагерях были представители всех слоев общества, и возглавлялись они отнюдь не только пролетариями. Очень важную роль сыграли женщины — это восстание можно считать восстанием женщин в той же степени, что и мужчин. Однако эта

* Часть национальной гвардии, выступившая в 1848 г. на защиту порядка. В 1868 г. была предпринята неудачная попытка превратить ее в армейский резерв.

сторона событий покрыта мраком и исследовать ее нелегко, так как редкие женщины были арестованы или давали показания. Если и существовала какая-нибудь категория, которую мятежники дружно ненавидели, то это были домовладельцы. Большинство восставших задолжали за квартиру, а февральская революция послужила им предлогом затянуть с оплатой. В последовавших арестах главным источником использованной полицией информации были доносы домовладельцев. Конфликт поколений, вражда между рабочими и лавочниками, вражда между отдельными личностями и неудовлетворенные надежды домохозяек — все сыграло свою роль в этой бойне. Рабочие, естественно, заплатили сполна: одиннадцать тысяч из них были брошены в тюрьмы или высланы, а полторы тысячи — расстреляны без суда. Последствия репрессий были, возможно, столь же пагубны, сколь и само восстание. Деятельности клубов, праву на забастовки и свободе слова был положен конец. Однако пьянящий и разлагающий опыт свободной организации и самостоятельного определения собственного будущего забыть было невозможно. События 1848 года оказали глубокое влияние и на профсоюзы, и на республиканское движение. Париж подтвердил свою роль революционного центра, однако не весь Париж, не все рабочие были сторонниками демократического социализма. В декабре 1851 года Париж восстал вновь, протестуя против государственного переворота. Республиканские настроения парижан проявились в массовом (80 тысяч человек) голосовании против на плебисците, однако 133 тысячи проголосовали за Луи Наполеона*.

По-настоящему крупного успеха в 1848—1851 годах революционные республиканцы добились среди крестьян. На выборах в мае 1849 года демократические социалисты получили 34,8% всех поданных голосов, что составило 2357900 человек. В шестнадцати департаментах они завоевали большинство, причем в департаменте Сона и Луара за них проголосовали свыше 67,6% избирателей. В 27 департаментах они получили от 34,8 до 50% голосов. Их самые убедительные победы были одержаны в сельских районах. В Париже за них было отдано только 37,8% голосов†. Особенный интерес в протесте сельского населения представляет то, что крестьяне лишь постепенно осознавали открывшиеся перед ними возможности, а затем методично и неторопливо научались извлекать из них пользу: создавалось ощущение, что на арену событий медленно выходит мощная сила. В первые дни после революции крестьянам было известно только о падении прежнего режима, так что первая их реакция не носила политического характера. Крестьяне захватывали общинные выгоны и леса, требовали возвращения традиционных прав, уступленных ими богатым, грабили дома тех, кто оказывал им сопротивление, отказывались платить налоги и сборы и вынуждали скрываться

* *Gossez R.* Diversité des antagonismes sociaux vers le milieu du 19e siècle // Revue Économique. 1956. P. 439—458.

† *Bouillon J.* Les Démocrates socialistes aux élections de 1849 // Revue française de science politique. 1956. 6. P. 70—95.

сборщиков налогов и полицейских. Подобные явления наблюдались и в городах, где ткачи, работавшие вручную, разрушали машины, угрожавшие их заработкам, а извозчики и лодочники сжигали железнодорожные станции и разрушали железнодорожные пути, ибо новое изобретение разоряло их. Однако в целом крестьяне плохо понимали значение всеобщего избирательного права. На выборах в Учредительное собрание в апреле 1848 года они не взяли инициативу в свои руки. Настоящие перемены начались лишь несколько месяцев спустя на выборах в местные органы власти. Свыше половины действующих мэров и их заместителей, назначенных еще Луи-Филиппом, в результате народного голосования были переизбраны на следующий срок. Во многих районах происходило примирение крестьян с традиционной иерархией, но в некоторых частях Франции, главным образом на юго-востоке, юге и вблизи Парижа, местные выборы обернулись массовыми волнениями, в результате которых народ изгонял нотаблей и брал власть в свои руки. Президентские выборы в декабре 1848 года превратились в народную декларацию независимости, когда крестьяне, проигнорировав инструкции, которыми из снабжали нотабли, в массе своей поддерживавшие Кавеньяка, в огромном большинстве проголосовали за Луи Наполеона.

Можно сказать, что с этого момента начинается «республика крестьян», однако вопрос о том, какого рода республику они хотят, оставался спорным. Большинство пошло на сделку с властью и согласилось с бонапартистским вариантом республики, и только следующему поколению — поколению Гамбетты — удалось отвлечь их от бонапартизма. Однако значительное меньшинство (около трети всех крестьян) выбрало демократический социализм Ледрю-Роллена. На президентских выборах он получил лишь 5% голосов против 19% за Кавеньяка и 74% за Луи Наполеона, но в следующем году, когда стал очевиден союз Наполеона с нотаблями, он добился грандиозных успехов. Приверженцы Ледрю-Роллена ездили по провинции, посещали *chambrées* и деревню за деревней перетягивали на свою сторону. Они возрождали старые традиции карбонариев*, но отказывались от их претензий на элитарность и исключительность. Активно вербовавшие членов тайные общества с паролями, секретными знаками и обрядами посвящения, выросшие из застольных товариществ и обществ взаимопомощи, были загнаны в подполье репрессиями правящего режима. «Общество монтаньяров», «Республиканская солидарность» и другие региональные объединения с помощью деятельных пропагандистов превратили эти (преимущественно местные) клубы в силу национального масштаба. Их влияние частично обуславливалось эффективным сочетанием деятельных крестьянских и ремесленнических сил с интеллектуальным руководством. Среди избранных в 1849 году и возглавлявших это

* О карбонариях во Франции см *Spitzer A.* Old Hatreds and Young Hopes. Cambridge (Mass.), 1971 (весьма тщательное исследование всех источников, которые можно найти по этому вопросу)

движение «красных» депутатов из 211 человек, о которых имеются сведения, 127 были «интеллектуалами» (76 юристов, 25 врачей, тринадцать журналистов, тринадцать учителей и литераторов)*.

Революционные республиканцы были уверены, что выиграют выборы, ожидавшиеся в 1852 году. Возможно, они были настроены чересчур оптимистично, ведь их успехи ограничивались лишь определенными районами страны, однако данная ими оценка собственного влияния подтвердилась в декабре 1851 года, когда сразу же за государственным переворотом последовало настоящее крестьянское восстание, поддержанное и в городах. Повальные аресты происходили именно в тех департаментах на юге и юго-востоке страны, где позиции республиканцев были самыми крепкими. В результате арестов влияние на массы революционных элементов резко снизилось (и оставалось незначительным по крайней мере десятилетие). Однако при Второй республики в этих регионах «красные» серьезно поколебали власть нотаблей и дали образец новой политики, в которой народ выступал подлинным, а не формальным участником†.

Правда, им не удалось захватить власть на государственном уровне. Ответственность за это падает и на их лидеров. Ледрю-Роллен был сыном преуспевающего врача: он унаследовал немаленькое состояние (30 тысяч франков годового дохода), что позволило ему купить привилегированную адвокатскую практику в апелляционном суде (за 300 тысяч франков). Достигнув возраста, позволявшего избираться в органы власти, он попытался выйти на политическую арену под покровительством Одилона Барро, бывшего при Луи-Филиппе лидером «династической оппозиции» (то есть оппозиции, не возражавшей против монархии). Однако в конечном итоге его кандидатура была выдвинута республиканцами департамента Сарта в качестве замены скоропостижно скончавшегося Гарнье-Паже — одного из лидеров движения. Ледрю-Роллен был достаточно богат, чтобы субсидировать их местную газету, кроме того, он собирался опубликовать вполне радикальный манифест, отвечавший настроениям республиканцев. Возможно, уже в 1841 году Ледрю-Роллен произнес знаменитое изречение, с которым всегда ассоциируется его имя: «Я их лидер, я должен следовать за ними». Свое состояние, увеличившееся благодаря приданому жены (наполовину англичанки), он использовал на субсидирование «La Réforme», главной демократической газеты. Он обладал громким голосом и внушительной внешностью, был дружелюбен, импульсивен и любил публичные выступления. Его манифест был признан настолько дерзким (во время его первых выборов), что Ледрю-Роллен даже подвергся преследованиям. Однако новатором он не был и по крайней мере некоторой долей своей популярности он был обязан тому, что разделял предрассудки и суеверия рабочего класса. Он требовал

* *Bouillon J.* Op. cit. Из остальных девятнадцать человек были заняты в сельском хозяйстве, девятнадцать — в торговле и промышленности, одиннадцать были рабочими, одиннадцать — военнослужащими, девять — государственными служащими, семь — мэрами и восемь человек имели другие профессии.

† *Vigier P.* Op. cit.; *Tudesq A. J.* Op. cit.

введения всеобщего избирательного права, пропорционального налогообложения, равенства при призыве на военную службу и гордой внешней политики. Главную социальную проблему для него представляли городские промышленные рабочие. «Благодаря бессмертной революции,— говорил он,— те, кто работает на земле, находятся в довольно сносном материальном положении, хотя оно по-прежнему далеко от идеала. Они менее зависимы, чем те рабочие, которых действительно надлежит называть так». Этому подлинному пролетариату следует предоставить права на образование профсоюзов и на забастовки, а также повысить зарплаты. Но высшей целью является насколько возможное упразднение пролетариата. Ледрю-Роллен враждебно относился к крупной промышленности, которую считал порождением алчности. Опыт Англии показал, сколько страданий она может принести. Франции следует оставаться преимущественно аграрной страной, а промышленности должна быть отведена второстепенная роль, подобно тому, как в военном отношении Франция полагала себя сухопутной державой, ограничившись содержанием небольшого военного флота. Ледрю-Роллен полагал, что промышленных рабочих необходимо переселить в сельскую местность и наделить небольшими участками земли, что позволит возродить сельское хозяйство, разрушавшееся из-за миграции сельского населения в порочные города. Когда все рабочие превратятся в земельных собственников, они станут «умиротвореннее и нравственнее». Он отвергал коммунизм и энергично отмежевывался от него. Враждебно Ледрю-Роллен относился и к вмешательству государства в экономику: «Я не хочу уничтожить свободу промышленности. Я не хочу превратить государство в производителя или предпринимателя. Я лишь хочу, чтобы оно стало разумным покровителем». Также он не видел практически никакой пользы и в парламентском правлении, а выступал за прямую власть народа в традициях 1793 года. Все идеи Ледрю-Роллена могли найти отклик у «маленького человека», стремящегося к скромной жизни в деревне (радикализм уже стал учением, адресованным «маленькому человеку»), но этот отклик потонул в бурной риторике и ослаблен напоминанием о Терроре. Ледрю-Роллен был одним из немногих, кто серьезно относился к республиканскому стилю в одежде, и действительно носил костюмы а-ля Робеспьер. Став министром внутренних дел, он писал своим префектам: «Вы не только представители революционного правительства, но и сами революционеры... Вы спрашиваете, каковы ваши полномочия — они неограниченны». Ледрю-Роллен обладал способностью приводить в ужас средний класс, вовсе не ставя такой цели. За его блеском скрывался недостаток проницательности и даже, как считали некоторые, ума или силы воли. На нем в значительной степени лежит ответственность за превращение его партии в жупел*.

* *Ledru-Rollin A. A.* Discours politiques et écrits divers. 1879. 1. P. 4–5, 20, 46. 2. P. 99, 420–429; *Idem.* De la décadence de l'Angleterre. 1850; *Schultz R.* Ledru-Rollin et le suffrage universel. 1948; *Calman A. R.* Ledru-Rollin après 1848. 1921.

Народ усматривал в республиканизме элементы, которые делали его своего рода перманентной революцией. Одной из главных проблем движения было согласование этого с захватом и удержанием власти. После того как республиканское правление утвердилось, оно вошло в неизбежный конфликт с теми сторонниками республики, чей характер мешал им находиться на стороне какой-либо власти. Поэтому народные симпатии были большей частью утрачены республиканцами, перейдя сначала к социалистам, а затем к коммунистам. Это произошло отчасти потому, что сформировался новый слой республиканской аристократии, образовавшей (в противовес утопическому и народному типам) третью разновидность республиканизма. Таким образом, республиканизм представлял собой три разнонаправленных течения: веру в идеальное правительство, неосуществимую на практике, народную оппозицию всякой власти и партию нового истеблишмента, ценившую ответственность, почет и компромисс. Корни этой склонности к компромиссу уходят глубоко. Слово «радикал» иногда означало «экстремист» или «революционер», однако при Луи-Филиппе так называли и умеренных республиканцев, так как понятие было заимствовано из английского языка и символизировало демократа, отлично уживающегося с монархией и парламентаризмом. Необходимо проводить различие между «радикалами» и «чистыми радикалами». Только эти последние были непримиримыми врагами Луи-Филиппа. В 1847 году Карно (выходец из безупречно республиканской семьи) опубликовал брошюру и в ней открыто предложил королю поддержку в осуществлении демократических реформ, которые, по его словам, вполне могли быть проведены в рамках монархической конституции. Значительное число республиканцев приняло бы монархию, если бы та расширила избирательное право и обратила свое внимание на улучшение положения народных масс, точно так же как многие из них, возглавляемые Эмилем Оливье, готовы были принять империю Наполеона III. Такая склонность к компромиссам, естественно, всегда преуменьшалась республиканскими историками, ибо могла показаться предательством*

Находясь у власти, эти республиканцы манерой поведения не слишком отличались от своих предшественников-монархистов. Соперничество за должности и чины, изгнание политических оппонентов и замена их друзьями и родственниками новых хозяев страны были так же распространены среди республиканцев, как и при Луи-Филиппе, которого они столь яростно критиковали за коррупцию и непотизм. С точки зрения народа новые республиканские префекты, мэры и государственные служащие просто являлись представителями одной клики, пришедшей на смену другой (возможно, менее богатые и искушенные, но не менее буржуазные). С этой кликой, когда она встала у кормила власти,

* Ср.: *Bonnard A.* Les Modérés. 1933; *Carnot H.* Les Radicaux et la charte. 1847.

маленькому человеку, не имевшему связей, было так же трудно иметь дело, как и с любой другой. В окружении друзей и приспешников они могли приобрести те же привилегии, какими обладали аристократы. Республиканцы не колебались при использовании во время выборов такого же давления, за которое они осуждали тоталитарные режимы. Они даже не колебались использовать силу для прекращения народных волнений. Встает, следовательно, вопрос: если среди республиканцев были трезвые и способные применить силу прагматики, почему республика 1848 года не смогла продержаться длительное время? Не исключено, что эти люди могли создать нечто похожее на республику Вашингтона или Тьера — респектабельную, прочную и надежную. Не сделали они этого по нескольким причинам.

Во-первых, они никогда не представляли большинство. До 1848 года республиканцы оставались небольшой группировкой. В первые месяцы после революции они занимали ключевые посты только в условиях вакуума власти. На апрельских выборах они, вопреки распространенному мнению, отнюдь не достигли успеха. Обычно утверждается, что республиканцы составляли большинство Учредительного собрания, однако такой вывод можно сделать, лишь признав республиканцами всех тех, кто так себя называл. Во многих же случаях перемена убеждений носила совершенно поверхностный характер. Недавно проведенное исследование показало, что лишь треть Собрания состояла из людей, бывших республиканцами до 1848 года — 285 из 851 депутата. Из этого числа примерно 55 были крайними республиканцами или социалистами, таким образом умеренные, которых влиятельный историк Сеньобос представлял в качестве победителей на выборах, насчитывали в действительности только 230 депутатов. Более половины депутатов Учредительного собрания были монархистами того или иного толка*. Умеренные республиканцы получили власть с молчаливого согласия монархистов, ибо последние не были готовы к попытке вновь взять ее в свои руки: они пребывали в замешательстве, расколовшись по вопросу о всеобщем избирательном праве. Новым нотаблям требовалось длительное время для того, чтобы упрочить свое положение, не говоря уже о необходимости вытеснения старой элиты.

Во-вторых, их колоссальной слабостью было отсутствие подготовки к государственной деятельности. Они были не просто оппозиционной партией, а партией, не выработавшей характер для деятельности в новых обстоятельствах. Среди них отсутствовали люди, обладавшие выдающимися способностями или яркой индивидуальностью. Кавеньяк был приглашен возглавить исполнительную власть не из-за каких-то особенных заслуг (хотя он и проявил себя хорошим генералом в Алжире, слыл честным и достойным человеком), а просто потому, что был братом Годфруа Каве-

* *Luna F. A. de.* The French Republic under Cavaignac: 1848. Princeton, 1969. P. 110–113 (автор выявляет ошибки в работе о выборах 1848 г., написанной учеником Сеньобоса Ж. Турнаном, на которую Сеньобос опирался; кроме того, это хорошо аргументированное переосмысление того периода республики, которым обычно пренебрегали).

ньяка — одного из известнейших журналистов-республиканцев периода монархии, умершего в 1845 году. Более того, этого Годфруа, по его же собственным словам, республиканцем сделали сыновние чувства: его отец, будучи членом Конвента, голосовал за казнь короля. У министра образования Карно была такая же ситуация. В республиканизме присутствовал элемент семейной традиции, превративший его в этакий наследственный феод, и в центре власти ситуация мало отличалась от положения дел в деревне. Гарнье-Паже, еще один член правительства, также был обязан своей должностью тому факту, что являлся братом другого покойного героя, одного из самых блестящих ораторов-республиканцев, марсельца самого скромного происхождения. Всем этим людям предстояло еще завоевать популярность самим или широко расставлять сети, чтобы умножить число еще немногочисленных сторонников. Как следствие, их политическая линия отличалась осторожностью и нерешительностью, они нащупывали путь методом проб и ошибок. После июньского восстания правительство арестовало огромное число его участников, отвергло предложения об амнистии, однако на деле постепенно освободило почти всех, за исключением 250 человек, оставшихся в тюрьме, и 450, сосланных в Алжир; таким образом оно добилось репутации одновременно и жестокого, и слабого. Мнения его членов по социальным вопросам не слишком отличались от взглядов тех, кого они репрессировали: они верили в рабочие кооперативы и государственную помощь безработным. Даже после июньских событий правительство продолжало тратить деньги на это, а также реализовывало самые передовые программы по кредитованию сельского хозяйства, развитию образования, вводило бесплатную среднюю и светскую начальную школу. Здесь намечена вся законодательная деятельность Третьей республики.

Правительство Кавеньяка (с июня по декабрь 1848 года) ошибочно считают враждебным по отношению к временному февральскому правительству. На самом же деле оно сохранило преемственность, в том числе и персональную. Таким образом, о деятельности республиканцев можно судить на основании примерно восьми месяцев их пребывания у власти. Они продемонстрировали, что так и не научились искусству управления. Так, они упустили возможность добиться лояльности крестьян каким-нибудь эффектным решением относительно налогов. Они, возможно, и хотели провести реформы, как это обещали крестьянам, но оказались неспособны преодолеть ограниченность господствующих экономических взглядов. Республиканцы унаследовали целый ряд долгов монархии. Они отвергли мысль объявить государственное банкротство. Вместо того, чтобы уменьшать налоги, под разговоры о достоинствах прогрессивного подоходного налога они ввели дополнительный земельный налог, известный как

«45 сантимов». Они отказались освободить бедняков от налогов (как требовал Ледрю-Роллен), и поэтому одной из самых первых мер было наложение штрафов на крестьян, тогда как горожан эта мера не затронула. Все это вызвало огромное недовольство, многие люди отказывались платить налоги, одни департаменты платили примерно три четверти причитавшегося с них, а другие — лишь 2%; к середине июля было собрано меньше половины налогов. Другие налоговые мероприятия также свидетельствовали о недостатке политической ловкости. Налог на соль отменялся лишь с 1 января 1849 года. Налог на спиртные напитки был ликвидирован, но заменен другим, взимаемым иным способом, что сделало недовольными уже не виноторговцев, а производителей и потребителей. Отмена налога на мясо не дала особенного эффекта, так как мясники практически не снизили цены для розничных торговцев. Провалилась робкая попытка обложить налогом богатых (1%-ный налог на закладные), ибо это грозило тем, что должники стали бы доносить сборщикам налогов на своих кредиторов. Республиканцы преуспели бы гораздо больше, предприняв вместо этого какие-либо меры, направленные на избавление крестьян от долгового бремени*.

Позиция в отношении цензуры прессы была у республиканцев столь же двусмысленной. Со свободой печати, существовавшей в первые месяцы республики, было покончено. Газеты вновь обязали вносить залог — эта мера вызвала враждебность со стороны прессы, хотя новый сбор и был гораздо ниже, чем введенный при Луи-Филиппе. Наконец, республиканцы сами приблизили свое падение, приняв участие в составлении конституции, которая стала причиной большинства неприятностей, которых они желали избежать. В этой конституции провозглашалась верховная власть народа, что, как наивно предполагалось, гарантирует его свободу. Конституция декларировала, что разделение властей является главным условием сохранения в государстве свободы, и противопоставляла президента, олицетворяющего исполнительную власть, и Законодательное собрание, состоящее из 750 депутатов: и тот, и другое избираются народом, но остаются независимы друг от друга. Такой вид государственного устройства, будучи реакцией на существовавшую при Луи-Филиппе парламентскую форму правления (внешне подражавшую английской, но позволявшую создавать лишь слабые и коррумпированные коалиции), делала президента могущественнее короля вместе с зависимыми от него министрами. Президент мог оставаться у власти только четыре года, а пересмотр конституции был затруднен. Спустя небольшое время президент и парламент вступили в конфликт, разрешить который можно было только силой, а она находилась в руках президента. Таким образом, эта конституция неизбежно вела к диктатуре. В результате Третья республика впала

* *Antony A.* La Politique financière du gouvernement provisoire, février-mai 1848. 1910; *Marion M.* Histoire financière de la France depuis 1715. 1928. V. 5.

в другую крайность, сосредоточив всю власть в руках законодателей, что имело столь же катастрофические последствия.

Не менее важное значение имела и неудача республиканцев в решении церковного вопроса. В общем-то они не были врагами веры и считали необходимой если не католическую, то хоть какую-нибудь религию: новое христианство Сен-Симона, религию гуманизма Леру, христианский социализм Бюше. Многие из них определяли братство как претворение в жизнь идей раннего христианства. Всеобщее избирательное право усилило политическое влияние церкви, в то время как воззрения республиканцев граничили с антиклерикализмом. Альянс духовенства с Луи Наполеоном, послуживший урегулированию проблемы, был враждебно воспринят республиканцами*

В-третьих, все эти ошибки делались потому, что, сложившись из самых разнородных взглядов, умеренный республиканизм так и не превратился в последовательную идеологию. Различие между сторонниками газет «Réforme» и «National», обычно указываемое в учебниках, не является существенным, поскольку основывалось, скорее, на антипатии личностей. Гораздо важнее различие источников республиканизма. Одни видели в республике поле для проявления доблести — их героями были древние греки. Для многих республиканизм олицетворял патриотизм, возрождение национальной славы и возвращение Франции в ранг ведущей мировой державы. Таких людей, самым заметным и красноречивым из которых, по-видимому, был Каррель, зачастую можно отличить от бонапартистов лишь с большим трудом. До 1830 года республиканизм и бонапартизм были тесно связаны между собой. В дальнейшем множество генералов, государственных служащих и приверженцев Наполеона I при Луи-Филиппе получили должности и частично слились с орлеанистами — различия между этими группировками вовсе не были принципиальными. Те же, кто оставался в оппозиции, продолжали заигрывать с бонапартистами, и именно республиканская газета публиковала сочинения Луи Наполеона, когда тот пребывал за решеткой. Каррель (тот самый, кого Жюль Симон в своих мемуарах называл «властителем дум молодежи» 1830—1840-х годов) первым объявил себя «консервативным республиканцем». Он был противником революционных методов и насилия, заявляя, что предпочел бы монархию с минимумом свободы республике с ее отсутствием. Его героем был молодой Бонапарт, а в идеальной конституции он в роли главы государства видел первого консула или президента, по примеру США наделенного широкими полномочиями†. Американская революция так же идеализировалась во Франции, как и Великая Французская революция‡. Воспоминания о Первой республике отдавали такой горечью, что люди предпочитали предать их забвению; невежество в отношении республики было

* *Bastid P.* Doctrines et institutions politiques de la Seconde République. 1945; *Cohen J.* La Préparation de la constitution de 1848. 1935; *Cogniot G.* La Question scolaire en 1848. 1948; *Festy O.* Les Associations ouvrières encouragées par la Deuxième République. 1915.

† Œuvres politiques et littéraires d'Armand Carrel. 1857. V. 3. P. 58, 122, 176. V 4. P. 137. V. 5. P. 366; *Simon J.* Premières Années. P. 181; *Nobecourt R. G.* La Vie d'Armand Carrel. 1930.

‡ *Remond R.* Les États-Unis devant l'opinion française 1815—1852. 1962. 2. P. 640—641.

чрезвычайным, хотя смутная вражда различных семейств все еще продолжала тлеть. Тьер (будучи орлеанистом) начал реабилитацию республики еще во времена Реставрации, однако лишь в 1840-х годах исторические работы о Первой республике действительно стали многочисленны. Прежде она служила синонимом Террора, теперь же авторы акцентировали различные ее аспекты, и разногласия между сторонниками республики были острейшими*

Такая вражда внутри движения была связана с тем, что взгляды республиканцев на Просвещение различались все больше и больше. Вольтера читали запоем: с 1784 (год его смерти) по 1877 год полное собрание его сочинений выдержало 36 изданий, причем 22 из них — во время Реставрации. Некоторые издания включали до 125 томов, заполнявших книжные полки в домах людей с интеллектуальными запросами (если, конечно, они могли это себе позволить, впрочем, были и дешевые издания вроде «Вольтера для мелких собственников»). Наиболее часто переиздававшейся работой была «История Карла XII» (74 издания за 1815–1880 годы); его драматические произведения были гораздо популярнее «Философского словаря» или даже «Кандида». Не вполне ясно, кого в нем видели. Вольтерьянец мог быть и орлеанистом, и республиканцем. Склонность автора к сарказму и проявлению непокорности, скепсису и фривольности, но вместе с тем и к четким суждениям делала затруднительной его зачисление в «небесные покровители» какого-нибудь одного лагеря†. О чем тут говорить, если даже последователи Руссо толковали труды учителя самыми разнообразными способами; во второй же половине XIX века многие республиканцы, став позитивистами, вообще отошли от взглядов Руссо‡. Дюпон де Бюссак, называя себя продолжателем традиций Кондорсе, Тюрго, Прайса и Пристли, показывает, какой сложный мог образовываться сплав§.

В соответствии со своими взглядами на обычного человека, все республиканцы в той или иной степени уделяли внимание улучшению его материального положения и образования, однако их демократические пристрастия сдерживались признанием неизбежности существования элит. Например, Вашро утверждал, что «свобода мысли» является высшей целью, и полностью сформировавшийся человеческий разум способен до нее подняться, однако лишь избранные обладают «философским духом», необходимым для достижения этой цели и полного освобождения от всех предрассудков, страстей и эгоизма. Люди со средними интеллектуальными способностями могут лишь приблизиться к идеалу, если обладают развитым критическим умом. Однако и такие встречаются не так часто: их можно найти в основном среди мужчин-арийцев, тогда как среди китайцев, негров и женщин их очень мало. Вашро проводил различие между доктринами, до-

* Исторический труд Тьера в 10 тт. увидел свет в 1823–1837 гг. Среди других работ о Революции выделяются: *Conny F. de.* 1834–1842 (8 тт.); *Cabet E.* 1840 (4 тт.); *Blanc L.* 1847–1862 (12 тт.); *Michelet J.* 1847–1853 (7 тт.); *Abbé de Genoude.* 1845–1848 (7 тт.); *Esquiros A.* 1847 (2 тт.); *Gabourd A.* 1846–1851 (10 тт.); *Laponneraye A.* 1845 (3 тт.); *Lamartine A. de.* 1847 (8 тт.). Укажем также на историю парламентской деятельности, изданную П. Бюше (1834–1838, 40 тт.).

† *Benesco G.* Voltaire: bibliographie de ses œuvres. 1890. 4. P. 163, 195; *Nourisson J. F.* Voltaire et voltarianisme. 1896. P. 656–657; *Abbé Berseux.* La Voltairomanie. Lanenville, 1865; Hommage au Doyen E. Gros. Gap, 1959. P. 193–204.

‡ *Nourisson J. F.* J.-J. Rousseau et le rousseauisme. 1903; *Talmon J. R.* The Origins of Totalitarianism. 1952; *Jaurès J* Les Idées politiques et sociales de J.-J Rousseau // Revue de métaphysique et de morale 1912. 20. P 371–381; *Hoffding H.* Rousseau et le 19e siècle // Annales de la Société J.-J Rousseau. Geneva, 1912 8. P 69–98.

§ Примером взглядов руссоиста-республикан-

ца может служить работа Оливье, посвященная Демосфену (см.: *Zeldin Th.* Émile Ollivier. Oxford, 1963. P. 3–4).

§ *Weill G.* Histoire du parti republicain en France 1814–1870. 1928. P. 111.

** *Vacherot E.* La Religion. 1869. P. 255, 267, 411–413. Ср. его взгляды на общество: *Idem.* La Démocratie. 1860. Биография этой весьма интересной личности см.: *Aoutroux E.* Notice sur la vie et les œuvres de M. Étienne Vacherot // Mémoires de l'Académie des sciences morales et politiques. 1904. 21 May. 25. P. 83–114.

†† Председатель коллегии адвокатов.— *Прим. ред.*

ступными элите, и упрощенными их вариантами, «притчами», которые способны понять массы; он довольно презрительно высказывается о предрассудках буржуа, не получивших классического образования** Подобное элитарное чувство было связано, помимо прочего, с протестантизмом, который, как мы увидим ниже, был одной из составляющих республиканизма. Некоторые республиканцы, даже не будучи протестантами, симпатизировали критике последними католического догматизма; однако в их рядах находились также и кальвинисты со своими комплексами и терзаниями, которые видели в республиканизме путь к спасению души. Правда, отметим, что тема роли религии в становлении республиканизма настолько обширна, что требует отдельного рассмотрения.

Пример Александра-Тома Мари (министра общественных работ во временном правительстве, министра юстиции при Кавеньяке и председателя Учредительного собрания в июне 1848 года) проиллюстрирует причины умеренности этих республиканцев. В наше время эта персона известна немногим, но в 1848 году он был достаточно популярен для того, чтобы быть избранным в парламент от Парижа, получив в два с лишним раза больше голосов, чем Ламенне. Он происходил из семьи, представители которой на протяжении двух столетий были юристами, однако его отец, младший сын своих родителей, был бедным архивариусом и рано оставил своего сына сиротой. Мари избрал карьеру адвоката и в 1840 году стал *bâtonnier*†† Парижа. Он был вынужден долгое время ожидать, пока его состояние не позволит стать избирателем; это его оскорбляло и он примкнул к республиканцам, требовавшим введения всеобщего избирательного права. В общем его взгляды не слишком отличались от взглядов Гизо: он признавал верховенство разума, но полагал, что он обнаруживается не в элите, а в массах. Мари сожалел о «безумных мечтах» буржуазной «новой аристократии». Он считал, что демократия является «общественной необходимостью», ибо народ, спустя множество веков, в конце концов освободился от господствовавшей над ним власти и осознал свою силу: ныне народ требует уважения к себе, в чем ему не может быть отказано. Однако Мари, будучи врагом насилия, ненавидел клубную и революционную пропаганду. Он не добивался немедленного провозглашения республики, так как не верил в то, что какая-либо партия обладает правом навязывать нации определенную форму государственного правления. Он согласился стать членом временного правительства, поскольку хотел помочь сохранить порядок и воспрепятствовать анархии, поэтому он с гордостью вспоминал о подавлении правительством череды народных восстаний. Народ — это дети, которым нужно показать, что их утопии обманчивы (рассуждая так, он сначала одобрил эксперимент по созданию Национальных мастерских,

а затем прекратил их деятельность, когда та вышла из-под контроля). Он писал: «Когда низвергаются ложные боги, проливается много крови». Народные массы, более чем какой-либо другой класс, нуждаются в сильной власти. «Деспотизм тысячи человек в тысячу раз более отвратителен, чем деспотизм одного». Свободу необходимо сочетать с порядком. Он поддерживал свободу прессы, но впоследствии признал, что та зашла слишком далеко, злоупотребила своей независимостью, подвергнув критике основы общества и «дерзко поставив под сомнение все традиции прошлого», поэтому стала нуждаться в контроле. Он всемерно поддерживал демократию, чьей задачей было развитие духовных и материальных потребностей не отдельных избранных, а всех людей, однако он также был и реалистом. Всеобщее братство, конечно, «грандиозная идея», но «разве человеческое сердце способно вместить столько сострадания, преданности и героизма»? Объединение людей на национальной основе он полагал гораздо более практичным. Родина является своего рода «большим домом», в котором гражданин получает ту же защиту и любовь, что и в кругу своей семьи. На примере Мари мы видим, что умеренные республиканцы продолжали попытки наладить отношения с массами*.

Республиканцы должны были очень многому научиться у других партий, прежде чем смогли укрепить свое положение. Опыт, извлеченный из поражения, и испытания, перенесенные ими при Наполеоне III, оказали глубокое влияние на их взгляды и мышление. В 1870 году они вышли на авансцену уже обновленными'.

* *Cherest A.* La Vie et les œuvres de A. T. Marie. 1873.
' См. *Tchernoff I.* Le Parti républicain sous la monarchie de juillet. 1901. *Idem.* Le Parti républicain au coup d'État et sous le Second Empire. 1900.

Глава XVIII БОНАПАРТИЗМ

Свыше ста лет бонапартизм был кошмаром интеллектуалов. Он олицетворял собой подавление свободы мысли, господство военщины и жесткое правление бюрократии. Он не доверял литераторам, предпочитая промышленников и даже крестьян. Хотя бонапартизм временами завоевывал голосов больше, чем любая другая партия (что бы там не говорилось о том, как эти голоса добывались), он всегда подвергался решительной и почти единодушной критике пишущих. Было и в среде бонапартистов несколько способных пропагандистов, но они обращались к народным массам. За некоторыми исключениями, не найти серьезных бонапартистских историков или теоретиков, которые бы создали связную доктрину или способны были достойно защищать программу движения. В результате Вторая империя реже становится предметом изучения, чем другие режимы (в чем можно убедиться, обратившись к библиографии), и полной истории бонапартистского движения нет до сих пор*

Самое простое определение бонапартизма состоит в том, что он представляет собой увековечение идей Наполеона I, культ его гения и обращение к его методам при решении встающих перед Францией проблем. Гизо видел секрет его силы в способности одновременно символизировать национальную славу, гарантировать незыблемость революционных достижений и утвердить принципы власти и порядка. Бонапартизм, следовательно, примирял демократию и власть таким образом, который не был ни реакционным, ни парламентарным. Он предлагал себя в качестве способной предотвратить анархию альтернативы дискредитированному парламентаризму. Его лидер (в отличие от партий и группировок, монополизировавших власть и использовавших ее в своих интересах) обращался ко всей нации, избирался народом и нес перед ним ответственность. В отличие от роялизма, который также прокламировал свой национальный характер и готовность обеспечить порядок и гарантировать права собственности, бонапартизм

* Основные труды: *La Corce P. de.* Histoire du Second Empire. 1894–1904 (7 тт.); *Seignobos C.* La Révolution de 1848. Second Empire. 1921; *Idem.* Le Déclin de l'empire et l'établissement de la Troisième République 1859–1875. 1921; *Thomas A.* Le Second Empire. 1906; *Ollivier É.* L'Empire libéral. 1895–1918 (18 тт.).

стремился сохранить завоевания революции, провозглашал равенство всех людей, обещал открыть дорогу талантам и ликвидировать все касты и корпорации.

Однако большой ошибкой было бы предполагать, что бонапартизм оставался неизменным на протяжении всего века. Тот факт, что его лидеры присягали памяти Наполеона I, не должен скрыть ни разнообразия интерпретаций его заветов, ни изменения обстоятельств, в которых пытались применять его опыт. Некоторые политологи и историки пытались схватить суть бонапартизма, выделив его характерные черты, как если бы они изучали недуг, проявляющий себя время от времени; если же они обнаруживают отклонения от общей «картины болезни», то не придают им значения, считая их несущественными. Так, Фишер в своих ярких и важных лекциях о бонапартизме утверждал, что Первая и Вторая империи «в значительной мере вдохновлены одними принципами, опираются на поддержку одних и тех же интеллектуальных и общественных сил, апеллируют к одинаковым потребностям, льстят одному тщеславию». Однако он не исследовал детально, каковы были эти силы и потребности, ограничившись одобрительным цитированием высказывания Токвиля о Второй империи как о «рае для завистливых и заурядных людей». Позднее проводились параллели между Наполеоном III и де Голлем. Жак Дюкло, вождь французских коммунистов, в своей книге утверждает, что оба они отличались авторитарностью, презрением к общественному мнению, жаждой власти, гордыней и эгоцентризмом. Считалось, что бонапартизм злоупотреблял плебисцитом. После триумфальной победы де Голля в 1962 году «L'Express» вспомнила слова Эмиля Оливье, сказанные в 1870 году: «Никто не может быть слабее, чем когда кажется, что его поддерживают все». Андре Зигфрид, один из лучших комментаторов, разводил «истинный» бонапартизм, то есть бонапартизм Наполеона I, и бонапартизм эволюционировавший, «прогнивший», каковым являлся бонапартизм Наполеона III и Евгении, так как в этой второй фазе он стал клерикальным, аристократическим и реакционным. По его мнению, бóльшую часть столетия бонапартизм вовсе не был подлинным. Он утратил свой национальный характер и стал просто партией, подобной любой другой. Когда бонапартизм в 1870 году попытался стать либеральным и парламентарным, он вошел в противоречие с самим собой и отказался от своего «истинного характера». Он обнаружил, что разрешение свободного обсуждения решений власти хотя и может вернуть ему поддержку либералов и рабочих, но равносильно самоубийству, а потому оказался вынужден заключить союз с реакцией. Таким образом, бонапартизм перестал быть демократическим и левым и превратился в пленника клерикализма. Непросто понять, когда же он был «самим собой». Можно даже усомниться в том, что суще-

ствовало такое явление, как бонапартизм. Разве не Наполеон III сказал: «Императрица — легитимистка, мой кузен — республиканец, Морни — орлеанист, я — социалист. Бонапартист только Персиньи, так и тот сумасшедший»*

Достаточно посмотреть по карте, какие области Франции были опорой бонапартизма в разное время, чтобы понять, что поддержка, оказываемая ему, не была постоянной. При Реставрации Нормандия была роялистской, но в начале Третьей республики — стойко бонапартистской. Восток в годы Реставрации отличался приверженностью бонапартизму и в 1848 году голосовал за Луи Наполеона, но после 1870 года становится оплотом республиканцев. Запад страны, всегда считавшийся роялистским, делегировал немало депутатов-бонапартистов при Третьей республике. Юг неизменно был враждебен бонапартизму, но юго-запад, где в 1848 году практически отсутствовало его влияние, впоследствии стал вотчиной целых бонапартистских депутатских династий, пока вновь не превратился в мощный центр республиканского радикализма. Эти колебания требуют объяснения. Они, несомненно, показывают, что в этом случае мы не сталкиваемся с укоренившимися отношениями патронажа или неизменной идеологией, и ставят вопрос, не имел ли бонапартизм совсем разный смысл для разных регионов Франции?

Когда говорится, что либеральный бонапартизм был просто испорченной формой орлеанизма, предполагается, что орлеанизм был отличен и обособлен от бонапартизма. С идеальной, теоретической точки зрения, быть может, так оно и было, но на практике они были скорее прохладно относящимися друг к другу братьями, остающимися, тем не менее, отпрысками одного отца. Некоторое время после 1815 года различия между оппозиционными партиями еще не стали четкими. Все те, кому впоследствии приклеили ярлыки орлеанистов, бонапартистов и республиканцев, внесли вклад в установление монархии Луи-Филиппа. До 1830 года бонапартисты часто называли себя либералами, так же как и их союзники†. Первым следствием революции, произошедшей в том году, было возвращение на службу полчищ наполеоновских генералов и чиновников, отставленных в 1815 году. Орлеанизм — одно из непризнанных наполеоновских наследств. Именно Наполеон I изобрел *société censitaire*‡ — правление элиты, отбираемой с помощью имущественного ценза. Именно он отменил всеобщее избирательное право и установил правило, что только мужчины, имеющие личное состояние, могут занимать высшие государственные должности. Наполеон не предоставлял своему дворянству налоговых привилегий, но когда он жаловал титулы, то допускал их передачу по наследству только в том случае, если следующий носитель титула был достаточно богат. Пожалуй, его с большим правом, чем Гизо, можно считать автором

* *Fisher H. A. L.* Bonapartism. Oxford, 1908. P. 3, 87; *Siegfrid A.* Tableau politique de la France de l'ouest. 1913. P. 473–495; *Duclos J.* De Napoléon III à de Gaulle. 1964; L'Express. 1962. 5 Apr.; *Rubel M.* Marx devant le bonapartisme. 1960.

† Ср.: *Balzac.* Le Député d'Arcis.

‡ Общество ценза (фр.).

призыва «Обогащайтесь!»* Если орлеанизм был либерален, то таковыми же были и Дополнительный акт 1815 года†, и легенда о конституционной монархии, созданная Наполеоном на Святой Елене. Правление Луи-Филиппа от правления Наполеона отличалось тем, что нотабли после 1830 года взяли верх. Они получили от короля, которого возвели на трон, гораздо большую власть, чем та, которой они располагали в тени победоносного завоевателя. Но их верность памяти Наполеона, когда он умер, только окрепла. Они доставили во Францию его останки и воздвигали памятники в его честь еще при Луи-Филиппе. Однако прекращению изгнания семьи Наполеона они упорно противились. В суде над Луи Наполеоном принимали участие лица, некогда облеченные доверием Наполеона I: четыре бывших министра, шесть маршалов, 56 генералов, четырнадцать государственных советников, девятнадцать префектов, семь посланников и 21 камергер (все они в тот момент были членами Палаты пэров Луи-Филиппа). Именно проявленное этими людьми отношение к Луи Наполеону (который, возможно, удовлетворил бы свое честолюбие, разделив их скромную долю, если бы они не отказали ему в этом) создало будущий бонапартизм‡. Луи Наполеону пришлось видоизменить наполеоновскую легенду, подняться, в союзе с республиканцами, на борьбу за всеобщее избирательное право, чтобы получить возможность вернуться во Францию. Бонапартизм можно назвать орлеанистской ересью.

С другой стороны, его можно рассматривать как разновидность республиканизма. Милитаризм, жажда славы и иностранных авантюр до 1848 года были, в сущности, характерными чертами республиканцев. Армия считалась опасным рассадником либерализма и революции. Лишь позднее республиканцы стали обвинять в милитаризме бонапартизм, когда армия, подобно дворянам, выработала независимый *esprit de corps*§, забыла о своем революционном происхождении и превратилась в защитника иерархии и порядка. Луи Наполеон модифицировал орлеанистскую интерпретацию бонапартизма, добавив две республиканские доктрины — всеобщее избирательное право и активную внешнюю политику**. Республиканских лидеров это мало тронуло, но «партийные массы» перестали видеть в нем врага. Он порвал с республиканцами только в 1848 году, когда заключил союз с их врагами, а после 1851 года он обрушил на них беспрецедентно жестокие преследования. Когда Луи Наполеон пришел к власти, то приобрел новые взгляды и новую поддержку. Бонапартизм постоянно эволюционировал. При его изучении важно избегать шаблонов, в его отношении следует проявлять даже большую осторожность, чем в случаях орлеанизма и республиканизма. С течением времени эти течения все сильнее расходились, и нужно выяснить, почему это происходило. Это позволит понять, действительно ли

* См. *Godechot J.* Les Institutions de la France sous la Revolution et l'Empire. 1951. P. 496–497, 502–503.

† Документ, дополняющий конституционные законы империи, подготовлен Бенжаменом Констаном и прокламирован после возвращения Наполеона с Эльбы 1 июня 1815 г. Учреждал двухпалатный парламент с пэрами, назначаемыми императором, и представителями, избираемыми всеобщим голосованием в два тура. Этот либеральный жест в 1815 г. выглядел лицемерным, но позднее вдохновлял создателей конституционных проектов.

‡ *Taschereau J.* Revue rétrospective. 1848. P. 140–141; Aux Mânes de l'Empereur, la patrie reconnaissante. 1840 (BN Lb[51]3137).

§ Кастовый дух (фр.).

** См.: *Jerrold D.* Life of Napoleon III. 1875–1882. V. 1. P. 250–251 (письмо Луи Наполеона Вьейару от 29 января 1836 г.); *Dangin.* La Monarchie de juillet. 1897–1904. V. 1. P. 594; *Romand G. de.* De l'état des partis en France. 1839. P. 23–25; *Vidalenc J.* Les Demi-Soldes. 1955 (автор показывает, что бывшие солдаты Наполеона I далеко не поголовно были бонапартистами); *Perreux I. C.* La Propagande républicaine au début de la monarchie de juillet. 1931 (о взаимоотношениях партий).

раскол в политической жизни Франции был неизбежен в силу, как выражались хроникеры эпохи, врожденной несовместимости «характеров» и вытекающей из нее непримиримости принципов. Стоит задаться вопросом: возникали ли межпартийные противоречия исподволь (а идеология приспосабливалась к вражде, носившей личный или случайный характер, чтобы придать ей благопристойный вид столкновения принципов) или же политики и теоретики помогали создавать эти противоречия? Можно предположить, что бонапартизм стал инструментом общественных преобразований, которые сами республиканцы не в состоянии были осуществить, и внес значительный вклад в развитие республиканизма, ставшего его злейшим врагом. Впрочем, весь этот процесс скрыт дымовой завесой ожесточенной полемики.

Прежде всего, необходимо выяснить, в каком положении находился Наполеон III по отношению к массам, аристократии и партиям, и каково было влияние его правления на них. Наполеон III правил Францией 21 год, дольше кого бы то ни было в современной истории страны. Его часто называют оторванным от реальности мечтателем с добрыми намерениями, запутавшимся шарлатаном, ничтожной пародией на своего дядю, авантюристом, чей блеф и риск были обречены закончиться катастрофой. Такой репутацией он частично обязан провалам своей внешней политики, а также тому факту, что большинство интеллектуалов того времени находились в оппозиции и разили режим остроумными и едкими нападками. В XX веке эта неприязненная интерпретация неизбежно должна была вызвать реакцию. Некоторые историки нарисовали портрет отнюдь не подражателя, а человека, намного опередившего свое время, уделявшего главное внимание экономическому развитию, предшественника технократии и нынешних диктаторов. Они, конечно, впали в другую крайность. Наполеона III невозможно записать в какой-то один разряд. Не следует видеть в нем человека с какими-то сформировавшимися идеями, которые он сначала изложил в своих литературных произведениях, а затем, став императором, принялся воплощать на практике. Если читать его труды внимательно, то можно обнаружить противоречия почти по любому вопросу. В своих писаниях он предстает республиканцем, оппонентом аристократии, протекционистом, убежденно доказывает, что колонии не нужны, а церкви следует оставаться в стороне от системы образования. Оказавшись у власти, он провозгласил империю, раздавал герцогские титулы, заключил договоры о свободной торговле с Англией и другими странами, основал империю на Дальнем Востоке и поддержал клерикальный закон Фаллу* Однако находятся люди, считающие Наполеона III настоящим сенсимонистом: они указывают, что он беспокоился об участи бедноты, поощрял промышленность, интересовался развитием средств сообщения и

* Закон, принятый в 1850 г. по инициативе тогдашнего министра образования, князя де Фаллу, отменил подчинение церковных школ светским властям и дал католикам свободу открывать школы и университеты.— *Прим. ред.*

строительством Суэцкого и Панамского каналов, верил в иерархически организованное общество и защищал сельскохозяйственные колонии. Они полагают, что Наполеон заимствовал идеи у Луи Блана и из газеты «L'Atelier» (известно, что он ее читал), поскольку он ни разу не упоминает Сен-Симона; полагают, что он мог читать «Colonisation de l'Algérie» Анфантена, потому что его идеи сходны с содержащимися в этой книге; предполагается также, что на него мог повлиять Вьейар, который был сенсимонистом. Прямых свидетельств в пользу всех этих соображений нет, напротив, многие факты делают их сомнительными. В своих литературных трудах Наполеон выступает на стороне врагов промышленной революции; сельскохозяйственные колонии поощрялись им с целью возврата городских рабочих назад к земле (сам он позднее говорил, что к их созданию его подтолкнули зарубежные примеры — вероятно, эксперименты ван дер Боша в Голландии и Бельгии); его экономической целью был не рост производства, а поддержание уровня занятости; он не желал допустить промышленников к управлению страной; что же касается знаменитого заявления о том, что правительство является не неизбежным злом, а полезным двигателем общества, то можно вспомнить еще больше его высказываний, восхваляющих частную инициативу и в качестве идеала указывающих на Англию. Тот факт, что при его режиме многие сенсимонисты стали успешными промышленниками, необязательно требует причисления самого Наполеона к их школе. Напротив, он часто критиковал доктринеров, людей, объединяющихся в партии, и теоретиков-утопистов*

Политические идеи Наполеона III были по существу оппортунистическими. Он пылко, хотя и не без пристрастия, восхищался своим дядей, ибо почитал Наполеона I великим человеком, давшим людям то, что они хотели, но не более того, чем они должны были обладать. По тем же причинам он восхищался английским королем Вильгельмом III, положившим конец столетию революционных потрясений и предоставившим стране свободы и религию, которых она жаждала. Политика для Наполеона III была не рабской имитацией или попыткой возрождения прошлого, а, по его собственным словам, применением истории к настоящему времени†. Вот почему большинство его литературных работ были историческими: он писал о Наполеоне I, Вильгельме III, Юлии Цезаре, развитии артиллерии. История демонстрировала, почему государственные деятели добивались успехов или терпели неудачи, а также указывала на наличие сильных непреодолимых течений, таких как экономический прогресс, борьба за свободу и развитие национального сознания, которым великие государственные мужи должны содействовать. Романтизм Наполеона III объяснял его преклонение перед такими людьми, а присущий ему мистицизм убеждал в том, что и ему предначертано стоять в од-

* *Napoleon III* Œuvres. 1856. V 2. P. 5, 31, 125, 367; V 3. P 27, 54, 59, 118, 148, 162, 182, 236; *Jerrold D.* Life of Napoleon III. 1875–1882. V 2. P 280. Свидетельства о его знакомстве с книгой Анфантена позволяют предположить, что его внимание к ней привлек Урбен в конце 1850-х гг

† *Napoleon III* Œuvres. V 2 P 243; V 1 P 98

ном с ними ряду. «Я верю,— писал он из тюрьмы в Хэме,— что некоторые люди рождены для служения развитию человеческой расы... Себя я считаю одним из них». Он добавляет, что история Англии «недвусмысленно говорит королям: идите во главе идей эпохи, и эти идеи будут следовать за вами и поддерживать вас; идите вслед за ними, и они поволокут вас за собой; идите против них, и они повергнут вас». Великого государственного деятеля отличает способность обнаружить устремления народа, идентифицировать себя с ним и повести его к достижению общей цели*

Это не означает, что у Наполеона не было собственной программы или что он видел себя только в роли пассивного проводника воли народа. Он настаивал, что правительство должно руководствоваться только *правильными* идеями, а введение всеобщего избирательного права — главный пункт его политической платформы — необязательно послужит торжеству именно таких идей, поскольку, как можно видеть на примере Швейцарии, в действительности народные массы консервативны, верны своим предрассудкам и отвергают любые усовершенствования†. Хотя он всегда был внимателен к общественному мнению и принимал его в учет, вырабатывая свою политику‡, но не собирался позволять ему определять политические решения. Свободу он понимал как «высшее руководство в согласии с волей всех», под «волей» же он разумел что-то вроде «общей воли» у Руссо§. Он считал, что демократия осуществляется тогда, когда народ становится источником власти, даже если он не контролирует ее использование. Таким образом, всенародное избрание правителя является главным условием хорошего правительства. В этом смысле идеалом Наполеона была «народная диктатура», хотя из этого не следует, что он отстаивал абсолютизм против либерализма республиканцев. В царствование Луи-Филиппа очень немногие различали свободу и демократию; считалось, что всеобщее избирательное право обеспечит и то, и другое. В то время Наполеон отличался от республиканцев лишь тем, что предпочитал правление одного человека власти партийного комитета. Впрочем, он также цитировал дядю, говорившего, что конституции должны быть гибкими, иначе их слишком часто придется менять. Со временем сильное правительство одного человека выработает уважение к закону и гражданский дух, подобный существующему в Англии, что послужит основой для движения к большей свободе, конечное торжество которой всегда было целью его дяди**

Социальные задачи Наполеона, таким образом, естественно складывались из самых распространенных идей времени: предоставление талантливым людям возможности делать карьеру; постепенное стирание классовых границ; отмена всех привилегий, кроме тех, что обусловлены личными заслугами; всеобщее процветание, но не за счет богатых; рабочие места и социальные блага

* Ibid. V. 1. P. 342, 31–32.
† Ibid. V 1. P. 398.
‡ См.: *Case L. M.* Public Opinion on War and Diplomacy during the Second Empire. Philadelphia, 1954.
§ Ср.: *Napoleon III.* Œuvres. V. 2. P. 83.
** Ibid. V. 1. P. 44, 52–55.

для рабочего класса; дешевые кредиты и снижение налогов для вынужденных закладывать свое имущество крестьян; незыблемость прав собственности для всех; строительство грандиозных общественных сооружений; улучшение коммуникаций, осуществляемое с помощью самофинансирования и увеличивающее национальное богатство; мир, но не за счет отказа от величия. Наполеон раздавал мнение, что массы готовы довольствоваться номинальным признанием своей верховной власти, политическим уравнением классов, открывающимися возможностями социального роста и повышением уровня жизни.

Однако Наполеон был избран президентом в декабре 1848 года, получил поддержку на плебисците в декабре 1851 года и стал императором год спустя не потому, что его программа в целом была одобрена избирателями, а потому, что очень многие слои избирателей связывали с ним свои надежды. Нельзя упрощенно считать, что Наполеон был императором крестьян, а не городских рабочих и не буржуазии. Многие крестьяне голосовали за него, а многие — нет (особенно на клерикальном западе и республиканских центральном и южном регионах). Некоторые городские рабочие голосовали против него, но гораздо больше — за. Против него были настроены ремесленники, сельские и городские, но опять же далеко не везде. В 1848 году, когда многие видные парламентские лидеры поддержали его кандидатуру на пост президента, значительная часть буржуазии, кажется, предпочла бы Кавеньяка. В 1851 и 1852 годах эти деятели ушли в оппозицию, но их рядовые сторонники, напуганные перспективами новой революции, в большинстве своем смирились с диктатурой. Многие легитимисты поддержали Луи Наполеона в 1848 году как консерватора в противовес республиканцу Кавеньяку, но затем, когда он задумал стать императором, отшатнулись от него. Повсеместно на голосование оказывали влияние местные проблемы, жизненная важность которых будет объяснена в свое время. Своим успехом Наполеон гораздо больше обязан естественной реакции, нежели действию пропаганды. Тудеск приводит несколько любопытных карт, по которым можно проследить то, как, во-первых, голосовали регионы в декабре 1848 года и кого, во-вторых, поддерживала местная пресса. Корреляция оказывается очень низкой*. Избрание Наполеона не говорит о триумфе его программы. К тому времени еще не выработалось однозначное понимание бонапартизма, и тот смысл, который ему придавался, очень сильно зависел от событий и точки зрения.

Как бы то ни было, Наполеон III, став императором, не получил возможности делать все, что ему заблагорассудится. От своих предшественников он унаследовал институты, обычаи и правовые традиции, так что империю следует, пожалуй, считать модифицированной, нежели совершенно новой версией преды-

* *Tudesq A. J.* L'Élection présidentielle de L. N. Bonaparte, 10 déc. 1848. 1965; *Pimienta R.* La Propagande bonapartiste en 1848. 1911; *Ferrère A.* Révélation sur la propagande napoléonienne faite en 1848 et 1849. Turin, 1863.

дущих правительств. Три основных конституционных изменения состояли в ограничении независимости министров, уменьшении полномочий парламента и ужесточении цензуры и репрессий в отношении оппозиции. Но Наполеон правил с помощью людей с самым разным прошлым и убеждениями, так что в его правительстве, возможно, было даже меньше гармонии, чем в беспорядочной конкуренции за влияние при Июльской монархии. Он на самом деле располагал сотрудниками, искренне ему преданными. Люди, с которыми он контактировал, попадали под его удивительное обаяние. Он мог льстить и не казаться лицемерным, был щедр, умел слушать. Но оставалась в нем какая-то загадка, и следовать за ним не всегда было легко. Неожиданные решения и мистическая связь с общественным мнением делали его — когда он достигал успеха — своего рода чародеем. В старости, когда уже одолевали недуги и боли, трезвость мышления омрачалась той вялостью, которая всегда прерывала периоды его бурной деятельности. Связь между Наполеоном, его правительством и народом никогда не была простой.

Могло показаться, что в 1852 году Наполеон оказался полным хозяином Франции, но история его правления не укладывается в рамки его биографии. Конечно, он лично определял курс правительственной политики, но не отличался необходимыми для его непреклонного претворения в жизнь прилежанием и педантизмом. Совершенно верно, что конституция обеспечила ему полный контроль за исполнительной властью: министры были высшими государственными служащими, ответственными только перед ним, и Наполеон настаивал, чтобы они не делали без его одобрения никаких важных шагов. Он регулярно председательствовал на заседаниях кабинета министров, руководил обсуждением и принимал окончательные решения. Он также часто менял министров или переводил их с одного поста на другой. Но то, что ему приходилось прибегать к этим мерам, свидетельствует против предположения, что они были лишь послушными орудиями в его руках.

Например, герцог де Персиньи, разорившийся мелкий аристократ и товарищ молодого Наполеона по заговорам, отличался преданностью, но своим рвением делал политику гораздо более экстремистской, чем того хотелось Наполеону. В 1852 году, будучи министром внутренних дел, он организовал демонстрации под лозунгами провозглашения империи и тем самым заставил Наполеона осуществить этот план быстрее, чем тот намеревался. Его действия при выборах (особенно в 1863 году), яростные нападки на клерикалов, использование административного нажима подверглись осуждению Наполеона и привели министра к отставке. Персиньи стремился создать сплоченную бонапартистскую партию, вне которой нельзя было бы снискать ни власти, ни почета; император желал достичь компромисса с нотаблями,

получить поддержку орлеанистов и легитимистов, пусть даже их преданность не была столь же истовой (министры, похожие на Персиньи, в общем-то составляли меньшинство)*

Морни можно назвать типичным орлеанистом. Внук Талейрана и незаконнорожденный брат Наполеона III, при Луи-Филиппе он был военным и сахарозаводчиком, покровительствовал искусствам, распутничал и занимался спекуляциями, но при всей своей внешней вялости обладал огромным честолюбием и присутствием духа. Он сыграл решающую роль в успехе переворота, но его надежда достичь высшего положения в империи не оправдалась, хотя как глава законодательного собрания (1854–1865) он многое сделал для повышения конституционной роли и власти этого органа и для утверждения либеральной империи, сторонником которой являлся. Ашиль Фульд†, еврей, протестант и банкир, также был орлеанистом. Он и Пьер Мань‡ оказали значительное влияние на финансовую политику Наполеона III, хотя взгляды их были различны и они нещадно критиковали друг друга§. Барон Осман** непрестанно конфликтовал с обоими из-за финансирования реконструкции Парижа. В городском планировании Осман следовал подробным личным указаниям Наполеона, но авторитарные методы их воплощения были его собственными††. Маркиз де Шаслу-Лоба‡‡ происходил из древнего аристократического рода, был сыном генерала Первой империи, государственным советником и депутатом при Луи-Филиппе, лидером независимых в первом наполеоновском парламенте (1852–1857). Главное достижение его продолжительной министерской службы — аннексия Кохинхины§§ — стало его личной заслугой, поскольку необходимость ее он убедительно обосновал в поданном Наполеону меморандуме. В 1869 году, когда ему было поручено подготовить проект конституции либеральной империи, он также руководствовался наполеоновскими инструкциями, но пошел дальше, вписав туда право законодательной инициативы депутатов. Шаслу, служа империи, сохранял, таким образом, свою независимость и стал одним из немногих бонапартистов, избранных в 1871 году в парламент (и даже был назначен докладчиком важного Закона об армии в 1872 году)*** Виктор Дюруи†††, антиклерикальный историк и инспектор школ, служил императору, не предавая своих общеизвестных республиканских идеалов — еще один из тех, чья индивидуальность не подвергалась значительному ущемлению‡‡‡.

Барош§§§ и Руэр**** были главными правительственными адвокатами, их обвиняли в том, что они поддерживали любое политическое начинание Наполеона. Барош действительно был весьма послушным орудием Наполеона, скорее исполняя решения, нежели помогая вырабатывать их; но он восхищался императором и искренне считал его спасителем общества от социалисти-

* *Persigny V. F. de.* Mémoires du duc de Persigny. 1896; *Farat H.* Persigny. 1957.

† Государственный министр (1852–1860), министр финансов (1861–1867).

‡ Адвокат, чья карьера на государственной службе началась еще при Луи-Филиппе; министр финансов (1854–1860, 1867–1869).

§ *Fould A.* Journaux et discours. 1867; *Dirieux J.* Le Ministre Pierre Magne. 2 vols. 1939; *Pflaum R.* The Life of the Duc de Morny. New York, 1968.

** Префект департамента Сена (1853–1870).

†† *Chapman J. M., Chapman B.* The Life and Times of Baron Haussmann. 1957; *Lameyre G.* Haussmann. 1958; *Pinkney D.* Napoleon III and the Rebuilding of Paris. Princeton, 1958.

‡‡ Министр Алжира и колоний (1858–1859), министр военного флота и колоний (1860–1867), министр-президент Государственного совета (1869).

§§ Кохинхина — Южный Вьетнам.— *Прим. ред.*

*** *Delarbre J.* Chasseloup-Laubat. 1873, меморандум о Кохинхине в личных бумагах автора, с которыми любезно позволили ознакомиться его потомки.

††† Министр образования (1863–1869).

‡‡‡ *Duruy V.* Notes et souvenirs 1811–1894.

1901; *Rohr J.* Victor Duruy, ministre de Napoleon III. 1967. См. также: *Williams R. L.* Gaslight and Shadow. 1957.

§§§ Министр внутренних дел (1850–1851), вице-президент Государственного совета (1852), президент Государственного совета (1853–1863), министр юстиции (1863–1867, 1868–1869). См.: *Maurain J.* Baroche. 1936.

§§§§ Министр юстиции (1849–1851), вице-президент Государственного совета (1852–1855), министр земледелия, торговли и общественных работ (1855–1863), президент Государственного совета (1863), государственный министр (1863–1869), председатель сената (1870). См.: *Schnerb R.* Rouher. 1949.

ческой угрозы. Даже он, тем не менее, иногда сопротивлялся верховной власти: так, он решительно выступал против Крымской войны, а в 1862 году подал прошение об отставке в знак протеста против уступок клерикалам (и таким образом добился ослабления их влияния). Консерватизм Руэра проявлялся еще ярче, и хотя он остался на службе Наполеона после либеральных послаблений 1860 и 1867 годов, но не скрывал негативного отношения к ним. Его огромная работоспособность, умение разбираться в деталях самых сложных юридических и экономических вопросов, ораторское искусство делали его все более незаменимым для Наполеона. Люди прозвали его «вице-императором». Позиции Руэра во власти укрепляла когорта верных приверженцев в парламенте и на государственной службе: говорили, что никакая должность, награда или протекция не предоставлялись без его совета. Когда в 1870 году с окончательным торжеством либеральной империи ему наконец пришлось уйти в отставку, он все еще был способен сколотить сильную оппозицию ей. Он во многом несет ответственность за обвинения режима в авторитарности.

Законопроекты готовил Государственный совет. Этот орган назначался императором, но даже тот сетовал, что проводить реформы через консервативные комитеты Совета очень сложно. То, что идеи императора получали столь бледное отражение в законах, являлось в немалой степени следствием данного обстоятельства. Хороший пример — Закон о рабочих объединениях (1864). Наполеон предполагал пойти на некоторые уступки, но Государственный совет внес столько поправок, что закон фактически оказался бесполезным, так что потребовалась интрига, затеянная Наполеоном, Морни и Оливье, чтобы он все-таки получил какое-то значение. Консерваторы вскоре обнаружили, что проще всего препятствовать переменам, апеллируя к юридическим формальностям, перед чем Наполеон почти всегда отступал. Многие другие органы государственного аппарата, являвшегося инструментом его всемогущества, отличались столь же малой гибкостью.

Вторую империю называли полицейским государством, однако его полицейские силы незначительно отличались размерами или структурой от предыдущих или последующих режимов. В 1852 году была предпринята попытка создать министерство полиции, но оно не просуществовало и пятнадцати месяцев из-за сопротивления префектов, не желавших ему подчиняться. Это был всего лишь контролирующий орган с небольшим штатом, но его создание посчитали важным символом авторитарного характера империи в ранние годы ее существования. Как бы то ни было, Наполеон сохранил неупорядоченную множественность полицейских сил, которые достались ему в наследство, а Третья республика сохранила бóльшую часть наследства, полученного от Наполеона. Различные правоохранные структуры подчинялись разным

министерствам и неохотно сотрудничали друг с другом. До 1854 года Париж патрулировали лишь 450 человек, и даже после реформы, проведенной в этом году, в нем все равно было меньше полицейских, чем в Лондоне (около 4 тысяч). В Марселе на 300 тысяч его буйных жителей приходилось всего 213 полицейских. Наиболее важная перемена, осуществленная Наполеоном в своих полицейских силах, состояла в двукратном — до 1745 человек — увеличении числа полицейских комиссаров, которые до того времени существовали лишь в городах с населением свыше пяти тысяч жителей, так что некоторым приходилось держать под контролем территорию, превышающую размером кантон. Комиссарам мало платили, должность эта не пользовалась особым престижем или уважением. В деревнях правительство полагалось на *gardes champêtres**, совмещавших исполнение этих обязанностей со своим основным занятием и получавших пару сотен франков в год. Они не имели униформы и обычно были марионетками мэров или местной знати. По сравнению с современными тоталитарными режимами полиция Второй империи была слаба и неорганизованна. Буатель, префект полиции в 1858–1866 годах, руководил ее работой из конторы, набитой до отказа картинами (в основном дамскими портретами), в задних комнатах которой располагалась студия, где он развлекался реставрацией этих картин. Следовало опасаться не эффективности, а случайности или бездумности действий полиции. Она могла жестоко подавить политические выступления, но, кажется, не особенно активно боролась с мелкой преступностью; она бросала в тюрьмы политических противников (часто без суда), но в те времена враги правительства могли писать в тюрьме направленные против него книги: их разрешали публиковать, после чего, как правило, авторов наказывали, причем затяжные судебные процессы только добавляли этим авторам известности. Полиция дополнялась жандармерией, комплектовавшейся отставными военнослужащими; она подчинялась министерству военных дел и использовалась в основном в сельской местности. Луи-Филипп располагал 14 тысячами жандармов, которых использовал, например, для поддержания порядка на роялистском западе. Наполеон III увеличил их число примерно до 25 тысяч и беззастенчиво использовал в качестве агентов для воспрепятствования политической агитации перед выборами. Таким образом жандармерия (равно как и полиция) превратилась в народном сознании в главный элемент бонапартизма. Однако в острых кризисных ситуациях Наполеон не мог обойтись без помощи армии (например, при массовых арестах политических противников в 1851 и 1858 годах)†.

Оригинальной чертой Второй империи была не ее полиция, а то новое место, которое получила в жизни нации армия. Это не означает, что режим был милитаристским, ведь армия не упра-

* Сельские полицейские (*фр.*).

† Payne H. C. The Police State of Louis Napoleon Bonaparte. Seattle, 1966. О репрессиях 1851 г. см. Tenot E. Étude historique sur le coup d'état. 1877–1880; о 1858 г. Tenot E. Dubost A. Les Suspects en 1858. 1869.

вляла страной. Однако до июня 1848 года общественный порядок в периоды кризисов поддерживала национальная гвардия. При Луи-Филиппе она получила репутацию орудия буржуазии, но тогда буржуазию следует понимать в очень широком смысле, ведь в ряды гвардейцев попадали представители всех слоев населения (кроме «опасных классов» — вселявших ужас в мирных граждан бродяг). Проблема личной безопасности стояла очень остро вплоть до середины XIX века; только когда она была решена, ей на смену пришел «социальный вопрос», став новым бедствием. Национальная гвардия на практике являлась народным ополчением, задачей которого было сохранение внутреннего мира, тогда как армия предназначалась для защиты границ Франции. Но в 1848 году национальная гвардия оказалась неспособна сохранить порядок. При Луи-Филиппе она пришла в упадок: средние классы шли на всевозможные хитрости, лишь бы избежать исполнения возложенных на них обязательств. Вместо нее гарантом стабильности общества как в июльские дни, так и в декабре 1851 года стала армия. Буржуазия, видимо, предпочла передать дело борьбы с революцией профессионалам, а не заниматься этим самостоятельно. Вот как стало возможным милитаристское государство.

Но следует помнить, что первый «милитаристский» режим был республиканским: генерал Кавеньяк стал спасителем республики. Ему помогал генерал Ламорисьер и офицеры, прошедшие школу военного управления в Алжире. Когда Луи Наполеон стал президентом, генерал Шангарнье благодаря бургграфам* оказался во главе как армии, так и национальной гвардии. Вторая империя была фактически промежуточным периодом. В свое время всеобщая воинская повинность, принятая Третьей республикой, поставит нацию под ружье, но это будет другой случай, ведь теперь солдаты станут подчиняться военной дисциплине и не смогут избирать офицеров, как это было в национальной гвардии. Раньше армия была либеральной и революционной. Заботясь о поднятии ее престижа, Наполеон III выполнял требования либеральных патриотов. Но в ходе его правления армия впервые была ославлена реакционной, поскольку стала опорой его автократического режима. Участие в подавлении волнений 1851 года засчитывалось как год действительной службы. Армию осыпали милостями, чтобы обеспечить ее лояльность по отношению к бонапартизму. В 1858 году полковники парижского гарнизона объявили своим войскам: «Армию призывают... играть политическую роль в критические моменты». Императорская гвардия в своей великолепной военной форме предстала новым преторианским оплотом режима.

Однако, как это ни парадоксально, самыми яростными защитниками военной системы в ее тогдашнем виде были представители

* Прозвище, данное «Комитету дисциплины», который руководил консервативными и монархическими группами в Законодательном собрании 1849–1851 гг. (среди прочих в него входили Тьер, Монталамбер, Моле, Берье).

орлеанистской оппозиции. Наполеон, прекрасно знавший о недостатках своей армии, хотел ввести всеобщую военную повинность, следуя в этом примеру пруссаков. Но такие люди, как Тьер, протестовали, утверждая, что это превратит Францию в одну огромную казарму. Буржуазия высоко ценила свое право откупаться от военной службы, а крестьяне надеялись вытянуть счастливый билет в лотерее, который совсем бы освободил их от этой повинности. Говорилось, что военная служба станет для всех новой тягостной *corvée**. Наиболее энергично в поддержку профессиональной армии выступали не бонапартисты, а Тьер. Само понятие милитаризма в этот период представало в новом свете, однако это важный вопрос, который я предполагаю подробно рассмотреть во втором томе. Там же будет показано, что в Алжире, где прямо стоял вопрос о военном управлении, бонапартизм означал скорее не усиление армейского контроля, а укрепление капиталистического господства, когда крупным компаниям предоставлялись невероятные привилегии для начала широкомасштабных предприятий[1].

Парламент при Наполеоне III состоял из сената лояльных сановников и «законодательного корпуса» всего лишь примерно из 260 членов (по сравнению с 750 во время существования республики). Эта нижняя палата действительно избиралась всеобщим голосованием, но ее полномочия были значительно меньшими, чем у Законодательного собрания, предусмотренного конституцией 1848 года. Ее одобрение было необходимо для принятия бюджета и всех законов, но она не имела права законодательной инициативы. Ей позволялось предлагать поправки, но правительство не обязано было их принимать. Корпус собирался лишь на три месяца в году. Проходившие внутри него дебаты — в течение первых восьми лет — печатались только в виде бледной сводки. Поскольку пресса и народные собрания также жестко ограничивались, роль этого органа была весьма второстепенной. Тем не менее, к 1870 году он стал важной политической силой страны. Эта эволюция является одной из центральных черт бонапартизма, и ее следует понять, поскольку она являлась не просто признаком краха системы, как некоторые утверждали. То давление, которое оказывал на Наполеона парламент, носило разнообразный характер, что показывает, сколь неодинаковым было понимание бонапартизма среди людей, согласных сотрудничать с ним или являвшихся его приверженцами. Некоторые утверждают, что бонапартизм был по существу «консервативным», что к политике не допускались массы, чья роль сводилась лишь к тому, чтобы вручить бразды правления надежному человеку и вернуться к своим повседневным трудам. Массы считали свободу необходимой, но понимали ее как отмену привилегий; они выступали в поддержку реформ, но полагали, что первостепенное значение имеет порядок. Многие рассматривали бонапартизм как отказ от

* Повинность (фр.).

[1] *Girard L.* Le Garde nationale 1814–1871. 1964; *Girardet R.* La Société militaire 1815–1939 1953, *Howard M.* The Franco-Prussian War 1961; *Bouillon J., Chalmin P.* L'Armée et la seconde république 1955.

робости и осторожности Луи-Филиппа, как возрождение нации, как великое патриотическое стремление к блеску внешней политики, но также и к блеску процветания. Этот патриотический фактор был очень силен, однако не все соглашались с его социальными последствиями. Были и те, кто утверждал, что «нынешняя империя — это не воплощение демократии и не венец республиканской идеи... а настоящая монархия». Некоторые хотели, чтобы эта монархия сдерживалась аристократией, децентрализацией, разделением власти с нотаблями, что укрепляло бы «нравственные силы общества». С другой стороны, оставались люди, заявлявшие, что бонапартизм по сути своей демократичен, поскольку является властью выскочек, которая ниспровергает старые клики, спасает всеобщее избирательное право от демагогии, улучшает положение людей и сулит процветание. Одни полагали, что для достижения этого процветания необходима сильная централизованная власть, другие же верили в *laissez-faire*.

Централизация

Если сосредоточить внимание на парламентской истории, внешней политике или придворных интригах Второй империи, то можно прийти к заключению, что этот режим ставил перед собой столь неопределенные цели и действовал столь неловко, что его назначение в истории Франции — дать еще одно доказательство неспособности авторитарной монархии решать проблемы нации. Значение Второй империи, однако, лежит в иной плоскости. Она явилась катализатором соединения демократии и централизации. Централизация признана одной из самых характерных черт французского общества. Известная книга Токвиля, в которой указывается, что корни этой тенденции в Старом порядке и она не является изобретением Наполеона I, заставила историков исследовать вопрос, и было опубликовано несколько интересных исследований на тему нарастания мощи старой монархии. Нет, однако, подобного анализа того, что происходило с тенденцией централизации в XIX веке, когда она столкнулась с исключительно интересным кризисом — провозглашением всеобщего избирательного права. Бонапартизм фактически оказался тем средством, благодаря которому централизация решила возникшую проблему, по крайней мере отчасти. Это стало возможно потому, что недавно (при бонапартистском режиме) получившие политические права крестьяне обрели в централизованном государстве способ освобождения от власти дворян и нотаблей. В городах и квазигородских населенных пунктах юга освобождение происходило, как это было показано, благодаря республиканизму. В сельских районах, где возможности народного объединения были гораздо сильнее ограничены, бонапартистское государство дало рычаг для

низержения иерархического общественного устройства. За это пришлось заплатить сохранением централизации бок о бок с зарождающейся демократией. Третьей республике пришлось перенять традиции старой монархии и империи. Вот почему бонапартизм нельзя рассматривать как нечто радикально отличное от республиканизма: первый остается заключенным внутри последнего. По этой же причине нельзя сказать, что тот и другой всегда получали поддержку одних и тех же сил: в период Второй империи происходили такие социальные перемены, до масштаба которых далеко Первой империи, и не забудем, что Третья республика шла на компромиссы, чуждые пылким и оптимистичным первопроходцам 1848 года. В этом свете становится понятным, почему один из видных сторонников всеобщего избирательного права при Луи-Филиппе, республиканец Корменен, автор знаменитых памфлетов «Тимона», также защищал и идею централизации, а затем стал сенатором при Наполеоне III. Корменен говорил, что централизация приносит если и не свободу, то, по крайней мере, независимость, что представляется необходимым первым шагом*.

Причина мощного влияния бонапартизма на крестьян кроется в сельской бедности. Принцип централизации предполагал равенство, по крайней мере политическое, всех деревень. Франция была разделена на 36000 коммун. В каждой насчитывалось в среднем тысяча жителей†. В 8000 этих коммун при Наполеоне III было менее трехсот жителей и лишь в 1300 — свыше трех тысяч человек. Мелкие коммуны почти не имели возможности жить независимо, в частности потому, что у них не было средств для ведения какой-либо независимой деятельности. За размером налогов, которые коммуны могли использовать самостоятельно, строго следили префекты. Основная масса налогов с французских граждан шла государству. Крохотная часть, известная под названием *centimes*‡, добавлялась к налогам в пользу коммун. Сравнительно крупные города могли взимать косвенные налоги, известные под название *octrois* (что делали лишь около 1500 из них). В деревнях же, в свою очередь, сохранялась старая повинность *prestations*, по которой каждый житель обязан был работать три дня в году, ремонтируя дороги, или платить налог, позволявший коммуне нанять ему замену. Лишь в 1903 году был принят закон, превративший эту повинность в денежный налог, но вводился он на добровольной основе, и в 1911 году в 17947 коммунах все еще существовала старая система *prestation*. Все это вместе составляло налоговую базу коммун. Кроме того, они получали прибыль от общественной собственности, составлявшую в среднем по Франции в этот период 11% их общих доходов (хотя некоторым деревням повезло и они унаследовали гораздо большие ресурсы: частные источники доходов приводили к возникновению неравенства формально равных коммун, как это происходит и

* См. *Baird P.* Comment. 1948
† Для сравнения, в Италии — 2945
‡ Сантимы, «грошик» (Фр.)

между индивидами). Последним источником местных бюджетов, которым правительство пользовалось по своему усмотрению, были субсидии, сильно укреплявшие власть государства.

Коммуны не могли тратить деньги как заблагорассудится. Государство определяло, на что они обязаны были их расходовать. Оно решило, что предоставление определенных общественных услуг должно считаться обязанностью коммун, и последним приходилось за эти услуги платить. Так, расходы на начальное образование, полицию, строительство дорог и ремонт общественной собственности легли на плечи коммун. Префекты должны были следить за постоянством таких расходов. Чем больше законов принималось во имя прогресса, тем тяжелее становилось бремя коммун, однако их влияние не росло пропорционально обязанностям. Так, например, префект назначал школьного учителя (который после 1833 года должен был быть в каждой коммуне), государство платило ему жалованье, однако коммуна обязана была подыскать жилье и обеспечить место работы. Очевидно, что деревня с пятью сотнями жителей не могла позволить себе строительство школы, а значит, зависела от государственных субсидий. Ее собственные незначительные ресурсы все больше шли на покрытие непредвиденных расходов, которые каждый в отдельности были невелики, но в сумме оказывались для коммуны тяжелым бременем. В то время как мощь и активность государства росли, устаревшая и совершенно неадекватная система местного налогообложения держала коммуны в кабале. Если деревня желала собрать дополнительные средства, которые она не обязана была отдавать государству, ей нужно было получить разрешение государства на взимание дополнительных *centimes*, однако закон строго ограничивал их размер, равно как и возможности делать займы.

Государственный совет пристально и ревностно следил за тем, чтобы у коммун не появлялись чрезмерные амбиции и чтобы они не посягали на функции государства. Он долгое время оставался врагом муниципального социализма. В результате коммуны, в отличие от других стран, не брали больших займов. В 1890 году размер долгов французских коммун составлял 84 франка на каждого жителя, тогда как местных властей в Англии — 180 франков. Но основная часть этих займов приходилась на крупные города: 84% долга местных органов самоуправления приходилось на 246 городов. Если не учитывать Париж, то долги французских коммун составляли только 37 франков на человека. Долг Парижа равнялся 798 франкам на душу населения, Руана — 389, Марселя — 285 (для сравнения, долг Нью-Йорка — 288, Бостона — 650, а Рима — 398). В общем, можно сказать, что сельские коммуны пытались договориться с правительством о субсидиях, в то время как города обращались к капиталистам. Это позволяет объяснить различия в их истории*.

* *Paul-Dubois L.* Essai sur les finances communales. 1898; *Himbourg M.* Des finances communales. 1891.

Финансовые проблемы деревень можно проиллюстрировать следующим примером. Муниципальная жизнь Плибу в департаменте Дё-Севр (с населением 801 человек в 1846 году и 552 человека в 1911 году) сосредотачивалась вокруг необходимости расплачиваться за новшества. Сначала встал вопрос о содержании священника. В деревне не было собственного священника до 1840 года, когда таковой наконец появился (отчего бы не продолжать пользоваться услугами кюре из соседней деревни?), что означало необходимость платить ежегодно 100 франков за его квартиру. Правила приличия требовали, чтобы у священника был собственный дом при церкви. Споры по этому поводу велись двадцать лет. Наконец, в 1851 году муниципальный совет проголосовал за то, чтобы купить ему дом за 2962 франка — это была огромная сумма, равная годовому бюджету. Совет решил, что не сможет заплатить самостоятельно более 1500 франков, и предложил, чтобы собрать всю сумму, ввести дополнительный налог — *centimes*. Все зависело от доброй воли префекта, который предоставил сначала 1000 франков в качестве государственной субсидии, а затем 1087 франков из фондов департамента. После покупки дома встал вопрос о необходимости дорогостоящего ремонта, и это был сущий кошмар. Обратились за помощью к епископу, который убедил префекта запросить еще 2000 франков государственной субсидии, но получено было только 500. Таким образом, нужен был дополнительный налог. Только в 1860 году счет приблизительно на 7500 франков был оплачен полностью. Коммуне пришлось пережить десять тяжелых в финансовом отношении лет. Временами, когда резервы истощались, мэру приходилось выплачивать деньги рабочим и продавцу (который был его дядей) из собственного кармана. Ключевые роли мэра и префекта в этом кризисе, естественно, имели и политические следствия: они подтолкнули жителей деревни к цивилизации, а также спасли их от возможного разорения. Новая роскошь, которую приобрели селяне, оказалась столь же обременительной, как расточительная жена. Когда в 1859 году был назначен новый кюре, он заявил, что дом слишком мал и он просит коммуну приобрести для него соседний дом, чьи обитатели могли бы подслушивать его беседы и коммуна превратилась бы в постоялый двор или «дом скандала». Пойти на это условие означало бы согласиться с непомерным усилением власти священника. Однако муниципальный совет, принимая в учет уже понесенные им «главным образом по инициативе священников» расходы, отверг данную просьбу, заявив о непонимании того, что такое «дом скандала» и что за странный обычай покупать соседскую собственность, только чтобы избежать чисто гипотетической возможности распространения грязных слухов. Как бы то ни было, после 25 лет проволочек и новых споров в 1878 году был одобрен ремонт церкви. Было по-

лучено 2300 франков государственной субсидии и собрано 3152 франка добровольных пожертвований. Расходы, как обычно, в процессе работ утроились, достигнув 9852 франков, из которых коммуна внесла 2217. Это еще раз показывает, насколько каждая крупная перемена в деревенской жизни зависела от помощи государства.

Масштабная программа строительства школ, развернутая Третьей республикой между 1878 и 1888 годами, обошлась коммунам примерно в 300 миллионов франков, государство добавило к этому еще 216 миллионов франков субсидий. В Плибу план строительства школы был составлен в 1878 году, расходы предполагались в размере 35800 франков, и это был самый грандиозный местный проект. Заместитель префекта дал указание начать строительство на заем в 12000 франков, который предполагалось вернуть в течение 31 года (итоговая сумма должна была составить 18000 франков), введя дополнительный налог в четырнадцать сантимов. Муниципальный совет проявил осторожность и отказался связать себя обязательствами на целое поколение вперед, проголосовав за заем только 6200 франков. Он благополучно получил 10000 франков субсидии от генерального совета департамента и 20000 франков от государства. К 1910 году заем был возвращен. В окружении остальных деревенских строений школа напоминала дворец. Это хороший пример того, как государство, с одной стороны, поощряло непомерные расходы коммун, а те, в свою очередь, использовали систему субсидирования для реализации проектов настолько грандиозных, что о них коммуны не могли бы и мечтать, будь они финансово независимы. Как бы то ни было, строительство школы сделало учителя важной фигурой. В 1840 году, когда за жилье для священника платили 100 франков в год, учитель получал 40 франков квартирных денег, в 1855 году — 50 франков, в 1856 — 90, а в 1870 — 120. Его жалованье, выплачиваемое поровну коммуной и государством, составляло 200 франков в 1834 году и 1444 франка в 1872 году. В отличие от священника, он отчасти состоял на жалованье у жителей деревни, пока Третья республика не превратила его в полноценного государственного чиновника.

Однако эти расходы были гораздо меньше, чем на ремонт дорог, что всегда составляло основную расходную статью бюджета. На это уходило от 1000 до 1400 франков в год, но налог на ремонт дорог вносился в основном в натуральной форме, поскольку у жителей деревни зимой была масса свободного времени и поддерживать дороги в хорошем состоянии для них было необременительно. Коммуны охотно принимали правительственные субсидии на строительство новых дорог. Если они прокладывали дорогу для себя, то лишь малая часть денег переходила из рук в руки, когда же парламент принимал масштабные программы дорожного

строительства, предполагавшие щедрые кредиты (10 миллионов франков ежегодно в течение десяти лет в 1868 году, 80 миллионов франков в 1880 году, и т. д.), деревни включались в их реализацию, одобряли планы строительства, претендовали на получение субсидий (500 франков в год для Плибу после 1868 года) и требовали выплаты всевозможных компенсаций, если новые дороги проходили через их земли (такие компенсации были редки, если предприятие было исключительно коммунальным). Коммуне Плибу дорога обходилась примерно в 20% ее стоимости, и она еще получала выгоды от роста стоимости имущества. Однако не следует думать, что для селян представляли интерес только эти крупные дотации. Прилагалось много сил для получения небольшой помощи от государства, особенно в пользу бедных, чья поддержка была функцией коммуны, но и на это она выпрашивала субсидии у префекта. В 1855 году коммуна получила 150 франков (то есть 6 фунтов стерлингов), а в 1865 и 1869 годах всего лишь по 50 франков. Сама коммуна в 1884 году выделила 15 франков одному старику. Мощная бюрократическая система могла дотянуться до самого нищего бедняка и повлиять на жизнь*.

Муниципалитет был детищем государства и его частью, являясь скорее географической единицей, нежели традиционным организмом. Идея унитарного государства означала, что местное управление не было автономным, но являлось аванпостом центральной администрации, и всякая власть была организована по иерархическому принципу с надежной цепью передачи распоряжений. Так, хотя выборный муниципальный совет в деревне и существовал, его функции были ограничены, а повестка дня спускалась свыше. Он собирался лишь на короткий срок (и заседания не были открыты для публики) в определенное время или по требованию мэра, его решения могли быть аннулированы, если он завышал свои притязания, а если он становился поперек намерений государства, то мог быть распущен. Реальную власть в деревне представлял мэр. Он носил трехцветную ленту (а не муниципальный герб, как в Англии), указывавшую на то, что в первую очередь он был представителем государства, и только затем — главой коммуны. Проведение в жизнь законов государства было его задачей в той же степени, что и защита интересов коммуны. Первоначально на этот пост назначало государство. После 1831 года мэры стали избираться муниципальными советами из числа их членов, таким образом при Июльской монархии оказался представлен выборный элемент. Вторая республика сохранила эту систему для городов с населением свыше 6000 жителей, а также для столиц департаментов и округов, но в прочих местах допускались свободные выборы мэра. При Наполеоне III все мэры вновь стали назначаться государством, так что авторитарный характер власти усилился. Даже когда после 1871 года выборы были

* Denieul M. Histoire des finances d'une commune rurale. Poitiers, 1912.

восстановлены (Париж оставался исключением), сила традиционного стремления к централизации возвышала мэров над муниципалитетами. Теперь совет избирал мэра на те же шесть лет, что заседал сам, и не мог его сместить. В случае конфликта совет обычно терпел поражение. Ежегодно имели место многочисленные случаи роспуска совета по приказу префекта для разрешения зашедшего в тупик противостояния с мэром.

При Второй империи мэры как никогда хорошо осознавали свою роль представителей правительства, являясь в его руках важным инструментом контроля над массами. Им мало платили, однако это только усиливало их чувство собственной значимости. Один из них, деревенский доктор в департаменте Ло, написал в честь мэров книгу, в которой определил их предназначение как «своего рода священство, будучи облечен которым, человек изменяется внутренне, а именно поднимается над собой и чувствует, что должен завоевать уважение особыми заслугами... Или для того, чтобы оправдать всеобщие надежды, или из-за того чувства, которое естественным образом дает ему его положение, мэр иногда приобретает некоторую величественность». Такой человек, обладая, как он говорил, благородным умом, соединенным со значительным богатством, брался за «наведение порядка в деревне» и многого мог добиться, если располагал поддержкой и благосклонностью правительства. Однако ужиться с префектом, который зачастую обращался с ним, как посыльным, было непросто. Кроме того, в деревне было три власти: мэр, кюре и учитель, чье соперничество осложняло задачу мэра. С муниципальным советом у мэра трудностей не возникало, «правительство с полным основанием позволяло игнорировать его». Но когда мэр пытался «во всем стать хозяином территории», он всегда встречал сопротивление. Что касается конкретно этого мэра, то он был смещен в результате стычки с кюре. Автор справедливо отмечал, что мэр добивался наибольшего успеха, когда священник его поддерживал и благословлял его деятельность, а также когда он мог либо выступать в роли судьи между священником и школьным учителем, либо (что было лучше всего) когда мэр и учитель объединялись, превращая школу в инструмент их общей власти. Мэр должен был «устранять разногласия, возвышаться над народом и добиваться его расположения благодаря умножению благ для деревни».

Государство наделяло мэра большим влиянием, и если он умело им пользовался, жители видели в нем своего защитника от внешнего вмешательства, представителя их интересов в «большом мире». В обществе со значительным числом неграмотных, когда даже многие члены муниципального совета не умели читать и писать, он имел очевидные преимущества и мог сильно осложнить жизнь каждому, кто отказывался с ним сотрудничать, например, препятствуя оформлению документов или подведению дороги

к хозяйству того или иного человека. Признаком его успеха было дружное голосование деревни так, как он того хотел. Не зря сказал один заместитель префекта: «Мэр, который не имеет достаточного влияния, чтобы заставить *administres** (так мэры называли жителей своих деревень) голосовать за официального кандидата правительства, не должен оставаться мэром». Мэр должен был объяснить населению, что надеяться на получение субсидий они могут, только если проголосуют должным образом. «*Mes chers administres*[1],— написал один мэр на плакате рядом со своей конторой, побуждая жителей деревни голосовать за правительственного кандидата,— я чувствую, что могу дать вам этот совет с глубочайшим убеждением в том, что именно его дал бы своим детям мудрый отец». В сельской местности для мэра не составляло труда поговорить с каждым избирателем, объяснив ему, решение каких важных местных вопросов зависит от исхода выборов. Ему помогал небольшой отряд служащих: заместитель мэра, жандарм, дорожный смотритель, сборщик налогов, почтальон, содержатель гостиницы, обязанный мэру лицензией, владелец табачной лавки, чья торговля была составной частью государственной монополии, и (не в последнюю очередь) школьный учитель, который зачастую являлся также и секретарем мэрии. Вместе они составляли избирательную машину, которую трудно было побороть какой-либо оппозиционной партии и которая функционировала в каждом населенном пункте. Вот почему столь многие деревни голосовали почти единогласно так, как их просило правительство, а мэры старательно демонстрировали, что рассчитывают на материальное вознаграждение в форме субсидий и льгот. Если пост мэра не доставался той семье, члены которой правили деревней в течение нескольких поколений, а переходил к новому человеку, обладавшему здравым смыслом и способностью завоевывать сердца, то баланс общественных сил в деревне мог радикально перемениться. Бонапартизм, таким образом, мог послужить созданию новой системы патронажа, бросающей вызов аристократии и нотаблям.

Высшим патроном в этой системе покровительства был префект. Вторая империя вознесла его к новым высотам власти и престижа. «В руках префекта,— писал один из них,— сосредоточена вся власть государства, вся духовная сила страны, все муниципальные свободы коммун». Он олицетворял принципы единства и равенства, провозглашенные революцией, являлся «опекуном коммун», защищал их права, предостерегал от ошибок и относился к ним, как к несовершеннолетним детям. Ему приходилось утверждать все бюджеты муниципалитетов; он мог облагать их налогами, когда они пренебрегали своими обязанностями; он контролировал все печатные издания, книжные магазины, ярмарки и тюрьмы департамента. Именно через него проходили

* Управляемые (фр.)
[1] Мои дорогие управляемые (фр.)

все составленные местными инженерами проекты дорог, рельсовых путей и мостов, прежде чем их рассматривало министерство общественных работ, поскольку хотя префект подчинялся министру внутренних дел, он возглавлял все учреждения в своем департаменте. Он назначал мэров, что было «исключительно важным правом, которое само по себе открывало перед ним широчайшие возможности при ведении самой разнообразной деятельности». Наполеон справедливо называл префектов «маленькими императорами». Даже утратив после 1871 года полную власть над мэрами, они оставались могущественными. Выборные генеральные советы, с которыми они должны были разделить власть, так и не приобрели важного значения. Их почти никогда не распускали, потому что они редко могли помешать префектам. Советники склонны были действовать приватно, заключая сделки с префектом в интересах того округа, который они представляли. Постоянные комитеты, которые сторонники децентрализации пытались учредить в 1871 году для осуществления контроля в перерывах между короткими сессиями совета, так и не стали даже бледным подобием местных правительств. В 1964 году, когда реформы, обещанные почти за столетие до этого, наконец стали законом, было не только подтверждено положение префекта как главы департамента, но и усилена его роль координатора деятельности всех остальных учреждений департамента.

При Июльской монархии главенству префектов бросали вызов члены парламента, которые взамен за свой голос в поддержку правительства домогались ответных услуг. То же происходило и при Третьей республике. Поскольку избирательная составляющая политической системы в эти два периода имела большое значение, положение префектов сильно осложнялось, но при Второй империи префектам несколько раз удалось добиться значительного изменения баланса общественных сил, так что после 1870 года их проблемы приобрели уже несколько иной характер. Депутаты при Луи-Филиппе были могущественны отчасти потому, что принадлежали к сословию нотаблей и потому были способны влиять на других, пользуясь своим социальным положением независимо от правительства. Когда утвердилось всеобщее избирательное право, возникла некоторая неопределенность относительно того, станут ли массы поддаваться этому влиянию в той же степени. Наполеону III пришлось назначить префектами многих из тех, кто состоял на государственной службе при Луи-Филиппе, и они, естественно, не склонны были игнорировать нотаблей. Такие префекты видели свою задачу в примирении нотаблей и их сплочении вокруг империи, так как верили, что массы все еще находятся под их влиянием и правительство может заполучить голоса масс лишь с их помощью. Они помогали бывшим депутатам-орлеанистам и легитимистам, перекрасившимся

в бонапартистов, победить на выборах, делая это просто потому, что считали их победу неизбежной и полагали за благо, чтобы те хотя бы номинально стояли за империю, а не действовали против нее. В результате такой робости династии нотаблей смогли упрочить свое положение. Таким образом, парламенты империи были полны людей, чья преданность режиму была весьма сомнительна, так что нечего удивляться, что как только миновала опасность революции, они стали требовать от императора более либеральной конституции. Однако некоторые префекты стремились ослабить влияние нотаблей и занять их место. «До настоящего времени,— писал префект Верхней Луары в 1852 году,— управление находилось всецело в руках то одной, то другой клики... Пришло время вернуть правительству то высокое положение, которое оно никогда не должно было терять; пусть оно управляет мятущимися массами, не следуя за ними и не отстраняясь от них... Посредственности, пользовавшиеся властью сорок лет, никогда не простят префекта, сделавшего их беспомощными... но доверие наших неотесанных крестьян может завоевать лишь энергичное управление, доказывающее, что стоящий у власти человек знает, кого наказывать, а кого защищать». Персиньи, министр внутренних дел в 1852 и 1863 годах, который долго был в эмиграции и избежал влияния орлеанизма, поддерживал таких префектов в их стремлении низвергнуть нотаблей везде, где это было возможно. «Именно массы, а не влиятельные в прошлом лица,— заявлял он,— делают сегодня выбор... Важно, чтобы в каждом кантоне рука правительства по меньшей мере подорвала те основания, на которых покоились старые силы».

Результатом такого бонапартизма было то, что крестьяне привыкли игнорировать аристократов и богатых жителей деревни. Когда префекту удавалось найти способных людей (порой даже из низов) на роль мэров, предпочтя их, скажем, аристократам-легитимистам, статус знати серьезно ослаблялся. Эти префекты уделяли мало внимания идеологии. Они толковали устремления крестьян в основном с материалистических позиций и считали их абсолютно не интересующимися политикой. Префекты действительно могли преуспеть в проведении подобной политики в тех областях, где крестьяне производили именно такое впечатление; это объясняет и то, почему префекты не так убедительно выглядели на юге, где у крестьян были собственные организации для политических дискуссий и агитации. Но в бедных регионах запада префектам удавалось лишить местных землевладельцев лояльности многих крестьян, постоянно обещая последним улучшение условий жизни в регионе, строительство железных и обычных дорог, открытие новых и выгодных рынков сбыта, улучшение образования и создание рабочих мест для тех, кто хочет преуспеть в жизни, а также предоставление дешевых кредитов тем, кто

попал в зависимость от ростовщиков. Заместитель одного префекта на западе писал в 1853 году: «Крестьянин, ничего не имевший шестьдесят лет назад, сегодня всюду владеет землей. Теперь его интересы преобладают над старыми традициями. Когда делили пустоши... он почти всегда встречал соперника в лице представителя старой аристократии, который либо вспоминал о своих прежних претензиях, либо находил древние бумаги, подтверждающие его права собственности на землю, либо уже владел обширной собственностью и поэтому претендовал на пропорционально бóльшую долю. Крестьяне не забыли ничего и затаили злобу против знати. Они рады получить место в муниципальном правлении, дающее им некоторую власть над потомками их господ. Так влиянию аристократии в сельской местности был нанесен первый удар. Оно еще больше ослаблялось с каждым поражением [легитимистов] на выборах. Будучи вынуждены проживать свой капитал, не получая доходов от торговли или промышленности и жалованья на государственной службе, аристократы постепенно стали должниками — закладные показывают, как велики их долги. Наконец, отказавшись принести присягу [Наполеону III] и не желая участвовать в работе наших советов и ассамблей, они сами нанесли себе решающий удар. Все эти обстоятельства не ускользают от внимательного взгляда крестьянина... Оказавшись между перспективой реставрации, которая откладывалась свыше двадцати лет, и действиями империи, одновременно энергичными и великодушными, он почти переменил свои убеждения, проникшись новыми идеями, ежедневно поддерживаемыми прогрессом и открывающимися перед ним выгодами». В тех регионах, где духовенство не имело большого влияния, крестьяне при помощи администрации часто избавлялись от контроля знати. То, что бонапартизм иногда оказывался половиной пути к республиканизму, подтверждает история богатых виноградниками окрестностей Нанта, являвшихся своего рода анклавом местных собственников, окруженным крупными поместьями легитимистов: некоторые земледельцы становились республиканцами, чтобы утвердить свою независимость, однако другие по той же причине становились бонапартистами. Сходным образом, в районах Вандеи, где процветали крупные и богатые монастыри, являвшиеся альтернативой землевладельцам-аристократам, страх перед восстановлением десятины был важной причиной того, что крестьяне становились союзниками администрации против роялизма. Зачастую это были потомки крестьян, сопротивлявшихся роялистским восстаниям во времена революции и покупавших церковные земли или зарабатывавших деньги на государственной службе. Бонапартисты в регионе Сабль предупреждали крестьян, что если те проголосуют за роялиста графа де Фаллу, им следует ожидать возвращения десятины. Эти традиционные опасения имели здесь значение

большее, чем просто размер землевладения, ведь многие мелкие собственники продолжали голосовать за католиков и роялистов, но как только происходил разрыв со старыми олигархами, крестьян трудно было вынудить повернуть вспять*

На юго-западе в 1848 году сохранялось господство легитимистов, которое они делили с некоторыми влиятельными орлеанистами, но бонапартистов там фактически не было, существовало лишь ядро активистов-республиканцев среднего класса. Ситуация изменилась при Второй империи. Ее префекты делали все возможное, чтобы лишить нотаблей власти. «Наша цель,— писал Пьетри, префект Верхней Гаронны,— состоит в том, чтобы уничтожить все, что может придать важное значение небольшой группе лидеров, и установить прямую связь между [Наполеоном] и народом, не признающим посредников. Всякая попытка создать олигархию, покровительство вне административной иерархии, есть зло: если сейчас это представляется источником силы, то в будущем безусловно станет опасным». Поэтому он с большой осторожностью назначал государственных служащих вплоть до учителей начальных классов, лесников и полицейских. Он пристально следил за их работой, не допуская произвола или притеснений, особенно в связи с налогообложением и браконьерством, настаивал на равном и честном обращении со всеми жителями, на защите бедняков, но, разумеется, при условии, что взамен за покровительство они проявят уважение к власти префекта. Каждому посту, каждому общественному предприятию с той же целью уделялось пристальное внимание†. В результате влияние легитимистов существенно ослабло — в 1870-х годах в этой области успехом пользовались бонапартисты. Республиканцы, конечно, также извлекли пользу из ослабления влияния старых клик. Когда они пришли к власти в 1871 году, то переняли в измененной форме некоторые методы бонапартистских префектов. Отчасти поэтому юго-запад страны после некоторого периода сохранения верности бонапартизму стал с течением времени оплотом радикализма. Содержание этих двух доктрин не так уж разнилось. Гасконцы в свое время стали такими решительными радикалами в том числе и потому, что Третья республика разработала гораздо более совершенную политику субсидий, чем та, что существовала при Второй империи. Не следует полагать, что Вторая империя тратила больше денег на косвенный подкуп избирателей такого рода: напротив, субсидии при Второй империи были весьма скромными по сравнению с субсидиями Третьей республики, выросшими с 18 миллионов франков в 1880 году до 28,8 миллиардов франков в 1947 году по мере развития солидаристского государства всеобщего благосостояния. Лишь спустя какое-то время были разработаны правила распределения субсидий между регионами на основании сколько-нибудь четких критериев, таких как числен-

* *Girard L.* Les Élections de 1869. 1960. P. 149–162.

† *Armengaud A.* Les Populations de l'Est-Aquitain au début de l'époque contemporaine 1845–1871. 1961. P. 351, 398.

ность населения, площадь территории или благосостояние. Со временем станет видно, что республиканцы скорее видоизменили, нежели полностью отвергли методы бонапартистов* При Третьей республике юго-запад стал регионом, в котором было больше государственных служащих, чем в каком-либо другом. Правительство давало крестьянину способ избежать зависимости от земли. Высшим устремлением здешнего крестьянина было приобрести лошадь и повозку, перестать ходить пешком и работать на земле, а заняться торговлей вразнос, найти работу на транспорте или в коммерции. «В некоторых деревнях в определенное время года трудно найти здорового мужчину»: крестьяне часто оставляли женщин заниматься земледелием и отправлялись на заработки. Работа на государственной службе и железной дороге всегда считались здесь очень заманчивыми.

Привычка полагаться на помощь правительства означала, конечно, что при утрате бонапартистами своей власти существование партии становилось сомнительным. Примером может послужить Корсика, возможно, самая лояльная по отношению к данной партии область. К 1881 году она изменила свои предпочтения, послав в парламент сторонников Гамбетты. Переломным для истории Корсики периодом была Первая империя. Наполеон I предоставил Корсике важные налоговые льготы, сохранявшиеся на протяжении целого столетия. Сформированная в 1910 году комиссия установила, что каждый год остров экономил три с половиной миллиона франков благодаря сниженным налогам с продаж и на наследство, невысоким косвенным налогам и налогам на табак, а также таможенным пошлинам. У корсиканцев были серьезные основания для того, чтобы избегать неприятностей с правительством в Париже. Долгое время они действительно не настаивали на значительном государственном участии в обустройстве острова. Вторая империя не предоставляла им особой помощи на прокладку и ремонт дорог и железнодорожных путей. Корсика оставалась устрашающе бедной и неразвитой. Жители хватались за любой шанс покинуть остров. Во Францию с Корсики приезжало множество людей, которые устраивались работать не в промышленность, торговлю или сферу услуг, а в полицию, армию и на государственную службу, где они располагали некоторой властью и уважением, что очень высоко ценилось корсиканцами из-за их воинственных традиций. Бонапартизм был привлекателен, поскольку повышал престиж этих официальных постов. Когда Третья республика предложила им те же самые возможности, корсиканцы не могли позволить себе отказаться от них. Корсиканский бонапартизм был еще одним видом бонапартизма, ассимилированным республикой, полиция которой была полна выходцев с острова, придерживавшихся авторитарных традиций Второй империи. Бонапартизм перестал существовать на Корсике

* *Boulois J.* Essai sur la politique des subventions administratives. 1951.

как политическая сила, превратившись в некий культ. Когда бонапартистский мэр города Аяччо, родины Наполеона и последнего места поклонения ему, захотел в 1910 году избираться в парламент, ему пришлось сделаться республиканцем. Корсика стала столь надежным избирательным округом радикалов, что даже Артур Ранк, старый друг Гамбетты, и Эмиль Комб избирались от него сенаторами*.

Теоретиком централизации как инструмента освобождения масс был Дюпон-Уайт (1807–1878), написавший ряд тщательно аргументированных работ, защищавших идею вмешательства государства в жизнь нации. Он также переводил на французский язык Дж. С. Милля и утверждал, что централизация не исключает свободы. В отличие от Токвиля, он считал, что местное самоуправление необязательно готовит людей к более ответственной роли на общегосударственной сцене, поскольку способствует развитию «духа провинциализма», не позволяющего квалифицированно судить о важных вопросах. Возражая людям, восторгавшимся английской конституцией, он указывал на то, что Англия все быстрее движется к централизации. В отличие от Ламенне, описывавшего французскую систему как «апоплексию в центре и паралич на периферии», он отстаивал централизацию как способ борьбы с привилегиями, кастами и пороками *laissez-faire*, и утверждал, что Париж способен подготовить политическую элиту, гораздо лучше способную руководить демократией, чем испорченные провинциальные аристократии. Он восхвалял Париж как источник, поле боя и школу парвеню†. Таким образом, многим людям централизация представлялась наилучшим средством от «возрождения феодализма» и возвращения аристократии. Централизация, писал Троплон, президент Кассационного суда, «является самой важной и замечательной особенностью нашей истории. Рим дал нам ее только в общих чертах; лишь Франции удалось в полной мере воплотить ее в жизнь». Централизация сохранялась, поскольку очень многие люди боялись того, что отказ от нее поставит под угрозу единство нации, а выгодно это отступление от многолетней французской традиции будет лишь силам реакции. Когда некоторые республиканцы присоединились к лидерам орлеанистов и легитимистов с требованием децентрализации («Программа Нанси», 1865 год), ряд главных республиканских газет обвинил их в том, что они льют воду на мельницу реакции. Альфонс Пейра, ставший в 1871 году президентом Union rébublicaine в Национальном собрании, осудил их, утверждая, что благодаря централизации Франция является «несравненной нацией. Именно в результате централизации было достигнуто то, что делает нацию уникальным историческим явлением». Все республиканские комиссии (как в 1848 году, так и после 1871 года), учрежденные для содействия децентрализации, практически

* *Gabrielle Th.* La Corse: ses luttes pour l'indépendance, son annexion à la France, ses représentants 1770–1937 1937; *Stromboni M.* Le Parti bonapartiste à Ajaccio de 1889 à 1914 // Corse Historique. Ajaccio, 1969. P. 5–45.

† *Dupont-White C. B.* L'Individu et l'état. 1856; *Idem.* La Centralisation. 1860; *Idem* Du progrès politique. 1868.

не принесли плодов. Во втором томе своей работы я попробую объяснить глубинные причины этой нерешительности*

Как это ни парадоксально, Вторая империя, поднимая централизацию к новым высотам, в то же время усиливала стремление к децентрализации почти так же, как и любой другой режим. Никто не был введен в заблуждение ее законами, которые просто передавали некоторую власть центральных министерств префектам. Однако следует помнить, что Наполеон III верил в *laissez-faire* не меньше, чем в сильное правительство. «Возможно, самая большая опасность современности, — говорил он, — это внушенное людям ошибочное мнение о том, что правительство может все, что какая-то отдельная система должна удовлетворить все потребности и избавить от всякого зла». Он призывал к тому, чтобы «ограничить число правительственных постов, поскольку их избыток часто превращает свободных людей в нацию подхалимов. Следует избегать разрушительной тенденции осуществления государством того, что человек способен сделать сам, и даже лучше, без его помощи. Централизация интересов и инициатив — это сущность деспотизма». Хотя в 1849 году комиссия по децентрализации потерпела неудачу, Наполеон III в 1863 году попросил свое правительство вернуться к данному вопросу. «Наша система централизации, — писал он в открытом письме Руэру, — несмотря на ее достоинства, таит в себе большое неудобство — чрезмерное регулирование». Из-за этого небольшой коммуне, желающей осуществить мелкую операцию, против которой никто не возражает, требуется разрешение целых одиннадцати инстанций и два года терпеливого ожидания. В результате было опубликовано два закона, расширяющих власть советов как в департаментах, так и в муниципалитетах. Однако они не затрагивали политический вопрос о способе назначения мэров и президентов генеральных советов и были преданы забвению, ознаменовав, впрочем, важный шаг к финансовому освобождению коммун. В 1802 году коммунам в ограниченных пределах было позволено вводить дополнительные *centimes*, на каковые решения мог наложить вето префект. Закон 1867 года дал им право более свободно расходовать свои средства после выполнения обязательств. Позволялось занимать средства, выстраивая собственные финансовые схемы, покупать собственность без одобрения префекта, начинать текущий и капитальный ремонт, сдавать собственность в аренду — все это в определенных рамках, но установленных законом, а не прихотью префекта. В 1870 году либеральная империя, ожидая отчета большой комиссии по децентрализации, приняла закон, требовавший избрания мэров из числа муниципальных советников. Децентрализация была очень актуальным вопросом для Второй империи: только в 1860-х годах было издано не менее 77 книг по этой теме, не считая брошюр и статей

* *Barrot* e la centralisation et de ses effets 1861; *Blanc L.* L'État et la commune 1866; *Simiot A.* Centralisation et démocratie. 1861.

Эти робкие полумеры отражают глубинную амбивалентность бонапартизма. В борьбе с провинциальными олигархиями он придерживался существовавших рамок. Некоторые из них невозможно было преодолеть. Так, бонапартизму, несмотря на все усилия, не удалось произвести впечатление на города. Мэры становились беспомощны, как только под их управлением оказывалось не несколько сотен, а несколько тысяч избирателей. Империя так и не нашла способ, как справиться с этой трудностью. Единственной альтернативой, к которой она могла прибегнуть, были газеты, но, несмотря на все усилия подавить оппозиционную прессу, установить контроль над городскими газетами не удалось. Так, в Париже в 1861 году пять проправительственных газет имели общий тираж всего 52 тысячи экземпляров, к которому, пожалуй, можно добавить 17 тысяч копий «Journal Officiel», печатавшего в основном законы и парламентские отчеты. По сравнению с ними «прогрессивные» газеты Парижа продавались в количестве 91 тысячи экземпляров, орлеанистские — 36 тысяч, легитимистские и клерикальные — 38 тысяч. В провинциях картина была совсем иной: там было 202 благожелательно настроенные к правительству газеты с 207 тысячами подписчиков, в то время как республиканцы имели лишь 13 газет с 23 тысячами подписчиков, орлеанисты — также 13 газет и 20 тысяч подписчиков, а легитимисты — 34 газеты и 31 тысячу подписчиков. Но когда закон 1868 года ослабил цензуру, в провинциях в течение года было учреждено 150 новых газет, 120 из которых были враждебны правительству. Нельзя точно сказать, насколько эффективно эти газеты формировали общественное мнение, но они определенно становились центрами пропаганды, и именно вокруг них средние и низшие слои буржуазии, ведомые адвокатами и журналистами, организовывали свои оппозиционные комитеты, используя продавцов газет и владельцев тавери в качестве предвыборных агитаторов.

Городские массы в целом необязательно отличались неприязнью к империи. Рост пролетариата в ходе индустриализации не приводил к автоматическому сокращению числа приверженцев бонапартизма. Наоборот, в Париже новые пригороды, где располагались крупные фабрики, были настроены вполне лояльно. Оппозицию Парижа возглавлял Бельвиль, в котором заводов было очень мало. Жившие здесь люди гораздо чаще, чем фабричные рабочие, были коренными парижанами, переехавшими сюда из центра, где плата за жилье стала слишком высока для них. Большинство из них ежедневно ездило в центр на работу в мелких ремесленных предприятиях: они боролись против современных преобразований, выражая свой протест из квартала трущоб, известного как Парижская Сибирь*. Волну забастовок, прокатившуюся по Франции в 1869–1870 годы, иногда воспринимали как

* См. превосходную статью Ружьери в книге Girard L. Les Élections de 1869

свидетельство взрыва недовольства империей со стороны рабочих из-за того, в частности, что в них участвовали некоторые члены Социалистического интернационала. Однако забастовки были политическими лишь косвенно, главным образом являясь протестом против повышения стоимости жизни. Размах некоторых забастовок — в Эльзасе в июле 1870 года в стачке приняло участие до 15000 человек — и активность прессы сделали их беспрецедентно известными, но, как показал внимательный историк, описавший эти события, далеко не все рабочие были республиканцами, а республиканские депутаты не особенно им сочувствовали, будучи напуганы их действиями не меньше прочих. Именно правительство — особенно в Эльзасе и отчасти в Ле-Крезо — оказалось лучшим помощником рабочих: рабочие приветствовали префектов, когда те направлялись на переговоры с работодателями, причем в такой степени, что бонапартистов обвинили в использовании забастовок как инструмента, направленного против промышленных магнатов, часто принадлежавших к либеральной оппозиции. Наполеон III никогда не терял той репутации, что он получил как автор программы «Ликвидация нищеты»* Причины, заставлявшие рабочих встать на сторону республиканцев, не были простыми, ведь, хотя Маркс связывал бонапартизм со спекулятивным крупным бизнесом, рабочие поступали так не всегда. В Марселе бонапартизм так и не добился успеха, однако учтем, что этот город постоянно ставил рекорды абсентеизма (35% в 1969 году, 33% в 1958 году), что там существовала старая легитимистская традиция неприязни к централизации, что там имели место постоянный поток иммигрантов, очень быстрый рост, исключительные проблемы с ассимиляцией неоднородного населения. Бонапартизм не мог получить здесь большого значения, за исключением корсиканского сообщества, стоявшего в стороне от классовой борьбы.

Бонапартистская система также часто терпела фиаско в деревнях, поскольку ее успех зависел от формулы, которая редко могла быть реализована в чистом виде. Мэр должен был находиться в хороших отношениях с другими представителями деревенской власти, чтобы все шло гладко, но добиться этого было непросто. Кюре и школьный учитель часто имели свои притязания. Каждый спор в деревне мог привести к разногласиям и конфликтам, которые усугублялись личными обидами и завистью Бывший мэр, лишенный своего поста, часто становился во главе оппозиции. Возрождение политических дебатов в 1860-х годах подвергло всю систему идеологической проверке на прочность со стороны людей, чей кругозор не ограничивался деревенской околицей. Префекты, конечно, не всегда тактично или целесообразно выбирали, какую партию поддержать, а сделав выбор, не всегда были последовательны. Поэтому порой не удавалось достичь

единства в понимание проблем деревенской жизни. Во всяком случае, у правительства отсутствовала цельная концепция. Хотя бонапартизм, как его трактовал Наполеон III, ставил задачу удовлетворения чаяний самых широких общественных классов, он также нуждался в поддержке высших классов. Даже Персиньи, говоривший, что у императора кроме представителей низших общественных слоев нет друзей, желал получить для него помощь «высших слоев общества». В результате политики подрыва влияния нотаблей придерживались не всегда. Это зависело от энергии и амбиций префекта. Так, во многих случаях мэрами при Второй империи оказывались те же, кто занимал эти посты при Июльской монархии. К сожалению, пока никто не взялся за решение трудоемкой задачи анализа переменчивых политики и статуса мэров. Невозможно привести статистические данные о том, в какой степени бонапартисты укрепляли или подрывали влияние нотаблей.

Однако данные о *conseillers généraux* 1870 года, которые лучше поддаются анализу, подверглись недавно компьютерной обработке, в результате чего выявилось несколько очень интересных фактов. Конечно, советники были не так влиятельны, как мэры; они располагали меньшими полномочиями и составляли верхнюю палату департамента, поэтому, естественно, в нее выбирались видные сановники. Как ни удивительно, но 27,6% генеральных советников в 1870 году были аристократами (в 1840 году лишь 17%, а после революции 1848 года — 21,5%). Это подтверждает уже высказанное предположение о том, что дворянство не следует считать классом, чье влияние падало после Великой революции или Реставрации. Самые богатые из них успешно выживали и становились еще богаче. Среди них были те, кто укрепил собственный престиж, заняв посты и приняв почести, предложенные империей: в 1869 году дворянами были (или именовались) 45% генералов, 32% полковников и подполковников, 34% членов Государственного совета и 34,5% представителей законодательного корпуса. В 1870 году было 317 аристократов — генеральных советников, имевших доход свыше 30 тысяч франков в год. Около 26% из них имели дома в Париже и потому все еще могли считаться принадлежащими к национальной элите. В среднем они были гораздо богаче генеральных советников недворянского происхождения. Этот факт можно трактовать двояко: либо как свидетельство того, что знать сохранила доминирующее положение в обществе, что находило отражение в составе генеральных советов, либо как констатацию того, что аристократы должны были быть вдвое богаче обычных людей, чтобы попасть в советы. Как бы то ни было, бонапартизм Наполеона III, равно как и Наполеона I, определенно предполагал альянс с той частью старой аристократии, которая этого желала. И было мно-

жество бонапартистов, готовых сделаться аристократами. Преобладание дворян в Национальном собрании 1871 года не следует рассматривать как аномалию, как не стоит считать, что они окончательно потеряли власть с закатом «республики герцогов». Они все еще, благоразумно приняв республику, сохраняли представительство в генеральных советах в 1882 году, а многие оставались там и гораздо дольше. Вторая империя не принесла радикального изменения состава этих органов власти*:

	1840	1848	1852	1870
Предприниматели	14,3	14,1	14,5	15,5
Представители свободных профессий	23,7	35,8	30,4	29,95
Юристы	38,2	36,5	33,2	30,5
Государственные служащие	28,2	17,5	19,2	20,95
Землевладельцы	33,8	32,6	35,8	33,6

Примечательно, что промышленники и банкиры составляли менее 1,5%. Таким образом, «couches nouvelles»† Гамбетты до 1870 года не попадали в эти органы, так что неправомерно считать Вторую империю инструментом власти спекулянтов. Однако не следует делать слишком общих выводов на основе приведенной статистики, поскольку генеральные советы всегда медленнее других органов отражали политические перемены, хотя и полезно напомнить, как медленно прокламируемая Парижем политика меняла обычаи провинций‡.

Проблемы бонапартизма были сходны с проблемами республиканизма в 1848 году. Ему недоставало лидеров. Подавляющее большинство образованного населения ранее служило другим режимам, сделав карьеру благодаря их покровительству. Так, парламент 1852 года, ославленный как собрание марионеток, менее чем на треть состоял из людей, которых можно было назвать бонапартистами, да и среди тех некоторые до 1848 года были орлеанистами. Те немногие, чья верность императору не была ничем запятнана, были или ближайшими приверженцами Наполеона III, или людьми скромного общественного положения, которые не могли быть полезны наследникам маршалов и префектов Наполеона I. Бонапартистские комитеты, учрежденные этими мелкими агитаторами в период Второй республики, были распущены министром внутренних дел герцогом де Морни, поскольку мешали его политике привлечения на сторону режима магнатов. В этом парламенте было столько же легитимистов и орлеанистов, сколько и бонапартистов — сплоченных, но менявших сущность режима своей поддержкой. Новые выбившиеся из низов люди, — торговцы, промышленники, юристы и прочие, — на которых империя возлагала некоторые свои надежды, составляли лишь шестую

* В сумме получается более 100%, поскольку некоторые советники могли принадлежать к нескольким категориям.
† Новые слои (фр.).
‡ *Girard L., Prost A., Gossel R.* Les Conseillers généraux en 1870. 1967. Это (особенно работа Проста) самый яркий и показательный пример использования компьютера в историческом исследовании.

часть от общего числа. Очень показательным было заигрывание бонапартизма с легитимизмом. Легитимисты иногда использовались бонапартистами для борьбы с общим врагом — образованными либералами, а временами они становились жертвами коварства, когда их натравливали друг на друга, чтобы подорвать традиционные опоры роялизма. Впрочем, иногда легитимистов, либералов и орлеанистов оставляли в покое, если бонапартисты оказывались не в состоянии вытеснить их. Таким образом, глубина проникновения бонапартизма сильно различалась от региона к региону, ну а при Третьей республике бонапартисты даже не пытались заручиться поддержкой и в половине тех избирательных округов, где они ранее производили столь сильное впечатление*.

Более того, хотя в определенных департаментах префекты укрепляли власть администрации и получали политические преимущества от централизации, влияние прежних нотаблей не всегда переходило к правительству. Бонапартисты создавали собственный слой нотаблей. По мере того, как империя переходила в более либеральную фазу, а правительство ослабляло контроль над провинциями, ее сторонники обнаруживали, что должны позаботиться о себе сами. Созданные ими системы покровительства приобретали большую независимость и персонализацию. Образованные ими альянсы стали ядром новой сферы влияния. Бонапартизм, не переставший существовать и при Третьей республике, зачастую был обязан прочности своих позиций усердному и длительному культивированию личных контактов с избирателями. Некоторые префекты, например, обладали гораздо лучшей способностью входить контакт с массами, нежели аристократия и Наполеон III. Жанвье де Ла Мот, например, устраивал пышные банкеты для крестьян, из которых набирал деревенских пожарных, становившихся практически его частной армией, соперничавшей с религиозными обществами легитимистов и клубами республиканцев. У него была превосходная память на имена, он всегда был готов оказать услугу всякому, кто соглашался поддержать его, поэтому растратил состояния двух жен и отяготил префектуру долгами, чтобы, как он говорил, «никогда ни в чем не отказывать». Он превратил свой нормандский департамент, когда-то вотчину орлеанистских семей Пасси и Брольи, в цитадель бонапартизма, представителем которой в парламенте он стал после 1876 года. В других регионах, где префект был слаб, члены законодательного учреждения подчиняли его своим целям, аналогичным образом используя власть государства. Так бонапартисты пополнили арсенал методов, с помощью которых аристократы могли влиять на электорат, хотя одновременно внесли свой вклад в разрушение самого понятия аристократии.

* *Zeldin Th.* The Political System of Napoleon III. 1958. P. 10–45 (анализ состава парламента 1852 г.)

Либеральная империя

Республиканскими историками Вторая империя рассматривалась как пробел в истории Франции, как прекращение развития парламентского правительства и период реакции, в течение которого свобода подавлялась почти двадцать лет. Этой точки зрения нельзя более придерживаться. Во-первых, Второй империи принадлежит ряд заслуг в деле развития гражданских свобод, не померкших даже от того, что одновременно происходило ограничение политической свободы. Франция большую часть своей истории была протекционистской страной. В 1860 году Наполеон III заключил с Англией торговый договор, согласно которому пошлины на ввозимые английские товары не должны были превышать 30%, а взамен снижались пошлины на французское вино при ввозе в Англию. За этим последовали договоры о свободной торговле с Бельгией, Германским таможенным союзом, Италией, Швейцарией, Испанией, Голландией, Австрией и Португалией. Третья республика быстро восстановила протекционизм, так что последние годы правления Наполеона можно считать предвестием Общего рынка. Его намерения были отчасти политическими (стремление укрепить союз с Англией), но в основном экономическими, призванными стимулировать сельское хозяйство и промышленность Франции с помощью конкуренции и принести пользу массам благодаря снижению цен. Однако этот эксперимент по введению свободной торговли был проведен очень неумело, поскольку для подготовки промышленности к такой радикальной перемене или для извлечения из нее политического капитала были предприняты совершенно недостаточные меры. В результате трудности, связанные с адаптацией к режиму свободной торговли, породили широкую оппозицию, не понимавшую выбранной политики. Экспорт вина в Англию возрос более чем вдвое, но это касалось почти исключительно высококачественных вин: масса производителей ординарных вин не извлекли из этого большой выгоды. Шелковая промышленность также показала высокие результаты, особенно потому, что закрытие американского рынка на время Гражданской войны и его последующее ограждение высокими тарифами сделали английский рынок важным, как никогда ранее. Регионы Коньяк, Арманьяк и Сотерн долго оставались бонапартистскими при Третьей республике, но нельзя точно сказать, в какой степени это можно отнести на счет экономической политики Второй империи, ведь Шаранта с энтузиазмом голосовала за Луи Наполеона задолго до этого (в 1848 году); с другой стороны, рабочие шелковой отрасли Лиона были к нему неизменно враждебны.

Французская промышленность в целом находилась в состоянии трансформации; строительство железных дорог стимулировало

производителей металла, резко сокращая стоимость транспортных услуг. После 1860 года высокопроизводительные железоделательные компании уже были способны самостоятельно конкурировать с англичанами и даже экспортировать в большом количестве металлические изделия, особенно локомотивы и другие машины, однако предприятия, отставшие в модернизации или испытывавшие трудности из-за высокой себестоимости, плохих коммуникаций и истощения шахт, активно протестовали против свободной торговли. В хлопчатобумажной отрасли положение осложнялось Гражданской войной в Америке, потребовавшей переделки оборудования для использования хлопка из Индии. У многих мелких фирм на это не было средств; резкие колебания цен также ставили их в невыгодное положение; многие предприятия разорялись и причину этого, естественно, видели в отказе от протекционизма. В окрестностях Руана в 1860-х годах закрылось двенадцать из 32 ситценабивных фабрик, но это едва ли было связано с конкуренцией со стороны Англии, где существовали сходные проблемы. Свободная торговля подталкивала к установке механических станков шерстяное и камвольное производства. Количество таких станков в Рубе возросло в десять раз с 1856 по 1867 год, и этому региону, специализировавшемуся на определенных тканях, удалось увеличить объем своего экспорта в Англию в денежном выражении почти в четыре раза. Но в Эльбефе более консервативные мануфактурщики не смогли приспособиться к новым условиям и жаловались на новую торговую политику. Свободной торговля стала лишь отчасти; сохранилось достаточно протекционистских мер, не позволявших английским товарам наводнить французский рынок. Но и в таком виде ее оказалось достаточно, чтобы лишить Наполеона доверия большой части делового сообщества. Люди, активно участвовавшие в либеральном движении за политические свободы, необязательно были либералами в иных областях деятельности.

Наполеон подражал Англии в некоторых других отношениях, однако вновь не снискал одобрения своим трудам. Так, в 1864 году он издал закон, позволявший рабочим объединяться и бастовать с целью улучшения своего положения (что Наполеон I, конечно, строго запрещал). Промышленники были в ужасе и громко протестовали. Лидеры рабочих жаловались, что закон вредит профсоюзам, поскольку (следуя британскому закону об объединениях, принятому в 1825 году) он давал «свободу работать», равно как и бастовать, то есть защищал штрейкбрехеров, а также потому, что включал фразу, запрещавшую «мошеннические действия» при организации забастовок, что смахивало на уловку. В действительности же главная ошибка, допущенная Наполеоном, состояла в бестактной манере принятия им этого закона: он выбрал перебежчика от левых (Эмиля Оливье), чтобы провести его через пар-

ламент без соответствующих консультаций с лидерами рабочих и республиканцев. Учитывая условия правления, это было почти невозможно. Оливье даже хотел ввести обязательный арбитраж, но не добился своего. Ограничения на забастовки, наложенные законом 1864 года, были отменены в 1884 году, однако историк-экономист Анри Сэ был прав, называя его «весьма важным законом в социальной истории Франции»* Не менее важен с экономической точки зрения был закон 1867 года, разрешавший свободно образовывать общества с ограниченной ответственностью, не заручаясь никакой правительственной поддержкой. Множество прочих мелких мер «освободило промышленность от тех ограничений, которыми связали ее предыдущие правительства», как, например, необходимость получать государственное разрешение на установку парового двигателя на фабрике или открытие литейной. Мясники, пекари и извозчики были освобождены от докучливого надзора, которому они подвергались.

Бонапартизм по мере его развития при Наполеоне III глубоко повлиял на характер республиканизма, который после 1870 года существенно изменился. До 1848 года республиканцы расходились во мнении относительно того, какую конституцию они хотели бы иметь. Среди них была влиятельная группа, возглавляемая Бланки и Контом и выступавшая за своего рода диктатуру. Ледрю-Роллен отстаивал идею прямого управления посредством референдумов в традициях 1793 года. Конституция 1848 года создала противовес Законодательному собранию в лице сильного и независимого президента. Англия считалась демократами аристократической и феодальной и не могла служить примером для Франции, а парламентское правительство Луи-Филиппа только создавало хаос. Наполеон III дискредитировал республиканских мечтателей 1848 года и лишил их большей части влияния в практической политике, показав всю их наивность. Но во второй половине своего правления, введя конституцию, которая во многих отношениях сделала реальностью эти старые республиканские мечты (ведь он и сам был наследником революционных и романтических традиций), Наполеон вынудил республиканцев отреагировать отказом от идей сильного президента и плебисцитов.

Либеральная империя 1870 года, вовсе не будучи запоздалым триумфом орлеанизма, как утверждали политологи вроде Мориса Дюверже, являлась возрождением своеобразного режима, установившегося во Франции в 1815 году, вдохновителем которого был Бенжамен Констан. Он стремился ввести не парламентское, а представительное правление. Идея заключалась в том, что деспотизм следует искоренять не передачей власти от монарха парламенту (что может представлять для личной свободы не меньшую опасность, чем аристократия), а посредством разделения властей. Исполнительная власть должна оставаться независимой,

* *See H.* Histoire économique de la France. 1951. V. 2. P. 342.

законодательная — свободно избираться, но не выходить за пределы своей компетенции, должна навязывать исполнительной ветви власти «принципы, а не министров»*

Постепенное расширение политической свободы, характерное для 1860-х годов, обычно трактуется как уступка, на которую Наполеон III пошел из-за нарастания недовольства его деспотизмом. Нет сомнения в том, что оппозиция, молчавшая во время кризиса 1851–1852 годов, когда угроза социалистического переворота наводила ужас на большую часть населения, вновь активизировалась, когда опасность миновала, а недовольство методами руководства Наполеона III усилило его противников. Его союзники из числа консерваторов и клерикалов разочаровались в нем; его сторонников-националистов ужасала внешняя политика; каждая отрасль промышленности, испытывавшая спад, обвиняла Наполеона в своих бедах; возобновилась политическая активность рабочего класса, а затем возродилась враждебность прессы, постепенно освобождавшейся от цензуры; возвращались к активной политике старые партийные лидеры... Все это вместе взятое заставляло Наполеона чувствовать, что его звезда заходит, он теряет популярность и ему необходимо сделать нечто поразительное, если он хочет спасти свою династию и избежать участи быть свергнутым революцией. Как бы то ни было, не следует недооценивать те силы, которые внутри режима способствовали либерализации империи. Наполеон всегда считал себя не просто выразителем общественного мнения, а человеком, способным почувствовать его развитие прежде, чем оно будет осознано. Он всегда полагал политику искусством компромисса и верил в свободу, одновременно опасаясь ее. Он восхищался Англией за то, что она предоставляла «неограниченную свободу мнения, [равно как и] развития всех интересов», поддерживала «безупречный порядок, несмотря на оживленность дебатов и соперничества», и достигала завидного коммерческого и промышленного успеха благодаря развитию частного предпринимательства и личной инициативы.

Герцог де Морни полагал, что как государственный переворот был необходим, чтобы спасти общество от радикалов, либеральная трансформация в 1860-х годах была нужна, чтобы одурачить их, уничтожить совершенно и построить династию на «прочных основах». Он был убежден в том, что упрямое сопротивление переменам неизбежно приведет к повторению революций 1830 и 1848 годов, вызванных именно этим и лишивших последующие поколения стабильности. Он особенно сильно стремился к гражданской свободе, так как считал, что во Франции правительство столь могущественно, что личность необходимо от него защищать. Он желал не возрождения парламентского правительства Луи-Филиппа, а просто усиления законодательной власти, смягчения ограничений и пресечения таких злоупотреб-

* *Constant B.* Principes de politique. 1815.

лений, как непотизм. Он мечтал прославиться в качестве «Ришелье свободы».

Он нашел важного союзника в лице ведущего журналиста страны Эмиля де Жирардена, который придумал фразу «либеральная империя» для обозначения нового идеала бонапартизма. Хотя он ранее поддерживал автократию, теперь, учитывая положение дел в 1860-х годах, призывал Наполеона стать конституционным монархом. Многочисленные сторонники Наполеона, обладавшие значительной властью в бытность свою парламентариями при предшествующих режимах, принимали деспотизм как необходимость, вызванную кризисом 1852 года, но все чаще чувствовали, что могут помочь режиму, взяв на себя долю ответственности. В ходе выборов 1869 года они отказались от ранее высоко ценимых ими званий правительственных кандидатов и образовали новую партию, занявшую промежуточное положение между оппозицией и сторонниками императрицы, продолжавшими сопротивляться переменам. Адольф Тьер мог бы стать лидером этих либеральных бонапартистов. Разве он сделал меньше других для возрождения славы первого Наполеона? В 1840 году Луи Наполеон назначил Тьера премьер-министром, когда прибыл в Булонь, чтобы заявить права на трон дяди. Данный вопрос обсуждался, но запросы Тьера были слишком высоки — он желал как отказа Наполеона III от борьбы за мировое лидерство, так и полного восстановления парламентского правительства времен Луи-Филиппа с премьер-министром во главе. Если бы не возмущение его высокомерием, то, возможно, было бы предпринято больше усилий для его убеждения, и тогда Тьер повел бы империю по новому пути, подобно тому, как позднее он выступил спасителем республики — того самого режима, противником которого долгое время был.

Своим рождением либеральная империя обязана в первую очередь сотрудничеству Наполеона III с Эмилем Оливье. Поскольку Оливье вовлек Францию в войну 1870 года (и особенно потому, что война была проиграна), потомки жестоко критиковали его. За то, что он оставил республиканцев и присоединился к бонапартистам, его обвиняли в предательстве дела свободы Если бы не война, Оливье, возможно, вошел бы в историю как автор одного из наиболее оригинальных политических экспериментов столетия. Гамбетта видел в молодом Оливье сочетание «страсти Фокса и политического гения Питта»; позднее он уже не симпатизировал ему, говоря, что Оливье не хватает реализма, и называя его самым выдающимся, наряду с Ламартином, представителем того отталкивающего сорта политиков, которые, будучи блестящими ораторами, выступающими с зажигательными речами, совершенно слепы к фактам окружающего мира. Оливье был сыном республиканца-карбонария, в 1848 году в 22 года он был назначен префектом Марселя. В нем воплотился чистейший

образец духа 1848 года (стремление к единству всех партий и слиянию классов, проповедь христианского братства и забота об улучшении жизни рабочих), но он потерпел безнадежное поражение, потому что старым противоречиям нельзя было положить конец с помощью риторики. В 1857 году он был избран в парламент как представитель республиканской оппозиции, однако гораздо сильнее, чем раньше, старался избегать пристрастной критики режима. Он был убежден в тщетности борьбы за революцию ради свержения империи. Пусть даже он ненавидел ее деспотизм, но революции неизменно приводили к реакции, так что порочный круг потрясений, преследовавший Францию, не удалось бы разорвать. Поскольку конечной целью республиканцев была свобода, он превыше всего остального хотел добиться именно ее и был согласен поддержать любой режим, приближающий ее наступление. Он не сделал бы своей основной целью захват власти партией. Его идеалом был не Дантон или Робеспьер, а Вашингтон. В интеллектуальном отношении Оливье был эклектиком. Он был знаком с трудами Анфантена, Прудона и последователей Сен-Симона, но читал также Бенжамена Констана, де Местра и Монталембера; сектантство его пугало. В культурном отношении он был европейцем: его «второй родиной» была Италия, о художниках которой он написал несколько книг и по которой путешествовал вместе с Эдуардом Мане; он одним из первых приветствовал исполнение Вагнера во Франции, женился на дочери Листа. Оливье сожалел о внешнеполитических предприятиях Наполеона III, но верил в необходимость сильного правителя и убедился в том, что бы под давлением общественного мнения Наполеон мог бы стать родоначальником свободы во Франции. Эти два человека встретились, пришли к взаимопониманию и после некоторых колебаний 2 января 1870 года была провозглашена либеральная империя. Впервые в истории империи правительство было составлено из представителей парламентского большинства, а возглавил его Оливье. «Revue des deux mondes», обычно настроенная скептически, заявила, что эта трансформация деспотизма «если и не величайшая из революций, то, по крайней мере, одна из самых интересных, полезных и своевременных».

Либеральная империя предприняла обширную программу реформ институтов страны. Были учреждены комиссии (по примеру английских) из выдающихся членов всех партий с целью составления законов для ограничения централизации, предоставления самоуправления Парижу, уничтожения монополии университета, подготовки программы профессионального образования для нужд нового промышленного века, пересмотра инквизиторского уголовного кодекса и учреждения институтов «социального мира» для примирения нанимателей и рабочих. Правительство внесло законопроекты, призванные лишить его права произволь-

но осуществлять аресты, отменить гербовые сборы для газет, перенести слушания дел о диффамации в суды присяжных и освободить рабочего от необходимости иметь *livret*. Оно создало новое министерство изящных искусств, чтобы положить конец «презрению к вкусу и уму», которое стало причиной отчуждения столь многих писателей и художников от империи. В ответ на это Французская академия с редким единодушием приняла в свои члены Оливье. В ходе плебисцита 67,5% избирателей утвердили новую конституцию и изменили режим. Династия Наполеона, казалось, воспрянула и предстала в новом свете.

Либерализм, конечно, имел свои пределы, да и сам замысел в целом был довольно невинен. Лидеры республиканцев отвергли либеральную империю, а крайне левые организовали бурные демонстрации. Полиция жестоко подавляла выступления. Был отдан приказ арестовать всех членов Интернационала. Угроза революции использовалась, чтобы создать ощущение кризиса и заручиться поддержкой реакционеров, оказавшихся ненадежными союзниками. Сразу после плебисцита они, возглавленные императрицей, начали подрывать новый режим. Император не мог совершенно оставить своих старых друзей автократического периода. Парламентское большинство Оливье стало ненадежным. Конституция не решила вопрос о том, кому принадлежит решающее слово в принятии решений. Оливье пытался решить его на практике. Хотя его главный принцип состоял в том, что правительство должно заручиться санкцией народа, он беспокоился о том, чтобы абсолютной властью не были облечены ни парламент, ни император, ни даже сам народ. Он верил в разделение властей и в способность системы сдержек и противовесов предотвратить установление диктатуры какой-либо одной силы. Однако его теории казались недостаточно убедительными большинству людей, боявшихся, что Наполеон, все еще «несущий ответственность перед французским народом», может отменить все уступки. Через семь месяцев франко-прусская война положила конец либеральному варианту бонапартизма, не позволив ему доказать свою состоятельность*.

Бонапартизм в его самой простой трактовке означал процветание. Внутренняя политика Наполеона, по существу, прокламировала именно это, и процветание было одной из важнейших причин, заставлявших после 1870 года сожалеть о Второй империи. В то время как главными сферами деятельности государства до установления империи были дипломатия, правосудие и полиция, при Наполеоне III основной заботой стало экономическое развитие, что принесло видимые плоды. «Наполеоновская идея,— писал он сам, — это не идея войны, но общественная, коммерческая и гуманистическая идея». Экономической стороной

* *Zeldin Th.* Émile Ollivier and the Liberal Empire of Napoleon III. Oxford, 1963.

деспотизма был полный правительственный контроль за общественными работами и их финансированием, а также необходимость получать одобрение правительства для назначения директоров всех крупных компаний и для открытия новых предприятий посредством частной подписки — своего рода экономическое планирование и контроль. Финансисты и промышленники приобрели новый престиж, что казалось реализацией мечты Сен-Симона о занятии ими ведущего положения в государстве. Июльская монархия потратила годы на бесконечные дискуссии о том, кто должен строить железные дороги: государство или частные предприятия (некоторые люди, в том числе Тьер, вообще боялись железных дорог). В 1848 году было проложено лишь 1931 километров путей; к 1852 году — только 3000, и это усилиями 24 различных компаний, каждая из которых вела строительство отдельных, не связанных с другими линий, испытывая недостаток средств и зачастую разорялась. Наполеона III не беспокоило то, что крупные капиталисты становились слишком могущественны. Он соединил эти многочисленные железные дороги в шесть региональных компаний, предоставил им поддержку в виде государственной гарантии стоимости их паев и сделал возможным систематическое строительство важнейших транспортных артерий, охватывающих всю страну. К 1870 году эксплуатировались почти 18 тысяч километров — это приблизительно половина протяженности нынешней железнодорожной сети. Количество телеграфных станций, составлявшее в 1852 году всего семнадцать с 2133 км проводов, возросло к концу правления до 1500 при 37000 км телеграфных линий. Таким образом не просто были радикально улучшены коммуникации страны и открыты новые перспективы для торговли и промышленности, но также возросло благосостояние и значение городов, связанных железными дорогами. Снижение транспортных расходов было гораздо важнее для экономического развития, чем протекционистские тарифы, которые, для примера, позволяли увеличить стоимость центнера угля на 15 сантимов, в то время как на транспортировку тратилось от двух до шести франков.

Париж был перестроен под руководством Османа. Широкие и прямые проспекты с классической перспективой прорезали хаотическую массу узких улочек, что впервые сделало возможным быстрое передвижение по городу. Новые системы водоснабжения и канализации избавили город от неприятных запахов; как в центре, так и на окраинах (в Булони и Венсенне) были разбиты парки наподобие английских. Частные дома на острове Сите в большинстве своем были снесены, а вместо них построены современные конторы; были возведены Опера и Рынок, перестроены здания Политехнической и Горной школ и Школы изящных искусств, а также Национальная библиотека. В меньших масш-

табах сходные работы по реконструкции проводились в других крупных городах, особенно в Лионе, Марселе и Гавре. Ничего подобного, как отмечал Тэн, не происходило со времен Римской империи. Толпы безработных исчезли, им на смену пришли суетливые строители; это была прекрасная пора для архитекторов и инженеров. В момент наибольшей интенсивности строительства в реконструкции было занято до 20% рабочей силы Парижа. Но все это не укрепило поддержку Наполеона. Хотя многие люди заработали большие (а иногда и очень большие) деньги на спекуляциях, компенсациях за отчужденное имущество и открывшихся возможностях для коммерции, вихрь активной деятельности также становился причиной разорения, зависти и новых проблем. Наступила полная неразбериха с ценами на городскую землю; нередки были злоупотребления, скажем, мошенничество при начислении компенсации; строительство новых улиц не только способствовало бизнесу, но и разоряло некоторые предприятия; выросли налоги и квартирная плата. Рабочих вытесняли из центров городов в трущобы, а обширный приток иммигрантов (численность населения Лиона, например, возросла в 1854—1856 годах с 258 тысяч до 350 тысяч) усиливал напряженность и конкуренцию. Перестройка Парижа обошлась примерно в 2,5 миллиарда франков, что в 44 раза превышало обычный годовой бюджет города в начале правления Наполеона. Средства добывались в том числе в обход закона, от контроля которого уклонялись с помощью разнообразных уловок, иногда преступных, в результате чего работа Османа стала олицетворением безответственности и произвола деспотизма. Работы удалось завершить, только когда весь город оказался заложен и перезаложен. Консервативные финансисты отказывались считать это инвестициями и не верили в то, что проценты могут быть легко покрыты благодаря росту стоимости имущества и налогов с него. В 1855 году Осман брал займы непосредственно у населения; затем получал помощь от банка-ренегата Crédit Mobilier, поскольку все традиционные столпы финансового мира были против него. Города извлекли от Второй империи наибольшую (по крайней мере, непосредственную) выгоду, оставшись, однако, источником ожесточенной оппозиции ей.

То же самое происходило и с железными дорогами. Государство не платило за них и не могло этого делать, но поддерживало спекулянтов и корпорации, которые получили возможность мобилизовать сбережения всех классов и извлечь огромные прибыли. Все это вызывало недовольство. Правительство отвечало, что работы, проводимые с использованием традиционных методов финансирования (строительство каналов, портов и дорог), продвигаются сравнительно медленно. Тем не менее нотабли, возражавшие против строительства железных дорог по соображениям защиты частных прав и экономии, в конце концов взяли контроль

за этим процессом в свои руки, а на втором этапе (после 1857 года) добились того, что концессии на линии небольшой протяженности предоставлялись теперь им, а не придворным фаворитам*

В целом можно согласиться, что Вторая империя была периодом процветания. Произведенные расчеты говорят о том, что национальный доход вырос более чем наполовину, доходы французской промышленности увеличились на 73%, а сельского хозяйства — на 58%. Существует некоторая разноголосица в оценках экономистов, поскольку недостает данных. Нет единого мнения о том, когда поступательное экономическое развитие достигло своего пика (некоторые считают, что уже в 1857 году, другие — в 1859 или даже в 1868 году). Однако несомненно то, что по сравнению с застойными 1880-ми годами Вторая империя была периодом быстрого подъема. Разные секторы экономики извлекли из этого процесса неодинаковые выгоды. Пролетаризация зашла еще не очень далеко. В 1865 году 70–75% промышленной рабочей силы все еще составляли ремесленники. Валовая стоимость ремесленной продукции возросла на 22%, а продукции крупных промышленных предприятий удвоилась. В некоторых отраслях средний ежегодный прирост производства был очень высоким: 6,1% в угольной отрасли, 8,2% в полиграфической, 11,8% в газовой, 12,5% в производстве резиновых изделий. Рост всего промышленного производства составлял в среднем 2,3% в год (данные за первые двенадцать лет империи)†.

Как бы то ни было, высшие классы, очевидно, выиграли от процветания гораздо больше, чем основная масса населения‡:

	Доходы	Зарплаты	Реальные зарплаты
1850	100	100	100
1860	220	113	97,4
1870	386	145	128

Так, если заработок шахтера из Анзена вырос за период Второй империи примерно на 30%, то дивиденды, выплачиваемые Anzin Mines Co., утраивались ежегодно§. Надо признать, что подобно тому, как при Первой империи существовал миф о солдате, который может стать маршалом, так и при Наполеоне III народ верил в то, что простые рабочие могут обрести независимость. То, что почва для этой веры существовала, подтвердил уже упоминавшийся опрос 1872 года, показавший, что 80% работодателей ранее были рабочими, а 15% — сыновьями рабочих** Число людей, плативших *patente*, увеличилось при Второй империи на 16%, что означало появление еще четверти миллиона собственников независимых коммерческих и промышленных предприятий. Однако фактически количество фабрик за этот период не увеличилось, хотя стоимость их сооружений утроилась. Это означает, что крупные

* *Girard L.* La Politique des travaux publics du second empire; *Pinkney D. H.* Napoleon III and the Rebuilding of Paris; *Chapman J. M., Chapman B.* The Life and Times of Baron Haussmann; *Leonard C. M.* Lyon Transformed: Public Works of the Second Empire 1853–1864. Berkeley, 1961.

† *Markovitch T. J.* Salaires et profits industriels en France... // Économies et Sociétés. 1967 Apr. P. 79–87.

‡ *Labrousse E.* Aspects de l'évolution économique et sociale de la France et du Royaume-Uni 1815–1880. 1949 P. 99

§ *Duveau C.* La Vie ouvriere sous le second empire. 1946. P. 410–411.

** Ibid. P. 415.

фирмы были более успешны, оставаясь вне досягаемости для выбившегося в люди рабочего. Число сберегательных счетов (сколько-то из них принадлежало рабочему люду) возросло с 742000 до 2079000. Эпохой процветания Вторую империю делало то, что если некоторые люди преуспевали, то остальные могли лелеять надежду на обогащение. Но это не значит, что благополучие было повсеместным. В городах «материальное положение рабочего редко улучшалось; оно иногда становилось тяжелее, но, как правило, оставалось стабильным»*. Высококвалифицированные рабочие в новых отраслях промышленности хорошо зарабатывали, но ремесленники зачастую бедствовали. В Париже около половины трудящегося населения пребывало в долгах, и лишь четверти удавалось откладывать деньги. Говорят, что в городе свыше миллиона человек жили в нищете, граничащей с голодом. Тем не менее, по сравнению с кризисом последних лет правления Луи-Филиппа и республики, Вторая империя действительно была золотым веком. Хотя экономические депрессии имели место в 1857 году и после 1866 года, той катастрофической безработицы, что была самым ужасным бедствием народа, больше не повторялось. Именно такой смысл имеет отождествление Второй империи с процветанием: она обеспечила полную занятость и расширение рынков.

Парадоксально, что крестьяне, поддерживавшие Наполеона сильнее, чем городские рабочие, необязательно преуспевали больше них. Например, в Ардеше в 1859 году префект докладывал, что рабочие живут хорошо, но крестьяне из-за неурожая в течение шести лет подряд бедствуют; в 1866 году положение дел в сельском хозяйстве, по его словам, все еще оставалось недостаточно хорошим. В департаменте Нижняя Шаранта крестьяне процветали, для них в большом количестве открывались таверны, однако многие из этих преуспевающих крестьян враждебно относились к правительству. К сожалению, положение крестьянства при Наполеоне III пока недостаточно изучено, поэтому представить полную картину невозможно†. Однако несомненно то, что Наполеону не удалось обеспечить крестьянам «кредит», который он, как и многие другие, считал их главной потребностью. Credit Foncier вкладывал очень мало денег в землю и совсем не предоставлял средств мелким собственникам, а также не мог предложить альтернативу закладной системе, подконтрольной нотариусам. Железные дороги открывали новые рынки для сельскохозяйственной продукции, но также и способствовали бегству крестьян с земли. Поддержку, которую Наполеон получал от различных классов, нельзя объяснять лишь той материальной выгодой, которую они извлекали из его правления.

Также Вторая империя многое сделала для церкви. Она повысила жалованье священникам (равно как и военным), позволила

* Ibid. P. 410.
† *Kulnholtz-Lordat G.* Napoléon III et la paysannerie. Monte Carlo, 1962.

их числу возрасти с 48000 до 52000, помогала церкви умножать свои школы и даже предоставила ей некоторое влияние в сфере государственного образования. Следует вспомнить, что Вторая империя опиралась на союз с церковью. Священники восстановили свое влияние за счет профессоров, которых заставили помалкивать и за которыми присматривали. Однако этот союз был очень ненадежным, обе стороны вскоре перестали чувствовать то расположение друг к другу, о котором заявляли в начале. Наполеон оказывал помощь молодому Итальянскому королевству, которое аннексировало папские владения, но не рискнул пойти до конца и поддержал временное правление папы в Риме. В 1860-х годах он находился в постоянном конфликте с духовенством, чьи политические амбиции, ультрамонтанство и реакционные настроения поднялись на новую ступень вместе с «Программой 1864 года», осуждавшей либерализм, что сделало сотрудничество невозможным. Тем не менее, бонапартизм продолжал относиться к церкви двойственно и противоречиво. Мучительный разрыв с ней оказался в конечном итоге серьезной причиной его ослабления*

Во внешней политике Второй империи вновь не удалось найти четкое направление, способное сплотить нацию или хотя бы получить всеобщее одобрение. Дипломатические цели Наполеона III объясняли по-разному. Некоторые утверждали, что у него была одна глубокая задача, хотя нет согласия о том, какая именно. Одна из теорий говорит о националистическом принципе. Другая — о желании расширить территорию Франции до Рейна. Третья ссылается на стремление объединить Италию. Определенно ничего сказать нельзя. Наполеон III окутывал свою внешнюю политику облаком таинственности, так что даже его министры не всегда понимали его цели. Он ставил во главе министерства иностранных дел людей, которые, казалось, не разделяли его идей. Орлеанистский дипломат Друйен де Луйи доверял традициям и сопротивлялся самой идее революционной политики. Католик Валевски благоволил папе и враждебно относился к итальянскому королевству, которое помогал создавать Наполеон. Тувенель был карьерным дипломатом, готов был следовать всем инструкциям императора, но продержался на посту недолго. Вокруг Наполеона разыгрывались многочисленные битвы с целью перетянуть его на ту или иную сторону, в них участвовали все: от императрицы, выступавшей в защиту национальной чести и уважения к папе, до принца Жерома-Наполеона, настроенного против папы, и коммерсантов, которых заботил лишь мир и экономическая экспансия. Наполеон, кажется, использовал свое умение вынашивать идеи и плести интриги для того, чтобы противостоять всем этим давлениям. Воспитание было источником ряда его глубоких надежд и опасений. Так, он искренне ненавидел войну. Когда он парадоксальным образом ввязался в войну в Италии, то поспе-

* Maritain J. La Politique ecclésiastique du second empire. 1930.

шил закончить ее как можно скорее, а во франко-прусской войне сдался еще быстрее. В этом отношении он разительно отличался от своего дяди. Он полагал, что лучший способ урегулирования международных споров — проведение конференций, и всегда выступал за их созыв. В этом вопросе он не желал следовать за общественным мнением, которым неоднократно пренебрегал: итальянская и мексиканская войны не были следствием общественного энтузиазма, им сопротивлялась и бóльшая часть его окружения. Лишь после 1867 года он почувствовал, что патриотическая гордость заставляет его придерживаться иной линии поведения с Пруссией, и на эти перемены он пошел неохотно. Наполеон был европейцем в более глубоком смысле, чем большинство тех, кто разделял его пристрастия, ибо он был космополитом, с семи до сорока лет проведшим вне пределов Франции. Он заявлял, что для народов Европы сражаться — значит участвовать в гражданской войне. Но он также был и французским патриотом, обладавшим рвением экспатрианта, подкрепленным чувством того, что он обязан своему имени, решительно стремился смыть позор 1815 года, восстановить былой престиж Франции, покончить с робкой политикой Луи-Филиппа. Он соединил эти взгляды в смутной надежде обновить Европу на национальном принципе и, возможно, конечной целью ему виделось создание европейской федерации национальных государств.

Являясь, таким образом, защитником славы Франции, Наполеон был против узкокорыстной национальной политики. У него были великие идеи, но они находили мало общего с окружавшей его действительностью. Если бы он добивался своих целей традиционными методами, то просто потерпел бы неудачу, но не катастрофу, которая постигла его потому, что он был увлечен размахом своих устремлений и не замечал препятствий. Он считал своим призванием то, что делал, и потому не желал останавливаться перед трудностями. Наполеон завоевал трон своим фанатизмом и, как он говорил, ему не удалось бы сделать это, не обладай он характером мученика. Он старался избежать судьбы, постигшей его дядю, для чего усердно культивировал дружбу с Англией, но так и не смог преодолеть ее подозрительности. Его политика не могла быть последовательной, поскольку его увлекало слишком много великих замыслов. Он хотел, в якобинских традициях, чтобы Франция повела за собой мир, в то же время стремился выступать, в духе Старого порядка, защитником католицизма, одновременно неся Европе материальное процветание через экономическое развитие. Нет необходимости анализировать здесь непростую историю его внешнеполитических предприятий, которая рассматривается в других книгах*. Смешение целей и своеобычные методы их достижения позволяют сказать, что Наполеона, в конечном счете, погубила некомпетентность.

* См.: *Taylor A. J. P.* The Struggle for Mastery in Europe 1848–1914. Oxford, 1954.

Бонапартизм после 1870 года

Бонапартизм ни в коем случае не стал после 1870 года безнадежным делом. У него, пожалуй, было не меньше шансов, чем у роялистов; несмотря на катастрофу, положившую конец Второй империи, многие люди все еще были верны ей. Двадцать лет правления создали сильную бонапартистскую клиентуру. Страх перед Коммуной и политический хаос, явившийся следствием неспособности других партий установить альтернативный режим, породили ностальгию по сильному правительству и порядку. Бонапартисты быстро оправились после своего свержения. Полдюжины успешно прошли в Национальное собрание в 1871 году. Была создана партийная организация во главе с Руэром и штаб-квартирой в доме на Елисейских полях, которым владела императрица. Хотя полицейские шпионы, переодетые дворниками, день и ночь подметали тротуар перед домом, никаких препятствий бонапартистам не чинилось. Руэру помогал Пьетри, бывший префект полиции, и Шевро, один из самых деятельных префектов империи. Все эти люди в свое время обладали огромной властью. В 1872 году был образован постоянный партийный комитет из бывших министров, префектов, генералов и депутатов, собиравшийся два раза в неделю. В провинциях назначались корреспонденты от кантонов и округов. Способные люди выбирались для руководства целыми регионами, например, Эшасерио, которому было поручены девять департаментов на юго-западе. Наполеон был убежден, что важную роль в реставрации должна сыграть пресса, и обращался за поддержкой ко многим газетам. Уже в августе 1871 года владелец влиятельной ежедневной газеты «Le Gaulois» заявил о переходе на позиции бонапартизма. Сто тысяч франков получил Клемент Дювернуа, одно из самых ярких перьев на жалованье у императора, для основания «L'Orde» (символичное название), ставшей официальным партийным органом. Во главе провинциальной прессы встал Жиродо (ранее возглавлял пресс-службу министерства внутренних дел), а затем Мансар, основавший «Correspondance Mansard» — агентство, рассылавшее местным газетам для перепечатки статьи, написанные командой способных журналистов. К 1874 году издавалось более 70 бонапартистских газет, включая 27 ежедневных.

Так пытались достучаться до разных слоев грамотного населения, но еще больше усилий вкладывалось в простейшую пропаганду — распространение портретов бонапартистских героев, особенно имперского принца. В 1874 году по случаю достижения им совершеннолетия было разрешено отпечатать 300 тысяч портретов, а в Англии и Бельгии было выпущено гораздо больше, и они широко расходились в качестве своего рода религиозных реликвий. Старые солдаты, уволенные или действующие государ-

ственные служащие работали распространителями этих картинок и брошюр, которых также выпускалось немало. Бонапартистам симпатизировали многие члены администрации и особенно служащие полиции. Известная история о том, как префект полиции Реноде застал в доме министра-роялиста Деказа лакея, дремлющего с номером бонапартистской ежедневной газеты «Le Pays» в руках, показывает, как трудно было удалить бонапартистов с правительственной службы после 1870 года (так и сами бонапартисты с трудом избавились от орлеанистов после 1848 года). То же самое происходило и в армии, которую бонапартисты активно привлекали на свою сторону. Создавались общества взаимопомощи для объединения сочувствующих бонапартизму военнослужащих; два полковника получили задание создать клубы для отставных офицеров; «L'Orde» распространялась бесплатно среди действующих офицеров; раздавались имперские орлы и собирались подписи под обращениями к имперскому принцу. Парижский рабочий класс был смущаем Жюлем Амигом — темной личностью, ранее связанной с оппозицией империи и поддерживавшей Коммуну, обвиняемой в мошенничестве и других преступлениях. Он организовывал в кафе и тавернах бонапартистские комитеты, поддерживаемые радикальными бонапартистскими газетами, а также центральным комитетом, скреплявшим эту мощную пропагандистскую машину, хотя консерваторы приходили в ужас от участия в этом человека, чьи взгляды граничили с социалистическими (впрочем, такой всегда была одна из личин бонапартизма). Амиг имел успех не столько среди коренных рабочих-парижан, сколько среди мигрантов из провинций, «которые все еще верили в чудеса».

Мелкую буржуазию также призывали культивировать ностальгию по процветанию времен империи, как это, например, видно из воспоминаний поварихи из Гренобля, которой в *beaux jours** империи удалось скопить достаточно средств, чтобы выйти на пенсию. Она боготворила Наполеона, армию и «офицеров в известном возрасте». В 1872 году она посетила Англию, чтобы выразить изгнанному императору благодарность за его правление, благодаря которому простые люди вроде нее теперь могли носить шелковые платья. Торговец фруктами с парижского рынка отмечал: «В те дни мы ворчали по привычке, а теперь по необходимости». Все отрицательные моменты стерлись из воспоминаний об этих старых добрых деньках, ставших как бы новой версией солдатских историй о кампаниях Наполеона I. Небольшие сбережения пенсионеров, лавочников, крестьян и государственных служащих настойчиво собирались страховой компанией «Звезда», чьи агенты образовали еще одну бонапартистскую сеть.

Эта пропаганда оказалась очень действенной в определенных регионах. В департаментах, возглавляемых при Второй империи

* Славные дни (фр.).

бонапартистскими префектами или депутатами, им часто удавалось сохранить власть над теми, кому они ранее помогали. В Шаранте непревзойденным мастером политики, основанной на личных связях, был Эшасерио. У него была картотека на всех избирателей его округа, так что он прекрасно знал, как угодить каждому из них* Бонапартисты были пионерами в проведении такого рода избирательных компаний, применяя орлеанистские методы в условиях всеобщего избирательного права. Однако шаткость их позиций обуславливалась тем, что во многих департаментах при всем своем влиянии им так и не удалось создать собственную партию из местных нотаблей. Так, в 1876 году они выдвинули лишь 320 кандидатов (при 525 местах в парламенте) против 400 (или около того) от роялистов и консерваторов и 600 от республиканцев. Они рассчитывали на успех только в 33 департаментах. Хотя бонапартисты собирали среди богатых сторонников деньги на цели пропаганды, средств не хватало, и кандидатам обычно выдавались небольшие суммы.

Но внутренние раздоры были еще серьезнее. После Второй империи бонапартизм распался на составные части и не мог уже соединять имеющиеся противоречия. Наполеон III решил не предпринимать каких-либо действий до отвода немецких войск, чтобы не дать повод к иностранной интервенции. Он ожидал хаоса, который, по его мнению, неизбежно должен был дискредитировать временное правительство. Он планировал тайно попасть во Францию через Швейцарию, собрать какие-нибудь военные части близ границы, рассчитывая на их лояльность, и организовать поход на Версаль. Но он не мог ехать верхом из-за камня в мочевом пузыре, что побудило его решиться на рискованную операцию. Его смерть разрушила планы бонапартистов на триумфальное «возвращение с Эльбы» и положила конец единству их движения, которое мог сплотить лишь Наполеон со своим донкихотским характером. Новое руководство сделало движение гораздо более консервативным и даже реакционным. Политика Руэра состояла в объединении с легитимистами против республики, чтобы затем, когда легитимисты поймут невозможность возвращения на престол короля, заручиться их поддержкой, равно как и поддержкой всех консерваторов, напуганных ростом анархии, и провозгласить империю. Иначе говоря, он надеялся повторить события 1848 года. В 1873 году решающий перевес голосов обеспечили бонапартисты (к тому времени в Законодательном собрании их было около тридцати человек), что позволило роялистам избавиться от Тьера и поставить вместо него маршала Мак-Магона, который, вероятно, был роялистом, но также служил Наполеону и получил от него титул герцога[†]. Новый премьер-министр Брольи вознаградил бонапартистов тремя министерскими постами[‡]. После провала реставрации они вступили в сговор для смещения Брольи и

* *Rothney J.* Bonapartism after Sedan. Ithaca, 1969

† *Sacy J. S. de.* Le Maréchal de MacMahon 1960

‡ Мань (министерство финансов), генерал дю Барай (военное министерство), де Саллиньи (племянник Шнайдера, министерство земледелия и торговли)

опять получили награду в виде двух портфелей. Однако эти успехи, рост популярности и обнаружение всей силы бонапартистской организации в результате полицейского налета на их штабквартиру вызвали панику, и на выборах 1876 года им пришлось упорно сражаться на всех фронтах. Они все же завоевали около 75 мест, что делало их фракцию крупнее роялистской. В 1877 году, благодаря возрождению системы официальных кандидатов, а также заключению союзов с роялистами и консерваторами, их фракция выросла до 105 депутатов (больше, чем у орлеанистов и легитимистов вместе взятых). Хотя эти тактические ходы принесли быстрые плоды, нельзя с уверенностью сказать, что в конечном итоге они не оказались разрушительными, ведь в результате бонапартисты потеряли важный источник своей силы — способность прибегать к помощи как левых, так и правых. Они стали ведущей группировкой меньшинства, но обрекли себя в меньшинстве и оставаться.

Говорят, что альянс с роялистами породил даже идею усыновления имперского принца бездетным графом де Шамбором. Быть может, принц и согласился бы на такую сделку, но узнать, что он думал об этом на самом деле, очень сложно. Некоторые утверждают, что он был либералом, другие приводят твердолобо реакционные цитаты из его писем. Он, несомненно, вырос набожным католиком, но, возможно, не был клерикалом. Его воспитание не позволяло заводить друзей, не принадлежащих к высшему обществу. Будучи ребенком, он не посещал школу — учителя лучших парижских лицеев давали ему частные уроки в соответствии с обычной программой, оценивая его работу в сравнении с его отсутствующими одноклассниками и присваивая ему неофициальное место в классе. Принц сильно отставал в учебе, не проявлял особых талантов (за исключением рисования, особенно удавались ему шаржи), но после падения империи вдруг расцвел, превратившись в энергичного, трудолюбивого и честолюбивого юношу. Отец отправил его изучать физику в Королевский колледж Лондона, но он был недостаточно подготовлен, чтобы успевать наравне с другими студентами, и не смог завести друзей. Поэтому он поступил кадетом в Вулвич, где нашел свое истинное призвание, хорошо уживался с окружающими и избегал участия в развлечениях, наверстывая упущенное в учебе. Он нашел себя в военной службе. «Армия,— писал он,— станет краеугольным камнем общественного здания, великой школой нации... Я люблю французскую армию не просто потому, что я солдат и француз до мозга костей, но и потому, что только в ней одной вижу скрытую силу, способную сначала спасти французское общество, а затем возродить его величие». Он был против не только парламентского правительства, но и абсолютной монархии, поскольку нельзя гарантировать, что трон наследует талантливый человек. Стабильности

можно достичь, если правительство обопрется на следующие «общественные силы: религию, армию, чиновничество и собственность». Реакционные комментаторы утверждают, что он выступал за полную цензуру прессы, созыв Генеральных штатов каждые семь лет и учреждение провинциальных ассамблей. Неизвестно, сколько правды в этих утверждениях, но они в любом случае показывают, что некоторых его сторонников с трудом можно было отличить от самых махровых роялистов из окружения Шамбора.

Сам принц, однако, не питал иллюзий относительно того, чего мог добиться своими силами. Он не отрицал, что бóльшая часть нации равнодушна к политике и желает только спокойствия, и полагал, что если появится в Париже внезапно, то не только не произойдет народного восстания в его поддержку, но его простонапросто арестуют. Он решил дождаться, пока «правительство Гамбетты опротивеет нации, которая начнет искать спасителя... Республика будет низвергнута не нашими усилиями, но именно мы должны воспользоваться ее падением». Он не боялся ждать, ведь массы не забыли первого Наполеона с 1815 по 1848 год, так что у него было лет десять в запасе. После 1877 года принц сказал, что партия не может ничего достигнуть с помощью выборов. Он, впрочем, и не спешил заполучить трон с помощью парламентских интриг, поскольку это сделало бы его «рабом определенных людей и всей партии. Я бы никогда не смирился с таким положением и скорее страшусь, нежели жажду его». Таким образом, все зависело от того, на что был способен он сам. Если бы он мог стать популярным или достичь величия, «мощь имперской партии выросла бы десятикратно». Он устал развлекать политиков и журналистов и «работать с ними, чтобы раздувать социальные проблемы», к чему его призывали советники; он отказывался путешествовать по Европе со своей свитой, изображая «сказочного принца, желающего увидеть всех принцесс и похвастать знанием секрета всемогущего политического заклинания... Я не хочу, чтобы брак подрезал мне крылья, а мое достоинство не позволяет унижаться до роли благородного коммивояжера. Когда принадлежишь к племени солдат, то добиться признания можно лишь с помощью меча»*. В результате он отправился на войну с зулусами в Южную Африку. Останься он в живых, то, возможно, сделал бы в конце 1890-х годов бонапартизм силой, которая смогла бы воспользоваться буланжистским кризисом. А так после 1879 года бонапартисты перестали быть влиятельной политической партией.

То, как бонапартизм передал по крайней мере часть своего наследия радикалам, можно проследить по карьере Жерома-Наполеона (прозванного Плон-Плон), который был сыном короля Жерома Бонапарта и кузеном Наполеона III. Это был человек большого ума, обладавший глубоким честолюбием и импуль-

* См.: *Decaux A.* Connaissez-vous le Prince Impérial? 1958.

сивной энергией, хотя всем его талантам мешал недостаток такта, скромности и самообладания. Он был членом семьи, трактовавшим ее миссию в самом демократическом духе. Будучи в возрасте пятнадцати лет отправлен в военную школу, он отверг ее дисциплину, «считая ее глупой, противоречащей правам человека и оскорбляющей его демократические убеждения». Он был бунтарем с самой молодости; блестящий язвительный собеседник, превосходный критик, безжалостный к личностям и действиям, он с удовольствием принимал литераторов и артистов, даже если те были противниками его династии. Хотя официально он был женат на дочери короля Италии, но открыто стал жить с любовницей, когда слишком поздно понял, что его жена превыше всего желает быть причисленной к лику блаженных или даже святых. Он был антиклерикалом до такой степени яростным, что его называли атеистом, хотя на самом деле он был спиритуалистом, галликанцем и поклонником Конкордата, заключенного с церковью Наполеоном I. Ему было присуще преклонение перед наполеоновскими принципами, однако он постоянно ссорился с Наполеоном III и еще чаще с Евгенией, выказав яростную и нескрываемую ревность, когда, родив сына, она лишила его права престолонаследия. Он не был популярен в армии, но желал военных наград. В 1848 году его избрали в парламент, где он занял крайне левую позицию. Он почти всегда был против политики Наполеона, получая взамен публичные упреки; один из них даже был напечатан в «Moniteur». Он представлял традицию Бонапарта как первого консула и был бы рад видеть Францию республикой с сильным правительством и избираемым народом президентом, имеющим право лишь рекомендовать себе преемника.

Жером-Наполеон стал в 1879 году лидером партии, к ужасу консерваторов-бонапартистов. Он не пытался сохранить или, скорее, заполучить верность этого крыла, ведь он никогда не скрывал своей ненависти к нему. В 1880 году во время кризиса из-за политики республики в области образования он открыто поддерживал антиклерикалов и расторг альянс бонапартистов с консерваторами. Он основал новую газету, «Le Napoleon», чтобы пропагандировать светское общество, отмену светской власти папы, ниспровержение тирании финансовых воротил, улучшение качества жизни масс, демократичное налогообложение, свободную торговлю и пересмотр республиканской конституции в пользу прямых выборов президента и сената. Он принимал республику и, что для консерваторов было хуже всего, республику антиклерикальную. Только около десяти депутатов бонапартистов готовы были следовать за Жеромом-Наполеоном.

Большинство членов партии не признали его. Жолибуа, депутат от Нижней Шаранты, образовал из сановников Второй империи синдикат, который обеспечил 40000 франков ежегодного

дохода для Виктора, сына Жерома-Наполеона, которого они и провозгласили лидером бонапартистов. Виктор во всем придерживался противоположного отцу мнения. По материнской линии он был потомком Людовика XIV и Марии Терезии Австрийской, а также кузеном российского императора. Бонапартисты, таким образом, раскололись на жеромистов и викторианцев. На выборах 1881 года те и другие выступали как противники. Первые, «бонапартисты-демократы», пытались заключить союз с Гамбеттой на началах поддержки принципов Великой революции. Гамбетта отнесся к идее с подозрением, но Жером-Наполеон, тем не менее, призывал своих сторонников голосовать за республиканцев там, где бонапартистского кандидата не было. Он фактически перенял программу радикалов (разводы, политическая амнистия, отмена обязательного выходного в воскресенье), которая резюмировалась следующим образом: «Мы хотим республики, пересмотра законодательства, выборов президента народом. Наш кандидат — Жером-Наполеон». Однако он был беден, имел только одну газету и выдвинул всего чуть больше тридцати кандидатов. Только двенадцать были избраны, и никто из них не был его личным другом; Лангле, которому предстояло стать их лидером в парламенте, потерпел поражение, в результате чего они потеряли всякий вес. В 1885 году Жером-Наполеон вообще не выдвинул ни одного кандидата, призывая своих приверженцев стать республиканцами. Некоторые заметные его сторонники действительно уже присоединились к ним. Когда на следующий год все претенденты были высланы, Жером-Наполеон провозгласил на Лионском вокзале прощальный лозунг: «Vive la république quand meme»* Теперь он требовал только пересмотра республиканской конституции, а не восстановления империи. «Неизлечимая слабость республиканской партии,— говорил он,— заключается в страхе перед исполнительной властью. Ее постоянно преследуют воспоминания о Брюмере и Декабре... Моя цель — реформировать республику, а не разрушить ее. Как можете вы думать, что такой старый демократ, как я, согласится променять эту славу на показной блеск дряхлой реставрации, в которую я не верю?» Он вел переговоры с Буланже, но не о реставрации. Он считал своим призванием основание республики на надежном фундаменте, подобно тому, как Наполеон I упрочил революционные завоевания. Жером-Наполеон настаивал на том, что республика есть логическое следствие всеобщего избирательного права. Ему лично даже не была свойственна фетишизация плебисцитов: он заявлял, что демократическим в них зачастую является только название. Можно лишь предполагать, в какой степени авторитарным было бы его правление.

Жером-Наполеон умер в 1891 году, все сторонники, которые у него сохранились, стали республиканцами. После смерти им-

* И все же да здравствует республика (фр.).

перского принца один из его близких друзей, Тристан Ламбер, стал роялистом, и многие последовали его примеру. И все же, хотя бонапартисты потеряли всякое значение, их остатки проявляли активность еще пятнадцать лет. Принц Виктор продолжал проводить собрания, выпускать циркуляры и принимать отчеты от групп, устраивавших лекции и празднования знаменательных дат. В 1886 году заявлялось, что партия все еще имеет более сорока газет; в 1891 году их у нее оставалось семь. У партии были исключительно активные пропагандисты из семьи Касаньяк, чьи газеты в той или иной степени оставались бонапартистскими до самой войны. Касаньяки, отец и сын, были яростными противниками республики, которую считали неизбежно демагогической; ее антиклерикализм делал их еще более непримиримыми, поскольку он были «прежде всего католиками». «Моя главная цель,— писал Поль де Касаньяк,— разрушение ненавистного республиканского режима». Он желал заменить его авторитарным правительством с «сохранением лишь необходимых свобод», то есть тех, что обеспечивают материальное и физическое процветание страны (сниженные налоги, улучшенные дороги, местные железные дороги). «Чрезмерные свободы» прессы, слова и публичных собраний заботят лишь незначительное меньшинство, их введение следует отложить до того момента, пока массы не будут соответствовать им. «Свобода жить в достатке должна предшествовать свободе говорить и писать». Но сам он был слишком независим, чтобы действовать по указке претендента, и в 1894 году заявил, что раз уж нельзя надеяться на реставрацию империи образца 1852 года, то он готов принять монархию. Империя была умеренной формой монархии, но он разочарован тем, что «претендент на престол упрямо занимает созерцательную позицию и пассивно ждет, как индийский Будда, что горы придут к нему... Место претендента не в хвосте партии, а во главе ее». Касаньяк называл себя в первую очередь империалистом, и уже затем бонапартистом. В 1917 году он вдруг увидел воплощение принципа авторитарной власти в Клемансо и признал республику.

Это был финал, предсмертный брак бонапартизма и радикализма, хотя и тот, и другой сильно переменились со временем. Показательно то, что даже Эмиль Оливье, стоявший на крайнем либеральном фланге бонапартизма, говорил во время своей избирательной кампании в 1875 году об объединении консерваторов против «красных». Теперь радикалы испытывали те же чувства по отношению к социалистам, и Клемансо подавлял забастовки не хуже бонапартистов. Союз бонапартистов и консерваторов был не просто браком по расчету. У них было больше общего, чем они полагали. С этого времени бонапартистский культ приобрел антикварный характер. Но бонапартизм оставил потомков, хотя у тех и были другие имена.

Глава XIX ПОЛИТИКИ ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ

Третья республика была одним из самых запутанных и парадоксальных политических режимов. Предполагалось, что она должна знаменовать наступление демократии, однако на деле Третья республика произвела совсем немного фундаментальных перемен в структуре государства, которое во многом осталось монархическим и даже сохраняло черты Старого порядка. Ее мечтой (как сказал в 1867 году Ален-Тарге, один из ее основателей, и как повторяли многие другие не без изрядной доли риторического преувеличения) было свободное, эгалитарное и братское общество, в котором постоянное обсуждение общих интересов привело бы все классы к высокому чувству солидарности и справедливости. Но в действительности она вручила власть олигархии дискредитированных профессиональных политиков, которые сохраняли свое влияние тем, что обслуживали частные интересы наиболее влиятельных из своих избирателей, а также благодаря тому, что закрывали глаза на повсеместную коррупцию. Исключительная живучесть режима непостижимым образом сочеталась с не менее беспрецедентной нестабильностью. Бесконечная череда едва различимых министерств вряд ли может пролить свет на эволюцию политики или реализацию реформ. Существовал необычайно широкий разрыв между провозглашенными принципами, которыми якобы руководствовались политики, и принимавшимися законами. Даже принятые законы зачастую не выполнялись. Пустые слова о славе отчизны компенсировались жесткой критикой в ее адрес, во Франции более разрушительной, чем где бы то ни было. Запутанные и непоследовательные программы отстаивались от лица логики и разума.

Хроники частых кризисов и скандалов, хотя нередко интригующих, а иногда драматичных, неизбежно сбивают читателя с толку. Не облегчает ситуацию и то, что партии правого крыла называют себя левыми, а радикалы оказываются консерваторами. Можно утверждать, что эта неразбериха была условной, в сущности же Франция четко разделилась на два лагеря — сто-

ронников Революции и ее противников — и необходимо было лишь решить, кто на чьей стороне в этой главной схватке. С этой точки зрения торжество и развитие республики олицетворяют прогресс «движения» относительно «реакции», то есть борьбу каждого последующего поколения за одно и то же дело. Однако в этом предполагаемом прогрессе было столько неясного, столь двойственными были позиции прогрессистов, что нельзя с уверенностью сказать, действительно ли перемены и реформы являлись коренными вопросами политики. Принципы, о которых говорили политические противники в этой борьбе, имели слишком мало общего с реальностью, чтобы их можно было назвать ориентирами для обеих сторон. Очевидно, у них были скрытые цели. Во многих отношениях полезнее обратить внимание на то, о чем политики умалчивали, нежели на их действия. В самом деле, благодаря недомолвкам иной раз становится легче понять, почему пребывающая в постоянном хаосе система была не только терпима, но и популярна. Она защищала дорогие многим, хотя и не всегда открыто признаваемые ценности.

Политики Третьей республики руководствовались конституцией, которая просуществовала намного дольше любой другой французской конституции. Ее долголетие объясняется некоторыми необычными свойствами. Конституции не хватало качеств, которые были желательны с точки зрения многих теоретиков и к которым стремились поколения государственных деятелей: логичности, ясности, упорядоченности, полноты. Парадоксально, но она позволила добиваться многого именно благодаря отсутствию этих качеств. Вовсе не предполагалось, что конституция станет постоянной. Ее целью был выигрыш времени, подготовка (как надеялись некоторые) почвы для монархии. Это была первая конституция, изначально не предполагавшая и не требовавшая сохранения верности от тех, кто служил ей. По существу, это был компромисс, от которого выигрывали как монархисты, так и республиканцы. Следовательно, у конституции было немного непримиримых врагов. Так как ее авторы были членами разных партий, то начать с провозглашения основных прав, по вопросу о которых политики придерживались диаметрально противоположных точек зрения, было невозможно*. Таким образом, эта конституция не имела революционного или реакционного ярлыка и, кроме того, была самой короткой в истории Франции. Она состояла всего из трех законов (34 статьи†), а ее объем равнялся трети конституции 1848 года, половине конституций 1814 или 1830 годов и одной десятой конституции 1795 года. Она представляла собой скорее процедурное руководство, нежели настоящую конституцию, и давала очень мало поводов для споров. Третья республика необыкновенно близко подошла к созданию неписаной конституции‡.

* Впоследствии были некоторые споры о том, является ли Декларация прав человека составной частью законодательства страны. После триумфа республиканцев серьезных сомнений в этом не осталось, однако в случае победы монархистов все могло сложиться иначе. Вопрос был официально урегулирован лишь в 1911 г., когда Государственный совет, во имя принципа равенства всех перед законом, отменил льготы для отдельных лиц в некоторых санитарных правилах (дело Рубе, март 1911 г.).

† Восемь из этих статей были отменены в 1884 г., одна добавлена в 1926 г.

‡ Текст и комментарии современников см.: *Hélie F. A.* Les Constitutions de la France. 1880. P. 1348–1456; дополнения см.: *Duguit L., Monnier H., Bonnard R.* Les Constitutions et les principales lois politiques de la France depuis 1789. 7 ed. 1952. P. 286–319; ср.: *Esmein A.* Éléments de droit constitutionnel français et comparé. 5 ed. 1909; *Sibert M.* Les Constitutions de la France, 1870–1940. 1946; *Barthelemy J., Duez P.* Traité de droit constitutionnel. 1933.

Результатом такого положения дел было то, что, с одной стороны, природа институтов, которые народ считал необходимым установить, осталась важной теоретической проблемой и политики продолжали, казалось, размышлять над принципиальными вопросами. Однако, с другой стороны, конституция оставляла небывалый простор для пережитков, частных интересов и местных обычаев, которые составляли основу системы, построенной на личных связях. Ее аморфность позволяла ей подстраиваться под эти традиции. Она основывалась на *débrouillage** (искусстве добиваться своего любыми способами) и позволяла людям найти более или менее уютный уголок, где, чтобы самим вести спокойное существование, они старались не беспокоить других. Естественно, все это можно безжалостно осудить, указав на недостаточную эффективность такого уклада, что вполне правомерно. Парламентская машина скрипела и задыхалась. Имущественные права почитались настолько, что уважение к привилегиям и статус-кво в Третьей республике приобрело поистине средневековый характер. Однако неэффективность была реализована так, что в результате люди больше выигрывали, нежели теряли. Она поддерживалась огромной силой инерции, но поскольку ее нельзя было защищать всерьез, слабость теории компенсировалась выражением страстной преданности великим принципам, хотя очень немногие из них нашли воплощение. Бурная политическая жизнь и патетическая риторика были необходимы для того, чтобы скрыть убогую и серую действительность, в которой приходилось жить. Отношение идеала к реальности во многих отношениях позволяет увидеть гораздо больше, чем идеологические столкновения.

Свобода была главным принципом республики. Действительно, существовали свободы, которые она не только провозглашала, но и предоставляла. Кодекс Наполеона запрещал проводить собрания более чем двадцати человек без разрешения полиции; после 1881 года стало достаточно простого заявления о намерении проведения собрания, а после 1907 года и оно уже не требовалось. Отмена цензуры в 1881 году предоставила прессе абсолютную свободу. Но все это не означало полной личной свободы. Методы полиции и прерогативы судебной власти коренным образом не переменились. Хотя *lettres de cachet* вышли из употребления, мужчины все еще могли быть заключены в тюрьму без суда и обвинения, подвергаться побоям и бесконечным допросам. Так, в 1899 году среди ночи арестовали 75 человек под предлогом того, что они затевали заговор. Большинство из них были отпущены после трех-шести месяцев заключения без выдвижения какого-либо обвинения. В конце концов из тех, кого продержали еще несколько месяцев, осудили только троих. Полиция продолжала изымать на почте письма, проводить обыски и традиционно жесткие допросы, все это зачастую незаконно. Систе-

* Находчивость (фр.).

матически собиралась компрометирующая информация, выплачивались деньги информаторам, людям, связанным с криминальным миром, позволялось оставаться на свободе взамен за приносимые ими сплетни. Однако полицейские пользовались своей властью с большой осторожностью, благодаря чему не сталкивались с энергичным протестом. Они редко избивали людей, которые могли поднять шум, и потакали власть имущим.

Таким образом, свободный гражданин Третьей республики продолжал жить в рамках мощного авторитарного государства, основанного Наполеоном. В некоторых отношениях он стал даже более уязвим, поскольку формальная отмена цензуры не была компенсирована установлением какой-либо ответственности за клевету. Свобода прессы давала журналистам или тем, кто мог их купить, возможность фактически безнаказанно опорочить чью-либо репутацию. Закон о диффамации 1894 года оказалось практически невозможно провести в жизнь. «Аксьон франсез» могла безнаказанно призывать к убийству политиков-социалистов, а один министр даже покончил жизнь самоубийством из-за нападок прессы. Хотя номинально перед законом все были равны, некоторые знали лучше других, как его обойти, ведь правовые нормы были достаточно гибкими. Все еще не редки были случаи моральной и экономической тирании. Широкая терпимость была неотделима от привычки к резкой и злобной полемике. Битва за свободу вовсе не была выиграна в казавшуюся безоблачной *belle epoque** Но все же свободы в стране стало несколько больше, чем когда бы то ни было ранее, и люди *почувствовали* себя гораздо независимее†.

Это чувство свободы распространяла система парламентской демократии, заключенная в рамки традиционного централизованного государства. Люди могли считать себя суверенными. Нельзя сказать наверняка, были ли они правы в этом, поскольку не прекращались юридические споры о том, является ли носителем верховной власти народ или парламент. Тем не менее, существовало всеобщее избирательное право, которое применялось так, что у каждого возникало чувство личной значимости. В действительности, однако, равенство не было полным. Многое зависело от того, где человек проживал. Избирательная система, существовавшая бóльшую часть времени существования Третьей республики, была основана на *scrutin d'arrondissement*‡, причем каждый округ представлял один депутат. Однако административные округа (аррондисмены) сильно различались по численности населения, и в одном избирательном округе (например, в Барселонете) могло насчитываться всего 3000 избирателей. Районы с населением свыше 100000 жителей получали еще одного депутата, те, в которых было более 200000 жителей, могли выдвинуть троих, и так далее, но все равно малонаселенные районы при такой системе

* Прекрасная эпоха (фр.).
† *Claudel M.* Nos libertés politiques. 1910.
‡ Выборы по округам (фр.).

были представлены непропорционально широко. Проживавшие в них 15320000 человек избирали 275 депутатов, а остальную часть страны (20782000 человек) представляли лишь 251 депутат. Предпринимались попытки учитывать демографические изменения. С 1889 по 1936 год было упразднено 58 избирательных округов, но, несмотря на некоторые перемены, произведенные в 1926 году, старые избирательные округа не перестали существовать, и в 1939 году насчитывалось уже 347 избирательных округов (по сравнению с 275 в 1875 году), чье значение можно считать завышенным. В 1931 году первый округ Парижа располагал одним депутатом на 42 тысячи человек, однако в шестнадцатом округе (первый избирательный округ) депутат представлял 108501 избирателя, а в Сен-Дени (первый избирательный округ) — 143093 человека. Эта система вселяла в сельских жителей чувство собственной привилегированности, служившее компенсацией их бедности, но рабочие предместий негодовали, так что существовало постоянное движение за упразднение данной системы вообще*. С 1885 по 1889 год пытались применять *scrutin de liste*[1], когда каждый департамент избирал некоторое количество депутатов, а партии представляли избирателям списки кандидатов. Это оказалось настолько выгодно противникам республики, получившим возможность объединить свои силы, что от идеи быстро отказались. С 1919 по 1927 год использовалась видоизмененная система *scrutin de liste*, сочетавшаяся с пропорциональным представительством. Она оказалась сложной и не вполне справедливой (кандидаты порой не могли стать депутатами, даже набрав относительное большинство голосов, если их список получил слишком мало голосов), так что и от нее отказались. Большинство партий в результате реформы вновь проиграли.

Важной чертой системы одномандатных избирательных округов было то, что если ни один кандидат не набирал абсолютного большинства голосов, спустя неделю проводился второй тур, в котором было достаточно простого большинства голосов. В перерыве между турами кандидаты договаривались о том, кто и в чью пользу должен снять свою кандидатуру. Иногда партии предварительно заключали соглашения о поддержке той из них, которая наберет наибольшее число голосов в первом туре. Это была основа, благодаря которой выживала республика, поскольку партийная раздробленность приводила к появлению огромного числа кандидатов. В 1928 году их было 2763, в 1936 году — 4815 (то есть от пяти до восьми на место). В ходе второго тура левые могли объединиться, чтобы победить монархистов. Больше всех от этого выигрывали радикалы, которые, находясь в центре, могли договариваться с любой из сторон. Им также шло на пользу неравное представительство избирателей, ведь они предпочитали представлять мелкие сельские избирательные округа. Так, было

* *Cotteret J. M., Emeri C., Lalumière P.* Lois électorales et inégalités de représentation en France 1936–1960. 1960.

[1] Выборы по спискам (фр.).

подсчитано, что, например, в 1932 году они получили на 42 места больше, чем могли бы рассчитывать в случае пропорционального представительства, тогда как коммунисты получили на 38 мест меньше. Со временем значение вторых туров возрастало: в 1910 году их было проведено 227, но их количество постепенно увеличивалось, пока не достигло 424 в 1936 году, когда лишь три департамента избрали своих депутатов в первом туре* С политической точки зрения, депутаты далеко не справедливо представляли настроения электората. Интриги и компромиссы между кандидатами часто определяли итог выборов.

Республиканцы не вполне понимали, чего они хотят от избирательной системы. Поскольку ранее в империи были округа, от которых избирался только один депутат, республиканцы восстали против них и заявили, что единственно правильной является система списков, акцентирующая внимание скорее на принципах, нежели на личностях, и препятствующая грубому давлению на избирателей, оказывать которое в большом округе было сложнее. Однако когда в 1871 году монархисты ввели одномандатные избирательные округа, то республиканцы научились манипулировать этой системой, и многие из них, победив на выборах, стали ее сторонниками. В результате республиканская система не слишком отличалась от монархической и имперской; при ней сохранялось действие традиционных сил, местных особенностей и личного влияния. Республиканцам приходилось подчеркивать важность единства государства, поскольку на деле они поэволяли местническим интересам приобретать столь большой вес. Предполагалось, что депутаты представляют нацию, но они главным образом заботились о своих небольших округах. Подчеркивание в их выступлениях важности принципов негласно сопровождалось постоянным вниманием к частным жалобам, требованиям и угрозам каждого избирателя. «Мы вынуждены,— говорил Пуанкаре в 1926 году, — тратить основную часть своих сил на выполнение мелких и бесполезных наказов. Под давлением избирателей мы начинаем рассматривать повседневное вмешательство в административные вопросы как необходимое условие сохранения своих мест»†. Депутат поддерживал со своими избирателями очень тесный контакт. Он гордился знанием их устремлений и потребностей и просил их голосовать за него, принимая во внимание не только его политические убеждения, но и личные качества, равно как и отношения с жителями своего округа. В результате избиратели считали депутата обязанным им за полученные голоса и достигнутый на выборах успех, так что беззастенчиво надоедали ему просьбами. Они просили его влиять на власти для урегулирования своих проблем. С утра депутат, как правило, бегал по министерствам, добиваясь удовлетворения их прошений и стараясь получить субсидии на всякого рода деревенские строительные

* *Sharp W. R.* The Government of the French Republic. 1938. P. 60–63.

† *Tardieu A.* La Profession parlementaire. 1937. P. 43.

или ремонтные работы. Он тратил массу времени на письма, отвечая своим избирателям, способствовал скорейшему рассмотрению их запросов в министерствах, а затем докладывал о результатах своих действий. Депутат становился представителем избирателей в Париже. Часто шутили, что избиратель могли попросить купить ему зонтик в магазине, найти место служанки для дочери в каком-нибудь богатом семействе или узнать, не оставил ли им что-то покойный родственник. Большую часть времени депутаты были заняты не столько решением важных политических вопросов, сколько удовлетворением мелких частных интересов*.

Неудивительно, что работа депутата превратилась в профессию. Парламент не стал моделью, своего рода поперечным разрезом общества. В 1881 году в нем заседали только один крестьянин и один рабочий. Половина депутатов представляли высший слой буржуазии (108 собственников, 85 бывших высокопоставленных чиновников, 44 банкира и промышленника). Кроме того, в нем заседали 120 адвокатов, 15 стряпчих и нотариусов, 60 врачей, фармацевтов и ветеринаров, 10 торговцев, 10 инженеров, 20 журналистов. Импозантный Тиврье носил поверх сюртука рабочую блузу, однако он был трактирщиком, а не работником физического труда. Двадцать лет спустя, в 1902 году, рабочие классы все еще не были заметно представлены в парламенте: богатые банкиры, директора компаний и землевладельцы имели 160 мест, высокопоставленные чиновники — 52, представители средних классов и свободных профессий — 252†. Депутатам выплачивалось жалованье (9000 франков в 1875 году), равное жалованью профессора университета, полковника или судьи апелляционного суда. После 32 лет они могли выйти на пенсию, которая почти равнялась их заработку. До 1914 года она выплачивалась обществом взаимопомощи, а затем официально стала государственной. Среди депутатов выработался определенный кастовый дух, так что разнообразие мнений, которые они высказывали на публике, приглушалось приятельскими отношениями. Они привыкли говорить друг другу «ты». Производя на выборах впечатление непримиримых врагов, они неплохо уживались в зале заседаний и образовывали всякого рода группы, ничего общего не имевшие с их официальными партийными ярлыками. Зачастую их больше занимали интересы, скажем, металлургической или рыбной промышленности, нежели своей партии. Иногда они примыкали к тем или иным группам из-за личных связей, которые завязывались у них по приезде в Париж, когда они, еще чувствуя себя не в своей тарелке, получали поддержку со стороны честолюбивых коллег, стремящихся приобрести приверженцев. Некоторые входили в группировки просто ради получения преимуществ при назначении в комиссии: существовали даже

* Свод аргументов «за» и «против» этой системы см.: *Bonnefous M.* Le Scrutin d'arrondissement et la politique. 1926.

† *Prioure R.* La République des députés. 1959. P. 85, 180.

«группа депутатов, не состоящих в какой-либо другой группе» и «группа молодых депутатов», не имевших ничего общего, кроме возраста. Таким образом, политические ярлыки, которые присваивали себе люди, чтобы быть избранными депутатами, часто не являлись признаком или гарантией того, как они будут вести себя в парламенте*.

Этот кастовый дух делал депутатов весьма снисходительными друг к другу в оценках того, как они голосовали. Считалось, что человеку иногда приходиться голосовать определенным образом, чтобы «удовлетворить чаяния своих избирателей»†, и они часто поддерживали друг друга, защищая свою независимость от партийной дисциплины. Долгое время они закрывали глаза на случаи коррупции в процессе выборов из уважения к специфическим проблемам каждого избирательного округа. Депутаты сами оценивали законность выборов, открывая заседания палаты нового созыва длительными дискуссиями об утверждении результатов выборов, заслушивая петиции недовольных кандидатов. Этот вынос сора из избы, контрастировавший с идеализмом избирательной кампании, демонстрировал, что их результаты определялись не только политическими факторами. Правительственное давление, столь эффективное при Наполеоне III, не исчезло. Самый известный случай имел место на выборах 1876 и 1877 годов, когда высоконравственный либерал Брольи, критиковавший Вторую империю именно за этот ее недостаток, решительно взял на вооружение ее методы. От прямой и открытой поддержки официальных кандидатов префектами вскоре отказались, однако она сохранилась в видоизмененной и более скромной форме, особенно в наиболее отсталых избирательных округах‡. Поскольку правительства приходили и уходили, кандидат должен был доказать своим избирателям, что знает, как получить необходимую им государственную помощь. Звание официального кандидата перестало иметь значение, поскольку префект и депутат поменялись ролями. Теперь депутат взял в свои руки инициативу, действуя в качестве посредника между правительством и сельской местностью, между индивидуальными и прочими интересами. Так, в 1909 году на выборах в Сент-Африк (Авейрон), когда экономист Поль Леруа-Болье пытался занять место радикала Фурноля, отлично зарекомендовавшего себя при распределении правительственной помощи, местная газета опубликовала статью, иллюстрировавшую достижения двух кандидатов в этом отношении. В одной колонке были приведены заслуги Фурноля: субсидии на строительство школ, увеличение численности учителей, открытие почтовой конторы, отчисления в пользу дома престарелых, строительство мостов, увеличение количества учебников для школ... В колонке под именем Леруа-Болье большими буквами было напечатано: «Ничего». Статья оканчивалась словами: «Да

* *Jouvenel R. de.* La République des camarades. 1914.

† См., например: *Lavergne B.* Les Deux Présidences de Jules Grévy 1879–1887. 1966. P. 31.

‡ *Puech L.* Essai sur la candidature officielle en France depuis 1851. 1922; *Weil G. D.* Les Élections legislatives depuis 1789. Histoire de la législation et des mœurs. 1895.

здравствует Этьен Фурноль, друг правительства». Эта статья была зачитана в палате сторонниками Леруа-Болье, пытавшимися добиться признания избрания Фурноля недействительным, но это только вызвало смех. В ответ друзья Фурноля прочитали одно из предвыборных объявлений самого Леруа-Болье: «Мсье Леруа-Болье может оказать значительную помощь своим избирателям. Каждый знает, что вопросы, связанные со школами, железными дорогами и прочими важными делами решаются в Париже. Взгляните на разные министерства. Во-первых, министерство финансов. Разве мсье Леон Сэй, который четырежды был министром финансов и наверняка вскоре станет им вновь, не является коллегой мсье Леруа-Болье по Французскому институту, а также его сотрудником в «Journal des Débats» и давним другом? Бросьте затем взгляд на министерство образования. Мсье Бюиссон, руководящий средним образованием, был его школьным другом в Лицее Бонапарта. Обратитесь к министерству общественных работ. Один из его руководителей — мсье Шейсон — товарищ Леруа-Болье по Школе политических наук. В министерстве юстиции один из начальников управлений — его близкий родственник. В министерстве внутренних дел мсье Эрбет был его другом в Лицее Бонапарта и юридической школе. Президент железнодорожной компании Midi — мсье д'Эшталь — один из старейших друзей семьи Леруа-Болье... Этот список можно продолжать бесконечно. Мы спрашиваем, разве все эти связи, вся та поддержка, в которой не будет отказано, не потребуются нашим школам и дорогам, не послужат решению личных проблем избирателей?»

Правые и оппозиционные депутаты пользовались одинаковыми с левыми методами, хотя депутат, имевший хорошие отношения с правительством, мог использовать парижское влияние гораздо эффективнее. Так, он мог договориться, чтобы сообщения о субсидиях, которые ожидал избирательный округ, поступали непосредственно перед выборами, как, например, сделал Жорж Лижье в 1898 году в департаменте Ло и Гаронна, когда более 80000 франков были направлены приютам, церквям и домам престарелых всего за три месяца. В нужное время избирательный округ мог быть осыпан «потоком наград» и «километрами пурпурных лент». Правительство могло закрывать глаза на некоторые нечестные приемы*. В ходе выборов 1889 года одного префекта обвинили в том, что он противодействовал кандидату посредством махинаций с предвыборными списками, не желая показать их ему и заставив всех мэров игнорировать его жалобы на злоупотребления при голосовании. Обнаруживались подтасованные списки: в Ниме в 1902 году они, как сообщалось, включали фамилии более двух тысяч избирателей, которые к тому времени уже умерли или уехали из города; в Лилле в 1914 году

* *Leroy-Beaulieu P.* Un chapitre des mœurs électorales en France dans les années 1889 et 1890. 1890.

в списках оказались тысячи вымышленных имен, составлявших почти пятую часть от общего числа избирателей.

Деньги играли на выборах все более важную роль. Жюль Симон, писавший в 1901 году, вспоминал, что в 1848 году расходы в размере трех или четырех тысяч франков казались огромными, а теперь люди тратили по сто тысяч* Политики-миллионеры были как время Второй империи, так и при Третьей республике, и пользовались они очень похожими методами. Например, богатый сахарозаводчик Лебоди заключал соглашения с мэрами своего избирательного округа в департаменте Сена и Уаза, в соответствии с которыми они распределяли талоны на хлеб и уголь среди бедных избирателей, вспоминавших об этом факте при голосовании. Он делал мэров своими должниками, предоставляя им частные займы на чрезвычайные муниципальные нужды, используя таким образом нерасторопность правительства и подменяя его. Предвыборные пожертвования Ротшильдов в 1920-х годах были весьма щедрыми. Один из них пригласил сельских пожарных своего избирательного округа выступить в день голосования в мэриях и распорядился снять с них мерки для новой формы, которая затем была пошита за его счет. Каждое общество взаимопомощи, охотничий клуб, благотворительное учреждение получали тот или иной дар в нужное время. Те, кто не располагал такими резервами наличности, как Ротшильд, обещали рассчитаться после победы: полномочия одного депутата были аннулированы в 1928 году, поскольку он распределял между своими избирателями все свое парламентское жалованье. Бесплатная выпивка считалась совершенно естественным атрибутом выборов, при условии, что она предлагалась каждому избирателю незаметно и индивидуально. Потреблялось огромное количество вина, однако с неприятностями сталкивались лишь те кандидаты, которые стремились своей щедростью произвести слишком сильное впечатление. Так, в 1906 году один из них послал *garde champêtre*†, чтобы тот выставил бесплатную выпивку под бой барабана. Другой поставил бочки с вином прямо на избирательном участке. В 1902 году было подсчитано, что каждый избиратель в Монтрее (Па-де-Кале) в течение двух месяцев до выборов выпивал 500 стаканов вина, что намного превосходило обычное потребление. Палата депутатов, рассматривая жалобы по этому поводу, придерживалась следующей позиции: «она сожалеет о злоупотреблениях, но не считает своей задачей исправлять обычаи» тех областей, в которых люди любят выпить; Государственный совет даже постановил, что «несмотря на возлияния в тавернах... истцы не в состоянии доказать, что это влияет на свободу или честность голосования».

Голоса можно было купить за наличные, особенно в бедных горных районах. Обычно они стоили не менее десяти франков за

* *Simon J.* Premières Années. 1901. P. 338.

† Сельский полицейский (фр.).

каждый, хотя бедняки в департаменте Ду продавали свои голоса и за два. В 1890 году рассматривалось печально известное дело некоего Бутэна, который создал ассоциацию людей, желающих продать свои голоса. Он набрал 1600 человек, а затем заключил контракт с банкиром Бишофсхаймом о продаже ему их голосов за 20000 франков. Этот факт стал известен после выборов, когда Бутэн стал шантажировать Бишофсхайма, требуя еще 8000 франков. Не получив денег, он разоблачил депутата перед парламентом. Более того, купить можно было не только избирателей, но и самих кандидатов. Отмечены джентльменские соглашения (неизвестно, как широко была распространена эта практика) о том, что предвыборные расходы кандидата, воздержавшегося от участия во втором туре выборов, должно компенсировать лицо, оказавшееся в выигрыше. Эта практика приводила к тому, что соперникам платили за отказ от участия в выборах или, напротив, за участие в них с целью оттягивания голосов у более серьезных соперников. Так, почтенный Леруа-Больe в 1906 году заплатил своему оппоненту 1000 франков, чтобы тот воздержался от участия во втором туре. Половина суммы была выплачена до выборов, а вторая — после (причем буквально, поскольку тысячефранковая банкнота была разрезана на две части)*

Выборы, как правило, не признавались недействительными из-за фактов подобного рода коррупции или административного давления, кроме исключительных случаев. Аннулирование результатов выборов находилось в числе политических инструментов республиканцев, стремившихся нейтрализовать ярых противников режима, и использовалось как один из методов упрочения республики. В 1876–1877 годах были изгнаны 102 оппонента, причем 90 из них за то, что являлись официальными кандидатами павшего режима «морального порядка». С 1881 по 1902 год были лишены мандатов еще 85 человек, почти все они были роялистами или клерикалами. Однако с 1906 по 1939 год зафиксировано лишь 22 подобных случая. Выборы в колониях, имевшие славу самых коррумпированных, вообще никогда не расследовались, поскольку считалось, что там изменить ситуацию невозможно. Уважение «местных обычаев» было правилом. Именно в этом контексте следует рассматривать все громкие скандалы, сотрясавшие режим: они были лишь распространением обычной практики с местного на национальный уровень†.

Только в 1914 году был принят закон о тайном голосовании в кабинках; а ограничения на финансовые расходы или ответственность за клевету так и не были установлены. Однако деньги никогда не были решающим фактором в политике. Время от времени предприниматели тратили огромные суммы (например, Коти, боровшийся против Блюма, банкир Октав Омбер в Каннах, промышленник Лушер в Авене), однако один американский

* *Pilenco A.* Les Mœurs du suffrage universel en France 1848–1928. 1930.

† *Charnay J. P.* Les Scrutins politiques en France de 1815 à 1962. Contestations et invalidations. 1964. P. 117–120.

политолог, исследовавший роль денег в политике разных стран, пришел к выводу, что кандидаты во Франции тратили в среднем значительно меньшие средства, чем в Англии или Германии. По сравнению с соседями им требовались гораздо меньшие расходы, чтобы добиться избрания в своем округе. Затраты на печатную пропаганду также были гораздо ниже. Очень немногие политики содержали в округах свои бюро. Собрания обходились кандидатам почти даром, поскольку проходили в школах или кафе, а наибольший эффект имели застольные беседы. Государство бесплатно предоставляло места для размещения рекламных плакатов. Самую большую статью расходов составляли поездки по округу и покупка журналистов. В отличие от американских кандидатов, которые оплачивали место на газетных страницах для размещения своей рекламы, французы предпочитали заручаться поддержкой редакций или учреждать собственные газеты, часто распространявшиеся бесплатно. До 1914 года важную роль в выборах играли плакаты: говорят, что генерал Буланже в 1889 году расклеил в седьмом округе Парижа 1300000 плакатов, а его оппонент мог позволить себе лишь полмиллиона (плакаты нужны были не столько для того, чтобы их читали, сколько для заклеивания чужих агитационных материалов). Закон 1914 года покончил с подобным оклеиванием городов, после чего влияние газет стало особенно цениться кандидатами. Конечно, партии никогда не располагали большими средствами и поддерживали своих кандидатов лишь мизерными суммами. Меньше всех платили радикалы (в 1928 году они, насколько известно, оказали помощь лишь 90 кандидатам). Финансирование, поступавшее от крупного бизнеса, сохранялось в тайне, хотя предполагается, что в том же году оно составило около десяти миллионов франков*

Действительно громкие финансовые скандалы разыгрывались не во время выборов, а после них. Депутаты, осознававшие свое высокое положение верховных законодателей, время от времени яростно опровергали обвинения в том, что им платят богачи, но иногда они устраивали разоблачения, несмотря на то, что это сильно подрывало их авторитет. Их связи с деловым миром, случаи занятия ими постов директоров и консультантов уже описывались†. Депутаты прекрасно знали, что даже пуританские кампании Клемансо против коррупции и неэффективности опирались на тайную поддержку таких финансистов, как Корнелиус Герц. Публичные скандалы происходили, когда система, которую использовало большинство, выходила из-под контроля по причине чрезмерного рвения, правдоискательства или неосторожности отдельных личностей. В деле Вильсона 1887 года не было ничего экстраординарного; зять президента не был первым, кто стал продавать награды, но к нему нашлись и другие претензии. Панамский скандал 1892 года, в ходе которого стало ясно,

* *Pollock J. K.* Money and Politics Abroad. New York, 1932. P. 279–319.

† Ibid. P. 55–57; *Mennevée R.* Parlementaires et financier, répertoire des senateurs et députés directeurs ou administrateurs des sociétés financières commerciales, industrielles et économiques. 2 ed. 1924 (в списке свыше 140 депутатов и 100 сенаторов).

что депутаты продавали свои голоса и участвовали деньгами в сомнительных спекуляциях, вызвал протест со стороны Рувье, обвиненного в непорядочности: «Все то, что делал я, делали все политики до меня». Этого никто не мог отрицать. Этот список публичных скандалов был намного короче, чем череда тех, что прошли незаметно как естественная часть политической игры: скандалы в какой-то степени служили способом борьбы со слишком удачливыми соперниками* Парламентская демократия не избавила Францию от коррупции и административного давления, которые критиковались ее сторонниками при предшествовавших режимах.

Третья республика выделялась влиянием, которым располагали депутаты. Парламент заседал практически постоянно: время его работы было определено в пять месяцев, но поскольку он никогда не завершал свои дела вовремя и даже редко вовремя утверждал бюджет, чрезвычайные сессии растягивали заседания еще на три или четыре месяца, так что его функционирование становилось почти столь же постоянным, как и работа правительства. Он никогда не принимал вполне идеи передачи своей власти правительству или независимого существования правительства. Традиция, из-за которой парламент являлся скорее противником кабинета, нежели источником его силы, была следствием просветительских теорий и многолетней борьбы за передачу власти монархического режима парламенту. «Каждый законодатель,— писал Мабли,— должен руководствоваться тем принципом, что исполнительная власть была и всегда будет врагом законодательной власти». Вскоре после 1871 года возникли новые традиции, поставившие кабинеты под строгий контроль, что отчасти объясняет неспособность последних добиться больших успехов†. Донимать правительство посредством *interpellations*‡ стало одним из основных занятий депутатов. Часто в ходе этих бесконечных дискуссий на важные или мелкие темы, отнимавших массу времени, ставился вопрос о доверии кабинету. Эта практика так сильно мешала делу, что в 1909 году для экономии времени была введена система письменных запросов. В результате депутаты постарались показать своим избирателям, как они заняты (каждый запрос и ответ печатался в «Journal officiel»). В парламенте 1919–1924 годов было сделано 20 тысяч подобных запросов, в основном очень частного характера, как, например, почему тот или иной полицейский не получил заслуженного повышения по службе§. Таким образом, в стремлении отстоять претензии и права отдельного человека в его взаимоотношениях с правительством расходовалась масса энергии, даже если это мешало решению более крупных политических вопросов.

Второй способ, благодаря которому парламент осуществлял свою власть, вытекал из права каждого депутата вносить законо-

* *Arnitz R.* Les Enquêtes parlementaires d'ordre politique. 1917 (диссертация, в которой приведен полный список со ссылками на слушания); *Dansette A.* L'Affaire Wilson. 1936; о неэффективности расследований см.: *Michon L.* Des enquêtes parlementaires. 1890.

† *Barthélemy J.* Le Rôle du pouvoir exécutif dans les républiques modernes. 1906. P. 420.

‡ Запросы (фр.). Право члена парламента делать запросы министрам впервые появилось (неофициально) при Луи-Филиппе, в авторитарной стадии Второй империи было позабыто и вновь введено в 1867 г. В 1869 г. было разрешено проводить голосование по министерскому ответу, так утвердилась министерская ответственность перед парламентом. Это право существовало в Третьей и Четвертой республиках и было отменено в 1958 г., после чего осталось только право голосования вотумов доверия или недоверия кабинету.

§ *Barthélemy J.* Le Gouvernement de la France 1925. P. 110; *Bloch R.* Le Régime parlementaire en France sous la Troisième République 1905. P. 79–83 (диссертация).

проекты. Исторически это было ключевым требованием в борьбе за парламентское правительство, и оно сохранилось даже несмотря на то, что в конце концов парламент полностью подчинил себе правительство. Депутат имел право встать со своего места во время любой дискуссии, попросить разрешения высказаться по поводу очень важного вопроса и предложить законопроект на любую тему. Так, в парламенте 1889–1893 годов было 546 сессий. За этот период депутатами было предложено 873 законопроекта. Очевидно, что было мало шансов на их тщательное рассмотрение. В период работы следующего парламента (с 1893 по 1898 год), проведшего 633 сессии, количество законопроектов возросло до 1112, вдобавок правительство представило 2216 собственных законопроектов, три четверти из которых представляли чисто местный интерес. Результатом этого устрашающего количественного натиска было то, что большинство законов принимались без каких-либо дебатов или обсуждения. Каждая сессия начиналась с того, что председатель бубнил себе под нос названия законопроектов, до которых никому не было дела, и объявлял об их принятии, поскольку никто не выступал против. Итак, несмотря на то, что парламент якобы был высшим законодателем, спешное составление и недостаточно внимательное рассмотрение правовых актов означало, что их действие зависело от доброй воли или интересов чиновников, проводивших их в жизнь. Законы редко принимались так, как советовали эксперты Государственного совета, и излагались в довольно общем виде, а детали предполагалось уточнять административными распоряжениями. Именно на этом втором этапе, который ускользал от контроля как парламента, так и министров, чиновники способны были проявить свою власть. Существуют сомнения относительно того, являлся ли парламентский контроль за бюджетом по-настоящему эффективным — настолько запутанным и медленным был этот процесс. Первые тридцать лет республики незаконно расходовалось в среднем два миллиона франков в год*. Страсть к законотворчеству имела деструктивный характер. Сильнее всего она, возможно, проявлялась при внесении поправок к бюджету, в чем депутаты были неутомимы. Бюджет 1895 года претерпел 371 поправку, бюджет 1898 года — 547. Многие из них предполагали дополнительные расходы и в немалой степени способствовали бюджетному дефициту, который был столь характерной чертой республики. Таким образом, предлагая законопроект, правительство понимало, что вероятность его принятия в первоначальном виде ничтожна, не так много шансов даже на то, что он будет замечен и принят хоть в каком-то виде. Неудивительно, что провозглашение принципов часто рассматривалось как нечто самодостаточное: проведение принципов в жизнь не являлось задачей практической политики†.

* *Besson E.* Le Contrôle des budgets en France et à l'étranger. 1899. P. 552–561; *Ferry D.* Le Contrôle financier du parlement. 1913 (диссертация).

† *Michon L.* L'Initiative parlementaire. 1898; *Larcher É.* L'Initiative parlementaire pendant la sixième législative (1893–1898) // Revue politique et parlementaire. 1898. Apr. P. 597–611.

Третий способ сохранения правительства в подчинении депутатов был следствием системы парламентских комиссий. Каждый законопроект должен был обсуждаться комиссией депутатов, которые, по старой традиции, назначались специально для рассмотрения каждого законопроекта. Но затем парламентские комиссии стали создаваться с целью обсуждения не конкретного документа, а всех законопроектов в той или иной области. Первой, еще в 1840 году, была образована комиссия по финансам; другие — по иностранным делам, армии и т. д.— продолжали учреждаться вплоть до 1902 года, когда насчитывалось уже шестнадцать больших комиссий* Особенность системы состояла в том, что комиссии были постоянными, так что на деле они служили противовесами министерствам. Председатель и *rapporter* подобной комиссии были соперниками министра и нередко становились его преемниками. Таким образом, палаты раздирал конфликт двух источников власти. Особенно могущественной была комиссия по финансам. Именно председательствуя в ней, Гамбетта приобрел влияние в 1877–1881 годах. Несколько раз эта комиссия свергала министров. Тардье говорил: «Реальная власть теперь принадлежит не министру, который часто занимает пост не дольше месяца, а докладчику бюджетной комиссии, который нередко остается на своем посту даже после обновления парламента». Политику в большей степени диктовал парламент, нежели правительство. Побывав докладчиком, депутат начинал считать себя достаточно опытным и способным, чтобы стать министром, и это оказывалось сильным стимулом для низвержения кабинетов по малейшим поводам†.

Палата депутатов, которая так управляла Францией, состояла из 533 членов, к 1914 году расширившись до 602. Это было относительно скромно, уступая Генеральным штатам, насчитывавшим в 1789 году 1118 депутатов, или парламенту 1849 года с его 750 членами. В общей сложности в парламенте в 1870–1940 годах заседало 4892 депутата. Чуть меньше половины из них — 2271 — были членами палаты только одного созыва. Власть была сосредоточена в руках тех, кто переизбирался вновь и вновь. 2621 человек становились депутатами два или более раз. В парламенте любого созыва четверть членов заседала уже по двадцать лет, а 3% — по треть века. Стабильность состава парламента была совершенно исключительной. Только 33% из всех 4892 депутатов оставили политику из-за поражения на выборах, 16% не выдвинули свою кандидатуру на второй срок, однако 19% стали сенаторами, а 13% умерли «на боевом посту». 12% досидели в своих креслах до установления режима Виши, положившего этому конец. Только 2,5% меняли за время своей карьеры избирательный округ. Итак, можно наблюдать картину почти постоянной группы правителей-долгожителей, сохранявших креп-

* Их было шесть в 1893 г., одиннадцать — в 1898 г. В 1920 г. их число выросло до двадцати.

† *Barthélemy J.* Essai sur le travail parlementaire et le système des commissions. 1934; *Mauchant H.* La Commission des finances de la chambre des députés. 1927 (диссертация); *Cooch R. K.* The French Parliamentary Committee System. 1935.

кие связи с родными местами, зачастую малоизвестных до их переезда в Париж. Именно эти люди, а не собственно электорат, решали судьбы министерств, поскольку три четверти смен кабинетов происходили на парламентских заседаниях и лишь одна четверть — в результате народного голосования*

С 1870 по 1940 год было сформировано 108 правительств. Средняя продолжительность работы каждого составляла, таким образом, восемь месяцев. Для сравнения укажем, что в Англии за почти вдвое больший промежуток времени (с 1801 по 1937 год) действовало лишь 44 министерства, и каждое функционировало в среднем три года и один месяц. Франция поэтому пользовалась репутацией нестабильного государства, что, можно добавить, не было явлением исключительным. В Бельгии с 1831 по 1937 год сменился 41 кабинет: до 1918 года они работали в среднем по три года и девять месяцев, но после войны — только по году и восемь месяцев. В Италии кабинеты с 1918 по 1922 год функционировали в среднем год и два месяца. В Германии периода Веймарской республики был 21 кабинет, каждый из которых держался в среднем восемь месяцев, также как и в Австрии в 1918—1934 годах. Такого рода сравнения легко могут ввести в заблуждение. Частая смена министров отнюдь не противоречит стабильности. Во-первых, французские избиратели были исключительно постоянны в своей лояльности: Франция в целом не испытывала резких колебаний политического маятника. Во-вторых, эти министерские перемены означали, что власть оставалась в руках депутатов, составлявших неизменное ядро режима. Депутаты, весьма подозрительно относившиеся к правительству, не возражали против частого свержения министерств для сохранения собственного верховенства. В то время как в Англии правительства отправлялись в отставку из-за важных политических разногласий, французские депутаты без колебаний свергали кабинеты по пустячным поводам. Они поступали так, потому что парламент должен был проработать полный срок независимо от их действий и не мог быть распущен. После распада правительство часто воссоздавалось с сохранением в его составе многих прежних членов и введением лишь немногих (как будет показано) новых — зачастую именно тех депутатов, которые организовали *interpellation*, приведший к краху старого кабинета.

Министерская нестабильность была также следствием того, что закон до 1934 года не предусматривал канцелярии премьер-министра. До того времени (за исключением шести случаев, все после 1914 года) премьер-министр получал министерский портфель, который оставлял мало времени на что-либо, кроме председательства на заседаниях правительства. У него не было собственного штата служащих, кроме министерского; независимую канцелярию он получил только в 1934 году. Обычно он

* *Dogan M.* La Stabilité du personnel parlementaire sous la troisième république // Revue française des sciences politiques. 1953. 3. P. 319—348.

не являлся избранным лидером большинства депутатов, а часто вообще не был лидером какой-либо партии. Он не мог рассчитывать на верность депутатов. В значительной степени он находился в тени президента республики, который, как будет видно, иногда пользовался своей прерогативой выбирать премьер-министра с таким расчетом, чтобы не допустить прихода к власти честолюбивых лиц. Депутаты все равно имели преимущество, поскольку могли отказаться поддержать выбор президента* Если кто-то желал стать министром, ему было невыгодно становиться партийным вожаком. Поскольку партии были неустойчивы и в качестве союзников ненадежны, министрам приходилось напряженно искать поддержку как внутри собственных партий, так и за их пределами. Их шансы возрастали, если они отказывались от такой поддержки вообще и выступали в качестве арбитров партийных разногласий, примирителями оппонентов. Это, конечно, означало, что они редко способны были угодить всем, и сохранение должности было сродни прогулке по канату. Таким образом, проводить последовательную политику было непросто. Депутаты, занимавшие министерский пост, часто именовались радикалами, но, получив власть, почти вынужденно занимали умеренную позицию. Поступая так, они часто теряли поддержку крайних группировок и даже собственных партий. Партийные лидеры, стремясь выдвинуться, порой поступали вопреки самой идее партии, впрочем, и так выхолощенной постоянными коалициями. Экстремизм и радикализм новых партий были естественной реакцией на эту эволюцию и поэтому не должны приниматься за чистую монету.

Наибольшего успеха добивались министры, уважавшие пожелания парламента. Тот, кто хотел чаще попадать в правительство, чаще и уходил в отставку, поскольку конфликт с депутатами мог вообще положить конец его карьере. Так честолюбие порождало еще большую нестабильность. Бриан довел искусство ухода в отставку до совершенства: он подавал в отставку еще до голосования и сохранял власть в своих руках ценой частых министерских кризисов. Итак, если сопоставить время пребывания министров на посту с периодом жизни правительств, можно выявить небольшую группу политиков, подолгу занимавших министерские кресла. В период Третьей республики 561 человек становился министром, из них только 217 занимали этот пост один раз, 103 — дважды, 71 — трижды, 48 — четырежды и 122 — более четырех раз. Из 94 правительств с 1879 по 1940 год в 74 был по крайней мере один член предыдущего кабинета, а в 40 сохранялась половина министров. Так, Бриан был членом 25 различных кабинетов в общей сложности 16 лет и 5 месяцев. Рекорд самой продолжительной работы принадлежит Сарро — радикалу, который был министром 18 лет и 2 месяца. Среди прочих

* Как это, например, было сделано в 1914 г. (Рибо) и в 1920 г. (Лег). *Verdeaux J.* Le Président du conseil des ministres en France. 1940 (диссертация).

«долгожителей» наиболее известны Барту (14 лет), Лег (13), Делькасе (11), Кеиль, Фрейсинэ и Шерон (10), Мильеран и Пуанкаре (9).

Третью республику нельзя делить на 108 периодов, каждый из которых представляли бы новые лица и программы. Ее политическая история распадается на гораздо более длительные естественные фазы. Только пять из 63 министров, работавших с 1870 по 1879 год, получали портфели впоследствии. Республика герцогов — это эра с четкими границами. С 1879 по 1885 год доминировал Ферри, являвшийся министром образования в пяти из восьми кабинетов. Был лишь один короткий перерыв, когда в течение трех месяцев на стыке 1881 и 1882 годов его место занимал Гамбетта. Продолжительность правления оппортунистов демонстрирует пример Фрейсинэ, который был премьер-министром девять раз, причем в семи случаях он был еще и военным министром и имел возможность проводить реформы вооруженных сил, так же как у Ферри была возможность проводить преобразования системы образования на фоне постоянных правительственных кризисов. Рувье с 1889 по 1892 год четыре раза был министром финансов, а затем дважды — премьер-министром; Фальер с 1882 по 1892 год был министром семь раз. Можно рассматривать эту клику политиков-оппортунистов в качестве группы; их постоянно меняющиеся сочетания не должны вводить в заблуждение. В средний период республики министерства стали работать дольше: Вальдек-Руссо был премьер-министром в течение трех лет (1899–1902), Комб — два года и семь месяцев (1902–1905), Клемансо — три года и четыре месяца (1906–1909). Делькасе контролировал внешнюю политику семь лет (1898–1905). После этого правительства стали распадаться как никогда быстро, однако политику определяли все те же люди. С 1920 по 1940 год кабинеты работали в среднем только шесть месяцев каждый, но их преемственность возросла, так что новое министерство могло быть на 80% того же состава, что и предыдущее. Небольшая группа левых радикалов, состоявшая из 32–50 членов, имела своего представителя в каждом из 29 министерств с 1924 по 1936 год. Между мировыми войнами радикалы контролировали министерства образования и внутренних дел в течение двенадцати лет, а министерство сельского хозяйства — десять лет. Становилось все более очевидным, что из своего числа депутаты выделили небольшую группу людей для занятия министерских кресел. Можно сказать, что ядро этой группы состояло всего лишь из 122 человек, занимавших министерские посты свыше четырех раз. Это, конечно, были люди, принимавшие систему и верховенство депутатского корпуса. Противники такого положения дел обычно не задерживались в правительстве долгое время*.

* *Soulier A.* L'Instabilité ministerielle sous la Troisième République 1871–1938. 1939; *Ollé-Laprune J.* La Stabilité des ministres sous la Troisième République 1879–1940. 1962.

Консервативные создатели конституции намеревались удержать палату депутатов под контролем (по крайней мере отчасти) с помощью сената. Этот орган из 300 человек должен был придать вес стабильной сельской опоре страны в противовес мятущемуся городу. Он избирался представителями муниципальных советов. В 1884 году города получили большее представительство, но все же гандикап сохранялся: правила предполагали выдвижение одного выборщика от каждой коммуны с населением менее 500 человек, с последующим увеличением до 24 выборщиков от коммун с населением свыше 60 тысяч человек. Эта новая система давала привилегии деревням, но также наделяла непропорционально большим влиянием средние города с населением пять-десять тысяч человек, в которых находила опору республиканская элита. У Марселя (департамент Буш-дю-Рон) с его 900 тысячами жителями было 24 выборщика, в то время как все остальные коммуны департамента с общим населением 250 тысяч человек представляли 313 выборщиков. У Парижа (департамент Сена) было 147 выборщиков, в то время как у его пригородов с вдвое меньшим населением — 1032. У 370 сельских коммун, каждая из которых имела менее сотни жителей, было 370 голосов, в то время как одиннадцать городов с общей численностью населения 2,5 миллиона человек получили 264 голоса. В среднем в каждом округе, избиравшем сенатора, было 800 выборщиков; 90% из них составляли делегаты от коммун (местные депутаты и советники также имели по одному голосу). 75 сенаторов избирались пожизненно Национальным собранием, но после 1884 года эта категория была заменена выборными членами.

Намерения основателей режима не осуществились. Республиканцы сначала обвинили сенат в недемократичности и в течение двадцати лет неоднократно предлагали упразднить его. Но они очень скоро наводнили его, так что сенат стал еще одним бастионом власти профессиональных политиков, поскольку являлся палатой, по существу представлявшей их интересы. Избирались в сенат в основном отставные депутаты и чиновники. После войны политики стали предпочитать его мирные дебаты и уверенность в переизбрании буйству и риску нижней палаты. Он стал выглядеть, как писал английский журналист в 1900 году, убежищем «пожилых образованных людей, любящих блеснуть своими способностями в дискуссиях и читающих друг другу эссе по абстрактным вопросам юридического и исторического характера, иногда имеющим отношение к злободневным темам. Председательствующий неспешно занимает свое место и задает тон работе, произнося риторически безупречную речь в честь одного из сенаторов, покинувшего наш мир со времени последнего собрания»*. Это было напоминанием о неспешной, спокойной жизни провинций, для которых бурление Парижа было своего рода

* *Bodley J. E. C.* France. 1899. P. 267–315.

театральным представлением, которое стоило смотреть и обсуждать. «Сенат,— говорил Кайэ в 1938 году,— это собрание крестьян нашей страны. В этом причина оскорблений, которым он подвергается, однако поддержка избирателей позволяет сенату с полным хладнокровием встречать нападки улицы и прессы, не заслуживающие даже его презрения». Политика сената, соответственно, была существенно более консервативной, чем палаты депутатов, хотя и решительно прореспубликанской. Сенат ограничивал власть не столько депутатов как группы, сколько политических экстремистов среди них и народных масс в целом.

Пока республика укреплялась, сенату не придавали большого значения. Когда сенат в 1880 году отклонил знаменитую Статью 7, Ферри, ее автор, просто превратил законопроект в декрет. Однако в 1896 году, недовольный радикальным министерством Буржуа, сенат отказал ему в кредитах и тот подал в отставку, хотя, будучи радикалом, мог бы интерпретировать конституцию так, чтобы проигнорировать волю сената. После этого значение сената как препятствия на пути передового или социалистического законотворчества существенно возросло. Именно из-за его сопротивления так долго не вводились подоходный налог и избирательное право для женщин. Он не допустил принятия в 1884 году закона, официально разрешавшего развод по взаимному согласию; он поставил крест на многих предложениях в области социального законодательства, так затянув их рассмотрение, что о них просто забыли. И все же его роль не была исключительно негативной: хотя вклад сената в создание коммерческого или экономического законодательства был невелик, он принял множество не очень эффектных, но важных мер (таких как закон о гражданстве 1889 года, законы 1885 и 1891 годов о наказаниях и освобождении преступников) и существенно откорректировал многие другие предложения. В промежутке между мировыми войнами он стал бастионом консервативных республиканцев, сопротивлявшихся требованиям модернизации, низвергнув кабинеты, которые возглавляли Эррио, Тардье, Лаваль и Блюм. Он являлся обратной стороной республиканской монеты, занимая осторожную и обособленную позицию и служа традиционным противовесом депутатскому фразерству. В какой-то степени депутаты позволяли себе экстремистские жесты, поскольку знали, что старшие коллеги не допустят реальных перемен[†].

Депутатам также приходилось конкурировать за власть с президентом республики, но, с другой стороны, он опять же был одним из них. Его положение в значительной мере зависело от характера личности, занимавшей кабинет. Он определенно не был самым влиятельным человеком в стране (в отличие от ситуации 1848 года). Республиканцы, решительно отвечая на опыт Второй империи, теперь отвергали когда-то казавшуюся им

* *Coste G.* Rôle législatif et politique du sénat sous la troisième république. 1913 (диссертация); *Coguel-Nyegaard F.* La Rôle financier du sénat français: essai d'histoire parlementaire. 1937 (диссертация); *Barthomeuf Y.* Les Débuts du sénat républicain. 1939 (диссертация). Биографическую информацию см.: *Shapiro D.* The Right in France // St. Antony's Papers. 1962. 13.

демократической идею ответственного президента, избираемого народом. Президента намеренно сделали слабым: его избирал парламент, поэтому он едва ли мог сопротивляться его решениям; декларировалась его безответственность, поскольку ему следует оставаться вне политики; он получал скромное жалованье, делавшее его беднейшим главой государства в Европе*. Под влиянием монархистов, ориентировавшихся на образ английского или орлеанистского конституционного монарха, он, однако, получил возможность играть важную политическую роль†. Он выбирал премьер-министра. Партийная раздробленность создала ситуацию, при которой президент редко был вынужден ставить на эту должность какого-то определенного человека. Он мог, таким образом, исключать из списка кандидатур слишком влиятельные фигуры, которых опасался (вроде Гамбетты или Клемансо), подрывать позиции тех, кто ему не нравился, назначая их на этот пост несвоевременно (как в случае с радикалами при Буржуа в 1895 году), или выдвигать малозначительных политиков из числа своих друзей (как в случае Тирара — друга Карно). Свобода выбора президента не ограничивалась парламентом, но игнорировать его следовало с осторожностью. Когда Пуанкаре в 1914 году сделал главой министерства при левом парламенте правого Рибо, депутаты немедленно вынесли вотум недоверия, так что пришлось уступить. Влияние президента в большой мере зависело от его такта. Он председательствовал на заседаниях совета министров, проводившихся в Елисейском дворце. Хотя кабинет собирался и без него (но зачастую с младшими министрами), это не заменило официальных заседаний (как это произошло в Англии). Президент сохранял ряд прерогатив монарха времен Реставрации. Он мог подписывать союзнические соглашения, которые, в отличие от мирных договоров и торговых соглашений, не требовали ратификации парламента. В истории внешней политики Франции этого периода президенты республики играли почти столь же важную роль, как и министры‡. Так как они избирались на семь лет (и могли быть переизбраны), у них были существенные преимущества — опыт и стабильность положения.

Республиканские парламентарии — из страха приобрести слишком сильного соперника — чаще избирали президентами посредственных политиков. Гамбетта, Ферри, Вальдек-Руссо, Клемансо и Бриан были забаллотированы — им предпочли менее значительных людей. В пяти случаях президентами выбирали председателей сената (в надежде на то, что заурядный человек превратит высший пост в синекуру для пожилых политиков). Еще в трех случаях были избраны председатели палаты депутатов (отчасти это было отстранением от борьбы за власть). Однако порой честолюбие брало верх, и оказывалось, что даже посредственность обладает большей индивидуальностью, чем от нее

* 600 тысяч франков, а также 300 тысяч франков на квартирные и 300 тысяч франков на транспортные расходы. После Первой мировой войны жалованье, ставшее совершенно недостаточным из-за роста стоимости жизни, было утроено. Ни один президент не разбогател, занимая свою должность.

† Бытует мнение, что в конституции нашли отражение идеи, изложенные в книгах Прево-Парадоля («Новая Франция», 1868) и В. де Бройля («Взгляды на управление Францией», 1861). Эти книги выражали мнение тех, кто участвовал в разработке конституции, но прямое влияние не может быть доказано. См.: *Guiral P.* Prévost-Paradol. 1955.

‡ Opinions de Paul Gambon sur le rôle, en politique étrangère, de quelques ministres et de divers Présidents de la République // Revue d'Histoire Diplomatique. 1954. P. 202–207; *Rogers L.* The French President and Foreign Affaires // Political Science Quarterly. 1925. Dec. P. 540–560.

требовалось. Жюль Греви (1879—1887) предлагал в 1848 году вообще упразднить пост президента как представляющий опасность для республики. Когда он сам был назначен на этот пост в 1879 году, то произнес историческую речь, резко преуменьшившую роль президентства. Маршал Мак-Магон (1873—1879) использовал президентскую власть в первый и последний раз в 1877 году, чтобы распустить палату депутатов, чей растущий радикализм он осуждал*. Республиканцы возвратились в парламент с триумфом. Мак-Магон был вскоре вынужден уйти в отставку, а сменивший его Греви заявил: «Искренне разделяя принципы парламентарного режима, я никогда не буду противиться воле нации, нашедшей выражение в конституционных органах». После этого право президента распускать парламент никогда не использовалось — этот исключительно важный факт сделал палату превалирующей властью в стране. Однако Греви, являвшийся главой государства чисто номинально, проявлял большой интерес к политике. «Он делал вид,— писал Фрейсинэ,— что не желает оказывать давление на своих министров, чтобы не освобождать их от ответственности. Когда в совете министров выдвигалось предложение, он старался не высказываться ни за, ни против. Он хладнокровно позволял дискуссии идти своим чередом, из-за чего могло показаться, что он вообще не следит за ходом обсуждения. Если он был согласен, то просто кивал или делал знак, но воздерживался от каких-либо комментариев. Если же он был против, то как бы просыпался перед самым голосованием со словами: „Вы, господа, конечно, отдаете себе отчет, какую ненависть к вам это может вызвать" Затем он с деланным безразличием начинал перечислять возможные опасности, описывая их очень спокойно и уверенно, говоря как человек, не пропустивший ни единого слова в дискуссии. „Но это ваше дело, господа; вы несете за это ответственность. Я упоминаю об этом лишь для того, чтобы проинформировать вас на тот случай, если эти недостатки ускользнули от вашего внимания. Действуйте так, как вам угодно". Зачастую вместо того, чтобы действовать так, как нам угодно, мы откладывали бумаги, весьма смущенные теми соображениями, которые только что услышали, и изменяли проект, а иногда вообще отказывались от него»†. Греви, безусловно, сыграл важную роль в уходе французов из Египта. Сади Карно, его преемник (1887—1894), действуя в иной манере, многое сделал для создания франко-российского альянса, соответствующе выбирая премьеров или настаивая на том, чтобы его премьер-министры назначали министров иностранных дел и военных министров из числа лиц, поддерживавших этот альянс‡. Он меньше вмешивался во внутреннюю политику, которая владела вниманием Греви, но если последний проводил время исключительно в Париже, в гуще политических интриг, то Карно начал практиковать посещение провинций, и его

* *Haikal Y.* La Dissolution de la chambre des députés. 1935. P. 55—61 (диссертация).
† *Freycinet C. de.* Souvenirs 1878—1893. 1913. P. 75—76.
‡ *Danselle A.* Histoire des présidents de la République. 1953. P. 77.

поездки в период буланжистского кризиса явились существенным вкладом в республиканскую пропаганду.

Президент стоял в стороне от политической полемики благодаря сложившейся традиции не упоминать его имя или мнение в парламенте, а также благодаря особой защите, установленной законом о печати* Гамбетта был приговорен к тюремному заключению за речь, призывавшую Мак-Магона принять республиканизм или уйти в отставку; одна газета подверглась судебному преследованию за карикатуру, изображавшую Мак-Магона на коне, с подписью: «Конь выглядит умнее». Как бы то ни было, пример Казимира Перье, являвшегося президентом в 1894–1895 годах, показал, что эта защита была бесполезна без благоприятного общественного мнения. Жеро-Ришар, преследовавшийся в судебном порядке за яростную статью против Казимира Перье, был приговорен к году тюремного заключения, но Париж тотчас же вознес его в парламент и тем дал ему свободу. Жорес, защищавший его в суде, безнаказанно называл президентское окружение гнездом разврата и даже хуже. Министр иностранных дел Аното систематически отказывался советоваться с президентом или показывать ему всю дипломатическую корреспонденцию. Спустя восемь месяцев Перье, заявивший, что он совершенно бессилен и стал пленником и простым церемониймейстером, ушел в отставку. Он был избран после убийства Карно как символ незыблемости порядка, но, как один из богатейших промышленников страны, не был близок народу[†].

После него стали избирать людей не столь высокого положения, символизировавших собой триумф достоинства, пусть и скромного. Каждый мог мечтать повторить их путь. Так, Феликс Фор (1895–1899) был сыном мастера-мебельщика, начал жизнь учеником кожевника, позднее основал в Гавре крупную фирму по импорту кож из Южной Америки и стал депутатом. Но, превратившись в президента, он повел себя даже не как наполеоновский маршал, а как сам император. Он относился к монархам как к равным или даже смотрел на них сверху вниз, страстно полюбил охоту, сделал Рамбуйе своей летней резиденцией и получил прозвище *Le President Soleil*[‡]. Краснобайство снискало ему популярность в народе, поскольку он всегда мог начать свою речь словами: «Я сын рабочего и сам был рабочим...». В действительности же он был буржуа. Его отец женился на племяннице состоятельного виноторговца и спекулянта. Благодаря займу, предоставленному дядей, он основал вторую фабрику в Бове. Фаре был подмастерьем в Амбуазе, но покончил с этим, женившись на дочери мэра города, впоследствии ставшего сенатором[§].

Лубэ (1899–1906) был сыном настоящего крестьянина (хотя и зажиточного); Фальер (1906–1913) был сыном судебного клерка (и мирового судьи) и внуком кузнеца. Оба избрали карьеру

* Статья 26 закона от 29 июля 1881 г.

† *Barral P.* Les Périer dans l'Isère au XIX^e siècle. 1964. P. 163–164.

‡ Президент-солнце (фр.).

§ *Maillard E.* Le Président Félix Faure. 1897.

адвоката, стали мэрами маленьких городов (Монтелимар и Нерак соответственно), занялись политикой и пробивали себе путь наверх, обзаводясь множеством друзей, пока не возглавили сенат* Фор, старый масон (хотя, чтобы угодить женщинам своей семьи, перед смертью он вернулся в лоно церкви), способствовал пересмотру дела Дрейфуса. Умеренный Лубе старался держать под контролем антиклерикализм Комба при решении вопросов об отделении церкви от государства и на протяжении семи лет сохранял за Делькасе портфель министра иностранных дел†

Как бы то ни было, фигура президента все больше отходила на задний план. Феликс Фор говорил: «Меня критикуют за то, что я ничего не делаю; но чего же вы ожидали? Мое положение равно тому, которое занимает королева Англии»‡. Фальер, вступая в должность, заверил кабинет в том, что никогда не будет преследовать собственные политические цели, и покорно позволял таким гигантам, как Клемансо, Бриан и Кайо, становиться премьер-министрами§.

Такое ослабление президентской власти начало казаться прискорбным, когда людей стала больше волновать министерская чехарда. Парламентский режим теперь был уже упрочен, опасность прихода к власти диктатора-буланжиста миновала, так что добрые республиканцы могли спокойно раздумывать о том, как бы им с максимальной выгодой использовать пост президента, не опасаясь подвергнуть риску демократию. Пуанкаре, явно считая, что в роли президента он может приобрести большее влияние, чем как премьер-министр, оставил кресло председателя правительства ради Елисейского дворца (1913—1920). Он вовсе не стремился к ревизии конституции: «Прежде чем пересматривать конституцию,— говорил он,— не стоит ли попытаться применить ее? Сперва нам следует использовать возможности, скрытые в конституции 1875 года, и впредь президент республики должен свободно осуществлять те полномочия, которых его по традиции лишали»**. Приход Пуанкаре на этот пост стимулировался верой в то, что сильный человек может преобразовать его, и некоторое время ему это удавалось. «Я прослежу за тем,— говорил он австрийскому послу,— чтобы мое место [министра иностранных дел] занял человек, который продолжит мою политику. Все будет так, как будто я остаюсь в министерстве иностранных дел»††. Несколько лет проведение внешней политики в основном оставалось в его руках. Когда он и новый премьер-министр Вивиани посетили Санкт-Петербург в 1914 году, во всех дискуссиях инициативу проявлял Пуанкаре, часто оставляя Вивиани на заднем плане‡‡. «В работу совета министров он [Пуанкаре] вмешивался постоянно и властно, поскольку ни Вивиани, ни Бриан не умели эффективно вести заседания», а также потому, что он много работал и был информирован лучше своих

* Анри Авенель показывает Лубе энергичным администратором и «первым мютюэлистом Франции» (из-за его выступлений за создание системы пенсионного обеспечения). Его происхождение было не таким низким, как может показаться. Его отец был мэром Марсана (департамент Дром) в 1844—1848 и 1860—1882 гг., а сам Лубе унаследовал от дяди замок Гриньян (*Avenel H.* Le Président Émile Loubet et ses prédécesseurs. 1905).

† *Combarieu É.* Sept Ans à l'Élysée avec le Président Émile Loubet. 1932. P. 308.

‡ *Poincaré R.* Au Service de la France (1826—1833). Vol. 3. P. 34.

§ *Leyret H.* Le Président de la république: son rôle, ses droits, ses devoirs. 1913. P. 37.

** Высказывания 1898 и 1902 гг., цит. по: *Wright C.* Raymond Poincaré and the French Presidency. 1942. P. 23. См. также: *Poincaré R.* Questions et figures politiques. 1907. P. 78—79, 197.

†† *Poincaré R.* Op. cit. P. 62.

‡‡ *Gallup S. V.* The Political Career of René Viviani. 1965 (диссертация).

министров. Он созывал чиновников, чтобы те осведомляли его напрямую. Он так далеко отошел от скромной президентской роли в совете министров, что участвовал в оживленных спорах, отстаивая свою точку зрения. Однажды он крикнул премьер-министру Бриану: «Вы лжете, сударь!» «Последний бросил свой портфель на стол. Думерг, сидевший между ними, с нелепым пафосом воскликнул: „А как же Франция!?". Наконец, их свели вместе, и они обнялись»*. Это сильно отличалось от собраний кабинета при Греви, но доминирование Пуанкаре продолжалось лишь пока его премьер-министры были слабы или неэффективны. Ситуация в корне изменилась в ноябре 1917 года, когда Клемансо, давший общественности новую надежду на энергичное ведение войны, занял пост премьер-министра. Президент был тотчас же низведен к традиционно незаметному положению. Клемансо игнорировал его письма и советы; министр иностранных дел Пишон выполнял распоряжения премьер-министра, а не президента; на мирной конференции, несмотря на теоретическое право президента вести переговоры, Францию представлял Клемансо. Таким образом, эксперимент Пуанкаре провалился в том отношении, что ему не удалось изменить роль президента надолго. Но он наглядно продемонстрировал возможности этой должности, и этого оказалось достаточно как для того, чтобы Клемансо решил баллотироваться в президенты в 1920 году, так и для того, чтобы парламент не допустил этого.

Избранный вместо него элегантный Дешанель долго готовился стать президентом республики. Двенадцать лет он был беспристрастным председателем палаты депутатов. Всю жизнь он отказывался вступать в какие-либо парламентские группы (он был поклонником тори, но ничего не делал для создания подобной партии во Франции) и отклонял все предложения об участии в кабинете. Он был одним из множества политиков, написавших книгу в честь Ламартина, сочетанию литературной и политической славы которого он стремился подражать: для него политика была едва ли не областью литературы или риторики. Он желал, как и Пуанкаре, восстановить влияние президента. «Это конституционная ересь,— говорил он,— считать президента республики инертным винтиком или кем-то подобным конституционному монарху. Избранный руководитель не может быть, словно наследный принц, безучастным арбитром между партиями» Он должен давать «действенный совет» премьер-министру†. Из-за слабого здоровья Дешанелю пришлось уйти в отставку через восемь месяцев (он проработал с февраля по сентябрь 1920 года), но Мильеран (1920–1924) продолжил его кампанию и пошел гораздо дальше предшественника. Он потребовал пересмотра конституции, укрепления власти президента посредством принятия нового законодательства. Мильеран, пересевший, как и Пуанка-

* *Wright.* Op. cit. P. 162 (сноска), 164.
† *Sonolet L.* La Vie et l'œuvre de Paul Deschanel 1852–1922. 1926. P. 136–139, 276; *Deschanel P.* La République nouvelle. 1898; *Idem.* La Décentralisation. 1895; *Malhaviu R.* La Politique nationale de Deschanel. 1925.

ре, в кресло президента из премьерского, постарался сохранить свой кабинет, формально возглавленный Легом, чтобы одновременно быть премьер-министром и президентом. Когда это ему не удалось, он продолжил активно вмешиваться в повседневную работу правительства, одновременно произнося речи в защиту пересмотра конституции. В ходе выборов 1924 года он открыто выступил против левых. Он был противником самого парламентского правления, говоря, что палата узурпировала верховную власть, которая принадлежит народу, что необходимы сильные президент и верховный суд для осуществления контроля за палатой. Он хотел, чтобы право роспуска парламента использовалось чаще и чтобы вернулись в практику плебисциты. Парламентские лидеры отомстили ему отказом формировать кабинет, пока он остается президентом. Ему пришлось уйти в отставку*

Однако даже этот кризис не ослабил положения президента. Гастон Думерг (1924—1931), как говорят, вмешивался в политику больше, чем любой другой президент со времен Греви, что удавалось ему благодаря огромному такту, равно как и знанию парламентского мирка. Скромное происхождение и свойственное южанам добродушие сделали его столь же популярным среди масс, сколь влиятельным делал его политический талант. Когда уже после ухода в отставку его в 1934 году попросили стать премьер-министром и спасти республику после скандала со Стависким†, он предложил изменить конституцию и дать президенту право роспуска [парламента] без согласия сената. Это ни к чему не привело, поскольку он внес это предложение слишком поздно, уже после завершения кризиса, хотя мог бы сделать его условием принятия должности.

В последние годы республики статус президента вновь подвергся умалению. Председатель сената Поль Думер (1931—1932), сын железнодорожника, был избран, чтобы не позволить занять этот пост Бриану. Он был трудолюбив, но слишком высокоморален и замкнут, чтобы приобрести большое влияние; как бы то ни было, через год он был убит русским сумасшедшим‡. Альбер Лебрен (1932—1940) — очередной председатель сената, крестьянского происхождения, деятельный и добросовестный выходец из Лотарингии, выпускник École polytechnique — серьезно относился к своим обязанностям. Он гордился тем, что читал все документы, прежде чем подписать их, и часто добивался внесения поправок в правительственные декреты (которые становились все многочисленнее)§. Он рассматривал возможность ухода в отставку после выборов 1936 года, поскольку резко осуждал действия Народного фронта, но решил остаться, чтобы «обуздать его произвол» и не допустить избрания президентом социалиста, однако в действительности он не имел большого влияния. Только во время кризиса 1940 года, когда кабинет разрывали внутренние

* *Magnien J.* Alexandre Millerand (неопубликованные воспоминания).

† Ставиский Александр (1886—1934) — русский эмигрант, делец, в начале 1930-х гг. пользовавшийся покровительством в правительственных кругах Франции. Выпустил через ссудно-закладной банк г. Байонны денежные обязательства на сумму около 40 миллионов франков под залог драгоценностей. В декабре 1933 г. обнаружилось, что эти драгоценности частью краденые, частью фальшивые. Разразился грандиозный скандал, возникло так называемое «дело Ставиского». По официальной версии, в январе 1934 г. в момент ареста застрелился, но многие не поверили в это сообщение, подозревая убийство. Правые антиреспубликанские силы воспользовались скандалом и в феврале 1934 г. устроили мощную антиправительственную демонстрацию, вылившуюся в попытку фашистского путча.

‡ *Bastid P.* Douner // Revue Politique et Parlementaire. 1934. Dec.

§ *Brune D* Du pouvoir réglementaire du chef de l'État. 1898. P. 98 (диссертация).

противоречия, его роль вновь стала исключительно важной. Его пример хорошо иллюстрирует то, что положение президента в системе управления сильно зависело от его личности и от того, как функционировали другие конституционные органы. Часто повторяемое утверждение, что этот пост после 1877 года утратил все свое значение, весьма обманчиво*.

Еще одной силой, с которой приходилось бороться депутатам, был государственный аппарат. Степень его послушности парламентариям опять-таки сильно варьировалась. Влиятельный депутат благодаря усердному лоббированию мог добиться назначения в свой избирательный округ удобных ему префекта, заместителя префекта и чиновников, а если он был достаточно активен, то мог сохранить в своих руках связи, определявшие их влияние и продвижение по службе. Однако государственные чиновники неизбежно пропитывались кастовым духом. Префекты Третьей республики менее заметны, чем префекты Второй империи, отчасти потому, что их деятельность была менее театральной, но также и потому, что их деятельность не так подробно изучали. Они в действительности принадлежали к двум видам. Некоторые принимали эту сравнительно подчиненную роль в политической системе, рассматривая себя как управленцев, и добивались надежности своего положения, чтобы не уступать в этом всем остальным государственным служащим. Однако редко отмечают, что многие из них сожалели о днях неограниченной власти, которой они обладали при прежних режимах. В 1907 году префекты создали ассоциацию для защиты собственных интересов, главной темой обсуждения в которой был их престиж. В каждом поколении префектов был контингент тех, кто жаловался на уменьшение своей власти по сравнению с предшественниками. Некоторые презирали прочность положения и утверждали, что их роль должна быть в первую очередь политической, и чем с большим риском она связана, тем большего они могут достичь. Они сохраняли атрибуты, придававшие им статус харизматических представителей национальной власти: имели роскошные резиденции, а от социального окружения требовали сохранения дистанции и почтения. Такие префекты утверждали, что отличаются от других бюрократов, поскольку их занятие связано с умением обращаться с людьми. Нет сомнения в том, что хотя они уже не могли единолично руководить выборами, связанная с ними деятельность по-прежнему была одним из главных их занятий и ее успешное осуществление играло большую роль в продвижении по службе. Бриссон в 1898 году уволил десять префектов, поскольку считал, что они отрицательно относятся к его политическому курсу; Комб в 1904 году уволил восьмерых; Эррио также уволил восьмерых после выборов 1924 года и поменял местами более трети всего

* *Lebrun A.* Témoi 1945 P 223–257

корпуса. Комб ввел практику мягкого отношения к уволенным префектам, которым подыскивались прибыльные синекуры; его сын Эдгар, бывший префектом и занимавшийся этими вопросами в качестве генерального секретаря министерства внутренних дел, стал после окончания карьеры директором лечебницы для душевнобольных в Вильжюиф.

Есть интересная книга, описывающая двусмысленное положение префектов (ее автор принадлежал к числу друзей Гамбетты). Автор сам служил префектом и страстно желал восстановления их статуса как «высших правительственных функционеров»; его приводило в ярость то, что в официальных перечнях по порядку старшинства он мог найти свое имя только после епископов, адмиралов и судей. (Ассоциация префектов прямо высказывалась за более частое, почти автоматическое награждение префектов знаками отличия.) Автора возмущало, что своим правом бесплатного проезда он обязан железнодорожной компании, а не государству. Он сетовал на то, что влияние префекта сильно зависело от его личной популярности и такта, поскольку он потерял контроль за мэрами. (Это отчасти компенсировала система *délégués**, назначаемых префектом в деревнях, мэры которых были настроены против него: по ее каналам он оказывал все благодеяния и так вербовал сторонников.) Ему приходилось прилагать большие усилия, чтобы заручиться поддержкой мэров, проявляя к ним дружелюбие, но, с другой стороны, если он становился слишком популярен, ему начинали завидовать местные депутаты. Они кляузничали министру, который и без того был склонен стравливать префекта и его заместителя. Поэтому следовало быть очень осторожным, составляя и отправляя документы в Париж, и ни в коем случае не показывать их заместителю. Когда префект переводился из одного департамента в другой, то обычно забирал с собой все накопившиеся личные и политические документы, в результате чего приемнику приходилось все начинать с нуля, выясняя расклад местных сил. Хотя префект потерял контроль за мэрами, он все еще назначал школьных учителей, которые часто исполняли обязанности секретарей муниципальных советов и в силу этого являлись бесценными инструментами. Но учитель назначался по представлению инспектора Академии; управление системой образования приобретало все больше независимости от власти префекта, а ее штаб-квартира в Париже всячески поддерживала инспекторов, а отнюдь не префектов. «Не будет преувеличением сказать, что самые большие затруднения, с которыми может столкнуться префект, исходят от инспектора Академии, поддерживаемого ректором, располагающим полной поддержкой в министерстве». Учителя знали, что продвижением по службе они обязаны инспекторам, и хотя большинство из них были республиканцами, министерство, желавшее видеть университет вне

* Уполномоченные (фр.).

политики, выглядело реакционным, поскольку проводило собственную линию вместо оказания систематической помощи префекту в его попытках «республиканизировать» свой департамент.

Идея объединенной партии, получающей контроль за всей страной, слишком проста. Государственный аппарат был очень разнороден. Кроме духовенства, у префекта часто возникали проблемы с многочисленными чиновниками из министерства финансов, пользовавшихся репутацией исключительных консерваторов. Управление регистрации и оформления документов этого министерства считалось «пристанищем всего самого клерикального и иезуитского, что есть в администрации, и если префект, известный своими стойкими республиканскими убеждениями, объявит чиновника этого отдела реакционером, последний почти наверняка получит немедленное повышение по службе». Министерство юстиции было более политически сознательным, так что префекты могли влиять на назначение мировых судей, хотя и те часто оказывались консерваторами. Амбиции префектов вызывали яростное сопротивление. Либералы объявляли их мастодонтами Старого порядка и Империи. «Как и их предшественники,— писал Гастон Жезе в 1911 году,— префекты XX века являются естественными врагами политических свобод». Чиновники более старых ветвей администрации, таких как юстиции и финансов, гордились традициями своей службы и ценили престиж, который, как они чувствовали, был унаследован ими от деятелей старой монархии, покупавших посты и так получавших дворянские титулы. Это вновь демонстрирует оборотную сторону республиканского режима, оказавшуюся до некоторой степени в тени ораторского красноречия. Старое авторитарное государство пережило революцию. Депутаты представляли свободу, но когда они становились министрами, то без колебаний поддерживали его мощь. Республика рядилась в либеральные одежды, но были основания подозревать, что она является все тем же наполеоновским государством, не претерпевшим фундаментальных изменений. То, что видели в ней депутаты, требует очень пристального исследования. При изучении Третьей республики было бы огромной ошибкой принимать риторику за чистую монету и верить, что политики, нападавшие друг на друга, становились врагами именно по тем причинам, о которых они говорили вслух, а иногда неверно даже считать, что они вообще были врагами*.

* *Monteil E.* L'Administration de la République 1893; *Siwek-Pouydesseau J.* Le Corps préfectoral sous la troisième et la quatrième République. 1969; *Chardon H.* Le Pouvoir administratif. 1910; *Joly H.* De la corruption de nos institutions. 1903.

* Серый кардинал (фр.).

Глава XX ОППОРТУНИЗМ

Дать определение республиканизму не просто, потому что в разных контекстах он получал разное значение. Любой вывод будет расплывчатым или невнятным, если не разграничить по крайней мере четыре его типа. На уровне масс республиканизм был тесно связан со старыми традициями, предрассудками, соперничеством, которое иногда уходило своими корнями в далекое прошлое, но в основном обострилось и ожесточилось в результате Революции и связанной с ней борьбой. Он отражал развитие общественных отношений, и его происхождение имело мало общего с доктринами, провозглашавшимися в Париже, хотя эти доктрины иногда использовались для того, чтобы подвести базу под личную, семейную и местную вражду. На более высоком уровне профессиональные политики рассматривали республику как защиту личности от государства, как средство общественного роста и как инструмент освобождения местных сообществ от традиционных деспотов. Но, становясь необходимыми для обеспечения этой защиты и освобождения посредниками, они оказывались в положении купцов или лавочников такой политической системы. Они обретали власть, придававшую им некоторые черты нового господствующего класса, но, считаясь спекулянтами, становились уязвимыми для проявлений зависти и презрения. Таким образом, для них республиканизм был панацеей и образом жизни, идеалом равенства и источником господства. Существовали трения между ними и массами с одной стороны, и правительством — с другой. Республиканизм министров, которых они приводили к власти, был третьим видом. Министры исходили больше из национальных, нежели местных соображений. Они унаследовали контроль за чрезвычайно мощным государством. Для них республиканизм означал не защиту отдельной личности, а порядок, единство, славу, а все это требовало жертв со стороны индивидов во имя высоких принципов. Наконец, на четвертом уровне республиканизм приобретал своих философов, вырабатывавших эти принципы. Они, конечно же, не всегда имели связь с действительностью,

часто впадали в заблуждения; они идеализировали революцию, скрывая ее недостатки и подчеркивая разногласия, которые были скорее теоретическими, нежели реальными. Именно из взаимодействия этих четырех элементов следует строить общую картину республиканизма. В предыдущих главах обсуждались народные истоки республиканизма и роль в нем депутатов. В данной главе будет исследоваться роль министров с целью выяснения, как и в какой мере они пытались реорганизовать государство или изменить экономические и общественные отношения. Рассмотрение их карьер поможет определить границы республиканизма, те рамки, за которые он не переступал, и то, насколько он был склонен сохранять наследие прошлого. Станет видно, что некоторыми из наиболее важных составляющих республиканизма были те, что стремились укрепить традиционные силы, ценности или мифы. Но мы увидим также, что усилия в этом направлении не всегда подкреплялись требованиями народа. Когда республиканцы пришли к власти, то уже так сроднились с предрассудками, внушенными многими столетиями монархического строя, что зачастую не желали отказываться от них. Итак, внутри республиканизма существовало фундаментальное противоречие между тем, чем он являлся в оппозиции, и тем, чем он стал у власти. Это объясняется не столько честолюбием и властолюбием отдельных лиц, сколько господством глубоко укоренившихся интеллектуальных традиций. Республиканцы желали разрушить государство, когда были в оппозиции, и укрепить его, когда попадали в правительство. Изучение жизни и идей некоторых из ведущих министров поможет понять, как и почему это происходило и почему, считая себя выразителями и защитниками народной воли, они так часто, почти неизбежно, оказывались беспомощными.

Адольф Тьер (1797–1873) был человеком, не меньше других сделавшим для установления Третьей республики, хотя и никогда не являвшимся республиканцем. Тьер был одним из самых проницательных мастеров политической игры во Франции XIX века. Он исполнил ведущую роль в установлении Июльской монархии в 1830 году, в избрании Луи Наполеона президентом в 1848 году, в разгроме Коммуны и основании режима 1871 года. Он производил впечатление непревзойденной ясности ума. Говорили, что нет такого предмета, сколь угодно сложного, которого он не мог бы понять. Безусловно, он мог оставлять такое впечатление: имея твердые убеждения по всем вопросам, он был одним из лучших ораторов своего времени и обладал даром убеждения. Его способности к руководству людьми были безграничны, неисчерпаемая энергия, хладнокровие, упорство и решительность делали его непотопляемым. Ему было только 33 года, когда он вознес к власти Луи-Филиппа, в 35 он стал министром внутренних дел, в 36 — членом Французской академии, а все-

могущим государственным деятелем он стал, еще не достигнув шестидесяти лет. Его растущее влияние отчасти было следствием того, что он соглашался принимать только верховную власть, поэтому редко оказывался в составе правительства, однако подвизался в роли *éminence gris** для нескольких поколений. Его происхождение было незнатным; ростом он был пять футов два дюйма; зарабатывать себе на жизнь он мог только своим умом. Тьер сделался одним из самых поразительных примеров человека, выбившегося из низов. Он извлекал выгоду из престижа, который давал ему этот статус, но быстро влился в правящий класс и стал президентом одной из самых прибыльных фирм Франции — Anzin Mine Company. Он также пользовался независимым положением, будучи одним из наиболее широко читаемых историков страны в тот период, когда история была едва ли не ветвью политической философии.

Его значение в перспективе можно усмотреть в том, что он унаследовал некоторые важные предрассудки начала XIX века и использовал свое доминирующее положение в политике для того, чтобы сохранить и укрепить их вопреки новым тенденциям. Основанная им республика являлась препятствием для них не в меньшей степени, чем для чего-либо другого. Его пример особенно хорошо позволяет понять, что общего было у тех различных режимов, которые он по очереди защищал. Тьер служил Луи-Филиппу, но чаще с ним ссорился. «Я не называю себя орлеанистом,— говорил он.— Орлеанисты не имеют права рассчитывать на меня; они всегда докучали мне, а я выступал против них. Я с рождения принадлежу народу... По воспитанию я аристократ. Я не симпатизирую буржуазии или какой бы то ни было системе, под знаменами которой она правит»† Его пример показывает, как трудно было какому-либо конкретному режиму рассчитывать на постоянную лояльность и как часто приверженность режиму оказывалась ярлыком, который скорее навешивался оппонентами, нежели принимался сознательно. На примере Тьера видно, как орлеанисты, бонапартисты и республиканцы, каждые по-своему, пытались черпать силу из своих народных источников и как они отвращались от них в пользу аристократии или олигархии. Будь его воля, сказал Тьер однажды, он усадил бы членов Кобургской семьи на троны всех европейских стран. Его идеалом была конституционная монархия, при которой власть находилась бы в руках премьер-министра. Нация была носителем верховной власти, но лишь теоретически, в том смысле, что она не обязана выносить решения по всем вопросам, а должна оставлять их на усмотрение своих представителей в парламенте. В 1850 году он пытался отменить наделение избирательным правом всех взрослых мужчин и испытывал лишь презрение к «подлой толпе» (эта фраза, заметьте, оттолкнула от него лишь

ничтожное меньшинство крайних политических групп). Его главной целью было установление парламентского правления. Вкупе со свободными выборами и личной безопасностью это было тем, чего только могла желать страна.

Тьер испытывал глубокую ненависть к любой форме социализма. В 1848 году он решительно выступил с консервативных позиций в защиту собственности как основы французской цивилизации. Хотя он олицетворял собой триумф достоинства, он также гордился тем, что был допущен в самое сердце правящего класса, и не желал преуменьшать его мощь. Он перенял традиционный пессимизм касательно возможности каких-либо коренных перемен и скептицизм в отношении реформ. Он соглашался, что существуют пороки, которые правительство должно стараться искоренить, но считал также, что есть пороки, «свойственные человеческой природе, от них людей не способны избавить никакие мыслимые улучшения внутри правительства». Недавно появившиеся железные дороги возбудили его подозрительность, и он считал, что их лучше остерегаться. Несмотря на то, что он входил в число директоров промышленной компании (или именно поэтому), он считал, что шансы на успехи индустриализации невелики. «Провалов гораздо больше, чем достижений, и если [промышленность Франции] создала весьма значительное число состояний средней величины, то лишь немногие заработали на ней очень большие средства, которые к тому же были бы надежно защищены от серьезных кризисов». Даже если фирма преуспевала, это достигалось только разорением нескольких конкурентов. Ассоциации рабочих не имели ни малейшего шанса добиться бóльших успехов, чем капиталистические фирмы. Его рецепт требовал защиты от иностранной конкуренции*

Тьер понимал, что эта программа не вызовет энтузиазма масс. «То, что мы делаем в Париже,— говорил он,— то, что мы говорим в парламенте, не оказывает влияния на страну. Но когда страна узнает, что предстоит сражаться... и что она победила... это волнует детей и заставляет плакать женщин. Слишком ли это много — потратить 60 миллионов, чтобы сохранить остатки морального духа и бескорыстных страстей и не дать Франции сгрудиться вокруг грелки для ног?» Национальная слава была неотъемлемым условием существования парламентского правительства и его «символом веры». Наполеон I был «человеком, внушившим Франции самые сильные чувства, которые она когда-либо переживала». Тьер прославлял гений императора, которым он искренне восхищался. Если у него и был образец, то им был первый консул. Единственное, что он не мог простить Наполеону III, было то, что тот позволил Германии превзойти и затмить Францию в Европе. Тьер был бонапартистом еще и потому, что боялся смуты. Мятежи 1848 года наполнили его, как он говорил, гневом,

* *Thiers A.* De la propriété. 1848. 192–204, 241, 363.

и в 1871 году, когда «власть толпы», которую он ненавидел больше всего, выглядела угрожающей, он показал, как беспощаден может быть при ее подавлении*

Тьер не случайно был призван в 1871 году, среди ужасов национального поражения, в качестве спасителя страны. В результате его пребывания на посту институты режима навсегда приобрели клеймо консервативных. Во-первых, Тьер повторил репрессии, направленные на подавление рабочих волнений, уже проведенные им ранее в 1830-х и в 1848 году; он в самом деле считал, что Коммуна дает возможность избавиться от этой опасности раз и навсегда. Он добился успеха, но ценой гражданской войны. Последствием этого едва не стало исключение части общества из числа полноправных членов нации. Провинции победили Париж, но в результате он навсегда стал враждебен режиму. Централизация была сохранена, но теперь она олицетворяла собой господство не парижан, а провинциалов, которые преуспели и увенчали свой триумф захватом государственной машины. Провал Коммуны означал, что методы прежнего режима живы, защищенные и взятые на вооружение провинциалами, так долго страдавшими от них. Тьер был одним из самых ярых сторонников централизации. Он делал все возможное, чтобы не дать роялистам укрепить власть муниципальных и департаментских советов, и ему удалось сохранить за префектами право назначать мэров крупных городов. Созданная Тьером республика была, таким образом, наделена институтами Наполеона I, его героя.

Это еще лучше видно на примере военной системы, которая после 1871 года представляла большую проблему. Здесь Тьер также придерживался весьма консервативных взглядов, предпочитая профессиональную армию, которую считал необходимым фундаментом престижа Франции. Именно по его настоянию Франция не последовала за Германией в устроении армии на основе воинской повинности. Он хотел, чтобы солдаты служили семь лет: реформаторы требовали всеобщего призыва на три года. Был достигнут компромисс — пять лет, что означало, что призываться будут не все. Демократизации армии избежали; она все больше становилась оплотом консерватизма и сопротивления. Ее «республиканизация» оставалась проблемой еще несколько десятилетий.

Помимо прочего, именно Тьер не допустил реформы старой налоговой системы. Он заслужил широкое одобрение тем, что быстро изыскал средства для выплаты репараций победившим немцам, но решительно отказывался ввести подоходный налог для покрытия правительственных расходов. Он предпочитал повышать существовавшие налоги (пусть даже их раскладка по социальным слоям не была равномерной), нежели вводить новые. Тьер оказал помощь финансисту Луи-Филиппу в 1830 году и никогда не менял приобретенных тогда взглядов; опыт Реставрации

* О его «гневе» см. копию письма Тьера герцогу д'Омалю, написанного 6 января 1861 г. (Bibliothique Nationale, N. a. f. 20618, f. 597).

он рассматривал как доказательство правильности денежной системы Наполеона I. Франция, считал он, должна сохранять институты, сделавшие ее великой. Он противился желанию Второй империи обложить налогами новые формы богатства и полагал, что правительствам следует сокращать государственный долг, а не вводить новые налоги. Именно он в 1870-х годах спас рантье*

Отношение Гамбетты к государству и его институтам отличалось не настолько радикально, как можно предположить, зная, что этот человек считался олицетворением народной воли. Будучи одним из главных основателей республики, он возглавлял правительство всего три месяца. На закате своей карьеры он сталкивался со страхом или недоверием главарей режима, для которых он так много сделал. Гамбетта начал свою жизнь как крайний радикал, а закончил умеренным оппортунистом, утверждавшим, что компромисс — это существо политики. Вокруг него возникло множество мифов, и о нем, пожалуй, написано больше агиографических сочинений, чем о любом другом политике его времени. Существовало даже «Общество Гамбетты», основанное в 1905 году для почитания его памяти в духе поклонения герою. Ему сложно давать оценку, поскольку своей популярностью он был обязан отчасти личным качествам, в том числе особому пленительному обаянию, которое из-за его ранней смерти врезалось в память многочисленных друзей и которому последующие поколения оказывали мистическое почитание.

В физическом плане Гамбетта одновременно отталкивал и притягивал. Сам он называл себя некрасивым. Он был груб и неряшлив, имел стеклянный глаз и, по-видимому, страдал от сифилиса. Здоровье его было слабым: в конце жизни он растолстел и приобрел красный цвет лица. Но он был исключительно доступен, обладал мягкой и искренней улыбкой, простыми манерами, низким, но бархатистым голосом; еще он умел замечательно говорить. Его речам не хватало оригинальности, гармонии или классического совершенства, тщательно культивируемого его лучше образованными коллегами, они полны повторов и банальностей, но они захватывали внимание массовой аудитории своей чрезвычайной откровенностью и увлеченностью. Гамбетта не скупился на жесты и не выбирал подходящий момент, чтобы продемонстрировать воодушевление, как делали те, кто прошел адвокатскую школу; он готовил лишь первую и последнюю фразы своей речи, но между ними позволял чувствам полностью овладевать собой. Его выступления не столько впечатляли, сколько трогали слушателей. В нем не было высокомерия. Приобретение друзей было едва ли не его страстью. Ему особенно хорошо удавалось воодушевлять и поддерживать молодых людей, впервые появлявшихся на публике, проявляя к ним дружелюбие и искренний интерес,

* *Schnerb R.* La Politique fiscale de Thiers // Revue Historique. 1949. 201. P. 186–212; 1950. 202. P. 184–220. Самую полную библиографию Тьера см : *Malo H.* Thiers. 1932.

которые покоряли сердца. Он находил время для всей своей общественной деятельности, потому что очень мало спал, до зари бодрствуя за беседой и картами, но вставая уже в семь утра. Гамбетта сочетал огромную работоспособность с глубоко укоренившейся ленью, и поэтому периоды напряженной работы чередовались у него с бездельем. Он был представителем богемы, холостяком, иностранцем, парвеню, поэтому его никогда не ограничивали традиции какого-либо конкретного класса. Его отец был итальянским бакалейщиком, поселившимся в Кагоре. Гамбетте нелегко далось собственное образование; в школе он был посредственным учеником и позднее столкнулся с определенными трудностями при получении степени доктора права; он не был особенно начитан, хотя хорошо запоминал некоторые вещи и мог наизусть цитировать целые страницы Рабле.

Друзья, которых он собрал вокруг себя, были подобны ему: в основном незнатного происхождения, пережившие разнообразные неудачи и нашедшие в политике оправдание, цель, а также средство существования. Они составляли новый класс людей, живших политикой и не имевших личных доходов, которые позволили бы им уйти на пенсию. Сам Гамбетта жил с тетей в убогой квартире, пока не переехал в роскошную резиденцию председателя палаты депутатов; он приобрел небольшой дом лишь в 1878 году и другой собственности не имел. Спуллер, которого Гамбетта называл своим верным Ахатом* и которого сделал своим заместителем в министерстве иностранных дел, был сиротой, происходил из семьи крестьян немецкого происхождения, также столкнулся с большими трудностями при обучении на юриста, затем кое-как сводил концы с концами, живя литературным трудом и снимая каморку на чердаке. Эжен Этьен был в этом кругу еще одним сиротой, начинал продавцом в магазине и лишь позже получил наследство в Алжире. Делькасе был парвеню и постоянно проваливал экзамены, работал младшим учителем, пока политика не подняла его вверх по социальной лестнице, а удачный брак не сделал богатым. Шальмель-Лакур происходил из разорившейся буржуазной семьи; он один из немногих в этой компании получил хорошее образование в Эколь Нормаль, но приход к власти Наполеона III оставил его без работы. Он питал глубокое отвращение к классу, из которого вышел, но который отверг его, и находил утешение в философии Шопенгауэра. Некоторые из сторонников Гамбетты пытались преуспеть на адвокатском поприще, но безуспешно. Немногие из них имели связи в провинции, не говоря уже о собственности: они были *deracinés*†, одинокими искателями счастья в Париже. В основном они были холостяками или состояли в незаконных браках. Сам Гамбетта жил с Леони Леон, женщиной смешанного негритянско-еврейского происхождения, воспитанной в приюте и уже в детстве оставшейся

* Ахат — друг Энея, герой «Энеиды» Вергилия.— *Прим. ред.*

† Переселенцы; люди, не имеющие корней (фр.).

сиротой, а еще до встречи с Гамбеттой успевшей побыть любовницей главного инспектора полиции при Наполеоне III. Шальмель жил с замужней женщиной, что омрачало его жизнь. Не случайно они дружно поддерживали закон о разводе. У них не было семейной жизни, которая бы их отвлекала, хотя страсть Гамбетты к любовнице изрядно отвлекала его, когда он оказался у власти. Они нуждались в компании друг друга и жили, относясь друг к другу с неизменной дружественностью и постоянно споря, в среднем возрасте сохраняя интимный дух студенческой компании.

Эти люди отчаянно нуждались в надежде и поэтому старались дать ее другим — тем, кто сражался с невзгодами, тем, кто не сделал карьеру и не получил родительского наследства. Гамбетта был их вдохновителем и героем, обращающимся как к их чувствам, так и к их разуму. Поль Бер (позднее ставший министром образования в правительстве Гамбетты) писал ему: «Вы — человек, которого я люблю сильнее и превыше всех». Дионис Ординэр (который будет издавать для него газету) писал после того, как услышал его речь: «Вы заставили меня кричать от любви и восхищения». Говорили, что для Спуллера общество Гамбетты заменяло материнское молоко. «Когда Гамбетта говорил, то Спуллер закрывал глаза, чтобы лучше прочувствовать слова. Все его мысли исходили от Гамбетты»*

Гамбетта сделался представителем этих парвеню, не добившихся полного успеха в жизни, и трактовал республику как форму правления, которая откроет им двери в общество и дорогу к власти. Республика, говорил он, означает пришествие *nouvelles couches sociales*†. Под этим он подразумевал то, что состав правящего класса должен измениться революционным образом. Старая аристократия и богатая буржуазия, сросшаяся с ней, должны уступить дорогу более простым людям, которые постепенно, со времени Революции, обретали уверенность в себе и очень медленно учились пользоваться преимуществами всеобщего избирательного права. Эти новые люди начинали пробивать себе путь в муниципальные советы, а некоторые из них — даже в парламент. Республика должна быть режимом, открытым для всех классов, должна сделать демократию реальной. Гамбетта не призывал к классовой войне, не агитировал рабочих скинуть работодателей, поскольку (исключая некоторые замечания, сделанные ближе к концу жизни) отрицал существование классов во Франции, не говоря уже о непримиримой вражде между ними. Он считал, что все члены общества, содействующие его процветанию,— от капиталиста и торговца до крестьянина,— относятся к одной и той же категории людей, пробивающих себе дорогу в жизни. Он одинаково их защищал, поскольку видел Францию состоящей из «личностей в процессе роста», образующих общественный строй. Он с уважением говорил о буржуа, как о людях,

* *Chastenet J.* Gambetta. 1969; *Wormser G.* Gambetta dans les tempêtes. 1964; *Deschanel P.* Gambetta. 1919; *Reinach J.* La Vie politique de Gambetta. 1919; *Stannard H.* Gambetta and the Foundation of the Third Republic. 1921; *Halévy D., Pillias E.* Lettres de Gambetta. 1938; *Pillias E.* Léonie Léon, amie de Gambetta. 1935; *Cheusi P. B.* La Vie et la mort singulières de Gambetta. 1932; *Krakowski E.* Challemel-Lacour. 1932; *Sorlin P.* Waldeck-Rousseau. 1966. *Adam J.* Nos amitiés politiques. 1908; *Hanotaux G.* Mon temps. 1938. Vol. 2.

† Discours et plaidoyers politiques de M. Gambetta. 1881–1885. Vol. 3. P. 99, 113.

«которые мыслят, работают, накапливают богатство, знают, как его использовать благоразумно, щедро и с пользой для страны», которые образуют «просвещенную, активную и благородную часть нации». Хотя он угрожал богатым подоходным налогом и разрушением их монополий, но стремился сгладить возможные последствия мер, призванных доставить бедноте независимость и досуг. Гамбетта описывал *nouvelles couches* как порождения, во-первых, всеобщего избирательного права, а во-вторых, экономического развития, создавшего новый «мир промышленности, коммерции, науки и искусства... пропитанный духом предприимчивости... составляющей самую суть демократии». Итак, их рамки были размытыми, заключавшими как буржуазию, так и рабочих. К чему стремился Гамбетта, так это к их объединению при помощи собственности. «Собственность, по нашему мнению, является главным признаком грядущего нравственного и материального освобождения индивидуума», — говорил он. Вследствие какого-то недоразумения (воспроизводя миф, распространенный Мишле) он полагал, что 80% населения страны владело какой-либо собственностью, так что стоял лишь вопрос о продолжении движения, которое уже наметилось. Он рассматривал мелких собственников, промышленников и лавочников в качестве хребта *nouvelles couches sociales*. Именно таким людям он желал более активного участия в общественной жизни*.

Его конечной целью, как объяснял один из последователей, было включение этих новых людей без проявления к ним неприязни или пренебрежения в правящий класс, которому нельзя позволять оставаться замкнутым, как при монархии с ее ограничениями избирательного права. Достигнув вершины, они, в свою очередь, должны быть готовы по прошествии времени уступить место молодым, более способным людям. Такова жизнь. Постоянное обновление будет принято, если люди станут рассматривать его как действующий неотвратимо научный закон и перестанут создавать социальные барьеры, препятствующие неизбежной эволюции. В конечном итоге «богатый финансист, который сегодня живет, отгородившись от мира своей внушительной подписью, увидит, как его сын здоровается со ставшим миллионером бакалейщиком, живущим за углом. Народ начнет дружески относиться к торговцам, а аристократы могут почитать себя счастливчиками, если их бывший лакей не запишется на первый танец с мадам маркизой». Вся Франция превратится тогда в один неделимый *couche*†. Гамбетта понимал, что этого невозможно достичь сразу. В частности, он видел, что крестьяне невежественны и предубеждены, многие из них не приемлют ничего, что исходит от города. Он призывал своих сторонников как «старших братьев» идти к крестьянам, вырвать их из тисков безразличия, научить наслаждаться «независимостью ума»‡. Он предвидел

* Ibid. Vol. 4. P. 155–156.

† *Monteil E.* Les Couches sociales. 1880. Эта книга, к которой до сих пор не обращался ни один историк, является, по всей видимости, единственным комментарием к классовой теории Гамбетты, сделанным его сподвижником.

‡ Discours... Vol. 2. P. 27–30; Vol. 5. P. 117.

создание «нерушимого союза тех, кто работает, и тех, кто владеет... альянса пролетариата и буржуазии»*

Гамбетта, таким образом, называл человеческое достоинство, социальное равенство, национальное единство самыми важными целями республиканцев. Их нужно добиваться не обращением к чувствам, как в 1848 году, а более эффективными и позитивными мерами. Военная реформа должна превратить Францию в нацию, готовую к борьбе, а всеобщий патриотизм придет на смену офицерскому снобизму. Точно так же нацию должно сплотить единство школьного образования. «Следует учить тому, что формирует чувство собственного достоинства ученика, что объединяет его с окружающими; необходимо показать ему, что у него есть свое место в коммуне, в департаменте, в стране; следует напоминать ему, что существует нравственное начало, ради которого можно отдать все, пожертвовать всем: жизнью, будущим, семьей. Это начало — Франция». Пока не распространится это гражданское образование, «вас всегда будут преследовать две неизбежные опасности: либо эксплуатация людей интриганами, авантюристами, диктаторами, негодяями, либо что-то еще более страшное — непредсказуемый взрыв возбужденных масс, которыми внезапно овладевает слепая ярость»†.

Цель Гамбетты не была революционной, но он чувствовал обязанность вести войну против одного из главных столпов общества — церкви. Она превратилась в препятствие на пути эмансипации, была враждебна республике и презирала ее законы, а монахи признавали иностранного монарха и воспитывали в своих учениках преданность чуждым идеалам. Гамбетта был атеистом, о чем открыто заявлял, но ссора его произошла не с религией как таковой‡. Его боевой клич «Клерикализм — враг» следует рассматривать в контексте другого девиза, произнесенного Полем Бертом, также атеистом: «Мир кюре, война монаху». Это разделение не было выдержано, поскольку белое духовенство сплотилось для защиты черного и церковь стала грозным и труднопреодолимым препятствием для республиканизма. Гамбетта желал торжества науки над религией, но также проповедовал свободу совести. Образование было слишком важной областью, чтобы оставить ее учителям-обскурантам. Будучи правильно организованным, оно могло предотвратить социальную вражду, классовую ненависть и революцию. «Никто так не подвержен гневу и ненависти, которые непременно рождает бедность, как человек без наследства, страдающий от незнания или непонимания»§. Можно думать, что цель Гамбетты не так уж сильно отличалась от цели церкви, учившей людей безропотно принимать свою долю. Гамбетта никогда не призывал к восстанию против экономического гнета. Он резко отрицал существование «социального вопроса». Были лишь «экономические и промышленные пробле-

* *Charles E.* Théories sociales et politiciens 1870–1898. 1898. P. 52–53.
† Discours... Vol. 2. P. 254.
‡ Ibid. P. 179.
§ Ibid. Vol. 9. P. 376.

мы», действительно разжигавшие соперничество и зависть, но решать их следовало последовательно, поскольку каждая имела свои особенности, коренящиеся в местных условиях и обычаях «Давайте остерегаться утопистов, ибо они, будучи жертвами собственного воображения или невежества, верят в панацею, в формулу, которая осчастливит мир, стоит лишь ее найти. Нет социального рецепта, поскольку нет социального вопроса»* Функция республики состоит лишь в том, чтобы освободить и просветить личность, подготовить ее «к борьбе и победе». Гамбетта верил в объединения, но верил и в конкуренцию. Он старательно подчеркивал: «Под объединениями я не понимаю те их формы, которые узурпируют личность, подавляют и поглощают ее, я считаю правомерными только те объединения, которые оставляют человеку всю полноту его свободной и активной индивидуальности»†. Но те, «кто достиг чего-то», должны вести себя как «старшие братья... инициаторы, покровители, советчики, защитники тех, которые, находясь ниже их, не получили благ образования или наследства, но которые также имеют свои права»‡.

У его честолюбивых замыслов были свои границы. Человеческие сообщества существовали, как он говорил, не для обеспечения счастья, а для установления торжества правосудия. Следует предоставить грядущим поколениям поиск «самых крайних последствий принципа человеческой солидарности»§. Гамбетта даже заявлял, что является консерватором, поскольку охраняет достижения Революции, произошедшей уже почти сто лет назад**. У него не было желания разрушать государство, он, напротив, хотел укрепить его и в почти наполеоновской традиции сделать «двигателем прогресса, защитником всех законных прав и инициатором всех усилий, составляющих национальный гений»††

Гамбетта завоевал свое положение в стране благодаря активной деятельности в 1871 году, когда он был министром внутренних дел и военным министром и организовывал военное и народное сопротивление Пруссии. Он приобрел репутацию вроде той, что была у Карно в период первой революции, хотя его диктаторство и нежелание заключать мир также делали его в глазах многих людей опасным фанатиком. Сам он был избран в Национальное собрание десятью департаментами, но, связав имя своей партии с войной, привел ее к полному поражению. Как бы то ни было, он извлек из этого урок и, поменяв тактику, добился ее победы через шесть лет. Гамбетта проявил себя как политик, обладающий исключительным стратегическим талантом. Сперва он упорно старался избавить республиканизм от репутации источника анархии и революции. Компромисс стал его знаменем Он призывал своих последователей проявлять мудрость, отмечал, что его партия стремится не к установлению в стране власти новой клики, но к ликвидации элитарного правления. Он не был против

вхождения в свой круг прежних бонапартистов и роялистов, готовых забыть прошлое и работать во благо согласия в будущем. Он признавал, что богатые будут играть главную роль в республиканском обществе, поскольку имеют многочисленные преимущества, которые предоставлены им их образованием и состоянием, и стремился не лишить их этих преимуществ, но привлечь на свою сторону, сделать руководителями и освободителями бедных. Он принял Тьера — своего бывшего врага — и охотно заключал союзы с партиями оппонентов, если это шло на благо делу.

Гамбетта, кроме того, был одним из величайших менеджеров предвыборных кампаний во Франции. Вероятно, это он придумал выражение «география выборов», и эту науку он увлеченно изучал. «Всеобщее избирательное право,— говорил он,— самая интересная вещь в общественной жизни Франции»*. К 1874 году у него были огромные карты или таблицы, наглядно показывавшие положение республиканской партии в каждом муниципальном совете страны, причем указывалось имя и профессия каждого сторонника. «Я очень горжусь своим изобретением,— писал он,— поскольку считаю, что ни одно правительство ранее не реализовало и не применяло его»†. Тем не менее, он подчеркивал, что при всеобщем избирательном праве партия может добиться успеха лишь при условии личных связей с избирателями. Всеобщее избирательное право «поможет лишь тем, кто отдает себя ему без передышки и отдыха; [избирателей] следует навещать, просвещать, информировать». Так установились новые стандарты поведения для партийных лидеров: Гамбетта ездил по стране, выступая повсюду и лично знакомясь с местными организаторами и местными условиями. Некоторые смеялись над этим, называя его коммивояжером республики, но метод оказался настолько успешным, что вскоре соперники забеспокоились, ведь его популярность достигла чуть ли не наполеоновских масштабов. Гамбетта организовал республиканские кампании 1876 и 1877 годов, центральными элементами которой были выдвижение кандидатов национального масштаба и упрощение агитационных изданий. Целью всего этого было отстранение роялистов от власти посредством выборов. Гамбетта был сторонником *scrutin de liste*, поскольку считал, что двухпартийная система невозможна в условиях доминирования местных интересов. Он учредил газеты для разработки доктрины и политики республиканцев. «La République Française», субсидируемая сочувствующими предпринимателями, стала не только его официальным органом, но и инструментом теневого кабинета. Каждый из главных его сторонников специализировался на определенной теме, причем ее предписывалось разрабатывать со всей серьезностью и ответственностью, вырабатывая политику, которую они готовы были бы применить‡. Эта газета обращалась к образованным классам. Для народных масс

* Discours... Vol. 9. P. 276.
† *Halévy D., Pillias E.* Lettres de Gambetta. 1938. Lettre 219.
‡ Шальмель, Ранк и Спуллер — внутренние дела, Пруст — внешняя политика, Ален-Таргe — финансы, Фрейсинэ — общественные работы и военные вопросы, Поль Бер — образование, Бертло — наука, доктор Ланлонг — гигиена и медицина, Леон Клери — право.

у Гамбетты были «La Voltaire» и «La Petite Republique», излагавшие информацию более доступным языком, напоминавшим его обращения к широкой аудитории в парламенте и провинциях*

Гамбетта, однако, не олицетворял собой республиканизм, который был слишком разнородным, чтобы принять его лидерство. Состоятельные члены партии, сельские нотабли и преуспевающие профессионалы не любили его грубости, презирали его богемных друзей-выскочек и держались на расстоянии. Греви, президент республики, терпеть его не мог и не допускал в правительство. Члены парламента опасались его амбиций, и не напрасно. Когда он все же стал премьером, то сразу стал испытывать их власть. Он не имел за собой надежного большинства и знал, что не продержится долго, поэтому был не прочь принести себя в жертву. Возник странный контраст между его тактом в оппозиции и неловкостью в правительстве. Границы его возможностей как политика стали очевидны, когда он оказался главой кабинета, и он позволил собственному созданью погубить себя. Пытаясь усилить власть правительства за счет парламента, его министр внутренних дел потребовал, чтобы все просьбы о содействии направлялись депутатам через префектов, которые бы их утверждали. Теперь, когда префектами стали республиканцы, они уже не были врагами и могли быть использованы для укрепления республиканской власти. Гамбетта создавал новые министерства без согласия парламента. Он назначал на должности бывших роялистов и объявил войну всей системе, на которой основывалось влияние депутатов, настаивал на принятии *scrutin de liste* и предлагал сенату сделку, соглашаясь оставить свои реформистские планы взамен на одобрение выборов по спискам. Его обвинили в стремлении установить собственную диктатуру, что выглядело возможным, учитывая его популярность в стране. Фактически он пытался превратить республиканцев в правящую партию, но те привыкли находиться в оппозиции. Важно то, что Гамбетта, приняв портфель министра иностранных дел, сделал восстановление славы Франции своей главной целью†

Когда Гамбетта в возрасте сорока лет умер, его последователи сделали из него глубокого мыслителя, одного из ведущих философов республики. Он действительно иногда заявлял, что в своих действиях руководствуется новейшими идеями времени, открыто называл Конта величайшим мыслителем столетия, себя называл интерпретатором Литтре, восхвалял Прудона и заимствовал его изречение о том, что демократия есть *демопедия* — воспитание народа. Гамбетта отдавал должное позитивизму и науке. Можно также обнаружить у него похвалы Монтескье за пропаганду сбалансированной конституции в противовес народной тирании Руссо, чьи идеи он больше не считал обоснованными. Все это не стоит раздувать. Гамбетта не был доктринером, книги

* *Freycinet C. de.* Souvenirs 1848–1878. 1912. P. 281–282.

† *Reinach J.* Le Ministère Gambetta, histoire et doctrine, 14 novembre 1881–26 janvier 1882. 1884.

оказывали на него ограниченное влияние. Он просто говорил на современном ему языке, подхватывая фразы от окружавших его людей.

Nouvelles couches sociales Гамбетты медленно завоевывали признание и еще медленнее — власть. Никто пока тщательно не изучал муниципальные советы Франции, чтобы иметь возможность проследить, как и когда они проникли в них. Одно исследование, проведенное на примере Бордо (который, конечно, нельзя считать типичным городом), позволяет предположить, что мелкая буржуазия завоевала большинство в его муниципалитете лишь в 1925 году. В 1870-х годах в городе господствовали богатые старые купеческие фамилии, промышленники и крупные собственники, их представители сохраняли за собой от четверти до трети мест вплоть до 1925 года. К 1888 году между классами установилось равновесие, причем богачи, представители среднего класса и мелкая буржуазия имели примерно по трети мест. В 1896 году мелкая буржуазия (то есть мелкие чиновники, ремесленники, лавочники) впервые получили больше мест, чем *moyenne bourgeoisie**; после этого их число постоянно росло, достигнув пика в 1925 году. К этому времени, впрочем, люди, занимавшиеся политикой, были уже не те, что прежде. Простые рабочие уже не баллотировались, их сменили мелкие подрядчики; на смену старым династиям оптовых торговцев пришли более агрессивные нувориши. На этом примере видно, как трудно делать общие выводы, но, по-видимому, хотя эксклюзивный характер политики медленно изживался, его подменяли другие формы, которых Гамбетта не предвидел[†]. В любом случае, не следует преувеличивать влияние интеллектуального содержания программы Гамбетты на электорат. Невозможно доказать, что его крестьянская аудитория все это воспринимала. В 1950-х годах один из ведущих социологов сельской Франции, Анри Мандра, спрашивал крестьян Верхнего Рейна: «Какие социальные слои есть во французском обществе?» Большинство респондентов ответили, что не поняли вопроса[‡].

Таким образом, для людей вроде Гамбетты республика означала братство, но это понятие трансформировалось, когда к нему обращались скорее сверху, нежели снизу. Для Гамбетты оно означало открытие дверей и снятие барьеров. Для Жюля Ферри братство также было главной целью, но он понимал его иначе, рассматривая проблему под другим углом зрения. Он не проявлял столь же сильного, как у Гамбетты, интереса к социальной мобильности. Ферри происходил из чисто буржуазной семьи. В XVII веке его предки были ремесленниками, литейщиками колоколов, но уже его дед — состоятельный владелец мануфактуры по производству черепицы — стал мэром своего родного го-

* Средняя буржуазия (фр.).

† *Herpin J.* Les Milieux dirigeants à Bordeaux sous la Troisième République // Revue Historique de Bordeaux. 1966. Oct.–Dec. P. 145–165.

‡ *Mendras H.* Les Paysans et la modernisation de l'agriculture. 1958. P. 84.

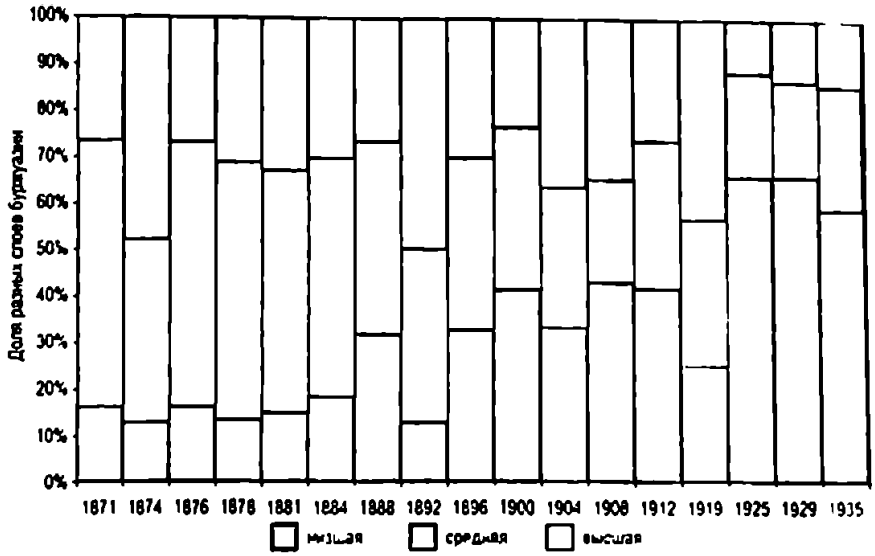


Диаграмма 3 Социальный состав муниципальных советов Бордо в 1871—1935 гг. Доли крупной, средней и мелкой буржуазии

рода и пребывал на этом посту все время Консульства и Империи, а отец стал видным адвокатом и женился на дочери судьи Жюль Ферри уже имел независимые источники дохода. Своим браком он связал себя с прореспубликанской эльзасской промышленной плутократией. Аното запомнил его прежде всего как «буржуа, сына буржуа, воспитанного в истинно буржуазной манере, носившего буржуазный цилиндр, сюртук, бачки на бледном лице, кусавшего ногти, замкнутого, говорившего и слушавшего других с отчужденным видом, путавшего каждого, кто обращался к нему, своим прямым и проницательным взглядом, всегда самоуверенного, категоричного и не желавшего иметь никаких связей с толпой»*. Мать Ферри умерла, когда ему было четыре года, его воспитанием занимался добросовестный и серьезный отец. Есть подозрения (хотя никто никогда исследовал его юношескую психологию), что его рассудочный подход к жизни был следствием резкого подавления эмоций. Для него мир был движим мощными силами и неумолимой эволюцией, перед которой страсти отдельных людей бессильны. Он находил отдушину для своей личности в увлечении живописью, которую изучал четыре года одновременно с подготовкой к адвокатуре; какое-то время он даже подумывал о том, чтобы полностью посвятить себя искусству Однако Ферри был слишком честолюбив, решителен, упрям, чтобы ограничиться этим. Он планировал попасть в Государственный совет, но достиг зрелого возраста уже при Второй империи когда его семья потеряла свое влияние. Так что он стал адвокатом и добился некоторых успехов на этом поприще, хотя и не имел особых к нему способностей. Его талант выстраивать четкую и логичную аргументацию и живость изложения убедительнее проявились в журналистике. Он принял участие в выпуске «Le Temps» (либерально-консервативной газеты), где комментировал последние события, выказывая исключительные способности

* *Hanotaux G.* Mon temps. 1938. Vol 2. P. 178

к ясному анализу, проницательность и беспристрастность суждений. Он приобрел известность благодаря статьям, критиковавшим финансовые злоупотребления при перестройке Парижа, которые затем выпустил отдельным изданием под удачным названием «Фантастические сказки Османа»; в сентябре 1870 года, когда пал бонапартистский режим, он был назначен на место Османа.

Ферри всегда был очень серьезен и старался предвидеть события. Он считал установление братства важной потребностью времени, поскольку прекрасно знал о конфликтах, раздиравших и парализовавших Францию. Он видел, что крестьяне «жаждут прибыли, находятся в изоляции, полны недоверия, тратят жизненные силы на защиту», считая все вокруг опасным для себя: погоду, соседей, незнакомцев и (в первую очередь) полицию. Он оставил юношескую мечту увидеть их «любящими парламентский режим, вырабатывающими вкус к парижской прессе, находящимися в курсе дипломатических событий и готовыми умереть за какую-нибудь хартию. Политика тружеников полей надолго останется местной, узкой, корыстной, робкой. Именно по этой причине всеобщее избирательное право, революционное лишь в отношении заключенных в нем возможностей, является в основе своей не чем иным, как консервативным инструментом»*. Однако решение этих проблем нельзя было пустить на самотек. Вопрос взаимоотношений между богатыми и бедными со временем становился все актуальнее, поскольку разделение труда и капитала усиливалось. Богатства все сильнее концентрировались в руках немногих, появился влиятельный класс предпринимателей. Было бессмысленно пытаться остановить эти процессы: они были неизбежны и с ними нельзя было бороться. В них были свои положительные стороны, ведь они приводили к снижению стоимости производства и, таким образом, способствовали необходимому улучшению жизни народных масс, позволяя рабочим удовлетворять свои справедливые требования большего материального благополучия. И все же власть капиталистов следовало «благоразумно контролировать и уравновешивать». Ферри видел два пути осуществления этого. Во-первых, используя «в отношении капиталистов общественное мнение как нравственный инструмент», а во-вторых, организуя рабочих в профсоюзы с одновременным улучшением образования. Ферри, таким образом, принимал капитализм как «естественный закон», но осуждал принцип невмешательства как «аморальный». Чистый индивидуализм был антиобщественным. Он представлял ценность в качестве средства борьбы с угнетением, защиты независимости, разрушения пережитков Старого порядка, но был неспособен создать что-либо; он лишь приводил к конфликтам на почве эгоизма и являлся отрицанием общественной жизни. Важнейшей проблемой того времени, как полагал Ферри, было национальное и духовное еди-

* Discours et opinions de Jules Ferry. 1893–1898. Vol. 1 P 50.

нение, достижение гармонии несоизмеримых элементов, составлявших Францию, разделенных чуждыми традициями и раздираемых столетием политической борьбы. Он считал, что Франция столкнулась почти с той же проблемой, что и США, которые также пытались выработать национальную идентичность*

Вторая республика пыталась достичь единства с помощью спонтанного эмоционального всплеска сочувствия, пробужденного поэтическими натурами, но Ферри в 1848 году с презрением отверг эту сентиментальность как досадный промах. Поэтому он предпочитал говорить не о братстве, а о способности жить в обществе (sociabilité — более научное понятие) как о своей цели. Он полагал, что два главных врага современной свободной мысли — это мистицизм и интеллектуальное легкомыслие†. Религия не могла больше выполнять свойственную ее ранее функцию; она «безнадежно испорчена», ее «теологические иллюзии» не выдерживают критики. Проповедуемая ею мораль «основывается на эгоистичном соображении, приводящем ее в противоречие с самыми насущными проявлениями современной жизни. Она руководствуется монашеским идеалом, то есть порицает свободу и стремление к процветанию... Массам, для которых жизнь означает свободу и которые желают процветания, она сегодня может дать лишь туманные советы жить в смирении». Религия имела «неоспоримую общественную ценность» в Средние века, поскольку смирение было очень кстати, когда господствовало рабство и угнетение, но современным требованиям она не отвечает.

На мышление Ферри сильно повлияли взгляды Огюста Конта, причем гораздо сильнее, чем на Гамбетту. Ферри был одним из республиканских лидеров, которые не только читали, но и усваивали Конта, будучи познакомлены с позитивизмом одним из его учеников — Деруазеном. Ферри говорил, что принадлежит к «религии Праздников Человечности». Конт стал одним из главных философов республиканского режима, его преподавали в школе, хотя и не в оригинале, а в многочисленных интерпретациях. Ферри не был приверженцем какой-либо из сект последователей Конта (Лаффита, которому обеспечил место в Коллеж-де-Франс, или же Литтре, объявившего себя философским советником республиканцев), он черпал вдохновение из чтения и понимал Конта через призму собственной личности.

Религия человечности означала для Ферри свободу, поскольку она призывала к развитию «способности жить в обществе», которую он считал растущей силой современности. Он имел в виду, что эгоизм, свойственный, по его мнению, христианству, сменялся новым взглядом на жизнь, когда право сильнейших уступало место долгу сильнейших. Теперь человечество представало «не павшей расой, обреченной на страдания первородным грехом и мучительно бредущей по юдоли слез, но как бесконечная

* Статью Ферри, перепечатанную из «La Philosophie positive» (Sept.-Oct. 1867), см.: Discours... Vol. 1. P. 581–588; две его статьи об индустриализме, написанные в 1862 г. для «Revue des Deux Mondes», но неопубликованные, см.: Ibid. Vol. 7. P. 447–535 (ср.: Ibid. Vol. 3. P. 69).

† Discours... Vol. 2. P. 194–195.

шеренга, марширующая вперед к свету». Он ощущал себя «неотъемлемой частью этого огромного Существа, которое не может умереть, этого Человечества, которое постоянно совершенствуется», и верил, что «завоевал полную свободу, поскольку освободился от страха смерти». Следующий этап состоял в том, чтобы осуществить «то слияние классов, которое является целью демократии». Ферри хотел сделать людей равными, но не посредством «абсолютного выравнивания социальных условий, которое сотрет отношения власти и подчинения», а в их правах и достоинстве. Взаимное уважение должно заменить враждебность и презрение. Договоры, дающие обеим сторонам права и обязательства, должны прийти на смену кастовому подавлению. Эта перемена представлялась ему скорее нравственной, нежели экономической. Такое равенство будет недостижимо, пока одни люди получают образование, а другие нет. «Я ручаюсь, что вам не удастся создать из этих двух классов эгалитарную нацию, движимую духом единства и тем братством идей, которое определяет силу истинных демократий, если между этими двумя классами не произошло первого *сближения*, первого слияния, которое вытекает из смешения богатых и бедных детей на школьных скамьях». Он желал, чтобы образование служило созданию единой морали, поэтому он хотел отдать его в руки единого учительского сообщества. Влияние церкви необходимо было устранить. Учителя должны заниматься воспитанием альтруизма, ведь человеческой натуре свойственны как альтруизм, так и эгоизм, а образование — это способ сделать первое чувство доминирующим. Женщины должны получать образование наравне с мужчинами. Ферри читал и цитировал Дж. С. Милля, писавшего на темы их эмансипации. Для достижения равенства, говорил он, нужно искоренить два огромных предрассудка — классовый и сексуальный. Демократия невозможна, пока церковь держит женщин в подчинении. «Тот, кто контролирует женщин, контролирует все, потому что он контролирует и ребенка, и мужа». Женщины должны получать то же образование, что и мужчины. Семья должна быть спаянной, чтобы таковым было общество. С «современной анархией» следует покончить как в доме, так и в работе. Он одобрял планы Кондорсе по вопросу о национальной образовательной системе, которые тот строил во время Великой Революции, и во многом реализовал их, но если целью Кондорсе было счастье, цель Ферри была более конкретной — сплоченность. Когда Жорес попросил его вкратце описать свои устремления, он решительно ответил: «Моя цель — устроить человечество без Бога и короля». Слово «устроить» имело очень большое значение*

В то время как Гамбетта больше всего внимания уделял иностранным делам и избирательной реформе, Ферри предпочитал быть министром образования и занимал этот пост в общей слож-

* *Legrand L.* L'Influence du positivisme dans l'œuvre scolaire de Jules Ferry 1961 P 103–194

ности пятьдесят месяцев* Он заставил режим сосредоточиться на образовании, и его работа коснулась каждой ветви этой системы. Начальное образование было сделано одновременно бесплатным и обязательным; изучение катехизиса в школах было отменено и заменено «гражданским и нравственным образованием», обеспечиваемым учителями, которые стали светскими государственными служащими; каждый департамент должен был учредить педагогический коллеж для подготовки учительниц начальных классов; а для строительства новых школ выделялась государственная помощь. На уровне среднего образования открывались школы для девочек, классический учебный план был изменен с тем, чтобы стимулировать более индивидуальное мышление и устранить зубрежку, гимнастика стала обязательной, была введена военная подготовка. Католические университеты закрывались. Детали этих реформ и их социальные последствия будут рассмотрены в отдельных главах, посвященных развитию образования. С политической точки зрения, однако, они изрядно запутали положение дел.

Вместо того, чтобы утвердить единство, настойчивое требование светского образования и изъятие упоминаний о Боге из гражданских учебников раскололи страну и обострили конфликт между церковью и республикой. Ферри восстановил против себя не только католиков, но и умеренных республиканцев во главе с Жюлем Симоном, а также радикалов во главе с Клемансо: первые считали его действия чрезмерными, а последние — недостаточными. Существовали самые разнообразные мнения по этому деликатному вопросу. Сам Ферри не желал уничтожать религию, поскольку считал, что она погибнет сама; но радикалы не хотели терпеливо ждать, подражая его примеру, и Ферри, учитывая баланс парламентских сил, обязан был воспользоваться их поддержкой. Его надежды на умиротворение не оправдались. Католики, со своей стороны, не могли согласиться с тем, чтобы школа стала нейтральной. На самом деле обе стороны придавали ей большее значение, чем она, как потом оказалось, имела. В XX веке стало ясно, что добродетельные католики могут вырасти и при таком школьном образовании, впитывая религиозный дух от родителей и священников, но потребовалось очень много времени, чтобы это осознали и приняли. Битва была тем более иллюзорной, что Ферри, говоря о внушении молодежи нового морального кодекса, не подразумевал под ним ничего отличного от «старых добрых отеческих нравов», так что его ценности в основном воспроизводили традиционные. В результате это была скорее битва за принципы, нежели реальная борьба интересов, но история последующих пятидесяти лет оказалась сильно испорченной из-за нее. Изгнание религиозных братств оказалось символическим шагом: оно затронуло лишь около 5000 человек, которым

* С февраля 1879 г. по ноябрь 1881 г., с января по август 1882 г., с февраля по ноябрь 1883 г.

вскоре все равно разрешили вернуться; введение бесплатного образования (против которого возражали некоторые католики, считавшие, что образование должно быть скорее моральным долгом родителей, нежели правом детей) не было абсолютным новшеством, поскольку начальное образование уже в основном было бесплатным на большей территории страны; обязательное посещение школы вошло в практику лишь спустя некоторое время, а программы физической подготовки — если о них вообще стоит вспоминать — на практике обернулись фарсом. Реформы Ферри показывают, как министры колебались, чувствуя себя сидящими на вулкане, во всем усматривая предзнаменования и нередко распространяя панику. Несколько приписываемых Ферри законов были на самом деле предложены депутатами, а затем вновь и вновь переделывались обеими палатами, часто в более радикальном духе, чем предполагал министр.

Как гамбеттизм можно рассматривать в качестве протеста парвеню, ферризм иногда интерпретируется как месть со стороны Реформации, поскольку большое число людей вокруг Ферри были протестантами: Фрейсинэ, Уоддингтон, Леон Сэй, Ле Руайер, Жорегиберри, Бюиссон, Пеко, Казо, Стиг, Шерер-Кестнер, не говоря уже о том факте, что сам Ферри и Поль Берт были женаты на протестантках. В другой главе будет показано, как люди, подобные Ренувьеру (один из философов республиканизма), проповедовали протестантизм в качестве средства решения проблем Франции, в качестве пути, соединяющего современность и религию, порядок и свободу, и то, как на антиклерикальное движение воздействовала протестантская мысль. Протестанты во Франции были не только республиканцами, но принадлежали к самым разным партиям. Республиканские лидеры-протестанты почти сплошь были вероотступниками, людьми, которых разочаровал консерватизм собственной секты и которые искали других решений, сохраняя лишь нравственную строгость, заложенную воспитанием. Как бы то ни было, в целом вопрос религии, антиклерикализма и образования очень обширен и не может быть понят лишь в свете идей Ферри, нескольких политиков или даже парламентского законодательства. Можно предложить немало других удачных определений антиклерикализма, назвав его, например, суррогатом военного реванша над Германией, методом сохранения единства республиканцев, способом отвлечения пролетарского недовольства от работодателей. Но антиклерикализм оказался связан со столь многими аспектами жизни, что о его значении следует судить в более широких рамках. Борьба республики против церкви становится тем более запутанной и тем менее открытой, чем пристальнее мы ее рассматриваем.

Ферри не следовало так сильно смущать традиционалистов. Полемика исказила его намерения, даже притом, что исключи-

тельная ясность его речей позволяла ему формулировать принципы своей деятельности гораздо точнее, чем это делал Гамбетта. Ферри оказался наследником старой монархии, охраняя идею сильного централизованного государства. В либеральные дни Второй империи он выступал за децентрализацию, но затем отказался от своих взглядов, заявив, что заблуждался. Он настаивал на том, что правительство республики должно быть сильным, отрицая несовместимость идей власти и прогресса, и осуждал желание преуменьшить власть правительства как находящееся «в полной противоположности с состоянием нашей цивилизации и наших обычаев, а также всех наших традиций». Он считал, что «из-за исторического прошлого, от которого нельзя избавиться росчерком пера», из-за того, что люди «привыкли в силу накопленных веками привычек смотреть вверх и искать высшего руководства», республиканскому правительству, основанному на народной воле, следует взять руководящую роль на себя. Правительству не должны мешать палаты; ему нужно свободно отвечать на чаяния людей, главным из которых, по мнению Ферри, было поддержание порядка: ни народ, ни он сам не желали радикальных преобразований. Ферри заявлял, что стоит на полпути между самодовольным фатализмом и безрассудным утопизмом. Прогрессу не способствуют ни быстрые перемены, ни сила. «Медленное развитие, эволюция, феномен социального роста и трансформации — вот что сначала рождается в мыслях человека, затем переходит в привычку и лишь потом становится законом»* Правительства должны были обеспечить безопасность и стабильность, чтобы могла развертываться эта постепенная эволюция. Непреклонная решимость радикалов сокрушить прошлое, отказавшись от всяких компромиссов, была бесплодна. Следовало принять тот факт, что демократия во Франции должна опираться на крестьян. Ферри считал, что привлечь их на ее сторону будет величайшим достижением. Крестьянская республика не могла быть «ни блестящей, ни афинской», но это был единственный вариант, и он, по его собственным словам, понимал, что крестьяне стали республиканцами в силу того, что были консерваторами†

Ферри верил в возможность соблюдения баланса между государственным вмешательством и свободным предпринимательством. Он принимал капиталистическую систему и писал: «Всякая законная прибыль (а в нашей системе неограниченной свободной конкуренции невозможно сказать, какая прибыль незаконна) является результатом изобретения, усовершенствования, лучшей коммерческой или административной организации... Устранить элемент прибыли в экономической сфере — значит подавить необходимый стимул к прогрессу». В молодости он был фритредером, но поменял свои взгляды и способствовал возвращению к протекционизму. Он полагал, что политическая свобода

* Discours... Vol. 7. P. 53–56.
† Ibid. Vol. 6. P. 170–173, 280; Vol. 1. P. 284–288; Vol. 7. P. 40–42.

является единственным необходимым противовесом промышленной олигархии, порождаемой капитализмом, но также считал, что правительство должно поощрять и в определенной степени субсидировать общества взаимопомощи, сберегательные банки, систему страхования, способные улучшить материальное положение бедноты. В обязанности правительства, говорил он, «конечно, не входит поиск средств немедленного решения» социальных проблем, но хотя его «функции и не являются терапевтическими», среди его обязанностей остается обеспечение «социальной гигиены»* Одной из самых характерных его реформ можно назвать попытку сделать новый светский университет корпорацией, возглавляемой сами профессорами и до некоторой степени независимой как от государства, так и от прочих влияний. Это может напоминать «духовную силу» Конта, но тоже представляло собой компромисс между двумя крайностями.

Ферри был националистом, быть может, скорее в традициях старых монархов, нежели революции. Он настаивал, что Франция не может быть просто свободной страной, как Бельгия или Швейцария, она должна быть великой, «оказывать свое влияние на судьбы Европы, распространяя это влияние на весь мир и неся всюду свой язык, свои обычаи, свой флаг, свое оружие, свой дух»[1]. Помимо деятельности на поприще народного образования, его имя связывают с развитием французской колониальной империи. Первоначально он не отвечал за колониальную экспансию, происходившую в те годы. Чиновники, исследователи, солдаты и матросы, действовавшие по собственной инициативе, несли французский флаг в новые земли. Но Ферри поддержал их во имя чести. Захватить Тунис Гамбетту убедил барон де Курсель, политический директор министерства иностранных дел. Ферри никогда не интересовался колониями и был последним из министров, согласившимся на активные действия. Он не хотел, чтобы это стало прецедентом, и его не без основания обвиняли в том, что он недооценил этот эпизод и французский колониализм после этого уже не оправился: в результате его отступничества Тунис стал для Франции еще одной Мексиканской экспедицией, а французы разделились в своем отношении к колониям не менее резко, чем по другим вопросам. Бразза дал Франции шанс в Центральной Африке, но именно Ферри поддержал его экспедиции, а затем получил европейскую санкцию его захватов на Берлинской конференции. В случае Мадагаскара Ферри убедили действовать в согласии с колонистами близкого Реюньона, которые искали торговых привилегий и ввели Ферри в заблуждение относительно трудностей и перспектив. Он весьма опрометчиво ввязался в войну в Индокитае, чтобы консолидировать приобретения своих предшественников. Лишь впоследствии Ферри выработал неомеркантилистскую доктрину, чтобы оправдать свои действия и

* Ibid. Vol. 6. P. 236.
[1] Ibid. Vol. 5. P. 220.

доказать, что колонии нужны Франции для поддержания экономического роста и политического престижа. В действительности же как Британия приобрела бóльшую часть своей империи в то самое время, когда колонии считались бесполезными, так и Франция приобретала их, когда численность ее населения сокращалась, колониальная торговля была незначительной, а люди не проявляли интереса к заморской экспансии. Ферри утверждал, что Франции нужны рынки. Лишь спустя двадцать лет экономисты поняли, что Франция действительно может использовать колонии, хотя и не в качестве рынков, а как источники сырья*

Именно патриотизм Ферри сделал его империалистом, и в то же время его империализм оттолкнул французских патриотов и погубил его. Своими достижениями он во многом обязан поддержке Бисмарка, который был рад направить энергию Франции подальше от Эльзаса, но реализм Ферри, делавший для него очевидной невозможность реванша, дал повод для обвинений в предательстве. Он стал одним из самых непопулярных людей во Франции. Ни одного политика не оскорбляли так безжалостно с тех пор, как Эмиль Оливье (которым он восхищался в молодости и чью первую жену боготворил) был публично объявлен заслуживающим линчевания. На Ферри совершили два покушения, и радикальная пресса с сожалением называла причиной их провала то, что у него нет сердца, в которое можно было бы попасть. Временное отступление в Тонкине немедленно стало причиной его свержения, но лишь потому, что ненависть к нему приобрела форму «своего рода припадка». В период Коммуны, когда он ввел карточки, ему присвоили позорное прозвище Ферри-Голод, в дальнейшем он был то Ферри—Гонитель Церкви, то Ферри Тонкинский, то Ферри—Лакей Бисмарка, разорявший страну своими иностранными авантюрами. Особенно непопулярен он был в Париже (прибежище множества экстремистов), где не мог показаться на улице, не услышав хулы в свой адрес. Все его попытки защитить себя с помощью газет, купленных им на впечатляющие субсидии капиталистов, но не располагавших даровитыми журналистами, оказались тщетными†.

Его поражение было следствием его образа действий не в меньшей степени, чем политики. Как писал лукавый Фрейсинэ: «Он был слишком уверен в собственном уме и мудрости и стал свысока смотреть на умеренных, напоминая тем Гизо. Парламентский успех, которого он добился, породил в нем тот феномен, который часто встречается у людей, долго находившихся у власти — чувство непогрешимости. Последователи Гамбетты, составлявшие самое твердое ядро его большинства, страдали от такого поведения, имевшего мало общего с их собственными устремлениями. Анафемы, которым он подвергал реформы, вызывали у них беспокойство. Некоторые из них выработали привычку голосовать

* *Pisani-Ferry F.* Ferry et le partage du monde. 1962; *Julien C. A.* Jules Ferry // Les Politiques d'expansion impérialiste. 1949. P. 11–72.

† *Bastien R.* «L'Estafette», le journal de Jules Ferry. 1963 (неопубликованные воспоминания).

вместе с радикалами». Ненависть к нему была отчасти личной, но также стала результатом его высокой компетентности, жертвой которой он пал подобно тому, как Гамбетта пал жертвой собственной популярности. Ферри и сам признавал, что не может считаться представителем масс. Он давно размышлял о том, что перейдет к умеренной политике, как только завершит реформы. К 1885 году он пришел к выводу, что выбора у него нет вообще. Он сожалел о том сектантстве, которое так ожесточило политику. Необходимо было протянуть время, по крайней мере еще четыре года. Его реформы, как он говорил, не были «усвоены» массами, в которых существовало заметное реакционное движение, и это делало невозможным осуществить «великие нововведения»*. Это стало если и не признанием поражения, то осознанием существования барьеров, разделявших разные уровни республиканизма†.

Республиканская система требовала сдерживать честолюбцев. Министров, которые грозили обернуться диктаторами, устраняли, хотя иногда они ненадолго возвращались из отставки, чтобы разрешить серьезные кризисы. Наиболее приемлемым для парламента министром был человек вроде Фрейсинэ, сделавший своим правилом служить ему и не питавший амбиций управлять им. Его длительное пребывание на посту показывает, что власть, в конечном итоге, находилась в руках депутатов и чиновников. Фрейсинэ четыре раза был премьер-министром и девять раз членом других кабинетов. Он 44 года был сенатором от Парижа. Гамбетта, подметив способности чиновника, сделал его своим помощником по техническим и административным вопросам; Фрейсинэ не имел ораторских талантов, популярности у народных масс, политической репутации или даже твердых убеждений, но стал одним из влиятельнейших людей республики, поскольку довел до совершенства свою роль посредника, миротворца и организатора. Он был протестантом и инженером, выпускником École polytechnique. При Второй империи он несколько лет руководил железнодорожной компанией Midi и был административным помощником Гамбетты в министерстве военных дел в 1871 году. Его политические взгляды можно охарактеризовать как «умеренные». Хотя он опубликовал два тома мемуаров, они написаны с такой аккуратностью и сдержанностью, что никого не задевают и всем делают комплименты. Таким образом, сложно сказать о нем что-либо однозначное. Скромность гарантировала ему отсутствие врагов: его цель, как он говорил, заключалась в том, чтобы реализовывать великие идеи великих людей, его роль — ученый на службе республики. Полезность этой позиции выявилась при первом избрании в сенат. Гамбетта ввел его в курс дел и поручился за него, несмотря на протесты тех, кто сомневался в его республиканизме. Виктор Гюго считался хозяином этих выборов как главная

† *Ferry J.* Lettres, 1846–1893. 1914. P. 388.

* Наиболее полная биография: *Reclus M.* Jules Ferry 1832–1893. 1947; ср. *Froment-Guieysse G.* Jules Ferry. 1937; Jules Ferry. 1894 (мемориальный сборник); *Sorlin P.* Waldeck-Rousseau. 1966 (лучший путеводитель по политике этого периода).

республиканская знаменитость сената, и его одобрение было важно для каждого кандидата. Фрейсинэ добивался его расположения с помощью заискивания. Гюго, однако, считал себя свободным защитником радикальной политики (например, он предлагал объявить амнистию коммунарам), что оказалось не по вкусу степенным местным советникам, составлявшим основную массу выборщиков. Гюго был избран одним из последних, малоизвестный Фрейсинэ — одним из первых. В сенате хотели видеть человека, не мечтавшего о величии, но способного заставить систему работать. Этим объясняется господство осмотрительных посредственностей в республике.

Гамбетта восхищался способностью Фрейсинэ четко и кратко излагать технические вопросы, называя его «un filtre». Фрейсинэ, безусловно, выделялся способностью предлагать формулы для решения сложных проблем, но он также знал, как их обходить. Пока он не укрепил свое политическое положение, то оставался на государственной службе, периодически беря отпуска для политической или предпринимательской деятельности. Он служит прекрасным примером того, как бизнес, бюрократия и политика избегали конфликта друг с другом с помощью взаимопроникновения. В результате возник тот подход к проблемам, который Фрейсинэ определял в двух словах: оппортунизм и единство. Именно им он руководствовался всю свою политическую карьеру. Оппортунизм означал, что хотя идеи должны быть смелыми, осуществлять их следует осторожно. Он был слишком хитер, чтобы повторить ошибку Ферри, слишком быстро проводившего реформы, которые считал необходимыми. Фрейсинэ полагал опасным предлагать много новшеств разом, а также спешить с их внедрением. Следует устанавливать приоритеты и отсрочивать принятие самых спорных мер. Так, исправляя другую ошибку Ферри, он наибольшую опасность видел в распаде республиканской партии. Внутренние противоречия и неосмотрительность могли погубить ее. «Сплочение» — таков был его девиз. Это означало, что идеальным правительством была бы коалиция всех фракций. Большую часть своей карьеры он посвятил тому, чтобы заставить радикалов — злостных врагов Ферри — присоединиться к умеренным республиканцам в правительстве вместе они должны были образовать неуязвимую монополи Фрейсинэ призывал к примирению с противниками республики, но с позиций силы, выступал за очищение администрации от враждебных элементов, создание партии недвусмысленно республиканского направления, а затем допуск в нее посторонних, желающих принять эту систему. Итак, хотя Фрейсинэ вступил на политическую сцену как протеже Гамбетты и всегда говорил о нем с большим уважением, он вскоре выработал собственный курс Он отказался вступить в кабинет Гамбетты, зная, что тот долго

не продержится, и благоразумно не присоединился к республиканцам правого крыла, с которыми у него было много общего, поскольку у тех были очень небольшие шансы на приход к власти. Наградой за эту осторожность было то, что он стал кандидатом, с которым могли согласиться все. Стиль работы Фрейсинэ предполагал сглаживание противоречий, удаление чрезмерно энергичных людей и готовность пожертвовать чем угодно ради стабильности. Фрейсинэ полагал, что разногласия, разделявшие французов, поверхностны и для их устранения достаточно добросовестных постепенных реформ, а политическая стабильность — жизненно важная основа прогресса. На первом же месте — материальные интересы. Вот что представлял собой Фрейсинэ. Он отражал важнейшую часть республиканского менталитета (в противоположность республиканской идеологии).

Следствия такого отношения проявились в программе общественных работ Фрейсинэ. Он составил ее в конце 1870-х годов и добился окончательного одобрения в парламенте в 1883 году. Это был чрезвычайно дорогостоящий план расширения сети железных дорог Франции в бóльших масштабах, чем предполагал Наполеон III. Он был в конце концов осуществлен, и протяженность железных дорог Франции за двадцать лет удвоилась. Эта непрерывная трансформация страны заслуживает не меньшего внимания, чем парижские политические дебаты, поскольку явилась одним из главных видов деятельности в регионах, одним из самых впечатляющих экономических достижений и одним из величайших финансовых скандалов этого периода. Противоречие или ловкий фокус, заключенный в том типе республиканизма, который олицетворял Фрейсинэ, состоял в том, что реформу страны предполагалось провести без какого-либо увеличения налогообложения. Вместо этого республика обещала и действительно предоставляла налоговые льготы различным местным заинтересованным группам, в частности крестьянам, исключительно ловко балансируя между принципом равенства и привилегиями. В результате через несколько лет после прихода к власти республиканцы ввергли страну в пучину постоянного бюджетного дефицита, но не пожелали отступиться от грандиозного замысла.

Они осуществляли свой план с помощью примечательных сделок с железнодорожными компаниями. Из своих кабинетов они смотрели на эти компании как на реставрацию феодализма, бастионы реакции, возглавляемые директорами-монархистами, и призывали к национализации железных дорог. Франция с самого начала разделялась на тех, кто хотел, чтобы железные дороги строило государство, и тех, кто выступал за частное предпринимательство. Страх перед тем, что государство станет слишком мощным, если захватит эту новую отрасль, а налоги возрастут, чтобы дать возможность делать большие капиталовложениям, вы-

лились в характерное компромиссное решение, найденное Июльской монархией и Второй империей и усовершенствованное (но не претерпевшее коренных изменений) Третьей республикой. Обвинения первых двух режимов в том, что они действуют во благо спекулянтов, кажется, еще справедливее в отношении третьего. Взятый на вооружение принцип состоял в том, что безусловное право собственности на железные дороги остается в руках государства, предоставляющего концессии частным компаниям на срок до 99 лет. Государство рассчитывало в конечном итоге получить собственность, стоимость которой примерно равнялась всему национальному долгу, обратно, пока же ее содержание не обременяло казну. При Второй империи, когда прибыли были значительны, железнодорожные компании преуспевали и государство ничего не теряло. Но в 1865 году ситуация изменилась. Были построены крупные междугородние линии и возникла проблема менее прибыльных местных дорог. Государство отказывалось субсидировать их, но предлагало гарантии под ссуды, которые компании брали на строительство, в обмен на часть прибылей. Местным железным дорогам, конечно, прибыль получать не удавалось, и многие из них оказались под угрозой банкротства.

В 1871 году первой мыслью республиканцев была национализация. Но шесть крупных компаний были слишком дороги, чтобы их выкупить. Так что внимание обратилось на испытывающие трудности местные компании; к 1878 году государство купило целый ряд таких компаний в Шаранте и Центральном регионе. Это задумывалось как опыт, который покажет, насколько государственное управление способно улучшить дело, но так как купленные линии в любом случае не были коммерчески жизнеспособными, эксперимент провалился и весьма ослабил позиции сторонников национализации. Вторая империя уже была замечена в том, что в гораздо больших масштабах стало практиковаться в Третьей республике — в оказании местного давления на уполномоченные железнодорожные компании в каждом избирательном округе (в основном в электоральных видах). Итак, вставал вопрос, кому придется платить по счетам? Экспериментируя в Шаранте, государство пыталось строить железные дороги самостоятельно, но у него было мало инженеров, чтобы продолжать такую политику, кроме того, оно не желало брать взаймы необходимые денежные средства. Когда в 1882 году наступила эра бюджетного дефицита, консервативные финансисты республики во главе с Леоном Сэем настояли на том, что государство должно прекращать заимствования. Поэтому республиканцы, поставив национализацию под угрозу, сдались компаниям.

Было заключено соглашение, по которому шесть крупнейших компаний соглашались построить обширную сеть второстепенных железных дорог. Они сами должны были изыскать на

это средства, чтобы национальный долг не рос, а налоги оставались стабильными. Они обязались выплачивать государству две трети от всех прибылей, но взамен добились очень благоприятных условий: государство обязалось субсидировать строительство этих линий в объеме семи восьмых от тех фондов, которые консолидировали компании от его имени (производя ежегодные выплаты) и гарантировало дивиденды и выплату процентов по займам компаний, которые, таким образом, не могли проиграть. Политики решили, что так государство получит сеть железных дорог, не ставя под угрозу свои финансы и не увеличивая налоги, а обязательства по гарантиям финансов компаний ему вряд ли придется выполнять. Этот прогноз оказался слишком оптимистичным. Только одной компании удалось получить сответствующую прибыль. Сделка 1883 года была заключена в конце периода экономического роста и на пороге затяжной депрессии. Доходы железнодорожных компаний росли не так быстро, как того ожидало государство, так что сделка пошла на пользу только компаниям. Так, за следующие одиннадцать лет было построено 7016 километров железных дорог, которые обошлись компаниям в 1,2 миллиарда франков. Но государству пришлось выплатить 926 миллионов франков по своим гарантиям. Человеком, который подписал договоры с железнодорожными компаниями, был еврейский коммерсант Рейналь, тогдашний министр общественных работ. В 1895 году радикалы пытались отправить его в отставку за нанесение ущерба интересам государства. Шестидневные дебаты в парламенте выявили множество интересных фактов, касавшихся этой запутанной сделки. Радикалы хотели разоблачить в ней грандиозный обман или мошенничество, но из этого ничего не вышло, поскольку затрагивались слишком многие интересы.

Железнодорожные акции стали первоклассным объектом инвестиций, пусть даже железные дороги не получали прибыли и государству приходилось поддерживать их, субсидируя малую часть общества за счет остальной. Предвыборные соображения сыграли свою роль. Первоначально Фрейсинэ оценивал расходы по реализации программы в четыре миллиарда франков, но парламент удвоил сумму, так что почти каждый избирательный округ получил свою долю. Как бы то ни было, железные дороги строились: если в 1870 году их протяженность составляла 17400 километров, то в 1910 году — 39000 километров. Внешне налицо был постоянный прогресс; хаоса конкуренции удалось избежать. Государство сохранило диспетчерский контроль над железными дорогами и иллюзию того, что оно является их конечным собственником: принципы централизации были спасены. В то же время железнодорожные компании стали страшными капиталистическими жупелами республики, вампирами, сосущими ее кровь. Это было одним из наследств оппортунизма. Далее будет пока-

зано, что радикалы у власти, столкнувшись с этой проблемой, проводили столь же сомнительную политику*

Еще одним примером ненужной или несвоевременной реформы являлась реорганизация военного дела. Личный опыт, полученный во франко-прусской войне, убедил Фрейсинэ в ущербности военной организации страны. Он отвергал консервативную самоуспокоенность Тьера и считал, что всеобщая краткосрочная воинская повинность необходима. Однако внутреннее сопротивление было так велико, а его собственная политика угождения всем оказалась в таком противоречии с радикальной реформой, что ему удалось внести мелкие изменения в систему пятилетней профессиональной воинской службы только в 1889 году. Тогда он достиг жалкого компромисса (сокращение срока службы до трех лет), что мало меняло дело, поскольку большинство новобранцев служили только год и не могли использоваться на передовой. У Франции все еще не было хорошо обученной боеспособной армии. Только в 1905 году было покончено с освобождениями и привилегиями. Неспособность Фрейсинэ сделать большее имеет важное значение, поскольку он возлагал на военную реформу немалые надежды и ожидал от нее серьезных политических результатов. Он считал, что если все будут служить в армии, то и в гражданской жизни распространится осознание необходимости подчиняться, «понимать и принимать повсеместно принцип власти и иерархии, без которых невозможно существование прочной организации. В результате вооруженные силы, вместо того чтобы составлять оппозицию гражданскому обществу, станут его основой и наилучшей опорой». Эта неудача, как и неспособность покончить с бюрократическим формализмом, который он в молодости считал огромным злом, была, тем не менее, неизбежным следствием примиренческой политики, которой он придерживался†

Таким образом, можно указать три основных пути, заведшие республиканизм в тупик и сделавшие его неспособным к действию. Во-первых, неприязнь депутатов к сильным министрам означала, что те, кто хотел радикально что-либо изменить, оставались вне кабинета. Во-вторых, министры в той или иной мере воспринимали традиции старой монархии и начинали отстаивать прерогативы государства с таким энтузиазмом, который был несовместим с реформами, к которым они же призывали, будучи в оппозиции. В-третьих, те министры, которым депутаты позволяли оставаться на своих постах, могли удержаться на них, только если шли на компромиссы ради единства и не покушались на многочисленные имущественные интересы. Республика, которая первоначально считалась инструментом преобразования страны, сделалась чрезвычайно консервативной. Это стало явным уже через десятилетие после ее основания. Теперь нужно ответить на вопрос, почему оказалось невозможно выбить ее из этой колеи.

* *Peyret H.* Histoire des chemins de fer. 1949 (лучший краткий исторический обзор); *Kaufmann R. de.* La Politique française en matière de chemins de fer. 1900 (большое исследование с замечательным обзором парламентских дебатов); ср.: *Colson C.* Les Chemins de fer et le budget. 1896; *Ferrette H.* Étude historique sur l'intervention financière de l'État dans l'établissement des lignes de chemins de fer. 1896.

† *Freycinet C. de.* Souvenirs. 1912. Vol. 1. P. 90, 96, 160, 254–255, 287; Vol. 2. P. 79–83 и др.; *Depasse H.* De Freycinet. 1883; *Beauvier A.* Visages d'hier et d'aujourd'hui. 1911. P. 241–247; *Zaniewcki W.* L'Œuvre de Freycinet au ministère de la guerre 1888–1893 // Revue historique de l'armée. 1963. Vol. 19. 2. P. 55–72; обзор его научных работ см.: Journal des savants. 1896. Mar. P. 125–132.

Глава XXI СОЛИДАРИЗМ

После установления республики, победы над монархизмом, перехода к светской системе образования и создания колониальной империи создается впечатление, что к 1890-м годам режим выдохся и не мог предложить ничего нового. Жак Шастене в своей шеститомной истории Третьей республики утверждает, что каждое десятилетие ее существования имело особый характер. 1870-е годы были отмечены решимостью оправиться от унизительного поражения во франко-прусской войне, и Парижская выставка 1878 года должна была показать, что Франция вновь на коне. Через одиннадцать лет выставка 1889 года продемонстрировала, что республика надежно укоренилась и обратилась к наукам. Но после этого выставке 1900 года «не хватало души»: у Франции не оказалось нового идеала. Панамский скандал (1892–1893) и дело Дрейфуса (1894–1899) указывали на то, что внутренние раздоры, коррупция и стареющая олигархия затормозили реформы. Стагнация представляется характерной чертой девяностых годов. Существует традиционная точка зрения, что только в 1905 году, когда вопрос о месте церкви в обществе был более или менее решен, республика освободилась от старой повестки дня и внимание политиков сосредоточилось на социальных вопросах. Таким образом, *fin de siècle* — это интермедия.

Такого рода вывод — результат хроникального подхода к истории Франции, в которой законы и кризисы якобы следуют друг за другом без всякой системы. Сосредоточиться на скандалах — значит придать чрезмерный вес симптомам и потерять из виду последовательность событий и переломные моменты, имеющие более глубокое значение. Прежде всего, ошибочно полагать, что интерес к социальным вопросам стал преобладать лишь после 1905 года. Оппортунистов обычно критикуют за отсутствие у них социальной политики, но предыдущая глава показала, что хотя они приняли немного соответствующих законов, социальные вопросы постоянно занимали их мысли. Они верили в возмож-

ность решить их политическими и образовательными методами, и те меры, которые они предлагали, казалось, находили поддержку. Они осознавали угрозу социализма, хотя тогда им увлекалось лишь незначительное меньшинство. Более того, в девяностые годы республиканское правительство ради решения сложных задач индустриализации фактически подняло на щит новую доктрину — солидаризм.

Кроме того, неверно полагать, что после 1905 года религиозные разногласия уже не являлись важным фактором, сеющим распри, даже несмотря на то, что церковь была отделена от государства. Проблемы, с которыми сталкивались французы, не особенно изменились на исходе столетия: неравное распределение богатств, образование и религия были теми постоянными вопросами общественной жизни, по которым последующие режимы и правительства должны были вырабатывать политику. Эта преемственность французской истории общепризнана. Неразрешенным остается вопрос о том, почему в решении этих проблем не удалось достичь большого прогресса. Девяностые годы особенно хорошо помогают поиску ответа на него, ведь это был период первых попыток использования новых подходов институционального, религиозного, социального и дипломатического характера. В этой главе будут описаны эти усилия (некоторые из которых известны лучше, некоторые хуже) и дано объяснение тому факту, почему они в основном не снискали успеха. Эти неудачи имели очень важное значение, ведь они означали, что Франция не могла выбраться из проторенной колеи. Цель этих глав — указать, каким путем она шла, какого рода мышление и какие старые институты так глубоко укоренились, что отталкивали реформы наподобие того, как жир отталкивает воду.

В политике ситуация тупика была результатом трехстороннего конфликта государственного аппарата, министров и парламента. С этим могла бы покончить революция или переворот. Именно к этому стремился буланжизм. Он не лишен красочных сторон, поэтому его обычно изучают через призму личности. Тщеславие и амбиции генерала Буланже с его светлой бородой и белой лошадью, ставившего дисциплину в армии с ног на голову, пытавшегося завоевать любовь младшего офицерства, чтобы противопоставить себя генералитету, умножавшего голоса выборы за выборами, договаривавшегося с каждой оппозиционной партией, принимавшего огромные суммы от роялистов, общавшегося с сомнительными политическими авантюристами, ставившего все на захват власти, но не имевшего силы духа, чтобы стать новым Сент-Арно*, или характера, чтобы быть еще одним Махди, сбежавшего в конце концов в Бельгию и покончившего самоубийством на могиле своей любовницы, интересно контрастируют со скучными речами седобородых политиков. Этот подход в стиле

* Генерал, обвиненный в подготовке государственного переворота в 1851 г.

комической оперы позволил Гаю Чэпмену, историку, недавно исследовавшему Третью республику, назвать буланжизм «тривиальным и утомительным эпизодом, который не должен был произойти и почти наверняка не произошел бы, если бы нашлись люди с характером и мужеством. Удивительно, что такое широкое народное брожение принесло так мало результатов»* Это суждение, однако, совершенно противоположно тому, которое будет защищаться в данной главе. Буланжистский кризис достоин сравнения скорее с кризисом 1848 года, нежели с интригой какого-то авантюриста. У него была та же социальная подоплека и он точно так же явился испытанием для всей правительственной системы. Двадцать лет политики занимались поиском того, что сможет сплотить республику, и думали, что нашли. Ферри гордился тем, что заручился поддержкой крестьян. «Нам долгое время не придется искать ничего более»,— говорил он. Буланжизм заставил усомниться в этом. Спор за страну между Ферри и Буланже был жизненно важным и исполненным скрытого смысла.

К 1885 году республиканизм выказал как свою ограниченность, так и свои достоинства. Как и Июльскую монархию, его можно было назвать акционерным обществом, эксплуатировавшим страну ради получения прибылей небольшой группой акционеров. Находившиеся у власти оппортунисты уже не располагали поддержкой большинства французов. У Ферри не оказалось даже десяти лет; ему стало ясно, что как Луи-Филипп был предан некоторыми из своих сторонников, так и радикализм подрывает его систему. Депутаты обнаружили, что критика правительства приносит пользу на выборах. Политика примирения, к которой призывали министры, оказалась недееспособной в избирательных округах, взбудораженных амбициями нового поколения. В 1885 году оппортунисты потеряли почти половину парламентской фракции (их число сократилось примерно до 200), а радикалы получили 170 мест. Консерваторы, выигравшие от этого раскола, удвоили свое число (с 90 до 180). Таким образом, парламент попал в тупик противостояния трех практически равных и непримиримых партий. Реформаторы изучили мнения депутатов и обнаружили, что не было ни одного политического курса, за который высказывалось бы явное большинство. Из 543 депутатов, которые были опрошены, 240 высказались за сокращение срока воинской службы, 184 требовали отделения церкви от государства и 159 приветствовали введение подоходного налога. Оппортунисты не могли устоять, поскольку альянс с правыми означал бы отказ от антиклерикализма и фаворитизма, а левые требовали реформ, на которые невозможно было согласиться.

Единственным выходом из создавшегося тупика был пересмотр конституции. Каждая партия представляла его по-своему, но все были согласны с разрушением системы, созданной Гамбет-

* Chapman C. The Third Republic: The First Phase. 1962. P. 291.

той и Ферри. Нашлось множество поводов для выражения недовольства, чтобы оправдать и поддержать это движение. Самыми важными из них были экономические. Оппортунизм не обеспечил процветания. Крестьяне страдали от импорта пшеницы и распространения филлоксеры; по иронии судьбы, их земля начала падать в цене одновременно с основанием «крестьянской республики». Строительная, металлургическая и горнодобывающая отрасли переживали серьезный спад после 1885 года, около четверти миллиона рабочих были уволены. Влияние этих процессов оказывалось тем более заметным, что наиболее болезненно они протекали в отдельных областях, прежде всего в Париже. Чтобы спасти крестьян, ввели таможенные пошлины, поэтому цена хлеба в 1887 году увеличилась и продолжала расти из-за плохого урожая в следующем году. Общий спад экономической активности принес еще больший бюджетный дефицит: налоговые поступления с 1883 по 1887 год постоянно оказывались ниже прогнозируемых. Скандальное дело Вильсона (зять президента продавал награды) выявило коррупцию в верхах, скрываемую за фасадом твердых моральных устоев.

Мощная поддержка, возникшая за спиной генерала Буланже, показала, сколь велики были силы, которые отвергла оппортунистская республика. Говорят, что роялисты вложили от шести до восьми миллионов франков в его кампанию. Даже США внесли свою долю: издатель «New York Herald» и американский канатный магнат пожертвовали чеки на огромные суммы*. Радикалы, бонапартисты, социалисты, евреи, антисемиты, националисты, бандиты и интриганы странным образом объединились в надежде на то, что он разрушит систему. Но та устояла, поскольку ее также поддерживали значительные силы. Во-первых, она постаралась ответить на вызов, проводя реформы, призванные оставить радикалов в дураках. Флоке (радикал, но сильно смягчившийся после избрания председателем палаты депутатов) был сделан премьер-министром. Когда ему не удалось остановить натиск противников, была употреблена сила. Констан был назначен министром внутренних дел. Этот разорившийся производитель смывных бачков, ставший затем профессором права, депутатом и генерал-губернатором Индокитая, пережил обвинения в коррупции и завоевал славу мастера ведения избирательных кампаний. Он угрожал Буланже арестом, но любезно оставил ему путь к бегству, чем Буланже и воспользовался. Волнение было быстро подавлено. Радикалы, напуганные созданным ими монстром, согласились сотрудничать с оппортунистами на выборах 1889 года. Республика была спасена†.

Значение буланжизма было двояким. С одной стороны, он выявил ограниченность оппортунизма. Ферри не понимал до конца буланжистское движение и относился к нему как к деятельности

* *Seager F. H.* The Boulanger Affair. 1969. P. 258, 186.

† Результаты выборов: объединенные республиканцы — 363 места, консерваторы — 167, буланжисты — 38 (восемнадцать из них избраны от Парижа).

экстремистов, подстрекаемых монархистами. Он был не в состоянии оценить размеры общественного недовольства, которое в значительной мере объясняло популярность Буланже. Но этого не удалось сделать и радикалам. В результате республика потеряла возможность сохранить поддержку промышленных рабочих. Они сплотились вокруг Буланже в надежде получить правительство, которое сделает что-нибудь для смягчения их бедственного положения. Кризис оказался для них двойным разочарованием: не только оппортунисты, но и радикалы не смогли по-настоящему разделить чаяния рабочих. В результате именно социалисты составили хребет буланжизма, когда от него отошли радикалы. Они четко определяли его как движение за социальные реформы, за преодоление экономического кризиса с пересмотром конституции в качестве средства достижения этого. Буланжизм пережил побег генерала, чтобы стать одним из элементов возрожденного социализма. Он превратил Жореса, прежде являвшегося оппортунистом, в социалиста. Таким образом, он стал важным катализатором развития нового общественного сознания. Но, во-вторых, явное поражение буланжизма подкрепило консервативные тенденции режима. Ферри не удалось стать президентом республики, поскольку слишком многие ненавидели его, но он был избран председателем сената, так что его система укоренилась в этом бастионе умеренности. Значение буланжизма в долгосрочной перспективе состоит в следующем: он подтвердил, что во время кризиса республика скорее обращается к консерватизму, нежели склонна к нововведениям, и что вопреки всем речам о справедливости превыше всего она ценит стабильность. В конечном итоге значение республиканизма следует искать в тех ценностях, которые он стремился сохранить и от которых не мог отойти*.

С наступлением 1890-х годов пришло, казалось, время для новой классификации политических групп на основе изменившихся реалий времени. Монархия уже не могла вернуться. Аристократы и нотабли, связывавшие себя с ней, должны были найти новое применение своим амбициям. Вопрос состоял в том, окажутся ли республиканцы достаточно гибкими, чтобы принять их и предоставить им место в своем режиме, демократически учитывая факт сохранения их влияния и роста их экономической мощи. Положение церкви также требовалось пересмотреть. Борьба с ее влиянием велась несколько беспорядочно, демонстрируя расхождение между риторической решительностью и умеренностью реальных мер. Республиканцы не были так уж бескомпромиссно настроены против церкви, как это могло показаться, а церковные лидеры, в свою очередь, понимали, что война вышла из-под контроля и они более не могут извлечь выгоды из ее продолжения. Проблема того, что делать с индустриализацией, со-

* *Néré J.* La Crise industrielle de 1882 et le mouvement boulangiste (диссертация 1959 г., представляющая собой наиболее полное исследование социально-экономической основы движения). См. также: *Dansette A.* Le Boulangisme. 1938; *Seager F. H.* The Boulanger Affair. New York, 1969. Точка зрения современников на этот вопрос отражена в следующих книгах: *Mermeix.* Les Coulisses du boulangisme. 1890; *Barrès M.* L'Appel au soldat. 1900.

циализмом и растущими ожиданиями масс в целом, требовала нового образа мышления. Поэтому были веские причины для поиска «нового духа», чего требовал Спуллер, верный ученик Гамбетты, а также для *ralliement*, с помощью которого бывшие враги республики были бы включены в круг ее сторонников.

Уже в 1880 году церковь попыталась заключить с Фрейсинэ сделку на условиях взаимных уступок. Одного известия об этом оказалось достаточно, чтобы парламент вынудил его уйти в отставку, но в 1890—1892 годах Фрейсинэ вернулся в правительство в качестве премьер-министра и вновь был готов к переговорам. Несколько попыток достичь соглашения были предприняты уже в 1880-е годы. В 1886 году Рауль Дюваль, энергичный промышленник-бонапартист, попробовал заключить консервативный альянс против социализма и радикализма, который поставил бы крест на старой расстановке сил, и создал Droite républicaine*, но его смерть спустя год уничтожила даже немногие имевшиеся шансы на успех. В 1887 году барон Мако, лидер монархистов в парламенте, предложил оппортунисту Рувье свою поддержку, чтобы спасти республику от радикалов, но продолжал при этом оказывать поддержку Буланже, питая надежду на свержение республики, поэтому неудивительно, что к этим инициативам монархистов относились с огромным подозрением. В 1888 году Альбер де Мен попытался основать Католическую партию, свободную от династических связей, по образцу Партии центра в Германии, но его социальные идеи взволновали консерваторов, а папа, испугавшись того, что не сможет сохранить над ней контроль, приказал ее распустить. Основная трудность любого *ralliement* состояла в том, что для извлечения из него выгоды католики должны были объединиться в партию, но их лидеры, имевшие роялистские корни, никогда не встречали доверия среди республиканцев и поэтому не могли войти в кабинет, на какие бы компромиссы не шли. Чем больше они уступали республиканцам, тем меньше сторонников-роялистов у них оставалось.

Именно эта дилемма погубила все старания Жака Пиу. В 1890 году он основал «Конституционную правую» — еще одну партию, объединившую депутатов из числа католиков и роялистов, которые после провала Буланже желали заключить сделку. Они согласны были отказаться от поддержки роялистской реставрации в обмен на религиозные и экономические уступки: разрешение религиозного обучения в тех начальных школах, которые пожелают ввести его, отмену законов, отправивших в изгнание претендентов на трон, сокращение общественных расходов и налогов, децентрализацию, принятие социального законодательства и протекционных тарифов. Замысел Пиу заключался в том, чтобы получить поддержку правых, при которой оппортунисты (которые теперь обычно именовались прогрессистами) могли

* Республиканская правая (фр.).

обойтись без голосов радикалов, и таким образом прекратить антиклерикальную кампанию. В феврале 1893 году он согласился довольствоваться тем, что правительство будет проводить в жизнь школьные законы «нейтральным» образом, сняв требование их отмены. Он заявил, что принимает республику с ее законами, и сменил название своей партии с «Конституционной правой» на «Республиканскую правую». Но на выборах того года лишь 36 из 94 его кандидатов были избраны. Он сам, де Мен и Лами — трое лидеров — потерпели поражение. Роялисты в массе своей отказались согласиться с несостоятельностью своего движения, и 58 бескомпромиссных роялистов были избраны. Угасавшее дело монархии не желало умирать. Смешение вопросов реставрации и церковных проблем вело в тупик.

Сторонники *ralliement* действительно были движимы различными мотивами. Новый папа, Лев XIII, демонстрировал готовность к переговорам и компромиссу, основывавшуюся на понимании происходящих социальных перемен, что знаменовало важное изменение позиции церкви. Но республиканцы (что неудивительно) подозрительно относились к его намерению посредством этой модернизации усилить притягательность церкви, укрепить собственную власть с помощью атаки на галликанство, тем более, что с дипломатической точки зрения он надеялся обрести в лице Франции союзника для возвращения папских владений в Италии. Кардинал Лавижери, чей знаменитый тост за республику в 1890 году дал жизнь идее *ralliement*, верил, что изменение отношения церкви к республике необходимо, поскольку на карту поставлено само существование церкви: он опасался, что разрыв конкордата разорит ее. Он не рассчитывал на то, что республика просуществует долго (по крайней мере в ее антиклерикальной форме), и призывал к сотрудничеству с ней, чтобы ослабить ее враждебность церкви и поддержать католическое дело вплоть до ее неминуемого крушения. Однако Этьен Лами, которого Лев XIII уполномочил создать республиканскую католическую партию, был одним из 363 депутатов, которые в 1876 году поддержали Гамбетту, и он легко мог согласиться с тем, что большинство французов не являются активными католиками. Он хотел, чтобы церковь не осуществляла чисто католическую программу, а боролась против антиклерикализма во имя свободы, то есть, говоря иначе, объедила либералов и католиков. На выборах 1898 года он поддерживал всех кандидатов-католиков, у которых были шансы, и если они терпели поражение в первом туре, то способствовал снятию ими кандидатур в пользу оппортунистов-прогрессистов в обмен на обещание ослабления антиклерикальной кампании. Однако он смог найти лишь немногих, кто был бы одновременно республиканцем и католиком, да еще собирался стать депутатом. Ему не удалось установить центральный контроль за местной по-

литикой, и его планы создания единой партии потерпели крах. Надежда папы на *ralliement* не осуществилась прежде всего из-за саботажа со стороны приходских священников, которые, больше всех страдая от антиклерикализма, не особенно сочувствовали идее примирения. Орден ассумпционистов*, влиятельный благодаря газетам, которые он контролировал, вел громкую кампанию против республики, пренебрегая указаниями папы.

С другой стороны, республиканское правительство не решалось ответить на эти инициативы церкви. Оно лицемерно признавало религию великой нравственной и общественной силой, которая, при условии ее освобождения от влияния роялистов, может стать бесценным оружием против социализма. Оно оставляло в покое запрещенные религиозные конгрегации, даже иезуитов, принимало во внимание местные особенности при осуществлении программы секуляризации и не выгоняло священников из начальных школ, когда их некому было заменить. Но его беспокоило обвинение в том, что его жизнеспособность зависит от помощи правых реакционеров, католиков-обскурантов, что оно продает республиканские традиции. Страх выйти за пределы этих традиций парализовал его, да и в любом случае оно не могло бы сохранить всех своих сторонников при проведении нового курса. Местные нотабли-республиканцы, даже префекты, не готовы были отказаться от привычек своего поколения и прекратить борьбу с клерикализмом, также не могли переделать себя и приходские священники. Национальные лидеры были беспомощны. Они не могли предложить католикам даже малой части своей власти и готовы были принять голоса католиков только с оговорками, утверждая, что республика открыта для всех, но в руки католиков ее предать нельзя. *Ralliement* провалился. Попытка достичь его показала, что некоторые люди выработали новую точку зрения на политику. Но одержимость клерикализмом или борьбой с ним искоренить оказалось невозможно†.

На экономическом поле тоже не нашлось адекватного ответа на вызов международной конкуренции, как и воли изменить отношение к промышленному планированию. Эту неудачу можно проиллюстрировать на примере карьеры Жюля Мелина, который, будучи министром сельского хозяйства при Ферри в 1896–1898 годах, наиболее явно проводил политику сопротивления переменам. Мелин вошел в историю как главный создатель широкой протекционистской системы 1880-х и 1890-х годов, названной тарифом Мелина‡. Некоторые историки склонны рассматривать его лишь как орудие промышленников, другие, напротив, полагают, что он представлял интересы сельского хозяйства, только используя промышленников. Его посреднический талант, безусловно, нашел отражение в этой неоднозначной репутации. Он завоевал славу спасителя и промышленности, и сельского хозяйства.

* Католическая духовная конгрегация, получившая свое название от католического названия праздника Успения Божией Матери; возникла в 1520 г. и приняла устав августинского ордена.— *Прим. ред.*

† *Sedgwick A.* The Ralliement in French Politics. 1965 (автор использует архивы Этьена Лами); *Lecomte M.* Les Ralliés. Histoire d'un parti 1886–1898. 1898; *Cochin D.* L'Esprit nouveau: origine et décadence. 1912; *Shapiro D.* The Ralliement in the Politics of the 1890s // The Right in France 1890–1919 (Saint Antony's Papers. 1962. 13); *Barbier E.* Histoire du catholicisme libéral. 1924. Vol. 2; *Idem.* Du royalisme à la république ou le ralliement du marquis de Solages // Annales du Midi. 1959. Jan. P. 59–70. О точке зрения провинциалов см.: *Roulier G.* La Question sociale et l'opinion du pays. Enquête du Figaro. 1894.

‡ *Colob E. O.* The Méline Tariff. 1944; ср.: *Dijol M.* Situation économique de la France sous le régime protectioniste de 1892. 1910.

Сам он не был ни мануфактурщиком, ни фермером и знал мало об этих профессиях. Его дочь говорила, что он никогда не смог бы отличить сноп пшеницы от снопа ячменя. Он происходил из низов среднего класса. Его отец владел какими-то землями, а также являлся секретарем мирового судьи в Ремирмоне, то есть очень мелким чиновником, а мать была дочерью провинциального нотариуса крестьянского происхождения. Амбиции Мелина были скромными, ограничиваясь рамками его маленького мира. Он мечтал только о карьере в *bureau de l'enregistrement* (регистрация документов и сбор почтовых пошлин), смог стать адвокатом, но не достиг особого успеха. Большую часть жизни он прожил на жалованье депутата в убогой парижской квартире и не пытался пускать пыль в глаза, хотя очень гордился своей женой, происходившей из семьи мелких производителей ситца (он женился на девушке более высокого положения, и это наложило отпечаток на его продвижение по социальной лестнице, сколь бы неторопливым оно ни было). Мелин занялся политикой не из-за энтузиазма, страсти или живого воображения, но как практичный, здравомыслящий и упрямый партийный работник, отличающийся дружелюбным и несколько лукавым спокойствием. Маленький, худой человек со сдержанной жестикуляцией и скромными манерами производил впечатление невзрачного провинциального нотариуса. Будучи студентом в Париже, он восхищался Прудоном, чей идеал общества удовлетворенных мелких собственников был точным отражением его собственного. В 1865 году он вступил в масоны, но к 1870 году покинул их ряды. Он был слишком *глубокомыслен для* их нараставшей агрессивности. У Мелина были сомнения насчет антиклерикальной программы Ферри. Он верил в светское государство, но верил также и в терпимость и был деистом, считавшим, что религия неизбежна. Его жена была ревностной католичкой, и он одобрял воспитание своих дочерей в этом духе. Он работал для Тьера во время избирательной кампании 1869 года и всегда искренне восхищался этим воплощением достигшего верхов провинциала. Он с почтением говорил о Жюле Ферри как о великом государственном деятеле, но никогда не был близок с ним. Ферри был для него слишком аристократичен. Его наставником в политике был Клод — сенатор и президент генерального совета департамента Вогезы, который работал мастером на текстильной фабрике, затем стал ее директором, а там и владельцем. «Я лишь ученик мсье Клода»,— говорил он, полагая, что если и достиг большего, чем его наставник, «то только благодаря стечению обстоятельств». Мелин был типичным представителем мелкой буржуазии в статичном обществе, чье умонастроение помог спасти и увековечить тариф Мелина*.

Мелин не был ни экономистом, ни теоретиком, не изучал он сколько-нибудь серьезно и противостояние фритредерства и про-

* *Heber-Suffrin A. M.* Les Débuts politiques de Jules Méline 1870–1885 (неопубл. диссертация, 1963 г.).

текционизма. У него были определенные элементарные убеждения. «Лучший для страны экономический режим,— говорил он,— тот, который обеспечивает наибольшую занятость». Мелин прямо заявлял, что является оппортунистом, а не доктринером, и говорил, что «если бы я был англичанином, то стал бы фритредером». Но он не хотел, чтобы французы уподобились англичанам. Его тарифы критиковали за то, что они снижали темп промышленного развития, но именно этого Мелин и добивался. Он был противником индустриализации, и здесь явно прослеживается преемственность взглядов Прудона, Тьера и его собственных. Мелин признавал, что промышленность дает некоторые материальные выгоды, но, с другой стороны, она истощает сельскую местность и ее работников, постоянно переживает кризисы перепроизводства, а растущая механизация грозит в будущем еще большей безработицей. Социалистический метод сокращения рабочего дня лишь увеличит издержки и цены. Его собственным решением было возрождение сельского хозяйства, которое можно вновь сделать производительным и процветающим за счет протекционистского законодательства, снижения налогов, либерализации кредитной системы, восстановления сельских ремесел. Мелин опубликовал книгу под названием «Возвращение к земле и промышленное перепроизводство»*. Он сравнивал свои идеи со взглядами Чемберлена в Англии и Партии центра в Германии (имея о них не вполне четкое представление), но эти параллели были обманчивыми. Те аргументы, к которым он прибегал для оправдания протекционизма, отражали иную позицию, характерную для Франции этого периода. Он не предлагал защищать промышленность, чтобы дать той возможность провести модернизацию и увеличить объем производства (перепроизводства он ужасно боялся). Французский вкус, полагал он, несовместим с массовым производством: нужно создавать не только разнообразные, но и индивидуализированные товары. Поэтому Франции следовало сохранять «множество мелких мастерских», а с нравственной и социальной точек зрения «ничто так не желательно, как разумное распределение труда и прибыли, благодаря чему тысячи мелких работодателей могли бы достичь скромного достатка». Протекционизм был единственным способом, чтобы избежать снижения заработной платы, к которому ведет иностранная конкуренция, так как он препятствовал модернизации. Мелин откровенно признавал, что французские работодатели робки, неумелы и неспособны ворочать крупными капиталами, но видел в этом оборотную сторону стремления к золотой середине и умеренности. Он не отвергал научный прогресс, смотрел на него и на образование как на средства, которые помогут вновь сделать сельское хозяйство прибыльным, но всегда отвергал идеи каких-либо структурных изменений внутри крестьянства. Транспортные издержки и

* *Méline J.* Le Retour à la terre et la surproduction industrielle. 1905.

высокие налоги были основными причинами низкой конкурентоспособности как сельскохозяйственных, так и промышленных товаров Франции. Его рекомендация состояла не в борьбе с этими факторами, которые (наряду с крестьянским смирением) он считал неустранимыми, но в использовании компенсирующего протекционизма. Он полагал, что введенные им после тщательных подсчетов пошлины математически точно уравновешивали неблагоприятные условия французского национального хозяйства.

Экономический кризис 1880-х годов подал Мелину идею согласования таможенной защиты промышленности и сельского хозяйства. Бедность крестьян не позволяла им покупать промышленную продукцию. Так как республика была в первую очередь строем, основанным на общественном мнении, было вполне справедливо, чтобы крестьяне наравне с прочими получали от государства какие-нибудь преимущества. Целиком разделяя старую централистскую традицию, Мелин многое сделал для закрепления у крестьян привычки искать помощи у государства. Популярность, приобретенная им, была отмечена избранием председателем палаты депутатов (предпочтя его Клемансо). Его приверженность делу Ферри подтверждается длительным (1893–1902) пребыванием на посту редактора «La République française» — газеты, которую Гамбетта сделал главным органом республиканцев.

Когда Мелин в 1896 году стал премьер-министром, он попытался реорганизовать политические партии вокруг тех вопросов, которые он считал актуальными. Он полагал, что необходимо срочно покончить с бессмысленными республиканскими коалициями, то и дело демонстрирующими несостоятельность в деле законотворчества. Мелин сформировал кабинет исключительно из умеренных политиков. Он хотел пересмотреть сущность политических разногласий и показать, что копья в основном ломаются вокруг социализма. Республиканцы расходились уже не просто по вопросам методов. Социалисты перестали быть их левым крылом, передовыми реформаторами (какими они, возможно, являлись в дни Гамбетты), теперь они желали разрушить сам общественный строй, поборником которого был Мелин. Группы правых уже не представляли угрозы для республики, поскольку фактически отошли от роялизма, и стали явными союзниками в борьбе с социализмом. Радикалов, с другой стороны, тоже следовало разделять: им были свойственны слишком многие несовместимые тенденции. Часть радикальной партии во главе с Гобле объединилась с социалистами — с этими альянс был невозможен. Умеренные республиканцы расходились с правыми лишь по двум вопросам — военному и церковному. В их отношении Мелин предпочитал придерживаться знаменитого принципа Уолпола: «Не будите спящую собаку». Армию, настаивал он, не нужно провоцировать, а дело Дрейфуса следует спустить на тормозах. Нападки на армию со

стороны левых приводят только к реакции в форме опасного националистического движения. По этой же причине необходимо было остановить наступление социализма, иначе он мог породить потребность в новом спасителе общества, новом Наполеоне. Поэтому нужно приветствовать включение в политическую жизнь республики монархистов, а не вытеснять их в оппозицию преследованиями. Точно так же следовало отказаться от антиклерикализма, чтобы скрепить союз с правыми (в любом случае этот вопрос потерял актуальность и муссировать его было выгодно только радикалам). Республика выстроила достаточно крепкую стену между собой и церковью, и последняя могла явиться огромным источником силы, если благодаря политике умиротворения удалось бы убедить ее смириться с законодательством Ферри и своей ограниченной ролью в новом строе. И тогда на первый план выступила бы подлинная политическая конфронтация: защитники частной собственности против тех, кто желает разрушить ее; сторонники классового мира против проповедников классовой борьбы; те, кто считает профсоюзы инструментами нового общества сотрудничества, против тех, кто видит в них революционное средство ослабления капитализма; те, кто считает налоги пожертвованиями на общественные расходы, против тех, кто надеется с их помощью достичь большего экономического равенства; те, кто почитает сенат оплотом порядка, против тех, кто желает ослабить или устранить его; те, кто уважает религию и допускает свободу церкви при условии, что она будет уважать конкордат и воздерживаться от вмешательства в политику, против тех, кто, отрицая возможность этого, требует отделения церкви от государства*

Кабинет Мелина продержался дольше, чем какой-либо другой в этой республике, но не смог добиться политической реорганизации или религиозного умиротворения, которыми его глава хотел увенчать свои экономические достижения. Это требовало большего, чем таланты одного человека. Мелину так и не удалось создать партию, которая бы донесла до избирателей его идеи; его сторонники редко посещали палату и никогда не преобладали в парламентских комиссиях; некоторые из них не одобряли его неприязни к радикалам†. Но Мелин заслуживает того, чтобы его помнили не только как изобретателя протекционизма, но также как человека, добившегося принятия закона 1898 года об обществах взаимопомощи. Его значение редко отмечают. Он был участником движения солидаристов, отметившего 1890-е годы. Данный период невозможно понять, не углубившись в исследование этого продукта философии, с помощью которого Третья республика пыталась (опять-таки безуспешно) порвать с прошлым‡.

Солидарность была самым горячо обсуждаемым идеалом девяностых годов XIX и первого десятилетия XX века. Президент

* *Méline J.* Les Partis dans la république // Revue politique et parlementaire. 1900. Jan. 23. P. 5–16; см. также: *Demolins E.* La Nécessité d'un programme social et d'un nouveau classement des partis // La Science social. 1895. Feb. P. 105–116.

† La Parti progressiste, par un député // Revue politique et parlementaire. 10 June 1897. P. 485–507.

‡ L'Œuvre économique et sociale de M. Jules Méline (памфлет, опубликованный Национальной республиканской ассоциацией в 1902 г.); L'Œuvre agricole de M. Jules Méline (та же Ассоциация); *Lachapelle G.* Le Ministère Méline. 1928; *Hanotaux G.* Jules Méline // Revue des Deux Mondes. 15 Jan. 1926. P. 440–453.

республики Лубе, открывая грандиозную выставку 1900 году, заявил, что все правительства отдают должное «этому высшему закону», и признал его «великой общей вдохновляющей идеей» времени. Его министр торговли — социалист Мильеран — провозгласил солидарность с новым научным откровением, в котором скрыт «секрет материального и морального величия обществ». Монархист граф д'Осонвиль отмечал: «Сегодня каждый, кто хочет, чтобы его слушали с сочувствием, и даже тот, кто желает добиться профессионального роста, должен говорить о солидарности». Утверждалось, что доктрина солидарности овладела умами людей не меньше, чем когда-то картезианство, и что его формула «каждый человек — должник своего соседа» возбуждала людей так же, как некогда высказывание Прудона «собственность — это кража». Писались научные труды на эту тему, проводились конференции, а Академия моральных и политических наук посвятила обсуждению данного вопроса четыре сессии*

Самой значительной чертой солидаризма было то, что он предлагал новое отношение к Революции. Преклонение перед принципами Революции всегда было свойственно республиканцам. Хвалы этим принципам все еще возносились, но теперь, почти столетие после знаменательного 1789 года, люди с безупречно радикальным прошлым стали реагировать на них более критично и даже неприязненно. Леон Буржуа, возглавлявший радикальное министерство в 1895 году, сказал, что Декларацию прав человека следует дополнить декларацией его обязанностей. Индивидуализм, который превозносила Революция, был злом и иллюзией. Провозглашенная ею свобода была лишь силой, сменившей имя и позволившей богатым продолжать притеснять бедных. Личность, которую она пыталась освободить, была абстракцией, ведь люди не являются независимыми существами, которых можно рассматривать в отрыве от их обязательств и взаимных связей. Социолог Дюркгейм писал, что Революцию нужно изучать в ее историческом контексте, и только в этом случае можно будет сказать, была ли она «патологическим феноменом» или нет. В Революции стали видеть продукт метафизической путаницы, которую новый позитивизм отвергал. В школьных учебниках она преподносилась как заря новой эры, но со временем становилось все очевиднее, что ее разрыв с прошлым не был таким уж решительным и бесповоротным. Пришелся к месту афоризм Токвиль о том, что Старый порядок все еще жив, а постоянные попытки уничтожить абсолютную власть лишь навешивают новые ярлыки свободы на старую рабскую сущность. По мере того, как проблемы, связанные с осуществлением идей Революции, все более усложнялись, стали раздаваться протесты против продолжения «изжившей себя традиции и устаревших и неэффективных политических методов»†.

* Наиболее полный обзор см.: *Hayward J. E. S.* The Idea of Solidarity in French Social and Political Thought in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (диссертация, 1958 г.). См. также. *Idem* The Official Philosophy of the French Third Republic: Léon Bourgeois and Solidarism // International Review of Social History. 1961. 6. P. 22–25. *Scott J. A.* Republican Ideas and the Liberal Tradition in France 1870–1914. 1951. P. 157–186; *Gide Ch.* La Solidarité. 1932 (курс лекций в Коллеж-де-Франс, 1927–1928); *Bouglé C.* Le Solidarisme. 1907; *Deuve L.* Étude sur le solidarisme et ses applications économiques 1906 (диссертация).

† *Ferneuil Th.* Les Principes de 1789 et la science sociale. 1889, рецензию Дюркгейма на эту книгу см. Revue internationale de l'enseignement. 1890.

Принцип *laissez-faire*, принятый на вооружение Революцией, за столетие был в той или иной мере отвергнут республиканцами, но между ними не оказалось согласия по этому вопросу, когда они пришли к власти. «Принципы политической экономии» Шарля Жида, опубликованные в 1883 году, требовали открытого и официального отказа от него. Он заявил, что ортодоксальная либеральная экономика дискредитирована и «таяние» ее суровых доктрин уже началось* Тезис Анри Мариона, сформулированный в работе «Нравственная солидарность» («эссе по прикладной психологии»), гласил, что нравственность более не может считаться просто вопросом личной добродетели, что идеал благородного дикаря ложен, а надежды на божественное провидение или откровение недостаточно, поскольку человеческий характер сильно подвержен влиянию среды, в которой он развивается. Свобода человека в действительности весьма ограничена, и нравственный прогресс поэтому требует активной организации: нельзя ожидать, что он будет происходить сам собою†.

Новые научные открытия требовали обновления политических взглядов. До сих пор учение Дарвина о борьбе за существование, казалось, оправдывало принцип *laissez-faire*, поскольку предполагало эволюционный прогресс. Но теперь французский зоолог Мильн-Эдвардс обнаружил, что живые организмы состоят из огромного количества клеток, дружно работающих вместе. Таким образом, «закон природы» — это сотрудничество, а не вражда, солидарность, а не индивидуализм. Такие работы, как «Фауна нормандского побережья» и «Сравнительная физиология», цитировались политиками для подтверждения мнения о том, что человек не должен больше почитаться рожденным совершенным, наделенным правами наравне с согражданами, а, напротив, должен признать себя частью большого органического целого, от которого он способен многое получить и от которого неизбежно зависит. Дюркгейм в «Разделении труда» (1896) обличал современное ему общество как распадающееся от «аномии». Ослабление старых семейных и религиозных уз привело к нравственному хаосу, а экономическая специализация завершила этот распад. Революция верила в возможность осуществления реформ посредством действий государства или личности. Этого недостаточно. Дюркгейм утверждал, что для сохранения единства страны нужны новая мораль и новая социальная организация, основанная на профессиональных ассоциациях — именно тех органах, которые Революция стремилась разрушить‡. Каждая отрасль знаний находила новую интерпретацию, подчеркивающую, что взаимозависимость людей и необходимость действовать совместно, а отнюдь не неограниченная свобода, способны принести процветание.

Леон Буржуа соединил эти подсказки, чтобы превратить солидаризм в политическую доктрину. Рожденный в 1851 году

* *Gide Ch.* Principes d'économie politique. 1883.

† *Marion H.* De la solidarité morale. Essai de psychologie appliquée. 1880.

‡ *Durkheim E.* De la division du travail social. 1896.

в семье часовщика, он без чьей-либо помощи поднялся из нижнего слоя среднего класса, состоял на государственной службе и в 36 лет стал префектом полиции. Он обладал огромным обаянием, сочетавшимся с постоянным желанием угодить, но то, что, будучи воспитан как слуга государства, он не продолжал боготворить его, когда стал политиком, было признаком новых времен. Вклад Буржуа состоял в том, что он дал солидаризму теоретическую базу в виде своей доктрины «социального долга» и «квазидоговора». Люди не рождаются свободными, говорил он. Даже ребенок является должником общества: сначала он обязан своей матери за пищу, затем своим учителям за образование, затем гораздо более широкой группе людей за предоставленные ему экономические возможности... Он накапливает долги всю свою жизнь. Идея не была нова, но Буржуа превратил ее из моральной в правовую. Он утверждал, что есть не только нравственная обязанность оплатить свои долги, но и несомненное обязательство, для выполнения которого могут быть применены санкции, поскольку люди заключили с обществом «квазидоговор». Он отыскал в Гражданском кодексе малоизвестное положение, гласившее, что индивидуальное согласие не является непременным условием для заключения обязывающего договора. Понятие Руссо об общественном договоре ради взаимной выгоды было отвергнуто. На смену правам пришли обязанности. Сколько бы человек не вкладывал в общество, у него оставались долги, которые следовало возвращать. Таким образом, богатые что-то должны были бедным, которые являлись частью общества. Благотворительность (добровольная) должна быть заменена обязательной солидарностью. Государство вправе с помощью закона принудить людей возвращать свои долги.

Это давало новое оправдание программы социального обеспечения, опиравшейся на подоходный налог, благоразумно балансирующее между либерализмом и социализмом. Солидаризм, с одной стороны, соглашался с тем, что способности людей неравны, и признавал за индивидами право извлекать выгоду из своих природных талантов; но справедливость требовала того, чтобы это неравенство не усиливалось социальным происхождением, равно как и образованием или унаследованным богатством. Все те, кто пользуются особыми преимуществами такого рода, должны платить более высокие налоги, чтобы компенсировать неравенство. С другой стороны, Буржуа решительно отвергал социализм, чей идеал, говорил он, в коллективе, и именно в коллективных обязательствах социализм видит правду жизни; целью же солидаризма было освобождение людей от коллективных обязательств через выплату долгов обществу. Его идеалом была свободная личность, и он верил в то, что частная собственность является «продолжением и гарантией свободы». «Мой обществен-

ный идеал в том, чтобы каждый человек мог преумножать, не ограниченный законом, свою личную собственность». Солидаризм требовал от людей сотрудничества не для производства или распределения благ, а для того, чтобы застраховаться от жизненных рисков. Равная заработная плата невозможна и нежелательна, но минимальная заработная плата необходима во имя справедливости, а страхование на случай болезни, несчастного случая или безработицы — общественный долг. Налоги должны вводиться не для выравнивания доходов, а в целях предоставления общественно необходимых услуг, однако вклад каждого должен быть пропорционален его доходу. Образование должно быть бесплатным. Важно сделать так, чтобы единственным ограничителем успеха человека являлись его природные способности. Буржуа, таким образом, рассматривал общество как огромную компанию взаимного страхования, которая помогает неимущим, но позволяет каждому человеку свободно выбирать собственный путь, как только уплачен страховой взнос. Не следовало оптимистично надеяться, что люди будут вести себя как альтруисты. Альфред Круазе, один из его сторонников, сказал: «Как только машина налажена, она работает автоматически, и благополучие всех является обязательным результатом работы, если она ведется с умом. Это придает ей своего рода научный характер, что приятно согласуется с духом нашего времени». Благотворительность является снисхождением. Правосудие чересчур бесстрастно и узко. Братство, как показал 1848 год, слишком многим обязано чувствам. Солидарность, основанная на биологии, является научным подходом. Она должна превратить слепую и несправедливую взаимозависимость людей, породившую так много социальных пороков, в добровольное и рациональное отношение, базирующееся на равном уважении равных прав всех людей. Она обобществит не собственность, а умы людей, которым даст новое сознание. Тогда Франция станет, как сказал Мишле, *une grande amitié**

Хотя в защиту солидаризма выдвигались аргументы, почерпнутые из естественных и общественных наук, благодаря чему он казался актуальным и новым, его доктрины, конечно же, были составлены из гораздо более старых элементов. Само слово изобрел Пьер Леру, подразумевавший под ним противоположность индивидуализму. Огюст Конт писал об этом, в основном уделяя внимание солидарности между поколениями. Ренувье критиковал идеалы XVIII века и призывал дополнить свободу солидарностью. Революция 1848 года проявляла те же устремления в более эмоциональной манере. Солидаризм не мог избежать обвинения в том, что является всего-навсего тем же братством, только облаченным в научные одежды. Тем не менее он был популярен, поскольку многие стремления — социалистические, эстетические и христианские — находили отклик в его учениях. Для

* Одна большая дружба (фр.). *Bourgeois L.* La Solidarité. 1896; *Hamburger M.* Léon Bourgeois 1851–1925. 1932; *Croiset A.*, *Bourgeois L.* Essai d'une philosophie de la solidarité. 1902; *Bourgeois L.* La Politique de la prévoyance sociale. 1914–1919. 2 vol.; *Ferré É.* Un Ministère radical. 1897.

Третьей республики он являлся тем же, чем для Июльской монархии был эклектизм Кузена. Он почти неизбежно был столь же туманным, чтобы не сказать лицемерным. Многое в нем намекало на то, что его придумали с целью кражи у социалистов их оружия. Он вышел на авансцену почти одновременно с курсом Вильгельма II в немецкой политике на христианский социализм, который должен был отвлечь рабочих от революции: солидаризм можно назвать его светским вариантом. Хотя солидаристы утверждали, что отличительной чертой их движения является его чисто французский характер, этот международный контекст все же имел к нему отношение. В определенной мере ими руководил страх или чувство раскаяния (не меньше, чем конструктивный идеализм). Аното говорил, что буржуазия «грешит ленью, безрассудством, эгоизмом». Она относилась к правительству враждебно, и поэтому не использовала его для того, чтобы помочь народу. Ей не удалось «навести мосты» между классами. Пуанкаре в своей знаменитой речи в том же духе требовал, чтобы буржуазия пошла на «необходимые уступки». Ренувье — глубоко религиозный вдохновитель многих республиканских идей — заявил в последние минуты жизни: «Буржуазия не сдержала своих обещаний, она заботилась только о себе». Солидаризм стал своего рода расплатой.

Его теоретический инструментарий был скорее обременителен, нежели полезен. Сказав тем, у кого ничего не было, что они являются должниками общества, добавив, что они никогда не смогут вернуть долги, поскольку постоянно приобретают новые, сообщив им, что в случае успеха их достижения не являются их собственностью — этим едва ли можно было привлечь на сторону движения горячих сторонников. Хотя в солидаризме имелись идеалистические элементы, он также был консервативным в одном очень важном отношении. Он представлял новое оправдание неравенства частной собственности. Его социологические аргументы принимали существующее положение вещей за норму и называли силы, подрывавшие работу общества, патологическими. «Профессиональные группы» Дюркгейма также напоминали цеха времен Старого порядка. Изуле, профессор философии в Лицее Кондорсе, чью книгу о современном государстве с одобрением цитировали солидаристы, называл проблему, которую они пытались разрешить, вопросом о том, как не дать толпе свергнуть элиту и одновременно включить толпу «лояльно и радушно в государство»* Солидаристы расходились по вопросу о том, что именно они имеют в виду и какой язык им следует использовать. Получившие религиозное (обычно протестантское) воспитание не любили слово «долг» и предпочитали говорить об «обязанности» или «жертве». Либералы возражали против применения санкций, которые, как они говорили, делали солидаризм неотличимым от

* *Izoulet J.* La Cité moderne: métaphysique de la sociologie. 1894.

социализма; но социалисты высмеивали его как компромисс, игнорировавший проблему эксплуатации труда. Они указывали на то, что и микробы могут зависеть друг от друга, но ничто не свидетельствует о том, что они любят друг друга. Габриэль Тард в книге «Подражание» утверждал, что это — ведущий принцип, определяющий человеческое поведение, и заявлял, что солидаризм основан на противоречии и поэтому неизбежно приведет к социализму: он ставит своей целью гармонию, но идея долга не может не привести к спорам о размере долга каждого человека и о том, должники или кредиторы придут к власти. Это говорит о том, что доктрина не была понята должным образом, что, конечно, было одной из ее слабостей*

Солидаристы уповали в основном на развитие добровольных обществ взаимопомощи. Они надеялись, что это обеспечит выполнение целого ряда социальных функций — помощи в поиске работы, кредитования, медицинского обслуживания, пенсионного обеспечения и страхования — без особых затрат для государства. «Французская республика,— говорил Поль Дешанель,— должна стать огромным обществом взаимопомощи»[†]. А у мютюэлизма во Франции была долгая история. Хотя и запрещенные Революцией, общества взаимопомощи стали создаваться вскоре после нее. Они получили поощрение в период Июльской монархии, которая в 1837 году позволила их образование (с официального разрешения). К 1845 году только в Париже было 262 подобных общества. Революция 1848 года придала им новый стимул, так что в 1852 году было уже 2488 обществ с 239500 членами. Затем Наполеон III нашел им новое применение. Опасаясь того, что они разовьются в подрывные организации, он изменил их характер, изъял из разряда запрещенных клубов, но поставил условие, чтобы в их состав входили только члены одной коммуны, причем не более 500 человек (для «разрешенных», а если признавалась еще и «общественная полезность», то 2000). Он сохранил за собой право назначать президента каждого общества и распускать их с минимальными формальностями. Им приходилось принимать в качестве «почетных членов» деревенских шишек, которые должны были не допустить проникновения в них революционных тенденций: префекты, кюре и мэры помогали создавать общества в как можно большем числе коммун. Десять миллионов франков от продажи конфискованных орлеанистских поместий были отложены для поощрительных субсидий. Таким образом Наполеон превратил эти общества в стимулы бережливости и осторожности, сделал их источниками новой уверенности в своих силах, но также политическими и избирательными организациями, разобщенными и поэтому неспособными приобрести независимость от него. К 1870 году в их составе находилось полмиллиона человек.

* Étude sur la solidarité sociale comme principe des lois // Séances et Travaux de l'Académie des sciences morales et politiques. 1903. June. P. 305–434. См. также статью Бугле, профессора социальной философии в университете Тулузы: *Bouglé C.* L'Évolution du solidarisme // Revue politique et parlementaire. 1903. 10 Mar. 35. P. 480–505.

† *Weill G.* Le Mouvement social en France. 1924. P. 452.

Солидаристы придали этому движению мощнейший толчок. По закону, принятому в 1898 году, эти общества не только получили такую же свободу, как профсоюзы в 1884 году, но и финансовые привилегии и обещание государственных субсидий согласно точно рассчитанной шкале (пропорционально своим достижениям). К 1902 году в них вступило еще более миллиона человек, к которым следует прибавить полмиллиона школьников, числившихся в молодежных организациях. В 1910 году было зарегистрировано 15832 общества с 3170000 активными и 400000 почетными членами.

Мютюэлизм был практическим и популярным аспектом солидаризма. Существовала Национальная лига взаимопомощи (основанная благодаря пожертвованию в 10 тысяч франков от владельца Magasins du Louvre миллионера Шошара и с благословения президента республики Сади Карно). Она провела шесть национальных конгрессов с 1883 года, а в 1900 году — первый международный конгресс в Париже, ставший весьма впечатляющим действом. В большом числе появлялись газеты и журналы под названиями «L'Avenir de l'Épargne», «L'Écho de la mutualité», «La France prévoyante», «Le Mutualiste», «La Mutualité», «La Revue des institutions de prévoyance» и т. п. Странно, что ни один историк не исследовал эти газеты или конгрессы, тогда как многие изучают деятельность куда менее многочисленных социалистов*

Членство в обществе взаимопомощи стало рассматриваться почти как государственная служба. Организаторы награждались медалями. Вторая империя ввела специальную медаль — черную ленту с синей кромкой — для самых успешных из них, но эту награду нельзя было носить на себе постоянно, а только на собраниях обществ. С 1898 по 1903 год ограничения на ее ношение были отменены, и обладателям золотых медалей было разрешено открыто носить их ленточки вместо обычных. В 1875 году было присуждено лишь 579 таких медалей. В 1895 году — не менее 3281. В 1900 году это число возросло до 8175, а в 1907 году превысило 17000. Можно было подумать, что общества создавались лишь для получения медалей, и спрашивалось, что же это за награды, если их присуждают за вымогательство субсидий у государства. Будучи предоставленными самим себе, общества несли бы убытки на сумму около 10 миллионов франков в год. Взносы составляли только две трети их доходов; остальное поступало в виде государственных субсидий и взносов почетных членов. Поэтому неудивительно, что многие люди с подозрением смотрели на эти общества как на организации узаконенного нищенства, которыми вертят богачи. Присутствие почетных членов, как и государственные субсидии, делало эти общества весьма отличными от английских обществ взаимопомощи (имевших гораздо больше членов — свыше пяти миллионов в 1898 году — и бывших

* Premier Congrès international de la mutualité 1900 (president M V Lourtiès, sénateur), report ed. Jules Arboux (1901): доклад содержит много полезной информации. См. критику национальной организации Эженом Жоли, председателем общества в Сент-Этьене: Joly E Le Passé, le présent, l'avenir de la mutualite 1893.

втрое богаче французских). В них никогда не получал развитие «дружеский» характер английских обществ. В Англии организация общения играла столь же важную роль, как страхование: ежегодно проводились банкеты или пикники, дружеские пирушки по случаю ежемесячных собраний (затраты на которые списывались как «квартирные расходы»), церемонии посвящения и таинственные ритуалы таких организаций, как Oddfellows или Free Foresters. Отстраняя высшие общественные слои, англичане дали этим обществам возможность стать частью культуры рабочего класса. Французские общества, напротив, были втянуты в традицию государственного вмешательства, патернализма работодателей и политических интриг.

Взносы были очень невелики — в среднем 13 франков в год (около 50 пенсов). Соответственно низкими были и пособия. Средний размер пенсии, которая выплачивалась на рубеже столетий, не достигал и 71 франка (£3) в год. Общества стремились предложить как можно больше различных пособий, чтобы получить право на максимальный размер субсидий, которые полагались для каждого вида, поэтому ничего не способны были делать хорошо. Текущие расходы съедали в среднем 27% их доходов. Общества были слишком малы, чтобы предоставить надлежащее страховое обслуживание. В 1902 году у 71% из них было менее 100 членов, а у 39% — менее 50. Игнорирование руководящих принципов страхования было повсеместным, методы управления — крайне непрофессиональными. Правительство на самом деле не особенно помогало, даже несмотря на издание многочисленных пособий о мютюэлизме. Наиболее серьезным упущением было то, что само движение так и не получило прочной основы — системы расчета рисков. Статистические таблицы болезней и смертности, обещанные в декрете 1852 года, а затем законом 1898 года, в 1907 году все еще не были опубликованы (а министр труда Вивиани заявил, что из-за исключительной трудности составления их появления не следует ожидать еще некоторое время). В этом отношении Франция более чем на пятьдесят лет отставала от Англии, где относительно надежные таблицы были составлены в 1845 году.

В отличие от Наполеона III, политики-солидаристы призывали общества взаимопомощи объединяться. Они мечтали о мощном нравственном подъеме, вследствие которого эгоизму мелких организаций придет на смену всепроницающая солидарность: союз обществ взаимопомощи станет основой нового примирения всех французов. Но старые привычки слишком глубоко укоренились. Был сформирован национальный совет, но он не имел власти над обществами и действовал лишь как пропагандистский орган. Его обвиняли в недостаточной представительности, а его полезность сомнительна. На уровне департаментов были учреждено несколько

федераций, и они иногда действовали достаточно эффективно, обеспечивая работу своих аптек, клиник и бань. Контраст между идеализмом и тем, чего удавалось достичь на самом деле, можно проследить на примере бань. Их крайняя важность постоянно подчеркивалась. Фернан Фор заявил: «Когда французы станут ходить в баню дважды в неделю, нравственное, интеллектуальное и политическое состояние нашей страны изменится»* Работы русских и японских специалистов относительно их пользы тщательно изучались. Подсчитывалось число микробов, убиваемых в банях, и было установлено, что в банях любого типа количество микробов только увеличивается, в то время как душ его сокращает Это оказалось кстати, ведь построить душевую гораздо дешевле, а воды в ней тратится меньше. Но затем встал денежный вопрос, и сделано было намного меньше, чем обещано. Схожие трудности возникли в сфере медицинских услуг, обеспечиваемых обществами, которыми, кроме того, чаще пользовались состоятельные люди, нежели бедняки. Отношения с докторами и фармацевтами всегда оставались сложными. Мютюэлизм должен был сыграть на их экономических интересах, но они не обеспечивали требуемых от них социальных услуг и решительно сопротивлялись давлению государства. В 1900 году в общества вступило только 30000 крестьян и лишь полмиллиона работников физического труда из одиннадцати миллионов†. Политики завышали данные о массовости движения (так поступали и профсоюзы) и говорили о «мютюэлистской элите», составлявшей пятую часть рабочего класса, якобы проникнутой уважением к установленному порядку и являвшейся опорой против «набирающих силу сторонников коллективизма и анархии»‡.

Мютюэлизм развивался гораздо быстрее, чем кооперативное движение. Законопроект о поощрении последнего обсуждался и исправлялся восемь лет и в конце концов был отклонен сенатом. Во многом это было следствием сопротивления мелких лавочников. Лишь около полумиллиона человек до войны проявляли интерес к кооперации. В 1890 году движение раскололось между социалистами и независимыми, в результате чего мелкие местные общества предпочитали не вступать ни в одну из федераций. Соглашение о воссоединении было заключено в 1912 году, причем победили независимые во главе с профессором Шарлем Жидом (одним из первых солидаристов), однако он признал, что прогресс движения сдерживали не только эти теоретические разногласия: «Французы,— говорил он,— и особенно французские рабочие не хотят, чтобы ими управляли равные им». Движение за участие в прибылях, о котором также было написано очень много и которому посвящались национальные и международные конгрессы, привлекло лишь незначительное меньшинство и захватило всего

* *Heim M.* Contribution à l'étude de quelques services supérieurs de la mutualité dans le département de l'Hérault. 1913. P. 99 (диссертация)

† Аргументы Леона Буржуа. La Politique de la prevoyance sociale. 1914–1919. Vol. 1. P. 149

‡ *Weber A.* A Travers la mutualité: étude critique sur les sociétés de secours mutuels. 1908. P. 262. *Alarcone A.* L'Action economique et sociale des sociétés de secours mutuels. 1914 (диссертация). *Assens C.* La Mutualité pratique guide. 1914

лишь около 500 фирм. Обращение к частным предпринимателям не имело успеха*

Одно из частых недоразумений в отношении Третьей республики до 1914 года состоит во мнении, что она якобы принимала очень мало социальных законов. Напротив, их было огромное количество, и надо бы их исследовать, потому что они показывают, с одной стороны, как воплощались в жизнь солидаристские идеи, а с другой стороны, каковы были ограничения, недостатки и провалы данной доктрины. Дополнительно к обществам взаимопомощи было инициировано создание нескольких важных социальных институтов. Крупнейшей проблемой, требовавшей решения, была проблема бедности. Замена частной благотворительности солидаристской поддержкой требовала крупной реорганизации ресурсов. Уже существовал институт для решения вопроса бедности в лице *bureaux de bienfaisance*†, которые (теоретически) должны были распределять помощь в каждой коммуне под руководством мэра; но в 1871 году только в 13367 из 35989 коммун Франции были такие учреждения, заботившиеся о нуждах лишь 60% населения; в среднем они тратили всего 28,6 франков в год на человека в Париже и 14,9 франков — в провинциях. Назначенная в 1872 году для проведения расследования комиссия не дала каких-либо рекомендаций по осуществлению радикальных изменений, поскольку придерживалась традиционного отношения к благотворительности‡.

Тем не менее в 1886 году при министерстве внутренних дел было создано специальное бюро для решения вопросов государственной помощи (до 1905 года его возглавлял солидарист-протестант Анри Моно). В нем вскоре поняли, что внедрить солидаристские идеалы с помощью одной общей реформы невозможно. Нежелание помогать здоровым и полным сил людям, оказавшимся без работы, было велико. Так что бюро начало с призывов помогать больным, немощным, детям и престарелым. Было основано несколько обществ и с 1894 по 1911 год проведено пять национальных конгрессов. В 1893 году «во имя великого принципа солидарности» был принят новый закон, согласно которому «каждый француз, лишенный средств, должен бесплатно получать... медицинскую помощь дома или, если за ним невозможно эффективно ухаживать, в больнице». От каждой коммуны требовалось учредить «бюро помощи», составить списки получающих эту помощь, а государство обещало компенсировать им 80% субсидий. На тот момент коммуны помогали менее чем полумиллиону человек. К 1897 году списки получающих помощь включали 1,9 миллиона человек, и 13 миллионов франков было фактически распределено между 701000 человек в виде медицинской помощи. Это, впрочем, составляло лишь 19,5 франков в год. Более

* *Gaumont J.* Histoire générale de la coopération en France. 1924; *Trombert A.* Charles Robert, sa vie, son œuvre. 1927–1931. См. также публикации основанного в 1879 г. «Société pour l'étude pratique de la participation du personnel aux bénéfices».

† Бюро материальной помощи (фр.).

‡ «Enquête sur les bureaux de bienfaisance» (1894) министерства внутренних дел, доклад Поля Буке.

того, неизлечимые исключались их этого списка, так что хотя госпиталь принимал беднягу бесплатно, его посылали домой, как только объявляли неизлечимым. В 1897 году была предпринята попытка исправить этот серьезный недостаток с помощью субсидий местным властям, которые позволили бы им выплачивать пенсии неизлечимым старикам, но это опять-таки не удалось сделать, поскольку местные власти отказывались тратить на это деньги: пять шестых от суммы, выделенной парламентом, осталось неиспользованными. Ситуация была такова, что для предоставления старику медицинского обслуживания его необходимо было преследовать и признать виновным в нищенстве. Но даже так бесплатное больничное лечение не сопровождалось выплатой компенсаций за потерю заработной платы или на содержание иждивенцев. Поэтому был внесен на рассмотрение закон о внедрении, согласно его названию, «услуг социальной солидарности» в форме обязательной помощи старикам, немощным и неизлечимым, и в 1905 году он был наконец принят. Он предполагал оказание помощи больным старше семидесяти лет. Его выполнение вскрыло поистине бедственное положение. Более полумиллиона человек ежегодно должны были получать согласно этому закону помощь: государственные субсидии составили 49 миллионов франков в 1907 году, а к 1914 году они возросли до 100 миллионов* Но бедные все равно получали в среднем лишь 34,9 франков в год, по сравнению со 180 франками (£7,20) в Англии, где помощь распределялась между почти вдвое большим числом людей. В 1914 году все еще было 8,6 миллиона французов, проживавших в коммунах, где не было «бюро помощи». Аппарат, созданный для руководства всем этим, наводнили политические выдвиженцы, так что эффективность ее деятельности была исключительно низкой.

В 1901 году правительство внесло в качестве «акта солидарности» законопроект о предоставлении более чем десяти миллионам рабочих права на пенсию, но он вошел в силу, причем в переработанном виде, только в 1910 году, задержанный многочисленными протестами сената по поводу связанных с ним затрат. Отсрочке также способствовало сопротивление работодателей и рабочих. Опрос профсоюзов в 1901 году показал, что многие из них враждебно относились ко всяким схемам пенсионных взносов, поскольку считали, что в сравнении с этими схемами то, что могут предложить своим членам сами профсоюзы, будет выглядеть не так привлекательно, а потому осложнит сбор их собственных взносов. Торговые палаты заявили, что предпочитают взаимопомощь обязательному государственному страхованию. Но взлету системы взаимопомощи это поспособствовать не могло, ведь в 1900 году только 10% пролетариев имели страховку по старости†. По новому закону примерно десять миллионов рабочих

* *Pipkin C. W.* Social Politics and Modern Democracies. 1931. Vol. 2. P. 190. Это хорошее исследование социального законодательства того периода. Второй том посвящен Франции. См. также: *Mirman L.* Une Loi de solidarité sociale // Revue politique et parlementaire. 1903. July. P. 49–73; *Weiss J. H.* The Third Republic's War on Poverty (рукопись, 1966). *Joly H.* De la corruption de nos institutions. 1903. P. 196–197.

† *Bellom M.* Les Retraites ouvrières en France. Le Referendum de 1901 // Revue politique et parlementaire. 1902. Jan. P. 119–139. *Dubois M.* La Législation sociale a la fin du dix-neuvieme siecle. 1900.

должны были получать пенсии по достижении 65 лет из фонда, в котором одна половина средств составлялась в равной мере из взносов работодателей и рабочих, а другая — государства. Около шести миллионов независимых рабочих и крестьян-собственников получали возможность страховаться по собственному желанию. В 1912 году пенсионный возраст был сокращен до 60 лет. Франции потребовалось немало времени, чтобы добиться такого результата, и ее действия казались тем более медлительными, что принцип обязательного страхования на случай болезни или старости был признан уже в 1894 году в законе о шахтерах.

Закон 1898 года предусматривал выплату щедрых компенсаций рабочим, пережившим несчастный случай, независимо от того, кто был виноват в нем. (Ранее жертва должна была доказать, что работодатель проявил халатность.) С 1898 по 1902 год пришлось быстро принять еще три закона для того, чтобы исправить последствия чрезмерной осторожности. Работники получили стимул страховаться от несчастного случая, но все еще не были обязаны делать это. Страховые компании, стремившиеся получить прибыль на новом поприще, начали образовывать консорциум, чтобы увеличить свои страховые премии. Государство предложило альтернативную официальную страховую систему (1899), но основная часть страховых соглашений заключалась с компаниями. Взаимные схемы оказались неутешительно инертными. Как бы то ни было, законы затрагивали только отрасли промышленности, использовавшие станки, и исключали болезни, приобретенные на производстве.

Советы сведущих людей давно предусматривали арбитражный суд как средство разрешения споров между хозяевами и физическими лицами. Новые надежды солидаристов на достижение социального мира, наряду с эмоциями, которые вызвала масштабная забастовка шахтеров в Кармо, породили новый закон от 27 декабря 1892 года, предусматривавший такой же механизм для рассмотрения коллективных споров. Однако обращение к третейскому суду оставалось совершенно добровольным и редко использовалось. В ноябре 1900 года Мильеран внес законопроект о том, чтобы сделать арбитраж обязательным, но тот встретил такое сопротивление со стороны как рабочих, так и профсоюзов, что даже не обсуждался в парламенте. Вместо этого хозяева и работники объединились в ряде консультативных институтов. В 1891 году был создан Высший совет по труду для консультирования министра по социальным вопросам; сначала он назначался министром, но после 1899 года одна треть членов стала избираться профсоюзами, а другая — организациями работодателей. Это был важный орган, несмотря на все его злоключения, ведь он проводил большую работу над предлагавшимися в тот период законами и фактически взял на себя функции законодательной секции

Государственного совета в том, что касалось вопросов труда. В 1891 году подобным образом было образовано Управление труда при министерстве торговли, функция которого состояла в сборе информации об условиях труда. За первые десять лет работы оно издало примерно 50 томов более или менее фантастической статистики, поскольку у него отсутствовали полномочия и сотрудники, чтобы непосредственно заниматься исследованиями, и ему приходилось полагаться на другие источники. Местные *conseils du travail** теоретически были созданы в соответствии с декретом 1901 года и должны были избираться организациями работодателей и рабочих, но это означало, что большинство французских рабочих, не состоявшее в союзах, лишалось права голоса: идея заключалась в том, чтобы стимулировать вступление в объединения. На практике было образовано только пять местных советов в крупнейших городах.

Первый закон, регулировавший занятость и продолжительность рабочего дня детей на фабриках, вступил в силу в 1841 году (на восемь лет позже английского Фабричного акта 1833 года), но при малой заинтересованности правительства и в отсутствие какой-либо эффективной проверки его игнорировали† Перепись населения 1851 года показала, что половину фабричных работников составляли женщины и дети, но только в 1874 году был принят новый закон, предусматривавший назначение пятнадцати инспекторов и запрещавший работу на фабриках детям младше двенадцати лет (или, с разрешения правительства, десяти лет). Но этот закон, опять-таки, оказался действенным только отчасти, а когда в 1881 и 1885 годах палата депутатов утвердила дополняющие его законопроекты, те были отклонены сенатом. Лишь в 1892 году дух солидарности распространился настолько, чтобы прошел закон, ограничивавший работу женщин и подростков в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет одиннадцатью часами в день, детей от тринадцати до шестнадцати лет — десятью часами, и вообще запрещавший работу детей младше тринадцати лет, за исключением тех случаев, когда они имели свидетельство о начальном образовании (эти могли работать с двенадцати лет). Этот закон также требовал предоставления одного выходного дня в неделю. Таким образом, закон установил несколько различных продолжительностей рабочего дня, в результате контролировать его соблюдение оказалось почти невозможно, так что власти закрывали глаза на пренебрежение им. Новый закон 1900 года ограничил работу на всех фабриках, где работали женщины и дети, десятью часами (включая мужчин). Работодатели опять же игнорировали этот закон или платили небольшие штрафы за его нарушение; некоторые увольняли детей, чтобы освободиться от надзора инспекции. Более того, законом от 28 марта 1902 года и декретом от 30 апреля 1909 года были официально утверждены ис-

* Советы по труду (фр.).

† Декрет 1813 г. запрещал использование труда детей младше десяти лет в шахтах.

ключения. Тем не менее, значение закона 1900 года состояло в том, что в определенных случаях (например, на образцовых фабриках) был ограничен рабочий день взрослых мужчин, а это уже был первый шаг к восьмичасовому рабочему дню. Но работники магазинов и пищевой отрасли оставались без его защиты. В 1905 году был введен восьмичасовой рабочий день для шахтеров, но только в 1919 году он распространился на всех рабочих.

Обещанное определение минимального размера заработной платы было отложено. В 1899 году Мильеран обратился к государственным предприятиям с просьбой выплачивать «обычные для своих регионов жалованья», но это требование не связывало местные власти, которые (за исключением нескольких департаментов) игнорировали его. Законопроект, регулировавший оплату труда товарами, внесенный на рассмотрение в 1892 году, был положен под сукно парламентом. Закон о заработной плате, принятый в 1895 году, защищал рабочих от кредиторов, претендовавших на выплаты, превышающие десятую часть заработка, но больше всех от него выиграли, кажется, чиновники, немало нажившиеся благодаря механизму, призванному проводить закон в жизнь. *Livret*, которое должен был иметь каждый рабочий, будто преступник, с того времени, как их ввел Наполеон, и отмена которых была обещана еще в 1870 году, наконец, ушли в прошлое в 1890 году, сделав работодателя и рабочего равными перед законом. Дальше этого солидаристам продвинуться не удалось*

Если бы солидаризм был доведен до своего логического завершения, то повлек бы за собой радикальную трансформацию не только общественных отношений, но и самого государства. Некоторые его сторонники выработали совершенно свежий взгляд на традиционный характер государства. До конца XIX века французские юристы довольствовались тем, что комментировали законы и декреты, описывали работу правовой системы, но не пытались объяснить или поставить под сомнение ее основы. Культ закона был слишком силен, и юристы считали себя его жрецами. Это отношение проявилось в 1886 году в публикации версии Гражданского кодекса в стихах: она стала классической. Сийес сказал. «Там, где кончается государство, начинается личная свобода», а Эсмен, ведущий профессор права начала столетия, обосновал это в своей повсеместно изучавшейся работе по публичному праву. Однако теперь вопрос о том, из каких истоков государство черпает свою власть и для чего может ее использовать, был пересмотрен новой школой теоретиков права во главе с Леоном Дюгюи. Поскольку целью государства представлялась защита свободы, а после введения всеобщего избирательного права считалось, что оно получает власть от народа, делался вывод о том, что (за исключением административных ошибок) государство всегда поступает правильно. Дюгюи отвергал это утверждение, говоря,

* *Levasseur E.* Questions ouvrière et industrielles en France sous la Troisième République. 1907; *Astier, Godart et al.* L'Œuvre sociale de la Troisième République: leçons professés au collège libre des sciences sociales. 1912.

что это означало бы сохранение государства Старого порядка под новой личиной. Он утверждал, что роль закона и правосудия не зависит от государства и правительства, которые должны быть его субъектами в той же мере, что и отдельный человек. Чиновников следует рассматривать как людей, служащих обществу, а не обладающих верховной властью, как гласит «миф, лишенный основания»; власть может почитаться законной только тогда, когда она используется должным образом. У правительства есть обязанности, а не только права; оно не является олицетворением нации, как ему кажется, и простой человек должен иметь возможность подать на него в суд, если оно не справляется со своими обязанностями. Государственный совет проделал некоторый путь в направлении принятия этой новой доктрины и получения отдельными лицами права жаловаться на несправедливости, чинимые государственными органами. Развивался новый вид юриспруденции. Но суды не могли заставить государственную службу действовать, они могли лишь выносить судебные запреты. Всемогущество государства, таким образом, не было подорвано* Солидаризм не произвел той радикальной перемены, на которую можно было рассчитывать. Именно это, а не пробелы социального законодательства, явилось огромной неудачей 1890-х годов.

Одно из объяснений той глубинной стабильности, которую не могли поколебать кипящие на поверхности дискуссии, можно найти в карьере Вальдека-Руссо. Она охватывает два поколения: он был министром при Гамбетте (1881), а также премьер-министром во время дела Дрейфуса двадцать лет спустя (1898–1901). Его карьера особенно поучительна, поскольку его имя связывали с некоторыми яркими, хотя и безуспешными попытками произвести перемены. Она позволяет увидеть, почему великие реформы зачастую оказывались куда скромнее, чем выглядели на бумаге, и лучше понять ограниченность как политиков, так и среды, в которой они работали.

Вальдек-Руссо был сыном адвоката средней руки (с доходом 5000–6000 франков, до 12000 в лучшие годы). Таким образом, его происхождение было вполне скромным, он не унаследовал большого состояния, ему с детства прививали экономность, ему пришлось поддерживать своего отца в старости. Однако в конце концов он стал одним из самых успешных адвокатов Франции, и ему удалось сколотить 136 тысяч франков всего за три года с 1885 по 1888 год. Он женился в возрасте 42 лет на вдове своего еще более богатого коллеги и жил на широкую ногу в роскошном доме среди впечатляющих произведений искусства, имел яхту и общался с богатеями. Его друзьями, как он гордо говорил, были «великие промышленники». Он выдвинулся благодаря экспортной компании Société Dreyfus, чьим юридическим

* *Halbecq M.* L'État, son autorité, son pouvoir 1880 1962 1965 (дискуссия о новых правовых теориях). *Duguit L.* Law in the Modern State 1919.

консультантом состоял и которая оплачивала его услуги на протяжении большей части его карьеры. В качестве адвоката он специализировался на коммерческих делах, суливших большие гонорары. Он искренне восхищался богачами и критиковал деятелей 1848 года за слишком эмоциональное отношение к судьбам бедноты. Он как-то раз спросил себя, почему его так мало волнует их нищета, и, кажется, никогда особенно им не сочувствовал.

Как многие последователи Гамбетты, Вальдек-Руссо плохо учился, будучи студентом: ему не удалось получить диплом с первой попытки. В возрасте 22 лет он уже был зол на жизнь, и это чувство никогда не покидало его. Он скрывал свою робость и разочарование за холодностью и сдержанностью, из-за чего многие сравнивали его с рыбой. Успех лишь превратил его резкость в высокомерие. У него никогда не было личных приверженцев. Его лучшими друзьями были животные — собаки, кошки и птицы. Будучи студентом, он не общался со сверстниками. Как адвокат, делавший карьеру в городе, где у него не было связей, Вальдек-Руссо избегал общества. Его часто можно было видеть одного в излюбленном кафе: он был известен своей замкнутостью. Он едва ли находился под влиянием интеллектуальных движений своего времени, практически ничего не знал о позитивизме, мало читал, презирал политиков, теоретиков и доктринеров. Когда он занялся политикой (которую никогда не рассматривал в качестве карьеры, но к которой его привело честолюбие), разочарование только усилило его злобу и добавило ненависти к парламентам и депутатам, которых он называл «пигмеями» или «тлями». В юности он был правоверным католиком, ярым защитником светской власти папы и даже членом Общества св. Винцента де Поля. В 1868 году он утратил веру не из-за занятия наукой, а из-за отвращения к религии, ставшего следствием ощущения утраченной молодости (и, возможно, в результате охлаждения отношений с отцом). Вальдек-Руссо никогда не мечтал, что наука заменит ему религию. Он не разделял страстного интереса республиканцев к образованию и никогда не обращался с просьбами построить школу в своем избирательном округе. Он учился в церковной школе в Нанте и не имел жалоб на ее учителей: они дали ему понять, говорил он, что католицизм необязательно должен быть воинствующим. Антиклерикализм Гамбетты, в отличие от его патриотического энтузиазма, не интересовал его: Вальдек-Руссо ненавидел национализм Деруледа. Отпуска он проводил в путешествиях по Европе, но посещал в основном пляжи и музеи. Один месяц на английском побережье убедил его в том, что англичане — это нация лицемеров. Вальдек-Руссо, кажется, плохо разбирался в вопросах внешней политики и мало интересовался ими. Он был почти слеп на один глаз. Любимым его занятием была живопись; охота, верховая езда, гребля, гимнастика, бокс,

«все виды спорта, даже жестокие, привлекали его». После ухода в отставку он стал считать, что жизнь скучна, а счастье недостижимо. «Puisqu'il faut s'ennuyer, ennuyons nous»*. Вальдек-Руссо достоин внимания уже потому, что оказался настолько несоответствующим идеализированному мифологическому образу республиканца — бойца и оптимиста (едва ли когда-то существовавшего в действительности).

Однако именно этого человека Гамбетта сделал своим экспертом по социальным вопросам. Идеи Вальдека-Руссо в данной области были весьма смутными. Прежде его занимала главным образом реформа судебной системы, которую он считал жизненно важной для развития республики: адвокаты (особенно придерживавшиеся республиканских взглядов, которых штрафовали или заключали в тюрьму судьи) остро чувствовали это. Выработанная им программа была нацелена на установление социального мира. Он считал, что индустриализация дала капиталистам чрезмерное и опасное превосходство. Рабочие не могут терпеть это бесконечно. Им нужно обеспечить большее равенство, и этого можно достичь посредством объединений: вместе они могли бы разговаривать с работодателями на равных. «Я считаю ассоциации,— писал Вальдек-Руссо,— регулятором общественных сил и способом уравновесить их». Они должны были позволить знающим и умеренным рабочим воспитывать малограмотных и порывистых, а ответственность за управление этими организациями должна была показать им всем, что забастовки не решают их проблем. Улучшение моральных и материальных условий превратит рабочих в защитников порядка. Вальдек-Руссо призывал их на тот путь, по которому шел сам — делать карьеру, копить, зарабатывать деньги и вести спокойную буржуазную жизнь. Он был искренен, поскольку относился к низшим классам без предрассудков. В нем было что-то от братского утопизма 1848 года, унаследованного от отца. Не следует забывать, что прежде чем стать республиканцем, он восхищался наивным романтиком Эмилем Оливье (которого в 1869 году назвал единственным государственным деятелем, изучавшим политику «научно»), а его любимым писателем был Ламартин. Идеалом Вальдека-Руссо было братское общество без какого-либо патернализма или иерархии в духе христианского социализма. Внесенные им в парламент в 1882 году законопроекты включали многие предложения солидаристов о пенсиях, страховании, советах сведущих людей и обществах взаимопомощи. Закон о профсоюзах от 1884 года, с которым связывают его имя, не был его собственной инициативой — Вальдек-Руссо лишь способствовал его продвижению на последних стадиях. Он желал гораздо более широкого рассмотрения вопроса об ассоциациях, считая, что союзы — которые были лишь одной из их форм — не требуют к себе специального внимания.

* Коли скучно, будем скучать (фр.).

Leyret H Waldeck-Rousseau et la Troisième République (1869–1889). P 54, 56. См. прекрасную биографию. Sorlin P Waldeck-Rousseau 1966.

Это позволяет увидеть, насколько изолированно от движения рабочего класса развивалась его мысль. Социалист Малон называл его идеи восхитительными, но утопичными, далекими от реальности. Вальдек-Руссо встречался только с лидерами умеренных рабочих, в основном ремесленниками; он, казалось, не понимал того, что говорили ему шахтеры, в частности, что в горнодобывающих районах рабочие объединения никогда не станут достаточно сильны или богаты, чтобы освободиться от господства капиталистов. Он считал, что экстремистское меньшинство вводит в заблуждение огромную массу здравомыслящих честных тружеников. Это привело к тому, что его социальная политика на посту премьер-министра отличалась враждебностью по отношению к решительным, организованным, политически ориентированным союзам, причем он пытался противопоставить им рабочие объединения нового типа. Его законопроекты о пенсиях и обязательном арбитраже встретили сопротивление союзов. В социальных вопросах он колебался между двумя позициями. С одной стороны, Вальдек-Руссо неуютно чувствовал себя в толпе, не желал идти на поводу у масс и считал, что такие люди, как он, должны установить новую справедливость, помочь превратить наемного работника в партнера и владельца собственности, даже если массы по невежеству не могут правильно оценить его намерения. С другой стороны, он верил, что в своем сопротивлении экстремизму и социализму он представляет молчаливое большинство, «настоящую страну, трудолюбивую страну, которую часто недостаточно хорошо слышно, потому что она не так много говорит, и чье мнение следует искать в ее самых сокровенных проявлениях». Вальдек-Руссо все больше обращал свой взор на провинции как противовес Парижу, на крестьян как противовес городским экстремистам. В радикалах он видел страшную угрозу. Так что его положение в 1900 году не так уж сильно отличалось от того, в котором находился Луи Наполеон в 1848 году. Вальдек-Руссо продолжал проповедовать идеалы той революции, желал отвлечь рабочих от их лидеров и повести за собой. Он назначил в свое министерство социалистического ренегата Мильерана, видя в левых политиков просто честолюбцев, и был строг с работодателями, чьи патерналистские взгляды критиковал как представляющие серьезное препятствие для достижения социального мира. Выступая третейским судьей во время забастовки на Le Creusot, он отстаивал принципы, согласно которым работодатели не должны дискриминировать членов профсоюзов и противиться выборам цеховых профсоюзных уполномоченных*

Вальдек-Руссо славился своей жесткостью — такую репутацию он заработал своими авторитарными антипарламентскими высказываниями, когда был министром внутренних дел в правительстве Гамбетты. Он был противником децентрализации и

* *Waldeck-Rousseau R.* Questions sociales. 1900 (содержит основные речи по этому вопросу); ср. *Leyret H.* De Waldeck-Rousseau a la C. G. T. 1921.

выступал против предоставления большей свободы Парижу и его вывода из-под контроля префекта полиции. Он называл городские советы непредставительными и призывал бизнесменов прийти на смену работавшим в них профессиональным политикам, чтобы «экономическая элита» могла осуществлять управление более эффективно. Временно уйдя из политики в 1889 году «из-за отвращения» к парламентской системе, Вальдек-Руссо вернулся в качестве сенатора, но редко участвовал в дебатах и никогда не выступал в парламенте с длинными речами, даже когда входил в состав правительства. Его самым интересным политическим экспериментом была попытка основать в 1890-х годах партию нового типа. Он мечтал «положить конец эре политиканов». «Чисто теоретическая политика потеряла свое значение и интересность». На смену ей должно прийти решение практических вопросов. Вместо юристов, докторов и журналистов в парламент должны избираться коммерсанты и промышленники* Вальдек-Руссо хотел внедрить во Франции английское парламентское правление: объединить разрозненные умеренные группы в палатах, из существующих политических объединений создать сплоченную партию и уменьшить возможность отдельных депутатов чинить препоны деятельности правительства посредством запросов. В бытность министром внутренних дел ему пришлось отвечать на запрос по поводу мусорных ящиков, из-за которого правительству грозило падение. Страна нуждалась в сильных и долго работающих кабинетах. Вальдек-Руссо относил замедление экономического роста на счет политической нестабильности: важным результатом его реформ должно было стать поощрение личного преуспеяния, а значит, и отказ от введения подоходного налога, так как старые налоги при должной реорганизации вновь могли бы приносить достаточные доходы. Он считал, что подоходный налог противоречит принципу равенства прав и обязанностей, сформулированному Французской революцией. Этот налог, полагал он, приведет к образованию нового привилегированного класса и разделит нацию на тех, кто платит и кто не платит налоги. Поэтому он считал важной задачей расколоть стан радикалов, привлечь на свою сторону умеренных антисоциалистов из их числа и создать мощную центристскую партию. Вальдек-Руссо надеялся, что это будет не очередная новая коалиция и уж, конечно, не прежнее «сплочение». Она будет основываться на общей программе, а не на компромиссе. Он мечтал о выдвижении на единой политической платформе пятисот кандидатов.

В июне 1897 года Вальдек-Руссо основал (по образцу английских Carlton Club и Reform Club) Grand Cercle républicain — своего рода противовес аристократическому Jockey Club. Вступительный взнос был высоким: двести франков для парижан и сто — для провинциалов. Он рассылал молодых людей агитиро-

* Речь 3 июля 1896 г., цит. по: *Sorlin*. Op. cit. P. 382.

вать богатых бизнесменов и промышленников по всей стране. Его клуб должен был сильно отличаться от других подобных объединений (к некоторым из которых он сам принадлежал). Association nationale républicaine (которую возглавлял Одифре) и Association gambettiste (где председательствовал Казо) занимались в основном распространением республиканской пропаганды из Парижа в провинцию. Новая организация Вальдека-Руссо была создана для того, чтобы найти национальных лидеров нового толка. Но к марту 1898 года ему удалось убедить присоединиться к данной организации всего лишь около тысячи человек. Его клуб так и не сыграл предназначенной ему роли. Политики не желали разрушать систему, которой они пользовались в своих целях, или подчиняться Вальдеку-Руссо. Он заручился поддержкой лишь тех из них, кто не имел за собой собственной группировки, вроде Пуанкаре и Дешанеля. Провинциальные нотабли не желали жертвовать своей независимостью. Поражение Мелина стало серьезным поражением клуба, дело Дрейфуса завершило его распад. Вальдек-Руссо сам погубил собственное творение, когда возглавил кабинет с участием социалиста и боролся за голоса социалистов и радикалов, изменяя политической линии, ради торжества которой он основал свой клуб. В любом случае, ему не хватало демагогических талантов, необходимых для создания популярной партии. Единственное, что осталось от планов Вальдека-Руссо — это «Revue politique et parlementaire», основанное в 1894 году для продвижения «мелинизма» и ставшее главным органом нового клуба, однако оно было уж очень толстым (240 страниц), выходило раз в месяц и было интересно лишь узкому кругу читателей. Предприниматели отказывались баллотироваться в парламент, хотя некоторые из них, включая главу Банка Франции, делали щедрые пожертвования. Республиканский комитет торговли и промышленности, который Вальдек-Руссо помог основать (президентом стал ювелир Маскюро), предпочитал действовать неофициально, представляя интересы работодателей, торгуя наградами и тайно субсидируя профессиональных политиков. Поэтому Вальдеку-Руссо не удалось изменить систему. Нельзя точно сказать, смог бы он добиться большего, если бы проявил гибкость и расчетливость*

Вальдек-Руссо стремился не к отделению церкви от государства, а к прямо противоположному — усилению контроля правительства за духовенством и особенно монашескими орденами. Последние не упоминались в конкордате 1801 года и тем были косвенно запрещены во Франции, но постепенно проникали обратно и пользовались совершенно неведомой белому духовенству свободой от государственного контроля. Вальдек-Руссо намеревался заполнить этот пробел в законе, стать «Бонапартом монахов», приведя конкордат в согласие с новой ситуацией, в общем,

* *Marcellin L.* Waldeck-Rousseau et le Waldeckisme // Revue universelle. 1923. 1 Aug. P. 306–329; *Blick B.* Waldeck-Rousseau 1894–1904 (неопубликованная диссертация, 1958); Revue politique et parlementaire (номера с 1894 г., особенно апрельский 1900 г., посвященный истории журнала и клуба); *Meric V.* Mascuraud // Les Hommes du Jour. 1910. 12 Mar.; *Reynaud P.* Waldeck-Rousseau. 1913 (о его репутации авторитарного руководителя).

он хотел республиканизировать (а не упразднить) церковь. В 1900 году насчитывалось около 162000 членов монашеских орденов — почти на 60% больше, чем в 1789 году; они, по-видимому, были самой богатой отдельно взятой группой в стране; указывалось (довольно произвольно), что за последние пятьдесят лет они удвоили свои богатства и теперь располагали по меньшей мере миллиардом франков (£40 миллионов). Монахи открыто участвовали в политике, их активность достигла пика во время бурной кампании 1898 года; ассумпционисты, в частности, создали антиреспубликанскую организацию, чтобы соперничать с государством. Они отказывались платить тяжелые (по общему мнению) налоги, которыми они облагались, и препятствовали *ralliement*. Со временем республике удалось разбавить ряды епископов если не покорными, то, по крайней мере, мирно настроенными прелатами, и Вальдек-Руссо наслаждался возможностью обращаться с ними как со своими префектами, посылая гневные письма с упреками за неверные политические заявления и лишая жалованья за упрямство. Он полагал (слишком оптимистично), что соперничество епископов и черного духовенства позволит ему заручится поддержкой первых, заставив последних подчиниться. К тому времени монашеские ордена узурпировали многие функции белого духовенства: в одном только Париже у них было 511 храмов по сравнению с 76 приходскими церквями; во Франции они руководили 49 из 87 высших семинарий, готовившими пополнение приходского духовенства*. Вальдек-Руссо вознамерился не упразднить все религиозные братства, но включить, насколько возможно, в епископскую иерархию, фактически секуляризовав их. Он предложил законопроект об ассоциациях, предполагавший получение религиозными конгрегациями разрешения от Государственного совета и выдвигавший в качестве условия признание ими епархиальной юрисдикции. Некоторые ордена, конечно, никогда бы не пошли на это, и Вальдек-Руссо определенно хотел устранить самых бескомпромиссных, таких как ассумпционисты и иезуиты. (Одним из первых его шагов действительно стало преследование ордена ассумпционистов как незаконного объединения, суд объявил о его роспуске в январе 1900 года.) В общей сложности 215 конгрегаций из 830 предпочли не получать разрешение и формально объявили о роспуске, чтобы не попасть под действие закона. Вальдек-Руссо, упорно добиваясь своего, издал инструкции о том, что соблюдение принципа отделения школы от церкви может быть признано только в случае перехода бывших монахов под начало своих епископов.

Все пошло не так, как планировал Вальдек-Руссо. Депутаты добавили к закону новую статью, вообще запрещавшую членам несанкционированных конгрегаций преподавать. Эта атака на католические школы ускорила ход событий и сделала невозмож-

* *Lecanuet*. Op. cit. Vol. 3. P. 262.

ным какой-либо компромисс с епископами. Другая поправка требовала получения конгрегациями разрешения от парламента, а не от Государственного совета, и Вальдек-Руссо потерял контроль за придуманной им системой.

Вальдек-Руссо пришел к власти во главе правительства защиты республики, но ему так и не удалось создать на этой базе республиканский союз. Лидеры республиканцев отказывались вступать в него, так же, как они отказывались присоединиться к министерству Гамбетты в 1881 году: стремление Вальдека-Руссо стать «реальным» премьер-министром было несовместимо с амбициями влиятельных коллег. В результате двое из его министров (министр финансов Кайо и министр общественных работ Боден) к тому времени пробыли депутатами всего лишь год; другой (министр колоний Декрэ) до этого был префектом и послом с еще орлеанистским стажем, попавшим в парламент только в 1897 году. Главным советником премьера был военный министр — генерал де Галифе, получивший известность благодаря подавлению Парижской Коммуны.

Так, вместо того, чтобы объединить все умеренные силы, Вальдек-Руссо расколол их. При утверждении его правительства в 1899 году против выступили правые, националисты, большая часть прогрессистов, так что его выручили голоса 173 радикалов и 21 социалиста. Вальдек-Руссо плохо умел управлять людьми и, несмотря на свой властный характер, оказался на поводу у левых, которых не любил, но от которых зависел. Именно он, а не левые, оказался в дураках, в чем практически и признался, уходя в отставку: когда в 1902 году поддерживавшее его большинство укрепилось, он заявил, что оно слишком велико, и предложил сформировать радикальное правительство. Возможно, он хотел дать радикалам возможность дискредитировать себя, чтобы затем вернуться к власти в роли подлинного лидера умеренной партии. Он предложил Комбу заменить его, и тот сразу же начал разрушать все сделанное им. Вальдек-Руссо умер в 1904 году, протестуя против последствий собственной политической карьеры*

Именно в контексте этого застоя и тупика следует судить о значении дела Дрейфуса. Часто говорят, что дело скромного капитана-еврея, которого несправедливо обвинили в передаче военных секретов немцам и который из-за сопротивления армии, националистов и клерикалов не мог добиться отмены приговора, раскололо страну на две части. С одной стороны, дрейфусаров считают защитниками правосудия и личности, требовавшими оправдать его независимо от каких бы то ни было соображений государственного или военного престижа. Они представляются наследниками движения за индивидуализм XVIII века. Им противостояла армия, стремившаяся в первую очередь к сохранению

* *Sorlin.* Op. cit. (полная библиография). См. также: *Leyret H.* Waldeck-Rousseau et la Troisième République 1869–1889. 1908.

порядка, иерархии, подчинения, имевшая отличную от республиканской систему ценностей: ее офицеры-католики оставались живыми носителями идеалов Старого порядка. Против Дрейфуса выступали также и антисемиты, видевшие в деле Дрейфуса огромный еврейский заговор, поддерживаемый протестантами (среди защитников Дрейфуса было много тех и других) и подрывающий целостность нации. Духовенство подхватили этот клич, и церковные иерархи воздержались от их осуждения. Однако дело было гораздо запутаннее. Вся правда о нем не была сказана, и не проходит года, как появляется новая теория, призванная объяснить его загадки. Дрейфус был невиновен, однако осталось неведомым, кто совершил преступление, и вскрытие того факта, что чрезмерно усердный офицер, позднее совершивший самоубийство, учинил подлог, чтобы обвинить Дрейфуса, не решает вопрос о том, кто же оказался предателем. Предположение, что правительство и армия препятствовали дальнейшему расследованию во имя национальных интересов, верно лишь отчасти: проводились постоянные допросы и новые судебные процессы, но правда была скрыта так глубоко, что найти правильную линию поведения было нелегко. Отказ освободить Дрейфуса даже после того, как стало ясно, что его приговор спорен, выявляет не заговор реакции, поскольку находившиеся у власти силы вовсе не обладали единой волей, а, скорее, свидетельство действия двух более фундаментальных факторов.

Трудно было поступать рационально, когда не были известны все факты и почти каждый знал лишь некоторые из них; вердикт был поддержан на основании общих обстоятельств дела, а они воспринимались по-разному. Выработав однажды то или иное мнение, человек с трудом менял его, поскольку доказательства ни в каком случае нельзя было признать убедительными; страсти и предрассудки часто затмевали суть вопроса. Так что это была скорее человеческая, психологическая, нежели политическая неудача. Кроме того, это была неудача правосудия. Дело показало ограниченность французской судебной системы, в которой спорные моменты толкуются не в пользу обвиняемого, а Дрейфус, который оказался неважным свидетелем, не мог опровергнуть косвенные улики, делавшие его более или менее вероятным преступником, особенно в атмосфере того времени, когда шпионов искали повсюду.

Защиту Дрейфуса взяли на себя несколько видных интеллектуалов, которые преподносили его дело как продолжение борьбы за идеалы Французской революции, а себя — как защитников правды от корыстных устремлений. Конечно, освобождение невиновного человека стало результатом их настойчивости, а иногда — просто бесстрашной агитации. Но принять целиком их версию дела невозможно. Дрейфусаров не просто вдохновляла жажда

правосудия. Многие среди них, в том числе буланжисты, были рады воспользоваться новой возможностью для борьбы с укоренившейся системой. Со своей стороны, они выдвигали почти столь же беспочвенные, как и у их оппонентов, обвинения без необходимых улик, пусть даже и делали это от имени «науки». Их кастовый дух, вероятно, был сильнее армейского, против которого они выступали — армия оказалась гораздо менее однородной в социальном плане, чем они предполагали. Эксперты, пытавшиеся выявить преступника посредством исследования различных почерков, продемонстрировали собственную ограниченность и свойственное науке несогласие мнений. Битва за Дрейфуса была для многих людей частью войны против клерикализма, причем, возможно, даже в большей степени, чем борьбой за свободу конкретной личности; заявление защитников Дрейфуса о том, что они представляют либерализм, вряд ли подкреплялось их желанием преследовать католиков.

Дело Дрейфуса было важным, быть может, в первую очередь потому, что дало интеллектуалам чувство миссии и убедило их в своей значимости. В политике девяностых годов, как было видно, преобладало желание отойти от традиций и разногласий прошлого. Интеллектуалы утверждали, что вносят в вопрос ясность, когда безжалостно настаивали на том, что французы разделены Революцией на тех, кто исповедует ее принципы, и тех, кто их не признает. Можно сказать, что тем самым они отбросили Францию на тридцать лет назад, препятствуя решению злободневных проблем. Одним из результатов дела Дрейфуса было возрождение церковного вопроса и преследование религиозных орденов. Любопытно, что историки-социалисты продолжают воспринимать и транслировать многие мифы того периода. Народные массы Дрейфусом не интересовались* О нем вообще едва вспоминали на выборах 1898 года, когда борьба, если таковая и была, шла по вопросу цен на хлеб, которые резко взлетели из-за неурожая, несмотря на временный беспошлинный ввоз пшеницы, который санкционировал «Méline Pain-cher»†. Дело Дрейфуса действительно способствовало очищению социалистов от антисемитизма, превратив его в феномен, отличающий исключительно правых; но оно также способствовало росту антисемитизма и шовинизма. Оно стало одним из крупнейших поражений республики именно потому, что затруднило выход за рамки повестки дня XIX века‡.

* О выборах 1902 г. см.: *Levy C.* La Presse de province et les élections de 1902: l'exemple de la Haute-Saône // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1961. P. 169–198.

† «Мелин—Дорогой хлеб».

‡ *Reinach J.* Histoire de l'affaire Dreyfus. 1901. 7 vol. (самый полный обзор); *Johnson D.* France and the Dreyfus case. 1966 (наиболее продуманное и тщательное исследование); *Kedward R.* The Dreyfus Affair. 1965 (включает проницательно прокомментированные редактором избранные документы, которые очень хорошо передают эмоциональный настрой времени). Библиография этого вопроса огромна, хороший путеводитель по ней можно найти в двух последних указанных книгах, см. также: *Lipschutz L.* Une Bibliothèque Dreyfusienne. 1970. Об общей атмосфере см.: *Sorel G.* La Révolution Dreyfusienne. 1911; точку зрения интеллектуалов см.: *Blum L.* Souvenirs sur l'Affaire. 1935. Современные французские исследования: *Baumont M.* Aux sources de l'Affaire. 1959; *Miquel F.* L'Affaire Dreyfus. 1961; *Thomas M.* L'Affaire sans Dreyfus. 1961.

Глава XXII РАДИКАЛИЗМ

Радикализм был одним из главных оплотов Третьей республики. Вместе с тем он являлся очень противоречивой, многогранной и сложной силой. Его приверженцы проповедовали доктрины, которые не проводили в жизнь. Они заявляли, что говорят во имя разума, логики и принципов, они четко разделили страну на тех, кто стоял за прогресс, и тех, кто был против него, но они постоянно вступали в союзы со своими предполагаемыми врагами, лавируя, идя на компромисс и кое-как доводя до конца свои начинания. Они так сильно пропитались амбивалентностью, которая была свойственна французскому обществу, что точно охарактеризовать их чрезвычайно сложно. Поэтому, вероятно, будет лучше рассматривать их не в свете путаных политических программ, а в контексте деятельности двух их лидеров — Комба и Клемансо. Это позволит конкретно исследовать два важных аспекта их работы: отделение церкви от государства и решение ими социального вопроса.

Эмиль Комб (1835—1921), радикальный премьер-министр в 1902—1905 годах, описывал себя как человека «невысокого роста с некрасивым лицом и простой внешностью. Я выглядел как совершенно обычный человек, и для толпы я действительно был просто обычным человеком». Его отец был крестьянином, который также занимался портняжным делом и владел маленькой винной лавкой. Благодаря связям отца, Комба приняли в местную духовную семинарию. Настоятель решил, что тот не склонен быть монахом, и определил его учителем церковной средней школы. Позднее, когда Комб стал главным врагом католиков и подвергался критике за предательство своих доброжелателей, он отвечал, что был вынужден получать образование там, где мог найти его. Первый год он работал учителем, не получая жалованья, и тем, как говорил, выплатил свой долг (такое отношение к церковному образованию было, вероятно, широко распространено, ведь большинство учеников церковно-приходских школ ни-

когда не становились священниками). Такое начало жизненного пути, конечно, послужило причиной циничного отношения Комба к избранию людьми его класса церковной карьеры. Религиозное призвание, утверждал он, является следствием самого что ни на есть практичного отношения к жизни: молодые крестьяне находили в религиозных конгрегациях более легкую и удобную жизнь в сравнении с собственным миром. Комб не боялся прослыть святотатцем, нападая на привилегии церковников, но, хотя он и был ренегатом, следы первого образования четко видны в его политической работе. В докторской диссертации о Фоме Аквинском он критиковал святого за либерализм; его латинская диссертация о св. Бернаре и Абеляре содержала жесткую критику модернистских идей. В них он выказал себя ярым и воинственным сторонником папской власти; автор, можно сказать, без колебаний приветствовал бы возрождение инквизиции. Комб придерживался не менее крайних взглядов, когда перешел на другую сторону. Он всегда был нетерпим и прямолинеен и привнес в политику что-то от той одержимости, которая когда-то была свойственна альбигойским еретикам его родного Тарна.

Он был полон решимости преуспеть в жизни. Будучи учителем в католической школе в Понсе (департамент Шаранта) с жалованьем 3 тысячи франков (£120), он женился на дочери местного торговца галантереей, который дал в приданое 70 тысяч франков (£2800). Ее мать, однако, настаивала, что учитель не вполне достоин такой невесты, поэтому Комб отправился в Париж, где, давая частные уроки и тем обеспечивая семью, изучал медицину. Шесть лет спустя, получив диплом врача, он вернулся в Понс. Первые десять лет он зарабатывал не больше, чем когда был учителем, но по мере того как его конкуренты умирали, а он обрастал клиентурой, его доход вырос до £400—480 в год.

В Понсе Комб вскоре зарекомендовал себя сторонником республиканцев. В 1869 году он занял пост советника муниципалитета, а в 1874 году — мэра, оставаясь на этой должности (не считая временного отстранения консервативным правительством в 1876 году) до самой смерти. Он приобрел политическую популярность благодаря своим трудам на благо города и выработал навыки избирательной борьбы, позволившие ему соперничать с бонапартистом Жолибуа — главным выборщиком Шаранты. Он знал каждого избирателя в Понсе и помнил множество подробностей о жителях всего парламентского избирательного округа. Двадцать лет спустя он все еще мог без запинки назвать результаты любых местных выборов в этом регионе. В 1885 году Комб был избран сенатором. Он организовал группу Gauche démocratique* В качестве признания его умения осуществлять политические маневры и в награду за республиканское рвение он был избран заместителем председателя сената, а в 1895 году

* Левые демократы (фр.).

некоторое время служил министром образования в кабинете Буржуа. Перед сенатом он выступал как докладчик закона Вальдека-Руссо об объединениях, что позволило предположить в нем подходящего продолжателя незавершенной работы Вальдека-Руссо. От него ждали того, что он будет послушным инструментом, но Комб осуществлял идеи тех, кто предпочитал осторожно держаться за кулисами, с таким фанатизмом, что стал символом антиклерикального движения, пользуясь широкой популярностью среди одних и подвергаясь отчаянному поношению другими.

Комб был не совсем тем, кем казался. Будучи спиритуалистом и веря в бессмертие, он был гораздо старомоднее спиритуалиста Ферри, поскольку не верил в позитивизм, которым Ферри стремился заменить христианство. Он отвергал преподавание государственных начальных школ, называя его поверхностным и узким и настаивал на необходимости сохранения моральных доктрин церкви. Не признавая иерархию и многие догмы католицизма, он все же нуждался в том утешении, которые они давали. Абстрактные принципы и неоднозначные выводы позитивизма не приносили покоя или удовлетворения, так что он не мог обойтись без веры. Ею стала невнятная загадочная вера в прогресс как в мощную силу, которая управляет миром в соответствии с установленными законами, что мало отличалось от «Великого часовщика» Вольтера: наследие его прошлого проявилось, когда он цитировал Боссюэ для доказательства того, что при таком положении вещей нет места случайности. Он считал себя — бедняка, поднявшегося к вершинам власти — инструментом Прогресса, избранным для ликвидации угрозы, исходящей от конгрегаций. Комб не был лидером новых сил или носителем новых идей. Он заимствовал свои основные убеждения у Мишле, которого боготворил как пророка, «приподнявшего уголок занавеса», скрывающего «великую тайну». Он смутно надеялся на то, что наука однажды снимет все покровы. Его героем в политике был Ламартин, речь которого при вступлении в должность 24 февраля 1848 года он читал друзьям*

Комб был образцом буржуазной семейной добродетели. Он обожал близких и писал стихи по случаю семейных годовщин, отдавал свой заработок жене, которая оплачивала все счета и выдавала ему 35 франков (£1,4) в месяц на карманные расходы, которые он большей частью оставлял на книжных лотках. Перед тем, как отправиться в путешествие, он запасался мелкими монетами, чтобы не давать большие чаевые. Он любил экономить бумагу и писал таким мелким почерком, что умещал 3600 слов на одной странице. Комб редко развлекался и никогда не ходил в театр или кафе, говоря, что не мог позволить себе этого в молодости, а теперь слишком стар, чтобы учиться получать от этого удовольствие; был трезвенником, хотя на банкетах пил подкра-

* *Combes É.* Mon Ministère: mémoires 1902–1905. 1956. P. 33–35; ср.: *Marcellin L.* Émile Combes et le combisme // Revue universelle. 1923. 1 Oct. P. 65.

шеную воду, чтобы никого не обидеть. По вечерам он учил языки; освоив испанский, итальянский, английский и немецкий, он, став премьером, начал учить русский. В шестьдесят он научился кататься на велосипеде, восполнив упущенное ранее, и так избавился от необходимости платить за экипаж. Его сын, однако, не унаследовал этих черт: он женился на богатой американке и жил на широкую ногу*

Комб начинал в качестве номинального премьер-министра. В 1902 году власть фактически получило Délégation des Gauches[1]. Его имя использовалось лишь для того, чтобы охарактеризовать новую ситуацию. «Комбизм» стал синонимом доведенной до крайности политической приверженности, но возможности для нее открылись с расцветом новых организаций. В 1901 году был создан Комитет действия за республиканские реформы для борьбы на предстоящих выборах. Республиканские, радикальные и радикально-социалистические группы согласились сотрудничать на выборах и вместе дополнительно завоевали 35 мест. В отличие от Вальдека-Руссо, который не мог рассчитывать на твердое большинство, Комб после 1902 года не сомневался в поддержке, которую ему обеспечивали закулисные партийные кукловоды Délégation des Gauches уходит своими корнями к 1893 году, когда оно существовало в качестве свободного объединения групп, но теперь оно приобрело лидирующую роль в парламенте и обеспечило для Комба большинство: освободившись от необходимости торговаться за голоса, он мог сосредоточиться на выполнении своей законодательной программы. Каждый член Délégation представлял около десяти депутатов: семь членов были умеренными, восемь — радикалами, шестеро — радикал-социалистами и пять — социалистами. Хитроумный и напыщенный Сарьен был председателем, но реальное руководство осуществлял мастер компромисса — лидер социалистов Жорес, то и дело спасавший большинство от распада, а министерство от краха Функция Délégation состояла в том, чтобы найти приемлемую формулу, с которой могли бы согласиться все четыре группы, что было непросто, учитывая диаметрально противоположные взгляды умеренных и социалистов. Все они сходились в одном — в антиклерикализме. Социалисты понимали, что не смогут провести свои реформы, пока не будет решен церковный вопрос Если Вальдек-Руссо был умеренным политиком, выполнявшим радикальную программу, то Комб являлся радикалом, подталкиваемым социалистами. Жорес, избранный одним из заместителей председателя палаты, фактически стал тайным «хозяином дома» Часто он набрасывал меры, которые могли устроить все стороны, а затем поручал кому-либо переписать их, чтобы никто не заподозрил его участия и не возмутился его слишком навязчивым руководством. Однако Комб с готовностью принимал лидерство

* *Lapaguellerie Y.* Émile Combes. 1920

[1] «Левое представительство» (фр.).

Délégation. Он даже попытался создать такое образование и в сенате, но Вальдек-Руссо, превозносивший авторитарную власть, помешал ему, назвав эту идею «опасным методом, который приведет к тому, что власть из рук министров перейдет к политическим группировкам»*.

Цель Комба заключалась в «республиканизации» администрации, армии и церкви. Он издал циркуляр, призывавший префектов приберегать «благодеяния республики» для друзей парламентского большинства. В каждый кантон назначался «делегат», следивший за распределением этих благ. Особо подчеркивалось внимание к государственной службе. Сын Комба Эдгар, генеральный секретарь министерства внутренних дел, заявил, что намерен смещать реакционных префектов и предоставлять награды за политические услуги. Комб окружил себя самой большой свитой политических приспешников, которую когда-либо имел глава правительства: пятнадцать начальников отделов и восемнадцать атташе†. Масоны предоставляли военному министерству информацию о политических и религиозных убеждениях офицеров, чтобы обеспечить продвижение по службе офицеров-республиканцев.

Комбизм расшифровывали как «бонапартизм минус слава». Он основывался на компромиссах, которые не могли разрядить существовавшее напряжение. Растущая популярность Комба среди антиклерикалов в стране, нереалистическое чувство собственного призвания и все больший недостаток такта постепенно разобщали его с политическими лидерами. Умеренные начали беспокоиться по поводу чрезмерного влияния социалистов на выработку политики; *affaire des fiches*‡ (разоблачение факта использования масонских сообщений о политических и религиозных взглядах армейских офицеров) позволило им отколоться. В 1905 году решение Интернационала в Амстердаме о неучастии социалистов в буржуазных правительствах заставило Жореса выйти из Délégation, таким образом был положен конец временному союзу центристов и левых. Тем не менее он просуществовал достаточно долго, чтобы довести до конца отделение церкви от государства.

Решение церковного вопроса примечательно огромной разницей между первоначальным замыслом и тем, что было достигнуто. Большинство республиканцев — с того времени, как Гамбетта обнародовал свою Бельвильскую программу в 1869 году — требовали отделения церкви от государства, но не считали удобным проводить его, когда пришли к власти, поскольку поняли, что могут в большей степени контролировать церковь через конкордат. Теперь, после дела Дрейфуса, отделение было проведено в манере, подобной приступу гнева — в качестве возмездия за жестокосердие католиков§.

* *Winnacker R. A.* The Délégation des Gauches // Journal of Modern History. 1937. P. 449–470.

† *Combarieu A.* Sept Ans à l'Élysée avec le president Émile Loubet. 1932. P. 206–207.

‡ Дело о записках (фр.).

§ См. статьи доктора Ларкина в журналах: Journal of Modern History. 1964. 36. P. 298–317; Historical Journal. 1961. 4. P. 97–103; English Historical Review. 1966. 81. P. 717–740.

В то время как Вальдек-Руссо планировать поставить религиозные конгрегации под контроль государства, Комб изменил его закон об объединениях 1901 года с целью полного закрытия монастырей. Он оставил лишь пять орденов, которые были политически полезны миссионерской деятельностью в колониях или безобидны, вроде траппистов. Все остальные были объявлены незаконными. Их собственность, оцененная в 1,071 миллиарда франков, была конфискована для финансирования системы пенсионного обеспечения рабочих, многочисленные храмы должны были закрыться на том основании, что 38000 немонастырских церквей страны было достаточно для удовлетворения всех религиозных потребностей. Более того, была предпринята попытка закрыть все их школы и запретить монахам преподавать в других учебных заведениях: так предполагалось покончить с исходившей от них угрозой моральному единству нации. Седьмая статья Жюля Ферри, отклоненная в 1879 году, была в конце концов утверждена Комбом.

На практике отделение оказалось гораздо менее эффективным, чем предполагалось. Хотя большое число членов монашеских орденов уехали за границу, преимущественно в Бельгию, основная масса просто перешла в белое духовенство и продолжала прежнее дело в новых одеяниях. Церковные средние школы закрыть было достаточно легко, но начальные зачастую не удавалось, поскольку во многих деревнях альтернативы им просто не было. Для их замены потребовались бы огромные суммы и большое число новых учителей. Поэтому государство решило ликвидировать их постепенно в течение десяти лет; таким образом, большинство из них продолжали работать. Монашеский «миллиард» как-то растаял. Эта цифра, по-видимому, была результатом грубой переоценки, поскольку не принимались во внимание долги и закладные: ордена оказались вовсе не так богаты, как считалось; в любом случае государству досталась лишь малая часть их средств. Чтобы ликвидация казалась беспристрастной, вместо администрации ее проводили суды. В результате значительная часть денег ушла на выплату гонораров юристам. (Говорят, что интересы некоторых конгрегаций представлял Мильеран.) Продажа собственности осуществлялась неэффективно и часто сопровождалась мошенничествами. Производитель известного ликера Chartreuze, в целях налогообложения оцененный в 10 миллионов франков и приносивший 270 тысяч франков годового дохода, был продан за 629100 франков конкурирующему производителю ликеров Кузеньеру, который, как говорили, подкупил ликвидатора. Один из таких ликвидаторов, некий Дуэ, был арестован и осужден. Он признался в получении по крайней мере шести миллионов франков от конгрегаций. В то время как в период Революции церковную собственность покупали состоятельные люди,

роспуском монашеских орденов 1902–1905 годах, кажется, воспользовались те, кому удалось завести друзей в нужных местах. Во всей этой операции много неясного, о ней было написано немало книг, но все они рассматривают проблему с политической и юридической точки зрения. Ее экономическая история и практические последствия еще предстоит изучить*

Все сказанное справедливо, хотя и в меньшей степени, в отношении отделения церкви от государства. И в этой области Комб опять же не добился всего, что планировал. Главной его задачей было устроить ссору с папством, разорвать дипломатические связи и создать новое законодательство, которое бы заменило конкордат. Однако он потерял власть прежде, чем все это было достигнуто, и отделение в его окончательном виде оказалось гораздо более либеральным, чем он рассчитывал. Собственный законопроект Комба — который не прошел — не привел бы к реальному отделению вовсе. Церковь должна была утратить свои привилегии, но государство сохранило бы право вмешиваться в ее дела и сдавало бы церкви в наем каждому приходу по договорам о возобновляемой аренде на десять лет «в соответствии с потребностями». Комб также собирался использовать отделение для уничтожения единства церкви, разрешив приходам создавать союзы только в границах департамента. Среди тех, кто поддерживал Комба, были люди протестантского происхождения, видевшие в отделении возможность осуществить вторую реформацию, стимулировать рост раскольнических сект, что привело бы к крушению папской и епископской власти. Межан, постоянный глава министерства по делам культов, будучи сыном и братом протестантских пасторов, надеялся на то, что отделение приведет к внутреннему духовному возрождению или реформации церквей. Но он хотел принятия либерального закона, утверждающего свободу вероисповедания, поскольку считал, что французская нация является нацией верующих, подобных ему самому†. Экстремисты, стремившиеся уничтожить религию как таковую, пребывали в меньшинстве. Радикал Алар заявлял: «Мы боремся с религией и всеми религиозными догмами... Отпрыск иудаизма — христианская религия — это напасть, которая стала таким бичом человечества, которое можно сравнить только с алкоголизмом». Но люди, придерживавшиеся таких взглядов, не приходили к власти. Фердинанд Бюиссон — председатель парламентской комиссии по вопросам отделения и один из лидеров радикалов — дал понять, что стоит за церковную свободу‡.

Соглашение, которое должно было всех устроить, предложил Аристид Бриан — молодой социалист, только что прошедший в парламент. Призывая ранее к революции и всеобщей забастовке, теперь он внезапно предстал в роли поборника примирения с церковью. Нужен был человек извне, чтобы почувствовать

* *Latreille A., Palanque J. R., Delaruelle E., Remond R.* Histoire du catholicisme en France. 1962. Vol. 4 (содержит хороший обзор имевшихся на то время исследований); *Mayeur J. M.* La Séparation de l'Église et de l'État. 1965 (обзор происходивших дискуссий с многочисленными примерами).

† *Méjan L.V.* La Séparation des églises et de l'État. 1959 (весьма важная работа, основанная на личных документах Межана). О протестантах см.: *Renauld E.* Le Péril protestant. 1899; *Idem.* La Conquête protestante. 1900.

‡ *Buisson F.* La Crise de l'anticléricalisme // Revue politique et parlementaire. 1903. Oct. 38. P. 5–32; *Capéran L.* Histoire contemporaine de la laïcité française. 1957–1961; *Idem.* L'Invasion laïque. 1935.

изменение атмосферы. Радикальное большинство, еще недавно рукоплескавшее жесткости Комба, теперь приветствовало умеренность Бриана. Одной из черт радикализма было то, что он редко следовал своим доктринам, когда переходил от слов к делу. Клемансо уже наметил будущую линию, поддержав роспуск монастырей, но воспротивившись преследованию монахов и запрещению их преподавательской деятельности. Оживленная полемика породила реакцию. Интересный опрос для выявления «социальных, политических и религиозных тенденции французской молодежи», проведенный в июне 1901 года, позволил сделать вывод о том, что в жизни Франции утверждается терпимость нового рода, в основе которой лежит безразличие к религии и отчасти утомление от непрестанной внутренней борьбы. Негативная враждебность антиклерикалов перестала вызывать энтузиазм у заметной части юношества, искавшей более благородного эмоционального выхода для своей энергии. Эти молодые люди чувствовали себя находящимися в плену ссор, слишком древних, чтобы представлять интерес или ценность для решения существовавших проблем, но раздуваемых амбициями политиков, которых они не уважали. Необходим был более конструктивный подход, чтобы совладать с раскалывавшими страну разногласиями, поскольку надеждам Ферри на достижение морального единства не суждено было сбыться*

Таким образом, Комб в 1905 году не оказался типичным представителем страны (равно как и своей партии, что показывает его спиритуализм образца 1848 года). Разрыв с церковью был доведен до конца десять лет спустя после обвинения Дрейфуса, когда напряжение уже начало спадать. Однако оно не ослабло настолько, чтобы сделать возможными переговоры с церковью, не говоря уже о папстве. Это создало большое затруднение для проекта Бриана: его односторонность была отвергнута папой и закон оказалось невозможно провести так, как планировалось. Поэтому отделение представляет двоякий интерес: следует, во-первых, рассмотреть, как Бриан видоизменил идею отделения, и, во-вторых, проследить, как сам закон Бриана в результате отказа церкви принять его трансформировался под воздействием обстоятельств в ходе своего применения†.

Закон об отделении клал конец государственной поддержке церкви и ежегодным выплатам ей сорока с лишним миллионов франков. Церковные здания (которые со времен Революции по закону принадлежали нации) оставались по-прежнему доступны для верующих, но при условии образования в каждом приходе религиозной ассоциации, состоящей по меньшей мере из семи взрослых постоянных жителей и берущей на себя обязательства по содержанию этих зданий. Это было ключевым положением закона. Вследствие него миряне должны были получить большинство

* *Monfort E.* Les Tendances sociales, politiques et religieuses de la jeunesse française au vingtième siècle // La Revue. 1901. 15 June. P. 581–609.

† См.: *Brian A.* La Séparation. 1904–1905; *Idem.* La Séparation, application du nouveau régime. 1909; *Crouzil L.* Quarante ans de séparation. 1946.

при управлении местными церквями, ведь в маленьких коммунах был только один кюре. Это окончательно погубило бы иерархическую католическую организацию. Бриан публично заявил, что, освободив католиков от контроля государства, он не желает «оставлять их в подчинении Рима». Его конечной целью была демократическая трансформация церкви. Объединениям запрещалось получать наследства на том основании, что «религия должна поддерживаться не наследием мертвых, а добровольным великодушием живых». Накопление неотчуждаемой церковной собственности было запрещено, а сумма капитала, которым могла располагать каждая приходская ассоциация, не должна была превосходить пятикратный размер ее годового бюджета. Собственность, оставленная церкви не для использования в религиозных целях (например, для благотворительности), передавалась коммунам для оказания помощи бедным через государственные институты. Священникам запрещалось критиковать правительство или государственный аппарат под страхом штрафа или тюремного заключения. Таким образом, церковь оказалась политически безоружной. Однако в других отношениях все делалось для беспрепятственного продолжения богослужений и совершения таинств. Содержание священникам должно было продолжать выплачиваться в течение четырех лет (начиная с полного размера с постепенным его сокращением вдвое), что должно было дать верующим возможность посещать церковь во время переходного периода, пока они не будут готовы содержать священников на собственные пожертвования. В мелких сельских коммунах, где это представляло наибольшие трудности, срок выплаты содержания был продлен до восьми лет. Хотя церковные здания остались в собственности государства, их согласились сдавать в аренду ассоциациям за номинальную плату при условии благоприятного решения муниципального совета. В течение первых десяти лет арендная плата, выплачиваемая за здания, была ограничена, чтобы католицизм не был немедленно вытеснен из враждебных к нему деревень*.

Либерализм закона Бриана имел свою цену. Большинство епископов Франции (и многие видные миряне) согласны были частично заплатить ее, поскольку имели большой опыт заключения компромиссов с государством. Они утверждали, что католикам в Германии удалось извлечь выгоду из еще более жесткой системы ассоциаций, и попытались выработать такую форму ассоциации, которая не оскорбляла католическую иерархию, но была бы приемлема для государства и могла выиграть от закона об отделении. Ассоциации должны были просто управлять собственностью, воздерживаясь от мирского участия в церковном руководстве. Однако папа Пий X, недовольный односторонними действиями правительства, желал положить конец традиции галли-

* *Lamarzelle G. de, Taudière H.* La Séparation de l'Église et de l'État. Commentaire théorique et pratique de la loi du 9 décembre 1905. 1906; *Gide Ch.* La Séparation des églises et de l'État. 1905.

канского компромисса и независимости галликанской церкви. Он полагал, что упорное сопротивление способно похоронить закон, и в конечном итоге за этими гонениями в стиле 1793 года последует реставрация вроде той, что произошла в 1815 году. В двух энцикликах он обвинял как правительственные ассоциации, так и те, что были созданы епископами. Католики, пусть зачастую и неохотно, согласились с его решением. Таким образом, по закону был нанесен превентивный удар.

Тем не менее Бриан, будучи министром по делам культов с 1906 по 1910 год, смог спасти основные принципы своей политики, не дав в то же время церкви предстать в мученической роли. «Если религиозные адепты, будь они священниками или мирянами, не желают образовывать религиозные ассоциации,— заявлял он,— это не лишает их права исповедовать свою религию». Он провел закон (от 2 января 1907 года), дававший католическим священникам право пользоваться церквями, и подписал циркуляр (от 1 декабря 1906 года), в котором говорилось, что службы могут проводиться в соответствии с законом 1881 года, который разрешал собрания при условии заблаговременного предупреждения полиции. Бриан специально освободил церкви от необходимости соблюдения правила о том, что собрания не должны проводиться после 23 часов (чтобы не мешать всенощным), а также от требования начинать «собрания» с избрания председателя и секретаря. Когда католики отказались предупреждать полицию о службах, Бриан провел еще один закон (от 28 марта 1907 года), отменивший это условие. Именно это осторожное свертывание преследований и явное нежелание делать жизнь католиков невыносимой обеспечили относительный успех процесса отделения церкви от государства.

Не вполне объяснимые трудности, с которыми было связано прохождение закона Бриана, все же заставляли католиков ждать, как будет меняться ситуация. Для детализации своего применения закон нуждался в интерпретации судами, которые в ходе долгих разбирательств последовательно трактовали его в пользу церкви. Они так расширили понятие «место богослужения», что могли включить в него даже здание гимнастического общества, субсидируемое церковью. Вместо того, чтобы пребывать запертыми в своих алтарях, священники могли пользоваться всеми зданиями, необходимыми им для организации полноценной религиозной жизни. Действительно, вскоре они обрели нечто большее, чем право владения. Бриан объявил, что кюре имеют право пользоваться церквями, но «без правового титула» (поскольку только ассоциации имели такой титул). Тем не менее суды постановляли, что право священников использовать церкви не может не быть законным, поскольку подразумевает юридическую ответственность. Если первоначально право католиков посещать церковь

не отличалось от их права ходить на рынок, теперь они могли подавать в суд на других людей за создание им препятствий при пользовании богослужебными сооружениями. Суды даже заставляли непокорных мэров помогать церквям. Закон 1905 года возлагал ответственность за содержание церковных зданий на плечи ассоциаций, но поскольку таковые не учреждались, закон 1908 года позволил (но не обязывал) государству, департаментам и коммунам (которые на законных основаниях владели этими зданиями) ремонтировать их. Государственный совет расширительно истолковал закон, разрешив частичную перестройку, а в 1914 году даже заставил одну коммуну, чья церковь сгорела, использовать деньги, выплаченные в качестве страховки, для ее восстановления. Коммуны, негласно предоставлявшие своим церквям субсидии, рабочие места на неполный рабочий день или недорогое жилье для кюре, поддерживались судами, а постановления тех, которые пытались вмешиваться в совершение служб, требуя закрывать или открывать церкви в определенные часы, аннулировались. Кюре стал хозяином своей церкви, он мог свободно исполнять ритуалы и вести службы по своему усмотрению. Идеи провоцирования церковного раскола исчезла: суды поддерживали только кюре, утвержденных епископом. Такая позиция судов отчасти реализовывала дух законов об отделении 1905 и 1907 годов, но она требует некоторого дополнительного объяснения, поскольку Государственный совет при Комбе занимал радикально жесткую позицию по отношению к религиозным объединениям. Следует более тщательно изучить разнообразие мнений представителей судебной системы. Новая умеренность, как бы то ни было, не овладела всеми сердцами, и такие люди, как Думерг и Вивиани, протестовали против нее. Антиклерикализм еще далеко не выдохся. В 1912 году министр образования Шоми постановил, что священники не могут участвовать в *agrégation** Только в 1939 году Государственный совет принял решение о том, что женщине не может быть отказано в месте учителя начальной школы на том основании, что она училась в религиозной школе†

Эти юридические решения принимались с целью урегулирования частных споров. Они свидетельствуют о победе духа примирения, но также указывают на сохранение традиционной вражды мэра и кюре. Во многих деревнях постоянно предпринимались попытки чинить препятствия и доставлять беспокойство духовенству. Изобретательные мэры преследовали кюре за неоднократное попрошайничество (когда те обращались за пожертвованиями к верующим), за создание помех движению уличными процессиями, за нарушение общественного порядка (колокольный звон), шли на бесчисленные уловки с ключами от церкви. Хотя вражда не была избыта, закон теперь все чаще становился на сторону духовенства, а не мэра. Таково было парадоксальное след-

* Конкурс на замещение преподавательской должности.

† *Le Bras G.* Trente Ans de séparation // Chiesa e Stato. 1939. 2. P. 435–462; *Fontenelle R.* L'Échec pratique de la loi du 9 décembre 1905 au regard du culte catholique et les efforts d'adaptation au fait culturel. 1921 (диссертация); *Prugnard P.* Les Églises publiques depuis la Separation 1923 (диссертация). *Bureau P.* La Séparation de l'Église et de l'État devant le parlement et les tribunaux // La Science sociale 1912. Jan.-Feb.

ствие отделения. Единственной реальной опасностью для католиков был закон о том, что если церковь не использовалась шесть месяцев, деревня могла отвести здание под другие нужды. Хотя католики могли продолжать богослужение, их отказ создавать ассоциации означал, что они не имели законного способа наследования собственности церковного конкордата, который был «возобновлен» государством вместо них. Речь шла примерно о 30–35 миллионах франков, которые опять-таки принесли наибольшую пользу неизвестным спекулянтам. Как только государство вступило во владение, оно начало продавать, но редко за настоящую цену и, насколько известно, выручило только около 10 миллионов франков. Интересно то, что в девятнадцати департаментах вообще не было собственности, которую можно было бы продать, и еще в двадцати продавать было практически нечего*

После 1905 года церковь заметила эту неравномерность в распространении благочестия, а положение ее духовенства стало еще более неравным, когда его представители перестали получать одинаковое жалованье. Священники в крупных городах зачастую в результате отделения становились гораздо обеспеченнее. Монсеньер Деламер получил два дворца от благотворителей — один в Камбре, другой в Лилле. Роскошный дворец построил себе архиепископ Тулузы. Другие же епископы перебирались в скромные домики. Богатое духовенство богатело, бедное становилось еще беднее. Париж, Лион и Лилль вскоре обнаружили, что могут получать достаточный доход от своих прихожан. В Париже с 1906 по 1914 год было построено 24 новые церкви. Однако епархия Лепюи смогла собрать лишь треть суммы, необходимой для покрытия своих текущих расходов. Многое зависело от деловой хватки каждого епископа, поскольку они были предоставлены самим себе. Многие вкладывали деньги в российские облигации, опасаясь второй конфискации при покупке французских. Кардинал Ришар в Париже запретил роскошные похороны и свадьбы, призывая тех, кто мог позволить себе большие расходы, передать эти сбережения непосредственно церкви. Это оказалось просчетом, вызванным неверной оценкой человеческой природы; новый порядок вскоре был отменен, и церковь, напротив, начала пропагандировать пышные церемонии, чтобы извлекать прибыль из роста платы за них. На смену государственному жалованью пришло «denier du culte» — форма церковного налога, подкрепленная религиозными соображениями и санкциями, которые использовались также для того, чтобы заставлять родителей отправлять своих детей в церковные школы. Тем не менее, информации о финансах новой церкви мало†

Одно из важных последствий отделения состояло в росте власти папы и разрушении независимости галльской церкви. Папа мог теперь свободно назначать епископов (как это долго делало

* *Filatre J.* Étude du droit de retour crée par la loi du 9 décembre 1905. Les bien repris par l'État dans le département du Pas-de-Calais. 1914 (диссертация). P. 132.

† *Narfon J. de.* La Séparation des églises et de l'État. 1912. P. 218–297.

французское правительство), выбирая тех, кто был послушен его воле. Он запрещал им встречаться (так поступал и Наполеон). Усиливая контроль за ними, он ослаблял их власть над духовенством: после 1910 года рядовой кюре уже не мог быть смещен волей епископа. Низшее духовенство, конечно, нуждалось в улучшении собственного положения, поскольку отделение привело к сокращению набора новых священников. Церковь уже не могла предложить гарантий жалованья и пенсии. С другой стороны, положение священнослужителя упрочилось: когда он перестал быть винтиком государства, оно уже не зависело от произвола бюрократии. Католицизм, конечно же, не исчез.

Отделение завершилось в 1921 году, когда дипломатические отношения между Францией и Ватиканом возобновились на новом политическом фоне. Рим принял структуру, которая была епархиальной по форме, контролировалась епископами, имела власть и законное право собственности, производила подписки и собирало пожертвования (но не могла вплоть до 1940 года получать наследства). Таким образом, можно было не искать обходных путей и не создавать, например, частных компаний для постройки новых церквей. Духовенству разрешалось образовывать церковные союзы для управления религиозными делами и решения вопросов образования и пенсионного обеспечения священников. Соглашение между папой и правительством было достигнуто, несмотря на яростное сопротивление рядовых радикалов, а также тех из священнослужителей, которым компромисс был ненавистен. Теперь церковь получила в обществе новую роль. Но антиклерикальная кампания не прекратилась вместе с этим. Оставались поводы для недовольства: в частности, церковь требовала государственных субсидий для своих школ, отмены ограничений на рост собственного богатства, мечтала вернуть значительные суммы, конфискованные в 1905 году Таким образом, старые битвы могли продолжаться, несмотря на то, что большинство вопросов были улажены. Люди не могли быстро отказаться от своих привычек. Должно было пройти несколько лет, прежде чем папа смог обзавестись епископами, придерживавшимися новых взглядов, и еще больше времени потребовалось для прихода нового поколения радикалов*

Отделение церкви от государства обычно рассматривается как победа антиклерикальной, светской республики, но анализ обстоятельств и результатов его осуществления позволяет предположить, что такая точка зрения слишком наивна. На первый взгляд, главным мотивом была борьба радикалов с клерикалами, нашедшая отражение в партийных программах, но на деле триумф праздновало примиренчество. Отношение между этими двумя уровнями сознания является ключом к пониманию явных противоречий. Французская политика может стать яснее, если исследовать

* Очень хороший путеводитель по этому периоду *Paul H. W'* The Second Rallieiment The Rapprochement between Church and State in France in the Twentieth Century 1967

не только партийные лозунги, но также кажущуюся непоследовательной, бесцветной, полной компромиссов практику, которая маскировалась громкими требованиями и в конечном итоге, несмотря на критику со всех сторон, получала общее признание. Политика во многом была протестом против реалий жизни, но историкам следует изучать и согласие с ними, а также то, в какие формы облекали люди свою неприязнь. Во втором томе я попытаюсь глубже исследовать корни и функции протестной деятельности.

Клемансо

Выборы 1906 года стали триумфом радикалов, которые завоевали 247 мест (42%) и стали партией большинства. У радикалов давно была программа социального законодательства, обещавшая наступление новой эры. Но несколько следующих лет показали, что они не собираются ее реализовывать. Они декларировали веру в прогресс, но уже не олицетворяли его. Казалось, что теперь они усматривают в реформах в гораздо большей степени уступки, а не достижения. Справедливость стала интересовать их меньше, чем власть; их вниманием все больше овладевала внешняя политика, открывавшая возможности отмщения за 1870 год. Уже к 1914 году радикализм стал походить на постаревшего ипохондрика, который заботится только о себе. Интересно, как он смог дотянуть до 1940 года.

В качестве поворотного пункта можно указать на министерство Клемансо (1906—1909). Он пришел к власти с программой семнадцати (а то и более) реформ, которая позволяла предположить, что теперь-то, когда помехи со стороны монархистов и клерикалов преодолены, радикальные административные и социальные преобразования, намеченные Гамбеттой в 1869 году, будут реализованы. Но, хотя его кабинет просуществовал два года и девять месяцев, Клемансо не сделал фактически ничего, отличась только жесткостью при подавлении любой оппозиции. Причины этого тем более нуждаются в прояснении, что Клемансо долгое время являлся главным приверженцем радикальных реформ и противником оппортунизма. Что послужило причиной такой перемены? Уйдя в отставку, он систематически уничтожал свои документы. Полной его биографии не существует и написать ее никогда не удастся. Известно, впрочем, достаточно, чтобы понять: он отнюдь не переродился в 1906 году. Его министерство разоблачило скрытую бесплодность как его собственной деятельности, так и существования радикальной партии; оно выявило присущие обоим противоречия.

Жорж Клемансо (1841—1929), долго выступавший в роли защитника народа, происходил из дворянского рода. Его отец, шевалье Клемансо де ла Клемансьер, жил в окруженном рвом

средневековом замке в Вандее. Но члены семьи шли наперекор собственному классу и были лидерами небольшого меньшинства противников роялизма, которым отличался запад страны. Один из них голосовал в Конвенте за смерть Людовика XVI. На протяжении по крайней мере трех поколений они были практикующими врачами, а не только помещиками: это нашло отражение в их связи с буржуазией и народом, но со «светским обществом» они находились в состоянии войны. В семье, кажется, культивировалось какое-то чувство обиды, и возможно, что враждебность Клемансо миру — отчасти наследственная черта. Его отец, во всяком случае, имел репутацию угрюмого мизантропа, которому не чужды были вспышки гнева и насмешливая, мстительная ирония и который предпочитал жизнь в лесах Вандеи наедине со своими думами*; он также был республиканцем (и другом Мишле и Бланки), за что арестовывался Наполеоном III. Яростная ненависть отца и деструктивная романтика Бланки — которым Клемансо также восхищался — стали главным наследством его молодости†. Медицинское образование (он никогда не практиковал) наделило его интересом к науке и особенно к теории эволюции, предоставившей теоретическую основу для его желчного отношения к жизни. Борьба за существование, насилие, кровопролитие составляли закон природы, одинаково применимый как к людям, так и к прочим живым существам. Мудрость заключалась в том, чтобы принять его и понять, насколько маловероятно установление мира. В то время как Леон Буржуа и солидаристы делали из научных открытий оптимистичные выводы, пессимист Клемансо заявлял, что находит в природе не сотрудничество, а конфликт‡. Но в этом он не видел основания отвергнуть солидаризм. Эгоизм порождал в людях «желание называться, а затем и необходимость чувствовать себя добрыми, щедрыми, полезными». Поэтому альтруизм развивался в постоянном конфликте с эгоизмом; из этого конфликта произошел весь прогресс. Задача политиков — стимулировать этот альтруизм и ставить его на службу справедливости, но политика, в сущности, является борьбой против законов природы, призванной зажечь идеал «в темном космосе, где все связано между собой железными узами необходимости... Препятствовать покорению [природы], помогать побежденным — вот первейшая обязанность того, кто понимает высший закон. Давайте проповедовать мир, ибо повсюду только сражаются; давайте взывать к правосудию, ведь нас окружает беззаконие, к доброте, поскольку процветает ненависть. А прежде всего, давайте действовать, ведь достоинство заключается в том, чтобы своими действиями протестовать против фатального закона выживания сильнейших»§.

Клемансо чувствовал себя одиноким. Несчастливый брак (с американкой, заметьте) вскоре распался. Он всецело посвятил

* *Geffroy G.* Clemenceau 1918. P. 27–29. Эта книга написана одним из лучших друзей Клемансо, который был также биографом и другом Бланки.

† *Neuray F.* Entretiens avec Clemenceau. 1930. P. 43–44; *Mordacq H.* Clemenceau. 1939 (интересное исследование характера, проведенного обожающим, но не лишенным критического взгляда подчиненным).

‡ *Clemenceau G.* Sur la démocratie // Neuf Conférences rapportées par Maurice Ségard. 1930 (лекция, прочитанная в 1910 г.). P. 128.

§ *Idem.* La Mêlée soci 1895. P. XLIII et passim.

себя политике, которая позволяла ему сражаться с миром. Свое одиночество он превратил в добродетель и стал сторонником радикального индивидуализма, с той, однако, разницей, что он стремился защитить собственную независимость с помощью яростной агрессии. Неудачный опыт, связанный с Коммуной (будучи мэром восемнадцатого округа, он тщетно пытался предотвратить столкновение), оставил после себя ужасные воспоминания и понимание того, что он с большей легкостью находит врагов, чем друзей*. Свою долгую парламентскую карьеру (впервые он был избран депутатом в 1871 году) Клемансо посвятил критике некомпетентности республиканцев: он порвал с Гамбеттой и стал главной фигурой радикальной оппозиции. Он довел радикализм до крайности, до радикального социализма, говоря, что является социалистом, хотя и не верит ни в революцию, ни в полную национализацию, ни в марксизм. Когда Жорес спросил о его программе, он ответил: «Она у вас в кармане, ведь вы украли ее у меня». Разница состояла лишь в том, заявлял он, что он желал осуществить ее с большей постепенностью. В двух словах его программа может быть сведена к понятиям «справедливость» и «партия». Во имя них он требовал социальных реформ, выступал против колониальных экспедиций, истощавших национальные ресурсы, яростно критиковал Ферри и не позволил тому стать президентом республики. Но при внимательном рассмотрении становится видно, что его мысли полны противоречий, так что он не мог устоять и критиковал их сам. Хотя Клемансо заявлял, что является истинным защитником идеалов Французской революции, он презирал Конвент, называя его «сборищем трусов, перебивших друг друга из страха»†. Он отстаивал демократию, однако неуважительно отзывался о массах и настаивал на важной роли элиты (но только открытой, обновляемой, а не замкнутой), способной вести их‡. Он утверждал, что партии необходимы, но критиковал их коррумпированность и несостоятельность§. Клемансо был наиболее горячим приверженцем однопалатной системы, но закончил свою карьеру в уютном сенаторском кресле. Его мнение о себе как о представителе современности странным образом контрастировало с верой в то, что политические проблемы не особенно изменились со времен Древней Греции. Если у него и был герой, то это Демосфен** Ключ к пониманию его карьеры следует искать в темпераменте, а не в доктрине. В сущности, он родился борцом. Он взялся за дело Дрейфуса отчасти потому, что верил в его невиновность, но еще больше потому, что это была еще одна битва против всех, которые он так любил. Когда он в 1897 году призвал Анатоля Франса присоединиться к нему в защите Дрейфуса, то сказал: «Мы будем одиноки. Против нас будет бороться весь мир». После этого, перечислив все силы, настроенные против Дрейфуса, с удовольствием добавил: «Но мы победим, мы

* *Idem*. Sur la démocratie . P. 17.
† *Wormser* G. La République de Ciemenceau. 1961. P. 84.
‡ *Clemenceau* G. Sur la démocratie P. 60–62.
§ *Idem*. Dans les champs du pouvoir. 1913. P. 400.
** *Idem*. Démosthène. 1926.

будем одиноки, но победим». «Скольких интеллектуалов,— замечал Франс,— Клемансо привлек на свою сторону, наполнив на мгновение своим неистовым мужеством и гордыней?»* Клемансо признавал, что обожает сражаться; мир между людьми, говорил он, не установится никогда. Люди останутся эгоистичными, пристрастными, коварными, честолюбивыми, необузданными†. Его роман (единственный) о борьбе за власть и несостоявшейся любви, названный «Сильнейшие», свидетельствует об интересе к человеческому конфликту и о том, что он едва ли надеялся на торжество гармонии или любви‡. Вот почему Клемансо оказался способен в 1917 году повести Францию к победе. Он знал, как сражаться, и не ведал, как отступать. Но его избрание премьер-министром в 1906 году оказалось не столь удачным.

У Клемансо было прозвище «Тигр», отражавшее присущую ему звериную силу разрушения, однако не следует думать, что и внешне он напоминал сгусток энергии. Он был невысок (а по достижении средних лет располнел) и неприметен, исключительно нервозен и временами впадал в глубочайшую депрессию, от которой освобождался благодаря приступам гнева. Как и Бисмарк (еще один мифический железный человек с писклявым голосом), Клемансо не был красноречивым оратором. Он страдал от астмы, которая не позволяла ему повышать голос, иначе у него начинались приступы кашля. Его речь была резкой, краткой и отрывистой; Анатоль Франс называл его «самым нервным оратором своего времени». Он мало жестикулировал и даже часто говорил, засунув руки в карманы. Он чувствовал себя уютнее в Вандее, нежели в Париже, любил одинокие развлечения (вроде верховой езды и стрельбы), в старости начал заниматься гимнастикой, поскольку очень заботился о своем здоровье. Он употреблял много лекарств, часто обращался к врачам и регулярно ездил в Виши и Карлсбад. В 1906 году Клемансо уже был стариком — шестидесятипятилетним и старомодным, державшимся скорее на остатках своего упрямства, нежели убеждениях. Он был импульсивен, нетерпим, твердолоб, не мог ничего осуществлять поэтапно, больше напоминая быка, нежели тигра. Жорес называл его «злым человеком»§. Они, конечно, были полными противоположностями.

Источник влияния Клемансо — его энергия. Он был неисправимым дуэлянтом (как на словах, так и на деле). У него было мало друзей в парламенте, а оппонентом он был беспощадным. Его колкие выпады почти всегда попадали в цель. Он мог точно дозировать свой гнев, выказывать «то свой крутой нрав, то непринужденность — одновременно добродушную, фамильярную и грубоватую. Он говорил как человек, не терпевший ограничений»**. Его враждебность была жгучей и неумолимой, так что правильнее назвать его не стальным, а огненным. В стране о нем

* *Caillaux J.* Mes Mémoires. 1942. Vol. 1. P. 301.
† *Cola A. G.* Clemenceau et son sous-préfet. Fontenay-le-Comte, 1937. P. 35, 54 (пересказ бесед с Клемансо).
‡ *Clemenceau G.* Les Plus Forts. 1898. Ср.: *Gosse E.* The Writings of M. Clemenceau // Edinburgh Review. 1919. Apr. 229. P. 253–270.
§ *Ligon D.* Jaurès au Parlement // Jean Jaurès présenté par V. Auriol. 1962. P. 144; *Blum L.* Jean Jaurès. 1937. P. 18.
** M. Jaurès and M. Clemenceau // The Dublin Review. 1906. Apr. P. 311–317.

высказывали самые противоположные мнения. Клемансо сохранял свое депутатское кресло не без труда, дважды лишался его и в итоге перешел в более спокойный сенат. Избиратели хотя и гордились его славой, жаловались на то, что он редко посещает их и никогда не помогает продвижению по службе и не оказывает никакой другой помощи. Его выступления пользовались огромным успехом. Оппоненты стремились не столько опровергнуть его, сколько заткнуть ему рот. Эрнест Жюде, редактор «Le Petit Journal» (с миллионным тиражом) и один из злейших врагов Клемансо, пообещал в 1893 году, что лишит его места. Он истратил большую сумму, чтобы нанять пьемонтских трепальщиков льна из Марселя, которые следовали за Клемансо во время его предвыборной кампании и кричали «Aoh yes» — это должно было означать, что он продался англичанам. Была напечатана фальшивка, обличавшая его как английского шпиона. Раздавались тысячи экземпляров «Le Petit Journal» с карикатурой, на которой Клемансо жонглировал мешками соверенов. Против него составилась целая лига врагов, одержавшая очень нелегкую победу. Это помогает понять природу чувств, которые он вызывал в людях*

Его личная жизнь, недавно описанная внуком, частично объясняет озлобленность его политики†. Он любил общество женщин, особенно актрис, но не давал никакой воли своей жене и подал на развод, когда в присутствии полицейского застал ее в компрометирующей ситуации. По его требованию ее приговорили к пятнадцати суткам тюремного заключения за адюльтер, а затем выслали из страны, как заурядную правонарушительницу. Он уничтожил ее фотографии, портреты и бюст, которые были у него и его троих детей. Браки всех его детей были такими же несчастными, как и его собственный, и почти все заканчивались разводами. Его сын Мишель, исключавшийся из разных школ, закончил свое образование в Цюрихе, а затем был благоразумно отослан работать в Венгрию. В 1905 году он вернулся во Францию и сделал состояние на правительственных контрактах, что закончилось скандалом. Он был сослан в Вандею; Клемансо годами отказывался разговаривать с ним, но смягчился, когда тот ушел на фронт. Позднее он вновь разбогател, будучи агентом по продаже вооружения фирмы Vickers-Armstrong во Франции, развелся с женой-венгеркой и женился на секретарше, которая была на тридцать лет его моложе; после очередного развода он сочетался браком с вдовой калифорнийского нефтяного магната. Оба сына Мишеля стали миллионерами. Прямые потомки Клемансо — американцы. Жизни двух дочерей Клемансо сложились несчастливо. Муж одной из них застрелился, когда уличил ее в измене, и, к негодованию тестя, в завещании назвал Пуанкаре — врага Клемансо — опекуном своего сына (чей брак также окончился разводом). Вторую его дочь муж бросил. Клемансо был

* *Malartie Y.* Comment Clemenceau fut battu aux élections législatives à Draguignan en 1893 // Provence historique. 1962. P. 112–138.

† *Galineau-Clemenceau C.* Des pattes du tigre aux griffes du destin. 1961.

жестоким семейным тираном. Хотя он бывал весел и добродушен, это настроение быстро и необъяснимо сменялось другим — внушавшим ужас. Он следил за тем, чтобы никто не нарушал его покой, жил с некоторым вкусом, как мелкий аристократ, каковым и являлся. В модной квартире в Пасси за ним ухаживали двое слуг, боявшихся и беспрекословно слушавшихся его. Клемансо, несомненно, принадлежал к высшему классу. Его брат Поль, инженер, сколотил такое большое состояние на производстве динамита, что попал в список двухсот самых богатых людей Франции. Его брат Альберт сделал успешную карьеру адвоката — и советника Ставиского*

Клемансо осуществил только одну из семнадцати обещанных реформ — национализацию Западной железной дороги (проведя ее через сенат с преимуществом всего в три голоса после того, как пригрозил вотумом недоверия)†. Некоторые полагали, что это предприятие позволили осуществить не из-за реформаторского энтузиазма, а в надежде на то, что неизбежно провальные результаты покупки железной дороги, несшей убытки, спасут от национализации остальные компании. Здесь пахло коррупцией, поскольку акционерам была предложена явно чрезмерная компенсация за сильно обветшавшие линии. Радикалы, однако, получили большую политическую выгоду от этого шага, поскольку приобрели значительную политическую клиентуру на западе, где их влияние было самым слабым‡.

Клемансо оказался столь непреклонным сторонником прав государства, что его социальная политика состояла главным образом в жестоком подавлении забастовок; в его лице государство выказало себя бóльшим врагом рабочих, чем работодатели. Он стал министром внутренних дел спустя несколько дней после ужасного взрыва в шахтах в Курьере, когда погибло более 1100 человек. В ходе последовавшей забастовки Клемансо быстро продемонстрировал, как он бестактен и жесток. Он отправился в Лан, чтобы обратиться к шахтерам, но вел переговоры с экстремистским союзом Брушу и тем дискредитировал более умеренный союз Бали. Он пообещал не вводить войска, но вскоре прислал свыше 20 тысяч солдат — по одному на каждых двух забастовщиков. Месяц спустя он арестовал Грифюэля и Моната накануне первомайских демонстраций CGT и сосредоточил 40 тысяч солдат в Париже, как будто готовясь к осаде. Он открыто объявил CGT войну. «Вы за баррикадами, я — перед ними. Ваш метод — беспорядок. Моя обязанность — поддерживать спокойствие. Моя роль — противиться вашим усилиям»§. Его тактикой, действительно, была скорее организация отпора, нежели ведение переговоров или нахождение компромисса. Использование им войск неумолимо вело к кровопролитию. Как минимум в пяти забастовках были жертвы, а в одном случае — в Вильнёв-Сен-Жорж — солдаты на-

Давид Уотсон из Университета Данди в настоящее время пишет биографию Клемансо. См. его статьи: The News Letter. 1970. 6. Part 1. P. 13–19; The Historical Journal. 1971. P. 201–204.

† См. перечень обещанных реформ и «министерскую декларацию» Клемансо при занятии должности: Revue politique et parlementaire. 1906. Dec. P. 604–608.

‡ *Dejean A.* La crise de transports et le matériel roulant des chemins de fer // Revue politique et parlementaire. 1907. Mar. P. 542–564.

§ *Julliard J.* Clemenceau, briseur de grèves. 1965. P. 23. Книга посвящена преимущественно «делу Вильнев-Сен-Жорж» (1908), но весьма полезна и для понимания социальной политики Клемансо в целом.

пали на бастующих без всякого повода и убили нескольких их них. В июле 1908 года лидеры CGT вновь были арестованы. Волнения трудящихся достигли беспрецедентной остроты не из-за массовости, а потому, что превратились в политическую проблему и стали борьбой против правительства. Кажется, Клемансо или его подчиненные даже использовали провокаторов, чтобы стимулировать насилие. Говорили, что он рад приобрести врагов слева, дабы сохранить поддержку справа. Дни, когда у республики не было врагов среди левых, определенно прошли.

Когда на забастовку поднялись работники почты, Клемансо тотчас же уволил 300 из них; когда учителя начальных школ потребовали права создать союз, с ними поступили точно так же. На возражения в парламенте Клемансо отвечал, что эти люди — государственные служащие, затеявшие «бунт против Французской республики». Волнения государственных служащих действительно свидетельствовали о том, что традиционный взгляд на их роль, которого придерживался Клемансо, перестал быть для них приемлем. Они не хотели считаться просто инструментами правительства, обязанными проявлять политическую лояльность и безропотно страдать от фаворитизма, непотизма и произвольных увольнений. Их число резко увеличилось за последние пятьдесят лет: они (преувеличивая) утверждали, что составляют 10% электората* Государственные служащие требовали отдать им роль агентов по проведению выборов, осуществлять принятие на службу и повышение в должности только с учетом достоинств и посредством экзаменов, издать статут, дающий гарантии их карьерного роста. Радикалы внесли принятие такого статута в свою программу, но не могли прийти к согласию по поводу деталей; их споры затягивались, мешая приступить к конструктивной реформе. Политика упорства и репрессий Клемансо явно провалилась: он просто превратил революционеров CGT в мучеников, и теперь им сочувствовали более умеренные рабочие, обычно не соглашавшиеся с их лидерством. Бриан и Вивиани — два бывших социалиста в его правительстве — жаловались на беспощадность Клемансо и незадолго до его отставки начали проводить новую, более тактичную политику. Грифюэль был освобожден. Избрание более умеренного Жуо лидером CGT стало наградой за проявленную ими терпимость.

Хотя эти драматичные забастовки, возглавляемые революционными рабочими, создали атмосферу общественного кризиса, восстание виноделов на юге в 1907 году было, возможно, еще более серьезным. В нем участвовало больше людей, и оно показало, что еще один оплот старой «крестьянской республики» пошатнулся. Как уже отмечалось, после пересадки американских лоз для замены пораженных филлоксерой на юге страны произошло резкое расширение области, отданной под виноградники. Новая

* *Deherme G.* La Crise sociale. 1910. P. 149.

лоза могла расти на равнинах и на склонах холмов; она была более хладостойкой и давала больший урожай. Так, в департаменте Од площади виноградников увеличились с 1863 до 1900 года почти втрое. В последний год перепроизводство ординарного вина было столь велико, что цены упали до одной пятой от обычного уровня. За двенадцать лет стоимость земли в Безье упала на 30–60%. В некоторых деревнях Руссильона бедность достигла таких масштабов, что люди надевали маски и шли побираться. Невозможно было взять в долг или что-либо продать; работников увольняли, лавочники разорялись. Винили торговцев, которые фальсифицировали вина, и правительство, дозволявшее это. Марселин Альбер (мелкий собственник, несколько лет призывавший людей на борьбу с этим кризисом) внезапно стал невероятно популярен. Его воскресные митинги, как говорили, привлекали от четверти до полумиллиона человек. Его сравнивали с библейскими апостолами, называли мессией. В каждой деревни создавались комитеты в его поддержку. На плакатах писали: «Смерть Клемансо». Роялисты и социалисты тайно раздували эту агитацию. Кюре заявляли, что движение может положить конец республике. Усилия агитаторов привели к тому, что многие люди перестали вносить налоги, поскольку опасались гнева толпы в случае их уплаты. Начались массовые уходы в отставку работников муниципалитетов: треть коммун департаментов Од, Эро и Восточные Пиренеи остались без администрации. Толпы людей осаждали субпрефектуру Нарбонна и префектуру Перпиньяна и пытались сжечь их. Войска, посланные для разгона толпы, подняли мятеж. Клемансо обычно ставят в заслугу то, что он смог совладать с Альбером, но тот, напуганный движением, которое он уже не мог контролировать, и перспективой ареста, сам бежал в Париж и сдался лично Клемансо. Тот отечески побранил его, дал денег на билет домой и приказал исправиться, восстановив мир. Движение внезапно распалось. Конечно, билет на поезд не мог в одночасье погубить популярность Альбера. Он потерял самообладание еще раньше. Его последователи устали от мятежа и нарушения нормального течения жизни. Парламент спешно принял закон о фальсификации, чтобы успокоить повстанцев (вскоре стало ясно, насколько этот закон несовершенен). Клемансо разослал мятежных солдат по далеким гарнизонам Туниса. Но никакой фундаментальной реформы для решения экономических проблем, связанных с выращиванием монокультуры в регионе, проведено не было; ничего не было сделано для примирения интересов виноделов и торговцев. Была ли солидарность в чем-то, кроме фраз?*

Меры, прямо задуманные для того, чтобы сделать ее реальностью, были так сглажены оговорками и соображениями экономии, что оказались очень неэффективны на практике. Министр

* *Le Blond M.* La Crise du Midi. 1907 (наиболее полное исследование); *Hamelle P.* La crise viticole // Annales des sciences politiques. 1908. P. 625–661; *Avignon A.* Marcelin Albert et la presse régionale (1964, рукопись).

труда при Клемансо Вивиани вначале пытался применить закон 1906 года, устанавливающий шестидневную рабочую неделю, но, поддавшись давлению, вскоре издал столько циркуляров, вводивших исключения, что ценность закона резко уменьшилась*. Сами рабочие негативно относились к нему, поскольку за выходной день им не платили. Закон от 14 июля 1905 года, предполагавший оказание помощи пожилым людям и неизлечимым больным, также, как видно, не оправдал надежд. Он оказался недостаточно действенным: сенат принял его с таким условием, что помощь предоставлялась только людям старше семидесяти лет, способным доказать, что они не могут работать, а чтобы не поощрять расточительность, перед выдачей ничтожных отчислений — составлявших максимум 20 франков в месяц — учитывались сбережения получателя помощи. Немногие знали, как добиться начисления помощи и сколько им полагается: хаос в 1907 году был таким, что правительство отказалось от проверки нуждаемости стариков. В 1909 году Бриан попытался упростить процедуру подачи заявок, но она все же осталась весьма запутанной, а распределение помощи — случайным†.

Министр труда Вивиани, кроме того, добился принятия парламентом законопроекта о пенсиях рабочим, но провести его через сенат ему удалось только в 1910 году при премьерстве Бриана; этот закон оказался еще менее успешным. Докладчик по нему сказал, что он является «не только огромным финансовым усилием, но и самой грандиозной реформой Третьей республики»‡. Однако сенат вновь ограничил сферу его применения, подняв пенсионный возраст с 60 до 65 лет и сократив размер выплат: люди в возрасте от 60 до 70 лет (после чего у них появлялось право на получение помощи по закону 1905 года) могли получать пенсию незамедлительно, даже если не делали взносов, однако не более 100 франков. Поправки стали необходимы почти сразу же: согласно дополнительному закону 1912 года пенсионный возраст был снижен до 60 лет. Это оказалось возможным, поскольку скоро стало ясно, что не все составные части системы работоспособны, а ее финансовые последствия не так и значительны. Рабочие вообще отказывались платить взносы. Плохая информированность и подозрительность привели к тому, что только треть имевших право на получение пенсии платили взносы, причем меньше, чем предполагалось. Административный аппарат, призванный проводить закон в жизнь, оказался недостаточным, и прошло немало времени, прежде чем деньги были аккумулированы и положенные пенсии начали выплачиваться§.

Первая часть нового Трудового кодекса (первоначально предложенная в 1896 году) была обнародована в 1910 году, вторая — в 1912 году, но он оказался простой компиляцией существовавшего законодательства и не содержал ничего нового. Он только

* *Wallier R.* Le Vigtième Siècle politique: année 1907. 1908. P. 260–261.

† Recueil des lois, décrets, circulaires etc. 1908. P. 42–52 (текст закона), 32 (статья 36 с поправками из бюджета 1908 г.); Ibid. 1909. P. 258–261 (циркуляр от 3 августа 1909 г. с разъяснением порядка применения закона); *Ripert H.* L'assistance aux vieillards infirmes et la loi du 14 juillet 1905 // Annales des sciences politiques. 1906. 15 May. P. 289–316 (история прохождения закона); *Astier P. et al.* L'Œuvre sociale de la Troisième République. 1912. P. 153–172 (хорошая глава о страховании и пенсиях).

‡ *Samuel R., Bonnet-Maury G.* Annuaire du Parlement (for 1910–1911). 1911. 9. P. 114.

§ *Béjard L.* L'Application de la loi sur les retraites ouvrières et paysannes. 1914 (одно из немногих исследований практического применения закона вместо рассмотрения теоретических положений).

выявил неадекватность закона о труде, сохраняющееся влияние законодательства Старого порядка и игнорирование прав рабочих в Гражданском кодексе. Законопроект о минимальной заработной плате был отвергнут; фабричная инспекция оставалась фарсом; проблема производственного травматизма была поднята в длинном парламентском докладе, реальных действий не повлекшем*

Больше всего была необходима реформа налоговой системы. Без нее невозможно было осуществить никакую социальную программу. С 1899 по 1909 год правительственные расходы увеличились на 18%, что лишь отчасти было покрыто ростом налоговых поступлений, последовавшим за экономическим подъемом. В 1907 году бюджет едва свели, но следующие два года были отмечены дефицитом. Парламент, боявшийся оттолкнуть электорат, проголосовал лишь за треть необходимых новых налогов†. Все шире использовались заимствования. Достижением Третьей республики стало обременение Франции самым большим в мире государственным долгом‡. Помимо социальной реформы, беспрецедентно возросшие военные расходы привели к коренным переменам в финансовой системе. Французские налоги все еще были в основном теми же, что и при Старом порядке: Революция просто дала им новые имена. *Taille* (подать, исчислявшаяся на основании оценки недвижимости) превратилась в *impôt foncier* (поземельный налог), *capitation* (подушная подать) теперь называлась *personnelle-mobilière* (налог на движимое имущество), *droits de jurande* (цеховой сбор) стал *patente* (торговый налог). Гербовые (почтовые) сборы III и VII годов восстановили соответствующие сборы 1671 года. Наконец, закон 1816 года, воспроизводивший указы Кольбера 1681 года, возродил большинство старых косвенных налогов. Единственным нововведением, которое можно назвать заслугой Революции, был налог на двери и окна, введенный по примеру Англии, а может быть, и Древнего Рима.

Главной причиной сохранения старых налогов было то, что ими облагались вещи, а не люди: охранялась свобода человека от административных расследований; не доход, а образ жизни определял, какие налоги платить, и те, будучи ясными и определенными, очень редко приводили к судебным тяжбам. Однако им были свойственны два важнейших недостатка: неравномерность распределения и неэластичность. Размер земельного налога зависел от того, где человек жил, поскольку сумма, которую необходимо было собрать, распределялась между департаментами, основываясь отчасти на оценке их собственности, проведенной во времена Революции, а отчасти — на сохранявшихся привилегиях Старого порядка: для старых *pays d'élection*§ и *pays d'état*** все еще предусматривались разные ставки. Корсика, пользовавшаяся благосклонностью Наполеона, платила смехотворно низкий налог на землю; то же можно сказать о Ландах, некогда бедном,

* *Renard G.* La Parlement et la législation du travail. 1913. P. 28.
† *Pelleray E.* L'Œuvre financière du parlement de 1906 à 1910. 1910. P. VIII. 8.
‡ *Levy R.-G.* Comparaison des budgets anglais, allemand, russe, ottoman avec le budget français // La Politique budgétaire en Europe. 1910. P. 257–307 (лекция в École Libre des Sciences Politiques); *Landry A., Nogaro B.* La Crise des finances publiques en France, en Angleterre et en Allemagne. 1914. P. 121, 241.
§ Области при Старом порядке, которые не смогли отстоять свои традиционные Штаты и чье управление находилось в руках «выборных» или чиновников (Париж, Алансон, Амьен, Суассон, Орлеан, Бурж, Мулен, Риом, Гренобль, Пуатье, Ла-Рошель, Лимож, Бордо, Тур, Байонна, Ош, Шалон, Руан, Кан).
** Области, которые добились от французских королей прав самоуправления и имели свои органы, делившие полномочия с королевскими чиновниками (преимущественно пограничные области: Артуа, Бретань, Беарн, Нижняя Наварра, Лангедок, Прованс, Дофине, Бургундия, Фландрия и др.). Существовали также *pays d'impositions* — сравнительно недавно

но сильно разбогатевшем со времен Второй империи районе. Вся система сохранялась ценой периодического внесения корректив, которые делали ее приемлемой — обычно это делалось путем сокращения налогов для депрессивных сельских департаментов. Но эта система оказывалась несостоятельна в чрезвычайных ситуациях. В 1848 году дополнительный сбор в 45 сантимов — незначительный рост обложения — оказалось невозможно провести в жизнь. Война 1870 года породила еще один кризис, но серьезная реформа опять-таки не была проведена. Для решения текущих проблем использовались займы, а когда их оказывалось недостаточно, вводился трехпроцентный налог на ценные бумаги (увеличенный до 4% в 1890 году). Но государственные облигации не облагались налогами, предпочтение отдавалось иностранным облигациям, и никто не был обязан декларировать свой доход. Позднее для получения дополнительных доходов использовались протекционистские меры. И это было единственной реформой, проведенной в XIX веке, несмотря на полную трансформацию страны, произошедшую с индустриализацией. Новые источники богатства фактически оставались незатронутыми.

С 1872 по 1907 год было предложено не менее 65 законопроектов для введения подоходного налога в том или ином виде[ii] Ни один из них ни к чему не привел. Клемансо обещал, что подоходный налог станет величайшим памятником его пребывания на посту главы кабинета. Он назначил своим министром финансов Кайо — бывшего финансового инспектора и самого авторитетного сторонника подоходного налога. Но тот мало интересовался данной темой лично, а парламент решал этот вопрос очень медленно. Только в 1913 году, когда срок военной службы был увеличен до трех лет и обширные расходы на вооружение стали неизбежны, Кайо удалось провести часть своих предложений через сенат; только в 1917 году, под давлением обстоятельств войны, подоходный налог был в целом принят, но с многочисленными оговорками. Затяжная борьба за проведение этой реформы показывает, в какой мере частные интересы управляли республикой и как радикалы из борцов за справедливость фактически превратились в огромную коалицию заинтересованных лиц и кругов. Интересны подробности споров, поскольку они проливают свет на архаичные предрассудки и привилегии, потаенные страхи и глубокий консерватизм, который пытались скрыть рекламировавшие себя политические программы. Некоторые общественные слои считали, что имеют особые права на более низкий налог. Особенно это было свойственно крестьянству, которое, обладая большим электоральным весом, давно пользовалось налоговыми льготами; теперь же, поскольку сенат являлся преимущественно его представителем, оно вообще было освобождено от налога. Кайо предложил облагать разные виды дохода по разным

присоединенные территории, находившиеся под прямым управлением короля (например, Эльзас и Лотарингия, Руссильон, Франш-Конте).

[ii] *Caillaux J.* Les Impôts en France. 1896–1904 (предисловие); ср.: *Idem.* Mes Mémoires. 1942–1947.

ставкам: доход от собственности (земли, домов, акций) в размере 4%, прибыль от промышленности, торговли и сельского хозяйства — 3,5%, заработную плату и жалованье — 3%*. Однако эта простая схема очень многим оказалась невыгодна. Прибыль от сельского хозяйства до сих пор не облагалась земельным налогом (введенный для компенсации новый подоходный налог на землю был фактически ниже, чем старый земельный налог). Заработная плата также не облагалась налогом. Государственные облигации (*rente*) не облагались налогом, и раздавались голоса, что введение налога на них равносильно национальному банкротству. Большой проблемой было выявление доходов населения: можно было предположить, что никто не раскроет их размер добровольно. Идея обнародования данных о прибылях промышленных предприятий была раскритикована как сулящая им немедленную гибель: коммерческая тайна была их традицией. Буржуа приходили в ужас от мысли о том, что их дела и состояния будут зависеть от милости мелких чиновников, обязанных своими постами политическим интригам. В еще большую ярость их приводила вторая часть схемы Кайо. В дополнение к этим налогам, исчисляемым независимо от доходов человека, он также предложил налог для лиц, чей общий доход превышает 5000 франков, который рассчитывался по прогрессивной шкале и чья максимальная ставка составляла 4% для дохода свыше 25000 франков. Статистика утверждала, что две пятых богатств Франции принадлежало 124 тысячам человек и около 539 тысяч человек владели капиталом свыше 50000 франков каждый†. Они и были потенциальными жертвами. Дополнительный налог осудили как вносящий раскол в нацию и разжигающий классовую борьбу. Угроза буржуазии заставила ее многочисленные организации выйти на свет: 27 комитетов и ассоциаций промышленников и торговцев (включая «ассоциацию в защиту средних классов») теперь объединились в Центральном комитете по финансовым исследованиям и защите (Comité central d'études et de défense fiscal), который стал мощным орудием давления на парламент‡. Когда палата депутатов наконец одобрила законопроект, многие ее члены пошли на это, понимая, что он едва ли пройдет через сенат.

Даже если бы реформа налоговой системы проводилась быстрее, она необязательно оказалась бы достаточной. Исследование серии серьезных несчастных случаев на море выявило поразительное расточительство и неэффективность военно-морского ведомства, недостаток артиллерии, низкое качество снаряжения, ошибки в конструировании новых судов, длительные проволочки при поставках вооружения§. Необходимы были крупные ассигнования только для того, чтобы привести флот в соответствие с тем, как он выглядел на бумаге. Этот вопрос дал повод свергнуть Клемансо, чье положение уже давно было шатким. Его про-

* *Rouffie M.* Le Nouveau projet d'impôt sur le revenu // Revue politique et parlementaire. 1907. Mar. P. 495–532.

† *Vandeginste R.* Le Sénat et l'impôt sur le revenu 1909–1917. 1966. P. 68, 168 (диссертация).

‡ *Callet P.* La bataille de l'impôt sur le revenu: fiscalité moderne et réactions bourgeoises (1906–1917) // Cahiers d'histoire. 1962. 7. P. 165–492.

§ *Viallate A.* La Vie politique dans les deux mondes. 1908–1909. Vol. 3.

должительное пребывание у власти не означало, что радикалы имели стабильное большинство. Бесплодность этого периода имела следствием глубокое чувство неудовлетворенности, так что люди начали говорить о кризисе радикализма и всего парламентского режима* Очень интересный опрос был проведен «La Revue» в 1908 году. Журналисты оттолкнулись от фразы из «Политического завещания» Вальдека-Руссо (1905) о том, что темп реформ сильно замедлился за последние десять лет. «Общественное мнение,— писали они,— устало от вала лживых обещаний демагогов. Всеобщее недовольство достигло предела. Всякая вера в парламент утеряна». Видных персон попросили объяснить причины этого. Некоторые, включая Пуанкаре, обвиняли во всем то обстоятельство, что депутаты руководствуются мотивами переизбрания, решая локальные проблемы и руководствуясь волей местных комитетов: в качестве рецепта они предлагали заменить *scrutin d'arrondissment* на *scrutin de liste* и внедрить пропорциональное представительство. Это было одной из главных тем дискуссий данного периода, но предложенное решение стало бы реформой за счет радикалов, поэтому ничего не было сделано вплоть до 1919 года†. Другие видели причину проблем в нерешительности правительства. Поль Леруа-Болье — консервативный экономист — справедливо указывал на то, что проблема парламента состояла не в недостаточном количестве принимаемых законов, а в том, что он принимал слишком много законов непоследовательных и невыполнимых. (Конечно, нельзя думать, что период пребывания Клемансо на посту был бесплоден в законодательном плане лишь потому, что он не осуществил своей программы реформ. Законы принимались во множестве, но не те, что могли бы иметь фундаментальное значения. Например, согласно одному из них учреждались специальные исправительные дома для проституток моложе восемнадцати лет; на следующий год другой закон отложил вхождение в силу первого на два года. Вносилось большое количество поправок к предшествующим законам, которые, несмотря долгое рассмотрение в парламенте, оказывались неэффективными. Закон 1909 года, запрещавший отчуждение семейного дома, представлялся запоздалым триумфом идей Ле Плея, но был настолько запутанным, что многие даже не пытались прибегать к нему‡.) Анатоль Франс сетовал на то, что члены правительства слишком связаны теми институтами, которые они должны реформировать: министр военных дел являлся солдатом, министр финансов — директором компании, министр военно-морского флота имел связи с компанией Le Creusot, производившей оружие. Виктор Маргерит считал, что только отказ от укоренившегося отношения может улучшить положение дел: страсть к бюрократии, страх перед риском, зависимость от рутины и мелких интересов характеризовали французскую жизнь. Социолог

* *Pelletan C.* La crise du parti radical // La Revue. 1909. 15 May. 80. P. 145–164; *Deherme G.* La Crise sociale. 1910; L'impuissance parlementaire, enquête // La Revue. 1908. 15 Apr.; *Chantavoine H.* En province: lettres au directeur du Journal des Débats. 1910; *Cheradame A.* La Crise française. 1912; *Lanessan J. L. de.* La Crise de la République. 1914.

† *La Chesnais P. G.* Les radicaux et la répresentation proportionnelle // Revue politique et parlementaire. 1906. Oct. P. 50–78; *Charpentier A.* Le Parti radical et radical socialiste à travers ses congrès 1901–1911. 1913. P. 118–188.

‡ Recueil des lois, décrets, circulaires etc. 1908. P. 335; 1909. P. 241, 209.

Дюркгейм полагал, что надежды нет вообще. «Зло... глубоко. Оно происходит прежде всего от неупорядоченности сознания и крайнего смешения идей. Самые несходные и противоречивые представления сталкиваются в умах людей и сдерживают друг друга. Как может законодательство не быть беспомощным, когда страна даже не знает, чего хочет?»*

Радикальная партия переживала такой внутренний раскол, что возможность ее реальной деятельности оказалась проблематичной, тем не менее с 1902 по 1936 год она оставалась крупнейшей партией. Ее слабость состояла в негативизме. Эррио однажды сказал, что если они хотят понять, что делать, им следует посмотреть, что предпринимают правые, и следовать противоположным курсом. Радикалы, созвавшие в 1901 году съезд, на котором была основана партия, не стремились создать ничего нового. Они писали: «Мы не будем раздумывать над созданием новой программы. Наша программа известна. Она была определена нашими отцами». Радикалы действительно скорее оглядывались на Революцию (или устремляли взор еще дальше — к философской утопии), нежели руководствовались настоящим. Им было свойственно глубокое историческое чувство. Они желали воплотить принципы Великой Французской революции. Но их идеи в этой связи сознательно были сформулированы невнятно. Клемансо декларировал: «Революция — это объединение». Такое отрицание разнообразия и противоречивости ее идеалов показывало, сколь невнятны были эти поклонники разума. Они оставались лояльными к программам своих исторических героев, сохраняя им почти такую же преданность, какую их противники-католики испытывали к своим древним догматам. Манифест Гамбетты, обнародованный в Бельвиле в 1869 году, суммирует почти все, чего они желали. Радикалы часто цитировали его, и сорок лет спустя все еще могли позволить себе это, поскольку выполнили лишь малую его часть. В действительности им оказалось непросто взять в свои руки бразды правления и провести реформы, ведь они были природными врагами власти и начальства. Их преданность разуму была следствием скорее критического, нежели конструктивного характера. Они знали, кто является врагами народа. Им было проще быть против, чем за. Самым первым выводом их учредительного съезда 1901 года стала «необходимость союза *против* общего врага». Ален — главный философ радикализма — утверждал, что всякая власть есть зло и неизбежно тяготеет к тирании†. Свобода существует лишь в личностях; «революционна только мысль»; долг гражданина — сдерживать свое правительство. «Значение имеет не источник власти, а непрерывный и действенный контроль правительства со стороны подданных»‡. Этот демократический принцип приобрел пророческое значение в свете на-

* La Revue. 1908. 15 Apr. P. 397.

† *Alain* (*Chartier É.*). Éléments d'une doctrine radicale. 1925

‡ *Nicolet C.* Le Radicalisme. 1957. P. 39.

ступления фашизма, однако он делал радикальное правительство внутренне противоречивым. Постепенное угасание государства было принципом радикализма*; а одной из характерных черт партии была упорная ненависть и подозрительное отношение ее членов к *élus*†, депутатам и советникам.

Следствием торжества радикализма стало не столько осуществление программы, сколько наводнение администрации лояльными сторонниками, изгнание и уничтожение противников. Радикалы правили во благо своих друзей и назло своим врагам‡. Поэтому неудивительно, что они больше стремились получать министерства, позволявшие оказывать покровительство и предоставлять практические преимущества их клиентуре, нежели просто олицетворять власть. С 1900 по 1939 год ни один радикал не избирался президентом республики, а кресло премьер-министра члены этой партии занимали лишь четверть указанного периода. Но министерства внутренних дел, образования и сельского хозяйства удерживались радикалами за собой соответственно 23, 21 и 23 года; министерство внутренних дел реально находилось под их контролем в течение 31 года, если считать периоды, когда его возглавлял удобный для них политик. В 1896 году радикалы в парламенте начали усиленно требовать чистки рядов чиновников после формирования собственного кабинета, указывая, что «в первую очередь через чиновников страна получает представление о тенденциях в правительстве»§.

Радикалы никогда не могли найти в себе энтузиазм для проведения социальных реформ. В 1908 и 1909 годах партии было представлено три больших доклада: о *laissez-faire*, о собственности и классовой борьбе и (самый главный, подготовленный Дебьером) о социальных идеях и программе радикализма; в 1909 году их съезд принял обширную социальную программу, включавшую национализацию шахт и железных дорог, муниципализацию местных коммунальных услуг, введение пошлины на наследство, подоходного налога, пенсионного обеспечения, страхования, выравнивание оплаты труда. Эта программа была утверждена быстро и единогласно, чем съезд показал, что не находит ее особенно интересной. Докладчиков по социальным вопросам часто заставляли поскорей закруглять свои выступления, так что в 1911 году в ходе дебатов по вопросам стоимости жизни председательствующий даже вынужден был протестовать: «Вы же не хотите, чтобы сложилось впечатление, будто радикальная партия занимается исключительно политическими вопросами, а экономические ее не интересуют».

Настоящие страсти разыгрывались в ходе споров о религии, оставшейся главной навязчивой идеей партии. Не будем забывать, что Комб оставался председателем партии вплоть до 1913 года. Партийный бюллетень, печатавший отчеты о заседаниях местных

* *Simon J.* La Politique radicale. 1869.
† Избранники (фр.).
‡ *Charpentier A.* Le Parti radical et radical socialiste à travers ses congrès, 1901–1911. 1913. P. 366–370.
§ *Kayser J.* Le radicalisme des radicaux // Tendences politiques dans la vie française depuis 1789. 1960. P. 75–76.

радикальных комитетов, очень редко затрагивал социальные вопросы, гораздо чаще обращаясь к проблемам религии и образовательной системы. В томе, посвященном партийным съездам с 1901 по 1911 год, первые 200 из 450 страниц посвящены образованию, церкви и реформе избирательной системы (именно в таком порядке); затем затрагиваются вопросы финансов, армии и права, причем эта традиционная иерархия точно отражала приоритеты. Конечно, в вопросах образования радикалы оставались пионерами: они уделяли ему больше внимания, чем кто-либо другой; их ведущий эксперт Бюиссон (управлявший системой начального образования при Ферри) убедил их принять резолюции в пользу абсолютного равенства возможностей, получения стипендий теми, кто не может позволить оплату среднего образования, расширения технического и профессионального обучения и составления учебных планов самими учителями. Хотя он и утверждал, что лицеи должны перестать формировать элиту, он все же подчеркивал важность экзаменов, обеспечивавших, как он полагал, «демократическое правило, благодаря которому приобретение социальных преимуществ зависит от способностей»*

Радикалы не были эгалитаристами. Они представляли, как говорил Бюиссон, «по крайней мере часть средних классов, воодушевленную решительностью, которой они до сих пор не обладали». Раньше эти слои были консервативны. «Сегодня — нельзя сказать как, почему или с каких пор — средние классы уже не мыслят как раньше и не голосуют как раньше. Стали ли они менее эгоистичными или более проницательными? Осознали ли они свои обязанности, или интересы, или силу обстоятельств? В любом случае вместо того, чтобы вставать против масс, впредь они будут стремиться объединиться с ними... Итак, к механизму нашего правительства добавился важный элемент, до сих пор отсутствовавший — большинство, причем вполне здравомыслящее, спокойное, благоразумное и осторожное, но, тем не менее, жаждущее реформ». Они переняли «программу своих отцов, демократической и социальной республики... Мелкие буржуа, мелкие работодатели, мелкие торговцы, мелкие землевладельцы, мелкие служащие и чиновники обнаружили, что находятся ближе к рабочему классу, чем к крупным банкирам, капиталистам и сильным мира сего, наделенным привилегией богатства». Поэтому они приняли солидаристскую доктрину, хотя все еще оставалась необходимость стимулировать само чувство солидарности. Радикалы, заключал Бюиссон, «это буржуазная партия с душой народной партии. Они парадоксальным образом сочетают в себе два противоположных начала социальной антиномии. Они — тот редкий случай в истории демократий, когда класс стремится слиться с нацией. Они — класс собственников, которые трудятся, и рабочих, которые владеют собственностью, союз маленьких лю-

* Charpentier A. Op. cit. P. 53.

дей, не являющихся парвеню, семья, основанная на разумном браке, сочетающем добрую волю, исходящую из разных источников, но устремленную в одном направлении»* Это изобретательное определение радикализма достаточно ясно показывает, почему социальная реформ не являлась его главной целью. Хрупкое единство партии было достигнуто в 1901 году в разгар дела Дрейфуса с целью одержать верх в религиозной борьбе. Его непосредственным и естественным результатом стало отделение церкви от государства: после этой победы радикалы оказались в затруднительном положении. Теперь они не могли добровольно сдать позиции, изгнав всех умеренных членов, не интересовавшихся социальными реформами. Первоначально радикалы имели успех в больших городах, но основную поддержку им оказывали маленькие города и, прежде всего, сельские районы. Поэтому они уделяли больше внимания налоговой реформе (которая всегда сильнее других интересовала крестьян), чем улучшению условий жизни фабричного рабочего. Придя к власти, они перешли к обороне. Идея строительства нового общества отошла на задний план и была подхвачена социалистами. Общественное же сознание радикалов выродилось в защиту *маленького человека*, из добродетелей которого они сложили миф†.

В партии сошлись крайне разномыслящие люди. Религиозный вопрос, все еще волновавший их больше прочих, трактовался по-разному. Отделение церкви от государства на законодательном уровне было проведено настолько умеренно, насколько это было возможно, и о религиозных гонениях не было и речи, однако на местах законы применялись неодинаково. Многие ревностные муниципалитеты вели «войны за дом священника», снося его или превращая в почтовую контору или другое общественное здание. Исполнительный комитет партии издал брошюру, чтобы направлять действия радикальных муниципалитетов в данном аспекте, что изрядно оживило местную политику в эти годы. Проблема церковных школ также продолжала горячо обсуждаться — партия не имела единого мнения по вопросу о том, должно государство обладать монополией на образование или нет. Партия вступила в конфликт с учителями начальных школ и мелкими чиновниками, которые прежде были ее главными представителями в деревне. Теперь они хотели образовать профсоюзы с правом бастовать против государства, пусть даже радикального. Могли ли радикалы отнять это основное человеческое право у одной части сообщества? Они были в ужасе и не могли представить, как *instituteurs* осмелились восстать против тех, кто их породил. В 1912 году был замыслен компромисс: гражданским служащим будет разрешено создавать союзы, но запрещено вступать в революционный CGT. Радикалы были в тупике и многие их приверженцы из числа чиновников, естественно, перешли на сторону

* *Buisson F.* La politique radicale socialiste // Revue hebdomadaire. 1910. 12 Feb. P. 159–181.

† См. интересное исследование радикализма на местном уровне: *Vandenbusche R.* Aspects de l'histoire politique du radicalisme dans le département du Nord, 1870–1905 // Revue du Nord. 1965. Apr.–June. P. 223–268. Следует заметить, впрочем, что ситуация в этом департаменте была очень специфической.

социалистов. Занимая посты, местные политические деятели все же желали быть *против* государства, пусть даже оно теперь кормило их. Пеллетан умолял съезд радикальной партии не «отвергать [этих] маленьких людей, которые были и являются сторонниками республики», но уже ничего нельзя было сделать. Дело примирения противоречивых интересов (и одновременно установления справедливости) таило в себе многие трудности. Радикалы решали некоторые проблемы благодаря удачным вербальным компромиссам (например, во внешней политике, когда они объявили себя ревностными патриотами, но вместе с тем решительными сторонниками мира и международного арбитража, уважающими воинскую службу, однако желающими изменить ее характер). Реформировать избирательную систему им было сложно и невыгодно: радикалы занимали 42% парламентских кресел, представляя лишь 33% избирателей; в 1910 году требовалось в среднем 14000 голосов для избрания депутатом социалиста и только 11200 — радикала. Принцип *scrutin de liste* был несозвучен их любви к независимости, но давление общественного мнения против «стоячих заводей» (так Бриан называл одномандатные избирательные округа) было таково, что радикалы приняли, хотя и без всякого энтузиазма, соответствующие резолюции, поддерживавшие реформирование системы.

Радикальная партия не была предназначена для действия. Основанная в 1901 году, она до 1928 года едва ли могла считаться полноценной партией; как говорил один из ее лидеров, ее создание «предшествовало тому, что некоторые определяли как нашествие масс»*. Не признавалось индивидуальное членство (в отличие от SFIO†). Вступление в радикальную партию являлось местным вопросом, и единственной реальной партийной единицей был местный комитет. Все комитеты, имевшие не менее десяти членов, считались равными и платили одинаковые взносы (13 франков в год) в центральный фонд, а также посылали одинаковое число делегатов на съезд. Однако движение было настолько рыхлым, что многие радикальные комитеты не вступали в партию, чтобы не платить взносов, сколь бы мизерными они ни были. В 1910 году было 836 комитетов, входивших в партию, и, возможно, 600–800 вне ее: это означает, что в общей сложности число членов радикальных комитетов составляло 80000–150000 человек. (Для сравнения укажем, что у социалистов насчитывалось 54000 членов в 1910 году и 90000 — в 1914 году). Местные комитеты собирались от шести до двенадцати раз в год и занимались в основном выборами. Предпринимались попытки организовать их в федерации, но к 1910 году они образовались лишь в 23 департаментах, да и то почти не пользовались самостоятельностью. Единственным исключением была федерация Сены, возглавляемая Ж. Л. Бонне — главным сто-

* *Bardonnet D.* L'Évolution de la structure du parti radical. 1960. P. 9.

† Section Française de l'Internationale Ouvrière (Французская секция Интернационала — так называлась Французская социалистическая партия).

ронником партийного централизма. Существовало также несколько региональных федераций (наиболее активной из которых была юго-восточная, возглавляемая Этье), но, хотя они проводили конгрессы и помогали в организации пропаганды, полномочия у них отсутствовали. Верховным органом партии был собиравшийся ежегодно в октябре национальный съезд, на который съезжались радикальные депутаты, генеральные советники, делегаты муниципальных советов, комитетов, лиг, союзов, клубов, масонских лож и газет, разделявших партийную программу. Местные комитеты могли присылать сколько угодно делегатов при условии уплаты установленной суммы (десять франков за первого и пять за каждого последующего). Около 800 человек ежегодно встречались на этих съездах. В течение примерно четырех дней они прекрасно проводили время в горячих дискуссиях, сопровождаемых дикими вспышками энтузиазма, безжалостно прерывали непопулярных ораторов и иногда захватывали трибуну, так что заседание нередко приходилось приостанавливать. Съезд избирал исполнительный комитет, в котором состояло не менее 680 членов (включая всех парламентариев-радикалов); ему полагалось собираться раз в месяц, но ни на одном собрании не присутствовало более сотни человек. Съезд также избирал бюро из 33 человек (половину из которых составляли члены парламента), собиравшееся раз в неделю. Оба этих органа не обладали реальной властью; все попытки укрепить центральную организацию отвергались съездом, презиравшим вмешательство парижан, которые, как сказал один из членов партии, «не владеют местными диалектами» и вмешиваются в дела, «которые их не касаются».

В результате дисциплина на выборах оставляла желать лучшего, а контроля за кандидатами-радикалами не было вообще В одном избирательном округе могло быть больше одного радикального кандидата (это было особенно заметно в 1910 году), так что сам по себе этот ярлык почти ничего не значил. Роялисты, считавшие, что их шансы на избрание повысятся, если они назовут себя радикалами, так и поступали, особенно на юге. Поэтому радикальная фракция в парламенте состояла из настоящих членов партии, плативших взносы и отдававших 200 франков из своего жалованья в партийные фонды, и из депутатов, избранных под радикальным знаменем, но не разделявших программу партии или не плативших взносы (в 1910 году таких было примерно 80 из 250). Ситуация становилась еще запутаннее, поскольку в парламенте продолжали существовать две радикальные фракции, несмотря на объединение в 1901 году партий радикалов и радикалов-социалистов. С этим мирились, чтобы, в частности, не потерять поддержку депутатами религиозной политики Комба. Но разделение между этими двумя группами не являлось разделением радикалов на «настоящих» и «ложных». Вообще ни одна

партия не контролировала поведение своих депутатов. Они могли голосовать как угодно, а когда становились министрами, то вольны были проводить любую политику. В 1913 году радикальная партия осуждала министерство Барту, основу которого составляли правые политики, но заместитель председателя ее исполнительного комитета Дюмон, тем не менее, вошел в это правительство.

Теперь можно лучше понять позицию премьер-министра Клемансо. Он не был лидером партии — такой фигуры вообще не было, во всяком случае председатель являлся таковым лишь номинально. Клемансо казался подходящим человеком, поскольку придерживался либеральной позиции в отношении отделения церкви от государства, говоря, что не стоит жертвовать жизнями ради описи нескольких канделябров. Поэтому он был приемлем для умеренных радикалов, занимавших ключевые позиции в партии. Однако эти умеренные члены негативно относились к социальной реформе; забастовки и социальные волнения усиливали их консерватизм. В 1908 году, когда правительство потребовало продления парламентской сессии для утверждения закона о подоходном налоге, 140 радикалов проголосовали вместе с правыми за его отклонение. С другой стороны, политика репрессий, которую проводил Клемансо, отпугнула левое крыло партии. Его грубое обращение с государственными служащими заставило более 100 радикалов проголосовать в 1909 году против него. Крайне правые радикалы были фактически неотличимы от консерваторов; крайне левые часто голосовали вместе с социалистами. Удивительно, что Клемансо продержался на своем посту так долго. Уже в 1907 году Пеллетан гневно критиковал его правительство: «Нужно сказать, что пора вернуться на путь радикальной политики». Клемансо дерзко отвечал: «Я не хочу быть задушенным молчаливым гаремом... Господа радикалы, я вызываю вас!» Борьба вокруг подоходного налога и страх перед волнениями некоторое время удерживали правительство и партию вместе, но в мае 1909 года, за три месяца до ухода Клемансо, исполнительный комитет партии принял резолюцию, с сожалением отмечавшую, что «своей недальновидностью, а также упрямой и противоречивой политикой правительство Клемансо обмануло надежды республиканской демократии и усилило непонимание между различными партиями; радикалы и радикал-социалисты отказываются от всякой солидарности с кабинетом, чьи методы руководства противоречат партийным традициям».

Итак, даже располагая парламентским большинством, радикалы не могли контролировать поведение министров. Выборы 1910 года усилили смятение. На бумаге результаты были примерно теми же, что в 1906 году, но теперь в число радикальных депутатов входило существенно больше людей, избранных при поддержке справа, а не «подлинных» радикалов. На самом деле приро-

да большинства изменилась, и оно все больше поддавалось приступам гнева из-за того, что правительство не давало ему желаемого, хотя само большинство не вполне понимало, что ему нужно. Так оно потеряло политическую инициативу. На смену Клемансо пришел Брнан — независимый социалист, выступавший за политику умиротворения и символизировавший объединение левых и правых против радикального центра. Радикалы отрицали его «реакционные компромиссы» и свергли правительство Брнана, но не нашли в своих рядах лидера, который мог бы заменить его. Пеллетан — радикал старого поколения и бывший заместитель Клемансо — был идолом избирательных округов: он вернл в фаворитизм и патронаж, но его применение этих принципов, когда он стал министром военно-морского флота, породило такой административный хаос, что все пришли к мнению о невозможности допустить такого эксцентричного демагога в правительство. Берто — богатый биржевой брокер — был очень популярен средн депутатов-радикалов, отчасти из-за своей учтивости и чувства юмора, а отчасти потому, что легко ссужал деньги (говорят, что в его должинках ходило не менее 100 депутатов). Но он погиб в результате несчастного случая в 1912 году. Мони, которым радикалы заменили Брнана, был лишь номинальным премьером и пострадал в том же несчастном случае. Сменивший его Кайо, не будучи радикалом, угодил им, поскольку его линия была одновременно авторитарной и прогрессивной. Но внешняя политика, слишком примирительная по отношению к Германии, погубила его. Радикалы не могли предложить никого взамен, и важнейшие посты республики достались умеренным. Пуанкаре стал премьер-министром, а затем президентом; Дешанель, еще более умеренный, стал председателем палаты депутатов. В дальнейшем в качестве премьер-министра к власти вновь пришел Брнан, затем Барту (при нем кабинет открыто опирался на поддержку правого крыла, в его составе осталось только три радикала). Упадок влияния партии стал очевиден тогда, когда флоту в Великую пятницу было приказано приспустить флаги, а учащимся государственных школ было запрещено участвовать в праздновании двухсотлетия Дидро на том основании, что во всех вопросах следует проявлять нейтралитет. Социальные реформы, подоходный налог, антиклерикализм были преданы забвению; единственным важным законопроектом на повестке дня осталось предложение продлить военную службу до трех лет.

Перед лицом этого продолжительного и пугающего наступления оппонентов радикалы в 1913 году попытались сплотиться. Во-первых, они приняли более практичную и современную, чем их традиционная утопия, программу (так, например, они больше не упоминали о выборности судей)*, бывшую к тому же гораздо короче «Бельвильской программы» и «Семнадцати пунктов»

Клемансо. Их политикой стали двухгодичная служба в армии, прогрессивный подоходный налог, антиклерикализм в образовании и социальное страхование. Церковный вопрос уже не занимал главного место. Сокращение армии и обложение налогом богатых стали теми популярными требованиями, которые могли, кроме всего прочего, обеспечить им поддержку социалистов. Во-вторых, была предпринята попытка образовать единую радикальную группу в парламенте (она провалилась в сенате, где сохранялись отколовшиеся группы как справа, так и слева). Несмотря на политику партии по военному вопросу, 38 радикалов проголосовали за трехлетний срок воинской службы. Дисциплина, в общем, несколько усилилась, подверглись разоблачению некоторые «ложные радикалы», а те, кто вошел в министерство Барту, были исключены из партии. Исполнительный комитет стал проявлять бóльшую активность, в том числе в отношении пропаганды. Членский взнос был сокращен до 25 сантимов с человека. Предпринимались усилия для сокращения чрезмерного числа кандидатов в одном и том же избирательном округе, не всегда успешно (так, в двух избирательных округах в департаменте Крёз в 1914 году баллотировались девять радикальных кандидатов), однако в целом прогресс был. В результате из этих выборов партия вышла немного более дисциплинированной — меньшей по размеру, однако и менее аморфной. В-третьих, радикалы нашли нового лидера вне своих рядов. Кайо, порвав с умеренными, из чьей среды он вышел, но которых напугал своим подоходным налогом, вел ожесточенную борьбу со всеми другими парламентскими лидерами. Итак, в 1913 году он присоединился к радикалам, и сразу же был избран председателем. Будучи холодным и необщительным, он, тем не менее, казался единственным человеком, способным вдохнуть в партию жизнь. Некоторое время он успешно возглавлял радикалов и вскоре должен был вместе с Жоресом сформировать кабинет. Но вновь невезение. Кайо пал жертвой скандала вокруг его бывшей жены. Она застрелила редактора «Figaro», который опубликовал ее переписку с мужем. Кроме того, его доброжелательное отношение к Германии делало его неприемлемым кандидатом в патриотическом угаре нетерпеливого ожидания войны. Поэтому в 1914 году радикалы все еще были партией без ясного чувства направления, неспособной использовать народную поддержку*

* См. лучший обзор по этой теме: *Fournier M.* Le parti radical de 1906 a 1914 (диссертация, 1960).

Глава XXIII СОЦИАЛИЗМ

В книгах по истории социализма во Франции повествование обычно начинается с 1870 года, и основная нить в них — распространение марксистской доктрины. Организованная социалистическая партия действительно появилась лишь в конце XIX века, и ее марксизм имел мало общего с социализмом ранних утопистов. Однако невозможно понять причину быстрого успеха социалистической партии, не обратившись к событиям 1848 года. В период Второй республики неопределенность и умеренность социалистической мысли означали, что этому направлению могло симпатизировать большое число людей, а тяжелые экономические кризисы заставляли многих искать в нем решение своих проблем. Именно с 1849 по 1851 год значительная часть крестьянства перешла на сторону социализма, главным образом в отсталых регионах юго-востока страны. Потребовалось около сорока лет, чтобы оценить все последствия этого факта. В 1900 году, когда индустриализация Франции зашла еще не очень далеко, а промышленные рабочие — естественные субъекты пропаганды социалистов — все еще были в меньшинстве, социалистическая партия стала важной политической силой, поскольку эти сельские области обеспечивали ей массовую поддержку. Помня о 1848 годе, можно понять, почему социалистов поддерживали некоторые отсталые сельские районы. Кроме того, становится ясно, почему их программа не могла быть строго марксистской. Их сторонники среди крестьян стали приверженцами «торговой марки» социализма в 1848 году, в значительной мере именно за нее они голосовали в 1900 году. Таким образом, Вторая республика наложила неизгладимый отпечаток на все движение.

В 1848 году социалисты являлись разрозненными и непохожими друг на друга индивидуалистами, объединенными (в лучшем случае) в крошечные и не связанные между собой общества. Последователи утопистов не образовывали активные политические группы, располагавшие массовой поддержкой, не говоря уже о партиях. Тайные общества революционеров в Париже включали

пару сотен человек; в провинциях же (где они являлись не столько революционными, сколько воплощали традиционную вражду и старые противоречия, восходящие, например, к событиям «белого террора» 1815 года) эти общества были изолированными и имели ограниченный кругозор. В первые месяцы республики ситуация не изменилась. Социалисты не смогли выступить в качестве партии на выборах 1848 года. Лишь в Париже они были достаточно многочисленны или обладали необходимым самосознанием, чтобы действовать независимо. Луи Блан вместе с социалистическими клубами выдвинул список кандидатов, включавший двадцать рабочих. Все, кроме одного, потерпели поражение. Главные социалистические знаменитости обычно проигрывали в Париже, если только их не поддерживали умеренные политики. В провинциях им везло больше: в общей сложности примерно 55 из 880 депутатов Учредительного собрания так или иначе можно причислить к социалистам или, по крайней мере, приверженцам «демократической и социальной республики». Социализм уже становится привлекательным за пределами столицы, но границы между партиями все еще оставались слишком условны, чтобы те можно было уверенно отличать друг от друга. В связи с этим людей часто выбирали за их личные качества или потому, что в них преломлялись специфические местные факторы, а не за ясность их позиции. Так среди депутатов-социалистов оказались Мартин Бернар, наборщик с давним опытом подпольной деятельности, бранивший рабочих за желание стать буржуа, и каменщик Тотэн, искавший такие способы улучшения положения народа, чтобы «удлинить блузы, не укорачивая сюртуков»* Поначалу они были немногочисленны и изолированы, составляя в Собрании отдельную группу — Société des représentants républicains†. Ледрю-Роллен и его сторонники (главным образом якобинцы, грезившие Революцией 1793 года) старались отмежеваться от них, а импульсивные порывы, заставлявшие их принимать участие в демонстрациях и восстаниях, приводили к многочисленным арестам. Один знаменитый процесс, в Бурже, нанес большой вред, поскольку вскрыл их внутренние разногласия, взаимную неприязнь и даже предательство.

В период Второй республики, тем не менее, социализм превратился в нечто вроде общенационального движения. Это случилось по трем причинам. Во-первых, беспорядочное преследование левых республиканцев, становившееся все более активным после июньских событий, заставило партию Ледрю-Роллена и социалистов объединиться. Лидерство в национальном масштабе оставалось в руках якобинцев, но они переняли значительную часть программы своих новых союзников. Ряды сторонников социалистов резко выросли. Во-вторых, энергичная пропаганда на региональном и национальном уровнях, мастерами которой были

* Weill … istoire du parti républicain en France 1928 P. 129 (примечание)

† Общество республиканских представителей (фр.)

якобинцы, теперь оказалась на службе социализма и стала с невиданной ранее эффективностью обращаться к беднейшему крестьянству. Бессчетные брошюры, календари, гравюры, песни (все это сочинялось для сельских избирательных округов) наводнили деревни, невзирая на цензуру, и часто по многу раз переписывались от руки. Вошло в обыкновение устраивать банкеты, на которых политические лидеры выступали и основывали местную организацию. В некоторых регионах почти в каждой коммуне появилось тайное общество левого толка. Общество Solidarité républicaine* (основано в Париже для содействия президентской кампании Ледрю-Роллена; председателем был бланкист Мартин Бернар, а секретарем — Шарль Делеклюз), созданное по модели Société des Droits de l'Homme† (которое столько сделало для организации Июльской революции 1830 года), повсюду открывало свои отделения‡. Деятельные лидеры создавали небольшие тайные организации, поддерживавшие связь друг с другом: Альфонс Жан, например, создал таким образом грозную региональную организацию на юго-востоке. В-третьих, движение быстро распространялось не только из-за того, что его пропаганда отвечала насущным потребностям крестьянства, но и потому, что его ростки прививались к традиционным крестьянским институтам. Нельзя сказать, что тайные общества появились ниоткуда. Это были поменявшие обличье и приспособившиеся старые *chambrées*, питейные клубы, масонские ложи, группы карбонариев, союзы рабочих и общества взаимопомощи: они оживили традиционную неприязнь к роялистам, помещикам, захватчикам общинных земель и ростовщикам. В определенных частях страны число этих обществ было удивительно велико. В некоторых коммунах их членами являлись почти все жители. В департаменте Воклюз с 80000 избирателей было 12000 членов обществ левого толка и 6000 членов легальных обществ. На президентских выборах 1848 года Ледрю-Роллен получил лишь 370119 голосов, Распай, участвовавший в выборах как чистый социалист, набрал 36920 голосов. В результате их объединения в ходе парламентских выборов 1849 года левые существенно укрепили свои позиции, набрав 40—50% голосов в 23 департаментах. Социализм на этом этапе был ветвью республиканизма, и казался тем более грозным, что эти два течения нелегко было отличить друг от друга§.

Неудивительно, что буржуазия пришла в ужас от «красной угрозы», тем более что красные намеренно затаились перед выборами 1852 года**. Разногласия между ними действительно были так велики, что, придя к власти, они бы не знали, что с ней делать. Некоторые призывали к единению классов, другие — к бунту *petit* против *gros*. Однако под этим не подразумевалась классовая борьба. Крестьяне не испытывали большой неприязни к крупным землевладельцам или богатым людям как таковым.

* Республиканская солидарность (фр.).
† Общество прав человека (фр.).
‡ *Dessal M.* Charles Delescluze 1809—1871. 1952. P. 93—120.
§ *Bouillon J.* Les démocrates-cosialistes aux élections de 1849 // Revue française de science politique. 1956. Jan.-Mar. 6. P. 70—95.
** *Romieu A.* Le Spectre rouge en 1852. 1851.

Их главными врагами были кредиторы, а они имелись во всех классах. Социалистическая пропаганда имела особый успех среди находившихся в долгах крестьян. Она эффективно использовала экономические бедствия, чтобы заручиться поддержкой мелких собственников, фермеров или поденщиков, заставляя их покинуть традиционную уважительную позицию, однако не заходила дальше речей о братстве, кредитах, налоговой реформе и борьбе с бедностью. Настоящие лидеры левых обществ сами в основном были буржуа — адвокатами, нотариусами, докторами, школьными учителями, землевладельцами, а ремесленники обычно выбивались в лидеры только в деревнях.

Переворот 1851 года показал силу движения и погубил его. В департаменте Дром 15–20 тысяч человек взяли в руки оружие (почти четверть всех избирателей), в департаменте Нижние Альпы — треть из 45 тысяч избирателей. В 32 департаментах было введено осадное положение*. В нескольких маленьких городах повстанцам удавалось удерживать власть, пока туда не присылали войска: их первые декреты «отменяли ростовщичество» и аннулировали долги, упраздняли косвенные налоги, провозглашали бесплатное образование и выражали желание разделить общие земли среди народа†. Многочисленность повстанцев говорит об эффективности тайных обществ, но почти полное отсутствие грабежей и убийств свидетельствует о том, что это не было всеобщей революцией, которую они планировали. Арестованы были 26 тысяч человек, из них около десяти тысяч высланы из Франции. Наиболее видные лидеры, которым удалось ускользнуть, эмигрировали. Прошло более двенадцати лет, прежде чем социалисты оправились от этих репрессий. К этому можно добавить, что первоначальные достижения Луи Наполеона превратили многих из них в бонапартистов, ибо обе партии в известной степени *обещали* одно и то же.

Провал Второй республики дискредитировал утопистов-социалистов. Он привел к глубокому интеллектуальному кризису, депрессии и неуверенности в рядах их сторонников. «После сокрушительного удара 2 декабря,— писал Валле,— некоторые сошли с ума, некоторые умерли... Иные все еще видят и слышат, однако неудачи иссушили, ослабили и опустошили их... И все же эти люди были не так несчастны, как мы. Те, кому в 1845 году было около двадцати лет, поняли, что значит жить. Мы, закончившие школу только в 1850 году, так этого и не узнали. В 1851 году мы уже были разбиты»‡. Социалистические идеи, тем не менее, не претерпели фундаментальных изменений. Если не считать Прудона (пересмотревшего, как мы отмечали, свои убеждения по некоторым вопросам), социалистическая мысль в период Второй империи практически не развивается§. Движение как таковое фактически исчезло. Большинство социалистов

* *Tenot E.* Étude historique sur le coup d'État. 1877–1880.
† *Vigier Ph.* La Seconde République dans la région alpine. 1963. Vol. 2. P. 332.
‡ Цит. по: *Tchernoff J.* Le Parti républicain au coup d'État. 1906. P. 166.
§ *Bernard T. N.* Le Socialisme d'hier et celui d'aujourd'hui. 1870. P. 274.

примкнуло к республиканской партии, которая была достаточно открыта, чтобы впитать в 1849 году огромное разнообразие мнений. В глазах широких масс социализм, который, как часто казалось, умер лет десять назад, стал отождествляться с Первым Интернационалом. Таким образом, социализм 1860-х годов сильно отличался социализма 1840-х. Он почти целиком превратился в движение городского рабочего класса.

Французская секция Интернационала обязана своим существованием восстанию небольшой группы рабочих против господства буржуазии в республиканском движении. Они считали, что рабочие могут добиться подлинной независимости только своими силами. Манифест шестидесяти рабочих 1864 года стал первым выражением этой позиции и, таким образом, является вехой истории Франции. Но рабочий-бронзировщик Толэн, во исполнение манифеста баллотировавшийся в парламент, собрал только 395 голосов* Его партия и Интернационал, который он помог основать в Лондоне, вначале казались социалистам подозрительными из-за дружеских отношений Толэна с радикально настроенным принцем Наполеоном. Правительство терпело Интернационал и не протестовало, когда он вносил свои законопроекты. Его пролетарский характер не помешал вступить в него ряду буржуазных политиков, таких как Жюль Симон, Фердинанд Бюиссон, Анри Мартен, что свидетельствует о его умеренности. Его основатели стремились, чтобы он был *société d'élude*†, а не новой версией карбонариев; они беспокоились о том, чтобы не допустить повторения старых ошибок тайных *кампаньонажей*, и отказывались становиться подпольной организацией. Они отрицательно относились к забастовкам и поначалу старались предотвращать их (как в случае со строителями в 1865—1867 годах). Неприятие революционных методов настроило против них бланкистов. Деятели Интернационала обсуждали организацию рабочих обществ, производственных, потребительских и кредитных кооперативов. Они боялись, что если рабочие начнут получать более высокую зарплату, то работодатели обратятся к иностранной рабочей силе, поэтому для них была так важна международная солидарность. Однако их целью было реформировать капиталистическое общество, обеспечив в нем равенство для рабочих, а не низвергнуть его. Толэн стремился дать людям возможность проявлять собственную инициативу; его мечтой было «сделать каждого человека собственником»; лишь разочарование, являвшееся следствием неспособности проявлять собственную инициативу, превращало рабочих в коммунистов, которыми, как он говорил, «они не являются ни по убеждению, ни от природы»‡.

Интернационал открыл маленькую контору на рю де Гравийер, где целый год была только сломанная печь, некрашеный стол и два стула (в дневное время Фрибур — один из основателей

* Против 14444 голосов за Гарнье-Паже, республиканского кандидата, и 6530 голосов за Фредерика Леви, консервативного кандидата.

† Просветительское общество (фр.).

‡ Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871. 1872. P. 425 (мнение Толэна).

Интернационала — использовал контору для своей работы декоратора). Лишь спустя какое-то время добавилось еще четыре стула. Интернационал разослал 20 тысяч копий своей программы (за это заплатил Эдуард Бло, печатник, поскольку своих денег у них не было), но и через семь месяцев насчитывалось все еще только 500 членов. Их планы учредить прудоновские центры обмена и кредита не могли осуществиться; практические выгоды в форме страхования и взаимных гарантий, которые они предлагали своим членам за взносы в размере десяти сантимов в неделю, были иллюзорными, поскольку размер фондов оставался недостаточным. Они довольствовались тем, что планировали дать рабочим возможность покупать собственные инструменты и поддерживать их перед лицом иностранной конкуренции, пока они не встанут на ноги. Интернационал поначалу не особенно отличался от общества взаимопомощи; он стал революционным под давлением событий, происходивших в течение нескольких лет*.

Предложение об объединении первыми сделали республиканцы†. Анри Лефор (чей отец — легитимист, перешедший в ряды орлеанистов — умер в 1832 году, защищая монархию Луи-Филиппа от республиканского подъема) был буржуазным журналистом, воспринявшим идеи Прудона, Виктора Гюго и рочдейльских пионеров‡. Он пытался заключить союз между Международным товариществом рабочих и «республиканским радикализмом» и заявлял, что пополнит ряды Интернационала десятью тысячами лояльных к нему членов сформированных им кооперативных обществ. Но лидеры Интернационала не желали ни быть поглощенными таким образом, ни участвовать в политической оппозиции Наполеону III, что сделало бы их положение еще более шатким. Поэтому они исключили Лефора и заявили, что впредь будут принимать только работников физического труда. Это было первым спором в серии раздоров между французами и другими национальными секциями Интернационала (некоторые члены которого, как, например, Маркс, не были рабочими). Интернационал сначала не возражал против умеренного мютюэлизма французов, равно как и против надежд на усовершенствование общества без его разрушения. Но в 1868 году Интернационал принял программное требование широкомасштабной национализации, а в 1869 году доктрины Прудона окончательно потерпели в нем поражение. Характер французского отделения быстро менялся. Исчезло неприятие забастовок. В феврале 1867 года стачку рабочих бронзовой отрасли поддержал Интернационал (в котором они были широко представлены), забастовщики даже получили в качестве помощи несколько тысяч франков от английского отделения. Ходили слухи о том, что через пролив перевозятся миллионы франков. Работодатели в панике

* *Fribourg E. E.* L'Association internationale des travailleurs. 1871. P. 92–98.

† *Limousin Ch. M.* Coup d'œil historique sur l'Internationale // Journal des économistes. 1875. 38. P. 68–87.

‡ «Рочдейльское общество равноправных пионеров» — первый потребительский кооператив, образованный в 1844 г. в Великобритании.— *Прим. ред.*

уступали. Престиж Интернационала взлетел. По всей стране профсоюзы начали вступать в него, тоже надеясь получить какие-нибудь деньги. Волнения промышленных рабочих 1868—1870 годов дали неожиданный стимул росту Интернационала. Многие считали, что он разжигает многочисленные забастовки, в действительности же забастовки приводили в его ряды новых членов: вступление в Интернационал стало символом решимости рабочих бороться до конца. Его силу сильно преувеличивали. В 1870 году правительство считало, что в нем состоит 250 тысяч человек, в народе говорили о миллионе. На деле же в него входило лишь 20—40 тысяч человек, и большинство из них вступали в Интернационал через свои союзы с легкомысленной идеей получения каких-либо преимуществ во время забастовки*. Говорили, что «люди вступают в Интернационал так же, как соглашаются выпить стаканчик вина». Он имел отделения в главных промышленных регионах Франции (его характер был полностью городским), но эти отделения часто являлись детищами нескольких отдельных лиц, причем не вполне надежных†. Туда, где были сильны традиции политической оппозиции (как, например, в Лионе), Интернационал продвигался медленно‡.

Участие в забастовках изменило характер Интернационала. Он уже не мог, как рассчитывали его основатели, изучать экономические проблемы, не ввязываясь в политику. Он вынужден был мстить властям каждый раз, когда для подавления забастовок использовались войска, критикуя правительство и буржуазию. «Мы не можем мириться,— писали его активисты в 1869 году,— с общественным строем, при котором столица отвечает стрельбой на демонстрации, которые иногда бывают бурными, но чье негодование всегда справедливо»§. Аресты и преследования завершили эту трансформацию. Во время первого суда над лидерами Интернационала в 1868 году они защищались очень спокойно и не выказывали ни намека на революционные устремления. Позднее, на рассмотрении апелляции, они держались гораздо независимее, и с каждым следующим судом их враждебность усиливалась. Арест этих умеренных лидеров привел к тому, что вместо них были избраны другие, с приходом которых союз сделал еще один шаг влево. К 1869 году первоначальное французское отделение Интернационала фактически распалось.

Новое руководство избрало новые цели и методы** Оно сосредоточило усилия на организации рабочих в союзы и стало откровенно социалистическим и революционным. Варлен создал в декабре 1869 года в Париже решительно агрессивную федерацию обществ рабочих, которая была едва различима с Интернационалом. В Лионе Ришар, а в Марселе Бастелика проявляли интерес к идеям Бакунина. Интернационал стал новым «красным призраком», преследовавшим Францию и, пожалуй, всю

* *Rougerie J.* Sur l'histoire de la Première. P. 31 (и примечания).
† *Maitron J., Thomas G. M.* L'Internationale et la Commune à Brest // Le Mouvement social. 1962. 41. P. 48—53.
‡ *Rougerie J.* La Première Internationale à Lyon // Annali dell'Istituto G. Feltrinelli. 1961. P. 126—193 (особенно p. 145).
§ *Freymond J.* La Première Internationale. 1962. Vol. 1. P. XIV.
** *Verdes J.* Les délégués français aux conférences et congrès de l'AIT // Cahiers de ISEA. 1964. Aug. P. 83—176.

Европу. Но угроза была, конечно, даже более иллюзорной, чем в 1851 году. Репрессии легко достигали своих целей, нужно было только на них решиться. Аресты и суды над лидерами Интернационала в июне 1870 года после репрессий в провинциях разрушили его так же эффективно, как переворот 1851 года уничтожил первую социалистическую партию. Война завершила его распад. Ко времени Коммуны он фактически перестал существовать.

В Англии Интернационал поддерживали главным образом ремесленные союзы переживающих кризис или традиционных отраслей промышленности*. Для Франции это тоже было до некоторой степени справедливо, однако здесь это были не единственные его сторонники. Франция отличалась от Англии тем, что во французском отделении Интернационала было меньше членов, однако они представляли более широкий спектр профессий и социальных типов. Французы также придерживались более разнообразных доктрин. Представление, что они были в основном прудонистами, слишком примитивно. Возможно, они являлись таковыми вначале, но на практике сила обстоятельств вскоре заставляла их отказаться от своей неприязни к политическим действиям, забастовкам и насилию. Они игнорировали указания Прудона касательно парламентских выборов в 1863 и 1869 годах (когда они агитировали в пользу Польши и Италии). Позднее новые лидеры, даже находясь под влиянием Бакунина, настаивали на политических действиях, несмотря на его неприязнь к ним. Возможно, они были (сами того не ведая) марксистами, однако стали таковыми самостоятельно, а не под чужим влиянием. Интернационал состоял в основном из прагматиков, а не теоретиков†.

В этой связи интересна история двух рабочих лидеров, считавшихся главными прудонистами. Анри Толэн (1828–1897) занимает в истории рабочего класса место, сравнимое с Пеллутье. Он был резчиком, который сделал все возможное для поездки рабочей делегации на Лондонскую выставку в 1862 году, выдвижения кандидатур рабочих в парламент в 1863 году и создания Международного товарищества рабочих в 1864 году, считался лидером прудонистской части Интернационала. Но, как и Грифюэль, Толэн в сущности был организатором-практиком, а не теоретиком. «Народ,— говорилось в абсентеистской прудоновской программе в 1863 году,— не часто позволяет теории вести себя, какой бы ценной она ни была. Абстрактные умозаключения метафизиков мало его интересуют. Почти всегда в решающий момент он руководствуется скорее чувствами, нежели чистым разумом»‡. Цель рабочих, как он считал, состоит главным образом в том, чтобы получить «такую же свободу, какую в 1789 году получили капиталисты и сельскохозяйственные собственники». В 1848 году они не могли четко сформулировать свои устремления, и тогда «рабочие принимали ту или иную социальную докт-

* *Collins H., Abramsky C. K. Marx and the British Labour Movement. Years of the First International. 1965 P. 70.*

† *Rougerie J. Sur l'histoire de la Premiere Internationale. P. 40–43*

‡ *Tolain H. Quelques Vérités sur les élections de Paris 1863. P. 23.*

рину, опираясь на интуицию, а не на логические доводы». Постепенно, в общественном безмолвии первых лет Второй империи, их лидеры расстались с мудреными теориями и непрактичными утопиями и начали стремиться к осуществимым реформам. Толэн не был революционером; он даже испытывал неприязнь к забастовкам (не из-за своего прудонизма, а видя связанные с ними практические неудобства). Он с одобрением цитировал «Преодоление нищеты» Луи Наполеона: «Рабочий класс — словно илоты среди сибаритов... Бедность перестанет быть мятежной, когда богатство перестанет угнетать». Он надеялся на освобождение рабочих благодаря просвещению, с помощью профсоюзов (как рабочих, так и работодателей), являющихся «материнской институцией всего будущего прогресса», и сознательного ограничения индустриализации. С его точки зрения, неприятное обстоятельство развития машинного производства состоит в том, что «без капитала становится невозможно проявить индивидуальную инициативу». Поэтому он считал, что Франция должна стараться соперничать с Англией, но в производстве высококачественных товаров, так, чтобы «французский вкус и аристократический дух [не были бы] уничтожены дисциплиной фабричной иерархии». Толэн вскоре покинул Интернационал и Коммуну не поддержал. Так же как рабочие массы не последовали за Прудоном в 1863 году, не приняли они и экстремизма Интернационала. Толэн, точно отражая их умеренность, ожидал большего от буржуазной системы, нежели от попыток свергнуть ее. Он стал депутатом в 1871 году и сенатором в 1876 году. Не без некоторого презрения он говорил о рабочих, принимавших коммунизм из-за того, что он был простейшей идеей, «не требующей разъяснений»

Ограниченность влияния Прудона можно проследить и в случае Эжена Варлена (1839—1871) — второй по величине фигуры в политической жизни рабочего класса этого периода. Сын сельскохозяйственного рабочего (который также владел крошечным участком земли), он в тринадцать лет был отдан в ученик жившему в Париже дяде, чтобы стать переплетчиком. В восемнадцать он стал членом-основателем общества взаимопомощи переплетчиков; помогал им организовывать забастовки в 1864 и 1865 годах, когда уже вступил в Интернационал. Он верил в то, что рабочих способны освободить профсоюзы и кооперативы и, как пишет автор его биографии, «старался идти в ногу с теориями Прудона еще прежде того, как по-настоящему познакомился с работами философа из Безансона... он руководствовался собственными наблюдениями, а не какой-либо философской системой»* Его независимость проявилась в несогласии с мнением Прудона о том, что женщинам следует сидеть дома, а образованием должны заниматься родители. Он открыто осуждал «прудоновских *enragés*»†, призывавших к отказу от участия в выборах 1869 года,

* *Foulon M.* Eugène Varlin, tebeur et membre de la Commune. Clermont-Ferrand, 1934. P. 45.

† Фанатики (фр.).

и хотел, чтобы рабочие выступали против кандидатов всех партий, что ознаменовало бы «разрыв масс с буржуазией»*. Хотя вскоре он ушел от мютюэлизма к Интернационалу, он не стал марксистом, поскольку сохранил глубокую неприязнь к государству и авторитаризму. Несмотря на то, что у него было много общего с Бакуниным, он черпал свои идеи в основном из собственного опыта организации союзов — дела, в котором он проявил исключительный талант. В отличие от Толэна, он лично не был честолюбив, вел аскетическую жизнь, редко смеялся; символично, что одним из его последних решений стал запрет компенсировать расходы по присланному генералом Коммуны счету за новую форму из самой лучшей ткани, пошитую портным свергнутого императора. Если бы не ранняя смерть, он мог бы сыграть важную роль в социальной истории своей страны†.

Коммуна

Коммуна не была социалистическим правительством, но занимает место в истории социализма, поскольку многие современники считали ее социалистической. Маркс истолковал ее совершенно неправильно. Он превозносил Коммуну как «славного предвестника нового общества», ошибочно называя ее «в сущности рабочим движением, результатом борьбы производителей с экспроприаторами», которое якобы устанавливало диктатуру пролетариата, стремилось упразднить собственность и было настолько популярным в народе, что если бы оно «три месяца свободно действовало в провинциях», то вызвало бы «всеобщее восстание крестьян»‡. Мифологические взгляды Маркса сильно повлияли на Ленина, однако для Франции Коммуна имела совершенно иное значение.

Во-первых, она не была установлена в результате какой бы то ни было революции. Две попытки начать в городе восстание во главе с революционерами (главным образом бланкистами) 31 октября 1870 года и 22 января 1871 года полностью провалились, не встретив практически никакой поддержки.

Коммуну породили более тонкие причины, одни — давние, другие — непосредственно связанные с франко-прусской войной. Париж с 1789 года был главным очагом передовых республиканских идей во Франции и надежным прибежищем всякой оппозиции. Провинциям приходилось принимать его капризы как приказы. Но, управляя страной, сам он не был свободен. Государство взяло реванш, лишив его самоуправляющихся институтов. В административном отношении это была самая отсталая коммуна Франции. Она не имела ни мэра, ни муниципальной автономии. Префект полиции наблюдал за ней со своей армией шпионов и ненавистных корсиканских «агентов». Неприязнь между городом и деревней здесь достигала апогея. Как быстро расту-

* *Foulon M.* Op. cit. P. 108.

† О Бенуа Малоне в этот период см.: *Hoeffel C.* Some Aspects of Reformist Socialism in France. 1973 (диссертация).

‡ *Marx K.* Civil War in France. 1933. P. 19, 43, 47, 63.

щий город с множеством недавних иммигрантов, честолюбцев, утраченных иллюзий и несбывшихся мечтаний, он был чрезвычайно притягателен, полон ненависти и конкуренции. Здесь можно было увидеть самый яркий контраст богатства и нищеты. Животная деградация его бедняков, стоявших на пороге голода и преступления, представляла постоянную угрозу буржуазному обществу. Сравнивая их с дикарями и варварами, Бюре в книге «О нищете и рабочем классе в Англии и во Франции» (1840) уже задавался вопросом, «не замышляют ли они нападение»*

Июньские дни 1848 года и восстание после государственного переворота в декабре 1851 года показали, как опасен может быть Париж. Война 1870—1871 годов усугубила антагонизм: осада Парижа способствовала отделению столицы от остальной части страны и наполнила жителей почти истерической ненавистью к некомпетентному правительству, проигравшему войну. Национальное собрание 1871 года со своим монархическим большинством подтвердило полноту их изоляции, особенно когда знаменательно перенесло свои собрания в Версаль. Париж желал сохранить республику и продолжать войну. Свержение консервативного правительства стало важнейшей задачей, когда закончился военный мораторий на коммерческие долги и многие мелкие ремесленники и торговцы оказались перед угрозой банкротства. Это не было подъемом социализма или какой-либо новой силы, порожденной Коммуной. Париж не восставал. Коммуна, скорее, явилась порождением консерваторов, желавших покончить со старой проблемой непокорности Парижа. У Тьера были давние счеты с городом, который сверг его в 1848 году. Когда парижане отказались сдать свою артиллерию, он вывел из города все войска и начал военные приготовления для взятия его силой — как, по его мнению, должен был поступить Луи-Филипп 23 года назад. Он решил не только добиться подчинения парижан, но искоренить раз и навсегда их бескомпромиссную радикальную оппозицию — эту постоянную угрозу стабильности. Именно отъезд правительства породил Коммуну и на 73 дня (с 18 марта по 28 мая 1871 года) сделал Париж автономным.

Внезапно министерства, казармы, полицейские участки, ратуши, суды и почтовые конторы опустели. Исчезли все признаки буржуазной власти. Революционного энтузиазма, как в 1848 году, не было. Уныние, неопределенность, удивление резкостью действий Тьера и его отказом вести переговоры, возмущение и ненависть к государству создавали мрачную, беспокойную атмосферу. С другой стороны, Париж теперь мог «жить своей жизнью» в согласии со своим характером и идеями†. В результате (возможно, именно это делает Коммуну столь завораживающей и важной для историка) Париж, вдруг лишенный своих привычных нарядов, предстает обнаженным. Можно увидеть и то, как

* *Chevalier L.* Classes laborieuses et classes dangereuses. 1958. P. 452—453.

† *Arnould A.* Histoire populaire et parlementaire de la Commune de Paris. 1878. Vol. 1. P. 114; Vol. 3. P. 45 (текст, хорошо передающий дух времени).

правительство и экономическая система становятся репрессивны (одеяния — слишком тесными), и то, что народ в отсутствие официальных обязательств и санкций продолжает вести себя как обычно. В какой степени идеи, владевшие массами, трансформировались или остались неизменными с 1848 или даже 1789 года, можно видеть по мероприятиям Коммуны и по отчетам последовавших за ней уголовных процессов. Почти 40 тысяч человек были арестованы после мартовских событий, и сохранились дела 15 тысяч из них, в которых простые люди говорят своими словами. Это уникальный источник, позволяющий узнать мнение тех, кто обычно не оставляет следов в истории*.

В 1871 году Париж не был в сколько-нибудь значительной степени социалистическим или революционным. На выборах того года были избраны лишь четверо из 43 кандидатов, поддерживаемых Интернационалом, причем они достигли успеха отчасти благодаря помощи других партий; Бланки собрал только 50 тысяч голосов. Первое, что сделал Париж, когда получил независимость — выборы в муниципальный совет, который затем получил название Коммуны. Были избраны 25 лиц физического труда (ремесленников), что придало Коммуне уникальный пролетарский оттенок, однако остальные 65 членов были из буржуазии (доктора, учителя, юристы, журналисты)†. Примерно треть населения Парижа покинула город во время войны или после осады, включая большинство представителей высших классов: лидерство в городе в значительной степени перешло к мелкой буржуазии, когда исчез верхний слой — как социальный, так и правительственный. Две трети из этих девяноста членов Коммуны были якобинцами, которых вдохновляли не мечты о социалистическом будущем, а воспоминания о Революции 1789 года; они видели в этой Коммуне наследницу той, что была в 1793 году, захватывали власть в интересах народа и использовали авторитет государства для уничтожения своих врагов. Лишь треть составляли те или иные социалисты, причем разделенные на прудонистов, стремившихся к упразднению государства, и революционеров-бланкистов. Мероприятия Коммуны в основном инициировались якобинцами, однако манифесты и обоснования этих действий сочинялись более склонными к теоретизированию прудонистами. Так что цели Коммуны трудно выявить, тем более что даже это деление на якобинцев, прудонистов и бланкистов слишком условно. Якобинцы необязательно были настроены антисоциалистически, некоторые даже входили в Интернационал. У бланкистов и якобинцев было много общего. Цельной группы социалистического меньшинства не существовало — если таковая и появилась, то только ближе к концу, когда коммунары лучше узнали друг друга. В любом случае, немногие действовали последовательно, опираясь на какую-либо одну доктрину.

* *Rougerie J.* Le Procès des communards. 1964 (работа основана на судебных делах из архивов военного министерства) *Idem.* Paris Libre 1971

† *Lissagaray H. P.* Histoire de la Commune de 1871. 1876. P. 135–136

Внутри партий были представители нескольких поколений с совершенно разными взглядами. Белэ начинал как бонапартист в период Реставрации, побывав после этого либералом, а потом республиканцем, прежде чем стать социалистом-прудонистом. Он был состоятельным мануфактурщиком и не слишком удачно экспериментировал со схемами участия своих рабочих в прибылях*. Делеклюз был журналистом, префектом в 1848 году, одним из главных сторонников Ледрю-Роллена. Он страстно восхищался деятелями Великой революции и особенно «мучениками Термидора», которых считал «бесспорными авторитетами». Он критиковал социализм как Луи Блана, так и Прудона, считая, что тот превратит Францию в «монастырь или казарму»; его программой была робеспьеровская Декларация прав и возрождение Комитета общественной безопасности. Но в период Второй империи он симпатизировал стремлению рабочих создать Интернационал и их практическим попыткам добиться освобождения посредством образования ассоциаций; будучи лидером якобинцев, которых обвиняли в незнании социальных вопросов, он смог сохранить уважение к себе и даже вызывал восхищение среди социалистов†.

Переплетчик Варлен (ему было всего лишь 32 года) разглагольствовал о классовой борьбе, однако Верморель, также называвший себя социалистом, призывал к общественной гармонии: в свои 30 лет, будучи широко известным журналистом, он отличался чрезвычайным эклектизмом: на него оказали влияние как Делеклюз, так и Прудон‡. Тридон — богатый сын спекулянта государственными землями, был бланкистом: он посвятил себя реабилитации революционера Эбера, но в период Коммуны стоял на стороне социалистов. Гюстав Флуранс, сын академика и профессора Коллеж-де-Франс, сам был многообещающим преподавателем, да еще и наследовал тридцать тысяч франков годового дохода. Он отличался непреодолимой тягой к романтическому и бросил все, чтобы стать во главе толпы. Парфюмер Бабик был религиозным мистиком («фузионистом»), а ветеринарный хирург Режер — самым настоящим клерикалом. Алли изобрел безумную телеграфную систему с использованием «симпатических спиралей» и, став мэром восьмого округа, организовал женскую гимназию. Асси был механиком, служил под началом Гарибальди и организовывал забастовки в Le Creusot. Риго (самый юный член Коммуны — ему исполнилось только 24 года) был сыном заместителя префекта Второй империи. Он стал знатоком секретных служб того режима: выслеживал парижских полицейских шпионов после их появления в суде и составил их длинный список, также как они составляли списки оппозиционеров§. Этих примеров достаточно, чтобы увидеть, насколько разнородным был состав Коммуны и как сложны были мотивы ее членов.

* *Beslay Ch.* Mes Souvenirs. 1874.

† *Dessal M.* Charles Delescluze 1809–1871. 1952. P. 421–426, passim; *Malon B.* La Troisième Défaite du prolétariat français. 1871. P. 141; *Arnould A.* Op. cit. Vol. 2. P. 89.

‡ *Vermorel A.* Le Parti socialiste. 1870. P. V, passim; *Vermorel J.* Un Enfant du Beaujolais: Auguste Vermorel, 1841–1871. 1911. P. 131.

§ *Clère J.* Les Hommes de la Commune. Biographie complète de tous ses membres. 1871. P. 16–17, 146; *Allemane J.* Mémoires d'un communard. P. 72–73; *Rihs Ch.* La Commune de Paris, sa structure et ses doctrines. 1955. P. 76–94, 143–178.

Один из них как-то сказал другому: «Лучшим днем моей жизни будет тот, когда я арестую Вас»*

Главным занятием Коммуны были добыча провианта и защита от версальского правительства. У нее не было времени для учреждения каких-либо институтов, не говоря уже о проведении далеко идущих реформ. Атмосфера войны и осады не способствовала аккуратному планированию: один из ее членов вспоминает, что за те два месяца раздевался и ложился в постель не больше десяти раз. Однако принятые Коммуной декреты имеют очень большое значение. В них было не так много антикапиталистического духа. Коммуна действительно попыталась создать несколько рабочих производственных объединений и придать некоторым крупным фирмам такую форму, но обещала компенсацию владельцам. Несколько профсоюзов управляли учрежденными таким образом фабриками, хотя их деятельность оказалась крайне малоэффективна, а сами профсоюзы раздирали бесконечные склоки. Однако эти эксперименты знаменовали возвращение к идеалам 1848 года, а не осуществление теорий Прудона. Требование государственного вмешательства сохранялось, что противоречило идеям Прудона. Когда Коммуна отменила ночную работу в пекарнях, прудонисты возражали, утверждая, что хотя реформа желательна, проводить ее должны сами пекари, а не правительство. Коммуне действительно не удалось стать анархическим «негосударством»: она закончила учреждением якобинского комитета общественной безопасности, несмотря на протесты значительного меньшинства. Хотя в ее составе было так много журналистов, она ввела цензуру прессы. Риго — глава ее полиции — позволял себе еще больший произвол, чем наполеоновская полиция, которую он когда-то критиковал.

Самые интересные реформы Коммуны были сравнительно незаметными и носили практический характер†. Отмена штрафов в мастерских отражала популярное требование. Пенсии вдовам убитых в сражениях (независимо от того, состояли они в законном браке или нет) явились впечатляющим признанием того, сколь многие рабочие не были женаты, и большим шагом к эмансипации женщин, которые вместе с наемными рабочими считались самой угнетенной частью сообщества. Доктор Вальян, возглавлявший образовательный комитет, распорядился создать две экспериментальные профессиональные школы (отдельно для мальчиков и девочек), в которых давалось бы фурьеристское «цельное образование, истинная основа социального равенства». Он также попытался секуляризировать церковные школы, однако добиться многого не успел. В Лицее св. Людовика продолжали дважды в день собирать учащихся на молитву: изменилось лишь то, что двое раздатчиков милостыни надели светскую одежду и котелки и, к немалому удивлению детей, отпустили бороды‡.

* *Arnould A.* Op. cit. Vol. 3. P. 31.
† *Procès-verbaux* de la Commune de 1871. 1924, 1945. Vol. 1. P. 159, 187, 282–284.
‡ *Dommanget M.* L'Enseignement, l'enfance et la culture sous la Commune. 1964. P. 54, 57.

Быстро трансформировать образовательную систему было трудно, но даже в правовой сфере, где это было возможно, коренных перемен оказалось немного. Прото, поставленный во главе юстиции, был сыном крестьянина; он выбился в адвокаты, стал почитателем Бланки, занимался политикой и защищал преследуемых социалистов. Он декретировал принцип избрания судей, но, опасаясь возможных последствий, фактически сам назначал их в основном из числа буржуа. Пресекая взяточничество среди нотариусов и судебных чиновников, он, однако, сохранил эти должности, просто переведя их в область государственной службы. Фундаментальная правовая реформа не была даже намечена*. Финансы Коммуны, оказавшиеся в ведении методичного и честного бухгалтера универмага по фамилии Журда, отличались безупречным консерватизмом. Банк Франции был оставлен в покое и деньги лишь заимствовались у него; о его национализации даже не заходило речи. Продолжали взиматься традиционные налоги, реформировать налоговую систему не пытались — что является особенно поразительным фактом. Было объявлено об отделении церкви от государства и конфискации собственности монастырей, но в действительности (не считая многочисленных арестов священников и проведения в церквях, превращенных в клубы, общественных собраний) для проведения этих декретов в жизнь было сделано мало. О нерешительности Коммуны в проведении социальных реформ свидетельствует назначение комиссии, в которую общественность приглашалась вносить предложения, в результате чего сами реформы откладывались. Идея социального законодательства казалась подозрительной тем, кто желал предоставить рабочим возможность самим договариваться с работодателями на том основании, что они теперь достаточно сильны, чтобы добиться удовлетворительных условий. Для государственных рабочих были установлены минимумы заработной платы, однако конкуренция признавалась полезной (при условии, что она не приводила к падению заработков или качества продукции). В своем манифесте, обращенном к просившим о поддержке крестьянам, Коммуна предложила им не национализацию земли, а право собственности каждого на дом и земельный участок, а также освобождение от налогов всех, кроме богатых†

Коммуна добилась бы большего, если бы уделяла внимание многочисленным предложениям и делегациям, посылаемым к ней политическими клубами. Они быстро размножились после 18 марта, избрав роль соучастников создания нового порядка, а не органов оппозиции. Для собраний они часто использовали церкви, а их дебаты печатались в не менее многочисленных газетах. Центральный клуб попытался действовать в качестве связующего звена, «индикатора общественного мнения», не навязывающего клубам собственных взглядов. Интерес народа к общественным делам

* *Laronze G.* Histoire de la Commune de 1871 d'après des documents et des souvenirs médits: la justice. 1928. P. 197, 673–679.

† *Malon.* Op. cit. P. 169–171; *Bruhat J., Dautry J., Tersen É.* La Commune de 1871. 1960. P. 191–217; ср. с хорошим анализом левых интерпретаций: The Paris Commune of 1871. 1972.

достиг невиданных с 1848 года размеров. Однако крайние, экстремистские взгляды, отстаиваемые в этих клубах, не оказывали большого практического действия и представляли точку зрения меньшинства. Большинство, как показывают дела арестованных в мае, было гораздо консервативнее. Среднестатистический человек с улицы хотел самоуправления для столицы: упразднения префектуры полиции, получения права избирать муниципальный совет и офицеров национальной гвардии. Он желал верховенства народа: особенно ценилась теория прямого народного управления, включая избрание на короткие сроки представителей, которые могли быть отозваны в любой момент. Некоторые видели в этом свой шанс занять государственный пост, но у большинства такие взгляды выражали лишь верность идеалам 1793 года. У них не было отчетливых представлений об общественных противоречиях. Хотя большинство арестованных являлись наемными рабочими и не были расположены к богачам, буржуа и бездельникам, против своих работодателей они не поднимались и случаев проявления классовой ненависти практически не отмечено. Напротив, многие потом просили работодателей дать в суде показания в их пользу: работодатель оказывался врагом, только когда покидал Париж. Казалось, что больше других классов простой человек ненавидит духовенство, затем — своего домовладельца и, наконец, консьержа. Единственными капиталистами, на которых сильно жаловались, были завышавшие цены скупщики товаров — традиционный дореволюционный враг. Все это не должно удивлять. В 1871 году Париж в экономическом отношении стоял ближе к 1789, нежели к 1940 году. Большинство людей все еще либо трудились в мелких мастерских, либо имели собственное дело, а не работали на фабриках, и даже когда они поступали туда, то в значительной степени продолжали жить по старым ремесленническим традициям. Они даже не были горожанами: три четверти арестованных родились в провинции. Не следует считать Коммуну и внезапным возмущением против правопорядка: 21% арестованных и 29% признанных виновными были ранее судимы*

С исторической точки зрения подавление Коммуны было, возможно, важнее, чем она сама. Присланная Версалем армия, войдя в конце концов в город, неделю вела кровопролитные бои, прежде чем захватила его. Сопротивление народа было спонтанным, неорганизованным, основанным на «chauvenism de quartier»†, ведь как только армия ворвалась в город, коммунары разбежались для защиты своих улиц, а следовало бы попытаться остановить врага у ворот. Устроенная 130-тысячной армией бойня не имеет аналогов в столетии, намного превзойдя июньские дни 1848 года. В общей сложности от 20000 до 25000 человек были казнены или убиты, 38578 человек были арестованы, а обвинений предъявлено почти в десять раз больше. На рассмотрение дел в судах ушло

* *Rougerie J.* Le Procès des communards.

† Квартальный шизм (фр.).

два года, в течение которых они гнили в ужасных тюремных условиях. 10137 человек были осуждены, почти половина из них сослана в Новую Каледонию. После Коммуны Париж стал другим городом. Лишения, голод, пустые цеха, тоска, изгнание. «Сами солдаты молчат. Одержавшие победу — они печальны; они не пьют и не поют. Кажется, будто Париж захватили немые люди»* За пределами города распространился миф о том, что коммунары вели себя как дикари, пресса призывала убивать их, как зверей, при одном намеке на амнистию крестьяне приходили в ужас и возмущенно требовали безжалостного наказания†. Этот миф привел к гораздо более глубокому, чем в июне 1848 года, разрыву между буржуазией и народными массами. Он заставил многих писателей с презрением и страхом говорить о бедных. Ренар извлек из этого такой урок: демократия — причина всех бед Франции‡. Тэн написал антиреволюционную книгу «Происхождение современной Франции». Альбер де Мен под воздействием этого мифа основал свой католический клуб рабочих, стараясь таким образом оградить массы от их опасных идей: разве сам папа не называл коммунаров «покинувшими ад, чтобы распространить огонь по всему Парижу»?§ Коммуна сделала многих буржуа консервативнее и подозрительнее по отношению к рабочим. В то же время она прибавила экстремизма рабочим. «Поскольку [буржуазия] не желает по-братски пустить нас в человеческий город,— заключал Малон, член Коммуны и один из ее лучших историков,— мы пролезем внутрь сквозь щели»** После кровавой бойни социалистам трудно было придерживаться умеренных взглядов, идти на компромисс со своими палачами, чтобы не показаться предателями павших. Рост умеренного профсоюзного движения 1860-х годов прекратился, склонные к насилию элементы получили шанс. Старые социалистические лидеры, такие как Луи Блан и Толэн из Версаля, противостояли Коммуне, а та расстреляла как заложника душеприказчика Прудона Гюстава Шоди — так разверзлась пропасть и среди самих социалистов. После амнистии 1879 года вернувшиеся из изгнания лидеры принесли вместе со своими воспоминаниями тяжелый груз обиды††

* *Mendès C.* Les 73 Jours de la Commune. 1871. P. 326.
† *Tersen G.* L'opinion publique et la Commune de Paris (1871–1879) // Bulletin de la Société d'études historiques, géographiques et scientifiques de la région parisienne. 1960, 1962 (четыре статьи).
‡ *Renan E.* La Réforme intellectuelle et morale de la France. 1871.
§ *Dansette A.* Histoire religieuse de la France contemporaine. 1848. P. 144.
** *Malon B.* Op. cit. P. 532.
†† О парламентских дебатах по вопросу амнистии см.: *Joughin T.* The Paris Commune in French Politics 1871–1880. Baltimore, 1955.

Гедисты

Марксизм вошел в социалистическое движение главным образом благодаря усилиям Жюля Геда, сыгравшего также важную роль в создании первой централистской и организованной политической партии во Франции. Сегодня его имя мало о чем говорит большинству людей, ведь он не был столь значительной или притягательной фигурой, как Жорес или Блюм, но в свое время он олицетворял именно те аспекты социализма, которых больше всего боялась буржуазия. Гед был очень высок и худ: часто чуть

ли не голодал из-за крайней бедности. Он носил волосы до плеч; ненормальную бледность его лица (он почти постоянно болел) подчеркивала ниспадающая черная борода. За стеклами очков с металлической оправой блестели горящие глаза. Даже когда он говорил о нейтральных вещах, его губы, казалось, дрожали от гнева, речь была быстра и страстна, голос — резким, скрипучим и сильным; его ирония всегда была язвительна, а выпады — колки. Ему дали вполне подходящие прозвища: «папа Гед»* и «красный иезуит». Он обладал суровым авторитарным характером, а его методы отличались жесткостью; его не любили, у него было мало личных приверженцев, поэтому неудивительно, что о нем забыли. Однако он был исключительно убедительным, ярким и полным энтузиазма оратором, энергичным и упорным журналистом, неутомимым организатором. Он пользовался огромным влиянием и оставил глубокий след в развитии страны.

Родившись в 1845 году в семье школьного учителя, он вынужден был прервать учебу из-за нехватки денег. В восемнадцать лет он стал переводчиком в префектуре барона Османа в Париже, но вскоре оставил эту работу ради журналистики. Сатирические стихи из сборника Виктора Гюго «Возмездия» (многие их которых он мог читать на память даже в старости) превратили его в республиканца, философы XVIII века сделали атеистом. Сначала он был последователем Гамбетты, затем сторонником Коммуны, за это в 1871 году его приговорили к пяти годам тюремного заключения. Он бежал в Италию, где попал под влияние анархистов. В 1876 году он прочитал Маркса, проникся его мыслями и с этого момента стал главным популяризатором марксизма во Франции[†]. Именно его газета «l'Égalité» (1877) с тиражом около пяти тысяч экземпляров распространяла новые идеи. Он решил подчинить профсоюзное движение, чтобы превратить его в марксистскую политическую партию. Вместе с Марксом он подготовил программу и провел ее на III конгрессе профсоюзов в Марселе в 1879 году, где смог быстро завоевать сторонников. Так была основана Parti des Travailleurs Socialistes[‡], позднее Parti Ouvrier Français[§], которая уже на выборах 1881 года набрала около 50000 голосов. Но Гед так по-настоящему не овладел профсоюзным движением, поскольку эта первая победа была возможна только из-за наводнения конгресса нетипичными представителями рабочих. Профсоюзы вскоре исключили его, и хотя он попытался создать конкурирующую Национальную федерацию профсоюзов, это не обеспечило его поддержкой. Таким образом, с самого начала он столкнулся с дилеммой, постоянно затем беспокоившей социалистов. Его целью было создание партии рабочего класса в согласии с марксистской догмой, но образованная партия оказалась чем-то совершенно иным. Его поглощенность политикой отталкивала рабочих: он мало уделял внимания забастовкам

* Имеется в виду римский папа

† О его юности см.: *Guesde J.* Textes choisis 1867–1882. 1959 (введение). Взгляд на него современников см.: *Mermeix.* La France socialiste. 1886. P. 60. *Compère-Morel A.* Jules Guesde, le socialisme fait homme 1845–1922. 1937 (книга довольно скучная, но полезная). «Капитал» Маркса был впервые переведен на французский язык Жюлем Руа и опубликован несколькими выпусками в 1872–1875 гг. Габриэль Деспиль опубликовал в 1876 г. сокращенный перевод, который получил большее распространение

‡ Партия рабочих-социалистов

§ Французская рабочая партия

и организации союзов, никогда не вникал в вопросы промышленности. Он просто хотел использовать рабочих в политических целях.

Только рабочие текстильной промышленности Нора и Паде-Кале искренне встали на его сторону. Они вскоре обеспечили ему массовую поддержку и дали ему силу, с которой пришлось считаться. Причина этого состоит в том, что его партия исключительно глубоко проникла в местную жизнь текстильных городов и использовала традиционные фестивали и развлекательные общества для своей пользы: устраивала балы, концерты, деревенские праздники, соревнования, карточные и бильярдные игры, драматические кружки и охотничьи клубы и, таким образом, придала новое революционное содержание традиционной общественной деятельности. Ткачи восточной части Франции отдавали за Геда немного голосов: плохих условий работы было недостаточно для того, чтобы превратить их в экстремистов. Шахтеры севера также обнаружили, что их специфическим корпоративным интересам лучше отвечают другие, более умеренные лидеры: в этой сфере промышленности его поддерживали только рабочие маленьких шахт и небольших металлургических заводов, например, в Коментри и Монтлюконе. Так что изначально социализм не показался привлекательным всем промышленным рабочим, и Гед вербовал новых сторонников не там, где преобладали определенные экономические условия, а там, где сочетание многих обстоятельств и особенно деятельность какого-нибудь способного приверженца создавали ему поддержку.

В партии наличествовало широкое разнообразие социальных типов: ремесленники, фабричные рабочие, даже мелкие лавочники (17% членов партии, почти половина из них — трактирщики) и крестьяне (7%, треть из них — земельные собственники). Гед добился успеха в трех сильно отличающихся друг от друга регионах: на севере, на востоке центральной части (особенно в Алье) и на средиземноморском западе. Север был самой прочной основой его влияния, обеспечивавшей ему треть голосов. Здесь он достиг успеха отчасти потому, что текстильные рабочие не имели сильных политических традиций, которые бы противоречили его теориям (как, например, это было в Париже, где он приобрел мало сторонников), а отчасти благодаря упорной пропаганде Гюстава Делори (1857–1925). Делори — уволенный за профсоюзную деятельность текстильный рабочий — начал жизнь торговца газетами, отмеряя по 25 миль в день и распространяя учение партии; затем он открыл винную лавку, потом типографию (обе превратились в важные политические инструменты). В 1896 году он стал мэром Лилля, а в 1902 году — депутатом от него. Часовщик Педрон (1849–1931) обеспечил успех партии в Обе, где его газета, выступления и практическая организация

профсоюзов шляпников Труайе и Ромили, равно как и устраиваемые теми семейные вечера, стимулировали рост числа сторонников* В центре Франции гедистская партия выросла из действовавшего в 1850–1851 и 1872–1877 годах тайного общества «Марианна», продолжавшего традиции карбонариев. Первый французский мэр-социалист Кристоф Тиврье (1841–1895) из Коментри и мэр Монтлюкона Жан Дормой (1851–1898), вместе руководившие партией в Алье, первоначально являлись членами этого общества. Тиврье спустился в шахту в возрасте десяти лет; он отказался стать мастером, сказав, что «не хочет помыкать друзьями». В поисках независимости он начал свое дело в качестве пекаря, затем пробовал себя в производстве кирпичей, торговле вином и строительстве; на свои сбережения он поставил дом. В 1872 году у него на чердаке впервые собралось тайное общество «Марианна»; когда приходящие перестали там помещаться, то стали встречаться по ночам в поле, всегда в разных местах. Его члены говорили на сложном тайном языке: входя в кафе, они особым образом произносили слова «сегодня прекрасный день»; чокались, держа рюмку сначала за ножку, а затем за край; у них было особое рукопожатие, а приглашения на собрания прятались в платки, сложенные в форме письма от девушки, приглашающей возлюбленного на свидание. Все это нравилось шахтерам, так что когда Гед побывал в Коментри и привлек к своему делу Тиврье, образованная партия развивалась не только как идеологическое движение, но и как своего рода клуб. Причиной популярности Тиврье в первую очередь было его обаяние. «Он не был горд». Всей стране он стал известен за то, что носил поверх сюртука рабочую блузу, когда прошел в парламент — жест, означавший (как и кепка Кейра Харди†), что он не отрекается от своих корней. Однажды его выставили из палаты, буквально вынесли за то, что он кричал «Да здравствует Коммуна». Однако его социализм вовсе не был ортодоксально марксистским. Так, руководимый им муниципалитет потребовал упразднить кооператив шахтеров, поскольку тот разорял мелких лавочников. В его партию вошли некоторые из радикальных лидеров (как, например, основатель масонской ложи Делиньер), однако их взгляды были несколько смягченными‡. Сам же он, однако, в конце концов оставил гедистскую партию. Интересно, что его место в парламенте занял сын.

Его соперничество с другим крупным гедистским лидером в регионе — Жаном Дормоем — подчеркивает всю непохожесть членов одной партии, даже уроженцев одной небольшой области. Жан Дормой с тринадцати лет был рабочим-металлистом. Принимая активное участие в республиканской политике после 1870 года, он организовал приглашение Геда в Монтлюкон в 1880 году, чья лекция сделала его приверженцем марксизма.

* *Millet H.* L'Évolution socialiste à Romilly-sur-Seine. 1896. P. 25. Анри Милле (1865–1902) был сначала шляпником, а потом мэром Ромили.

† Джеймс Кейр Харди (1856–1915) — основатель Шотландской рабочей партии.— *Прим. ред.*

‡ *Montusès E.* Le député en blouse // Les Cahiers du Centre. 1913. 52, 53 (биография Тиврье, написанная Эрнестом Монтюзом [1880–1927], редактором «Le Socialiste», а затем «Le Combat» в Алье).

Впоследствии он потерял свою работу и занялся торговлей вразнос; подковался в марксизме, проведя шесть месяцев в тюрьме вместе с Гедом и Лафаргом (зятем Маркса) по обвинению в грабеже и подстрекательстве рабочих к убийству нанимателей. Он организовывал союзы и ввел во французскую практику первомайские демонстрации. Говорят, что когда он умер в возрасте 47 лет, то в похоронной процессии шагало 30 тысяч человек — такова была его популярность. Ему, впрочем, так и не удалось создать дисциплинированную и организованную партийную структуру, характерную для гедистских департаментов Нор и Об.

В департаменте Алье гедисты больше напоминал «монтаньяров» 1849 года*. На юге Франции к гедизму приходили разочаровавшиеся радикалы, видевшие в нем новую форму экстремизма, но совсем не интересовавшиеся марксизмом. Здесь его лидерами были в основном представители мелкой и средней буржуазии. Самый известный — доктор Феруль, мэр Нарбонна с 1892 года до самой смерти в 1921 году — был сначала масоном, затем радикалом, а потом буланжистом: своей популярностью он был обязан таланту защитника местных интересов.

Таким образом, гедистская партия сильно отличалась от того, как ее представлял основатель, да и Карла Маркса она раздражала, но именно она стала крупнейшей единой социалистической партией Франции конца XIX века. К 1898 году в ней состояло 16000 членов; на выборах того же года она выдвинула 96 кандидатов и получила 13 мест благодаря 294 тысячам отданным за нее голосам (2,7% электората). Она установила контроль над многими муниципалитетами†. Но со временем партия перестала быть блюстительницей марксистской ортодоксии и вообще отказалась от последовательной политики. Часто она добивалась успеха благодаря компрометировавшим ее доктрины альянсам с различными течениями социализма, а также радикализма и национализма. После 1892 года она поднялась на защиту республики, в 1895 году поддерживала радикальное министерство Буржуа и, отрекшись от убеждения, что капитализм не поддается совершенствованию, перешла к реформизму. Теперь утверждалось, что руководимые ею муниципалитеты могут не только подготовить страну к социалистическому будущему, но и непосредственно улучшить жизнь народа. «Мы стоим на пороге победы»,— сказал Гед в 1893 году. «Новый век станет зарей новой эры»,— говорил он в 1897 году. «Революция приближается»,— повторял он снова и снова. Он жаждал получить как можно больше мест (в 1898 году он надеялся на 115 или 120 депутатов) и готов был бороться за голоса любыми способами. Партия искала расположения крестьян своей аграрной программой, обещавшей снижение налогов и национализацию только самой крупной собственности, так что мелкий собственник мог «спокойно владеть участком, на котором он трудится

* *Rougeron G.* Le Mouvement socialiste en Bourbonnais 1875–1944. 1946.

† *Willard C.* Le Mouvement socialiste en France 1893–1905: les guesdistes. 1965. P. 316, 348. Очень детальное и информативное исследование гедизма.

в поте лица». Они все меньше и меньше говорили о классовой борьбе и революции. Для того, чтобы избавиться от прозвища «пруссаков» (в честь Маркса), они стали патриотами, даже шовинистами. Однако это не пошло им на пользу. Выборы 1898 года глубоко разочаровали их, и вскоре гедисты вернулись к прежней революционной политике. Можно предположить, что в случае крупного успеха на выборах они сделали бы большой шаг вправо, превратившись в умеренных радикалов, наследников традиции Гамбетты. В общем, ни умеренная, ни революционная тактики не принесли им большой пользы. Кажется, к концу столетия они достигли предела своего роста. Их марксизм не вполне принимался на французской почве, и они не особенно пытались приспособить его к изменяющимся условиям. Они, например, утверждали, что заработки непременно снизятся, хотя во Франции они уверенно росли. Они не изучали французский капитализм или промышленность, но претендовали на строгую научность своих доктрин. Их акцент на теории выродился в повторение бесполезных догм. Не желая прослыть утопистами, они не предлагали какой бы то ни было картины общества, которое стремились создать — на самом деле у них не было ясного взгляда на будущее. Строго регламентированная централистская партия, которую пытался создать Гед, являлась уникальной в то время, когда политические группы были чрезвычайно рыхлыми, но эти черты оттолкнули многих поддерживавших ее людей. Казалось, в ней не находилось места для ярких личностей, стремившихся к чему-то большему, чем достижение высокого положения в своем районе: когда Гед говорил о единстве с другими социалистами, они понимали под этим лишь его диктатуру. Контроль Геда за своей партией был на самом деле обманчив. Иерархическая организация секций и федераций эффективно действовала лишь на севере, для остальной территории страны гораздо более характерны были разброд и недисциплинированность. Попытки провести централизацию в национальном масштабе не достигли успеха; это лишь порождало конфликты, например, когда Гед болел (что случалось часто). Местные партии, особенно на юге, могли проводить собственную, независимую политику альянсов. Гедисты были бедны и платили лишь одному пропагандисту (Зеваэ). Их газеты были непопулярны: между 1890 и 1905 годами они издавали 130 газет (в основном еженедельных), но больше половины из них не просуществовали и года, и только пятая часть продержалась больше двух лет. Лишь у шести газет тираж превышал пять тысяч экземпляров, большинство же были посредственными и скучными. Нехватка ежедневных газет (за исключением севера страны) являлась существенным препятствием. Партия одновременно занималась поиском работы для своих членов. Из 36 муниципальных советников в Рубо 22 имели лицензию на содер-

жание таверны. В 1898 году только двое депутатов партии были настоящими рабочими*.

Гед не обладал необходимыми качествами для создания подлинно общенациональной партии или объединения разных течений под своим руководством. Он был слишком бестактен, нетерпелив, деспотичен. Он жаждал немедленных результатов и не мог понять постепенной эволюции политической мысли Третьей республики. Его оппортунизм не принес успеха. Гед уделял мало внимания непосредственному улучшению положения бедных и оказался не в состоянии стать профсоюзным лидером; он критиковал как Буланже, так и буржуазных республиканцев, поэтому не смог воспользоваться кризисом; не участвовал в деле Дрейфуса, в отличие от Жореса и Клемансо, которые извлекли из него большую выгоду; пуристически игнорировал антиклерикализм — самый мощный предрассудок времени. К концу столетия он достиг предела своих успехов†. Однако его вклад в социалистическое движение долго сохранял свое значение. Гед пользовался большим влиянием на съездах объединенной партии до самой войны, но еще важнее то, что он оставил после себя устойчивую традицию марксистского социализма, ставшего одной из главных линий последующего развития партии. Конфликт между ней и более гуманистической традицией, связываемой с именами Жореса и Блюма, является одним из главных вопросов французского социализма. Традиция Геда живет до сих пор, оставаясь наиболее сильной на севере, где у него было больше всего последователей. Триумф Ги Молле после освобождения Франции от фашизма в 1944 году стал возрождением и реваншем гедизма. Идея о том, что представителями партии должны быть исключительно рабочие, вовлеченные в классовую борьбу, вновь стала официальной доктриной (в противовес желанию Блюма повысить привлекательность партии и переосмыслить ее роль во французском обществе). Торжество Молле над Дефером в 1965 году при выборе кандидата в президенты показало, что гедизм не потерял своего влияния‡.

Поссибилисты

Авторитаризм Геда вскоре привел к расколу в стане социалистов. Доктор Поль Брусс уже в 1881—1882 годах создал соперничающую партию, выступавшую за совершенно иной тип социализма. Брусс видел причину поражения социалистов на выборах в догматизме и настаивал на праве каждой партии в любом избирательном округе формулировать подходящую к местным условиям программу. Он утверждал, что программа Геда, столь ценимая его сторонниками за свою точность и ясность, непрактична и утопична: она стремилась достичь всего сразу, а в результате не

* *Willard C.* Contribution au portrait du militant guesdiste dans les dix dernières années du XIX^e siècle // Le Mouvement social. 1960. Oct.; 1961. Mar.

† См. интересные оценки Геда: *Cachin M.* Le centenaire de Guesde // La Pensée, revue du rationalisme moderne. 1945. 11 Nov. 5. P. 19—28; *Bernstein S.* Jules Guesde, Pioneer of Marxism in France // Scince and Society. 1940. P. 29—56.

‡ О неогедизме см.: *Graham B. D.* The French Socialists and Tripartism 1944—1947. 1965; *Moulin C. J.* Un Parti pour la gauche. 1965.

достигала ничего. Известна фраза Брусса, в которой он (очевидно, бессознательно) вторил Гамбетте: «Идеал следует разделить на несколько практических шагов; наши цели нужно, так сказать, сделать видимыми, чтобы они стали выполнимыми». Гед дал Бруссу и его сторонникам презрительное прозвище «поссибилистов» — оппортунистов нового типа. Они охотно с ним согласились, заявив, что это лучше, чем быть, как гедисты, «импоссибилистами». Так внутри социалистической партии начался тот же процесс, что совсем недавно проходил в стане республиканцев и радикалов.

Бруссисты отличались от гедистов в трех аспектах. Во-первых, они допускали значительную автономность местных групп: они не стремились к догматическому единообразию, а хотели создать союз всех эксплуатируемых рабочих, в котором было бы место для разных мнений в отношении тактик и доктрин. Они называли себя Федерацией социалистических рабочих, однако каждая местная группа имела право добавить какое-либо название, отражающее ее особые взгляды. Во-вторых, они отказались от идеи революции как средства достижения цели. Они настаивали на том, что для управления государством нужен опыт: Коммуна провалилась, потому что не имела его. «Нельзя превратиться в руководителя огромной государственной службы лишь благодаря убедительной речи». Итак, в-третьих, они сосредоточили внимание на завоевании власти на муниципальном уровне, для чего Брусс (основываясь на взглядах бельгийского социалиста Сезара де Папэ) выработал альтернативу марксизму — «теорию общественных служб». Он утверждал, что нет никакой проблемы в том, следует или нет экспроприировать буржуазию. Ее судьбу решат экономические силы. Развитие капитализма неизбежно ведет к образованию монополий. По мнению Брусса, логично преобразовать их в общественные корпорации или службы. Поэтому социализм будет наступать постепенно, с разной скоростью в разных секторах, в соответствии с темпами экономического роста. Наконец, когда общественные службы будут использоваться в полной мере, управленческие издержки окажутся чрезмерными и общественные услуги станут бесплатными. В первую очередь это может произойти с почтой. Когда все услуги станут бесплатными, наступит коммунизм. Тем временем Брусс хотел работать на благо практического муниципального социализма* Эта программа в некоторых отношениях почти не отличалась от той, которой придерживались радикалы; тон его социальной программы в отношении классовой борьбы напоминал умеренных образца 1848 года. Он был вполне готов поддерживать буржуазные правительства, если те делали практические шаги к выгоде бедных. Но основная часть его программы была связана с местными проблемами и муниципализацией транспорта, водо- и газоснабже-

* Brousse P. La Propriété collective et les service publics. 1883.

ния и т. д.— все эти услуги должны были предоставляться либо бесплатно, либо по себестоимости. Он явно уловил настроения народа (сходные с теми, которые уловил Гамбетта), поскольку стал весьма популярен: его партия в 1880-х годах развивалась быстрее других. Один из его сторонников стал первым социалистом, избранным в муниципальный совет Парижа; к 1887 году их в нем уже было девять; в 1889 году они получили два места в парламенте и около 50 тысяч голосов. Бруссисты располагали двумя ежедневными газетами, тремя провинциальными еженедельниками и одним ежемесячным журналом. Их сила в основном концентрировалась в Париже, однако действовали также около тридцати разрозненных групп на западе Франции*

Тем не менее, все это никак не могло привести к рождению мощного движения. Брусс не способен был к организации в масштабе страны. Он был весьма богатым доктором (его доход, кажется, составлял 60000 франков — £2800). Его дед был состоятельным торговцем зерном, отец — профессором медицины и состоял в родстве с епископом. Нельзя точно сказать, как далеко Брусс отошел от этой респектабельной жизни, если вообще пытался сделать это после своих юношеских проделок. Немного известно и о его странном браке с Натальей Ландсберг — непокорной дочерью русского начальника полиции. Брусс олицетворял собой некую форму буржуазного нонконформизма. Он еще студентом познакомился в Монпелье с Гедом, был приговорен к трем месяцам тюрьмы за диффамацию, бежал в Испанию и вступил в Интернационал. Затем он перешел от Маркса к Бакунину не столько из теоретических соображений, сколько из отвращения к любой строгой ортодоксальности†. Когда он наконец поселился в Париже, то добился весьма влиятельного положения в семнадцатом округе, особенно в квартале Эпинет, муниципальным советником которого долгое время являлся. Там он организовал социалистический клуб и общий профсоюз мелких торговцев, рабочих и клерков. Он уделял большое внимание решению практических вопросов своих избирателей, дважды в неделю ожидая посетителей в первой в своем роде политической «приемной», на всех производя впечатление очень дружелюбного и любезного человека‡.

Парадоксальный аспект жизни Брусса состоял в том, что он провел десять лет в спорах вокруг анархистской и социалистической теорий, участвуя в злоязычных диспутах на международных конгрессах, хотя глубоко сомневался в любой теории вообще. Из-за этой своей деятельности он получил репутацию опасного агитатора и был выслан сначала из Франции, а затем из Швейцарии. Но диссидентом он не стал. Будучи анархистом Юрской федерации, а позднее одним из основателей Французской социалистической партии, он призывал к отказу от метафизических

* *Humbert S.* Les Possibilistes. 1911. P. 48.
† *Brousse P.* Le Suffrage universel et le problème de la souveraineté du peuple. Geneva, 1874.
‡ *Seilhac L. de.* Le Monde socialiste. 1904. P. 37.

дебатов по доктринерским вопросам. Как анархист, он настаивал на «пропаганде действием», под которой понимал не убийства или терроризм, доказавший свою несостоятельность, а просто муниципальный социализм.

Отправной точкой в размышлениях Брусса было то, что во Франции невозможно провести всеобщую забастовку. Рассчитывать на нее было нельзя, поскольку рабочие едва начали организовываться и их политическая деятельность находилась в зачаточном и хаотичном состоянии. Народ не читал книг, и убеждать его посредством многословных теоретических трудов или даже газет было бесполезно. Повлиять на их невежество и предрассудки можно было только показом дееспособности социализма в практической, ощутимой форме. Поэтому следовало не пытаться свергнуть буржуазный строй в целом, а получить контроль за несколькими муниципалитетами и реорганизовать их на социалистической основе. Это вполне соответствовало опыту Парижской Коммуны. Однако каждой коммуне следовало дать право идти собственным путем. Каждый, кто знал о положении дел во Франции, должен был согласиться с тем фактом, что большие районы страны находились под сильным влиянием аристократии, духовенства или буржуазии. Франция представляла собой чрезвычайно неоднородную смесь регионов с очень разными историческими традициями. Ни одной партии не удавалось получить абсолютное большинство в парламенте. Поэтому социалистам не следует ожидать, что все коммуны станут социалистическими. Они должны ждать, пока постепенно контраст между довольством социалистических коммун и неблагополучием клерикальных не заставит народ добровольно отвергнуть традиционные авторитеты.

Брусс не предлагал разрушать государственную машину сразу же после занятия муниципальных должностей. Он планировал постепенно трансформировать коммуну, чтобы «общественные службы» заменили правительственные. Это означало упразднение авторитарного и иерархического характера власти. Он с жаром критиковал марксистов, называя их «революционерами-позерами, невротиками, фанатиками, романтиками мятежа».

Целью Брусса было основание Лейбористской партии во Франции. Именно такое название он хотел дать своей организации, надеясь избежать доктринерства и сделать ее привлекательной для широких масс. Он уделял много внимания контактам с английскими профсоюзами (в отличие от других французских социалистов, считавших их реакционными). Брусс сотрудничал с радикалами для защиты республики, когда генерал Буланже стал угрожать ее существованию, а также являлся основателем Общества прав человека, хотя последователи Брусса вскоре вынудили его отойти от правозащитной деятельности. Это обще-

ство было предшественником лиги, которая спустя одно поколение стала мощной силой французской политики. Работа Брусса также не пропала зря и нашла выражение в министерском социализме таких деятелей, как Мильеран, для газеты которого «La Petite République» он часто писал. Его инкорпорация в республику подтверждается тем, что в 1910 году, потеряв место в парламенте, он вместе с пенсией получил должность директора государственной лечебницы для душевнобольных — одну из лучших государственных синекур*

Как в 1882 году социалисты распались на бруссистов и гедистов, так в свою очередь в 1890 году раскололись и бруссисты. Лидером мятежников был Жан Алеман (1843—1935) — печатник, профсоюзный деятель и член Коммуны, приговоренный к каторге в Новой Каледонии. Алеман олицетворял собой несогласие с растущим оппортунизмом Брусса, его связью с радикалами, из-за которой он стал почти неотличим от них в погоне за постами. Алеман ввязался в личную борьбу с Бруссом, причем у каждого из них была своя газета. В 1890 году он откололся, создав собственную группу — алеманистов. Он хотел, чтобы его партия была истинно рабочей и объединила достоинства гедизма и бруссизма. Он интересовался городским самоуправлением и насущными реформами, но давал понять, что это лишь первый этап. Он поддерживал идею всеобщей забастовки, однако настаивал на том, что сначала рабочих нужно организовать в профсоюзы, а сама забастовка должна стать интернациональной. Он был против всякого внутрипартийного культа личности (в котором обвинял в равной степени Брусса и Геда) и вообще испытывал неприязнь к политикам, поскольку те слишком легко теряли контакт со своими избирателями. На выборах кандидаты-алеманисты строго подчинялись местным партийным организациям, подписывали недатированное заявление об отставке, которое партия могла использовать при первой необходимости, и обязаны были передавать свое жалованье в партийные фонды, из которых им затем возвращали меньшие денежные суммы. Алеманизм являлся повторной попыткой рабочих добиться освобождения собственными силами, характеризуясь подчеркнутым эгалитаризмом и недоверием к буржуазии. Но революционными в нем были только принципы: он никак не мог найти способ проведения практических реформ, который не позволил бы партии увязнуть в трясине существовавшей системы. Только сам Алеман мог сделать это. Он был популярен, ибо всегда оставался рабочим в своих привычках и чаяниях, несмотря на повороты карьеры. Однако его анархический идеал политики без политиков оказался негоден. В 1893 году его партия, обойдя бруссистов, обеспечила себе пять мест в парламенте и распространила свое влияние за пределы Парижа. Однако эти депутаты вскоре признали нестерпимым

* *Stafford D.* From Anarchism to Reformism. 1971.

подчинение местным организациям и отказались отдавать свое жалованье; в 1896 году они вышли из партии и присоединились к бланкистам. Таким образом, алеманисты тоже раскололись; оставшиеся позднее присоединились к независимым социалистам (показав тем самым, что партия колебалась между реформизмом и революцией). И это движение не принесло плодов*

Жорес

Наряду с Гамбеттой, Жорес, вероятно, наиболее почитаемый политик Третьей республики. Возможно, его не так ценили различные партии, однако популярен он был за более широкий ряд качеств, причем не только политических. Ромен Роллан писал о нем: «Жорес — это почти уникальный в наше время образец великого политического оратора и одновременно выдающегося мыслителя, сочетающего в себе большую культуру с проницательной наблюдательностью, высокую нравственность со стремлением к действию. Для того, чтобы найти что-либо подобное, придется обратиться к античности. Он мог поднять массы и в то же время очаровать элиту»†. Блюм говорил: «Я никогда не встречал человека, кроме, быть может, Альберта Эйнштейна, отмеченного столь безусловно и явно печатью гения»‡. Английский социалист Макс Бир, лично знавший множество политиков своего поколения, писал, что из всех людей, которых он встречал, его больше всего поразили Ленин и Жорес§. О нем, вероятно, написано больше биографий, чем о каком-либо другом французском политике этого периода, но для точной оценки его достижений материалов все еще не хватает. Собрание его сочинений включает лишь около десятой части написанных им работ; публикацию прекратили после девятого тома, но было подсчитано, что все они заняли бы 90 томов по 400 страниц каждый. Было издано менее сотни его писем, так что приходится почти полностью опираться на его публичные выступления. Лишь недавно ученые взялись за детальное исследование его жизни, а в 1960 году было основано «Общество жоресовских исследований»**. Историк должен помнить, что многие вопросы о Жоресе остаются без ответа. Его задача — отыскать истину в легенде, оценить и объяснить причины безмерной славы Жореса, которая на первый взгляд кажется слишком раздутой.

Политическое значение Жореса состоит в том, что он создал единую социалистическую партию из множества сект, спас ее от характерного для них догматизма и утопизма и сделал популярной в республике и французской жизни. Он появился на сцене в подходящий момент, когда социалисты жаждали единства, однако это не умаляет его достижения, ведь Мильеран не смог сделать того же. Жорес прекрасно подходил для этой роли благода-

* *Charnay M.* Les Allemanistes. 1912.
† Journal du Genève. 1915. 2 Aug (цит. по: Europe. Oct.-Nov. 1958. P. 3).
‡ *Blum L.* Jean Jaurès. P. 8.
§ *Hampden Jackson J.* Jean Jaurès. 1943. P. 11.
** См. выпускаемый им «Bulletin de la Société d'études jaurésiennes». Самая основательная биография Жореса: *Goldberg H.* The Life of Jean Jaurès. Madison, 1962.

ря своему происхождению, образованию и характеру. Он родился в довольно богатом роду Кастр из Тарна, где были купцы и адвокаты, два адмирала и епископ, однако его отец, хотя и женатый на дочери мануфактурщика, производившего ткани, был беднейшим и наименее удачливым представителем семейства — он несколько раз переживал крах своих предприятий и к концу жизни остался с небольшой фермой площадью в пятнадцать акров. Поэтому Жорес воспитывался в бедности. Своим первоначальным образованием он был обязан щедрости дяди; собрав все первые награды в школе, он получил стипендию для продолжения учебы в Париже в Эколь Нормаль. Там он блестяще проявил себя и к окончанию заведения был третьим в списке лучших (вторым был Бергсон, а первым — ныне никому неведомый школьный учитель). Отработав некоторое время учителем шестого класса в Альби, Жорес стал лектором, а вскоре — профессором философии в Университете Тулузы. Как философ, он не отстаивал какую-либо конкретную доктрину, стремясь примирить логику со здравым смыслом и создать синтез реализма и идеализма. Будучи преподавателям, он относился к учащимся как к личным друзьям. Жорес не был типичным профессором, впрочем, он был нетипичен во всем.

На первый взгляд он производил странное впечатление. Панегирики ему столь многочисленны, что, пожалуй, стоит найти золотую середину между ними и тем весьма реалистичным описанием, которое дал ему Жюль Ренар: «Жорес выглядит как молодой учитель средней школы, который никогда не достигнет более высоких степеней и мало заботится об этом, или же как толстый торговец, который любит плотно закусить. Он коренаст и роста среднего, черты лица весьма правильные: их не назовешь красивыми или уродливыми, выразительными или заурядными. Косматый... Страдает нервным тиком правого века... Очень образован, даже не позволяет мне закончить цитаты. То и дело обращается к истории или космогонии. Память оратора и поразительно начитан. Часто сплевывает в носовой платок. Я не чувствую в нем сильной личности. Он скорее производит впечатление человека, в больничной карте которого значится: совершенно здоров. Над одной своей шуткой он смеялся так сильно, что было слышно даже на первом этаже. Его речь неторопliва, невнятна, немного сбивчива, без оттенков. В вопросах религии весьма робок. Ему становится неловко, когда затрагивается эта тема, и он выходит из положения с помощью фразы: „Я уверяю, что это намного сложнее, чем кажется"»*.

Жорес был не только буржуа, но и крестьянин — он называл себя «культурным крестьянином»†. Он принадлежал к интеллектуальной элите, был мелким собственником, однако с виду его можно было принять за рабочего в выходной день. Он носил

* *Auclair M.* La Vie de Jean Jaurès. 1954 P. 258.
† См.: *Auriol V.* Jean Jaurès.1963.

обычный для буржуа черный сюртук, но был так неопрятен, грязен и неэлегантен (под слишком короткими брюками виднелись сползавшие на туфли носки; карманы его всегда были набиты газетами и книгами), что трудно было по внешнему виду заключить, к какому именно общественному классу он принадлежит. В этом заключался секрет его шарма. Он был «в первую очередь человеком — не представителем свободной профессии, не членом класса или партии, не сторонником какой-либо идеи, а настоящим, гармоничным, свободным человеком». Он обладал необычайным даром проявлять сочувствие к любому типу личности, не был ни горд, ни напорист, ни самоуверен. Несомненные умственные способности сочетались в нем с детской наивностью и совершенной прямотой. Поэтому его легко принимали в качестве лидера, тем более что он старался никого не обижать намеренно. «Он был миротворцем по природе», и свойственное ему дружелюбие было неподдельным*

Жорес достиг успеха как политик еще и потому, что являлся великолепным оратором. Техника его не особенно впечатляла: он не мог сравниться в беглости и совершенстве стиля с Вивиани, который брал уроки в «Комеди Франсэз» и для тренировки декламировал великие речи прошлого. Жесты Жореса были банальны и однообразны: он то и дело поднимал наполовину сжатую в кулак руку и затем быстро опускал ее, указывал в небо или на публику, а иногда поднимал обе руки высоко над головой — знатоки находили такую манеру «тяжелой». Тем не менее, его почитали равным Боссюэ†. Его выступления в парламенте продолжались два-три часа (а по принципиальным вопросам — и по два дня). Жорес был обаятелен, поскольку речи отражали его характер, но также имел необычайную способность предугадывать реакцию слушателей. Он всегда начинал выступление неуверенно, пока не находил верный тон. От других ораторов его отличала способность выражать чувства толпы, становясь толкователем народных идей. Как только он находил метафору, объединявшую идеи, которые он хотел выразить, то устремлялся в ослепительный словесный полет, и тогда поэтические выражения и богатая образность речи опьяняли как слушателей, так и его самого. Иногда одна фраза, сказанная им или брошенная из толпы, порождала целую серию идей. Блюм говорил как парижский интеллектуал, тщательно представляя все аргументы за и против, а Жорес всегда отражал атмосферу момента: «Затем он завладевал вниманием всех слушателей и объединял их вокруг одной идеи, хотели они того или нет». Его гениальность, как говорил гедист Брак (сперва оппонент, а затем поклонник Жореса), состояла в том, что «он формулировал идеи, близкие окружавшим его людям... стремясь объединить их... и склеивая осколки идей и крупицы человечности»‡. Он не только умел прекрасно говорить, но

* *Hamon A.* Souvenirs sur Jaurès // Le Grande Revue. 1915. July. 88. P 107–112.
† Цит по: *Lannay M.* L'éloquence de Jaurès // Europe. Oct.-Nov. 1958. P 23–39.
‡ Ibid.

и обладал притягательной личностью. Троцкий писал о нем: «Для Жореса красноречие не было ценным само по себе... Будучи сильнейшим оратором своего времени, а возможно, и всех времен, он стоял выше простой риторики; он относился к своим речам, как ремесленник к инструментам»*

Превращение Жореса в политика произошло само собой. Он ярко выступил с импровизированной речью на открытом собрании, проводившемся бонапартистами, в которой отстаивал образовательные реформы Жюля Ферри. Его красноречие сравнивали с ораторским искусством молодого Гамбетты. Ему предложили баллотироваться в парламент по списку республиканца-оппортуниста (Ферри), и он с блеском победил. В свои 25 лет он оказался самым молодым депутатом парламента. Однако в Париже он не сразу произвел впечатление: ему потребовалось некоторое время, чтобы определиться. Позднее он заявлял, что всегда был социалистом, даже принадлежа к парламентскому центру, однако его политическая позиция беспрестанно эволюционировала. Хотя он выступал с многочисленными речами, он никогда не повторял ранее сказанного. И он отличался от большинства политиков Третьей республики, постепенно становившихся более консервативными. Жорес, напротив, по достоинству оценил позицию левого крыла, а также усвоил множество других точек зрения. Его кругозор постоянно расширялся. Удачно сказано, что он не обратился в социализм, а постиг его. Постиг, потому что придерживался исключительно широких взглядов. Он сказал в 1895 году: «Превыше всего следует защищать идею о том, что ни власть, ни догма не должны ставить пределы постоянным усилиям и беспрестанному поиску человеческой расы — человечество подобно огромной следственной комиссии с неограниченными полномочиями. Эта идея состоит в том, что всякая правда, исходящая не от нас, есть ложь; эта идея гласит, что в каждом соглашении мы должны сохранять ясность критического ума»†. Он уважал противоположные мнения и ненавидел лишь нетерпимость. Устремляя взгляд в будущее, он все же, как сам говорил, «преклонялся перед прошлым. Ведь не зря же горело пламя поколений»‡ Либерализм сочетался в нем со страстью к единству. Когда он читал кардинала Ньюмана§, описывавшего людей, разделенных пропастью проклятья, ему снились кошмары. Больше всего он стремился ликвидировать эту бездну непонимания между людьми. «Потребность в единстве,— полагал он,— это самая важная и благородная из человеческих потребностей»** Он страстно желал примирить явно противоречивые идеи. В своем философском сочинении «Реальность видимого мира» (1891) он выразил надежду «осуществить на основе метафизики и науки великую мечту о единстве»††. Теперь, когда Жорес занялся политикой, сама идея отдельной социалистической партии раздражала его. Он верил

* *Goldberg H.* Op. cit. P. 188.

† Речь 11 февраля 1895 г. См.: The Dublin Review. 1906. Apr. P. 310 (note).

‡ Цит. по: Europe. Oct.-Nov. 1958.

§ Джон Генри Ньюман (1801—1890) — профессор, проповедник, писатель, кардинал, принадлежал к движению обращенных, то есть перешедших из англиканства в католицизм.— *Прим. ред.*

** Цит. по: *Rappoport Ch.* Jean Jaurès, l'homme, le penseur, le socialiste. 1915. P. 104.

†† Цит. по: *Challaye F.* Jaurès. P. 115. Это ценное исследование философии Жореса вышло в серии книг о других философах (Сократе, Платоне, Декарте, Канте и пр.).

в союз всех республиканцев и был сторонником Жюля Ферри, колониальная политика которого, по его мнению, помогала французам забыть о своих мелких разногласиях в осуществлении национальной экспансии: он даже говорил о «трогательной семье во главе с Францией»*. Его ужасала классовая вражда, ожесточенность рабочих. В 1889 году он писал: «Справедливость должна восторжествовать не вследствие энергичной и целенаправленной агитации той или иной социалистической фракции, а благодаря всенародному движению... Народные массы и трудящаяся буржуазия должны объединиться, чтобы положить конец капиталистическим привилегиям и злоупотреблениям»†. Он надеялся на то, что республиканцы осознают необходимость социальной справедливости; сам он, в предчувствии солидаризма, представил законопроект о пенсиях рабочих. Однако Ферри не так сильно интересовался социальным вопросом и не предоставил достаточной свободы для идеализма Жореса. После того как Жорес потерял депутатский мандат в 1889 году, его политические методы изменились. Благодаря общению с профсоюзными лидерами в Тулузе и шахтерском центре Кармо он стал больше уважать социалистов, уже не считая их сектантами. Он начал брать в публичной библиотеке книги о социализме и написал дополнительную диссертацию под названием «Происхождение немецкого социализма» (1891)‡. Работа в муниципальном совете Тулузы заставила его усвоить более практический взгляд на возможности проведения реформ. Поэтому, когда в 1892 году шахтеры Кармо предложили ему выступить в качестве социалистического кандидата на парламентских выборах, полагая, что ему удастся привлечь к движению крестьян из сельской части избирательного округа, он согласился§.

Но он не вступил партию и заседал в палате в качестве независимого социалиста. Жорес не был марксистом. Он разделял некоторые марксистские взгляды, но, как и Малон, сочетал их с другими, часто противоположными. Он уважал Маркса и редко критиковал его открыто, однако желал примирить идеализм с материализмом и имел много точек соприкосновения с ревизионизмом Бернштейна. Если последний считал, что экономические силы устанавливают пределы капитализму, то и Жорес утверждал, что при достижении капитализмом монополистической стадии его магнаты осознают необходимость удовлетворения чаяний рабочих. Совесть заставит их изменить свою позицию; казалось возможным существование системы моральных ценностей, разделяемых как буржуа, так и рабочими, и (как ее следствие) сотрудничество классов. Жорес полагал, что капитализм постепенно пропитается социализмом и свергать его не будет нужно. Он утверждал, что налогообложение и развитие компаний с многочисленными мелкими акционерами являются фор-

* *Jaurès J.* Textes choisis. Vol. 1: Contre la guerre et la politique coloniale. 1959. P. 13 (полезное введение).

† *Trempé R.* Jaurès, député de Carmaux // Jaurès présenté par V. Auriol. 1962. P. 86–119.

‡ О влиянии на него библиотекаря Эколь Нормаль см.: *Andler Ch.* La Vie de Lucien Herr. 1932.

§ *Rebérioux M.* Jaurès et Toulouse 1890–1892 // Annales du Midi. 1963. P. 295–310; *Trempé R.* Jaurès et Carmaux // Europe. 1958. Oct.-Nov. P. 64–73; *Jaurès J.* Discours parlementaires. 1904 (см. введение «О социализме и радикализме в 1885 г.», которое является важнейшей частью его автобиографии).

мами введения социализма в буржуазное государство. Капитализм, по его мнению, не ухудшает положение бедных и не катится по наклонной к кризису, поскольку уже прошел стадию анархии, достигнув следующей — стадии картелей. В нем содержатся элементы прогресса. Жорес был недоволен тем, что «Маркс не вполне признавал роль честных намерений, искренней морали и общественного энтузиазма, которые порой поддерживали и воодушевляли буржуазию»; он восхвалял буржуазное «фанатичное стремление к прогрессу» и особенно восхищался «теми великими личностями, которые благодаря собственному разуму, техническим способностям, гениальности и мужеству создают новые источники благосостояния». С сенсимонистской верой Жорес полагал, что крупные международные промышленники и финансисты способны предотвратить экономический кризис. Он считал классовую борьбу ненужной в такой демократической стране, как Франция, где на смену ей пришла борьба политическая. Для него парламент олицетворял всеобщую волю, и в конечном счете социализм должен установиться законодательным путем* Жорес не был согласен с гедистским отвращением к приобретению колоний, а просто требовал более гуманной и либеральной колониальной политики. В первые годы XX века он рассматривал образование Антанты и Тройственного союза как мирный процесс развития, возникновение зародышей европейской федерации. Он хотел не отменить идею Отечества, а социализировать ее. Хотя один вид капитализма был шовинистским, другой, возглавляемый крупнейшими банками, мог способствовать утверждению мира, поэтому Жорес оставался оптимистичным пацифистом† Как и сенсимонисты, он испытывал неприязнь к духовенству и военным, но не к самой религии. Он верил в бессмертие и в Бога (хотя, скорее всего, являлся пантеистом) и подчеркивал важность идей и религии в жизни людей‡. Таким образом, социализм был для него, как сказал Блюм, «точкой конвергенции, наследием всего созданного человечеством богатства, добродетели и красоты с самого зарождения цивилизации»§. А его взгляды на цивилизацию становились все шире. В последние годы жизни он сожалел о том, что читал слишком много немецких и мало английских авторов, и взялся за Ньюмана и Шекспира. Одной из последних прочитанных им книг стали «Диалоги о естественной религии» Юма, доставившие ему «огромное интеллектуальное удовольствие»**

Теоретическая страсть Жореса к единству подкреплялась свойственным ему как практическому политику умением достигать его. Он блестяще составлял проекты резолюций, приемлемых для всех сторон, в тот самый момент, когда разногласия, казалось, заводили в тупик. Сочетание талантов парламентария, журналиста, интеллектуала и оратора на партийных съездах и

* *Klément J.* Jaurès réformiste. 1931; *Jaurès J.* L'Armée nouvelle. 1910 (особенно гл. 10); *Claris E.* Du capitalisme au socialisme d'après Jaurès // L'Actualité de l'histoire. 1959. Apr.-June. P. 22–23.

† *Rebérioux M.* Introduction // Jean Jaurès, textes choisis. 1959.

‡ *Jaurès J.* La Question religieuse et la socialisme. 1959; *Tresmontant C.* La religion de Jaurès // Esprit. 1960. P. 2038–2051.

§ *Blum L.* Jean Jaurès. P. 37.

** *Jaurès J.* La Question religieuse et le socialisme. 1959. P. 17.

публичных собраниях вкупе с дружелюбием и скромностью способствовали росту влияния Жореса, так что в конечном счете он стал партийным лидером. Его вклад в рост партии был очень значителен. Он оказывал самое действенное после Мильерана влияние на социалистов, призывая их поддерживать буржуазные правительства всякий раз, когда те выказывали желание проводить реформы. Он защищал радикальное министерство Буржуа в 1895 году (предложившее ввести подоходный налог), кабинет защиты республики Вальдека-Руссо (1899–1902), а также организовал «Блок левых», позволивший Комбу провести отделение церкви от государства. С точки зрения электорального успеха эта политика принесла щедрые плоды. Большей частью своих побед социалисты обязаны союзу с радикалами; они никогда не достигли бы такого успеха, если бы оставались изолированной антиреспубликанской партией. Вскоре настойчивое желание Жореса сотрудничать с другими республиканцами обострило раскол между его сторонниками и последователями Геда, так что в 1900 году, когда была предпринята попытка объединить различные социалистические фракции, достигнуть соглашения не удалось и образовались две независимые партии (во главе с Жоресом и Гедом соответственно). Последний искал поддержки Интернационала, и в 1904 году его конгресс в Амстердаме осудил политику коллаборационизма Жореса. Именно тогда Жорес проявил свойственное ему душевное благородство и проницательность. Он согласился с этим решением, вышел из «Блока левых» и не стал протестовать против превращения социалистов в революционную партию. В этой атмосфере в 1905 году была наконец сформирована единая социалистическая партия — SFIO* Но, достигнув единства, Жорес постепенно стал вновь поворачивать партию к своей реформистской политике, одновременно выполняя требования революционеров. Он составил проект декларации принципов, принятой партийным съездом в Тулузе в 1908 году, которая искусно примирила противоречивые цели, расположив их в хронологическом порядке. Дабы угодить гедистам, «конечной» целью партии был провозглашен полный захват власти посредством революционного торжества коллективизма. Чтобы добиться расположения бланкистов и алеманистов, партия объявила, что прибегнет к восстанию и всеобщей забастовке, *когда появится возможность*. Однако ее *непосредственными* методами были предвыборная борьба, парламентская и муниципальная деятельность, развитие профсоюзов, кооперативов и образования†.

Следует напомнить и об ограниченности достижений Жореса. В SFIO унитарная структура заменила федералистскую, членский билет обязывал направлять взносы прямо в центральный фонд. Верховным органом партии стал съезд, делегаты на который избирались пропорционально численности местных органи-

* *Noland A.* The Founding of the French Socialist Party 1893–1905 1956.

† *Lefranc G.* Le Mouvement socialiste sous la Troisième République 1963. P 397–398.

заций; депутаты и федерации оказались жестко подчинены ему. С 1905 по 1914 год количество членов партии удвоилось, достигнув к началу войны 90725 человек. Но это было ничтожно мало по сравнению с германскими социал-демократами, которых в 1912 году было свыше миллиона. Более того, власть съезда оказалась тягостной для многих депутатов-социалистов. В 1906 году вне партии оставались 24 независимых депутата, и хотя SFIO запретила своим сторонникам голосовать за них на выборах даже тогда, когда другой кандидатуры от социалистов не было, около 30 независимых депутатов все-таки были избраны в 1910 году и образовали Parti socialiste républicain. Она была достаточно многочисленна, чтобы SFIO Жореса ее не затмила, а ее деятельные члены — особенно Бриан, Вивиани и Мильеран — неоднократно спасали от него независимость кабинета министров. Разговоры о том, что из-за своего честолюбия эти лидеры неспособны к коллективной деятельности и больше пользы приносят в качестве независимых, было плохим утешением, ведь Жорес, конечно, предпочел бы оказывать более сильное влияние на правительство. Он с ностальгией вспоминал о «Блоке левых»: его удалось возродить лишь в 1914 году, когда он нашел продолжателя дела Комба в лице Кайо, но было уже слишком поздно. Жорес не был оппозиционером. «Единственная настоящая радость общественной жизни,— говорил он,— это совместный, без какого-либо крючкотворства труд политической организации и демократического общественного прогресса. Все удовольствия, которые доставляет критика и борьба, благородны, но горьки»*. Вопрос о том, пришел бы он к власти, если бы не был убит перед самой войной, остается без ответа, но можно спрашивать, насколько полно он использовал свои таланты в период 1905—1914 годов.

Объединение социалистов вовсе не положило конец их идеологическим разногласиям. Напротив, оно их усилило, ведь теперь те старые битвы, которые прекратились вместе с расколом, вспыхнули вновь. Поединок Жореса и Геда был одним из главных событий съездов. Лидеры старых партий продолжали отстаивать собственные взгляды, вдобавок появлялись новые точки зрения. Александр Варен вслед за Бернштейном требовал, чтобы партия стала откровенно реформистской и привела бы программу в соответствие со своими действиями. Эрве вел весьма неоднозначную кампанию за восстание и абсолютный антимилитаризм. С одной стороны Альбер Тома активно призывал к сотрудничеству с радикалами, с другой Шарль Андлер выражал презрение к парламентской системе и, выступая против мнения Жореса о том, что социализм есть логическое завершение демократии, утверждал, что это нечто совершенно иное† Внутри партии не было общей позиции по отношению к войне, национализации и муниципальному социализму. Ее газета «L'Humanité»,

* Цит. по: *Prélot M.* L'Evolution politique du socialisme française 1789–1934. 1939. P. 301.

† *Thomas A.* La politique socialiste. 1913; *Schaper B. W.* Albert Thomas. 1959; *Andler Ch.* Le Civilisation socialiste. 1912.

основанная Жоресом в 1904 году всего лишь с семнадцатью сотрудниками в штате, в 1913 году наконец стала ежедневной, но большого тиража не набрала. Партия не имела денежных средств для ведения действительно активной пропаганды: только шесть ее должностных лиц получали жалованье, а половину дохода партии составляли взносы депутатов, которым приходилось жертвовать частью своего парламентского жалованья*

Партии не удалось заручиться поддержкой ни профсоюзов, ни крестьянства. Гедисты стремились сохранить верховенство политической деятельности над экономической. Жорес добился признания профсоюзов и кооперативов законными формами подготовки к социализму и сам был в хороших отношениях с некоторыми лидерами CGT. Жуо сказал на его похоронах, что Жоресу «благодаря справедливости и ясности ума удалось сгладить противоречия» между двумя доктринами, что «он был связующим звеном между нашими фракциями», но, тем не менее, профсоюзное движение оставалось разобщенным†. По крестьянскому вопросу Жорес считался экспертом как в парламенте, так и в своей партии. Он продолжал политику, которую восприняли даже гедисты, обещая освободить мелких крестьян-собственников от национализации. Он писал: «Ваша собственность священна; если вы в долгу, я помогу вам вернуть имущество... Я обеспечу вас машинами. Неимущим крестьянам я говорю, что помогу вам стать собственниками, но с тем лишь условием, чтобы вы не стали в свою очередь эксплуататорами труда»‡. Марксистская идея о том, что социалисты должны обращаться только к сельскохозяйственным рабочим, явно никуда не годилась, ведь те в массовом порядке мигрировали в города, уезжая из деревень. Велик был соблазн в сельских районах стать крестьянской, а не социалистической партией. В 1906 году съезд в Лиможе решил «стремиться к реализации требований крестьянства». Он назначил комиссию для выяснения, в чем же состоят эти требования: Было разослано 20000 анкет, из которых вернулись немногие. Отчет 1908 года показал, что требования крестьян носили в основном практический характер и сводились, например, к помощи в выкупе закладных, снижению цен на удобрения и повышению цен на их продукцию. После неубедительных попыток примирить это с марксизмом (ведь Компер-Морель, сильнее всех старавшийся увлечь за собой крестьян, был гедистом) и еще нескольких опросов, партия в 1910 году приняла программу, очень сходную с той, которой придерживались радикалы. Она оставалась платформой социалистов вплоть до 1919 года. Таким образом, от обращения крестьянства в социализм отказались: эта неспособность расположить к себе крестьян (а не просто получить голоса некоторых из них, исходя из соображений целесообразности) стала одной из главных слабостей партии§.

* *Rouger H.* La France socialiste. 1912. P. 149–152.
† *Guy-Grand C.* Jaurès, ou le Conciliateur // La Grand Revue. 1918. July. 97. P. 1–20.
‡ *Prévot G. E.* Le Socialisme aux champs. Toulouse, 1905. P. 6–8 (предисловие Жореса).
§ *Lait M.* Le Socialisme et l'agriculture française. 1922. P. 35–41; *Bourdeau J.* Revue de mouvement socialiste // Revue politique et parlementaire. 1910. Sept. P. 569–578; *Compère-Morel A.* La Question agraire en France. 1908; *Idem.* La Question agraire et le socialisme en France. 1912; *Angé-Laribé M.* Grande ou petite propriété. Montpellier, 1902; *Tarbouriech E.* La propagande agraire du parti socialiste // Revue socialiste. 1910. Mar. P 252–276.

Независимые социалисты

Существовали люди такого склада, для которых эти разнообразные формы социализма были неприемлемы, и социализм которых был иного рода — те, кого интересовали скорее практические достижения, нежели строгая доктрина, и те, кто, в отличие от политиков остальных партий, не желали становиться членами организованной секты со строгой иерархией. В 1885 году социалисты, не являвшиеся членами какой-либо социалистической партии, сформировали в палате депутатов группу независимых социалистов. Он были «антипартией» и долгое время оставались просто группой депутатов без какой-либо организации в стране. Лишь некоторые из них были избраны как социалисты; большинство же являлись радикалами, особенно заинтересованными в социальных реформах. Их программа, хотя в ней шла речь о постепенной национализации, была сформулирована весьма расплывчато. Жорес, избранный в том же году как республиканец и имевший, кажется, более отчетливые идеи, размышлял о возможности примкнуть к этой группе и спросил одного из них, что они будут делать, когда придут к власти; ответ он получил довольнотаки уклончивый — мол, это будет зависеть от обстоятельств. В группу входило несколько интересных личностей, карьеры которых отражают те перемены, которые происходили на левом фланге республиканской системы. Антид Буайер, являвшийся одним из главных организаторов группы, был сыном торговца гончарными изделиями, начинал самостоятельную жизнь укладчиком черепицы, затем был железнодорожным рабочим, бухгалтером и, наконец, журналистом-социалистом и политиком. Он был одним из лидеров социалистической партии в Марселе и прошел в палату в 1885 году благодаря поддержке радикалов. Бриалу был ткачом, затем газовиком в Лионе; он был избран по списку Клемансо. Камлина, сперва бывший работником на виноградниках, а затем фабричным рабочим, являлся членом Первого Интернационала и Коммуны; его также поддерживали радикалы и социалисты. Нума Жилли — бондарь, со временем начавший собственное дело — был избран мэром Нима от коалиции ультралевых и правых, стремившихся низвергнуть оппортунистов, и называл себя радикалом-социалистом. Планто расписывал фарфор в Лиможе, затем переехал в Париж, выучил иностранные языки и стал профессиональным переводчиком, в 43 года начал изучать право и получил ученую степень. Он активно проводил радикальную, а не социалистическую политическую линию. Некоторые были старыми республиканцами, как, например, Дома — механик, отсидевший при Второй империи восемь лет в тюрьме за политическую деятельность, а затем ставший пивоваром в Тулоне; он был депутатом с 1871 года и закончил свою

карьеру как сенатор-радикал. Провансальский поэт Клови Юге, избранный в качестве радикала в 1881 году, присоединился на следующий год к гедистам, затем поссорился с ними, поскольку настаивал на участии в похоронах Луи Блана, и вернулся в ряды радикалов. Он был колоритной личностью — убил на дуэли бонапартиста из-за своей жены, которая, в свою очередь, несколькими годами спустя застрелила какого-то человека за то, что тот докучал ей. Оба они предстали за эти убийства перед судом и были оправданы. Далеко не все независимые социалисты были рабочими: среди них были также доктора и адвокаты. Они называли себя «Группой рабочих-социалистов», фактически же являлись крылом радикальной партии, к которой некоторые из них продолжали принадлежать. Многие из них стали буланжистами: разногласия по этому вопросу положили конец их единству, которое было довольно-таки рыхлым*

После завершения кризиса Александр Мильеран (1859–1943) — один из немногих людей, сохранивших нейтралитет по отношению к Буланже — попытался воссоздать группу, преобразовав ее в «реформистско-социалистическую» партию с широкой поддержкой в массах. Его усилия весьма поучительны, поскольку помогают лучше понять взаимоотношения социалистов и радикалов и правильнее оценить характер достижений Жореса, который преуспел там, где потерпел неудачу Мильеран. Последний закончил карьеру как правый президент республики (1920–1924), поэтому ему редко уделяли должное внимание в работах по истории социализма, однако его не следует почитать амбициозным и беспринципным ренегатом. Он, безусловно, страстно стремился к высоким должностям и первым среди социалистов стал министром Третьей республики. Мильеран был исключительно трудолюбив и методичен и получал удовольствие от управленческой работы. Он был невоспитанным, неприветливым, неповоротливым человеком с «квадратным лицом, прямыми плечами, откровенным упрямством», близоруким до такой степени, что не узнавал на улице членов своей семьи. Родившись в семье скромного драпировщика, он стал адвокатом, но с молодости интересовался политикой и начал писать для «Justice» Клемансо почти сразу же, как получил диплом. Уже в 25 лет он был избран по его радикальному партийному списку в муниципальный совет Парижа, а год спустя — в парламент, где был самым молодым депутатом после Жореса. Он проявлял немалую самостоятельность, вступил в «Группу рабочих-социалистов» и порвал с Клемансо, которого считал слишком одержимым антиклерикализмом. В ноябре 1891 года вместе с Рене Гобле, основателем радикально-социалистической партии, и некоторыми другими радикалами Мильеран участвовал в составлении воззвания за переход к новой политике с акцентом на экономических, а не политических

* Orry A. Les Socialistes indépendants. 1911.

реформах, и был поддержан как республиканцами, так и социалистами. Годом позже он сменил Гобле на посту редактора «La Petite République» и воспользовался этим изданием для проведения активной «независимой социалистической» кампании перед выборами 1893 года. Девять человек из тех, кого он поддерживал, были избраны в Париже, а вскоре к ним присоединилась дюжина радикальных депутатов из провинций, сделав «независимых» самой многочисленной социалистической группой в парламенте. Мильеран изо всех сил пытался расширить свою группу, привлечь как можно больше радикалов, а также приверженцев других социалистических сект. В знаменитой речи в Сен-Манде (30 мая 1896 года) он определил свой социализм как постепенное замещение капиталистической собственности общественной (то есть как национализацию монополий и муниципализацию коммунальных услуг при сохранении мелких собственников)* Его методом была политическая деятельность с целью завоевания парламентского большинства. Он одобрял международное сотрудничество социалистов, вместе с тем оберегая традиции Французской революции (был, таким образом, одновременно патриотом и интернационалистом). Эта тройная «программа-минимум», названная «Программой Сен-Манде», обеспечила основу для объединения деятельности социалистов в парламенте, хотя стоит отметить, что депутаты одобрили ее с тем условием, что это никак не ограничит их независимость. В качестве законодателя в 1893—1899 годах Мильеран умело руководил кампанией за практические реформы в пользу рабочего класса. Логическим завершением его деятельности стало принятие поста министра торговли и промышленности, предложенного ему Вальдеком-Руссо в 1899 году. В этом он видел шанс провести свои законопроекты, а также защитить республику от реакционной угрозы в лице антидрейфусаров. К несчастью для него, министром вооруженных сил в том кабинете стал Галифе, на которого социалисты имели зуб за подавление им Коммуны. Таким образом, примирение зашло слишком далеко. Дискуссия об участии в буржуазных правительствах обострилась, а его карьера лидера социалистов внезапно оборвалась. В 1904 году Мильеран был изгнан из их рядов. В том же году гедисты убедили конгресс Интернационала в Амстердаме осудить политику сотрудничества с буржуазными правительствами. Из-за неприязни к слишком быстрому успеху, к которому он не смог их подготовить, социалисты отвергли его политику†.

Пример Мильерана свидетельствует о развитии социализма из радикализма, а его карьера позволяет понять, почему так много избирательных округов предпочитали депутатов-социалистов. Нельзя забывать о том, что в отношении парламентского представительства социализм во многом опирался именно на эту радикальную основу. Социализм Мильерана был развитием

* *Millerand A.* Le Socialisme réformiste française. 1903. P. 19—35.

† *Derfler L.* Le cas Millerand // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1965.

доктрины солидарности. Он, вероятно, никогда не читал Маркса, во всяком случае не читал внимательно. Если он говорил о классовой борьбе, то с сожалением и надеждой на ее скорое прекращение. Он принимал республику и не призывал к насилию или революции. Вскоре он обрел свой идеал в «великой реформистской республиканской партии», которую стремился создать кабинет Вальдека-Руссо, а также в проводимых им практических социальных реформах. Мильеран противопоставлял ее чистым радикалам, которые лишь говорили о реформах, однако считал себя продолжателем традиции, утверждавшей принцип разделения реформ на практически осуществимые этапы и постепенное их проведение «с тактичным отношением не только к старым обычаям, но даже к предрассудкам»* Как и Гамбетта, он прежде всего стремился к приобретению общенародной поддержки, однако ему не хватало таланта Гамбетты сохранять при этом своих друзей. Мильеран говорил, что не желает «строить церковь для секты»†. «Следует заботиться не столько о своих друзьях и приверженцах,— заявлял он,— сколько о своих противниках, а превыше всего — о той безразличной массе, которая почти всегда составляет большинство. Нужно знать, как постепенно привлечь ее к себе, самое же главное — никогда нельзя проявлять опрометчивость или прибегать к крайним мерам (что одинаково опасно и бесполезно), тем самым отталкивая ее или настраивая против себя»‡.

Он говорил о себе: «Я был и остаюсь робким человеком»§. В то время эта робость была ближе стране, чем неистовость социалистической партии. Тем не менее, Мильеран обладал важными способностями руководителя, которыми нельзя пренебрегать. Его достижения на поприще министра торговли с 1899 по 1902 год и министра общественных работ с 1909 по 1910 год были значительными: его идеи скрывались под новым именем «la politique de réalisations»**. Он прекратил волокиту почтовой службы, которую планировал модернизировать, создал управление туризма, отстаивал (и вводил в областях, находившихся под его контролем) возможность переговоров между руководством и рабочими. Он надеялся, что это (как и обязательный арбитраж — еще один его проект) ослабит влияние революционных профсоюзов. Неудивительно, что он покинул социалистическое движение. Его уход стал примером для других перебежчиков, наиболее известные из которых — Бриан и Вивиани. В результате дела Мильерана и его осуждения амстердамским конгрессом честолюбивые социалисты, имевшие административные способности, не могли, оставаясь в партии, найти им применение, поэтому покидали ее. Именно благодаря примеру Мильерана и продолжаемым им радикальным традициям независимые социалисты сохранились в качестве отдельной группы после того, как объединение 1905 года привело всех остальных социалистов под начало Жореса††.

* Речь «О социальной политике Республики» (28 февраля 1909 г.) см.: *Millerand A.* Politique de réalisations. 1911. P. 6.

† *Millerand A.* Le Socialisme réformiste français. P. 8.

‡ Речь в «Обществе по изучению истории революции 1848 г.», см.: Ibid. P. 348.

§ Цит. по неопубликованным воспоминаниям Маньена: *Magnien J.* Alexandre Millerand. P. 4.

** Политика возможного (фр.).

†† *Persil R.* Alexandre Millerand. 1949. P. 11–13; *Magnien J.* Op. cit.; *Lavy A.* L'Œuvre de Millerand; un ministre socialiste. 1902 (о деятельности Мильерана в 1899–1902 гг.); *Millerand.* Politique de réalisations. (введение, подписанное P. L. G., о его деятельности в 1909–1910 гг.); *Millerand.* Travail et travailleurs. 1908 (его речи в качестве министра в 1899–1902 гг.); *Millerand A.* La Socialisme réformiste français (речи 1896–1902 гг. с важным предисловием, дающим определение реформизма); *Badie V.* M. Alexandre Millerand, socialiste réformiste. Son œuvre social. 1931 (интересная апология).

Разномыслию и теоретической невнятице, свойственным независимым социалистам, дал теоретическое оправдание замечательный человек, который в некотором отношении может считаться вторым Прудоном. Бенуа Малон (1841—1893), сын сельскохозяйственных рабочих в Форезе, рос в почти непереносимой нищете, которую позже описывал в исключительно трогательных воспоминаниях*. Он работал пастухом и научился читать только в возрасте двадцати лет, когда ему пришлось долго оправляться после болезни в доме старшего брата — учителя начальной школы. Всю последующую часть жизни он был ненасытным читателем, так что едва ли могла найтись хоть одна важная книга о политике или экономике, которую он не знал. Он находил достоинства почти во всех из них, ведь его представление об идеале отличалось исключительной широтой. Малон был в сущности дружелюбным, добросердечным и великодушным человеком, и эти его качества одинаково проявлялись как в отношении к идеям, так и в общении с людьми. Он обнаруживал предвестия социализма почти у каждого автора, от Платона до кардинала Мэннинга†. В Париже, где он устроился на скромную работу в красильне, он вскоре стал главным организатором союзов, кооперативов и Первого Интернационала; в 1871 году он был избран депутатом, ушел в отставку, чтобы принять участие в Коммуне, жил в эмиграции в Италии, организовывая там рабочих, а затем вернулся, чтобы помочь Геду основать Parti Ouvier Français‡. Но узкое сектантство Геда было ему чуждо, и в 1885 году Малон основал «La Revue socialiste» — журнал, участвовать в котором пригласил социалистов самого разного толка, а также сочувствующих радикалов, дабы развивать взгляды, способствующие взаимопониманию. Издание стало органом нового несектантского типа социализма, парламентскими представителями которого являлись независимые социалисты. Малон имел страсть к примирению людей и талант находить общее между явно разными личностями и теориями; его критические способности были столь же ограничены, сколь широки были симпатические, и поэтому он развивал то, что называл интегральным социализмом. Социализм, утверждал он, должен представлять собой синтез «всей прогрессивной деятельности человечества», тогда как Маркс (хотя Малон и уважал его) смотрел на вещи только с одной стороны. Прогресс нельзя объяснить в чисто экономических терминах, ему способствуют политические, религиозные и экономические факторы: «Новаторы не должны ограничиваться удовлетворением классовых интересов пролетариата, им также следует быть выразителями всех чувств и нравственных сил, которые есть в человеческой душе». Поэтому они должны стремиться не только к экономическим переменам, но к реформам любого рода — образовательным, социальным, политическим, гражданским, к эмансипации

* *Malon B.* Fragment de mémoires // Revue socialiste. 1907. Jan.-July (пять статей).

† *Malon B.* Histoire du socialisme. 1879.

‡ *Malon B.* Le Nouveau Parti. 1881; *Simon F.* Une Belle Figure du peuple, Benoît Malon, sa vie, son œuvre. Courbevoie, 1926.

женщин и «смягчению нравов». Он признавал существование классовой борьбы, но относился к ней как к трагедии. Не было нужды ждать, пока капитализм приведет к пауперизации пролетариата и пролетаризации буржуазии. Начинать можно сразу же и, желательно, с применением мирных средств. Малон сыграл важную роль, привив социалистическому движению традиционную французскую заботу о человечности, уважение к личности, широкий идеализм. «Никакая борьба, ограничивающаяся материальными интересами,— писал он,— не объединяла массы». Он выступает связующим звеном между идеями 1848 года и представлениями Жореса, на которого оказал большое влияние*.

Анархисты

Анархисты были важными соперниками социалистов. Некоторое время, особенно в 1890-х годах, они сдерживали рост численности социалистов, предлагая альтернативное революционное движение, которое нравилось многим из тех, для кого были неприемлемы строгая регламентация и догматизм социалистов. В последующие десятилетия они пользовались большим влиянием во многих профсоюзах, в результате чего последние сохраняли независимость от социалистов. Таким образом, если бы не они, социализм наверняка достиг бы большего успеха. Между теми и другими существовала конкуренция, поскольку у них были точки пересечения. Конечный идеал обоих состоял в построении бесклассового коммунизма, в котором государство должно отмереть. Прудон, отец-основатель французского анархизма, также вдохновлял некоторые группы социалистов. Оба движения желали уничтожить буржуазный строй. Однако между ними имелись и фундаментальные различия. Анархисты уделяли свободе гораздо больше внимания, чем равенству. В отличие от марксистов, предполагавших длительное использование государства до его окончательного отмирания, они считали его инструментом подавления и хотели упразднения, а не овладения им. Главное зло существующего общества, по мнению социалистов, состоит в злоупотреблении частной собственностью, однако анархисты считали основным врагом власть и надеялись расправиться с ней одновременно во всех трех ее проявлениях: то есть с государством, церковью и капиталом. Методы тоже различались. Анархисты не прибегали к предвыборной агитации и не пытались попасть в парламент. Они полагались на прямые действия, «пропаганду действием», «непрерывный бунт», свободную независимую жизнь и игнорирование существующего правопорядка, а не на создание организаций для его замены. По определению они не могли быть настоящей партией. Число активистов, объединенных примерно в пятидесяти группах, в основном в Париже и Лионе, вероятно,

* *Malon B.* Le Socialisme intégral. 1890–1891. P. 1. 13, 16, 178, 190, 212–214, 443 et passim; *Veber A.* La mort de Benoît Malon // Revue socialiste. 1893. Oct. P. 386–443; *Fournière E.* Benoît Malon et le marxisme // Ibid. 1893. Nov. P. 541–543. *Spuller E.* Figures disparues. 1894. P. 233–251.

никогда не превышало тысячи, а газеты не расходились тиражом более семи тысяч экземпляров. Но анархистам вполне могли сочувствовать тысяч сто человек, а некоторые их взгляды усваивались, часто бессознательно, гораздо большей частью населения*

Анархизм во Франции пережил несколько этапов. В своей прудонистской разновидности он оказывал сильное влияние на Первый Интернационал до 1873 года, когда благодаря Бакунину мютюэлизм сменился антигосударственным коллективизмом. Бакунин прибыл в Лион в сентябре 1870 года, а 28 сентября провозгласил упразднение государства. В ответ государство послало две роты национальных гвардейцев, и он тотчас же бежал в Женеву. Вследствие этой неудачи он обратил свой взор к другим странам, также его изгнание означало, что Швейцария стала штабквартирой его движения. Там его последователями стали несколько жертв подавления Коммуны, такие как Элизе Реклю (автор девятнадцати томов «Nouvelle Géographie universelle») и Поль Брусс (позже лидер поссибилистов). В результате из-за близости Швейцарии анархисты сначала укрепились в Лионе, но в 1883 году 66 анархистов были арестованы и отданы там под суд. После этого первенство перешло к Парижу, где несколько газет снискали некоторый успех. Первая, «La Révolution Sociale» (1880), основанная на деньги, предоставленные префектом полиции через агента-провокатора, была, возможно, слишком серьезной и скучной, чтобы привлечь новых сторонников† (Намного позже Грав использовал состояние мисс Мейбел Холланд Томас — англичанки, на которой он женился в 1909 году — для поддержания на плаву своего издания «Temps Nouveaux»‡.) Эмиль Пуже (упоминавшийся в главе о профсоюзах) издавал очень живую, отличавшуюся грубым, остроумным и полным жаргона стилем газету «Père Peinard», которая имела некоторый успех. Другие газеты наделали шуму из-за того, что добывали средства через лотереи, где в качестве призов предлагались пистолеты и кинжалы.

Вслед за оптимизмом начального этапа пришло осознание того, что борьба за свободу будет долгой. Теперь анархизм вступил в новую фазу, когда его основным методом стали прямые акты насилия. Эта фаза достигла своего апогея в 1892–1894 годах, когда терроризм, взрывы, ограбления и убийства, кульминацией которых стало убийство президента республики Карно, превратили анархизм в главную угрозу для буржуазного строя. Это насилие, с которым анархизм обычно ассоциируется в общественном сознании, было, однако, делом рук лишь нескольких лиц, действовавших по собственной инициативе. Оно не находило широкой поддержки внутри движения, даже несмотря на то, что лидеры редко осуждали его. Оно вызвало решительную и жесткую реакцию в виде *lois scélérates*§ 1894 года. Вследствие этого анархисты начали пробовать другие методы. Они пытались

* См.: *Maitron J.* Histoire du mouvement anarchiste en France 1880–1914. 1951. P. 114–115, 128, 432: *Maitron J.* L'anarchisme française 1945–1965 // Le Mouvement social. 1965. Jan.-Mar. P. 97–110. Следует заметить, что до сих пор анархистам посвящается значительно меньше исследований, чем социалистам.

† *Andrieux L.* Souvenirs d'un préfet de police. 1885. Vol. 1. P. 339.

‡ *Maitron.* Histoire... P. 434.

§ Законы о злодействе (фр.).

привлечь на свою сторону рабочих через профсоюзы, в которых вскоре заняли весьма влиятельные позиции. Пеллутье, Ивето, Делассаль и Пуже превратили революционный синдикализм — анархизм, развивавшийся скорее благодаря союзам, нежели усилиям отдельных лиц — в важную силу во французской политике. Он предложил рабочим доктрину, позволявшую им обойтись без буржуазного государства, хотя самой доктрине не следует придавать слишком большое значение. Рабочие могли называться революционными синдикалистами или анархистами, поскольку находили в этом то, к чему долгое время многие из них стремились — независимость. Лишь в 1913 году была, наконец, образована партия Fédération Communiste Révolutionnaire Anarchiste, а ее программными установками стали антипарламентаризм, антимилитаризм и профсоюзная деятельность. Она осуждала личное насилие и терроризм, но также заявляла об уважении свободы отдельных членов партийных организаций, а также этих организаций в составе федерации. К ней присоединились 25 групп из провинциальных городов, расположенных в самых разных частях страны; однако она никак не стимулировала подъем политического движения, и после войны организованный анархизм был представлен лишь небольшой сектой.

Самые известные анархисты — это, пожалуй, деятели искусства. Кубер (друг Прудона и член Коммуны), вероятно, наиболее открыто выражал свои идеи в живописи* Оба Писсарро, Поль Синьяк и Стенлен иллюстрировали анархистские газеты; Вламинк регулярно ежегодно отчислял в пользу дела часть дохода от продажи картин с 1900 по 1939 год†. Газету Грава «La Révolte» читали Анатоль Франс, Стефан Малларме, Леконт де Лилль, Гюисманс. «Имморалист» и «Подземелья Ватикана» Андре Жида увековечили память об индивидуалистическом анархизме. Образовательные эксперименты Себастьяна Фора и других стали первыми примерами прогрессивного школьного обучения и применения активных методов. Поль Робен — директор приюта в Сенпью и главный сторонник евгеники — с 1890 по 1905 год издавал ежемесячный журнал «L'Éducation intégrale»; Арман отстаивал идею совместного обучения лиц обоего пола и даже не возражал против половых связей между детьми‡.

В 1905 году «La Science sociale» — журнал социологической школы Ле Пле — опубликовал исследование жизни одного анархиста, основанное на длинной серии опросов. Человек, о котором идет речь, был безвестным рядовым адептом, и это делает его детальную биографию еще более интересной и ценной. Исследователь впервые встретился с Лебреном в 1897 году. Лебрен 22 года проработал на картонажной фабрике и даже никогда не был безработным; его жена все это время провела там же. Они никогда не бастовали; у них лишь иногда была сокращенная ра-

* См. прекрасное исследование Джеймса Джолла: *Joll J.* The Anarchists. 1964. P. 164–170.
† *Crespelle J. P.* The Fauves. 1962. P. 23.
‡ *Maitron.* Op. cit. P. 324–335.

бочая неделя. Лебрен проявлял уважение и дружелюбие к своему начальнику, который хорошо к ним относился, страховал от несчастных случаев и предоставлял трехнедельное пособие в связи с рождением ребенка. Он работал одиннадцать часов в день, зарабатывая 5,25 франков по сдельной расценке. Его жена работала десять часов в день; когда она стала матерью, ей разрешалось приходить на полчаса позже и брать отпуск на время школьных каникул. Она зарабатывала только 3,9 франка в день. Но вместе их доход составлял 70 франков 20 сантимов в неделю. Семья снимала трехкомнатную квартиру без водопровода. «Я всего лишь анархист-теоретик,— говорил он.— Я знаю, что современное общество далеко от совершенства, но лично мне особенно жаловаться не на что, поскольку я и моя семья имеем все необходимое». Справедливо было бы отметить, что с внедрением станков его труд перестал быть квалифицированным, но зато, как философски отмечал Лебрен, «он не занимает мысли».

Отец Лебрена был католиком, посещал церковь, однако читал республиканскую газету «Siècle» (которую покупал у одного подписчика на следующий день после выхода номера) и поддерживал революционеров в 1830—1848 годах, он также был картонажником — делал упаковку для фарфора — и надеялся, что его сын станет коммивояжером, продающим фарфор. Мать Лебрена унаследовала 40000 франков (1600 фунтов стерлингов) от своего отца (бывшего шуана), но потеряла все в результате неудачной торговли и также стала картонажницей. Она послала сына учиться в семинарию в надежде, что он станет священником, но его исключили за то, что он укусил монаха. Затем он пробовал свои силы на разных поприщах — вырезал ручки для зонтов, делал искусственные цветы (точнее, поскольку эта отрасль была высокоспециализированной, он изготовлял только листья, а цветы и плоды делали другие люди), а также работал газовщиком. Наконец, он остановился на картонной фабрике. Благодаря тому, что его жена также работала, он жил вполне прилично. Они могли позволить себе отдавать детей на попечение няней в деревню за 27 франков в месяц.

Лебрен сначала был гамбеттистом, пока в 1879 году не прочитал несколько изданных гедистами брошюр, в которых говорилось, что внедрение машин приведет к безработице: вскоре после этого восемнадцать рабочих были уволены по этой самой причине. Это произвело на него огромное впечатление и пробудило интерес к социализму. Товарищ по работе привел его в группу под названием L'Union Socialiste — так он стал членом Французской рабочей партии. Он читал газету Жюля Вале «Le Cri du Peuple». Как-то раз в консервативной газете «La France» он прочитал статью Франциска Сарсея, в которой этот либеральный автор критиковал «Речи бунтовщика» Кропоткина, приводя

цитаты и выражая удивление, как такой передовой революционер может быть честным человеком. Эти цитаты запали Лебрену в душу, он купил и прочитал книгу. Особенно сильно его поразила глава, названная «О молодых». Он стал анархистом, вышел из Французской рабочей партии, перестал участвовать в предвыборной агитации и голосовать, однако не вступал в какую-либо группу анархистов, хотя отправлял деньги одной из них, которой симпатизировал. Проблема состояла в том, что в ней не было библиотеки. Поэтому вместе с друзьями-анархистами он основал клуб с целью создания библиотеки. Все они самостоятельно покупали книги, в том числе на свои членские взносы, встречались каждую неделю и обсуждали те или иные вопросы. Они издали брошюру, озаглавленную «Рабочие города рабочим села». Ее редактировал Малато, хотя и не являвшийся членом группы, но часто посещавший их собрания. Однако полиция запретила их. Поэтому Лебрен записался в библиотеку социалистов девятнадцатого округа, где за 50 сантимов в месяц получил доступ к тысячам томов. По воскресеньям он ходил на собрания анархистов, но теперь все реже, потому что становился старше. Он тратил 20 су в месяц на анархистские газеты и брошюры; особенно любил «Temps Nouveaux», потому что это была серьезная газета, в которой обсуждались социальные теории. Но он также читал Себастьяна Фора и Пуже. У него была страсть к чтению. Лебрен поставил перед собой великую цель стать образованнее, хотя не было такого предмета, который он хотел бы изучить особенно глубоко. Прежде чем стать социалистом, он читал Руссо: «Общественный договор», как он говорил, открыл ему глаза на многие общественные недостатки. Вольтер заставил его скептически относиться к Богу, Дарвин, Спенсер и «Трансформизм» Ланессана превратили его в атеиста. Лебрен владел богатым собранием книг*, однако у него не было сбережений: он почти все тратил на содержание семьи. И все же он жил полнокровной жизнью. Его жена увлекалась театром и первые десять или двенадцать лет своего брака они ходили в театр дважды в неделю (ее брат делал обувь для актеров и доставал им билеты со скидкой), теперь они ходили в театр только раз в два месяца. Они хорошо питались (мясо каждый день) и покупали еду в кооперативе. В начале супружеской жизни они имели одну кровать и сундук, но теперь их квартира была хорошо обставлена. Единственным внешним признаком анархизма Лебрена была (не считая его книг) одежда. За пятнадцать лет до того он был членом хорового общества и купил за 70 франков сюртук и цилиндр, которые носил по воскресеньям. «Я превращался в буржуа»,— смеясь, вспоминал он. Но когда он стал анархистом, эта одежда показалась ему «недостаточно простой», поэтому с тех пор он ее не надевал, приобретя обычный костюм за 21 франк. Затем он решил, что пальто также не-

* Книги по истории (среди них «История Франции» Анри Мартена в семи томах, Луи Блан, Огюстен Тьерри), 40 томов научно-популярной серии Фламмариона (и другие книги о науке), словарь Литтре, Гомер, «Государство» Платона, восемь томов греческих и римских классиков, полные собрания Расина, Мольера, Буало, мадам де Севинье, Гете, почти все произведения Гюго, «Робинзон Крузо», шесть томов Ламартина, Мюссе, Жорж Санд, Сю, Мопассан, Вальтер Скотт, Тургенев, пять томов Фенимора Купера, 200 томов «Национальной библиотеки», «Иисус» Ренана, Коран, три тома Руссо, три тома Монтескье, Ж. Симон, Кабе, Мадзини, Бланки, Кропоткин, Спенсер, много памфлетов. Но нет Прудона.

достатает простоты и вместо него носил длинный плащ с капюшоном, который стоил всего лишь 10 франков 75 сантимов.

Восемь лет спустя социолог посетил его вновь. В результате закона Мильерана Лебрен работал только десять часов в день, его заработок, как следствие, уменьшился, однако его жена теперь также работала десять часов (поскольку дети выросли), поэтому вместе они зарабатывали немного больше, чем раньше — 75 франков в неделю. Его сын стал слесарем и неплохо зарабатывал, дочь делала корсеты (вторая дочь умерла). Теперь он мог откладывать деньги. Несмотря на свои анархистские взгляды, он превращался в мелкого буржуа. В 1899 году он основал клуб рабочих, который вкладывал членские взносы (по франку в неделю с человека) в облигации выигрышного займа, но так ничего и не выиграл. В 1900 году он создал еще один клуб, целью которого была помощь в приобретении земли членами. Два года спустя он нашел участок земли (площадью 400 м^2) за 1200 франков. Лебрен купил его, выплатив деньги частями. В 1903 году он купил еще один участок, вновь в рассрочку. На одном из них он выращивал овощи, соблюдая принципы Жоржа Виля (автора работ об интенсивном земледелии, которого часто цитировали анархисты), другой отдал для обработки другу, причем бесплатно. На своем участке он построил хижину, но ее разрушил ураган; теперь он строил что-то более солидное. Его процентные выплаты достигали десяти франков в неделю (что составляло седьмую часть дохода); он так экономил, что почти не покупал книг. Его жена оставила работу и занялась разведением цыплят и кроликов. Лебрен покупал проездной билет, чтобы приезжать на работу в Париж, потерял веру в местный кооператив, дивиденды в котором резко снизились, вышел из общества взаимопомощи. Он вступил в профсоюз рабочих, но лишь для того, чтобы иметь доступ к библиотеке Рабочей биржи, насчитывавшей восемь тысяч томов. Оставаясь анархистом, он, казалось, все меньше надеялся на то, что человек от рождения добр. В собственной жизни он, конечно, превращался в маленького капиталиста. Его биография подтверждает триумф идеала собственности и бережливости*

* *Bailhache J.* Un type d'ouvrier anarchiste. Momographie d'une famille d'ouvriers parisiens // La Science sociale. 1905. May.

Прогресс социализма

На выборах 1906 года объединенные социалисты получили 54 места в палате, в 1910 году — 76 мест, а в 1914 году — 103 места†. Их влияние в регионах распределялось очень неравномерно. Партия достигла особого успеха на средиземноморском юге, на востоке и в центральной части страны, а также в департаменте Нор и в Париже. В ряде департаментов на западе она даже не пыталась выдвигать кандидатуры. В 1910 году она набрала 1125877 голосов в первом туре, то есть 13% голосов, однако в департаменте

† Данные приблизительные и не учитывают независимых социалистов. См.: *Fournière E.* Les socialistes à la Chambre // Revue socialiste. 1906. Aug. 44. P. 205–212.

Вар — 42%, в департаменте Нор — 31%, в департаменте Сена — 27%; еще в 23 департаментах она получила свыше 13%, но в семи — менее 1% от общего числа голосов*. Эти региональные контрасты позволяют лучше понять природу и характер той поддержки, которую она встречала, хотя данный вопрос еще требует глубокого исследования.

Достаточно было сказано о специфических условиях Парижа и гедистского Нора. Остальные избирательные округа, поддерживавшие социалистов, были в основном сельскими. Но это необязательно означало, что крестьяне там голосовали за социалистов. Во-первых, многие из их депутатов проходили в результате союза с радикалами. Пример Драгиньяна (департамент Вар) в 1898 году показывает, что всего лишь треть голосов могла обеспечить победу. В первом туре консервативные кандидаты набрали 5821 голос, социалисты — 4554, а радикалы — 4131. Радикалы сняли свою кандидатуру в пользу социалистов, которые и победили во втором туре†. Союз с радикалами иногда означал, что победитель от социалистов в действительности был не в состоянии реализовать на практике свои социалистические убеждения. В Изере союз был образован в 1906 году с целью устранения оппортунистов, которые там долгое время доминировали. В том же году благодаря подобному союзу мэра-социалиста получил Вьенн. Жозеф Бренье работал ткачом на фабрике и дослужился до старшего мастера, но, будучи уволенным за свои политические действия, создал собственную маленькую мастерскую. Он преуспел и стал работодателем, хотя и «сохранил верность тому классу, из которого происходил». Его социализм носил весьма умеренный характер, поскольку в действительности он больше интересовался антиклерикализмом, но даже и в этом вопросе он не мог удержаться от торговли с католиками за их голоса, взамен проявив доброжелательное отношение к их евхаристическому конгрессу 1912 года‡. Такие соглашения вовсе не были необычными — социалисты объединялись не только с радикалами. Гедист Компер-Морель получил депутатский мандат в Гарде благодаря поддержке крайне правых. Выборы, конечно, были важным фактором, заставлявшим социалистов оставаться на умеренных позициях и следовать за Жоресом. Кроме того, в сельских избирательных округах главными распространителями социализма были не крестьяне, а ремесленники. Ядром социализма в сельском Варе, оказывается, были довольно большие деревни, такие как Флайок (население 2500 человек), где было множество мелких фабрик, производивших обувь, масло, черепицу, и Видобан (население 2650 человек), где были предприятия по производству пробок, кирпича и даже механические мастерские§. Часто крестьяне одновременно были и ремесленниками, работавшими несколько месяцев в году в ближайших к Парижу городах,

* *Duffart Ch.* La poussée socialiste en France d'après les élections générale de 1910 // Revue socialiste. 1910. July-Dec. 52. P. 37–51, 147–154.

† *Rouger H.* Les Fédérations socialistes. 1913. Vol. 3. P. 25–48 (полезная статья о департаменте Вар).

‡ *Barral P.* Le Département de l'Isère sous la Troisième République 1870–1940. 1962. P. 526–532.

§ *Malartic Y.* Comment Clemenceau fut battu aux élections législatives à Draguignan en 1893 // Provence historique. 1962. P. 112–138 (особенно p. 115); *Joanne P.* Dictionnaire géographique et administratif de la France. 1894–1905. P. 1498, 5258.

и так год за годом: возвращаясь в деревни, они приносили с собой городские идеи*. Так, одним из первых избирательных округов, поддержавших социалистов в Крезе, был Бурганеф, многие жители которого работали каменщиками и который в 1849 году избрал каменотеса Мартина Надо в парламент†. Юссель в Коррезе поставлял извозчиков и таксистов, Сен-Сюльпис-ле-Фей в Верхней Вьенне — чернорабочих. Находясь в консервативном окружении, они, тем не менее, рано стали приверженцами социализма. Влияние социалистического города вроде Лиможа, в который рабочие приезжали из близлежащих районов, также было велико, поскольку эти рабочие сохраняли связи с родными деревнями и приобретенные идеи в конечном итоге приносили домой‡. Однако природа социализма в данном случае опять была другой. Лесорубы из Алье, Шера и Ньевра, ведшие широкую агитацию на селе в 1900-х годах, создавали неверное представление о социализме, поскольку их главным образом заботило удовлетворение непосредственных требований изменения методов оплаты их труда. В Алье также выбрали социалиста, однако он добивался только искоренения конкретных злоупотреблений, от которых страдали издольщики этого района§. Восстания виноделов на юге страны в 1907 году и в Шампани в 1911 году (когда яростная толпа уничтожила 70 тысяч бутылок в подвалах оптовых торговцев) вообще не были социалистическими**

Важную роль играла сила традиции. Лидер социалистов в Воклюзе говорил, что отсутствие там «передовых взглядов» неудивительно: «Мы — департамент юга, департамент, отважно восставший против государственного переворота 2 декабря»†† Там, где преобладали такие традиции, марксизм часто был слаб, а личное соперничество превалировало. В Воклюзе, по его собственному признанию, борьба за социализм была тесно связана с желанием освободить «коммуны от мелких тиранов». Как экономическое, так и социологическое объяснение голосования в пользу социалистов являются недостаточными‡‡. Значение личных факторов можно понять, если обратить внимание на то, как приходили к социализму отдельные личности. Поль Фор, сын республикански настроенного генерального советника Дордони, рос в атмосфере «передовых идей», но с работами Геда и Лафарга его познакомил журналист из Перигё, превратив его тем в социалиста. В 25 лет он был избран мэром своей коммуны, но отнюдь не потому, что был социалистом. Когда он называл себя социалистом, его сторонники отвечали: «Это не важно». Им просто нужен был новый мэр. Артур Грусье, инженер, сын бакалейщика левых взглядов, пришел к социализму через профсоюзное движение. Он обсуждал политику с рабочими, предложившими ему вступить в их союз механиков, хотя он и не был рабочим. Затем они попросили представлять их в Федерации социалистических

* *Bois P.* Paysans de l'ouest. 1960 (самое значительное исследование на эту тему).
† *Walter G.* Histoire des paysans de France. 1963. P. 409–410, 417; *Nadaud M.* Mémoires.
‡ *Perrier A.* Esquisse d'une sociologie du mouvement socialiste dans la Haute-Vienne et en Limousin // Actes du 87ème Congrès national des sociétés savantes, Poitiers 1962, section d'histoire moderne et contemporaine. 1963. P. 377–398; *Baubirot R.* Remarques sur la condition au 18 et 19 siècles des communautés des paysans du nord de l'actuel département de la Haute-Vienne // Ibid. P. 905–933.
§ *Derruan-Boniol S.* Le socialisme dans l'Allier de 1848 à 1914 // Cahiers d'histoire. 1957. 2. P. 115–161.
** *Koukharski P.* Le Mouvement paysan en France en 1911 // Questions d'histoire. 1952. P. 160–177; *Monette P.* L'éveil des paysans: La révolte des vignerons champenois // La Vie ouvrière. 1911 Feb.-Apr. (4 статьи).
†† *Blanc A.* Le Parti radical et le parti socialiste dans Vaucluse. 1904. P. 11–12.
‡‡ *Primbault H.* Le Socialisme dans les campagnes. 1902.

рабочих. Он сказал, что не является социалистом — они ответили, что это не имеет значения. Однако в этой федерации он познакомился с одним из лидеров, который убедил его вступить в партию. Он руководствовался не соображениями доктрины, а чисто практическим стремлением улучшить жизнь членов союза. Северак — сын республиканского заместителя мэра города Монпелье — стал приверженцем движения в восемнадцать лет, еще студентом, прочитав «Интегральный социализм» Малона и «Жерминаль» Золя и общаясь с двумя профессорами философии (Гастоном Мило и Селестином Буле), которые были социалистами. Парадоксально, но для него социализм никогда не был «игрой идей; это явление рабочего класса. Именно поэтому я никогда не любил агитировать буржуазию». Он был буржуа и интеллектуалом, но преданность социализму заставила его порвать с собственным классом и оставаться свободным от всякого влияния капитализма и государства. «Социализм прельщает меня тем, что, создавая подлинное равенство между людьми, обещает покончить с личной зависимостью». Винсент Ориоль также познакомился с социализмом благодаря своему школьному учителю философии. В среде заводских рабочих социализм иногда наследовался: Леба в четырнадцать лет присутствовал при беседе Геда с его отцом — текстильным рабочим, который был членом первой группы социалистов в Рубо; он вступил в партию в восемнадцать лет. В том же возрасте он писал Лафаргу, спрашивая его мнение о книге Милля о позитивизме, которую только что прочитал: Лафарг прислал ответ на четырех страницах (извиняясь при этом за его неполноту). В отличие от Грусье, Леба изучал Маркса внимательно и приходил в фабричный клуб для участия в серьезных дискуссиях по поводу его работ*. Эти отдельные случаи подчеркивают разнообразие французского социализма, который представлял из себя одновременно нечто меньшее и нечто большее, чем то, на что претендовал.

Справедливо спросить, были ли разногласия между социалистами и их противниками сильнее противоречий внутри самой партии? Это зависит от того, чему придавать большее значение. Для тех, кто изучает преимущественно институты, объединение и рост партии кажутся вполне недвусмысленным ответом. Но эта традиционная точка зрения привела к пренебрежению ценностями, которые были общими у социалистов и других партий, а также свойственными их жизни иррациональными элементами, которые не находили выражения в официальных программах. Остается простор для проведения новой классификации политиков по признакам, отличающимся от принятых в их среде. На эту тему я выдвигаю предположения в другом томе.

* *Levy L.* Comment ils sont devenus socialistes. 1932.

ЭПИЛОГ

Напрашивающийся после проведенных в данном томе исследований вывод состоит в том, что амбиции и разочарования, о которых шла речь, нельзя объяснить, не рассмотрев по крайней мере трех аспектов жизни французов. Сквозной темой на протяжении этих страниц были региональные отличия, осложнявшие, а иногда и полностью преображавшие любое движение и всякую перемену. Для оценки сил, противодействовавших центральной политике, следует познать пределы национального единства, дух провинциализма, взаимосвязь города и деревни, а также отношение французов к иностранцам. Вопрос о том, в какой мере и почему Бретань, Эльзас, Прованс и Париж являлись частями одной страны, слишком часто в истории Франции остается без внимания. Второй темой данной книги является столкновение новшеств и предрассудков. Здесь можно выделить два элемента: с одной стороны — сохранение предубеждений и традиционного образа мышления, с другой — перемены, происходившие главным образом благодаря деятельности школ. Как и в какой мере сторонники модернизации видоизменяли подход и менталитет людей, на которых они стремились воздействовать? Это подводит нас к третьей проблеме — оценке ключевой роли интеллектуалов, этих цветов эры образования, как в преодолении разобщенности, так и в критике традиционализма. Их биографии достойны внимания не только в связи с теоретической ценностью или достоинствами их работ, но также с точки зрения их отношений с нацией. Эти три проблемы отражают три уровня национального или народного сознания, в которое мы попытаемся проникнуть в дальнейшей работе.

Один из принципов, на которые опиралась эта книга, заключается в том, что хронология не должна доминировать в исследовании прошлого. Как только обнаружено то, что произошло (а порядок событий полезно устанавливать точно), задача историка сводится к тому, чтобы задавать вопросы о событиях, размышляя об их значении и следствиях. Это требует исследовать не только факты, которые очевидно связаны с данными событиями (изучение экономической истории является здесь лучшим способом), но также и те аспекты жизни, которые на первый взгляд не связаны с политикой, такие, например, как смех, кулинария, музыка. Моя цель — рассмотреть человека со всех сторон, избегая предубеждений о том, что сильнее всего влияло на его поведение. Вместо того, чтобы предложить читателю единственную нить (экономическую или идеологическую), вдоль которой можно выстраивать все объяснения, я рассматриваю каждый вид деятельности поочередно, сам по себе. Я надеюсь в процессе работы очистить его от всех навязанных ранее интерпретаций.

Читатель, интересующийся только политикой, найдет прямое продолжение моего анализа в главах «Героократия», «Технократия» и «Лицемерие», где в качестве материала исследования используются события 1914—1945 годов. Все это изложено во втором томе «Франция. Интеллект, вкус и тревоги» (1977). Мои взгляды на проблему национализма изложены в первой части второго тома, мысли о внешней политике — в третьей главе, о политической прессе — в одиннадцатой, об армии и колониях — в восемнадцатой, о религии и антиклерикализме — в девятнадцатой. Но я смею утверждать, что все взаимосвязано, даже если я и делаю вывод о том, что каждый аспект поведения отличается большей независимостью, чем обычно считается. Ученые-систематизаторы пытались стереть из жизни все противоречия, мне же они кажутся неотъемлемой ее частью.

Приложение
РЕЖИМЫ И ГЛАВЫ КАБИНЕТОВ

Старый порядок (период монархии, закончившийся свержением Людовика XVI)

Первая республика (провозглашена 20 сентября 1972 г.)

Первая империя (1804—1814)

Реставрация (1814—1830)
Премьер-министры:
9 июля 1815 г., князь Талейран; 26 сентября 1815 г., герцог де Ришелье; 29 декабря 1818 г., генерал Дессоль; 19 ноября 1819 г., граф де Деказ; 20 февраля 1820 г., герцог де Ришелье; 14 декабря 1821 г., граф де Вильель; 4 января 1828 г., граф де Мартиньяк; 8 августа 1829 г., князь де Полиньяк.

Июльская монархия (1830—1848)
Премьер-министры:
11 августа 1830 г., Ж. Дюпон де л'Ер; 2 ноября 1830 г., Жак Лаффит; 13 марта 1831 г., Казимир Перье; 11 октября 1832 г., маршал Сульт; 18 июля 1834 г., маршал Жерар; 10 ноября 1834 г., герцог де Бассано; 18 ноября 1834 г., маршал Мортье; 12 марта 1835 г., герцог де Брольи, 22 февраля 1836 г., Адольф Тьер; 6 сентября 1836 г., граф де Моль; 1 марта 1839 г., Адольф Тьер; 29 октября 1840 г., маршал Сульт (фактически Гизо); 19 сентября 1847 г., Франсуа Гизо (до 23 февраля 1848 г.).

Вторая республика (1848—1852). Учредительное собрание, избранное 23 апреля 1848 г., приняло новую конституцию и уступило место Законодательному собранию, впервые собравшемуся на заседание 28 мая 1849 г. и распущенному 2 декабря 1851 г. Луи Наполеон Бонапарт избран президентом в декабре 1848 г., установил диктатуру 2 декабря 1851 г., провозгласил себя императором в декабре 1852 г.

Временное правительство республики, 24 февраля 1848 г. (Дюпон, Ламартин, Араго, Ледрю-Роллен, Мари, Кремье, Гарнье-Паже, Альбер, Луи Блан, Маррас, Флокон). С мая 1848 г. действует Исполнительная комиссия Учредительного собрания под председательством Араго (Гарнье-Паже, Ламартин, Ледрю-Роллен, Мари); с 28 июня комиссию возглавляет генерал Кавеньяк; с 20 декабря 1848 г. премьер-министром при президенте Луи Наполеоне Бонапарте является Одилон Барро; пост упразднен 31 октября 1849 г.

Вторая империя (1852—1870). Император Наполеон III отрекся 4 сентября 1870 г. после поражения под Седаном.

Премьер-министров нет вплоть до 2 января 1870 г., когда Эмиль Оливье реально получил этот статус, ушел в отставку 9 августа 1870 г. Наиболее влиятельные министры: герцог де Персиньи (министр внутренних дел в 1852—1854 и 1860—1863 гг.), Ашиль Фульд (государственный министр в 1852—1860 гг., министр финансов в 1851—1852 и 1861—1867 гг.), Жюль Барош (председатель Государственного совета в 1853—1860 и 1861—1863 гг., министр юстиции в 1863—1869 гг.), Эжен Руэр (министр юстиции в 1850—1851 и 1851—1852 гг., министр сельского хозяйства, торговли и общественных работ в 1855—1863 гг., государственный министр в 1863—1869 гг.).

Третья республика (1870—1940). Национальное собрание избрано 8 февраля 1871 г. в составе 768 членов, первым председателем был Жюль

Греви. Назначило Адольфа Тьера главой исполнительной власти, приняло конституцию Третьей республики и самораспустилось 30 декабря 1875 г., будучи замененным Сенатом и Палатой депутатов.

Премьер-министры:

19 февраля 1871 г., Ж. Дюфор; 25 мая 1873 г., герцог де Брольи; 22 мая 1874 г., генерал де Сиссей; 10 марта 1875 г., Луи Бюффе; 23 февраля 1876 г., Жюль Симон; 17 мая 1877 г., герцог де Брольи; 23 ноября 1877 г., генерал де Рошбуэ; 13 декабря 1877 г., Ж. Дюфор; 4 февраля 1879 г., Уильям Уоддингтон; 28 декабря 1879 г., Луи де Фрейсинэ; 23 сентября 1880 г., Жюль Ферри; 14 ноября 1881 г., Леон Гамбетта; 30 января 1882 г., Л. де Фрейсинэ; 7 августа 1882 г., Эжен Дюклерк; 29 января 1883 г., Арман Фальер; 21 февраля 1883 г., Ж. Ферри; 6 апреля 1885 г., Анри Бриссон; 7 января 1886 г., Л. де Фрейсинэ; 11 декабря 1886 г., Рене Гобле; 30 мая 1887 г., Морис Рувье; 12 декабря 1887 г., Пьер Тирар; 3 апреля 1888 г., Шарль Флоке; 22 февраля 1889 г., П. Тирар; 17 марта 1890 г., Л. де Фрейсинэ; 27 февраля 1892 г., Эмиль Лубэ; 6 декабря 1892 г., Александр Рибо; 4 апреля 1893 г., Шарль Дюпюи; 3 декабря 1893 г., Ж. Каэимир-Перье; 30 мая 1894 г., Ш. Дюпюи; 26 января 1895 г., А. Рибо; 1 ноября 1895 г., Леон Буржуа; 29 апреля 1896 г., Жюль Мелин; 28 июня 1898 г., А. Бриссон; 1 ноября 1898 г., Ш. Дюпюи; 22 июня 1899 г., Р. Вальдек-Руссо; 7 июня 1902 г., Эмиль Комб; 24 января 1905 г., М. Рувье; 14 марта 1906 г., Жан Сарьен; 25 октября 1906 г., Жорж Клемансо; 24 июля 1909 г., Аристид Бриан; 2 марта 1911 г., Эрнест Мони; 27 июня 1911 г., Жозеф Кайо; 14 января 1912 г., Раймон Пуанкаре; 21 января 1913 г., А. Бриан; 22 марта 1913 г., Луи Барту; 9 декабря 1913 г., Гастон Думерг; 9 июня 1914 г., А. Рибо; 13 июня 1914 г., Рене Вивиани; 29 октября 1915 г., А. Бриан; 20 марта 1917 г., А. Рибо; 12 сентября 1917 г., Поль Пэнлеве; 16 ноября 1917 г., Ж. Клемансо; 20 января 1920 г., Александр Мильеран; 24 сентября 1920 г., Жорж Лег; 16 января 1921 г., А. Бриан; 15 января 1922 г., Р. Пуанкаре; 9 июня 1924 г., Франсуа Марсаль; 1 июня 1924 г., Эдуард Эррио; 17 апреля 1925 г., П. Пэнлеве; 28 ноября 1925 г., А. Бриан; 23 июля 1926 г., Р. Пуанкаре; 29 июля 1929 г., А. Бриан; 2 ноября 1929 г., Андре Тардье; 21 февраля 1930 г., Камиль Шотан; 2 марта 1930 г., А. Тардье; 13 декабря 1930 г., Теодор Стиг; 27 января 1931 г., Пьер Лаваль; 20 февраля 1932 г., А. Тардье; 3 июня 1932 г., Э. Эррио; 18 декабря 1932 г., Поль Бонкур; 13 января 1933 г., Эдуард Даладье; 26 октября 1933 г., Альбер Сарро; 26 ноября 1933 г., К. Шотан; 30 января 1934 г., Э. Даладье; 9 февраля 1934 г., Г. Думерг; 8 ноября 1934 г., П. Фланден; 1 июля 1935 г., Фернан Бюиссон; 1 июня 1935 г., П. Лаваль; 24 января 1936 г., А. Сарро; 4 июля 1936 г., Леон Блюм; 22 июля 1937 г., К. Шотан; 13 марта 1938 г., Л. Блюм; 10 апреля 1938 г., Э. Даладье; 21 марта 1940 г., Поль Рейно; 16 июня 1940 г., маршал Филипп Петэн.

Режим Виши (1940–1944). С 11 июля 1940 г. по 1944 г. глава государства — Ф. Петэн; он же премьер-министр до 17 апреля 1942 г.; с 18 апреля 1942 г. по 25 августа 1944 г. — П. Лаваль.

Временное правительство республики. Председатель — генерал Шарль де Голль (с 3 июня 1944 г. по 19 января 1946 г.).

Четвертая республика (1944–1958). Национальное собрание Четвертой республики избрано 10 ноября 1946 г.

Пятая республика (1958–)

Оглавление

	Введение	5
I	Притязания буржуазии	12
II	Врачи	22
III	Нотариусы	40
IV	Богатые	49
V	Промышленники	58
VI	Банкиры	70
VII	Чаяния обычных людей	79
VIII	Чиновничество	102
IX	Крестьяне	119
X	Рабочие	176
XI	Брак и нравы	248
XII	Дети	273
XIII	Женщины	296
XIV	Место политики в жизни	313
XV	Короли и аристократы	338
XVI	Гений в политике	369
XVII	Республиканизм	403
XVIII	Бонапартизм	435
XIX	Политики Третьей республики	490
XX	Оппортунизм	519
XXI	Солидаризм	548
XXII	Радикализм	584
XXIII	Социализм	619
	Эпилог	669

Научное издание

Теодор ЗЕЛДИН

Франция, 1848–1945
Честолюбие, любовь и политика

Корректор — *А. Кожухов*
Дизайн — *В. Харитонов*
Верстка — *К. Жвакин*
Главный редактор издательства — *Ф. Еремеев*

ИД № 05974 от 03.10.2001 г.
Подписано в печать 24.03.2004 г. Формат 70 x 100 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура Академия.
Уч.-изд. л. 47,1. Усл. печ. л. 49,4.
Тираж 3000 экз. (1-й завод — 750 экз.)
Заказ № 149

Издательство Уральского университета
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
E-mail: university.press@mail.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ИПП «Гриф и К°»,
г. Тула, ул. Октябрьская, 81а.